

История отечественной и мировой психологической мысли

знать прошлое,
анализировать настоящее,
прогнозировать будущее

*Материалы
международной конференции
по истории психологии*

Ответственные редакторы:

*А. Л. Журавлев,
Ю. В. Ковалева,
Ю. Н. Олейник*

«VII Московские встречи»

01 июня–03 июня 2021 г.

Институт психологии РАН

Институт психологии РАН
Московский гуманитарный университет

История отечественной и мировой психологической мысли

**знать прошлое,
анализировать настоящее,
прогнозировать будущее**

*Материалы международной
конференции по истории психологии
«VII Московские встречи»
01 июня–03 июня 2021 г.*

*Ответственные редакторы:
А.Л. Журавлев, Ю.В. Ковалева, Ю.Н. Олейник*

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва
2023

УДК 159.9
ББК 88
И 90

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор *Т. Ю. Базаров*
доктор психологических наук, профессор *А. С. Карпенко*

Рекомендовано к публикации

Редакционно-издательским советом Института психологии РАН

И 90 История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «VII Московские встречи», 01 июня—03 июня 2021 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Ю. В. Ковалева, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. — 887 с.

doi: 10.38098/conf_22_0462
ISBN 978-5-9270-0462-1

УДК 159.9
ББК 88

В книге представлены материалы международной конференции по истории психологии «VII Московские встречи», отражающие современные направления и проблемы исследований в области истории психологии. В рамках традиционных разделов историко-психологических исследований отражены методологические, теоретические и прикладные проблемы историко-психологического исследования; история разработки психологических теорий, проблем, понятий и направлений психологии; творческое наследие мыслителей и ученых и их роль в развитии психологического познания; история становления и развития психологических школ, научных, научно-образовательных и научно-практических центров и служб; представлены результаты творческих поисков и разработок российских и зарубежных историков психологии. Отдельное внимание в материалах уделено анализу путей интеграции истории психологии и исторической психологии: фиксации результатов такой интеграции и определению перспектив взаимодействия этих направлений. Публикуемые материалы свидетельствуют о стабильном интересе психологов к истории своей науки, существенном тематическом разнообразии проводимых исследований, значительном восполнении информации о ранее неизвестных страницах истории отечественной психологии, жизни и творчестве русских, советских и российских психологов.

Книга адресована психологам, представителям смежных с психологией наук и всем, кого интересует история развития отечественного гуманитарного знания.

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2023
© АНО ВО «Московский гуманитарный университет», 2023

ISBN 978-5-9270-0462-1

<i>А. Л. Журавлев.</i> Приветствие участников конференции по истории психологии «VII Московские встречи»	9
<i>Ю. Н. Олейник, А. Л. Журавлев.</i> История отечественной психологии: коммуникативно-организационные и содержательно-тематические аспекты развития (вместо введения)	11

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Методологические, теоретические и прикладные проблемы историко-психологического исследования

<i>И. С. Алексеенко.</i> Проблемы историко-психологического образования в высших учебных заведениях	35
<i>О. А. Артемьева.</i> Теоретико-методологические основы исследования ведущих научных коллективов советских психологов.	42
<i>В. А. Мазилев, В. Д. Шадриков.</i> От души к внутреннему миру человека: предмет психологии в исторической перспективе	49
<i>В. П. Позняков.</i> Воспоминания К. К. Платонова как материал для исследований в области истории психологии и исторической психологии	61
<i>В. Е. Семенов.</i> История отечественной психологии в контексте концепции российской полиментальности	67
<i>В. В. Умрихин.</i> Структура психологического знания в философских системах прошлого: историко-методологический анализ	76

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

История разработки психологических теорий, проблем, понятий и направлений психологии

<i>Г. В. Акопов, А. И. Белкин, А. В. Белоус.</i> Опыт осмысления проблемы сознания в пространстве и времени конференций ASSC	85
<i>Л. Н. Аксеновская.</i> Идеи С.Л. Франка и развитие ордерного подхода к социально-психологическому изучению феномена культуры	96
<i>Т. Б. Бересток.</i> Исторический анализ формирования подходов к изучению старения в поле социально-психологических проблем	105

<i>С. А. Богданчиков.</i> Вопросы психологической теории и практики в монографии А. В. Запорожца и А. Н. Леонтьева «Восстановление движения»	114
<i>Р. В. Васёв.</i> Развитие и современное состояние подтеории содержания целей теории самодетерминации в образовании за рубежом	123
<i>Е. Е. Васюкова.</i> Проблема соотношения знания и мышления: историко-психологический анализ	128
<i>Н. А. Галкина, А. Н. Шевякина.</i> Проблемы семейного консультирования и психологического консультирования родителей	140
<i>С. А. Гильманов.</i> Словосочетание «психическая жизнь» в работах Ш. Р. Рише и В. М. Бехтерева	145
<i>А. А. Голованова, Н. М. Голубева.</i> Ирина Стрелкова: к вопросу становления позитивной психологии в Саратове.	155
<i>Л. А. Головей.</i> Энергоинформационный подход в комплексных исследованиях человека в школе Б. Г. Ананьева	161
<i>О. В. Гордякова.</i> Развитие психологии рекламы в России конца XIX—начала XXI в.	169
<i>Т. Г. Горячева, Н. В. Зверева.</i> Об истории становления клинической психологии детей и подростков в России.	177
<i>И. С. Гришин.</i> Вехи истории психолого-педагогического изучения роли образовательной среды в развитии учащихся	186
<i>И. Н. Елисеева.</i> К истории психологических исследований военной маскировки в 1920-х годах	193
<i>С. Л. Кандыбович, Т. В. Разина.</i> Великая Отечественная война как фактор развития военной психологии	201
<i>А. Г. Караяни.</i> Россия — родина военной психологии	211
<i>Н. А. Корниенко.</i> Психоанализ и философия неопрейдизма	218
<i>В. Г. Маралов, В. А. Ситаров.</i> Психология ненасилия: становление двух подходов.	229
<i>В. А. Марон.</i> История развития когнитивно-поведенческого подхода в психотерапии	235
<i>М. Н. Маслова.</i> История развития психобиоритмологических исследований в России	243
<i>Н. Н. Мехтиханова.</i> История изучения феномена мудрости в психологической науке.	249
<i>А. И. Мусс, В. А. Ермилова, А. В. Постовалов, М. Головина, А. В. Боровиков.</i> Истоки и источники теории отражения в психологии.	257
<i>Л. Ш. Мустафина.</i> История развития представлений о совести в психологии	266
<i>Л. Г. Почебут.</i> Достижения отечественной психологии в 1920—1940-х годах (по материалам лекции Б. Г. Ананьева, прочитанной в 1947 г.).	275
<i>Е. В. Приходько, А. А. Койпыш.</i> Проблема агрессии и насилия над детьми в психологии	284
<i>С. В. Сарычев, С. Г. Елизаров.</i> Периодизация развития параметрической теории коллектива.	291
<i>М. А. Селюч.</i> Развитие исследований проблемы творческого Я в психологии . .	299

<i>И. Н. Семёнов.</i> История и теория рефлексивной психологии творчества и педагогики развития человеческого капитала	306
<i>Т. А. Симакова.</i> Вклад К. К. Платонова в разработку понятия «психологическая устойчивость личности»: теоретико-эмпирические аспекты	317
<i>Ю. Н. Слепко.</i> Историко-психологический анализ развития представлений об учебной деятельности	321
<i>Е. Е. Соколова.</i> Обсуждение и критика решения А. Н. Леонтьевым проблемы соотношения значений и смыслов в дискуссии 1948 г.	329
<i>Н. Ю. Стояхина, Л. Ю. Абдукадирова.</i> Национальный вопрос и метод тестов в советской педологии конца 1920-х годов: узбекский опыт.	337
<i>В. А. Толочек.</i> Профессиональный отбор: история, парадигмы, актуальные задачи XXI в.	346
<i>Т. Д. Шевеленкова.</i> Значение развития экзистенциальной альтернативы в клинической психологии.	354
<i>И. А. Юров.</i> Историко-системная разработка психологии индивидуальности	363
<i>А. П. Якунин.</i> Категория «индивидуальный субъект»: проблемы создания теоретической схемы	371

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

Творческое наследие мыслителей и ученых и их роль в развитии психологического познания

<i>Н. Р. Акопян, А. Г. Хачатрян, А. С. Катунян.</i> Анализ истории психологии в научных трудах О. М. Тутунджяна и перспективы развития психологической мысли	383
<i>И. В. Арндачук.</i> Творческое наследие Р. Х. Тугушева в контексте современного психологического познания.	389
<i>Т. И. Артемьева.</i> Ментальные характеристики русского народа в воззрениях В. Н. Татищева.	397
<i>Н. А. Власов.</i> Пауль Вацлавик — философ, психолог, психотерапевт.	406
<i>Е. Е. Гаврина.</i> Вклад А. И. Папкина в развитие психологии организационных отношений в деятельности органов внутренних дел	415
<i>Т. Н. Горобец, В. М. Бехтерев</i> — выдающийся русский ученый, опередивший время	423
<i>Т. Е. Егорова, Э. В. Тихонова.</i> Научное творчество В. В. Большаковой и ее вклад в развитие истории психологии	428
<i>Е. Ю. Зуева, К. Б. Зуев.</i> Учение А. А. Ухтомского о доминанте: диалог с кибернетикой и синергетикой.	434
<i>Г. Р. Йованович.</i> Забытая психология Вильгельма Вундта	444
<i>G. R. Jovanović.</i> The forgotten psychology of Wilhelm Wundt	451
<i>О. В. Клыпа.</i> Психологическое наследие декабристов как национальная основа развития отечественной науки	458
<i>Е. Н. Корнева.</i> Творческое наследие Ф. Е. Василюка: о некоторых перспективах развития	465

<i>А. А. Костригин.</i> Философско-психологическая литература в обзорах Ю. И. Айхенвальда	472
<i>О. В. Лунова.</i> Анатолий Николаевич Лутошкин: жизнь увлеченного человека	483
<i>Н. Д. Лысаков, Е. Н. Лысакова.</i> К. К. Платонов в истории авиационной психологии	495
<i>А. Л. Меньщикова, Е. Д. Короткина.</i> Участие А. А. Русалиновой в становлении социальной психологии в Санкт-Петербургском университете (ЛГУ им. А. А. Жданова)	501
<i>И. А. Мироненко.</i> Творческое наследие Нины Александровны Тих: место в истории и потенциал развития	507
<i>О. Г. Носкова.</i> И. Н. Шпильрейн и отечественная прикладная психология.	515
<i>О. Г. Носкова.</i> Воспоминания о Константине Константиновиче Платонове	522
<i>М. Д. Няголова.</i> Изучение научного наследия С. Л. Рубинштейна в современной мировой психологии после 2009 г.	526
<i>А. Ф. Пантелеев.</i> Логико-психологический анализ текста Л. П. Добраева: становление и применение	535
<i>Ю. Б. Плавинская.</i> Жизненный путь и творческое наследие Ганса фон Хентига	544
<i>Е. В. Рягузова.</i> Л. П. Добраев: от понимания текста к пониманию души (к 100-летию со дня рождения)	551
<i>О. М. Сметанина.</i> Творческое наследие В. Вундта в истории мировой психологической мысли.	558
<i>Б. Н. Тугайбаева.</i> Вклад В. А. Кольцовой в развитие историко-психологического направления в современной российской психологии.	564
<i>И. А. Филенко.</i> Понимание личности в концепции А. Ф. Лазурского и ее значение для современной психологии	574
<i>М. Г. Чеснокова.</i> Экзистенциальные основания концепции С. Л. Рубинштейна	584
<i>Р. М. Шамионов.</i> Вклад И. В. Страхова в разработку проблем социальной психологии образования	590
<i>М. И. Яновский.</i> Концепт «подпсихическая реальность» Д. Н. Узнадзе как попытка решения психофизической проблемы	598

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

История становления и развития психологических школ, научных, научно-образовательных и научно-практических центров и служб

<i>М. Н. Акимова, Л. С. Акопян.</i> А. А. Гайворовский: у истоков психотехнического направления Самарской научной психологической школы	609
<i>И. С. Бурикова, М. А. Коновалова, К. С. Устинов.</i> А. И. Юрьев – основатель Санкт-Петербургской школы политической психологии	617
<i>Е. С. Вакарев, Д. К. Жаситте.</i> Благотворительность в царской России и становление системы психологической помощи бездомным	626

<i>Е. С. Гринина.</i> Саратовская психологическая школа: исследование академической адаптации	634
<i>Н. В. Зверева, И. Ф. Рощина.</i> История научных исследований в клинической (медицинской) психологии в научном центре психического здоровья	640
<i>В. А. Зобков, В. В. Заботин</i> — педагог и ученый, стоявший у истоков Владимирской психологической школы	652
<i>Н. А. Логинова.</i> Неосуществленные творческие замыслы ученых Петербургской психологической школы	658
<i>И. В. Малышев.</i> Влияние процессов междисциплинарной интеграции на развитие Саратовской психологической школы	665
<i>А. А. Матюшкина.</i> Научная школа С. Л. Рубинштейна в исследовании продуктивного и творческого мышления (после 1960-х годов)	669
<i>А. А. Понукалин.</i> Космос, физика, психология: история одной научной лаборатории	681
<i>О. Е. Серова.</i> Формирование научной традиции историко-психологических исследований в Психологическом институте в период 1920—1990-х годов	687
<i>А. Л. Южанинова.</i> Петербургские истоки психологической школы Саратовского классического университета	699
<i>А. Л. Южанинова, С. В. Фролова.</i> К 50-летию открытия отделения по специальности «психология» в Саратовском государственном университете: история возникновения и научно-организационные последствия	707

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ
Пути интеграции истории психологии
и исторической психологии:
результаты и перспективы развития

<i>А. М. Борисова.</i> Праздник в языковом сознании россиян в позднесоветском и современном периодах	721
<i>Н. В. Борисова.</i> Влияние идей раннего христианства на формирование права и правового сознания	731
<i>М. И. Воловикова.</i> Изменения праздничного календаря в контексте психолого-исторического исследования	737
<i>Л. Н. Горюнова.</i> Архетип «смерти навсегда» дохристианской Руси	745
<i>А. А. Григорьев.</i> Проблема происхождения индивидуализма: возможности междисциплинарных исследований	752
<i>А. А. Гудзовская.</i> Идентичность в российской психологии: от исследования феномена к поиску причин	760
<i>О. Г. Жукова.</i> Мажорный лад военных песен	767
<i>В. Н. Казанцев.</i> Борьба с коррупцией в России как междисциплинарная проблема в исторических работах В. П. Шорникова	777
<i>С. Ю. Лавренчук, Н. А. Рыбников.</i> Попытка создания коллективной биографии семьи	783

<i>О. И. Литвинюк.</i> Психологические аспекты историко-биографической повести князя А. А. Шаховского о Марусе Чурай	791
<i>О. И. Маховская.</i> Нарастание экзистенциальной проблематики в истории исследований медиа	801
<i>В. И. Пищик.</i> Сопричастность идей А. А. Зиновьева о «русской трагедии» и трансформации ментальности поколений	807
<i>Е. Г. Синякина.</i> Роль русского крестьянства в формировании менталитета народа	813
<i>И. Р. Федоркова.</i> Храм как системообразующий фактор жизни русского народа (на примере купечества)	824
<i>С. В. Фролова.</i> Типология социокультурного развития личности и группы: психологические проблемы сохранения исторической памяти.	833
<i>Е. В. Харитонова.</i> Исследование военной повседневности в исторической психологии	842
<i>Е. Н. Холондович.</i> Исследование исторической личности в социогуманитарных науках	852
ПРИЛОЖЕНИЕ. Научная программа международной конференции по истории психологии «VII Московские встречи».	863

Приветствие участников конференции по истории психологии «VII Московские встречи»

А. Л. Журавлев

Приветствуя участников Всероссийской конференции с международным участием, прежде всего следует подчеркнуть ее *традиционный характер* — это уже VII встречи профессиональных историков психологии, которые с фиксированной частотой проходят в Москве. История таких встреч началась уже в далеком 1992 г., когда российская психологическая наука в целом находилась в состоянии теоретического и методологического кризиса. Вопрос о том, разрешен ли тот кризис или продолжается, сохраняется предметом специальных дискуссий, в которых участвуют, в том числе специалисты, собравшиеся на данной конференции. Однако очень важное положение состоит в том, что и в 1990-е годы, и в настоящее время история психологии выполняла и продолжает выполнять свою *особую роль* в психологической науке: любой кризис (науки в целом, ее отдельных отраслей, научных направлений или проблем) можно преодолеть только через выполнение историко-психологических исследований, с помощью глубокого анализа и сопоставления ранее существовавших, уже оформившихся подходов к решению той или иной проблемы, разработке того или иного научного направления, через «встраивание» выявленных в истории нашей науки подходов в относительно целостную систему, элементы которой должны быть согласованными и дополнять друг друга. Мы все понимаем, что такая роль не только очень сложна, но и очень ответственна.

О значении знаний истории в целом писали многие мыслители, философы, художники в разные исторические эпохи. В этой связи стали крылатыми многие их высказывания, свидетельствующие, прежде всего, о *важности истории*. Например, Г. В. Ф. Гегель с сожалением говорил, что история учит только тому, что она ничему не учит... Более оптимистично высказывался советский философ Копнин: без истории нет теории. Пушкин считал, что русский народ мало интересуется своей историей. В последнее десятилетие о непреходящей значимости знаний истории своей страны и народа стали активно говорить политологи, практикую-

шие политики и представители властных структур самых разных уровней. Одна из причин этого состоит в том, что историю нашей страны, особенно ее ключевых периодов, стали целенаправленно искажать. Содержание истории в очередной раз стало предметом острого противостояния и открытой борьбы.

Уместно задать простой вопрос, обращаясь к собравшимся историкам психологии: все то, о чем было сказано выше, имеет непосредственное отношение к состоянию дел в истории психологии? Ответ на этот вопрос мне представляется очень трудным занятием, хотя считаю, что современное отношение к истории в российском обществе повышает актуальность, значимость историко-психологических исследований и в целом истории психологии как отрасли нашей науки. Но тут же возникает и другой вопрос: сможем ли мы воспользоваться возрастающим положительным отношением к знаниям истории в нашем обществе?

Воспринимаю заявивших свое участие в конференции VII «Московские встречи» как профессиональное сообщество в том смысле, что каждый из нас специально интересуется и разрабатывает проблемы истории психологии, несмотря на естественную разнородность участников конференции по самым разным признакам (или критериям), включая и продолжительность занятий историко-психологическими исследованиями. Среди участников есть те, кто разрабатывает эту проблему многие десятилетия, для кого история психологии — это каждодневный творческий труд, и таких участников немало, но есть и те, кто одновременно с другими темами изучает историю нашей науки, в частности в рамках тех проблем, которые для него являются основными, ведущими, или тех вопросов, которые особенно актуальны для того или иного региона, той или иной научной школы в психологии. Всё это, безусловно, значимо для развития истории психологии как отрасли в целом. Хочется особенно поприветствовать тех, кто впервые подготовил историко-психологическую работу, которую заявил в программу и собирается выступить на нашей конференции или только ограничится включением такого текста в будущий сборник научных трудов — материалов конференции. Очень важно то, что уже было реально сделано, однако не менее важно, чтобы историко-психологические исследования продолжались в работе начинающего автора, со временем стали бы традиционными и профессиональными по большому счету. Я имею в виду не только молодых исследователей, но и самых разных, впервые заявившие себя в области истории психологии. Всем вам желаю больших успехов в становлении профессиональными историками психологии!

Настраиваясь на совместную работу, очень важно призвать участников конференции не ограничиваться анализом только текущего состояния дел, изложением достигнутых результатов своих исследований, хотя это бесспорно является достоинством выполненной работы. Очень значимо совместно и профессионально отрефлексировать сложности, трудности, с которыми сталкивается развитие истории психологии. Некоторые из них просто «лежат на поверхности», поэтому я позволю себе их сформулировать.

1. Обострился вопрос о соотношении и состоянии качественных и количественных методов исследования, используемых в истории психологии, что вызвано, по нашему мнению, нарастающе интенсивным применением наукометрических способов анализа историко-психологических данных.

2. «Узким местом» остается работа историков психологии в современных архивах, которые за счет внедрения цифровых технологий постепенно становятся более доступными для исследований, однако реально в них работает только небольшая часть историков психологии.
3. Пополнение архивов, а тем более их создание, причем разного масштаба, включая уровень отдельных научных и научно-образовательных организаций, представляет и особую сложность, и трудоемкость. Сегодня этим занимаются лишь единицы из историков психологии, которые вызывают огромное уважение. Необходимо сказать прямо: они работают на будущее нашей науки.
4. Не менее сложным остается формирование таких компонентов профессионального сознания психологов, которое характеризуется исторической направленностью. И делать это важно в процессе их вузовской и других видов подготовки, и это имеет отношение к психологам любых специализаций и отраслей.
5. С большим трудом решается вопрос, причем по-прежнему слабо, о привлечении новых специалистов в сферу истории психологии, в этом существует сложность системного характера. Группа историков психологии — ограниченная по своим размерам совокупность, и без реального пополнения она будет сворачиваться, как «шагреновая кожа». Ведь в истории психологии так бывало с отдельными отраслями психологии. Предотвратить такое развитие событий — наша с вами обязанность.

Желаю участникам конференции содержательного обмена мнениями по достигнутым результатами исследований, конструктивных дискуссий и еще большей вовлеченности в общую заботу о будущем отечественной истории психологии!

История отечественной психологии: коммуникативно-организационные и содержательно- тематические аспекты развития (вместо введения)

Ю. Н. Олейник, А. Л. Журавлев

Московские встречи по истории психологии как объект научного исследования: история и характеристика

Каждое научное мероприятие самим фактом организации и проведения отражает, с одной стороны, потребности и интересы научного сообщества, в том числе иногда и конъюнктурные, а с другой — фиксирует определенную динамику процесса научного познания в определенной проблемной области. Более того, после завершения научное мероприятие становится фактом истории развития науки

и, конечно, оценивается учеными как необходимый и важный элемент многоплановости динамики научного познания и индикатор состояния и потенциальных линий его дальнейшего развития.

В истории психологии научные форумы (включая конференции как одну из форм научных мероприятий) неоднократно становились предметом обстоятельного научного анализа (Ждан, 2017; Олейник, 2017), в том числе и конференции по истории психологии (Кольцова, Олейник, Серова, 2002; Кольцова, Олейник, 2010; Чердакова, Костригин, 2017; и др.). Для развития научного знания важно рассмотрение и понимание роли научных конференций, непосредственно посвященных истории науки. Было подчеркнуто (Кольцова, Олейник, 2010, с. 10), что конференции по истории психологии как форма научного со-творчества:

- выступают импульсом для развития историко-психологического познания, началом новых и оригинальных подходов и расширения источниковой базы проводимых исследований;
- позволяют выявить соотношение традиционности и новаторства в проблематике, методах и теоретико-методологических основаниях изучения истории психологии;
- обеспечивают комплексный подход в историко-психологических исследованиях за счет привлечения специалистов из разных научных областей и направлений;
- способствуют консолидации историко-психологического сообщества и привлечения молодых исследований к разработке истории психологии;
- обеспечивают сохранение и пропаганду лучших достижений отечественного психологического знания.

Специализированные тематические конференции по истории психологии позволяют отрефлексировать и нечто большее чем сам процесс развития психологии, а именно тематическое содержание, актуальные проблемы и перспективные линии развития *самой истории психологии* как одной из фундаментальных отраслей психологии.

Прошедшая в период с 1 по 3 июля 2021 г. на базе Московского гуманитарного университета и при участии Института психологии РАН Всероссийская конференция с международным участием «История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее» (VII Московские встречи по истории психологии) представляет повод для обсуждения материалов конференции и состояния истории отечественной психологии как области знания. Нужно отметить два важных обстоятельства. Первое обстоятельство — это традиционный и регулярный характер проведения таких конференций, второе — в настоящее время они являются самыми масштабными российскими научными мероприятиями, специально посвященными проблемам истории психологии. Обоснуем эти позиции.

Традиционность конференций. История таких встреч ведет отсчет с начала 1990-х годов, когда по инициативе и при активном участии сотрудников лаборатории истории психологии Института психологии РАН с 27 мая по 2 июля 1992 г. была проведена международная научная конференция «Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее». На этой конференции ее участниками

была обозначена необходимость в проведении регулярных профильных научных конференций по направлению «история психологии», которые в будущем предлагалось обозначать как «Московские встречи по истории психологии», а прошедшую конференцию решено было считать первой такой встречей. По итогам проведенной конференции был издан (теперь уже ставший библиографической редкостью) сборник тезисов (Исторический путь..., 1992). В нем приняли участие многие известные отечественные и зарубежные психологи: Г. В. Акопов, Л. И. Анцыферова, И. Брожек (США), В. В. Большакова, А. В. Брушлинский, В. А. Вяткин, Л. Гараи (Венгрия), А. Гилген (США), А. Н. Ждан, Е. А. Климов, В. А. Кольцова, Н. А. Логинова, А. А. Никольская, О. Г. Носкова, И. Раунбенхеймер (ЮАР), Р. Роулс (Великобритания), И. Е. Сироткина, Э. Тобак (США), Н. А. Чуприкова, Е. В. Шорохова, Ф. Эреш (Венгрия), М. Г. Ярошевский и др. Такой представительный состав участников способствовал ориентации организаторов на проведение не разового, а постоянно проводимого научного мероприятия по истории психологии, что и было реализовано впоследствии в форме «Московских встреч по истории психологии».

В дальнейшем Московские встречи по истории психологии проводились с определенной регулярностью еще не один раз — в 1995 г., 18–22 июня 2001 г., 26–29 июня 2006 г., 26–29 июня 2009 г., 30 июня–2 июля 2016 г. Последнее такое мероприятие — Всероссийская конференция с международным участием «История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее» (VII Московские встречи по истории психологии) проведена 1–3 июля 2021 г., ее материалы представлены в данном издании. Одним словом на протяжении практически 30 лет «Московские встречи по истории психологии» выполняли важную роль в развитии отечественной истории психологии, структурировании и объединении историко-психологического сообщества. Трудно найти в современной психологической науке научное мероприятие с такой историей. Относительная стабильность проведения «Московских встреч по истории психологии» позволяет рассматривать каждую из таких конференций как своеобразную точку для анализа *динамики развития* российской истории психологии.

Масштабность конференций. Для участия в VII Московских встречах по истории психологии в 2021 г. подали заявки более 150 исследователей из почти 30 городов России и шести зарубежных стран — Арзамас, Астана (Казахстан), Белград (Югославия), Великотырново (Болгария), Владимир, Гомель (Белоруссия), Днепр (Украина), Донецк (Донецкая народная республика), Ереван (Армения), Иркутск, Курск, Луганск (Луганская народная республика), Минск (Белоруссия), Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Рязань, Садово (Болгария), Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Смоленск, Тверь, Томск, Ханты-Мансийск, Ярославль. В рамках конференции прошло пять секционных заседаний и симпозиум, посвященный 115-летию со дня рождения авторитетного отечественного психолога К. К. Платонова (1906–1984). Всего было заслушано и обсуждено 57 научных докладов. Специальное заседание было посвящено памяти известного отечественного историка психологии, доктора психологических наук, профессора В. А. Кольцовой (1947–2018), много лет преподававшей в Московском гуманитарном университете. Программа конференции размеще-

на на сайте Московского гуманитарного университета и публикуется в данном издании в качестве приложения.

Однако о масштабности конференции свидетельствует не только количество поданных заявок и *формально присутствовавших* участников (все же это относительный показатель, поскольку обеспечивается организационными усилиями), но и более наглядный индикатор — количество участников, сделавших доклады, подготовивших тезисы или статьи для их опубликования в материалах конференции.

Чем же характеризуются «Московские встречи по истории психологии» с этой точки зрения? Приведем данные по каждой из прошедших конференций (без учета вступительных статей и предисловий, хотя они часто могут рассматриваться по своему содержанию как самостоятельные научные публикации) (см. таблицу 1).

Почти 600 опубликованных материалов объемом 220 усл. печ. листов и более 700 авторов, включившихся в разработку историко-психологической проблематики почти за 30 лет, — это значимый и достойный вклад в развитие отечественной истории психологии. При этом отмечается стабильный интерес исследователей к участию в этих конференциях. Например, по результатам наукометрического изучения итогов конференций 2006, 2009, 2016 гг. определено, что примерно 15% авторов (51 человек) были в числе участников двух или трех из указанных конференций (Олейник, 2017). Отметим и тот факт, что есть исследователи, которые принимали участие во всех проведенных семи «Московских встречах по истории психологии». Широкий охват авторов, представляющих материалы на конференцию, и тематическое разнообразие этих материалов, отраженное в сборниках «Московских встреч», позволяют рассматривать эти материалы как значимый срез *тематики и проблематики* историко-психологических исследований в нашей стране на разных этапах развития (Чердакова, Костригин, 2017).

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время конференции «Московские встречи по истории психологии» являются самым масштаб-

Таблица 1

Распределение количества статей, авторов и объема публикаций
«Московских встреч»

Конференция	Количество опубликованных статей (тезисов)	Количество авторов статей	Общий объем опубликованных материалов
I Московские встречи (1992)	52 (тезисы)	63	184 с. (11, 75 усл. печ. л.)
II Московские встречи (1995)	67 (тезисы)	81	232 с. (14, 5 усл. печ. л.)
III Московские встречи (2001)	78 (тезисы)	96	216 с. (13, 5 усл. печ. л.)
IV Московские встречи (2006)	110 (статьи)	122	568 с. (35,5 усл. печ. л.)
V Московские встречи (2009)	111 (статьи)	122	782 с. (62,5 усл. печ. л.)
VI Московские встречи (2016)	69 (статьи)	100	673 с. (40 усл. печ. л.)
VII Московские встречи (2021)	101 (статьи)	128	889 с. (54 усл. печ. л.)
Итого	588	712	3544 с. (220 усл. печ. л.)

ным из регулярно проводимых российских мероприятий по истории психологии — как по объему публикуемых материалов, так и по количеству исследователей, участвующих в их подготовке¹.

С течением времени сформировались характерные, содержательные и организационные черты этих конференций:

- тематическая широта (в программу включается весь спектр научных тем и проблем истории психологии и исторической психологии);
- открытый характер приглашаемых участников (исследователей, специализирующихся в разработке историко-психологической проблематики, и тех, для кого эта область психологии не является профильной);
- акцент на преемственность в формировании историко-психологического сообщества (участвуют и авторитетные историки психологии, и начинающие исследователи в этой области);
- ориентация на творческое взаимодействие в ходе конференции участников с большим опытом профессиональной деятельности и молодых ученых;
- структурно-тематическое единообразие построения научной программы и материалов конференции;
- обязательная публикация материалов конференции;
- периодичность проведения (один раз в пять лет);
- отсутствие организационного взноса для участников.

Указанные особенности конференций «История отечественной и мировой психологической мысли» позволяют говорить о сформированности в профессиональном сообществе своего рода научного бренда — «Московские встречи по истории психологии» — узнаваемого и авторитетного научного форума.

В одном из информационно-аналитических обзоров о работе «Московских встреч по истории психологии» было подчеркнуто: «История психологии, являясь отражением современного состояния научного знания, дает возможность серьезному исследователю оценить во всей полноте в „былом“ человечества долгую, незаметную, порой неосознанную подготовительную работу многих поколений по формированию новых знаний и увидеть проблемски понимания отдельными личностями тех явлений, к которым современная наука только подступает. Именно поэтому, формулируя новые идеи и описывая новые явления, мы всегда с удивлением находим в прошлом предшественников» (Кольцова и др., 2002, с. 138). Трудно не согласиться с этим выводом любому ученому, а для историка психологии

---

1 Для сравнения можно привести некоторые данные о других регулярно проводимых научных мероприятиях, на которых обсуждается (наряду с другими темами) историко-психологическая проблематика: международная научная конференция «Ананьевские чтения — 2019» (13 тезисов в соответствующей тематической секции, 16 авторов), «Ананьевские чтения — 2020» (22 тезиса, 30 авторов), «Ананьевские чтения — 2021» (18 тезисов в тематической секции, 20 авторов), «Ананьевские чтения — 2022» (6 тезисов, 8 авторов, участвующих в обсуждении, посвященном наследию Б. Г. Ананьева, и еще несколько участников, изучающих наследие В. А. Якунина). Специализированная по истории психологии Всероссийская научная конференция с международным участием «Арзамасские чтения — 4» 2019 г. (58 статей, включая предисловие, которое в силу содержания и объема рассматривалось как отдельная статья, 68 авторов).

он является своего рода научной установкой в профессиональной деятельности. Вероятно, именно поэтому каждая такая конференция является значимым событием в профессиональной жизни не только специалистов по истории психологии, но и психологического сообщества в целом.

Коммуникативно-организационные аспекты профессиональной жизни историков психологии и деятельности историко-психологического сообщества

Современная история психологии как важное и фундаментальное направление психологической науки представляет собой активно развивающееся пространство научных идей, реализуемых научных проектов, совокупность значимых продуктов познавательной деятельности, сформировавшееся профессиональное сообщество исследователей. При этом важным моментом в развитии любой отрасли или направления психологического знания, не только психологического, является сформированная *система* научной коммуникации и организации взаимодействия ученых. С этой точки зрения в современной российской истории психологии выстроена достаточно обоснованная и логически упорядоченная система каналов научной коммуникации, общения и сотрудничества между специалистами. В основании ее лежат представления о необходимости комплексного рассмотрения научных проблем в определенной области знания, многообразных формах научного творчества ученых, уровнях теоретико-методологического анализа исследуемой проблематики, потенциальных возможностях и целевых установках различных групп историко-психологического сообщества.

Остановимся на кратком описании этой системы организации познавательной деятельности и профессиональной коммуникации в области истории психологии. Эта система включает два уровня мероприятий. *Первый уровень* — это *регулярно и целенаправленно* проводимые *масштабные* (как минимум в формате всероссийских собраний) научные форумы определенной тематической направленности с фиксированным временным лагом между ними и различающимся составом приглашаемых участников. *Второй уровень* — это *периодически* и специально организуемые, *локальные* научные мероприятия с довольно спонтанно формируемой программой, тематикой и в основном инициативным составом участников.

К *первому уровню* относятся такие мероприятия: 1) Всероссийская конференция «История отечественной и мировой психологической мысли», или «Московские встречи по истории психологии» (в 2021 г. прошла VII конференция — проводится один раз в пять лет); 2) *Арзамасские чтения по истории психологии* (в 2023 г. планируются юбилейные V чтения — проводятся один раз в три года); 3) *Симпозиум по истории психологии Московского гуманитарного университета*, который проводится ежегодно. Каждое из перечисленных мероприятий первого уровня имеет свои задачи, теоретическую направленность и ориентировано на определенную категорию участников. Остановимся на их кратком описании.

Московские встречи по истории психологии ориентированы на рассмотрение всего спектра проблем истории психологии, исторической психологии и привлечение максимально широкого круга исследователей, не только специально занимающихся историко-психологической проблематикой, но и просто изучаю-

ших вопросы истории психологии или исторической психологии в рамках своей профессиональной деятельности. «Публикации в сборниках данной конференции в достаточно высокой мере отражают структуру научных интересов российского сообщества историков психологии и могут быть операционализированы как отражение проблематики истории психологии в России» (Чердакова, Костригин, 2017, с. 27).

Арзамасские чтения по истории психологии, имеющие статус методологического семинара, ориентированы на рассмотрение преимущественно вопросов теории, методологии и методики исследований в области истории психологии и исторической психологии. В число участников приглашаются специалисты, занимающиеся указанными вопросами истории психологии и исторической психологии, т. е. ученые, профессионально специализирующиеся в разработке историко-психологической проблематики и вопросов исторической психологии. Вполне обоснованно отмечается, что «организация совокупности научных мероприятий „Арзамасские чтения“ (2008, 2011, 2014, 2019) представляет собой достаточно успешный опыт формирования регионального научного центра как площадки для научного взаимодействия и общения, который может быть использован в создании единого научного пространства и в других областях психологического знания» (Журавлев и др., 2019, с. 15).

Симпозиум по истории психологии Московского гуманитарного университета — относительно новый формат взаимодействия историков психологии. Его задача узкоспециальная — обсуждение какой-то отдельной конкретной проблемы историко-психологического познания, но комплексно и всесторонне. Организаторы симпозиума ориентируются на систему «заказных» докладов исследователям, которые специализируются по обсуждаемой проблематике. Первый симпозиум — «Преподавание истории психологии: опыт, проблемы, перспективы», посвященный 75-летию доктора психологических наук, профессора В. А. Кольцовой, был проведен 30 июня 2022 г. Материалы симпозиума представлены в специальном выпуске научного журнала «Научные труды Московского гуманитарного университета» № 6 за 2022 г., опубликовано 8 статей, непосредственно связанных с темой симпозиума. В открывающей этот специализированный выпуск журнала статье отмечалось: «Одной из важных проблем современных психологической науки и практики и является повышение качества профессиональной подготовки специалистов» (Олейник, Журавлев, 2022, с. 4). Другая задача проведенного симпозиума — поиск путей и возможностей популяризации историко-психологических знаний среди молодых психологов, поскольку именно во «взаимодействии истории психологии как области профессиональной исследовательской деятельности и как учебной дисциплины содержится соблюдение и реализация принципа единства теоретического и практического в научном познании» (там же, с. 13). В 2023 г. планируется проведение второго симпозиума — «Преемственность идей и традиций в дореволюционной, советской и российской психологии», который будет посвящен 60-летию публикации монографии М. В. Соколова «Очерки истории психологических воззрений в России в XI–XVIII веках» (Соколов, 1963).

Таким образом, три указанных мероприятия обеспечивают, во-первых, регулярность, плановость и преемственность научных форумов по истории психологии; во-вторых, позволяют участвовать в обсуждении и разработке историко-

психологических проблем исследователям с различным уровнем вовлеченности в изучение вопросов истории психологии, способствуя реализации творческого потенциала каждого, кого интересует эта область знания; в-третьих, способствуют привлечению внимания историко-психологического сообщества (не столь уж и многочисленного) к равномерному распределению усилий ученых по изучению всех уровней историко-психологического знания: от теоретических проблем, методологических и методических вопросов до конкретно-тематических исследований.

Второй уровень системы научной коммуникации и организации взаимодействия историков психологии включает такие научные мероприятия: 1) *семинар «История психологии в лицах и событиях»* лаборатории истории психологии и исторической психологии ИП РАН (проводится Институтом психологии РАН, как правило, в связи с какими-то юбилейными датами на текущей основе); 2) *профильные секции* (круглые столы, заседания) на конференциях широкой тематической направленности; 3) *научные заседания лаборатории истории психологии и исторической психологии ИП РАН* (проходят, как правило, два раза в месяц по предварительной согласованной с докладчиками тематике и назначаемыми рецензентами по докладу).

Указанные формы научной коммуникации второго уровня (семинар, секция, заседание) имеют задачей расширение тематического разнообразия научных интересов конкретного ученого, формирование обратной связи для исследователя относительно получаемых им результатов. Они ориентированы преимущественно на достаточно локальное сообщество историков психологии. Например, семинар и заседания лаборатории — на сотрудников этого подразделения Института психологии РАН и ассоциированных исследователей лаборатории. Историко-психологические секции на мероприятиях с более широкой тематической программой (например, съезды Российского психологического общества, ежегодные крупные научные конференции ИП РАН) ориентированы на инициативных участников не только историко-психологического, но и других психологических сообществ.

Важной особенностью сформировавшейся системы профессиональной научной коммуникации в историко-психологическом сообществе является то обстоятельство, что она имеет не умозрительный, а реально работающий механизм продуктивного развития российской истории психологии как области научных знаний. Конечно, указанная система не является спонтанно сформированной и бесструктурной. За каждым из указанных мероприятий стоят конкретные специалисты — инициаторы, энтузиасты и организаторы, а также учреждения, их проводящие и поддерживающие, и, конечно, многочисленные исследователи-докладчики.

Безусловно, и это необходимо подчеркнуть, формы и каналы научной коммуникации российских историков психологии не ограничиваются только системой мероприятий, о которых сказано выше. Они характеризуют скорее непосредственное взаимодействие и общение ученых и обеспечивают интеграционные процессы в творческом содружестве. Все же другие форматы, традиционные для научного сообщества в целом и неспецифичные для историко-психологического сообщества, так же сохраняются и реализуются, как, например, обсуждения при подготовке и защите диссертационных исследований, журнальные научные публикации и дискуссии по представленным в них материалам и т. д.

Что же обеспечивает такая достаточно конкретная и определенная структура профессиональной коммуникации и общения в области истории психологии? Во-первых, *планомерность* в организации индивидуальной и групповой научной деятельности по реализации историко-психологических исследований; во-вторых, *пропорциональность* распределения творческих усилий представителей историко-психологического сообщества в решении теоретических, методологических, методических и конкретно-тематических проблем истории психологии; в-третьих, *постоянство* научной деятельности за счет регулярно существующей возможности обсуждения ее результатов; в-четвертых, постоянно расширяющаяся *вовлеченность* в разработку историко-психологических проблем новых исследователей различной степени «погруженности» в историю психологии; в-пятых, *уверенность* представителей историко-психологического сообщества в интересе к их новым разработкам со стороны коллег за счет регулярности общения; в-шестых, *гармоничность* в разработке как фундаментальных, так и прикладных проблем и вопросов динамики психологического познания; в-седьмых, *возможность* отмечать юбилейные даты, связанные с представителями психологической науки и значимыми событиями в ее истории.

Содержательно-тематические аспекты развития истории психологии и перспективы новых исследований

Особенностью историко-психологических исследований является то, что никогда нельзя быть уверенным в окончательности и завершенности полученных результатов и полноте сделанных выводов. И связано это не с поверхностностью проводимых историками психологии исследований или их некомпетентностью. Это обусловлено самой природой предмета истории психологии — динамики психологического познания — и эмпирическим материалом, на которые опираются исследователи.

Историк психологии, как и любой ученый, стремится к формированию целостной и завершенной картины исследуемой реальности, исчерпанности изучаемой темы. Однако эмпирический материал, используемый для исследований, так называемая источниковая база, постоянно пополняется: становятся доступны новые источники (в первую очередь архивные); происходит переосмысление полученных результатов в контексте текущих изменений в развитии науки и общества; возникают новые ассоциативно формирующиеся с появлением новых данных и фактов связи с вроде бы ранее не связанными событиями или результатами творческой деятельности исследуемых персоналий. Не всегда, конечно, эти новые источники или ранее неизвестные факты приводят к кардинальным и существенным изменениям в уже полученных и обозначенных выводах и оценках. Однако достаточно часто они могут значимо уточнить сложившийся образ развития психологии в тот или иной хронологический период или представления о значимости научного творчества конкретного мыслителя или ученого. Они могут обозначить новые темы и даже направления историко-психологических исследований. Приведем несколько примеров свидетельствующих о сказанном, при этом используя предложенные Ю. Н. Олейником возможные сочетания кате-

горий «знание» (известное и неизвестное) и «источник» (доступный или известный и неизвестный) в историко-психологическом исследовании¹.

Феномен «известное знание — доступный (известный) источник»

В истории отечественной психологии широко известны исследования творчества и вклада в психологическую науку Б. Г. Ананьева. И естественно, любой уважающий себя профессиональный психолог знаком с его фундаментальной работой «Психология чувственного восприятия» (1960). Конечно, не менее детально изучены творческое наследие и биографии таких психологов, как Б. Ф. Ломов и Я. А. Пономарев. Представляется, однако, что современным психологам практически не известен творческий союз этих трех ученых. Вместе с тем факт их со творчества более чем интересен, а может, даже и уникален для российской психологии. Дело в том, что в этой книге, изданной Академией педагогических наук РСФСР и вышедшей в серии «Труды действительных членов академии», примечания и указатели, как отмечено в конце предисловия автора монографии Б. Г. Ананьева, составлены Б. Ф. Ломовым (Ананьев, 1960, с. 6), а редактором книги являлся Я. А. Пономарев (там же, с. 487)! Работы трех классиков отечественной психологии под одной книжной обложкой, но в разных ролевых позициях — автор, комментатор и редактор. Отметим, что примечания, составленные Б. Ф. Ломовым (объем — 10 с.), открываются довольно обстоятельным очерком творчества Б. Г. Ананьева и содержат подробные комментарии к каждой из 20 включенных в данную монографию самостоятельных работ ученого. Указатели же включают детальные именной (4 с., более 280 персоналий) и предметный указатели (9 с., 161 термин с двойной, а в отдельных случаях и тройной подструктурой). В целом достаточно трудоемкая работа, требующая детального знания как психологии, так и творчества и всех научных публикаций Б. Г. Ананьева на период издания книги.

Если современный психолог обратится к переизданию этой монографии в одной из наиболее известных и авторитетных серий психологической литературы — серии «Памятники психологической мысли», то он *не сможет* составить картину, которая обозначена выше, поскольку в предисловии от автора, которое абсолютно идентично оригиналу, отсутствует одна последняя строчка авторского предисловия из оригинала, а именно: «Примечания и указатели составлены Б. Ф. Ломовым» (Ананьев, 2001, с. 4). Совершенно определенно это чисто техническая

---

1 Эта идея соотносится с суждением Дональда Генри Рамсфелда — американского государственного и общественного деятеля, бизнесмена, дипломата и политика — об информации, на которую опирается разработка и принятие политических решений. В одном из интервью (12 февраля 2002 г.) его спросили о явном отсутствии доказательств того, что Ирак снабжал террористов оружием массового уничтожения. Он ответил: «Мне всегда интересны сообщения, в которых говорится, что чего-то не произошло, потому что, как известно, есть известные известные: есть вещи, которые мы знаем, что мы знаем. Есть известные неизвестные. То есть вещи, о которых мы теперь знаем, что мы не знаем. Но есть и неизвестные неизвестные. Есть вещи, о которых мы не знаем, что мы не знаем» (цит. по: Kellogg, 2011). Позже Рамсфельд вернулся к этой идее, частично используя ее в названии своей книги воспоминаний «Known and Unknown: A Memoir» (Rumsfeld, 2011).

или корректорская ошибка, но тем не менее факт остается фактом. Нет в переиздании и указания на то, что работу редактировал Я. А. Пономарев, поскольку редактирование переиздания в «Памятниках психологической мысли», естественно, осуществлял уже другой специалист — его фамилия и указана как редактора (Н. В. Ветрова). Как говорится, хотите быть точным — читайте первоисточники! Конечно, сам факт актуализации этой фундаментальной и важной работы Б. Г. Ананьева в форме переиздания гораздо более важен, чем указанные обстоятельства. Тем более что они никак не связаны с содержанием материалов учебного и адекватным донесением до читателя точности его идей и мыслей, однако для истории психологии эта информация оказывается достаточно важной. И конечно, появляется новое направление поисковых историко-психологических исследований, связанных с выявлением более полной информации по факту такого сотрудничества ученых — поиском архивных документов, переписки по обсуждению содержания книги, редакторским замечаниям Я. А. Пономарева и реагированию на них автора — Б. Г. Ананьева.

Феномен «неизвестное знание — доступный (известный) источник»

Следует признать, что открытия ждут историков психологии не только при поиске новых и ранее неизвестных архивных материалов, но иногда важные и интересные результаты приносит и работа с уже опубликованными материалами, но неизвестными в психологическом источниковедении. В качестве примера можно привести уникальное энциклопедическое издание — «Техническую энциклопедию». Она была издана в период с 1927 по 1934 г. в 26 томах «Акционерным Обществом „Советская энциклопедия“» (тома 1–11), позже преобразованным в «Государственное словарно-энциклопедическое издательство „Советская энциклопедия“» (тома 12–26) (Техническая..., 1927–1934). Уже сам факт публикации данного издания, конечно, является поразительным — 6000 статей и около 5000 внутрискластных иллюстраций, тираж — 30000 экземпляров. В 1936–1938 гг. были выпущены дополнительный том и предметный указатель уже издательством «Главная редакция технических энциклопедий и словарей».

Понятен и объясним возможный интерес к этой энциклопедии со стороны различных специалистов. Историк техники это издание может показаться интересным для понимания уровня технического развития страны и наличия технических кадров, способных к серьезным обобщениям и систематизации знаний; для издателей (полиграфистов и редакторов) интересна система организации, масштаб проекта и срок его реализации (всего 8 лет); для политологов — взаимосвязь начала издания энциклопедии со значимыми событиями в истории страны (в 1927 г. завершился разгром так называемой троцкистско-зиновьевской оппозиции, на IV съезде Совета СССР, который проходил 18–26 апреля 1927 г., принято решение о принципе пятилетнего планирования развития народного хозяйства, на XV съезде ВКП(б) — 2–19 декабря 1927 г., была выработана программа коллективизации сельского хозяйства) и т. д.

Однако чем же могла и должна была заинтересовать эта энциклопедия историка психологии? Какие пересечения могут быть между психологией и техническими знаниями, тем более что в тот период, конечно, еще не шла речь об эргономике

и инженерной психологии? Все станет понятно, когда мы посмотрим на редакторский и авторский состав энциклопедии. В числе 1129 авторов мы встречаем фамилии ученых, которые известны сегодня в истории психологии, в частности в истории психологии труда (на период конца 1920-х годов — психотехники). Назовем редакторов отделов: «Организация производства, стандартизация» — П. М. Керженцев, И. Н Шпильрейн, И. М. Бурдянский, Ф. Г. Ноа, Н. Г. Высочанский; «Материаловедение» — П. А. Флоренский. Добавим также, что авторами статей, сотрудниками «Технической энциклопедии» являлись С. Г. Геллерштейн, С. И. Каплун, К. Х. Кекчеев, П. А. Флоренский, М. А. Юровская и др. Безусловно, каждая из этих фамилий значима для истории отечественной психологии и известна специалистам в области психологии труда, психологии управления и научной организации труда. Более того, в этом перечне есть ученые, творчество которых уже достаточно хорошо проанализировано. Однако даже в этом случае их работа над подготовкой технической энциклопедии изучена недостаточно, а авторские статьи для нее не включаются в списки их публикаций. Что уж говорить о тех персоналиях, творчество которых еще ждет своего внимательного исследователя с точки зрения их вклада в развитие именно психологического знания.

Таким образом, источник (Техническая энциклопедия) опубликован и доступен, он содержит важную, как минимум, интересную информацию по истории развития психологии в нашей стране и творчеству отдельных ученых, однако он оказался за рамками внимания историков психологии и не представлен в историко-исследовательской базе историко-психологических исследований. Возможно предположить, что есть и другие подобные факты.

Феномен «неизвестное знание — недоступный (неизвестный) источник»

Одним из самых известных советских психологов первой трети XX в. является Л. С. Выготский. Его работы включаются в хрестоматии по истории психологии того периода, в любом учебнике по психологии упоминается его творчество, работы ученого цитируются в большом числе современных психологических публикаций, он является одной из самых известных персоналий советской психологии для зарубежных специалистов. Сегодня даже высказываются мнения о сформировавшемся направлении истории психологии под названием «выготскоеведение». При этом одной из наиболее цитируемых публикаций ученого является его работа, посвященная анализу психологического кризиса. Как отмечает А. Ясницкий в примечаниях к статье Е. Ю. Завершневой и М. Е. Осипова (Завершнева, Осипов, 2012, с. 47), впервые развернутый разбор этой методологической работы был представлен в статье В. Н. Колбановского в 1956 г. (Колбановский, 1956), а затем эта работа Л. С. Выготского была опубликована в первом томе шеститомного издания его трудов в 1982 г. (Выготский, 1982а) и тем самым введена в научный оборот.

Казалось бы, и сама эта работа Л. С. Выготского широко известна в психологии, и источник — шеститомник. Однако при более тщательном рассмотрении все оказывается несколько иначе. Сложности для адекватного понимания содержания статьи возникают у читателя, начиная с названия. Как известно, анализируемая

работа не была опубликована при жизни автора, более того, она и не была завершена автором (на это обратил внимание в своей статье еще В. Н. Колбановский, а затем к этому же мнению присоединилась известный исследователь архива семьи Л. С. Выготского Е. Ю. Завершнева). Статья не имела и окончательного авторского названия. Детальный анализ вопроса о названии статьи свидетельствует о том, что в рукописях самого автора встречаются два названия: «Смысл психологического кризиса. Методологическое исследование» и «Исторический смысл психологического кризиса». При этом, как отмечает А. Ясницкий, «Выготский рассматривал два варианта названия своей работы о кризисе в психологии, и мы можем только предполагать, на каком из этих двух вариантов автор остановился». Более того, он высказывает суждение и приводит аргументы в пользу того, что «Выготский склонялся не к тому наименованию, под которым этот текст был опубликован в 1982 г. под редакцией М. Г. Ярошевского» (см. примечания к статье: Завершнева, Осипов, 2012, с. 46–47). Надеемся, что непредвзятый читатель понимает и важность названия для восприятия замысла статьи, и различные акценты в этих двух названиях работы Л. С. Выготского. И хотя в источниковедении истории отечественной психологии работа вошла все же под тем названием, которое предложено в шеститомнике, считаем более правильным, корректным и адекватным в дальнейшем использовать название этого материала ученого в такой трактовке, как это предложено Е. Ю. Завершневой — «(Исторический) смысл психологического кризиса» (Завершнева, Осипов, 2012).

Однако названием работы Л. С. Выготского дело не ограничивается. В результате десятилетней тщательной, кропотливой и профессиональной работы по изучению семейного архива Л. С. Выготского историком психологии Е. Ю. Завершневой (результаты этой работы представлены в книге «Записные книжки Л. С. Выготского. Избранное», изданной в 2017 г.) было убедительно показано, что многие годы (с 1982 г.) психологи оперировали не совсем адекватным текстом этой работы. Было выявлено более 60 изменений авторского рукописного текста по сравнению с опубликованным (Завершнева, Осипов, 2012). Наряду с «ошибками редактора», как их называют авторы, которые в контексте всей работы иногда приобретают существенное значение («Кант» вместо «Конт», «распределяю» вместо «распространяю», «школьный возраст» вместо «дошкольный», «деятельность» вместо «дети», акты вместо «законы», «научное строение» вместо «знание» и др.), также встречаются: *изъятие некоторых понятий* (в частности «педология», «бессознательное», «динамическая психология») и *фамилий ученых* (Иванцов, И. И. Степанов); *некорректная замена научных понятий* («педология» на «детская психология», «сосание» на «сознание», «реформаторы» на «рефлексологи», «не развитый» на «недоразвитый», «метафизика» на «математика») и *отдельных слов* («натянутые» на «понятные», «двинуться» на «двигаться»); *снятие кавычек при цитировании* (из работ В. Н. Ивановского, Э. Дале, Н. М. Щелованова, Н. Бухарина, Н. Н. Ланге, Э. Титченера, Л. Троцкого), приводящее к тому, что цитируемый текст становится авторским; *снятие большей части отдельных авторских примечаний* (например, с критикой Ф. Энгельса); *изъятие ссылок на цитируемые публикации* (например, на статью в газете «Правда», публикации Г. Мюнстерберга, М. Вертгеймера, Э. Гуссерля) и *снятие упоминаний отдельных ученых* (Л. Аксельрод, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, А. Столяров); *сокращение приводимых цитат* (на-

пример, В. М. Бехтерева о перспективах и задачах педологии); *подмена утверждения отрицанием* (добавление частицы «не» в фразу, например, «ведь диалектика [не] есть логика, даже шире») или, наоборот, *снятие отрицания* (например, «ведь и внутри психики есть свои разные качества: боль так же [не]похожа на сладость, как блеск на твердость — опять особое свойство [?]»); *некорректные редакторские вставки* (например, как отмечает Е. Ю. Завершнева, редакторская вставка термина «эксперимент» — «применение [эксперимента]» не вполне корректна, так как имеется в виду применение психологии (в целом) на практике» (Завершнева, Осипов, 2012, с. 58) и *добавление несуществующих в рукописи абзацев* (например, в финале работы, где Л. С. Выготский воспроизводит ряд тезисов Л. Д. Троцкого, добавлен абзац, которого нет в рукописи) (там же, с. 70); *пропуск или снятие идеологически неблагонадежных высказываний и соответствующие замены* («мифологический» на «материалистический», «сверхчеловек» на «новый человек»); *изъятия, придающие иной смысловой оттенок фразе* (например: *марксисты без кавычек* на «марксисты» в кавычках); *пропуск ссылок, что по умолчанию приводит к замене авторства* (например, Л. Бинсвангера на другую ссылку — Г. Мюнстерберга); *замена ссылки из одного издания на другое издание* (Г. Мюнстерберга, К. Маркса и Ф. Энгельса, А. М. Деборина, например цитаты Л. С. Выготского на первое издание соч. К. Маркса и Ф. Энгельса были заменены на цитаты из 2-го издания); *замена существительного на прилагательное* («понятия» на «понятные»); *замена одной фамилии на другую* (например, Немиллов — на Павлов).

Все изложенное позволило Е. Ю. Завершневой и М. Е. Осипову в аннотации к своей статье вполне обоснованно обобщить список основных поправок к опубликованному в 1982 г. тексту «Исторический смысл психологического кризиса» следующим образом: «Снятые цитаты, идеологические замены, а также пропущенные или искаженные фрагменты рукописи» (Завершнева, Осипов, 2012, с. 41). Не менее аргументированной в этом контексте выглядит и позиция известных историков психологии В. А. Мазилова и Н. Ю. Стоюхиной, которые констатируют: «Возвращение текстов Выготского к читателю началось в середине 1950-х, когда в 1956 году был издан том избранных произведений. Не будем здесь перечислять хорошо известные факты: отметим лишь, что последующие издания, включая шеститомное собрание сочинений (1982—1984), не могут считаться аутентичными, так как имеют не только неточности, многочисленные лакуны, но и редакторские вставки. К сожалению, последующие переиздания до сих пор воспроизводят и тиражируют эти весьма несовершенные тексты» (Мазилов, Стоюхина, 2017, с. 92).

Вернемся, однако, к феномену, который мы обозначили как «*неизвестное знание — недоступный (неизвестный) источник*». Действительно, учитывая материалы так называемой «ревизионистской революции в выготсковедении», во многих моментах наше знание о творчестве и идеях, позиции и замыслах Л. С. Выготского оказывается если и не неизвестным, то уж как минимум неполным и не во всем адекватным. Да и источники, при всей их вроде бы широкой доступности и представленности в пространстве психологической литературы, по сути оказываются неизвестными для психологов (напомним, что адекватный текст одной из важных методологических и историко-психологических работ ученого стал доступен широкому читателю фактически только после публикации архивных материалов Е. Ю. Завершневой с коллегами).

Феномен «известное знание — недоступный (недокументированный) источник»

Это четвертое из возможных сочетаний «знаний» и «источника». В историко-психологических текстах мы иногда встречаем суждения о каких-то фактах и событиях, опирающиеся примерно на следующую аргументацию или обоснование — «как всем известно...», «мне приходилось слышать...», «мне рассказывали...» и т. п. При этом часто эти суждения, по сути опирающиеся на субъективное мнение транслятора, не только сложно подтвердить, но даже установить их источник. Однако опубликованные в виде текста, они приобретают уже статус как бы известного и доказательного знания. И хотя этот феномен пока не имеет широкого распространения в истории отечественной психологии (в силу недостаточной представленности в ней таких жанров, как воспоминания, интервью, да и в целом «устной» истории психологии), тем не менее, следует принимать во внимание и такой феномен.

Таким образом, учитывая приведенные примеры, обозначенные варианты сочетания «знаний» и «источников», можно говорить, что спектр актуальных задач отечественной истории психологии достаточно широк и в своей совокупности еще очень далек от решения. Выявление новых источников приводит к постановке новых задач, а решенная задача стимулирует к поиску новых источников и документированных фактов из истории отечественной психологической науки.

Трудности в развитии истории психологии и актуальные задачи историко-психологического сообщества

Сложности и трудности дальнейшего развития истории психологии как области знания, фактически являются не только основаниями (стимулами) для ее развития, но и своего рода вызовами для сообщества историков психологии, задачами, стоящими перед каждым из членов этого сообщества. И одной из важнейших таких задач, на наш взгляд, является преодоление иногда встречающейся текстуальной и фактологической небрежности в содержании и оформлении историко-психологических текстов, а равно и избегание своеобразной «фигуры умолчания» в публикациях по истории психологии. Под «фигурой умолчания» понимается ситуация, когда в силу тех или иных причин (осознаваемых или неосознаваемых) автором приводится не вся необходимая и даже известная информация по изучаемой теме или источнику. Наиболее часто это касается историко-психологической фактологии, связанной с публикуемым материалом. За примерами далеко ходить не будем, используем публикацию уже неоднократно и позитивно упоминаемую в нашей работе. Статья Е. Ю. Завершневой и М. Е. Осипова называется «Сравнительный анализ рукописи «(Исторический) Смысл психологического кризиса» и ее версии, опубликованной в т. 1 собрания сочинений Л. С. Выготского под редакцией М. Г. Ярошевского» (курсив наш) (Выготский, 1982а). Вроде бы ничего странного в названии нет, но только до тех пор, пока внимательный читатель не поинтересуется *реальным* составом редакторов этого тома. Поинтересовавшись, он увидит, что у первого тома шеститомного собрания сочинений Л. С. Выготского были два редактора! Вторым был А. Р. Лурия. Почему же он не упомянут в на-

звании статьи? Как не упомянут он и в приводимой выше цитате А. Ясницкого. Не потому ли, что, как следует из самой статьи, редакторы недостаточно внимательно отнеслись к своей редакторской работе? Или, может, потому, что как раз чрезмерно ответственно отнеслись к ней, учитывая наличие в опубликованном тексте отсутствующих в рукописи явно не случайных добавлений и вставок? В любом случае в статье специалиста, который буквально по фразам восстанавливал оригинальные тексты Л. С. Выготского по его архивным записям и сравнивал их с опубликованными, такая ошибка вряд ли является простительной и могла появиться случайно. Представляется, что более корректным и правильным было бы использовать такое описание собрания сочинений, которое было сделано в статье тех же авторов 2010 г. — «в собрании сочинений Л. С. Выготского» без конкретизации состава редакторов (Завершнева, Осипов, 2010).

Приведем еще один пример из более отдаленной от нас истории психологии, свидетельствующий о важности документально точного описания источников. Он касается издания *первой оригинальной русской книги* по психологии. Именно так ее определяет известный отечественный историк психологии Б. Г. Ананьев, подчеркивая что «в ней дан опыт систематизации психологических знаний и воззрений, как мы видели, уже достаточно развившихся к тому времени» (Ананьев, 1947, с. 52). Книга была написана в 1796 г. благодаря стараниям панкратиевского диакона Ивана Михайлова. В очерках Б. Г. Ананьева по истории психологии она названа «Наука о душе». Кстати, редактором книги Б. Г. Ананьева был известный историк психологии Б. М. Теплов, поэтому можно думать, что он присоединяется к оценке книги И. Михайлова Б. Г. Ананьевым как первой и оригинальной психологической работы.

Казалось бы, вполне достаточно информации для любого психолога, чтобы понимать, откуда есть пошла отечественная психология. Однако историк психологии непременно полюбопытствует: а что это за автор такой? кто он? что значит «панкратиевский»? есть ли у него другие произведения и о чем они?

Во-первых, несмотря на то, что в очерках Б. Г. Ананьева книга названа «Наука о душе», полное название ее несколько другое — «Наука о душе, или ясное изображение ее совершенств способностей и бессмертия. Труд панкратиевскаго диакона Ивана Михайлова». Хотя, к чести Б. Г. Ананьева, уже в следующем абзаце он неявно, но указывает фактически полное название произведения Михайлова: «Несмотря на духовный сан... и богословскую задачу его книги («изображение ее (души. — Б. А.) совершенства, способностей и бессмертия»), содержание книги оказывается вполне светским, а богословские задачи не только не разрешаются, но, напротив, фактически устраняются из излагаемой Михайловым „науки о душе“» (там же, с. 52). Обратим внимание на то, что в цитате Б. Г. Ананьева после «совершенств» стоит запятая, которой в оригинальном названии книги Михайлова нет. Представляется, что это несколько смещает акценты, на которые автор (Михайлов) планировал сосредоточить внимание читателей. Всех этих наших предположений и представлений не было бы, если бы в источниковедение эта интересная и важная работа русского мыслителя вошла под своим оригинальным и полным названием.

Во-вторых, Иван Михайлов — это диакон Иван Михайлович Кандорский (1768 или 1769—1825), который в период написания труда нес диаконское послушание

в Москве, недалеко от Сухаревой башни в церкви святого Панкратия. Отсюда и «панкратиевский», т. е. имеющий отношение к церкви св. Панкратия.

В-третьих, что это, вероятнее всего, первое произведение богослова (по крайней мере, более ранние его работы неизвестны). И оно, несмотря на то, что сам И. М. Кандорский был священнослужителем, происходил из семьи священников (его отец и брат также были священнослужителями), посвящено не только собственному и строго богословским вопросам, но и проблемам внутреннего мира человека. Следует согласиться с мнением Ю. М. Зенько о том, что «пример „первой русской психологической книги“ иллюстрирует то, что теперь понятно и без всяких примеров: взаимоотношение психологии и религии намного глубже и богаче, чем это представлялось с атеистической точки зрения» (Зенько, электронный ресурс).

В-четвертых, перу этого богослова принадлежит несколько переводов работ нравственно-философского характера, изданных на следующий год после издания его оригинального труда. Но именно переводов, а не авторских работ (Дух, или избранные мысли..., 1797; О веселости нравственной..., 1797; и др.). И все последующие известные исследователями работы (например: Уединенное богомыслие..., 1798—1799) являлись переводными. Почему больше нет оригинальных работ у И. М. Кандорского не только по психологическим вопросам, но даже и по христианской антропологии? Почему он резко утратил интерес к внутреннему миру человека и переключился на переводы? Выявленный источник и изучение биографии его автора ставят перед историками новые поисковые задачи и стимулируют исследовательскую активность.

Таким образом, приведенные примеры, а их можно множить, заставляют говорить об одной из актуальных и значимых задач историков психологии — *соблюдение максимальной точности и полноты приводимых в их работах сведений*: дат жизни ученого, названий учреждений и периодических изданий, библиографических описаний монографий и статей, цитирований и т. д. Историк психологии должен понимать и осознавать, что значительная часть подготавливаемых им текстов будет актуальна как минимум несколько лет, к ним могут обращаться как своего рода справочному пособию исследователи, которые никогда не занимались, да и не планируют специально заниматься историей психологии. Они, доверяя авторитету истории психологии и компетентности историков психологии, не обязаны перепроверять представленные в историко-психологических публикациях факты, даты, источники и т. д. Отсюда следует, что уровень ответственности историка психологии за приводимые им сведения, формулируемые выводы, предлагаемые аргументы, оценочные суждения и другие, публично представляемые результаты своей деятельности должен быть максимально высоким, а исследовательская репутация безупречной. Только такая исследовательская и мировоззренческая позиция каждого историка психологии позволит отечественной истории психологии сохранять тот высокий статус, который она сегодня имеет в психологической науке.

И еще одно наблюдение, связанное с историко-психологическими публикациями. Сегодня пространство публикаций по проблемам истории психологии представляет собой всеувеличивающийся по объему и качеству массив монографий, статей и тезисов. Однако нередко создается такое впечатление, что некото-

рые публикации необходимы, в первую очередь, самому автору. В современной наукометрии о востребованности научных трудов свидетельствует показатель их цитирования. И с этой позиции публикации по истории психологии (особенно персонологического характера) не всегда могут характеризоваться высокими показателями. Опять же возьмем для примера уже упоминавшиеся интересные и важные для понимания истории отечественной психологии первой трети XX в. публикации архивных материалов Л. С. Выготского, подготовленные Е. Ю. Завершневой и ее коллегами. По данным РИНЦ на 13 апреля 2023 г., эти работы цитировались следующим образом: Завершнева Е. Ю., Осипов М. Е. (2010) — 8 цитирований; Завершнева Е. Ю., Осипов М. Е. (2012) — 3 цитирования; «Записные книжки Л. С. Выготского» — 77 упоминаний в публикациях (количество цитирований выявить сложно, поскольку эта работа не привязана к конкретной фамилии). Сложнейший многолетний труд ученых, уникальные сведения, труднодоступные источники, существенные уточнения уже известных материалов и лишь единичные цитирования! И это притом, что только за 2020–2023 гг. на ту же дату (13 апреля 2023 г.) по данным того же РИНЦ опубликовано 2447 публикаций, где в названии, аннотации, ключевых словах или самом тексте книг, статей, диссертаций, материалов конференций упоминается фамилия Л. С. Выготского. При этом определенная часть их носит историко-психологический характер.

Представляется, что еще одной актуальной задачей историков психологии является *создание сетевого пространства публикаций* по историко-психологической проблематике. Это предполагает использование в подготавливаемых публикациях по истории психологии информации из уже опубликованных работ по истории отечественной и мировой психологии, ссылки на эти работы. В таком случае будет создаваться именно *пространство* публикаций по истории психологии, а не отдельно фиксируемые различными базами данных отдельные статьи. Тогда и не будет необходимости убеждать коллег из смежных областей психологии в том, что история психологии является востребованной и динамично развивающейся областью знания. Тем более что многочисленные наукометрические исследования (подробнее об их возможностях см.: Журавлев, Костригин, 2023) убедительно подтверждают это 1) сравнением показателей продуктивности/авторитетности (индекс Хирша) массива публикаций, объединенного темой «история психологии», и массивов публикаций по другим отраслям психологического знания (Моргун, 2019); 2) значимой ролью, которую играют историко-психологические статьи в фиксации формальных показателей влияния (импактности) научных журналов на материалах РИНЦ (Моргун Олейник, Журавлев, 2021а); 3) активным востребованностью научной информации по истории психологии в непсихологических областях (Моргун и др., 2021б); 4) высоким статусом отечественного сегмента мировой историко-психологической отрасли и его существенным влиянием на развитие мировой истории психологии, выявленными на материалах информационной платформы Web of Science (Моргун, 2022).

Заключение

Приведенные в статье и многие другие подобные примеры свидетельствуют о том, что 1) история психологии является важной и необходимой составной частью

психологической науки, обеспечивающей понимание условий, процесса и механизмов познания психических явлений, не только интерпретируя и переинтерпретируя уже произошедшее, но и обозначая перспективные линии дальнейшей динамики; 2) картина развития отечественного психологического знания еще далека от завершения, и хотя в основных чертах она уже обозначена, тем не менее, остаются важные штрихи, которые могут, если и не изменить картину в целом, то как минимум осветить новыми красками ее фрагменты; 3) историко-психологическое познание на каждом новом этапе своего развития, используя современные возможности (расширение источниковой базы, выявление ранее неизвестных архивных материалов, применение новых методов и методических приемов в обработке и структурировании информации и т. д.), способно выявлять оригинальное и ранее не прочитываемое содержание в трудах предшественников, уточнять и дополнять высказанные идеи и положения. Другими словами, оно позволяет увидеть новое в старом, неизвестное в известном, понятное в непонятном.

Надеемся, что материалы очередных VII Московских встреч по истории психологии будут способствовать хотя бы частичному решению задач, стоящих перед историей психологии, и преодолению тех трудностей, с которыми она сегодня сталкивается в своем развитии.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. ОГИЗ—Политиздат, 1947.
- Ананьев Б. Г.* Психология чувственного познания. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1960.
- Ананьев Б. Г.* Психология чувственного познания. М.: Наука, 2001.
- Ананьевские чтения — 2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.): Материалы международной научной конференции, 8—11 декабря 2020 года / Под общ. ред. А. В. Шаболтас, Е. Л. Солдатовой; отв. ред. А. К. Кулиева. СПб.: Скифия-принт, 2020.
- Ананьевские чтения — 2021: Материалы международной научной конференции, 19—22 октября 2021 года / Под общ. ред. А. В. Шаболтас; отв. ред. В. И. Прусаков. СПб.: Скифия-принт, 2021.
- Ананьевские чтения — 2022. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков — к новым достижениям и инновациям: Материалы международной научной конференции, 18—21 октября 2022 года / Под общ. ред. А. В. Шаболтас; отв. ред. В. И. Прусаков. СПб.: Скифия-принт, 2022.
- Выготский Л. С.* Вопросы теории и истории психологии // Л. С. Выготский. Собр. соч. Т. 1 / Под ред. А. Р. Лурии, М. Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982а.
- Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Л. С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982б.
- Дух, или избранные мысли четырех монархов философов: Марка Аврелия, Юлиана, Станислава и Фредерика / Перевел с иностранного панкратьевский диакон Иван Михайлов. М., 1797.

- Ждан А. Н.* Психологические съезды России: вехи развития отечественной науки // Материалы съезда Российского психологического общества / Сост. Л. В. Артищева; под ред. А. О. Прохорова, Л. М. Попова, Л. Ф. Баяновой и др. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. Т. 2. С. 266–268. URL: http://xn--nlabс.xn--plai/library/pdf/sborniki_gpo/kazan_2017_2.pdf (дата обращения: 19.05.2023).
- Журавлев А. Л., Олейник Ю. Н., Тихонова Э. В.* Развитие истории психологии в России: интеграция деятельности столичных и провинциальных научных центров (к истории Арзамасских чтений) // Развитие российской психологии накануне и после русской революции 1917 года: тенденции, научные школы, персоналии. Сборник статей участников Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Ю. Н. Олейник, Э. В. Тихонова. Саров: Интерконтакт, 2019. С. 7–16.
- Журавлев А. Л., Костригин А. А.* Функции и принципы наукометрического подхода в психологии // Методология современной психологии. 2023. № 18. С. 112–122.
- Завершнева Е. Ю., Осипов М. Е.* Основные поправки к тексту «Исторический смысл психологического кризиса», опубликованному в 1982 г. в собрании сочинений Л. С. Выготского // Вопросы психологии. 2010. № 1. С. 92–102.
- Завершнева Е. Ю., Осипов М. Е.* Сравнительный анализ рукописи «(Исторический) Смысл психологического кризиса» и ее версии, опубликованной в т. 1 собрания сочинений Л. С. Выготского (1982) под редакцией М. Г. Ярошевского // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 3. С. 41–72. URL: <http://www.psyanima.ru/journal/2012/3/2012n3a3/2012n3a3.1.pdf> (дата обращения: 19.05.2023).
- Записные книжки Л. С. Выготского. Избранное / Под ред. Е. Ю. Завершневой, Р. Ван дер Веера. М.: Канон+, 2017.
- Зенько Ю. М.* Трехвековой диалог психологии и религии в России // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/tryoxvekovoj-dialog-psixologii-i-religii-v-rossii> (дата обращения: 19.05.2023).
- Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее: Сборник тезисов международной конференции. М., 1992.
- Колбановский В. Н.* О психологических взглядах Л. С. Выготского // Вопросы психологии. 1956. № 5. С. 104–133.
- Кольцова В. А., Олейник Ю. Н.* Введение. К истории международных конференций по истории психологии «Московские встречи» // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы Международной конференции по истории психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 9–15.
- Кольцова В. А., Олейник Ю. Н., Серова О. Е.* Международная конференция «История психологии и историческая психология: состояние и перспективы развития» (III Московские встречи по истории психологии) // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 2. С. 137–143.
- Мазилев В. А., Стоюхина Н. Ю.* Л. С. Выготский: новое возвращение // Ярославский психологический вестник. 2017. № 3 (39). С. 91–94.
- Моргун А. Н.* Наукометрическое пространство исследований по истории психологии: приросты и издержки // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 2. С. 136–146. doi: 10.17805/zpu.2019.2.12

- Моргун А. Н.* Международное (мировое) историко-психологическое отраслевое сообщество: наукометрический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 178–214. doi: 10.38098/irpan.sep_2022_25_1_08
- Моргун А. Н., Олейник Ю. Н., Журавлев А. Л.* Институциональные факторы развития отечественной истории психологии (на материале РИНЦ) // Психологический журнал. 2021а. Т. 42. № 1. С. 111–121. doi: 10.31857/S020595920013341-1
- Моргун А. Н., Олейник Ю. Н., Журавлев А. Л.* Тематические направления отечественной истории психологии как внутренние факторы развития отрасли: наукометрический анализ на материале РИНЦ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021б. Т. 6. № 1 (21). С. 219–251. doi: 10.38098/irpan.sep.2021.21.1.009
- О веселости нравственной и физической, имеющей влияние на все состояния человеческой жизни / Творение г. Каракчиоли; Перевел с иностранного панкратиевский диакон Иван Михайлов. М., 1797.
- Олейник Ю. Н.* Научные конференции как индикатор развития области знания (на примере конференций по истории психологии) // Ананьевские чтения – 2017: Преемственность в психологической науке: В. М. Бехтерев, Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов. Материалы традиционной международной научной конференции. СПб., 2017. С. 413–414.
- Олейник Ю. Н., Журавлев А. Л.* История психологии как учебная дисциплина и область науки: актуальные проблемы сотрудничества // Научные труды МосГУ. 2022. № 6. С. 4–16. doi: 10.17805/trudy.2022.6.1
- Соколов М. В.* Очерки истории психологических воззрений в России в XI–XVIII веках. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1963.
- Техническая энциклопедия: энциклопедическое издание: В 26 т. / Под ред. Л. К. Мартенса. М.: Советская энциклопедия, 1927–1934.
- Уединенное богомыслие, или наставления христианской премудрости, воскрыляющие душу к селениям небесным / Перевел с иностранного бывший Панкратиевский диакон, а ныне Никитский, что за Яузой, священник Иван Михайлов. М., 1798–1799. Ч. I–III.
- Чердакова М. М., Костригин А. А.* Библиометрический анализ публикаций в сборниках материалов конференции «История отечественной и мировой психологической мысли (Московские встречи по истории психологии)» (2006, 2009, 2016) // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 4. С. 25–37.
- Rumsfeld D.* Known and Unknown: A Memoir. N. Y.: Penguin Group, 2011.
- Kellogg C.* Donald Rumsfeld talks about his upcoming memoir // Los Angeles Times. 2011. January 24.

Раздел первый

**Методологические, теоретические
и прикладные проблемы
историко-психологического
исследования**

Проблемы историко-психологического образования в высших учебных заведениях

И. С. Алексеенко

Московский гуманитарный университет, Москва, ialexeenko@mail.ru

Анализируются проблемы историко-психологического образования студентов вузов в современных условиях развития высшего образования. Характеризуется влияние стандартизации высшего образования на разработку и содержание методических материалов по дисциплинам историко-психологической направленности. Анализируется опыт вузов по методическому обеспечению историко-психологических дисциплин в условиях обновления образовательных стандартов.

Ключевые слова: историко-психологическое образование, история психологии, государственный образовательный стандарт высшего образования, федеральный государственный стандарт высшего образования, преподавание истории психологии, рабочая программа дисциплины, методическое обеспечение дисциплины.

История показывает, что в переломные моменты в социальной жизни общества интерес к психологической науке усиливается. Так, на современном этапе, в период пандемии коронавируса, роль психологов значительно возросла, так как «неведомый вирус» усилил проявление таких феноменов, как паника, депрессия, стресс. В последнее время увеличились обращения граждан к психологам и психотерапевтам, а также появился интерес к получению психологического образования любого уровня.

О возрастающей роли психологического образования свидетельствует и официальная статистика. В соответствии с «Общероссийским классификатором в системе высшего образования» (2016) к «психологическим наукам» относятся следующие направления подготовки бакалавриата и магистратуры: Психология и Конфликтология, специалитета – Клиническая психология и Психология служебной деятельности. Если в 2018 г. по вышеуказанным направлениям обучались 65455 человек, что составляло 1,56% от всех получающих высшее образование,

в 2019 г. уже 66314 человек (1,61%), то в 2020 г. это число достигло 69487 человек (1,7%) (Официальная статистическая информация по дополнительному профессиональному и высшему образованию, 2021). На эту тенденцию указывает и увеличивающийся процент поступивших в вузы: если в 2018 г. на психологические направления и специальности было принято 19851 человек (что составляет 1,17% от всех поступивших на программы высшего образования), то в 2020 г. это число составило уже 24544 человек (2,23% от всех поступивших) (Официальная статистическая информация по дополнительному профессиональному и высшему образованию, 2021).

Бесспорно, историко-психологическая подготовка обучающихся является важным элементом психологического образования на современном этапе. В самом широком смысле историко-психологическое образование представляет собой систему воспитания и обучения студентов вузов, а также совокупность приобретаемых знаний, умений и навыков в области истории психологии, ценностных установок, функций, опыта, деятельности, компетенций и осуществляется в различных формах. Так, в рамках научно-исследовательской работы обучающихся при подготовке курсовых, выпускных квалификационных работ бакалавров, специалистов, магистров, кандидатских диссертаций, при проведении внеучебных воспитательных мероприятий, несомненно, происходит формирование вышеуказанных элементов обучения и воспитания. Изучение любой психологической дисциплины, как правило, начинается с изложения ее истории. Но основным источником приобретения у студентов высших учебных заведений знаний, умений и навыков в области истории психологии, ценностных установок, функций, опыта, деятельности и компетенций являются дисциплины историко-психологической направленности.

В. А. Якунин отмечает, что изучение истории психологии «не только знакомит человека с прошлым и тем самым расширяет его общий и профессиональный кругозор. Знание истории психологии способствует формированию у человека общего взгляда на мир и отношение к нему. Именно в этом смысле история психологии выполняет свое мировоззренческое и воспитательное назначение» (Якунин, 2001, с. 7). Последние изменения в Законодательстве Российской Федерации в области высшего образования усиливают роль воспитательной функции образования. Вузы до 1 сентября 2021 г. должны включить в состав учебно-методической документации рабочую программу воспитания, предусматривающую реализацию этой функции через отдельные дисциплины, включенные в учебные планы всех направлений подготовки. Большой резерв для реализации данной задачи имеет дисциплины историко-психологической направленности.

Вместе с тем на современном этапе развития высшего образования историко-психологическая подготовка обучающихся на психологических направлениях и специальностях переживает не самые лучшие времена. Основные причины, определяющие такое состояние историко-психологического образования, имеют как внешнее — ситуация в системе высшего образования в целом, так и внутреннее происхождение — проблема преподавания и методического обеспечения дисциплин историко-психологической направленности на уровне вуза. Многоаспектность образовательного процесса, специфика решаемых задач обучения и воспитания, формирования и развития личности в образовательной среде

в современных условиях требует особого подхода к методическому обеспечению процесса обучения. Конечно, существуют проблемы, возникающие в процессе преподавания дисциплин историко-психологического цикла, связанные и со сложностью восприятия дисциплины обучающимися. Так, изучение дисциплины «История психологии» требует обращения к первоисточникам, а студенты, имея возможность быстрого и легкого получения информации любого характера через Интернет, не обращаются к таковому. Имеются проблемы, идущие и от второго участника образовательных отношений — преподавателей, когда историко-психологические дисциплины закрепляются за теми, кто не имеет должной историко-психологической подготовки. В настоящей статье мы остановимся на основной проблеме историко-психологического образования, связанной с методическим обеспечением дисциплин.

Одна из причин сложившейся ситуации связана с событиями, происходящими на высшем, федеральном уровне. Речь идет о постоянной череде изменений и обновлений Федеральных государственных образовательных стандартов, документа, определяющего основную направленность методической обеспеченности историко-психологических дисциплин.

Процесс стандартизации образования всегда вызывал у научно-педагогического сообщества неоднозначную оценку. Образовательный стандарт определяет содержание, требования и объемы подготовки выпускников и является основной объективной оценкой уровня образования, что, в свою очередь, должно было привести к усовершенствованию и повышению качества образования и повлечь за собой единство подхода к методическому обеспечению дисциплин историко-психологической направленности и методике их преподавания.

Еще до появления образовательных стандартов в нашей стране, в 1996 г. появились «Требования к минимуму содержания и уровню подготовки выпускника по специальности 020400 — Психология». В них определялось, что выпускник по данной специальности должен «знать историю становления и развития психологической науки» (Государственный образовательный стандарт, 1996), и значилось, что изучение дисциплины «История психологии» является обязательным. Были достаточно четко прописаны дидактические единицы, которые должен был освоить студент при изучении дисциплины. С появлением первого образовательного стандарта по специальности «Психология» с присвоением квалификации выпускникам «Психолог. Преподаватель психологии» в 2000 г. место дисциплины «История психологии» определилось в базовой части общепрофессионального цикла и на ее освоение отводилось достаточно большое количество часов — 180. Согласно примерному учебному плану, она изучалась в течение двух семестров на третьем курсе студентами очной формы обучения при пятилетнем сроке обучения и на четвертом курсе студентами вечерней формы обучения при шестилетнем сроке обучения. Дидактические единицы, которые должен был освоить студент при изучении дисциплины, были определены четко (Государственный образовательный стандарт, 2000).

В 2009 г. появляются первые федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО) третьего поколения. Их внедрение было связано с подписанием декларации и вступлением нашей страны в 2003 г. в так называемый «Болонский процесс», который внедрил в систему высшего обра-

зования двухуровневую подготовку (бакалавр—магистр) и заменил дидактические единицы на компетенции, которыми должен обладать выпускник вуза по конкретным направлениям подготовки. Первая версия ФГОС по направлению подготовки бакалавриата «Психология» тогда еще содержала дисциплину «История психология» в качестве обязательной. Студенты, обучающиеся в соответствии с данным стандартом, должны были знать «психологические феномены, категории методы <...> с позиции существующих в отечественной и зарубежной науке подходов», уметь «анализировать психологические теории», а также в рамках научно-исследовательской деятельности изучать отечественный и зарубежный опыт по тематике исследований (Федеральный государственный образовательный стандарт, 2011).

Вторая версия ФГОС ВО третьего поколения появилась в связи с вступлением в силу Федерального Закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273. ФГОС ВО по направлению бакалавриата «Психология» был вновь обновлен в 2014 г. и совсем исключил компетенции, напрямую связанные с дисциплиной «История психологии», тем самым указав на необязательность этой дисциплины (Федеральный государственный образовательный стандарт, 2014). Появилась угроза исключения дисциплины «История психология» из учебных планов вузов. Если же вузы оставили дисциплину в учебном плане, то вынуждены были найти соответствие содержанию, определяемому в стандарте перечнем компетенций, традиционному содержанию дисциплины «История психология». Стоит отметить, что вышеуказанный стандарт определяет содержание психологической подготовки психологов-бакалавров с 2014 г. по настоящее время.

Для характеристики внутренних проблем историко-психологического образования студентов нами были изучены сайты 100 ведущих вузов страны, готовящих будущих психологов. Согласно информационной системе «Поступай правильно», в настоящее время в стране 316 вузов готовят бакалавров по направлению «Психология», 230 — магистров по направлению «Психология», 53 — специалистов по специальности «Клиническая психология», 47 — специалистов по специальности «Психология служебной деятельности» (Список вузов России, 2020). Согласно официальной статистике, сегодня насчитывается около 1200 вузов, а это означает, что каждый четвертый вуз готовит психологов. Для анализа были использованы данные государственных (91 %) и негосударственных вузов (9%), а также расположенных как в Москве (45%), Санкт-Петербурге (21%), других городах России (34%).

Согласно официальной документации, представленной на сайте вузов, 100% оставили дисциплину «История психологии» по программам подготовки бакалавров. Другая ситуация с образовательными программами магистратуры. Только 48% имеют в учебных планах дисциплины историко-психологической направленности. Как известно, в магистратуру имеют право поступать все, в том числе бакалавры, не имеющие базового образования. В результате занятия проводятся с учащимися, имеющими в одной студенческой группе разный уровень и объем психологических знаний. Как следствие — получение магистром мозаичных, отрывочных сведений, что не может позитивно сказаться на его квалификационной подготовке.

Также были изучены учебные планы вузов на предмет определения содержания дисциплин образовательных программ бакалавриата по направлению

подготовки «Психология» через закрепление за ними тех компетенций, которые определены стандартом. Анализ показал, что картина достаточно пестрая. Так, разработчики образовательных программ вузов определили, что изучение дисциплины «История психологии» ведет к формированию у обучающихся одной либо нескольких нижеперечисленных компетенций: «способность использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции (ОК-1)» — 58%; «способность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции (ОК-2)» — 42%; «способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-5)» — 3%; «способность решать стандартные задачи профессиональной деятельности на основе информационной и библиографической культуры с применением информационно-коммуникационных технологий и с учетом основных требований информационной безопасности (ОПК-1)» — 35%; «способность к самоорганизации и самообразованию (ОК-7)» — 42%; «способность к постановке профессиональных задач в области научно-исследовательской и практической деятельности (ПК-6)» — (4%) и «способность к проведению стандартного прикладного исследования в определенной области психологии (ПК-8)» — 9% (Федеральный государственный образовательный стандарт, 2014). Самостоятельно сформулировали компетенцию — всего 8 вузов из 100 (8%). А это, на наш взгляд, самое оптимальное решение, ведь образовательный стандарт это позволяет, хотя вузы редко используют свое право. Это объясняется тем, что в большинстве случаев разработчиками образовательных программ являются административные сотрудники вуза, а не профессиональное сообщество. Компетенции, закрепленные за той или иной дисциплиной и спущенные преподавателям «сверху», должны определять методическое обеспечение дисциплины, в состав которого входят рабочие программы дисциплины, фонд оценочных средств и т. п.

Нами также были изучены рабочие программы дисциплин по дисциплине «История психология», представленных на официальных сайтах вузов. Как показывает анализ этой информации, единого подхода к методическому обеспечению дисциплины «История психология» в вузах на современном этапе развития высшего образования просто нет. Анализ содержания рабочих программ дисциплин показал, что зачастую содержание повторяет те дидактические единицы, которые были определены первым образовательным стандартом 2000 г. Зачастую вузы просто «подгоняют» дескрипторы компетенций (знания, умения и навыки) к содержанию курса.

В системе высшего образования современной России поиск новых путей повышения профессиональной компетентности выпускников продолжался. Одним из таких путей стала разработка и утверждение новой версии федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования по различным направлениям подготовки, которые должны быть ориентированы на профессиональные стандарты, что потребовало чрезвычайно поспешной разработки и утверждения Минобрнауки образовательных стандартов по всем направлениям подготовки. Так появились обновленные образовательные стандарты, для которых закрепились формулировка ФГОС 3++, базирующиеся на основе относительно свободного формирования профессиональных компетенций с учетом

профессиональных стандартов и требований рынка труда. По психологическим наукам стандарты вступают в силу с 1 сентября 2021 г. В сложившейся ситуации, несмотря на целый ряд проблем, вузам необходимо было для набора абитуриентов в 2021 г., поступающих на психологические специальности, в очередной раз проделать в относительно короткие сроки большую работу по созданию общих профессиональных образовательных программ, в том числе рабочих программ дисциплин. Что же изменилось и как придется выстраивать учебный процесс в условиях существующего нормативного поля? Сразу отметим, что места для историко-психологической проблематики и в обновленной версии стандарта не нашлось. Те результаты освоения образовательных программ (компетенции), которые чаще всего были закреплены вузами за историко-психологическими дисциплинами, исчезли. На их смену пришли новые универсальные компетенции с достаточно неоднозначными формулировками. Кроме того, дополнительно к наименованию компетенции стали устанавливаются категории (группы) компетенций, назначение и функции которых не совсем ясны. Вот некоторые формулировки универсальных компетенций, заменившие формулировки общепрофессиональных компетенций, которые определяют содержание историко-психологических дисциплин на современном этапе: «способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач» или «способен управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни» (Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 37.03.01 Психология, 2020). Пока что деятельность высших учебных заведений по разработке новых образовательных программ рано анализировать. В момент написания статьи вузы активно разрабатывают новые образовательные программы и пока не представили ее на своих официальных сайтах. Но предполагаем, что с такими дискуссионными формулировками компетенций единообразия методического обеспечения дисциплин историко-психологической направленности не стоит ждать.

Таким образом, основной проблемой историко-психологического образования будущих психологов на современном этапе следует считать отсутствие методического обеспечения дисциплин, которое могло бы отвечать как нормативным документам Минобрнауки, так и запросам общества на подготовку высококвалифицированных специалистов в области психологии. В связи с тем, что методическое обеспечение процесса обучения в вузе является системообразующим фактором качества образования, историко-психологическому сообществу необходимо разработать единый подход к определению содержания историко-психологического образования студентов высших учебных заведений. Единую форму учебной программы нельзя разработать, так как каждый вуз имеет право вносить в нее свои коррективы, но содержание историко-психологического образования должно стать единым при подготовке будущих психологов.

Литература

Якунин В. А. История психологии: Учебное пособие. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2001.

- Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Государственные требования к минимуму содержания и уровню подготовки выпускника по специальности 020400 – Психология (1996) // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <http://fgosvo.ru/archivegosvo/156/155/3/156> (дата обращения: 10.05.2021).
- Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования Специальность 020400 «Психология» Квалификация – Психолог. Преподаватель психологии (2000) // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <http://fgosvo.ru/archivegosvo/156/155/3/156> (дата обращения: 10.05.2021).
- Общероссийским классификатором в системе высшего образования (2016) // Портал контур норматив. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=286683> (дата обращения: 10.05.2021).
- Официальная статистическая информация по дополнительному профессиональному и высшему образованию (2021) // Портал Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13398> (дата обращения: 10.05.2021).
- Список вузов России (2020) // Портал Поступай правильно URL: <https://abitur.cbias.ru> (дата обращения: 10.05.2021).
- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030300 Психология (2011) // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/7/6/1/3> (дата обращения: 10.05.2021).
- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 37.03.01 Психология (2014) // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4/387> (дата обращения: 10.05.2021).
- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 37.03.01 Психология (2020) // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24/87> (дата обращения: 10.05.2021).

Problems of historical and psychological education of students of higher educational institutions at the present stage

I. S. Alekseenko

Moscow University for the Humanities, Moscow, ialexenko@mail.ru

The article analyzes the problems of historical and psychological education of university students in the modern conditions of higher education development. The influence of standardization of higher education on the development and content of methodological materials of disciplines of historical and psychological orientation is characterized. The article analyzes the experience of universities in terms of methodological support of historical and psychological disciplines in the conditions of updating educational standards.

Keywords: historical and psychological education, the history of psychology, the state educational standard of higher education, the federal state standard of higher education, teaching the history of psychology, the working program of the discipline, methodological support of the discipline.

Теоретико-методологические основы исследования ведущих научных коллективов советских психологов¹

О. А. Артемьева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, oartemeva@yandex.ru

Перспективность применения понятия «коллектив» при изучении организации науки в СССР связывается с социалистической ориентацией научной политики и коллективными способами организации деятельности в этот период. В качестве теоретико-методологической основы исследования определяется отечественная социально-психологическая *теория коллектива*. Утверждается, что анализ историко-научных материалов об организационном оформлении ведущих научных коллективов позволяет проследить социально-психологический механизм отклика советской психологии на социальный заказ в построении советской науки и системы практической помощи, выявить закономерности организации и самоорганизации науки. Осознанная просоциальная направленность деятельности, возможность развития творческих способностей членов, наличие объединяющей экспериментально и практико-ориентированной исследовательской программы рассматриваются как характерные черты таких коллективов.

Ключевые слова: история психологии, советская психология, научный коллектив, коллективный субъект научной деятельности, социальная психология науки, социально-психологическая детерминация развития психологии, организация науки, самоорганизация науки, исследовательская программа, институционализация психологии.

Возрастающее значение большой науки в гуманитарном научном познании выдвигает коллективы ученых в число объектов саморефлексии науки. Результаты осмысления закономерностей их эффективной организации востребованы при форсайте, построении прогноза развития как отечественной, так и мировой науки. Успешный опыт решения задач интенсификации труда и научных исследований, восстановления кадрового потенциала советской науки в 1920–1930-х годах может использоваться на современном этапе ее развития. В этом ключе востребован анализ материалов истории отечественной психологии, ее организационного оформления и институционализации.

Обращение к истории организации деятельности научных коллективов позволяет проследить социально-психологический механизм отклика отечественной психологии на социальный заказ в построении советской науки и системы практической помощи, выявить закономерности организации науки и самоорганизации научного сообщества. Ведь именно научные коллективы выступали одновременно и центрами государственной поддержки науки, и базами оформления научных школ. Между тем проблема организации их деятельности на материале истории отечественной психологии до сих пор не ставилась. Ряд аспектов

1 Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00675.

работы школ — исследовательских коллективов советских психологов изучались М. Г. Ярошевским и В. В. Умрихиным (Умрихин, 1984; Ярошевский, 1993). Определенный вклад в решение проблемы намечен в работах, затрагивающих отдельные аспекты изучения стилей ученичества и руководства в научных коллективах советских психологов и физиологов, например, Н. А. Логиновой и О. В. Ракитиной (Логинова, 2000; Ракитина, 2016).

«Коллектив», «коллективный субъект», «групповой субъект»

В качестве перспективной теоретико-методологической основы исследования деятельности научных коллективов представляется, прежде всего, отечественная *теория коллектива*. Изучение собственно коллектива как особого вида группы характерно лишь для советской теории коллектива. Традиционно в мировой и отечественной психологии коллективное понимается в широком смысле как «совместное», а коллектив рассматривается как любая группа, осуществляющая совместную деятельность. Так, например, в рамках истории психологии, раскрывая принцип единства коллективного и индивидуального творчества в развитии науки, В. А. Кольцова оперирует представлением не о коллективе как особом виде группы, а о «коллективном» как «совместном» характере научного познания (Кольцова, 2004).

Теоретические основы социально-психологического исследования коллектива заложены в работах А. В. Петровского, Л. И. Уманского и их учеников. Под коллективом подразумевается группа людей, объединенная общими целями и задачами совместной социально ценной деятельности. Выделяются признаки и условия формирования коллектива. В параметрической концепции коллектива (Уманский, 1980) и теории деятельностного опосредствования межличностных отношений в группе (Психологическая теория коллектива, 1979) формирование коллектива рассматривается как процесс, предполагающий развитие межличностных отношений его членов в связи с выполнением социально значимой деятельности. Существенные черты коллектива представлены в особом типе межличностных отношений, для которых характерны высокая сплоченность как ценностно-ориентационное единство, коллективистское самоопределение, коллективистская идентификация, социально ценный характер мотивации межличностных выборов, высокая референтность членов группы по отношению друг к другу, объективность в возложении и принятии ответственности за результаты совместной деятельности.

В современной отечественной психологии в качестве сходных по смыслу понятий используются термины «коллективный субъект», «субъект совместной деятельности», «групповой субъект». Обращение к разным понятиям обусловлено различием методологических оснований, теоретических подходов авторов (Артемьева, 2015а). Так, новые варианты решения проблема коллектива находит в работах исследователей коллективного субъекта деятельности. Критерии субъекта определяются в связи с изучением структуры и содержания совместной деятельности. Утверждается, что ни сама группа в качестве субъекта деятельности, ни формы и способы ее активности не могут быть определены вне отношения к предмету совместной деятельности (Донцов и др., 1998). Таким образом, в рамках исследования субъекта совместной деятельности в качестве основного критерия коллектива выступает предметное содержание выполняемой деятельности.

Наиболее целостные, системные подходы к выявлению и классификации свойств коллективного и группового субъекта принадлежат А. Л. Журавлеву и К. М. Гайдар. Их отличает представление о коллективном объединении как становящемся субъекте. Авторы выделяют стадии субъектности и уровни анализа группового субъекта соответственно. Развивая традиции субъектного подхода к изучению коллектива, Журавлев выделяет свойства коллективного субъекта: 1) взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в группе с ее динамическими (интенсивность или теснота взаимных связей и зависимостей между индивидами в группе) и содержательными (содержание или предмет взаимных связей и зависимостей) показателями; 2) качество (способность) группы проявлять совместные формы активности, т. е. быть единым целым по отношению к другим социальным объектам или по отношению к себе самой; 3) качество (способность) группы к саморефлексии, в результате которой формируются чувство «Мы», образ «Мы» (Журавлев, 2009).

Гайдар оперирует понятием «групповой субъект» и определяет его как динамическое и системное качество группы взаимосвязанных и взаимодействующих людей. Важным качеством развитого группового субъекта является способность к самоорганизации и саморазвитию (Гайдар, 2006). Выделение этой единой способности связано с пониманием группового субъекта как динамического образования, целью которого является не только сохранение себя и адаптация в среде, но и преобразование себя и среды, исходя из принципов объективности и ответственности.

Положения теорий коллективного, группового и субъекта совместной деятельности использованы нами для разработки уровневой субъектной концепции социально-психологической детерминации развития коллективного субъекта научной деятельности, а также для выделения критериев и диагностики достижения стадий становления и развития коллективного субъекта научной деятельности в отечественной психологии первой половины XX в. (Артемьева, 2015б). В частности, применительно к коллективному субъекту научного познания как развивающейся системе в качестве критериев реализованы следующие критерии: целостность как взаимосвязанность и взаимозависимость, общественная значимость деятельности (на стадии становящегося субъекта); предметность, иерархичность, рефлексивность, способность к самоорганизации и саморазвитию (на стадии развитого субъекта). Таким образом, развитый коллективный субъект научной деятельности определяется нами как «иерархическая общность ученых, объединенная целенаправленным поиском научного знания, осознающая и решающая стоящие перед ней общественно значимые задачи, способная к самоорганизации и саморазвитию» (там же, с. 102).

«Научный коллектив»

Социально-психологический подход к коллективу и группе реализуется в социальной психологии научного коллектива. Этому вопросу посвящены работы сотрудников сектора проблем научного творчества Института истории естествознания и техники АН СССР под руководством М. Г. Ярошевского и Сибирского отделения АН СССР А. А. Чечулина (Белкин и др., 1987; Чечулин, 1989; и др).

Ярошевский оперирует понятием «коллективного субъекта научного познания». При этом «коллективное» используется в смысле «совместное» и «групповое». В качестве синонимов научного коллектива используются понятия научной школы и научной группы. Например, по словам Ярошевского, история познания началась не с индивидов, а с коллективов, именно школ, выполняющих «великую миссию хранителя и транслятора социального опыта» (Ярошевский, 1979, с. 70). Личностное в научной деятельности рассматривается как производное от коллективного, ролевого. В психологию науки Ярошевским введено понятие «коллективного субъекта научного познания» как объединения ученых (там же). Его уровни составляют: общество, научное сообщество, научно-социальный круг, микросоциум, личность.

В качестве единицы анализа совместной научной деятельности Ярошевский предложил рассматривать исследовательскую программу (Ярошевский, 1977). Именно с принятием коллективом программы автор связывал возникновение научной школы: «Лишь тогда, когда индивидуальная программа становится основой деятельности коллектива, возникают те школы, творческая энергия которых служит могучим двигателем научного прогресса» (там же, с. 27). В качестве компонентов программы выделялись «категориальное и теоретическое ядро, рабочее представление об исследуемом объекте, образ конечного результата исследования, правила организации процедурно-методического аппарата, представление о стратегии исследования и др.» (Умрихин, 2011, с. 147).

Подход Ярошевского находит дальнейшую реализацию и уточнение в работах по социальной психологии науки. В диссертационном исследовании М. А. Иванова определяется значение научной исследовательской программы как обеспечивающей предметную сплоченность и стимулирующей активное внутригрупповое научное общение в коллективе (Иванов, 1982). А. Г. Аллахвердян также определяет наличие общегрупповой (единой, совместной) исследовательской программы в качестве важнейшего условия создания «подлинной совместности», единого субъекта (Аллахвердян и др., 1998, с. 122).

В монографии А. А. Чечулина определяется специфика научного коллектива как одного из видов группы: в соответствии с традицией отечественной социальной психологии коллектив рассматривается как высшая стадия развития группы. В качестве основных критериев формирования коллектива определяются объединение людей на основе совместной деятельности и полезность выполняемой деятельности для общества. Третьим существенным признаком, выделяемым при изучении именно научного коллектива, Чечулин называет возможность развития задатков его членов. Таким образом, научный коллектив определяется как «объединение ученых на основе общности мотивов и целей научной деятельности, соответствующих целям социалистического строительства (т. е. общественно значимым. — *О. А.*), которое обеспечивает ученому всестороннее развитие его творческих способностей и наиболее полную их реализацию в научной деятельности» (Чечулин, 1989, с. 170).

Он подчеркивает значение активности отдельного ученого: «Новые коллективно выработанные научные теории, законы, принципы в каждый конкретный период исторического развития науки будут включаться в творческий арсенал ученого в том случае, если они не только „вписываются“ в сложившийся у него

категориальный аппарат, но и приобретают для него личностный смысл» (Чечулин, 1989, с. 93). Становление личности ученого и научного коллектива — взаимосвязанные процессы: «Индивидуализация ученого, т. е. становление и развитие его творческой индивидуальности, возможна только в процессе деятельности в коллективе и через коллектив» (там же, с. 95).

Таким образом, в науковедческих работах Ярошевского, Чечулина и др. в качестве специфических характеристик коллективного научного субъекта выступает наличие: 1) исследовательской программы; 2) ролевого ансамбля (эрудита, генератора идей и критика); 3) возможности развития творческих способностей членов коллектива (Артемьева, 2015б). В целом в качестве теоретико-методологических основ исследования социального развития и организации науки могут быть использованы различные социально-психологические и науковедческие концепции отечественных авторов. Их объединяет оперирование общими категориями: «субъект», «деятельность» и «коллектив».

«Ведущий научный коллектив» в истории психологии

Наиболее эвристичной для описания и объяснения социальной истории советской психологии представляется теория коллектива. Перспективность применения научного понятия «коллектив» при изучении организации науки в СССР связывается с социалистической ориентацией научной политики и коллективными способами организации деятельности в этот период. Осознанная просоциальная направленность деятельности научных коллективов является характерной чертой этих объединений. Именно в этом смысле можно говорить о коллективах советских психологов как коллективных субъектах. Реализация такого подхода на уровне конкретно-научной методологии позволяет дополнить науковедческие представления о коллективном субъекте научного познания теоретическими положениями отечественной социальной психологии о признаках и уровнях развития коллективного субъекта деятельности, общения и отношений (Артемьева, 2015а; Журавлев, 2009). Такой взгляд способствует расширению сферы применения категории «субъект» и представлений о первичном исследовательском коллективе как одном из уровней субъекта научного познания, занимающем промежуточное положение между уровнями «научной организации» и «научно-социального круга ученого», над которыми надстраиваются уровни «научного сообщества» и «общества» (Артемьева, 2015а, б).

Конкретные научные и образовательные учреждения и возникшие с опорой на них коллективы стали базой становления советской психологии. Не только отдельным ученым или научным направлениям благодарны мы за построение, развитие и сохранение советской психологии в сложных идеологических, политических, экономических, военных условиях. Основы объективной марксистской психологии были заложены коллективами сотрудников Психоневрологического института и Института по изучению мозга и психической деятельности под руководством В. М. Бехтерева, московского Психологического института под руководством Г. И. Челпанова, К. Н. Корнилова и др., психологами, дефектологами, медиками, работавшими под руководством Л. С. Выготского в ряде научных институтов Москвы, сотрудниками кафедры психологии Ленинградско-

го педагогического института им. А. И. Герцена под руководством М. Я. Басова, С. Л. Рубинштейна и др. Эти ведущие научные коллективы психологов изучаются как коллективные субъекты общественно значимой познавательной деятельности, сплоченные содержанием исследовательской программы под руководством выдающегося ученого. Особое значение придается направленности исследовательской программы, в частности, ее ориентации на социальный заказ в построении советской экспериментальной науки и системы практической помощи.

Заключение

Изучение научных коллективов является одним из основных направлений саморефлексии науки на этапе технологической революции. Результаты осмысления закономерностей эффективной организации научных коллективов востребованы при построении прогноза развития как отечественной, так и мировой науки. Анализ историко-научных материалов об организационном оформлении и институционализации советской психологии, ее научных коллективов позволяет проследить социально-психологический механизм отклика психологии на социальный заказ в построении советской науки и системы практической помощи, выявить закономерности организации науки и самоорганизации научного сообщества.

В качестве теоретико-методологической основы такого исследования могут быть использованы социально-психологические и науковедческие концепции отечественных авторов, посвященные становлению и развитию коллективного, группового субъекта и субъекта совместной деятельности, в первую очередь отечественная теория коллектива.

Перспективность применения научного понятия «коллектив» при изучении организации науки в СССР связывается с социалистической ориентацией научной политики и коллективными способами организации деятельности в этот период. Осознанная просоциальная направленность деятельности научных коллективов по строительству объективной психологии является их характерной чертой. Среди других значимых критериев научного коллектива рассматривается возможность развития творческих способностей членов коллектива, а также наличие и направленность объединяющей их экспериментально и практико-ориентированной исследовательской программы. В целом в условиях советской научной политики научный коллектив может рассматриваться как единица анализа социальной организации науки.

Литература

- Аллахвердян А. Г., Мошкова Г. Ю., Юревич А. В., Ярошевский М. Г.* Психология науки. М.: Флинта, 1998.
- Артемьева О. А.* Научное сообщество как субъект научной деятельности // Психологический журнал. 2015а. Т. 36. № 5. С. 95–103.
- Артемьева О. А.* Социально-психологическая детерминация отечественной психологии как становление и развитие коллективного субъекта научной деятельности в первой половине XX столетия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015б.
- Белкин П. Г., Емельянов Н. Е., Иванов М. А.* Социальная психология научного коллектива. М.: Наука, 1987.

- Гайдар К. М.* Субъектный подход к психологии малых групп: История и современное состояние. Воронеж: ВГУ, 2006.
- Донцов А. И., Дубовская Е. М., Улановская И. М.* Разработка критериев анализа совместной деятельности // Вопросы психологии. 1998. № 2. С. 61–71.
- Журавлев А. Л.* Коллективный субъект: Основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
- Иванов М. А.* Научно-исследовательская программа как фактор регуляции межличностных отношений в первичном научном коллективе: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 1982.
- Кольцова В. А.* Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Психологическая теория коллектива / Под ред. А. В. Петровского. М.: Педагогика, 1979.
- Уманский Л. И.* Психология организаторской деятельности школьников. М.: Просвещение, 1980.
- Умрихин В. В.* Ленинградский период научной деятельности С. Л. Рубинштейна // Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 144–158.
- Чечулин А. А.* Микросреда в системе социальных связей и отношений ученого. Новосибирск: Наука, 1989.
- Ярошевский М. Г.* Логика развития науки и научная школа // Школы в науке. М.: Наука, 1977. С. 7–97.
- Ярошевский М. Г.* О генезисе субъекта научного познания // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 68–80.

Theoretical and methodological framework of the research of the leading scientific collectives of soviet psychologists

O. A. Artemeva

Irkutsk State University, Irkutsk

The promise of the scientific concept of “collective” application in the study of the organization of science in the USSR is associated with the socialist orientation of scientific policy and with collective ways of activities’ organization during this period. The theoretical and methodological framework of our study is Soviet social-psychological theory of the collective, etc. It is argued that the analysis of historical-scientific materials on the institutionalization of leading scientific collectives allows us to define the social-psychological mechanism of the response of Soviet psychology to social demand in the construction of Soviet science and of practical assistance’s system, and to identify the laws of organization and self-organization of science. The conscious prosocial orientation of activities, the opportunity to develop members’ creative abilities, and a uniting experimental and practical-oriented research program are considered as characteristic features of such collectives.

Keywords: history of psychology, Soviet psychology, scientific collective, collective subject of scientific activity, social psychology of science, social-psychological determination of psychology development, organization of science, self-organization of science, research program, institutionalization of psychology.

От души к внутреннему миру человека: предмет психологии в исторической перспективе¹

В. А. Мазиллов

*Ярославский государственный педагогический университет, г. Ярославль,
v.mazilov@yspu.org*

В. Д. Шадриков

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, shadrikov@hse.ru*

В статье анализируется проблема предмета психологии. Авторы настаивают на важности рассмотрения этой проблемы, подчеркивают, что конструирование предмета должно быть результатом теоретической работы, поскольку категория «предмет» выполняет в структуре психологического знания определенные функции. Краткий исторический анализ позволяет дифференцировать предметную область и собственно предмет. Преждевременное выделение научной психологии как особой области знания привело к ограниченному пониманию предмета, в результате чего создалась традиция конструирования частных предметов. Негативным моментом явился подход, в соответствии с которым изучался не предмет в целом, а его единицы. В статье отстаивается другой подход, предложенный В. Д. Шадриковым, в соответствии с которым предмет понимается как целостность, — внутренний мир человека. В статье показаны преимущества разрабатываемого подхода.

Ключевые слова: история психологии, предмет психологии, методология психологии, душа, внутренний мир человека.

Проблема *предмета психологии* сложна и имеет достаточно длительную историю, на ее некоторых моментах мы остановимся ниже. Здесь же обратим внимание на то, что в настоящее время проблема предмета самими психологами явно недооценивается (см., например: Новые тенденции..., 2019; Психологическое знание..., 2018; Теория и методология..., 2007; и др.). Было время, когда каждое новое возникающее направление в психологии по-своему определяло ее предмет, обоснованно полагая, что от правильного определения предмета зависит успех самой *научной психологии*, с которой каждое новое направление неизменно себя идентифицировало. Однако со временем наступило некоторое разочарование, связанное с изменением отношения к проблеме. Корни этого нового отношения можно увидеть в том, что психологи стали считать, что предмет достаточно «заявить». Иными словами, предметом можно *объявить* практически любое более или менее широкое понятие. Множество трактовок предмета, предложенных в истории психологии, привело к ошибочному заключению: предмет «полагается», т. е. достаточно прос-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 18-18-00157.

той *декларации*. Парадигма «задания» предмета, согласно такой позиции, такова: предметом мы «сделаем» (т. е. объявим) — душу, сознание, поведение, переживание, деятельность и т. п. Обратной стороной такого представления является то, что *предмет* сам по себе особенного значения не имеет, он необходим для соблюдения *ритуала*: про предмет пишут в первой главе учебника, а далее содержание курса психологии излагается уже без связи с этим заявлением.

Наше убеждение состоит в том, что тому или иному решению проблемы предмета должен предшествовать *теоретический анализ*. Методология психологии должна быть не синкретом, комплексом методологических принципов, а *научной теорией*. И ядром этой теории должна быть *теория предмета*.

Прочитываем в этой связи известного отечественного методолога В. П. Зинченко, который, как можно полагать, несколько разочаровался в перспективности поисков предмета психологии. «К задаче определения предмета науки нужно отнестись *cum grano salis*, следуя совету Г. Г. Шпета: „Для науки предмет ее — маска на балу, аноним, биография без собственного имени, отчества и дедовства героя. Наука может рассказать о своем предмете мало, много, все, одного она никогда не знает и существенно знать не может — что такое ее предмет, его имя, отчество и семейство. Они — в запечатанном конверте, который хранится под тряпьем Философии... Много ли мы узнаем, раздобыв и распечатав конверт?.. Узрим ли смысл? Уразумеем ли разум искусств?“ (добавим и наук. — В. Зинченко). Не вернее ли, что только теперь и задумываемся над ними, их судьбою, уйдем в уединение для мысли о смысле?» (Зинченко, 2019, с. 849).

Мы полагаем, что такого рода позиция не оправданна. Предмет науки никоим образом не «маска на балу». Наука, осознавшая себя наукой, есть в первую очередь *система понятий*, среди которых важнейшим является понятие «*предмет науки*». Более того, наука, осознавшая себя наукой, не может существовать без *методологии*. Сердцевинной методологии является понятие *предмета психологической науки*. Как об этом хорошо написал известный методолог психологии Г. В. Залевский, «на мой взгляд, недостаточно понимать систему, в том числе и методологическую, только с позиции взаимосвязи составляющих ее элементов, не учитывая того, что каждый элемент играет свою роль в этой взаимосвязи, во-первых, и, во-вторых, по мере усложнения живой системы — от клетки до человека и человеческого сообщества — эти взаимосвязи все больше иерархизируются с появлением «командного» элемента, играющего роль интегратора всех элементов системы. С моей точки зрения, в интегративной методологии таковым элементом и является предмет психологии (точнее, понимание предмета, что для нас выступает в качестве предмета психологии)» (Залевский, 2019, с. 198).

Не оставлять поисков предмета психологии призывает А. Г. Асмолов: «Мы все время с завидным комплексом неполноценности ищем свой предмет. Мы ищем его уже которую тысячу лет. Но, родные мои, дорогие мои, я еще раз акцентирую внимание: лучше нам с вами быть с комплексом неполноценности, чем с тем комплексом, который я называю комплексом полноценности...» (Асмолов, 2019).

Вспомним классику отечественной психологии. Согласно К. А. Абульхановой-Славской, «роль методологии заключается не только в указании на то, что должна исследовать данная наука, но и в выработке таких способов, которые кратчайшим путем вели бы познание к выявлению сущности данного круга явлений.

Речь идет о выработке типичных для данной науки способов добывания новых знаний, способов раскрытия закономерностей данного круга явлений. Функция методологии заключается прежде всего в *определении предмета исследования науки*, в данном случае психологии» (Абульханова-Славская, 1969, с. 318; курсив наш. — В. М., В. Ш.). Методология не составляет предмета психологии, но на ее основе предмет выделяется. К. А. Абульханова-Славская приходит к важному выводу, согласно которому развитие конкретной методологии науки — не произвольный, а диктуемый самим ходом развития науки процесс. Различение предмета и объекта психологии, на котором настаивает автор, позволяет избежать противоречий и ошибок: «В отличие от объекта науки, предмет научного исследования есть логическая категория научного познания, результат или продукт абстрагирующей деятельности научного исследования» (Абульханова-Славская, 1969, с. 320).

Однако дело даже не в том, продолжать обсуждения проблемы предмета, которые кому-то кажутся бесконечными и бесплодными, или их прекратить. Как мы полагаем, методология, которая в соответствии с классическим определением перестает быть только совокупностью принципов, но становится *концепцией*, в которой методологические понятия используются *в системе*. Напомним, что методология, согласно классическому определению, «система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также *учение об этой системе*» (Спиркин и др., 1989, с. 359; курсив наш. — В. М., В. Д.). Это означает, что конструктор «предмет» должен выполнять в этой системе — *концепции методологии* — определенные *функции* и, стало быть, иметь определенные *характеристики* (Мазилев, 2020б). Таким образом, конструирование предмета не может быть определено как декларация, ибо предстает как результат специальной теоретической работы.

Теперь необходимо вернуться к заявленной проблеме предмета психологии в ее *историческом аспекте*. Конечно, в рамках одной статьи осветить проблему просто невозможно, поэтому обратим внимание только на самые значимые моменты.

Важно различать *предметную область* и собственно *предмет психологии*. До возникновения *психологии* можно говорить лишь о *предметной области*. Таковой на протяжении многих столетий была душа. Еще древние греки различали душу и дух, поскольку они имели разное происхождение: душа изобретается, дух открывается. Душа понималась как источник активности, тогда как дух обнаруживался, когда человек находился в особом состоянии (Хейстад, 2018). В своей трактовке разумной души Аристотель *душу и дух* фактически соединил.

Магистральным направлением формирования психологического знания на протяжении многих веков было *философское исследование*, использующее методы рассуждения и интерпретации, что можно обозначить как *философскую психологию*. Главным содержанием философской психологии были рассуждения о душе, ее структуре и свойствах. Появление так называемой *эмпирической психологии* в рамках *философской психологии* картины не изменило. Как пронизательно отметил П. Фресс, «оставаясь эмпирической в отношении источника идей, вся эта школа развивает психологию своим анализом психической жизни, который всем еще обязан пронизательности философа, склонного к созданию стройных систем» (Фресс, 1966, с. 18).

В XVIII в., благодаря усилиям Х. Вольфа, психология заявила о себе как *самостоятельная философская дисциплина* (см. подробнее: Мазиллов, 1998), на какое-то время она даже стала центральной частью философии. По Вольфу, психологий было две — эмпирическая и рациональная, причем различие между ними было чисто методологическим: исследовалась одна и та же душа в разных отношениях. Таким образом, был сделан важный шаг на пути конструирования предмета — он был сделан философом, упорядочивающим массив знаний и строящим систему наук.

Первым психологом, реально выделившим *предмет психологии*, явился И. Гербарт, приложивший к психологии фихтеанское наукоучение, в частности, учение об *основании науки*. Напомним, по Гербарту, в качестве основания выступают *факты сознания*.

Обратимся к провозглашению психологии наукой, которое давно ожидалось, в 1870-е годы. В «Основаниях физиологической психологии» Вильгельм Вундт обосновывает новую область знания — *физиологическую психологию* (Wundt, 1874). Сама идея выделения психологии появилась у Вундта десятилетием ранее (Wundt, 1863—1864). Физиологическая психология — это дисциплина, которая имеет *свой предмет* (непосредственный опыт), метод, систему понятий, законы. Обратим внимание, что это дисциплина, в которой полностью устранены кантовские критические замечания к психологии: психология использует математику и эксперимент, устойчивые элементы испытываемый научается выделять в ходе предварительных опытов (напомним, что испытываемый допускался до исследования лишь после того, как пройдет предварительно обучающие запотоколированные 10000 экспериментов), с помощью самонаблюдения изучаются лишь простейшие явления, в которых в силу их простоты и элементарности нарушить ничего нельзя. Кроме того, в состав физиологической психологии включаются ранее проведенные исследования по времени реакции (Ф. Дондерс и др.) и психофизике (Э. Вебер, Г. Т. Фехнер и др.). Обратим внимание, что фехнеровская психофизика требовала значительного переосмысления: Фехнер исходил из психофизиологического тождества, а Вундт рассматривал данные психофизики с точки зрения психофизиологического параллелизма.

Вундт прекрасно понимал, что его акция *преждевременна*. В предисловии к первому изданию «Оснований физиологической психологии» Вундт в марте 1874 г. писал: «Предлагаемый публике труд имеет целью ограничение новой области в науке. Я хорошо сознаю, что моя попытка может быть сочтена преждевременною. В самом деле, даже анатомо-физиологические основания излагаемой науки еще не достаточно утверждены, а экспериментальная разработка психологических вопросов едва лишь начата. Но известно, что ориентировка в действительном состоянии науки, хотя бы только возникающей, есть лучшее средство для выполнения существующих в ней пробелов. Чем несовершеннее будет в этом отношении моя попытка, попытка, надо сказать, первая, тем скорее она вызовет труды, ее дополняющие и исправляющие» (Вундт, 1880, с. III).

Стоит отметить, что эта попытка была благожелательно принята научным сообществом. Оценивая его реакцию, нужно иметь в виду следующее. Провозглашение психологии наукой было событием долгожданным. Область душевных явлений оставалась последней областью, не охваченной наукой с ее экспе-

риментами и точными измерениями. И вот последняя «крепость» пала перед научным наступлением. Правда, пришлось закрыть глаза на некоторые недостатки.

В известном смысле трагедией для психологии стало ее преждевременное выделение из философии. Говоря о выделении — традиционной и фактически общепринятой формуле — надо отметить, что выражение это крайне неудачно. Оно создает впечатление, что некоторая «часть философии», автономно существовавшая в недрах философского знания, заявила о своем «суверенитете», «автономии» и начала «самостоятельное существование». Это совершенно не соответствует действительности, так как физиологическая психология В. Вундта, которая и была им объявлена отдельной, «самостоятельной» наукой, *выстраивалась, конструировалась* автором по определенному проекту. Контуры этой дисциплины Вундт увидел в работах Иммануила Канта. Попытка была долгожданной, но, повторим, не подготовленной.

Физиологическая психология исследовала лишь *элементарные* психические явления, поэтому охватывала только ощущения и произвольные движения. Соответственно, все высшие психические функции в сферу ее исследований не попадали. Таким образом, предметное поле новой науки было чрезвычайно сужено. Естественно, что при таком подходе можно было настаивать на тезисе, что это наука без всяких «метафизических допущений». Обратим внимание, что даже это в полной мере не удалось. Вундт прекрасно понимал, что сознание целостно. Никакие ассоциации не в состоянии объяснить, как из элементов складываются целостности. Вундту приходится *постулировать* наличие закона творческого синтеза и, как следствие, выводить из него апперцепцию. Апперцепция — некая сила, локализующаяся в лобных долях, способная организовывать элементы опыта в целостности.

Обратим внимание на важный момент. Проект Вундта, хотя он не состоялся в той мере, в какой мыслился автором, был первым вариантом последовательной эмпирической психологии. Предполагалось, что данные о предмете будут получены *непосредственно*. Субъективный метод критиковался, поэтому данные о предмете (непосредственном опыте) получались, по Вундту, только тогда, когда испытуемый проходил специальное обучение, в процессе которого он научался выделять в самонаблюдении то, что соответствовало пониманию предмета. Аналогичная ситуация наблюдалась в Вюрцбургской школе, когда испытуемыми были лишь профессиональные психологи, знающие, что нужно описывать. Как было показано ранее, в психологии того периода наблюдалось довольно много попыток варьировать методы, чтобы добиться нужного эффекта (Мазилев, 1998).

При этом исходили из принципиального допущения, что предмет *обнаруживается*, непосредственно «является», т. е. выступает как *явление*, феномен. Это в равной степени относилось к вариантам и субъективной, и объективной психологии. В первоначальных вариантах последней полагалось, что изучается поведение, которое непосредственно *является* наблюдателю. Достаточно скоро выяснилось, что это не вполне так.

Однако со времени появления основных школ (начало XX столетия) в психологии стало ясно, что это допущение неоправданно: реальный предмет как явление

исследователю недоступен, он *конструируется* исследователем¹. Впервые с этим феноменом, как можно полагать, столкнулись в психоанализе и в Вюрцбургской школе, так как вытесненные в бессознательное переживания и детерминирующие тенденции *непосредственному исследованию были недоступны*. В психологии началась новая эпоха.

В качестве промежуточного итога, важного для темы нашей статьи, необходимо подчеркнуть следующее. В рамках философской психологии душа понималась как принципиальная *целостность*, обнимающая психический мир человека целиком. Это было очень значимое положение, поскольку в единстве рассматривались и познание, и чувства, и воля, объединяемые тем, что они *принадлежат душе*. Обратим внимание и на то, что в учениях о душе, по крайней мере, начиная с Фомы Аквинского, присутствовало положение о *простоте души*. Подчеркнем, что она трактовалась как *простая сущность*. Если этот тезис нуждается в пояснении, то подход к душе как *простой* можно уподобить античному пониманию атома как далее неделимого. Иными словами, это положение устанавливало естественный предел познания, за который человеческая мысль двигаться не могла. Подчеркнем, что эта простота никоим образом не препятствовала выделению видов души, а также использованию различных классификаций. Если кому-то последний тезис покажется противоречащим идее простоты, напомним, что, по Демокриту, существовали разные атомы, хотя все они были «далее неделимыми». Еще одно важное обстоятельство: трактовка души как простой не позволяла ее *редуцировать* к каким-то ограниченным моделям, ибо *сущность души* как целого, как *простой сущности* не могла быть сведена к другой *сущности*. К этому моменту нам еще предстоит вернуться.

Психологи сами отказались от использования понятия *души*, это было принципиальное решение самих представителей психологической науки, которые руководствовались лучшими побуждениями (Мазилев, 2019). Было тем самым снято ограничение на познание, открывшее дорогу самого разного рода редукциям. Подчеркнем: отказ от души означал тем самым и отказ от идеи принципиальной *целостности*.

В *научной психологии* (представители различных направлений идентифицировали себя именно так) возникло множество *различных подходов*, каждый из которых позиционировался как *новый*, современный, правильный, подлинно научный. К альтернативным подходам (как и к концепциям прошлого) отношение было снисходительным, как к «кладбищам феноменологии» (см. ниже: Юревич, 2008). Отметим, что каждый подход исходил из своего понимания предмета психологии, который трактовался как подлинно научный и поэтому неизбежно ограниченный, одномерный (см.: Мазилев, 2017). Новаторы как правило полемизировали с Вундтом, находя недостатки в его системе, отталкивались от его учения, акцентируя тот или иной недостающий момент. Тем самым была заложена традиция, которая жива до сих пор — конструировать простые научные предметы.

Внутри каждого из множества подходов (это и основные школы, и другие, менее известные подходы в психологии) происходила определенная *эволюция*. В целом можно выделить две важные, связанные, но различные тенденции.

---

1 Здесь мы не имеем возможности обсуждать параллели с процессами, имевшими место в физике на рубеже XIX–XX вв.

1. *Экспансия*, т. е. попытка *экстенсивно* расширить свою частную трактовку предмета на как можно большее научное пространство (такая эволюция идеи описана Л. С. Выготским в «Историческом смысле психологического кризиса» — Выготский, 1982).
2. *Эволюция* подхода (условно говоря, *интенсивная*), связанная с его развитием и углублением: если подход существовал достаточно долго, намечалась стийная интеграция, т. е. *выход* за рамки исходных представлений, заимствование и использование понятий из других направлений (тенденция, хорошо известная в истории психологии, например: происхождение неофрейдизма, необихевиоризма и т. д.). Подробно такая эволюция прослежена одним из авторов данной статьи на примере гештальтпсихологии (см.: Мазилев, 2017).

Внутри этих подходов формировались теории тех или иных психических явлений (восприятия, мышления, памяти, личности и т. д.), которые их авторам представлялись *общими* научно-психологическими теориями, тогда как реально они неизбежно были частными *теориями*, поскольку были сформулированы *в рамках ограниченно понимаемого предмета*.

Для того чтобы обозначить, как указанные теории относились к предшествующим и альтернативным, рожденным в других подходах, воспользуемся описанием А. В. Юревича, откуда уже приводилось выражение «кладбища феноменологии». Юревич пишет: прошлое психологии «обычно предстает как скопление ошибок, нагромождение артефактов, паутина тупиковых направлений исследования или, в лучшем случае, как беспорядочное накопление феноменологии, которое по отношению к психологии грядущего призвано сыграть ту же подготовительную роль, какую философия сыграла по отношению к науке. Именно в силу такого отношения к прошлому психологическое знание не кумулятивно, а любое новое направление психологической мысли уверенно отменяет все предыдущие, видя в них только „кладбища феноменологии“, фон для оттенения своих достоинств и иллюстрации чужих ошибок» (Юревич, 2008, с. 5). Таким образом психология — в том числе и современная — представляет собой *совокупность различных подходов*, теорий, практически *не соотносенных между собой*.

Для того чтобы осознать всю трагичность ситуации, создавшейся в психологии, вспомним, что Выготский в рамках *научной психологии* обосновал перспективность анализа по единицам. Выготский писал в «Мышлении и речи» (1934): «Под единицей мы подразумеваем такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и который является далее неразложимыми живыми частями этого единства... Психологии, желающей изучить сложные единства, необходимо понять это. Она должна заменить методы разложения на элементы методом анализа, расчленяющего на единицы. Она должна найти эти неразложимые, сохраняющие свойства, присущие данному целому как единству, единицы, в которых в противоположном виде представлены эти свойства, и с помощью такого анализа пытаться решить встающие перед ним вопросы» (Выготский, 1934, с. 9). Заметим, что, не зная «всех свойств, присущих целому», очень проблематично выделить адекватные единицы... Как отмечал отечественный методолог психологии В. П. Зинченко, «проблема конструирования единиц анализа, адекватных той или иной предметной области исследования или данному конкретному предмету той или иной науки,

решается как на уровне философской методологии, так и на уровне методологии конкретно-научной» (Зинченко, 1983, с. 81).

Зинченко отмечает, что история поиска единиц анализа психики заслуживает специального теоретико-методологического исследования. Проблема выделения единиц возникла в каждом направлении психологической науки, претендовавшем на создание непротиворечивой теории психических явлений. Нельзя не согласиться с выводом Зинченко, что «путь от единицы анализа к теоретической конструкции в целом далеко не прост и не всегда заканчивается успехом» (Зинченко, 1983, с. 83).

«Тем не менее, — отмечает Зинченко, — осознанное выделение единицы анализа — признак методологической зрелости того или иного направления в науке и начало систематического построения теории. Соответственно, и для оценки той или иной концептуальной системы, описывающей психические явления, полезно представить себе ее исходные посылки, выражающиеся в данных единицах анализа. Противоречия и расхождения между различными концептуальными системами наиболее ярко и выпукло обнаруживаются именно между единицами анализа, положенными в основу той или иной теории» (Зинченко, 1983, с. 83).

Обратим внимание на скрупулезность проведенного историко-методологического исследования. Зинченко приводит длинный список единиц анализа психики, которые использовались в психологии. «В истории психологии в качестве единиц анализа психики выступали ощущения, представления, идеи (ассоцианизм); структурные отношения между фигурой и фоном (гештальтпсихология); реакция или рефлекс (соответственно, реактология и рефлексология); поведенческий акт (бихевиоризм). В необихевиоризме, в частности, проблема единиц анализа рассматривалась в качестве центральной Э. Толменом, работы которого оказали большое влияние на современную когнитивную психологию. Он дополнил схему «стимул-реакция» системой промежуточных переменных, организованных в 83 квазипространственные когнитивные карты. В западноевропейской психологии проблему единиц анализа особенно обстоятельно обсуждал Ж. Пиаже, который в качестве таковой выделил обратимые операции, рассматриваемые в контексте более широких операторных структур, высшей из которых является интеллект» (Зинченко, 1983, с. 84).

Зинченко продолжает перечисление, отмечая, что «по сравнению с операциями и обратимыми операторными структурами частным случаем выступает использование в качестве единиц анализа мнемических и моторных схем, характерное для Ф. Бартлетта и ряда его последователей в современной англо-американской литературе» (там же). Были попытки использования в качестве единиц анализа психики и определенных состояний субъекта, таких как установки (Узнадзе) или значащие переживания (Ф. Н. Бассин).

Как указывает Зинченко, это только чистые типы: «Мы привели примеры относительно чистых, так сказать, стерильных, типологических единиц психологического анализа, репрезентирующих либо когнитивную, либо эмоционально-оценочную, либо, наконец, волевою, поведенческо-исполнительную сферу (см. познание, чувство, воля). В истории психологии имеются также примеры вариантов единиц анализа, которые характеризовались как целостные недифференцированные образования» (там же).

Подход, доминирующий в современной психологии, по терминологии Зинченко, может быть охарактеризован как «*путь от единицы анализа к теоретической конструкции в целом*». Под обаяние этого пути попал даже С.Л. Рубинштейн, писавший: «Для того, чтобы понять многообразные психические явления в их существенных внутренних взаимосвязях, нужно прежде всего найти ту „клеточку“ или ячейку, в которой можно вскрыть зачатки всех элементов психологии в их единстве» (Рубинштейн, 1946, с. 173).

Укажем, что, по нашему мнению, этот путь далек от идеала. Дело в том, что психологическое познание имеет свои закономерности, о чем часто забывают. Не имея возможности раскрыть это в настоящем тексте, отошлем к подробному описанию (Мазилов, 2020б).

Как было показано методологом Н. Г. Алексеевым, познание таких сложных «предметов» (к каковым, безусловно, относится и психика в целом, и все широкие психологические понятия) *неизбежно* связано с созданием моделирующих представлений, которые замыкают познание психического на образы материальных предметов (Алексеев, 1971). Когда мы пытаемся изучать единицу, мы порождаем упрощающую модель¹. Вряд ли стоит пояснять, что для разных единиц используются *разные* модели, поскольку применяются другие моделирующие представления. Более того, разные авторы, рассматривая одну и ту же единицу, имеют свои моделирующие представления.

Поэтому психология – если бросить беспристрастный взгляд – поражает огромным количеством различных теорий. Ситуация обостряется тем, что авторам-психологам представляется удобным помнить про работы Т. Куна и П. Фейерабенда, акцентируя тот момент, что теории (как и факты) являются *несоизмеримыми*. Не имея возможности обсуждать здесь эту тему, скажем, что применительно к психологии несоизмеримость не доказана. Исследования приводят к выводу о принципиальной соизмеримости теорий одного уровня в психологии, поскольку теория (и факт) обычно рассматриваются в целом, что и создает впечатление несоизмеримости. В действительности – если осуществить специальный анализ – могут быть обнаружены инвариантные структуры, обеспечивающие сопоставимость различных теорий (см. подробнее: Мазилов, 2020а).

Однако может быть найден и другой путь. Этот другой путь сформулирован в работах В. Д. Шадрикова. Суть состоит в том, что *предмет психологии понимается как целое, внутри которого по-новому осмысляются отношения между составляющими*.

В качестве такового авторами было предложено рассматривать *внутренний мир человека* (Шадриков, 2006; Шадриков, Мазилов, 2015). Была проведена проверка, которая показала, что конструкт «внутренний мир человека» удовлетворительно выполняет функции, которые должен выполнять *предмет психологии* в структуре психологического знания и обладает необходимыми характеристиками (см. подробнее: Мазилов, 2020б).

---

1 Указание только на моделирующие представления упрощает реальную картину понимания психического. Как показали исследования, при понимании психического используются, кроме построения моделирующих представлений, идея метода и базовая категория (см. подробнее: Мазилов, 2019, 2020).

Поскольку данная трактовка была эксплицирована во многих публикациях (Мазиллов, 2020б; Шадриков, 2006; Шадриков, Мазиллов, 2015), не будем здесь ее приводить, отметим лишь некоторые моменты.

1. Предмет в такой трактовке понимается как *совокупный*, т. е. охватывает всю *психическую реальность*.
2. Внутренний мир человека представляет собой сложное образование, имеющее *онтологический* статус.
3. Внутренний мир человека имеет свою *архитектонику*, позволяющую его операционализировать и приступить к его исследованию. Основными моментами, определяющими архитектонику внутреннего мира, является его уровневое строение и наличие структур: выделены индивидуальный, субъектный и личностный уровни. Входящие в состав внутреннего мира структурные компоненты в целом соответствуют традиционному выделению психических явлений. Новым является переосмысление категорий «способности» и «мысль», что позволяет рассматривать внутренний мир как реальное единство компонентов. Например, переосмысление категории «способности» позволяет рассматривать психические процессы и психические свойства человека не как различные составляющие, но как образующие единство. Ясно, что, разделяя психику на отдельные психические процессы, рассматривая их сами по себе, психические свойства и состояния как отдельные психические явления, мы закрываем дорогу для осмысления внутреннего мира как целого. Единство внутреннему миру дает новое понимание способностей, которые соединяют психологические свойства человека и его психические процессы.
4. Добавим к этому, что способности имеют уровневое строение, могут быть выделены индивидуальный, субъектный и личностный уровни, что придает внутреннему миру объемность. На личностном уровне, в частности, появляются духовные состояния, что позволяет говорить о духовных способностях. Таким образом, архитектоника внутреннего мира предстает целостной и объемной, что создает возможность использовать ее как платформу для интеграции психологического знания.
5. Использование категории «внутренний мир человека» позволяет удовлетворительно решить психофизиологическую проблему.
6. Наконец, отметим, что использование категории «внутренний мир» в качестве предмета позволяет вернуть в психологию возможности объяснения, в том числе и причинно-следственного (подробнее см.: Мазиллов, 2020б).

В 1890 г. Уильям Джемс писал о том, что были мыслители, отрицавшие существование внешнего мира, но в существовании внутреннего мира никто не сомневался. Предлагается вернуть внутренний мир в качестве предмета психологии. Сегодня мы понимаем, что внутренний мир существует реально, имеет онтологический статус. Стоит специально подчеркнуть, что такая позиция представляет собой в известном смысле возврат к традиционным взглядам на психологию, продолжает традиции классической психологии, но на новом уровне.

Внутренний мир человека рассматривается как механизм функционирования психики. Шадриков подчеркивает, что внутренний мир человека представляет собой «потребностно-эмоционально-информационную субстанцию, которую

можно рассматривать как душу человека в ее научном понимании» (Шадриков, 2006, с. 7). Возможно, начинается новый этап психологии, когда «душа» вернется в психологическую науку уже в качестве *предмета научной психологии*.

Конечно, вышеизложенное стоит интерпретировать как первые шаги в заявленном направлении. Впереди долгий путь, требующий многих усилий.

Первоочередной задачей психологии внутреннего мира человека является исследование того, как внутренний мир человека — психологическая функциональная система — порождает и обеспечивает функционирование *образа мира*.

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* Методологический аспект проблемы субъективного // Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969. С. 317–347.
- Алексеев Н. Г., Юдин Э. Г.* О психологических методах изучения творчества // Проблемы научного творчества в современной психологии / Под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Наука, 1971. С. 151–203.
- Асмолов А. Г.* Вечный вопрос психологии: помогает ли решение проблем психологии разрешать «психологические проблемы»? URL: <https://psy.su/feed/7542> (дата обращения: 10.08.2020).
- Вундт В.* Основания физиологической психологии. М.: Тип. М. Н. Лаврова и Ко., 1880.
- Выготский Л. С.* Мышление и речь. М.—Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1934.
- Выготский Л. С.* Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982.
- Залевский Г. В.* Рецензия на монографию В. А. Мазилова «Методология психологической науки. История и современность» // Сибирский психологический журнал. 2019. № 71. С. 197–200.
- Зинченко В. П.* Сознание как предмет и дело психологии // Общая психология: хрестоматия в 5 т. Т. 1 / Сост. В. А. Мазиллов, В. Д. Шадриков при уч. А. А. Костригина. М.: РИД РосНОУ, 2019. С. 848–874.
- Зинченко В. П., Смирнов С. Д.* Методологические вопросы психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
- Мазиллов В. А.* Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998.
- Мазиллов В. А.* Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: РИО «ЯГПУ», 2017.
- Мазиллов В. А.* De anima: Предмет психологии и границы его постижения // Высшее образование сегодня. 2019. № 6. С. 60–70.
- Мазиллов В. А.* О соизмеримости теорий в современной психологии // Наука как общественное благо: сборник научных статей / Науч. ред. и сост. И. Т. Касавин, Л. В. Шиповалова: В 7 т. Т. 2. М.: Русское общество истории и философии науки, 2020а. С. 121–124.
- Мазиллов В. А.* Предмет психологии. Монография. Ярославль: РИО «ЯГПУ», 2020б.
- Мазиллов В. А.* О природе научного психологического знания // Социальное и профессиональное становление личности в эпоху больших вызовов. Ярославль: РИО «ЯГПУ», 2021. С. 94–102.
- Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.

- Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. Изд. второе. М.: Гос. уч.-пед. изд.-во мин. просв. РСФСР, 1946.
- Спиркин А.Г., Юдин Э.Г., Ярошевский М.Г.* Методология // *Философский энциклопедический словарь*. М., 1989. С. 359–360.
- Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Фресс П.* Развитие экспериментальной психологии // *Экспериментальная психология* / Ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып. 1–2. М.: Прогресс, 1966. С. 15–98.
- Хейстад У.М.* История души. М.: Текст, 2018.
- Шадриков В.Д.* Внутренний мир человека. М.: Логос, 2006.
- Шадриков В.Д., Мазилев В.А.* Общая психология. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015.
- Шадриков В.Д.* Способности и одаренность человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Юревич А.В.* Психология в современном обществе // *Психологический журнал*. 2008. Т. 29. №6. С. 5–14.
- Wundt W.* Vorlesungen über die menschen und thiereseele. Leipzig: Boss, 1863–1864. Bd. 1. XIV; Bd. 2. VII.
- Wundt W.* Grundzüge der physiologischen psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874. XII.

From the soul to the inner world: the subject of psychology in historical perspective

V. A. Mazilov

Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl

V. D. Shadrikov

National Research University of the Higher School of Economics, Moscow

The article analyzes the problem of the subject of psychology. The authors insist on the importance of considering the problem of the subject of psychology, emphasize that the construction of the subject should be the result of theoretical work, since the category “subject” performs certain functions in the structure of psychological knowledge. A brief historical analysis allows you to differentiate the subject area and the subject itself. The premature separation of scientific psychology as a special field of knowledge led to a limited understanding of the subject, as a result of which a tradition of constructing private objects was created. The negative aspect was the approach according to which not the subject as a whole, but its units were studied. The article defends another approach proposed by V. D. Shadrikov, according to which the subject is understood as integrity: the inner world of a person. The article shows the advantages of the developed approach.

Keywords: psychology, subject of psychology, methodology of psychology, soul, inner world of a person.

Воспоминания К. К. Платонова как материал для исследований в области истории психологии и исторической психологии¹

В. П. Позняков

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии РАН; Москва; e-mail: pozp_v@mail.ru

Изложены результаты анализа воспоминаний выдающегося российского психолога советского периода К. К. Платонова «Мои личные встречи на великой дороге жизни. Воспоминания старого психолога». Отмечается, что история российской психологии советского периода представлена в этих воспоминаниях как материал личных встреч и бесед автора с другими учеными, чьи имена и чья деятельность так или иначе связаны с историей развития научного психологического знания. Круг этих ученых включает не только профессиональных психологов, но и представителей смежных научных дисциплин и сфер практической деятельности — биологов, физиологов, психиатров, психотехников. Эти воспоминания представляют собой богатый материал для исследований в области истории психологической науки и исторической психологии.

Ключевые слова: К. К. Платонов, история психологии, историческая психология, Институт распространения естествознания, советская психотехника, советская психология.

В ряду произведений Константина Константиновича Платонова, составляющих его письменное наследие, две работы стоят особняком, привлекая внимание читателей, не только из прагматических, утилитарных соображений, чтобы использовать прочитанный материал при написании статьи или диссертации, но из искреннего, непосредственного интереса к внутреннему миру человека, уникальным неповторимым особенностям его характера, отношений между людьми. Я имею в виду, прежде всего, «Занимательную психологию», выдержавшую многочисленные издания в России и за рубежом и до сих пор не превзойденную по увлекательности и вместе с тем подлинно научной глубине представленного материала (Платонов, 1997). Второй в этом ряду лично для меня стоит книга «воспоминаний старого психолога» (именно такой подзаголовок дал ей сам автор) «Мои встречи на великой дороге жизни» (Платонов, 2005). В отличие от первой книги Платонова вторая явно не предназначена для широкой читательской аудитории. Речь в ней идет о встречах и беседах автора с представителями довольно небольшой по размерам и специфической по своим психологическим особенностям группы людей — людей науки, причем не науки вообще, а науки о человеке. При этом биографические зарисовки и психологические характеристики представителей этой социально-профессиональной группы сочетаются с размышлениями и оценка-

---

¹ Исследование выполнено по Госзаданию № 0138-2021-0001.

ми их профессиональной деятельности, что уже не только интересно, но и понятно далеко не каждому неискушенному читателю. Невольно возникает вопрос: для кого и для чего написана эта книга? Какие задачи ставил перед собой автор? Ведь, помимо потребности в подведении итогов своей жизни, упорядочивании следов и событий в своей памяти, что нередко сопровождает заключительные периоды жизни людей, которым есть что вспомнить и чем поделиться с потомками, перед автором обычно возникают и более конкретные, более частные задачи: рассказать правду о событиях, которые в официальной исторической памяти при жизни автора по тем или иным причинам не находили отражения, замалчивались или намеренно искажались, рассказать о других людях, интерес читателей к жизни и деятельности которых побуждает их к поиску доступной информации. Мне кажется, что ответ на поставленный вопрос заключается в том, что эта книга написана выдающимся ученым, профессиональным психологом (и этот факт подчеркивается автором в ее названии). А это означает, что волею или неволею автор ставил и решал в ней не только беллетристические задачи, но и задачи научные. Какие именно? Ответ на этот вопрос можно найти в тексте предисловия к воспоминаниям. «Моя судьба имела две особенности, сочетание которых и побудило меня написать на склоне лет эти воспоминания. Во-первых, перед моими глазами не только прошла вся история становления советской психологии с ее борьбой мнений (а нередко и борьбой за существование), но и я сам был пусть на вторых ролях или статистом, но живым участником этой истории. Во-вторых, мне повезло на личные встречи и содержательные беседы не только со всеми ведущими советскими психотехниками и психологами, но и со многими психиатрами и физиологами, признававшими необходимость развития психологии или, напротив, тормозившими его. И все же мои записки — отнюдь не история советской психологии, хотя хронология и содержание этих встреч достаточно наглядно ее демонстрируют. Эти воспоминания, как и любые научные мемуары, — только материал для истории науки» (Платонов, 2005, с. 39—40).

Итак, по замыслу самого автора, его воспоминания представляют собой материал для истории психологической науки. Причем история российской психологии советского периода представлена в этих воспоминаниях, во-первых, как материал личных встреч и бесед автора с другими учеными, чьи имена и чья деятельность так или иначе связаны с историей развития научного психологического знания, а во-вторых, круг этих ученых включает не только профессиональных психологов, но и представителей смежных научных дисциплин и сфер практической деятельности — биологов, физиологов, психиатров, психотехников. И в этой связи изложенные в воспоминаниях факты и размышления представляют интерес не только для историков психологии, но и для исторических психологов. А с этой точки зрения материал, представленный в книге Платонова, насколько мне известно, до сих пор никто не рассматривал.

Исходя из высказанных соображений, следует обратить внимание читателей на некоторые факты и высказывания, представленные в книге воспоминаний К. К. Платонова. Эта книга, вышедшая в свет 21 год спустя после ухода автора из жизни, может и должна рассматриваться не только как книга воспоминаний крупного ученого и мудрого человека, бывшего свидетелем и участником масштабных и радикальных перемен как в жизни всего российского общества, так

и в различных отраслях российской науки, и в том числе — психологии. Об этом подробно сказано в различных статьях, написанных учениками К. К. Платонова и его последователями (см., например: Артемьева и др., 2007; Глоточкин и др., 2005; Кольцова, Журавлёв и др., 2000; и др.). Вместе с тем ее можно с полным основанием считать и документом, представляющим специальный интерес для исследователей в области исторической психологии, и научной работой, посвященной истории отечественной психологической науки.

Рассмотрим несколько подробнее оба аспекта рассматриваемого текста. Исторический период, в рамках которого идет повествование автора о своем жизненном и творческом пути, охватывает дореволюционные годы российской истории, которые кратко представлены в воспоминаниях Платонова о его отце и деду и косвенно в характеристиках учителей и коллег по Институту распространения естествознания (ИРЕ). Здесь представлена высочайшая человеческая культура представителей российской науки, их бескорыстная преданность служению, развитию и распространению научного знания в самых широких кругах российского общества. «Я теперь иногда, оглядываясь на иревский период моей жизни, спрашиваю себя, что объединяло этих, в сущности, таких разных людей? Что заставляло их в эти трудные, голодные годы безвозмездно отдавать свое время, знания и силы этой (как бы ее сейчас назвали) общественной работе? Любовь к природе? К просветительству? Твердое убеждение в необходимости распространения естественных наук? Потребность общения с одинаково мыслящими людьми? Думаю, что все это вместе. Я их всех вспоминаю с глубокой благодарностью. Они дали мне пример беззаветного служения своему делу и научили меня любви к природе и ко всему живому; они научили меня эволюционному пониманию места человека в развитии материи и принципиальному различию эволюции двух ветвей животного мира; они научили меня также философскому отношению ко всему сущему» (Платонов, 2005, с. 68–69).

Несколько иной групповой психологический портрет вырисовывается в главе, посвященной советским психотехникам. Здесь преданность науке нередко сочетается с амбициозными планами и карьерными намерениями, с готовностью и стремлением получить значительное материальное вознаграждение за решение прикладных научных проблем. Не случайно именно применительно к этой социально-профессиональной группе Платонов формулирует свою авторскую *типологию научных работников*, в основу которой положены не только такие критерии, как компетентность и креативность, но и карьерные, статусные устремления и материальный интерес. «Потом, работая на заводах и встречаясь с самыми различными психотехниками, я распределил их для себя по следующим критериям: по общепризнанному официальному рангу; по творческому отношению к работе; по вере в пользу своей деятельности; по степени подражания другим. Совокупность этих параметров давала следующие типы психотехников: „водители“ — всегда высокого ранга, создающие теории, за которые готовы идти на костер; „созидатели“ — более низкого ранга, но в остальном близкие к предыдущим; „деляги“ — любых рангов, для кого психотехника была бизнесом, державшие нос по ветру; „спутники“ — покорно следующие за представителями первых трех видов; „безмолвствующие“ — лица, которым, где бы ни работать, лишь бы ничего не делать. Соответственно, мною была составлена следующая „таблица определения ти-

пов психотехников“. Переписывая сейчас эту таблицу с пожелтевшего от времени листка, я понял, что это классификация не столько психотехников 1920-х годов, сколько вообще любых научных работников во все времена!» (Платонов, 2005, с. 95). В своих воспоминаниях, да и в других работах (см., например: Платонов, Казаков, 1980) Платонов справедливо упрекает тех психотехников, которые считали свою профессию именно технической работой с тестами, а не прикладной научной работой психолога-практика. Вот как описывает Платонов эпизод своего общения с одним из представителей советской психотехники. «Но самыми „любимыми тестами“ Ряснянского, по его собственным словам, были тесты на интеллект, типа американской «Альфы». В минуты откровенности он говорил: помните, Котя, умный человек везде хорош, везде на месте: и машинистом, и его помощником, и диспетчером, и начальником станции, и стрелочником! Оцените людей и выносите заключения по „Альфе“! Не ошибетесь! А все остальное — это только „гарнир“. Потом я понял, что так думали и очень многие другие психотехники-практики. Но они об этом открыто не говорили. По крайней мере, со мной» (Платонов, 2005, с. 97).

Справедливости ради, следует отметить, что и в главе, посвященной психотехнике и психотехникам, Платонов отмечает существенные психологические различия между ее представителями. Нередко эти различия характеризуются как полярные, противоположные личностные особенности, на что прямо указывает сам автор, сравнивая, например, энергичного, амбициозного и гиперактивного Шпильрейна и скромного, деликатного, иногда даже застенчивого Геллерштейна. Но вместе с тем внимание читателя обращается на те личностные качества, которые являются общими, характеризующими большинство героев воспоминаний: прекрасное разностороннее образование, хорошее владение иностранными языками и глубокое знание мировых научных достижений того времени, высокая внутренняя культура поведения и обращения с людьми и самое главное — глубокая увлеченность предметом своих научных исследований, преданность науке как основному делу и смыслу всей жизни. Все перечисленные качества нередко сочетаются у этих людей со сравнительно низкой значимостью для них материальных ценностей, бытовых удобств и комфорта. Не случайно многие из персонажей воспоминаний Платонова, лишившись возможности заниматься любимым делом, так и не смогли приспособиться к изменившимся условиям жизни, найти способ и средства достойного материального самообеспечения и приложения своих способностей.

Глава, посвященная психотехникам и «психотехническому» периоду профессиональной биографии Платонова, завершает цикл глав, выстроенных преимущественно в хронологической последовательности, после чего Платонов переходит к главе о советских психологах. Тем самым Платонов сознательно устанавливает границу между психотехникой и психологией, героя заключительной части этой главы, Н. Д. Левитова, автор вполне справедливо и обоснованно относит к психологам, а не к психотехникам. Поэтому «психотехнический» период развития советской психологической науки Платонов считает именно периодом, имеющим свое начало и завершение, а не особым научным направлением в психологии. В этой связи примечательны рассуждения автора как наблюдателя и участника дискуссий в среде психотехников, имеющих прямое отношение к теоретическим

представлениям о психологической науке. Речь идет, прежде всего, о взглядах на соотношение психотехники и психологии, а также о более частных вопросах — о роли психологических тестов и математической статистики в научной и практической деятельности психотехников и психологов. Позиция самого Платонова по данному вопросу однозначно сформулирована как в тексте воспоминаний, так и в других публикациях автора (Платонов, 1970; Платонов, Казаков, 1980; и др.). Существенной ошибкой целого ряда советских психотехников, по мнению Платонова, было пренебрежение научными знаниями в области психологии, понимание психотехнической деятельности именно как совокупности технических приемов по сбору и обработке данных, полученных с помощью тестовых методик. Научно обоснованная и квалифицированная работа с данными о свойствах психики невозможна без знания и понимания закономерностей функционирования самой психики, т. е. без опоры на достижения психологической науки и сведения, накопленные в других областях психологического знания (обыденная, житейская, практическая психология, знания, почерпнутые из произведений искусства, собственный жизненный и профессиональный опыт). Только при таком подходе использование психологических тестов и методов статистической обработки данных, получаемых с их помощью, может быть научно и практически обосновано с психологической точки зрения. Однако ликвидация советской психотехники, последовавшая вскоре после выхода печально известного постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» и повлекшая за собой длительные гонения на психологическую науку и практику, существенно затормозившие ее дальнейшее развитие, была связана, по мнению Платонова, не только с научными и практическими ошибками, имевшими место в психотехнической теории и практике, но и с влиянием субъективных факторов, проявившихся в позициях и действиях отдельных представителей советской психологической науки, о чем Платонов прямо пишет в соответствующей части своей книги.

Глава, посвященная советским психологам, безусловно, является центральной в книге воспоминаний К. К. Платонова. В ней представлена несколько отличная от предыдущих глав, выстроенных в хронологическом порядке, логика изложения. Платонов не только описывает содержание личных встреч и бесед с героями этой главы на протяжении своей жизни, но и высказывает профессиональные суждения об их личностных качествах, а также их научных взглядах и достижениях. Особенно выделяется глава, посвященная С. Л. Рубинштейну. Платонов прямо характеризует Рубинштейна как наиболее яркого представителя философского направления в психологической науке, заложившего основы марксистского подхода к пониманию и объяснению психических явлений, который на долгие годы определил пути и принципы развития отечественной психологии советского периода. Вместе с тем Платонов также прямо называет Рубинштейна основателем научной психологической школы, к числу представителей которых он относит и себя. Данное заявление Платонова аргументируется признанием заслуг Рубинштейна в разработке как теоретических принципов советской психологии (единства сознания и деятельности, детерминизма и др.), так и методологических основ развития конкретных научных направлений и отраслей (в частности, авиационной психологии). Здесь же автор весьма деликатно, но четко затрагивает проблему внутринаучной дискуссионной борьбы и конкуренции в советской

психологии. Говоря об истории публикации статьи Рубинштейна в журнале «Советская психотехника» и обсуждении второго издания его «Основ общей психологии», Платонов неоднократно подчеркивает стойкость научной и гражданской позиции Рубинштейна в отстаивании права психологии на существование в качестве самостоятельной научной дисциплины. При этом автор не умаляет заслуг и других подвижников психологии, благодаря научному подвигу которых удалось не только сохранить теоретические знания и практические достижения, накопленные в дореволюционный период ее развития и в первые годы советской власти, тем самым обеспечить преемственность в развитии отечественной психологической науки, но и разработать самостоятельное теоретическое направление психологического знания, известное сейчас под названием марксистская, или советская, психология.

Результаты и последствия совместного заседания Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, известного в истории отечественной науки как «Павловская сессия» (подробнее см.: Стоюхина, Журавлев, 2020), наиболее ярко представлены в главе, посвященной Б. М. Теплову. С точки зрения автора, их можно рассматривать как масштабный компромисс психологов, борющихся за сохранение психологической науки, и представителей ортодоксальной физиологии, на идеологическом уровне стремившихся не допустить развития «идеалистической», не соответствующей философским постулатам марксизма «науки о душе», подменив ее исследованиями высшей нервной деятельности. Все дальнейшее развитие отечественной психологии советского периода, в котором самое активное участие принимал автор воспоминаний, во многом было связано со стремлением увязать теоретические положения и методологические принципы советской психологии с философскими представлениями классиков марксизма. Это способствовало, с одной стороны, формированию достаточно мощного и в целом относительно единого и самостоятельного теоретического направления, но, с другой стороны, препятствовало активному освоению достижений зарубежной психологии и интеграции советской психологии в мировую науку.

Литература

- Артёмьева Т. И., Журавлев А. Л., Кольцова В. А.* Основные направления исследований К. К. Платонова и их развитие в современной психологии // К. К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века: Материалы юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 9–17.
- Глоточкин А. Д., Журавлёв А. Л., Кольцова В. А., Лоскутов В. Н.* Жизнь и научное творчество К. К. Платонова // К. К. Платонов. Мои личные встречи на великой дороге жизни. Воспоминания старого психолога. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 5–39.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* Платонов Константин Константинович: Жизнь и научное творчество // Выдающиеся ученые Института психологии РАН: Биографические очерки. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 303–328.
- Платонов К. К.* Вопросы психологии труда. 2-е изд. М.: Медицина, 1970.
- Платонов К. К.* Занимательная психология. Изд. 5-е, испр. СПб.: Питер, 1997.

- Платонов К. К. Мои личные встречи на великой дороге жизни. Воспоминания старого психолога. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Платонов К. К., Казаков В. Г. Психология труда в СССР // Work psychology in Europe. Warszawa, 1980. P. 231–245.
- Стоюхина Н. Ю., Журавлев А. Л. «Павловская» сессия за 70 лет: глазами психологов // Научные труды Московск. гум. ун-та. 2020. № 5. С. 4–12.

Memoirs of K. K. Platonov as a material for research in the field of history psychology and historical psychology

V. P. Poznyakov

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, pozn_v@mail.ru

The article presents the results of the analysis of the memoirs of the outstanding Russian psychologist of the Soviet period K. K. Platonov “My personal meetings on the great road of life. Memories of an old psychologist”. It is noted that the history of Russian psychology of the Soviet period is presented in these memoirs as materials of personal meetings and conversations of the author with other scientists whose names and whose activities are somehow connected with the history of the development of scientific psychological knowledge. The circle of these scientists includes not only professional psychologists, but also representatives of related scientific disciplines and areas of practical activity — biologists, physiologists, psychiatrists, psychotechnicians. The analysis of memories shows that they represent a rich material for research in the field of the history of psychological science and historical psychology.

Keywords: K. K. Platonov, history of psychology, historical psychology, Institute for the Dissemination of Natural Science, Soviet psychotechnics, Soviet psychology.

История отечественной психологии в контексте концепции российской полиментальности

В. Е. Семенов

*НП «Центр политических и психологических исследований»,
Санкт-Петербург, vsms88@yandex.ru*

В статье рассматриваются проблемы истории отечественной психологии в аспекте ценностно-ментальной идентичности. При этом в качестве исторического контекста выступают основные российские менталитеты, их полиментальность. В первый период истории отечественной психологии в Российской империи превалировал православный менталитет, после революции в октябре 1917 года его сменил тотальный коллективистско-социалистический менталитет. После перестроечной

трансформации и распада СССР в начале 1990-х годов в Российской Федерации возникли идеологический плюрализм и полиментальность. Для третьего периода характерно сосуществование прежнего православного и коллективистско-социалистического менталитета, а также новый либерально-капиталистический менталитет. Однако реально во властных структурах преобладает влияние либерального менталитета. Для представителей психологической науки также характерна полиментальность. Но структура их полиментальности не совпадает со структурой полиментальности российского населения. Автор считает, что главной задачей российских психологов в настоящее время является работа по достижению социального согласия между представителями разных менталитетов, для чего необходимо освободиться от клановой конфликтности.

Ключевые слова: российская полиментальность, ценностно-ментальная идентичность психологов, основные российские менталитеты, историческая смена преобладающих менталитетов, социальное согласие.

Психология изначально тесно связана с философией и теологией, богословием (Ананьев, 1947; Рубинштейн, 1973). Мои сверстники-психологи, как и я, поступали на психологические отделения философских факультетов университетов, потому что факультетов психологии в первой половине 1960-х годов в СССР еще не было. Неслучайно психологию преподают в духовных академиях и университетах Русской православной церкви светские психологи. Кстати, автором первой в России книги о психологии «Наука о душе» (1796) был священник Иван Михайлов (Ананьев, 1947). Вместе с тем психология неизбежно отражает и впитывает в себя ментальность и идеологию того или иного общества и государства (Семенов, 2007, 2018). Однако многовековая история человечества, цивилизаций, народов и государств свидетельствует о том, что практически никогда ни в одной стране, обществе не бывает единственного менталитета и одной идеологии, тем более в нашу суперинформационную, коммуникационную эпоху «глобальной деревни». Очевидно, государство прежде всего на этно-религиозной основе создавало свою идеологию, но в реальной жизни только в крайне тоталитарном государстве подавлялись, искоренялись любые другие менталитеты и идеологии. К тому же подобные авторитарные государства обычно существовали недолго. А ныне госустройство проявляется в повсеместной многорелигиозности, многонациональности и многопартийности в разных странах, за исключением отдельных уникальных государств.

В православной российской империи, где психологическая наука зарождалась и бытовала в лоне церкви, в трудах профессоров духовных академий, причем поддерживалась властью, тем не менее существовала не одна христианская, «идеалистическая» психология. Например, с одной стороны, в конце XIX в. выпускали свои труды верующие, церковные люди, такие как профессор Московской духовной академии А. И. Введенский «Психология веры» (1889); воспитанник Киевской духовной академии М. О. Вержболович «Обзор главнейших направлений русской психологии» (1895); сын сельского священника, в дальнейшем ректор Императорского Санкт-Петербургского университета М. И. Владиславлев «Психология»: В 2 т. (1881); профессор, в будущем основатель и директор первого в России Московского психологического института Г. И. Челпанов «Мозг и душа: критика мате-

риализма и очерк современных учений о душе» (1900) и мн. др. А с другой стороны, одновременно развивалась светская, «физиологическая» психология (И. М. Семенов, И. П. Павлов, Н. Н. Ланге, В. М. Бехтерев, В. А. Вагнер и др.). Однако в советскую эпоху, уже в 1930-х годах психологическая наука стала только материалистической, марксистской (Петровский, 1967). Это произошло под жестким влиянием государственной «единодушно верной» идеологии. Большинство известных представителей «идеалистической» философии и психологии вынужденно оказались за рубежом (С. Н. Булгаков, В. В. Зеньковский, Н. О. Лосский, С. Л. Франк и др.). На родине в репрессивные предвоенные годы даже такие заслуженные, много сделавшие для отечественной психологической науки ученые, как Г. И. Челпанов и П. П. Блонский (последний был марксистом), ушли из жизни «униженными и оскорбленными».

В постсоветское время, когда стало признаваться идеологическое разнообразие, а государственная идеология оказалась под конституционным запретом (что является «перегибом», только в другую сторону по сравнению с социализмом), психологическая наука стала идейно и методологически плюралистической. Вместе с тем в любом обществе, ранее имплицитно, а ныне все более эксплицитно, существует *полиментальность* — данное понятие введено автором, а соответствующее явление описано как одновременное наличие различных исторически сложившихся типов российских менталитетов, принципы типологии которых имеют универсальный характер (Семенов, 2000, 2002, 2015). В понимании автора, *менталитет* — это исторически сложившееся групповое долговременное умонастроение, единство (сплав) осознаваемых и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом выражении. В авторской концепции основные российские менталитеты дедуктивно закладываются философскими универсальными категориями-оппозициями: *Бог—идол* по вертикали; *коллектив—индивид* по горизонтали (Семенов, 2007, 2015). Индуктивно менталитеты подкрепляются культурно-историческими реалиями и фактами, данными социально-психологических исследований. В результате выявляются четыре российских менталитета: *православно-российский менталитет* имеет тысячелетнюю историю на Руси и в России, возрождается с конца 1980-х годов; представляет ценности Бога, Духа, заповедей Христовых, святости, совести, соборности; *коллективистско-социалистический (просоциальный)* зародился в крестьянской общине, рабочей артели, партийной ячейке, сформировался за три четверти века в СССР; выражает ценности коллективизма, социальной справедливости, труда на благо общества, утопической веры в коммунизм и вождей, заменившей религию; *индивидуалистско-капиталистический (либеральный)* возник на Западе, начиная с реформ Петра I, появляется в России, где частично сформировался в XIX в., возрождается (скорее, в одиозном виде) в наше время; репрезентирует ценности индивидуализма, прагматизма, личного успеха, денег как фетиша («абсолютной универсалии»); *криминально-клановый* существовал всегда, порожден пороками людей; выражает вульгарный материализм и гедонизм, культ грубой силы и обмана, клановую иерархию, мифологию; в 1990-е годы превратился в России в феномен «великой криминальной революции» (С. Говорухин).

Помимо указанных четырех основных менталитетов следует назвать еще менталитеты других конфессий (прежде всего исламо-российский, также активно

возрождающийся в последние десятилетия), а также *мозаично-эkleктический псевдоменталитет* как порождение стереотипов «массовой культуры», СМИ, рекламы, интернета, сетевых коммуникаций (конгломерат «осколков» указанных основных менталитетов).

Если у населения Российской империи преобладал *православный* менталитет, а в Советском Союзе — *коллективистско-социалистический* менталитет, то в современной Российской Федерации, как свидетельствует анализ данных репрезентативных социологических исследований (НИИКСИ, ВЦИОМ, ФОМ, ЦППИ и др.), в том числе проведенных под руководством автора (Семенов, 2015, 2018), преобладают *коллективистско-просоциальный и российский-православный менталитеты* (вместе взятые — свыше 75% населения). Думается, что легитимное профессиональное сообщество российских психологов должно учитывать эту ценностно-ментальную идентичность большинства народа России, а также осознавать и собственную идентичность. В результате возникает, несомненно, значимая проблема, которая требует своего научно-адекватного и профессионально-этического решения: *насколько сообщество российских психологов ценностно-ментально совместимо с народонаселением России?* При отсутствии такой совместимости у многих психологов, особенно практиков и их клиентов, могут возникнуть и возникают неадекватные духовно-нравственные отношения вплоть до конфликтных. О противоречиях между идеологией капитализма, бизнеса, конкуренции и принципами христианства, братской любви, человечности писали еще более полувека назад такие психологи, как К. Хорни и В. Франкл. Грандиозный духовно-нравственный кризис западного общества в XX в. великолепно проанализировал великий социолог и социальный психолог Питирим Сорокин (Сорокин, 1992).

Теперь мы в России идём по той же капиталистической стезе и в чем-то превосходим наших западных «партнеров», прежде всего по социальному неравенству, о чем свидетельствуют все возрастающие у нас децильный коэффициент и индекс Джини, отсутствие прогрессивного налога, нищенский уровень минимальной зарплаты и прожиточного минимума. Одновременно у нас разыгрывается очередная российский драматический акт противостояния «западников» и «почвенников», о котором писал еще Ф. М. Достоевский. В психологическом сообществе это противостояние видно невооруженным глазом. Правда, ныне это точнее можно назвать противостоянием «патриотов» и «глобалистов». И как же психологу-западнику взаимодействовать с православным почвенником-клиентом или, наоборот, почвеннику-психологу взаимодействовать с клиентом-западником? В университетах, по наблюдениям автора и коллег, психологи-западники преобладают и готовят себе соответствующую смену (Логонова, 2009). Поэтому диалектический баланс нарушается и недальновидные «западники» — раздражители готовят свой собственный крах, тем более в условиях очевидного общецивилизационного кризиса капитализма. Российское общество становится все более поляризованным, тем самым закон поляризации Питирима Сорокина подтверждается. Однако еще 29 мая 2015 г. премьер-министр РФ подписал распоряжение «Об утверждении стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». Приоритетами государственной политики в сфере воспитания является *«формирование у детей высокого уровня духовно-нравствен-*

ного развития, чувства причастности к историко-культурной общности российского народа и судьбе России» (Стратегия..., 2015; курсив мой. — В. С.). Это означает, что духовно-нравственное и патриотическое воспитание наконец-то должно возвращаться в учебные заведения.

Психологи, как и все люди, подвержены ценностно-ментальной зависимости (осознанной и неосознанной). «Очевидно, что в какой бы ипостаси ни выступал человек (как субъект экономической, политической, общественной деятельности, в своих социальных или индивидуальных проявлениях), он всегда в той или иной мере, осознанно или неосознанно, эксплицитно или имплицитно несет в себе ментальные характеристики, впитанные в процессе социализации и жизни в своей культуре и ставшие органической частью его личного психологического пространства» (Журавлев, Кольцова, 2016, с. 8). Или попросту: «Совершенно естественно и неизбежно, что предшествующие убеждения и ценности будут влиять на то, что думают и о чем пишут социальные психологи» (Майерс, 1997, с. 38). В среде профессиональных (*легитимных*) российских психологов (нельзя забывать и о нелегитимных «самозванцах», присутствующих в сфере этой деятельности) обнаруживаются представители всех основных менталитетов нашей авторской типологии.

Несмотря на то, что ушла большая часть поколения участников Великой Отечественной войны, таких, как мой руководитель, профессор Евгений Сергеевич Кузьмин, создатель первых в стране лаборатории и кафедры социальной психологии, еще остались «дети войны» и «дети Победы» — их ученики, выросшие в атмосфере коллективизма, социального равенства и нестяжательства. Именно они вместе со своими учителями в 1960—1970-х годах приняли участие в разработке концепции и методик планирования социального развития на промышленных предприятиях вместе с экономистами, юристами и социологами. А затем внедряли эти планы в трудовых коллективах, где оптимизировали психологические аспекты труда, нравственно-психологический климат, информационные процессы, организовывали психологические лаборатории и обеспечивали кадрами отделы НОТ (научной организации труда) (см., например: Дробышева и др., 2020; Русалинова и др., 2018). Мой опыт работы социальным психологом на ведущем ленинградском судостроительном заводе и участника хозяйственных исследований НИИ комплексных социальных исследований Ленинградского университета на крупных предприятиях Ленинграда и Витебска, а также контактов с коллегами в других городах свидетельствует об эффективности деятельности по социальному планированию в трудовых коллективах (подробнее см.: Семенов и др., 2017). Этот проект, рожденный в НИИКСИ ЛГУ и удостоенный Государственной премии и медалей ВДНХ (Выставки достижений народного хозяйства), приобрел всесоюзное значение и признание, а также стал достойным ответом на американскую социальную технологию «human relations». Ныне с горечью приходится признать, что современный потребительский капитализм не позволяет творческим носителям *коллективистско-социалистического менталитета* (в том числе психологам) адекватно применить свой общественно значимый потенциал.

В процессе перестройки возникла и возрождается *христианская (православная) психология, представители которой — люди российского православного менталитета* — ориентируются на соответствующие ценности и нормы. С этим на-

правлением ментально связаны психологи на всей территории нашей страны. Но самые значимые и известные, как обычно, в столицах. Некоторые из них, к сожалению, уже почилы, как Борис Ничипоров, еще в 1994 г. опубликовавший свою книгу «Введение в христианскую психологию. Размышления священника-психолога»; доктора психологических наук, профессора Ф. Е. Василюк, М. И. Воловикова, Т. А. Флоренская (все из Москвы). К счастью, здравствуют исследователи проблем христианской психологии: В. В. Абраменкова, Б. С. Братусь, А. А. Гостев, В. И. Слободчиков (все из Москвы), Е. К. Веселова, М. Я. Дворецкая, В. Х. Манеров, Л. Ф. Шеховцова (все из Санкт-Петербурга) и др. Следует сказать, что даже среди наших православных психологов нет единомыслия и всеобъемлющей солидарности. Даже среди них проявляются симптомы клановости. В связи с развитием российской православной психологии замечу, что древние русские тексты неизбежно связаны с православием как выражением русской культурно-национальной и психологической идентичности, потому их изучение несомненно полезно для познания психологии русского человека далекого прошлого, его ментальных особенностей и типологии (Олейник, 2009). Таким образом, почти через столетие «идеалистическая» христианская психология вернулась в Россию, возможно, на новом витке диалектической спирали (Шеховцова, 2009).

Однако самой многочисленной группой, особенно среди молодых психологов, в настоящее время являются *последователи всевозможных западных школ и направлений*, ориентированные на либеральные и потребительские ценности западного общества, т. е. *представители индивидуалистско-капиталистического, либерального менталитета*. Многие психологи этого типа являются приверженцами коммерческой психологии, психологии как бизнеса, связанной с практикой психоаналитических манипуляций, тренингов, методов, технологий, в основном заимствованных за рубежом и чаще всего не учитывающих ценностно-ментальную специфику российского общества. А потому такие психологи фактически занимаются перестройкой сознания представителей базовых российских менталитетов и их культурно-национальной идентичности. Специалист по западной психологии И. А. Мироненко отмечает, что «новейшая российская психология стала эпигоном западных научных и околонаучных течений» (Логинава, 2009, с. 23). Этому поспособствовала и продолжает способствовать странная научная политика руководства нашей наукой, которую иначе как «вассальной» не назовешь. Отечественных ученых поставили в зависимость от индекса Хирша и обязательных публикаций в западных журналах. Собственные монографии, опубликованные на родине, при этом, по сути, теряют значение. Тем более сейчас, когда запад обложил нас всевозможными санкциями, ясно, что в социальных и гуманитарных науках его могут устроить только «диссидентские» тексты наших ученых. Более того, продолжительный период времени самые денежные российские гранты достаются иностранным ученым, которые становятся руководителями наших сотрудников и аспирантов. Это похоже на приглашение зарубежных тренеров для наших футболистов, но наука все-таки — дело более тонкое и специфическое. Воистину, как в таких условиях «сберечь и передать новым поколениям научные традиции» (Логинава, 2009), *отечественные традиции!*?

Наконец, в настоящее время в России существует и *нелегитимная, шарлатанская (а по сути криминальная) «психология»*, связанная с деятельностью всевоз-

можных экстрасенсов, астрологов, «ясновидящих» и даже откровенных колдунов и гадалок, при этом некоторые из них ссылаются на университетское психологическое образование (!?). Весьма примечательно, что подобная деятельность широко представлена и рекламируется на телевидении и в прессе. Существует российский канал «ТВ-3», специализирующийся на подобном лжепсихологическом и мистическом контенте (ранее этот канал так и назывался «мистический»). С недавней поры в том же духе стал выступать и канал «Домашний», предназначенный в основном для женщин. При этом слабые протестующие реакции профессиональных психологов на подобную продукцию, а также на отрицательные образы психологов в наших сериалах, компрометирующие психологическую науку, остаются без внимания. Впрочем, создается впечатление, что российские психологи вообще смирились с психологически деструктивной, деморализующей деятельностью российского телевидения и кинематографа, шоу-бизнеса и рекламы. В частности, это объясняется как раз множющимися приверженцами прозападного либерального менталитета среди молодых психологов, «детей» уже 30-летнего отечественного капитализма (см. также: Юревич, Журавлев, 2015; и др.).

Заключение

Автор считает, что основной миссией российских психологов, понимающих полиментальный характер нашего современного общества и его эксплицитную и имплицитную напряженность, конфликтность, является работа, посвященная его социальному согласию, примирению, прежде всего, носителей православного менталитета (так называемых «белых») с выразителями коллективистско-социалистического менталитета (так называемых «красных»). Конечно, при этом следует преодолеть и клановую конфликтность в самом психологическом сообществе. Вместе с тем социологические исследования показывают, что в современной России общество социальной справедливости прежде всего востребовано представителями коллективистско-социалистического и православного менталитетов, составляющими большинство наших граждан. Членов этих социальных сообществ объединяют ценности социальной справедливости, патриотизма, коллективизма (общинности), веры, русской культуры и языка (Семенов, 2015, 2018). Самое глубокое несогласие и противостояние наблюдается между представителями названных групп и носителями либерально-индивидуалистического (прозападного) менталитета, для которых характерна выраженная направленность на ценность денег и гораздо меньший интерес к вере и справедливости. Противоречия между этими, условно говоря, «либералами», с одной стороны, «православными» и «социалистами», с другой, проявляются на всех «этажах» российского общества, так как либералы не разделяют эгалитарную концепцию социальной справедливости, являясь сторонниками элитарной концепции «социальной несправедливости», принимая и оправдывая жестокую конкурентную борьбу, олигархат (господство «денежных мешков»), аморализм и эгоизм дельцов капитализма.

В подобных условиях *патриотизм* как основной ориентир внутренней политики российского государства обязательно должен быть подкреплён декларацией о формировании *общества социальной справедливости*. Это должно происходить путем социального перераспределения доходов сверхбогатой части населения

через механизмы природной ренты и введение прогрессивной системы налогообложения, как это делается в других странах. Безусловно, общество социальной справедливости невозможно построить, не преодолев современных размеров коррупции и безнравственности в российской жизни. Только решимость и воля власти, церкви и народа способны преодолеть духовно-нравственный кризис. *Психологи, выполняя свой гражданский долг, также играют здесь свою далеко не последнюю роль.* Главным национальным проектом в стране должен стать реальный проект духовно-нравственного преобразования России и построения в ней государства и общества социальной справедливости.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. М.: Госполитиздат, 1947.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л., Чугунова Э. С.* История отечественной прикладной социальной психологии: Развитие отношений фундаментальной науки и практики (по материалам интервью с Э. С. Чугуновой) // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 90–103.
- Журавлев А. Л., Кольцова В. А.* Российский менталитет как предмет психологического исследования: сущностные характеристики и факторы формирования // Историко-генез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 7–37.
- Логинова Н. А.* Как сберечь и передать новым поколениям научные традиции // Актуальные проблемы истории психологии (Материалы методологического семинара. Арзамас, 25–27.09.2008 г.). Арзамас. Изд-во АГПИ им. А. П. Гайдара, 2009. С. 23–29.
- Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Питер, 1997.
- Олейник Ю. Н.* Предпосылки формирования идей об индивидуальных различиях человека в России XI–XVII вв. // Актуальные проблемы истории психологии (Материалы методологического семинара. Арзамас, 25–27.09.2008 г.). Арзамас. Изд-во АГПИ им. А. П. Гайдара, 2009. С. 106–137.
- Петровский А. В.* История советской психологии (Формирование основ психологической науки). М.: Просвещение, 1967.
- Рубинштейн С. Л.* Философия и психология // С. Л. Рубинштейн. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 194–219.
- Русалинова А. А., Журавлев А. Л., Дробышева Т. В.* История отечественной промышленной социальной психологии (интервью с А. А. Русалиновой) // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 3 (11). С. 199–217. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document642.pdf> (дата обращения: 10.05.2021).
- Семенов В. Е.* Типология российских менталитетов и имманентная идеология России // Социальная психология в трудах отечественных психологов: Хрестоматия / Сост. А. Л. Свенцицкий. СПб.: Питер, 2000. С. 485–92.
- Семенов В. Е.* Полиментальность как новый концепт в социально-психологических исследованиях // Современная психология: состояние и перспективы. Т. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 226–229.
- Семенов В. Е.* Современные методологические проблемы в российской социальной психологии // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 38–45.

- Семенов В. Е. Современная Россия в контексте концепции российской полиментальности // Историогенез и современное состояние российского менталитета. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 403–429.
- Семенов В. Е. Многообразие идеологий в современной России и проблема их совместности // Вестник политической психологии. 2018. № 1. С. 30–34.
- Семенов В. Е., Журавлев А. Л., Дробышева Т. В. История и опыт социально-психологической школы НИИКСИ Санкт-Петербургского (ленинградского) государственного университета (интервью с В. Е. Семеновым в связи с 75-летием со дня рождения) // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 2 (6). С. 197–229. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/g17/t2-2/s17-2-11.html> (дата обращения: 10.05.2021).
- Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
- Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (распоряжение Правительства РФ № 996р от 29.05.2015). URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/420277810> (дата обращения: 10.05.2021).
- Шеховцова Л. Ф. Идеалистическая концепция человека: новый виток // Актуальные проблемы истории психологии (Материалы методологического семинара. Арзамас, 25–27.09.2008 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Е. Г. Минькова, Э. В. Тихонова. Арзамас: Изд-во АГПИ им. А. П. Гайдара, 2009. С. 29–39.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л. Метаморфозы либерального психотипа // Вестник РАН. 2015. Т. 85. № 2. С. 164–172.

History of russian psychology in the context of the conception of Russian polymentality

V. E. Semyonov

The Center of political and psychological research, Sankt-Petersburg

The article deals with the problems of the history of Russian psychology in the aspect of the value-mental identity of Russian psychologists. At the same time, as a historical context the main Russian mentalities, their polymentality, are acting. In the first period of the history of Russian psychology, the Orthodox mentality prevailed in the Russian Empire, which after the revolution in October 1917 was replaced by a total collectivist-socialist mentality. After the perestroika transformation and the collapse of the USSR in the early 1990s, ideological pluralism and polymentality emerged in the Russian Federation. In this third period, the former Orthodox and collectivist-socialist mentalities coexist, as well as the new liberal-capitalist mentality. However, it is real the influence of the liberal mentality prevails in the power structures. Representatives of psychological science have also become polymental. But the structure of their polymentality does not coincide with the structure of the polymentality of the Russian population. The author believes that the main task of Russian psychologists at the present time is to work in the name of achieving social consent between representatives of different mentalities, but for this it is necessary to free themselves from clan conflict.

Keywords: Russian polymentality, value-mental identity of psychologists, the main Russian mentalities, the historical change of the prevailing Russian mentalities, social consent.

Структура психологического знания в философских системах прошлого: историко-методологический анализ

В. В. Умрихин

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, vvu@mail.ru

Показано, что психологические знания, развивавшиеся в недрах философии до конца XIX в., имели четко выраженную структуру, обусловленную логикой построения философских учений прошлого. В онтологии развивались концепции, раскрывающие содержание предмета психологического познания. В гносеологии — знания о познавательных психических процессах. В философской этике — знания о явлениях мотивационно-эмоциональной сферы. Каждый раздел психологических знаний представлял собой конкретизацию идей соответствующего раздела философии применительно к трактовке психической реальности.

Ключевые слова: психология, философия, онтология, гносеология, этика, история психологии, структура психологических знаний, предмет психологии, познавательные психические процессы, мотивационно-эмоциональная сфера.

Знаменитый афоризм Г. Эббингауза «У психологии долгое прошлое, но короткая история» разграничивает почти двух с половиной тысячелетний период развития психологии до ее выделения в самостоятельную науку и чуть более чем стосорокалетний период ее развития в качестве таковой (Ярошевский, 1985). Считается, что до В. Вундта психологические знания развивались в составе философии и различных научных дисциплин, появившихся относительно поздно, уже в Новое время (Ждан, 2018; Ярошевский, 1985).

Сопоставление роли философии и различных наук как источников развития психологического знания позволяет легко заметить их неравнозначность. Если в многообразных науках обсуждались различные частные, хотя и важные проблемы психологии, то разработка представлений о предмете психологического познания, конституирующего содержание психологии, составляла прерогативу именно философии.

В связи с этим одна из важных проблем, возникающих перед историком психологии, заключается в поиске методов точной реконструкции развития психологических знаний за почти два с половиной тысячелетия развития психологии в составе философской мысли.

На первый взгляд, достаточно использовать подкупающий своей простотой способ, который в свое время Р. Коллингвуд обозначил как «метод клея и ножниц», т. е. выделить все психологические высказывания любого философа и с помощью несложной операции «copy-paste» создать из них единый текст (Коллингвуд, 1980). Однако, поскольку смысл всякого текста определяется его отношением к контексту, изъятые с помощью такого метода из философских контекстов психологичес-

кие высказывания неминуемо утратят свои исконные смыслы, а их совокупность будет представлять собой конгломерат малоосмысленных речевых конструкций.

Каким же образом можно реконструировать психологические знания, если они представляли собой различные фрагменты философских систем прошлого?

Прежде всего необходимо выявить принципиальное отличие философского знания от конкретно-научного, в том числе и от психологического. Человечество использует множество видов познания реальности — обыденное, религиозное, научное, философское, познание с помощью искусства и т. д., и каждый из них является совершенно необходимым способом постижения мира (Лекторский, 1980). Предмет всякой науки представляет собой узкий и четко очерченный фрагмент реальности, выходить за границы которого ни одна наука не имеет права (процессы жизни — в биологии, явления, возникающие в ходе объединения людей — в социологии, психическая реальность — в психологии и т. д.). В силу этого обстоятельства ни одна из наук не может претендовать на построение единой непротиворечивой рациональной картины мира.

Построение такой картины и составляет «почетное право» и в то же время обязанность именно философии — ведь ее целью с древнейших времен было постижение общих, универсальных оснований мира. На протяжении тысячелетий философия являлась хранительницей разных родов знаний — как собственно философского, раскрывающего универсальные законы бытия и его познания, так и конкретных знаний о различных областях и аспектах мироздания. Этот последний тип знаний и составил основу для процесса формирования и последующего выделения отдельных самостоятельных наук, начавшегося в эпоху нового времени (Франк, 2007). Психология в этом смысле не представляет собой исключения, она разделила закономерный характер развития других наук, имеющих древнюю историю, только покинула «материнское лоно» философии позже других — лишь в конце XIX в.

Если внимательно присмотреться к специфике развития психологических знаний в недрах философии прошлого, можно заметить, что эти знания развивались не рядоположенно, а имели достаточно четкую структурную организацию в соответствии с логикой построения философских систем (Миронов, Иванов, 2005; Ойзерман, 1999). Содержание каждого из разделов философии, включающее в себя наиболее обобщенные понятия (категории), объяснительные принципы и проблемы, конкретизировалось применительно к пониманию психической реальности в соответствующей группе психологических понятий. Иначе говоря, в каждом разделе философской системы присутствовал соответствующий блок психологических знаний, представлявший собой определенную конкретизацию соответствующих философских идей. Это обстоятельство позволило нам выделить и графически обозначить основные, наиболее насыщенные психологическими знаниями разделы философских систем прошлого и соответствующие им разделы психологических знаний (рисунок 1).

Основополагающим разделом всякой целостной философской системы, как известно, традиционно выступает *онтология*, или учение о бытии. Если в опытном познании мир выступает как неограниченное множество разнообразных явлений, связь между которыми неочевидна, то перед философией встает особая задача — раскрыть и обосновать единство мира во всей его полноте. С этой целью

Рис. 1. Структура психологического знания в философских системах

в онтологических концепциях проводится поиск сущностной первоосновы мира, порождающей, в конечном счете, все многообразие его явлений.

Исторически первой гипотезой такой первоосновы стало представление о материи, лежащей в основе мироздания, которое консолидировало становление материалистической традиции античной философии. Однако при всей первоначальной привлекательности материалистической идеи с течением времени у нее обнаруживались серьезные ограничения, ставшие поводом для критики со стороны представителей идеалистической онтологии, легшей в основу альтернативной, идеалистической традиции философской мысли.

Важно обратить внимание на то, что под влиянием 70-летнего периода догматизации философских взглядов Ф. Энгельса и раннего В. И. Ленина существовала и в некоторой степени сохраняется тенденция к сведению всего богатства философского знания к этим двум направлениям — материализму и идеализму и их непримиримой борьбе как к фактору прогресса человеческого познания (Психологическая наука в России..., 1997). В то же время совершенно очевиден опыт построения иных онтологических концепций — Аристотеля с представлением о единстве материи и формы как онтологическом основании мира; дуалистической онтологии Р. Декарта с идеей о двух независимых субстанциях, лежащих в основании бытия; Б. Спинозы, называвшегося по недоразумению материалистом, но выдвинувшего монистическую онтологию, опирающуюся на идею единственной и единой субстанции, лежащей в основании мира.

Говоря об онтологии в целом, отметим, что ее содержание раскрывает ответы на три фундаментальных вопроса: о *сущности, происхождении и строении* мира. Ответом на первый из них служит идея сущностной первоосновы мироздания, на второй — различные космогонические гипотезы, на третий — выделе-

ние качественно своеобразных областей бытия, подчиняющихся своим специфическим законам.

Что же касается группы психологических знаний, традиционно развивавшихся в составе онтологии, то они также отвечают на три обозначенных выше вопроса, но уже адресованных не к миру в целом, а к психической реальности: это вопросы о *сущности, происхождении и строении* психики. В зависимости от содержания конкретной философской онтологии создается та или иная концепция предмета психологического познания. Так, например, у основателя античного атомистического материализма Демокрита основанием бытия выступает материя, состоящая из далее неделимых частиц — атомов. Соответственно, и душа также состоит из атомов, но, чтобы раскрыть ее своеобразие, он наделяет атомы души отличительными свойствами, среди которых главное — подвижность — обеспечивает душе роль причины функционирования тела. У Платона душа составляет часть мира идей как онтологического основания бытия и в силу этого определяет все происходящее с человеком. У Аристотеля душа относится к категории форм, но присуща не всякому, а лишь живому телу. Дуалистическая онтология Р. Декарта приводит к постановке и противоречивому решению психофизической проблемы, а монистическая онтология Б. Спинозы позволяет наиболее радикально преодолеть картезианский дуализм.

Вторым фундаментальным разделом философских систем выступает *гносеология* как общая универсальная философская теория познания. Множество вопросов, возникающих в гносеологии, в силу своей всеобщности и универсальности, выходит за рамки конкретно-научного психологического познания. К ним относится вопрос о самой возможности познания мира, разделивший философов на представителей гностицизма и агностицизма; об источниках познания, поляризовавший философию XVII в. на рационализм и эмпиризм; о соотношении субъекта и объекта познания, его форм и способов и т. д.

Какого же рода психологические знания наиболее органично входили в состав гносеологических учений? Это знания о познавательных психических процессах. Со времен Уильяма Джеймса (2019) известно, что все психические явления обладают процессуальностью, но не всякие психические процессы являются познавательными. К их числу относятся только те психические процессы, которые непосредственно служат средствами познания реальности: ощущение, восприятие, внимание, память, воображение, мышление, речь.

В зависимости от конкретного содержания философских гносеологических учений познавательные психические процессы и их соотношение получают ту или иную трактовку. Так, в рационалистической гносеологии от Платона до Б. Спинозы определяющую роль в познании приобретают разум и интуиция, тогда как от Аристотеля до зрелого эмпиризма Дж. Локка познание, основанное на чувственных образах, служит источником всех прочих познавательных процессов. Радикализация этого подхода в XVIII в. привела к возникновению сенсуализма, сводившего любые сложные психические явления к ощущениям как к первоэлементам. Некоторые гносеологические идеи влияли на развитие онтологических представлений о психике. Так знаменитое платоновское учение о познании как припоминании уже в неоплатонизме привело к зарождению идеи о том, что основной формой душевной жизни становятся процессы самопозна-

ния, а эта идея, в свою очередь, стала предпосылкой последующей трансформации психологии в науку об интроспективно понимаемом сознании. То же учение о познании как припоминании открывало особую область душевной жизни, которая тысячелетия спустя будет осмыслена как бессознательное.

Третьим фундаментальным разделом философских систем выступает *этика*. Философскую этику можно определить как учение о принципах поведения с точки зрения должного. Под должным понимается философско-этическая категория, выступающая своеобразным эталоном, относительно которого появляется возможность обоснованной оценки конкретных поступков, совершаемых человеком. В некоторых случаях для обоснования категории должного авторы философско-этических учений развертывали содержание всей своей философской системы, как это, например, предстает перед нами в трактате «Этика» Б. Спинозы.

Какого рода психологические знания наиболее естественным образом группируются в философско-этических учениях? Для обоснованной оценки поступков прежде всего необходимо знание о том, чем движим человек, совершающий поступок. Речь идет о многообразных психических явлениях, выступающих побудительными, или движущими, силами психической жизни. В психологии круг этих явлений обобщается понятием «мотивация». Очевидно, что сходные поступки, движимые разными мотивационными силами, должны иметь различную этическую оценку. Тем самым явления мотивации оказываются представленными в контексте этических учений.

Успешность/неуспешность осуществления мотивации, да и вообще вся динамика мотивационных процессов переживается в эмоциях. Через всю историю психологии — от Аристотеля до А. Н. Леонтьева — красной нитью проходит эта мысль, а С. Л. Рубинштейн называл эмоции «субъективной формой существования мотивации». С другой стороны, благодаря наличию побудительной функции, эмоции могут выполнять роль побудительных, т. е. мотивационных сил. Такое единство позволяет рассматривать мотивацию и эмоции как две составляющие единой *мотивационно-эмоциональной сферы*.

Впрочем, в развитии психологических знаний как составной части философии вплоть до конца XIX в. мотивационные и эмоциональные процессы строго не различались, а описывались в основном в виде единства процессов побуждения и переживания под названием аффектов, страстей и чувств. И только в начале XX в. под влиянием развития психоаналитической, а затем и других концепций, стремившихся раскрыть роль мотивации как движущей силы личности, наметилась тенденция к дифференциации понятий мотивации и эмоций.

В контексте же философско-этических учений с древних времен особую значимость представляла проблема человеческого выбора между желанием удовольствия и стремлением к должному. Подобный выбор предполагает целенаправленное сознательное усилие и, как известно, называется *волевым*. Способность же к волевому поступку различна у людей с разными типами *характера*. Мы видим, что понятия *воли* и *характера* также неизбежно вовлекаются в круг психологических знаний, развивавшихся в концепциях философской этики с древнейших времен, блистательные примеры чего обнаруживаются уже в «Никомаховой этике» и других произведениях Аристотеля.

Остается ответить на вопрос: почему в обсуждавшейся выше модели (рисунок 1) отсутствует понятие личности? Ответ на него будет весьма парадоксален. Несмотря на извечную человеческую потребность в самопознании и накопленный тысячелетиями опыт психологического анализа отдельных свойств и предпосылок личности, выделение личности как предмета самостоятельного психологического познания, отраженного в соответствующих психологических теориях личности, произошло только на рубеже XIX–XX вв. Мы же рассматривали период, когда психологические знания развивались в недрах философских систем, завершившийся в 1870-х годах.

Заключение

В результате проведенного анализа видно, что психологические знания, развивавшиеся в недрах философии до конца XIX в., имели четкое оформление, обусловленное логикой построения философских учений.

В онтологии развивались концепции, раскрывающие содержание предмета психологического познания.

В гносеологии — знания о познавательных психических процессах.

В философской этике — знания о явлениях мотивационно-эмоциональной сферы.

Содержание каждого из разделов психологических знаний представляло собой конкретизацию соответствующего раздела философских систем прошлого применительно к трактовке психической реальности.

И, пожалуй, самый знаменательный вывод: при взгляде на правый столбец приведенной схемы (рисунок 1) обнаруживается, что структура психологических знаний в философских системах прошлого соответствует современной структуре общей психологии (а при более внимательном рассмотрении — и других ее отраслей). Таким образом, становится ясным происхождение структуры и логики построения современной психологии. Она оказалась обусловлена логикой построения философских систем, в недрах которых психологическое знание развивалось на протяжении двух с половиной тысячелетий.

Литература

Джеймс У. Психология. М.: Амрита, 2019.

Ждан А. Н. История психологии от Античности до наших дней. М.: Академический проект, 2018.

Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980.

Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980.

Миронов В. В., Иванов А. В. Онтология и теория познания. М.: Гардарики, 2005.

Ойзерман Т. И. Философия как история философии. СПб.: Алетейя, 1999.

Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.

Франк Ф. Философия науки. Связь между наукой и философией. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

Ярошевский М. Г. История психологии. М.: Мысль, 1985.

Structure of psychological knowledge in the philosophical systems of the past: historical and methodological analysis

V. V. Umrikhin

M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

It is shown that psychological knowledge, which developed in the depths of philosophy until the end of the XIX century, had a clearly expressed structure due to the logic of constructing the philosophical teachings of the past. In ontology, concepts developed that reveal the content of the subject of psychological cognition. In epistemology – knowledge about cognitive mental processes. In philosophical ethics – knowledge about the phenomena of the motivational and emotional sphere. Each section of psychological knowledge was a concretization of the ideas of the corresponding section of philosophy in relation to the interpretation of psychic reality.

Keywords: psychology, philosophy, ontology, epistemology, ethics, history of psychology, structure of psychological knowledge, subject of psychology, cognitive mental processes, motivational and emotional sphere.

Раздел второй

**История разработки психологических
теорий, проблем, понятий
и направлений психологии**

Опыт осмысления проблемы сознания в пространстве и времени конференций ASSC¹

Г. В. Акопов

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
г. Самара, akopovgv@gmail.com*

А. И. Белкин

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
г. Самара, belkin@pgsga.ru*

А. В. Белоус

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
г. Самара, belous.anna@spsu.ru*

В статье рассматривается темпоральная динамика исследований сознания по материалам ежегодных (с 1997 г.) конференций Ассоциации научных исследований сознания (The association for the Scientific Study of Consciousness). В работе представлены результаты контент-анализа количественных и качественных характеристик по избранным составляющим. Организационная составляющая включает такие формы работы, как пленарные заседания с фиксированным числом докладов, сессионные заседания разного типа, постерные сообщения, лекции и мастер-классы. Содержательная составляющая включает фиксированный спектр категорий, наиболее часто встречающихся в постановках и предлагаемых решениях проблемы сознания. Контент-аналитической статус категории в данном исследовании получили следующие словосочетания: методология и методы, перцептивное созна-

---

1 Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-013-00816.

ние, когнитивное сознание, аффективно-волевое сознание, а также прикладные аспекты проблемы сознания. Более чем 20-летний опыт конференций демонстрирует не снижающийся широкий (разные континенты и страны) интерес и многосторонние творческие усилия по решению проблемы сознания в англоязычных исследованиях. В статье приведены также сравнительные характеристики (общее и особенное) российских психологических исследований по проблеме сознания.

Ключевые слова: сознание, ежегодные конференции, Ассоциация научных исследований сознания, контент-анализ, категории, временная динамика.

Феномен сознания в последние десятилетия исследуется в широкой сфере философских и научных знаний, которая в настоящий период представляет *междисциплинарную* область теоретических конструктов, эмпирических и прикладных исследований (см., например: Головей и др., 2017; Психология..., 2003). В англоязычной научной литературе устойчиво используется словосочетание «Наука о сознании» (Science of Consciousness), что во многом, как нам представляется, связано с тем, что в англоязычной психологии и смежных науках имел место длительный перерыв в исследованиях сознания, связанный с доминированием бихевиористской парадигмы, в которой с позиций позитивизма одномерно и весьма ограниченно трактовалась логика объективного исследования сознания. В отечественной психологии исследования сознания развивались без перерыва, более последовательно (если исключить дискуссии о методологии), но не столь масштабно как за рубежом в последней четверти XX в.

В концептуальном поле современных исследований сознания отчетливо вырисовываются общие, специфические и частные аспекты проблемы сознания, релевантные традиционным и новым исследованиям (Акопов, 2010, 2018, 2020). В методологическом плане наиболее сложной, по общему признанию англоязычных авторов, является объяснение сознания как сферы субъективности в ее связи с внешним материальным миром. Это так называемая «трудная проблема сознания» (Ревонсуо 2013; Чалмерс, 2013; The Oxford Companion..., 2009), в отечественной психологии получившая наименование психофизической проблемы.

В пространстве англоязычных исследований сознание изучается с позиций биоэволюционной, нейрофизиологической, нейрокогнитивной, социокультурной, социолингвистической, культурно-исторической и других смежных наук, а в последнее десятилетие рассматривается также приложимость явлений квантовой физики к проблеме сознания. Сохранению целостности изучаемого феномена способствует идея многомерности и многоуровневости сознания, акцентированная В. Ф. Петренко (Петренко, 2010).

Типологизация исследовательских подходов к проблеме сознания позволяет упорядочить огромное количество существующих представлений и концепций (Акопов, 2016). Типологический подход позволяет выделить и оформить не только категориальные пространства исследований сознания того или иного типа, но и «пространство» исследователей сознания со своеобразными познавательными установками, т. е. тем, что называют «личностным», «имплицитным», не всегда осознаваемым знанием, а также тем или иным ценностным отношением, субъективной уверенностью в истинности своей позиции и т. д.

Наряду с личностным знанием, приобретающим сегодня особое значение в исследованиях сознания, объективированную науку интересуют прежде всего эмпирически подтверждаемые характеристики. Помимо содержательных, к ним следует отнести также характеристики, связанные с историческим и актуальным временем, т. е. темпоральную актуальность как содержания самой проблемы сознания, так и различных составляющих, в том числе и организационных форм коллективного научного обсуждения проблемы сознания. В соответствии с этой логикой было проведено *контент-аналитическое исследование* (о методе см.: Психология, 2000; Социальная психология, 2002; и др.) различных аспектов проблемы сознания по материалам ежегодных международных конференций Ассоциации научных исследований сознания – The Association for the Scientific Study of Consciousness (в дальнейшем ASSC), начиная с 1997 г. по настоящее время.

В совокупность источников контент-аналитического исследования вошли публикации ежегодных конференций. Выборочную совокупность составили материалы, доступные для анализа с 1997 по 2019 гг. В качестве единиц контент-анализа были избраны: а) структура конференций (виды организации работы участников); б) научные категории и подкатегории; в) темы и подтемы научных докладов.

Единицы счета определялись как: а) количество организованных мероприятий; в качестве единицы рассматривалось одно организованное мероприятие; б) базовые категории и подкатегории в названиях докладов, лекций, дискуссий, тезисов и отдельных комментариев участников конференций; в) темы и подтемы научно-организационных мероприятий.

В соответствии с избранными единицами анализа оформлены таблицы. В таблице 1 представлена численная динамика различных организационных форм актуализации проблемы сознания на конференциях ASSC.

Начиная с 1997 г., конференции проводились на всех континентах, главным образом, в экономически развитых странах. Заметим, что в России (г. Самара) в рассматриваемом временном интервале были проведены две всероссийские (Психология сознания..., 2007, 2011) и одна международная (Психология сознания..., 2015) конференции по проблеме сознания, но без участия ASSC.

В столбце «Количество пленарных докладов» можно отметить уменьшение их числа от начала к настоящему времени; заметно численное снижение количества пленарных докладов, что можно трактовать как наступление паузы вызревания новых идей в этой области. Однако причины уменьшения числа пленарных докладов (начиная с 2014 г.) могут состоять в специфике организационных условий в той или иной стране, принимающей конференцию. Данные другого столбца «Количество дискуссионных площадок, параллельных сессий, основных и специальных лекций» могут служить подтверждением нашей версии, так как возрастание числа дискуссионных площадок, на которых презентуются либо генерируются новые идеи, которые еще не приобрели статуса, обеспечивающего выход на пленарный уровень, трудно объяснить в иной логике.

Число постерных докладов в таблице 1 позволяет судить о масштабности соответствующего мероприятия, локализованного в определенное время в том или ином месте. Данная часть таблицы демонстрирует устойчивое возрастание интереса к проблеме сознания по критерию численности активных участников конференций ASSC.

Раздел второй

Таблица 1

Численная динамика различных организационных форм актуализации
проблемы сознания на конференциях ASSC
(Ассоциации научных исследований сознания)

Год конференции, страна	Численные характеристики организационных форм актуализации проблемы сознания			
	Количество пленарных (ключевых) докладов	Количество дис- куссионных пло- щадок, парал- лельных сессий, основных и специ- альных лекций	Количес- тво постерных докладов	Количес- тво тьюторских (обучающих) программ и мас- тер-классов
1997 США	19	0	44	6
1998 Германия	22	50	41	10
1999 Канада	15	16	63	11
2000 Бельгия	11	16	79	12
2001 США	13	36	31	11
2002 Испания	15	44	69	10
2003 США	19	9	21	10
2004 Бельгия	15	54	71	8
2005 Калифорния	15	41	77	7
2006 Великобритания	15	41	132	8
2007 США	18	37	83	8
2008 Китай	17	40	97	6
2009 Германия	12	41	140	8
2010 Канада	14	40	109	7
2011 Япония	11	21	89	6
2012 Великобритания	14	4	242	8
2013 США	17	60	79	8
2014 Австралия	4	41	94	3
2015 Франция	4	59	226	8
2016 Аргентина	10	63	140	4
2017 Китай	5	57	135	8
2018 Польша	5	98	188	10
2019 Канада	6	25	Не удалось найти	8

Следующая организационная форма работы конференций – это тьютериальные, т.е. обучающие программы, реализующиеся в формах интерактивных лекций, мастер-классов и обучающих семинаров. В последнем столбце таблицы 1 приведены данные по количеству тьюторских программ и мастер-классов на каждой из ежегодных конференций ASSC. Участниками мероприятий данного типа, как правило, являются начинающие исследователи в области проблем сознания. Однако участвовать в качестве слушателей могут специалисты, желающие уточнить научные основания по какой-либо из заявленных в конкретном году тем, а также авторитетные представители науки о сознании. Саму обучающую программу обеспечивают специалисты, осуществляющие исследования по этим темам, предварительно заявившие свое желание и возможность реализовать тьюторскую работу. В связи со сказанным, неудивительно что представленный в таблице числовой ряд носит достаточно равномерный характер.

Переходя к контент-анализу качественных характеристик содержания представленных на конференциях материалов, поясним логику выбора категорий и субкатегорий во всей совокупности текстов (пленарные, сессионные, постерные и др.). Очевидно, что основополагающей категорией в рассматриваемой серии конференций является категория сознания. Ранее мы определили то, как мы можем дифференцировать значение слов: термин, понятие, категория (Акопов, 2020). В первом случае подразумеваются словарные значения из повседневной лексики; во втором – понятийные значения, специфичные для той или иной области научного или философского знания (антропология, культурология, социология, психология и т.д.); для третьего термина (статус категории) важна связь понятийного значения с определенной теорией сознания.

Современная ситуация в науке о сознании такова, что многие новые или уточненные старые дефиниции сознания связаны с определенной концепцией сознания. Это, в частности, нейрокогнитивная теория Б. Баарса (она же «теория глобального рабочего пространства»), натуралистическая (биологическая) теория Д. Сёрла, дуалистическая теория Д. Чалмерса, информационная теория Д. Тонони и др. (Ревонсуо, 2013; Чалмерс, 2013; The Oxford Companion..., 2009). В каждой теории определяется своя базовая субкатегория, выступающая в качестве первичной основы для категории сознания, как, например, субкатегория информации в интегрированной информационной теории сознания. Использование контент-анализа в таком ракурсе мало что даст, так как окажется, что категория сознания присутствует практически во всех текстах, а встречаемость субкатегорий будет соответствовать количеству сторонников у автора теории. В сложившейся реальности количество авторов теорий сознания существенно больше, чем последователей. Поэтому в результате будет получено большое количество субкатегорий с относительно небольшой частотой встречаемости. Вместе с тем определенные виды (или типы) сознания встречаются весьма часто как предмет многоаспектных исследований. Это, в частности, когнитивное сознание вместе с производной субкатегорией «перцептивное сознание», и очень часто – «визуальное сознание». Не менее часто встречается категория нейронных коррелятов сознания (НКС), реципрокно связанная с проблемой «Мозг и сознание». Мы также сочли возможным условно выделить методологические аспекты исследования сознания как собирательную категорию, включающую такие объяснительные пара-

дигмы изучения сознания, как физикализм, дуализм, элиминативизм, эпифе-номенализм и т. д.

Пилотный (предварительный) анализ конференции ASSC – 2009, 2015, 2019 гг. позволил выделить первичное множество категорий с той или иной частотой встречаемости в материалах этих конференций. С высокой частотой фиксируются категории: методология и методы, когнитивное сознание, перцептивное сознание, нейронные корреляты сознания; менее часто – бессознательное (в контексте проблемы сознания), особые состояния сознания, самосознание, расстройства сознания, телесное сознание, социальное сознание, искусственное сознание (в частности, интеллект); единичны или не встречаются категории аффективного (эмоционального) сознания и волевого сознания. В результате этой предварительной работы вполне уместно учесть также прикладные темы, связанные с сознанием, представленные на конференциях ASSC. Это, в частности, темы эволюции сознания, единства сознания, сознания у животных, в особенности у приматов, «минимальное состояние сознания» и «состояния внетелесного опыта», онтогенез сознания, представление о психике у других (Theory of mind).

В связи с вышеизложенным в таблицу 2, наряду с самыми частотными категориями, включена также графа, представляющая темы текущих либо перспективных прикладных исследований в области сознания.

Процентные значения основных категорий в таблице 2 вычисляются на основе доля представленности каждой из них от суммарного количества.

Проиллюстрируем условно обозначенное категорией словосочетание «Методология и методы», численно представленное в таблице 2, следующими примерами: «Фундаментальная методологическая проблема исследования сознания», «Интегрированное и дифференцированное сознание», «Инвазивные и неинвазивные методы исследования сознания», «Проблема единства сознания», «Сознание без языка», «Опыт и метасознание», «Структура феноменального сознания», «Уровни анализа сознания субъектности», «Объяснительный пробел во взаимосвязи мозга и сознания», «Феноменальная воля и субъектность (agency)», «Синестезия, квалиа и сознание», «Разновидности самосознания», «Философия, физика и психология в экспериментах Либета с субъективным временем», «Уровни сознания», «Психиатрия как окно в сознание».

В соответствии с данными таблицы 2, столбца «Методология и методы» можно констатировать достаточно стабильную роль методологических дискурсов от первых конференций к настоящему времени, что можно интерпретировать как устойчивый познавательный процесс, направленный на решение загадки (тайны, мистерии) и парадоксов сознания.

Категория «Перцептивное сознание» включает, в частности, следующие темы докладов на конференциях ASSC: визуальное сознание, социальное и аффективное содержание перцептивного сознания, сенсомоторное сознание, вкусовое сознание, иллюзии восприятия и т. д. Как ясно из примеров, перцептивное сознание включает также сенсорную сферу; в англоязычных источниках встречается словосочетание «сенсорно-перцептивное сознание».

В соответствии с представленными данными таблицы 2 по категории «Перцептивное сознание» можно констатировать возрастающий уровень интереса ис-

Таблица 2

Распределение категорий и прикладных тем проблемы сознания во временной динамике конференций ASSC (%)

Год	Категории				
	Методология и методы	Перцептивное сознание	Когнитивное сознание	Нейронные корреляты сознания	Прикладные темы
1997	—	13,3	53,3	—	20,0
1998	—	15,0	40,0	30,0	—
1999	—	—	50,0	30,0	20,0
2000	—	5,6	33,3	22,2	33,3
2001	10,0	10,0	20,0	25,0	16,7
2002	12,5	6,25	18,8	6,25	37,5
2003	33,3	8,3	25,0	16,7	16,7
2004	5,3	—	36,9	36,9	10,6
2005	25,0	—	25,0	50,0	—
2006	15,4	11,5	53,9	15,4	—
2007	13,6	13,6	40,9	31,8	—
2008	29,4	5,9	35,2	5,9	11,8
2009	9,1	31,8	50,0	—	9,1
2010	10,0	12,5	41,3	20,0	6,3
2011	9,3	10,2	44,5	13	10,2
2012	9,4	16,5	38,8	15,3	11,8
2013	14,7	10,3	39,7	30	4,4
2014	3	18,2	47,0	13,6	15,2
2015	4,2	10,5	44,2	17,9	16,8
2016	—	25,5	46,8	23,4	—
2017	3,1	34,4	18,8	21,9	15,6
2018	20,0	44,0	4	—	32,0
2019	23,3	11,6	37,2	4,7	16,3

следователей к проблеме сенсорно-перцептивного сознания, за исключением относительно редких снижений данных (1999, 2004, 2005).

Традиционно когнитивная сфера человека включает, помимо проблематики внимания, памяти, мышления и т. д., также перцептивную сферу. Однако в исследованиях сознания сложилась ситуация первоначального пристального внимания к сенсорно-перцептивной проблематике сознания, что сохранилось и в последующем. В связи с этим уместно отметить, что понятие «квалиа» сформировалось, на наш взгляд, в связи с исследованиями сенсорного сознания.

В качестве примеров тематики докладов в области когнитивного сознания можно привести следующие: «Метапознание и сознание», «Теория мышления высшего порядка», «Проблемы когнитивной нейробиологии сознания» и др. В отношении последней темы заметим, что заявленные исследования нередко носят *комплексный* характер и включают задачи, относящиеся к пространствам различных категорий; не всегда легко отнести комплексную тему к одной-единственной категории (Такого рода сложности характерны и для отечественной психологии (см., например: Головей, Журавлев, 2019; Методология..., 2008). При проведении расчетов мы ориентировались на главную задачу в формулировке темы, используя также косвенные признаки, а именно — название симпозиума, название секций, на которые представлен комплексный по тематике доклад. Это относится и к другим категориям.

Сравнивая полученные данные по столбцам «Перцептивное сознание» и «Когнитивное сознание» в таблице 2, можно заметить различия, возможно, связанные с обозначенной выше спецификой — изначально высокий интерес к сенсорно-перцептивной проблематике сознания. Это также можно объяснить неуклонным желанием исследователей разрешить так называемую трудную проблему феноменального сознания, в то время как когнитивная проблематика сознания, в частности мышление, многими исследователями отнесена к теориям высшего порядка, т. е. к «легким проблемам» сознания (Ревонсуо, 2013; Чалмерс, 2013; Honderich, 2014; Gennaro, 2012; и др.).

Несомненно, что центральной категорией в контексте решения трудной проблемы сознания является категория нейронных коррелятов сознания (НКС). Приведем примеры названий соответствующих докладов на конференциях ASSC: «НКС и эволюция сознания», «Нейрофемениология и нейродинамика сознания», «Зеркальные нейроны и социальное понимание» и т. д.

Обращаясь к столбцу «Нейронные корреляты сознания» в таблице 2, можно усмотреть определенную стабильность интереса участников конференции к этому важнейшему, как представлялось ранее, а некоторыми исследователями и сегодня, направлению решения проблемы сознания. Следует признать весьма значительные достижения в этой области, связанные с новыми технологическими возможностями изучения мозга, в частности нейровизуализацией (brain imaging), однако недостаточный учет социокультурных факторов возникновения и развития сознания в англоязычных исследованиях в целом (The Origin of Consciousness..., 2013), не позволяет в полной мере учесть все факторы, участвующие в становлении, развитии и проявлении сознания, в частности эволюционные, социокультурные, коммуникативные, а также, что особенно важно, психологию исследователей в контексте западного и восточного менталитетов. Это отчетливо показано в коллективной монографии (ibid.).

Приведем также примеры тем докладов участников конференции ASSC, которые отнесены к прикладным направлениям: «Нарушения сознания контроля», «Искусственное коллективное сознание», «Бессознательное: семантическое праймирование», «Гипнотические парадоксы сознания», «Является ли заблуждение патологией сознания?», «Проектирование телесного сознания», «Робототехника и сознание», «Интероцепция и проблемы сознания», «Сознание и искусственный интеллект», «Использование ФМРТ для оценки осознанности у пациентов с нарушениями сознания».

Как ясно из приведенного перечня тем, названных прикладными (многие из них носят характер теоретических возможностей), для нас не представилось возможным выделить какие-либо сквозные или наиболее частотные темы. Спектр тем достаточно широк и демонстрирует весьма важные в практическом плане перспективы параллельной реализации научных исследований и решения конкретных задач современной весьма многообразной жизни.

Заключение

Психология как самостоятельная область научных знаний определилась, центрируя в предметном плане категорию сознания; метафорические трактовки сознания («Поле», «Поток», «Светлое пятно» и т.д.) служат самоочевидными «концепциями» сознания. Парадигмальная бифуркация исследований сознания в западной и советской (русской) психологии к концу прошлого века трансформировалась в множество новых дефиниций и концептуальных построений. Синхронический анализ состояния проблемы сознания (микро- и мезоистория) представляется не менее важным для истории психологии и исторической психологии, нежели диахронический. Одним из источниковедческих ресурсов, несомненно, являются материалы конференций, в частности, ежегодных международных конференций Ассоциации научных исследований сознания (ASSC). Подводя итоги предпринятого нами исследования, можно сделать следующие выводы.

- Более чем двадцатилетний опыт проведения ежегодных конференций в разных странах под эгидой Ассоциация научных исследований сознания (ASSC) демонстрирует устойчивый, масштабный интерес психологов и представителей смежных с психологией областей науки к загадке (мистерии) сознания.
- Фиксированный во времени исторический период сопоставим по продолжительности и научному содержанию с двадцатилетним опытом условно-рефлекторной доминанты в проблемном и предметном оформлении психологии как науки.
- Новая центрация исследовательских усилий в пространстве так называемой трудной проблемы сознания, ранее существовавшей в статусе психофизической проблемы, обусловлена, по всей видимости, значительным преобладанием практической, утилитарной установки исследователей в сравнении с эпистемологической и аксиологической.
- Множественность основополагающих (ключевых) идей в новых постановках и предлагаемых решениях проблемы сознания на протяжении рассматриваемого периода в презентативном плане сужается (пленарные доклады на конференциях ASSC), в то время как критическое и конструктивное переосмысление в многообразных аспектах конкретизации существенно расширяется (дискуссионные площадки и постерные доклады на конференциях ASSC).
- Исследовательский ресурс по проблеме сознания непрерывно поддерживается на основе «самотивации» различной направленности (тьютерские программы на конференциях ASSC).
- В категориальном пространстве постановок и соответствующих подходов к решению проблемы сознания в ее множественных аспектах и составляющих наиболее устойчиво представлены категории методологии и методов,

перцептивного и когнитивного сознания, а также нейронных коррелятов сознания; последняя категория представляется многим одной из узловых конструкций, в которой воплощена реципрокная связь материи и сознания, физического и психического, телесного и ментального.

- На конференциях ASSC значительно менее представлены категории аффективного (эмоционального) и волевого сознания, категория субъектности (agency) и социального сознания, темы культурно-исторического развития сознания, коммуникативного сознания, креативности, как фактора сознания.
- Сравнение категориальных пространств психологических исследований сознания в англоязычной и русскоязычной версиях (Акопов, 2020) позволяет вынести заключение о достаточно узком пересечении соответствующих тематических полей (когнитивная платформа в исследованиях В. М. Аллахвердова, роль прайминга в проявлениях осознанности в экспериментах А. Ю. Агафонов и др.). В отечественных исследованиях нет остроты рассмотрения трудной (психофизической) проблемы, менее масштабно обсуждаются вопросы связи «Мозг—Сознание» (нейронные корреляты сознания), однако более основательно исследуются социокультурные факторы, предложено теоретическое решение задач единства сознания и соотношения психики и сознания (А. В. Карпов), определены социокультурные и нейрокогнитивные основания концепции эмоционального сознания (Ю. И. Александров), обоснована экопсихологическая парадигма сознания (В. И. Панов) и др.

В связи с несомненной дополнительностью исследовательских проектов по проблеме сознания в российской и зарубежной версиях можно говорить о перспективах решения проблемы сознания как одной из самых актуальных в контексте масштабных изменений общей ситуации развития человека.

Литература

- Акопов Г. В.* Психология сознания: вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Акопов Г. В.* Типология проблем в новом познании сознания // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2016. № 2 (86). С. 178–191.
- Акопов Г. В.* Многомерность как фактор поликонцептуальности сознания versus системная целостность сознания // Мир психологии. 2018. № 2 (94). С. 21–29.
- Акопов Г. В.* Пространства значений категории сознания в современных русскоязычных и англоязычных исследованиях // Мир психологии. 2020. № 1 (97). С. 20–29.
- Головей Л. А., Журавлев А. Л.* Комплексные исследования человека в научной школе Б. Г. Ананьева: Разработка проблемы индивидуальности // Историческая преемственность в отечественной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 268–276.
- Головей Л. А., Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В.* Междисциплинарные исследования в психологии: история и современность // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 2700–2707.
- Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

- Петренко В. Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010.
- Психология: Учебник для технических вузов / Под ред. В. Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2000.
- Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Психология сознания: современное состояние и перспективы: материалы I всероссийской научной конференции. Самара, 29 июня—1 июля 2007 г. Самара: Научно-технический центр, 2007.
- Психология сознания: современное состояние и перспективы: материалы II всероссийской научной конференции, 29 сентября—1 октября 2011 г., Самара. Самара: ПГСГА, 2011.
- Психология сознания: этнонациональные, религиозные, правовые и регулятивные аспекты: материалы международной научной конференции, 15—17 октября 2015 г., Самара / Под ред. Г. В. Аكوпова, Е. Л. Чернышовой, С. Г. Ихсановой. Самара: ПГСГА, 2015.
- Психология сознания. Пер. с англ. СПб.: Питер, 2013.
- Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Пер Сэ, 2002.
- Чалмерс Д.* Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. Пер. с англ. М.: УРСС—Книжный дом «Либроком», 2013.
- Gennaro R. J.* The Consciousness Paradox: Consciousness, Concepts and Higher-Order Thoughts. A Bradford Book. Cambridge—London: The MIT Press, 2012.
- Honderich T.* Actual Consciousness. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- The Origin of Consciousness in the Social World / Ed. by Ch. Whitehead. UK—USA: Imprint Academic, 2008.
- The Oxford Companion to Consciousness / Eds T. Bayne, A. Cleeremans, P. Wilken. Oxford: Oxford University Press, 2009.

Continuous experience of understanding the problem of consciousness in space and time of ASSC conferences

G. V. Akopov

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, akopov@sgspu.ru

A. I. Belkin

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, belkin@pgsga.ru

A. V. Belous

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, belous.anna@sgspu.ru

The article considers the temporal dynamics of consciousness research based on the materials of the annual (since 1997) conferences of the Association for the Scientific Study of Consciousness. The paper presents the results of content analysis of quantitative and quali-

tative characteristics for selected components. The organizational component includes such forms of work as plenary sessions with a fixed number of reports, in-session meetings of various types, poster messages, lectures and master classes. The content component contains a fixed range of categories that are most often found in the statements and proposed solutions to the problem of consciousness. The following phrases received the content-analytical status of the category in this study: methodology and methods; perceptual consciousness, cognitive consciousness, affective-volitional consciousness, as well as applied aspects of the problem of consciousness. More than 20 years of experience of conferences demonstrates the continuing broad (different continents and countries) interest and multi-sided creative efforts to solve the problem of consciousness in English-language research. The article also presents comparative features (general and special) of Russian psychological research on the problem of consciousness.

Keywords: consciousness, annual conferences, Association for Scientific Research of Consciousness, content analysis, categories, time dynamics.

Идеи С. Л. Франка и развитие ордерного подхода к социально-психологическому изучению феномена культуры

Л. Н. Аксеновская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, liudmila_aksenovskaya@mail.ru

В статье представлены основные линии «творческого диалога» между взглядами С. Л. Франка и ордерными социально-психологическими исследованиями феномена культуры (на примере организационной культуры). Обсуждены основные идеи философской психологии, показана связь с ордерными исследованиями организационной культуры, в которых культура понимается как этико-детерминированный порядок. Ордерные исследования направлены на изучение этико-смысловых подсистем смысловой системы культуры, на разработку концепций духовного лидерства и духовной организации. Описаны уровни этико-смысловой подсистемы организационной культуры.

Ключевые слова: история психологии, духовная психология, ордерный подход, этико-смысловые подсистемы, организационная культура, духовность.

Введение

Каждая эпоха формулирует для себя задачу, которую ей надлежит решить. И наша эпоха не является исключением из этого правила. В поисках смысловых точек опо-

ры в данном процессе мы склонны обращаться к своим истокам, к своим стартовым позициям (подробнее см.: Историческая преемственность..., 2019; Развитие российской психологии..., 2019; и др.). Для факультета психологии Саратовского государственного университета — последнего императорского университета в России — стартовой позицией является научное и духовное наследие основоположника психологического образования и психологической науки в Саратовском университете Семена Людвиговича Франка (1877–1950) — первого декана историко-филологического факультета (с 1 июля 1917 г.).

В 1917 г. в возрасте сорока лет приват-доцент Петроградского университета и магистр философии Франк вместе с семьей (супруга — уроженка Саратова) приезжает в Саратов в надежде укрыться от неурядиц и голода смутного времени. В короткое время он формирует очень сильный преподавательский состав своего факультета (среди преподавателей три будущих академика и члена-корреспондента АН СССР). С.Л. Франк первым стал вести в Саратовском университете семинар по психологии, используя в качестве опорного текста свою книгу «*Душа человека*», в которой выступил с критикой современной ему эмпирической и особенно экспериментальной психологии. Однако это не помешало ему пригласить из Петрограда психолога Августа Адольфовича Крогиуса (основоположника отечественной тифлопсихологии), развивавшего в Саратовском университете экспериментальную психологию (Маслов, 2014).

Работа С.Л. Франка в Саратовском университете завершилась в 1921 г. Он вернулся в Петроград, а на следующий год был выслан из страны на так называемом «*философском пароходе*». Следующие 29 лет ему довелось жить в разных странах — Германии, Франции и Великобритании. Великобритания стала его последним приютом, где он ушел из жизни, оставив после себя более двадцати книг, интерес к которым не угасает. Наиболее значимыми из них для психологов считаются «*Душа человека*», «*Духовные основы общества*», «*Крушение миров*» и «*Непостижимое*».

Наше время — это не пред- или послереволюционная смута, которую переживал Франк в России, в частности в Саратове. Но это пока и не период социально-политического умиротворения и экономического благоденствия. Наше время — это время трудного возрождения российского общества в сложных условиях. И первой задачей как самого общества, так и его психологической науки оказывается формирование положительной программы самовосстановления через самопреодоление, как бы сказал сам С.Л. Франк. Слова, написанные им много лет назад, сегодня получают новое прочтение и дают импульс к новым усилиям: «Самое важное — не забота о текущих нуждах и даже не историческое самопознание; самое важное и первое, что здесь необходимо, — это усилием мысли и воли преодолеть обессиливающее наваждение скептицизма и направлять свой взор на *вечное существо общества и человека*, чтобы через его познание обрести положительную веру, понимание целей и задач общественной жизни» (цит. по: Шихирев, 1999, с. 341).

Поиск «вечного существа» общества и человека в несущемся суетном и непрозрачном потоке сегодняшней жизни возможен при концентрации интеллектуального и нравственного внимания на *духовной сущности человека*. В этом состоит «рекомендация» С.Л. Франка современным психологам, сформулированная Франком, но так и не решенная задача. «Будущий историк нашей современной

духовной культуры, вероятно, с удивлением отметит, как один из характернейших ее признаков, отсутствие в ней какого-либо определенного и признанного учения о сущности человеческой души и о месте человека и его духовной жизни в общей системе сущего» (Франк, 2015, с. 7) — так начинается Франк вступление к изложению своей «философской психологии».

Проблема духовности и, в частности, идеи С. Л. Франка о духовной сущности психической реальности начинают все больше интересовать современную российскую психологию (Артемьева, 2011; Воловикова, Журавлев, 2018; Кольцова и др., 1997; Шихирев, 1999; и др.). Одной из современных попыток творческого использования наследия выдающегося мыслителя представителями саратовской психологической школы, родоначальником которой является С. Л. Франк, стал *ордерный подход* к социально-психологическому изучению феномена культуры.

Цель статьи — представить основные линии «творческого диалога» между взглядами С. Л. Франка и ордерными исследованиями феномена культуры (на примере организационной культуры).

Философская психология С. Л. Франка и проблема культуры как духовно-нравственного феномена

Предложенная С. Л. Франком психология центрирована на духовности, которая объективирует себя в нравственном сознании человека и общества. Критикуя, но не отвергая «биологическую психологию», С. Л. Франк переставляет акценты: «биологическая психология» уходит в «фон» выдвигаемой на центральную позицию духовной психологии (понятие предложено В. А. Кольцовой, Ю. Н. Олейником и Б. Н. Тугайбаевой) (Артемьева, 2011). Такая «рокировка» объяснима: философская психология, укорененная в русской нравственной философии, ориентирована на удовлетворение базовой потребности общества, в недрах которой развивалась, — потребности в смысле. Потребность понимать причину, смысл и назначение индивидуального и общественного бытия, потребность жить и поступать в соответствии с этим смыслом, различая добро и зло, является для нашего общества тем самым «хлебом насущным», без которого никакой другой голод утолить невозможно.

Перечислим вкратце некоторые из основных идей С. Л. Франка. Отличительная особенность человека в сравнении с другими живыми существами — наличие у него духовного начала. Духовность человека выражается через его *нравственное сознание*. Общественная жизнь (социальная реальность) — это тоже жизнь человеческого духа. Общественная жизнь организуется вокруг проблемы общественного идеала как движущей силы развития общества, т. е. идеал — системообразующий элемент нравственного сознания. В контексте православного христианства идеал есть Бог.

Человек Духовный обладает внутренней связью с Богом, способностью к восприятию себя «со стороны» и умением относиться к себе как к задаче, а также *способностью к самопреодолению*. Как субъект социального взаимодействия он осознает свою включенность в систему общественных отношений, имеющих нравственную основу, выражающуюся через такие принципы общественной жизни, как служение, солидарность и свобода.

Отсюда выводится предмет относительно новой психологии (духовной психологии) — это духовное бытие человека и общества, а адекватными методами психологического исследования должны стать научное самопознание человека, самонаблюдение, эмпирические методы исследования добра и зла. Объектами исследования у Франка выступают «я—мы» (личность—группа), «я—ты» (личность—личность), личность—общество и сегодня можно дополнить этот ряд концептом «человечество» (подробнее см.: Нестик, Журавлев, 2018; Психологические исследования глобальных... 2018; Человек в условиях..., 2020; и др.).

Ордерный подход к социально-психологическому изучению феномена культуры и идеи С. Л. Франка

Работы С. Л. Франка о сущности духовного бытия и понимании категории «духовное» — одни из важнейших теоретических основ ордерного подхода к социально-психологическому изучению культуры (Аксеновская, 2005). В ордерном подходе культура понимается как этико-детерминированный порядок (культура имеет этическую детерминацию).

В течение многих лет своего рода «лабораторией» для наших исследований культуры служат тематическое пространство организационной психологии: мы рассматриваем деловые организации как микромоделю общества в целом и стремимся к поиску взаимосответствий между процессами на микро- и макроуровнях организованной деятельности человека и социальных групп. Конкретизируя ордерное понимание культуры в случае ее изучения в рамках конкретной деловой организации, мы определяем организационную культуру как сложный социально-психологический порядок организационно-управленческих интеракций, конституируемых и регулируемых подсистемами этических смыслов смысловых систем участников взаимодействия (Аксеновская, 2007).

Основными линиями исследований организационной культуры на базе ордерного подхода, перекликающимися с теоретическими положениями духовной психологии С. Л. Франка, являются изучение этико-смысловых *подсистем* культуры, феномена духовного лидерства и феномена духовной организации. В качестве перспективного направления ордерных исследований культуры рассматривается и феномен общественного (и организационного) нравственного идеала.

Рассмотрим более подробно вопрос духовного измерения организационной культуры и развития идей С. Л. Франка в современной организационной психологии, а также его духовную психологию как концептуальную основу изучения, конструирования и трансформации организаций и их культуры в эпоху постмодерна.

Духовная психология С. Л. Франка не одна из многих психологий, имеющих сегодня в распоряжении психологов, но единственная, способная выступить объединительной концептуальной платформой для всех существующих психологий. Можно назвать как минимум три причины для такого утверждения: 1) она снимает противоречия между материалистическим и идеалистическим (преодолеывает психофизиологический дуализм); 2) она снимает противоречие между классами (социальными, экономическими, политическими) и обеспечивает мировоззренческие условия для формирования культуры Целого; 3) она снимает противоречия между действием и осознанием/осмыслением, между познани-

ем и изменением. Способ снятия всех этих противоречий у Франка связан с введением категории *Духа*, действующего через социальные процессы и творящего историю и, соответственно, *духовности* людей, несущей в себе созидательный потенциал. Таким образом, психология С. Л. Франка имеет большой объединительный потенциал для различных методологических ориентаций современной социальной психологии и создает необходимые условия для плодотворной межконцептуальной, междисциплинарной и межметодологической кооперации в социальной психологии.

Ордерный подход является родственным духовной психологии Франка, в его рамках используется и осваивается ряд идей выдающегося ученого. К числу наиболее значимых для ордерных исследований относятся следующие:

1. Духовное – основа и механизм исторического процесса в его социальном, экономическом, политическом, психологическом и иных измерениях. Среди множества определений духовного у С. Л. Франка акцентирует внимание на духовном как на более высоком уровне развития психики, позволяющем «видеть со стороны» нашу собственную личность и различные ее аспекты как включенные в контекст более масштабного Целого, частью которого человек является. Это «видение со стороны» себя есть трансперсональная способность, позволяющая воспринимать себя и свою жизнь как задачу, подлежащую решению. У С. Л. Франка есть и такое определение: «Дух – это любовь» (Франк, 1990), т. е. особое состояние – состояние Благоговения перед Жизнью (Швейцер, 1992). Из этого вытекают исследуемые в ордерном подходе базовые этические смыслы и соответствующие им феномены, такие как *жизнь, сотрудничество, улучшение, ответственность*.
2. Духовное репрезентирует себя через нравственное сознание и таким образом доступно изучению и измерению. В ряде наших исследований мы вернулись, в частности, к применению теории и методики Л. Колберга для формирования эмпирических подходов к изучению духовности и нравственного сознания, через которое она себя проявляет.
3. Системообразующим элементом нравственного сознания является общественный идеал. В возрастной психологии идеал считается механизмом развития ребенка. Очевидно, что развитие общества и отдельных организаций, входящих в его состав, подчиняется данной закономерности. Изучение «общественных идеалов», формирующих нашу организационно-культурную реальность, способно дать ответы на многие вопросы, волнующие сегодня организационных психологов, руководителей организаций и их сотрудников. Возможно, справедливым является предположение, что мы таковы, каковы наши идеалы.

Охарактеризуем более подробно следствия понимания триады С. Л. Франка «дух–нравственное сознание–общественный идеал» для ордерных исследований. В ордерном подходе культура есть духовно-этический феномен. Духовное понимается как мета-уровень и мета-позиция, позволяющие осознать этико-смысловую матрицу культуры и организационной культуры, в частности. Из этого следует выделение двух подструктур этико-смысловой матрицы культуры: а) функциональная подструктура (задается моделями управленческого взаимодействия); б) базо-

вая подструктура (представлена четырьмя парами этико-смысловых оппозиций: жизнь—смерть, сотрудничество—борьба, улучшение—ухудшение, ответственность—безответственность). Данные параметры закладываются в конструирование/разработку измерительных инструментов для диагностики этико-смысловых подсистем культуры.

Еще одно следствие — концепция *духовного лидерства* как лидерства, основанного на видении Целого и связей, которыми это Целое создано, а также как способности к саморазвитию в сотрудничестве с развитием Целого на принципах согласованности. Из темы духовного лидерства логически вытекает тема и концепция *духовной организации*. В рамках организационной психологии концепция духовной организации решает ряд методологических проблем. Например, как и в случае с определением организационной культуры в ордерном подходе, где утверждается, что Целое (культура) не может и не должно определяться через перечисление частей, входящих в его состав, через свои элементы. Также и с определением организации. Сейчас существует множество классификаций и типологий организаций, в которых за основу берутся различные их характеристики: структурные, функциональные, отраслевые и т. д. (см., например: Культура и поведение..., 2008; Российская деловая культура..., 1998; и др.). Однако, как существо и сущность человека нельзя определить через перечисление того, из чего он может состоять, точно так же и с организациями. Сущностное определение возможно сформулировать через использование категории «духовность». Духовная организация — это организация, осознающая себя как целое в составе Целого (холархия в терминологии К. Уилбера), развивающаяся согласованно с другими частями Целого в интересах сохранения, укрепления и развития этого Целого. Такую организацию можно назвать и этической.

В ордерном подходе используется двойное определение духовного: вслед за С.Л. Франком и А. Швейцером духовное определяется через категорию «этическое», вслед за М. Фуко духовное определяется через категорию «истины». Другими словами, духовное — это одновременно истина и нравственность, которая своим истоком имеет истину. Именно это обстоятельство (связь истины и нравственности) ставит предел этическому релятивизму — нравственность не может быть безгранично релятивистской, а этика — фундаментально и тотально «корпоративной», т. е. имеется повод признавать этическое не только результатом конвенции внутри социальной группы, но и вполне объективным универсальным явлением, которое объективно, познаваемо и с которым человечество должно научиться «считаться», сообразовываться.

Что касается понимания Целого, то в нашем случае это и сама организация, и район, и город, и регион, и страна, в состав которых организация входит. Целым оказывается и сама планета, испытывающая нагрузки от деятельности организаций или, возможно, наоборот, облегчение. Под данное определение подпадает сообщество не только отдельных людей, но и самих организаций — начиная от маленьких, разно- и однопрофильных, заканчивая мегаорганизациями типа государств и сообществ государств.

Для анализа духовного состояния организации в ордерном подходе применяется две конструкции. В соответствии с первой духовная организация любого уровня способна осознать, что находится в состоянии перманентного этическо-

го выбора, сформулированного в биологических терминах «пищевой цепочки»: 1) «питаться» другими (организациями и людьми), т. е. жить за счет отъема их ресурсов; 2) «питать» других, поддерживая их ресурс; 3) действовать на условиях взаимности. В данном случае противоречия, которые снимает духовная психология С.Л. Франка, связаны с ситуациями связательности.

В соответствии со второй конструкцией для анализа духовного состояния организации ее культуры применяется ордерная модель этико-смысловой матрицы культуры со шкалами: жизнь—смерть, сотрудничество—борьба, улучшение—ухудшение, ответственность—безответственность, а также ее сотериологическое измерение в виде шкалы «спасение—гибель», которая в конкурентном сознании заменена оппозицией «победа—поражение». Такая конструкция была результативно применена и для анализа античной культуры эпохи поздней республики в Древнем Риме (Аксеновская, 2017).

Охарактеризованные ранее идеи можно системно использовать для изучения, конструирования и трансформации организаций и их организационной культуры. Так, изучение организационной культуры своим содержанием имеет анализ этико-смысловых подсистем организационной культуры, а методом — ее ордерную диагностику; конструирование организационной культуры своим содержанием имеет создание новых форм представления инвариантных смыслов, метод — ордерная технология изменения организационной культуры; трансформация организационной культуры своим содержанием имеет изменение этико-смысловых подсистем на уровнях личности, команды и организации, ее метод — сотеринг (менеджерская психотерапия: индивидуальная, командная, организационная).

В настоящее время возникли предпосылки для включения в социально-психологические исследования феномена организационной культуры *духовного измерения*.

Поиск и формулировка обобщающих концептов — это первая заметная тенденция в организационной психологии. Другая тенденция, более слабая, но значимая и устойчивая, — стремление ввести в современную организационную психологию тему духовности. Отметим, в частности, исследования *духовного интеллекта* — SQ (Д. Зохар, И. Маршалл), *духовного лидерства* (Л. Фрай, Л. Н. Аксеновская), *духовности на рабочем месте* (Р. Джакалоне, А. Дюшон). Таким образом, обе тенденции дают возможность а) вывести организационно-психологические исследования на новый уровень, б) интегрировать имеющиеся в организационной психологии данные на базе общей и единой смысловой доминанты в виде духовности.

Данные тенденции создали условия для обсуждения предложения духовной психологии С.Л. Франка в качестве единой теоретической и методологической платформы организационно-психологических исследований.

В рамках ордерного подхода поставлена задача разработки темы организационного идеала, построения его модели и, соответственно, выделения моделиобразующего параметра. В идеале уже содержится ответ на вопрос, в каком направлении мы изменяемся, что определяем для себя в качестве ценностей, что намерены считать «хорошим» и «плохим». Движение идет по пути объективации этих идеалов. Их, очевидно, несколько, и их встреча друг с другом в пространстве межорганизационных интеракций, реальных и цифровых, неизбежна.

Заключение

Ордерные исследования организационной культуры осуществляются в рамках реализации проектов по диагностике организационной культуры и ее изменению. Работа с руководителями современных российских организаций в этом случае предполагает обсуждение идеологии ордерного подхода и его связи с идеями отечественной духовной психологии. Интересен круг вопросов, которые в этой связи задаются руководителями: зачем современной организации быть духовной? Можно ли и нужно ли капитализировать духовность и превращать ее в символический капитал, имеющий стоимость? Поможет ли духовность организации стать более эффективной и конкурентоспособной? Что от духовности зависит в организации? Что она может дать? Помимо вопросов о «практической пользе» духовности, есть еще две их группы: вопросы научного характера (познание) и человеческого существования с тем же подтекстом: что духовность нам может дать?

В практическом плане ответ, очевидно, дан Дж. Коллинзом и Дж. Поррасом. Они убедительно показали, что наличие неутилитарной идеологии в организации напрямую связано с ее жизнеспособностью в долгосрочной перспективе (Коллинз, Поррас, 2004). Несомненный интерес представляют в качестве ответа на эти вопросы идеи К. Маркса о роли идеологической надстройки в преобразовании социальной реальности, идеи Р. Харре о доминировании экспрессивной системы над практической в регулировании социального поведения, медико-исторический и психологический анализ идеализма как фактора физиологии, предпринятый А. И. Яроцким в 1908 г., и подтверждение его выводов драматичным опытом В. Франкла и О. Мессиаана в концлагерях.

С научной точки зрения следует признать, что тема духовности в социальной психологии не может считаться исследованной и потому привлекает к себе исследовательское внимание психологов. С точки зрения общих потребностей человека тема духовности важна, потому что дает возможность развиваться в области, которая, как минимум, уравнивает и стабилизирует все другие сферы человеческой самореализации, не давая оторваться от сущностного корня видовой специфики человека, того, что отличает человека от животного. Как максимум, тема духовности обеспечивает восстановление целостности на базе воссоединения с чем-то значимым в нас самих, что генерирует подлинный смысл человеческой жизни. И этот смысл — не накопление и не потребление, не жадность, пропагандируемые, рекламируемые СМИ и массовой культурой «развитых» рыночных экономик. Ложные смыслы, подобные вышеназванным, в ряде случаев сопоставимы с бессмысленностью (жизни) и связанной с нею безответственностью как следствием незнания добра и зла, но могут оказаться и вполне намеренным циничным выбором людей и организаций, влекущим за собой локальные и глобальные трагедии.

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем остроту потребности современной социальной и организационной психологии в освоении социально-психологического наследия С. Л. Франка, в «принятии в работу» его духовной психологии. Сегодняшняя поглощенность совершенствованием наличного не предполагает внимания к его фундаментальным основам, обеспечивающим наше выживание.

Не так действует Духовный разум, если он есть. Он постоянно возвращает нас к Видению Целого. Он показывает нам нас, нашу жизнь и наше назначение во всей

полноте, а не частично. Духовный разум С. Л. Франка воплотился в его духовной психологии, являющейся для нас сегодня подлинной навигационной системой.

Созвучны мыслям С. Л. Франка слова А. Швейцера: «Подобно безродным и никогда не трезвеющим наемникам, мы бредем без мировоззрения во все более сгущающемся мраке жизни, готовые одинаково преданно служить и возвышенному, и низменному» (Швейцер, 1992, с. 77). «Мои желания и дела обретают смысл и ценность лишь в той мере, в какой цель деятельности согласуется со смыслом моей жизни и жизни других людей» (там же, с. 78).

Получить ответ на вопрос о том, как согласуется цель нашей деятельности со смыслом нашей жизни и со смыслом жизни других людей, можно лишь с высоты духовного, а не технологического развития. Это значит, что пришло время духовной психологии.

Литература

- Аксеновская Л. Н.* Ордерная концепция организационной культуры: вопросы методологии. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005.
- Аксеновская Л. Н.* Ордерная модель организационной культуры. М.: Академический проект—Трикт, 2007.
- Аксеновская Л. Н.* Природа богов и природа людей: функция идеала в этико-смысловой программе античной культуры // *Nipothekai*: сборник статей по истории античной педагогической культуры / Под ред. В. К. Пичугиной. М.: Неолит, 2017. С. 77–105.
- Артемова О. А.* Социальная биография русской духовной психологии (историко-психологический анализ) // Вестник ПСТГУ. IV. Педагогика. Психология. 2011. Вып. 1 (20). С. 153–169.
- Воловикова М. И., Журавлев А. Л.* Вместо введения: Вклад Института психологии РАН в исследование духовно-нравственных проблем личности и общества // Духовно-нравственные проблемы современной личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 15–31.
- Историческая преемственность в отечественной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Харитоновна, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Коллинз Дж., Поррас Дж.* Построенные навечно. Успех компаний, обладающих видением. СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2004.
- Кольцова В. А., Олейник Ю. Н., Тугайбаева Б. Н.* Религиозно-философская психология // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 36–46.
- Культура и поведение в организации: российский опыт / Отв. ред. С. П. Дырин, А. Л. Журавлев, Т. О. Соломанидина. М., 2008.
- Маслов К. С.* В свете незримого: жизнь и судьба А. А. Крогиуса. Таллин: Изд-во Таллинского ун-та, 2014.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Развитие российской психологии накануне и после русской революции 1917 года: тенденции, школы, персоналии: Сборник статей участников Всероссийской научной

конференции с международным участием «Арзамасские чтения по истории психологии». Арзамас: Интерконтент, 2019.

Российская деловая культура: история, традиции, практика. М.: Торгово-промышленная палата РФ, 1998.

Франк С. Л. Соч. М.: Правда, 1990.

Франк С. Л. Душа человека: Опыт введения в философскую психологию. М.: Книжный клуб «Книговек»; СПб.: Северо-Запад, 2015.

Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.

Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992.

Шихирев П. Н. Современная социальная психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»–КСП+–Академический проект, 1999.

Ideas by S. L. Frank and the development of the order approach to the sociopsychological study of the phenomenon of culture

L. N. Aksenovskaya

Saratov State University, Saratov

The article presents the main lines of the creative dialogue between the views of S. L. Frank and ordered socio-psychological studies of the phenomenon of culture on the example of organizational culture. The main ideas of philosophical psychology are discussed, the connection with order studies of organizational culture, in which culture is understood as an ethical-deterministic order, is shown. Order research is aimed at studying the ethical and semantic subsystems of the semantic system of culture, at developing the concepts of spiritual leadership and spiritual organization. The levels of ethical – semantic system of the organization are described.

Keywords: history of psychology, spiritual psychology, order approach, ethical and semantic systems, organizational culture, spirituality.

Исторический анализ формирования подходов к изучению старения в поле социально-психологических проблем

Т. Б. Бересток

АНО ВО «Московский гуманитарный университет», г. Москва, bertat1@yandex.ru

В статье рассматривается процесс старения индивида с точки зрения социально-психологических проблем за период с начала XX в. по настоящее время. Психоло-

гическая наука исследует возрастные особенности человека на протяжении всей его жизни, пытаясь найти закономерности и взаимосвязи его функционирования как индивида, личности и субъекта деятельности на разных этапах; особенностей перехода с одной стадии на другую в процессе совершенствования и старения человека; детерминантов развития индивида и смены этапов данного совершенствования. Важными в исследовании позднего периода жизни являются социальные формы личности. Изучение старости и старения в социальной психологии базируется на различных методах и способах психологии. Индивид должен в обязательном порядке иметь представление о самом себе. Он должен уметь определять и классифицировать свою социальную деятельность, что напрямую связано с обсуждением старости, определением старения. Являясь целостным образованием (организмом, системой), общество как биологический организм может как выжить, так и распасться. Проанализировав существующие подходы изучения позднего периода жизни человека, можно сделать вывод, что единого определения данной стадии жизнедеятельности личности до сих пор не сформулировано.

Ключевые слова: старость, психология, социальная психология, процесс, функция, индивид, социум, закономерность.

В последние годы многие специалисты рассматривают преклонный возраст не только как время потерь, но и как период приобретений. Наблюдается тенденция соотнесения особенностей все более выраженных явлений, что проявляется в ряде психологических исследований. Стрижицкая делает основной акцент на изучении индивидуальных траекторий развития людей пожилого возраста, видов старения и возможностей поступательного развития (Стрижицкая, 2014). На смену дефицитарной модели пришли понятия позитивного, эффективного, конструктивного, успешного процесса старения. О. Ю. Стрижицкая определяет эффективное старение так: сохранение активной жизненной позиции, вовлеченность в социальную деятельность, личную ориентацию индивидуальных интересов, а также потребностей. Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова и многие другие исследователи рассматривают термин «благополучное старение» как способность сохранения личной аутентичности, формирование возможностей взаимодействия с социумом, самореализацию, способность к адаптации, эффективное применение и реорганизацию личных ресурсов, а также обращение к внешним ресурсам, способность к совладению, сопротивлению заболеваниям, способам поведения, построению своей жизни (Сергиенко, Харламенкова). Такие факторы позволяют сохранить психоэмоциональное здоровье человека во время старения и тесно взаимосвязаны с общим благополучием.

Основные положения

Основные теории, с помощью которых интерпретируют феномен старения в социуме:

- структурный функционализм (Т. Парсон);
- социальный конфликт (Р. Дарендорф);
- теория обмена (Дж. Хоманс, П. Блау);

- символический интеракционизм (Дж. Г. Мид, И. Гофман);
- социальный конструктивизм (П. Бергер, Т. Лукман) и др.

В исследовании Я. В. Евсеевой выделены следующие темы, отражающие вопросы возраста:

- противодействие признакам старения и физического увядания (антивозрастная косметология и медицина);
- обучение на протяжении жизни для поддержания когнитивных функций, социального взаимодействия и пр.;
- здоровье в старческом возрасте;
- жизнь с наличием хронических болезней;
- самостоятельное существование в доме для престарелых;
- значимость человека, ухаживающего за престарелым (сюда же относится фактор «эмоционального выгорания»);
- роль инновационных технологий (удаленный контроль и функционал «умный дом» на службе у пожилых людей и тех, кто осуществляет уход за пожилыми);
- пользование компьютером в старшем возрасте, интернет и социальные сети;
- различия, наблюдаемые в пожилом возрасте, а именно: разница в старении между людьми разного этнического происхождения, различной сексуальной ориентации и пр. (некоторые из них оказываются ущемлены в правах на нескольких основаниях);
- гендерные различия («феминизация» старости; женщины, осуществляющие уход и поддерживающие семейные связи);
- разные формы неравенства (накапливаемые в течение жизни преимущества и неблагоприятные факторы; бедность в старшем возрасте) (Евсеева, 2016, с. 9).

Структурализм следует из положения о том, что социальное поведение человека, его взаимоотношения с иными индивидами, а также ценности обусловлены формированием и структурой окружающих людей. Элементы общественной социальной структуры могут находиться в состоянии консенсуса либо вступить в конфликт между людьми. Такие понятия лежат во главе двух существенно отличающихся друг от друга течений в рамках структурализма: структурный функционализм — перспектива консенсуса и структурализм — теория конфликта. Считается, что разные части биологической системы выполняют свои определенные задачи. Это означает, что социальная система носит функциональный характер. Некоторые функции очень значимы для выживания организма, другие менее важны, поэтому различные люди, как и разные организации, выполняют в социуме различные обязанности. Каждый играет свою роль, поддерживая жизнеспособность общества в целом. Структурный функционализм описывает социум как открытую систему, обладающую разнообразными функциями, сохраняющими ее целостность и стабильность.

Этот функционализм включает две концепции:

1. Теория отчуждения. Изучает тенденцию постепенного отлучения пожилых людей от выполнения определенных ролей и задач. Это необходимо для обеспечения полноценного функционирования социума.

2. Теория деятельности. Суть этой теории заключается в необходимости сохранить активность каждого престарелого индивида, интеграции его в нормально функционирующее и развитое общество.

Теория отчуждения базируется на вытеснении пожилого человека из общества, что является природным и необратимым процессом. Человек, подобно социуму, в котором он существует, должен быть готов к неизбежному окончанию своего существования. Причиной этому может быть серьезное заболевание или летальный исход. Согласно этой теории, отчуждение нацелено на то, чтобы старение человека не влияло бы на нормальное функционирование общества. Эта теория согласована с социальной политикой безразличия к проблемам пожилых людей, где социальная равнодушность не является закономерным явлением в рамках физиологического функционирования. Отсутствие вовлеченности пожилых людей в социум обрекает некоторых людей на одинокое существование до самой смерти, вызывая в них разочарование и неопределенность перед завтрашним днем, чувство безысходности у подрастающего поколения. И, что самое важное, теория не включает в себя духовных аспектов, связанных с отчужденностью многих престарелых людей. Теория деятельности (по Леонтьеву) соприкасается с другим определением «процесса старения». Понятие «успешная старость» – человек в престарелом возрасте должен оставаться активным членом социума, сохранять свой стиль жизни и установленные позиции – это больше актуально для людей средней возрастной группы. Счастье и благополучие в таком возрасте можно достичь лишь при условии, когда пожилой человек перестанет поддаваться навязанным возрастным установленным стереотипам, в соответствии с которыми у него должны быть прекращены сексуальные отношения, социальная активность, а также приостановлены ролевые функции, применимые для этого возраста. Для достижения удовлетворительного качества жизни необходимо усовершенствовать устоявшиеся жизненные отношения. В развитых странах ЕС представлено множество примеров, когда пожилые люди ведут активный образ жизни, сохраняют работоспособность, занимаются любимыми делами, путешествуют. Другими словами, продолжают поддерживать активную жизненную позицию. Пенсионеры не могут продолжать трудовую деятельность как по причине ухудшения здоровья, так и ввиду различных факторов экономического и политического характера. Структурализм – это теория конфликта. В ее основе находится взаимодействие политического и экономического социальных аспектов. Речь идет о грамотном распределении ресурсов, социальных услуг, которые ограничивают доступ к социальным ресурсам, включая прибыль. Сейчас говорится об огромном количестве людей пенсионного возраста, которые живут на грани бедности. Если отталкиваться от этой теории, бедность и зависимость пожилых людей имеют тесную связь с ограничением доступа как к социальным, так и к материальным ресурсам. Теории структурного функционализма основаны на концепциях общественного взаимодействия людей, они объясняют действия человека исключительно со стороны социальных систем. Суть *символического интеракционизма* заключается в желании понять, что именно происходит в обществе, какие механизмы оказывают воздействие на жизнь конкретных групп людей. Процессы, которые происходят в мире, просто не могут сами по себе являться раздражителями или мотиваторами, вызывая при этом соответствующую

реакцию у людей. Наоборот, они зависят от целей, планов и информации, которыми обладают люди. По этой причине социальная деятельность должна рассматриваться как результат конкретных действий людей, направленных на достижение своих целей и решение поставленных задач. Деятельность членов общества обусловлена способностью планирования жизнедеятельности, умением анализировать накопленный опыт. Для того чтобы не утратить свое место в социуме, использовать большое количество возможностей, каждый индивид должен составить четкое представление относительно самого себя. Символический интеракционизм позволяет рассматривать идентичное явление с точки зрения той или иной обстановки. Многое зависит от отношения общества к ситуации, а также представления себя в ней пожилыми людьми. Символический интеракционизм подразумевает организацию социальной жизни непосредственно в социуме. Речь идет о взаимодействии людей в данном обществе. Представители этого течения не осознают значимости внешних и каких-либо других факторов, которые влияют на общество (например, экономических, определяющих существующую форму общества). Влияние различных факторов не является определенным, поскольку зависит непосредственно от восприятия. Если руководствоваться положениями символического интеракционизма, структура общества включает гетерогенные социальные группы, не зависящие друг от друга, развивающиеся обособленно. Представители этого течения полагают, что разные группы людей якобы соревнуются друг с другом. Поэтому теоретически обосновать влияние одного коллектива на другой не представляется возможным. Теория акцентирует внимание на исследовании деятельности представителей того или иного коллектива, а именно на их личном представлении о своей личности и своей деятельности. Совместно со всеми существующими теориями, которые специализируются на изучении проблем престарелых, в наши дни активно развивается этнометодология. Автором основных идей стал известный немецкий философ, основатель феноменологии — Э. Гуссерль. Феноменология рассматривает понятия как объекты либо события, обладающие общими характеристиками для всех представителей общества. Таким образом, изучать социальную жизнь следует, не исходя от самого человека, его знаний и умений, а исходя из опыта человечества в целом. Феноменологическая точка зрения в социологии наблюдается в работах В. Шутца. Он утверждает, что человеческая и общественная жизнь базируется на общепринятых понятиях. Социальная жизнь людей поддерживается с помощью типификаций. В этом отношении особую роль играет этап социализации, а также увеличение социальных связей, что способствуют образованию общих определений, а также всестороннему взаимообмену. Единое направление для всех представителей теоретических направлений (интеракционизм, феноменология и др.), когда члены общества понимают, выявляют и разделяют свою социальную деятельность и придают ей значение, которое связано с вопросами о периоде старости. Знакомство с вышеперечисленными направлениями, которые изучают вопросы старения, дает возможность сделать определенный вывод о том, что в них нет единой позиции касательно исследуемого нами вопроса. Есть несколько мнений по поводу формирования взаимоотношений пожилого человека и социума. Понятие «поздний период жизни» редко встречается в научной литературе. Зачастую такой период в литературе определяется понятием «ста-

рость». Б. Г. Ананьев определяют старение как сложный биологический процесс, отражающий развитие организма во времени, объединяющий в себе как регрессивные, так и прогрессивные (приобретение новых приспособительных механизмов) тенденции на генетическом, молекулярном, клеточном, органном и системном уровнях (Ананьев, 2016). М. Д. Александрова рассматривает старение как проблему социально-психологической геронтологии (Александрова, 2004). В научной литературе выделяют четыре объективных вида возраста: хронологический, биологический, психологический и социальный (Головей, 2014). По мнению Ю. П. Гичева хронологический (паспортный, или календарный) возраст не предоставляет точной информации о степени изменений в организме, не является надежным показателем для характеристики продолжительности жизни индивидов. Люди однополые и одного возраста имеют различную степень нарушений в организме, разнообразные патологии, детерминанты. Однополые люди одной возрастной группы отличаются друг от друга по степени нарушений в организме, разнообразию заболеваний, детерминантам, пережитым на протяжении жизни (Гичев, 2004). Современная геронтология ориентируется на биологический возраст как на один из диагностических аспектов старения. БВ — это один из показателей состояния здоровья человека, отражающий ресурсы организма. Старение неизбежно вызывает дисрегуляцию гомеостаза в отдельных органах, а также в системах организма. Н. С. Глуханюк и Т. В. Сергеева полагают, что биологический возраст одного человека напрямую связан с особенностями обменных и других функций организма и подразделяется на следующие виды:

- зубной;
- скелетный;
- половое созревание.

Биологический возраст и скорость старения в период позднего онтогенеза с большей долей вероятности отражает нарушение физиологической адаптации организма, что является результатом консолидации возрастных изменений и существующих патологических процессов. Такой подход может быть использован в медицине для интегральной гериатрической оценки человека (Кочнева, Окулова, 2009). Жеральдин и Ландсдорп полагают, что биологический возраст может как совпадать с календарным, так и отличаться от него (Geraldine, Landsdorp, 2008). Патологический тип может вызывать ускоренное старение, тогда календарный возраст будет отставать от биологического. При замедленном старении, наоборот, календарный возраст будет обгонять биологический. По Н. С. Глуханюку и Т. В. Сергеевой, «психический возраст» — это соотношение психологического становления и среднестатистического комплекса симптоматики.

К показателям этого возраста относят:

- умственное развитие;
- психоэмоциональное развитие;
- сексуальное развитие;
- степень зрелости.

Стоит выделить и субъективные составляющие этого возраста (например, самореализация, самосознание и пр.) (Глуханюк, Сергеева, 2007). Эти ученые считают,

что биологический возраст напрямую связан со свойствами организма, социальный — с положением престарелых людей в социуме, психологический — с умственными и сенсомоторными способностями. Психологический этап старения — это то, как человек ощущает и представляет себя, а также его личное отношение к процессу своего старения. У пожилых людей увеличивается способность к осознанию и пониманию своих эмоций, что проявляется в росте осведомленности, эмпатии, распознавании эмоций других людей. С обратной стороны, снижаются способности к управлению своими эмоциями и самомотивацией. Согласно результатам исследований Л. А. Голевой и А. В. Криулиной, позитивная составляющая эмоциональной сферы пожилых людей обусловлена стабильностью, уверенностью в завтрашнем дне. Немаловажную роль играют семья и внуки. Одиночество неизменно ассоциируется с негативом, отверженностью, скукой, неподвижностью, отсутствием мотивации. По Глуханюку и Сергеевой, социальный возраст является набором нормативно-ролевых показателей, производных от возрастного разделения труда и социальной иерархии общества. Разделение нормативных и фактических возрастных критериев имеет большое значение. Социальный возраст идентифицируют путем соотношения уровня социального развития со среднестатистическим показателем для той или иной возрастной группы (Глуханюк, Сергеева, 2007). Каждый человек проживает старость по-разному, поэтому социальная работа с престарелыми людьми требует индивидуального подхода. Преклонный возраст сопровождается не только биологическими потерями, но и другими существенными изменениями. К ним относятся изменения социального статуса, распределения ролей, необходимость переживать потерю близких. Для противодействия такому давлению необходима большая и последовательная работа, направленная на устранение навязанных стереотипных представлений о пенсионерах. В основе такого подхода лежит глубокая саморефлексия имеющегося состояния, которая дает возможность составить адекватный портрет для проектирования саморазвития на новом жизненном этапе. Если отталкиваться от совокупности характеристик, то пожилые люди делятся на два типа: первые нормально переживают выход на пенсию, без труда находят новые увлекательные занятия, заводят новые знакомства. Люди такого типа удовлетворены качеством жизни, что, соответственно, положительно сказывается на ее продолжительности.

Второй тип пожилых людей отрицательно относится к жизни, чувствуют социальное отчуждение. После выхода на пенсию у них ограничивается круг знакомых, что влечет за собой чувство безысходности, ненужности. Это приводит к искажению восприятия личности (Берсток, 2020).

С учетом того, что этот период является заключающим в жизни, в этом возрасте могут наблюдаться серьезные нарушения самовосприятия. Как следствие, у пенсионеров снижается социальный статус, сужается социальный мир (Краснянская, Тылец, 2018). С учетом этого пожилые люди не ставят высоких целей, ограничивают свое участие в различных видах деятельности, выбирают занятия, значимые непосредственно для них (например, тренировки и упражнения). Цели, интересы, приоритеты также претерпевают изменения, приводят к мысли, что в пожилом возрасте может появиться стимул для перехода от материалистических принципов к трансцендентным. Некоторые изменения могут быть связаны с адаптацией к потере, остальные являются отражением продолжения психологического

развития. Это может быть связано с продолжением психологического развития в преклонном возрасте, появлением новых ролей, личного мнения и других взаимосвязанных социальных контекстов. Психологические и социальные перемены объясняют причину того, что в пожилом возрасте, как правило, повышается субъективное благополучие. Если рассматривать преклонный возраст с позитивной стороны, то в этот период наблюдается обобщение накопленного жизненного опыта, знаний, личностного потенциала, что упрощает адаптацию к новым жизненным требованиям и возрастным метаморфозам. Вместе с тем пенсионеры часто вынуждены переживать жизненные потери, что вызывает ощущение зависимости, которое воспринимается как унижительное и отягощающее. Анализируя и отмечая основные проблемы людей пожилого возраста, необходимо затронуть ряд социальных аспектов: прекращение профессиональной деятельности и связанное с этим изменение экономического положения, социального статуса, нарушение связей, уменьшение круга общения, изменения внутри семьи, появление зависимости от окружения, включая членов семьи и пр. В быту и семье престарелый человек часто оказывается в роли ребенка. Он не может пользоваться компьютерной техникой и Интернетом, передовыми бытовыми устройствами, водить автомобиль. В пожилом возрасте зачастую появляется некоторая деформация характера (чрезмерная мнительность, повышенная тревожность, вспыльчивость, обидчивость, некоторая замкнутость, придирчивость и др.).

Выводы

Не существует единого понимания и определения процесса старения. Он выступает в качестве длительного этапа индивидуального развития, в роли показателя социальных изменений, культурных, экономических. Поскольку старость является достаточно трудным биосоциопсихологическим феноменом, ее изучение нуждается в комплексном подходе, объединяющим естественные, социальные и гуманитарные науки. Старение — необратимый процесс возрастных изменений в организме, он имеет ярко выраженный индивидуальный характер. Время и место его появления, скорость развития определяют различные формы психологического старения и продолжительность жизни человека. С биологической стороны сложно определить точную дату, когда начнется старость. Достижение пенсионного возраста ставит перед субъектом актуальную задачу переосмысления своей жизнедеятельности и принятия жизненно значимых решений, как минимум, на ближайшую перспективу. Несмотря на характер данных решений, достижение подобного возраста является кризисом для человека. Психологическое старение — это то, как индивид ощущает и представляет себе свое старение, как относится к нему, сравнивая его с подобным процессом у других людей. Достижение пенсионного возраста ставит перед субъектом актуальную задачу переосмысления своей жизнедеятельности и принятия жизненно значимых решений, как минимум, на ближайшую перспективу. Несмотря на характер этих решений, достижение пенсионного возраста выступает для субъекта кризисной ситуацией, так как предполагает достаточно серьезное переосмысление своей жизни и разрешение конфликта, заключенного в выборе, как минимум, из трех вариантов организации своей дальнейшей жизни: отказ от выхода на пенсию после наступления

соответствующего возраста; продолжение трудовой деятельности с изменением условий работы, т. е. переход лица пенсионного возраста с высокой должности на рядовую; отказ от трудовой деятельности в пользу полного ухода на пенсию.

Литература

- Александрова М. Д.* Проблемы социальной и психологической геронтологии. СПб., 2004.
- Ананьев Б. Г.*, Человек как предмет познаний. СПб.: Питер, 2016. С. 85–135.
- Бересток Т. Б.* Актуальные проблемы информационно-психологической безопасности пожилых людей // Прикладная психология и психоанализ. 2020. № 2. URL: <http://ppr.idnk.ru> (дата обращения: 22.08.2021).
- Гичев Ю. П.* Биологические аспекты экологической обусловленности и сокращения продолжительности жизни населения России // Экология человека. 2004. № 6. С. 30–34.
- Глуханюк Н. С., Сергеева Т. В.* Психология позднего возраста: результаты исследований. Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2007.
- Головей Л. А., Стрижицкая О. Ю., Криулина А. В.* Позитивное функционирование личности в пожилом возрасте: комплексный подход // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 36. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 22.08.2021).
- Евсеева Я. В.* Актуальные вопросы социологии старения: введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. 2016. Сер. 11. «Социология». С. 5–13.
- Сергиенко Е. А., Харламенкова Н. Е.* Психологические факторы благополучного старения // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Психология. 2016. Т. 8. Вып. 3. С. 243–257.
- Стрижицкая О. Ю.* К вопросу об эмпирическом исследовании геротрансцендентности // Мир науки. 2017. Т. 5. № 6. URL: <http://mirnauki.com/PDF/11PSMN617.pdf> (дата обращения: 11.02.2021).
- Geraldine A., Landsdorp P. M.* Telomeres and aging // *Physiological Reviews*. 2008. V. 88. № 2. P. 557.
- Wrosch C., Schulz R., Heckhausen J.* Health stresses and depressive symptomatology in the elderly: The importance of health engagement control strategies // *Health Psychology*. 2002. V. 21 (4). P. 340–348.
- Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G.* Resources of individual psychological security with respect to the employment status of a pensioner // *Advances in Gerontology*. 2018. V. 8. № 3. P. 256–261. doi: 10.1134/S2079057018030116
- Tylets V. G., Krasnyanskaya T. M.* Psychological Peculiarities of Safety Concepts in Fans of Science Fiction and Detectives // *Eksperimental'naya psikhologiya (Experimental Psychology) (Russia)*. 2020. V. 13. № 3. P. 180–193. doi: 10.17759/exppsy.2020130314

Historical analysis of the formation of approaches to the study of aging in the field of socio-psychological problems

T. B. Berestok

ANO VO “Moscow University for the Humanities”, Moscow, bertat1@yandex.ru

The article considers the aging process of an individual in the context of socio-psychological problems for the period from the beginning of the XX century to the present. Psycho-

logical science examines the age characteristics of a person throughout his life, trying to find patterns and relationships of his: a) functioning as an individual, personality and subject of activity at different stages; b) features of the transition from one stage to another in the process of improving and aging a person; c) determinants of both the development of an individual and the change of stages of this improvement. Social forms of personality are important in the study of the late period of life. The study of old age and aging in social psychology is based on various methods and methods of psychology. An individual must necessarily have an idea of himself. He should be able to define and classify his social activities, which is directly related to the discussion of old age, the definition of aging. Being an integral entity (an organism, a system), society, as a biological organism, can both survive and disintegrate. Having analyzed the existing approaches to studying the late period of a person's life, we can conclude that a single definition of this stage of a person's life activity has not yet been formulated.

Keywords: old age, psychology, social psychology, process, function, individual, society, regularity.

Вопросы психологической теории и практики в монографии А. В. Запорожца и А. Н. Леонтьева «Восстановление движения»¹

С. А. Богданчиков

Академия социального управления, г. Москва, bogdanchsa@gmail.com

Представлены результаты историко-психологического анализа монографии А. В. Запорожца и А. Н. Леонтьева «Восстановление движения» (1945). На материале данной книги рассматривается вопрос о соотношении теории и практики в советской психологии в годы Великой Отечественной войны: проводится анализ содержания книги, исследуется история и историография вопроса, ставится вопрос о теоретическом и практическом значении книги, намечаются направления дальнейших исследований. Делается вывод, что данная книга является одной из важных вех в развитии психологической науки в нашей стране в XX в.

---

¹ Выражаем благодарность кандидату психологических наук, доценту Ю. Н. Олейнику за ценные советы и замечания, высказанные при подготовке данной статьи. Мы также признательны доктору психологических наук, профессору О. Г. Носковой за замечание, подтолкнувшее нас к тому, чтобы обратиться к тексту лекций А. Н. Леонтьева и попытаться отыскать важные для нас фрагменты, а также указавшей на необходимость сопоставления взглядов А. Н. Леонтьева, А. В. Запорожца и С. Г. Геллерштейна по вопросам восстановительной терапии.

Ключевые слова: история советской психологии, Великая Отечественная война, психология и медицина, А. Н. Леонтьев, А. В. Запорожец, «Восстановление движения», восстановительная терапия, психологическая теория и практика.

Чем конкретно занимались советские психологи — преподаватели и научные сотрудники, кандидаты и доктора наук, доценты и профессора — в годы Великой Отечественной войны? В каких условиях протекала их профессиональная деятельность и каковы были теоретические и практические результаты этой деятельности?

Не претендуя на то, чтобы объять необъятное (литература, посвященная деятельности советских психологов в годы войны, в настоящее время весьма значительна и продолжает неуклонно расти)¹, за ответом обратимся к книге А. Н. Леонтьева и А. В. Запорожца «Восстановление движения» (Леонтьев, Запорожец, 1945).

Чем был обусловлен наш выбор? Прежде всего тем, что для историка советской психологии эта книга может заслуживать внимания — начиная с факта публикации книги и заканчивая содержащимися в ней принципиальными положениями, конкретными эмпирическими данными, итоговыми выводами и многозначительными историческими подробностями.

Перед нами написанная в условиях войны коллективная практико-ориентированная монография на стыке психологии и медицины, причем авторы книги — значимые фигуры в истории советской психологии. Особенности авторской позиции находят свое выражение в логике изложения и форме подачи материала. В частности, обращает на себя внимание специфическая методологическая и методическая оснащенность книги. Все это неизбежно вызывает вопросы о теоретическом и практическом значении книги в то время, а также о ее доступности, изученности, общенаучном и историко-научном значении в наши дни.

Но дело здесь не только в притягивающих к себе свойствах первоисточника. Дело еще и в том, какими глазами — с какими ожиданиями, через какие методологические «очки» — мы сегодня смотрим на текст книги, что мы хотим там увидеть, на что обращаем особое внимание, на какие вопросы надеемся найти ответы в первую очередь. В данном случае наша цель состоит в том, чтобы на материале данной книги рассмотреть вопрос о соотношении теории и практики в советской психологии времен Великой Отечественной войны. Да и с методической точки зрения применяемая нами при этом частная методика целенаправленного историко-психологического анализа отдельного научного произведения (когда «большое видится в малом») требует апробации и шлифовки на конкретном историческом материале.

Книга «Восстановление движения» вышла в 1945 г. в Москве в издательстве «Советская наука» немалым тиражом — 10000 экземпляров с предисловием генерал-полковника медицинской службы Е. И. Смирнова, имела подзаголовок «Психологическое исследование восстановления функций руки после ранения»,

---

1 Особо здесь следует выделить монографию В. А. Кольцовой и Ю. Н. Олейника (Кольцова, Олейник, 2006) и дайджест-выпуск № 4 (136) за 2020 г. журнала «Человеческий капитал».

ее авторами были два профессиональных психолога — кандидат педагогических наук (по психологии) А. В. Запорожец (кандидатская диссертация «Роль элементов практики и речи в развитии мышления ребенка», Харьков, 1936) и доктор педагогических наук (по психологии) А. Н. Леонтьев (докторская диссертация «Развитие психики. Очерк теории»¹, Ленинград, 1941)².

Уже здесь историку психологии есть над чем поразмыслить. Как видим, вплоть до начала войны научные интересы А. В. Запорожца и А. Н. Леонтьева были далеки от медицины, в то время как их коллеги-психологи еще до войны получили медицинское образование, например, В. Н. Мясичев (окончивший медицинский факультет Психоневрологического института в Петрограде в 1919 г.), П. Я. Гальперин (Харьковский медицинский институт, 1926), К. К. Платонов (Харьковский медицинский институт, 1929), А. Р. Лурия (первый Московский медицинский институт, 1937), И. Т. Бжалава (Тбилисский медицинский институт, 1937), что, конечно, во многом объясняет деятельность этих ученых в годы войны непосредственно на врачебном поприще.

С другой стороны, не менее важно учитывать, что после войны Запорожец и Леонтьев больше не обращались с исследовательскими целями и задачами к проблеме восстановления движения: их последние публикации на эту тему (Запорожец, Неверович, 1947; Запорожец, Рубинштейн, 1947; Леонтьев, Гиневская, 1947; Леонтьев, Лурия, 1947) относятся к 1947 г., речь в этих публикациях идет о результатах, полученных ранее, в годы войны.

Впрочем, Леонтьев, читая в 1973—1975 гг. курс лекций по общей психологии на факультете психологии МГУ, неоднократно обращался к воспоминаниям о своей деятельности по восстановлению движений в годы войны: в лекции 14 «Структура сознания: чувственная ткань, значение, личностный смысл» (раскрывая значение чувственных образов как образов реального мира) (Леонтьев, 2000, с. 98—99), в лекции 20 «Тактильное восприятие» (рассказывая о работе по восстановлению функций у тяжелых челюстных больных в госпитале у Н. Н. Приорова) (там же, с. 170, 173), в лекции 23 «Категориальность и предметность восприятия» (описывая особенности восприятия предметности мира у ослепших и потерявших обе руки саперов) (там же, с. 203—205). Кроме того, в лекции 24 «Слуховое восприя-

---

1 Формулировка темы диссертации указывается в соответствии с двумя источниками (Анцупов и др., 2007, с. 101), (Леонтьев А. А. и др., 2005, с. 77). В первом источнике в качестве «года написания» (защиты?!) диссертации А. Н. Леонтьева указан 1940 г.; кроме того, там же указано, что диссертация включает в себя два тома (а не один, как утверждал А. Н. Леонтьев (там же, с. 78)).

2 Л. А. Венгер и В. П. Зинченко в редакторском предисловии к «Избранным психологическим трудам» А. В. Запорожца пишут о том, что перед самым началом Великой Отечественной войны Запорожцем на основе обобщения своих исследований 1930-х годов «была подготовлена докторская диссертация, защита которой должна была состояться в июле 1941 г. К несчастью, диссертация и все материалы исследований харьковского периода погибли от фашистской бомбы, попавшей в дом, где жил А. В. Запорожец» (Запорожец, 1986а, с. 13; Запорожец, 2000, с. 11). А. Н. Леонтьеву удалось защитить докторскую диссертацию, можно сказать, в последний момент — защита состоялась в мае 1941 г. в ЛГПИ им. А. И. Герцена, в качестве оппонентов выступали Л. А. Орбели, С. Л. Рубинштейн и Б. М. Теплов (Леонтьев А. А. и др., 2005, с. 78).

тие» Леонтьев приводит пример из практики Г. В. Гершуни по восстановлению слуха у контуженных воинов (там же, с. 207). Вспоминал о своем оборонном опыте и Запорожец (см.: Запорожец, Эльконин, 1979, с. 23–24; и др.).

А ведь после войны в системе здравоохранения остались работать (некоторые — на долгие годы) такие известные советские психологи, как, например, С. Г. Геллерштейн (в Центральном институте усовершенствования врачей), Б. В. Зейгарник (в лаборатории патопсихологии Института психиатрии Минздрава РСФСР), С. Я. Рубинштейн (в лаборатории патопсихологии НИИ судебной психиатрии им. В. П. Сербского), не говоря уже об упомянутых выше психологах с медицинским образованием — А. Р. Лурии, В. Н. Мясищеве и К. К. Платонове. Очевидно, в каждом отдельном случае подобные перипетии в профессиональной карьере определялись как внешними обстоятельствами (иногда — непреодолимыми), так и особенностями личности и профессиональными приоритетами самого ученого. Как бы то ни было, в нашем случае мы должны констатировать, что Леонтьев и Запорожец тяготели к изучению развития психики в норме, будь то психика животных, детей или взрослого человека.

Мы обратили внимание на то, что предисловие к книге было написано генерал-полковником медицинской службы Е. И. Смирновым (1904–1989), который на тот момент занимал пост начальника Главного военно-санитарного управления Красной Армии, был ответственным редактором Военно-медицинского журнала и профессором кафедры санитарной тактики Центрального института усовершенствования врачей (позже, в 1946–1947 гг., Смирнов возглавлял Главное военно-медицинское управление Вооруженных Сил СССР, а в 1947–1952 гг. был министром здравоохранения СССР).

В предисловии Смирнов дал самую высокую — что весьма симптоматично для понимания общей ситуации в советской психологии в то время (в конце войны и в первые два года после войны) — оценку книге Леонтьева и Запорожца, причем и с теоретической, и с практической точки зрения: «До сего времени лечебная физкультура и трудовая терапия, применявшиеся для лечения раненых в конечности, не были объединены единым принципом и применялись часто механически. Этот дефект преодолен настоящей монографией. В ней авторы дают научно-обоснованную теорию функциональной двигательной терапии, где ведущее значение принадлежит трудотерапии, которая в рекомендации тех или иных лечебно-трудовых мероприятий исходит из оценки фазы патологического процесса и из побуждающей силы трудовой деятельности человека в целом. Книга А. Н. Леонтьева и А. В. Запорожца разрешает проблему функциональной восстановительной терапии на уровне современной научной медицины и, несомненно, принесет большую пользу тем лицам, которым поручена почетная и ответственная задача ликвидации последствий повреждений у раненых бойцов и офицеров» (Леонтьев, Запорожец, 1945, с. 4).

Насколько эта оценка справедлива и точна? Вопрос далеко не простой. Оценивая рассматриваемую книгу, мы должны по большому счету исходить, во-первых, непосредственно из содержания книги. Во-вторых, посмотреть на нее на фоне и в контексте других аналогичных работ, вышедших в СССР и за рубежом в то время, т. е. провести сравнительный анализ. Только после такого двустороннего (проводимого «изнутри» и «снаружи») анализа мы можем дать книге объек-

тивную историческую оценку. Обозначим в самом первом приближении некоторые существенные пункты и этапы такого анализа.

Книга «Восстановление движения» состоит из десяти глав, образующих три части. Первая часть «Психофизиологические механизмы восстановления движения руки» состоит из четырех глав: 1) «Зависимость движения от характера задачи»; 2) «Координация нарушенных движений»; 3) «Глубокая и гностическая чувствительность пораженной руки»; 4) «Проблема моторных установок и восстановления движения». Вторая часть «Процесс восстановления» состоит из трех глав: 5) «Общая динамика восстановления движения»; 6) «Перестройка двигательных систем в процессе восстановления»; 7) «Процесс восстановления двигательной функции». Третья часть «Вопросы восстановительной двигательной терапии после ранения руки» состоит также из трех глав: 8) «Психологические вопросы организации восстановительной трудотерапии»; 9) «Основы методики восстановительной трудотерапии»; 10) «Трудотерапия, лечебная физкультура и восстановительное обучение».

Из этих десяти глав четыре (первая, вторая, третья и десятая) написаны Леонтьевым, остальные шесть глав (с четвертой по девятую) — Запорожцем, в связи с чем при проведении углубленного анализа перед исследователем встает задача по выяснению в их взглядах на проблему восстановления движением не только общего, тождественного, взаимодополняющего и единого, но и различий и несовпадений как в частных вопросах, так и (не будем априорно исключать такой возможности) в принципе, по существу. Во всяком случае уже из распределения глав можно заметить, что Леонтьева прежде всего интересовали общие (теоретические, принципиальные) вопросы (механизмы движения руки, проблема координации, роль чувствительности), в то время как Запорожца занимали вопросы более узкие, конкретные, практические: проблема восстановления психических функций, вопросы организации восстановления, частные методы восстановительной терапии.

При оценке книги необходимо также учитывать такое немаловажное обстоятельство, как наличие последующих изданий книги. По этому вопросу мы можем констатировать, что в 1960 г. книга вышла в Лондоне на английском языке в издательстве «Pergamon Press» (Leont'ev, Zaporozhets, 1960). Кроме того, в 1986 г. две написанные Запорожцем главы (восьмая и девятая) были опубликованы (с некоторыми сокращениями) во втором томе «Избранных психологических трудов» Запорожца (Запорожец, 1986б, с. 234–252). В 2000 г. все шесть написанных им глав были без каких-либо сокращений опубликованы в вышедшем в серии «Психологи Отечества» сборнике трудов Запорожца «Психология действия» (Запорожец, 2000, с. 518–659). Наконец в вышедший в 2012 г. сборник работ Леонтьева «Эволюция, движение, деятельность» (Леонтьев, 2012) книга «Восстановление движения» была включена целиком и полностью (там же, с. 323–524), в значительной мере «усиленная» двумя статьями Леонтьева на ту же тему: «Психологическое исследование движений после ранения руки» (там же, с. 535–536) (первая публикация — Леонтьев, 1945) и «Психофизиологические пути восстановления функций после военной травмы» (совместно с А. Р. Лурия) (Леонтьев, 2012, с. 537–555) (первая публикация — Леонтьев, 1947).

Но нас в данном случае интересует не только сам факт повторных изданий, который может свидетельствовать о востребованности книги, ее актуальности или обращении к ней в качестве «музейного экспоната», предмета специального историко-психологического исследования, но и с практической точки зрения (как известно, слова о том, что какая-то вещь или идея «имеет историческое значение», можно понимать двояко). Непосредственный интерес для нас представляют сопроводительные статьи и комментарии к указанным повторным публикациям.

В. В. Давыдов в своих комментариях к двум написанным Запорожцем главам (восьмой и девятой в книге «Восстановление движения») в итоге приходит к следующему выводу: «Результаты работ по восстановительной трудотерапии позволили А. В. Запорожцу создать вместе с А. Н. Леонтьевым научно обоснованную теорию функциональной двигательной терапии. В последующие годы А. В. Запорожец не занимался экспериментальными исследованиями по восстановлению движений, но теоретические итоги своих исследований в этой области он использовал при изучении развития произвольных движений человека. Вместе с тем эти итоги стали одной из составляющих теории восстановительного обучения, которое организовывалось и проводилось еще в годы войны, а затем в послевоенное время и вплоть до конца 70-х гг. группой научных работников под руководством А. Р. Лурии (см.: А. Р. Лурия. Восстановление функций после военной травмы мозга. М., 1948; А. Р. Лурия, Л. С. Цветкова. Нейропсихологический анализ решения задач. М., 1966; Л. С. Цветкова. К теории восстановительного обучения. М., 1970; А. Р. Лурия. Основы нейропсихологии. М., 1973)» (Запорожец, 1986б, с. 270)¹.

Как видно, Давыдов фактически повторяет приведенный выше тезис И. Е. Смирнова о разработке Запорожцем и Леонтьевым «теории функциональной двигательной терапии». Это во-первых. Во-вторых, Давыдов констатирует — ни много ни мало — прямую связь между содержащимися в «Восстановлении движения» идеями и наработками, с одной стороны, и разработкой проблем восстановительного обучения в области нейропсихологии — с другой стороны, подчеркивая связь и преемственность между этими исследовательскими областями.

Здесь, однако, у нас возникает вопрос о том, насколько в реальности был весом вклад исследований Запорожца и Леонтьева в нейропсихологическую «теорию восстановительного обучения», разрабатываемую А. Р. Лурией и его сотрудниками в годы войны и в последующие десятилетия. Да и тезис о разработанной Запорожцем и Леонтьевым «теории функциональной двигательной терапии» мы не обязаны принимать на веру.

Комментарии Д. А. Леонтьева также представляют большой интерес в оценочном плане. Прежде всего обратим внимание на его слова о том, что «на основе клинических данных автор (А. Н. Леонтьев. — С. Б.) и его сотрудники разработали эффективные методы функционально-восстановительной терапии, которые широко использовались в медицинской практике эвакогоспиталей и играли существенную роль в восстановлении боеспособности и трудоспособности раненых бойцов» (Леонтьев, 2012, с. 558).

---

¹ Эти же комментарии В. В. Давыдова были затем без изменений повторены в сборнике работ А. В. Запорожца «Психология действия» (Запорожец, 2000, с. 676–677).

По существу, перед нами точка зрения, в свое время сформулированная в статье А. В. Запорожца и Д. Б. Эльконина (Запорожец, Эльконин, с. 23–24; см. также: Кольцова, Олейник, 2006, с. 76). И по этому вопросу нам также хотелось бы получить максимум конкретных сведений относительно эффективности разработанных Запорожцем и Леонтьевым методов восстановительной терапии¹: на основе каких данных утверждается, что эти методы широко применялись (кем, где, когда?), что они показали свою высокую эффективность (в чем эта эффективность выражалась)?

Характерно, что, приведя цитату из статьи Запорожца и Эльконина (о «широте», «эффективности» и «большой роли»), В. А. Кольцова и Ю. Н. Олейник вслед за ними добавляют: «Такой подход позволял сократить время возвращения бойцов в строй в несколько раз» (Кольцова, Олейник, 2006, с. 76). И здесь мы снова не видим ссылки на источник данных, позволяющих сделать такой вывод. Выходя на критерии практичности, мы тем самым соприкасаемся с еще одной гранью интересующей нас проблемы соотношения теории и практики в деятельности советских психологов в годы Великой Отечественной войны.

Последующее изучение монографии Запорожца и Леонтьева позволило нам выйти еще на целый ряд аналогичных (столь же проблемных и существенных) формулировок и констатаций.

В заключение перечислим эти соображения, вопросы и идеи в виде следующих тезисов.

1. Монография А. В. Запорожца и А. Н. Леонтьева «Восстановление движения» — только один из элементов всех публикаций, отражающих результаты деятельности советских психологов в годы войны. Предстоит большая и кропотливая работа по созданию как можно более полного списка таких работ (включая обзорно-аналитические работы историографической направленности). Только когда мы опишем (реконструируем) картину в целом, сравним, что делали в годы войны Б. Г. Ананьев, Н. А. Бернштейн, А. Р. Лурия, Д. Н. Узнадзе, В. Н. Мясичев, С. Л. Рубинштейн, С. Я. Рубинштейн, Б. М. Теплов, А. А. Смирнов, С. В. Кравков и т. д., мы сможем дать правильную оценку их работам этого времени.
2. Для адекватной оценки описываемого А. В. Запорожцем и А. Н. Леонтьевым исследования необходима его детальная историческая реконструкция: хронология событий (почему А. Н. Леонтьев и А. В. Запорожец занялись восстановительной терапией? Был ли у них выбор в области оборонной тематики?), этапы исследования (на Урале и в Москве), структура госпиталя в Коуровке, состав и структура коллектива психологов, их формальный статус и должностные обязанности, распорядок дня, условия работы и проживания, ме-

---

¹ Обратим внимание, что у всех процитированных нами авторов речь идет о «трудотерапии», «функциональной двигательной терапии», «функционально-восстановительной терапии», но не о «психотерапии» (психотерапевтических методах и методиках, психотерапевтическом подходе и т. п.). Можно предположить, что это также неслучайно, как неслучайно и то, что в подзаголовке книги «Восстановление движения» проведенное авторами исследование характеризуется как «психофизиологическое», а не (чисто) «психологическое».

тодическое (диагностическое, экспериментальное) обеспечение всего исследования и т. д.

3. Каково теоретическое значение книги «Восстановление движения» для дальнейшей эволюции теоретических взглядов А. Н. Леонтьева и А. В. Запорожца? Если для А. Н. Леонтьева и А. В. Запорожца главное заключалось в том, чтобы доказать на имеющемся материале свою теорию, проверить и развить ее, то насколько им это удалось? На чьи работы и идеи опирались при этом А. Н. Леонтьев и А. В. Запорожец? Как оценить результаты влияния концепций Н. А. Бернштейна, Д. Н. Узнадзе, П. К. Анохина и т. д.? Можно ли на основе этой книги говорить о методологическом единстве советской психологии?
4. Каково практическое значение этой книги? Кого конкретно могли заинтересовать ее выводы? Кому была нужна эта книга как «руководство к действию»? Мы должны понимать, что психологи не могли написать открыто о существовавшей тогда системе восстановления движения путем трудотерапии и «механотерапии» (С. Г. Геллерштейн был более откровенен и резок в этом вопросе). Насколько был прав в предисловии Е. И. Смирнов, указывая на практическую отдачу исследования и книги?
5. Соотношение взглядов А. Н. Леонтьева и А. В. Запорожца по вопросам восстановления движения.
6. Соотношение взглядов А. Н. Леонтьева и А. В. Запорожца с взглядами А. Р. Лурии по вопросам восстановительной терапии.
7. Соотношение взглядов А. Н. Леонтьева и С. Г. Геллерштейна по вопросам восстановительной терапии.
8. Монография А. Н. Леонтьева и А. В. Запорожца «Восстановление движения» в общем контексте советской психологии 1940-х годов: структура советской психологии — теории, подходы, научные школы, исследовательские учреждения, особенности коммуникации; соотношение теории, эксперимента и практики в этот период; социально-экономические и идеологические возможности, ограничения и запреты; традиции и новации; связи с зарубежной психологией и т. д.

Большая (энциклопедическая, всеобъемлющая) история советской психологии еще не написана. Но когда она будет написана, книга А. В. Запорожца и А. Н. Леонтьева «Восстановление движения», думается, займет в ней достойное место — как одна из важных вех в развитии психологической науки в нашей стране в XX в.

Литература

- Анцупов А. Я., Кандыбович С. Л., Крук В. М., Тимченко Г. Н., Харитонов А. Н.* Проблемы психологического исследования // Указатель 1050 докторских диссертаций. 1935—2007 гг. / Под ред. А. Я. Анцупова. М.: Студия «Этника», 2007.
- Запорожец А. В.* Избранные психологические труды. В 2 т. Т. 1. Психическое развитие ребенка. М.: Педагогика, 1986а.
- Запорожец А. В.* Избранные психологические труды. В 2 т. Т. 2. Развитие произвольных движений. М.: Педагогика, 1986б.
- Запорожец А. В.* Психология действия. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «Модэк», 2000.

- Запорожец А. В., Неверович Я. З.* Динамика восстановления двигательных функций руки после ранений // Психология. Т. II. Ученые записки МГУ. Вып. 111. М.: Изд-во МГУ, 1947.
- Запорожец А. В., Рубинштейн С. Я.* Психофизиологические вопросы организации восстановительной трудотерапии // Психология. Т. II. Ученые записки МГУ. Вып. 111. М.: Изд-во МГУ, 1947.
- Запорожец А. В., Эльконин Д. Б.* Вклад ранних исследований А. Н. Леонтьева в развитие теории деятельности // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 1979. № 4. С. 14–24.
- Кольцова В. А., Олейник Ю. Н.* Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М.: Московский гуманитарный университет—Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова Е. Е.* Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005.
- Леонтьев А. Н.* Психологическое исследование движений после ранения руки // Психология. Движение и деятельность. Сборник исследований кафедры психологии под редакцией С. Л. Рубинштейна. Ученые записки МГУ. Вып. 90. М.: Изд-во МГУ, 1945. С. 91–100.
- Леонтьев А. Н.* Психологическое исследование движений после ранений руки // Избранные психологические произведения: в 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 1. С. 31–42.
- Леонтьев А. Н.* Лекции по общей психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. М.: Смысл, 2000.
- Леонтьев А. Н.* Эволюция, движение, деятельность / Под ред. Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. М.: Смысл, 2012.
- Леонтьев А. Н., Гиневская Т. О.* Гностическая чувствительность пораженной руки // Психология. Т. II. Ученые записки МГУ. Вып. 111. М.: Изд-во МГУ, 1947. С. 104–111.
- Леонтьев А. Н., Запорожец А. В.* Восстановление движения // Психофизиологическое исследование восстановления функций руки после ранения / С предисл. генерал-полковника медицинской службы Е. И. Смирнова. М.: Советская наука, 1945.
- Леонтьев А. Н., Запорожец А. В.* Психофизиологический анализ процесса восстановления движений руки, нарушенных после ранения // Первая научная сессия Института неврологии АМН СССР: Тезисы. М., 1946. С. 47–49.
- Леонтьев А. Н., Лурия А. Р.* Психофизиологические пути восстановления функций после военной травмы // Психология. Т. II. Ученые записки МГУ. Вып. 111. М.: Изд-во МГУ, 1947. С. 17–31.
- Leont'ev A. N., Zaporozhets A. V.* Rehabilitation of Hand Function. London: Pergamon Press, 1960.

Questions of psychological theory and practice in the monograph by A. V. Zaporozhets and A. N. Leont'ev "Rehabilitation of hand function"

S. A. Bogdanchikov

Academy of Public Administration, Moscow

The results of the historical and psychological analysis of the monograph by A. V. Zaporozhets and A. N. Leont'ev "Rehabilitation of Hand Function" (1945). Based on the material

of this book, the question of the relationship between theory and practice in Soviet psychology during the Great Patriotic War is considered: the content of the book is analyzed, the history and historiography of the issue is investigated, the question of the theoretical and practical significance of the book is raised, and directions for further research are outlined. It is concluded that this book is one of the important milestones in the development of psychological science in our country in the twentieth century.

Keywords: history of Soviet psychology, the Great Patriotic War, psychology and medicine, A. N. Leont'ev, A. V. Zaporozhets, "Rehabilitation of Hand Function", rehabilitation therapy, psychological theory and practice.

Развитие и современное состояние подтеории содержания целей теории самодетерминации в образовании за рубежом

Р. В. Васёв

Московский гуманитарный университет, Москва, vasyevrv@Imkk.msk.ru

В статье дается исторический обзор развития подтеории содержания целей, входящей в теорию самодетерминации. Раскрывается тематика ключевых исследований рассматриваемой подтеории в сфере образования за рубежом с момента зарождения по настоящий момент. Обозначены результаты основных исследований в данной области.

Ключевые слова: образование, самодетерминация, мотивация, автономия, включенность, потребность, цель, отношения.

Проблема личностного регулирования деятельности актуальна в сфере образования, только субъект-субъектный подход способен решить задачи современного образования. В этой связи понимание мотивации учащихся является главным элементом при обучении детей самостоятельности в личном образовании.

Американские психологи Эдвард Л. Деси и Ричард М. Райан из Рочестерского университета в начале 1980-х годов разработали оригинальный теоретический подход к объяснению мотивации, который они назвали теорией самодетерминации. Они определяют самодетерминацию как способность человека выбирать и иметь собственный выбор. Самодетерминация и автономия ставят акцент на собственном выборе человека (Ryan, Deci, 2020). На настоящий момент исследования в контексте теории самодетерминации распределяются по следующим направлениям: основные психологические потребности, исследования причинно-следственных связей в теории самодетерминации, эмоции и регулирование

эмоций, условное отношение, цели (ценности и устремления), внутренняя мотивация, стили интернализации и саморегулирования.

За 50-летнюю историю теории огромное количество данных собрано в сфере образования. Изучение динамики мотивации в академической среде в рамках теории самодетерминации сосредоточено в основном вокруг мотивов (изначально внутренних и внешних, позже автономных и контролируемых), регулирующих поведение учащихся в учебе, а также контекстов, способствующих или препятствующих проявлению данных мотивов. Меньшее внимание уделяется содержанию целей (внутренних и внешних) именно в контексте образования. В соответствии с подтеорией содержание целей подразделяется на внутреннее (личностный рост, построение близких межличностных отношений, помощь другим людям и обществу в целом) и внешнее (финансовый успех, привлекательная внешность, слава, известность).

Различие между внутренними и внешними целями первоначально использовалось для прогнозирования психологического здоровья и благополучия, но в затем исследовании целей были связаны с обучением, достижениями и настойчивостью в учебной деятельности. Первое исследование содержания целей в сфере образования появились в 2004 г. и касалось роли внутренних целей и поддержки автономии в мотивации обучения (Vansteenkiste et al., 2004). В ходе проведения эксперимента установлено, что внутренние (по сравнению с внешними) цели и условия обучения, способствующие автономии (по сравнению с контролем) улучшают обучение, производительность и настойчивость учащихся. Эксперимент заключался в изучении текстового материала или выполнении физических упражнений с точки зрения постановки внутренних (сообщество, личностный рост, здоровье) или внешних (деньги, имидж) целей, представленных в поддерживающей автономии форме. Обе экспериментально управляемые переменные оказали влияние на глубину обработки информации, результаты тестирования и стойкость при выполнении физических упражнений. Синергетическое взаимодействие внутренних целей и автономии привело к более высоким результатам тестирования и глубине обработки, но не в стойкости при выполнении физических упражнений. Эффекты были в значительной степени опосредованы автономной мотивацией.

Следующее исследование, проведенное в 2005 г., посвящено мотивационному воздействию внутренней и внешней постановки целей и стиля общения на академическую успеваемость подростков (Vansteenkiste et al., 2005). В данной работе изучалось, влияет ли на формирование учебной деятельности (академические результаты) у подростков раннего возраста (от 11 до 12 лет) постановка целей с точки зрения их внешнего (т.е. физической привлекательности) по сравнению с внутренним (т.е. здоровьем) содержанием. Исследование проводилось в русле концептуального и классического обучения. Три экспериментальных полевых исследования, два с привлечением участников с ожирением и одно с участниками с нормальным весом, подтвердили гипотезу о том, что внешняя постановка целей и внешний контроль подрывают концептуальное (но не классическое) обучение, даже по сравнению с контрольной группой. Третье исследование показало, что положительное влияние внутренней формулировки целей на концептуальное обучение было опосредовано вовлеченностью в выполнение задач,

в то время как положительное влияние стиля общения, поддерживающего автономию, на концептуальное обучение было опосредовано относительной автономной мотивацией.

В 2006 г. была изучена роль содержания целей в академической мотивации (Vansteenkiste et al., 2006). В статье дается описание экспериментов, показывающих влияние внутреннего целеполагания (по сравнению с внешним целеполаганием и безцелевым целеполаганием) на глубину вовлечения в учебную деятельность, концептуальное обучение и настойчивость в учебной деятельности. Результаты исследования обсуждаются в терминах концепции теории самодетерминации об основных психологических потребностях в автономии, компетентности и взаимосвязи. Обнаружено, что представление деятельности как служащей достижению внутренней, а не внешней цели способствует более глубокой обработке учебного материала, более глубокому концептуальному пониманию его и как краткосрочному, так и долгосрочному упорству в выполнении соответствующих учебных задач за счет того, что внутренняя формулировка цели вызывает другое качество мотивации. Внешняя постановка целей дала некоторые положительные эффекты, она способствовала такому же заучиванию наизусть, как и внутренняя постановка целей, и это привело к несколько большей настойчивости в краткосрочной перспективе, чем контрольное условие отсутствия цели. Однако преимущество с точки зрения кратковременной настойчивости было сопряжено со значительными потерями в долгосрочной настойчивости и концептуальном понимании учебного материала.

Позднее рассмотрено дифференциальное влияние внутренней и внешней постановки целей на оптимальное обучение (Vansteenkiste et al., 2009). Предполагается, что подчеркивание роли учебной деятельности приносит пользу для обучения и успеваемости учащихся. Различия, основанные на теории самодетерминации между внутренними и внешними целями, демонстрируют необходимость детализации пользы учебной деятельности для учащихся. В частности, этот эффект зависит от конкретной цели, которой служит учебная деятельность, так что внутренняя формулировка цели улучшает обучение и производительность, в то время как внешняя формулировка цели этого не делает. Такие эффекты возникают независимо от личных предпочтений учащихся в достижении целей. Учителям полезно учитывать содержание продвигаемой ими целей при освещении полезной ценности учебной деятельности. Подчеркивание полезности учебной задачи является важной стратегией повышения мотивации учащихся, продвижение внутренних, а не внешних целей благоприятно влияет на обучение учащихся, предположительно потому, что внутренние цели обеспечивают удовлетворение основных психологических потребностей студентов в автономии, компетентности и взаимосвязанности.

Также разобраны предпосылки и траектории достижения целей (Ciani et al., 2011). Результаты исследования подтверждают предположение о том, что подтеория целей, входящая в теорию самодетерминации, может помочь понять как первоначальные профили достижения целей, так и меняющиеся профили целей с течением времени. Показано, что автономия учащихся и удовлетворенность потребности в связи с окружающими предсказывают их первоначальную мотивацию к самостоятельному обучению, которая, в свою очередь, предсказыва-

ет первоначальные цели с позиции целей достижения и избегания. Потребность в компетентности не оказала влияния на самостоятельную мотивацию студентов. В дополнение выявлено, что воспринимаемая поддержка автономии со стороны учителя компенсировала общее снижение уровня постановки целей (их амбициозность) учащихся в овладении навыками в течение семестра, а более самостоятельные мотивы в классе предсказывали цели мастерства. Учащиеся, которые понимают важность образования для своего будущего или просто учатся благодаря интересу и удовольствию, с большей вероятностью принимают цели обучения ради достижения мастерства и с меньшей вероятностью будут беспокоиться о своем уровне компетентности. Данное исследование продемонстрировало многообещающую перспективу объединения теории самодетерминации и целей достижения, открыло множество потенциально плодотворных будущих исследовательских вопросов, касающихся принятия целей и траекторий их достижения.

В 2019 г. проведено исследование, демонстрирующее различное влияние будущих целей на самоконтроль, отражающийся на школьных и академических достижениях учащихся (Zhoc et al., 2019). Исследование основано на большой и репрезентативной продольной выборке и отвечает на вопрос, как стремление к различным будущим целям (т. е. целям, ориентированным на общество, семью, карьеру, богатство и славу) влияет на самоконтроль учащихся и определяет ли самоконтроль взаимосвязь между будущими целями и отдаленными результатами обучения (школьные и академические достижения 1 год спустя). Показано, что внутренние будущие цели были более адаптивными по сравнению с внешними, велико значение ориентированной на общество цели на самоконтроль и отдаленные результаты обучения. Результаты этого исследования подчеркивают важность оказания помощи студентам в разработке внутренних будущих целей, направленных на внесение вклада в общество.

Заключение

Внутренние учебные цели представляют нечто большее чем мастерское владение новыми знаниями и навыками. Ученики, мыслящие категориями внутренних учебных целей, меньше сомневаются своих интеллектуальных способностях, концентрируются на задачах и используют эффективные стратегии решения проблем. Учет содержания целей обучающихся помогает педагогам в реализации учебной программы, а школьникам — в ее освоении.

С нашей точки зрения, обзор зарубежных исследований подтеории содержания целей теории самодетерминации в области образования позволит сопоставить положение отечественной науки по заявленной тематике с имеющимися зарубежными разработками и наметить в будущем собственные перспективные направления исследования мотивации с учетом мирового опыта. Понимание академических целей учащихся по обучению и развитию компетентности может быть улучшено путем тщательного изучения причин, по которым они участвуют в учебном процессе.

Рассмотрев ряд зарубежных исследований, мы видим внушительный объем данных в области постановки и содержания учебных целей, в меньшей степени изучены связи подтеории содержания целей с другими психологическими тео-

ряими мотивации и целеполагания (см.: Bradshaw E. et al., 2021; Bradshaw L. et al., 2020; Howard et al., 2020, 2021; Ntoumanis, Sedikides, 2018). В рамках теории самодетерминации, на наш взгляд, мало внимания уделено вопросу срочности и масштаба внутренних целей, важной является проблема отражения в поведении глубины, силы и срочности целей во временном аспекте.

Очевидно, следующий шаг развития подтеории содержания целей — интеграция с другими психологическими направлениями и теориями.

Литература

- Bradshaw E. L., Sahdra B. K., Ciarrochi J., Parker P. D.* A configural approach to aspirations: The social breadth of aspiration profiles predicts well-being over and above the intrinsic and extrinsic aspirations that comprise the profiles // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2021. V. 120. P. 226–256.
- Bradshaw L. C., Ntoumanis N., Arthur C. A.* Goal motives and well-being in student-athletes: A person-centered approach // *Journal of Sport and Exercise Psychology*. 2020. V. 42 (6). P. 433–442.
- Ciani K. D., Sheldon K. M., Hilpert J., Caister M. A.* Antecedents and trajectories of achievement goals: A self-determination theory perspective. *British // Journal of Educational Psychology*. 2011. V. 81. P. 223–243.
- Howard J. L., Gagné M., Van den Broeck A., Guay F., Chatzisarantis N., Ntoumanis N., Pelletier L. G.* A review and empirical comparison of motivation scoring methods: An application to self-determination theory // *Motivation and Emotion*. 2020. V. 44. P. 534–548.
- Howard J. L., Bureau J. S., Guay, F., Chong J. X. Y., Ryan R. M.* Student motivation and associated outcomes: A meta-analysis from self-determination theory // *Perspectives on Psychological Science*. 2021. doi: 10.1177/1745691620966789
- Ntoumanis N., Sedikides C.* Holding on to the goal or letting it go and moving on? A tripartite model of goal striving // *Current Directions in Psychological Sciences*. 2018. V. 27. P. 363–368.
- Ryan R. M., Deci E. L.* Brick by brick: The origins, development and future of self-determination theory // *Advances in motivation science*. 2019. V. 6. P. 111–156.
- Ryan R. M., Deci E. L.* Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices and future directions // *Contemporary Educational Psychology*. 2020. V. 61. 101860.
- Scherrer V., Preckel F., Schmidt I., Elliot A. J.* Development of achievement goals and their relation to academic interest and achievement in adolescence: A review of the literature and two longitudinal studies // *Developmental Psychology*. 2020. V. 56. P. 795–814.
- Vansteenkiste M., Lens W., Deci E. L.* Intrinsic versus extrinsic goal contents in self-determination theory: Another look at the quality of academic motivation // *Educational Psychologist*. 2006. V. 41. P. 19–31.
- Vansteenkiste M., Simons J., Lens W., Sheldon K. M.* Motivating learning, performance, and persistence: The synergistic role of intrinsic goals and autonomy-support // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2004. V. 87. P. 246–260.
- Vansteenkiste M., Simons J., Lens W., Soenens B.* Examining the motivational impact of intrinsic versus extrinsic goal framing and autonomy-supportive versus internally controlling communication style on early adolescents' academic achievement // *Child Development*. 2005. V. 2. P. 483–501.

- Vansteenkiste M., Soenens B., Lens W.* What is the usefulness of your schoolwork? The differential effects of intrinsic and extrinsic goal framing on optimal learning // *Theory and Research in Education*. 2009. V. 7. P. 155–163.
- Zhoc K. C. H., King R. B., Law W., McInerney D. M.* Intrinsic and extrinsic future goals: Their differential effects on students' self-control and distal learning outcomes // *Psychology in the Schools*. 2019. V. 56. P. 1596–1613.

Development and current state under the theory of the content of the goals of the theory of self-determination in education abroad

R. V. Vasev

Moscow University for the Humanities, Department of General Psychology and History of Psychology, 5 Yunost St, Moscow, Russia, vasyevrv@imkk.msk.ru

The article provides a historical overview of the development of the self-determination theory under the theory of the content of goals. The article reveals the topics of key studies of the theory under consideration in the field of education abroad from the moment of its inception to the present moment. The results of the main research in this area are indicated.

Keywords: education, self-determination, motivation, autonomy, involvement, need, goal, relationship.

Проблема соотношения знания и мышления: историко-психологический анализ

Е. Е. Васюкова

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, katevass@yandex.ru

Рассмотрена проблема соотношения знания и мышления на разных этапах развития психологии мышления и в разных ее направлениях (в механистическом, телеологическом, целостном, деятельностном и когнитивном подходах). Показано, что в творческом мышлении знания преобразуются, знания и мышление выступают в единстве. В развитой деятельности (например, в деятельности шахматного эксперта) доминирующая роль принадлежит мышлению. Следует различать знания как средства и как продукт мышления. Знания существуют как компонент индивидуальной психики и общественного опыта. Субъективно новое знание различается по происхождению: полученное от других готовое знание и знание, выработанное самостоятельно. Последнее может быть представлено в общественном опыте или быть новым по отношению к общественному опыту.

Ключевые слова: соотношение знаний и мышления, психология мышления, интеллект, креативность, мастерство, шахматная игра.

Проблема соотношения знания и мышления в психологии мышления

Первая попытка выявить специфику мышления в сравнении с умственными процессами (чувственными представлениями, связанными ассоциативно) принадлежит У. Джемсу, который рассматривал мышление в широком и точном смысле — как способность ориентироваться в новых данных опыта и как способность в целом факте выделять существенный атрибут, ведущий к нужным следствиям. Мыслительный акт моделируется силлогизмом:

m есть p
 S есть m
 S есть p

Связь m с p содержится в прошлом опыте субъекта; выделение m в S требует проницательности. Впервые мышление стало характеризоваться продуктивностью (наличием специфического результата — существенного атрибута m) и функциональной направленностью, хотя понятия цели Джемс еще не использовал. Наличие знаний и проницательность — необходимые условия мышления.

Представитель Вюрцбургской школы О. Зельц понимал мышление как акт осознания отношений, как действие по решению задачи. Основные элементы задачи: S (условия задачи), P (требование, цель) и m (средство достижения цели). Психологическая структура решаемой задачи представляет собой «схематически антиципируемый комплекс». Схема комплекса располагает элементы задачи в иерархию по двум уровням — чувственных представлений и отношений, осознанностей. Основа решения задачи — прошлый опыт субъекта, содержащий такого рода схемы понимания существенных отношений между предметами. В процессе решения задача выступает как незавершенная комплексная структура. Принцип резонанса объясняет, как находится неизвестная часть комплекса (P или m). Комплексная структура решаемой задачи является тем резонатором, который выводит из прошлого опыта существенное отношение, и, благодаря этому, субъект предвосхищает и находит искомый результат. Даже если задача не знакома субъекту и средства ее решения должны быть созданы в самом процессе решения, их поиск и построение рассматриваются как связанные с наличными знаниями субъекта. Прошлый опыт — основа решения любых, в том числе творческих задач. Субъект осознает не только отношения между предметами, но и отношения этих отношений, не только методы актуализации, но и абстракции наличных знаний (Петухов, 1987).

Зельца критиковали за отождествление закономерностей репродуктивного и продуктивного мышления. Другое ограничение — за пределами исследования остаются практические задачи; и если в подобных задачах искомое средство m не связано по содержанию ни с S , ни с P как составляющими комплексной структуры, но включено вместе с ними в целостную организацию, то реконструировать этот процесс на основе прошлого опыта невозможно (там же).

К. Дункер не признавал значения прошлого опыта в творческом мышлении. Так, например, в соответствии с прошлым опытом можно структурировать проблемную ситуацию, но она не решается, следовательно, ее нужно переструктурировать, переосмыслить. Может мешать функциональная фиксированность (там же)

В гештальтпсихологии экспериментально исследовалась роль прошлого опыта в творческом мышлении.

Л. Секей приводит иллюстрацию к проблеме соотношения знания и мышления. На зачете по уголовному праву студентов юридического факультета Будапештского университета разбиралась следующая статья закона: «Повреждение или уничтожение собственности другого лица с целью мести является преступлением и подлежит наказанию». Студент должен вынести решение по следующему делу: некто обвинен в том, что он сознательно, из мести, закинул чей-то перстень в реку. Правильный ответ: следует осудить обвиняемого. Перстень не только физический объект, который остался невредимым, попав в реку. Он еще и *объект стоимости* — его можно продать. Находясь в воде, он терял свою стоимость и вновь обретал ее, если кто-то (например, водолаз) извлекал перстень из воды. Размеры оплаты работы водолаза эквивалентны ущербу или повреждению имущества, о чем идет речь в данной статье закона.

Проблема решалась только тогда, когда перстень рассматривался с *новой точки зрения* — как предмет стоимости. Перстень как понятие оказался реорганизованным, изменившим структуру. Использование задачи на уравнивание позволило Секею наметить некоторые особенности функциональной связи между знанием и мышлением.

Задача на уравнивание состояла в следующем. На столе перед испытуемым планка, призма, свеча, спички и несколько различных мелких предметов. Надо положить на один конец планки какой-нибудь предмет и затем уравновесить планку на призме, но так, чтобы уравнивание осуществлялось автоматически, хотя бы в течение некоторого времени.

Основной элемент знания, обеспечивающий решение — факт потери веса свечой при горении. Решение: зажечь свечу, поставить на планку и уравновесить ее этим.

Задача для значительного числа испытуемых трудна. Вес — существенный признак понятия «свеча». Потеря веса от сгорания — его несущественный признак. *Решение задачи требовало обнаружения этого латентного свойства и превращения его в ведущее свойство*, т.е. изменения структуры.

Контрольный эксперимент: среди предметов — наряду со свечой, пузырек с эфиром или бензином. Это летучие вещества. Их быстрое испарение — важное свойство, известное каждому из повседневного опыта. В эксперименте со свечой требовалось реорганизовать имеющееся знание, здесь эта трудность отсутствовала.

В контрольных опытах с эфиром или бензином задача решалась быстро.

Секей пришел к следующим выводам: 1) существует исходное знание (например, о том, что «твердые тела имеют неизменный вес»), непосредственно не обнаруживаемое в мышлении, но влияющее на него — характер подхода к задаче зависит от «первичного знания», которое содействует или препятствует выбору верного направления мышления, состав первичного знания и его функциональная роль могут быть раскрыты с помощью соответствующих изменений экспери-

ментальных условий; 2) в процессе продуктивного мышления часть знаний реорганизуется; 3) реорганизация исходного знания происходит главным образом в мыслимом объекте, воплощающем это первичное знание. Успешность решения зависит от итога такой реорганизации.

Секей изучал также *функциональные отношения между научением, знанием и мышлением*. Он использовал задачу с наклонной плоскостью: грузило и тележка заранее уравновешены и находятся в покое. Рядом сосуд, наполовину наполненный водой, с пипеткой. Вопрос: «Как поднять тележку на 1–2 см вверх по наклонной плоскости, пользуясь только пипеткой». Решение — отлить воды из сосуда с грузом.

Второй вариант задачи: деревянный груз (вместо металлического). Он легче для решения. Эмпирический закон Архимеда: металл тонет, дерево плавает. Гидростатический закон Архимеда: плавучесть тел не является присущим им качеством. Будет ли тело плавать или нет, зависит от соотношения его веса и веса вытесненного им объема воды. При обучении закону Архимеда трансформируется эмпирическое знание. Это преобразованное знание может выступать как исходное при решении задач подобного рода. Если ученик не усвоил материала, первичным выступает эмпирическое знание. Эффективность знания заключается в его оперативной ценности, а не вербальной репродуктивности.

Секей рассматривал *продуктивные процессы в мышлении и обучении*. Задание оставалось постоянным, варьировались условия предшествовавшего обучения (обучение было проблемным или традиционным). Учебный материал — законы механики. Тестовая задача — сравнительно трудная задача о двух шарах, решаемая только на основе одного из пройденных законов.

Результаты: 1) число верных решений было значительно выше у лиц, обученных современным методом (проблемное обучение), чем традиционным; 2) число верных решений зависело также от уровня интеллекта испытуемых; 3) словесное воспроизведение учебного материала обратно пропорционально успешности решения; 4) *знание, действенное практически, не осознавалось*; 5) продуктивное мышление протекает в ходе «проблемного» обучения так же, как в процессе решения новых задач; 6) *продуктивное мышление связано с индивидуальным опытом, накопленным в предшествующий период*; 7) *само продуктивное мышление может воспитываться в процессе обучения*.

Задача о двух шарах: «Вам дано два металлических шара равных размеров и веса, трудно отличимых. Но есть существенное различие: один шар сделан из очень легкого, другой — из очень тяжелого металла. Как это может быть?» Ответ: шар из более тяжелого металла внутри полый. Тестовый вопрос: «Как узнать, какой из двух шаров полый (без каких-либо вспомогательных приспособлений)? Рассуждайте вслух и задавайте любые вопросы».

Полый шар будет катиться медленнее с наклонной плоскости, так как момент инерции при его вращении будет большим, т. е. в полном шаре больше массы удалено от центра вращения, чем в сплошном.

Проблемное обучение: показывали крутильный маятник с двумя внешними и двумя внутренними крючками. Спрашивали о скорости вращения равных по весу грузов, подвешенных за внешние или внутренние крючки. После ответов испытуемым давали четыре страницы текста по физике для выяснения явления.

Традиционное обучение: 4 страницы текста, затем крутильный маятник как иллюстрация. Скорость вращения при нагруженных внутренних крючках вчетверо больше, чем при нагрузке внешней пары крючков (моменты инерции различны, в первом случае меньше).

Вывод: от ситуации обучения зависит, как легко полученные в ней знания будут переносимы и применены к несходным случаям и новым проблемам. В ходе обучения по догадке некоторая часть прошлого опыта, житейского знания реорганизуется. При обычном заучивании такой реорганизации не происходит.

Дункер рассматривал вопрос о функциональной фиксированности реальных объектов, выполяющих роль средств решения. Речь шла о *гетерогенной функциональной фиксированности* — результате различия между некоторой функцией и той, которая требуется для решения.

Принцип экспериментов — для определенной цели, определенной функции нужно было найти подходящий объект. Этот объект всегда использовался в той же проблемной ситуации, но в другой функции.

Задача с коробочкой: на двери нужно закрепить три свечи. На столе — несколько гвоздей и основные предметы: три маленькие картонные коробочки (разного цвета и находящиеся в разных местах). Решение: с помощью одного гвоздя коробочки прикрепить к двери; каждая коробочка служила в качестве подставки для свечи. В варианте с предварительным использованием основного предмета коробочки наполнялись экспериментальным материалом (свечами, гвоздями, спичками). В варианте без предварительного использования коробочки были пустыми. F1 означает, что коробочка используется для того, чтобы в нее класть что-либо, а F2 — она используется как подставка для чего-либо.

Инструкция испытуемому: для решения небольших технических задач нужны предметы, которые можно найти среди вещей, лежащих на столе. Рассуждайте вслух.

Процент решенных задач больше для варианта без предварительного использования.

Вывод: объект, который не является фиксированным, почти в 2 раза легче, чем фиксированный объект. Использование объекта в какой-либо функции затрудняет его использование в другой необычной функции.

«Контакт» облегчает отыскание решения. Возможно, благодаря ему происходит преодоление сильной фиксации, обусловленной существованием для данной задачи функцией F (Психология мышления, 1965, с. 343–366).

Н. Майер изучал роль прошлого опыта и условия его эффективности. Прошлый опыт помогает решению задачи только в том случае, если он соответствует «направленности» или данному подходу человека к задаче. Эксперимент с двумя веревками, которые свешивались с потолка в центре комнаты и сбоку, разной длины; их надо было связать. Предметы в комнате: зажимы, хомутики, веревки, столы, стулья, жерди, плоскогубцы. Решение: к центральной веревке привязать плоскогубцы, их раскатать (сделать маятником). Вторую веревку подтянуть к центру и поймать первую веревку.

Результаты: 1) обычно решение находится сразу, как целостная мысль; 2) существует тенденция к повторению вариаций предыдущих решений; 3) в тех случаях, когда необходимы вспомогательные указания (примерно 38% испытуемых),

то указание, которое связано с решением (покачивание веревки), не осознается, за исключением случаев, когда решение складывается постепенно. Источник затруднения при нахождении верного решения — веревку нужно представить как нечто другое — как маятник.

Задача с вешалкой. 1-я группа испытуемых — предварительное решение задачи «Маятник». Конструкция сохранялась. 2-я группа — предварительное решение задачи «Маятник». Конструкция разбиралась. 3-я группа — только задача с вешалкой.

В «Маятнике» жерди поддерживают горизонтальную планку, на которой прикреплена веревка. В «Вешалке» — потолок поддерживает жерди, скрепленные зажимом.

Результаты: 1) выявлены половые различия: наибольшее число решений приходится на мужчин; 2) решили задачу в 1-й группе — 72%, во 2-й группе — 48%, в 3-й группе — 24% испытуемых. Был сделан вывод: 1) знание о маятнике помогает решению задачи с вешалкой; 2) непосредственное восприятие конструкции оказывает более сильное влияние, чем память о ней — произошел не просто перенос опыта, а изменение восприятия связями.

Продуктивное мышление — это процессы, в которых происходят изменения или перестройка прошлого опыта. М. Вертгеймер, К. Дункер указывали на изменение значений, которые сопутствуют продуктивному мышлению. По Майеру, изменения функциональных значений возникают через новые комбинации элементов прошлого опыта. Решение — случайная комбинация элементов прошлого опыта.

Майер говорит о направлении (подходе к решению). Чтобы решить задачу, нужно иметь правильное (работающее) направление. Важна свобода от фиксированности со стороны предыдущих навыков. Указания об опасности закрепления на неудачном подходе обуславливает облегчение решения (Психология мышления, 1965, с. 300—313).

С точки зрения О. К. Тихомирова, принципиальное значение для понимания психологической природы мышления как «процесса», «поиска», «ориентировки» имеет изучение экстериоризированных компонентов, в частности глазодвигательной активности человека, решающего задачу, условия которой представлены наглядно. В смысловой концепции мышления О. К. Тихомирова показана преемственность поиска — обнаружен перенос результатов исследовательской деятельности из одной ситуации в другую, что является важным фактором сокращения объема зоны ориентировки (Тихомиров, 1984). В основе этого переноса лежат невербализованные обобщения. «Ориентировочная основа» конкретного действия может строиться «впрок», некоторые практические действия оказываются «предориентированными», формируется неосознанное психическое отражение целых групп ситуаций.

Средняя величина объема зоны ориентировки уменьшается при повышении квалификации испытуемых. Меняется отношение между объемом зоны ориентировки при выборе хода в позициях, взятых из партий, и в изолированных позициях: от большей зоны ориентировки в изолированных позициях к сглаживанию этого различия на уровне мастера. Для квалифицированного игрока «изолированная» позиция все более связывается с систематизированным прошлым опы-

том. *Более совершенный механизм прогнозирования у мастера позволяет более широко использовать результаты исследовательской деятельности, осуществленной в прошлых ситуациях, в частности, действовать, исходя из уже сформированных критериев.* Сам процесс прогнозирования возможных изменений ситуации строится по-разному. «Удельный вес» деятельности по обследованию фигур противника — показатель выраженности самой операции прогнозирования возможных изменений ситуации. Процессы обследования фигур противника максимально выражены у мастера (57%) и минимально у третьеразрядника (40%).

Сопоставлялась выраженность различных механизмов решения задач у испытуемых разной квалификации. Особый интерес представил *механизм создания поисковых потребностей*, так как он в значительной мере определяет последующее осуществление поиска. Обнаружено, что построение деятельности по типу возникновения в ней поисковых потребностей типично для кандидата в мастера и мастера, а в деятельности третьеразрядника данный механизм встречается редко. Деятельность испытуемого этого уровня строится исходя из наличных свойств элементов ситуации, наиболее очевидных, сводится к выявлению именно таких свойств, к опробованию непосредственных возможностей элементов. Исследовательские же действия по выявлению свойств элементов, которыми они могут обладать лишь после некоторых преобразований исходной ситуации, встречаются очень редко. А именно эти действия и создают то, что назвали поисковыми потребностями.

Тихомиров пытался проникнуть в тайны мышления, изучая экстериоризированные компоненты мышления (глазодвигательную и осязательную активность), что позволило исследовать механизмы мышления. Другие советские психологи изучали *условия*, в которых возникает *догадка*. На разных этапах решения основной задачи предлагалась задача-подсказка, содержащая принцип решения основной задачи. По мнению Ю. Б. Гиппенрейтер, подсказка оказалась эффективной, когда были исчерпаны все способы решения основной задачи, но сохранялся интерес к ней, а подсказка появлялась неожиданно (см.: Петухов, 1987). С. Л. Рубинштейн показал, что подсказка полезна на поздних этапах анализа основной задачи, когда анализ условий выходит за пределы непосредственно данного. Тогда обе задачи вовлекаются в единую аналитико-синтетическую деятельность, а условия задачи подсказки анализируются с точки зрения требований основной задачи (см.: там же). Ученик Тихомирова Ю. Е. Виноградов обнаружил, что эмоциональное закрепление принципа решения наводящей задачи обуславливает его перенос на основную задачу, т. е. передача опыта осуществляется и на эмоциональной основе (Тихомиров, 1984).

Природа экспертизы: знание или поиск?

С 1980-х годов сравнение знаний и познавательных процессов экспертов и новичков стало актуальным направлением когнитивных исследований. Шахматы стали «дрозофилой» исследования решения задач экспертами, так как в них есть объективный критерий оценки уровня экспертизы — международная рейтинговая система (Величковский, 2006). Результаты исследования де Гроота, с нашей точки зрения, легли в основу работ по изучению природы шахматного мастерст-

ва. Де Гроот показал, что гроссмейстеры выбирают лучшие ходы, чем клубные игроки, но не мыслят глубже, они лучше запоминают позиции (Тихомиров, 1969).

Как отмечает в своем обзоре Б. М. Величковский, в ряде работ природа экспертизы сведена к функциям и содержанию памяти Е. Рейнгольд и др. говорят о перцептивном преимуществе экспертов (см.: Величковский, 2006).

Д. Холдинг связывает умение экспертов находить лучшие решения не столько с готовыми шаблонами, используемыми для быстрого опознания конфигураций, сколько с процессами активного поиска, изменения и более успешной интерпретацией материала (там же).

Н. Чарнесс и Ф. Гобет отмечают, что шахматное исследование было полезным в характеристике отношений компромисса между памятью, восприятием и решением проблем. Однако связи между памятью (знаниями) и мышлением (поиском) как функцию мастерства еще нужно раскрыть.

Анализ различий экспертов и новичков в разных областях показал, что эксперты не просто больше знают, но и более чувствительны к релевантным характеристикам ситуации, они умеют рассматривать несколько альтернативных интерпретаций, для них характерны умеренно абстрактные концептуальные репрезентации, облегчающие вывод по аналогии и перенос решения их одной предметной области в другую. Б. М. Величковский заключает, что развитие экспертизы проходит сразу на нескольких уровнях организации: от перцептивных автоматизмов до метакогнитивных стратегий (Величковский, 2006). О более сложной природе мастерства говорит и О. К. Тихомиров (Тихомиров, 1984).

Для настоящего исследования представляли интерес особенности, динамика и межситуационный перенос *вербализованных операциональных смыслов* (ВОС) у шахматистов разной квалификации и возраста (Васюкова, 2001, 2006, 2009). В частности, был подтвержден факт порождения и развития ВОС в процессе речевого рассуждения при выборе лучшего хода через вербальное переобследование элементов, их включение в разные системы взаимоотношений, формирование и видоизменение этих систем. Основные характеристики ВОС — глубина сознательной зоны ориентировки; объем; структура; степень осознанности.

Обнаружено *влияние объективных характеристик задачи и квалификации шахматистов на показатели ВОС. Влияние возраста имело место в среднетрудной комбинационной, но не легкой позиционной позиции* (Васюкова, 2001). *В сложных ситуациях тип позиции, квалификация и возраст шахматистов влияют главным образом на особенности объема ВОС* (Васюкова, 2006). Выявлено, что *перенос ВОС* проявляется в различных формах, связанных с такими факторами, как позиция, возраст и шахматная квалификация субъекта (Васюкова, 2009). Разные формы переноса сопряжены с изменением отдельных показателей объема, структуры, глубины и степени осознанности ВОС в связанной позиции. Перенос ВОС более представлен у квалифицированных шахматистов. Они лучше превосходят реальные изменения ситуации, обнаруживают селективность поиска в связанной позиции. У квалифицированных шахматистов перенос ВОС проявляется в сокращении числа уникальных других ходов, оценок, средней глубины и времени решения. Перенос ВОС связан не просто с повторением и копированием некоторых превосхищений. Задавая направление поиска, он связывается с использовани-

ем и трансформацией результатов предшествующего вербального поиска. Перенос ВОС носит активный характер.

Дж. Моксли и Н. Чарнесс провели метаанализ исследований решения двух наиболее типичных для шахматистов задач (выбор лучшего хода и запоминание шахматных позиций) у шахматистов разной квалификации и возраста (Moxley, Charness, 2013). Эффект возраста и мастерства на выбор хода, соответственно — 0,277 и 0,758. Эффект возраста и мастерства на шахматное вспоминание, соответственно — 0,486 и 0,512. Везде $p < 0,001$. Задача выбора хода в наибольшей степени отражает сущность мастерства.

Дифференциально-психологические качества мышления – интеллект и креативность. Соотношение уровня развития интеллекта и творческого мышления

Существует три подхода к проблеме творческих способностей: 1) творческих способностей нет, есть личность, обладающая определенной мотивацией и чертами; 2) творческие способности (креативность) — самостоятельный фактор, независимый от интеллекта (при $IQ > 120$ креативность становится независимой от интеллекта; есть интеллектуалы с низкой креативностью, но нет креативов с низким интеллектом); 3) нет творческого процесса как специфической формы психической активности. Творческое мышление диагностируется по своему творческому продукту, а не по способу его получения. Всякий познавательный процесс опирается на прошлые знания и влечет их преобразование в соответствии с требованиями задачи (Психология мышления, 1981, с. 298–304).

По своему методу наше исследование уровней развития познавательной потребности и их проявления в мышлении (Васюкова, 1995) ближе к первому подходу. В свете проблемы соотношения знания и мышления интерес представляют выделенные тенденции развития познавательной потребности по предметному содержанию, а также характеристика особенностей мышления (и оперирования знаниями) субъектов с разными интегральными уровнями развития их познавательной потребности. Ставилась задача понять, в чем сложность шахматного *ладейного этюда*.

Выделены следующие тенденции развития предметного содержания познавательной потребности — от практических и эмпирических к теоретическим и затем философским знаниям; от умений использовать личный опыт практической деятельности к умениям применять общественно выработанные знания и, наконец, к умению создавать новое; от познания, включенного в практическую деятельность, к познавательной деятельности как самостоятельной; от усвоения готовых знаний к выработке новых знаний.

Выявлена специфика применения знаний в мышлении субъектами с различными уровнями макрогенеза их познавательной потребности. Испытуемые с самым низким I уровнем макрогенеза познавательной потребности практически не использовали свои знания, их мышление не опиралось на знания. На II уровне макрогенеза познавательной потребности шахматисты применяли свои знания не критически. Испытуемые с III уровнем развития познавательной потребности использовали свои знания в процессе продуктивного мышления, пытались по-

нять смысл этюда, его главную позицию. К своим знаниям они относились критически и пересматривали их в ходе решения конкретной задачи. Эти шахматисты были способны нестандартно подойти к проблемной ситуации.

Заключение

Рассмотрено решение проблемы соотношения знания и мышления в соответствии с разными подходами (от механистического до когнитивного) при решении задач экспертами, при изучении интеллекта и креативности.

Если в ранних подходах к изучению мышления знание рассматривалось как одно из необходимых условий мышления (Джемс, развитие механистического подхода), основа творческих достижений (Зельц, телеологический подход), то в гештальт-психологии (целостный подход) поначалу не признавалось значение прошлого опыта в творческом мышлении. Затем стали говорить о пользе обобщенных знаний. Проблема соотношения знания и мышления явилась в гештальт-психологии предметом экспериментальных исследований. Обнаружено, что исходное знание влияет на мышление и в творческом мышлении реорганизуется, в ходе проблемного обучения знания преобразуются, как и в продуктивном мышлении (Секей). Элементы знания комбинируются по-новому в творческом мышлении, визуальный опыт более продуктивен, чем знания, содержащиеся в памяти (Майер). Контакт с объектом позволяет преодолеть функциональную фиксированность (Дункер).

В смысловой концепции Тихомирова показана и преемственность поиска (явление переноса), и его активный характер (прогнозирование, формирование поисковой потребности). Сам перенос вербализованных операциональных смыслов является активным процессом. Предвосхищения разной степени субъективной вероятности задают направление поиска, но не просто повторяются, а трансформируются, углубляются. Маловероятные предвосхищения могут стать более разветвленными, их субъективная вероятность повышается (Васюкова). Обнаружено, что перенос обобщений происходит не только на вербальной и невербальной основе (Васюкова, Тихомиров, Телегина, Терехов), но и на эмоциональной (Виноградов).

Понимая мышление как порождение, развитие и взаимодействие операциональных смыслов разных видов и уровней, Тихомиров показал существенные различия мышления третьеразрядника и мастера (у последнего меньше объем ориентировочно-исследовательской активности как результат эффективности механизмов прогнозирования и переноса, этап формирования поисковых потребностей более представлен, чем этап их реализации). Но на развитие психологии экспертизы большее влияние оказала работа де Гроота. Он выявил, что гроссмейстеры по сравнению с клубными игроками лучше запоминают шахматные позиции, выбирают лучшие ходы, но не мыслят глубже. Ряд авторов, основываясь на этих результатах природу экспертизы связывали с процессами низкого уровня — памятью, восприятием (группа Саймона, Рейнгольд). Противоположный, но тоже односторонний подход был присущ исследователям, природу экспертизы связывающим не с распознаванием паттернов, а с поиском и оценкой вероятных ходов (Холдинг). Было показано, что у сильных шахматистов при игре в быстрые шахматы по сравнению с игрой с классическим контролем качество игры сни-

жается, что свидетельствует о важности рассуждения и поиска, а не только распознавания образов и на этой основе выбора хода. В ряде работ группы Чарнесса (в том числе в наших работах) были показаны процессуальные различия мышления экспертов и неэкспертов, в частности, оказалось, что глубина поиска — степенная функция от мастерства.

Моксли и Чарнесс обнаружили, что решение задачи выбора хода в большей степени характеризует мастерство, чем задача запоминания шахматных позиций. Чарнесс и Гобе отметили, что шахматное исследование было полезным в характеристике отношений компромисса между памятью, восприятием и решением проблем. Однако связи между памятью (знаниями) и мышлением (поиском) как функцию мастерства еще нужно прояснить.

Исследователи интеллекта и креативности, несмотря на различия в понимании креативности, подчеркивали, что креативность невозможна при низком интеллекте и отсутствии знаний. В одном из подходов к креативности отмечалось, что креативность характеризуется лишь продукт, процесс же основывается на знаниях и их трансформации.

Наши исследования уровней развития познавательной потребности и их проявления в мышлении выявили тенденции развития знаний и показали, что высокий уровень развития познавательной потребности обуславливает творческое мышление, которое является и диалогическим.

Итак, в творческом мышлении знания преобразуются, знания и мышление выступают в единстве. В развитой деятельности (например, в деятельности шахматного эксперта) доминирующая роль отводится мышлению. Следует различать знания как средства и как продукт мышления. Знания существуют как компонент индивидуальной психики и общественного опыта. Субъективно новое знание различается по происхождению — полученное от других готовое знание и знание,работанное самостоятельно. Последнее уже может быть представлено в общественном опыте или быть новым по отношению к общественному опыту. Обоснована структурирующая функция мотива в мышлении на материале познавательной потребности разных уровней развития. Лишь познавательная потребность высокого уровня развития обуславливает доминирование творческих компонентов в мышлении и его диалогический характер.

Литература

- Васюкова Е. Е.* Развитие познавательной потребности и креативности мышления шахматистов // Психологический журнал. 1995. № 1. С. 91–101.
- Васюкова Е. Е.* Вербализованные операциональные смыслы и их развитие в процессе принятия решения (на материале выбора лучшего хода в шахматной позиции) // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 4. С. 30–41.
- Васюкова Е. Е.* Вербализованные операциональные смыслы в структуре принятия решения в сложных ситуациях // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Вып. 2. М.: Смысл, 2006. С. 368–391.
- Васюкова Е. Е.* Проблемы операциональных смыслов и переноса в смысловой концепции мышления О. К. Тихомирова // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Вып. 4. С. 114–132.

- Величковский Б. М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания. В 2 т. Т. 2. М.: Смысл—ИЦ «Академия», 2006.
- Петухов В. В.* Психология мышления: Учебно-метод. пособие для фак. психологии гос. ун-тов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.
- Психология мышления / Под ред. А. М. Матюшкина. М.: Прогресс, 1965.
- Психология мышления. Хрестоматия. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1981.
- Тихомиров О. К.* Структура мыслительной деятельности человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
- Тихомиров О. К.* Психология мышления: Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Moxley J. H., Charness N.* Meta-analysis of age and skill effects on recalling chess positions and selecting the best move // *Psychonomic Bulletin & Review*. V. 20. 1017–1022. doi: 10.3758/s13423-013-0420-5

The problem of correlation of knowledge and thinking: historical and psychological analysis

E. E. Vasyukova

FSFEE HE “Lomonosov Moscow State University”, Moscow

The article deals with the problem of the correlation of knowledge and thinking at different stages of the development of the psychology of thinking (mechanistic, teleological, holistic, activity and cognitive approaches) and its different directions (general and differential psychology of thinking, problem solving by experts). It is shown that in creative thinking knowledge is transformed, knowledge and thinking act in unity. In a developed activity, for example, in the activity of a chess expert, the dominant role belongs to thinking. It is necessary to distinguish between knowledge as a means and as a product of thinking. Knowledge exists as a component of the individual psychic and social experience. Subjectively new knowledge differs in its origin – ready-made knowledge received from other and knowledge developed independently. The latter can be represented in the social experience or be new in relation to the social experience.

Keywords: correlation of knowledge and thinking, psychology of thinking, intelligence, creativity, expertise, chess play.

Проблемы семейного консультирования и психологического консультирования родителей

Н. А. Галкина, А. Н. Шевякина

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», г. Курск, nadezhda.galkina2019@mail.ru

Рассматриваются особенности становления методов семейного консультирования и консультирования родителей, основные причины обращения к специалисту, различные направления и подходы к изучению психологического консультирования родителей, специфика работы семейного психолога-консультанта, вопросы ценностей семьи, значимости семейного воспитания для развития личности ребенка. Раскрываются этапы развития семейной психотерапии в нашей стране и за рубежом, основные идеи и работы знаменитых психологов.

Ключевые слова: психологическое консультирование, консультирование родителей, семейная психотерапия, психолог-консультант, семья, семейное консультирование, родители.

Существуют семьи, где родители не могут найти общий язык со своими детьми, что приводит к возникновению напряженной ситуации в семье и конфликтам. Есть семьи, где детям недостаточно того внимания и заботы, что уделяют им родители, дети чувствуют себя ненужными и зачастую ищут поддержку и опору в других людях и в другой деятельности, не всегда социально одобряемой. Поэтому так важна работа специалиста-психолога, работающего с семьями с детьми.

Иногда родителям необходимо просто ответить на интересующие их вопросы. Например, как построить воспитательный процесс, чтобы ребенок вырос доброжелательным и порядочным человеком, какие меры наказания применить к ребенку за тот или иной проступок, надо ли их вообще применять? Вопросов и поводов для обращения к специалисту огромное количество. В том или ином случае семье необходима помощь специалиста. Очень важно вовремя определить возникшую проблему и обратиться к психологу, который поможет с ней разобраться, ответит на интересующие вопросы, расширит кругозор родителей, предоставит информацию об особенностях развития и взаимоотношений ребенка, поможет посмотреть на ситуацию со стороны ребенка. Работа психолога помогает родителям предугадывать развитие проблемных ситуаций, учит конструктивно и безболезненно для ребенка выходить из конфликтов.

В 1817 г. Фридрих Уден, профессор Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии, поднял очень важный вопрос образования у детей истерических черт характера как последствий неправильного воспитания, он был одним из первых, кто обратил внимание на важную сторону семейной жизни, а именно на отношения детей и родителей и их влияние на развитие психики ребенка (Эйдемиллер, Юстицкис, 2008).

Многие авторы считают, что основоположником семейного консультирования в России является Иван Васильевич Маляревский. Им было создано «Врачебно-воспитательное заведение» для детей и подростков, имеющих проблемы с психикой. Одним из основных видов деятельности в этом заведении была диагностика взаимоотношений психически больных детей и их родителей и изучение влияния неправильного воспитания на формирование душевных болезней. Метод работы заключался в проведении сеансов «семейного воспитания» для родственников больных детей и подростков. Такой подход Маляревского к работе можно считать прообразом семейного консультирования (Эйдемиллер, Юстицкис, 2008).

В 1886 г. В. М. Бехтерев выпустил первую в мире монографию о психопатиях. В монографии, в частности, говорилось о возможности формирования «приобретенной психопатии» как последствия неправильного воспитания, а именно отношения родителей к своим детям.

В западной психологии зарождение семейной психотерапии, в том числе разработка вопросов консультирования родителей, датируется концом 1940-х и началом 1950-х годов. Основателями изучения и развития данного направления являлись Джей Хейли, Муррэй Боуэн, Сальвадор Минухин, Карл Витакер, Виржиния Сатир и др. В то время психиатры стали находить взаимосвязь между душевно больными и их семьями, поэтому к психотерапевтической работе начали привлекать всех членов семьи больного (Пахомов, 2015).

В 1940-х годах профессиональную психологическую деятельность с семьей начал реализовывать Карл Витакер. Он выступал за креативную спонтанность в работе семейной терапии, так как придерживался атеоретичной позиции и считал, что члены семьи не имеют представления о правильности проявления своих чувств и распознании чувств окружающих. Психолог разработал методы работы с семьями, имеющими проблемы в этой области (Эйдемиллер, Юстицкис, 2008).

В 1950-е годы Джон Белл уделял особое внимание прямому проявлению чувств в семье. Благодаря Беллу эта тема оказалась очень востребованной и надолго закрепилась в семейной психотерапии и консультировании. Джон Белл, являясь основоположником оригинального направления, внес большой вклад в распространение знаний семейной психотерапии и консультирования. До сих пор семейные психологи-практики говорят о необходимости и важности умения членов семьи прямо проявлять свои чувства (Карабанова, 2005). Тогда же, в 1950-е годы, появились работы Вирджинии Сатир, известной своей приверженностью к теории коммуникативных процессов в семье.

Группа американских психологов пыталась исследовать семью, основываясь на принципе соединения антропологии и теории систем. Тогда ученые заговорили об изменении самой семьи, а не об изоляции больного члена семьи от ее влияния, и исследовали семью как систему, которая сопротивляется изменениям и «желает» оставаться стабильной. К основным идеям, разработанным данной группой психологов, относят *учение двойной связи и концепцию проговоренных правил*. Последнюю идею активно разрабатывал Дон Джексон. Он склонялся к тому мнению, что пока родственники не определят и не установят в своей семье проговоренные правила, данная семья будет очень трудно поддаваться каким-либо изменениям. Джексон разработал свою типологию правил, в которую

входят скрытые, признанные и метаправила (нормы, которых надо придерживаться) (Гулина, Зинченко, 2015).

Большой вклад в развитие теоретических идей семейной психотерапии и консультирования внес Мюррей Боуэн. Особенность его идей заключалась в том, что изучение семей он вел исходя из сосредоточенного исследования выявленного симбиоза матери и ребенка. Результаты данного исследования заложили основу концепции дифференциации Я. Боуэн был одним из первых, кто отказался от исследования парных отношений «мать—ребенок» и перешел к исследованию семьи с точки зрения триадных отношений, а именно «мать—отец—ребенок». Данная концепция получила название «триангуляция», она подразумевает привлечение в проблемную ситуацию двух третьего для решения конфликта. Боуэн обратил внимание на такие факторы, как история семьи и сценарий нескольких поколений семьи. Он выдвинул идею о том, что патологический вид отношений, например триангуляция или симбиоз, имеет свойство накапливаться в поколениях и проявляться в патологии у потомства. Боуэн подчеркивал вероятность вовлечения самого психолога в триангуляцию, что крайне негативно сказывается на отношении психолога с семьей и способствует снижению эффективности помощи семьи. Поэтому Боуэн был сторонником нейтральной позиции при работе с семьей (Минухин, 1998).

В 1960-е годы акцент сместился на изучение микродинамики семейных отношений, а именно коммуникативных процессов. Основная цель в работе семейной психотерапии свелась к изменению патологических интеракций.

В 1970-е годы начинается новый этап в развитии семейной психотерапии и консультирования. Его особенностью является то, что психологи начинают проводить первые семейные консультации, где семью рассматривают как единой целое. Структурная парадигма сменяет коммуникативную, где в центре располагается структура семейной системы. Структурная психотерапия создала простой и действенный способ описания организации семьи и выстраивания последовательных шагов в лечении. Сальвадор Минухин, являясь основателем детской клиники в Филадельфии, которая послужила одним из главных центром развития психотерапии семьи, внес большой вклад в развитие теоретических и практических знаний семейной психотерапии. Он был учеником Натана Акермана, также известного психиатра и психоаналитика, создавшего психологический центр в Нью-Йорке. Минухин в своей профессиональной деятельности большое значение уделил разработке структуры семейной системы (Минухин, 1998).

Минухин совместно с Джей Хейли занимались разработкой стратегий работы с семьей. Первая идея заключалась в следовании за членами семьи, чтобы в нужный момент помочь снизить сопротивление изменениям. Психологи говорили о том, что помочь разобраться в сложившихся семейных ситуациях может человек, который достаточно хорошо изучил ситуацию, понимает людей, вовлеченных в эту ситуацию. Вторая идея заключалась в реконструировании семейной структуры (там же).

Последующие 1970-е и 1980-е годы, несмотря на активное развитие структурной психотерапии, глубинно-ориентированная психотерапия продолжила свое развитие в рамках концепции Боуэна. Он занялся изучением макродинамического фактора семейной системы, разработав метод генограммы. В 1970-е годы осуществлялось влияние гуманистического направления психологии на развитие

семейной психотерапии и консультирования. Была разработана теория встреч, которая внесла большой вклад в развитие семейной психотерапии и оказывала значительную помощь семьям, члены которых потеряли эмоциональную близость, не могли прийти к единому мнению по определенным вопросам, что влечет за собой нарастание конфликтных ситуаций и в итоге разрушение семьи. Психотерапевты, работая с семьями в данном направлении, в основу семейной жизни ставили закон, традиции и ценности семейного бытия (Кочюнас, 2005).

В следующее десятилетие на структурную психотерапию обрушилась критика, связанная с ее «примитивностью и механистичностью». Поэтому психологи при работе с семьей принимали во внимание и структуру семьи, и все процессы, происходящие внутри семье и с окружающими ее людьми и событиями. Методы стратегического подхода отличались от методов других направлений и подходов своей способностью к воздействию и манипуляции. Главным пунктом стратегического подхода являлся прагматизм. Психотерапевт вел свою профессиональную деятельность непосредственно с симптомом, который и был причиной обращения семьи к специалисту. Милтоном Эриксоном было разработано множество методик, способствующих уменьшению сопротивления. Затем последователи Эриксона – Джей Хейли, Пол Вацлавик и Мара Сальвини Палаццоли (см.: Карабанова, 2005) – дорабатывали эти техники.

Представители стратегической концепции не были согласны с идеями основателя и методолога семейной психотерапии во времена ее становления – Грегори Бейтсона. Они считали, что помощь семье заключается в предоставлении ей нужной информации о контексте семьи, затем идет работа над правильным осмыслением данной информации, а уже затем происходит переход к осознанным и поэтапным изменениям. Бейтсон был против использования всякого рода манипуляций в семейной психотерапии, поэтому вошел в противоречие с представителями стратегического подхода из-за используемых ими методов (Ждан, 2004).

Примерно с 1990-х годов увеличивается влияние конструктивизма, и происходит это через привлечение когнитивной психологии, которая активно развивалась на основе данной парадигмы и применялась в консультативной и клинической практике. Развитие этой парадигмы и когнитивной психотерапии должным образом сказало на развитии семейной психотерапии и консультировании (Кочюнас, 2005).

Пауль Вацлавик активно осуществлял свою профессиональную деятельность в рамках этой парадигмы. Он был уверен, что большое значение имеет то, как именно люди воспринимают те или иные события, ведь это и будет определять характер взаимодействия между членами семьи. Благодаря работам Альберта Эллиса и Аарона Бека большое количество психотерапевтов задумались над тем, чтобы интегрировать идеи системной семейной психотерапии с идеями когнитивной психотерапии.

Альберт Эллис отметил, что нередкое преувеличение отрицательных оценок действий других членов семьи касаясь семейных взаимоотношений, приводит к супружеской дисфункции. Также Эллис считал, что основой семейных дисфункций является склонность к иррациональным представлениям супружеской жизни типа: «Устройство и благополучие моей жизни лежит на плечах мужчины».

Основу конструктивистско-ориентированное направление составляет работа с убеждениями и принципами членов семьи, а целью является взаимная со-

гласованность всех принципов и коррекция различных искажений мышления. Развитие семейной психотерапии и консультирования в конце концов свелось к тому, что семейную ячейку начали рассматривать как объект, с которым надо заниматься в направлении намеренного преобразования.

В работе с семьей первостепенной задачей становится популяризация основ знаний семейной психологии, ориентация на решение общих проблем, постепенное преобразование мыслей в систему взаимодействий (Кочюнас, 2005). Особенность семейной психотерапии заключалась в том, что семья рассматривалась как общество взаимозависимых индивидов. Личная трудность или проблема одного из членов семьи анализируется исходя из взаимоотношений с другими членами семьи. Даже самые простые изменения в поведении или отношении одного человека влекут за собой ответные изменения у остальных.

Работа с родителями на сегодняшний день включает в себя образовательный и терапевтический компонент. Образовательный компонент подразумевает знакомство родителей с возрастными особенностями ребенка, рассмотрение принципов эффективного взаимодействия с ребенком и пр. Терапевтический компонент включает работу с эмоциональными переживаниями родителей, проработку обид, страхов, разочарования (Петракова и др., 2019).

Литература

- Гулина М. А., Зинченко Ю. П. Консультативная психология: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2015.
- Ждан А. Н. История психологии от Античности до наших дней. М.: Академический проект, 2004.
- Карабанова О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2005.
- Кочюнас Р. Психологическое консультирование и групповая психотерапия. М.: Академический проект—Гаудеамус, 2005.
- Минухин С. Техники семейной терапии. М.: Независимая фирма «Класс», 1998.
- Пахомов В. П. Из истории консультирования // Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига. Томское отделение. URL: http://oppl-tomsk.narod.ru/istoriya_konsultirovaniya.html (дата обращения: 20.07.2015).
- Петракова Е. Н., Мовчан И. А., Ашиткова Е. С. Особенности психологического консультирования родителей // Молодой ученый. 2019. № 8. С. 246.
- Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. Э. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2008.

Historical aspect of studying the problem of psychological counseling of parents

A. N. Galkina, N. A. Shevyakina

Kursk State University, Kursk, nadezhda.galkina2019@mail.ru

This article discusses the main reasons for referring to a specialist, reveals various directions and approaches to the study of psychological counseling, examines the main ideas

and works of famous psychologists such as Jay Haley, Murray Bowen, Salvador Minuchin, Murray Bowen, Karl Whitaker, Albert Ellis, Milton Erickson, Virginia Satir and others. The question is raised “Who can be considered the founder of family therapy?” The main stages of the development of family psychotherapy in our country abroad are considered.

Keywords: psychological counseling, parental counseling, family psychotherapy, counseling psychologist, family, family counseling, parents.

Словосочетание «психическая жизнь» в работах Ш. Р. Рише и В. М. Бехтерева

С. А. Гильманов

*Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск,
gilmanovsa1109@gmail.com*

В статье на основе анализа использования словосочетания «психическая жизнь» в трудах В. М. Бехтерева и Ш. Р. Рише выявляется специфика эволюции их научных воззрений и места в современной психологии. Оба исследователя сохранили свои убеждения относительно физиологии, однако Рише, углубляясь в исследование таинственных проявлений психики, относит психическую жизнь только к физиологии индивидуума, а по мнению Бехтерева, она содержится в индивидуальной и социальной жизни в целом. Поэтому Рише сегодня почти не упоминается психологами, а Бехтерев считается одним из основоположников российской социальной психологии.

Ключевые слова: история психологии, психическая жизнь, В. М. Бехтерев, Ш. Р. Рише, рефлексология, метапсихика, рефлекс.

Период, охватывающий 1880–1930-е годы — один из важнейших в развитии психологической науки. В эти годы происходит уход от ассоцианизма и появляются новые разнообразные психологические школы, обновляется научно-категориальный язык, осознается кризис психологии. Характерной чертой этого периода является то, что он охватывает жизнь многих ученых, пришедших в науку в его начале, а завершивших свою деятельность уже в новой научной реальности. Изучение творческого наследия таких ученых представляет для истории психологии интерес и с точки зрения рассмотрения эволюции их научных взглядов, и с позиций выявления того их места, которое они заняли в становлении и разработке новых психологических направлений, отраслей и проблем.

Одним из возможных направлений исследований может стать обращение к анализу терминологии, использовавшейся в научных трудах ученых, имеющих в начале пути много общего в убеждениях, но затем развивавшихся каждый в своем направлении. Особый интерес представляют в этом отношении при-

меры творчества тех, кто находился на позициях физиологической психологии, господствовавшей со времени публикации капитального труда В. Вундта «Основания физиологической психологии» (1874) — это позволяет увидеть, какой может быть научная эволюция исследователей, связывавших предмет психологии с жизнью нервной системы и органов физиологической деятельности, с раздражительностью, с рефlekсами.

В данной статье мы рассмотрим то, в каком контексте используют словосочетание «психическая жизнь» два выдающихся ученых — Владимир Михайлович Бехтерев (1857—1927) и Шарль Робер Рише (1850—1935), — имевших много общего в начальной научной специализации и убеждениях (физиологи, оба считали рефлекс основным механизмом работы психики, опирались на эволюционный подход, были знакомы с трудами друг друга), интересах (обращались к проблемам гипноза и необычных проявлений психики, исследовали деятельность нервной системы и различных органов тела, интересовались ролью энергии в деятельности психики и др.), личностных качествах (широта интересов, энергичность, продуктивность и др.), роли и месте в организации науки (создавали сообщества, организации, занимавшиеся научной работой; Рише является нобелевским лауреатом за открытие анафилаксии, Бехтерев несколько раз номинировался на нобелевскую премию).

Обращение к словосочетанию «психическая жизнь» («la vie psychique») обусловлено в первую очередь тем, что позволяет выявить, какие представления (в том числе, не осознаваемые самим исследователем) существуют у автора научного труда относительно ее содержания, соотношения с физиологическими процессами, механизмами ее функционирования и развития. Важен и контекстный анализ использования слова «жизнь», создающий возможность уточнения представлений авторов о психической жизни.

Цель данной статьи — с опорой на методы анализа категориально-понятийного аппарата психологии, качественного тематического анализа смысловой нагрузки словосочетания «психическая жизнь» в работах В. М. Бехтерева и Ш. Р. Рише, — выявить специфику эволюции их научных воззрений, определить места, которые они занимают в современном психологическом знании.

В качестве объектов постраничного анализа, ориентируясь на наличие именно психологического содержания, хронологическую последовательность, отражение научной проблематики, которой занимался исследователь, были отображены следующие труды:

- В. М. Бехтерев: «Сознание и его границы» (1888), «О локализации сознательной деятельности у животных и человека» (1896), «Психика и жизнь» (1902, второе издание — 1904); «Объективная психология» (1907—1910), «Коллективная рефлексология» (1921), «Общие основы рефлексологии человека» (1917, 1923, посмертное, третье издание — 1928);
- Ш. Р. Рише: «L'Homme et l'Intelligence» (1884), «Essai de Psychologie Générale» (1887), «Traité de métapsychique» (1922), «L'Avenir et la premonition» (1931).

В данной работе не затрагиваются вопросы научных воззрений и общей эволюции исследовательских интересов ученых: в одной статье это сделать невозможно. Необходимо отметить только, что если этапы развития теоретических воззрений

Бехтерева достаточно полно представлены в отечественной исторической психологии (Б. Г. Ананьев, Е. А. Будилова, В. А. Кольцова, Е. В. Левченко, Б. Ф. Ломов, Е. И. Степанова и др.), то о Рише сказать этого нельзя: система и эволюция его теоретических воззрений не проанализирована ни в России, ни во Франции. В единственной биографической монографии «Мозг, разум и медицина: Шарль Рише и истоки физиологической психологии» С. Вольф описывает биографическую канву жизнедеятельности Рише, но не отслеживает эволюции его научных взглядов (Wolf, 1993). В трудах конференции, организованной Национальной медицинской академией в ноябре 2013 г. к 100-летию присуждения Рише нобелевской премии, в работах историков психологии, посвященных Рише, рассматриваются только отдельные стороны его научного творчества.

«Психическая жизнь» в трудах Ш. Р. Рише

В одной из первых крупных работ «Человек и интеллект: фрагменты физиологии и психологии» (Richet, 1884), которую Т. Рибо назвал «прекрасной монографией», Рише весьма определенно высказывается о том, какая наука является главной в изучении жизни: «Наука о жизни, то есть физиология» (ibid., p. 424). В этой работе Рише не обращается к словосочетанию «психическая жизнь». Слово «жизнь» встречается только в характеристиках «органическая жизнь», «мозговая жизнь», «интеллектуальная жизнь»; подчеркивается, что жизнь протекает на физиологической основе. Например, кровь, «циркулируя в сердце, в бесчисленных сосудах человеческого тела <...> представляет жизнь, движение, деятельность, здоровье» (ibid., p. 67).

В основном психологическом труде (хотя Рише и назвал его «эссе», однако именно здесь высказаны его претензии на приоритетность в создании общей психологии как раздела физиологии) «Опыт общей психологии» словосочетание «психическая жизнь» встречается 23 раза. Рише использует его для характеристики содержания психической жизни: «представляет элементы психической жизни раздражительность», «в двух ее гранях»: восприимчивости и двигательной реакции (Richet, 1887, p. 20). Определенное кредо в подходе к пониманию механизмов психики заключено и в специально выделенной Рише сноске: «Мы не будем различать слова „активность“ и „раздражительность“, так как они имеют одинаковое значение» (ibid., p. 21). Раздражимость для Рише вообще является общей основой психической жизни, в данной работе он даже формулирует восемь законов раздражимости. Рише остается в этом убеждении до конца жизни, несмотря на то, что уже в конце 1880-х годов, Рибо, в полемике с Рише (цитируя его «Опыт общей психологии», доказывая, что его «законы раздражимости» — «не гипотетические законы, а скорее частные эксперименты») показывает, что «каждый микроорганизм имеет психическую жизнь, сложность которой выходит за пределы клеточной раздражимости <...> обладает способностью отбора; он выбирает свою пищу, как он выбирает животное, с которым он совокупляется» (Ribot, 1889, p. 109).

Картина психической жизни изложена Рише в этой работе достаточно полно: она развивается как цепь «усложнений», начинающихся с реакций клеточек на внешние раздражения и прогрессирующих от рефлекса до сознания и памя-

ти; направления и характер «усложнений» определяются естественным отбором, а функционирование психики обеспечивается силами, имеющими физическую, химическую, электрическую природу. Психическая жизнь, по Рише, проявляется в движении, требует сна, является носителем интеллекта, «следует тем же периодам детства и старости, что и нервная система, от которой она зависит» (Richet, 1887, p. 42). Все, что влияет на нервную систему, влияет и на психическую жизнь, которая «подчинена физико-химическим действиям» (ibid., p. 55). Рише особо подчеркивает роль энергии в психической жизни: «центральная нервная система может быть названа аппаратом скрытой энергии», так как все предварительные возбуждения накапливаются в ней и даже могут вызывать самопроизвольные движения (ibid., p. 191). Накапливающиеся в психике человека «усложнения» (сознание, память, идеи, воспоминания образов и эмоций) «способствуют увеличению суммы скрытой энергии, содержащейся в мозгу» (ibid., p. 191–192). Слово «жизнь» сочетается в этом труде Рише только с характеристикой ее физиологических «субъектов»: («жизнь органов», «жизнь нервной клетки» и др.) и видов: «животная жизнь», «вегетативная жизнь», «жизнь нервных элементов» и др. Завершается «Опыт общей психологии» словами, с одной стороны, подчеркивающими значение энергии в психической жизни, с другой — практически предсказывающими, какими станут в будущем научные интересы Рише: «Сознание освободилось от бессознательного. Кто знает, не появятся ли еще другие силы?» (ibid., p. 193).

В целом в «Опыте общей психологии», в котором сама психология представлена как часть физиологии, высказаны те воззрения Рише, которые не изменялись в течение его жизни.

Через 37 лет Рише практически отрекается от исследований в области классической психологии, написав в весьма объемном труде «*Метапсихический трактат*» («*Traité de métapsychique*»): «Мы оставляем (классической) психологии изучение интеллекта животных и человека. Психические явления различны: они кажутся следствием неизвестных разумных сил, понимающих в этих неизвестных существах удивительные интеллектуальные явления нашего бессознательного» (Richet, 1922, p. 2). «Метапсихический трактат» построен по классическому образцу: вначале Рише дает определение метапсихики и рассматривает исторические аспекты проявления необычных свойств психики, а затем последовательно описывает изученные им проявления (криптестезия, ксеноглоссия, телекинез, эктоплазма, левитация и др.). Он приходит к выводу, что предпочтительнее всего для объяснения описанных феноменов выглядит гипотеза о том, что «человеческий интеллект (душа и тело) достаточно силен, чтобы производить как материальные проявления (эктоплазмы), так и субъективные проявления (криптестезии), которые ошеломляют нас» (ibid., p. 790). Слово «жизнь» здесь встречается только в сочетаниях «повседневная жизнь», «земная жизнь», «обычная жизнь»; словосочетание «психическая жизнь» не используется Рише ни разу. Один раз он упоминает о «психологической жизни»: «...мы сотрясаемся множественными вибрациями, которые приносят нам многообразные представления, но которые закрыты для нашей нормальной психологической жизни» (ibid., p. 442). В этой работе Рише продолжает поиски энергетической основы жизнедеятельности психики и продуктов этой работы, вынося сущность самой жизни за пределы от-

дельного организма и человека. Он полон воодушевления и интереса именно к необычным проявлениям психики: «Здесь есть великие тайны, которые нужно углубить. Задача настолько прекрасна, что, даже если она должна потерпеть неудачу, честь того, что она была предпринята, дает некоторую цену жизни» (ibid., p. 793).

Достаточно символично то, что в книге *«Будущее и предсказание»*, вышедшей за четыре года до кончины Рише, он не подводит итоги созданной им системы знания, а описывает случаи предсказаний: «Сказать по правде, я не утверждаю здесь никакой новой теории. Верный своим традициям и обязанностям физиолога, я придерживаюсь фактов, а не доктрин, потому что все доктрины очень хрупки, а факты многочисленны, позитивны, бесспорны» (Richet, 1931, p. 7). О психической жизни здесь также речи нет (слово «жизнь» употребляется в разных расширительных контекстах 43 раза), есть только упоминания о жизни ментальной.

Таким образом, на протяжении научной деятельности Рише связывает психическую жизнь с физиологическими органами, процессами. Хотя он и не отождествляет жизнь психическую и органическую, первая для него — то, что осуществляется в пределах одного организма (даже клетки). Главной же основой жизни для Рише является накопление энергии в нервной системе (отметим, что эта мысль высказана впервые Вундтом). Представление о том, что физические, химические, электрические силы впрямую дают энергию клеткам, ведет к предположениям о невыявленной физической основе жизни, о том, что возможны феномены, о существовании которых мы не подозреваем в рамках науки.

«Психическая жизнь» в трудах В. М. Бехтерева

В работе *«Сознание и его границы»* (1888) словосочетание «психическая жизнь» упоминается единственный раз в самом начале работы. Дискутируя с определением сознания И. Ф. Гербартом как суммы всех имеющихся представлений, Бехтерев отмечает, что оно «обнимает собою лишь содержание сознания, не касаясь вопроса о самом сознании как явлении нашей психической жизни» (Бехтерев, 1888, с. 5). Слово «жизнь» встречается здесь четырежды, только в сочетаниях «жизнь человека», «обыденная жизнь» и при цитировании высказывания М. И. Владиславлева о «сознательной жизни».

В работе 1896 г. *«О локализации сознательной деятельности у животных и человека»* (речь, произнесенная на общем собрании врачей) Бехтерев обращается к словосочетанию «психическая жизнь» также в первых строках, определяя ее содержание: «Развитая психическая жизнь предполагает в нас присутствие сознательной и бессознательной психической деятельности» (Бехтерев, 1896, с. 5). Он подчеркивает, что «обширные поражения мозговых полушарий, низводят психическую жизнь до проявления лишь слабых проблесков сознания» (Бехтерев, 1896, с. 36). Однако слово «жизнь» далее встречается только в сочетаниях «повседневная», «растительная», «сознательная», т.е. используется расширительно, причем Бехтерев указывает, что жизнь немислима «без одухотворяющей деятельной нервной системы» (Бехтерев, 1896, с. 18). У Бехтерева в этой работе практически нет понятия «психика», он говорит о психической деятельности, психических про-

цессах: «растительных», «животных», по отношению к нервной системе, в организме, сознании («сознательные процессы») и т. д.

В первом издании объемного труда Бехтерева *«Психика и жизнь»* (1902) словосочетание «психическая жизнь» почти (за исключением цитирования А. С. Фаминцына на с. 36) не используется. Когда Бехтерев рассуждает о скрытой энергии, скапливающейся в организме, он отмечает, что именно эта энергия создает благоприятные условия для «независимой от родителей сознательной жизни» (Бехтерев, 1902, с. 45). Во втором издании (1904) вместо «сознательной» появляется «психической жизни» (Бехтерев, 1999, с. 73). Появляется во втором издании это словосочетание и в следующем суждении: «Без сомнения, в таком деликатном вопросе, как психика низших организмов, нет и пока не может быть полного согласия между авторами, причем одни, видимо, преувеличивают значение психических отправлений низших животных, другие же вовсе не признают психической жизни у микробов» (там же, с. 77). Заключительные строки второго издания труда «Психика и жизнь» свидетельствуют, как и завершение «Опыта общей психологии» Рише, об энергетических позициях Бехтерева: «Каким бы именем мы ни обозначали основу энергии — силой или иксом... мы должны признать, что за движением частиц вещества, признаваемого нами проявлением энергии, есть еще нечто другое, которое не может быть включено в понятие о материи... очевидно, что этот икс, стоящий уже за пределами вещественного мира, содержит в себе в потенциальном состоянии и психическое, которое при известных условиях может возникнуть из энергии, как это наблюдается во всех вообще организмах и специально в нервных центрах высших животных» (там же, с. 199).

В *«Объективной психологии»* (1907—1910) Бехтерев обращается к словосочетанию «психическая жизнь» гораздо чаще (8 раз), так как считает, что «Психология, с нашей точки зрения, есть наука о психической жизни вообще» (Бехтерев, 1991, с. 5). Он упоминает психическую жизнь при определении места метода самонаблюдения, при описании классификационных делений психологической науки, которая должна изучать психическую жизнь не только развитых, но и развивающихся организмов, «отдельных групп лиц» (включая толпы, общества, народы), душевно больных, преступников. Часто встречаются в сочетании с «психическим» (Бехтерев иногда использует это слово и как отдельное существительное) слова «процессы», «явления», «деятельность», «сфера», «отправления». Используется и словосочетание «нервно-психическая» (сфера, деятельность, процесс, импульс, акт), содержание которого в контекстном отношении практически синонимично «психической жизни». Обращение же к слову «жизнь» (встречается 483 раза) чаще всего определяет характеристики ее носителя, субъекта психической жизни («человеческая», «организма», «животная», «народа», «плода» и т. п.), на область проявления («повседневная», «обыденная», «семейная», «индивидуальная», «социальная» и т. д.). Близость взглядов с Рише подчеркивается и тем, что Бехтерев цитирует его «Опыт общей психологии»: «Разум, инстинкт, рефлекс — три главных предмета исследования психологии: между этими тремя фактами психической деятельности нет ни преград, ни зияющей пропасти» (там же, с. 19).

В *«Коллективной рефлексологии»* словосочетание «психическая жизнь» не используется. «Жизнь» здесь упоминается, как предельно общая категория, как ха-

рактика ее видовых проявлений («общественная», «социальная», «коллективная», «трудовая», «индивидуальная», «духовная» и т. д.) и носителей («жизнь народов», «жизнь государства», «жизнь человека» и т. д.). Бехтерев и здесь придерживается энергетического подхода, говоря о том, что необходимо все действия человеческой личности рассматривать как проявления высших или сочетательных рефлексов, «в основе которых лежит энергия, как бы ее ни называли, нервной или нервно-психической, но во всяком случае энергией, уподобляющейся по своей природе другим видам энергии» (Бехтерев, 1921, с. 26). Отход от психологической терминологии и предложение собственных понятий в этой работе поступает довольно явственно, например, когда он предлагает отказаться от термина «психическая деятельность»: «Нужды нет, что удовлетворение всех вообще потребностей, а следовательно, и экономической и половой, происходит при посредстве соотносительной (психической) деятельности» (там же, с. 36).

В работе *«Общие основы рефлексологии человека»* (первое издание — 1917 г., второе издание — 1923 г. третье, посмертное, к которому В. М. Бехтерев успел написать предисловие — 1928 г.), которая во многом является итоговым трудом ученого, сочетание «психическая жизнь» появляется пять раз: в утверждении о том, что «значение бессознательного в психической жизни... огромно» (Бехтерев, 1928, с. 14); когда автор говорит о недостатках попыток выяснить «корреляты» мимических, сердечных, дыхательных и иных изменений «в сфере психической или душевной деятельности» (там же, с. 20); в сносках на работы П. О. Эфрусси «Персеверация как фактор норм. психической жизни» и И. А. Сахарова, заявлявшего, что «Кислород является источником психической жизни»; в критике психологов («особенно Вюрцбургской школы») за поиски существования «как бы автономных явлений „психической“ деятельности» (там же, с. 477). «Психическое» (и здесь часто употребляемое как существительное, обозначающее сферу проявлений жизнедеятельности), часто используется в сочетании со словами «деятельность», «процессы», «реальность», «проявления», «переживания» и др., а слово «жизнь» (обращение к нему встречается более двухсот раз) в сочетаниях с характеристиками областей проявления («общественная», «социальная», «экономическая», «обыденная», «индивидуальная», «душевная», «животная», «коллективная», «утробная» и др.) и носителями жизни («микробов», «особи», «животного», «личности», «человека», «ребенка», «организма», «вида» и др.).

Бехтерев и здесь остается сторонником энергетического подхода: он считает, что об энергии можно говорить «как о движении, проникающем весь мир и представляющем свою особую форму в живой природе», а в число видов энергии нужно включать и молекулярную энергию «сложных и крайне подвижных коллоидальных образований живой материи, производными же этой молекулярной энергии и являются нервный ток и так называемые нервно-психические или, объективно выражаясь, мозговые процессы» (там же, с. 87).

Таким образом, Бехтерев сохраняет физиологическую направленность и энергетизм взглядов, но отводит энергии роль общей основы существования мира, а не силы, непосредственно влияющей на психическую жизнь; расширив представление о рефлексе, распространив его действие на коллективы и общество, Бехтерев выводит понимание психической жизни за пределы только организма, формулируя ее принципы (законы), действующие и в индивидуе, и в социуме.

Именно исследования социальной психической жизни сохраняют сегодня интерес к нему как одному из ранних представителей отечественной социальной психологии.

Сравнительный анализ взглядов ученых

Общими для обоих мыслителей оставались в течение всей их научной жизни представления о рефлексе как «клеточке» психической жизни, придание особой роли энергии, обеспечивающей жизнь психики (включая и представление о ее универсальном, космическом значении, физической электрической и химической природе), особую «физиологическую» специфику теоретических построений и системы доказательств, эволюционный подход к рассмотрению всех психических проявлений, что и обусловило сходство в обращении к словосочетанию «психическая жизнь» в их трудах.

Однако если Рише до конца остался физиологом, считающим психологию только разделом этой науки, приверженцем факта, выявляемого в наблюдении и эксперименте, получаемого «здесь и сейчас» (созданная им «Метапсихика» никак не претендовала на цельное учение, а являлась систематизированным описанием «фактов» таинственных проявлений психики), то Бехтерев, расширив распространение представлений о психической жизни на социальную сферу, попытался создать новую науку, которая, заменив психологию, не только охватила бы мировоззренческие основы бытия человека, объяснила бы все стороны психической жизни отдельных особей и общностей, но и позволила бы улучшить практику воспитания и обучения, облегчить страдания больных. Это, как представляется, и обуславливает различия в использовании словосочетания «психическая жизнь»: у Рише психическая жизнь сосредоточена в индивидууме — отдельном представителе загадочной всепроникающей космической жизни, энергии, тогда как для Бехтерева психическая жизнь — проявление индивидуальной и социальной жизни в целом, а энергия — только универсальный физический «обеспечитель» этой жизни.

Поэтому при обращении к словосочетанию «психическая жизнь» мы видим у Рише самое частое его употребление только в работе, претендующей на создание общей психологии, у Бехтерева — в «Объективной психологии», поскольку здесь он претендует на создание нового психологического учения. В ранних работах это словосочетание встречается у обоих авторов реже: у Рише — в силу их прямо заявленного физиологического содержания, у Бехтерева — из-за сосредоточенности на нервных механизмах психических процессов. В поздних же работах этих авторов уменьшение обращения к словосочетанию «психическая жизнь» происходит по совершенно разным причинам: у Рише — по причине ухода в «метапсихику», где это словосочетание не упоминается, у Бехтерева же — в силу желания создать для своей науки новую терминологию.

Обращение к словосочетанию «психическая жизнь» у двух выдающихся ученых позволяет не только выявить специфику эволюции их научных воззрений, но и выделить общность судеб исследователей, стоявших на позициях физиологической психологии, заложенной Вундтом: они не «вписались» в магистральные пути развития науки, их воззрения по большей части представляют интерес

только для истории психологии. Уже в 1920-е годы критике подвергаются «метапсихические» устремления Рише (есть свидетельства о том, что современники – В. Вундт, В. Джеймс, Г. Лебон, Т. Рибо и др., высоко оценивая заслуги Рише как физиолога, относились с иронией, скепсисом, недоумением к его увлечению необычными проявлениями психики). Бехтерев также уже при жизни подвергался критике со стороны представителей зарождающихся новых направлений (например, Л. С. Выготский называл рефлексологию «идеализмом наизнанку»), а после рефлексологических и реактологических дискуссий конца 1920–начала 1930-х годов в России Бехтерева именовали «типичным механистом», сводящим биологическую закономерность к физической и растворяющем «социальное в физиологии». Взгляды на рефлекс и раздражительность как на основания всей жизни психики в дальнейшем опровергнуты как физиологами (Ч. С. Шеррингтоном, Н. А. Бернштейном, П. К. Анохиным и др.), так и психологами (П. Жане, Л. С. Выготским, С. Л. Рубинштейном и др.). Именно «рефлексологические» убеждения стали в наши дни причиной потери интереса к творчеству и Рише и Бехтерева как психологов.

Однако следует отметить, что сегодня возникает и новый интерес к интеграции знания физиологического и психологического. Продолжаются и развиваются исследования «микробного интеллекта», в которых отмечаются коллективное поведение клеток, наличие «чувства кворума» и «рабочей памяти» у микроорганизмов и т. д. Исследователи отмечают, что формирующийся сегодня психосоциальный подход позволяет перейти от исследования абстрактного человека к изучению психологии человека конкретного, в силу этого «становятся чрезвычайно востребованными и эвристичными относительно новые для психологической науки общие, интегральные феномены и понятия, такие как „жизнь“, „жизнедеятельность“, „взаимодействие“, „бытие“ и другие» (Мироненко, 2015, с. 40). При анализе жизни с позиции психологии предлагается сместить акцент с изучения разных психических репрезентаций на разных стадиях эволюции «на изучение конструктивного потенциала психического в порождении разных форм жизни» (Асмолов и др., 2018, с. 30). Продолжается и исследование парапсихологических явлений, существуют целые исследовательские сообщества (в которых имя Рише занимает одно из почетных мест), исследующие таинственные явления психики, причем возможность обнаружения здесь нового психологического знания остается открытой. Это оставляет надежду, что определенные мысли и идеи, содержащиеся в трудах и Рише, и Бехтерева будут востребованы и современной психологической наукой, поскольку проблематика характера связей физиологических и психологических процессов и явлений у человека и человеческих общностей остается актуальной и в наше время, и наверняка останется в будущем.

Заключение

Таким образом, анализ использования словосочетания «психическая жизнь» в трудах Ш. Р. Рише и В. М. Бехтерева позволил в определенном отношении выявить специфику эволюции их научных воззрений, заключающуюся в том, являясь представителями физиологического направления, оба они сохранили свои

убеждения до конца научной жизни, однако Рише по мере углубления в исследование таинственных проявлений психики относит психическую жизнь только к физиологии индивидуума, тогда как для Бехтерева психическая жизнь сосредоточена в индивидуальной и социальной жизни в целом.

Сама частота обращения к словосочетанию «психическая жизнь», фиксирующему представления исследователей о содержании, структуре, механизмах психики, свидетельствует, что оба они в начале научной жизни были сосредоточены на проблемах физиологического характера, оба пережили собственно «психологический» период, а затем пошли каждый своим путем: Рише — путем исследования «метапсихических» явлений, Бехтерев — к созданию «Рефлексологии». Рише как психолог остался увлеченным исследователем отдельных феноменов, его усилия не пошли дальше их описания, попыток систематизации и объяснения (в отличие, например, от своего младшего современника, с которым они совместно занимались исследованиями гипноза, П. Жане, создавшего общепсихологическую теорию). Бехтерев попытался создать целостное учение о человеке в мире и о мире в человеке.

Оба ученых обладают сегодня значительной известностью в определенных областях знания: Рише — в медицине и физиологии, Бехтерев — в медицине, физиологии и социальной психологии. Хотя сами по себе их представления о психической жизни сегодня и утратили значимость, дальнейшее развитие психологической науки может разбудить интерес к воззрениям и Рише, и Бехтерева.

Литература

- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М.* Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь, 2018.
- Бехтерев В. М.* Сознание и его границы. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1888.
- Бехтерев В. М.* О локализации сознательной деятельности у животных и человека. СПб.: Изд. Л. Риккера, 1896.
- Бехтерев В. М.* Психика и жизнь. СПб.: Склад изд. К. Л. Риккера, 1902.
- Бехтерев В. М.* Коллективная рефлексология. Петроград: Изд. т-во «Колос», 1921.
- Бехтерев В. М.* Общие основы рефлексологии человека. Руководство к объективному изучению личности. М.—Л.: Государственное издательство, 1928.
- Бехтерев В. М.* Объективная психология. М.: Наука, 1991.
- Бехтерев В. М.* Психика и жизнь. Избранные труды по психологии личности в двух томах. Т. 1. СПб.: Алетейя, 1999.
- Мироненко И. А.* Российская психология в пространстве мировой науки. СПб.: Нестор-История, 2015.
- Ribot Th.* The Psychic Life of Micro-Organisms. A Study in Experimental Psychology. Chicago: The Open Court Publishing Company, 1889.
- Richet Ch.* L'Homme et l'Intelligence. Fragments de physiologie et de psychologie. Paris: Ancienne Librairie Germer Baillière et c'e Félix Alcan, Éditeur, 1884.
- Richet Ch.* Essai de Psychologie Générale. Paris: Ancienne Librairie Germer Baillière et C. Félix Alcan, éditeur, 1887.
- Richet Ch.* Traité de métapsychique. Paris: Librairie Félix Alcan, 1922.

Richet Ch. L'Avenir et la premonition. Paris: Editions Montaigne Ferrand Aubier, éditeur, 1931.
Wolf S. Brain, mind and medicine: Charles Richet and the origins of physiological psychology.
New Brunswick—London: Transaction Publishers, 1993.

Reference to the phrase “psychic life” in the works of Ch. R. Richet and V. M. Bekhterev

S. A. Gilmanov

Yugra State University, Khanty–Mansiysk

The article, based on the analysis of the use of the phrase “psychic life” in the works of V. M. Bekhterev and Ch. R. Richet, reveals the specifics of the evolution of their scientific views and their place in modern psychology. Both researchers retained their physiological beliefs, but Richet, delving into the study of the mysterious manifestations of the psyche, relates mental life only to the physiology of the individual, and for Bekhterev it is dispersed in individual and social life as a whole. Therefore, Richet is almost not mentioned by psychologists today, and Bekhterev is considered one of the founders of Russian social psychology.

Keywords: history of psychology, psychic life, V. M. Bekhterev, Ch. R. Richet, reflexology, metapsychics, reflex.

Ирина Стрелкова: К вопросу становления позитивной психологии в Саратове

А. А. Голованова, Н. М. Голубева

*Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов,
ann-gola@mail.ru, crape@live.ru*

Представлен психологический портрет и жизненный путь одного из ярких представителей саратовской психологической школы – Ирины Эмильевны Стрелковой. Приводится обзор теоретических проблем, которые затрагивала Стрелкова в своей научной деятельности. Жизнь Ирины Эмильевны была тесно связана с Саратовским университетом, где она проявила себя как блестящий педагог, куратор и ученый. Обозначается ее влияние на развитие интереса к социально-психологическим исследованиям в саратовской научной среде. Выявлена связь работ Стрелковой с позитивной психологией личности.

Ключевые слова: И. Э. Стрелкова, саратовская психологическая школа, история саратовской психологии, социальная психология, коммуникативная креативность, позитивная психология, научное руководство, кафедральное сотрудничество.

Ирина Эмильевна Стрелкова (15.06.1930–31.10.2014) — один из ярких представителей четвертого поколения саратовской психологической школы, блестящий педагог и увлеченный исследователь.

Саратовская психологическая школа в своем становлении и развитии прошла несколько этапов, в которых отразились и общие исторические реалии, и специфика провинциального вуза, и политические и идеологические тенденции, реформирующие систему отечественного высшего образования, и меняющийся статус науки, когда общественно значимое положение психологии в нашей стране то утрачивалось, то восстанавливалось. И фигура Стрелковой в этом смысле уникальна, поскольку она выступала своеобразным связующим звеном между разными плеядами саратовских психологов.

Причастность к первому и второму поколению саратовских ученых-психологов она унаследовала по рождению. Ее отцом был Эмиль Львович Беркович, ученик и преданный последователь С. Л. Франка и А. А. Крогиуса, заложивших фундамент саратовской психологии. После окончания философского факультета СГУ в 1922 г. Эмиль Львович, наряду с другими способными и увлеченными однокурсниками Г. П. Ивановым и Н. В. Касаткиным, остался на кафедре психологии, возглавляемой А. А. Крогиусом. Э. Л. Беркович отстаивал, укреплял и передавал студентам традиции и идеи петербургской психологической школы (и С. Л. Франк, и А. А. Крогиус в свое время приехали в Саратов из Петрограда). В конце 1920-х—начале 1930-х годов развернулась волна кампании по идеологической борьбе с «реакционной», «буржуазной», еще дореволюционной профессурой и осуществлялась замена ее на новые советские научные кадры. Большие ученые и их соратники были сознательно и целенаправленно лишены мест работы. И Франк, и Крогиус, и их ученики покинули Саратов — они были вынуждены уехать на периферию страны (Г. П. Иванов — в Благовещенск, Н. В. Касаткин — в Томск, Э. Л. Беркович — в Таджикистан). В военный и послевоенный период Беркович с семьей живет и работает в Оренбурге. Но дочь Ирина в 1947 г. поступает именно в Саратовский университет, возвращаясь в alma mater отца и связывая с ним всецело до последних дней свою жизнь. Ее становление как педагога и психолога проходило в иной научной обстановке под влиянием наставников уже другой формации, но Ирина Эмильевна сохранила и, может быть, неосознанно транслировала своим ученикам и коллегам и те почти утерянные традиции европейско-петербургской психологической школы, ту высокую научно-исследовательскую планку, особую академическую культуру и интеллигентный стиль взаимодействия преподавателя и студента, которые долгое время были свойственны российскому высшему образованию. Не так давно на одном из интернет-сайтов, где студенты разных вузов оставляют комментарии, делятся своими впечатлениями о преподавателях, создавая их неформальный рейтинг, обнаружился такой студенческий отзыв об Ирине Эмильевне: «Икона содержания и стиля: культура, порядочность, честность, любовь к предмету, эстетика, уникальность личности».

Ирина Эмильевна Стрелкова окончила отделение логики, психологии и русского языка филологического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского в 1952 г. Это был первый выпуск набора по специальности «Логик, психолог, филолог». Соответственно для нашего города это был первый опыт профессиональной психо-

логической подготовки специалистов, на плечи которых легла огромная ответственность первопроходцев.

Год после окончания Стрелкова работала в одной из саратовских школ, преподавая логику и психологию (в то время этот предмет был введен как обязательный в программу советских школ). Затем поступила в аспирантуру по кафедре психологии Саратовского педагогического института, где училась, вела научные исследования и писала диссертацию под научным руководством профессора И. В. Страхова. После успешной ее защиты в 1967 г. в Москве Ирине Эмильевне было присвоено ученое звание кандидата педагогических наук (по психологии). Оппонентом по ее диссертации (как и у ее отца в 1939 г.) выступил известный ученый профессор Н. Ф. Добрынин. Здесь снова проявляется преемственность научных идей и традиций уже третьего поколения саратовских психологов — В. С. Мерлина и И. В. Страхова. Именно Ивану Владимировичу Страхову, непосредственному наставнику Стрелковой, удалось, как считают многие историки науки, создать в Саратове самобытную авторскую психологическую школу, которая включалась органичной частью в советскую психологическую науку того времени.

В Саратовском университете Стрелкова начала работать в 1957 г. Являясь преподавателем кафедры педагогики и психологии, читала курс психологии студентам разных факультетов. А с 1971 г., когда в СГУ было организовано отделение психологии и кафедра психологии стала выпускать специалистов собственно психологического профиля, она вложила много сил в создание и преподавание базовых и специальных курсов по введению в психологию, социальную психологию, психологию личности и др., семинары и спецсеминары, курирование педагогических и преддипломных практик студентов. Активная научно-исследовательская работа Стрелковой вылилась в солидный список (около 100 позиций) публикаций и руководство курсовыми и дипломными проектами студентов.

Почти вся ее научная деятельность была посвящена проблемам личности и межличностного взаимодействия. Преподаваемый ею курс социальной психологии посещался студентами с огромным рвением.

А.Л. Южанинова, одна из ее близких учениц, выделяет три периода в научных исследованиях Стрелковой (Южанинова, 2018).

Первый период связан с темой диссертационного исследования, посвященного психологии подростка и пониманию подростками дружбы и дружеского общения. Сама диссертация носила название «Психология дружбы школьников-подростков». Но впоследствии эти исследования охватили и студенческий возраст. Совместно с Р.Г. Селивановой и А.Л. Южаниновой исследовались особенности дружеского общения в студенческой среде (Стрелкова, Южанинова, 1992). Переживания любви и дружбы относятся к числу важнейших личностных переживаний, которыми занимается современная позитивная психология. Этот вид отношений является самоценным и связан с созданием гибкой социально-перцептивной системы. Гуманистическая направленность этих исследований пробудила и активизировала интерес ученого к тому, как устанавливаются и развиваются многовариантные способы коммуникативного поведения, как возникает интерес к другому человеку и какова роль творческой активности как личностной характеристики индивида в создании эффективной коммуникации. Этот интерес отражался в научном редактировании серии межвузовских сборников

по социально-психологической тематике «Личность, коллектив и проблемы воспитания».

Второй период научной деятельности условно назван когнитивистским. Совместно с коллегами и учениками (А.А. Головановой, Л.А. Кирилловым, А.Л. Южаниновой и др.) в организованном Стрелковой творческом научном коллективе исследовались такие вопросы психологии, как социальное познание, коммуникативная компетентность, эмпатия, стили общения, интеллектуальная, личностная и межличностная креативность. Благодаря этой работе активно развивалось уникальное направление исследований — коммуникативная креативность, в рамках которого разрабатывались темы творческого потенциала в межличностном общении, проблемы его диагностики, проявления социальной креативности в конфликтных ситуациях, роли рефлексивных свойств в развитии социальной креативности личности, исследовались взаимосвязи локуса контроля, самооценки, психологического благополучия, самоактуализированности с характеристиками творческой межличностной коммуникации (Стрелкова, Голованова, 2004).

Стрелковой были предложены интересные и продуктивные способы и приемы диагностики характеристик социальной креативности: способности к продуцированию большого количества вариантов поведения, реагирования в ситуациях межличностного взаимодействия, гибкости в изменении реагирования, использования разных приемов и тактик поведения, новизны и необычности идей, нестандартности отношения к коммуникативным ситуациям и т. д. (Стрелкова, 1991).

Третий этап развития научных интересов Стрелковой, по мнению Южаниновой, был связан с исследованием самоотношения личности, внутреннего диалога, рефлексивности, самонаправленного внимания, структуры «Я-концепции» и устойчивых и динамичных характеристик отношения человека к себе. Продвигалась идея о том, что особенности внутренней динамики самосознания, структура и специфика отношения личности к собственному Я оказывают регулирующее влияние на все стороны поведения человека, играют важную роль в постановке и достижении целей, в установлении межличностных отношений, в способах разрешения кризисных ситуаций, в адекватной включенности субъекта в разнообразные социальные процессы. Исследовалась роль различных структурных компонентов самоотношения, в частности, было доказано, что для формирования творческой личности имеют значение такие характеристики, как уверенность в себе, вера в свои способности, в возможность реализации собственных мотивов и целей, высокий уровень притязаний, социальная смелость, отсутствие внутренней напряженности, склонность к риску, широта восприятия, легкость переключения и самостоятельность (Стрелкова и др., 1995). Несомненно связь этого направления исследований с одним из важных фокусов позитивной психологии — зрелой идентичностью. Именно отчетливое осознание собственного Я как внутреннего стержня, интегрирующего и организующего личность со всеми ее отношениями, деятельностью и общением, формирует способность управлять своими эмоциями и переживаниями, обеспечивает высокие показатели саморуководства и снижает внутреннюю конфликтность, обеспечивая психологическое благополучие.

Можно считать, что И. Э. Стрелкова одной из первых стала разрабатывать идеи позитивной психологии, хотя самим этим понятием в нашей стране еще 15–20 лет назад широко не пользовались. Анализируя тематику ее исследовательских работ разных лет, становится понятно, что и в человеческих отношениях (понимании дружбы и особенностей дружеского общения в среде школьников и студентов), и в межличностной перцепции, и в проявлениях творческого потенциала человека, и в особенностях самоотношения личности Стрелкова искала и акцентировала как раз то, что усиливает человека, опирается на здоровую часть его личности, что способствует более легкой и успешной адаптации в обществе, раскрытию потенциала и способностей, успешности и комфортности в общении — все, что способно «расцветить» и облагородить человеческую жизнь. Например, в период ее активного научного интереса к проблемам креативности, мыслительной и социальной, мы, ее студенты, анализировали в том числе и подходы, трактующие «гениальность и безумие» как тесно связанные явления. Но в диалогах с Ириной Эмильевной как с научным руководителем неизменно тактично и аргументированно звучала ее позитивистская установка на «плюсовые» эффекты креативного мышления и общения людей, их способность подчеркнуть неповторимость и уникальность личности, повысить вариативность, продуктивность, гибкость, оригинальность человеческих идей и контактов, вызывать положительные эмоции от такой активности, устремлять человека к удовольствию от саморазвитию. Она была примером научной добросовестности и тщательности, учила выработке собственного непредвзятого взгляда на проблему. Творчество было не только темой ее исследований, но и ее способом жить. Думается, что такие взгляды, убеждения и ценности отражали позитивность натуры самой Ирины Эмильевны. Она всегда была терпима к недостаткам студентов и умела увидеть и подчеркнуть их сильные стороны, оказывать поддержку, учесть контекст жизненных обстоятельств, что свидетельствует об изначально уважительном отношении к личности другого человека. Для нее была совершенно не характерна свойственная отечественной педагогике концентрация на ошибках и их исправлении, она всегда замечала и подчеркивала именно достоинства. Это касалось и письменных работ, и устных ответов, и даже стиля академической самоорганизации, может быть, не самых прилежных студентов. Могла ненавязчиво, без малейшего давления привлечь к работе, исследованию. Как человек цельный и самодостаточный, она была способна удерживать корректную дистанцию, но если видела в человеке единомышленника, заинтересованного и приятного собеседника — ее дом, ее семья были гостеприимны и доброжелательны, ее время и силы были открыты и доступны. Несмотря на серьезную разницу в возрасте и опыте, с некоторыми учениками устанавливались и поддерживались поистине дружеские отношения. К проблемам своих хороших знакомых всегда была внимательна и отзывчива, не оставляла без поддержки, реальной помощи или, как минимум, ценного совета.

Ирина Эмильевна была вполне реалистичным человеком, умным, опытным, прожившим сложную, насыщенную жизнь, хорошо понимающим и трезво оценивающим неоднозначную природу человека. Но со стороны всегда казалось, что сама она и ее жизненный стиль излучают оптимизм.

- Стрелкова И. Э.* Проблема диагностики коммуникативной компетентности учителя // Страхов В. И. Психологическое обеспечение подготовки будущих учителей. Саратов: Изд-во Саратовского ордена «Знак Почета» гос. пед. ин-та им. К. А. Федина, 1991. С. 40–43.
- Стрелкова И. Э., Голованова А. А.* Психологический портрет социально креативной личности // Материалы Тринадцатых Страховских чтений: Сб. науч. трудов. Саратов: Изд-во Саратовск. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 2004. С. 9–24.
- Стрелкова И. Э., Кириллов Л. А, Иванкина Н. М.* Роль рефлексивных свойств в развитии социальной креативности личности // Вопросы практической психологии. Вып. 2. Саратов: Изд-во Саратовского ордена «Знак Почета» гос. пед. ин-та им. К. А. Федина, 1995. С. 42–44.
- Стрелкова И. Э., Южанинова А. Л.* Проблема творческого потенциала в межличностном общении студентов // Психологическое исследование: психические состояния, характерология, педагогический такт и творчество: Материалы Вторых Страховских чтений: Сб. науч. трудов. Саратов: Изд-во Саратовск. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 1992. С. 117–120.
- Южанинова А. Л.* История саратовской психологической школы в лицах. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2018.

Irina Strelkova: forecast of positive psychology in Saratov

A. A. Golovanova, N. M. Golubeva

Saratov State University, Saratov

The article presents the psychological portrait and life path of one of the brightest scientists of the Saratov psychological school – Irina Emilievna Strelkova. An overview of the theoretical problems that Strelkova touched upon in her scientific biography is given, and it is shown that her individual personality traits are embodied in the topics of her research. The authors show that Irina Emilievna's life was closely connected with psychology and Saratov University, where she showed herself as a brilliant teacher, curator and scientist. Her research influenced the development of interest in social psychology in the Saratov scientific environment and the building a culture of scientific studies. There is a connection between the works of I. E. Strelkovaya with such a modern area of scientific interests as positive personality psychology.

Keywords: I. E. Strelkova, Saratov psychological school, history of Saratov psychology, social psychology, communicative creativity, positive psychology, scientific guidance, department cooperation.

Энергоинформационный подход в комплексных исследованиях человека в школе Б. Г. Ананьева

Л. А. Головей

СПбГУ, Санкт-Петербург, lgolovey@yandex.ru

Представлены исследования, выполненные в русле энергоинформационного подхода к анализу психических явлений. Принципы этого подхода сформулированы и эмпирически проверены психологами Санкт-Петербурга под руководством Б. Г. Ананьева. Показаны результаты применения энергоинформационного подхода к изучению деятельности в стрессовых ситуациях и в разные периоды онтогенеза. Описаны соотношения энергетических показателей с продуктивностью деятельности. Представлены исследования, выявившие увеличение роли горизонтального контура регулирования в ситуациях стресса и в период геронтогенеза.

Ключевые слова: история психологии, нейропсихическая регуляция, энергия, информация, асимметрия, стресс, возраст.

Введение

Теоретическая задача психологии как науки состоит в изучении психических явлений как частных следствий физических, биологических, физиологических, социальных и других законов действительности. Исходя из этого следует понимать психические явления в качестве одного из частных проявлений общих законов природы и общества. Энергетика живого организма является наиболее общей характеристикой суммарного обмена веществ и мерой всех многочисленных форм деятельности. Информационные аспекты психических явлений проявляются в разнообразных феноменах успешности и продуктивности деятельности. В то время как изучению связей между энергетическими показателями и продуктивностью движений и действий посвящены фундаментальные работы физиологов (Виноградов, 1965; и др.), в отношении психических явлений энергоинформационный подход психологами применялся крайне редко.

Первые исследования с использованием принципов энергоинформационного подхода были выполнены психологами петербургской психологической школы под руководством Б. Г. Ананьева (подробнее о нем см.: Головей и др., 2017; и др.), начиная с 1963 г. С тех пор этот подход стал характерным для представителей школы. В одной из работ, посвященных энергоинформационному подходу, Л. М. Веккер и И. М. Палей пишут о наличии трех групп факторов, свидетельствующих о присутствии энергоинформационных соотношений в психических явлениях. На уровне сенсорно-перцептивной организации это отношения между силовыми параметрами стимулов и количественно-качественными показателями реакций и процессов (ощущений, восприятий, представлений, эмоций, мышления). В отношениях между психическими и нервнофизиологическими явлениями это факты, свидетельствующие об активирующих функциях рети-

кулярной формации и подкорковых структур, о влиянии тонуса коры на эффективность познавательных функций и других форм деятельности. Третья группа фактов указывает на многочисленные связи между содержательными (познавательными) и динамическими (эмоционально-волевыми) психическими процессами (Веккер, Палей, 1971).

Одним из факторов, побудивших интерес к энергетическим механизмам нервной системы в России, стала работа А. Р. Лурии о существовании трех блоков в ЦНС: энергетическом, блоке приема и переработки информации, блоке смысловой регуляции деятельности (Лурия, 1966). В числе показателей энергетического блока (активации) автором были выделены следующие: биохимические или гуморальные сдвиги; сосудистые; кожно-гальванические рефлексы; изменения мышечного тонуса. Б. Г. Ананьев называл этот блок основным или вертикальным контуром регуляции. В 1963 г. он выдвинул идею о том, что наряду с вертикальным, основным, существует дополнительный, горизонтальный, контур билатерального регулирования, который выполняет энергетические и информационные функции в зависимости от характера текущей деятельности, при этом латеральное доминирование носит относительный, многозначный и временный характер. Он говорил о том, что в каждый момент времени происходит перераспределение функций между полушариями, при котором каждое из них принимает на себя преимущественно то энергетическую, то информационную функцию. Исходя из этих предположений, горизонтальный контур может рассматриваться как энергоинформационный механизм распределения во времени моментов активности правого и левого мозга. Это происходит в зависимости от воздействующего объекта, задачи, стоящей в данный момент перед человеком. Такой механизм повышает гибкость управления текущей деятельностью и способствует ее большей эффективности (Ананьев, 1963). Б. Г. Ананьев писал: «Мы пришли к выводу, что большие полушария образуют билатеральную систему регулирования процессов жизнедеятельности и поведения» (Ананьев, 1969, с. 244). «Большие полушария не только потребляют, но и производят энергию, во всяком случае, часть ее, необходимую для их рефлекторной, аналитико-синтетической деятельности» (там же, с. 247). Основными проявлениями функционирования горизонтальной системы регулирования являются изменения асимметрии различных функций организма.

Б. Г. Ананьев полагал, что вертикальная и горизонтальная системы действуют совместно, однако горизонтальная система «приобретает все большее значение в процессе эволюции человека. Это объясняется тем, что, на наш взгляд, *прогресс регулирования неразрывно связан с совершенствованием процессов отражения и активной ориентировкой организма в окружающем мире*» (там же, с. 244). Он доказывает это положение на примере исследований сотрудников лаборатории, результаты которых показывают фазный характер постепенного становления, стабилизации и увеличения асимметрий психомоторной, зрительной и других систем в разные возрастные периоды.

Задумывая и планируя *комплексные исследования человека*, в 1963 г. Б. Г. Ананьев сформулировал его основные принципы: структурной и временной целостности; комплексности, т. е. одновременного изучения всех уровней психологической структуры человека: индивидуального, субъектного, личностного (см.,

например: Головей, Журавлев, 2019; Методология комплексного человекознания..., 2008; и др.). Обязательными приемами комплексного исследования, с его точки зрения, должны быть: изучение явлений в их взаимосвязях, сочетание лонгитюдинального метода с методом возрастных поперечных срезов, а также исследование человека в различных состояниях (фоновом, интеллектуальной и эмоционально-интеллектуальной нагрузок). Одной из задач исследования стало изучение особенностей нейропсихической регуляции индивидуально-го развития в разных возрастах и ситуациях деятельности. Для решения этих задач исследовались параметры функционирования парных органов и систем с последующим вычислением коэффициентов асимметрии. Благодаря такой организации исследований впервые удалось получить уникальные факты о взаимодействии вертикального и горизонтального контуров регулирования, о соотношении информационных и энергетических показателей функционирования человека на всех уровнях его структурной организации, на разных этапах онтогенеза и в различных состояниях. Высокую значимость для изучения психологии состояний человека имеют результаты эмпирических исследований энергоинформационных соотношений в различных ситуациях деятельности. Следует отметить, что психология состояний в 1960-е годы только начинала свое развитие.

Б. Г. Ананьев обозначил эту проблему в контексте решения вопроса о ресурсах и потенциалах человека. Возникновению идей о необходимости изучения ресурсов послужила его работа в госпиталях в 1942–1943 гг., где он занимался восстановлением психических функций раненых. Позднее он говорил о том, что нет более великой проблемы, чем проблема человеческих возможностей, и о том, что человек может всё. Он рассматривал ресурсы и резервы с позиций целостного изучения человека и говорил о необходимости и возможности более полного их использования в процессе воспитания и развития.

Энергетические и информационные показатели психических явлений

При подготовке комплексных исследований была проведена работа по определению систем энергетических и информационных показателей для разных уровней индивидуальности. Системы взаимосвязей соматических характеристик и реактивности организма измерялись по параметрам частоты сердечных сокращений, оксигенации крови, основного обмена. Эти параметры функционирования организма сопоставлялись с продуктивностью мнемических и интеллектуальных характеристик Г. И. Акиншиковой. Обнаруженные ею связи свидетельствуют о вовлеченности обменных процессов в интеллектуальную деятельность в фоновом состоянии и об увеличении энергетических показателей функционирования организма в условиях напряженной деятельности (Акиншикова, 1969). В отношении нейродинамических показателей основная теоретическая работа была проведена И. М. Палеем. Опираясь на исследования зарубежных и отечественных нейрофизиологов и психологов, он дает теоретическое обоснование показателей активации мозговых структур и вариантов их соотношения с психофизиологической продуктивностью, выделяет и описывает возможные закономерности

их взаимосвязей и правомерность их применения для оценки индивидуальной и возрастной изменчивости (Палей, 1971).

Эмпирические измерения Б. С. Одерышева и В. Д. Балина, проведенные под его руководством, выявили ряд закономерностей. Так, сопоставления уровня активированности нервной системы по показателям величины латентных периодов сенсомоторных реакций на звуковые сигналы минимальной и максимальной интенсивности с продуктивностью решения интеллектуальных задач из теста Векслера позволили обнаружить два вида взаимосвязей. В одной группе испытуемых была выявлена положительная линейная связь, при которой увеличение энергетической составляющей сопровождалось повышением успешности решения задач. Для другой группы характерной оказалась инвертированная U-образная зависимость, соответствующая закону Йеркса—Додсона и свидетельствующая о том, что как при крайне низком уровне активации, так и при крайне высоком продуктивность ниже, чем при среднем уровне, т. е. оптимальным для данной группы является средний уровень активации.

Такого же рода связи между активацией и продуктивностью обнаружены в исследовании, в котором в качестве показателя активации брались характеристики L-ритма, сопоставление проводилось с продуктивностью решения мнемических и вербально-логических задач разной степени сложности. Соотношение по типу инвертированной U-образной зависимости выявлено и на личностном уровне при сопоставлении силы мотива и успешности решения задач (Веккер, Палей, 1971). Позднее были получены доказательства взаимосвязей асимметрии полушарий (по уровню десинхронизации L-ритма) с модальностной структурой эмоциональности. Выявлено, что доминированию страха и дистресса соответствует повышение уровня активации полушарий при сдвиге фокуса активации в лобных долях влево, в затылочных — вправо (Палей, 1983).

Особенности подхода к изучению психомоторной организации в исследованиях лаборатории Б. Г. Ананьева был охват всех уровней организации человека как субъекта деятельности от спонтанных автоколебательных движений, микродвижений, уровня отдельного действия до смысловой сложноорганизованной деятельности. В структуре психомоторных показателей были выделены два блока: энергетический блок, включивший показатели силы, тремора, спонтанной двигательной активности и блок показателей времени и точности выполнения двигательных задач — блок продуктивности. Выявлено большое количество межфункциональных связей психомоторики с показателями гемодинамики, температуры кожи, интенсивности потоотделения, что подтверждает предположение об энергетической функции ряда психомоторных характеристик (Розе-Грищенко, Головей, 1981). Масштабное исследование интеллектуального потенциала, направленное на изучение роли разноуровневых регуляторных систем в его функционировании, проведено в 1990-е годы на выборках подростков. В этом исследовании в качестве энергетических характеристик рассматривались показатели пульса, температуры тела, силы рук, тремора, времени задержки дыхания и показатели асимметрии. Результаты исследования подтвердили наличие многочисленных межфункциональных связей продуктивности интеллектуальной деятельности и энергетических показателей организма и в подростковом возрасте. Получены данные о том, что соотношение познавательных, энергетических и лич-

ностных характеристик определяется особенностями этапа онтогенетического развития, а также условиями и профилем обучения (Интеллектуальный потенциал..., 2003).

Энергоинформационные характеристики в ситуациях напряженной деятельности

Для решения этой проблемы Б. Г. Ананьевым был организован цикл исследований студентов в различных состояниях деятельности: в ситуации экзамена и в ситуации тестирования интеллекта по методике Векслера. Первая ситуация рассматривалась как ситуация преимущественно интеллектуальной нагрузки, она требовала предварительной подготовки, содержание деятельности было известно студентам. Вторая оценивалась как эмоционально-интеллектуальная, поскольку содержание предстоящей деятельности неизвестно, к ней невозможно подготовиться заранее.

В этих исследованиях была сформулирована и доказана идея о терморегуляционном эффекте интеллектуального напряжения, о том, что не только физический, как это считалось в те времена, но и интеллектуальный труд требует энергетических затрат. Сотрудниками лаборатории Н. А. Логиновой, К. Д. Шафранской, Т. Д. Ганюшкиной было произведено более 6000 замеров температуры кожи лба, ладоней рук, правого и левого висков до и после экзамена и тестирования. Сопоставление сдвигов кожной температуры показали, что оба состояния сопровождаются усилением теплообразования и изменениями асимметрии показателей. На основании этого был сделан вывод: «Усиленное теплообразование является эффектом интеллектуального напряжения и установочной реакцией в состоянии эмоционального напряжения» (Ананьев, 1971).

В ситуациях напряженной деятельности отмечалось повышение артериального давления, частоты пульса, увеличение оксигенации крови. В психомоторных показателях отмечено уменьшение спонтанной двигательной активности, тремора, которые проявили заметно более высокую реактивность, чем пульс, артериальное давление, температура кожи. На фоне снижения уровня «энергетических» показателей психомоторики выявлено увеличение коэффициентов асимметрии в движениях всех уровней (Розе-Грищенко, Головей, 1981). Исследование позволило выявить связи между биохимическими, вегетативными, психомоторными показателями с рядом темпераментных и личностных характеристик: экстраверсией, нейротизмом, тревожностью (личностной и ситуативной), уровнем мотивации и с субъективными показателями состояний (самочувствием, активностью, настроением). Обнаружено усиление межфункциональных связей между энергетическими, темпераментными и личностными характеристиками и появление новых связей, не отмечавшихся в фоновых условиях деятельности. Эти связи свидетельствуют о том, что деятельность в сложных условиях обеспечивается работой всех систем организма, начиная с биохимических процессов и включая процессы высшего кортикального уровня. Показано, что изменения в системах энергетического обеспечения деятельности определяются не только самой ситуацией деятельности, они начинаются до начала этой деятельности и продолжаются после ее окончания, когда происходит рефлексия и оценка результата.

В этих исследованиях впервые были установлены половые различия реактивности, заключающиеся в том, что девушки были более реактивны перед началом и в процессе ситуации, юноши — позже включались в ситуацию, максимальных цифр их реактивность достигала после окончания ситуации, когда у них отмечались более высокие значения, чем у девушек.

Обобщая и комментируя результаты исследований в разных ситуациях деятельности, Б. Г. Ананьев выделил два основных момента. Первый из них связан с усилением асимметрий в парных показателях, что демонстрирует пластичность механизма билатерального регулирования и функцию перераспределения ресурсов в соответствии с выполняемой деятельностью. Это способствует усилению энергетического обеспечения деятельности. Второй факт связан с получением данных, свидетельствующих о том, что более высокий интеллектуальный уровень характеризуется не только более высокими уровнями внимания и продуктивности умственной работы, но и меньшими энергетическими затратами организма на процесс умственной деятельности, т. е. более эффективной, экономной регуляцией. Это подтвердило идею Б. Г. Ананьева об одаренности как важнейшем ресурсе и потенциале человека, позволяющем достичь высоких результатов в деятельности с наименьшими затратами. Степень вовлеченности энергетических ресурсов организма в обеспечение интеллектуальной деятельности ученый назвал «ценой интеллектуального напряжения», этот термин появился впервые в комплексных исследованиях.

Результаты исследований психологии состояний, начатые Б. Г. Ананьевым и его сотрудниками, подтверждаются данными современных работ. Так, в комплексном исследовании повседневных стрессоров, проведенных сотрудниками СПбГУ, показано, что увеличение количества воспринимаемых стрессоров сопряжено с выраженными изменениями уровня оксигенации крови, преждевременным старением сосудов, гемодинамическими изменениями, изменениями показателей реактивности нервной системы и повышением стрессовой напряженности по субъективным оценкам испытуемых (Petraash et al., 2019).

В изучении интеллектуального потенциала детей и подростков с позиций энергоинформационного подхода в конце 1990-х годов усилиями учеников Б. Г. Ананьева было создано новое направление — *экологическое*. Это исследование вызвано нуждами практики и связано с аварией на Чернобыльской АЭС. Группа исследователей под руководством Н. А. Кудрявцевой предприняла пять экспедиций в районы радиационного загрязнения. Результаты исследований развития детей, проживающих на загрязненных радиацией территориях, показали достоверное снижение продуктивности интеллектуальных функций. У детей выявлена низкая продуктивность функций при нагрузках, в показателях психомоторики отмечается сниженная мышечная сила, низкая способность поддержания статического мышечного напряжения и темпа деятельности, нарушение регуляции графических движений рук. Все это свидетельствует о том, что снижение продуктивности познавательных функций происходит на фоне ослабления механизмов их энергетического обеспечения (Интеллектуальный потенциал..., 2003).

Нейропсихическая регуляция индивидуального развития

Не менее важной в русле энергоинформационного подхода была задача изучения особенностей нейропсихической регуляции индивидуального развития. В этих циклах исследования удалось показать, что в школьные годы происходит становление механизмов билатерального регулирования, что проявляется в усилении асимметрии в показателях перцепции и сглаживание ее в психомоторике. В этот же период происходит становление индивидуального типа межполушарных отношений. На примерах слуховой и зрительной стимуляции выявлено четыре типа: правополушарный, левополушарный, адекватный, неадекватный. Для взрослого периода развития характерно постепенное «подтягивание» функций левой руки, благодаря чему происходит сглаживание асимметрии полушарий. В исследованиях того времени показано влияние учебной и профессиональной деятельности на развитие межполушарных отношений (Онтопсихология, 2003).

Изучение энерго-информационных отношений в периоде поздней взрослости и старения показало, что ослабление активирующих влияний подкорковых структур сочетается с усилением асимметрий в деятельности парных органов и полушарий (Александрова, 1974). Эти исследования подтвердили гипотезу Б. Г. Ананьева о двух типах старения: конвергентном и дивергентном. При конвергентном типе старения происходит нарастающее снижение активности вертикального контура регуляции, на фоне этого снижается продуктивность всех видов деятельности и утрачивается трудоспособность. При дивергентном типе старения на фоне ослабления вертикального контура происходит наращивание уровня функционирования межполушарных взаимодействий, эффектом которого является удлинение периода сохранности функций и сохранения трудоспособности. Ананьев писал: «В этих случаях имеет место... воспроизводство мозговых ресурсов и резервов в процессе самой нервно-психической деятельности человека как личности, субъекта труда, познания и общественного поведения» (Ананьев, 1969, с. 275). Впоследствии правомерность этих высказываний была подтверждена работами Л. Н. Кулешовой, показавшей, что степень сохранности трудоспособности определяется не только возрастом, но и активностью личности (Кулешова, 2003). Это подтверждают и новейшие исследования, вводится понятие «геротрансцендентность» для обозначения активизации ресурсов в процессе старения (Стрижицкая, 2019).

Заключение

Таким образом, энергоинформационные соотношения в структуре нейропсихической регуляции человека можно рассматривать как систему регуляции возрастного и индивидуального развития, значимость которой возрастает в периоды напряженной деятельности человека и в поздние периоды онтогенеза. Результаты исследований с использованием энергоинформационного подхода находят применение в практике воспитания и обучения, важны для поддержания трудоспособности человека.

- Акинщикова Г. И.* Телосложение и реактивность организма человека. Л.: ЛГУ, 1969.
- Александрова М. Д.* Проблемы социальной и психологической геронтологии. Л.: ЛГУ, 1974.
- Ананьев Б. Г.* Билатеральное регулирование как механизм поведения // Вопросы психологии. 1963. № 5. С. 9–16.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1969.
- Ананьев Б. Г.* Интеллектуальная деятельность и терморегуляция // Возрастная психология взрослых (теоретическая и прикладная): Тезисы докладов к научной конференции 27–29 октября 1971 г. / Под ред. Б. Г. Ананьева. Вып. 3. Л., 1971. С. 75–84.
- Веккер Л. М., Палей И. М.* Информация и энергия в психическом отражении // Ученые записки ЛГУ. Сер. «Психологические науки». Вып. 3. Экспериментальная и прикладная психология. Л.: ЛГУ, 1971. С. 61–66.
- Виноградов М. И.* Энергетика мышечного напряжения // Достижения современной физиологии нервной и мышечной системы. М., 1965.
- Головей Л. А., Журавлев А. Л.* Комплексные исследования человека в научной школе Б. Г. Ананьева: разработка проблемы индивидуальности // Историческая преемственность в отечественной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 268–276.
- Головей Л. А., Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В.* Б. Г. Ананьев и междисциплинарные исследования в психологии (к 110-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 108–117.
- Интеллектуальный потенциал человека: проблемы развития / Под ред. А. А. Крылова, Л. А. Головей. СПб.: СПбГУ, 2003.
- Кулешова Л. Н.* Профессиональная переориентация и трудоспособность человека // Онтопсихология: Учебное пособие / Под ред. А. А. Крылова, Е. Ф. Рыбалко. СПб.: СПбГУ, 2003. С. 239–247.
- Лурия А. Р.* Высшие психические функции. М., 1966.
- Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Онтопсихология: Учебное пособие / Под ред. А. А. Крылова, Е. Ф. Рыбалко. СПб.: СПбГУ, 2003.
- Палей И. М.* О соотношении активации и продуктивности психофизиологических функций в связи с изучением их индивидуальной и возрастной изменчивости // Возрастная психология взрослых (теоретическая и прикладная): Тезисы докладов к научной конференции 27–29 октября 1971 г. / Под ред. Б. Г. Ананьева. Л., 1971. Вып. 3. С. 13–24.
- Палей А. И.* Соотношение эмоциональных и когнитивных характеристик индивидуальности и их электроэнцефалографические корреляты: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1983.
- Розе-Грищенко Н. А., Головей Л. А.* Динамика психомоторных характеристик индивидуальности в ситуациях напряженной деятельности // Экспериментальная и прикладная психология. Вып. 10. Психические состояния / Отв. ред. А. А. Крылов. Л.: ЛГУ, 1981. С. 149–155.
- Стрижицкая О. Ю.* Геротрансцендентное развитие личности: условия, факторы, социальные эффекты: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. СПб.: СПбГУ, 2019.

Petrash M., Grebenicov V., Strizhitskaya O., Savenysheva C., Murtazina I., Golovey L. The effect of daily stressors on vegetative regulation: the age aspect // The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences (Ep-SBS). LVI. 2019. P. 145–154.

Energy-informational approach in complex research of the B. G. Ananyev school

L. A. Golovey

SPbSU, Saint-Petersburg, lgolovey@yandex.ru

The research of the energy-informational approach to the analysis of mental phenomena is presented. The principles of this approach are formulated and empirically tested by psychologists of St. Petersburg under the leadership of B. G. Ananyev. The results of applying the energy-informational approach to the study of activity in stressful situations and in different periods of ontogenesis are shown. The relations of energy indicators with the productivity of activity are described. The article presents studies that have revealed an increase in the role of the horizontal contour of regulation in situations of stress and in later life.

Keywords: history of psychology, neuropsychic regulation, energy, information, asymmetry, stress, age.

Развитие психологии рекламы в России конца XIX–начала XXI в.¹

О. В. Гордякова

НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», Москва, o_gordyakova@mail.ru

Рассматривается становление и основные этапы развития психологии рекламы в России с конца XIX в. до настоящего времени. На рубеже XIX–XX вв. исследования воздействия рекламы на потребителей проводились в основном в рамках общей психологии и были сосредоточены на изучении психических процессов. Реклама представляла собой однонаправленное воздействие на покупателей, основанное на их некритичном восприятии рекламных стимулов. В 1920-е годы в связи с переходом к плановой экономике коммерческая реклама вытеснялась агитацией и пропагандой. После 70-летнего перерыва исследования в области психологии рекламной деятельности возобновились. Сегодня психология рекламы интегрирована в более широкий круг практических и фундаментальных научных проблем, связанных с изучением многочисленных маркетинговых коммуникаций.

---

1 Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-013-00155-А.

Ключевые слова: история психологии, психологии рекламы, маркетинговые коммуникации, личность потребителя, потребительское поведение, психологическое воздействие, агитация и пропаганда.

Зарождение и развитие психологии рекламы в России на рубеже XIX–XX вв.

Датой возникновения психологии рекламы как отрасли мировой психологии принято считать 1908 г. Это связывают с выходом в свет монографии американского психолога У.Д. Скотта «Психология рекламы» (Шульц, Шульц, 2002). За 10 лет до этого, в 1898 г., в России была опубликована теоретико-аналитическая работа российского исследователя А. Веригина «Русская реклама», в которой говорится о необходимости рекламистам учитывать в общении с аудиторией национальную специфику, а также о «бесперспективности прямого голосового или лексического нажима на российского обывателя». Автор отмечает, что у русской рекламы «должна быть душа», потому что русский человек — это, прежде всего, «душевный человек». Веригин определяет цель рекламы и ее коммуникативную роль: «Обратить внимание возможно большего числа людей на тот или иной факт, на ту или иную мысль, на то или иное лицо. В зависимости от того, что именно несет реклама, к чему возбуждает внимание, что именно проповедует — и может решиться вопрос о ее пользе или вреде. В одном случае она может явиться благодеянием, в другом — бедствием, как и всякое другое орудие цивилизации» (Веригин, 1898, с. 5).

Среди психологов рекламы начала XX в. существовало убеждение, что одним из главных инструментов воздействия рекламы на волю человека с целью создания у него потребности в рекламируемом товаре является суггестия, т. е. считалось, что с помощью внушения можно заставить человека «захотеть» покупать любой товар. В 1925 г. российский исследователь М.А. Мануйлов в книге «Психология рекламы» высказывал эту же точку зрения. По его мнению, «цель рекламы — повлиять на мысль других, выявить их интерес, и побудить купить товар. Реклама, таким образом, занимается чтением мыслей тех людей, к которым она обращается и, следовательно, ее основание находится в науке, которая занимается познанием и определением законов мышления. Наука эта, называемая психологией, учит нас понимать жизнь и чувства индивидуума и той толпы, на которую в данном случае купец хочет повлиять своей рекламой» (Мануйлов, 1925, с. 7).

К началу XX в. эксперимент стал ведущим методом изучения рекламы. Большинство исследований было направлено на изучение психических процессов. Основная цель состояла в том, чтобы выяснить, как различные средства рекламы влияют на мотивацию, мышление, память покупателя. Исследователи и практики выясняли, как сделать так, чтобы реклама привлекала внимание, запоминалась, вызвала положительные эмоции, а значит — была бы психологически эффективной (Лебедев-Любимов, 2002).

Ссылаясь на историков психологии Д. П. Шульц и С. Э. Шульц, А. Н. Лебедев отмечают, что в тот период в рекламных исследованиях преобладала немецкая психологическая традиция. Экспериментальные исследования проводились в полном методологическом соответствии с принципами, которыми руководст-

вовались Фехнер, Вундт, Эббингаус и другие известные немецкие ученые (Лебедев, 2000; Шульц, Шульц, 2002).

Однако в большинстве случаев реклама рассматривалась как одностороннее и однонаправленное воздействие на покупателя, основанное прежде всего на некритическом восприятии рекламных стимулов. Социально-психологические и личностные характеристики рекламиста и потребителя, социально-психологические процессы, нормы, ценности, установки и др., а также влияние культуры на восприятие рекламы и мн. др. изучалось крайне незначительно (Лебедев-Любимов, 2002).

Рекламная деятельность в период НЭПа

Период НЭПа (1920-е годы) можно считать расцветом советской рекламы. Ни до этого момента, ни после НЭПа в СССР не было такого количества рекламы. Мануйлов так описывает то время: «Нужна ли реклама в условиях Советской Республики? <...> не надо забывать, что у нас существует НЭП, и жизнь не налажена еще во всех отношениях <...> отсутствует налаженность в работе аппаратов распределения <...> При этом производитель имеет перед собой колоссальный по количеству и разбросанности рынок потребителя, с весьма пониженной культурой. И к этому потребителю необходимо подойти вплотную, воздействуя на его психику, заинтересовать его фабрикатом, сбывать этот фабрикат ему, удовлетворив тем его потребность и усилив оборот предприятия...» (Мануйлов, 1925, с. 10).

Основным носителем рекламы этого времени является плакат, главной целью — идеологическая пропаганда. Помимо сугубо коммерческой рекламы, большое распространение получает реклама государственных предприятий. Появляется и развивается социальная реклама, которая призывает к отказу от алкоголя, соблюдению здорового образа жизни, правил гигиены, борьбе с пожарами, повышению обороноспособности страны и др. Конкуренция на рынке породила потребность в творческом подходе к производству рекламного плаката. В производстве политического и рекламного плаката работают талантливые поэты и художники того времени. Одним из самых известных новаторов плакатного дела становится В. В. Маяковский, который рассматривал коммерческую рекламу как вид «промышленно-торговой агитации». Важнейшими характеристиками рекламы он считал эмоциональность, лаконичность и эффект прямого действия.

Как известно, в своем творчестве Маяковский широко использовал стихотворные тексты и рекламные слоганы, которые считал «поэзией самой высокой пробы». Услугами объединения «Реклам-конструктор Маяковский-Родченко» пользовались многие государственные предприятия. Благодаря плакатам потребители начали пользоваться непривычными для них услугами, например, такими, как Сберкасса и заказ обеда на дом: «Долой кухарок! Кухарок нет. Я в Моссельпроме заказываю обед», «Кто куда, а я в сберкассу».

Таким образом, на протяжении 1920-х годов советского периода печатная реклама имела агитационную направленность и была в большей степени инструментом открытой пропаганды. Основным механизмом воздействия на потребителя все еще остается суггестия, директивное обращение к потребителю, призывы.

Яркие иллюстрации плакатов повышали эмоциональное воздействие рекламы, ее запоминаемость и, в конечном счете, эффективность.

Исследователи в этот период особое внимание уделяют агитации и пропаганде. В 1923 г. публикуется статья Маяковского «Агитация и реклама», основные положения которой сводились к следующему: «Реклама — это промышленная, торговая агитация» и «оружие, порождающее конкуренцию». Реклама должна быть яркой, образной, удивляющей, запоминающейся, будить эмоции и воображение. «Надо звать, надо рекламировать, чтобы калеки немедленно исцелялись и бежали покупать» — так выражал свои идеи поэт. Необходимо заимствовать опыт зарубежной рекламы, перед которой, как писал Маяковский, «мы еще щенки». Реклама должна создавать «„имя вещи“», поскольку, „увидев на обложке журнала знаменитое имя, останавливаются купить“. Поэтому любую, даже самую лучшую вещь, надо „рекламировать бесконечно“» (Маяковский, 1923, с. 57).

Впервые в российской истории появляются исследования рекламы, где анализируются ее социологические и психологические характеристики, особенности воздействия на различные сегменты аудитории. Широкое заимствование зарубежного опыта способствовало развитию отечественной рекламы, ее теоретическому осмыслению и обоснованию основных функций и особенностей. Следствием научного анализа рекламной деятельности стало появление основ саморегулирования рекламных процессов в советском государстве. В 1929 г. была создана Ассоциация работников рекламы при Союзе журналистов СССР, которая в основном занималась вопросами, связанными с разработкой научно-практических рекомендаций для работников советской рекламы, составлением и обработкой отечественной и зарубежной библиографии по этой тематике. К сожалению, эта тенденция в дальнейшем не получила развития в СССР.

Реклама в СССР

В 1930-е годы окончательно сложилась директивная система управления страной, которая внесла значительные изменения в жизнь советского общества, в том числе и в рекламную деятельность. Был почти полностью упразднен частный сектор в сельском хозяйстве, производстве и торговле и сформирована система централизованного распределения ресурсов, где реклама становилась в принципе ненужной.

Что касается исследовательской деятельности, то здесь перспективы также были нерадужными. Поскольку наука воспринималась властью как инструмент идеологии, многие перспективные направления психологии были свернуты. Психологические исследования в области рекламы ограничивались сугубо утилитарными целями (изучением читаемости прейскуранта и объявлений, условий восприимчивости витрины и др.).

В эпоху СССР рекламная деятельность осуществлялась в основном в области внешней торговли, а результаты каких-либо фундаментальных научных психологических исследований были крайне незначительны. Специалисты в области психологии рекламы, в частности Д. И. Рейтынбарг и др., в основном анализировали феномен рекламы в капиталистическом обществе и, как правило, рассматривали его критически (Рейтынбарг, 1931).

Такая ситуация сохранялась вплоть до так называемого периода «оттепели». Одним из первых телероликов стало продвижение кукурузы в 1964 г. (в рамках известной экономической и идеологической концепции Н. С. Хрущева), когда советским гражданам по телевизору показали историю поющего повара, к которому на кухню приходят кукурузные початки и требуют, чтобы блюда из них были включены в меню. Появились первые слоганы государственных предприятий: «Аэрофлот: скорость, комфорт», «Храните деньги в сберегательной кассе».

Наиболее психологичным был способ продвижения товаров, использовавшийся советскими кинематографистами, который сейчас бы назвали «продукт плейсмент». Современным специалистам хорошо известен психологический механизм этого инструмента продвижения в развитом рынке товаров и услуг. Суть его сводится к следующему: отношение к герою, который использует продукт в художественном произведении (фильме, книге и др.), переносится и на отношение к самому товару. Советские режиссеры использовали этот прием, например, в таких кинолентах как «Иван Васильевич меняет профессию», «Спортлото-82», сюжет которого представляет собой рекламу государственной лотереи, «Бриллиантовая рука», где герои уходили от погони на «Москвиче» 408, «Невероятные приключения итальянцев в России», который, по словам режиссера Э. Рязанова, изначально задумывалась как рекламный мини-фильм для «Жигулей», где итальянцы на советской копии «Фиата» лихо разъезжают по Ленинграду, и др.

К концу 1980-х годов в СССР начала формироваться привычная сегодня рекламная отрасль. Психологи вновь обращаются к зарубежным исследованиям рекламы. В связи со стремительным развитием рынка происходит бум рекламного производства. Производители, продавцы, дилеры начинают интересоваться психологией потребителя, что делает актуальными исследования в области психологии рекламы.

Становление психологии рекламы в 1990-е годы

Отечественная реклама 1990-х годов – это уникальный социально-психологический феномен, вызванный переходом отечественной экономики от плановой системы к рыночной. Это период жесткой ломки и формирования новых массовых ценностей, потребительского поведения, изменение мировосприятия и отношения к «своим» и «чужим». Рынок начинает заполняться первыми товарами из-за границы: газированными напитками, жевательной резинкой, шоколадными батончиками. В целом реклама этих товаров носила информационный характер, так как они и без рекламы быстро исчезали с прилавков. Цель этой рекламы часто приобретала идеологический характер: показать гражданам, что некогда чуждая культура теперь не запретна.

В 1990-е годы возобновляются исследования в области психологии рекламы после перерыва приблизительно в 60–70 лет. Практически в одно и то же время публикуется несколько работ российских авторов, посвященных этой проблематике. В 1992 г. выходит брошюра В. Г. Зазыкина «Психология в рекламе», в которой автор с психологической точки зрения анализирует проблемы воздействия рекламы и взаимодействия в системе «реклама–потребитель» (Зазыкин, 1992). В 1995 г. публикуется книга А. Н. Лебедева и А. К. Боковикова «Эксперименталь-

ная психология в российской рекламе» (Лебедев, Боковиков, 1995), где реклама рассматривалась как социально-психологическая установка. Доказывалось, что противоречия между когнитивным, аффективным и поведенческим компонентами рекламы как установки снижают эффективность ее психологического воздействия на потребителей. Рассматривалось не прямое (латеральное) воздействие рекламы на сознание потребителей.

В 1996 г. по инициативе и под руководством А. Н. Лебедева в Институте психологии РАН проводится Первая всероссийская конференция по психологии рекламы (Тезисы докладов..., 1996) и создается Психологическая ассоциация для рекламных исследований (ПАРИ), членами которой становятся известные российские психологи Д. А. Леонтьев, А. Г. Шмелев, С. К. Рошин и др. Позже ассоциация была преобразована в ООО «Психологическое агентство рекламных исследований», которое работало до 2004 г. Приказом директора Института психологии РАН А. В. Брушлинского в институте была создана первая в стране хозрасчетная лаборатория по психологии рекламы, в которой впервые экспериментальными методами изучаются влияние рекламы на целевые и нецелевые группы потребителей и феномен рекламы как социокультурное явление.

В 1995 г. в России был учрежден орган саморегулирования рекламной деятельности — Рекламный совет России (который существовал до 2017 г.), в состав которого входили представители рекламных агентств, рекламодателей, средств массовой информации, общества потребителей, психологи, социологи и др. Основная цель деятельности совета — развитие системы саморегулирования рекламы в России, участие в работе по совершенствованию российского рекламного законодательства, а также экспертиза рекламных материалов, рассмотрение обращений и прецедентов, разрешение спорных или конфликтных ситуаций в рекламе и др. Первым экспертом-психологом в этой организации становится Лебедев, который в рамках деятельности Совета занимался консультированием ряда крупных государственных и общественных организаций России, в частности, Государственного антимонопольного комитета РФ, Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР), Общества потребителей России и др.

К 2000 г. в стране насчитывается более 4000 рекламных, маркетинговых и коммуникационных агентств. На внутренний рекламный рынок России выходят крупные зарубежные агентства, которые проводят прикладные исследования в области рекламы и маркетинговых коммуникаций, привлекают к работе российских психологов (Лебедев-Любимов, 2002).

За время существования хозрасчетная лаборатория психологии рекламы Института психологии РАН и Психологическое агентство рекламных исследований провели большое количество прикладных и научных исследований. Сотрудники лаборатории выступали экспертами в судах, в частности, в иске ОАО «Нэфис Косметикс», выпускающей моющее средство AOS, к компании «Проктер энд Гэмбл», рекламировавшей средство Fairy, используя некорректное сравнение своего средства с товаром конкурента, что не допускается законом о рекламе РФ. Также проводились консультации СМИ, например, холдинга «Совершенно секретно», газет «Версия», «Деловой мир», телеканалов (НТВ и др.), выполнялись исследования для банков («Инкомбанк» и др.), фармацевтических компаний (Джонсон

и Джонсон, Акрихины и др.), торговых компаний «Перекресток», Wimm Bill Dann, «Диал Электроникс», «Сименс» и мн. др.

Лебедевым создаются и в многочисленных исследованиях апробируются психологические методики для тестирования рекламы, такие, как Group Retention Test, с целью оценить степень привлечения внимания и воспроизводимости по памяти отдельных элементов рекламы (рекламы в интерьерах, билборды, этикетки и др.), а также Color Compatibility Test, который представляет собой каталог двуцветных сочетаний, выполненных по принципу «фигура-фон» и позволяет определить несоответствие содержания рекламы (названия бренда, логотипа и др.) с эмоциональными характеристиками выбранного дизайнером цветового сочетания (Лебедев-Любимов, 2002). Результаты исследований публикуются в большом количестве статей и ряде книг. Так, монографии, «Психология рекламы», «Психология в маркетинге: COOL-BRAND стратегия», изданные в издательстве «Питер», до сих пор востребованы в рекламном бизнесе и используются в качестве учебных пособий во многих вузах РФ.

Теоретическая концепция А. Н. Лебедева объясняет поведение целевых и нецелевых групп потребителей на основе механизма рекламы как «коммуникации для коммуникации», феномена трансформации условных рекламных образов в реальное поведение потребителей, механизм неосознаваемого воздействия рекламы на потребителей на основе формально-динамических характеристик рекламного сообщения и др. (Лебедев, 2004).

Заключение

Сегодня традиционная реклама (телевизионная, наружная, в прессе и др.) рассматривается как один из видов маркетинговых коммуникаций. В современной практике их насчитывается более 30, каждая из них имеет свою психологическую специфику воздействия на потребителей (Лебедев, Гордякова, 2015; Ульяновский, 2008). В арсенале инструментов маркетинга появился Интернет, в рамках которого интенсивно развиваются новые технологии продвижения товаров и услуг, в частности, MLM (сетевой маркетинг), SMM маркетинг (продвижение в социальных сетях), нативная реклама, контекстная реклама и др. В связи с этим исследования в области психологии рекламы и маркетинговых коммуникаций не только не теряют своей актуальности, но и становятся более дифференцированными, они направлены на изучение специфики воздействия различных маркетинговых коммуникаций на мотивацию, мышление и поведение потребителей. При этом появляются новые проблемы, представляющие интерес не только для прикладной, но и для фундаментальной науки, в частности, общение в виртуальном пространстве, роль фейков в формировании социальных норм и ценностей, политических взглядов и пр.

В настоящее время нами изучается роль высших социальных эмоций (в частности, чувств стыда и гордости) в системе маркетинговых коммуникаций. Предполагается, что эти эмоции не только влияют на поведение потребителей, но и выступают ее самостоятельными мотивационными факторами. В частности, в результате проведенных исследований было показано, что потребители не всегда осознают и не признают, что чувства стыда и гордости играют существенную роль

в принятии ими решений в процессе приобретения товаров и услуг. Исследования показывают, что мышление и поведение потребителей в условиях воздействия на них различных видов рекламы в современных условиях оказываются социально ориентированными (Лебедев-Любимов, 2002, 2008). Также в настоящее время актуальными становятся фундаментальные и прикладные научные исследования в области социальной и политической рекламы.

Литература

- Веригин А.* Русская реклама. СПб.: Русский труд, 1898.
- Зыскин В. Г.* Психология в рекламе. М.: Дата-Стром, 1992.
- Лебедев А. Н., Боковиков А. К.* Экспериментальная психология в российской рекламе. М.: Академия, 1995.
- Лебедев А. Н.* Две методологические традиции в организации научно-практических исследований и разработок в психологии рекламы // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 4. С. 89–97.
- Лебедев А. Н.* Психология рекламной коммуникации в изменяющемся обществе: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2004.
- Лебедев А. Н., Гордякова О. В.* Личность в системе маркетинговых коммуникаций. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2015.
- Лебедев-Любимов А. Н.* Психология рекламы. СПб.: Питер, 2002.
- Лебедев-Любимов А. Н.* Психология в маркетинге: Cool-Brand-стратегия. СПб.: Питер, 2008.
- Мануйлов М. А.* Психология рекламы. М.: Гос. техн. изд-во, 1925.
- Маяковский В. В.* Агитация и реклама // Товарищ Терентий. 1923. № 14.
- Рейтынбарг Д. И.* Плакат по безопасности труда в СССР и за границей. М.: Соцэкгиз, 1931.
- Тезисы докладов Первой Всероссийской конференции «Психология в рекламе», 24–25 декабря 1996 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
- Ульяновский А. В.* Маркетинговые коммуникации: 28 инструментов миллениума. М.: Эксмо, 2008.
- Шульц Д. П., Шульц С. Э.* История современной психологии. СПб.: Евразия, 2002.

History of the development of advertising psychology in Russia at the end of the XIX–beginning of the XX century

O. V. Gordyakova

Moscow Institute of Psychoanalysis, o_gordyakova@mail.ru

The article considers the main formation and main stages of the development of advertising psychology in Russia from the end of the XIX century to the present. At the turn of the XIX–XX centuries, studies of the impact of advertising on consumers were conducted within the framework of general psychology and were aimed at studying mental processes. Advertising represented a one-way impact on customers based on their uncritical perception of advertising incentives. In the 20s of the twentieth century, about the transition to a planned economy, commercial advertising was replaced by agitation and propaganda. After a 70-year

hiatus, research in the field of advertising psychology has resumed. Today, the psychology of advertising is integrated into a wider range of practical and fundamental scientific problems associated with the study of numerous marketing communications.

Keywords: psychology of advertising, marketing communications, consumer personality, consumer behavior, psychological impact, agitation and propaganda.

Об истории становления клинической психологии детей и подростков в России

Т. Г. Горячева

РНИМУ им. Н. И. Пирогова, ГБОУ ВПО МГППУ, goriatcheva_tg@mail.ru

Н. В. Зверева

ФГБНУ НЦПЗ, ГБОУ ВПО МГППУ, nwzvereva@gmail.com

Представлен анализ истории развития и динамики основных теоретических и практических проблем в области детской клинической психологии (клинической психологии детей и подростков). Прослеживается история ее развития с начала XX в. (деятельность Г. Я. Трошина) до 1970-х годов (работы В. В. Лебединского), обозначены проблемы, которые стоят перед этой областью, рассматривается современное их состояние и особенности научно-практической деятельности клинических психологов, работающих с изменяющимся субъектом — детьми и подростками, обозначены новые аспекты «старых» проблем в связи с ключевыми изменениями социальной культурно-исторической ситуации.

Ключевые слова: детская клиническая психология, история, направления исследования и практики.

Клиническая психология детей и подростков в России имеет те же векторы развития, что и мировая детская клиническая психология, и при этом опирается на глубокие отечественные корни. Не столь важно, какой именно термин используется: клиническая психология детей и подростков, клиническая психология детства, детская клиническая психология, психология аномального развития — все они находятся под влиянием наследия науки и ее современных трендов. Традиции, идущие от отечественного (К. Д. Ушинский, Г. Я. Трошин, Г. И. Россоломо, Ф. Е. Рыбаков, В. П. Кащенко, Н. И. Озерецкий, М. О. Гуревич и др.), в том числе советского и нового российского наследия (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, Г. Е. Сухарева, Т. П. Симсон, Б. В. Зейгарник, С. Я. Рубинштейн, М. С. Певзнер, С. С. Мнухин, В. И. Лубовский, Л. С. Цветкова, К. С. Лебединская, В. В. Лебедин-

ский, А. И. Захаров, В. М. Башина, И. М. Никольская и др.), в сочетании с трендами клинической психологии детства в мире они определяют теоретические поиски современных детских клинических психологов и наших коллег-медиков (Н. Л. Белопольская, Т. Г. Горячева, Н. В. Зверева, И. А. Горьковая, С. В. Гречаный, И. В. Добряков, Н. М. Иовчук, А. В. Семенович, Н. В. Симашкова, Ю. С. Шевченко и др.) (Зверева, Горячева, 2013). Требования современности отражают существенную потребность в обеспечении ориентированной на практику работы психологов с аномальным ребенком, или, как сейчас принято говорить, ребенком с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и особыми образовательными потребностями. Учет этих двух тенденций – теоретической и практической – приводит к пестрой картине современной отечественной клинической психологии детей и подростков, определяет «проблемные» зоны и «зоны ближайшего развития». В данной статье мы проанализируем вклад выдающихся специалистов в развитие отечественной области психологии аномального развития ребенка – Г. Я. Трошина, Г. Е. Сухаревой и других детских психиатров, В. В. Лебединского и других, анализируя различные хронологические и логические этапы развития науки и практики детской клинической психологии.

Можно выделить следующие исторические (хронологические) периоды развития детской клинической психологии в России: дореволюционный (русский), послереволюционный (советский) и современный периоды. Представим две ключевые фигуры – Григорий Яковлевич Трошин (1874–1938) и Виктор Васильевич Лебединский (1927–2008).

До революции развивалась и научная, и практикоориентированная сфера работы психологов, педагогическая и клиническая направленность работы специалистов, имеющих отношение к детской клинической психологии, были востребованы. Еще в начале XX в. Трошин опубликовал работу «Детская ненормальность за последние 100 лет» (1912). Ее анализ – отдельная глава в истории психологии, как и оценка вклада самого Григория Яковлевича Трошина (1874–1939¹) в развитие клинической, педагогической и психологической мысли в отечественной науке об особом ребенке. В последние годы появились работы, посвященные анализу его научно-практического наследия (работы Н. Ю. Масоликовой, М. Ю. Сорокиной, Д. М. Менделевича, С. Ю. Малышевой, Е. Г. Осовского, О. В. Дружиловской, А. И. Костригина и др.). Диссертационное исследование Л. Ю. Беленковой «Антрополого-гуманистическая концепция обучения и воспитания аномальных детей в научном наследии Г. Я. Трошина (1874–1938)» (2000) содержит многосторонний анализ медико-педагогической и психологической деятельности Г. Я. Трошина (Беленкова, 2000). Рассматриваются российский и зарубежный периоды его научной деятельности. Л. Ю. Беленкова, В. И. Лубовский и др. считают, что психологические и педагогические идеи Трошина в области аномального детства были восприняты Л. С. Выготским и получили дальнейшее развитие в его культурно-исторической концепции, а также в представлениях о единстве законов развития нормального и аномального ребенка. Трошин был первым, кто организовал

---

1 Есть разночтения по дате смерти Г. Я. Трошина, в последние годы считается, что это 1938 г., Прага. Могила на Ольшанском кладбище не сохранилась до настоящего времени.

специализированную школу по типу «вспомогательной» в России, он разработал свою, в современном понимании, классификацию нарушений развития, а также дал свою периодизацию развития ребенка, кроме того, он разрабатывал новые и анализировал современные ему средства диагностики в психологии аномального развития (Беленкова, 2000; Специальная психология, 2016). Беленкова выделяет такие основные направления в его работе: коррекционная психология, педагогика образовательных возможностей для аномального ребенка, теория сопоставления нормы и патологии развития, теория обучения и воспитания аномальных детей, теория и практика психологической диагностики нарушений развития как прикладная отрасль специальной психологии, педагогическая социальная патология. Трошин анализировал поведение ребенка с расстройствами психики, выделил патопсихологические факторы и клинко-диагностические аспекты девиантных форм поведения. Его труд «Антропологические основы воспитания. Сравнительная психология нормальных и ненормальных детей» (1915), удостоенный премии им. К. Д. Ушинского Российской академии наук (Беленкова, 2000, с. 1), произвел значительное впечатление на специалистов по педологии, дефектологии и психологии (Беленкова, 2000; Осовский, Беленкова, 2000). Ссылки на него мы находим у многих известных ученых (Л. С. Выготский, В. И. Лубовский, Г. В. Залевский и др.) (Бурлакова, Олешкевич, 2020; Выготский, 1983; Залевский, Кузьмина, 2019; Специальная психология, 2016). В учении Трошина, во многом еще не оцененном, важно выделить ключевые представления, существенно важные для психологии аномального развития и детской клинической психологии.

В таблице 1 приведены основные идеи Трошина, разрабатываемые в отечественной психологии аномального развития ребенка.

С позиций современности некоторые его представления кажутся устаревшими, однако в них был существенный потенциал для последующего развития.

Советский период можно условно разделить на три большие исторические вехи развития детской клинической психологии: 1920-е—середина 1930-х годов; 1940—1950-е годы; с 1960-х до 1990-х годов (Зверева, Горячева, 2015). В 1920—1930-е годы сформировалась практика работы в единой команде (медики, педагоги и психологи, педологи); были определены основные научные и практические задачи: формирование представлений о нормативном и нарушенном развитии психики, диагностика аномального развития, программы обучения для особых детей и т. п., также была поставлена и решалась задача подготовки специалистов. Теоретическая и методологическая основа профессиональной деятельности связана прежде всего с теоретическими воззрениями Выготского и его коллег. Однако сказались последствия опубликованного 4 июля 1936 г. в газете «Правда» Постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов». Направленное прежде всего против педологов (пример мультидисциплинарного подхода в рамках одной профессии), это постановление существенно изменило историю детской клинической психологии как части психологии в целом. Основные последствия были с разными «знаками», все количественные методы оценки развития оказались под запретом (фактически был введен запрет на тестирование), были уничтожены наработки по воспитанию и обучению аномальных детей (отброшен опыт переходного периода в образовании в 1920—1930-е годы), отбор детей во вспомогательные школы стал проводиться психиатрами, а не психологами

Таблица 1

Историческое развитие основных идей Г. Я. Трошина в отечественной детской клинической психологии

Г. Я. Трошин	Л. С. Выготский	Современная позиция (авторы статьи)
Признание потенциала психического развития аномального ребенка	Аномальный ребенок, кроме болезни, имеет право и на другие стороны жизни	Индивидуализированный, персонализированный подход к ребенку, значение качества жизни
Опора на единство законов нормального и аномального развития	Одно из ключевых положений – принципиальное единство, сходство закономерностей развития в норме и в патологии	Базовый принцип работы специалистов – учет общих закономерностей нормального и аномального развития
Целостное изучение ребенка	Поддерживалось и развивалось Л. С. Выготским	Системный целостный подход
Необходимость ориентации не на болезнь или дефект ребенка, а на незатронутые болезнью его потенциальные возможности	Выделение нарушенного и сохранного в аномальном ребенке для обеспечения разработки коррекции	Стандартное правило диагностики в детской клинической психологии: выявление нарушенных и сохраненных звеньев психики, уровня общего развития ребенка
Утверждение роли социальной среды и педагогического воздействия в воспитании и развитии аномального ребенка	Развитие культурно-исторического подхода и учет социальной ситуации развития	Опора на социальную ситуацию и зону ближайшего развития ребенка при коррекции, определении образовательного маршрута особого ребенка
В практике – создал систему вспомогательных школ, дал основы для подготовки учителей и отбора детей	В работе педологов учитывались количественные и качественные характеристики нарушенного развития, разрабатывались принципы и средства коррекционно-развивающего обучения	В настоящее время сосуществуют и специализированные школы по типу вспомогательных и осуществляется инклюзивное образование для особых и нормотипичных детей, решение принимается ПМПК
Критически осмыслил современные ему методы тестирования	Предложил новаторские методы диагностики (например, методика двойной стимуляции – Выготского–Сахарова)	Богатый арсенал диагностических средств идиографических и номотетических, количественных и качественных, приоритет последнего типа анализа

и педологами. Такое положение дел определило развитие психологии аномального ребенка, детской клинической психологии в сторону углубленной разработки методов качественного анализа нарушенного онтогенеза.

В сложный послевоенный период (1940–1950-е годы) идет восстановление науки. Развитие детской клинической психологии происходит преимущественно в рамках сотрудничества с дефектологией. Изучались особенности различных психических процессов у детей с аномальным развитием, разрабатыва-

лись программы их обучения, вставал вопрос о возможностях их реабилитации. В 1943 г. учреждение, восходившее к санаторной школе В. П. Кашенко, много раз менявшее название, было преобразовано в институт дефектологии АПН РСФСР (ныне институт коррекционной педагогики РАО), где проводились исследования психического дефекта при умственной отсталости и сенсорных нарушениях. Колоссальный вклад в развитие представлений о психическом развитии аномального ребенка внесла М. С. Певзнер, много лет проработавшая в этом институте.

В последующий советский период завершение создания специальной психологии обеспечивает сепарацию клинической психологии детства и дефектологии. Запрос со стороны медицинских учреждений дает новый толчок развитию детской клинической психологии. Изучаются разные формы нарушенного развития: тяжелые, плохо поддающиеся медицинской и психолого-педагогической коррекции формы нарушенного развития, пограничные формы (ЗПР, невротическое развитие и др.), сочетанные виды нарушенного развития (умственная отсталость и психическая патология, комплексные сенсорные нарушения, нарушения общения и др.). Новые формы нарушенного развития — ММД, СДВГ, РДА. Векторы развития: *научный* — работа над созданием новой теории о нарушении развития (психический дизонтогенез), и *практический* — разработка коррекционно-реабилитационного направления и диагностики. Внедряются методы современной зарубежной психодиагностики с адаптацией к советской действительности. Тесты и методики качественной патопсихологической и нейропсихологической диагностики становятся практическим инструментом работы детских клинических психологов прежде всего в учреждениях здравоохранения. Осуществляется углубленная подготовка специалистов, публикация учебников, практических пособий для работы, продолжается возрождение междисциплинарного сотрудничества специалистов (Белопольская, 2004; Зверева, Горячева, 2013; Иванова, Мандрусова, 2015; Микадзе, 2012; Рубинштейн, 1986; Цветкова, 1998).

Рассмотрим более пристально выделенные В. В. Лебединским еще в 1970-е годы базовые аспекты детской патопсихологии, которые на многие годы вперед предопределили содержание, структуру и стратегии ее развития. Лебединский — коллега и соратник выдающихся отечественных специалистов в области клинической психологии — Б. В. Зейгарник, А. Р. Лурии, Е. Д. Хомской, Ю. Ф. Полякова. Затрагиваемые им проблемы отражают логику развития психологии как науки в историко-научном и методологическом плане. Для удобства рассмотрим положение Лебединского в сравнении с его современной разработкой.

Как видно из таблицы, многие проблемы детской патопсихологии и детской клинической психологии, обозначенные Лебединским в его программной статье 1971 г. «Некоторые актуальные проблемы детской патопсихологии», являются по-прежнему актуальными практически по большинству позиций.

Опираясь на исторический анализ и современные исследования, можно выделить основные проблемы, охарактеризовать особенности и приоритеты деятельности специалистов в детской клинической психологии.

Для детского клинического психолога характерна работа с изменяющимся субъектом, это определяет приоритет динамического наблюдения. Психика рас-

тущего ребенка пластична и постоянно изменяется, согласно возрастным законам, изменению социальной ситуации развития, под воздействием болезни (психической, соматической, неврологической и др.), стрессовых воздействий течения жизни (разовых и постоянных). В связи с этим трудно сделать однозначный прогноз психического развития ребенка с нарушениями и разработать единственно точную коррекционную программу, основываясь на однократном исследовании. В данном случае эффективным является динамическое наблюдение и диагностический метод возрастных срезов, лонгитюда, что обеспечивает в дальнейшем гибкость и динамичность коррекционных программ.

Естественной для детского клинического психолога является работа в семье и с семьей. Эффективность работы специалистов намного возрастает, если члены семьи ребенка с особенностями развития понимают суть того, что происходит с ними и с их ребенком, активно и умело содействуют оказанию помощи. Психотерапевтическая и психокоррекционная работа со всеми членами семьи, особенно с матерью больного ребенка, обеспечивает максимум успеха в лечении, сопровождении и социализации ребенка с отклонениями в развитии.

Отдельное направление в клинической психологии детей и подростков — работа с педагогами и воспитателями, востребовано в настоящее время в связи с изменениями стандартов образования, введением инклюзии в общеобразовательные учебные заведения, современными подходами к обучению и воспитанию, ключевыми для которых являются вариативность, индивидуальный подход и толерантность. Эта сторона деятельности еще только разрабатывается, опыт переломных в образовании 1920—1930-х годов мало доступен для использования.

Профессиональная деятельность детских клинических психологов и раньше, и теперь сопряжена с ожиданиями и надеждой на результат. Ожидания от коррекционной работы и психологического сопровождения у различных категорий людей (родителей, детей, специалистов) могут быть совершенно различными. Наибольшая эффективность в работе и психологическом сопровождении будет при условии единства взглядов и действий со стороны всех этих участников.

Работа детского клинического психолога всегда осуществляется в мультидисциплинарной команде, именно в такой команде единомышленников она будет наиболее адекватной и высокоэффективной. Такая логика уходит корнями в историю отечественной науки (работа Г. Я. Трошина в мультидисциплинарной команде у В. М. Бехтерева, работа педологов и т. п.). Согласованный комплексный подход поможет больному ребенку и его семье выработать и осуществить оптимальную программу лечения, воспитания, обучения и психологического сопровождения, социализации, а при необходимости и реабилитации.

Хотя современная наука и практика требуют соблюдения определенных стандартов в диагностике, в оказании помощи, однако необходим баланс количественного и качественного подходов в современной доказательной науке. Работа должна осуществляться в соответствии с требованиями международного научного и практикоориентированного психологического сообщества. Ориентация на практику не исключает научных исследований в детской клинической психологии. В этой сфере профессиональной деятельности психологов еще много белых пятен, касающихся психического развития больного ребенка: особеннос-

Таблица 2

Сопоставление проблем детской патопсихологии (клинической психологии)

Позиция В. В. Лебединского, высказанная в статье 1971 г.	Современное состояние проблемы
Сходство и специфика практических и теоретических задач во взрослой и детской патопсихологии	Сохраняется и обогащается, используются новые формы и сферы деятельности
Проблема методов оценки нарушенного развития (дан критический разбор количественных методов и обоснование качественного анализа)	Существует и в настоящее время, вопрос о соотношении номотетического и идиографического подходов, качественного и количественного анализа
Происхождение вторичных патопсихологических симптомов	Расширяется на все разделы детской клинической психологии
Проблема прогноза развития ребенка при разных типах дизонтогенеза	Является одной из востребованных, но не всегда легко реализуемых задач клинико-психологической диагностики в теории и практике
Раскрыта роль становления моторики в развитии ребенка в норме и при отклонениях (шизофрения, органика), подробно описана история и методы изучения моторики, различие позиций врачей и психологов. Моторика и пограничные расстройства, психортопедия	Представление о значении развития моторики для психики становится получает широкое распространение, хотя средств диагностики, способов коррекции недостаточно, требует расширения научная исследовательская база изучения психомоторного развития при разных видах дизонтогенеза
Проблема левшества и обучение	Успешно развивается индивидуальный подход к левшеству в обучении, обнаруживается шквал исследований этой проблемы, в том числе и псевдонаучных
Проблема средств коммуникации – соотношение жеста и речи	Приобретает новое звучание в контексте медиасферы
Игра и ее специфика при разных типах дизонтогенеза	Изучается активно, ведутся дискуссии о динамике игровой деятельности и игрушек в современной культуре, рассматривается специфика игры при вариантах дизонтогенеза. Изучаются компьютерные игры и их роль в психическом развитии ребенка
Проблема обучения и коррекции детей при отклоняющемся развитии	Развиваются новые формы, уходят в прошлое старые
Мультидисциплинарность и междисциплинарность изучения детской патопсихологии	Реализуется на современном этапе развития всех научных дисциплин, входящих в мультидисциплинарную команду, имеет высокий научно-практический потенциал

ти развития болезни в детском возрасте и ее влияние на социальную ситуацию развития; влияние фармакологического лечения на незрелую психику; своеобразие коррекционного психолого-педагогического воздействия на различных возрастных этапах; изменения контингента пациентов (сочетанная патология, ранее неизвестная или редкая патология, орфанные заболевания). Это же важно и для ребенка с другими формами нарушений развития, кроме психическо-

го, неврологического, соматического заболевания, последствий травматического детского опыта (Зверева, Горячева, 2013, 2015; Микадзе, 2012).

В свете вышесказанного актуальна проблема подготовки специалистов. Современный клинический психолог, работающий с детьми и подростками, должен быть хорошо подготовлен по фундаментальным (биологическим, философским, психологическим, математическим) и специальным дисциплинам (клиническая психология, медицина, реабилитация и др.). Подготовка специалистов требует учета опыта предшественников, в частности, широкой полипрофессиональной подготовки и «отточенности» конкретного специалиста (об этом писал Трошин), и воспитания настоящих исследователей, что является заслугой Лебединского.

В соответствии с практическими задачами и руководствуясь базовыми теоретическими проблемами, реализуются основные виды деятельности детских клинических психологов: диагностика (дифференциальная клиническая диагностика, участие в нозологической диагностике, психологическая диагностика нарушений: количественная и качественная оценка); квалификация типа дизонтогенеза; выделение нарушенных и сохранных звеньев психической деятельности; прогноз развития ребенка с отклонениями; работа с семьей и окружением; психотерапия и психокоррекция; абилитация и реабилитация, экспертная работа по социальному запросу (Зверева, Горячева, 2013).

Положение дел в клинической психологии детей и подростков во многом связано с изменением представлений о развитии и изменении всего социокультурного и цивилизационного фона. Появились новые образовательные стратегии и технологии (индивидуальный подход и инклюзия, сопровождение и т. п.). Возникают новые и развиваются старые научные идеи (понятие онтогенеза—дизонтогенеза, пластичности детского мозга, когнитивистский подход, детский психоанализ, учение о системном строении психики, культурно-исторический подход и др.); появляются новые средства диагностики (нейровизуализация и ее разновидности). В генетической диагностике господствует новый подход, спровоцированный открытиями сложного механизма возникновения генетически обусловленной патологии. Значение имеет оценка качества жизни детей с ОВЗ и их родителей, оценка функционирования (согласно МКФ). Важны новые подходы к лечению, типы лекарственных препаратов, новые формы коррекционной работы в разных областях детской клинической психологии, зарубежные (АВА, флортерапии и др.) и отечественные (сенсомоторная коррекция и др.) (Горячева, Никитина, 2018). Отдельно следует указать на новые виды патологии биологически и культурально обусловленные — аутизм (современное наименование — РАС — расстройства аутистического спектра, частота встречаемости которых резко возросла в начале XXI в.), СДВГ, генетические синдромы, ПСТР, химические и нехимические зависимости, в их числе игровая, интернет- и экранная зависимости и др.

Отсутствие единой общепринятой теории психического развития и его нарушений (проблемы периодизации, возрастных этапов и кризисов, социальной ситуации развития) создает дополнительные трудности и разногласия специалистов в подходах к животрепещущим вопросам нарушенного психического развития в детском и подростковом возрасте.

На наш взгляд, отечественная детская клиническая психология развивается от педологического тестирования через качественный анализ к новому витку тестирования и качественного системного анализа; от деления детей по уровню образования к современным системам инклюзивного и интегрированного образования и разветвленного клинико-психолого-педагогического сопровождения. Существенную лепту в динамику клинической психологии детей и подростков, ее современное состояние вносит психотерапия и психокоррекция (системная семейная терапия, когнитивно-бихевиоральная терапия, гештальт-терапия, нейропсихологическая и сенсомоторная коррекция и др.), развитие каждого из этих направлений невозможно без базисных изысканий наших предшественников в этой области, чьи традиции мы стремимся сохранить и донести до новых поколений психологов.

Литература

- Беленкова Л. Ю.* Антрополого-гуманистическая концепция обучения и воспитания аномальных детей в научном наследии Г.Я. Трошина (1874–1938): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Нижний Новгород, 2000.
- Белопольская Н. Л.* Предмет и задачи детской патопсихологии // *Детская патопсихология: хрестоматия*. М.: Когито-Центр, 2004.
- Бурлакова Н. С., Олешкевич В. И.* Развитие практики и методологии патопсихологического эксперимента (традиции московской школы патопсихологии). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2020.
- Вygотский Л. С.* Собр. соч. В 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 5.
- Горячева Т. Г., Никитина Ю. В.* Расстройства аутистического спектра у детей. Метод сенсомоторной коррекции. М.: Генезис, 2018.
- Залевский Г. В., Кузьмина Ю. В.* История клинической психологии: учебное пособие для бакалавриата и специалитета. М.: Юрайт, 2019.
- Зверева Н. В., Горячева Т. Г.* Клиническая психология детей и подростков. М.: ИЦ «Академия», 2013.
- Зверева Н. В., Горячева Т. Г.* Детская клиническая психология: история и современное состояние // *Медицинская психология в России*. 2015. № 2 (31). URL: <http://mpj.ru> (дата обращения: 25.05.2021).
- Иванова А. Я., Мандрусова Э. С.* Сборник трудов по патопсихологии детского возраста. М.: Directmedia, 2015.
- Лебединский В. В.* Некоторые актуальные проблемы детской патопсихологии // *Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*. 1971. Т. 71. Вып. 6. С. 851–854.
- Микадзе Ю. В.* Нейропсихология детского возраста: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2012.
- Осовский Е. Г., Беленкова Л. Ю.* Педагогическая деятельность и научные воззрения Г.Я. Трошина // *Дефектология*. 2000. № 6. С. 77–83.
- Рубинштейн С. Я.* Психология умственно отсталого школьника. М.: Просвещение, 1986. Специальная психология. В 2 т. Т. 2: Учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. В. И. Лубовского. М.: Юрайт, 2016.
- Цветкова Л. С.* Методика диагностического нейропсихологического обследования детей. М.: Российское педагогическое агентство–Когито-Центр, 1998.

The history of clinical psychology of childhood and adolescent in Russia

T. G. Goryacheva

*Pirogov Russian National Research Medical University,
Moscow University of Psychology and Education*

N. V. Zvereva

Mental Health Research Center, Moscow University of Psychology and Education

The article is focused at the analysis of history of development and main persons in the field of child clinical psychology (clinical psychology of children and adolescents). The article traces the history of its development due to G. Ya. Troshin and his findings in theory and practice of abnormal psychology. The problems that face this area highlighted by V. V. Lebedinsky in the 1970s are also discussed; it examines their current state and the features of the theoretical and practical activity of clinical psychologists working with a changing subject – children and adolescents. It also identifies new aspects of the “old” problems in connection with the key changes in the social, cultural and historical situation.

Keywords: children’s clinical psychology, history, structure and directions of research and practice.

Вехи истории психолого-педагогического изучения роли образовательной среды в развитии учащихся

И. С. Гришин

МГПУ, Москва, igor0987@mail.ru

В статье анализируются значимые вехи истории психолого-педагогического изучения образовательной среды развития учащихся, выделяются ее основные модели, а также показано их значение для оптимизации учебно-воспитательного процесса формирования мышления и личности в современном образовательном пространстве.

Ключевые слова: педагогическая психология, личность, мышление, сознание, формирование, воспитание, обучение, развитие, образовательная среда, культура, деятельность.

Современная педагогическая психология в системно-деятельностном анализе проблем модернизации социально значимых процессов воспитания и обучения все чаще обращается к изучению опыта зарубежного и российского человекознания

(Бухарова, 2015; Слободчиков, 2014) для использования его достижений при разработке средств проектирования образовательной среды в условиях начала XXI в. В связи с этим актуально изучение значимых вех истории педагогической психологии, достижения которой служат основанием для разработки основных моделей образовательной среды, эффективных для формирования мышления и личности учащихся в современных условиях. В связи с этим рассмотрим значения термина «среда» и понятия «образовательная среда», охарактеризуем историко-научные предпосылки ее изучения, выделим основные концептуальные модели и рассмотрим пути их использования для проектирования психолого-педагогических условий модернизации современного образования.

Сущность понятия «образовательной среды» и историко-научные предпосылки ее психолого-педагогического изучения

Родовым для понятия «образовательная среда» является понятие «среда». В философии, социологии, психологии и педагогике (Бухарова, Семенов, 2015; Семенов, 2013; и др.) «среда» определяется по-разному. Так, М. З. Ильчиков трактовал как общность разнообразных влияний, которые меняют жизненное развитие, Б. А. Смирнов оценивал как комплекс условий, окружающих конкретный предмет и человеческую личность, а также воздействующих на них прямым или косвенным образом (Ильчиков, Смирнов, 1996). А. П. Нечаев определял значение «среды» как всего, что окружает, входит в орбиту функционирования субъекта в качестве средства, предмета или условия (Нечаев, 1911). Д. Ж. Маркович предполагал, что понятие «среда» должно отражать общность условий и влияний в рамках одного окружения и их развитие (Маркович, 1991). Это позволяет нам сделать вывод о существовании окружения, условий и воздействии условий на субъектов среды, на позиции главных элементов. В толковом словаре «среда» определяется как окружение, комплекс социальных, природных, бытовых условий, общность людей, которые связаны конкретными условиями, сопровождающими течение человеческой жизни.

В философию термин «среда» был введен в эпоху Просвещения, когда он трактовался как окружающие человека общественные, духовные, материальные условия его существования, деятельности, формирования личности. Понятие рассматривалось как макросреда, т. е. акцентировалась экономическая общественная структура в целом (включающая в себя социальные институты, производственные, религию, культуру, сознание), а также как микросреда (окружение отдельно взятого индивидуума: родственники, рабочий коллектив).

В российской психологии и педагогике термин «среда» вошел в широкое употребление в 1920-е годы. Его активно использовали П. П. Блонский, К. Н. Вентцель, Л. С. Выготский, С. Т. Шацкий, А. С. Макаренко: «окружающая среда», «среда коллектива», «педагогика среды» и т. д. (Выготский, 2019; Макаренко, 2019; Семенов, 2020; Семенов, Павлов, 2017; Шацкий, 2018). Согласно мнению специалистов по педагогике, «среда» — это общность окружающих человека материальных, духовных, социальных условий, которые сопровождают и обуславливают его жизнь и деятельность. Тогда как образовательная среда представляет собой структурированное системное пространство, в котором осуществляется взаимо-

действие внешней среды и субъектов образовательных процессов, что приводит к раскрытию уникальных личностных черт самих субъектов.

Понятие «образовательная среда» объясняет психолого-педагогическая наука (Семенов, 2013). Одним из ее методологических оснований является культурно-историческая теория Л. С. Выготского (Выготский, 2019). На рубеже 1920–1930-х годов он разработал понятие «социальная ситуация развития» – специфическая для каждого возраста, определенным образом организованная система отношений ребенка с окружающим миром.

Его современник С. Т. Шацкий сформировал концепцию взаимодействия учебных заведений со средой, т. е. стал выстраивать «педагогику среды» (Шацкий, 2018). Данное понятие характеризовало процесс личностной социализации в обществе, что позволило говорить, во-первых, о формировании воспитательного процесса внутри учебного учреждения при учете воздействия окружающей среды на коллектив учащихся и, во-вторых, об активном участии учебного коллектива в процессе трансформации среды посредством участия в общественно полезной работе. При этом Шацкий обращал внимание педагогов на проблему организации школы как центра жизни ребенка и на вопросы взаимодействия школьного коллектива с окружающей средой. Он выделял в структуре среды следующие элементы: внешняя среда (взаимосвязь учебного учреждения с семьями, общественными структурами, неформальное внеучебное общение); внутренняя среда (учет влияния среды на моральную ориентацию обучающихся, на стиль общения); учет влияния средств массовой коммуникации на внеучебное общение и выбор учебных мероприятий.

А. С. Макаренко предполагал, что традиционные средства не подходят для решения уникальных педагогических проблем (Макаренко, 2019). Ибо советское общество встало перед значительной и сложной социальной задачей – разработки новой образовательной практики и создания новых форм социальной жизни общества, которые способствовали бы эффективному развитию страны на всех уровнях. Для этого Макаренко создал прецедент социально-педагогического проектирования образовательной среды, а также сформировал базу практического решения этого вопроса, задействовав продуктивную схему создания эффективной образовательной среды: сам педагогический замысел, который предусматривает организацию деятельности в условиях неопределенности; механизм его реализации: образцы педагогического взаимодействия в живой коммуникации, система разновозрастного взаимодействия, взросло-детская общность, научные педагогические работы как способ осмысления педагогического опыта. Таким образом, основой проектирования образовательной среды стал принцип искусственно инициируемого процесса, который организован для достижения педагогических целей, а также социальная открытость системы образования и ее координация с различными культурными, производственными и социальными ведомствами и центрами.

В конце XX в. понятие «образовательная среда» стало использоваться в философии, психологии и педагогике (Бухарова, Семенов, 2015; Гришин, Семенов, 2021; Семенов, 2013; Семенов, Павлов, 2017) активнее, а принципами государственной образовательной политики стали: гуманистический характер образовательной системы; ценности обеспечения жизни, здоровья и свободы на первом

месте в общественной структуре приоритетов; всестороннее личностное развитие. Ценности демократического общества не только дали возможность образовательной системе претворить на практике гуманистический потенциал научно-культурного развития общества, но и сформировать условия для его обогащения, выдвигая на первое по значимости место «лично-образующую» функцию. А это также позволило качественно трансформировать адаптивную функцию образования. Данный факт стимулировал изменение процесса изучения среды в педагогике, поскольку прочие традиционные исследования трактовали среду лишь как элемент воспитательной системы, включенной в действие адаптивной образовательной функции. Ныне современные подходы к образовательной среде базируются на ее развивающих функциях, реализация которых подразумевает развитие способностей как самосовершенствования субъекта, так и его способности менять среду вокруг себя.

Ввиду важности для обеспечения развития учащихся понятие «среда» стало столь же значимо, как и «образование» в целом, при этом ученые различных дисциплин выявляют взаимозависимость «образования» и «среды». Современные философы и педагогические психологи (Н. Г. Алексеев, И. Н. Семенов, В. С. Швырев, Л. И. Ларионова, А. И. Савенков, Г. С. Сухобская, В. И. Слободчиков, С. Г. Вершловский и др.) рассматривают образование в качестве сферы социальной жизни. При этом образование не сводится лишь к специальной деятельности по освоению культурных ценностей и опыта, а выходит за рамки отдаленности от реальной действительности, что открывает возможности для развития творческих возможностей. Расширение и проникновение образования в различные сферы жизни, расширение мест образования ведет за собой изменение их статуса, они становятся центрами культивирования образовательных ресурсов. Это приводит к реформированию классической системы образования, которое выражается в том, что педагогическое планирование, социальное и организационное проектирование, психолого-педагогические исследования и образовательные эксперименты не замыкаются в рамках педагогических систем, а затрагивают другие субъекты культуры, разные социальные институты и социокультурные процессы. На этом основании и произошло выдвижение идеи формирования образовательной среды, которая может обеспечить создание нового культурно-образовательного пространства и формирование социально-педагогического мышления. Подобный подход позволяет рассматривать образовательную среду с позиции общности духовной и социокультурной общественной жизни в системе личностно ориентированного непрерывного профессионального образования.

Большинство ученых рассматривали образовательную среду в контексте социализации и в аспекте влияния на личность комплекса общественных отношений, развивающих интеграцию учащихся в действующие социальные связи, а также пытались выделить актуальные педагогические подходы к формированию эффективной образовательной среды, способной стимулировать развитие и совершенствование личности. Обобщая значение термина «образовательная среда», можно трактовать его как комплекс условий, которые оказывают воздействие на личностное формирование и человеческую деятельность в обществе, на предметную обстановку личности, ее интересов, потребностей, способностей и уров-

на сознания. Этот термин отображает взаимовлияние условий, которые обуславливают формирование личности человека.

Необходимо отметить, что переход к информационному обществу, всеобщая цифровизация, глобализация и распространение информации, способствуют активной интеграции наук, культурному диалогу, меняют образовательные ориентиры сегодня. Это означает, что изучение особенностей формирования образовательной среды актуально как с позиции педагогики, так и с позиции психологии, философии, менеджмента, экономики, социологии и прочих наук, изучающих современные вызовы, эффективность ответов на которые связана с продуктивностью образовательной среды.

Основные виды и свойства образовательной среды

В отечественной педагогической психологии начала XXI в. предлагаются различные концепции и модели образовательной среды. Выделим их основные типы с тем, чтобы в результате проведенного анализа обобщить функции и свойства современной образовательной среды. Среди современных российских психолого-педагогических трактовок образовательной среды своей конструктивностью выделяются следующие модели: психодидактическая В. П. Лебедевой и В. А. Орлова; коммуникативно-ориентированная В. В. Рубцова; экпсихологическая В. И. Панова (Панов, 2006); эколого-личностная В. А. Ясвина (Ясвин, 1998); продуктивно-исследовательская А. И. Савенкова; антрополого-психологическая В. И. Слободчикова (Слободчиков, Исаев, 2014); рефлексивно-деятельностная И. Н. Семенова (Семенов, 2013) и др. Эти модели апробированы в практико-ориентированных исследованиях и показали свою эффективность в виде инновационных проектов в педагогических экспериментальных площадках организации учебно-воспитательного процесса в различных типах образовательных сред (Ларионова, 2017; Слободчиков, Исаев, 2014; Ясвин, 1998; и др.), способствуя развитию мышления, способностей и личности учащихся в современных социокультурных условиях.

Среди взаимодействий между участниками этих образовательных сред можно выделить: педагогическое действие, т. е. субъект-объектное; педагогическое взаимодействие, т. е. общесубъектное; педагогическое содействие, т. е. субъект-порождающее. Пространственно-предметный элемент подхода содержит в себе место, территорию, ситуацию, в которых осуществляется образовательный процесс, а значит, формируется образовательная среда. Рассмотренные концепции образовательной среды позволяют выделить и охарактеризовать их основные функции и свойства. Необходимо отметить, что образовательная среда формируется осознанно и целенаправленно. На это указывает С. И. Тарасова, подчеркивая, что психолого-педагогические условия, в результате взаимодействия которых с учащимся происходит становление личности, специально организуются.

Важность изучения этого процесса подчеркивал И. Г. Шендрик, обосновывая необходимость рассмотрения образовательной среды как деятельности по освоению ее субъектом, процесс которого представляет собой комплекс прообразов культуры (Шендрик, 2004). Это позволило Шендрику акцентировать психолого-педагогическое изучение непосредственного образовательного окружения. Оценивая важность проблемы их личностной самореализации, Шендрик предлагает

согласовывать внутренние «интенции человека» и те социокультурные условия, в которых он существует. При этом важным психолого-педагогическим условиями эффективности самореализации субъекта образования являются: выстраивание им своих жизненных и позднее профессиональных целей, вера в свое предназначение, осознание своих интересов, способностей, толерантности во взаимодействии с другими людьми.

Практический интерес представляет разработанная И. Н. Семеновым диагностико-развивающая технология рефлексивного осознания студентами жизненных и профессиональных целей (Семенов, 2013). В плане обучающей функции образовательной среды важно подчеркнуть, что она нацелена на усвоение знаний, овладение умениями, формирование навыков, а также на раскрытие творческих способностей, что позволяет учащимся полно реализовать себя в профессиональной деятельности и в социальном поведении.

Заключение

Рассмотренные концепции образовательной среды позволяют обобщить ее основные характеристики. Так, А. И. Осипов (отталкиваясь от теории В. В. Давыдова о развивающем образовании) выделил следующие свойства образовательной среды: ресурсный потенциал, или насыщенность; вид организации среды, или способность к структурированию. В. Кукушин определял следующие качества образовательной среды: возможность обучать, способность развивать, способность воспитывать, информировать, быть экологичной, быть эстетичной, одухотворенной, гуманной, диалогичной.

Проводя анализ различных подходов (Бухарова, Семенов, 2015; Гришин, Семенов, 2021; Семенов, 2013; Семенов, Гришин, 2021) к рассмотрению образовательной среды, необходимо выделить еще два качества современной образовательной среды — ее интегративность и вариативность. Первое качество отображает взаимную связь участников образовательного процесса, всех условий, в том числе дидактических, социальных, пространственно-временных, педагогических, психологических, социокультурных и прочих для обеспечения целостности и эффективности личностного развития. Второе качество позволяет отразить возможность внесения коррективов в состав, определение лучших сочетаний условий для достижения цели максимально полного развития личности субъектов образовательной среды и претворения в жизнь их интересов, способностей, талантов. Все это диктует необходимость разработки стратегии формирования и контроля содержания и структуры образовательной среды с учетом рассмотренных достижений ее изучения в современной педагогической психологии.

Литература

- Бухарова А. А., Семенов И. Н.* Обзор концепций рефлексии и образования в философии М. Шелера // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 4–5. С. 18–63.
- Выготский Л. С.* Синтез психологии и педагогики — прорыв в образовании. Рекомендации выдающегося психолога в помощь детским педагогам. М.: Амрита-Русь. 2019.

- Гришин И. С., Семенов И. Н.* Интегративное взаимодействие сред развития человеческого капитала в дополнительном образовании одаренных детей // Шамовские педагогические чтения научной школы Управления образовательными системами. М.: МПГУ, 2021. Ч. 2. С. 696–702.
- Ильчиков М. З., Смирнов Б. А.* Социология воспитания. М.: Гардарика, 1996.
- Макаренко А. С.* Методика воспитательной работы. М.: Юрайт, 2019.
- Ларионова Л. И.* Образовательное пространство как научная проблема // Международный психолого-педагогический симпозиум памяти В. А. Родионова. М.: МГПУ, 2017. С. 80–85.
- Маркович Д. Ж.* Социальная экология. М.: Просвещение, 1991.
- Нечаев А. П.* Очерки психологии для воспитателей и учителей. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1911.
- Панов В. И.* Введение в экологическую психологию. М.: НИИ Школьных технологий, 2006.
- Семенов И. Н.* Рефлексивно-развивающие среды формирования мышления и самосознания субъектов образования // Мир психологии. 2013. № 4. С. 81–97.
- Семенов И. Н.* П. П. Блонский известный и неизвестный: институционально-персоналогическая рефлексия его жизнетворчества и вклада в психологию развития // Мир психологии. 2020. № 2. С. 244–258.
- Семенов И. Н., Гришин И. С.* Философско-психологические аспекты развития человеческого капитала в процессе информационной цифровизации образования // Мир психологии. 2021. № 1. С. 20–33.
- Семенов И. Н., Павлов И. И.* Проблемы рефлексивной акмеологии творческой личности в философско-педагогическом наследии К. Н. Вентцеля // Акмеология. 2017. № 4 (64). С. 7–18.
- Слободчиков В. И., Исаев Е. И.* Психология человека. Введение в психологию субъективности. М.: ПСТГУ, 2014.
- Шацкий Е.* История социологической мысли. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Шендрик И. Г.* Проектирование образовательного пространства взрослого человека: Ч. 1. Теоретико-методологические предпосылки // Образование и наука. 2004. № 5. С. 120–131.
- Ясвин В. А.* Векторная модель школьной среды // Директор школы. 1998. № 6. С. 13–22.

Milestones in the history of psychological and pedagogical study of the role of the educational environment in the development of students

I. S. Grishin

MSPU, Moscow

The article analyzes significant milestones in the history of studying the educational environment of students' development in the Russian pedagogical psychology, highlights its main models, and shows their importance for optimizing the educational process of forming thinking and personality in the modern educational space.

Keywords: pedagogical psychology, personality, thinking, consciousness, formation, education, training, development, educational environment, culture, activity.

К истории психологических исследований военной маскировки в 1920-х годах

И. Н. Елисеева

Московский гуманитарный университет, Москва, eliseevain2018@mail

Рассмотрены малоизвестные материалы периодической военной печати, свидетельствующие о выраженном социальном заказе на развитие прикладных проблем маскировки, а также некоторые представления военных специалистов о маскировке. Прослежена преемственность исследований 1920-х годов в этой области и ее методического обеспечения в последующие десятилетия. Указаны социокультурные факторы развития военно-психологических исследований в области маскировки в РККА в 1920-е годы: развитие вооружений и военной техники, наличие дореволюционных достижений в маскировке военных объектов. Проведено сопоставление развития военно-психологических исследований по военной маскировке и профессиональному психологическому отбору, на основании чего сделан вывод о том, что выявленные различия связаны с исследовательскими установками психологов и влиянием персонологического фактора, а также с успешностью конкурирующих непсихологических подходов к решению конкретных прикладных задач.

Ключевые слова: история отечественной психологии, военно-психологические исследования, маскировка, научно-методические основы, практические результаты исследований, факторы развития, Высшая школа военной маскировки, Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

История отечественной прикладной военной психологии нередко выступала объектом исследований в психологических и исторических трудах, в которых были определены значимые события и персоны, общие тенденции развития. Вместе с тем в истории прикладной военной психологии остается немало «белых пятен», что не позволяет считать какой-то период ее развития столь же детально и глубоко изученным, как, например, развитие педологии в 1920—начале 1930-х годов или военно-психологической мысли в России на рубеже XIX—XX вв. В некоторой степени это может объясняться ограниченным доступом к первоисточникам, однако со временем значительная часть документов становится общедоступной, что создает предпосылки для уточнения общей картины развития отечественной прикладной военной психологии, включающей и те труды, которые ранее не были введены в научный оборот.

Развитие психологических исследований в области военной маскировки в 1920-х годов неоднократно освещалось в историко-психологических работах. Как правило, обращение к этой прикладной области связано с исследованием научного творчества Б. М. Теплова или в связи с изучением работы советских психологов в годы Великой Отечественной войны. Однако историки психологии практически не обращались к вопросам развития военной маскировки в 1920-е годы, в рамках которой проводились исследования Теплова на первом этапе его

научной деятельности, их результаты нашли отражение в его последующем научном творчестве.

В настоящей статье рассматриваются отдельные публикации, посвященные вопросам военной маскировки, размещенные в периодической печати Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) в 1920-х годов (кроме маскировки на флоте). Представляется, что их изучение позволит уточнить представления о факторах, определяющих развитие отечественных военно-психологических исследований в этот период.

Приемы введения в заблуждение противника традиционно считались неотъемлемой частью оперативного искусства, упоминания о чем военные историки отмечают в источниках различных эпох и народов. И если понимать военную маскировку как «совокупность средств и приемов, применяемых войсками, чтобы ввести противника в заблуждение, скрыть действительное свое расположение, численность и прочее и создать у противника ложное представление» (Самойлов, 1939, с. 479), то очевидна ее обусловленность военной практикой, особенностями вооружений и военной техники, театром военных действий и т. д.

Во время Первой мировой войны вопросам маскировки военные специалисты стали уделять особое внимание, что было связано с возросшим масштабом военных действий, развитием артиллерии и авиации (Ткачев и др., 2010, с. 51). Примечательно, что уже имеющиеся способы маскировки, например дерновка и обсеменение брустверов, в новых условиях требовали привлечения огромных ресурсов. Поиск новых, менее затратных методов маскировки способствовал возникновению «краскомаскировки», предполагающей маскировочное окрашивание объектов, т. е. наблюдался переход от прямой имитации объектов к учету особенностей зрительного восприятия.

Значимость роли маскировки в военном деле была подтверждена созданием школы военной маскировки в 1916 г. После революций 1917 г. традиция отечественной военной маскировки не была прервана, и в 1919 г. была организована Высшая школа военной маскировки РККА. Первоначально школа готовила командный состав отдельных маскировочных рот. В годы интервенции выпускники школы привлекались к маскировочным работам на Петроградском фронте, а несколько позднее — на Западном. На базе школы были развернуты научные исследования, в которых активное участие принял ее выпускник Б. М. Теплов.

В 1920-е годы в периодической армейской печати уделялось существенное внимание практическим приемам маскировки и гораздо меньше работ было посвящено ее научно-методическим основам, которые неизбежно затрагивали вопросы физиологии и психологии восприятия.

Интересно, что среди руководящего состава Высшей школы военной маскировки РККА первоначально был широко представлен своеобразный и далекий от реалистичного подход к военной маскировке. Например, в двух номерах «Военного вестника» был опубликован программный доклад Ф. М. Кригера (заведующего артиллерийскими акустическими приборами Высшей школы военной маскировки РККА), прочитанный им на открытии военно-научного общества Высшей школы военной маскировки 20 февраля 1922 г. Автор отмечал, что на войне можно выделить два вида принуждения: внешнее (физическое) и внутреннее (психологическое, посредством изменения представлений). Кригер приводил конкрет-

ные примеры «внутреннего» воздействия из опыта прошедшей мировой войны, обосновывая вывод о возрастании роли «морального» фактора. И задачей маскировки, как практического направления военного дела и отдельной военной специальности автор называл «захват сознания и воли противника», «психическое принуждение» (Кригер, 1922а, с. 21). Автор относил маскировку к одному из видов внушения, где его объектом выступали социальные объекты — армии противника, решительно отвергая ее узкое понимание как простое сокрытие военных объектов. При этом подчеркивалось, что маскировка по своим методам отличается от других видов психического принуждения: при маскировке пассивной — сокрытии собственных военных объектов и при маскировке активной — активном формировании у противника «обманных или иллюзорных представлений».

Обосновывая место маскировки в системе военных дисциплин, Кригер подчеркивал свойственные только этой военной специальности методы, приемы и круг прикладных проблем. Далее автор указывал, что знания практических приемов маскировки совершенно недостаточно для эффективного решения задач по психическому принуждению противника к желаемому поведению. Поскольку условия войны характеризуются неповторимым комплексом факторов, для достижения результата необходимы знания механизмов воздействия, т. е. теории маскировки. Однако, по мнению автора, и этого недостаточно, необходимо еще привносить в маскировку элемент творчества. Такие рассуждения позволили Ф. М. Кригеру говорить об искусстве маскировки.

Следующая статья Кригера «Маскировка как специальность», в которой представлен проект компетенций маскировщиков, развивала тему маскировки как своего рода «внушения». Интересно определение цели маскировки, данное автором, — «преодоление сопротивления врага методами психического воздействия, состоящими в возбуждении в противнике обманных и иллюзорных представлений, кои определяли бы его сознание и волю в желаемом для нас направлении» (Кригер, 1922б, с. 13). Довольно близко к приведенному определению маскировки было понимание ее сути Н. А. Яцуком¹, основанное на анализе работ отечественных и зарубежных авторов (Яцук, 1923).

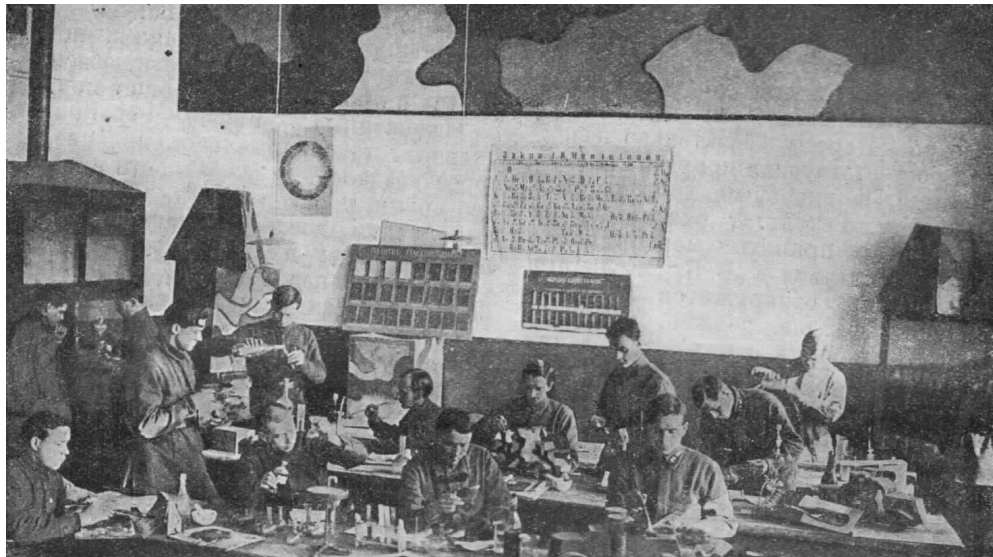
В еще одной статье Кригера «Маскировка и элемент внезапности» автор выдвинул тезис о том, что внезапность является функцией маскировки и формулировал следующую закономерность: «Эффект внезапности обратно пропорционален непрерывности разведки противника и прямо пропорционален степени использования войсками маскировки» (Кригер, 1923, с. 23). Автор указывал, что целью применения внезапности является появление чувства удивления у противника.

Именно такие представления о маскировке и механизмах ее воздействия на психику человека подверг критике Теплов, обосновывая необходимость систематических психологических научных исследований в этой области и реализации научно обоснованного подхода к подбору практических приемов маскировки. Однако статья была опубликована уже после расформирования Высшей школы военной маскировки (Теплов, 1926).

---

1 Яцук Николай Александрович — морской летчик, член РСДРП с 1912 г., в 1914 г. был начальником авиационной школы Всероссийского аэроклуба в Санкт-Петербурге, участник физиологических исследований в полете, в 1922 г. — преподаватель Военной академии РККА.

Вместе с тем в Высшей школе военной маскировки РККА, начиная с 1919 г., шла активная, имеющая теоретическое и практическое значение работа: под руководством Б. Теплова и А. Цветкова был разработан курс декоративно-строительной маскировки; Б. М. Тепловым представлено описание развития военно-научной мысли в процессе разработки маскировочных приемов; Г. А. Гамбурцев изучал значение фона на наблюдаемые объекты, отмечая важность «камуфляжной окраски» (рисунок 1); Ф. Кригер и Мансуров рассматривали новые средства войны и их методы преподавания (Библиография, 1923, с. 112).

Рис. 1. Лаборатория техники маскировочного окрашивания Высшей школы военной маскировки РККА (Военный вестник. 1924. № 11. С. 24)

В 1922 г. на страницах армейской печати активно обсуждались вопросы подготовки специалистов в области маскировки в связи с проектом введения курса военной маскировки в программы подготовки во всех военных школах и отказом от подготовки кадров по отдельной специальности военной маскировки. Как правило, авторы отстаивали необходимость подготовки по отдельной военной специальности маскировщиков, однако это противоречило уже обозначившимся тенденциям на сокращение численности РККА.

Проводилась масштабная работа по опубликованию практических результатов исследований по военной маскировке, которые неизменно получали положительные рецензии на страницах военной печати и подчеркивали их практическую значимость для военных специалистов. Так, в 1923 г. опубликована рецензия на сборник материалов по маскировке; представлен отзыв на № 13 (май–июнь) и № 14 (июль–август) журнала «Красный маскировщик» 1923 г. (ежемесячный журнал Высшей школы военной маскировки РККА), подготовленный Н. А. Яцуком, напечатан его же отзыв на книгу «Декоративная маскировка» Б. Теплова

и А. Цветкова (тираж 650 экз.). В последнем отзыве указано, что рецензируемый труд являлся конспектом лекций по курсу декоративно-строительной маскировки в Высшей школе военной маскировки и был заимствован из проекта наставления по войсковой маскировке. Автор указывал, что декоративно-строительная маскировка как один из ее видов наиболее часто использовался в борьбе с воздушным наблюдением, а также подчеркивалась недостаточность литературы на русском языке по этой тематике и анонсировалась работа по переводу зарубежной литературы (Библиография, 1923).

Уже в 1924 г. опубликована положительная рецензия на сборник материалов по маскировочному делу в зарубежных армиях, подготовленных под редакцией Теплова, а в 1926 г. вышла в свет статья Л. А. Скляра «Маскировка в английской армии», дополняющая работу 1924 г. в связи с выходом в Великобритании нового Руководства по полевым работам для всех родов войск (Скляр, 1926б), несколько позднее опубликован обзор маскировки в американской армии (Скляр, 1926а). В 1926 г. напечатана совместная статья Скляра и Теплова «Маскирующая окраска орудий полевой артиллерии» (Скляр, Теплов, 1926), посвященная критическому обзору статьи немецкого военного специалиста. При этом отмечалось, что только подход к маскировке в американской армии характеризовался систематичностью и последовательностью, что отличало его от подходов, принятых в европейских армиях. Однако психологическая наука как основа маскировочного дела в зарубежных армиях в полной мере не рассматривалась.

Интересно, что целенаправленная деятельность специалистов в области военной маскировки позволила обосновать, разработать и продвинуть проект наставления по маскировке. В 1924 г. были проведены не имеющие в то время аналогов масштабные учения «Маскировочный маневр» по инициативе заместителя председателя Реввоенсовета СССР и наркома по военным и морским делам М. Н. Фрунзе, в которых принимала участие и Высшая школа военной маскировки. Именно на этих учениях были проверены положения уставов и положений. Результаты учений позднее были проанализированы и изложены в отдельном труде, одним из соавторов которого стал Б. М. Теплов.

В рамках проведенной в 1924–1925 гг. реформы РККА Высшая школа военной маскировки была расформирована. Курс маскировки был включен в учебные программы некоторых военно-учебных заведений, как дисциплина военно-инженерного дела, а отдельные положения маскировки вошли в боевые уставы и наставления (Ткачев и др., 2010, с. 51).

После расформирования Высшей школы военной маскировки интенсивность публикаций, посвященных этому направлению военно-инженерного дела, естественно, снизилась. В статьях начальника лаборатории маскировки Военно-инженерной академии РККА Л. А. Скляра 1925–1928 гг. упомянуты работы Теплова по маскировке, а в целом эти сугубо ориентированные на практическую деятельность статьи опирались на результаты исследований восприятия в маскировке.

Таким образом, психологические исследования по военной маскировке в первой половине 1920-х годов проходили в атмосфере активного развития, а прикладные результаты этого периода нашли отражение в наставлениях и уставах РККА. Проблемы военной маскировки рассматривались не только с сугубо практической точки зрения, в этот период были заложены военно-теоретические и науч-

но-методические основы этого направления, что обеспечило эффективность мероприятий по маскировке в годы Великой Отечественной войны (Семенов, 2016, с. 9).

Развитие военной маскировки, а в ее рамках — психофизиологии зрительного восприятия при самом активном участии Теплова, в первой половине 1920-х годов было обусловлено потребностью в совершенствовании военного дела в связи с появлением новой военной техники, что привело к формированию отдельного центра подготовки специалистов и активизации научных исследований. За несколько лет исследований был достигнут необходимый уровень научного обоснования военной маскировки, который обеспечил понимание психофизиологических механизмов маскировки видимых объектов. Достижение такого уровня научных исследований совпало с очередной реформой и сокращением РККА, что привело к расформированию центра исследований при закреплении практических результатов в нормативных документах РККА.

В Высшей школе военной маскировки, которая на короткое время стала центром таких исследований, рассматривали военную маскировку как отдельную военную дисциплину, направленную на изучение средств и методов воздействия на психику противника. Попытка всестороннего изучения маскировки и создания ее научных основ, предпринятая сотрудниками школы, стала базой для последующего успешного развития военной маскировки и сохранения преемственности.

Так, А. М. Келейников (выпускник Высшей школы военной маскировки РККА 1920 г., военный художник) в монографии «Пуантилизм в маскировке» (опубликована в 1932 г.) предложил способ окраски маскируемых объектов мелкими пятнами. Теория подобной краски была обоснована Келейниковым в работе «Маскировочное окрашивание» (1938), а в 1942 г. увидела свет его работа «Маскирующие окраски подвижных объектов». Результатом адаптации к новым условиям ведения войны общих положений маскировки, сформулированных еще в 1920-е годы, стал коллективный труд «Маскировка», изданный в 1942 г. Преемственность наблюдается и в профессиональном пути самого известного исследователя проблем военной маскировки — Теплова, каждый последующий этап его деятельности включал обобщение достижений предыдущих (Голубева, 2010, с. 36).

Нельзя не отметить различия в практических результатах психологических исследований в Высшей школе военной маскировки и Опытной психологической лаборатории при Военной академии РККА (подробнее см.: Елисеева и др., 2020). Оба подразделения были расформированы в процессе военной реформы 1924—1925 гг., но если в первом случае преемственность в практических методах и приемах можно проследить на протяжении нескольких десятилетий, то во втором случае с закрытием лаборатории систематические психологические исследования в РККА в области профессионального психологического отбора были свернуты частично, а в 1937 г. — практически полностью. Представляется, что, помимо различий в предмете и методах изучения, важная роль в определении судьбы тех или иных психологических исследований в военном ведомстве принадлежала установке самих исследователей, которую очень точно описал Теплов в статье «Психология как основа маскировки»: «Если целью работы является подыскание приема для какого-либо частного случая, подыскание, идущее методом простого

нащупывания, то какое бы число опытов мы ни ставили, какие бы точные приборы ни применяли... — наша работа останется простым нащупыванием, и результаты ее будут иметь столь же узкое, ограниченное данным явлением значение» (Теплов, 1926, с. 44). Эта исследовательская установка обеспечивала не только теоретическую, но и практическую значимость результатов, важных для решения задач военного ведомства.

Дополнительно можно отметить, что, если в случае военной маскировки предложения по ее организации в основном были понятны для военного и политического руководства РККА, а их реализация приводила к очевидному результату, то в случае с развитием профессионального психологического отбора очевидные результаты представлены не были. Кроме того, в это время успешно развивались другие формы профессионального отбора, которые конкурировали с психологическим. А в отношении военной маскировки не удалось выявить успешно конкурирующих непсихологических направлений, что отмечал еще в статье 1926 г. Теплов (там же, с. 45).

Заключение

Таким образом, развитие военной маскировки в 1920-е годы было обусловлено сочетанием социокультурных, внутринаучных и персонологических факторов. С социокультурными факторами связано, с одной стороны, развитие военной техники, с другой — уже имеющиеся достижения в практике военной маскировки. В этот период времени отсутствовали убедительные работы по обоснованию научно-методических основ военной маскировки видимых объектов, а также были распространены нереалистичные представления о механизмах и результатах воздействия маскировки на противника. Активная работа специалистов в различных областях (военные инженеры, военные художники, психологи, физиологи), организованная в основном на базе Высшей школы военной маскировки, позволила сформулировать научно-методические основы военной маскировки и обеспечить эффективность практических мероприятий на длительное время.

Результаты работы по военной маскировке в рассматриваемый период развития образом отличаются от результатов развития профессионального психологического отбора, несмотря на то что стартовые условия: социальный заказ, наличие некоторой истории исследований, организационная институционализация, распространение нереалистичных представлений о психологических механизмах и результатах в обоих военно-прикладных направлениях — были схожими. Представляется, что существенное влияние в этом случае оказали различия в научно-методических подходах, что проиллюстрировано приведенной цитатой из статьи Б. М. Теплова 1926 г., а также персонологический фактор.

Очевидно, что восстановление целостной картины военно-психологических исследований в 1920-х годов позволит дополнить представления о развитии в этот период отечественной психологии в целом, а также уточнить детерминанты ее развития. Кроме того, успешный опыт реализации комплексных исследований в области военной маскировки может представлять интерес для современных специалистов в контексте решения конкретных общественно значимых задач.

Литература

- Библиография. Декоративная маскировка. Б. Теплов и А. Цветков // Вестник воздушного флота. 1923. № 5. С. 112–113.
- Голубева Э. А. Общая и дифференциальная психофизиология: взаимовлияние научных школ Б. М. Теплова и Е. Н. Соколова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2010. № 4. С. 32–56.
- Елисеева И. Н., Олейник Ю. Н., Радченко Ю. И. Из истории военно-психологических исследований в РККА в 20-х годах XX века // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 4. С. 55–65.
- Кригер Ф. Маскировка, как проблема // Военный вестник. 1922а. № 9–10. С. 19–22.
- Кригер Ф. Маскировка как специальность // Военный вестник. 1922б. № 14. С. 13–15.
- Кригер Ф. Маскировка и элемент внезапности // Военный вестник. 1923. № 19. С. 23–24.
- Самойлов К. И. Морской словарь. В 2 т. Т. 1. А–Н. М.–Л.: Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1939.
- Семенов И. Н. Акмеологические аспекты психологии творчества и индивидуальных различий выдающихся личностей в наследии Б. М. Теплова (к 120-летию со дня рождения) // Акмеология. 2016. № 4. С. 9–23.
- Скляр Л. Маскировка в английской армии // Война и техника. 1926а. № 316. С. 10–23.
- Скляр Л. Маскировка в американской армии // Война и техника. 1926б. № 330. С. 22–28.
- Скляр Л., Теплов Б. Маскирующая окраска орудий полевой артиллерии // Война и техника. 1926. № 324. С. 43–51.
- Теплов Б. Психология как основа маскировочной техники // Война и техника. 1926. № 306–307. С. 44–52.
- Ткачев В. Д., Руббо Д. В., Семянников Б. Г. Маскировка в артиллерии // Армейский сборник: Научный практико-методический журнал. М.: «Редакционно-издательский центр» Министерства обороны Российской Федерации. 2010. № 2. С. 49–53.
- Яцук Н. Современные средства военно-полевой маскировки // Военная мысль и революция. 1923. Кн. 1. С. 88–104.

On the history of psychological research on military camouflage in the 1920

I. N. Eliseeva

Moscow University for the Humanities, Moscow

The rarely mentioned materials of the periodical military press, indicating a pronounced social order for the development of applied problems of camouflage, as well as some ideas of military specialists about camouflage, are considered. The continuity of research in the field of camouflage in the 1920s and its methodological support in the following decades is traced. The socio-cultural factors of the development of military psychological research in the field of camouflage in the Red Army in the 1920s are indicated: the development of weapons and military equipment, the presence of pre-revolutionary achievements in the practice of camouflage of military objects. A comparison of the development of military psychological research on military camouflage and professional psychological selection is made, on the

basis of which it is concluded that the identified differences are associated with the research attitudes of psychologists and the influence of the personological factor, as well as with the success of competing non-psychological approaches to solving specific applied problems.

Keywords: history of Russian psychology, military psychological research, camouflage, scientific and methodological foundations, practical research results, development factors, Higher School of Military Camouflage, Workers 'and Peasants' Red Army.

Великая Отечественная война как фактор развития военной психологии

С. Л. Кандыбович

*ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»;
г. Рязань, s.kandybovich@sodru.com*

Т. В. Разина

ФГБУ «Российская академия образования»; Москва, e-mail: razinat@mail.ru

Дан обзор развития отечественной военной психологии в период 1950–2000 гг. Определены основные направления и ключевые персоналии – доктора психологических наук, воевавшие на фронтах Великой Отечественной войны и защитившие диссертации в данный период по военной психологии: Б. Ц. Бадмаев, А. Д. Глоточкин, Т. Т. Джамгаров, М. И. Дьяченко, Г. М. Заракровский, М. П. Коробейников, К. К. Платонов, А. Т. Ростунов, А. М. Столяренко, А. Ф. Шикун. Обозначен круг научных вопросов, решавшихся в области военной психологии: психологическая и профессиональная подготовка военных летчиков, моряков, подводников, войск ПВО, проблемы воспитательной деятельности в Советской Армии, социальная психология воинского коллектива, вопросы профессиональной ориентации и профессиональной диагностики, профпригодности в области военных профессий, а также вопросы теории и методологии военной психологии как самостоятельной научной отрасли.

Ключевые слова: история психологии, военная психология, Великая Отечественная война, научное братство, боевой опыт, научные направления.

Великая Отечественная война принесла с собой много трагических, горестных событий, которые глубоко вошли в историческую память советских людей, россиян. При этом Великая Отечественная война стала мощным жестким импульсом для развития всех отраслей жизнедеятельности, промышленности, народного хозяйства и науки, в том числе психологии, фактором формирования новых

направлений научных исследований, новых задач, которые не потеряли своей актуальности и в мирной жизни.

Цель данной статьи — проанализировать и обьективировать характер, направления, источники, темпы развития отечественной военной психологии в СССР после Великой Отечественной войны, показать, что в данной сфере трудились, в первую очередь, психологи, прошедшие войну, воевавшие на фронтах, проживающие в самых разных уголках страны, принадлежащие к разным национальностям.

Историю и науку создают, в первую очередь, выдающиеся личности. В статье мы остановимся на рассмотрении деятельности ученых, которые защитили докторские диссертации в области военной психологии, положив начало новым направлениям исследований в этой отрасли, и их учеников, последователей, защищавших кандидатские диссертации по военной психологии. Во второй половине XX в. в СССР этих ученых объединяли межличностные и научные связи, близкая тематика исследований, военный опыт, ценностно-мотивационное единство (не допустить повторения войны, защитить свою Родину).

Борис (Бубнэй) Циренович Бадмаев (1926—1999), родился 9 февраля 1926 г. в селе Баянгол Баргузинского района Бурятской АССР в многодетной крестьянской семье. Около 40 лет отдал службе в ВС СССР: с декабря 1943 г. по декабрь 1946 г. служил рядовым. С 1946 по 1948 г. учился в Ярославском военно-политическом училище. До 1955 г. служил замполитом роты, на Семипалатинском полигоне принимал участие в первых испытаниях ядерного оружия. Здесь он встречался с И. В. Курчатковым, который оказал влияние на выбор будущей профессии ученого.

Впоследствии Бадмаев продолжил обучение в Военно-педагогическом институте им. М. И. Калинина и в Военно-политической академии им. В. И. Ленина, где потом работал преподавателем. В 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Формирование общественно полезных интересов у советских воинов». В 1982 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Психолого-педагогические проблемы эффективности изучения марксистско-ленинской теории в Вооруженных Силах». Под руководством Бадмаева был защищен ряд диссертаций в области военной психологии: Болтовский И. В. «Психологические особенности специальной подготовки молодых солдат ракетных частей» (1972), Данишка Г. «Психологический анализ процесса формирования качеств личности пропагандиста у офицеров-политработников ЧНА» (1976), Садчиков Ю. И. «Психологические условия эффективного изучения первоисточников марксизма-ленинизма в вузах» (1987).

В 1972—1973 гг. под руководством Бадмаева по заданию Генерального штаба МО СССР в Вооруженных Силах проводился широкомасштабный эксперимент, связанный с обучением различных категорий специалистов по методикам, разработанным на основе теории П. Я. Гальперина о поэтапном формировании умственных действий. По результатам этого эксперимента десять методик обучения воинов-специалистов (телеграфистов, локаторщиков, гидроакустиков, авиационных механиков и др.), созданных группой, вошли в официальные руководящие документы и были внедрены в практику массового обучения в Вооруженных Силах.

Алексей Данилович Глоточкин (1925—2007) родился 18 ноября 1925 г. в деревне Михайловка Бакурского района Саратовской области. Его трудовой страж —

66 лет (с 16 до 80 лет), из них более 43 лет — служба в Вооруженных Силах. В феврале 1943 г. он был призван на военную службу, во время войны был командиром минометного взвода, а после — слушателем Военно-педагогического института, командиром роты суворовцев, начальником дивизионной школы сержантского состава; адъюнктом и старшим преподавателем кафедры военной психологии и педагогики Военной академии; старшим инспектором Главного политического управления Советской Армии и Военно-морского флота; начальником военно-педагогического факультета Военно-политической академии. Закончил службу в звании генерал-майора.

В начале 1960-х годов он одним из первых военных психологов на уровне кандидатского исследования осуществил психологическое изучение воинского коллектива. В 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Формирование взаимоотношений в воинском коллективе (взвод, рота) на основе требований воинских уставов». В 1972 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Социально-психологические проблемы формирования первичного коллектива (на материалах воинских подразделений)».

Благодаря трудам Глоточкина сформировалась социально-психологическая отрасль военной психологии. В кандидатских диссертациях его учеников эта линия исследований получила свое продолжение, в разные годы под его руководством защитились Китов А. И. «Психологические основы предупреждения нарушений воинской дисциплины» (1967), Минаев Ю. Н. «Формирование общественного мнения воинского коллектива» (1974), Алехнович Е. С. «Психологический анализ организаторской деятельности офицера-политработника подразделения» (1978), Каширин В. П. «Психология самоутверждения личности в военно-морском курсантском коллективе» (1979), Лазарев В. П. «Управление социально-психологическим климатом корабельного коллектива» (1984), Крапивин М. П. «Социально-психологические аспекты предупреждения межличностных конфликтов в первичных военно-строительных коллективах» (1987), Дружин В. Н. «Психологическая компетентность в профессиональной деятельности командира полка (батальона)» (1998). Ряд учеников Глоточкина разрабатывали вопросы профориентации в области военных профессий: Алешкин В. В. «Социально-психологические аспекты формирования военно-профессиональной ориентированности учащихся» (1991), Лоскутов В. Н. «Формирование психологической готовности школьников к службе в Вооруженных Силах СССР» (1991).

Также Глоточкин по праву считается одним из создателей отечественной пенинтенциарной психологии.

Тигран Тигранович Джамгаров (1921—1980)¹ родился в г. Тбилиси. В 1939 г. поступил в ГОЛИФК им. П. Ф. Лесгафта (Государственный Ордена Ленина институт физической культуры им. П. Ф. Лесгафта), откуда в октябре того же года был призван в ряды Красной Армии и направлен работать преподавателем физической подготовки ЛПКУ имени С. М. Кирова, где служил до начала Великой Отечественной войны. С июня 1941 г. сражался на Ленинградском Северо-Западном и 2-м Прибалтийском фронтах в 20-м гвардейском стрелковом полку, 7-й гвар-

---

¹ Авторы выражают благодарность Е. Е. Хвацкой, заведующей кафедрой психологии НГУ имени П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург, за предоставленные материалы о Т. Т. Джамгарове.

дейской стрелковой дивизии, в должностях командира орудия, роты, батареи 120 мм минометов, начальника артиллерийского стрелкового полка. Войну закончил в звании гвардии майора.

С августа 1946 г. работал в Высшей офицерской артиллерийской школе, вначале преподавателем, а затем начальником физической подготовки, старшим преподавателем. В 1949 г. окончил заочное отделение ГОЛИФК имени П. Ф. Лесгафта. С 1950 по 1953 г. обучался в адъюнктуре кафедры педагогики и психологии КВИФКиС им. В. И. Ленина. В 1954 г. в Ленинграде, в Военном институте физической культуры и спорта защитил кандидатскую диссертацию на тему «Воспитание волевых качеств (решительности и смелости) у советских воинов средствами физической подготовки». В 1971 г. в Москве в Военно-политической академии им. В. И. Ленина защитил докторскую диссертацию на тему «Прогнозирование способностей к летной деятельности (К проблеме психологического отбора летчиков Военно-Воздушных сил)».

Разработал научные основы профессионального психологического отбора летного состава ВВС и других военных специальностей. Обосновал специальную направленность физической подготовки военнослужащих к профессиональной деятельности. Один из создателей специального летного тренажера ДКН, позволяющего моделировать движения летчика при пилотировании самолета. Под его руководством защитили кандидатские диссертации Маришук В. Л. «К вопросу об эмоциональной устойчивости курсантов-летчиков и возможности ее совершенствования с применением средств физической подготовки» (1964), Гандер Д. В. «Исследование путей объективации оценок управляющих действий летчика при выполнении посадки самолета в процессе летного обучения» (1973), Петрушевский И. И. «Исследование влияния физических нагрузок на некоторые стороны умственной работоспособности военнослужащих» (1963), Батаршев А. В. «Исследование инженерно-психологических путей оптимизации подготовки операторов корабельных систем управления (на примере подготовки вахтенных офицеров атомных ракетных подводных лодок по боевому использованию боевых информационных управляющих систем при торпедных атаках по подводным лодкам противника)» (1977).

В 1975–1979 гг. Джамгаров заведовал кафедрой психологии Государственного дважды орденоносного института физической культуры им. П. Ф. Лесгафта (ГДОИФК им. П. Ф. Лесгафта); ныне – Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта (НГУ им. П. Ф. Лесгафта), Санкт-Петербург).

Михаил Иванович Дьяченко (1919–2006) – родился 16 февраля 1919 г. в местечке Седнев Черниговской области. Прошел всю войну в составе в 83-й кавалерийской дивизии. После войны поступил в адъюнктуру Высшего военно-педагогического института имени М. И. Калинина в Ленинграде. Своими учителями он считал Б. Г. Ананьева и Г. Д. Лукова. В 1953 г. защитил диссертацию на тему «Психологические основы подвига советского воина». В 1969 г. – докторскую диссертацию на тему «Психологический анализ боевой деятельности советских воинов».

В течение многих лет работал преподавателем Военно-политической академии им. В. И. Ленина. По инициативе М. И. Дьяченко в ВПА им. В. И. Ленина был введен учебный курс военной психологии объемом 40 часов.

Основным предметом его внимания была методология военной психологии, методика преподавания, межпредметные связи с другими дисциплинами в тесной связи с практикой. Под его руководством защищено более 30 диссертаций по военно-психологической проблематике, в частности: Пирожков В. Ф. «Формирование коммунистического мировоззрения у советских воинов» (1964), Бабичев П. Н. «Революция в военном деле и формирование тактического мышления командиров подразделений (По опыту Сухопутных войск)» (1967), Зуев Ю. П. «Психологическая подготовка личного состава ракетных подводных лодок к боевой деятельностью» (1967), Круглевский Н. В. «Волевые качества и их воспитание у курсантов высших военно-морских училищ» (1967), Давыдов В. Ф. «Влияние взаимоотношений номеров расчета РЛС на качество боевого дежурства» (1973), Кандыбович Л. А. «Формирование психологической готовности у курсантов инженерных вузов ПВО к службе в частях ЗРВ» (1973), Духачь Лубош «Психологическое исследование эффективности деятельности воинов в сложных ситуациях службы в зависимости от направленности их личности» (1974), Осипенков Е. Ф. «Социально-психологические особенности курсантов и их учет в учебно-воспитательном процессе» (1976), Сысоев В. В. «Психологическая готовность к десантированию и ее формирование у личного состава ВДВ» (1977), Бек З. «Психологическая подготовка курсантов унтер-офицерских школ к выполнению задач по охране государственной границы ГДР» (1978), Мерзляк А. Б. «Формирование готовности курсантов военных училищ Сухопутных войск к руководству подразделениями (На опыте преподавания военных дисциплин)» (1980), Хозиев Б. И. «Психологические основы повышения эффективности усвоения правовых знаний курсантами и слушателями высших военно-политических учебных заведений. (Экспериментальное исследование)» (1982), Фурманец Б. И. «Психологическая готовность к деятельности авиаинженера и ее формирование у курсантов» (1983), Тарасов А. Н. «Психологические особенности деятельности офицера-связиста в стрессовых ситуациях» (1990), Кандыбович С. Л. «Влияние управленческого общения командира танкового подразделения на выполнение подчиненными сложных учебно-боевых задач» (1995); три исследования проведены офицерами стран Варшавского Договора.

И в России, и за рубежом М. И. Дьяченко знают как одного из основоположников, создателей отечественной военной психологии, труды которого еще многие годы будут определять ее «лицо», актуальные векторы и направления развития данной научной отрасли, поскольку именно он в свое время заложил тот мощный теоретико-методологический фундамент, на котором здание военной психологии способно расти и развиваться.

Георгий Михайлович Заракровский (1925–2014) родился он в Ленинграде 26 марта 1925 г. В годы Великой Отечественной войны работал охранником и санитаром в эвакогоспитале. В январе 1943 г. был мобилизован и стал наводчиком противотанкового ружья. Боевой путь закончил на Дальнем Востоке. В 1946–1951 гг. Заракровский учился в Военно-морской медицинской академии (ВММА). По окончании академии в период 1951–1958 гг. работал врачом-физиологом, начальником медицинской службы спасательного судна Краснознаменной Каспийской флотилии; адъюнктом при кафедре физиологии подводного плавания сначала Военно-морской медицинской академии (ныне – Военно-медицинской академии),

научным сотрудником, начальником отдела. В этот период он изучал проблемы психофизиологических особенностей военно-морского труда, деятельности командира подводной лодки, в том числе принятия им решений (Меденков, 2020).

В 1960 г. защитил в Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова диссертацию на соискание ученой степени кандидата медицинских наук по теме «К вопросу о механизме способности организма удерживать индифферентный газ в состоянии прессыщения». В 1965—1987 гг. работал в Государственном научно-исследовательском испытательном институте авиационной и космической медицины, где начал первые эргономические исследования в стране, разработал свой методологический подход к изучению структуры деятельности. Обосновал системную методологию формирования и поддержания работоспособности летного состава, космонавтов и расчетов командных пунктов. Конструировал приборы для исследования высшей нервной деятельности, возглавлял исследования по разработке руководств для отбора будущих летчиков и подготовке ряда пособий для отбора военных специалистов. В 1974 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора психологических наук по специальности «Психология труда» по проблемам психологического анализа и проектирования деятельности специалистов оператора психологического профиля. Данная тематика была продолжена в работах учеников Зараковского. Кандидатские диссертации, защищенные под его руководством: Хворикова Э. Ф. «Исследование влияния инженерно-психологических факторов на работоспособность операторов сопровождения целей ЗРК» (1981), Лазуткин В. И. «Экспериментально-теоретическое обоснование и разработка метода пространственной организации элементов полифункциональных информационных моделей в образцах военной техники Сухопутных войск» (1983). В 1987 г. Зараковский вышел в отставку в звании полковника медицинской службы.

Максим Петрович Коробейников (1921—1999) родился 4 августа 1921 г. в деревне Чекоты Вожгальского (ныне — Куменского) района Кировской области в семье крестьянина. С июля 1941 г. — в Советской Армии. На фронте с декабря 1941 г. по сентябрь 1944 г., сражался на Северо-Западном, Волховском, Ленинградском и 3-м Прибалтийском фронтах. Был командиром пулеметного взвода, стрелковой и разведывательной рот, командовал батальоном. Закончил войну в 1944 г. комбатом, в звании капитана 1216-го стрелкового полка, 364-й стрелковой Тосненской дивизии, 54-й Армии 3-го Прибалтийского фронта. Был трижды ранен. После войны окончил адъюнктуру на кафедре общей и военной психологии Военного педагогического института Советской Армии. В 1957 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Формирование умений и навыков стрельбы из автоматов на ходу», в 1970 г. — докторскую диссертацию по теме «Психологические проблемы подготовки советских воинов к современной войне». Подготовил 10 кандидатов наук, в том числе: Столяренко А. М. «Психологические особенности формирования мастерства оператора радиолокационной станции» (1965), Ковалёв В. И. «Психологические основы формирования боевой активности у советских воинов (По опыту подготовки операторов радиолокационных станций)» (1968), Сергеев П. И. «Психологические состояния пограничников при выполнении боевого приказа по охране Государственной границы СССР (1968)».

В 1964 г., находясь в должности начальника группы научных сотрудников Военно-политической академии им. В. И. Ленина, опубликовал исследование

на тему «Поведение воина в опасной ситуации. Проблемы страха и паники в войсках», которая весьма актуальна и сегодня.

Константин Константинович Платонов (1906–1984) родился 7 июня 1906 г. в г. Харькове в семье потомственных врачей (Петрюк и др., 2010), окончил Харьковский медицинский институт по специальности «лечебное дело». В 1935 г. Платонов начинает работать в Научно-исследовательском санитарном институте (позднее — Институт авиационной медицины) в Москве, вступает в ряды Красной Армии, получает воинское звание военврача III ранга, активно исследует вопросы авиационной и военной психологии: формирование навыков и способностей летчика, использование различных систем летных тренажеров в профессионально-психологической подготовке к восприятию летчиком приборной доски, психические состояния в условиях полета и т. д. В 1936 г. без защиты диссертации (по совокупности работ) Платонову была присвоена ученая степень кандидата медицинских наук. Во время Великой Отечественной войны он прошел в составе 16-й воздушной армии путь от Сталинграда до Берлина. Продолжая работать как специалист, он был заместителем флагманского врача армии, организовывал и проводил медико-психологические экспертизы боеспособности летчиков. В 1953 г. защитил диссертацию на соискание степени доктора медицинских наук.

В 1949 г. начал читать курс лекций по психологии труда на кафедре психологии МГУ. Учебник, написанный по данному курсу и выдержавший два издания, стал основой его докторской диссертации «Вопросы психологии труда», защищенной в МГУ в 1971 г. С 1960 г. Платонов — сотрудник сектора психологии Института философии АН СССР, затем вновь организованного Института психологии АН СССР. Проводил новаторские исследования в области психологии труда. Разрабатывал новые методы психологического анализа деятельности летчика, в частности, создал самолет-лабораторию. Подготовил 5 докторов и 19 кандидатов наук, в частности, под его руководством защитились: Завьялов Е. С. «О действии гипоксии на умственную работоспособность летного состава» (1951), Глоточкин А. Д. «Формирование взаимоотношений в воинском коллективе (взвод, рота) на основе требований воинских уставов» (1964), Юсов В. Т. «Психологическая подготовка личного состава как один из факторов предотвращения летных происшествий» (1967), Воржишек В. «Формирование марксистско-ленинских убеждений у курсантов Чехословацкой народной армии (Проблема психологического подхода в постановке общественно-научного образования в училищах ЧНА)» (1968), Ковалевский В. Ф. «Методологические проблемы профессионального психологического отбора военнослужащих» (1972) и др.

Александр Тимофеевич Ростунов (1920–1996), родился в 1920 г. в семье крестьянина в селе Татьево Оленинского района Тверской области. Участник Великой Отечественной войны, служил в 752-м зенитном авиаполку ПВО. Прошел боевой путь от Тверской области до Венгрии. После войны закончил Военную академию артиллерийской радиолокации.

В 1975 г. Ростунов защитил кандидатскую диссертацию, а в 1982 г. — в Минске в Минском высшем инженерном зенитном ракетном училище ПВО (МВИЗРУ) докторскую диссертацию «Психологические основы формирования профессиональной пригодности военных специалистов». Под его руководством был защищен ряд диссертаций: Комиссаров А. М. «Формирование профессионально-важ-

ных психологических качеств офицеров-десантников (1986), Козубовский В. М. «Групповая готовность оператора к сложным видам совместной деятельности» (1990), Радюкин Е. Е. «Психологическая подготовка будущего офицера инженера — строителя к профессиональной деятельности в особых условиях» (1993).

После окончания службы в армии полковник в отставке Ростунов работал в качестве старшего научного сотрудника училища, заведующего отделом трудового обучения и профориентации Научно-исследовательского института педагогики Министерства образования БССР (ныне — Национальный институт образования (НИО) Республики Беларусь), Возглавлял Минскую секцию Белорусского отделения Академии акмеологических наук.

Алексей Михайлович Столяренко (1924—2019) родился 1 апреля 1924 г. в Баку в семье преподавателя вуза. В декабре 1941 г. добровольцем ушел на фронт. Участвовал в боях на Северном Кавказе, в боевых действиях кораблей эскадры. Отслужил на флоте 35 лет, вышел в отставку командиром соединения кораблей, капитаном I ранга. С 1955 г. начал проводить психологические исследования. В 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Психологические особенности формирования мастерства оператора радиолокационной станции» и назначен преподавателем кафедры военной педагогики и психологии академии, в 1974 г. защитил докторскую диссертацию по психологии на тему «Психологические проблемы обеспечения высокой боевой готовности корабельных сил ВМФ». Один из основателей военно-морской психологии, активно разрабатывал психологические проблемы психологии боевой готовности и обеспечения действий личного состава при внезапном начале войны, формирования профессионального мастерства, психологии обучения. Эта тематика нашла отражение и в диссертациях учеников Столяренко: Сушко Е. В. «Психологические условия поддержания высокой бдительности подводников в дальних походах» (1977), Селезнев В. Н. «Мотивы деятельности военных моряков в автономном плавании и пути влияния на них в целях обеспечения высокой боевой готовности корабля» (1978), Тараненко В. С. «Психологические особенности обучения специалистов-ремонтников отысканию и устранению неисправностей артиллерийского вооружения» (1978), Булатов С. М. «Психологический анализ деятельности личного состава при маневренном базировании кораблей в низких широтах океана» (1980), Андреев И. Т. «Психологические условия повышения эффективности деятельности воина-оператора на боевом дежурстве» (1983) и др.

В 1995—2004 гг. им были разработаны основы новой отрасли педагогики — юридической педагогики. Столяренко в 1999 г. защитил вторую докторскую диссертацию по педагогике — «Методология, теория и практика юридической педагогики в МВД», ему была присвоена ученая степень доктора педагогических наук. Данное научное направление также развивалось в диссертациях его учеников: Соколова Е. Н. «Морально-психологическая подготовленность следователя и ее формирование у курсантов и слушателей в специализированных образовательных учреждениях МВД России» (1999), Кокурин А. В. «Психологическая диагностика профессионального становления личности курсантов и слушателей: На материалах высших образовательных учреждений МВД и МЮ России» (2001).

Алексей Фёдорович Шикун (1927—2012) родился на Украине, в городе Мелитополе 9 марта 1927 г. В 1943—1945 гг. он был бойцом истребительного баталь-

она по борьбе с организованной преступностью и одновременно проходил обучение в медицинском училище и вечерней школе-десятилетке. С 1945 по 1950 г. Шикун продолжил обучение в Сталинском государственном медицинском институте в г. Донецке. С 1956 по 1959 г. осуществлял хирургическое обеспечение войсковых частей, дислоцированных в районах Крайнего Севера СССР. С 1959 по 1986 г. проходил службу в Военной командной академии противовоздушной обороны им. Маршала Советского Союза Г. К. Жукова и в течение 20 лет читал на курсах повышения квалификации авторский курс по педагогике и психологии (Журавлев, Жалагина, 2017). В 1984 г. в Москве в Военно-политической академии им. В. И. Ленина защитил докторскую диссертацию по психологии «Проблемы психологической подготовки командных кадров войск ПВО ВПА». Является основателем факультета психологии и социальной работы Тверского государственного университета. Под его руководством защитилось более 100 кандидатов науки и 6 докторов наук, в частности по военно-психологической проблематике: Козлов С. А. «Психологическая устойчивость операторов РЛС и пути ее формирования в процессе специальной подготовки» (1995), Ошметков А. С. «Разработка метода и средств поддержки работоспособности военных специалистов оперативного профиля» (1995), Ещенко Н. Г. «Негативные психические состояния в деятельности сотрудников специальных отрядов быстрого реагирования и пути преодоления их последствий» (1997), Гришина Л. Н. «Прогнозирование склонности к совершению несанкционированных действий военнослужащими в особых условиях деятельности» (1999), Субботин Р. С. «Представление и использование знаний экспертов в системах обеспечения принятия решений» (1999), Морев А. В. «Деятельность офицера-психолога по управлению ценностно-нормативными конфликтами в курсантских учебных группах вузов МО РФ» (2000).

Конечно, мы назвали далеко не всех, кто разрабатывал вопросы отечественной военной психологии, очень много было сделано военными психологами, которые так и не защитили докторских диссертаций, а также представителями других научных направлений — педагогами, врачами, инженерами и т. д. Изучение данного наследия — тема дальнейших исследований.

Великая Отечественная война — мощный социально-исторический фактор, спровоцировавший всплеск практического интереса к военной психологии. Этот интерес был своевременно поддержан на самом высоком уровне (Министерства обороны СССР, правительства СССР). Опыт Великой Отечественной войны сформировал адекватное понимание важности данного поля исследований, были созданы соответствующие условия для научной деятельности в этом направлении. Важным условием эффективности работы в области военной психологии, плодотворности деятельности, уникальности реализованных подходов является поликультурная среда, которая сформировалась после Великой Отечественной войны, когда люди, выросшие, воспитанные в одной культурной среде, оказывались в совершенно иных условиях, неоднократно меняли место жительства. Новая поликультурная среда способствовала обмену опыта: представители различных научных школ, носители различных национальных менталитетов в процессе академической мобильности могли обмениваться широким социокультурным и более узким практическим опытом боевой и научной деятельности.

На фоне потребности в психологических исследованиях после войны наблюдался значительный дефицит психологов, и это спровоцировало еще одну особенность — междисциплинарность; профессиональные кадровые военные, педагоги, врачи, активно начинали осуществлять психологические исследования, что позволяло изучать проблемы комплексно, под различными углами зрения, без отрыва от практической военной деятельности.

Литература

Журавлев А. Л., Жалагина Т. А. 90-летию выдающегося ученого — Шикуну Алексея Федоровича, посвящается // Психология, образование: актуальные и приоритетные направления исследований: Материалы Международной научно-практической конференции студентов, магистров, аспирантов, молодых ученых и их наставников, посвященной 90-летию заслуженного деятеля науки РФ, доктора психологических наук, профессора Алексея Федоровича Шикуну. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. С. 10–16.

Меденков А. А. Зараковский Георгий Михайлович. Лица отечественной эргономики // Межрегиональная эргономическая ассоциация. URL: <http://www.ergo-org.ru/history-zag.html> (дата обращения: 07.09.2020).

Петрюк О. П., Петрюк П. Т., Бондаренко Л. И. Династия Платоновых и проблемы психиатрических нейронаук: профессор Константин Константинович Платонов — выдающийся отечественный ученый-экспериментатор, психолог, невропатолог и бывший сабурянин. Сообщение 3 // Психічне здоров'я. 2010. Вип. 4. С. 68–78.

The Great Patriotic war – as a factor of the formation of the military scientific brotherhood (on the example of Soviet scientists-psychologists)

S. L. Kandybovich

FSFEE HE “Yesenin Ryazan State University”, Ryazan

T. V. Razina

FSFE “RussianAcademy of Education”, Moscow

The article provides an overview of the development of Russian military psychology in the period 1950–2000. The main directions and key personalities are determined — doctors of psychological sciences who fought on the fronts of the Great Patriotic War and defended dissertations in this period in military psychology: B. Ts. Badmaev, A. D. Glotchkin, T. T. Dzhamgarov, M. I. Dyachenko, G. M. Zarakovsky, M. P. Korobeinikov, K. K. Platonov, A. T. Rostunov, A. M. Stolyarenko, A. F. Shikun. A range of scientific issues solved in the field of military psychology is outlined: psychological and professional training of military pilots, sailors, submariners, air defense forces, problems of educational activities in the Soviet Army, social psychology of a military collective, issues of vocational guidance and professional diagnostics, professional aptitude in the field of military professions,

as well as questions of theory and methodology of military psychology as an independent scientific branch.

Keywords: history of psychology, military psychology, the Great Patriotic War, scientific brotherhood, combat experience, scientific directions.

Россия – родина военной психологии

А. Г. Караяни

ФГКУ «ВНИИ МВД России», Москва, karayani@mail.ru

В статье обосновывается приоритет России в создании военной психологии как науки и области практической деятельности. Показано, что термин «военная психология» был впервые целенаправленно использован российским военным ученым Г. А. Леером. Отмечается, что первый научный текст, озаглавленный термином «военная психология», был написан известным русским военачальником контр-адмиралом С. О. Макаровым. Приводятся данные о широком участии российских военных ученых в обсуждении военно-психологических проблем в период становления военной психологии. Показано, что впервые программа создания военной психологии как науки представлена в трудах Г. Е. Шумкова. Доказан приоритет российских военных ученых в организации первого военно-психологического сообщества и проведении первого военно-психологического исследования.

Ключевые слова: военная психология, Г. Е. Шумков, Русско-японская война.

В начале XXI в. Россия осознала необходимость серьезно обратиться к своим историческим корням. В них видится главная скрепа между разными поколениями россиян. В своей истории мы находим яркие достижения в науке, культуре, искусстве, спорте, военном деле и т. д. Для того чтобы новые поколения чувствовали, что они не точка на историческом пути, а часть мощного, устремленного из прошлого в будущее исторического потока, нужны факты, подтверждающие эту мощь в различных сферах нашей жизни. Это имеет непосредственное отношение и к истории психологической науки (подробнее см.: Историческая преемственность..., 2019; История отечественной..., 2016; Развитие российской психологии..., 2019; и др.)

Одним из таких фактов, доказывающих нашу научную состоятельность, безусловно, является наш приоритет в создании целой научной отрасли – военной психологии. Этот факт не отрефлексирован до сих пор по нескольким причинам. Во-первых, до недавнего времени сохранялось деление нашей истории на периоды «до» и «после» Великой Октябрьской революции. Нашу науку в тот период интересовало, за редким исключением (см., например: Будилова, 1983), преимущест-

венно то, что было «после». Во-вторых, мало доступны документы и публикации дореволюционной поры. В-третьих, осуществлялось умышленное исключение из научного осмысления периода зарождения военной психологии в зарубежных источниках, как правило, не изучается процесс зарождения военной психологии. После анализа некоторых военно-психологических идей и фактов прошлого, все внимание сосредоточивается на Первой мировой войне, в ходе которой была создана военно-психологическая служба в США (см., например: Kennedy, Zillmer, 2006; Laurence, Matthews, 2012).

Цель данной работы состоит в доказательстве приоритета нашей страны в создании военной психологии.

Методический замысел исследования состоит в том, чтобы установить факты первого адекватного упоминания термина «военная психология», осуществления первого научного военно-психологического исследования, выхода первого труда по военной психологии, в котором раскрываются ее предмет, задачи и методы, создания первого военно-психологического сообщества, практического использования военно-психологических знаний в военном деле.

Методом исследования избран анализ научной литературы и документов.

Проведенное исследование отечественной и зарубежной военно-психологической литературы позволяет констатировать следующее. Несмотря на то что военно-психологическое знание развивалось в рамках военно-психологического искусства полководцев прошлого на протяжении многих столетий, термин «военная психология», отражающий название научной отрасли, был впервые употреблен в трудах русского военачальника и ученого, начальника Академии генерального штаба генерала от инфантерии Генриха Антоновича Леера в 1869 г. Леер, анализируя тезис Наполеона о том, что на войне моральная сила относится к физической как 3 к 1 и что моральная сила с трудом поддается измерению, подчеркивает: «Не подлежа весу и измерению, она с трудом подчиняется теоретическому исследованию, тем не менее крайне ошибочно было бы, хотя бы в далеком будущем, отрицать возможность раскрытия законов, на основании которых совершается работа ума и сердца при военной обстановке, короче, возможность *военной психологии*. Что кажется иллюзией, утопией сегодня, может превратиться в факт завтра, справедливость этого подтверждается как нельзя лучше историей. Все, что теперь можно сделать по этому вопросу, так это наметить только правильный путь, идя по которому можно было бы дойти до раскрытия этих законов. Путь этот тот же самый, по которому раскрываются законы в других науках, именно *путь анализа*, наблюдения над отдельными явлениями (у нас фактами, представляемыми опытом, то есть военной историей, как хранительницей вековой опыта) и затем отвлечение от этих частных явлений общих (им всем или по крайней мере, большей их части) признаков, т. е. переход *от анализа к синтезу*. Отвлеченные таким образом общие признаки от частных явлений и дадут общий *вывод* или *закон*. И так все, что можно, в настоящее время сделать по этому весьма важному вопросу, это именно наблюдение над частными явлениями, анализ, критический разбор наиболее замечательных фактов с точки значения нравственного элемента на войне, т. е. *военно-психологические этюды* и телько» (Леер, 1869, с. 19).

В этой обширной цитате раскрыты важность военной психологии для изучения морального фактора войны, цель военной психологии, методы, которыми она призвана оперировать, и путь, по которому должно идти научное познание психологических явлений боя.

Интересные и весьма современные идеи о важности и необходимости военной психологии в военном деле высказал российский вице-адмирал Степан Осипович Макаров. В свой труд «Рассуждения по вопросам морской тактики», напечатанный в Морском сборнике за 1897 год (№ 1, 4, 7), Макаров включил отдельную главу, в названии которой употребляется термин «военная психология» («Влияние нравственного элемента на успех боя (Военная психология)») (Макаров, 1943, с. 134). В этой главе он обосновывает важность морального фактора на войне и необходимость развития военной психологии, анализирует психологические качества, необходимые воину, дает блестящий сравнительный анализ психологических качеств А. В. Суворова, Наполеона Бонапарта и адмирала Г. Нельсона. Макаров показал, что ход и исход любого сражения определяются психологическими факторами, описал некоторые приемы психологического воздействия на подчиненных в ходе сражения и т. д. (Макаров, 1943, с. 134–176). На самом деле не только одна глава в названной книге посвящена военной психологии. Психологией пронизана вся книга от первой страницы до последней, все темы, будь то боевая подготовка или самообразование и воспитание. Здесь впервые военная психология рассматривается применительно к задачам различных видов боевой практики.

В конце XIX–начале XX в. в России наблюдается взрывной рост интереса к военно-психологической проблематике со стороны командиров, военных врачей, других специалистов. Ни в одной стране мира в то время не было такого количества людей, высказывающих военно-психологические идеи. Особую активность в обсуждении военно-психологических проблем проявляли отечественные военные ученые А. П. Агапеев, Л. Л. Байков, А. А. Бильдерлинг, А. Д. Бутовский, К. М. Вольф, С. К. Гершельман, Н. Н. Головин, А. М. Дмитриевский, М. И. Драгомиров, К. И. Дружинин, В. В. Заглухинский, М. В. Зенченко, А. С. Зыков, П. И. Измestьев, А. А. Керсновский, Н. А. Корф, Н. В. Краинский, П. А. фон Ланг, Г. А. Леер, С. О. Макаров, И. П. Маслов, Н. П. Михневич, А. А. Мокржецкий, В. Н. Полянский, А. С. Резанов, Г. Е. Шумков и др. (подробнее см.: Будилова, 1983; Военно-психологические взгляды русских военных..., 1993; Феденко, Раздубев, 1993).

Они поднимали проблемы, связанные с личностными качествами воина, психологическим отбором, переживанием страха, тревоги на различных этапах боя (в ожидании боя, в бою, после боя), вопросы храбрости, дисциплины, психических расстройств военного времени, психологической подготовки, психологической стороны боевой учебы, психологической помощи, взаимоотношений в коллективах, сплоченности, военного управления, влияния алкоголя на психику участников боевых действий и др. Важной темой научных дискуссий были вопросы, касающиеся предмета, задач и методов военной психологии, ее места в системе наук.

После оформления мировой психологии в ранге науки (1879) и до 1917 г. в России было опубликовано 489 научных работ по военно-психологической тематике (Военная психология, 1998, с. 73). Ни в одной стране мира в то время не отмечается такой активности ученых в осмыслении и обсуждении военно-психологи-

ческих проблем. Нет и работ, подобных работам российских авторов по глубине военно-психологического анализа.

Российские военные, отмечая главенствующую роль психики в бою, подчеркивали, что «подготовить бой», «подготовить наступление» — равносильно понятию подорвать, расшатать, убить психические силы противника. И само физическое ранение становится не целью, но средством воздействия на психику». Н. А. Корф предлагал разделить все военные науки на несколько групп. Одну из этих групп должна составлять военная психология как наука о душевных явлениях, изучаемых в отношении их свойств с военной точки зрения. Корф подчеркивал, что военная психология имеет свой предмет изучения, который не охватывается «нормальной психологией мирного времени» (Феденко, Раздужев, 1993, с. 7).

Наибольший вклад в оформление военной психологии в научную отрасль внес военный врач и психолог Герасим Егорович Шумков. Менее чем за 20 лет плодотворной работы он посвятил военно-психологической проблематике десятки научных трудов. Его книгу «Психика бойцов во время сражений» (Шумков, б/г) можно, без сомнения, назвать первым научным трудом, в котором раскрываются миссия, предмет, задачи, разделы и методы военной психологии. На основе глубокого анализа процесса эволюции военного дела Шумков приходит к мысли, что психика есть «первая ценность и главное орудие боя», что «поражение психики является для горячей боевой работы более ощутимой потерей, нежели одиночная смерть бойца, не считая того, что нарушенная психика немногих участников боя может расстроить и понизить психику многих других его сотоварищей, вызывая панику» (там же, с. 10). Таким образом, военное искусство из науки о полном физическом истреблении противника трансформируется в науку «о поражении психических сил противника, о наилучших и верных способах устрашения... искусство полководца становится умением не только истреблять врага, но, главным образом, устрашать его, — действуя на его психику, поддерживая и экономя психическую энергию в своих войсках» (там же, с. 11). И следовательно, «подготовить бойца к войне — не значит научить только искусству убивать противника, но, главным образом, научить владеть собой в боевой обстановке» (там же, с. 11).

Доказывая специфичность предмета военной психологии, Шумков подчеркивал, что «область, подлежащая нашему научному исследованию, есть бой, центральное место в котором занимает боец. Психика его, его свойства и деятельность во время боя составляют для нас задачу <...> Научные положения нормальной психологии не применимы во всех своих положениях к психике бойца». Он утверждает, что «область, подлежащая исследованию психологии бойца, значительно шире объема нормальной психологии» (там же, с. 15). Так как исследованию должна подлежать вся та область психических явлений, которая заключена в диапазоне между полным здоровьем человека и его болезнью, в силу которой он является неспособным нести свое оружие.

По мнению Шумкова, «военная психология — только тогда явится наукой, необходимой для полководца, когда она откроет ему секрет о боевой силе или работоспособности бойца во все фазы боевой обстановки, когда она выработает свои научные положения о моментах, понижающих и повышающих работоспособность бойца, укажет совместное действие разных моментов боя на боевую силу: укажет средства борьбы с наступающим понижением силы в своих войс-

ках и наметит моменты, способствующие угнетению и ослаблению силы своего противника. Такая военная психология займет подобающее место в ряду военных наук» (там же, с. 18).

Для того чтобы военная психология выполнила предписанную ей роль, она должна, по мнению Шумкова, придерживаться следующих принципов (там же, с. 19–27):

1. На войне нет случайностей. Всюду властвует закон, в том числе и в бою, и в психической сфере бойца. Уловить сложную цепь причин и следствий в психологии боя и должно составлять задачу военной психологии.
2. Изучение боя должно быть строго научное, холодное, беспристрастное, на основе изучения фактов и явлений.
3. Во всяком бою необходимо видеть личность, которая изменяется под влиянием обстановки. И эти изменения могут быть физиологическими и патологическими.
4. Абсолютной воли бойца не существует, и все его поступки подчиняются закону причинности.
5. Изучение бойца должно быть психофизиологическим, во всевозможной полноте и обстоятельности. «Человек есть нечто целое и, чтобы познать его, нужно изучать его всего: психику и физику совместно и одновременно» (там же, с. 22).
6. Военная психология, сохраняя практический характер, должна изучать не сами боевые силы, а их проявления, т. е. работоспособность бойца (психофизическое здоровье, интеллект, силу эмоций, ловкость, скорость движений, выносливость и т. д.).

Военная психология должна решать две взаимосвязанные задачи:

Во-первых, исследовать факторы боя или моменты и причины, влияющие на психику бойца во время боя. Во-вторых, изучать изменения в психике бойца в части проявления его боевой силы в зависимости от тех или других факторов боя.

Шумков в своей работе обосновывает и методы *военной психологии* (наблюдение за внешним поведением воина и самонаблюдение бойца, фиксация объективных проявлений его психических состояний, опрос о переживаниях воина). Он предлагает *метод одновременного изучения психики*, включающий изучение бойца со стороны его сознания, внешнего обнаружения эмоций в поступках и проявлениях сосудистой системы, внутренних органов.

Шумков завершает свою работу предложением целостной *программы развития военной психологии как науки*, которая предполагает:

1. Сбор психологических материалов по рассказам участников войны, лиц медицинского персонала, записей, фотографий, военной литературы, художественных произведений о войне, военной истории и т. д.
2. Систематизацию этих материалов в соответствии с задачами военной психологии.
3. Формулировку выводов и прогнозов.

Таким образом, в рассматриваемой работе Г. Е. Шумкова формируется целостный образ военной психологии как науки. Ни в одном зарубежном научном произведении того времени нет такого всестороннего и детального обоснования.

Военно-психологические идеи первых российских военных психологов были проверены в ходе Русско-японской войны (1904—1905). В ходе войны в российской армии впервые в истории была создана и апробирована глубоко эшелонированная система психолого-психиатрической помощи участникам боевых действий, сформулирован принцип приближения психологической помощи к линии фронта, осуществлялось изучение влияния боевой обстановки на поведение военнослужащих (Караяни, 2019, с. 58—59; Макичян, 2014, с. 23—31). И хотя эта помощь оказывалась в рамках психиатрических нормативов, методологии и схем, некоторые ее организаторы (в частности, Г. Е. Шумков) называли себя военными психологами.

После окончания войны в структуре Общества ревнителей военных знаний было создано первое в истории сообщество военных психологов — Отдел военной психологии во главе с Г. Е. Шумковым (1908). В него входили люди, считавшие себя военными психологами. Среди них Н. Н. Головин, Р. К. Дрейлинг, К. И. Дружинин, В. Н. Полянский, Г. Е. Шумков и др. Целью отдела была разработка военной психологии как отрасли общих и военных наук, исследующей духовную сторону явлений войны и наилучшую подготовку и использование психической стороны — сил, средств и способов, — вооруженной борьбы (Военная психология, 1998).

На заседаниях отдела обсуждались животрепещущие военно-психологические проблемы того времени, в первую очередь военно-психологический опыт, полученный на Русско-японской войне. Так, на одном из заседаний обсуждался доклад ветерана этой войны К. И. Дружинина «Исследование душевного состояния воинов в различных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904—1905 гг.», который в 1910 г. был издан отдельной книгой. В этом докладе Дружинин дал подробную психологическую характеристику боя в целом, а также раскрыл психологические особенности разведки, наступления, обороны, отступления, марша, ожидания боя, сформулировал уроки, которые должны извлечь из этого опыта военная психология.

Отделом была разработана и разослана участникам Русско-японской войны специальная анкета с вопросами об их впечатлениях и переживаниях в ходе боевых действий. Это было исторически первое военно-психологическое исследование такого масштаба.

Ответы на вопросы анкеты позволили получить точное и детальное представление о характере влияния боя на психику воина, о психологических факторах, определяющих его боевую активность (Сенявская, 1999, с. 7—8).

Членами Отдела были опубликованы десятки работ в журнале «Военный сборник» и газете «Военный инвалид» с анализом психологических явлений войны, психологической подготовки и помощи.

Таким образом, рассмотренные факты подтверждают приоритет российских военных психологов в области разработки теоретико-методологических положений, касающихся предмета, задач, методов, принципов военной психологии, осмысления характера влияния боя на психику и поведение воинов, практической организации психолого-психиатрической помощи участникам боевых действий, создания первого военно-психологического сообщества и проведения первого масштабного военно-психологического исследования.

Литература

- Будилова Е. А.* Социально-психологические проблемы в русской науке. Вторая половина XIX—начало XX века. М.: Наука, 1983.
- Военная психология: методология, теория, практика. В 2 ч. М.: ВУ, 1998. Ч. 1.
- Военно-психологические взгляды русских военных деятелей XVIII—XX веков. В 2 кн. Кн. 2. М.: МО РФ, 1993.
- Дружинин К. И.* Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904—1905 гг. СПб., 1910.
- Историческая преемственность в отечественной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Харитоновна, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы Всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи». М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Караяни А. Г.* Военная психология: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2019.
- Корф Н. А.* О воспитании воли военачальников. Общество ревнителей военных знаний, 1906.
- Леер Г. А.* Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны (положительная стратегия). Ч. 1. СПб.: Изд-во при содействии Николаевской инженерной академии, 1869.
- Макаров С. О.* Рассуждения по вопросам морской тактики. М.: Военмориздат, 1943.
- Макичан А. А.* Организация медицинской помощи душевнобольным воинам во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2. С. 23—32.
- Развитие российской психологии накануне и после русской революции 1917 года: тенденции, школы, персоналии: Сборник статей участников Всероссийской научной конференции с международным участием «Арзамасские чтения по истории психологии». Арзамас: Интерконтент, 2019.
- Сенявская Е. С.* Психология войны в XX в.: исторический опыт России. М.: Росспэн, 1999.
- Феденко Н. Ф., Раздужев В. А.* Русская военная психология (середина XIX—начало XX века): Учеб. пособие. М.: ГА ВС, 1993.
- Шумков Г. Е.* Психика бойцов во время сражений. СПб., 1905. Вып. 1.
- Kennedy C. H., Zillmer E. A.* Military Psychology: Clinical and Operational Applications. New York—London: Guilford press, 2006.
- Laurence J. H., Matthews M. D.* The Oxford Handbook of Military Psychology. New York: Oxford University Press, 2012.

Russia – homeland of military psychology

A. G. Karayani

*National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation,
Moscow, karayani@mail.ru*

The article justifies the priority of Russia in the creation of military psychology as a science and field of practical activity. It is shown that the term “military psychology” was first pur-

posefully used by the Russian military scientist G. A. Leer. It is noted that the first scientific text, entitled “military psychology”, was written by the famous Russian military commander Rear Admiral S. O. Makarov. Data are given on the wide participation of Russian military scientists in the discussion of military-psychological problems during the formation of military psychology. It is proved that for the first time the program for the construction of military psychology as a science is presented in the works of G. E. Shumkov. The priority of Russian military scientists in creating the first military-psychological community and conducting the first military-psychological research is proved.

Keywords: military psychology, G. E. Shumkov, Russian-Japanese war.

Психоанализ и философия неотрейдизма

Н. А. Корниенко

*Новосибирский государственный аграрный университет, Новосибирск,
na.kornienko2012@yandex.ru*

Анализируются попытки преодоления сторонниками психоанализа биологизма классического фрейдизма. Развитие психоанализа в значительной мере ушло от классических фрейдовских представлений по целому ряду положений, касающихся сексуальной детерминации поведения. Крупные представители неотрейдизма не придавали ей первостепенного значения, а обсуждали проблемы личностного роста и возникновения невротических наклонностей с позиции взаимоотношений личности и окружения, социального формирования восприятия мира и самовосприятия. К. Хорни, Г. Салливан, Э. Фромм, Э. Эриксон, В. Райх подвергли критике некоторые фундаментальные подходы и утверждения Фрейда и акцентировали роль социальных и культурных детерминант в жизнедеятельности личности и общества.

Ключевые слова: влечения, сознательное, бессознательное, предсознательное, сексуальные переживания, «инстинкт жизни», «инстинкт смерти».

Чтобы определить психоаналитическую концепцию развития в перспективе, мы исследовали связь психологии и философии неотрейдизма (Корниенко, 1994, с. 37). Данная проблема по-разному трактуется зарубежными и отечественными учеными. Например, Юрген Хабермас считает, что в ту пору, когда к психологии обратился Фрейд, она считалась наукой о сознании, которое понималось как прямое знание субъекта о том, что происходит в его собственной душе. Фрейд это знание подорвал, опираясь на свой клинический опыт (Хабермас, 1990, с. 89–90). Его больные страдали именно от того, что не знали о своих влечениях, о том, что некогда вызвало душевную боль. Подавив контроль сознания (применяя гип-

ноз), удавалось найти следы событий, травмировавших личность. В смелом вторжении в дебри бессознательной психики и заключался новаторский шаг Фрейда.

Хабермас отмечает: «В развитии психоанализа стоит различать то, что отвечает клинической и научной дисциплинам, и то, что принадлежит новой парадигме понимания мира и человеческой личности. Поскольку психоанализ революционизировал наше самопонимание, он сам превратился в культурный феномен первостепенного значения. Каждая личность, как нам объяснял Фрейд, не может быть уверенной в том, что она хозяйка в доме своего сознания» (Хабермас, 1990, с. 90).

Психоанализ первоначально сложился как метод лечения неврозов, затем превратился в психологическую теорию, а впоследствии — в одно из важных направлений философии XX в. Он основывается на идее о том, что поведение определяется не только и не сколько сознанием, сколько бессознательным. Термин «психоанализ» употребляется в трех основных смыслах:

- 1) теоретическое направление в психоанализе;
- 2) особая методология исследования психики;
- 3) метод психотерапевтический.

Психоанализ – первая теория, пытавшаяся объяснить динамику личности

Согласно Фрейду, психоанализ занимает среднее звено, между медициной и философией; его начало — открытие и применение ассоциативного метода.

Психоанализ как метод психотерапевтический, открытый Фрейдом, представляет совокупность способов выявления особенностей переживаний и действий человека, обусловленных неосознаваемыми мотивами. Принимаем во внимание все его виды: групповой, гуманистический, дидактический, классический, структурный, феноменологический и экзистенциальный. Каждый из них содержит неповторимое содержание. Особо выделим феноменологический и экзистенциальный. «Психоанализ феноменологический представляет совокупность психоаналитически ориентированных воззрений и концепций, направленных на расширительную интерпретацию феноменологических компонент психоанализа и переосмысление его на основе феноменологической концепции сознания» (Словарь практического психолога, 1997, с. 468).

Как известно, во второй половине XX в. наибольшую известность среди попыток перестройки психоанализа на основе феноменологического учения Э. Гуссерля приобрели идеи финского исследователя Л. Раухала и французского философа П. Рикёра.

«Психоанализ экзистенциальный — одно из психоаналитически ориентированных философских учений — основан на комбинации модифицированных идей Фрейда и „фундаментальной онтологии“ М. Хайдегера. Это учение направлено на рассмотрение человека как тотальности, обладающей определенным смыслом. Его создатель выдающийся французский философ Жан Поль Сартр, стремившийся в объединению психоаналитического и экзистенциального подходов для решения ряда проблем, среди коих — реконструирование человеческой жизни на уровне онтологических и психических структур с учетом „изначального про-

екта“, а также — реконструирование человеческого свободного выбора» (Словарь практического психолога, 1997, с. 468—469).

Для экзистенциального психоанализа характерно понимание сознания как сути человеческого бытия и стремления к осмыслению человеческой реальности через будущее, а не прошлое. Отвергается понимание человека как априорно сексуального существа, критикуются психоаналитические теории бессознательного и аффектов. К числу существенных заслуг Фрейда экзистенциальный психоанализ относит и расшифровку скрытой символики человеческого поведения. Заметим, что ныне экзистенциальный психоанализ — один из важных каналов распространения классических и модифицированных идей психоанализа (Словарь практического психолога, 1997, с. 467).

Работа В. М. Лейбина «Психоанализ и философия неопрецидизма» помогает понять предысторию возникновения психоаналитических идей (Лейбин, 1977). Исследования показали, что задолго до Фрейда идеи о бессознательном были высказаны рядом естествоиспытателей, физиологов, психологов и психиатров. Эти идеи могли оказывать соответствующее воздействие на мышление основателя психоанализа.

Фрейд отнюдь не первый, кто рассматривал влечения как основную движущую силу человеческого поведения. Уже Аристотель считал влечение основой деятельности души, однако, сопоставив значение влечений, стремлений и ума в душе человека, он пришел к заключению, что главным двигателем человеческой души является не ум, не влечение, а такая способность души, которая называется стремлением (Аристотель, 1975, т. 1, с. 442—443). К осмыслению роли влечений неоднократно обращались Р. Декарт, Дж. Локк, Б. Спиноза, И. Кант, Г. Гегель. К моменту создания психоаналитического учения представления о бессознательном имели широкое хождение как среди философов, так и среди медиков.

Многие психоаналитики стали рассматривать Фрейда как ученого, которому принадлежит приоритет в открытии бессознательного. Сам основатель психоанализа не прочь был выступить в роли человека, совершившего коперниковский переворот в науке. Историко-философский анализ показывает, что Фрейду не принадлежит приоритет ни в постановке проблемы бессознательного, ни в движении целого ряда идей, на основе которых был создан психоанализ.

В теории психоанализа подчеркивается то, что область психического простирается за пределами тех испытываемых субъектом явлений, о которых он способен дать отчет. Это мнение высказывал философ В. Лейбниц. Но в предмет рассмотрения этого направления «бессознательного» превратил З. Фрейд.

Определена задача психоанализа — помочь страдающему человеку понять истинную причину страданий, скрытых бессознательным, вспомнить забытое, травмирующие переживания, сделать их сознательными и как бы пережить заново; это приводит к эффекту катарсиса. Выявить скрытое, сделать бессознательное содержание осознанным, т. е. доступным осмыслению (и отчасти контролю) — такова задача психоанализа как терапевтического метода. Согласно Фрейду, одна из задач — проникновение в тайну амнезии первых детских лет жизни и доведение до сознательного воспоминания содержащихся в них проявлений ранней детской сексуальности.

Обратимся к самому названию учения Фрейда — «психоанализ». В лекциях, прочитанных им в Кларковском университете в Ворчестере (США) в 1909 г., Фрейд заявил следующее: «Если создание психоанализа является заслугой, то это не моя заслуга: я не принимал участия в первых начинаниях. Когда другой венский врач Йозеф Брейер в первый раз применил этот метод над одной истерической девушкой (1880—1882), я был студентом и держал свои последние экзамены. Брейер использовал нетрадиционный для психотерапии того времени метод лечения, получивший название „катартический“. Данный метод заключался в восстановлении в памяти больного путем гипноза цепи патологических воспоминаний с целью дальнейшего освобождения от истерических симптомов. Происходило своего рода как бы очищение души. Само название „катартический метод“ возникло по аналогии с понятием Аристотеля «катарсис», которое использовалось древнегреческим философом в применении к искусству, когда трагедия рассматривалась с точки зрения „очищения“ от аффектов. Это еще раз свидетельствует о философских истоках психоанализа» (Фрейд, 1912, с. 48).

Фрейдовская теория и метод являются вкладом в достижение индивидуальной свободы. Психоанализ дает тонкий инструментарий для критического изучения искаженных форм жизни, патологических состояний сознания.

Психоанализ действительно представлял совершенно новую психологическую систему, к нему относится термин «психоаналитическая революция», он оказал огромное влияние на развитие искусства.

Обозревая в «Очерке истории психоанализа» (1914) путь его становления и превращения в психоаналитическое движение, Фрейд был вынужден констатировать, что классический психоанализ подвергся критике не только «извне», но и «изнутри».

История развития психоаналитического движения свидетельствует о том, что пребывание в «преисподней психоанализа» оказалось неудобным не только для Юнга и Адлера, но и для многих других теоретиков, первоначально разделявших психоаналитические взгляды Фрейда. «Сексуально-экономическая» психология и социология Райха, «культурно-философская психология» Хорни, «межличностная психиатрия» Салливана, «гуманистический» психоанализ Фромма — вот далеко не полный перечень тех теорий и направлений, которые, оставаясь в рамках фрейдизма, попытались внести коррективы в психоаналитическое учение Фрейда и по-новому осмыслить индивидуально-личностные и общественные структуры. Каждая психоаналитическая теория, претендовавшая на самостоятельный статус, в своей критической части подвергала отрицанию многие гипотезы основателя психоанализа, заявляла о неприятии его сомнительных установок, выражала несогласие с философскими обобщениями, касающимися понимания сути внутриспсихической деятельности человека, соотношения психологических и социальных факторов формирования личности, мотивационного поведения индивида, внутренней структуры человеческого существа внутрилличностных конфликтов, взаимосвязей между человеком с культурой, личностью и обществом.

Среди критиков «извне» были теоретики, которые попытались переосмыслить и развить собственно фрейдовское учение и заложенные в нем тенденции. Г. Маркузе в книге «Эрос и цивилизация» (1955) попытался философски осмыс-

лить психоаналитическое учение Фрейда с тем, чтобы рельефнее подчеркнуть «революционные» стороны его философских и социологических концепций. И если участники психоаналитического движения, начиная с Адлера и заканчивая Фроммом, стремились придать фрейдовскому учению культурную и социологическую ориентацию, то для Маркузе сам психоанализ Фрейда является философско-социологическим в своем глубинном измерении.

Фрейд ввел в психологию ряд важных проблем: 1) мотивации бессознательного; 2) соотношения нормальных и патологических явлений психики; 3) механизмов защитных психики; 4) роли сексуального фактора; 5) влияния детских травм на поведение взрослого; 6) сложного строения личности; 7) противоречий и конфликтов психической организации субъекта.

В трактовке этих проблем Фрейд отстаивал положение: 1) о подчиненности внутреннего мира и поведения асоциальным влечениям; 2) о всеисилии либидо — пансексуализм; 3) об антагонизме сознания и бессознательного. Эти положения вызвали критику со стороны многих школ психологических (Словарь практического психолога, 1997, с. 731).

Развитие фрейдизма и неофрейдизма сопровождалось и до сих пор сопровождается острой полемикой, которая постоянно ведется между теоретиками, претендующими на единственно адекватное прочтение работ Фрейда и верное понимание его психоаналитических идей.

Психоаналитическое движение распалось на ряд течений, школ, представители которых обвиняют друг друга в искажении истинного смысла и содержания психоаналитических концепций Фрейда и необоснованных претензиях на создание самостоятельных учений, порывающих с фрейдовским подходом к исследованию личности и культуры. Достаточно вспомнить о полемике между Адлером и Юнгом, спорах Райха с Адлером, Хорни с Юнгом и о позиции Фромма по отношению к своим предшественникам и коллегам по психоаналитическому движению. Фрейд и все те, кто разделял его психоаналитические идеи, возлагали надежду на то, что методами психоанализа можно добиться пробуждения критического самосознания личности, устранения иллюзий и внутриспсихических расстройств. Психоанализ воспринимался его сторонниками как критическая теория личности, культуры, вскрывающая негативные последствия воздействия цивилизации на человеческое существо и объясняющая причины моральной деградации личности.

Фрейд считал, что изменение социального бытия можно осуществить путем морального совершенствования самого человека, внедрения новых ценностей жизни и «психодуховных ориентаций».

Когда в «Очерке истории психоанализа» Фрейд зафиксировал тот внутренний разлад, который произошел в психоаналитическом движении, то понадобилось несколько десятилетий на то, чтобы поставить точный диагноз болезни, первые симптомы которой обнаружил Фрейд: в 1970-е годы, как известно, один из ведущих теоретиков неофрейдизма Фромм определяет его как «кризис психоанализа». Он был вынужден констатировать, что надежды, возлагаемые на психоанализ, не оправдали себя.

Фромм полагал, что современный кризис человечества является такой проблемой, которая требует научных знаний о внутренних побуждениях и реакциях

человека, о человеческой природе. Но современный психоанализ не в состоянии дать научного объяснения «человеческой природы», ни тем более закономерностей общественного развития. Он не в состоянии даже разрешить своих собственных внутренних противоречий, чем и обусловлен его кризис.

Фрейд как психопатолог изучал характер и причины возникновения неврозов, он оказался перед необходимостью исследования природы психического, в том числе тех структур психики, которые не вписывались в собственно «сознательное» в человеке. Задачи и объект исследования привели его к допущению таких психических актов, которые наряду с сознательными составляют специфическое содержание психики. Восприятие душевных процессов сознанием как бы сравнивается с восприятием органами чувств объектов внешнего мира. Отсюда утверждение психоанализа, что «все душевные процессы по существу бессознательны» и что «сознательные процессы являются только как бы отдельными проявлениями всей нашей душевной деятельности» (Фрейд, 1923, с. 28).

Исходя из этих предпосылок, Фрейд пришел к заключению, что человеческая психика представляет собой некий конгломерат, состоящий из различных компонентов, которые по своему характеру являются не только сознательными, но и бессознательными.

Фрейдовское понимание бессознательного отлично от тех его трактовок, которые имели место в различных философских системах. «Для Фрейда бессознательное было вопросом факта, сферой человеческого духа и неотъемлемой частью человеческой деятельности» (Wolman, 1968, p. 4). Его интересует конкретное содержание бессознательного.

Во-первых, Фрейд выделяет скрытое, латентное бессознательное: сознательное представление о чем-либо, которое в последующее время может перестать быть таковым, но при определенных условиях способно снова стать сознательным; во-вторых, вытесненное бессознательное: представления, которые не могут стать сознательными потому, что им противодействует какая-то сила, и устранение этой силы возможно лишь на основе психоаналитической процедуры, с помощью которой соответствующие представления доводятся до сознания. Первый вид бессознательного Фрейд называет предсознательным, отличая его от вытесненного бессознательного или собственно бессознательного психического, с которым в основном и имеет дело психоанализ (Фрейд, 1990, с. 440).

Во-вторых, вытесненное бессознательное, это представления, которые не могут стать сознательными потому, что им противодействует какая-то сила, устранение этой силы возможно лишь на основе психоаналитической процедуры, с помощью которой соответствующие представления доводятся до сознания. Первый вид бессознательного Фрейд называет предсознательный, отличая его от вытесненного бессознательного или собственно бессознательного психического, с которым в основном и имеет дело психоанализ.

«Сознательное», «бессознательное» и «предсознательное» в учении Фрейда образуют три системы, охватывающие все области психической жизни человека. Фрейд не ограничивался описанием того, каким образом происходит переход психических актов из одной системы в другую, а пытается раскрыть механизм функционирования выделенных им систем (Фрейд, 1923, с. 132).

В. Дильтей, как известно, не только стремился дать описание разнообразных форм, в которых «бессознательная связь действует на сознательные акты», но и ставил вопрос о взаимодействии бессознательного и сознательного. Фрейд же пришел к выводу, что некоторые механизмы функционирования бессознательного нельзя объяснить, а можно только описать (Дильтей, 1924, с. 50).

Исследуя сферу бессознательного, Фрейд поднимал вопрос о том, каким образом человек может судить о своих бессознательных представлениях. Если бессознательные представления не являются предметом сознания, не осознаются человеком, то можно ли вообще говорить о наличии в психике бессознательных представлений? Но в отличие от общих рассуждений мыслителей прошлого Фрейд опирался на конкретный материал, полученный из клинических наблюдений над людьми, страдающими неврастенией. На основе своих наблюдений он пришел к выводу, что бессознательное является неизбежной фазой психической деятельности каждого индивида: любой психический акт начинается как бессознательный и только в дальнейшем осознается, но может так и остаться бессознательным, если на пути к сознанию встречается непреодолимую для себя преграду.

Фрейд стремился вскрыть механизм перехода психических актов из сферы бессознательного в сферу сознания. Он понимал, что бессознательное человек может распознать только путем перевода его в сознание. Но каким образом это возможно и что значит сделать нечто сознательным? Фрейд допускал, что внутренние бессознательные акты доходят до поверхности сознания или, наоборот, сознание проникает в сферу бессознательного, где улавливает и распознает эти акты. Фрейд ставил вопросы: «Каким образом что-либо становится сознательным?» и «Каким образом что-либо становится подсознательным?» Для Фрейда подсознательным, а впоследствии и сознательным может стать только то, что некогда уже было сознательным восприятием, позабытым за давностью времени, но в той или иной степени сохранившим следы воспоминаний (Фрейд, 1925, с. 184).

Как вы помните, рассуждения Фрейда о возможности осознания подсознательного напоминают мысли Платона о знании как процессе припоминания чего-то такого, что уже раньше имелось в душе человека. Как известно, платоновское учение о познании строилось на той предпосылке, что в душе человека заранее заложено смутное знание, которое нужно только припомнить, сделать его объектом своего сознания.

Нельзя не отметить, что в ряде случаев Фрейд пренебрегает членением бессознательного и намеренного. Выделенные им психические системы бессознательного и предсознательного он объединяет в одну в тех случаях, когда анализирует взаимоотношения бессознательного и сознания в структуре психики личности. В общем плане психика человека представляется Фрейдю расщепленной на две противостоящие друг другу сферы сознательного и бессознательного, которые являются существенными характеристиками личности. Но в фрейдовской структуре личности эти сферы представлены не равнозначно: бессознательное он считал центральным компонентом, составляющим суть человеческой психики, а сознательное — лишь особой инстанцией, надстраивающейся над бессознательным. Своим происхождением сознательное обязано бессознательному и выкристаллизовывается из него в процессе развития психики.

Хотя представления Фрейда о структурных уровнях психики менялись на протяжении его теоретической деятельности, деление на сферы сознательного и бессознательного в том или ином виде сохранялось во всех созданных им моделях личности. Окончательная дифференциация соответствующих инстанций в психике человека была осуществлена им в работах «По ту сторону принципа удовольствия» (1920), «Массовая психология и анализ человеческого «Я» (1921), «Я и Оно» (1924). Созданная Фрейдом модель личности предстает как комбинация трех элементов, находящихся в определенном соподчинении друг с другом Оно — глубинный слой бессознательных влечений, психическая «самость», основа деятельного индивида, такая психическая инстанция, которая руководствуется своими собственными законами, отличными от законов функционирования остальных составных частей личности. Я — сфера сознательного, посредник между бессознательным внутренним миром человека и внешней реальностью, в том числе природными и социальными институтами, соизмеряющий деятельность бессознательного с данной реальностью, целесообразностью и внешнеполагаемой необходимостью. Сверх-Я — внутриличностная совесть, инстанция, олицетворяющая собой установки общества, своего рода моральная цензура, которая возникает как посредник между бессознательным и сознанием в силу неразрешимости конфликта между ними, неспособности сознания обуздать бессознательные порывы, стремления, желания человека и подчинить их требованиям культурной и социальной реальности.

Пытаясь проникнуть в механизмы работы человеческой психики, Фрейд исходил из того, что выделенный им глубинный, природный ее слой Оно функционирует по произвольно выработанной программе получения наибольшего удовольствия. Но поскольку в удовлетворении своих страстей и вождений индивид сталкивается с внешней реальностью, которая противостоит Оно, в нем выделяется Я, стремящееся обуздать бессознательные влечения и направить их в русло социально одобренного поведения. Как отмечал Лейбин, «на первый взгляд может показаться, что именно Я, это сознательное начало, является той движущей силой, которая заставляет Оно изменять направление своей деятельности в соответствии с нормативами бытия. Однако во фрейдовской структуре личности дело обстоит иначе: не Я управляет Оно, а наоборот, Оно исподволь, но властно диктует свои условия Я» (Лейбин, 1977, с. 240). Для образного описания взаимоотношений между Я и Оно Фрейд прибегал к аналогии сравнительного отношения между всадником и лошадей, подобно тому, как в свое время А. Шопенгауэр использовал эту же аналогию для раскрытия отношений между интеллектом и волей. Если воля, по Шопенгауэру, только внешне подчинена интеллекту, как конь узде, а на самом деле подобно коню может, закусив удила, обнаруживать свой дикий нрав и отдаваться своей первобытной природе, то фрейдовское Оно также является собой лишь видимостью подчинения Я: как всаднику, не сумевшему обуздать лошадь, остается вести ее туда, куда ей хочется, так и Я превращает волю Оно в такое действие, которое является будто бы его собственной волей (Шопенгауэр, 1993, с. 22).

Фрейдовское Я пытается сохранить свое доброе согласие с Оно и внешним миром. Поскольку ему это не всегда удается, в нем самом образуется «новая инстанция — Сверх-Я или Идеал-Я, которая царит над Я как совесть или бессозна-

тельное чувство вины. Во фрейдовской модели личности Сверх-Я оказывается как бы высшим существом, отражающим заповеди, социальные запреты, власть родителей и авторитетов. Если Я — это главным образом представитель внешнего мира, то Сверх-Я выступает по отношению к нему как заступник интересов Оно. По своему положению и функциям в психике человека Сверх-Я призвано осуществлять сублимацию бессознательных влечений, т. е. переключение социально неодобренного порыва Оно в социально приемлемый импульс Я, и в этом смысле как бы солидаризуется с Я в обуздании влечений Оно. Но по своему содержанию фрейдовское Сверх-Я оказывается все же близким и родственным по отношению к Оно, поскольку является «наследником эдипова комплекса» и, следовательно, выражением самых мощных движений Оно и самых важных судеб его (Фрейд, 1924, с. 34).

Сверх-Я даже противостоит Я как поверенный внутреннего мира Оно, что может привести к конфликтной ситуации, чреватой нарушениями в психике человека. Как видим, фрейдовское Я предстает в виде «несчастливого сознания», которое, подобно локатору, вынуждено поворачиваться то в одну, то в другую сторону, чтобы оказаться в дружеском согласии как с Оно, так и со Сверх-Я.

Несмотря на то, что Фрейд признавал «наследственность» и «природность» бессознательного, субъективно он верил в способность осознания бессознательно, что было им выражено в формуле: «Там, где было Оно, должно быть Я» (там же, с. 80). Задачу психоанализа он видел в том, чтобы бессознательный материал человеческой психики перевести в область сознания, чтобы раскрытие природы бессознательного помогло человеку овладеть своими страстями и сознательно управлять ими в реальной жизни. Таков был замысел фрейдовского психоанализа. Фрейдовский структурный анализ человеческой психики не позволил создать сколько-нибудь целостного представления о внутренней жизни индивида, раскрыть мотивацию его поведения. Многие установки и положения, сформированные основоположником психоанализа, со временем обнаружили свой явно ненаучный и иллюзорный характер.

Давно было замечено, что человек нередко не осознает смысл и значение мотива своего поведения. Многие поступки человека, если он впоследствии задумывается над ними, оказываются загадочными не только для окружающих, но и для него самого.

Фрейд далеко не первым подошел к рассмотрению влечения как основной движущей силы поведения человека. Наиболее близкой к фрейдовскому подходу была позиция Спинозы. Согласно его взглядам, влечение есть не что иное, как «самая сущность человека»: природа человека такова, что именно благодаря влечению происходит сохранение его, и, следовательно, «человек является определенным к действованию в этом направлении» (Спиноза, 1957, с. 464). В Спинозовской трактовке влечения содержатся все элементы, которые позднее легли в основу психоаналитической концепции Фрейда: представление о влечении как движущей силе человеческого поведения, мысль о том, что сердцевиной влечений являются такие стремления, которые направлены прежде всего на сохранение человеческого вида. Естественно, это не дает оснований считать, что Фрейд именно от Спинозы воспринял идеи о важной роли влечений в поведенческой деятельности человека.

Выдвинув гипотезу о бессознательных влечениях как основе мотивационного поведения человека, Фрейд задался целью выявить так называемые «первичные влечения», составляющие ядро бессознательного. Он долгие годы посвятил исследованиям данной проблемы, постоянно внося коррективы в понимание природы «первичных влечений». В качестве основы «первичных влечений» движущей силой бессознательного Фрейд первоначально принял сексуальные влечения, которые, как он ошибочно полагал, являются не только причиной возникновения невротических заболеваний, но и мощным стимулом творческой деятельности психически нормального человека и культурных достижений общества.

Фрейд был убежден, что симптомы невротических заболеваний следует искать в остатках и символах воспоминаний о сексуальных переживаниях, которые будто имеют место в детском возрасте каждого человека. Эти забытые переживания детства не исчезают, по Фрейду, автоматически, а оставляют неизгладимые следы в душе человека, и только раскрытием и переводением в сознание этих следов воспоминаний можно добиться устранения болезненных симптомов (Фрейд, 1912, с. 48). Отсюда особая психоаналитическая процедура лечения невротиков, которая определяется Фрейдом как своего рода продолжение воспитания и направлена на устранение остатков детства.

Учение о сексуальной этимологии неврозов, как широко известно, переросло затем у Фрейда в более общую теорию, согласно которой сексуальные влечения принимают самое непосредственное участие в творчестве высших культурных, художественных, этических, эстетических и социальных ценностей человеческого духа.

Фрейдовская интерпретация сексуальных влечений не имела ничего общего со строго научным подходом к проблеме. Об иллюзорности доводов Фрейда свидетельствует уже сам факт обращения к мифологической аналогии. И до Фрейда к подобной аналогии не раз прибегали мыслители-идеалисты, усматривая в древнегреческом мифе о царе Эдипе прообразы бессознательной деятельности человека.

В рассуждениях философов, которые еще задолго до Фрейда задумывались над тем, какую роль играют влечения в человеческой деятельности, явственно обнаружилось две тенденции: одни говорили о сексуальных влечениях как движущем начале человека, сводя к ним всю человеческую любовь; другие давали более широкое толкование понятию любви, принимая любовные влечения за первооснову всего сущего. К первым Лейбни относит Шопенгауэра, ко вторым древнегреческих мыслителей, включая Платона, а также Фейербаха, для которых любовь представляла собой единство мышления и бытия. Теоретическая позиция Фрейда в этом отношении не была однозначной. Первоначально в качестве «первичных» он рассматривал лишь сексуальные влечения. Затем он начинает рассматривать две группы «первичных влечений»: сексуальные влечения и влечения Я (или самосохранения). Еще позднее, по мере того как фрейдовское понимание сексуальных влечений получало более широкую трактовку, близкую к платоновскому понятию Эроса, включая в себя уже всю сферу человеческой любви (любовь родителей, дружбу, общечеловеческую любовь), более расширительное содержание Фрейд начинает вкладывать в понятие «первичные влечения». Он приходит к выводу, что «первичные влечения» составляют полярную пару созидательной любви и деструктивности. Он выдвигает гипотезу о том, что деятельность человека обусловлена наличием как биологических, так и социальных влечений, где

доминирующую роль играют «инстинкт жизни» (Эрос) и «инстинкт смерти» (Танатос) (Лейбин, 1977, с. 52).

Фрейдское представление об «инстинкте жизни» и «инстинкте смерти» как основных бессознательных влечениях человека, предопределяющих его жизнедеятельность, напоминает ту картину, которая была описана Эмпедоклом в его трактовке двух противоположных сил, приводящих в движение все живое. Одна из этих сил именуется греческим философом Любовью, Дружбой, другая – Враждой, Ненавистью. Этим полярным силам Эмпедокл дает мифологические имена, называя их соответственно Афродитой и Аресом.

Предположение о существовании в человеческом существе такого инстинкта, который он назвал «влечением к смерти», Фрейд выводит из эволюции всего живого, которое, достигнув органического бытия, вследствие внутренних причин со временем умирает и возвращается к неорганическому состоянию. Все остальные влечения, включая и влечение к сохранению жизни, рассматривались основателем психоанализа как обеспечивающие живому организму собственный путь к смерти: эти «сторожа жизни», по Фрейду, были первоначально слугами смерти, поскольку «целью всякой жизни является смерть» (Фрейд, 1925, с. 76).

Литература

- Аристотель*. Соч. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975.
- Дильтей В.* Описательная психология. М.: Русский книжник, 1924.
- Корниенко Н. А.* Учение Зигмунда Фрейда. Новосибирск: НГПУ, 1994.
- Лейбин В. М.* Психоанализ и философия неофрейдизма. М.: Изд-во полит. лит., 1977.
- Словарь практического психолога / Сост. С. Ю. Головин. Минск: Харвест, 1997. С. 466–469.
- Спиноза Б.* Избр. произв. В 2 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1957.
- Фрейд З.* О психоанализе. М.: Наука, 1912.
- Фрейд З.* Основные психологические теории в психоанализе. М.–Пг.: ГИЗ, 1923.
- Фрейд З.* Я и Оно. Л.: Academia, 1924.
- Фрейд З.* По ту сторону удовольствия. М.: Современные проблемы, 1925.
- Фрейд З.* Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990.
- Хабермас Ю.* Социальная проекция Фрейда и утопия общества // *Философская и социологическая мысль*. 1990. № 2. С. 88–90.
- Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление. Т. 2. М.: Наука, 1993.
- Wolman B.* The Unconscious Mind. The Meaning of Freudian Psychology. New Jersey: Harper & Row, 1968.

Psychoanalysis and philosophy of neo-freudianism

N. A. Kornienko

Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, na.kornienko2012@yandex.ru

The article helps to understand the prehistory of emerging psychoanalytic ideas, because their supporters tried to overcome the biologism of classical Freudianism and combine its

basic principles with a social context. The psychoanalysis development has largely departed from the classical Freudian concepts in a number of positions, and, first of all, by W. Reich one related to the behavior sexual determination. Other major representatives of neo-Freudianism did not give it the high significance, but discussed the problems of personal growth and emerging neurotic inclinations from the standpoint of the relationship between the personality and the social formation environment of the world perception and self-perception. Therefore, they criticized some Freud's fundamental approaches and statements, and emphasized the role of social and cultural determinants in the individual and society life. The author points such leaders as K. Horney, G. Sullivan, E. Fromm, E. Erickson, W. Reich.

Keywords: drives, conscious, unconscious, preconscious, sexual experiences, "life instinct", "death instinct".

Психология ненасилия: становление двух подходов

В. Г. Маралов

Череповецкий государственный университет, г. Череповец, vgmatalov@chsu.ru

В. А. Ситаров

Московский городской педагогический университет, Москва, sitarov@mail.ru

Статья посвящена проблеме становления психологии ненасилия – истории формирования двух подходов к исследованию и практике ненасилия, получивших название принципиального и прагматического ненасилия. Первый подход базируется на понимании ненасилия как общечеловеческой ценности, здесь внимание психологов сосредоточено на изучении ненасилия во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Второй подход основывается на понимании ненасилия в основном в рамках осуществления общественно-политической борьбы, где ценностный аспект отодвигается на второй план. Приводится критический анализ второго подхода, делается вывод о необходимости активизации исследовательской и просветительской работы по распространению идей принципиального ненасилия.

Ключевые слова: история психологии, ненасилие, психология ненасилия, принципиальное ненасилие, прагматическое ненасилие, подходы к исследованию ненасилия, ненасильственные действия.

Психология ненасилия – это направление в современной психологии, предметом изучения которого является ненасильственное взаимодействие человека с миром, природой и с другими людьми. Ненасилие – термин со многими значениями. Оно может относиться к религиозной добродетели или вере, философии жизни,

поведению, направленному на разрешение конфликтов. Само понятие «ненасилие» несет в себе двойственность. С одной стороны, ненасилие — это отрицание принуждения, с другой — жизнеутверждение. Такое двойное понимание ненасилия нашло отражение в определениях, которые дают этому понятию психологи. Для примера приведем два определения:

- «Ненасилие — это действие, которое использует силу и влияние для достижения своей цели без прямого вреда или насилия по отношению к человеку или людям, работающим над тем, чтобы помешать достижению этой цели» (Mayton, 2009, p. 8).
- «Ненасилие — это одновременно и позиция, и образ действий, которые побуждают как отдельного человека, так и группу людей противостоять тирании и несправедливости иначе, чем с помощью физической силы, и строить сообщество заботы путем примирения противников» (Herman, 1990, p. 269).

Каждое из приведенных определений имеет свои плюсы и свои минусы. В определении Д. Мейтона акцент делается на активной стороне ненасилия как действия, осуществляемого без нанесения прямого ущерба другой стороне. Но здесь не отражен характер отношений одной стороны к другой. В определении Т. Германа, наоборот, подчеркивается, что ненасилие есть и отношение, и действие, ориентированное на сопротивление «тирании и несправедливости», а также примирению сторон, но фактически признается отрицание только физической силы, недооценивается активная созидательная роль самого ненасилия.

В результате в психологии сформировалось два подхода к трактовке ненасилия. Один подход базируется на понимании ненасилия как общечеловеческой ценности, он получил название принципиального ненасилия. Сюда чаще всего относят идеи М. Ганди (Gandhi, 1960) и базирующиеся на них психологические концепции. Другой — на использовании ненасилия в качестве орудия в борьбе за власть и влияние. Такой подход был назван прагматическим ненасилием. Основателем этого направления считается Дж. Шарп (Sharp, 1973, 2010).

Цель настоящей работы — проанализировать с историко-психологических позиций возникновение и развитие двух подходов в психологии ненасилия, базирующихся на концепциях принципиального или прагматического ненасилия.

Первым психологом мира и основателем психологии ненасилия считается У. Джеймс, который в 1910 г. написал статью «Моральный эквивалент войны». В этой статье он признает факт, что для определенной категории людей война, несмотря на массовые убийства, резню и страдания, обладает привлекательностью и имеет положительные психологические последствия, связанные с героизацией подвигов, эмоциональным патриотическим подъемом и т. п. У. Джеймс призывает психологов помогать обществу в поиске альтернатив, не связанных с убийством, чтобы развить тот же уровень дисциплины и героических действий, что и война. В частности, он предлагает альтернативную гражданскую службу для молодежи, которая включала бы различные виды трудовой деятельности и коллективных работ.

Тремя годами ранее, в 1907 г., выходит статья Л. Н. Толстого «Не убий никого», с которой Джеймс был знаком и на которую ссылался в своей работе. Подход Толстого принципиально отличается от подхода Джеймса. Толстой делает акцент

на вере в Бога как основе для предотвращения войн и насилия во всех его формах, отрицая при этом веру в церковь и церковников. Согласно его концепции, которая была изложена в «Соединении и переводе четырех Евангелий», Бог есть бесконечное начало жизни, которое объединяет всех людей. Поэтому причинение вреда кому-либо есть причинение вреда самому себе.

Необходимо констатировать, что долгое время, вплоть до последней трети XX в., проблемам психологии мира и ненасилия уделялось относительно мало внимания. Интерес к проблеме резко возрос, начиная с 1970-х годов. Этому способствовали факторы, связанные с угрозой третьей мировой войны, борьбой чернокожего населения Америки за свои права, возглавляемой М. Л. Кингом, широким распространением идей М. Ганди, базирующихся на таких понятиях индуизма, как «сатья» — честность, правдивость, «ахимса» — ненасилие, «тапасья» — самопожертвование и др. Эти идеи были ассимилированы психологией и переведены на язык науки.

Первым из психологов, кто попытался проанализировать с позиций психологии, точнее, с позиций психоанализа личность, деятельность и наследие Ганди, был Э. Эриксон. В 1969 г. выходит его работа «Правда Ганди: о происхождении воинствующего ненасилия». Она была с интересом встречена психологической общественностью и дала толчок для последующих многочисленных теоретических и эмпирических исследований в области психологии ненасилия.

Попытку осмыслить феномен ненасилия с психологической точки зрения первым предпринял Л. Пелтон. В книге «Психология ненасилия» (Pelton, 1974), используя традиционные понятия психологии (восприятие, отношение, убеждение, познание), он связывает их с ненасильственными действиями, которым посвящены отдельные главы: «Ненасильственный протест», «Отказ от сотрудничества», «На пути к примирению». Годом ранее Дж. Шарп публикует своей труд «Политика ненасильственных действий», который, хотя и не является чисто психологическим, тем не менее оказал на Пелтона существенное влияние (Sharp, 1973).

Эти две работы заложили основы двух подходов в психологии к пониманию ненасилия. Первый подход связан с исследованием ненасилия как общечеловеческой ценности, второй — с исследованием ненасилия с прагматической точки зрения как метода достижения политических (и не только) целей. Названные подходы были зафиксированы в ряде теорий ненасилия. Показательной в этом отношении является теория ненасилия Р. Берроуза, который изначально выделяет принципиальное, т. е. этически обоснованное ненасилие, и прагматическое ненасилие как эффективное средство достижения цели, каждое из которых может быть реформистским и революционным (Burgowes, 1996). Он выделяет четыре типа ненасилия: 1) принципиальное реформистское; 2) принципиальное революционное; 3) прагматическое реформистское; 4) прагматическое революционное.

Обратимся к характеристике первого подхода, основывающегося на позиции принципиального ненасилия. Исследования в этой области приходятся на последнюю четверть XX в. и продолжаются в XXI в. Из серьезных работ монографического характера назовем две книги под редакцией В. Кула, вышедших в 1990 г. и в 1993 г. (Nonviolence: Social and psychological..., 1993; Perspectives on..., 1990), в которых он собрал доклады различных авторов по проблемам ненасилия, а также его же монографию «Психология ненасилия и агрессии» (Kool, 2008), где убедительно

тельно раскрывается роль ненасилия как активной созидательной силы в противовес агрессии. В 2009 г. выходит, книга Д. Мейтона «Ненасилие и психология мира» (Mayton, 2009), в которой ненасилие анализируется на внутриличностном, межличностном, социальном и международном уровнях. В 2012 г. публикуется монография «Психология неонкиллинга» под редакцией Д. Кристи и Дж. Пима, которая становится особой вехой в развитии психологии ненасилия, поскольку посвящена проблеме психологии неубийства как новому направлению в рамках психологии ненасилия (Nonkilling Psychology, 2012). В 2014 г. издается книга «Личное миролюбие» под редакцией Г. Симса, Л. Нельсона и М. Пуаполо, где, как видно из названия, акцент делается уже на миролюбии как внутриличностной, межличностной и социальной характеристике (Personal Peacefulness..., 2014). Наконец, в 2020 г. выходит двухтомная монография В. К. Кула и Р. Агравал «Ганди и психология ненасилия», в которой авторы убедительно показали жизнеспособность идей Ганди, их влияние на становление целого направления в психологии, получившего название психологии ненасилия (Kool, Agrawal, 2020a, б).

Таким образом, в рамках данного подхода превалирует отношение к ненасилию как ценности, которое анализируется на четырех уровнях: внутриличностном, межличностном, социальном и международном — и не сводится лишь к ненасильственным действиям в ходе разрешения конфликтов. Формируются свои направления: психология мира, собственно психология ненасилия, психология миролюбия и психология неонкиллинга. Разрабатываются психологические теории ненасилия, методы его исследования и формирования на различных возрастных этапах.

Второе направление, как уже было указано, основано Дж. Шарпом, автором работ «Политика ненасильственного действия» (1973) и «От диктатуры к демократии» (1993). Последняя книга приобрела широкую известность, переведена на многие языки, рекомендации, изложенные в ней, в последние годы использовались при проведении так называемых «цветных революций». В ней автор излагает свою концепцию борьбы с диктатурой и утверждения демократии с использованием ненасильственных методов. Шарп предлагает 198 методов ненасильственной борьбы, которые сведены в пять групп: 1) методы ненасильственного протеста и убеждения; 2) методы отказа от социального сотрудничества; 3) методы отказа от экономического сотрудничества (бойкоты, забастовки); 4) методы отказа от политического сотрудничества; 5) методы ненасильственного вмешательства.

Ненасильственные действия в контексте политической борьбы начинают активно изучаться политиками, экономистами, социологами, психологами. Например, Дж. Аммонс и К. Койн в своей статье дают обстоятельный анализ ненасильственных действий как важного средства реагирования на кризисы, направленных на подрыв авторитарных правительств, борьбу с несправедливостью, сохранение прав человека и гражданских свобод, предотвращение государственных переворотов, защиту от внешних угроз и изгнание иностранных захватчиков (Ammons, Coyne, 2018). Х. Мерриман для того, чтобы понять, как работают ненасильственные движения, анализирует теорию и динамику ненасильственных действий (Merriman, 2009). С. Винтхаген предпринимает попытку объединить ненасильственное сопротивление с последующим строительством нового, чего нет у Шарпа и у других исследователей (Vinhagen, 2015). Изучаются также

и чисто психологические аспекты ненасильственного сопротивления, в частности, мотивация людей, участвующих в протестной деятельности (Stapnes et al., 2021).

Необходимо констатировать, что к прагматическому ненасилию в ученом мире двоякое отношение. Одни психологи признают его, другие относятся достаточно критически. В частности, Л. Бхарадвадж прямо указывает, что смешение прагматического ненасилия с принципиальным затуманивает понимание теории и практики ненасилия в нашей личной, гражданской и политической жизни (Bharadwaj, 1998). Еще более убедительно об этом говорит Р. Лэппин, который сделал всесторонний анализ концепции Шарпа, показал ее сильные и слабые стороны (Larppin, 2009). Прежде всего, указывает автор, следует признать, что Шарп никогда прямо не рассматривает вопросы миростроительства, его беспокоит исключительно политика ненасильственных действий. Согласно Шарпу, «ненасильственные действия — это средство борьбы, как и война». Кроме того, нет никакой гарантии, что авторитарный режим сменится на демократический. И, самый важный момент, использование ненасильственных методов может быть осуществлено практически для любых целей. В итоге Лэппин делает вывод о том, что «ненасильственные методы, несомненно, предпочтительнее насильственных, но они не обязательно гарантируют позитивные аспекты устойчивого мира, такие как инклюзивное управление, примирение или безопасная среда» (Larppin, 2009, p. 4).

Заключение

Итак, психология ненасилия к настоящему времени сформировалась как специфическое направление в психологии, предметом исследования которого является ненасильственное взаимодействие человека с миром в целом, природой и другими людьми. В зависимости от акцентов либо на ценностную сторону ненасилия, либо на его практическое приложение в психологии образовалось два подхода, получивших название принципиального ненасилия и прагматического ненасилия.

При реализации первого подхода, в основе которого лежит понимание ненасилия как общечеловеческой ценности, внимание психологов сосредотачивается на всех сферах ненасильственного взаимодействия, начиная с внутриличностного, заканчивая международным, что предполагает использование в процессе его изучения традиционных психологических понятий, связанных с мотивацией деятельности, личностными характеристиками и качествами, выявлением условий формирования на разных возрастных этапах.

При реализации второго подхода основной упор делается на ненасильственные действия в ходе общественно-политической борьбы, где ценностный аспект отодвигается на второй план. Этим и объясняется тот факт, что психологи, в отличие от политиков, достаточно критически отнеслись к взглядам Дж. Шарпа и его практическим наработкам, что тем не менее не мешает их реализации, примером чего являются ненасильственные протестные движения и «цветные революции».

Литература

Толстой Л. Н. Не убий никого // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. 1991. М.: Республика, 1992. С. 154–167.

- Ammons J., Coyne Ch. J.* Non-Violent Action // GMU Working Paper in Economics. 2018. № 18–28. P. 1–30. URL: <https://ssrn.com/abstract=3240630> (дата обращения: 20.04.2021).
- Bharadwaj L. K.* Principled vs pragmatic nonviolence // *Peace Review*. 1998. V. 10. Iss. 1. P. 79–81. doi: 10.1080/10402659808426125
- Burrowes R. J.* The strategy of nonviolent defense: A Gandhian approach. Albany: State University of New York Press, 1996.
- Erikson E. H.* Gandhi's Truth: On the Origins of Militant Nonviolence. N. Y.—London: Norton & Company, 1996.
- Gandhi M. K.* My Non-violence. Ahmedabad: Jitendra T. Desai Navajivan Publishing House, 1960.
- Herman T.* Seven Forms of Nonviolence for Peace Research: A Conceptual Framework // *Perspectives on Nonviolence. Recent Research in Psychology*. N. Y.: Springer, 1990. P. 140–149.
- James W.* The moral equivalent of war // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 1995. V. 1. № 1. P. 17–26.
- Kool V. K.* The psychology of nonviolence and aggression. N. Y.—New Hampshire: Palgrave Macmillan, 2008.
- Kool V. K., Agrawal R.* Gandhi and the Psychology of Nonviolence. V. 1. Cham: Palgrave Macmillan, 2020a.
- Kool V. K., Agrawal R.* Gandhi and the Psychology of Nonviolence. V. 2. Cham: Palgrave Macmillan, 2020b.
- Lappin R.* The Politics of Nonviolent Action: A Critical Review // *Central European Journal of International and Security Studies*. 2009. № 3. P. 202–206.
- Mayton D.* Nonviolence and Peace Psychology. N. Y.: Springer, 2009.
- Merriman H.* Theory and Dynamics of Nonviolent Action // *Civilian Jihad* / Ed. by M. J. Stephan. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2009. P. 17–29.
- Nonkilling Psychology / Ed. by J. Daniel, Ch. Joám, E. Pim. Honolulu, Hawaii: Center for Global Nonkilling, 2012.
- Nonviolence: Social and psychological issues / Ed. by K. Vinod Kool. N. Y.: University Press of America, Inc. 1993.
- Pelton L. H.* The psychology of nonviolence. N. Y.: Pergamon Press, 1974.
- Personal Peacefulness: Psychological Perspectives / Ed. by G. Sims, L. Nelson, M. Puopolo. V. 20. N. Y.: Springer, 2014.
- Perspectives on nonviolence / Ed. by V. K. Kool. N. Y.: Springer-Verlag. 1990.
- Sharp G.* The politics of nonviolent action. Boston: Porter Sargent Books, 1973.
- Sharp G.* From Dictatorship to Democracy: Strategy and Tactics of Liberation. East Boston, MA: Albert Einstein Institution, 2010.
- Stapnes T., Carlquist E., Horst C.* Responsibility to Protest: An Interpretative Phenomenological Analysis of Motives for Protest Participation in Myanmar // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2021. doi: 10.1037/pac0000473
- Vinithagen S.* A Theory of Nonviolent Action: How Civil Resistance Works. London: Zed Books, 2015.

Nonviolence psychology: the formation of two approaches

V. G. Maralov

Cherepovets State University, Cherepovets, vymaralov@yandex.ru

V. A. Sitarov

Moscow City Pedagogical University, Moscow, sitarov@mail.ru

The article is devoted to the problem of the formation of nonviolence psychology – the history of the formation of two approaches to the study and practice of nonviolence, called principled and pragmatic nonviolence. The first approach is based on the understanding of nonviolence as a universal value. Here and further the attention of psychologists is focused on the study of nonviolence in all spheres of human life. The second approach is based on the understanding of nonviolence mainly within the framework of the implementation of socio-political struggle, where the value aspect is relegated to the background. A critical analysis of the second approach is given, and it is concluded that it is necessary to intensify research and educational work to spread the ideas of principled nonviolence.

Keywords: history of psychology, nonviolence, nonviolence psychology, principled nonviolence, pragmatic nonviolence, approaches to the study of nonviolence, nonviolent actions.

История развития когнитивно-поведенческого подхода в психотерапии

В. А. Марон

УО «Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка», Минск, Белоруссия, vika_maron@mail.ru

Статья раскрывает основные этапы становления и развития когнитивно-поведенческого подхода. Освещается история трех «волн» когнитивно-поведенческой психотерапии. Выявлены различные подходы авторов, изучающих влияние поведенческих и когнитивных факторов на человека. Показано, что тенденция данного подхода проявилась не только в бихевиоризме, но и в когнитивной терапии, рационально-эмотивно-поведенческой психотерапии. Основное внимание уделяется выявлению общих и специфических элементов в интеграции и совершенствовании подходов когнитивно-поведенческой психотерапии.

Ключевые слова: психоанализ, бихевиоризм, когнитивная психология, когнитивно-поведенческая терапия, поведение, тревожные расстройства.

На протяжении XX в. психоанализ был главным ориентиром в области психотерапии. Но стремление к научности для большей результативности в оказании помощи страдающим людям способствовало развитию новых направлений.

Одним из редких психоаналитиков, серьезно отнесшихся к работе З. Фрейда «Тотем и табу», был Александр Херцберг. Самой оригинальной его техникой было программирование специфических задач нарастающей сложности, это позволяло экспериментировать с новыми типами поведения, чтобы устранить другие. Например, ставить себя в ситуации, внушающие страх, не говорить более о своих расстройствах с близкими, создавать новые источники удовлетворения. Все эти меры считались основными для лечения и предотвращения рецидива. Херцберг считал, что активная психотерапия — это сочетание или, скорее, интеграция психоанализа, убеждения и усилий с целью прямого влияния на среду пациента (Риллаэр, 2010). Основным образом действий при этом является постановка задач. В Лондоне в начале 1940-х годов он развил те принципы, которые сегодня относятся к когнитивно-поведенческой терапии: стремление внимательно наблюдать, прежде чем интерпретировать, учет влияния окружающих и телесных процессов (там же). Херцберг выбрал активный, даже направляющий стиль. Он убедился в том, что побуждение пациента к постепенной безбоязненной встрече с ситуациями, вызывающими тревогу, давало значительно лучшие результаты, чем «лечение словом». Он наблюдал удовлетворительное улучшение в среднем после двадцати сеансов.

В конце 1950-х годов в Лондонском университете Ганс Айзенк пытается разработать форму психотерапии, основанную на научной психологии. Тогда он вспоминает о докладах Херцберга и черпает в них идеи для лечения фобий посредством постепенной конфронтации с объектом страха. Вместе с коллегами он проводит испытания, увенчивающиеся удивительным успехом. Заглавие его первой книги включает «поведенческую терапию». Он определяет ее как использование современной теории обучения для объяснения и лечения психологических расстройств (Зейг, 1998). Однако нельзя сказать, что Айзенк (или Херцберг) является создателем когнитивно-поведенческой терапии.

Параллельно с Айзенком южноафриканский психиатр Джозеф Вольп проводит эксперименты, исходя из тех же принципов. Вначале, как и большинство его собратьев, он практиковал психоанализ. Встречи с американским психологом-экспериментатором Лео Рейном и эпистемологом Карлом Поппером приводят его к сомнению в психоанализе (там же). В 1950-е годы он разработывает метод «систематической десенсибилизации» для лечения фобий. Эта терапия состоит в том, чтобы заставить научиться поведению, редуцирующему тревожность (с помощью быстрого снижения мышечного тонуса и дыхательного ритма), и помочь человеку поэтапно справляться с возникающей тревогой. До сих пор метод систематической десенсибилизации остается актуальным.

Буррус Ф. Скиннер, психолог-экспериментатор из Гарвардского университета, блестяще продемонстрировал, как поведение определяется производимыми им последствиями (уже испытанными людьми либо теми, которые они воображают и которые наблюдают у других). Формула, подытоживающая его первые работы, выглядит следующим образом: «С—О—П»: ситуация (или стимулы) провоцирует ответ (например, в виде поведения), влекущий за собой последствия,

которые действуют с обратной силой на то, как человек прореагирует в будущем на подобный тип ситуаций. В течение 20 лет Скиннер проводил опыты в лаборатории, главным образом на грызунах и голубях. С 1950-х годов он посвятил себя изучению «внутренних» видов поведения: внутренней речи, ментальной визуализации, решению проблемы, управлению собой и т. д.

В течение 1960-х годов ученики Скиннера разработали программы по изменению поведения, нацеленные на сокращение избыточного питания, на результативность обучения у студентов, на улучшение супружеских отношений (Бурлачук и др., 2007). Один из принципов анализа проблематичного поведения заключался в том, чтобы представить его как поведение, обусловленное его последствиями (различными видами удовлетворения, уменьшением страданий или избавлением от них). Соответственно, одним из принципов модификации поведения было изменение окружающих условий и помощь человеку в развитии более удовлетворительного образа мышления и действия.

Таким образом, поведенческая терапия была первым видом терапии, который опирался на экспериментальные данные и строго научные теории. Кроме того, поведенческая терапия отвечала социальным требованиям того времени, она была ориентирована на краткосрочность и работу с конкретным симптомом, в частности, с различными видами тревожных расстройств. С 1950-х по 1970-е годы поведенческая терапия широко использовалась исследователями США, Великобритании и Южной Африки, которые были вдохновлены бихевиористской теорией научения И. П. Павлова, Дж. Уотсона и К. Халла. Родоначальники поведенческих терапий не пренебрегали эмоциями (первые курсы лечения были нацелены на устранение излишнего страха) или актами познания (с 1954 г. Вольп использовал ментальную визуализацию в ситуациях, порождающих тревогу) (Прохазка, Неркросс, 2007). Однако их внимание было сфокусировано на внешних стимулах, действиях и их наблюдаемых следствиях.

«Волны» когнитивно-поведенческой терапии

В 1920-е годы уже получило свое развитие новое направление психологии — бихевиоризм, «наука о поведении» людей и животных. На его основе развивались методы изменения поведения, и как самостоятельная терапевтическая практика поведенческая психотерапия стала популярной в 1950—1960-е годы. Развитие бихевиоризма связано с именем основателя поведенческой психологии Джона Уотсона (эксперимент с Альбертом на формирование фобии крыс). Бихевиоризм стал активно использоваться при лечении широкого спектра психических расстройств: фобий, зависимостей и нарушений поведения. Его и называют первой волной когнитивно-поведенческой терапии.

Бихевиоризм вырос из научной экспериментальной психологии, но исследователи того времени не могли объяснить сложность человеческого сознания и роль мышления. Позже была предпринята попытка учесть ограничения классического бихевиоризма через акцент на мышлении в основе психических расстройств. Несмотря на большую популярность поведенческого подхода и высокие показатели его эффективности, начиная с 1960-х годов многим специалистам становились очевидны теоретические и практические ограничения данного направления.

Во-первых, несмотря на всю стройность теоретических положений, бихевиористическая модель не могла в полной мере дать объяснения сложной человеческой деятельности. Одним из первых исследователей, обративших на это внимания и значительно модифицировавших принципы бихевиоризма, был Альберт Бандура. В своей теории социального научения (или социального когнитивизма) Бандура подчеркнул важную роль, которую познание (например, мысли, образы и ожидания) играют в психологическом функционировании, включая их роль в развитии и лечении психологических расстройств. Бандура продемонстрировал, что на поведение влияет не только подкрепление, но и восприятие этого подкрепления. Кроме того, в этот период в рамках экспериментальной психологии активно развивалась когнитивная психология, которую часто называют «когнитивной революцией», в результате которой многие теоретические положения бихевиоризма заметно пошатнулись, что предвосхитило появление когнитивно-поведенческой терапии (Пономаренко, 2014).

Во-вторых, многие исследования того времени показали, что в целом эффективность бихевиоральной терапии была не выше, чем у альтернативных интервенций. Кроме того, поведенческие стратегии оказывались недостаточно эффективными на протяжении длительного времени. Бихевиоральные подходы также были малоэффективны при лечении некоторых клинических нарушений, в частности, депрессии и различного рода навязчивых состояний. В конечном итоге бихевиоральная терапия стала заметно уступать новым современным терапевтическим подходам, главным из которых в то время, безусловно, стала когнитивно-бихевиоральная терапия.

Независимо от бихевиористской терапии версии 1960-х годов параллельно развивалась терапия «когнитивная». Здесь инициатива принадлежит главным образом Альберту Эллису и Аарону Беку, двум американским психоаналитикам, неудовлетворенным недостаточной научностью фрейдизма и его слабой результативностью, впоследствии они отказались от психоанализа из-за отсутствия эмпирических подтверждений его базовых положений, а также длительности работы. Независимо друг от друга они создали полноценно структурированные когнитивно-поведенческие подходы: рационально-эмотивную поведенческую психотерапию (А. Эллис) и когнитивную психотерапию (А. Бек). Они развили идею о том, что дезадаптивные мысли приводят к дезадаптивным эмоциям и в итоге ведут к нарушениям.

Рационально-эмоционально-поведенческая терапия предполагает, что заметный вклад в развитие психологических расстройств вносит биологическая тенденция людей мыслить иррационально и дисфункционально, т. е. неверная интерпретация происходящих событий. Основой РЭПТ является азбучная формула (А–В–С). В данной схеме буква «А» обозначает – активирующее событие, «В» представляет собой убеждения человека, а «С» – реакцию человека, как непосредственное следствие тех взглядов, которые содержались в «В». Убеждения – главный посредник между А и С, поэтому они могут влиять на С. С – эмоциональная или поведенческая реакция – порождается взаимодействием А и В. Позднее азбучная модель была дополнена буквами D и E, где D является терапевтическим методом оспаривания убеждений, а E – результатом терапии, формированием у клиента эффективной новой философии, основанной на рациональных убеждениях (Эллис, Драйден, 2002).

Выражение «когнитивная терапия» было предложено Бекем в начале 1960-х годов для обозначения психотерапии, отводящей привилегированное место активной переработке образа мысли и пытающейся ответить на вопрос о требованиях научности (методологическое изучение когнитивных схем, систематические исследования последствий вмешательств). Когда Эллис и Бек развили свою «когнитивную» терапию, они использовали слово «поведение» в узком смысле. Вскоре их результаты были объединены с достижениями первых бихевиористов, тогда и утвердился термин «когнитивно-поведенческий» (1970), который, однако, не учитывает научного характера когнитивно-поведенческой терапии, а выдвигает на первый план две переменные — поведение, понимаемое в узком смысле, и познавательные акты — и обходит три других: аффективное (или эмоциональное) измерение, физиологические переменные (а именно активацию симпатической нервной системы, дыхание, мышечный тонус) и материальное и социальное окружение, где определенное поведение проявляется, усиливается или ослабляется (Бек, 2006).

Цель когнитивной терапии — научить пациента быть самому себе терапевтом; распознавать и оценивать дисфункциональные взгляды, убеждения и находить на них адаптивные ответы. Техники когнитивной терапии направлены на изменение мышления, настроения и поведения пациента. В когнитивной терапии сессии структурированы; ограничены во времени; основное внимание уделяется настоящему, особенно в начале лечения (Бек и др., 2003). Особое значение придается созданию прочного терапевтического альянса; сотрудничеству и активному участию.

На протяжении многих лет Бек и его последователи успешно применяли когнитивную терапию, адаптировав ее для лечения целого ряда психических расстройств. С тех пор как в 1977 г. было опубликовано первое исследование результатов лечения, когнитивная терапия подвергалась всесторонним исследованиям, которые подтвердили ее эффективность.

Также необходимо упомянуть о работах А. Лазаруса и Д. Мейхенбаумана, которые сыграли заметную роль в появлении, развитии и продвижении когнитивно-поведенческой терапии. Изначально эти специалисты были приверженцами бихевиоризма, но со временем они модифицировали свои подходы и, как Эллис и Бек, стали уделять внимание мыслительным процессам.

Лазарус был одним из первых, кто значительно расширил теоретические и практические границы вначале бихевиоральной, а затем и когнитивно-поведенческой терапии. Лазарус считал, что для оптимизации эффективности терапии и осуществления более стабильных результатов лечения часто требуется выход за рамки когнитивных и поведенческих методов. Лазарус расширил сферу когнитивно-поведенческой терапии, включив в свою концепцию новые составляющие: физические ощущения (в отличие от эмоционального состояния), визуальные образы (в отличие от языка на основе мышления), межличностные отношения и биологические факторы. В конечном итоге Лазарус разработал свой терапевтический подход, который назвал «мультимодальной терапией» (BASIC ID). Аббревиатура BASIC ID отражает 7 психических уровней функционирования человека: поведение (B — behavior); аффект (A — affect) — эмоции, чувства, настроения, ощущения; восприятие (S — sensation) — все модальности ощущений,

в результате которых складываются образы; воображение и представления (I – imagery) – повторяющиеся сны, мечты, воспоминания, включая представления о самом себе; когниции, мысли (C – cognition) – идеи, ценности, мнения и установки относительно самого себя и других людей; социальные связи, отношения (I – interpersonal relationships) – отношение человека к другим людям, межличностные связи с друзьями, знакомыми, родственниками и т. д.; физиологические переменные (D – drugs and biological factors) – биологический статус клиента, включая медицинские препараты, которые он принимает, пищевые привычки, возможные зависимости (Эллис, Драйден, 2002). В своих теоретических положениях мультимодальная терапия имеет много общего с РЭПТ Эллиса. Данный подход хорошо себя зарекомендовал при лечении сексуальных нарушений депрессивных состояний, фобий, психосоматических расстройств, нарушений поведения у детей.

Таким образом, возникает вторая волна когнитивно-поведенческой терапии. Ее основной метод заключался в том, чтобы обнаруживать свои дезадаптивные мысли и искать рациональные основания – исследовать доказательства и факты в отношении собственных убеждений, мыслить рационально и реалистично. Логичность и простота такого подхода были очень привлекательны, а техничность подхода позволили когнитивно-поведенческой терапии быстро занять ведущие позиции среди других практик. Однако и здесь представления о том, как работает человеческое сознание и мышление, формировались на основе общения с пациентами, отсутствовало научно обоснованное понимание. В 1970–1980-е годы когнитивно-поведенческая терапия уже занимала прочную позицию среди методов медицинской и психологической психотерапии (Холмогорова, Гараян, 2000).

Когнитивно-поведенческая терапия третьей волны акцентирует внимание на психологических и поведенческих процессах, связанных с благополучием и здоровьем. Попытки оспорить содержание мыслей пациента или уменьшить интенсивность эмоциональных симптомов остались в прошлом.

«Третья волна» когнитивно-поведенческой терапии включает терапию принятия и ответственности, диалектико-поведенческую терапию, схематерапию Дж. Янга, метакогнитивную терапию с новыми техниками и практикой осознанности. В фокусе терапии стало метапознание, принятие, осознанность, личные ценности и духовное совладание. Психотерапевты третьей волны больше сосредоточены на контексте, на том, как человек относится к своему внутреннему опыту (мыслями, побуждениям, ощущениям) (Холмогорова, Гараян, 2000). Но прежние подходы до сих пор активно используются психотерапевтами в психологической практике при лечении тревожных расстройств. По-прежнему в арсенале когнитивно-поведенческих терапевтов остаются поведенческие методы, такие как экспозиционная терапия (например, постепенное погружение в пугающие обстоятельства при фобиях) и поведенческая активация (поощрение полезных действий при депрессии). Таким образом, начиная с 1990-х годов когнитивно-поведенческие подходы становятся все более интегративными, встраивая в свои модели теоретические положения из других терапевтических школ, научных направлений и философских течений. В настоящее время методы когнитивно-поведенческой терапии изучают во всех англосаксонских, германских и североевропейских университетах.

***

Когнитивно-поведенческая психотерапия была создана около 30 лет назад посредством успешной интеграции поведенческой психотерапии и когнитивной психотерапии. Первой была поведенческая психотерапия, она же бихевиоральная («behavior» — поведение, действие). Это произошло в 1950-е годы. Ее создателями являются Х. Айзенк, Д. Вольпе, И. Маркс. Основой для поведенческой психотерапии стала теория научения, разработанная Павловым, Уотсоном, Халлом, Скиннером. Главная цель бихевиористов — научить пациентов тому, как конкретно в наблюдаемой и измеряемой форме модифицировать некоторый вид поведения. Цели изменения определяются во время диалога. Терапевт помогает пациенту сформулировать реалистичные и конкретные цели, учитывающие его самочувствие на более или менее долгий срок, и качество его взаимоотношений с другими.

Когнитивная психотерапия возникла в 1960—1970-е годы в США, ее создателями считают А. Т. Бека и А. Эллиса. Латинское слово «cogito» означает думать, «cognition» — знание или познание. Термином «когнитивный» обозначают процессы получения, обработки, оценки и хранения информации, полученной из внешней и внутренней окружающей среды. Подобно тому, как поведенческая психотерапия фокусируется на анализе и изменении поведения, когнитивная психотерапия направлена на анализ и модификацию мышления, идей, убеждений, представлений.

Когнитивная психотерапия в своих терапевтических методах основывается на знаниях когнитивной психологии. Целью когнитивной психотерапии является анализ и изменение мышления пациента так, чтобы он осознал свои иррациональные, неадаптивные способы мышления и смог заменить их на рациональные, адаптивные. Эффективность когнитивной психотерапии сначала была научно подтверждена в отношении депрессивных расстройств. В последние десятилетия ее применение распространилось на другие психические нарушения — тревожные расстройства, расстройства личности, соматоформные расстройства, нарушения сна, бредовые и галлюцинаторные переживания при шизофрении (Beck, 1991).

Основываясь на теории, можно прийти к выводу, что причинами психологических проблем являются некорректные способы поведения и мышления. Ошибочные способы мышления и поведения усваиваются и поддерживаются узнаваемыми внешними и внутренними факторами. При успешной психотерапии пациент может отказаться от своих ошибочных способов поведения и мышления и обучиться новым, более подходящим, что позволит ему лучше решать проблемы.

Можно выделить следующие этапы развития когнитивно-поведенческой терапии. В 1950—1960-е годы появились первые работы по данному направлению. Начиная с 1970-х годов началось расширение влияния когнитивно-поведенческой терапии на другие области психотерапии. Современный этап развития когнитивно-поведенческой терапии, начавшийся в 1990-е годы, характеризуется интеграцией когнитивной терапии с другими подходами.

Согласно современным исследованиям в области психотерапии, проведенным как Всемирной организацией здравоохранения, так и Министерством здравоохранения США, когнитивно-поведенческая психотерапия является наиболее эффективным методом лечения тревожных расстройств, депрессии, обсессивно-компульсивного расстройства, посттравматического стрессового расстройства,

соматоформных расстройств, нарушений сна, сексуальной дисфункции и расстройств личности. Также когнитивно-поведенческая психотерапия может быть частью комплексной программы лечения и реабилитации более тяжелых психических расстройств, органических заболеваний головного мозга и различных соматических заболеваний.

Литература

- Бек А., Раш А., Шо Б., Эмери Г.* Когнитивная терапия депрессии. СПб.: Питер, 2003.
- Бек Дж.* Когнитивная терапия: полное руководство. М.: Вильямс, 2006.
- Бурлачук Л. Ф., Кочарян А. С., Жидко М. Е.* Психотерапия: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2007.
- Зейг Дж. К.* Эволюция психотерапии. Т. 2. Осень патриархов: психоаналитически ориентированная и когнитивно-бихевиоральная терапия. М.: Независимая фирма «Класс», 1998.
- Пономаренко Л. П.* Когнитивно-поведенческая психотерапия в современной психологической практике // Вісник Одеського національного університету. Сер. «Психологія». 2014. Т. 19. Вип. 2. С. 253–260. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Vonu_psi_2014_19_2_29 (дата обращения: 13.04.2021).
- Прохазка Дж., Норкросс Дж.* Системы психотерапии. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007.
- Риллаэр Ж. В.* Когнитивно-поведенческие терапии: научная психология на службе человеку // Логос. 2010. № 3 (76). С. 55–75.
- Холмогорова А. Б., Гаранян Н. Г.* Когнитивно-бихевиоральная психотерапия // Основные направления современной психотерапии. М.: Когито-Центр, 2000. С. 224–265.
- Эллис А., Драйден У.* Практика рационально-эмоциональной поведенческой терапии. СПб.: Речь, 2002.
- Beck A. T.* Cognitive therapy as the integrative therapy: comments on Alford and Nor-cross // *Therapy Integration*. 1991. № 1. P. 191–198.

The history of the development of the cognitive-behavioral approach in psychotherapy

V. A. Maron

*UO “Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank”,
Minsk, Belarus, vika_maron@mail.ru*

The article reveals the main stages of the historical formation and development of the cognitive-behavioral approach. The development of three “waves” of cognitive-behavioral psychotherapy is highlighted. Various approaches of the authors studying the influence of behavioral and cognitive factors on a person are revealed. It is shown that the development trend of this approach is manifested not only in behaviorism, but also in cognitive therapy, rational-emotional-behavioral psychotherapy. The focus is on identifying common and specific elements in the integration and improvement of cognitive behavioral therapy approaches.

Keywords: psychoanalysis, behaviorism, cognitive psychology, cognitive behavioral therapy, behavior, anxiety disorders.

История развития психобиоритмологических исследований в России

М. Н. Маслова

Московский гуманитарный университет, Москва, glazanaraspashku@yandex.ru

В статье приводится описание истории биоритмологии в России. Обозначена важная роль категорий времени, пространства и биологических ритмов в жизни человека. Рассмотрено текущее состояние психобиоритмологических исследований, в них выделено несколько линий. Установлена взаимообусловленность между хромотипом и особенностями личности. Выявлен циклический характер работоспособности в течение дня. Показана взаимосвязь между рассогласованием биологических ритмов и психоэмоциональным состоянием. Обозначена перспективность дальнейших психобиоритмологических исследований.

Ключевые слова: история психологии, биологические часы, биоритм, хронобиология, хромотип, десинхроноз, психобиоритмология, психоэмоциональное состояние.

Категории пространства и времени являются важнейшими в науке и культуре. Любая биологическая система, начиная от клетки и заканчивая сообществом организмов, имеет протяженность как в пространстве, так и во времени, отражая порядок протекания внутренних процессов и продолжительность жизни объекта. Кроме того, организм взаимодействует с окружающей его средой, следовательно, ему постоянно необходимо корректировать свою деятельность, чтобы обеспечить приспособление к меняющимся условиям. Это взаимодействие также происходит в пространстве и времени.

С понятием временной организации неразрывно связана идея биологического времени, которая разрабатывалась И. М. Сеченовым и А. А. Ухтомским. Об особенностях протекания времени в живых системах писал и В. И. Вернадский. Различия физического и биологического времени подчеркивали Т. А. Детлаф, Г. П. Еремеев, В. А. Межжерин и другие ученые. Они отмечали такие отличительные черты, как неравномерность и нерегулярность биологического времени в связи с непостоянным характером изменений, лежащих в его основе; различный масштаб физического и биологического времени, проявляющийся, например, в «сжатии» или «растягивании» времени в определенных условиях; многомасштабность биологического времени, которая заключается в том, что живые организмы являются, с одной стороны, отдельными, самостоятельными системами, а с другой — частью других, более сложных систем (Артюнина, 2012; Хетагурова и др., 2013).

Одним из признаков живой материи является цикличность биологических функций на всех уровнях. Благодаря выработанной в процессе эволюции последовательности взаимодействия различных структур организма с окружающей средой создаются условия для слаженной, гармоничной работы этого организма. Все колебательные процессы стремятся к синхронизации, что отражается в ритмичности как одном из значительных свойств жизнедеятельности.

Исследование проблемы ритмических процессов в природе уходит корнями в древность. В рукописях Древнего Китая «Цзо-Чжуань» (VII–V в. до н. э.) представлено описание одного из самых важных биологических ритмов – суточного. О цикличности явлений окружающего мира упоминали в своих трудах Гиппократ и Аристотель (V–IV в. до н. э.). В «Книге перемен» (IV–III в. до н. э.) дана характеристика тех изменений, которые происходят в человеческом организме в течение суток, месяца, года и 12-летних периодов (Прохорова, 2010).

Биологический ритм – это изменение определенного события в биологической системе, длящееся примерно одинаковое количество времени и происходящее через более или менее регулярные временные промежутки. Это процесс, который не просто повторяется, но и самоподдерживается и самовоспроизводится в любых условиях (Тимченко, 2012).

Биологические ритмы определяют деятельность всех живых организмов. Внимание к биоритмам обусловлено и тем, что они являются одним из ключевых механизмов адаптации человека к окружающей среде и показывают, насколько функциональное состояние организма можно считать благополучным в данный момент. Зачастую влияние факторов внешней среды можно проследить в первую очередь по изменениям биоритмов (Ежов, 2008).

Хронобиологические проблемы в нашей стране начали изучаться задолго до создания самой хронобиологии. С. Н. Ежов, А. Н. Тимченко отмечают, что, говоря о разработках идей, связанных с изучением циклических процессов в организме, прежде всего необходимо назвать работу Н. А. Северцева «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии» (1855), диссертацию Г. А. Федорова «О влиянии времени дня на жизненную емкость легких и на силу вдоха и выдоха» (1887) и работы Н. Я. Пэрна, который сделал вывод о существовании не только биологических, но и психологических ритмов, достигающих максимума каждые 7 лет. А. Л. Чижевский также внес значительный вклад в развитие новой отрасли. Проанализировав смертность в Российской империи с 1800 по 1900 г. и по Санкт-Петербургу с 1764 по 1900 г., он обнаружил столетнюю цикличность смертности и обозначил ее понятием «вековой ход». В последующие годы Чижевский открыл взаимосвязь между циклическими процессами на Земле и солнечной активностью, в результате чего в 1939 г. на Международном конгрессе по биологической физике и биологической космологии, проходившем в Нью-Йорке, его назвали основателем новых наук – космобиологии и биоорганизмологии. Чижевский доказал, что функционирование почти всех органов происходит строго ритмически. При этом одни ритмы подчинены внутренним физико-химическим процессам, а другие – факторам внешней среды (в первую очередь космическому излучению). Также Чижевский отмечал наличие группы независимых (врожденных) ритмов (Ежов, 2008; Тимченко, 2012).

В последние десятилетия ритмические колебания в организме – биологические ритмы – вызывают повышенный интерес. Понимание необходимости глубокого изучения биоритмов для рационального построения режима труда и отдыха, для поддержания здоровья и полноценной активной деятельности привело к созданию отдельной области – хронобиологии. В 1959 г. Ф. Халберг сформулировал понятие об окоლოსуточных, или циркадианных, ритмах и описал временную организацию физиологических функций организма. Термин «хронобиология» Ф. Хал-

берг впервые обозначил в 1969 г. в журнале «Годовой обзор физиологии» при публикации результатов собственных научных исследований (Заславская и др., 2012).

Составной отраслью хронобиологии является биоритмология. Однако, по сути, она сводится к содержанию современной хронобиологии. Поэтому многими авторами эти понятия используются как синонимы (Тимченко, 2012).

Выделяют несколько видов биоритмов: утранианные (продолжительность составляет около 16 часов), циркадианные (околосуточные), инфрадианные (от 28 часов до 4 суток), циркасептаные (околонедельные), циркатригинтаные (околомесячные), ультраннулярные (несколько месяцев), цирканнуальные (около одного года). Значительный интерес вызывают циркадианные ритмы, поскольку ежедневная жизнь человека подчинена именно им.

Анализируя этапы становления хронобиологии и хрономедицины в России, Л. Г. Хетагурова, С. И. Рапопорт и Н. К. Ботоева подчеркивают, что в нашей стране биоритмология активно начала развиваться с 1950–1970-х годов. В 1966 г. вышла книга Ф. И. Комарова «Суточные ритмы физиологических процессов в здоровом и больном организме». В 1960-е годы были опубликованы работы биоритмологов В. Н. Доброхотова, Г. Д. Губина, М. Г. Колпакова, Ю. А. Романова и др. В разных городах начали свою деятельность хронобиологические школы. В 1981 г. были созданы три Проблемные комиссии, одна из которых, наиболее жизнеспособная и стабильная, — постоянно действующая Проблемная комиссия по хронобиологии и хрономедицине при АМН СССР, а позднее при РАМН. С 1981 г. вопросы хронобиологии и хрономедицины стали регулярно обсуждаться на конференциях и симпозиумах (Хетагурова и др., 2013).

В отечественной литературе существует три наиболее крупные коллективные монографии под названием «Хронобиология и хрономедицина», вышедшие в 1989, 2000 и 2012 гг. В них представлен обзор исследований и мнений по хронобиологическим и хрономедицинским вопросам (Хронобиология..., 1989, 2000, 2012). Основная часть работ по изучению биоритмов имеет общебиологическую, физиологическую и медицинскую направленность. Тем не менее биоритмология оказалась связана и с психологической наукой. Об этом свидетельствует изучение хронотипов, а также последствий рассогласования биоритмов не только с медицинской, но и психологической точки зрения. В текущий момент данное направление представлено еще достаточно малым количеством эмпирических исследований, объем которых с начала 2000-х годов увеличивается с каждым годом.

Нормальное течение биоритмов в организме может меняться в зависимости от различных факторов. Закономерным колебаниям подвержены как физиологические, так и психические процессы, включая динамику эмоциональных состояний. Рассогласование ритмов (десинхроноз) негативным образом воздействует на большое количество жизненных функций, особенности эмоционального реагирования, а также может быть причиной развития патологических состояний. Исходя из этого, в психобиоритмологических исследованиях можно выделить несколько линий.

Одна из линий относится к изучению соотношения между хронотипом и особенностями личности. Термином «хронотип» обозначаются индивидуальные особенности организации суточных ритмов. Условно выделяют три основных типа людей в зависимости от хронотипа: «жаворонки» (или утренний тип), «совы» (ве-

черный тип) и «голуби» (аритмики). Для утреннего типа характерны ранний подъем и ранний отход ко сну, для вечернего — поздний подъем и позднее засыпание, аритмики же при необходимости достаточно легко могут адаптироваться к изменившемуся режиму сна и бодрствования (Тимченко, 2012).

Хронотип — это один из факторов, показывающий оценку адаптационных возможностей человека к стрессовым ситуациям. Н. А. Яунакайс и А. Ю. Золотухина в результате своей работы выявили, что «жаворонки» более эмоционально устойчивы, чем «совы», среди которых определенное количество испытуемых склонно к нейротизму (Яунакайс, Золотухина, 2010). К подобным выводам пришли М. С. Полторак, В. Л. Гром и Е. В. Сарчук, которые осуществляли оценку стрессоустойчивости студентов в зависимости от пола, курса обучения и хронотипа. Они сделали вывод о том, что низкий уровень стрессоустойчивости характерен для «сов», а более высокий уровень — для «жаворонков» (Полторак и др., 2019).

Помимо стрессоустойчивости, исследователи обращают внимание на различия в уровне тревожности у представителей разных хронотипов. Однако зачастую результаты разнятся в зависимости от методики исследования. Например, Яунакайс и Золотухина при анализе тревожности получили разнонаправленную динамику показателей с учетом половых особенностей: в целом более высокий уровень тревожности в женской группе характерен для представительниц утреннего хронотипа, в мужской — для представителей вечернего хронотипа (Яунакайс, Золотухина, 2010).

Другая линия психобиоритмологических исследований связана с пониманием того, что существуют биоритмы психической активности. Деление на «жаворонков», «сов» и «голубей» важно для понимания не просто того, в какое время дня пробуждается тело сна и ложится спать тот или иной тип, а какие часы являются наиболее благоприятными для умственной и физической работы. Установлено, что для «жаворонков» наивысшая активность приходится на первую половину дня, для «сов» — на вечернее и ночное время. Исследования успеваемости студентов показывают, что обладатели вечернего хронотипа имеют более низкий уровень успеваемости по сравнению со сверстниками — обладателями утреннего и промежуточного хронотипа. Однако интеллектуальный уровень у «сов» в среднем не ниже, а даже выше, чем у остальных хронотипов. Таким образом, одна из причин низкой успеваемости состоит в том, что на утро приходится наибольшая интеллектуальная нагрузка для представителей данного хронотипа, они оказываются не способными синхронизировать работу своих биологических часов с социальными ритмами (Зенкина и др., 2019).

Психическая деятельность, в частности работоспособность, претерпевает изменения в течение дня: один уровень активности сменяется другим, и, следовательно, степень работоспособности тоже меняется. На протяжении суток происходят два пика и два спада, а также несколько менее выраженных ритмических колебаний работоспособности, не только физической, но и психической, которая выражается в способности к концентрации внимания, скорости принятия решений, формирования мыслей и предложений, быстроте извлечения из памяти нужной информации. Важно учитывать, что высокая работоспособность возможна лишь в том случае, когда жизненный ритм человека согласуется с биологическими ритмами его психофизиологических функций (Прохорова, 2010; Тимченко, 2012).

Из этого вывода проистекает еще одна линия исследований в психобиоритмологии – изучение взаимообусловленности рассогласования естественных ритмов (десинхроноза) и психики. В рамках хронобиологии и хрономедицины проведено большое количество исследований и выявлена взаимозависимость между рассогласованием биологических ритмов и отклонениями в функциональном состоянии организма (Кику и др., 2015; Тимченко, 2012; Хронобиология и хрономедицина..., 1989; 2000; 2012).

В организме многие патологические процессы сопровождаются нарушением временной организации физиологических функций, и в то же время рассогласование ритмов является одной из причин выраженных патологических изменений. При этом взаимообусловленность биологических ритмов и психики проанализирована сравнительно мало. С десинхронозом связывают стрессовое состояние, утомление, депрессию, т. е. те явления, которые рассматриваются в рамках психологии. Наиболее полно отследить закономерность между рассогласованием биологических ритмов и психоэмоциональным состоянием можно на примере изучения лиц, имеющих сменный график работы (включая ночные смены), или чья деятельность связана с переменной часовых поясов. Проанализировав влияние трансмеридиональных перелетов на спортсменов, П. Ф. Кику, М. Ю. Хотимченко и Л. Н. Нагирная отмечают, что частое изменение распорядка «сон-бодрствование» приводит к тому, что ритмы жизненных функций не успевают синхронизироваться друг с другом. Результатом этого становятся хроническое нарушение сна, расстройства желудочно-кишечного тракта, неврозы. Рассогласование биоритмов у испытуемых приводило к вялости, усталости, снижению работоспособности (Кику и др., 2015).

В. В. Хаснулин, О. И. Петров и А. В. Хаснулина при изучении изменений суточных ритмов у студентов обнаружили, что, помимо развития функциональных расстройств, десинхроноз приводит к увеличению уровня страха, агрессии, конфликтности, психологического дискомфорта и снижению интенсивности и продуктивности внимания (Хаснулин и др., 2010).

Проведенные исследования членов экипажей воздушных судов, диспетчеров и операторов, работающих в ночные смены, доказывают, что десинхроноз приводит к нервно-психическому напряжению, которое, в свою очередь, может способствовать формированию невротических расстройств. Также следствием рассогласования биоритмов является хронический стресс, повышенная утомляемость (Бухтияров и др., 2018).

Таким образом, психобиоритмологическое направление, с одной стороны, имеет древние истоки, поскольку люди давно убеждены в значимости биологических ритмов для организма человека, который обладает не только набором физиологических процессов, но и психическими переживаниями. С другой стороны, это направление изучено недостаточно глубоко, на данный момент в России оно только зарождается, но является актуальным и перспективным. Такие исследования могут использоваться на предприятиях с целью повышения работоспособности, снижения рисков травматизации и заболеваний. В целом знание психобиоритмологических особенностей необходимо для поддержания психологического здоровья человека.

- Артюнина А. А.* Время биологическое и время субъективное: сравнительные характеристики // Вестник Иркутского гос. лингвистического ун-та. 2012. № 19. С. 125–130. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vremya-biologicheskoe-i-vremya-subektivnoe-sravnitelnye-harakteristiki/viewer> (дата обращения: 02.06.2021).
- Бухтияров И. В., Юшкова О. И., Фесенко М. А., Меркулова А. Г.* Оценка риска утомления у работников нервно-эмоционального труда // Анализ риска здоровью. 2018. № 1. С. 66–77.
- Ежов С. Н.* Основные концепции биоритмологии // Вестник ТГЭУ. 2008. № 2. С. 104–120.
- Заславская Р. М., Васькова Л. Б., Болсуновская Ю. Р.* Хронофармакология и хрономедицина как новый методологический подход к оптимизации лечения // Пространство и время. 2012. № 1 (7). С. 195–198.
- Зенкина В. Г., Зенкин И. С., Владимирова К. Е.* Хронобиологический тип студентов и академическая успеваемость // Амурский медицинский журнал. 2019. № 3 (27). С. 36–40.
- Кику П. Ф., Хотимченко М. Ю., Нагирная Л. Н.* Проблемы трансмеридиональных перелетов // Экология человека. 2015. № 1. С. 15–20.
- Полторак М. С., Гром В. Л., Сарчук Е. В.* Оценка уровня стрессоустойчивости у студентов медицинского вуза // *Juvenis scientia*. 2019. № 4. С. 4–6.
- Прохорова Э. М.* Биологические ритмы и здоровье // Сервис plus. 2010. № 3. С. 20–26.
- Тимченко А. Н.* Основы биоритмологии: учебно-методическое пособие. Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2012.
- Хаснулин В. И., Петров О. И., Хаснулина А. В.* Изменение суточных ритмов при объединении часовых поясов как причина стресса и десинхронозов // Бюллетень СО РАМН. 2010. Т. 30. № 6. С. 140–143.
- Хетагурова Л. Г., Рапопорт С. И., Ботоева Н. К.* Этапы становления хронобиологии и хрономедицины в России (исторический очерк) // Пространство и время. 2013. № 2 (12). С. 229–237.
- Хронобиология и хрономедицина. Руководство / Под ред. Ф. И. Комарова. М.: Медицина, 1989.
- Хронобиология и хрономедицина. Руководство / Под ред. Ф. И. Комарова, С. И. Рапопорта, М.: Триада-Х, 2000.
- Хронобиология и хрономедицина. Руководство / Под ред. С. И. Рапопорта, В. А. Фролова, Л. Г. Хетагуровой. М.: МИА, 2012.
- Яунакайс Н. А., Золотухина А. Ю.* Изучение зависимости психофизиологического статуса от хронотипа человека // Вестник ТГУ. 2010. Т. 15. № 1. С. 100–104.

The history of psychobiorhythmological research in Russia

M. N. Maslova

Moscow University for the Humanities, Moscow

The article describes the history of biorhythmology in Russia as the source of the formation of a new branch – psychobiorhythmology. The important role of the categories of time and space in human life, and at the same time – biological rhythms, is indicated. The current

state of psychobiorhythmological research is considered: several lines in these studies are identified. The interrelationship between the chronotype and personality features is established. The cyclical nature of working capacity during the day is revealed. The relationship between the mismatch of biological rhythms and the psychoemotional state is shown. The prospects of further psychobiorhythmological studies are indicated.

Keywords: history of psychology, biological clocks, biorhythm, chronobiology, chronotype, desynchronosis, psychobiorhythmology, psychoemotional state.

История изучения феномена мудрости в психологической науке

Н. Н. Мехтиханова

ЯрГУ им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, natnik1@list.ru

Кратко описываются традиции изучения мудрости в философский период развития психологии. Мудрость связывалась с нравственной добродетелью и эффективным решением жизненных проблем. Это послужило основой для современного понимания феномена. Излагается хронология изучения мудрости в зарубежной и отечественной психологии. Показано, что существуют два основных подхода в исследованиях — имплицитный и эксплицитный. Анализируются причины долгого игнорирования феномена в психологии и возрождения интереса к нему в современной науке.

Ключевые слова: мудрость, философия, теоретические и эмпирические исследования мудрости, имплицитный и эксплицитный подходы, трудности в исследованиях мудрости, причины возрождения интереса к мудрости.

У каждого современного исследователя мудрости есть своя личная история общения к этому загадочному и неуловимому феномену. У кого-то все началось с удивления перед тайной, которая окружает феномен мудрости. Кто-то, как в свое время В. Клейтон (*Wisdom: Its nature...*, 1990), задумался о различиях в психологии и поведении своих близких, для кого-то мудрые книги и их авторы стали катализатором интереса к мудрости; кому-то потребовался совет в решении сложной жизненной задачи, и он оказался мудрым и полезным. Список мотивов бесконечен, как и бесконечна сама история проблемы мудрости.

Испокон веков люди обращались к понятию мудрости, широко используя его в житейской практике. Мудрыми считались старцы и философы, обладающие богатым жизненным опытом, разносторонними знаниями. Устные традиции, сказки, песни и истории были одними из самых ранних средств передачи народной мудрости. Упоминания о мудрости присутствовали в древней светской литера-

туре таких цивилизаций, как Египет и Месопотамия еще в 2500 г. до н. э. Эта литература содержала коллекции притч, пословиц и рассказов, в которых описывались принципы достойной жизни, моральные правила и т. д.

Богатейшую историю понятия «мудрость» имеет в философских и религиозных учениях. Интерес к мудрости среди философов и теологов вполне понятен, поскольку «мудрость» касается вопросов о том, что приводит к праведной жизни, как найти баланс между заботой о себе и других, каковы условия для верного суждения в условиях неопределенности и др. Мудрость обсуждается в религиозном контексте в Библии, Коране, трудах Конфуция, буддийских учениях и др. Религиозные учения оказали значительное влияние на понимание мудрости в философии (Леонтьев, 2011; Каримов, Епанчинцева, 2015; *A handbook of wisdom...*, 2005; Assmann, 1994; *The Cambridge Handbook of Wisdom...*, 2019).

Согласно досократическим греческим философским концепциям мудрости, люди могли приблизиться к пониманию того, что составляет истинную мудрость, но не достичь полного состояния мудрости.

Мудрость фигурирует как важнейший феномен человеческой жизни в древнегреческой философии в учениях стоиков, Сократа, Платона, Аристотеля и др. Мудрость утвердилась как интеллектуальная добродетель и как ориентир для жизни отдельных лиц и общин. В диалогах Платона, пронизанных дискуссиями о мудрости, их главный герой Сократ служит примером мудреца, в исторических спорах Платона и Аристотеля, где превосходство отдавалось теоретической мудрости, родилось понимание мудрости как разнопланового феномена. Сформировались идеи, которые продолжают быть темами в современных исследованиях мудрости (*The Cambridge Handbook of Wisdom...*, 2019).

Следуя этой традиции, необходимо различать философскую мудрость (София — знание ради него самого), практическую мудрость (Фронезис — как жить в соответствии с Софией) и научное знание (Эпистема).

Согласно Аристотелю, теоретическая мудрость — это объяснительное знание о том, как жить хорошо (потому что высшее добро было самым фундаментальным из принципов), в то время как практическая мудрость, по его мнению, была не чем иным, как умением применять эти знания к конкретным обстоятельствам в повседневной жизни. Мудрец-практик стремится не к обретению божественного или совершенного знания, а к принятию правильных решений (Assmann, 1994; *Wisdom: Its nature...*, 1990). Мудрость, в частности, предназначена для применения знания к порождению нравственной добродетели, к целям, способствующим человеческому процветанию (будь то в отношении к собственной жизни или к человеческой жизни вообще) в соответствии с рациональным пониманием человеческой природы.

Аристотель считал, что у некоторых людей способность к суждению или рациональному размышлению более развита. Склонность к практической мудрости частично является врожденным даром, как и любой талант или особые способности, но она может быть развита путем постоянной практики.

Таким образом, в аристотелевской традиции жизненный опыт мудрости связан не столько с одним «благом», сколько с тем, что «хорошо» для индивидов и для мира в целом. Эти связи между мудростью, мудрой жизнью и хорошей жизнью глубоко повлияли на современные психологические дискуссии о мудрости.

В период средневековья мудрость рассматривалась в христианской традиции как благодать, полученная от Бога, или как отражение божественной мудрости (Wisdom: Its nature..., 1990). Некоторые богословы выступали за науку, которая гармонично сочетала бы человеческое и божественное; такое обучение приближало бы учеников к Богу и, следовательно, к божественной мудрости (Assmann, 1994). Исходя из религиозных убеждений Августин Блаженный считал, что мудрость — недостижимая, но достойная цель, к которой нужно стремиться.

Фома Аквинский, средневековый философ и богослов, синтезировал западную философию и христианские верования и сохранил различие между философией и религией или между разумом и верой. Вследствие этого в западной культуре добродетельное поведение или практическая мудрость (Фронезис) стала в большей мере областью церкви, в то время как изучение философской мудрости (София) наряду с изучением научного знания (Эпистема) стало областью научного знания. Это может быть одной из причин долгого невнимания психологической науки к феномену мудрости (Assmann, 1994; Wisdom: Its nature..., 1990).

С ростом секуляризации знания в эпоху Возрождения и Новое время, началась эволюция понимания мудрости в западной культуре. В результате разрыва между интуитивным и эмпирическим способами познания акцент был сделан в основном на разуме, а не на религии. Логика и научный метод стали доминировать, а интуиция, откровение и созерцание, т. е. механизмы, лежащие в основе традиционной мудрости, были отброшены в сторону. Мудрым мог быть только тот, чьи суждения были получены путем размышления, а действия основаны на знании. Более того, то, что было известно как мудрость, стало рассматриваться в качестве противоположности науке (Assmann, 1994). Многие ученые видели в мудрости недостижимый человеческий идеал. Мудрость оставалась идеей, моделью, которая никогда не могла быть достигнутой. Например, великий философ И. Кант считал мудрость недостижимым состоянием человеческого совершенства, к которому можно только чувствовать любовь (Wisdom: Its nature..., 1990).

Долгое время право на суждения о мудрости принадлежало философии и религии, а психология скромно ожидала своей очереди в познании этого феномена. Даже когда в XIX в. произошло революционное отделение психологии от философии, а романтизм и трансцендентализм возродили интерес к мудрости в гуманитарных науках, обращение к исследованию мудрости было невыгодно для психологической науки. Как справедливо замечает Робинсон, расцветающая самостоятельная психология искала признания в области естественных наук (Wisdom: Its nature..., 1990). Мудрость как объект исследования казалась чем-то очень далеким, исключительным, непостижимым: считалось, что она была недоступна эмпирическим замерам, мудрецы, как потенциальные испытуемые встречались редко. Не в должной мере оценивалась и роль мудрости, ее функции в повседневной жизни каждого человека и общества.

В первых психологических теоретических работах мудрость была описана как идеальная конечная точка человеческого развития. Эта идея была сформулирована С. Холлом, первым президентом Американской психологической ассоциации, в фундаментальном труде «Старение» (Wisdom: Its nature..., 1990). Рассуждая о слабостях и возможностях старения, он связывал, хотя и косвенно, развитие мудрости с появлением в позднем взрослом возрасте философского спокойств-

вия, беспристрастности и желания извлечь моральные уроки. По мнению Холла, несмотря на возрастные, биологически обусловленные потери в когнитивном функционировании у человеческого разума есть потенциал для жизненных успехов в позднем интеллектуальном функционировании.

В работах К. Г. Юнга по проблеме коллективного бессознательного описывается особый архетип — «архетип мудрого старого человека». Мудрый человек — это старший член общества, носитель устных традиций, помогающий решать проблемы, кажущиеся другим непреодолимыми (Анцыферова, 2004).

Первым теоретиком, создавшим концепцию мудрости, был психолог, психотерапевт, специалист в области развития личности Э. Эриксон. Он разработал восьмиступенчатую модель развития, которая включала этапы развития от рождения до смерти, в том числе и старость, что было уникальным в то время, когда большинство исследователей сосредоточились исключительно на детском развитии. Эриксон описал стадию психосоциального развития в пожилом возрасте, «целостность против отчаяния», где конфликты развития идентичности были разрешены и достигли кульминации в добродетели мудрости. Для Эриксона мудрость — достижение человеком такого уровня развития, которое характеризуется всеобъемлющим пониманием положения человека в мире и смысла его жизни. Развитию мудрости способствуют: 1) саморазвитие — признание того, что увеличение возраста исключает некоторые возможности, но открывает другие; 2) самотрансценденция — углубляющееся понимание коллективного над индивидуалистическим. Именно благодаря работам Эриксона, идея о мудрости как предмете научного исследования была воспринята и стала развиваться многими учеными (A handbook of wisdom..., 2005).

Вместе с тем до 1980-х годов все обсуждения феномена мудрости носили теоретический характер. Важным шагом на пути изучения мудрости в психологии стали эмпирические исследования В. Клейтон (A handbook of wisdom..., 2005). Еще в юности она заинтересовалась качествами, которые были свойственны ее отцу и бабушке. В том, как они проживали свою жизнь, было что-то особенное. Несмотря на ограниченное образование, они обладали сверхъестественной способностью принимать правильные решения; они оставались спокойными в разгар кризисов; они передавали почти осязаемое чувство эмоционального удовлетворения, часто перед лицом значительных невзгод или неопределенности. Они были очень скромными людьми, хорошо осознавали свои ограничения, но всегда умели все взвесить, а потом принять правильные решения для всех членов семьи. Они знали, на что нужно быстро реагировать и над чем нужно поразмыслить. Клейтон задала вопрос: «Что означает мудрость и как на нее влияет возраст?».

Прежде всего, Клейтон разграничила мудрость и интеллект, в качестве центральных для мудрости были выделены три основные области: когнитивная, аффективная и рефлексивная. Клейтон подвергла сомнению некоторые утверждения, выдвинутые Эриксоном в отношении заключительного этапа жизни, успешное прохождение которого приводит к появлению мудрости. По мнению Клейтон, сама по себе старость не так существенна для мудрости, как опыт: чем больше у тебя опыта, тем больше шансов стать мудрым.

По всеобщему признанию, Клейтон — психолог, положивший начало всем последующим эмпирическим исследованиям мудрости. Значимость ее работ вы-

соко оценили Р. Дж. Стернберг, П. Балтес, Д. Смит и др. По их мнению, утверждение В. Клейтон, что мудрость может быть законной темой для эмпирического изучения, было большим прорывом в науке (The Cambridge Handbook of Wisdom..., 2019; A handbook of wisdom..., 2005; Wisdom: Its nature..., 1990).

После публикаций работ Клейтон количество исследований мудрости, прежде всего, в области психологии развития и в рамках когнитивной психологии стало неизменно расти. В 1980-е годы их было пять, в 1990-е годы — 21, а между 2000 и 2011 гг. — около 80. В настоящее время счет публикаций идет на сотни.

В начальный период главной задачей для ученых было определение феномена, называемого мудростью, поиск новых способов ее измерения или концептуализации. Одновременно изучалась связь мудрости с интеллектом. Большое количество работ было посвящено выяснению позитивных аспектов старения и мудрости.

К 1990-м годам мудрость получила признание как конструкт, который можно эмпирически изучать в области психологии. Р. Штернберг собрал эмпирические и теоретические положения многих исследователей и опубликовал в книге «Мудрость: ее природа, происхождение и развитие» (1990). В предисловии к сборнику он выделяет три общих подхода к изучению мудрости, которые он называет: а) философским; б) имплицитным теоретическим; в) эксплицитным теоретический (Wisdom: Its nature..., 1990).

Различные психологические исследования Штернберг разделил на две категории. «Имплицитные» исследования изучают концепции мудрости обычного человека и основаны на непрофессиональном, житейском понимании термина. Неявные теории мудрости включают в себя верования или представления людей относительно мудрости и особенностей мудрого человека. Житейские представления о мудрости, мудрых людях, накладывают свой отпечаток на научное изучение мудрости.

Второй группой стали «эксплицитные» исследования, в которых ученые пытались использовать традиционные эмпирические методы. Явные теории мудрости понимаются как производные экспертного мнения и знаний. Они часто основаны на теоретических моделях развития, например, теории психосоциального развития Эриксона, теориях когнитивного развития. Явные теории мудрости сосредоточены на познавательных и поведенческих выражениях мудрости. Главная цель этих концепций — сформировать теоретическую модель мудрости (The Cambridge Handbook of Wisdom..., 2019).

Среди эксплицитных теорий наиболее известной является так называемая берлинская парадигма мудрости, разработанная в Институте Макса Планка в Берлине под руководством П. Балтеса. Соединив самую разработанную область исследования мудрости — психологию развития — и доминирующий в психологии в 1990-х годов когнитивистский подход ученые предложили пятимерную модель мудрости. В ней подчеркивалась роль экспертных знаний (каковыми являлась мудрость) в решении сложных жизненных проблем. Мудрость определялась как экспертная система знаний и суждений о сущности человеческого состояния, путях и способах, средствах планирования, понимания хорошей жизни и управления ею (A handbook of wisdom..., 2005).

Довольно скоро появились критические оценки теории группы Балтеса, что подтолкнуло многих ученых к созданию собственных моделей мудрости (A handbook of wisdom..., 2005).

В 2005 г. Р. Трьюбридж во всестороннем и критическом обзоре суммировал то, что было изучено за последние 25 лет по проблеме мудрости:

1. Мудрость была вновь введена в современную науку через создание эмпирических исследований.
2. Мудрость операционализируется многими различными способами. Это уникальная конструкция, связанная с эмоциональным и когнитивным интеллектом или любой другой личностной чертой, но отличающаяся от них.
3. Хотя многие исследования были направлены на определение мудрости, этот вопрос так и не был решен.
4. Мудрость — это область, в которой пожилые люди могут преуспеть.
5. Мудрость как опыт и как эвристическое отношение к смыслу и поведению жизни богата возможностями.
6. Самым большим прогностическим фактором для мудрости, как было установлено, является профессия в такой области, как клиническая психология и пастырская деятельность.
7. Были обнаружены положительные корреляции между мудростью и удовлетворенностью жизнью, а также особыми личностными чертами, такими как открытость, социальный интеллект и моральное мышление.
8. Исследователи обнаружили, что мудрость можно развить, консультируясь с другими или давая человеку время обдумать ситуацию (Trowbridge, 2005).

Для обсуждения концептуальных споров относительно природы мудрости и ее оценок в 2019 г. в г. Торонто (Канада) собралась международная группа исследователей мудрости — рабочая группа по мудрости. Ее целью было дать систематическую оценку доминирующих теоретических и методологических позиций по мудрости в эмпирической психологии и выработать общую позицию в психологической науке. Предварительно организаторы провели опрос ученых, участвующих в конструкции, связанной с мудростью. В итоге была описана общая модель мудрости и сформулировано общепринятое определение: мудрость — это морально обоснованное применение метапознания к рассуждению и решению проблем (Grossmann et al., 2020).

Мудрость — новый предмет изучения в русскоязычной психологии последних лет (Анцыферова, 2004; Знаков, 2019; Леонтьев, 2011; Каримов, Епанчинцева, 2015; Мехтиханова, 2010; Нуркова, 2013; Огнев, 2002; Ожиганова, 2019; Холодная, 2002). Первые публикации не просто основывались на переводах работ западных ученых. В них делались попытки теоретического осмысления нового для современной психологии конструкта, определения его содержания и места в системе психологических категорий, перспектив изучения. Безусловно, подобного рода работы являются ценнейшим вкладом в науку, необходимым этапом в познании феномена мудрости. Вместе с тем учеными подчеркивалась сложность эмпирического изучения мудрости, говорилось об ее исключительности, малой распространенности, звучали предупреждения о подмене феномена мудрости некими мудроподобными решениями.

Во многом соглашаясь с такой позицией, хотелось бы отметить, что при изучении мудрости, как и любого другого редкого феномена, возможно применение двух основных тактик: во-первых, изучение уникальных людей, единоглас-

но признанных в обществе мудрыми (мудрецов), и, во-вторых, сравнение группы людей, обладающих хотя бы некоторыми признаками мудрости, с людьми, совсем не имеющими таковых. Эти тактики давно и успешно используются при изучении трудноформализуемых проблем, например, в ходе исследования экспертного опыта, каковым, кстати, может считаться (и считается в упомянутой теории Балтеса) и сама мудрость.

В. В. Нуркова с соавт. предлагают отказаться от поиска «абсолютных мудрецов» и начать изучать мудрые решения и советы, одновременно разрабатывая проблему развития (Нуркова и др., 2013).

Эмпирические исследования мудрости в отечественной психологии в настоящее время немногочисленны. Так, изучение имплицитных представлений о мудрости выполнено в работах А. С. Огнева, Е. А. Никитиной (Никитина, 2019; Огнев и др., 2002). В. В. Нуркова предлагает изучать мудрость в действии с помощью методов исследования автобиографической памяти (Нуркова и др., 2013). В работах Н. Н. Мехтихановой, С. Э. Дровосекова стали использоваться диагностические методики (Дровосеков, 2015; Мехтиханова, 2010).

Именно отсутствие надежных методов является одной из причин затруднений в изучении мудрости в российской науке, но как показал анализ и зарубежных, и отечественных работ, не только это, а еще целый ряд обстоятельств обусловили долгое отсутствие внимания к проблеме мудрости в психологической науке. Среди его причин следует отметить многогранность, сложность и даже некую иллюзорность, неуловимость самого конструкта. Многие ученые, как и обычные люди, видели и видят в мудрости человеческий идеал, который практически не может быть достигнут, не объективируется, а значит, и не подлежит изучению.

Психология, стремясь стать самостоятельной наукой, максимально дистанцировалась от философии и ее понятий, а тема мудрости на протяжении тысячелетий как раз была в центре внимания философов и религиозных деятелей. Кроме того, западная культура была склонна приравнивать любое знание к техническому или научному, что отодвигало в сторону изучение мудрости.

По мнению Д. А. Леонтьева, идея мудрости утратила актуальность в связи с омассовлением культуры и осознанием относительности всех ценностных систем, технологизацией и фрагментацией всей общественной жизни. Но понимание того, что социальная жизнь, коммуникация оказываются невозможны в отсутствие разделяемых всеми оснований, возродило интерес к понятию мудрости (Леонтьев, 2011).

Отсутствие оценки роли мудрости в современном обществе также сдерживает развитие исследований по данной теме.

Как показал проведенный анализ работ по истории мудрости, обращение ученых к этой проблеме в конце XX в. было обусловлено рядом причин. Нуркова с соавт. отмечают, что в современном кризисном обществе для возрождения гуманитарных идеалов необходимо опираться на мудрость (Нуркова и др., 2013).

Логика развития науки подталкивает исследователей к изучению феномена мудрости, поскольку изменилась структура психологии, в центр исследования выдвигаются когнитивные процессы, проблемы социального интеллекта, повышается внимания к поздним периодам жизни человека (Анцыферова, 2004).

- Анцыферова Л. И.* Мудрость и ее проявления в разные периоды жизни человека // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 17–24.
- Дровосеков С. Э.* Диагностика мудрости: анализ внутренней согласованности опросника мудрости 3D-WS М. Ардельт // Личность в пространстве и времени. 2015. № 5. С. 69–72.
- Знаков В. В.* Динамический подход к исследованию личности и процессуальный анализ в психологии субъекта // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 27–34.
- Каримов М. Г., Епанчинцева Г. А.* Феномен мудрости в историко-философском и психологическом дискурсах // Психология и психотехника. 2015. № 10. С. 1032–1043. doi: 10.7256/2070-8955.2015.10.16378
- Леонтьев Д. А.* Возможность мудрости // Человек. 2011. № 1. С. 20–34.
- Мехтиханова Н. Н.* Мудрость как научная категория // Психологические исследования интеллекта и творчества: Материалы научной конференции, посвященной памяти Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина, ИП РАН, 7–8 октября 2010 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 230–233.
- Никитина Е. А.* Представления людей разного возраста о мудрости // Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Никитина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 425–432.
- Нуркова В. В., Алюшева А. Р., Березанская Н. Б.* Проблема исследования мудрости в контексте смысловой теории мышления // Идеи О. К. Тихомирова и А. В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения): Материалы Всероссийской научной конференции (с иностранным участием), Москва, 30 мая–1 июня 2013 г. Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, фак. психологии / Отв. ред. Ю. П. Зинченко, А. Е. Войскунский, Т. В. Корнилова. М.: Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2013. С. 68–71.
- Огнев А. С., Гончаров Ю. Н., Постникова Н. В.* Мудрость как акмеологический феномен // Акмеология. 2002. № 3 (4). С. 17–22.
- Ожиганова Г. В.* Психология молчания и продуктивная жизнедеятельность в контексте мудрости // Вестник Костромск. гос. ун-та. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2019. Т. 25. № 3. С. 51–55.
- Холодная М. А.* Психология интеллекта: Парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.
- A handbook of wisdom: Psychological perspectives / R. J. Sternberg, J. Jordan (Eds).* N. Y.: Cambridge University Press, 2005.
- Assmann A.* Wholesome knowledge: Concepts of wisdom in a historical and crosscultural perspective // Life-span development and behavior. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1994. P. 187–224.
- Grossmann I., Weststrate N. M., Ardelt M., Brienza J. P., Dong M., Ferrari M., Fournier M. A., Hu C. S., Nusbaum H. C., Vervaeke J.* Wisdom science in a polarized world: Knowns and unknowns // Psychological Inquiry. 2020. V. 31 (2). P. 1–31. doi: 10.1080/1047840X.2020.1750917
- The Cambridge Handbook of Wisdom / R. J. Sternberg, J. Glück (Eds).* N. Y.: Cambridge University Press, 2019. doi: 10.1017/9781108568272
- Trowbridge R.* The scientific approach to wisdom (Unpublished Ph. D. Thesis). Cincinnati, OH: Union Institute & University, 2005.
- Wisdom: Its nature, origins and development / R. J. Sternberg (Ed.).* N. Y.: Cambridge University Press, 1990.

History of the study of the phenomenon of wisdom in psychological science

N. N. Mekhtikhanova

YarSU named after P. G. Demidov, Yaroslavl, natnik1@list.ru

The article briefly describes the traditions of the study of wisdom in the philosophical period of the development of psychology. Wisdom was associated with moral virtue and a good solution to life's problems. This served as the basis for the modern understanding of the phenomenon. The chronology of the study of wisdom in foreign and domestic psychology is presented. It is shown that there are two main approaches in research – implicit and explicit. The reasons for the long-term neglect of the phenomenon in psychology and the revival of interest in modern science are analyzed.

Keywords: wisdom, philosophy, theoretical and empirical studies of wisdom, implicit and explicit approaches, difficulties in the study of wisdom, reasons for the revival of interest in wisdom.

Истоки и источники теории отражения в психологии¹

*А. И. Мусс, В. А. Ермилова, А. В. Постовалов,
М. Головина, А. В. Боровиков*

*Санкт-Петербургский государственный университет, albertwanderer@gmail.com,
st081149@student.spbu.ru, anton.v.postovalov@gmail.com,
st089717@student.spbu.ru, alohaman1999@gmail.com*

Рассматривается вопрос о содержании и источниках теории отражения, которая считается методологической основой многих других теорий и концепций в советской психологии и имеет большое значение в настоящее время. Обращаясь к трудам современных авторов, советских психологов, классиков и комментаторов марксизма и диалектического материализма, авторы демонстрируют неоднозначность и неоднородность исходного материала, выражающуюся в отсутствии строгих определений, строгих понятий и концептуальных рамок, обозначающих границу и специфику рассматриваемой теории.

Ключевые слова: история психологии, философия психологии, советская психология, теория отражения, отражение, психическое отражение, опережающее отражение.

---

¹ Авторы выражают благодарность А. Н. Ермилову за оказанную помощь при написании настоящей статьи.

В ходе своего развития любая наука претерпевает многочисленные изменения под влиянием различных факторов, начиная от развития научной проблематики, связанной с трансформациями в методах исследования и интересах исследователей, и заканчивая совокупностью социокультурных, экономических и политических факторов, а также динамикой научной терминологии и самой структуры повседневности. При этом каждый специалист, включаясь в научные исследования, присоединяется к ним как носитель определенного языка, общественных отношений и культуры, причем этот контакт оказывается ограниченным по времени. Это обстоятельство требует от конкретного исследователя постоянного внимания не только к тому, что актуально, но и к тому, как и при каких обстоятельствах к этому материалу кто-либо обращался. Результатом же такого взаимодействия может стать расширение понимания таких условий и прояснение вопросов, не имеющих решения в настоящий момент, и рассмотрение более широкого контекста их существования для более полного представления возможностей и ограничений для исследователей.

В современной психологии изучение многих конкретных вопросов закономерно оказывается связанным с фундаментальными проблемами, обращение к которым приводит к прослеживанию их истории в науке. Это, в свою очередь, становится причиной внимания к идеям, теориям и концепциям, имевшим большое историческое значение, в частности, к материалам советской психологии. При этом важно понимать, что апелляции к ней в настоящий момент, в связи с изменением социокультурных, экономических и политических условий, происходит, несмотря на очевидную преимущество, по несколько иным правилам, требующим отдельного самостоятельного исследования.

Одним из центральных понятий, включенных в тезаурус таких авторов, как К. Н. Корнилов, С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев, Л. М. Веккер, А. А. Смирнов, Б. М. Теплов, К. К. Платонов, Я. А. Пономарев, Б. Ф. Ломов, П. К. Анохин, является понятие «отражение». Его значимость и содержание в теориях советских психологов трудно переоценить, ведь отражение становится одной из определяющих характеристик психики вообще (Чуприкова, 2006). Следуя этой традиции, современные определения психики в отечественной психологии также опираются на это понятие. Однако, если советские психологи могли указать в качестве его источника работы Маркса и Энгельса, а также ленинскую теорию отражения, то в настоящий момент, если приходится обращаться к этим источникам в поисках интересующих нас определений, то это кажется необычным, особенно при рассмотрении связи этого понятия с фундаментальной проблемой восприятия или репрезентации, в соответствии с которой необходимо установить соотношение между ощущениями и их характеристиками и источниками их возникновения.

Таким образом, в рамках настоящей работы мы обращаемся к понятию «отражение», имеющему большое значение для советской психологии и включенному в теоретические построения современных российских психологов. В частности, Н. А. Логинова пишет, что «без принципа отражения нельзя понять сознание» (Логинова, 2016, с. 70).

Понятие отражения и теория отражения в современной психологии

Для начала можно обратиться к современным авторам, прежде всего, психологам, которые используют в своих работах понятие «отражение» или теорию отражения. Так, Н. И. Чуприкова приводит достаточно подробный обзор, в котором не только рассматривает авторов, имеющих отношение к теории отражения и теоретическим разработкам советских психологов по этому вопросу, но и раскрывает свой взгляд на проблему преемственности данной теории, предлагая в качестве предшественников ленинской теории отражения идеи Аристотеля, а также работы В. И. Вернадского, Н. О. Лосского и И. М. Сеченова (Чуприкова, 2006). Значение теории отражения Чуприкова видит, как минимум, в двух моментах – в формировании целостной теории, позволяющей вскрыть внутренние механизмы изучаемых (психических) явлений, а также в педагогическом потенциале теории, связанном с тем, что она, согласно ее мнению, позволяет более успешно систематизировать общепсихологический материал в процессе преподавания (Чуприкова, 2006).

Оценивая вклад Б. Г. Ананьева в психологию, Логинова определяет психику как «высшую форму отражения», противопоставляя такую позицию, в частности, парадигме социального конструктивизма. Согласно Логиновой, Ананьев рассматривал отражение с позиции материалистического сенсуализма, заключающегося в том, что источником ощущений является материя, а сами ощущения становятся основой психического. К этой мысли он приходит в результате собственных исследований сенсорной организации человека и анализа работы В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (Логинова, 2016).

Таким образом, теория отражения рассматривается скорее как философское наследие советской эпохи, имеющее, с одной стороны, глубокие философские корни (апелляция к классическим авторам и исследователям рубежа XIX–XX вв.), а с другой – как теория, оказавшая большое влияние на формирование советской психологии и имеющая значение до сих пор в качестве инструмента систематизации разнородных данных психологических исследований.

Однако упоминание большого числа философов прошлого, в том числе по направлениям материализма, сенсуализма и других, – это, как минимум, повод для выявления специфики данной теории. Если современные авторы, обращаясь к теории отражения, сравнивают ее с другими известными в истории философии подходами, концепциями и идеями, важно не только указать на преемственность, но и выделить специфику рассматриваемой теории.

Понятие «отражение» и теория отражения в советской психологии

За прояснением вопроса о содержании понятия «отражение» необходимо обратиться сначала к тем советским психологам, которые активно использовали это понятие в своих исследованиях.

К. Н. Корнилов выступил одним из первых авторов в психологии, кто стал использовать понятие отражения для описания сознания средствами диалектического материализма. Также Корнилов, опираясь на труды К. Маркса, Ф. Энгельса

и В. И. Ленина, пытался показать специфику сознания именно как субъективно-го отражения бытия в противовес наивному материализму (Корнилов, 1926, с. 9).

С.Л. Рубинштейн также объясняет работу психики, используя понятие отражения с опорой на труды К. Маркса и В. И. Ленина. Психика в работах Рубинштейна представляет собой единство реального и идеального. Будучи частью реальности, психика способна к отражению реального, которое является объективной составляющей психического процесса, например, отражением объектов реального мира. Субъективная составляющая проявляется и в отношении к личности человека. Таким образом определяются фундаментальные явления психики – переживание и знание (Рубинштейн, 1946).

Такое использование понятия отражения значительно отличается от идей других классиков советской психологии. Так, Ананьев полагал, что Рубинштейн отождествляет понятия взаимодействия и отражения. Критикуя работы С.Л. Рубинштейна и О. В. Лапшина, Ананьев описывает последствия отождествления взаимодействия и отражения: «Подобный подход меняет реальное исследование явлений отражения, происходящего в процессах взаимодействия, дедуктивным подведением всех бесчисленных случаев взаимодействия к различным типам отражения» (Ананьев, 1961, с. 18).

При этом сам Ананьев, рассуждая об отражении, выделяет две главных стороны этого явления:

1. Понимание ощущения как функции органической отражающей материи. В этом аспекте отражение как общее свойство достигает пика своего развития в виде ощущения. «С этой точки зрения ощущение есть высшая форма отражения, связанная со всей историей отражения на различных этапах развития материи» (там же, с. 14).
2. Связь ощущающей и неощущающей материи. Ощущение – место «начала» психического (Логинова, 2016), уровень в иерархии материального мира, где отражение качественно меняется: «Взаимодействие неощущающей и ощущающей матери является не только далеким прошлым филогенеза, но и самым общим условием жизнедеятельности человека...» (там же, с. 16).

Таким образом, для Ананьева философская проблема отражения являлась центральной и еще нерешенной: «Лишь путем изучения различных форм движения материи в их взаимосвязи и взаимодействии возможно выделить реальные явления отражения как свойства материи, в том числе и особенно органической» (там же, с. 18).

Среди авторов, открывших свойство отражения, и их работ, в которых было упомянуто это открытие, Ананьев называет «Диалектику природы» Ф. Энгельса и «Капитал» К. Маркса, а также «Философские тетради» В. И. Ленина и Т. Павлова и его «Принцип отражения».

А. Н. Леонтьев рассматривал отражение как свойство и материального, и психического, но психическое отражение, в отличие от зеркального и других форм, субъективно и активно (Леонтьев, 1975).

Б. Ф. Ломов, ссылаясь на В. И. Ленина, И. М. Сеченова, С.Л. Рубинштейна, Б. Г. Ананьева, П. К. Анохина и других, рассматривал отражение в его связи со взаимодействием (что роднит отражение с физическими процессами) и актив-

ностью (что роднит отражение с адаптацией, поведением и прогнозированием). Также Ломов говорил о следующих сторонах психического отражения: формах, механизмах, результатах и функциях (Ломов, 1984).

Опираясь на материалистическое понимание мира и центральную роль понятия отражения для понимания психического, П. К. Анохин писал об опережающем отражении (по-видимому, используя термин Н. А. Бернштейна – Марцинковская, 2009), связывая отражение с активностью и приспособлением организма к условиям среды («пространственно-временным структурам мира») путем прогнозирования еще не наступивших воздействий. Для Анохина принципиально разделить отражение вообще как пассивный процесс и активное отражение, связанное с эволюцией живого. Последнее начинается с условного рефлекса, а он, в свою очередь, представляет основу для опережающего отражения, причем базой для его осуществления становится мозг, а идеальной формой – сознание. В то же время зачатки такого процесса могут быть сформированы на ином субстрате («протоплазматические отражение действительности»). В отношении источника понятия отражения Анохин указывает на теорию отражения В. И. Ленина, упоминаемая также в качестве значимых авторов, развивающих эти идеи в числе прочих, Т. Павлова, Б. С. Украинцева, М. Ф. Веденова и Г. А. Югая (Анохин, 1978).

Таким образом, общим для ключевых советских психологов источником теории отражения являлись работы Ленина, а также Маркса и Энгельса, чьи труды рассматривались в качестве основы для ленинской теории отражения. При этом во всех работах мы видим, прежде всего, ссылки, а не определения. Следовательно, для более глубокого понимания содержания данной теории и ее основных положений необходимо обратиться к первоисточникам.

Вопрос об истоках понятия «отражение» и теории отражения

Выше было показано, что в равной мере и современные авторы, обращающиеся к истории понятия отражения, и ключевые для советской психологии исследователи опираются на ленинскую теорию отражения. Основные источники – две работы Ленина: «Материализм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради». Посмотрим, что сказано в этих работах об отражении и можно ли говорить о самостоятельной теории?

В 1909 г. в работе «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин упоминает об отражении (корень «отраж» встречается в тексте издания 1986 г. 98 раз), критикуя за идеализм как классических философов (например, Беркли), эмпириокритицистов Э. Маха и Р. Авенариуса, так и своих современников, в том числе Г. В. Плеханова и К. Пирсона (так, в комментариях к цитатам из работ последнего встречается следующий текст: «<...> но логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения» – Ленин, 1986, с. 101).

Комментируя статью Ф. Энгельса «Исторический материализм» в контексте критики В. А. Базарова, В. И. Ленин пишет: «Итак, материалистическая теория, теория отражения предметов мыслью, изложена здесь с полнейшей ясностью: вне нас существуют вещи. Наши восприятия и представления – образы их. Проверка этих образов, отделение истинных от ложных дается практикой» (там же, с. 120).

В. И. Ленин пишет также: «О двух пунктах, затронутых у Базарова в приведенной цитате: критерий практики у агностиков (махистов в том числе) и материалистов и различие теории отражения (или: отображения) и теории символов (или иероглифов), мы будем говорить особо» (там же, с. 126). Можно ли, опираясь на эти цитаты говорить о представлении теории, описывающей некоторое явление?

Возможно, здесь не стоит торопиться. В первом предложении, в котором упоминается именно «теория отражения», данное сочетание слов используется наряду с «материалистической теорией», т. е. может выступать как синоним или аналог, тем более, что позже в тексте можно увидеть такой фрагмент: «Сознание вообще отражает бытие, — это общее положение всего материализма» (там же, с. 348). Иными словами, возможно, здесь дело лишь в отсылке к (диалектическому) материализму, а не к какой-то отдельной самостоятельной теории.

Обратимся к «Философским тетрадям». В 1914 г. в своем конспекте «Науки логики» Г. Гегеля Ленин использует слово «отражение», обращаясь и к законам логики, и к человеческому познанию. В работе «К вопросу о диалектике» он пишет: «Диалектика как живое, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности (с философской системой, растушей в целое из каждого оттенка) — вот неизмеримо богатое содержание по сравнению с „метафизическим“ материализмом, основная беда коего есть неумение применить диалектики к Bildertheorie, к процессу и развитию познания» (Ленин, 1969, с. 321—322). В сноске редакторы дают перевод немецкого слова — «теория отражения», хотя могли бы перевести его и как «теория образа».

В общем, несмотря на употребление словосочетания «теория отражения» в текстах Ленина, нельзя, как кажется, однозначно говорить о том, что это именно теория отражения, ведь это фрагменты текстов, посвященных диалектике, критике эмпириокритицистов, а также конспект работы классического философа, снабженный примечаниями, в части которых, наряду с частым употреблением слова «отражение», несколько раз встречается именно сочетание слов.

Чтобы лучше понять всю сложность интерпретации подобного материала, а также сохранить осторожность в отношении вопроса о существовании ленинской теории отражения, необходимо обратиться к авторам, чьи работы упоминаются в качестве тех, кто предвосхитил появление теории отражения.

Работы Маркса и Энгельса, а именно «Капитал» и «Диалектика природы», также предлагаются к рассмотрению в качестве источников теории отражения. В работе Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» есть ссылки на труд «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии». Можно сделать попытку обратиться к этим трем и другим работам этих авторов.

На первом этапе в электронных копиях указанных текстов был реализован поиск всех совпадений с корнем искомого понятия — «отраж», после чего были перечитаны фрагменты, где встречается искомым корень. В случае, если можно было говорить о темах, относящихся к свойствам материи, восприятию и т. д., следовало обращение к оригинальному тексту Маркса и Энгельса. Всего таким образом было проработано 50 томов полного собрания сочинений.

Например, у Ф. Энгельса в работе «Людвиг Фейербахе...» на месте переведенных как «отражение» слов встречается, как минимум, три других, имеющих сход-

ные значения: «Widerspiegelung», «Rückspiegelung», «Spiegelbild». Причем все они встречаются в контексте того, что религиозные переживания человека опираются на его собственную природу. Подобное разнообразие терминов вкуче с общим контекстом их употребления не позволяют делать вывод о том, что в данном тексте речь идет о термине, имеющем строгое и однозначное значение. Отдельно стоит отметить, что в переводе на русский и в оригинале цитируемых Энгельсом работ Фейербаха понятие «отражение» не встречается.

Похожая картина наблюдается и в других текстах из этого перечня. Слово «отражение» постоянно используется для перевода ряда немецких слов (например, как отражение переводят также слова «Abbild» и «Reflex»), имеющих отношение к отражению, отображению и образу, а непосредственно теорию отражения в предисловии к 20-му тому упоминает не автор, а коллектив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, указывая на то, что Энгельс «наметил отправные идеи теории отражения, развитые впоследствии Лениным в целостную теорию» (Маркс, Энгельс, 1962, с. IX).

Таким образом, единственное, о чем можно сказать более или менее обоснованно при обращении к работам К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, так это то, что для первых двух слово «отражение», скорее всего, не несло какой-то фундаментальной нагрузки. При этом вопрос о существовании ленинской теории отражения кажется на этом этапе неопределенным, в частности потому, что основному понятию такой теории не дается даже определения. Возможно, стоит обратиться к более поздним авторам, на которых ссылались уже известные нам классики советской психологии.

Вопрос об авторах, развивших отдельные положения Маркса, Энгельса и Ленина в теории отражения

Одним из таких более поздних авторов, чьи работы представлены «в промежутке» между основателями марксизма-ленинизма и советскими психологами, является Т. Павлов и его работа «Принцип отражения» (первое издание — 1936 г., второе — 1949 г., между этими изданиями имеются значительные различия по содержанию), на которую ссылался, частности, Ананьев (1961).

В первом издании своего труда, опираясь на работы Энгельса и Ленина, точнее, на диалектический материализм, Павлов говорит об отражении как о свойстве материи, возникающем на базе (само) движения материи и взаимодействия (в том числе причинного) между всеми материальными явлениями в мире. Сознание в таком случае представляет собой особый вид отражения как единства субъективных и объективных элементов, специфичность которого связана со строением нервной системы и возникновением субъекта (Павлов, 1936).

Во втором издании (именно на него ссылается Ананьев) Павлов, добавив в список основных авторов Маркса, выстраивает более целостную систему, начиная от материи и движения, на их базе возникает отражение, становящееся в живых системах реактированием, на его основе формируется рефлекс, который, в свою очередь, становится основой для опережающего отражения (при этом в обоих изданиях ссылок на Бернштейна или Анохина нет). Такая способность предвосхищать воздействия представляет основу чувствительности — основу формиру-

ющейся психики как источник осознанного отражения — высшей формы рассматриваемого явления (Павлов, 1949).

Другим обратившим на себя наше внимание источником стало указание на происходивший в 1930 г. Поведенческий съезд, в котором, согласно И. Ф. Куразову, приняли участие специалисты из области физиологии и морфологии нервной системы, биопсихологии, рефлексологии, психологии, педологии, психотехники и психопатологии. Причем «философы лишь играли роль консультантов» (Куразов, 1930, с. 4). В дискуссии между представителями школы Павлова, фрейдистами, реактологами, рефлексологами Бехтерева, а также психоневрологами не были подвергнуты критике позитивисты, эклектики, идеалисты, механицисты, персонологи, гештальтисты, но были выведены основные положения, касающиеся природы психики и принципов ее работы. В том числе было принято решение рассматривать ее как познаваемую, возникшую в результате эволюции при взаимодействии внутреннего и внешнего «форму жизнедеятельности», в которой «отображаются внешние условия жизни» (там же, с. 7).

Как минимум, в этих трех работах можно обнаружить попытки авторов рассуждать об отражении (отображении) именно как о понятии внутри теории, более того, именно Павлов и Куразов пытаются встроить его в структуру других понятий и высказываний, содержащихся в диалектическом материализме. Возможно, двумя представленными здесь авторами список исследователей, занимавшихся подобной работой, не исчерпывается, однако стоит отметить, что именно они цитировались теми советскими психологами, которые разрабатывали свои теории и вели исследования, опираясь на теорию отражения.

Заключение

В работе удалось показать, во-первых, насколько понимание теории отражения и ее центрального понятия различается не только у современных психологов, изучающих историческое наследие, но и у самих советских психологов, опиравшихся на данную теорию. Если для современных исследователей важным моментом является более широкий философский и научный контекст, послуживший предпосылками формирования теории отражения, то советские психологи стремились, прежде всего, совместить свои научные разработки с трудами Маркса, Энгельса и Ленина.

При этом в попытке, с одной стороны, связать психику, сознание, и восприятие с материальным миром, а с другой — показать специфику изучаемых явлений по сравнению с материей вообще (в чем, конечно, интересы данных авторов, по-видимому, схожи) советские психологи выделяли субъективность, активность, многообразие форм отражения, а также прогнозирования. Такое многообразие объяснительных конструкций умножается, если принять в расчет многочисленные предварительные формулировки этих идей, дискуссии с участием специалистов, стремившихся связать вопросы изучения психики и сознания с диалектическим материализмом.

Анализ конкретных первоисточников и материалов, ставших основой для последующих теоретических построений, поставил, как минимум, под вопрос само существование теории отражения как некоторой целостной последовательности

суждений, призванных объяснить изучаемое явление. Обращение к оригинальным текстам Маркса и Энгельса позволило увидеть многообразие понятийного аппарата там, где в русскоязычных переводах используется неизменное «отражение». В свою очередь, обращение к текстам Ленина, оцениваемым в качестве непосредственных источников теории отражения, поставило под вопрос существование в них целостной теории данного явления, имеющей специфические по отношению к диалектическому материализму характеристики.

Попытки построения подобной теории обнаруживаются в работах философов, психологов и других исследователей, упоминаемых выдающимися деятелями советской психологии как в качестве отдельных фигур, внесших свой вклад в формирование соответствующей теории (Т. Павлов), так и в качестве участников (И. Ф. Куразов и др.) методологических дискуссий в начале советской эпохи, которые послужили основой для совмещения идей диалектического материализма и марксизма-ленинизма с психологической наукой.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Теория ощущений. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961.
- Анохин П. К.* Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978.
- Корнилов К. Н.* Наивный и диалектический материализм в их отношении к науке о поведении человека // Проблемы современной психологии. Л.: Ленинград, 1926.
- Куразов И. Ф.* Методологические итоги поведенческого съезда // Вопросы изучения и воспитания человека. 1930. № 1–2. С. 3–8.
- Ленин В. И.* Философские тетради // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. М.: Изд-во полит. лит., 1969.
- Ленин В. И.* Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Изд-во полит. лит., 1986.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Логинова Н. А.* Антропологическая психология Бориса Ананьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. Т. 20. М.: Изд-во полит. лит., 1962.
- Марцинковская Т. Д.* История психологии. М.: Академия, 2009.
- Павлов Т. (Досев П.).* Теория отражения: Очерки по теории познания диалектического материализма. М.—Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1936.
- Павлов Т.* Теория отражения: Основные вопросы познания диалектического материализма. М.: Изд-во иностр. лит., 1949.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946.
- Чуприкова Н. И.* Теория отражения, психическая реальность и психологическая наука // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. № 1. С. 174–192.

Origins and sources of the theory of reflection in psychology

*A. I. Muss, V. A. Ermilova, A. V. Postovalov,
M. Golovina, A. V. Borovikov*

*St Petersburg State University, albertwanderer@gmail.com, st081149@student.spbu.ru,
anton.v.postovalov@gmail.com, st089717@student.spbu.ru, alohaman1999@gmail.com*

This study examines the origins, content, and sources of the theory of reflection, which is considered as the philosophical basis for many theories and concepts in both soviet and contemporary Russian psychology. Conceptual analysis of the works about the concept of reflection and the theory of reflection by modern authors, soviet psychologists, classics and commentators of marxism and dialectical materialism shows the ambiguity and heterogeneity of studied concept and expresses the ambiguity, absence of strict definitions and conceptual frameworks that are necessary to specify the content of the theory of reflection.

Keywords: history of psychology, philosophy of psychology, soviet psychology, theory of reflection, the concept of reflection, psychic reflection, anticipatory reflection.

История развития представлений о совести в психологии¹

Л. Ш. Мустафина

ФГБУН Институт психологии РАН, Москва, mustafinals@ipran.ru

В статье приводится обзор основных научных взглядов на феномен совести и их развитие от философских до современных психологических концепций. Показана история становления разных научных идей о природе нравственности и совести, начиная с теоцентрических воззрений о совести к ответственности самого человека за свои поступки и роли общества и социального воспитания в развитии совести с переходом к представлению о совести как нравственном компоненте самосознания личности.

Ключевые слова: совесть, научные представления о совести, история развития представлений о совести.

Обзор научных идей по проблеме совести обнаружил их многообразие и неоднозначность. Как в философских, так и в психологических словарях совесть определяется через такие категории, как *нравственный самоконтроль, самооценка, ответственность* за свое поведение, *убежденность* в том, что есть добро и зло. Ка-

---

1 Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки РФ № 0138-2021-0005.

тегория совести привлекала внимание многих психологов, в данной статье отметим лишь некоторые научные взгляды.

Научные представления о совести начали свое развитие в этических учениях философов. Так, философы-идеалисты рассматривали совесть как продукт абсолютной идеи или вечного нравственного закона, как нечто врожденное или данное Богом и отказывались искать объяснение совести в действительной жизни, в реальных потребностях (например, Платон). Философы-стоики Рима, продолжая линию Платона, показывали врожденное, божественное происхождение совести (например, Марк Туллий Цицерон, Сенека).

Христианство закрепило геоцентрическую картину мира и предполагало рассмотрение совести в связи с понятием греха. Эпоха европейского Возрождения в центре Вселенной постепенно поставила Человека, и тема совести переместилась в область ответственности человека за соблюдение или нарушение нравственных законов. Философ XVII в. Д. Юм отстаивал идею, согласно которой моральные суждения возникают на основе переживаний. Юм считал, что в человеке заложено врожденное моральное чувство, и, лишь ощутив его, человек начинает искать аргументы для подтверждения этого чувства разумными суждениями. Именно моральное чувство, по Юму, формирует эмоциональные реакции, которые, в свою очередь, побуждают суждения о добре и зле (см.: Хаузер, 2008, с. 62–64). И. Кант в своем этическом учении придавал определяющее значение разуму. Совесть, по Канту, это практический разум, ставящий перед человеком в каждом случае закон его долга для оправдания или осуждения себя (Кант, 2000). Г. Гегель в труде «Феноменология духа» рассматривает совесть как продукт «объективного духа», как духовную сущность, давая ей определение «абсолютной внутренней уверенности в своей самодостоверности». Гегель показывает противоречивый характер совести, проводя различие между истинной и формальной совестью. Формальной совестью Гегель называл только видимость совести, а истинная совесть связана с «правилом разумного всеобщего».

В Новейшее время в понимании совести возник разнобой, вплоть до отрицания онтологического статуса за самим этим явлением (характерно для гедонизма) либо объяснения его «общественными инстинктами» (Ч. Дарвин). Происходит усиление иррационалистических тенденций (А. Бергсон). Экзистенциалисты (М. Хайдеггер) рассматривали совесть в связи с возможностью поддержания человеком аутентичности своего бытия, хотя А. Камю и П. Сартр доходили в своих суждениях до полного отрицания роли угрызений совести.

Нравственная детерминанта была ведущей и основной во все периоды истории отечественной философии. Философ начала XX в. И. А. Ильин ставит феномен совести предметом своего анализа и раскрывает ее многомерный характер. Он считает, что совесть присуща человеку, так сказать, «от природы» (Ильин, 1993, с. 180). Ильин указывает на опасность, связанную со снижением понимания сущности совести или извращения ее. «Человек, которому не удается поднять себя до совести, начинает опускаться до себя. Не умея примирить себя с нею, он начинает толковать и даже воспринимать ее как якобы «готовую на уступки»» (там же, с. 184). Совестьный акт не есть акт интеллекта, по мнению Ильина: «В этом отношении опыт совести подобен опыту молитвы и опыту художественному, а не опыту научного анализа, синтеза и доказательства» (там же, с. 186).

Представитель отечественных мыслителей советского периода З.А. Бербешкина в книге «Совесть как этическая категория» выделяет в совести три элемента: рациональный, чувственный и волевой (Бербешкин, 1986). Согласно ее определению, «совесть означает осознание (понимание и чувство) моральной ответственности человека за свое поведение перед другими людьми, обществом, осознание, включающее нравственную самооценку, волевой самоконтроль личностью своих поступков, мыслей и чувств» (там же, с. 44). Интересные мысли о специфике понятия совести высказал О.Г. Дробницкий в своем труде «Понятие морали» (1974). Природа происхождения феномена совести трактуется им следующим образом: «Совесть — это не изначально данная человеку способность судить обо всем правильно, прислушиваясь только к своему „внутреннему голосу“, и это не какое-то особенное „психологическое переживание“ или убежденность в своей правоте. Это обязанность правильно судить о своих действиях, на что человек должен быть способен. Совесть вменяется человеку, а не предполагается за ним с самого начала. Иначе говоря, верно не то, что „у каждого своя совесть“, а то, что человек должен обладать совестью, даже если для этого ему понадобится изменить себя» (Дробницкий, 1974, с. 181).

Основные подходы к пониманию совести в зарубежных психологических концепциях

Согласно психоаналитическим идеям, бессознательные инстинкты подавлены, но определяют сущность и поведение человека. Чувства биологичны, инстинктивны и не подлежат изменению. Совершенно иная позиция у бихевиористов. Э. Торндайк вместе с другими авторами полагает, что наше поведение влияет на наши чувства более, чем чувства влияют на поведение (Торндайк, 1988, с. 179). Таким образом, совесть человека — не создатель, а создание его деятельности. Нравственность создается из привычек к действию, и нет иного пути обеспечить привычки к действию, как только посредством самых действий. Мы становимся правдивы, говоря правду, смелыми, смотря в глаза опасности. Лучшее средство против скупости — это давать, против жестокости — добрые и милосердные поступки. В радикальном бихевиоризме люди вообще действуют из-за особых схем поощрений и наказаний, все объяснение поведения сводится фактически к ситуации.

Сравнивая психоанализ и бихевиоризм, можно заключить, что в психоанализе нравственность понимается как воздержание от негативных поступков, природе человека чуждо моральное содержание, и за нее он не должен нести ответственность; в бихевиоризме характер человека определяет только его поведение, нравственность поведения достигается через замещение негативных поступков позитивными.

Психоанализ также подчеркивает роль эмоций и подражания в нравственном развитии личности. Основатель психоанализа З. Фрейд совесть определяет через требования социального окружения, перешедшие в сферу неосознаваемого психического, которые он обозначил терминами Сверх-Я и Я-идеал. Первым источником этих требований являются родители. «В дальнейшем ходе развития роль отца переходит к учителям и авторитетам; их заповеди и запреты сохраняют свою силу в Я-идеале, осуществляя в качестве совести моральную цензуру. Не-

согласие между требованиями совести и действиями Я ощущается как чувство вины. Социальные чувства покоятся на идентификации с другими людьми на основе одинакового Я-идеала» (Фрейд, 1989, с. 439). Фрейд считал, что стремление к идеальному есть одно из заблуждений человека, и от него следует отказаться. Требования к человеку должны быть таковы, чтобы не превышали его природных возможностей.

В когнитивной теории морального развития придается определяющее значение когнитивным аспектам морального развития личности. Крупным представителем когнитивной теории морального развития является американский психолог Л. Колберг. Ученого интересуют сопровождающая выбор поступков моральная рефлексия, анализ своих поступков, а также оценка поступков других людей. Основная идея Колберга состоит в том, что изменения моральных суждений происходят в зависимости от стадий морального развития личности. Он считает, что индивиды последовательно проходят в своем развитии моральные стадии от нижней (1) до высшей (6). Шесть стадий морального развития сгруппированы в три главных уровня: доконвенциональный (1 и 2 стадии), конвенциональный (3 и 4 стадии), постконвенциональный (5 и 6 стадии) (Kohlberg, 1976, p. 31–53). Автор подчеркивает, что логическое развитие — необходимое, но не достаточное условие морального развития, так как многие люди могут достичь более высокой логической стадии, чем их моральная стадия, но никто не может стоять на более высокой моральной стадии, чем его логическая стадия» (ibid., p. 42–43). Главная мысль Колберга состоит в том, что моральная стадия развития личности связана с уровнем когнитивного развития и с моральным поведением, а само моральное развитие неразрывно связано с уровнем морального мышления, морального понимания, морального суждения (ibid., p. 44). Конечно, весьма часто бывает так, что «люди понимают моральные принципы, но не следуют им в своем поведении, не живут согласно им. Это происходит потому, что различные факторы могут сильно влиять на то, будет ли данный человек вести себя на уровне своей стадии морального понимания в конкретных ситуациях, но несомненно, что высокий уровень моральных убеждений является хорошей основой и предпосылкой для соответствующих реальных действий в реальных естественных и экспериментальных ситуациях» (ibid.).

По мнению представителя экзистенциально-гуманистического направления Э. Фромма, совесть дана человеку вместе с его природой, находится в сфере бессознательного и поэтому представляет собой явление внеисторическое. Совесть не может реагировать на общественные требования, а также на ту оценку, которую выносят другие люди или общество поступкам отдельного человека; она не воспитывается общественным мнением. И вместе с тем Фромм выделяет два вида совести: авторитарную и гуманистическую. Авторитарная совесть, по его мнению, базируется на эмоциях страха перед авторитетом или восхищения им, т. е. на внешней оценке собственных действий. «Авторитарная совесть — это голос интериоризованного внешнего авторитета, авторитета родителей, государства или кого бы то ни было, кто окажется авторитетом в той или иной культуре. <...> Такое поведение просто соотносится с требованиями момента, регулируется страхом наказания и надеждой на вознаграждение, всегда зависит от внушительности данных авторитетов, от их осведомленности и мнимой или реальной

возможности наказывать и награждать» (Фромм, 2006, с. 456—457). «Авторитарная совесть — это то, что Фрейд описал как Сверх-Я, — пишет Э. Фромм. — Если эти нормы окажутся хорошими, совесть будет направлять человеческие поступки к добру. Однако эти нормы становятся нормами совести не потому, что они хороши, а потому, что они даны авторитетом. Будучи плохими, они все равно становятся частью совести. Тот, кто веровал в Гитлера, например, считал, что он поступает по своей совести, когда совершал действия, противные человеческой природе. Чистая совесть — это сознание, что авторитет (внешний и интериоризованный) доволен тобой; виноватая совесть — это сознание, что он тобой доволен» (там же, с. 458—459). Фромм считает совесть реакцией на самих себя в виде голоса «нашего подлинного Я», требующего от нас жить плодотворно, развиваться гармонически, самореализовываться. Гуманистическая совесть, по Фромму, вмещает суть нашего морального опыта жизни, в ней заключено знание о цели нашей жизни и о принципах, посредством которых мы добиваемся ее. «Совесть находится во взаимодействии с плодотворностью человека. Чем плодотворнее он живет, тем сильнее его совесть и тем больше она, в свою очередь, содействует плодотворности. Чем менее плодотворно живет человек, тем слабее становится его совесть; парадоксальность — и трагизм — ситуации человека в том, что его совесть слабее всего тогда, когда он более всего нуждается в ней» (там же, с. 474). Фромм представил авторитарную и гуманистическую совесть по отдельности с тем, чтобы продемонстрировать их характерные свойства, но в реальности они, по его мнению, в каждом человеке неразделимы и не являются взаимоисключаемыми.

А. Маслоу понимает совесть как проявление внутренней вины, наказания за измену своему внутреннему Я. Автор теории делает вывод о том, что наличие устойчивых внутренних нравственных норм является одной из важнейших психологических характеристик самоактуализирующихся людей. Такие люди остро чувствуют добро и зло, им присуще чувство общности с человечеством в целом. С точки зрения К. Роджерса, в биологической природе человека не заложено зло, человек рождается добрым и главным в проблеме добра и зла оказывается выбор, осуществляемый индивидом. Описывая полноценно функционирующего человека, он подчеркивает, что в своих поступках такой человек не полагается только на социальные нормы и суждения других, а для принятия решения прислушивается к «внутренним неинтеллектуальным ощущениям», к «интуитивному чувствованию ситуации».

Совесть, по мнению экзистенциального психолога В. Франкла, имеет онтологический статус и трансцендентна по отношению к человеку (Франкл, 2000, с. 251). Совесть Франкл определяет как «смысловой орган», как интуитивную способность отыскивать единственный смысл, кроющийся в каждой ситуации. Совесть помогает человеку найти даже такой смысл, который может противоречить сложившимся ценностям, когда эти ценности уже не отвечают быстро изменяющимся ситуациям. Именно так, по Франклу, зарождаются новые ценности. «Уникальный смысл сегодня — это универсальная ценность завтра» (там же, с. 296).

Современный зарубежный психолог М. Д. Хаузер считает, что человек обладает моральным инстинктом (инстинктом нравственности). Он определяет этот

инстинкт как «способность выносить быстрые суждения по поводу того, что правильно или ошибочно с точки зрения морали. Эта способность естественным образом формируется у каждого ребенка и основывается на неосознаваемых алгоритмах поведения...» (Хаузер, 2008, с. 29). «Я утверждаю, что наши способности в сфере морали обеспечиваются *универсальной моральной грамматикой*, которая создает инструментарий для построения конкретных моральных систем. <...> Благодаря ей мы судим о том, какие действия допустимы, обязательны или запрещены, не рассуждая и не имея доступа к лежащим в их основе принципам» (там же, с. 30). Хаузер доказывает положение о том, что мораль имеет длительную эволюционную историю и не является «внезапным озарением», что моральное поведение генетически детерминировано, и у человека существует мозговая «орган морали». Предполагается, что «орган морали» представляет собой специальную нейронную сеть, предназначенную «неосознанно и автоматически порождать суждения о добре и зле» (там же, с. 30–35).

Близкий подход к пониманию нравственности и совести принадлежит В. Лефевру. Совесть, по Лефевру, — это работа автоматического процессора, внедренного в человеческое существо; этот процессор регулирует наши поступки и порождает субъективный план такого регулирования — моральные терзания. С точки зрения автора, все люди обладают совестью в том же смысле, в каком все люди обладают сознанием, мышлением и способностью говорить (Лефевр, 2003). «Хотя то, что мы называем добром и злом, предопределяется эпохой, страной и микрокультурой, к которой мы принадлежим, и, следовательно, мы не можем рассматривать свои моральные суждения как отражение чего-либо абсолютного» (Лефевр, 2003, с. 2), он убежден, что могут существовать объективные формальные правила оперирования с понятиями добра и зла, не менее универсальные, чем правила оперирования понятиями истины и лжи в формальной логике. Автор строит формальную модель индивиду, способного совершать хорошие и плохие поступки, осознавать себя и испытывать чувства вины и осуждение. Его подход основывается на предположении о том, что каждый человек стремится к максимизации своего этического статуса, т. е. стремится оценивать себя как высокоморального субъекта. В эпилоге своей книги В. Лефевр заключает: «Человек может быть свободным, предопределяя судьбы других людей, но у него нет возможности избежать суда своей совести после того, как выбор сделан. Этот суд совершается автоматически и безжалостно» (там же, с. 311).

Моральные суждения основываются на интуиции и «инстинктивном чувстве», определяющем что есть хорошо, а что плохо (Haidt, 2001, 2007; и др.). В то же время, как подчеркивают Дж. Грин с соавт., традиционно в психологии морали подчеркивалась роль разума в вынесении моральных суждений. Лишь в последнее время внимание было обращено на вовлеченность эмоций в этот процесс и его интуитивный характер, хотя рационализм остается еще «правлящим» подходом в этой области (Haidt, 2001, р. 816). Рассмотрение проблем морального развития приводит к пониманию того, что «моральные эмоции» появляются до того, как формируется возможность вербальных «моральных рассуждений». Сначала появляются «моральные чувства» и лишь позже — «моральные принципы» (Waal, 1996, р. 87).

Подходы к нравственности и совести в отечественной психологии

Первое развернутое рассмотрение феномена совести в отечественной психологической науке мы обнаружили в «Учебнике психологии» 1912 г. Челпанова. Автор соединяет чувство долга, чувство нравственной обязанности, совесть под одним понятием «морального чувства». Моральное чувство связано с совершением того, что для общественной жизни признается хорошим и должным.

В. В. Зеньковский в работе «Психология детства» пишет, что мы должны признать три основных моральных чувства — любовь к людям (альтруизм), стыд и «чувство совести». «Эти три чувства вносят в нашу душу моральный опыт, создают в нас непосредственное моральное ориентирование, дают моральную оценку в отношении трех основных объектов моральной жизни — в отношении к самой личности, в отношении к другим людям, в отношении к культуре как системе жизни, как к продукту активности» (Зеньковский, 1995, с. 161). Ученый описывает механизм работы совести следующим образом: «Психология работы совести, до сих пор еще мало изученная, преимущественно выступает в своей так называемой „отрицательной“ форме, т. е. больше в указании того, чего не должно было делать, чем того, что должно. ... Из того материала, которым мы располагаем в настоящее время, можно было бы сделать заключение, что работа совести начинается раньше проявления стыда. Работа совести, сознание „греха“ оформляется благодаря социально-психическому давлению (образующему сущность всякого „наказания“), но это давление не создает работу совести, а лишь ее оформляет» (Зеньковский, 1995, с. 163–164).

Заслуживает внимания позиция Т. А. Флоренской, которая связывает совесть с понятием «духовного Я» личности и практически отождествляет эти категории. В работе «Диалог в практической психологии» (1991) она пишет, что за содержанием «реального Я» с его характером, темпераментом и многообразными психическими особенностями, за пределами «идеального Я» существует «духовное Я», неизмеримо превосходящее наличные возможности человека. «Реальное Я» и «идеальное Я» несут на себе печать прошлого опыта, оценок и воздействий окружающих, словом, временного, изменяющегося, случайного. «Духовное Я» — это голос вечности в душе человека, его творческое призвание, перспектива становления. Оно обычно не осознается или смутно осознается, но, даже будучи неосознанным, может активно руководить жизнью человека. Сознательное духовное становление личности начинается тогда, когда «наличное Я» вступило в осознанный диалог с «духовным Я», решило принять его руководство, доминирование (господство) в своей жизни. Одним из проявлений такой сознательной духовной жизни является нравственная установка личности, ориентирующей свое поведение на «голос совести».

Отечественные психологи часто рассматривают феномен совести в рамках объяснения формирования морального сознания у детей, где совесть выступает высшей формой развития сознания личности (Л. Н. Антилогова, Л. И. Божович, О. П. Николаева, А. А. Хвостов, С. Г. Якобсон и др.).

По мнению Божович, совесть есть результат становления морального сознания личности в онтогенезе. Совесть, чувство долга начинают формироваться очень рано. В младшем школьном возрасте ребенок чувствует внутреннюю по-

требность поступать согласно с усвоенным «надо», и это вызывает у него положительные эмоции. Божович утверждает, что непосредственная нравственная мотивация представляет собой наивысший уровень в нравственном развитии личности, а нравственное поведение, осуществляемое лишь по сознательно принятому намерению, свидетельствует о том, что нравственное развитие личности задержалось или пошло по неправильному пути. Общепринято положение о том, что наиболее высоким уровнем нравственного развития, к которому стремится воспитание, является способность человека ориентироваться не на внешние, а на внутренние нормы поведения. Однако вопрос о том, что собой представляют эти внутренние ориентиры и как они формируются, остается до сих пор малоизученным (Божович, 1968). Божович придерживается точки зрения, что формирование нравственности — это последовательное (закономерное) превращение одних качественно своеобразных форм нравственного развития в другие, более совершенные. Нравственно воспитанным, по мнению Божович, является лишь тот человек, который не только усвоил определенные нравственные знания, но и действует в соответствии с ними, так как они его непосредственно побуждают.

В. Э. Чудновский формирование совести связывает с процессом развития нравственной устойчивости: «По мере взросления поведение ребенка все в большей мере определяется нравственными побуждениями. В младшем школьном возрасте у ребенка складывается определенная система нравственной саморегуляции, которая в этот период в основном соответствует требованиям, предъявляемым к нему взрослыми. <...> Система нравственной саморегуляции усваивается младшим школьником хотя и прочно, но несколько формально. Формальное усвоение нравственных принципов во многом обуславливает кризисность следующего этапа, характеризующегося радикальной ломкой прежней системы нравственной саморегуляции. По-видимому, этим объясняется большая неустойчивость подростков. У старшеклассников начинает формироваться нравственная устойчивость. <...> Характерная для их возраста устремленность в будущее создает благоприятные психологические условия для формирования способности подчинять свои поступки отдаленным ориентирам. <...> Интерес к собственной личности, попытки разобраться в ее особенностях определяют стремление старшеклассника к самовоспитанию. Знания об окружающем мире и сведения об основах нравственности объединяются в его сознании в единую картину. Поэтому нравственная саморегуляция становится более полной, осмысленной и гибкой. Формирующиеся на основе научных знаний и жизненного опыта убеждения все больше становятся ориентирами поведения и обуславливают относительную самостоятельность, независимость от ситуативных влияний» (Чудновский, 1981, с. 96–98).

Ю. И. Александров и Н. Л. Александрова, рассматривая соотношение культуры и морали, приходят к иным выводам. Они считают, что, как и культура в целом, мораль не «потребляется» индивидом, она, по существу, воссоздается им. Моральные нормы не просто принимаются, а опосредуются отношением личности к обществу. Нравственность рассматривается как специфическая характеристика структуры субъективного опыта (Александров, Александрова, 2009, с. 170–172). Александров пишет, что люди, как правило, не обучаются специально «моральному поведению», «моральным нормам», не потому что они даны готовыми и изначально «закодированы» в наших генах, а потому, что индивиды обуча-

ются умению достигать самых разных полезных результатов в социальной среде, и нравственность появляется как следствие обучения достигать эти результаты (см.: Хаузер, 2008. Предисловие).

Подробно рассмотрено понятие совести в монографии Е. К. Веселовой, где автор определяет совесть как внутреннее нравственное ядро личности, которое обладает интегральным характером в качестве структуры самосознания. Совесть исходно диктует человеку «естественный нравственный закон» и в этом смысле делает человека независимым от сообщества. Веселова понимает совесть как интегральную сенсорную структуру, чувствительную к поведению личности в моральной сфере. В предлагаемой концепции выдвигается гипотеза о существовании двух структур личности, в которых представлен моральный закон – бытийной и ментальной, которые интегрируются совестью. Взаимоотношения этих личностных структур может быть конфликтным, что приводит к разрушению целостности личности, в результате совесть может повредиться (Веселова, 2002).

Проблемы нравственности личности остаются актуальными в современной ситуации нестабильности общественных норм и ценностей, а феномен совести продолжает привлекать внимание современных ученых и психологов-практиков, и это, на наш взгляд, поможет найти пути нравственного оздоровления общества.

Литература

- Александров Ю. И., Александрова Н. Л.* Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Бербешкина З. А.* Совесть как этическая категория. М.: Высшая школа, 1986.
- Божович Л. И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968.
- Веселова Е. К.* Психологическая деонтология: мировоззрение и нравственность личности. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2002.
- Дробницкий О. Г.* Понятие морали. М., 1974.
- Зеньковский В. В.* Психология детства. М.: ИЦ «Академия», 1995.
- Ильин И. А.* Путь к очевидности. М.: Республика, 1993.
- Кант И.* Лекции по этике. М.: Республика, 2000.
- Левфевр В. А.* Алгебра совести. М.: Когито-Центр, 2003.
- Торндайк Э.* Принципы обучения, основанные на психологии // Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм. М.: АСТ, 1988.
- Фрейд З.* Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989.
- Франкл В.* Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб.: Речь, 2000.
- Фромм Э.* Бегство от свободы. Человек для себя. М.: АСТ, 2006.
- Хаузер М.* Мораль и разум: как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М.: Дрофа, 2008.
- Чудновский В. Э.* Нравственная устойчивость личности: Психологическое исследование. М.: Педагогика, 1981.
- Kohlberg L.* Moral stages and moralization: the cognitive-developmental approach // Moral development and behavior: theory, research, and social issues. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1976.

Haidt J. The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment // *Psychol. Review.* 2001. V. 108. P. 814–834.

Waal F. de. Good natured. The origins of right and wrong in humans and other animals. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.

History of development of concepts of conscience in psychology

L. Sh. Mustafina

FGBUN “Institute of Psychology RAS”, Moscow, mustafinals@ipran.ru

The article provides an overview of the main scientific views on the phenomenon of conscience and their development from concepts in philosophy to modern concepts in psychological science. The history of the formation of various scientific ideas about the nature of morality and conscience is shown, starting from the theocentric views on conscience to the responsibility of the person himself for his actions and the role of society and social education in the development of conscience with the transition to the idea of conscience as a moral component of a person’s self-awareness.

Keywords: conscience, scientific ideas about conscience, history of the development of ideas about conscience.

Достижения отечественной психологии в 1920–1940-х годах (по материалам лекции Б. Г. Ананьева, прочитанной в 1947 г.)

Л. Г. Почебут

Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: ludmila.pochebut@gmail.com

В статье представлены материалы лекции, прочитанной Б. Г. Ананьевым в 1947 г. в Ленинградском отделении Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Обосновано выделение психологии из философии в самостоятельную отрасль науки на основе физиологии высшей нервной деятельности и экспериментального метода исследования. Проанализированы достижения отечественной психологии в области психофизиологии, разработки основополагающих принципов психологии, теории ощущений, воли, мышления и речи. Проводится сравнение зарубежной и отечественной психологии.

Ключевые слова: достижения отечественной психологии, основные принципы психологии, психические процессы.

12 декабря 1947 г. в Ленинградском отделении Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний профессор Борис Герасимович Ананьев (подробнее о нем см.: Головей и др., 2017; и др.) прочитал публичную лекцию на тему «Успехи советской психологии». Стенограмма лекции была опубликована в Лениздате (Ананьев, 1948).

Б. Г. Ананьев утверждал, что, выделившись из философии в качестве самостоятельной научной дисциплины, психология стала оформляться только в середине XIX в. До этого времени она представляла собой один из разделов философии. Однако расцвет естествознания и особенно физиологии нервной системы, изучение строения и функций мозга, поставили перед учеными главнейшую проблему психологии – вопрос о природе и причинности психических процессов. Деятельность мозга стала пониматься как материальная основа психических процессов.

В различных философских системах рассматривались психологические концепции об отношении души к телу, сознания к материи. Но до момента выделения психологии из состава философии не проводились специальные психологические исследования. Только применение научных методов исследования, познание материальной стороны психического сделало возможным изучение свойств сознания и психических процессов.

В конце XIX в. шла острая борьба между материалистическими и идеалистическими философскими учениями. Идеалистическая философия рассматривала сознание как особую самостоятельную сущность, как субстанцию души. Отрицалась причинность психических процессов, психология рассматривалась как составная часть богословия. Так, например, русский философ-идеалист А. И. Введенский выдвинул «закон непознаваемости чужой психики». Другой философ С. Л. Франк утверждал, что психология должна развиваться в лоне теологии, поскольку познание духовной жизни научным способом невозможно. Чтобы познать духовную жизнь, необходимо «божественное откровение».

В начале XX в. в Западной Европе и США идеалистическая философия и психология доминировали. В Германии в 1920–1930-х годах на всех психологических конгрессах выступали протестантские и католические священники. Они призывали к единству веры и разума, к возвращению психологии к богословию. Немецкий историк М. Дессуар, американский психолог Э. Боринг объединяли психологию и религию, выступая против научного познания природы психического.

Философия, отстаивающая позиции материализма, ориентировалась на естественно-научные основы изучения психологических проблем. Постепенно возникают научные предпосылки для превращения психологии в самостоятельную науку. Таким образом, материалистическая философия и развитие естествознания послужили толчком к выделению психологии из системы философских наук. В России в XX в. этот процесс проходил наиболее интенсивно и успешно.

И. М. Сеченов являлся по сути реформатором отечественной и мировой физиологии и основоположником научной психологии в России. Ананьев утверждал, что первоначальное развитие экспериментальной научной психологии в России обязано успехам сеченовской научной школы. Не случайно основателями экспериментальной психологии явились В. М. Бехтерев, С. С. Корсаков, А. А. Токарский, К. А. Ланге как продолжатели сеченовской традиции в естествознании и психологии. Это была первая стадия становления психологии как самостоятельной на-

уки, обеспеченная философским материализмом, естествознанием и экспериментальными методами исследования. «Достигнуть этой первоначальной ступени не было дано многим течениям западноевропейской и американской психологии не только в XIX, но и в XX столетии», — считал Ананьев. Научная психология стала формироваться на основе естествознания, постижения материальных основ развития общественного и индивидуального сознания.

Основная мысль, высказанная Ананьевым, заключается в следующем: «Отечественная психология за 30 лет развития — это не простое расширение процесса накопления знаний. Это коренной переворот в психологии, становление ее как научной системы». В отечественной психологии сложились свои философские принципы, логика построения науки, цели развития. Особенность новой психологии заключается в том, что она изучает закономерности развития сознания людей, ликвидирован разрыв между теорией и практикой.

Психология за эти годы получила огромные материальные и организационные возможности для своего развития. В дореволюционной России работали лишь несколько психологических лабораторий и один специальный психологический институт, основанный Г. И. Челпановым (см., например: Стоюхина, 2021). В нашей стране до революции не было ни одной кафедры психологии в вузах. Дисциплина «психология» входила в содержание программ кафедры философии.

В послереволюционный период отечественная психология развивается в специальных научных институтах в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Риге. Крупные кафедры и лаборатории созданы во многих вузах страны. В 30 университетах созданы отделения логики и психологии на философских и филологических факультетах. С осени 1947 г. введено преподавание психологии и логики в средних школах.

Ананьев отмечал, что за 30 лет существования отечественной психологии ученые разработали множество важнейших проблем психологической науки, прежде всего сформулировали принципы психологии.

Во-первых, был обоснован принцип психофизического монизма, отрицающий психофизический дуализм западной психологии, при котором наблюдается разрыв между духовным и материальным, а душа понимается как бессмертная и самостоятельная субстанция. Единство психических и мозговых процессов, понимание психики как свойства материи, души как свойства мозга было заложено в основание отечественной психологии.

Во-вторых, основу отечественной психологии составляет теория отражения, поскольку психическое, являясь свойством мозга, создает субъективное отображение внешнего мира.

В-третьих, развитие животного определяется биологическими законами естественного отбора, а развитие человека детерминировано законами развития способа производства материальной жизни общества, т. е. соотношением производительных сил и производственных отношений.

В-четвертых, сознание человека обусловлено общественным бытием. Необходим исторический подход к пониманию сознания и развития психики человека. В этой связи докладчик подчеркивал мысль Сеченова о том, что научная психология должна опираться на исследования истории развития психических процессов. Необходимо изучение генезиса ощущений, чувств, мышления, памя-

ти, воли. Ананьев считал, что именно в этом направлении и движется отечественная психология.

В-пятых, отечественная психология призвана вскрывать основные противоречия в нервно-психическом развитии, переходы между различными формами бытия и сознания. Он называет три главных вопроса, которые являются камнем преткновения практически всех философских и психологических концепций. Первый связан с объяснением диалектического перехода от материи к сознанию. Второй вопрос – проблема диалектики перехода от ощущения к целостной познавательной деятельности человека, к мышлению. Третий вопрос направлен на объяснение диалектики взаимоотношения общественного и индивидуального сознания. Решение этих вопросов становится возможным только при разработке комплексной психологической концепции развития психики.

В-шестых, в отечественной психологии разработан принцип единства сознания и деятельности. Сознание связано с деятельностью, поскольку существует объективная сторона психической жизни, а не только субъективная. В истории психологии наблюдался разрыв объективного и субъективного, внутреннего мира человека и его реального поведения. Только в отечественной психологии убедительно доказано, что сознание формируется в процессе практической деятельности людей. Установлено, что между сознанием и деятельностью существует внутренняя генетическая связь, определяющая развитие сознания. Это не случайная, не формальная связь, а закономерность, определяющая все составляющие структуры сознания.

Докладчик опирался на идеи, высказанные великим русским мыслителем и педагогом К. Д. Ушинским, который предсказывал психологии великое будущее в мире наук. Он мечтал о расширении границ физических, умственных и нравственных сил человека, что определяется развитием психологии и физиологии мозга. Он полагал, что научными источниками психологического познания являются педагогический оптимизм и гуманизм. Развитие психологической науки необходимо для воспитания и обучения будущих поколений.

Подробно Ананьев рассматривал достижения отечественной психологии в решении вопроса о материальной основе и причинности психических процессов. По его мнению, русская физиология достигла вершин мировой науки, заняла господствующие высоты в системе естествознания. Учения И. М. Сеченова и И. П. Павлова обеспечили продуктивный творческий путь, глубокое проникновение во внутренние механизмы нервной мозговой деятельности человека. Детально проанализированы докладчиком причины особых успехов русской физиологии в отличие от развития физиологии в таких странах, как Великобритания, Франция, США. Одна из важнейших причин успехов заключалась в том, что наибольшее внимание в русской физиологии традиционно уделялось проблемам высшей нервной деятельности человека. Все крупнейшие отечественные физиологические школы – И. М. Сеченова, И. П. Павлова, А. И. Введенского, Л. А. Орбели, А. А. Ухтомского, К. М. Быкова, И. С. Беритова – занимались физиологией нервной деятельности. В основу всех школ была положена концепция Сеченова, развивавшего идеи русских философов-материалистов. Гениальные идеи сеченовской физиологии были продолжены Павловым, который открыл законы высшей нервной деятельности первоначально у животных, а затем и у человека.

Это дало возможность проникнуть в тончайшие материальные основы психической деятельности. Разработка Павловым типов высшей нервной деятельности позволила изучать источники образования индивидуальных различий, описать естественные основы характера, поставить вопрос о противоречиях между видовым и индивидуальным развитием. Все это способствовало пониманию ведущей роли индивидуально приобретенного в отношении высших форм поведения. Павлов высказал мысль о коренном отличии высшей нервной деятельности человека и животных. Это отличие связано с развитием второй сигнальной системы, физиологическими механизмами речи.

Исследования В. М. Бехтерева и его учеников в клинической психопатологии позволили выявить механизмы образования индивидуального опыта, мозговой локализации психических процессов. В настоящее время формируется представление о локализации психических функций при изучении взаимоотношений между общей системной деятельностью больших полушарий и отдельных зон мозга. Только при рассмотрении с обеих сторон можно понять материальную локализацию психических функций, пластичность, изменяемость локализации, возможность замещения функций, выработку новых центральных функций. Новые знания, приобретенные в годы Великой Отечественной войны, позволили совершенно по-новому перестроить прежние представления и объяснения. Была проведена огромная работа по диагностике нервно-психических поражений в результате контузий и ранений головного мозга. Исключительная по своей полезности работа была проведена по восстановлению нарушенных нервно-психических функций при травмах головного мозга. В результате к труду и на фронт были возвращены тысячи раненых и контуженных, потерявших зрение, слух, речь, память. В настоящее время этот материал теоретически осмысливается и оценивается. Работа с ним имеет далеко идущее перспективное значение, поскольку показана возможность глубокой всесторонней перестройки нервных механизмов психической деятельности. Полученный опыт восстановления психических функций ставит перед учеными новый вопрос — как в течение определенного времени возможно образование новой динамической регуляции психических процессов, новых мозговых «центров», которые возникают как результат созидательной деятельности индивида. Исследования показали, что между центром и периферией, между органами чувств и проводящими путями существуют иные отношения, чем думали ранее.

Ко времени прочтения лекции, по мнению Ананьева, была решена лишь одна задача — изучена аналитическая деятельность мозга, но другую задачу — изучение его синтетической деятельности — предстоит решить. Новые данные, полученные в условиях военного времени, показали, что путем перестройки различных зон мозга возможна перестройка аналитических функций мозга. Между аналитической и синтетической деятельностью мозга существует диалектическое взаимоотношение — только в результате развития аналитической деятельности возможна синтетическая деятельность; в то же время синтетическая деятельность оказывает влияние на динамику развития различных аналитических функций мозга. Это означает, что, если аналитические функции мозга являются источниками сложных умственных процессов, то эта система оказывается способной перестроить систему ощущений, замещающей собою ее дефекты. Это доказано в исследованиях слепоглухих.

Вторая проблема, в развитие которой отечественной психологией сделан крупный вклад, — это проблема психического развития. Появились работы, в которых обосновывается теория психического развития животных. Проблему происхождения психики нельзя считать решенной, однако А. Н. Северцев разработал основные принципы эволюционной теории. Он понимал психику и особенности поведения животных как способ приспособления, изменяющийся в процессе естественного отбора. Исследования В. А. Вагнера, Н. Н. Ладыгиной-Котс, Н. Ю. Войтониса, Я. Я. Рогинского в области зоопсихологии позволили поставить вопрос о биологических предпосылках очеловечивания приматов. Важно понять, как в процессе труда образуется человек как новый род. Приоритет исследования психической деятельности человекообразных обезьян принадлежит Ладыгиной-Котс, поскольку именно она начала эти исследования гораздо раньше таких зарубежных ученых, как О. Келлер, Р. Йеркс и др.

Ладыгина-Котс обнаружила сходные процессы развития чувств и представлений в зародышевой форме у приматов и человека. Она сравнила процесс умственного развития дитя шимпанзе и ребенка человека, обнаружив сходство и принципиальное различие. Изучение процесса умственного развития ребенка имеет первостепенное значение для теории познания. В настоящее время сформированы ясные представления о зарождении в индивидуальном развитии психики человека, формировании ощущений, возникновении на этой основе предметных действий, готовности к сознательным и трудовым актам. Важно изучение восприятия пространства, раннее развитие речи, образование частей речи и членов предложения, становление синтаксиса детской речи. В настоящее время в нашей науке сложились две отрасли: психология ребенка дошкольного возраста и психология ребенка школьного возраста.

Научные работы С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, А. А. Смирнова доказали, что движущей силой психического развития ребенка является воспитание, играющее важную роль в социальном формировании индивидуальности. В связи с этим коренным образом изменилось отношение к образованию и обучению. Ранее детская психология рассматривала знания как определенный набор представлений, которые увеличиваются по объему. В отечественной психологии считается, что процесс усвоения знаний связан с приобретением новых умственных функций, развитием способностей и новых интеллектуальных качеств. Образование и воспитание — это движущие силы умственного и нравственного развития человека.

Первостепенное значение имеет проблема ощущений. Отечественные ученые внесли вклад в решение этой проблемы. В XIX в. в западной психологии была создана психофизика и возникло специальное учение об ощущениях. Психофизика строилась на принципе динамических изменений ощущений в зависимости от интенсивности раздражителей, изучались пороги ощущений. Вторым принципом психофизики явилось понимание порогов и уровня сознательности как постоянного, зафиксированного явления, не изменяющегося под влиянием внешних и внутренних обстоятельств. Именно этот принцип вызвал серьезную, ожесточенную дискуссию о границах и пределах так называемого психофизического закона. Зарубежная психофизика преимущественно ограничивалась изучением интенсивности ощущений. Но для того чтобы понять роль ощущений в формировании

представлений и мышления, необходимо считать, что в ощущениях отражается качество предмета. Только посредством понимания процесса отражения качества предмета можно понять и объяснить все остальные свойства ощущений — интенсивность, продолжительность и т. д. Ощущение является начальным состоянием сознания, его первичным актом. Задача отечественной психологии состоит в изучении предметного содержания ощущений, таких как обоняние, вкус, болевые ощущения. Были сделаны поразительные открытия в отношении порогов и способов повышения чувствительности. Особое значение приобрела проблема взаимодействия ощущений. Исследования показали разные формы и механизмы такого взаимодействия. Сенсбилизация органов чувств исходит с двух сторон. Во-первых, со стороны вегетативной нервной системы, во-вторых, со стороны корковых центров больших полушарий мозга.

В отечественной психологии того периода назрела необходимость генетического изучения восприятия цвета в связи с восприятием пространства. Были важны генетические исследования музыкального и речевого слуха. В западной психологии теория восприятия представлялась как ряд не взаимосвязанных учений: о предметности восприятия, о восприятии пространства, времени, движения. Короче говоря, теория восприятия состояла из механического объединения различных учений о сложных формах восприятия.

Отечественная психология, изучая зрительные, слуховые, осязательные виды восприятия, доказала наличие пространственной динамики восприятия, зависимость восприятия предмета от объективных отношений пространства, связь всех видов восприятия с восприятием движения объекта.

Важнейшим вопросом теоретической психологии является изучение взаимодействия мышления и речи. Это высшие формы умственной деятельности, которые составляют принципиальное отличие человека от животных. Изучение генезиса мыслительного процесса и речи занимает в отечественной психологии центральное место.

В западной психологии «понятие и представление», по мнению Ананьева, не различались как отдельные категории. Мыслительный процесс рассматривался в качестве ассоциации представлений. В отечественной психологии пришли к мысли о том, что понятие является результатом в том числе общественно-исторического, а не только индивидуально-психического развития. В этой связи в отечественной психологии возникает проблема понимания, которая, однако, не составляет всего содержания проблемы мышления. Исследования Л. С. Выготского, П. П. Блонского, А. Н. Соколова, П. А. Шеварева, Н. А. Менчинской показывают, что понимание — это процесс овладения понятиями, подготовка к их творческому развитию.

Новым вопросом стало изучение внутренней речи. В западной психологии XIX—XX вв. этому вопросу уделялось мало внимания. Открытие феномена внутренней речи, условий, при которых происходит обеззвучивание и сокращение внутренней речи, имеет исключительное значение. Именно при изучении внутренней речи возможно выяснить взаимодействие мысли и слова.

Особое внимание в отечественной психологии уделяется изучению воли и характера. Вопрос о воле является одним из самых сложных в психологии. В западной психологии возникла, в понимании Ананьева, путаница, поскольку из проб-

лемы воли пытались исключить причинность. В отечественной психологии на первый план вынесен анализ причинности волевых актов. Исследования проводились в двух направлениях: 1) исследования объективной первичной причинности; 2) изучение вторичной причинности — мотивов деятельности. Объединение мотива волевого акта с его целью характерно для отечественной психологии. Единство сознания и деятельности возникает при органическом взаимопроникновении внешних и внутренних элементов воли, формирующих цели и мотивы. Структура волевого акта подробно изучалась А. Н. Леонтьевым, А. В. Запорожцем, П. Я. Гальпериным.

Взаимодействие темперамента и характера, по мнению Б. Г. Ананьева, до настоящего времени представлялась неразрешимой проблемой. Это вопрос о врожденных задатках и об особенностях индивида, приобретенных им в жизни. Как соединяются индивидуальность и индивид, какие изменения происходят во врожденных качествах человека в процессе индивидуального развития — вот основные проблемы, которые была призвана решать отечественная психология того периода. Обнаружено несовпадение качеств индивида и качеств индивидуальности. Например, на базе слабой нервной системы может сформироваться сильный характер, и наоборот. Противоречия между темпераментом и характером может быть устранено только в процессе правильного воспитания и всестороннего развития личности.

По мнению В. Н. Мясищева, характер складывается на основе психологического отношения (подробнее о концепции см: Карпова и др., 2020; и др.). Различные отношения порождают разные черты характера. В отечественной психологии доказано, что отношения, закрепленные в образе жизни, превращаются в черты характера.

Если западная психология занимается главным образом классификацией характеров, то в отечественной преимущественно изучаются общие закономерности формирования характера. Первоначальные черты характера складываются на основе коммуникативных отношений. Затем на основе воспитания и выполнения разных видов деятельности формируются и другие черты характера. Осознание своего отношения к людям формирует самооценку человека.

Такова, по мнению Ананьева, неполная, но типичная картина достижений отечественной психологии на тот период времени.

Заключение

Свой доклад Б. Г. Ананьев сконцентрировал на достижениях отечественной психологии в послереволюционный период. Основу его рассуждений составляет материалистическое и диалектическое понимание развития природы и общества. Стимулом выделения психологии из философии и теологии послужило развитие естествознания и экспериментальных методов исследования. В послереволюционный период начинается коренной поворот в развитии психологии, создание научных школ в различных вузах страны. Сформулирован основной принцип психофизического монизма, создана теория отражения. Ананьев называет три главных проблемы психологии: 1) объяснение диалектического перехода от материи к сознанию; 2) переход от ощущения к мышлению; 3) соотношение общест-

венного и индивидуального сознания. Эти принципиальные проблемы не разрешены в психологии до настоящего времени. Особое внимание он уделял принципу единства сознания и деятельности.

Особо Ананьев отметил развитие физиологии высшей нервной деятельности в нашей стране. Огромную пользу знания в области физиологии мозга принесли при лечении и восстановлении психических функций и процессов — зрения, слуха, речи, памяти. Исследования позволили более точно определить мозговые центры локализации конкретных психических функций.

Рассматривая проблему психического развития, Ананьев особое внимание уделил исследованиям в области зоопсихологии. Мысль Ананьева о том, что развитие умственных способностей определяется не просто совокупностью знаний, а приобретением новых умственных функций и качеств в процессе образования и воспитания, актуальна и в настоящее время в связи с «модернизацией» среднего и высшего образования, введением новых форм количественной оценки его успешности.

Сравнивая зарубежную и отечественную психологию, Ананьев подробно остановился на анализе изучения психических процессов, формирования характера и индивидуальности. Он отмечал, что за 30 лет в нашей стране была создана новая психология — подлинная научная система знаний.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Успехи советской психологии: стеногр. публ. лекции, прочитанной 12.12. 1947 г. в Ленинграде. Л.: Лениздат, 1948.
- Головей Л. А., Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В.* Б. Г. Ананьев и междисциплинарные исследования в психологии (к 110-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 108–117.
- Карпова Э. Б., Исурина Г. Л., Журавлев А. Л.* Психологическая концепция отношений В. Н. Мясищева: основы и содержание // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 5–14.
- Стоюхина Н. Ю.* Георгий Иванович Челпанов и психология труда // Организационная психология и психология труда // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6. № 1. С. 162–183.

Achievements of domestic psychology in 1920–1940 (based on a lecture by B. G. Anayev, read in 1947)

L. G. Pochebut

*Federal State-Financed Establishment of Education Saint-Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia*

The article presents the materials of a lecture given by B. G. Ananyev in 1947 in the Leningrad branch of the All-Union Society for the Dissemination of Political and Scientific Knowledge. The separation of psychology from philosophy to the independent branch of science based on the physiology of higher neural activity and experimental method of re-

search is substantiated. The achievements of the national psychology in the field of psychophysiology, the development of the fundamental principles of psychology, the theory of sensations, will, thinking and speech are analyzed. A detailed comparison of foreign and domestic psychology is being made.

Keywords: achievements of national psychology, basic principles of psychology, mental processes.

Проблема агрессии и насилия над детьми В ПСИХОЛОГИИ

Е. В. Приходько, А. А. Койныш

*Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
Гомель, Белоруссия, nastya.ow@inbox.ru*

Статья посвящена рассмотрению теоретических аспектов истории возникновения и проявления жестокого обращения в отношении детей. Анализ отечественной и зарубежной литературы по проблеме выявления причин возникновения насилия позволил выделить различные концепции и предпосылки наличия агрессивного начала в человеке, начиная с древних времен. В статье представлены взгляды представителей биологического, социально-биологического, социологического и философского направлений. Отдельно отмечено такое направление, как генетическая виктимология, которое основано на передаче кода жертвы по наследству.

Ключевые слова: насилие, агрессия, насилие над детьми, история агрессии, предпосылки насилия, история насилия, теории насилия, генетическая виктимология.

Проблема насилия над детьми охватывает всю историю развития человечества. Однако в XXI в. этой теме уделяется больше внимания. Так, показано, что данное явление встречается не только там, где существуют такие проблемы, как голод, отсутствие нормальных условий для жизни и т. п., но и в развитых, вполне благополучных странах.

Различные виды насилия – физическое, сексуальное, эмоциональное – отмечаются часто и по отношению к многим детям. Нельзя утверждать, что раньше было хуже или лучше. Здесь будет уместнее сказать по-другому: обсуждение проблем насилия над ребенком до недавнего времени было своего рода табу, особенно над подростками. Даже сейчас не все взрослые осознают всю серьезность насилия, в частности психологического.

Говоря о насилии по отношению к детям, часто используются два основных понятия: собственно насилие над детьми и «жестокое обращение с детьми».

У *насилия* как понятия есть много определений. Под этим термином обычно понимают некие действия, события, явления, которые направлены против благополучия человека и его жизни в целом.

Жестокое обращение с детьми — поведение по отношению к ребенку, которое нарушает его физическое или психическое благополучие, ставя под угрозу состояние его здоровья и развития.

Много веков к детям относились как к вещам: не считались с их мнением, закрывали глаза на их потребности и боли, не учитывали ни физического состояния, ни психического развития.

Американский психолог Ллойд Демос говорил о том, что история детства является кошмаром, от которого мы только теперь стали пробуждаться. Чем глубже в историю, тем больше у ребенка вероятность быть убитым, брошенным, избитым, терроризированным (Фасхутдинова, 2020).

Вплоть до IV в. н. э. детоубийство считалось вполне нормальным способом избавления от слабых или непослушных детей в семье. Первобытные родители могли без последствий принести своих детей в жертву или даже съесть. Самым верным «способом» воспитания на тот момент была жестокость. За непослушание детей в античности швыряли в реку, в помойную яму, сажали в кувшин. Если хотели уморить голодом — оставляли на обочине дороги. Слабых, больных или ненужных детей, как правило, сбрасывали со скалы (Семёнова, 2017, с. 109).

Гиппократ и Соран Эфесский также обсуждали подобные вопросы. Они считали, что не всех новорожденных нужно кормить и воспитывать, потому что только некоторые дети могут быть этого достойны. Аристотель говорил о том, что ни одного ребенка-инвалида кормить не следует. Римский философ Сенека считал, что надо убивать «уродов» и топить тех детей, которые рождаются на свет хилыми и обезображенными, поскольку право на жизнь имеют только здоровые и красивые люди (Екушевская, 2014, с. 309).

В теоретическом плане проблему насилия над детьми рассматривала еще Анна Фрейд: она обратила внимание на детей, у которых психологические дефекты были связаны с неудовлетворением определенных потребностей (эмоциональной близости, привязанности и др.).

Первый в истории доклад о распространенности насилия над детьми был представлен в 1961 г. педиатром Генри Кемпом на ежегодном собрании Американской академии педиатрии. Проведя фундаментальное исследование, Кемп ввел термин, характеризующий наличие необъяснимых повреждений у детей младшего возраста, — «синдром избитого ребенка». В своем докладе педиатр проанализировал педиатрические, психиатрические, медицинские (например, рентгенологические) и правовые аспекты проблемы жестокого обращения с детьми и представил статистические данные о распространении насилия над детьми в США.

Можно считать, что именно с тех пор мировое сообщество ученых и практиков признало существование феномена насилия над детьми как особой проблемы, требующей для своего решения совместных усилий профессионалов из различных сфер деятельности, а также общества в целом.

С 1970-х годов появились специальные научные исследования, посвященные изучению проблемы насилия и жестокого обращения с детьми (Волкова, 2019, с. 335).

Для дальнейшего изучения этой проблемы требуется рассмотреть отдельно исторический аспект феномена насилия.

Как говорилось выше, в современном мире нет четкой формулировки понятия «насилие». Это связано прежде с тем, что его отождествляют с другим понятием — «агрессия». Изначально насилие связывали, прежде всего, с применением физической силы. Постепенно стало складываться более широкое определение. К насильственным действиям стали относить не только физическое, но и психическое воздействие, а также применение угроз, принуждения, шантажа, запугивания и т. д.

С. Н. Ениколопов определяет насилие как применение силы, которое наносит ущерб основным человеческим потребностям или даже жизни, или же понижает уровень их удовлетворения (Ениколопов, 2001, с. 61).

«Причины проявления насилия» также не имеют точной трактовки: ученые разных направлений рассматривают и описывают этот термин в соответствии со своими убеждениями, взглядами и ценностями.

Человек, в отличие от животных, бывает агрессивным и склонным к насилию по отношению к другим людям без наличия угрозы личности и вне связи с удовлетворением насущных потребностей (Перлз, 2000, с. 117).

Философы рассматривали насилие как тип общественных отношений, в которых отдельные люди (или группы людей) с помощью принуждения, представляющего угрозу здоровью или жизни, порабощают других людей, используя при этом их способности, производительные силы, собственность и т. д.

Немецкий философ Г. Гегель определял насилие как общественное отношение, при котором одни индивиды с помощью внешнего принуждения, способного представлять угрозу жизни вплоть до ее разрушения, подчиняют себе других (Баронова, 2019, с. 155).

Сторонники биологического подхода считают, что причины проявления насилия у людей заложены еще на генетическом уровне. Иными словами, человек уже рождается с предрасположенностью к проявлению насильственных действий по отношению к другим людям.

Итальянский врач Ц. Ломброзо считается основоположником биологического направления в объяснении насилия. Ц. Ломброзо и его последователь Ч. Шелдон находили взаимосвязь между склонностью к насилию и внешностью индивида: например, для человека с особым типом телосложения или со специфическими чертами лица было вполне нормально проявление насилия.

Высказывание австрийского зоолога К. Лоренца не устроило многих психологов, социологов и философов. Он говорил, что агрессия и насилие — это инстинкт, который присущ человеку с самого рождения. Такой же, как и, например, инстинкт самосохранения (Феонычев, 2014, с. 321). Однако принятие этой теории вызвало бы необходимость смириться с проявлением агрессивного поведения. Именно поэтому предположение о врожденном инстинкте агрессии было отвергнуто.

Бихевиористский подход объясняет проявление насилия как реакцию на внешний раздражитель. Наиболее известную концепцию в бихевиоризме представил Дж. Доллард, который говорил, что насилие всегда является последствием фрустрации. Ученый также предложил методы «избавления» от агрессии. Благодаря

исследованиям с их использованием, было выявлено, что возможна психологическая разрядка агрессии. К ним относятся высказывания в пустоту, сочинение историй, рисование картин и т. д. Все это выступает в качестве действий, которые замещают реальное проявление агрессии и насилия в сторону окружения. Подобное явление носит название «эффект катарсиса».

Другой представитель бихевиоризма Д. Уотсон рассматривает агрессию как последствие прошлого негативного опыта индивида, влияния окружающей социальной среды на его поведение. Уотсон считал, что для снижения уровня агрессии необходимо проводить с родителями просветительские беседы насчет методов воспитания (там же, с. 322).

Некоторые исследователи отмечают, что у человека имеется в наличии специальный нервный аппарат, который отвечает за проявление насильственных и агрессивных действий. Однако характер поступков определяется тем, как человек социализирован, воспитан, какие у него ценности. В самой же нейрофизиологии людей, не считая людей с болезненными отклонениями психики, нет ничего такого, что заставляло бы действовать насильственным способом (Мартыненко, 2008, с. 95).

Многие сторонники биологического направления рассматривали причины склонности к насилию в рамках лишь своего подхода. Жесткие границы не позволяли полноценно изучить и объяснить данный феномен.

3. Фрейд объяснял агрессию и насилие как проявление врожденных инстинктов человека. Наличие постоянного конфликта между инстинктами (прежде всего сексуальными) и социальными нормами, которые ограничивают действия этого инстинкта, проявляется в виде внутреннего напряжения, выражающегося в форме агрессии и насилия. Насилие человек совершает как по отношению к себе самому, так и по отношению к другим, к внешнему миру. Фрейд писал о противоречиях между влечением к жизни и смерти и затем пришел к выводу, что не только влечение к смерти вызывает насилие: любовь к объекту также порождает агрессивность (сексуальную) (Феонычев, 2014, с. 322). Таким образом, следуя своей теории биологической детерминации человеческого поведения, Фрейд объяснил все формы агрессии и насилия инстинктом смерти, который с рождения присутствует в подсознании человека.

Физиологическое объяснение многих личностных качеств, в том числе и агрессивности, Э. Фромм заменил социобиологическим. Опровергая сравнение человека с животным, он относил человека к единственному представителю приматов, который без биологических и экономических причин может мучить и убивать своих соплеменников, получая при этом удовольствие (Фромм, 2004, с. 23). Фромм на первый план выдвигает социальные факторы, которые влияют на формирование и развитие характера человека. Насилие, по его словам, — это способ, который провоцирует агрессию и закрепляется в поведении. Агрессия — это ответная реакция. Таким образом, насилие — это социально-психологический механизм, с помощью которого формируются и закрепляются отношения человека к ситуациям и людям (Ботова, 2010, с. 140).

Также исследователь уделил особое внимание рассмотрению явления садизма. Он говорил, что желание сделать больно другому человеку не является существенным в садизме. Получение положительных эмоций от полного господства

над другим человеком (или «другой живой тварью») собственно и является сутью садистского побуждения. Человек использует свое превосходство в силе для разрушения, когда сам не может создавать что-либо новое. Такое насилие, по Фромму, — итог искалеченной жизни человека. Единственное средство, которое поможет избавиться от проявления подобного насилия — обращение к творческому потенциалу человека, сублимация внутренней агрессии (Феонычев, 2014, с. 323).

В зависимости от мотивации поведения человека Фромм выделял 8 типов насилия:

- игровое (наименее патологическая форма агрессии, обычно применяющееся не для разрушения и уничтожения, а для демонстрации своей силы, смелости и ловкости);
- реактивное (целью данного типа является сохранение, а не разрушение; проявляется обычно при защите жизни, имущества и т. д.);
- враждебное (возникает из чувств зависти и ревности, может проявляться и у отдельных личностей, и у социальных групп);
- мстительное (в отличие от реактивного насилия применение силы из мести не является функцией защиты, так как ущерб уже нанесен, мотивация мести проявляется у слабых или примитивных людей);
- деструктивное (связано с нарушением отношений из-за несовпадения ценностей и взглядов);
- компенсаторное (присуще человеку, который не реализовался в жизни, а заменил продуктивную деятельность на разрушение);
- садистическое (патологическое влечение человека полностью подчинить себе другое живое существо);
- архаическое (человек не может решить свои проблемы и путем деградации до животной ступени эволюции освобождает себя от груза жизни и ищет ответы на свои вопросы; такой тип насилия был распространен в далеком прошлом человечества и служил выживанию) (Муравьева, 2017, с. 39).

Социологический подход исследования проявления агрессии и насильственных действий исходит из анализа социальных условий формирования и жизнедеятельности личности. Социологи считали, что основная причина возникновения насилия лежит в социальной структуре и комплексе традиций, ценностей, привычек и обычаев, которые относятся к гендерному неравенству (Феонычев, 2014, с. 326).

К. Хорни, изучая проблемы невротической личности, в своих трудах выявила взаимосвязь между проявлением агрессии и базальной тревожностью ребенка. *Базальная тревога* — чувство ребенка, который является изолированным и беспомощным в потенциально враждебном мире. Человек, выбрав стратегию «движения против людей», склонен к конфликтам, проявлению агрессии и насилия. Агрессия, по мнению Хорни, является одним из видов психологической защиты личности (Хорни, 2007, с. 30).

К. Роджерс, представитель гуманистической социальной психологии, рассматривает человека как изначально конструктивного, считая, что насилие и агрессия проявляются как вынужденные ответные реакции индивида на ограничения его свободы и возможности выбора (Феонычев, 2014, с. 326).

Многие известные люди рассматривали насилие в трактовке применения силы по отношению к людям в общественно полезных целях.

Примером является теория насилия, которая наиболее распространена на Западе. Согласно этой теории, возникновение государства, класса и частной собственности является результатом внутреннего и внешнего насилия.

Австралийский социолог Л. Гумплович говорил, что государство и частная собственность возникли с помощью применения физической и экономической сил в отношении общества.

Еще один сторонник теории насилия К. Каутский поддерживал высказывания социолога. Войну он называл главным источником достижения власти. Существует племя — существует и победитель этого племени. Победитель собирает дань и налоги, присваивает себе землю и создает принудительный аппарат для управления побежденными, который позже превращается в государство (Петров, 2015, с. 131). Исходя из приведенных фактов, можно выделить важную сторону теории насилия: применение насилия одной части общества над другой с целью подчинения, а также функционирования и развития государства. В данной теории насилия применение насильственных и агрессивных действий рассматривается как глобальное и естественное явление, которое идет на пользу обществу. Можно отметить, что в данном подходе описывается частный случай происхождения государства. Однако здесь играет роль экономический фактор развития общества.

Социологический подход указывает на то, что проявление агрессии и насилия зависит от социальных условий жизнедеятельности личности. Социологи считают, что причина возникновения насилия лежит в социальной структуре и комплексе ценностей, обычаев, традиций, привычек и верований, которые относятся к гендерному неравенству в обществе. Чаще всего от насилия страдает женщина, соответственно, насильником становится мужчина, а организация общества поддерживает это неравенство.

Представители теории социального научения (А. Бандура, Л. Берковиц, Ф. Фарли) утверждали, что насилие проявляется только в определенных условиях, т. е. теоретически существует возможность предотвращения и контроля агрессии и насилия. Данные ученые также говорили о влиянии ссор супружеской пары на ребенка: последний формирует представление об агрессии как о методе решения конфликтов в личных отношениях (Феонычев, 2014, с. 325).

Американские психологи выделили научное направление — *генетическая виктимология*, утверждается, что код (поведенческая модель) жертвы передается по наследству. Вариантом передачи является случай, когда родитель подвергался какому-либо насилию в детском возрасте, а затем скрыл этот факт (Панкратова, 2018, с. 177).

Литература

- Баронова В. С.* Насилие над детьми в семье // *Союз криминалистов и криминологов.* 2019. № 1. С. 154–161.
- Ботова М. Г.* Насилие как социально-психологический феномен // *Вестник удмурт. ун-та.* 2010. № 2. С. 140–142.

- Волкова Е. Н. Сравнительный анализ распространенности насилия с помощью опросника ICAST-R // Актуальные проблемы развития личности в современном обществе. 2019. С. 335–339.
- Екушевская А. С. Историческая эволюция отношения общества к человеку с ограниченными возможностями // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 5. С. 308–311.
- Ениколопов С. Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. 2001. № 1. С. 60–72.
- Мартыненко Б. К. Биогенетическая (этологическая) теория насилия феномен // Философия права. 2008. № 6. С. 95–99.
- Муравьева М. Е. Истоки насилия и человеческой деструктивности в революционных преобразованиях общества // Personality, society, state, law: problems of correlation and interaction. 2017. С. 37–41.
- Панкратова А. В. Работа психолога с семьей ребенка, пережившего насилие // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. 2018. № 13. С. 182–185.
- Перлз Ф. Эго, голод и агрессия. М.: Смысл, 2000.
- Петров И. В. Теория насилия о происхождении государства и права и факторы формирования древнерусской державы // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 5 (1). С. 131–132.
- Семёнова З. У. Жестокое обращение с детьми: рычаги воздействия общества на проблему // Наука сегодня: история и современность. 2017. С. 108–110.
- Фасхутдинова А. В. Актуальные проблемы жесткого обращения с детьми // StudNet. 2020. Т. 3. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-zhestokogo-obrascheniya-s-detmi> (дата обращения: 15.01.2021).
- Феонычев В. В. Теории насилия // Современное развитие экономических и правовых отношений. Образование и образовательная деятельность. 2014. № 1. С. 321–327.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2004.
- Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. М.: Академический проект, 2007.

The problem of aggression and violence against children in psychology

E. V. Prikhodko, A. A. Koipysh

*Educational institution “Francisk Skaryna Gomel State University”,
Gomel, Republic of Belarus*

The article is devoted to the historical and theoretical aspects of the occurrence and manifestation of child abuse. The analysis of domestic and foreign literature on the problem of identifying the causes of violence has allowed us to identify various theories and prerequisites for the aggressive beginning in a person, since ancient times. The article presents the views of representatives of biological, socio-biological, sociological and philosophical trends. The article also describes such a direction as genetic victimology, which is based on the transmission of the victim's code by inheritance.

Keywords: violence, aggression, child abuse, history of aggression, background to violence, history of violence, theories of violence, genetic victimology.

Периодизация развития параметрической теории коллектива

С. В. Сарычев, С. Г. Елизаров

Курский государственный университет, г. Курск, sychology@kursksu.ru

В статье предложена периодизация развития параметрической теории коллектива, разрабатываемой с 1960-х годов психологами Курского и Костромского университетов. Выделены четыре этапа по критерию разработанности теории, приводится характеристика каждого из этапов.

Ключевые слова: история социальной психологии, периодизация, параметрическая теория коллектива, курская научная школа, групповые параметры, структура групповых качеств, двухуровневая модель малой группы.

2021 г. для социальных психологов Курска ознаменован двумя юбилеями — столетием со дня рождения Льва Ильича Уманского и пятидесятилетием основания кафедры психологии в Курском государственном педагогическом институте (сейчас — Курский государственный университет), первым заведующим которой был Л. И. Уманский. К нашему глубокому сожалению, накануне этих знаменательных событий ушел из жизни Алексей Сергеевич Чернышев, ставший лидером курской научной психологической школы после переезда его учителя Уманского в Кострому. Последние годы научных поисков А. С. Чернышева были связаны с осмыслением и творческим развитием главного наследия курской школы в социальной психологии — параметрической теории малых групп и коллективов (Чернышев и др., 2019).

Как известно, основы параметрической теории формировались в конце 1960—начале 1970-х годов в курской и костромской научных школах под руководством Уманского (Чернышев, Сарычев, 2009). Существенный вклад в разработку концепции внесли и его ученики: Л. И. Акатов, Е. И. Дымов, А. Г. Кирпичник, А. С. Крикунов, А. Н. Лутошкин, В. Я. Подорога, И. С. Полонский, Е. И. Тимошук, А. С. Чернышев, Е. А. Шанин, Г. И. Якушева и др. (Чернышев и др., 2016).

Впервые основные положения концепции были опубликованы в коллективной статье «Критерии диагностики общественной активности группы как коллектива» (Уманский и др., 1971; Чернышев, Сарычев, 2009). Ее авторы исходили из методологического положения С. Л. Рубинштейна о том, что «субъект — всегда субъект деятельности», нашедшем свое отражение в работах и практической деятельности А. С. Макаренко (Чернышев, 2016). На современном этапе развития социальной психологии основания параметрической теории усматриваются нами в концепции коллективного субъекта А. Л. Журавлева (Журавлев, 2000, 2009) и в работах К. М. Гайдар о социально-психологической природе группы как субъекта совместной деятельности, общения и отношений (Гайдар, 2013). Феномен малой группы анализировался «первопроходцами» параметрической теории в тесной связи с традиционным для того времени в отечественной науке

(а не только социальной психологии) понятием «коллектив», рассматриваемым двояко — как высший уровень развития малой группы и как социально заданный эталон общности — социально зрелая группа.

Основные положения параметрической концепции проверялись и уточнялись в ходе естественного формирующего эксперимента на базе историко-педагогических факультетов Курского и Костромского государственных педагогических институтов и в специально созданном по инициативе Л. И. Уманского, А. С. Чернышева, В. А. Миргорода и при поддержке структур ВЛКСМ Курской области региональном лагере комсомольского актива старшекласников «Комсорг», ныне трансформировавшемся в областную школу молодежи лидеров и сохранившем свое прежнее название. С 1960-х годов и по сегодняшний день «Комсорг» вот уже шестое десятилетие является исследовательской базой курской психологической научной школы Уманского—Чернышева. Л. И. Уманским и А. Н. Лутошкиным был создан региональный лагерь комсомольского актива старшекласников «Комсорг» и в Костромской области, который стал экспериментальной площадкой костромских психологов. Ныне, как и курский «Комсорг», он трансформировался в Костромской областной лагерь актива молодежи им. А. Н. Лутошкина и сохранил свое историческое название.

Основу параметрической концепции коллектива (малой группы) составило положение о том, что малая группа (коллектив) может быть рассмотрена как психологическая структура, элементами которой являются ее компоненты, оцениваемые (измеряемые) через параметры группы (отсюда и название концепции) и положение о поэтапном, уровневом развитии малой группы как коллектива.

Содержанием начального этапа разработки теории было выделение Уманским и его учениками основных параметров психологической структуры группы, что отразилось на названии теории (Чернышев, 2016). Ведущий параметр *нравственной направленности группы* предполагал определение объективного содержания деятельности коллектива (малой группы) и целей, которые он ставит перед собой. Кроме того, в содержание данного параметра вошли групповые ценности; мотивы, побуждающие коллектив (малую группу) к деятельности; групповые интересы, идеалы, преобладающие в группе взгляды и убеждения.

Параметр *подготовленность группы* включал в себя знания, умения, навыки, привычки коллектива в осуществлении групповой деятельности, т. е. определенный опыт, который накопила малая группа (коллектив) в каком-то виде совместной групповой деятельности. Авторы теории особо подчеркивали, что параметр подготовленности характеризует именно групповую подготовленность, а не подготовленность деятельности отдельных членов группы.

Параметр *организационное единство группы* — это способность коллектива (малой группы) к деловой интеграции для эффективного решения общегрупповых задач. Он характеризовал особенность структуры коллектива, действенность самоуправления в коллективе и его органов самоуправления, взаимодействие и взаимозависимость членов группы, уровень делового согласования и сотрудничества как внутри группы, так и с другими группами и более широкими общностями (основной коллектив и т. д.); наличие и четкое «выделение» в коллективе способных организаторов, деловое вхождение в группу новых членов и творческую пе-

рестройку коллектива в случае, если кто-то из прежних членов коллектива покинул его. Прежде всего это относилось к способным организаторам.

Параметр *психологическая коммуникативность группы* объединял основные стороны группового сознания — интеллектуальную, эмоциональную и волевую. Данные стороны понимались как интеллектуальное, эмоциональное и волевое единство группы.

Интеллектуальное единство понималось как интегративная возможность коллектива решать умственные творческие задачи, как способность коллектива приходить к единым суждениям по различным проблемам внутригрупповой и внегрупповой жизни и деятельности и т. д. Другими словами, интеллектуальное единство — это своеобразный динамический баланс между интеллектуальной самостоятельностью членов группы и их конформностью.

Под *эмоциональным единством* понимался общегрупповой эмоциональный настрой, взаимные симпатии членов группы, характер и уровень эмоциональных связей в коллективе.

Волевое единство связывалось со способностью коллектива (малой группы) создавать высокий уровень напряжения всех духовных и физических сил при преодолении трудностей, встающих перед группой, возможностью создавать коллективное (групповое) волевое усилие. Чернышев особо подчеркивал, что только теперь стало возможным применение термина «параметрическая теория коллектива» (Чернышев и др., 2019).

Следующий (второй) этап в развитии приходится на 1970—1980-е годы. На данном этапе были выделены три блока структуры малой группы, каждый из которых разрабатывался учениками Л. И. Уманского — Л. И. Акатовым, В. А. Гребеньковым, А. Г. Кирпичником, А. С. Крикуновым, С. И. Жигулевым, А. Н. Лутошкиным, В. Я. Подорогой, И. С. Полонским, Е. И. Тимощуком, А. С. Чернышевым и др. Структуру коллектива (малой группы) составили: «общественный» блок, включающий подструктуры социальной направленности, организованности и подготовленности, отражающие, соответственно, идеологическую, управленческую и профессионально-деловую сферы жизнедеятельности группы; «личный» блок, включающий подструктуры интеллектуальной, эмоциональной и волевой коммуникативности; а также «блок общих качеств», который составили интегративность, микроклимат, референтность, лидерство, интрагрупповая и интергрупповая активность (Чернышев, 2016).

На данный этап приходится разработка Чернышевым проблемы *организованности малой группы* (коллектива). Организованность определялась как «способность группы самостоятельно создать организацию в ситуациях неопределенности и сочетать разнообразие мнений и форм инициативного поведения с устойчивым единством действий его участников» (Чернышев, 1980, с. 18). Сущность ее состоит в реальной, эффективной способности коллектива (малой группы), группы к групповой самоуправляемости. Организованность, по мысли автора, характеризуется через общие качества: организационную интеграцию управленческих функций членов группы, их организационную сплоченность, организационную эталонность, референтность группы, способность группы к самоуправлению, к организационному лидерству, организационной активности по отношению к другим группам в более широкой общности (Чернышев, Крикунов, 1991).

Анализируя «общественный» и «личный» блоки и входящие в них подструктуры, разработчики теории подчеркивали, что они, с одной стороны, проявляются через общие социально-психологические качества, а с другой, определяются подструктурой направленности. Направленность, организованность и подготовленность группы опосредуются, прежде всего (хотя не исключительно), обществом, а подструктура психологической коммуникативности – преимущественно личностями, образующими группу. Особо было отмечено, что подструктуры входящие в «личный» блок, наиболее динамичны и подвижны по сравнению с подструктурами «общественного» блока.

Осмысливая данную групповую структуру, Чернышев неоднократно подчеркивал, что такая структура группы представляет собой идеальную модель жизнедеятельности группы, когда групповая деятельность требует наивысшей степени сознательности, идейной убежденности, организованности, профессионально-деловой подготовленности и сработанности и в то же время наиболее интенсивной интеллектуальной, эмоциональной и волевой напряженности (Чернышев, Сарычев, 2009), что характерно для деятельности группы в экстремальных и близких к экстремальным условиям жизнедеятельности, в то время как в обычных условиях функционируют лишь некоторые сферы и структуры.

Рассматривая поэтапное, уровневое развитие малой группы как коллектива в рамках параметрической теории, Чернышев прежде всего обращал внимание на разноректорность континуума, в пределах которого совершается процесс развития малой группы. По его мнению, первый этап развития параметрической теории был связан с выделением положительного континуума уровневого развития от групп-«неколлективов» к группам-коллективам или группам-корпорациям. Такое понимание развития позволило выделить следующие уровни (этапы) от крайней нижней точки континуума до крайней верхней его точки: *группа-конгломерат, номинальная группа, группа-ассоциация, группа-кооперация, группа-автономия, группа-корпорация* (имелись в виду не асоциальные и не преступные группы), *группа-коллектив*. Каждый из указанных уровней получил свою характеристику как на «языке науки», на уровне понятийно категориального аппарата социальной психологии, так и на «языке пользователя», т. е. на уровне, доступном педагогам и психологам-практикам, непосредственно работающим с реальными малыми группами (Лутошкин, 1986).

На втором этапе развития параметрической теории коллектива было установлено существование и отрицательной ветви континуума, к которой можно было отнести группы, замкнутые извне и для которых были характерны внутрigrупповая антипатия, интраэгоизм, склонность к дезинтеграции, конфликтности, агрессивности. Здесь были выделены следующие уровни (этапы): *группа-дезинтеграция, группа-интраэгоизм, антиколлектив*. Выделенные свойства таких групп оказались особенно характерны для стрессовых, напряженных ситуациях совместной деятельности.

Третий этап в развитии параметрической теории охватывает период с конца 1980-х до середины 2010-х годов и связан с исследованиями, проведенными Чернышевым и его учениками с привлечением реальных учебных групп в новых социально-экономических реалиях современной России, которые, с одной стороны,

подтвердили эвристические возможности параметрической теории, а с другой — выявили ее ограничения и способы их преодоления.

Очевидной точкой отсчета, по мнению Алексея Сергеевича, стали поставленная А. В. Брушлинским проблема значимости индивидуального и группового субъекта в изменившихся социально-экономических условиях (Брушлинский, 2002) и теория коллективного субъекта Журавлева, выделившего основные признаки субъектности группы (Журавлев, 2000), стимулировавшие изучение малой группы как субъекта совместной деятельности, общения и отношений психологами курской социально-психологической научной школы.

Разработанная на данном этапе К. М. Гайдар субъектная концепция малой группы раскрыла потенциал группы и в определенной степени позволила снять вопрос о «прекращении» развития группы после достижения ею уровня «коллектив» (Гайдар, 2013). С. В. Сарычевым был исследован феномен «надежность группы», понимаемый в качестве системы групповых мотивов и социальных установок на совершенствование организации совместной деятельности группы в напряженных и экстремальных условиях. В качестве основных социально-психологических компонентов надежности группы выступают групповое сознание, групповая мотивация, общность образа организационных межличностных отношений, установка на обогащение организационных отношений, обогащенная волевая групповая саморегуляция, установка на успешное преодоление трудностей, оптимальный вариант психологической дистанции между членами группы в системе межличностных отношений. Психологическими механизмами надежности группы в напряженных и экстремальных условиях совместной деятельности являются: развитая ориентировочная часть совместной деятельности, качественное обогащение и преобразование лидерства, активное обращение к групповому опыту совместной деятельности, сохранение организационного порядка, гибкое и целесообразное изменение взаимодействия членов группы, совершенствование функциональной структуры организации (Сарычев, 2007).

Исследования, проведенные в этот период Ю. А. Луневым, показали, что поведение группы в межгрупповом взаимодействии связано с особым свойством группы — направленностью ее межгрупповой активности, которое проявляется в дифференцированной предрасположенности группы к усвоению внешних социальных воздействий и ее готовности к выбору определенной стратегии поведения. Кроме того, было установлено, что важную роль в этом процессе играет фактор социально-нормативных требований более широкого социального окружения (Лунев, 1991). Дальнейший научный поиск в этом направлении, осуществленный С. Г. Елизаровым, показал, что интергрупповая активность малой группы распространяется не только на взаимодействие и взаимоотношения малой группы с другими малыми группами, но и с самой социальной организацией, выступающей как социальная система («основной коллектив», по А. С. Макаренку), элементом которой является малая группа. Основой такой активности является мотивационно-ценностная включенность малой группы, формы (типы) которой опосредуют взаимодействие и взаимоотношения группы и социальной организации (Елизаров, 2008). А. А. Форопоновой предложена модель мультиэтнической студенческой группы как субъекта психологической помощи ее членам. В этой модели компонентами помощи выступают психоэмоциональная поддерж-

ка; стимулирование ответственного отношения к учебе; консультативная взаимопомощь студентов в усвоении трудных разделов и тем (Чернышев и др., 2016).

Кроме того, под руководством Чернышева его учениками были получены эмпирические и экспериментальные результаты по следующим аспектам жизнедеятельности малых групп (Чернышев и др., 2019):

- социально-психологические условия и факторы генезиса малой группы как субъекта совместной деятельности, общения и отношений (Т. А. Антопольская, Н. В. Иванова, Н. А. Котелевцев, Т. Л. Крюкова, Ю. Л. Лобков, Н. Е. Сергеева, Т. И. Сурьянинова);
- структура и соотношение группового и индивидуального сознания (Н. П. Сазонова, А. С. Силаков);
- социально-психологические механизмы влияния группы на процесс социализации индивидов – членов группы (О. С. Балыкина, Н. А. Галкина, В. В. Гулякина, А. Н. Еремина, Г. Н. Ларина, Н. А. Нестеренко, И. А. Орешина, А. А. Форопонова, О. В. Чернышова);
- структура лидерства в группах (Аль Гафри Салех Обайд Саид, Д. В. Беспалов, И. Н. Логвинов);
- уточнение содержания групповых параметров организованность и интеллектуального единства (М. Н. Горбачева, А. В. Корнев).

Итогом научных поисков под руководством Чернышева, ставшим началом *четвертого этапа* развития параметрической теории, было создание рабочей *двухуровневой модели* группы как субъекта жизнедеятельности, включающей в себя следующие уровни:

- а) в системе социальных организаций различного уровня (например, группа, однопорядковые группы, факультет, вуз, добровольческие и волонтерские организации, детские и юношеские клубы и пр.);
- б) в рамках внутригрупповых задач (см. рисунок 1).

Каждый из уровней функционирования группового субъекта наиболее полно обеспечивается соответствующими социально-психологическими свойствами. Взаимодействие уровней проявляется также в соответствующих свойствах, в частности в статусно-позиционной структуре социального самочувствия личности и групповой саморефлексии, которые формируются и функционируют благодаря «сплаву» интергрупповой и интрагрупповой активности.

Эвристические возможности модели для психологии и других социогуманитарных наук:

- раскрывает социально-психологические механизмы влияния группы на духовно-нравственную сферу ее участников благодаря сближению установок, ценностей, норм группы и социальных организаций более высокого статуса, в которых наиболее полно представлены духовно-нравственные ценности общества;
- предметно представляет специфические свойства (структура) группы и ее соответствующие функции в решении внутригрупповых задач и задач других социальных организаций; отражает результат взаимосвязи субъектности

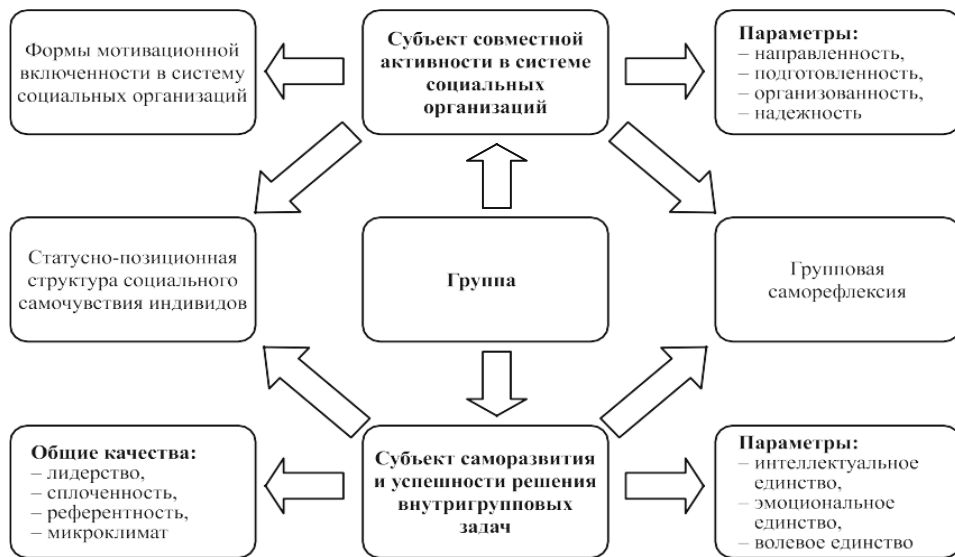

Рис. 1. Двухуровневая модель группы как субъекта жизнедеятельности

группы на двух уровнях активности (интергрупповой и интрагрупповой) через формирование групповой саморефлексии и статусно-позиционной структуры социального самочувствия индивидов;

- включает социально-психологический капитал группы для успешности функционирования социальных организаций равного или более высокого статуса;
- отражает закономерность, состоящую в том, что малая группа как первичная ячейка социальной организации, обладая более высокой организованностью, чем основной коллектив и организации более высокого статуса, используется для усиления («подпитывания») их организованности;
- представляет малую социальную группу как открытую социально-психологическую систему, способную преодолевать групповой эгоизм, самоизоляцию и включаться в решение задач, выходящих за границы внутригрупповых интересов (Чернышев и др., 2019).

Заключение

Периодизация развития параметрической концепции коллектива, разрабатываемой с 1960-е годы, отражает, с одной стороны, логику становления социально-психологической теории малых групп и коллективов, а с другой – социальную динамику российского общества.

Литература

Брушлинский А. В. Проблема субъекта в психологической науке // Сознание личности в кризисном обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995. С. 28–41.

- Гайдар К. М.* Социально-психологическая концепция группового субъекта. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2013.
- Елизаров С. Г.* Теоретические аспекты изучения мотивационно-ценностной включенности малой группы в социальную систему. Курск: Курский гос. ун-т, 2008.
- Журавлев А. Л.* Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. С. 133–151.
- Журавлев А. Л.* Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
- Лунев Ю. А.* Социально-психологические факторы детерминации поведения группы в межгрупповом взаимодействии: Дис. ... канд. психол. наук. Курск, 1991.
- Лутошкин А. Н.* Как вести за собой. Старшеклассникам об основах организаторской работы. М.: Просвещение, 1986.
- Сарычев С. В.* Надежность группы в напряженных и экстремальных ситуациях совместной деятельности (социально-психологические основы). Курск: Курск. гос. ун-т, 2007.
- Уманский Л. И., Лутошкин А. Н.* Психология работы комсорга. М.: Молодая гвардия, 1972.
- Уманский Л. И., Френкель И. А., Чернышев А. С.* и др. Критерии диагностики общественной активности группы как коллектива // Социально-психологические вопросы общественной активности школьников и студентов: Ученые записки КГПИ. Т. 88. Курск, 1971. С. 5–19.
- Чернышев А. С., Крикунов А. С.* Социально-психологические основы организованности коллектива. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991.
- Чернышев А. С.* Социально-психологические основы организованности первичного коллектива (на материале исследования молодежных групп и коллективов): Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1980.
- Чернышев А. С.* Параметрическая теория малых групп и коллективов: исходные положения и тенденции развития // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 6. С. 15–25.
- Чернышев А. С., Сарычев С. В.* Параметрическая теория коллектива: история создания и тенденции развития // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. 2009. № 3 (11). URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/217 (дата обращения: 21.03.2021).
- Чернышев А. С., Сарычев С. В., Гребеньков Н. Н., Елизаров С. Г.* Кафедра психологии Курского гос. ун-та. 1971–2016. Курск: Курск. гос. ун-т, 2016.
- Чернышев А. С., Сарычев С. В., Гребеньков Н. Н.* Параметрическая теория малых групп и коллективов. Курск: Курск. гос. ун-т, 2019.

Periodization of development of the parametric theory of collective

S. V. Sarychev, S. G. Elizarov

Kursk State University, Kursk, psychology@kursksu.ru

The article proposes a periodization of the development of the parametric theory of the collective, being developed since the sixties of the twentieth century by psychologists from Kursk and Kostroma universities. Four stages have been singled out according to

the criterion of the development of the theory, the characteristics of each of the stages are given.

Keywords: history of social psychology, periodization, parametric theory of the collective, Kursk scientific school, group parameters, structure of group qualities, two-level model of small group.

Развитие исследований проблемы творческого я в психологии

М. А. Селюч

*ФГБУ ВО Амурский государственный университет, г. Благовещенск,
seluch@mail.ru*

Представлен анализ различных теоретико-экспериментальных подходов к исследованию творческого Я личности в отечественной и зарубежной психологии, выявлены методологические противоречия при изучении данного психологического феномена, раскрыты некоторые определения его сущности, категориальной принадлежности, понятийной неоднородности. Творческое Я представляет многокомпонентное и многоуровневое образование, которое актуализирует личностные ресурсы и возможности личности, его развитие протекает как процесс самоосуществления, проявляясь в разрешении противоречий, самосозидании и самовыражении на основе внутренних значимых устремлений.

Ключевые слова: творческое Я, развитие, творчество, личность, Я-концепция, индивидуальность, творческие возможности.

В современной науке понятие «Я» используется: 1) для обозначения действующего агента; 2) для фиксации центра инициативы или сущности личности, источника ее активной деятельности; 3) для фиксации ментальной репрезентации личности, ее самосознания, представления о себе.

Понятие «Я» выступает как субъект деятельности; носитель реальности; объект самопознания; форма существования субъективности индивида; полимодальная структура; психологический источник творческой энергии, связующее звено личности. Осмысление феномена творческого Я в социокультурном контексте возможно через такие ключевые понятия, как развитие, креативность, мастерство, творчество, рефлексика, личность, сознание, одаренность, способности, творческий потенциал, индивидуальность и ряд других, которые изучают смежные науки о человеке.

Изучение творческого Я можно проследить через когнитивный компонент Я-концепции личности, который описывается в терминах, относящихся к по-

знавательному психическому процессу: интеллектуальный, рациональный, ментальный, рефлексивный. Когнитивная составляющая Я-концепции заключается в содержании (знании о себе) и структуре образа Я (то, что выделяется как Я-объект или Я-познаваемое) и выражается в самосознании и самопознании, отражая процессуальную сторону познания себя (саморазвитие, самосовершенствование, самоактуализацию).

Для нашего исследования значимы методологические положения С.Л. Рубинштейна о единстве процессов сознания и действия и двух способов жизни. Единство процессов сознания и действия приводят личность к выходу за пределы ситуации, в которой реальность воспринимается по-новому, а ее развитие осуществляется в иной траектории. «Становящееся соотнесено с тем внутренним в человеке, что, в свою очередь, соотносится с чем-то внешним по отношению к ситуации, находящимся и выводящим за ее пределы в сознании и действии» (Рубинштейн, 2003, с. 351). Два основных способа жизни позволяют рассматривать влияние на развитие творческого Я личности внутренней рефлексии, которая прерывает (приостанавливает) непрерывный поток жизни и выводит его за пределы ранее достигнутого, преодолевая противоречия, трудности и собственные ограничения.

По мысли Рубинштейна, «промежуточной переменной», расположенной между источником побуждения и деятельностью личности, является целый комплекс сознательного и бессознательного проявления внутреннего мира, обладающего свойствами избирательности оценки, отбора, принятия или непринятия того или иного внешнего воздействия. Стимулы внешней среды выступают побудителями генетически обусловленных личностных качеств.

Развитие творческого Я протекает за счет активности субъекта и самостоятельного выбора целей, поскольку «понимание субъекта ... связывается с надеждением человеческого индивида качествами быть активным, самостоятельным, умелым в осуществлении специфически человеческих форм жизнедеятельности» как «безграничное достижение границы и всегдашней неопределенности ее достигнуть» (Слободчиков, 2009, с. 250).

Таким образом, содержательно развитие творческого Я личности следует рассматривать в контексте общего расширения субъектного пространства, духовного обогащения, включающего повышение инициативы и ответственности, личностной свободы, овладение социокультурными нормами. Процессуально — с системных позиций превращения общечеловеческих ценностей в личностные (нравственная чувствительность).

Творческое Я выступает как носитель психических возможностей и получает свое продуктивное развитие только тогда, когда личность признает себя реальным субъектом.

Развитие творческого Я личности обусловлено «входом в со-бытие», «сворачиванием чистой потенциальности в точку (обретение души), становление «авторства и универсальности саморазвития» (Слободчиков, 2009, с. 391). Механизм такого «выхода», по мнению ученого, основывается на свободном выборе варианта поведения в каждой жизненной ситуации, а субъективная реальность подсказывает пути внешнего достраивания и дооформления личностного развития.

Определить структурный состав творческого Я позволяют «критерии нормального развития» личности (Братусь, 1997, с. 45). С его точки зрения, «условиями и одновременно критериями этого развития» являются: а) отношение к другому человеку как к самоценности, как к существу, олицетворяющему в себе бесконечные потенции рода «человек» (центральное системообразующее отношение); б) способность к децентрации, самоотдаче и любви как способу реализации этого отношения; в) творческий, целетворящий характер жизнедеятельности; г) потребность в позитивной свободе; д) способность к самопроектированию будущего; е) вера в осуществимость намеченного; ж) внутренняя ответственность перед собой и другими, прошлым и будущими поколениями; з) стремление к обретению сквозного общего смысла жизни.

Как один из иерархических уровней реального Я и психический источник энергии рассматривается творческое Я в эмпатической теории. «Я одновременно является вообразаемым и воображающим. Вообразаемым потому, что оно занимает в идеальном плане точку зрения иную, чем у реального индивида. Воображающим (активным, продуктивным) как регулирующий центр творческого воображения» (Басин, 1996, с. 104).

Определяющим признаком Я является его уникальность. Установлено, что Я есть форма существования субъектности индивида (субъективная образующая психической жизни; Я есть причина самого себя, состоящая из четырех единств: «материального», «формального», «действующего», «конечного» (Петровский, 1996, с. 136).

Возможности, в которых человек становится больше самого себя, отражают высшее Я. По мнению А. А. Бодалева, в основе процесса перехода от будничного Я к высшему Я лежат глубокие изменения в сознании и самосознании личности, которые могут быть объективированы в субъективно значимых ситуациях (Бодалев, 1998). Аналогичный подход у А. Маслоу, который в вершинных переживаниях (сложных психических состояниях) видел коренные изменения личности.

Для развития и реализации творческого Я личности необходим конструктивный путь решения противоречий, который может быть достигнут через рефлексивные навыки, принятие ценностей самоактуализирующейся личности, стремление к самоуважению, к относительной независимости от внешних влияний, отсутствие агрессии в поведении и все то, что является стремлением к самосовершенствованию.

Исходя из позиций гуманистической парадигмы к исследованию личности, свобода Я, ответственность и творчество рассматриваются как неотъемлемые признаки человеческого существования, которые позволяют личности выйти за ее пределы и представляют – высшее Я, содержащее возможности и потенции. Высшее (творческое, авторское) Я отличается от обыденного и имеет два значения: 1) человек в творчестве становится «больше самого себя» и синергически создает нечто превышающее его повседневные возможности; 2) человек в творчестве становится «другим», но в значительной степени «не похожим на себя в повседневной жизни».

Таким образом, творческое Я личности имеет индивидуальный путь психического развития, осуществляемый при помощи других психических процессов, в каждом из которых представлены проекции всех его характеристик структурных

компонентов. Динамика их проявления выглядит как последовательность ступеней перехода от одного психического состояния личности к другому и сопровождается качественными изменениями его структурных компонентов, что следует из основ психологии и положения о том, что психическое может быть понято только как процесс.

Развитие творческого Я рассматривается как процесс, имеющий двойную детерминацию: внутреннюю и внешнюю. Внутренние условия являются побудительными причинами высвобождения личностных ресурсов, движущей силой развития творческого Я — сама личность. Основными детерминантами развития творческого Я выступают генетические особенности, среда и воспитание. Их гармонизация и согласование позволяет личности определить зону потенциального развития, включив механизмы самодетерминации. Это дает возможность рассматривать структуру творческого Я как мобильную, обусловленную индивидуальными различиями, а также другими субъективными факторами — возрастными и гендерными.

В зарубежной психологии истоки введения понятия «творческое Я» следует искать в прагматической концепции. Сознание личности рассматривается в двух аспектах: 1) познаваемый элемент сознания, эмпирическое Ego; 2) познающий элемент сознания, чистое Ego. Чистое Я есть мыслящий субъект, «то, что в каждую данную минуту сознает» (Джемс, 1991, с. 97). Такое различие является условным: в реальной психической жизни эти две стороны слиты и образуют единое нерасторжимое целое Я.

В теории символического интеракционизма Я представляет постоянно протекающий синтез одновременных внутренних самоопределений и внешних определений себя другими. Важнейшей чертой Я выступает «способность к целенаправленной и осознанной работе по расширению его пространства, которое создает основу для творчества и бесконечной изменчивости (самоизменяемости) человека» (Venson, 2001, p. 53). Я — это всегда незаконченный проект, воплощение непредсказуемой креативности определяется моралью и ответственностью общества.

В классическом интроспекционизме Я имманентно по своему существу, развивается в течение жизни и как деятельностное начало организует и упорядочивает все переживания, это, в свою очередь, позволяет считать, что творческое Я в структуре имеет эмоциональную составляющую.

В психоанализе прослеживается связь творческой интуиции с целостным восприятием объекта. «Я — сознательная „самость“, глобальный фактор эмоциональной зрелости, включающий: открытость, способность воспринимать проблемы, уверенность, свободу и мужество противостоять проблемам и по мере собственных способностей их решать» (Erikson, 1964, p. 17); «Я — круговорот психической энергии, «flow» — течение, которое «полностью вовлекает нас в момент, где нет ни вчера, ни завтра, а есть только здесь и сейчас мышления, воображения, действия» (Landau, 1971, p. 9).

Основные положения психосинтеза ориентированы на то, что Я как высшая, истинная самость позволяет личности выходить за ее пределы, а сущность Я — это неизменный фактор в постоянно меняющемся потоке моей жизни.

Индивидуальная психология внесла наиболее значимый вклад в развитие данной научной идеи, предложив концепцию творческого Я, в которой оно высту-

пает как «первопричина всего человеческого», «философский камень», «эликсир жизни». Творческое Я — это «нечто между стимульным воздействием на человека и реакцией человека на этот стимул» (Адлер, 1996, с. 148–149), которое не поддается описанию, но творит личность. Согласно идее творческого (креативного) Я, человек сам творит свою личность из сырого материала наследственности и опыта. Основное положение данной концепции заключается в том, что собственный стиль жизни формируются под влиянием творческих способностей личности, которая ответственна за то, кем становится и как себя ведет.

Творческое Я отвечает за цель жизни человека, определяя метод ее достижения, способствует развитию социального интереса, влияет на восприятие, память, фантазии и сны, делая каждого человека свободным (самоопределяющимся) индивидуумом. Концепция творческого Я подчеркивает, что люди являются хозяевами собственной судьбы, имеющими возможность активно формировать свою личность.

Для аналитической психологии главная черта творческого Я — смелость ума; духа и воображения, позволяющая представить недопустимое и попытаться достичь его; сомневаться в общепринятом (разрушать ради того, чтобы создать нечто лучшее); думать (как не думают другие); целиком отдаваться жизни (внешней и внутренней), следовать согласно своей интуиции вопреки логическим рассуждениям; противопоставлять себя большинству (оставаясь самим собой).

В рамках гештальтпсихологии предпосылкой развития творчества является нарушение равновесия (незаконченность ситуации, неполнота гештальта), которое заставляет организм становиться творческим и находить средства и пути восстановления равновесия.

Творческое Я можно рассмотреть через понятие «инсайт» как кульминационный момент в решении творческой задачи. Следует отметить, что в этом научном направлении творческое Я связано с такими качествами, как «озарение», неожиданная догадка в решении проблемы.

Когнитивная психология рассматривает Я как способ когнитивной репрезентации миру. Чем более личность дифференцирована, тем больше элементов и разнообразных источников она может одновременно перерабатывать и интегрировать в целостную смысловую структуру. На самых высоких уровнях элементами могут быть целые структуры знания или опыта, связанные между собой и образующие новую целостность. Внутри этой целостности происходит динамическое взаимодействие между Я и окружающим миром.

Представители гуманистической психологии основными принципами изучения творческого Я считают максимальное использование потребностей и способностей личности. Принципиальным для этого научного направления является положение о том, что: 1) личность стремится к актуализации своего Я (self) и развивается в направлении все большей сложности, самодостаточности, зрелости и компетентности; 2) функциональная организация психических систем личности — Я (self) является наиболее важной системой; 3) творческое Я — это импульс, выражающий потребность к самоактуализации и стремление к полной и свободной реализации своих задатков и личностных возможностей, «самоэффективность» и способность, позволяющая овладеть конкретной ситуацией достижения. У творческих людей психологическое Я становится больше Я телес-

ного. «Способы расти» представлены способностями индивида, которые задают направления роста.

А. Маслоу считал подлежащей актуализации самостью ту внутреннюю, естественную изначальную природу, которой обладает при рождении каждый человек. В эту сущностную природу он включает потребности, способности, таланты, анатомию, физиологическое равновесие и уравновешенность темперамента. Мир един и единственен, и то, настолько в человеке уживается высшее и обыденное, на самом деле зависит лишь от его способности воспринимать мир с точки зрения вещей высшего порядка и одновременно во всей его обыденности. Г. Олпорт представляет личность как развивающуюся и открытую психофизиологическую систему, особенностью которой является стремление к реализации своего жизненного потенциала, к самоактуализации. Ядро системы – человеческое Я. Я – самость, которая «стоит перед лицом высших, духовных, объективно значимых сил и вместе с тем проникнуто ими и их представляет, – начало сверхприродного, сверхъестественно бытия» (Франкл, 1997, с. 408–409).

В социокультурной теории личности Я рассматривается через два главных теоретических вопроса: 1) почему Я так устойчиво; 2) если оно все же изменяется, то как и почему это происходит? «Расстояние между актуальным и реальным собственным Я зависит от того, насколько развитие было самоактуализацией, и насколько – самоотчуждением. Собственное Я – не фиксированная структура, а набор присущих человеку потенциалов (таких как темперамент, способности, дарования, склонности), который является частью наследственности и нуждающийся в благоприятных условиях для развития» (Хорни, 2000, с. 47), «нужна плодотворная деятельность, чтобы дать жизнь эмоциональным и интеллектуальным возможностям, дать жизнь своему Я», так как «наивысшая сила индивида основана на максимальном развитии его личности и предполагает максимальное понимание самого себя» (Фромм, 1990, с. 208).

Исследования в экзистенциальной психологии позволяют рассматривать Я как природный, спонтанный феномен, в котором сосредоточен источник творчества и его осознание пробуждается благодаря рефлексии, «простое осознание своего бытия может быть представлено в следующих формальных признаках: а) чувство активности – осознание себя в качестве активного существа; б) осознание собственного единства – в каждый данный момент я осознаю, что я один; в) осознание собственной идентичности: я остаюсь тем, кем был всегда; г) осознание того, что Я отлично от остального мира, от всего, что не является» (Ясперс, 1997, с. 157).

Заключение

Анализ различных теоретико-экспериментальных подходов к исследованию творческого Я в психологии отмечен методологическими противоречиями и позволяет сделать следующие выводы:

1. Разнообразие психологических концепций, прямо или косвенно затрагивающих изучение творческого Я, приводят к разноречию определения его сущности, категориальной принадлежности, понятийной неоднородности.

Понятийное разнообразие в определении зависит от особенностей процесса структурирования, интерпретации смыслов и психологического содержания данного понятия. Возможности постижения сложнейшего, неисчерпаемого, творческого Я никак не могут быть ограничены каким-то одним способом изучения.

2. В отечественной и зарубежной психологии личности содержится достаточно идей для моделирования творческого Я, и оно может быть выделено в качестве интегрирующего фактора для всех элементов функционирования системы личности и как единица анализа психических явлений, представляющих системное многокомпонентное образование. Процесс развития творческого Я вбирает в себя модели, формы и другие элементы психики, которые придают направление этому самосозиданию.
3. Осмысление феномена творческого Я в социокультурном контексте возможно через такие ключевые понятия, как задатки, потребности, интересы, цели и мотивы, развитие, креативность, творчество, рефлексия, интуиция, сознание, одаренность, способность, творческий потенциал, индивидуальность и ряд других, которые изучает ряд смежных наук о человеке.
4. Неразрывность и глубокая взаимосвязь всех психических процессов, составляющих сущность развития творческого Я, проявляется как их внутренняя интеграция и взаимодетерминация и порождает специфику реализации творческого Я как процесса. Динамика процесса развития творческого Я имеет общее, особенное и единичное в соответствии с динамикой прочих процессов, являющихся слагаемыми развития. Общее заключается в том, что развитие творческого Я (а через него развитие самой личности), как любой процесс, идет сообразно общим законам самодвижения материи – достаточного разнообразия и самоорганизации систем.

Литература

- Адлер А. Лекции по аналитической психологии. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1996.
- Басин Е. Я. «Двуликий Янус» (о природе художественного таланта). М.: Акад. гуманитарных исслед., 1996.
- Бодалев А. А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. М.: Флинта–Наука, 1998.
- Братусь Б. С. Образ человека в гуманитарной, нравственной и христианской психологии. М.: Смысл, 1997.
- Джемс У. Психология. М.: Педагогика, 1991.
- Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Слободчиков В. И. Реальность субъективного духа // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, 2009.
- Франкл В. Человек и реальность. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997.
- Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990.
- Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию. Пер с англ. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа–Б & К, 2000.

Ясперс К. Общая психология. Пер. с нем. М.: Практика, 1997.

Benson C. The cultural psychology of self: Place, morality and art in human words. London–N. Y.: Taylor and Francis Group, 2001.

Erikson E. Childhood and society. N. Y., 1964.

Landau E. Psychologie der Kreativität. München: Reinhardt, 1971.

The genesis of the study of the problem of the creative Self in psychology

M. G. Seluch

Amur state University, Blagoveshchensk

The article presents an analysis of various theoretical and experimental approaches to the study of the creative self of the individual in domestic and foreign psychology, which emphasizes the methodological contradictions in the study of this psychological phenomenon, reveals some definitions of its essence, categorical belonging, and conceptual heterogeneity. The creative Self is a multi-component and multi-level education that actualizes the personal resources and capabilities of the individual. It proceeds as a process of self-realization, manifesting itself in the resolution of contradictions, self-improvement, self-creation and self-expression based on the most significant aspirations.

Keywords: creative Self, development, creativity, personality, Self-concept, individuality, creative possibilities.

История и теория рефлексивной психологии творчества и педагогики развития человеческого капитала

И. Н. Семёнов

МГПУ, Москва, i_samenov@mail.ru

Представлено малоизученное направление истории науки – анализ становления рефлексивной психологии творчества – интенсивно развивающегося подхода в современном междисциплинарном человекознании. Обсуждаются методологические проблемы построения ее периодизации и впервые дифференцируются основные этапы эволюции научной школы рефлексивной психологии творчества и ее трансформации в прикладную акмеологическую педагогику формирования человеческого капитала. Кратко обобщен психолого-педагогический опыт прикладного изучения и развития человеческого капитала на основных ступенях непрерывного профессионального образования.

Ключевые слова: история, методология, психология, педагогика, наука, личность, мышление, рефлексия, творчество, ресурсы, человеческий капитал.

Важной тенденцией эволюции человекознания является междисциплинарное изучение такой его инновационной области, как системное изучение человеческого капитала (Семёнов, 2009; Юрьев и др., 2006) с прикладной целью — оптимального выявления и использования психологических ресурсов индивидов для экономически и культурно-продуктивного осуществления многообразных видов профессиональной деятельности субъектами современного социума, в том числе управления и образования (Семёнов, 2010). Одним из комплексных направлений научного обеспечения этих сфер социальной практики является интенсивно эволюционирующая рефлексивная психология, акмеология, педагогика развития творчества и человеческого капитала (Козева, Семёнов, 2012; Семёнов, 1992). Экспликация образовательных ресурсов рефлексивно-психологического изучения инновационной деятельности предполагает анализ методологии и истории становления этой инновационной области современного человекознания: от психологии продуктивного мышления (Семенов, 1971) через рефлексивную психологию (Семёнов, 1990), акмеологию (Ковшуро, Семёнов, 2005; Козева, Семёнов, 2012) и персонологию (Семёнов, 2017б) творчества к психолого-акмеологической педагогике формирования человеческого капитала (Семёнов, Гришин, 2021; Семёнов, 2009).

Методологические проблемы изучения человеческого капитала

В связи с вышесказанным особый интерес представляет использование метода системно-диахронической периодизации (Семёнов, 2014) в том редком случае, когда ее можно непосредственно проследить с самого начала, т. е. со времени зарождения такого нового научного направления, каковым является возникающее (Семёнов, 2009) буквально на наших глазах инновационное философско-экономическое (Козева, Семёнов, 2012) и рефлексивно-психологическое (Семёнов, 2009) изучение развития человеческого капитала в современном образовании (Семёнов, Гришин, 2021). В предметно-институциональном плане это направление имеет свои историко-научные предпосылки, укорененные в логике развития психологии творчества и продолжающие ее традиции на новом витке научно-психологического познания, но с присущими современности особенностями генерации и социализации данного раздела науки. Выяснение этих специфических особенностей как раз и позволяет эксплицировать и охарактеризовать метод построения периодизации (Семёнов, 2014), охватывающий в своем эволюционно-диахроническом единстве как предпосылки, так и новации генерации и социализации продуктивности научного творчества. Ибо они присущи возникновению и становлению нового вектора научного познания: в данном случае — связанному с психолого-педагогическим изучением (Семёнов, 2017б) развития человеческого капитала (Г. Беккер, Т. Шульц) в управлении, науке и образовании (Семёнов, 2009; Семёнов, Гришин, 2021; Юрьев и др., 2006; и др.).

Разнообразная феноменология полувековой предметно-институциональной эволюции рефлексивной психологии творчества — как теоретико-методологической основы развития в образовании человеческого капитала — может быть обобщена посредством дифференциации истории его изучения на ряд ключевых этапов проведения эмпирических исследований и построения теории. Конструктивным средством для этого служит выделение и схематизация основных ступеней эволюции рефлексивно-психологического изучения сначала продуктивного мышления (Семёнов, 1971), а затем творческих ресурсов (Семёнов, 2009; Семёнов, Гришин, 2021) человеческого капитала путем построения периодизации поисков и исследований в данной инновационной области человекознания. Методология подобной схематизации была разработана нами на ином — науковедческом — материале применительно к членению истории: психологии и ее методологии (Семёнов, 2014), а также педагогики (Кларин и др., 1994); акмеологии (Ковшурова, Семёнов, 2005; Козева, Семёнов, 2012) и собственно рефлексивной психологии и персонологии (Семёнов, 1992; Семёнова, 2017а) как областей современного человекознания (Семёнов, 2018; Юрьев и др., 2006; и др.).

Используем эвристический прием построения подобной стадийной концептуальной модели и частично опыт членения периодизации (Семёнов, 2014; Семёнов, 2018) этих различных областей человекознания для схематизации эволюции рефлексивно-психологического изучения человеческого капитала в контексте образования. Если на первоначальных этапах закладывались предпосылки системно-методологического и рефлексивно-психологического подходов к анализу ставшей актуальной в начале XXI в. проблематики человеческого капитала (Семёнов, 2009; Юрьев и др., 2006), то в ряде последующих этапов осуществлены: его междисциплинарное изучение и психолого-педагогическое обеспечение развития в системах современного инновационного непрерывного образования (Семёнов, Гришин, 2021).

Периодизация становления рефлексивной психологии творчества и инновационной педагогики развития человеческого капитала

Рассмотрим основные периоды рефлексивно-психологического изучения механизмов творчества и развития в образовании ресурсов человеческого капитала. На первом — *пропедевтическом этапе* (1960–1968) — на философском и психологическом факультетах МГУ им. М. В. Ломоносова в научных школах закладывались историко-научные предпосылки философско-логического и общепсихологического анализа продуктивного мышления (на лекциях В. Ф. Асмуса и А. Н. Леонтьева) и его экспериментального исследования (в группах П. Я. Гальперина и О. К. Тихомирова). Параллельно начались: во-первых, ассимиляция системоделятельной методологии на заседаниях «Секции логики и психологии мышления» (руководитель — методолог Г. П. Щедровицкий) Общества психологов и исследовательский поиск в МГУ путей развития творческого мышления на эмпирическом материале формирования у школьников и студентов эвристических приемов дискурсивного решения «задач на соображение» в дипломных работах Я. А. Пономарева и И. Н. Семёнова (под научном руководством соответственно психологов А. Н. Леонтьева и П. Я. Гальперина).

На втором — *наукоедческом этапе* (1968—1972) — в период исследований психологов Я. А. Пономарева, И. Н. Семёнова и методологов Н. Г. Алексева, Э. Г. Юдина в «Секторе проблем научного творчества» (заведующий — М. Г. Ярошевский) Института истории естествознания и техники (ИИЕиТ) АН СССР автор данной статьи вел теоретико-экспериментальное моделирование (Семёнов, 1971) научного мышления на материале индивидуального и группового решения творческих задач молодыми учеными биофизиками академгородков в Пушкино и Дубне. При этом ассимилировались методологические средства системно-деятельностного подхода в Московском методологическом кружке (ММК), руководимого Г. П. Щедровицким, а также в ИИЕиТ — достижения истории и теории психологии творчества (М. Г. Ярошевский, Я. А. Пономарев), философии науки и науковедения (В. С. Библер, Б. М. Кедров), системного анализа научной деятельности и ее персонологии (Н. Г. Алексеев, И. Н. Семёнов, Э. Г. Юдин). Эти междисциплинарные поиски отражены в ряде публикаций, в том числе в МГПИ и в «Большой советской энциклопедии» (в статьях И. Н. Семёнова: «Душа», «Индивидуальность» и о В. М. Бехтерева, П. П. Блонском, Л. С. Выготском, О. Кюльпе). В них дано, помимо персоналий, описание разработанных: структурно-уровневой модели рефлексивно-личностной регуляции творческого мышления (Семёнов, 1971), а также методов логико-нормативного анализа интеллектуальной деятельности по решению задач «на отображение» и системно-функционального анализа процессов его дискурсивного поиска, что было обобщено позднее (Семёнов, 1990).

На третьем — *экспериментальном этапе* (1972—1975) — на кафедре педагогики и педагогической психологии (заведующий — Н. Ф. Талызина) факультета психологии МГУ (декан — А. Н. Леонтьев) эти модель и методы были реализованы при исследовании продуктивного мышления в контексте разработанной П. Я. Гальпериним методологии программированного и проблемного обучения, а также использованы для построения приемов формирования решения творческих задач (подробнее см.: Семёнов, 1990). Тем самым были заложены концептуально-методологические предпосылки (Семёнов, 1992) будущей научной школы (Е. М. Гасель, В. К. Зарецкий, Н. Б. Ковалева-Сахонтьева, С. Ю. Степанов, А. Б. Холмогорова) рефлексивной психологии и педагогики развития творчества.

На четвертом — *методологическом этапе* (1975—1984) — в созданной философем Э. Г. Юдиным и руководимой Н. Г. Алексеевым «Группе методологии эргономики» в отделе эргономики (заведующий — В. П. Зинченко) ВНИИ Технической эстетики АН СССР (заместитель директора по эргономике — В. М. Мунипов) велась ассимиляция достижений когнитивно-инженерной психологии и психологии труда в целях разработки концептуальных схем системно-психологического изучения и проектирования оперативной деятельности в контексте построения эргономики как комплексного организационно-психологического (Лаптева, Семёнов, Куликова, 2011) человекознания о человеко-машинных системах. В этом технико-наукоедческом контексте разрабатывались (с Н. Г. Алексеевым, В. К. Зарецким, Н. Б. Ковалевой, В. Э. Реньге) системно-методологические средства эргономики, концептуальные схемы когнитивно-оперативной деятельности, в том числе модели рефлексивной организации поиска и принятия решений (Семёнов, 1990, 2014). Параллельно этому на базе факультета психологии МГУ продолжались эксперименты (И. Н. Семёновым, В. К. Зарецким, М. И. Найденовым, Л. А. Найде-

новой, Л. В. Григоровская, А. В. Советовым, С. Ю. Степановым, А. Б. Холмогоровой и др.) по оптимизации приемов решения творческих задач на основе концептуальной модели рефлексивно-смысловой регуляции продуктивного мышления (Семёнов, 1971). Теоретико-методологическое обсуждение этой экспериментатики велось на заседаниях созданной в 1978 г. Я. А. Пономаревым (с Н. Г. Алексеевым и И. Н. Семёновым) на базе Института психологии АН СССР (директор — Б. Ф. Ломов), Всесоюзной секции «Психология творчества» Общества психологов с изданием четырех книг трудов под редакцией Я. А. Пономарева. При этом в 1983 и 1984 гг. И. Н. Семёнов и С. Ю. Степанов организовали на факультете психологии МГУ две первые в стране конференции по инновационной психологии рефлексии. В 1983 г. системно-рефлексивные модели организации творческого мышления и креативного развития личности были презентированы в Куйбышеве на первой конференции по философии рефлексии в КГУ. Параллельно в Центральном институте физкультуры стали проводиться эксперименты (Н. Г. Алексеев, Б. А. Злотник, И. Н. Семёнов, И. Д. Глячков, В. К. Зарецкий, С. Ю. Степановым) по рефлексивно-психологической диагностике и спортивно-педагогическому развитию шахматной одаренности на контингенте молодежного олимпийского резерва.

На пятом — *когнитивном этапе* (1984—1991) — в «Лаборатории психологии мышления и одаренности» НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (заведующий лабораторией и директор института — А. М. Матюшкин) продолжались психолого-педагогические эксперименты (И. Н. Семёнов, С. Ю. Степанов, И. В. Палагина, А. В. Советов) и разрабатывались методы по диагностике и развитию творческого и практического мышления, в том числе в контексте начавшейся модернизации и компьютеризации обучения. Параллельно в русле секции «Психология творчества» велось на базе ИП АН теоретическое обсуждение проблематики рефлексивной психологии (в том числе на организованных — этой секцией с Московским и Новосибирским отделениями Философского общества) и на конференциях по педагогике творчества (организатор — В. А. Маловичко), а также в новосибирском Академгородке и в НГУ по философии и психологии рефлексии в контексте управления и образования (руководитель — И. С. Ладенко). Тем самым рефлексивно-деятельностная психология творчества приобрела статус междисциплинарной области перспективного развития современного человекознания, что вызвало интерес к системно-рефлексивной психологии мышления в зарубежной психологии (Matthaus, 1988; и др.).

На шестом — *андрагогическом этапе* (1992—1995) этапе педагогическая часть научной школы рефлексивной психологии (И. Н. Семёнов, Г. Ф. Похмелкина, Н. Б. Ковалева) стала сотрудничать в «Российско-американском центре образования взрослых» (заведующий — М. В. Кларин) Института международного сотрудничества и педагогики РАО (директор — Б. С. Гершунский) в ассимиляции достижений ученых США по междисциплинарному изучению и психолого-методическому обеспечению специального профессионального образования взрослых (Кларин, Семёнов, Ковалева, 1994) в условиях перехода к рыночным отношениям. При этом для анализа педагогики обеспечения менеджмента и образовательных компетенций использовались достижения возрастной психологии развития профессионализма взрослых специалистов и гуманизации образования,

рефлексивно-психологические проблемы которой разрабатывались (Г. А. Берулава, И. В. Дубровина, В. М. Дюков, И. Н. Семёнов и др.) в Научно-образовательном центре РАО (руководитель — М. Н. Берклава) на базе Бийского педагогического института (ныне БИГПУ).

На седьмом — *акмеологическом этапе* (1995—2002) — эти разработки велись также на кафедре акмеологии и психологии профессиональной деятельности (заведующий — А. А. Деркач) в Российской академии государственной службе (РАГС) при Президенте РФ. Здесь возникло рефлексивно-акмеологическое направление (И. Н. Семёнов, С. Ю. Степанов, В. Г. Аникина, И. В. Байер, А. В. Балаева, И. В. Войтик, О. Д. Ковшуро, С. В. Кузнецов, О. И. Лаптева, А. В. Лосев, О. А. Полищук, Л. В. Шибаева и др.) изучения деятельности госслужащих и управленцев и развития их профессионального мастерства. Это инновационное направление развивалось во взаимодействии с лидерами акмеологии (Н. В. Кузьмина, А. А. Деркач, К. А. Абульханова, А. А. Бодалев, Е. А. Климов) в изучении профессионализма управленцев, психологов и педагогов (Ковшуро, Семёнов, 2005). Инновационные достижения научно-педагогического актива кафедры акмеологии (А. А. Деркач, О. С. Анисимов, Р. Л. Кричевский, А. К. Маркова, В. В. Петрусинский, И. Н. Семёнов, Е. А. Яблокова) были отмечены премией президента РФ в области образования за разработку и внедрение инновационных технологий развития профессионального образования. При этом были начаты в акмеологическом контексте рефлексивно-психологические исследования индивидуальности субъектов научно-профессионального творчества. Так была продолжена (Орлов, Семёнов, 1991) общепсихологическая и науковедческая традиция психологии творчества (Б. М. Кедров, М. Г. Ярошевский, Я. А. Пономарев, Н. Г. Алексев, И. Н. Семёнов, Э. Г. Юдин, А. В. Юревич). Позднее эти исследования (совместно с трудами Н. В. Кузьминой-Гаршиной, К. А. Абульхановой, А. А. Бодалева, Л. А. Рудкевича) образовали рефлексивно-персонологическое направление в акмеологии (А. А. Деркач, А. В. Балаева, И. Н. Семёнов) и психологии (Семёнов, 2017а), которое развивает междисциплинарное изучение роста профессионального мастерства и имеет важное воспитательное значение для гуманизации современного школьного (Дюков, Семёнов, 1996), вузовского и последиplomного образования.

Проблемы его гуманизации теоретически разрабатывались нами в рамках «Международной академии гуманизации образования» (президент М. Н. Берулава) и созданного при ней научно-общественного «Института рефлексивной психологии творчества и гуманизации образования» (директор — И. Н. Семёнов). В сотрудничестве с этими институциями в практическом плане велась рефлексивно-педагогическая реализация гуманизации и рефлексивизации инновационного образования в цикле акмеологических исследований и психолого-педагогических учебных курсов, которые преподавались в ряде столичных и региональных университетов и педвузов в Артеке, Бийске, Брянске, Запорожье, Красноярске, Новосибирске, Омске, Орле, Тамбове. Этот инновационный опыт обобщен в ряде публикаций (Ковшуро, Семёнов, 2005; Козева, Семёнов, 2012; и др.).

Рассмотренные этапы способствовали становлению научной школы (Семёнов, 1992) рефлексивной психологии и творчества, которая позднее послужила концептуально-методологической базой психолого-педагогического обеспечения инновационного образования и изучения человеческого капитала.

Периодизация психолого-педагогического изучения и развития человеческого капитала

Охарактеризованные семь этапов зарождения и становления в конце XX в. научной школы (Семёнов, 1992) рефлексивной психологии, акмеологии, педагогики творчества явились предпосылками изучения в дальнейшем (на последующих пяти этапах уже в начале XXI в.) актуальной ныне проблематики развития человеческого капитала (Г. Беккер, Т. Шульц, А. Ананбегян, А. Бузгалин) в том числе в контексте модернизации и цифровизации образования (Семёнов, Гришин, 2021). В психологическом плане человеческий капитал означает интегральную совокупность способностей, креативности, знаний, компетентностей, умений, организованности, воли, активности, целеустремленности, ответственности субъекта учебной и профессиональной деятельности, системное взаимодействие которых обеспечивает ее продуктивность, успешность, адаптацию и социализацию. Для формирования этих качеств личности в непрерывном профессиональном образовании необходимо использование таких разнообразных психолого-педагогических практик, как социокультурное проектирование учебно-воспитательного процесса с учетом возрастных и индивидуальных различий и способностей учащихся, формирование знаниевых компетенций как элементов человеческого капитала, разработка педагогических технологий их психологической поддержки и консультирования при личностно-значимых межпоколенческих переходах: от дошкольного детства к школьному обучению, в периоды полового созревания и взросления, адаптации к послешкольной учебной, трудовой и семейной жизни, к профессиональному развитию, карьерному росту, к гражданской самореализации. Обратимся к характеристике этих пяти последующих этапов рефлексивно-психологического изучения и развития человеческого капитала в непрерывном профессиональном образовании.

На восьмом — *латентном* (относительно будущего зарождения рефлексивной психологии человеческого капитала) *этапе* (2002–2007) — развитие рефлексивно-психологической научной школы (Семёнов, 1992) осуществлялось на кафедре рефлексивной и организационной психологии (заведующий — С. Ю. Степанов) в госуниверситете «Высшая школа экономики» (ГУ ВШЭ). Здесь при продолжении акмеолого-педагогического сотрудничества с РАГС в изучении профессионализма (Ковшуро, Семёнов, 2005) создавались системно-методологические предпосылки для изучения междисциплинарных аспектов проблем психологии в социо-экономическом контексте, что имплицитно означало латентную пропедевтику предстоящего изучения актуальной для экономики проблематики человеческого капитала.

На девятом — *номинативном этапе* (2007–2010) — в связи с реализацией инициативного социального заказа «Московской межбанковской международной школы» на разработку системно-аналитического обзора проблематики собственно человеческого капитала началось его теоретическое изучение (Семёнов, 2009) с междисциплинарных позиций рефлексивной психологии и акмеологии, в том числе в прикладном контексте обеспечения здравоохранения и образования как макрокомпонентов (наряду с экономикой, управлением, демографией, социологией и т. д.) развития в обществе человеческого капитала как социоэконо-

мического макро-механизма роста в стране ее национального богатства посредством труда субъектов профессиональной деятельности. В связи с этим на кафедре общей и экспериментальной психологии факультета психологии (научный руководитель — В. Д. Шадриков) ГУ ВШЭ был проведен концептуально-методологический анализ истории изучения человеческого капитала в социальных науках и на этом финансово-экономическом фоне дифференцированы его собственно рефлексивно-психологические аспекты. Они были презентированы и обсуждались на международных и всероссийских конференциях по развитию экономики и общества (Семёнов, 2009; и др.), а также по философии, психологии, акмеологии образования (Семёнов, 2010; и др.). Параллельно в педагогической практике стал формироваться эмпирический задел для проектирования и развития (Т. Г. Болдина, И. М. Войтик, Г. И. Давыдова, М. Ю. Двоглазова, В. М. Дюков, О. Д. Ковшуру, О. И. Лаптева, И. А. Савенкова, К. С. Серегин и др.) элементов человеческого капитала в непрерывном образовании.

На десятом — *концептуальном этапе* (2010—2013) — в НИУ ВШЭ и Московском экономико-статистическом институте (МЭСИ) велась теоретическая проработка рефлексивно-психологического изучения различных аспектов человеческого капитала и акмеолого-педагогических рефлетехнологий его развития в социальной практике на основных ступенях непрерывного образования: дошкольного (В. М. Дюков), школьного (Т. Г. Болдина, К. С. Серегин), вузовского (Г. И. Давыдова, О. И. Лаптева, Д. М. Водопьянов), последиplomного (И. М. Войтик, В. М. Дюков, О. Д. Ковшуру и др.) в рефлексивно-организационных и учебно-воспитательных средах основного и дополнительного школьного и вузовского образования (Семёнов, Болдина, 2011). Эти теоретические исследования рефлексивной психологии человеческого капитала велись при поддержке гранта Научного фонда НИУ ВШЭ, а их результаты в практическом плане реализовывались с позиций рефлексивно-организационной психологии (Лаптева и др., 2011) в педагогической деятельности (Семёнов, Болдина, 2011) в ряде школ и вузов.

На одиннадцатом — *гимназическом этапе* (2013—2017) — параллельно с психолого-персонологическим анализом рефлексивности научного творчества (Семёнов, 2017а) в НИУ ВШЭ велось изучение развития человеческого капитала и его конкурентоспособности (Семёнов, 2010) с позиций рефлексивно-педагогической (Семёнов, Болдина, 2011) и рефлексивно-организационной психологии (Лаптева и др., 2011). При этом на экспериментальных площадках в школах Москвы и Красноярска доминировало формирование интеллектуально-креативных и рефлексивно-личностных элементов человеческого капитала при взаимодействии основного и дополнительного инновационного образования. В последнем случае продолжалось психолого-педагогическое проектирование культурно-образовательного пространства развития человеческого капитала на ежегодных научных конференциях одаренных школьников ЮАО г. Москвы. Они проводились 20 лет педагогическим коллективом гимназии № 1526 с публикацией проектов и докладов школьников в серии из 20 сборников (под редакцией директора члена-корреспондента АПСН Т. Г. Болдиной и научного руководителя академика АПСН И. Н. Семёнова). Формирование человеческого капитала включало, помимо его учебно-познавательного и научно-исследовательского аспектов, также и эстетический компонент (Семёнов, Болдина, 2011), что способствовало интеллектуальному,

нравственному и культурному развитию гимназистов. При этом был сделан акцент на формировании (Семёнов, 2009) рефлексивно-креативных ресурсов человеческого капитала с учетом изучаемых в педагогической психологии возрастных закономерностей взросления школьников, что обобщено в концепциях воспитания и социализации (И. В. Дубровина, А. К. Маркова, В. С. Мухина, А. В. Мудрик, Н. И. Непомнящая, Л. Ф. Обухова, А. А. Реан, Д. И. Фельдштейн, И. С. Якиманская). С целью необходимого для этого повышения квалификации учителей на основе рефлексивно-деятельностной педагогики на базе гимназии № 1526, в ней активно работал ранее организованный (Семёнов, Болдина, 2011) «Ресурсный центр» (научный руководитель — И. Н. Семёнов). Эффективность опытной рефлексивно-образовательной деятельности педагогического коллектива этой гимназии был награжден премией Минобрнауки РФ за разработку и внедрение инновационных школьных образовательных проектов.

На двенадцатом — *антропологическом этапе* (2017–2021) — в департаментах психологии НИУ ВШЭ и Московского городского педагогического университета (МГПУ) с позиций философской антропологии смысла велось теоретическое обобщение рефлексивной психологии развития в социуме человеческого капитала, а также его педагогическое формирование в рефлексивно-развивающих и информационно-компьютерных обучающих средах (Семёнов, Гришин, 2021) на основных ступенях непрерывного образования (дошкольного, школьного, вузовского, последиplomного), в том числе в контексте бизнес-образования (Семёнов, 2017б) и цифровизации социума. При этом для развития интеллектуально-личностных ресурсов человеческого капитала были разработаны — с учетом возрастной персонологии, дифференциальной психофизиологии и на основе рефлексивной психологии, акмеологии, педагогики — психотехнологии экзистенциально-рефлексивного и акмеолого-когнитивного тренинга активизации творческого потенциала учащейся молодежи и взрослых профессионалов в системе непрерывного (общего, вузовского и последиplomного) профессионального образования.

Заключение

История становления рефлексивной психологии творчества и ее прикладного применения посредством изучения и обеспечения развития креативно-личностных ресурсов учащихся в качестве компонентов их человеческого капиталов членился на ряд взаимосвязанных периодов возникновения научной школы (Семёнов, 1990, 1992) и ее эволюции в качестве одного из инновационных направлений (Семёнов, 2011, 2014) комплексного человекознания. Рефлексивная психология и педагогика развития человеческого капитала ныне представляет собой формирующуюся прикладную область современного инновационного человекознания. В итоге показана продуктивность междисциплинарных связей социоэкономических и гуманитарных представлений и методов (философии, экономики, социологии, психологии, персонологии, акмеологии, педагогики) в системно-методологическом изучении комплексной проблематики развития человеческого капитала в непрерывном образовании в социокультурных контекстах его цифровизации и гуманизации. Это явилось результатом генерации научно-исследовательской деятельности по системно-психологическому исследованию механиз-

мов рефлексивно-личностной регуляции творческого мышления. Концепция его рефлексивной организации была применена для прикладного изучения рефлексивно-креативных ресурсов человеческого капитала в целях проектирования его психолого-педагогического развития на основных ступенях непрерывного личностно-ориентированного образования. В контексте цифровизации социума и образования актуальным является дальнейшая системно-деятельностная разработка предметно-институционального взаимодействия фундаментального изучения закономерностей рефлексивной психологии и персонологии творчества с прикладной акмеологией и педагогикой формирования в непрерывном образовании человеческого капитала.

Литература

- Дюков В. М., Семёнов И. Н.* Адаптация и развитие методов игрорефлексии интенсивного обучения (для развития экономического и творческого мышления учащихся). Красноярск: КРЦРО, 1996.
- Кларин М. В., Семёнов И. Н., Ковалева Н. Б.* Гуманистические тенденции в развитии непрерывного образования взрослых в России и США. М.: РАО, 1994.
- Ковшуру О. Д., Семёнов И. Н.* Исследование рефлексивности самореализации личности в сфере государственной службы. Орел—Брянск: Брянский филиал ОрАГС, 2005.
- Козева А. С., Семёнов И. Н.* Экономико-философский контекст психолого-акмеологического исследования корпоративной культуры // Межд. журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2012. № 2. С. 49–51.
- Лаптева О. И., Семёнов И. Н., Куликова С. Г.* Рефлексивно-организационная психология. Учебно-методическое пособие. 2-е изд. Новосибирск: НГАА, 2011.
- Орлов С. С., Семёнов И. Н.* Оценка творческого потенциала научных коллективов (психологическая рефлексика) // Человек в мире интеллектуальных систем / Под ред. И. С. Ладенко. Новосибирск: НГУ, 1991. С. 184–194.
- Семёнов И. Н.* Опыт экспериментального моделирования интеллектуально-личностных аспектов творческой деятельности // Материалы IV всесоюзного съезда общества психологов. Тбилиси: Мецниереба, 1971. С. 483–484.
- Семёнов И. Н.* Проблемы рефлексивной психологии решения творческих задач. Монография. М.: НИИОПП АПН СССР, 1990.
- Семёнов И. Н.* Методологические основы Московской школы рефлексивно-гуманитарной психологии и педагогики творчества // Методологические концепции и научные школы в СССР (1951–1991): История, истоки и перспективы. Материалы межд. науковедческой конф., 22–24 сентября 1992 г. Ч. 1 / Отв. ред. И. С. Ладенко. Новосибирск: НГУ, 1992. С. 35–56.
- Семёнов И. Н.* Человеческий и социальный капитал: междисциплинарные и рефлексивно-психологические аспекты взаимодействия // Модернизация экономики и глобализация. М.: Всемирный банк–ИД «Высшая школа экономики». 2009. Т. 2. С. 434–441.
- Семёнов И. Н.* Развитие рефлексивно-исследовательской конкурентоспособности учащихся как компоненты их человеческого капитала // Исследовательская деятельность учащихся: от детского сада до вуза. М.: Исследователь, 2010. С. 51–61.
- Семёнов И. Н.* Системодетельностная методология и рефлексивная психология мышления. Ногинск: Аналитика «Родис», 2014.

- Семёнов И. Н.* Полифоническая персонология В. А. Лефевра и фундаментальное развитие рефлексивных наук о человеке и вселенной // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2017а. Т. 14. № 4. С. 607–625.
- Семёнов И. Н.* Проблемы рефлексивной психологии бизнеса быстроразвивающихся организаций // Бизнес-психология в международной перспективе: Межд. коллективная монография / Отв. ред. Н. Л. Иванова. М.: Университетская книга, 2017б. С. 252–279.
- Семёнов И. Н.* Теоретические основы изучения роли рефлексии в процессах самости в трансдисциплинарном контексте человекознания // Мир психологии. 2018. № 3. С. 7–24.
- Семёнов И. Н., Болдина Т. Г.* Проектно-исследовательский подход в рефлексивной психологии инновационного образования. Межд. монография. Ногинск: Аналитика «Родис», 2011.
- Семёнов И. Н., Гришин И. С.* Философско-психологические аспекты развития человеческого капитала в процессе информационной цифровизации образования // Мир психологии. 2021. № 1. С. 20–33.
- Юрьев А. И., Шевакова Л. П., Бурикова И. С.* Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала. СПб.: Logos, 2006.

History and theory of reflexive psychology of creativity and pedagogy of human capital development

I. N. Semenov

MGPU, Moscow, i_samenov@mail.ru

The article presents a little-studied genre of the history of science in the form of an analysis of the formation of such an intensively developing direction of modern interdisciplinary human studies as the reflexive psychology of creativity. The methodological problems of constructing its periodization are discussed and the main stages of the evolution of the scientific school of reflexive psychology of creativity and its transformation into the applied acmeological pedagogy of the formation of human capital are differentiated for the first time. The article briefly summarizes the psychological and pedagogical experience of applied study and development of human capital at the main stages of continuing professional education.

Keywords: history, methodology, psychology, pedagogy, science, personality, thinking, reflection, creativity, resources, human capital.

Вклад К. К. Платонова в разработку понятия «психологическая устойчивость личности»: теоретико-эмпирические аспекты

Т. А. Симакова

Академия ФСИИ России, г. Рязань, simakovatanea@yandex.ru

Рассматривается вклад выдающегося отечественного ученого Константина Константиновича Платонова в развитие отечественной психологии советского периода, при этом подчеркивается важность сохранения исторического наследия научной школы Платонова. Фокус внимания в работе направлен на теоретические и прикладные аспекты исследования понятия «психологическая устойчивость личности».

Ключевые слова: история психологии, психологическая устойчивость личности, эмоциональная устойчивость личности, экспериментальная методика «проба падения с колен».

В настоящее время нередко приходится наблюдать случаи забвения достижений отечественной науки советского периода. Идеологическая составляющая, бывшая обязательным кодом доступа к научному исследованию в тот период, является непреодолимым барьером восприятия у современной молодежи. Смещение «зерен и плевел» ведет к разрыву временной связанности в развитии отечественного научного знания, как уже случалось в истории нашей науки. Осознание важности сохранения преемственности существования научных основ психологического знания (см. также: Историческая преемственность..., 2019; и др.) послужило одним из аргументов выбора темы данной работы.

Константин Константинович Платонов (1906–1984) – выдающийся отечественный психолог, доктор психологических наук и медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, обладал удивительно широким научным кругозором (подробнее см.: Глоточкин и др., 2006; К. К. Платонов – выдающийся отечественный..., 2007; и др.). Сфера его научных интересов включала психологию личности, социальную психологию, медицинскую психологию, психологию профтехобразования, психотехнику, психологию труда, военную психологию, авиационную психологию, а также психологию религии. Научные изыскания отразились более чем в трехстах публикациях, которые были переведены на 21 иностранный язык. Золотой фонд отечественной психологии составили его работы «О системе психологии» (1972), «Краткий словарь системы психологических понятий» (1984), «Краткий психологический словарь-хрестоматия» (1974). Научная монография «Система психологии и теория отражения» (1982), ставшая одним из последних научных трудов и любимым детищем Платонова, по сути, представляет собою итог многолетней научно-исследовательской деятельности, в котором содержится обобщение авторских исследований по созданию целостной системы отечественной психологической науки. В своих научных поисках Платонов уделял особенное внимание анализу ключевых понятий психологии: вза-

имодействию и отражению, проблеме внешнего и внутреннего, системному строению и структуре психики, способностям, развитию форм отражения, группам и коллективам, что стало важной предпосылкой для теоретических построений целостного категориального строя психологической науки советского периода.

В числе его публикаций особое значение имеет широко известная «Занимательная психология», переведенная на 18 языков. Удивительная работа открывает ученого академического склада в качестве талантливого популяризатора психологической науки. Современники Платонова отмечают, что ученый не упускал возможностей выступить перед рабочими, воинами, космонавтами, учащимися, интеллигенцией повсюду, где бы ни протекала его деятельность.

Энтузиазм ученого позволил осуществить внедрение научных достижений психологии труда на Горьковском автомобильном и Челябинском тракторном заводах. Апробированные методы повышения производительности труда нашли обоснование в курсе «Психология труда», который был успешно прочитан в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова.

Талантливый исследователь разработал самолет-лабораторию для изучения летных навыков, что было описано в научно-прикладной работе «Психология летного труда» (Платонов, 1960).

Вызывает особенный интерес вклад Платонова в развитие понятия *психологической устойчивости* (Симакова, 2020, с. 933–938).

Понятие «психическая устойчивость» в отечественной психологии в советский период достаточно часто соотносилось с понятием эмоциональной устойчивости, в обосновании этого лежал динамический подход Платонова. В «Кратком словаре системы психологических понятий» им были даны определения *эмоционально-волевой устойчивости*, *эмоционально-моторной устойчивости* (и неустойчивости) и *эмоционально-сенсорной устойчивости* (и неустойчивости) (Платонов, 1984, с. 170–171). По мнению ученого, устойчивость личности детерминирована темпераментом, влияющим на протекание психических процессов, при этом проявление темперамента характеризуется независимостью от содержания выполняемой деятельности. Наряду с Платоновым исследования эмоциональной устойчивости летного состава проводились психологами и физиологами Е. И. Ивановым, Ф. П. Космолинским, А. Ф. Катаевым, В. Л. Марищуком, А. П. Поповым и др. Эти исследования легли в основу *концепции летной напряженности* как «особенности психомоторных реакций летчика (курсанта), которая проявляется в эмоционально насыщенной ситуации, затрудняя выработку необходимых навыков или дезорганизуя уже выработанные» (Космолинский, 1976, с. 53).

В понимании данного подхода *эмоциональная устойчивость* противостоит *напряженности*, которая понимается в качестве состояния, характеризующегося понижением устойчивости психомоторных и психических процессов, что выражается в потере профессиональной эффективности на фоне сильных эмоций. В ходе исследования были установлены маркеры летной напряженности: скованность позы, движений, мимической мускулатуры, кроме того движения становятся несоразмерными, некоординированными, резкими, нередко наблюдался нецелесообразный характер двигательной активности. Изучение особенностей летной деятельности и причин летных происшествий, психологических особенностей успеваемости в обучении курсантов и летчиков позволило выявить наи-

более существенные показатели летных способностей. В числе наиболее важных были определены: особенности темперамента, интерес к летной деятельности, смелость, решительность, настойчивость, инициативность, самокритичность, распределение внимания, возможность произвольно улучшать продуктивность деятельности, скорость и точность сложных видов двигательной активности (Платонов, 1960, с. 373).

Экспериментальные исследования показали, что летная напряженность обнаруживает себя в различных проявлениях психических нарушений: происходит уменьшение объема внимания, сужается его распределение, переключение внимания становится затрудненным (Новодворский и др., 1958). В функционировании памяти возникали забывания последовательности действий и очередности их выполнения. Мыслительная деятельность характеризовалась возникновением неадекватных оценок протекания полета, происходили замедления принятия необходимых решений и неисполнения уже принятых решений. На основе проведенных экспериментов была разработана система методов исследования читаемости приборов, сигнализаторов и приборных досок в лабораторных условиях и в условиях полета (Платонов, 1960, с. 381).

В качестве одного из наиболее применяемых и доступных лабораторных способов изучения эмоциональной устойчивости Платонов использовал методику «проба падения с колен». В работе Космолинского так описано содержание методики: обучающийся (курсант) стоял на коленях, его руки были скрещены за спиной (Космолинский, 1976). Перед испытуемым был расстелен мягкий матрац, на который он должен был упасть вперед головой в подушки. Участник эксперимента получал инструкцию, предписывавшую, что при падении вперед, необходимо стараться не сгибать в позвоночнике корпус, не производить никаких движений руками, носки ног от пола не отрывать. При этом разрешалось отклонять голову назад, с целью смягчения удара лицом о подушки. Перед началом эксперимента участники наблюдали экспериментальный показ падения с колен на матрац. Цель показа заключалась в демонстрации безопасного падения. Методика позволяла выявлять дифференцированные различия в поведении испытуемых под влиянием отрицательных эмоций, проявляющихся при пассивно-оборонительном рефлексе. Экспериментатор при проведении методики наблюдал за реагированием участников при подготовке к падению, за процессом падения и за отношением участника к проводимому эксперименту. В ходе эксперимента регистрировались вегетативные реакции (побледнение, частота пульса и др.) и поведенческие реакции (мимика и пантомимика). Авторская методика Платонова позволяла выявить лиц с функциональными расстройствами (наличие черепно-мозговых травм, склонность к потерям сознания и пр.). Все его исследования имели изначальную ориентацию на практику и характеризовались ярко выраженным междисциплинарным подходом на основе синтеза данных смежных научных отраслей, дисциплин.

В ходе экспериментальных исследований эмоциональной устойчивости серьезное внимание уделялось таким сторонам осуществления профессиональной деятельности, как утомляемость, работоспособность, травматизм, были описаны степени переутомления, характерные для разных видов труда. Под руководством Платонова выделены и описаны стадии динамики работоспособности, актуаль-

ные и не утратившие своего значения и в современной психологии (см. например: Артемьева и др., 2007; и др.).

В заключение важно отметить, что Платонов – участник Великой Отечественной войны, прошедший от Сталинграда до Берлина в составе 16-й воздушной армии, он был заместителем флагманского врача армии, организовывал и проводил медико-психологические экспертизы боеспособности летчиков, был награжден боевыми наградами Орденом Красной звезды, Красного знамени, Отечественной войны 1-й степени, медалями.

Платонова по праву считается методологом, занимавшимся систематизацией современной психологической науки, историком и теоретиком, выдающимся экспериментатором, психологом-практиком, его научно-прикладные изыскания нашли свое отражение в 40 монографических изданиях и 273 научных статьях. К. К. Платон внес выдающийся вклад в развитие отечественной психологии (подробнее см.: Артемьева и др., 2007; и др.). Удивительная личность, почти легенда, соратники называли его обладателем сердца истинного рыцаря психологической науки.

Литература

- Артемьева Т. И., Журавлев А. Л., Кольцова В. А.* Основные направления исследований К. К. Платонова и их развитие в современной психологии // К. К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века: Материалы юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Глоточкин А. Д., Журавлев А. Л., Кольцова В. А., Лоскутов В. Н.* Жизнь и научное творчество К. К. Платонова // К. К. Платонов. Мои личные встречи на великой дороге жизни (Воспоминания старого психолога). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 5–38.
- Историческая преемственность в отечественной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Харитонова, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- К. К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века: материалы юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения К. К. Платонова (22 июня 2006 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Т. И. Артемьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Космолинский Ф. П.* Эмоциональный стресс при работе в экстремальных условиях. М.: Медицина, 1976.
- Новодворский Е. П., Викентьева А. И., Платонов К. К., Петров Ю. А.* Исследование погрешностей отчета показаний по шкалам однострелочных приборов. М.: Оборонгиз, 1958.
- Платонов К. К.* Психология летного труда // Психологическая наука в СССР. В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1960. С. 362–387.
- Платонов К. К.* О системе психологии. М.: Мысль, 1972.
- Платонов К. К.* Краткий психологический словарь-хрестоматия. М.: Высшая школа, 1974.
- Платонов К. К.* Система психологии и теория отражения. М.: Наука, 1982.
- Платонов К. К.* Краткий словарь системы психологических понятий. Учебное пособие для учебных заведений профтехобразования. М.: Высшая школа, 1984.

Симакова Т. А. К вопросу о психологической устойчивости личности в условиях социальной нестабильности // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития. Материалы Всерос. симпозиума психологов (Рязань, 9–10 апр. 2020 г.). Рязань: Академия ФСИН России, 2020. С. 933–938.

Contribution of K. K. Platonov to the development of the concept “psychological stability of the individual”: theoretical and empirical aspects

T. A. Simakova

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan

The article examines the contribution of the outstanding Russian scientist Konstantin Konstantinovich Platonov to the development of Russian psychology of the Soviet period, while emphasizing the importance of preserving the historical heritage of the scientific school of K. K. Platonov. The focus of the article relates to the theoretical and applied aspects of the study of the concept of “psychological stability of the individual”.

Keywords: psychological stability of the individual, emotional stability of the individual, experimental technique “test of falling from the knees”.

Историко-психологический анализ развития представлений об учебной деятельности¹

Ю. Н. Сленко

ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия, slepko@inbox.ru

Обсуждается проблема изучения истории представлений об учебной деятельности в психологии. Констатируется современное состояние проблемы, утверждается необходимость прогнозирования развития теории учебной деятельности в контексте общего развития психологии и педагогической психологии в частности. Выделяются подходы к периодизации истории психологии учебной деятельности: анализ в рамках развития основных направлений психологии, в рамках развития психологического и педагогического знания, а также собственного развития учебной деятельности как психологического феномена. Обсуждается необходимость нового подхода к изучению истории психологии учебной деятельности, основанного на историко-психологической реконструкции психологического познания.

Ключевые слова: учебная деятельность, педагогическая психология, история, периодизация, единство логического и исторического.

---

1 Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 18-18-00157.

Обращаясь к проблеме современного состояния исследований учебной деятельности и необходимости ее историко-психологического анализа, необходимо задаться вопросом о ее актуальности как для психологической науки в целом, так и для педагогической психологии в частности. На первый взгляд, складывается впечатление, что данная проблема не стоит так остро для психологов, как другие. В настоящее время множество вопросов организации современного образования достаточно строго нормативно определено; «роли» участников образовательного процесса распределены на всех его уровнях; так же определены и его результаты, за счет чего в нем так или иначе реализована идея непрерывности.

В условиях нормативной заданности вопросов образования определены понятия, связанные с организацией образовательного процесса, — обучение, учение, научение и учебная деятельность. Различия между ними трактуются как разница в степени активности его участников, как разница в их результатах, а также характеризуются различия в рамках соотнесения их результатов и нормативных показателей на разных его уровнях. Указан ряд других моментов современной системы отечественного образования преимущественно в рамках трех основных психологических подходов к его пониманию, а также обучения, учебной деятельности — деятельностного, культурно-исторического, а также в рамках теории развивающего обучения. Не ставя задачей проведение критического обзора достоинств и недостатков применения данных подходов в решении современных проблем отечественного образования (подробнее см.: Поваренков, Слепко, 2017), отметим ряд важных моментов.

Несмотря на множество значимых результатов, полученных в рамках данных подходов, не осуществлена разработка единой теории учебной деятельности в отечественной педагогической психологии. Можно говорить о существующих теориях учебной деятельности разных уровней образования, что привело, в свою очередь, к обилию аналитических исследований самых разных его сторон. Отсутствие общей теории учебной деятельности приводит к тому, что современное образование не однозначно реагирует на актуальные вызовы, связанные, например, с масштабной цифровизацией, развитием информационного общества в целом. Нельзя не упомянуть и явные трудности системы в адаптации к новым условиям обучения, вызванным коронавирусной инфекцией и др.

Сказанное актуализирует вопрос о возможностях прогнозирования развития отечественного образования, развития теории учебной деятельности, педагогической психологии в целом как самостоятельной отрасли психологического знания. Последнее определяется необходимостью понимания путей развития психолого-педагогического знания и его места в развитии психологической науки (Журавлев и др., 2016); необходимостью определения в этом контексте предмета педагогической психологии и его соотношения с новыми данными о предмете психологии (Мазилов, 2020); необходимостью встраивания исследований в педагогической психологии в активно развивающиеся идеи комплексности, междисциплинарности и системности в науке (Фундаментальные..., 2017).

Продуктивность решения обозначенных и множества сопутствующих им задач связана, как представляется, не только с анализом перспектив развития психолого-педагогического знания об учебной деятельности, но и существующим в науке представлением об истории развития данного феномена. Обилие современных аналитических исследований проблемы, множество данных по учебной дея-

тельности и связанным с ней феноменам требуют систематизации и встраивания в общую картину развития психологического знания. Необходимость осуществления такой работы является значимой теоретической и методологической задачей: «В этой связи следует напомнить то, что для методологии и истории не только психологии, но и любой другой науки это проследивание определенной динамики понятий представляет одну из главных задач. По мере накопления эмпирических и экспериментальных данных и связанных с этим развитием и уточнением содержания конкретных понятий становится все более настоятельной необходимостью специального методологического анализа и более общих, абстрактных исходных объяснительных понятий. История свидетельствует, что к рассмотрению этих исходных понятий, особенно таких, которые считаются «сами собой разумеющимися», ученые приходят на сравнительно позднем этапе своих исследований: пользуясь какой-либо привычной схемой, обычно не думают о том, что когда-нибудь она сама должна стать объектом теоретического анализа» (Роговин, 1977, с. 5).

Из сказанного следует, что анализ истории развития представлений об учебной деятельности должен быть связан с решением ряда следующих задач.

Во-первых, должна быть охарактеризована динамика изменения представлений об учебной деятельности и связанных с ней понятий. В частности, речь может идти об изменении связи понятия учебной деятельности с понятиями «обучение», «учение», «научение».

Во-вторых, возможно выделение более общих по отношению к учебной деятельности понятий, в научное содержание которых она должна быть встроена. Так, речь может идти о понятиях «знание», «развитие», «деятельность» и др. Здесь важно показать, как развитие представлений о них повлияло на приобретение учебной деятельности самостоятельного понятийного статуса.

В-третьих, должна быть предложена объяснительная схема, в рамках которой возможен продуктивный исторический, сравнительно-психологический анализ феномена учебной деятельности. Здесь, по всей видимости, речь должна идти не только о существующих периодизациях развития педагогической психологии, психологии учебной деятельности, но и о более широких основаниях классификации исследований — исторических, логических, культурных и пр.

Ввиду вышесказанного целью настоящей работы является обсуждение существующих в современной педагогической психологии подходов к сравнительно-историческому анализу феномена учебной деятельности.

Анализ современных исследований по проблемам истории развития педагогической психологии позволяет говорить, как минимум, о трех подходах к изучению истории психологии учебной деятельности:

- 1) изучение истории психолого-педагогического знания, развития педагогической психологии в России и за рубежом (Зимняя, 2004);
- 2) анализ учебной деятельности в рамках развития отдельных психологических направлений (Талызина, 2003; Хегенхан, Олсон, 2004; Эльконин, 1989);
- 3) выделение собственной истории развития психологии учебной деятельности, т. е. такой ее анализ, при котором понятие «учебная деятельность» является непосредственным предметом изучения (Нижегородцева, 2009).

Рассмотрим кратко результаты реализации каждого подхода.

Учебная деятельность в истории педагогической психологии

В исследовании И. А. Зимней, посвященном развитию представлений о структуре и содержании педагогической психологии как самостоятельном разделе психологии, были выделены три этапа ее развития: общедидактический (середина XVII—конец XIX в.); этап приобретения педагогической психологией статуса самостоятельного раздела психологии (конец XIX—середина XX в.); этап создания психологических теорий обучения (с середины XX в.) (Зимняя, 2004).

Для первого этапа развития педагогической психологии характерно минимальное внимание к собственно психологическим аспектам образования, обучения, развития. Речь преимущественно идет об организационной стороне вопроса — поиске ответов на вопросы о структуре образования, развитии классно-урочной системы и пр. Лишь во второй половине XIX в. стали появляться исследования, в которых, помимо организационных, обсуждались и психологические вопросы образования (К. Д. Ушинский, П. Ф. Каптерев, С. Т. Шацкий).

Второй этап развития в предложенной периодизации совпадает с началом развития психологии как экспериментальной науки и развитием педологии, тестологии и дифференциальной психологии. Лишь на третьем этапе развития педагогической психологии (с середины XX в.) появляются теории, которые могут быть использованы для психологического объяснения и психологически обоснованной организации процесса обучения (теории программированного, проблемного обучения, теория формирования умственных действий, развивающего обучения и пр.).

Как мы видим, подход, в котором решается задача общего описания истории развития педагогической психологии, не решает задачи изучения конкретных понятий, входящих в ее тезаурус. Здесь хронологически описываются пути развития одного из разделов психологии в контексте краткой предыстории и истории развития психологической науки.

Учебная деятельность в истории основных направлений психологии

В исследовании Н. Ф. Талызиной состояние педагогической психологии со второй половины XX в. вообще и теории учебной деятельности в частности определяется уровнем развития методологии общей психологии (Талызина, 2003). Различия между психологическими направлениями и теориями учебной деятельности определяются не частными основаниями методик обучения, а методологическими различиями в понимании предмета изучения, природы обучения, а также выделением разных единиц анализа учебной деятельности (там же, с. 4). В соответствии с этим автором были определены три направления, в которых учебной деятельности уделяется наиболее пристальное внимание — бихевиоризм, когнитивизм и деятельностный подход.

Талызина разделяет понятия учебная деятельность и учение. В первом случае речь идет о совместной деятельности учителя и ученика, во втором — о деятельности ученика, включенного в учебный процесс. Ввиду этого выделенные три направления по-разному объясняют механизмы и закономерности организации деятельности именно обучающегося.

Если в исследовании Талызиной на первый план выступил анализ направлений, связанных с пониманием механизмов усвоения знаний, то в работе Д. Б. Эльконина был реализован анализ проблемы соотношения психического развития и обучения (Эльконин, 1989). Рассматривая обучение как целенаправленное специально организованное воздействие взрослых на ребенка, Эльконин объясняет необходимость анализа двух его сторон: в ходе анализа требуется определить влияние процесса обучения на психическое развитие ребенка, а также понять, как можно достигнуть определенного уровня развития ребенка при организации образовательного воздействия на него. Поставив вопросы таким образом, он определил, что среди большого числа теорий и концепций, объясняющих процесс обучения, наиболее развитыми являются бихевиоризм Э. Торндайка, когнитивный подход Ж. Пиаже и концепция обучения и развития Л. С. Выготского.

В качестве еще одного примера анализа истории изучения учебной деятельности в рамках истории психологических направлений следует привести исследование Б. Хегенхана и М. Олсона (Хегенхан, Олсон, 2004). В нем акцент сделан на изучении истории развития бихевиоризма и изменении представлений о научении как его центральном понятии. Подход к проблематике научения Хегенхана и Олсона требует особого внимания по ряду причин.

Во-первых, в терминологическом корпусе проблем, связанных с учебной деятельностью, таким понятиям, как «учение», «обучение» и «учебная деятельность» отводится второстепенная роль. В глоссарии, предложенном авторами, нет этих понятий; зато научению как центральному понятию всего исследования уделяется большое внимание. Здесь традиционные для российской психолого-педагогической науки понятия заменяются термином «научение», который понимается достаточно широко (там же, с. 458).

Во-вторых, авторы исследования рассматривают научение как «одну из наиболее глобальных тем современной психологии», что сочетается, по их мнению, с отсутствием его четкого определения. Тем не менее, в качестве рабочего они предлагают использовать определение научения, данное Г. Кимблом. Отмечается возможность постоянного изменения в ходе научения поведения человека, что обеспечивается подкреплением этого изменения практическими действиями (там же, с. 12). Подобное понимание научения позволяет, по мнению авторов, поставить ряд важнейших вопросов, к которым они относят следующие: как происходит изменение поведения под воздействием научения, как происходит формирование поведения в процессе научения, какие виды научения влияют на изменение и формирование поведения, какие виды управления научением (обусловливания) существуют и др. В контексте решения поставленных вопросов и происходит анализ истории изменения представлений о научении в психологии.

Рассмотренными примерами обсуждаемый подход к изучению истории психологии учебной деятельности не ограничивается. Однако и они дают возможность оценить его основное отличие от первого. Сохраняемый здесь хронологический принцип дополняется содержательным сравнительно-историческим анализом представлений о предмете в рамках того или иного направления психологии. Такой подход, несомненно, позволяет более глубоко проникнуть в сущность изучаемого понятия, соотнести его с другими понятиями, включить историю его изучения в более широкий контекст истории развития психологии. Однако и он

не лишен недостатков, связанных, прежде всего, с возможностью равноценного соотнесения какого-либо понятия в методологически различающихся психологических направлениях. Это относится и к его рассмотрению в рамках истории развития одного направления, например, в работе Хегенхана и Олсона. Поставив целью анализ истории изменения представлений о научении, они явно искусственно сравнивают научение в бихевиоризме с научением в гештальт-психологии и генетической психологии Ж. Пиаже.

Самостоятельная история психологии учебной деятельности

Специфика третьего подхода определяется тем, что история психологии учебной деятельности в нем хоть и рассматривается вместе с историей педагогической психологии, но все же прослеживается именно развитие теории учебной деятельности, которая является предметом историко-психологического анализа в том смысле, что в фактах и явлениях истории педагогической психологии устанавливаются источники формирования современных представлений о теории учебной деятельности (Нижегородцева, 2009). Несмотря на то, что появление первых целостных психологических теорий обучения связано с 1960-ми годами (т. е. теория учебной деятельности достаточно молодой раздел педагогической психологии), автор обосновывает необходимость проведения анализа двумя моментами.

Во-первых, учебная деятельность определяется в качестве самостоятельного феномена научного знания. Ввиду этого к ней применима логика научного исследования, предполагающая изучение предьстории и истории формирования представлений о ней. Отмечается, что проблема учебной деятельности характеризуется значительной предьсторией, в которой могут быть выделены этапы описательного изучения учебной деятельности, аналитического и системного ее исследования.

Во-вторых, изучение истории развития представлений об учебной деятельности в психологии невозможно в отрыве от развития последней как самостоятельной научной дисциплины, а также других гуманитарных дисциплин. Поэтому естественно, что развитие методологии, теории и практики педагогической психологии, отдельных ее направлений и разделов происходило под влиянием развития общепсихологической методологии, теории и практики. Формирование в психологии представлений об учебной деятельности, с точки зрения Н. В. Нижегородцевой, представляет собой последовательную смену трех этапов – описательного, аналитического и системного исследования.

Выделение учебной деятельности как самостоятельного психологического понятия имеет конкретные хронологические рамки, связанные с развитием деятельностного подхода (С. Л. Рубинштейн), теории развивающего обучения (Д. Б. Эльконин и В. В. Давыдов) и применением системного подхода к анализу процессов обучения (В. Д. Шадриков). Именно поэтому в анализе истории психологии учебной деятельности и становятся актуальными задачи прослеживания определенной динамики понятия, анализа их более общих, абстрактных исходных объяснительных форм (Роговин, 1977). Последнее позволяет выдвинуть предположение, что с целью решения задачи конструирования истории психологии учебной деятельности, центральным должно стать не понятие «учебная деятельность», а бо-

лее широкая категория, включающая в себя множество сопутствующих ей аспектов — развития, воспитания, знания, научения и др.

Заключение

Вряд ли продуктивным будет выбор какого-то одного из подходов к изучению истории психологии, так как все три варианта анализа раскрывают разные стороны изучаемой проблемы — историю изучения учебной деятельности в контексте развития педагогической психологии (встроенность в развитие отдельного раздела психологии), развития психологических направлений (встроенность в развитие психологии вообще), оформления как самостоятельного психологического понятия. Такой подход позволяет подойти к реализации идеи комплексного анализа проблемы истории, современного состояния и прогнозирования развития теории учебной деятельности.

Ставя задачей включение истории психологии учебной деятельности в контекст истории развития психологического знания, необходима оценка адекватности хронологических рамок XVII в. (Зимняя, 2004). Реализация задачи прослеживания динамики понятия и анализа его более общих, абстрактных исходных объяснительных форм требует значительного расширения хронологических рамок исследования и включения в его предмет периодов Древнего мира, Средневековья, Нового и Новейшего времени. Это позволит, например, систематически представить изменение представлений о таком едином для разных периодов истории понятии, как «результат учения» и его влияние на изменение представлений о методах обучения и т. п. Такой подход к расширению хронологических рамок позволяет реализовать идеи междисциплинарности не только к прогнозированию развития психологии учебной деятельности в будущем, но и к истории развития психолого-педагогического знания.

Комплексный подход к изучению истории психологии учебной деятельности, расширение ее хронологических рамок ставит вопрос об использовании для решения обозначенных выше задач совокупности организационно-стратегических методов истории психологии — системного, комплексного, сравнительно-исторического анализа, единства логического и исторического (Кольцова, 2008). Последние позволяют не только обеспечить расширение хронологических рамок предмета исследования, но и включить в совокупность определяющих его развитие факторы источники культурного, социального, идеологического, научного и другого характера. Заметим, что данная идея частично уже была реализована в исследовании истории развития возрастной и педагогической психологии (Никольская, 1995).

Литература

- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В.* Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 году // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 45–64.
- Зимняя И. А.* Педагогическая психология. М.: Логос, 2004.
- Кольцова В. А.* История психологии: Проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

- Мазилев В. А. Предмет психологии. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020.
- Нижегородцева Н. В. История и основные этапы развития психологической теории учебной деятельности // Проблемы системогенеза учебной деятельности. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2009. С. 13–61.
- Никольская А. А. Возрастная и педагогическая психология в дореволюционной России. Дубна: Феникс, 1995.
- Поваренков Ю. П., Слепко Ю. Н. Психология учебной деятельности: современное состояние и перспективы развития // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5. С. 212–217.
- Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии (методологические основы). Ярославль: ЯрГУ, 1977.
- Талызина Н. Ф. Педагогическая психология. М.: Академия, 2003.
- Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии. Результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Хегенхан Б., Олсон М. Теории научения. СПб.: Питер, 2004.
- Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989.

Historical and psychological analysis of the development of concepts of educational activity

Yu. N. Slepko

YSPU named after K. D. Ushinsky

The article discusses the problem of studying the history of the development of ideas about educational activity in psychology. The current state of the problem is stated, the need to predict the development of the theory of educational activity in the context of the general development of psychology and educational psychology in particular is affirmed. The author highlights the approaches to the periodization of the history of the psychology of educational activity: analysis within the framework of the development of the main directions of psychology, within the framework of the development of psychological and pedagogical knowledge, within the framework of the development of educational activity as a psychological phenomenon. The necessity of a new approach to the study of the history of the psychology of educational activity based on the use of psychological and historical reconstruction of psychological cognition is discussed.

Keywords: educational activities, educational psychology, history, methods, the unity of the logical and the historical.

Обсуждение и критика решения А. Н. Леонтьевым проблемы соотношения значений и смыслов в дискуссии 1948 г.¹

Е. Е. Соколова

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, ees-msu@mail.ru

На основе изучения архивных стенограмм дискуссии 1948 г. по книге А. Н. Леонтьева «Очерк развития психики» (1947) реконструируются главные линии критики оппонентами Леонтьева его учения о соотношении значений и смыслов в структуре сознания. Представлены и проанализированы ответы Леонтьева на данную критику в его заключительном выступлении. Выделены противоречия в концепции структуры сознания и ее спорные моменты. В частности, ставится под сомнение разведение значений и смыслов по критерию надындивидуальности—индивидуальности, проводимое Леонтьевым в ряде работ.

Ключевые слова: А. Н. Леонтьев, дискуссия 1948 г., деятельность, сознание, мотив, операция, значение, смысл.

В результате изучения неопубликованных архивных материалов иногда удается восстановить неповторимый колорит высказываний ученых, особенно если речь идет о стенограммах дискуссий, зафиксировавших реальные выступления участников. В подобных материалах часто присутствуют высказывания, которые не всегда могли быть изложены в официальной печати, отражаются особенности устной речи выступавших, иногда их эмоциональное отношение к происходящему. Поэтому изучение таких документов может внести существенный вклад в реконструкцию и анализ не только собственно предметно-логического, но и личностно-психологического и социокультурного аспектов истории развития научной мысли.

В опубликованной ранее работе (Соколова, 2020) были представлены первые результаты проведенного анализа хранящихся в архиве РАО стенограмм обсуждения книги А. Н. Леонтьева «Очерк развития психики» (1947), которое состоялось в 1948 г. Были рассмотрены особенности социокультурного контекста и некоторые значимые для развития психологии деятельности моменты дискуссий Леонтьева и его соратников и оппонентов. В настоящем исследовании представлены результаты более подробного историко-психологического анализа обсуждения противниками и сторонниками Леонтьева эксплицированной в его трудах 1940-х годов концепции структуры сознания, а точнее, решения им проблемы соотношения таких составляющих сознания, как значение и смысл. Из выделенных нами шести линий дискуссий по данной проблематике в ходе обсуждения «Очерка развития психики» в 1948 г. были последовательно рассмотрены пять—соответствующие фрагменты текста обозначены цифрами для удобства ориен-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 20-18-00028.

тации в нем. Шестая линия дискуссий, связанная с проблематикой структуры сознания, а именно обсуждение соотношения обучения и воспитания, требует отдельного исследования и не рассмотрена в настоящей работе.

1. Некоторые выступавшие в дискуссии по «Очерку развития психики» (Н. И. Жинкин, В. М. Коган) отметили нечеткость, с их точки зрения, используемых Леонтьевым определений терминов «значение» и «смысл». Так, Жинкин считал семь различных определений первого термина и четыре последнего (Научный архив РАО, 1948б, л. 109–111). Тем самым, говорил он, соответствующие понятия становятся «неопределенными», «ватными, туманными» (там же, с. 111). Отсюда, по мнению выступавшего, и следует «та неясность, которая была замечена здесь у А. Н., когда он разбирает отношение между воспитанием и обучением, приравнивая последнее к значению, а первое к смыслу» (там же); правда, более подробного рассмотрения данного отношения в докладе Жинкина не было.

На это Леонтьев заметил, что «разные определения — это еще не противоположные определения» (Научный архив РАО, 1948б, с. 216), приведя в пример различные определения капитала в известном труде К. Маркса, однако подчеркнул, что главным для него было «понимание того, как связано значение с объективной действительностью» (там же).

2. В дискуссии подверглось критике важное для Леонтьева положение о том, что значение и смысл как составляющие сознания (или, как он подчеркивал позднее, его «моменты» — Леонтьев, 2000, с. 100) имеют разные источники возникновения. Так, А. Н. Соколов утверждал, что он не выступает против понимания значений как общественного сознания, а личностного смысла — как индивидуального сознания человека (Научный архив РАО, 1948а, л. 95), он только против высказанного Леонтьевым в «Очерке развития психики» тезиса о том, что «хотя смысл и значение кажутся по самонаблюдению слитыми в сознании, они все же имеют разную основу, разное происхождение и изменяются по разным законам» (Леонтьев, 1947, с. 82).

Но для Леонтьева этой основой были *разные* подструктуры человеческой деятельности, которые и определяют особенности различных моментов в сознании: «Думаю, что анализ строения деятельности является ключом, не для раскрытия сознания, а для раскрытия его строения» (Научный архив РАО, 1948б, л. 195). Сопоставление «строения сознания» со структурой человеческой деятельности, как теперь известно, было представлено еще в рукописи Леонтьева «Материалы о сознании», относящейся к рубежу 1930–1940-х годов (Леонтьев, 1994а, с. 48), и схема этого сопоставления затем нашла свое отражение в обсуждаемой книге. Если значение как момент индивидуального сознания является, согласно Леонтьеву, результатом вычерпывания из общественного сознания «элементов» общенного отражения действительности и «кристаллизацией» соответствующих операций, то за личностными смыслами стоят мотивы деятельности субъекта. Именно последние и обуславливают «известную избирательность по отношению к значениям», когда человек может усвоить понятия и идеи настолько глубоко, что «они становятся для него действенными, глубоко своими личными... По отношению же к другим понятиям, идеям, знаниям у него может оказаться „глухое ухо“, или они могут даже приобрести для него совершенно посторонний, а иногда и противоположный их содержанию смысл» (Научный архив РАО, 1948, л. 224).

Отметим важный для историков психологии момент относительно возможного начала интенсивных размышлений Леонтьева над понятием «смысл», приобретшим затем в его трудах такую же значимость, как у понятия «деятельность» и «психика». В своем заключительном выступлении в дискуссии он отметил, что необходимость введения наряду со значением понятия «смысл» была осознана им «лет 20 назад» (там же, л. 218), т. е. еще в период разработки в школе Л. С. Выготского идей культурно-исторической психологии и до появления деятельностного подхода, созданного Леонтьевым и его школой. Тогда со всей остротой перед ним, говорил Леонтьев, встала проблема разрешения следующего противоречия: нельзя отрицать роль значений как единиц общественного сознания в формировании сознания индивидуального человека, но нельзя защищать и ту точку зрения, что «значения *сами по себе* определяют то, как сознает человек мир» (там же; разрядка в стенограмме заменена *на курсив*. — Е. С.). Разрешением этого противоречия и стало введение Леонтьевым понятия (личностного) смысла. Смысл вовсе не существует отдельно от значения, утверждал автор «Очерка развития психики», он конкретизируется в сознании в системе значений, однако несводим к ним.

В своем выступлении Леонтьев приводит запоминающиеся примеры, которые иллюстрируют как изменения соотношения значений и смыслов, так и различия в личностных смыслах в разные исторические эпохи и в различных системах общественных отношений. Это, в частности, пример (взятый им из докторской диссертации, защищенной в 1941 г.) с восприятием каучука в сознании рабовладельца и раба. Для первого «в понятии каучука как бы кристаллизуются все блага мира, а в сознании раба каучук выступает как облепляющий и удушающий страшный сок» (Научный архив РАО, 1948б, л. 220), ибо плантатор-рабовладелец добывает его для себя, чужими руками, а раб работает не на себя, а на рабовладельца; различия в личностных смыслах данного предмета обусловлены, по Леонтьеву, не знаниями о каучуке (т. е. значениями), а реальными жизненными отношениями людей к нему. Другие примеры, приводимые А. Н. Леонтьевым для иллюстрации исторических различий смыслов, обусловлены определенным социокультурным контекстом и тем особенно интересны. Так, рассматривая возможные смыслы трудовой деятельности в системе современных ему общественных отношений, он утверждает, что «для психики социалистического человека типично, когда, например, для ученого наука, помогающая строить коммунистическое общество, имеет и личностный смысл служения идеям коммунизма, а не способа, приобрести, скажем, дачу» (там же, л. 227).

3. Некоторые критики Леонтьева увидели в его книге противопоставление объективности значения субъективности личностного смысла. Так, например, С. Л. Рубинштейн, признав целесообразность разведения смысла и значения и справедливо указав на то, что «бытие является общей основой для всего сознания во всех его компонентах» (Научный архив РАО, 1948б, л. 149), тем не менее, он выступил против обнаруженного им в книге Леонтьева «разрыва смысла и значения» (там же, л. 151). Поскольку, говорил Рубинштейн, смысл, по Леонтьеву, конкретизируется в значениях, выступающем как «производное техническое средство, служащее для оформления и осознания личностного смысла», то тем самым утверждается «примат личного над общественным, субъективного над объектив-

ным. Знание и идеология ставятся в подчиненное служебное положение к личностному смыслу» (там же).

Отвечая на это, Леонтьев подчеркнул, что нельзя считать смысл субъективным образованием, а значение — объективным, как это утверждали его критики, хотя бы потому, что оба эти составляющие сознания — деятельностной природы, а деятельность — это субъект-объектная реальность. «Теперь я ставлю вопрос ребром, — говорил Леонтьев, — что же отражает смысл? В чем его основа? Где лежит его источник? В субъекте, как об этом умозаключают критики „Очерка“? Нет, это нигде не утверждается. А в чем? В общественном сознании? Нет, в жизни субъекта» (Научный архив РАО, 1948б, л. 220). Впрочем, о том, что смысл есть субъективно-объективная категория, он писал еще в своей докторской диссертации: смысл «не есть для нас нечто взятое абстрактно от реального субъекта, но это не есть для нас и категория чисто субъективная, то есть категория, относящаяся к субъекту, рассматриваемому в абстракции, в его замкнутости и отдаленности от окружающего мира» (Леонтьев, 1994б, с. 97). Иначе говоря, смысл «всегда есть смысл *чего-то* и *для кого-то*, смысл определенных воздействий, фактов, явлений объективной действительности для конкретного, живущего в этой действительности субъекта» (там же).

Конечно, в рассматриваемой дискуссии не могла быть представлена в полной мере скрывающаяся за обсуждением сути понятия «смысл» более общая проблема: какая именно категория должна выступать исходной при построении системы психологических понятий. Впрочем, в выступлении Рубинштейна его позиция по отношению к решению этой проблемы довольно четко изложена. Если для Леонтьева исходной философской категорией является «взаимодействие», одной из форм которого является деятельность, то для Рубинштейна это не так: «Принципиально нельзя сказать, что взаимодействие является ведущим, а нужно сказать, что является ведущим в этом взаимодействии, что является его основой. Поскольку деятельность выступает в качестве взаимодействия, взаимосвязи, взаимоотношения между субъектом этой деятельности и окружающим миром, то именно поэтому нельзя объявлять самое деятельность ведущим и определяющим» (Научный архив РАО, 1948б, л. 154). Затем в своем выступлении С.Л. Рубинштейн сказал, что у А. Н. Леонтьева основой взаимодействия является субъект (там же, л. 155), тогда как, по его мнению, при таком выделении субъекта как фактической основы, «на которой осуществляется взаимодействие субъекта и объективного мира в концепции проф. А. Н. Леонтьева... снимается определяющая роль условий жизни, в которые своей жизнью и деятельностью включается человек. Это опять уступка идеализму» (Рубинштейн, 1948, л. 1).

Между тем А. Н. Леонтьев, рассматривая деятельность как форму всеобщего взаимодействия, считал ее субстанцией, порождающей субъекта и объекта как два своих полюса (субъект выступает как «активный полюс» данной субстанции), причем субъект и объект не связываются как некие «предзаданные», готовые сущности деятельностью («третьим звеном»), а конституируются ею (подробнее см.: Соколова, 2019).

4. Оппонентами Леонтьева подчеркивалось также, что смыслу он придает большую значимость, чем значению, и это тоже «методологически порочно», так как ведет к субъективизму. Действительно, проблеме смыслов и стоящих за ними

мотивов Леонтьев уделял всегда особое внимание. Так, еще в написанных ранее «Методологических тетрадах» он утверждал: «Говоря о деятельности, рассматривая ее развитие и отдельные ее формы, но не вводя понятие смысла, мы поступили бы так же, как экономист, рассматривающий процесс обмена, его развитие и его формы, но ничего не желающий слышать о стоимости» (Леонтьев, 2004, с. 235). А. В. Запорожец в своем выступлении в дискуссии весьма позитивно оценил введение Леонтьевым в психологию «категории смысла и смыслового анализа психических процессов» (Научный архив РАО, 1948б, л. 6) и исследование в школе Леонтьева мотивационной подоплеку смыслов, прежде всего на онтогенетическом материале (обобщение результатов этих исследований было дано в статье: Леонтьев, 1948). «Едва ли роль мотивов можно переоценить, — горячо поддержал своих соратников и Д. Б. Эльконин. — Мне кажется, что по вопросу о мотивах и их роли в человеческой деятельности сейчас будет разыгрываться основной бой между нашей советской и буржуазной психологией» (Научный архив РАО, 1948б, л. 46).

Однако Рубинштейн, позитивно оценив «концентрированную работу» большого коллектива сотрудников Леонтьева, работающих над проблемой мотивации, заметил тем не менее, что «все же мы никак не можем признать характерным и показательным для советской психологии сам по себе тот факт, что выдвигается проблема мотива. В современной американской психологии именно эта проблема мотива выпирает до такой степени, что дальше в этом отношении идти некуда» (там же, л. 157). На это Леонтьев возразил, что «главное зло американской психологии» — в «ложной интерпретации мотивов, в том, как понимает [она] их источник. Вот на это я бы и повернул огонь критики. <...> Какую позицию я защищаю? То, что побуждает деятельность, что направляет к достижению определенного результата — это не сами по себе, абстрактно взятые вещи и не абстрактно взятые биологические потребности субъекта. Мотивы — это продукт развития самой деятельности человека, в ней они формируются» (там же, л. 230). И это соответствует марксистскому положению о производстве человеческих потребностей, указывает Леонтьев далее. Однако Запорожец в ходе дискуссии самокритично заметил: «Мы показали, как развиваются те или другие психические процессы под влиянием мотивов, но, как развиваются эти новые мотивы, как они становятся движущей причиной в деятельности ребенка, все это остается пока в значительной мере неясным» (там же, л. 10).

5. Критики Леонтьева увидели в тексте «Очерка развития психики» еще и противопоставление индивидуализма смысла и «надындивидуальности» значений. На это обстоятельство, в частности, обратил внимание В. М. Коган (Научный архив РАО, 1948б, л. 125), подчеркнув, что тем самым происходит смешение логического и психологического подходов к изучению значения.

Надо сказать, что эти моменты системы идей Леонтьева действительно уязвимы для критики и противоречат некоторым иным его высказываниям и определениям. Так, например, в своих устных лекциях первой половины 1970-х годов, говоря о структуре сознания, Леонтьев воспроизводит, казалось бы, именно эти определения значений и смыслов, которые вызвали возражение Когана и других участников дискуссии 1948 г. Обращаясь к студентам в конце одной из лекций, Леонтьев так кратко резюмировал суть изложенного в ней: «Сознание выступи-

ло перед вами как движение, связывающее сложнейшие моменты: реальность мира, представленную в чувственности, опыт человечества, отраженный в значении, и пристрастность моего существования как живого существа, заключающуюся в обретении „значения-для-меня“, значения для моей жизни» (Леонтьев, 2000, с. 104). Однако чуть раньше в этой лекции Леонтьев утверждал, что, хотя значения как таковые (прежде всего языковые значения) не создаются отдельными индивидами, а усваиваются ими в онтогенезе (и в этом смысле значения объективны), это не отменяет того факта, что «язык производится отдельными людьми, и, следовательно, каждый индивид может внести свой небольшой вклад в развитие значений» (там же, с. 101). Далее Леонтьев рассуждал в своей лекции о том, что этот вклад, например, в форме изобретенного писателем, решающим свои индивидуальные задачи, неологизма, подобен песчинке, брошенной в пустыню. Если язык, который развивается по своим законам, не приемлет этого неологизма, он исчезнет вместе с тем, кто его создал. Если же он будет принят, то соответствующее индивидуальное значение теперь встраивается в систему языка, развивающуюся по совершенно иным законам.

Из этого следует, что значения могут носить как индивидуальный, так и надиндивидуальный характер, аккумулирующий в себе «опыт человечества», разве что, будучи включенными в деятельность индивида, они могут приобрести для него личностный смысл, или, как говорил Леонтьев в той же лекции, стать «значением-для-меня» (там же, с. 103). Последний термин, однако, кажется нам чрезвычайно неудачным, поскольку в нем теряется идея школы Леонтьева о действительно *различных* деятельностных «основаниях» собственно значений и смыслов (см. выше). Строго говоря, термин «значение-для-меня» может означать индивидуальную спецификацию общественного значения (например, того же каучука для плантатора и раба), а вовсе не отношение субъекта к какой-либо реальности, т. е. ее смысл для этого субъекта.

Кроме того, говоря о том, что, в отличие от значений, «личностные смыслы не имеют своего надиндивидуального... существования» (Леонтьев, 2000, с. 103), Леонтьев, как представляется, противоречит сам себе, а точнее, принципиальным положениям той неклассической психологии, которые он разрабатывал вместе с Выготским и своими соратниками. Так, к примеру, Эльконин, подчеркивая специфику этой психологии, утверждал, что «первичные формы аффективно-смысловых образований человеческого сознания существуют объективно вне каждого отдельного человека, существуют в человеческом обществе в виде произведений искусств или в других каких-либо материальных творениях людей, т. е. эти формы существуют раньше, чем индивидуальные или субъективные аффективно-смысловые образования» (Эльконин, 1989, с. 477). Впрочем, и сам Леонтьев в ряде своих работ утверждал, что существуют и надиндивидуальные «смысловые общения» и, соответственно, общие задачи на смысл, «характерные для определенной социальной группы, социального слоя, класса, может быть, всех людей» (Леонтьев, 1991, с. 185); одним из средств трансляции подобных «общих» смыслов является искусство. Отсюда следует, что значения и смыслы никак не могут быть противопоставлены по основанию «надиндивидуальное—индивидуальное».

Впрочем, и в 1940-е годы Леонтьев был далек от такого довольного примитивного противопоставления значений и смыслов. Возражая своим оппонентам,

которые говорили, что «признание роли смысла противоречит учению об общественной сущности сознания человека» (Научный архив РАО, 1948б, л. 221), он утверждал: «Разве моя личная жизнь не есть жизнь общественная по своей природе? Что ее определяет? — Те общественные отношения, в которые вступает человек, *его* общественные отношения» (там же; разрядка в тексте стенограммы заменена на курсив. — *Е. С.*) Много раньше это подчеркивал и Выготский: «Индивидуальное личностное — не *contra*, а высшая форма социальности» (Выготский, 1986, с. 54).

Однако в процессе дискуссии Леонтьев согласился с критикой его позиции в том отношении, что «формулировать тезис о разной основе значения и личностного смысла нужно было иначе. Нужно было подчеркнуть, что основой того и другого является общественное бытие, но значение — объективно-исторический продукт, идеологическое, надстроечное явление, которым овладевает человек, а смысл возникает как продукт общественного бытия именно данного человека, как продукт собственной жизни в обществе» (Научный архив РАО, 1948б, л. 221). Тут следует опять-таки уточнить, что и индивидуальное значение тоже является продуктом собственной жизни человека, только на структурном уровне операций, которые тоже индивидуально-специфичны и отличаются от «образцов» операционально-технического типа, заданных в общественном сознании в форме надындивидуальных значений.

В самом конце своего заключительного выступления Леонтьев признался, что во многом сам дал основания для критики своих идей, и сделал вывод, что нужно дальше работать над оттачиванием категориального и терминологического аппарата теории деятельности и развитием ее положений.

Представляется, что в контексте возникшей в постсоветское время идеологически-окрашенной критики этой теории, а затем и определенного «невнимания» к ней в нашей стране в последние десятилетия следует продолжить работу над реконструкцией и анализом истории возникновения и развития системы идей Леонтьева и его школы, вновь отразировать принципы и основные понятия общепсихологической теории деятельности, способы решения фундаментальных проблем с позиций этой теории, определенные противоречия в ней и пр.

Это особенно необходимо потому, что, как показывает анализ современной западной литературы, некоторые зарубежные психологи стали разрабатывать кажущиеся им новыми идеи, которые возникли в рамках школы Леонтьева много десятилетий тому назад (см., например: Федорович, Соколова, 2018). И поэтому, как писал по аналогичному поводу В. Б. Хозиев, нам «предстоит избавиться от комплекса неполноценности, связанного с тем, что у нас все сравнивается с какими-то „лучшими мировыми образцами“» (Хозиев, 2007, с. 194).

Литература

- Выготский Л. С. Конкретная психология человека // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 1986. № 1. С. 52–65.
- Леонтьев А. Н. Очерк развития психики [на правах рукописи]. М.: Военный педагогический институт Советской армии, 1947.

- Леонтьев А. Н.* Психическое развитие ребенка в дошкольном возрасте // Вопросы психологии ребенка дошкольного возраста. М.—Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1948. С. 4—15.
- Леонтьев А. Н.* О психологической функции искусства (гипотеза) // Художественное творчество и психология. М.: Наука, 1991. С. 184—187.
- Леонтьев А. Н.* Материалы о сознании // А. Н. Леонтьев. Философия психологии: Из научного наследия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994а. С. 26—48.
- Леонтьев А. Н.* Развитие психики (фрагменты докторской диссертации) // А. Н. Леонтьев. Философия психологии: Из научного наследия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994б. С. 67—162.
- Леонтьев А. Н.* Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000.
- Леонтьев А. Н.* Методологические тетради // А. Н. Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл—Академия, 2004. С. 178—253.
- Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 102 [Протоколы №№ 1—2 совместных заседаний Ученого совета Института психологии и кафедры психологии МГУ им. М. В. Ломоносова по обсуждению книги А. Н. Леонтьева «Очерк развития психики»]. 1948а.
- Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 103 [Протоколы №№ 3—5 совместных заседаний Ученого совета Института психологии и кафедры психологии МГУ им. М. В. Ломоносова по обсуждению книги А. Н. Леонтьева «Очерк развития психики»]. 1948б.
- Рубинштейн С. Л.* Мои основные возражения против концепции «Очерка развития психики» проф. А. Н. Леонтьева — тезисы и текст выступления на обсуждении книги [1947]. Рукопись (машинопись с авторской правкой и автограф). 1948. Отдел рукописей РГБ. Ф. 642, С. Л. Рубинштейн. К. 3. Ед. хр. 3.
- Соколова Е. Е.* Как А. Н. Леонтьев оживил спинозизм в марксистской психологии, или О неявном философском основании теории деятельности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16. № 4. С. 654—673.
- Соколова Е. Е.* Некоторые моменты дискуссии 1948 г. по книге А. Н. Леонтьева «Очерк развития психики» // Вопросы психологии. 2020. Т. 66. № 5. С. 109—118.
- Федорович Е. Ю., Соколова Е. Е.* Майкл Томаселло versus Алексей Николаевич Леонтьев: диалог во времени // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 1. С. 41—51.
- Хозиев В. Б.* К вопросу о месте консультативного метода исследования в грядущей парадигме психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 190—206.
- Эльконин Д. Б.* Об источниках неклассической психологии // Д. Б. Эльконин. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. С. 475—478.

Discussion and critique of A. N. Leontiev's solution of the problem of correlation of meanings and senses in the 1948 debate

E. E. Sokolova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, ees-msu@mail.ru

The main lines of critique of A. N. Leontiev's theory of correlation of meanings and senses by his opponents are reconstructed based on a study of the archived transcripts of the 1948 debate on Leontiev's book *Ocherk razvitiya psikhiki* [Essay on the development of the mind, 1947]. A. N. Leontiev's replies to the critique in his conclusive speech at the debate are cited and analyzed. Inconsistencies and controversies in the concept of the structure of

consciousness are highlighted. In particular, A. N. Leontiev's discrimination of meanings and senses by the criterion of the supraindividual vs. the individual are called into question.

Keywords: A. N. Leontiev, 1948 debate, activity, consciousness, motive, operation, meaning, sense.

Национальный вопрос и метод тестов в советской педологии конца 1920-х годов: узбекский опыт

Н. Ю. Стоюхина

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, natast0@rambler.ru*

Л. Ю. Абдукадирова

*Ферганский государственный университет, г. Фергана, Узбекистан,
l-abdukodirova@inbox.ru*

Одним из направлений советской педологии было исследование детей национальных меньшинств: здоровья, быта, культурной среды, психологических особенностей и др. Педологи, жившие в Узбекской советской социалистической республике, начали изучать узбекских детей в 1925 г. Результаты первых исследований свидетельствовали о том, что у детей коренных народов «примитивная» психика, отсталость высших психических процессов, сниженное абстрактное мышление, бедность воображения и т. п. Через короткое время педолог-врач Штилерман обнаружил ошибку тестирования, как позже поняли ее все педологи, занимавшиеся изучением национальных меньшинств. Однако это не спасло Штилермана от обвинения в великодержавном шовинизме. Исследования врача из Ташкента до сих пор вызывают интерес и полемику у историков психологии, это показывает, что проблема требует тщательного изучения.

Ключевые слова: история психологии, педология, педология национальных меньшинств, Узбекистан, тестирование, узбекские дети.

Вышедшее 4 июля 1936 г. Постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» до сих пор не получило зрелой, взвешенной, аргументированной оценки в отечественной истории психологии, до сих пор всесторонне не описаны последствия ликвидации педологии, оказавшиеся значимыми (или незначимыми?) для развития психологии и ее современного

состояния. В отечественной историографии (Балашов, 2012; Панкратова, 2010; Психологическая наука..., 1997; Сенченков, 2021; Фрадкин, 1991) судьба педологии определяется чаще всего прилагательными «горькая», «трагическая», «репрессированная» и т. п. Британский историк психологии Э. Байфорд выделил два направления историографии в изучении «дела педологии»: «документирование и переоценка места педологии в манипуляциях советского государственного аппарата и коммунистической политики партии в 1920–1930-х годах с особым упором на ее роль в образовательной системе этого периода» и «попытка переоценки теории и методологии, институтов и практик педологии для того, чтобы установить, что она представляла собой именно как „наука“» (Байфорд, 2015, с. 110).

За последние 30 лет, когда начал проводиться более глубокий анализ педологии, стали и более понятными ее направления в изучении ребенка: педология детского труда и игры, педология детского коллектива, педологическая перестройка основных учебно-методических вопросов, педология трудного детства, педология физкультуры и полового воспитания (все они были названы А. Б. Залкиндом на Первом всероссийском педологическом съезде в 1928 г.). Сейчас делаются попытки подробного описания некоторых вопросов внутри этих направлений. После педологического съезда на коллегии Наркомпроса 26 января 1928 г. было поручено Главнауке создать постоянную Комиссию по планированию исследовательской работы по педологии в РСФСР, увеличить средства на организацию ее исследований, т. е. педология приобрела статус «марксистской» науки в СССР, а Залкинд постепенно становился ее безусловным лидером и идеологом. В августе 1928 г. Комиссию по планированию исследовательской работы реорганизовали в Центральную межведомственную педологическую комиссию со своим печатным органом — журналом «Педология» (ответственный редактор — А. Б. Залкинд), и с ноября комиссия приступила к разработке пятилетнего плана исследовательской работы, утвержденным в июне 1929 г. Из семи главных направлений плана, связанных с текущей индустриализацией и коллективизацией страны, нас заинтересовало «педологическое изучение особенностей и своеобразия среды национальных меньшинств» (Залкинд, 1930, с. 231), но до нынешнего времени не было попыток описать, как выполнялись эти исследования в многонациональном Советском Союзе.

История изучения психолого-педологических особенностей детей национальных окраин в 1920–1930-е годы не такая длинная по сравнению, например, с педологическими исследованиями одаренности в то же время, но материал все же достаточно объемный. Называлось это направление нацменпедология, впрочем, одна из ведущих разработчиков этой темы А. М. Шуберт писала: «По этому вопросу мы не имеем еще установившейся терминологии. В то время как одни говорят о педологии (психологии, педагогике, антропологии и т. д.) „нацмен“, другие используют термины: педология „национальная, расовая“ и т. д.» (Шуберт, 1931, с. 56). Как пишет Э. Байфорд, между серединой 1920-х и серединой 1930-х годов, особенно в годы первой пятилетки (1928–1932), в советской педологии возникла область исследований — «педология национальных меньшинств»; так называлась подотрасль «науки о детях», возникшая в результате усилий советского государства по включению «отсталого» населения, проживающего на окраинах

страны, где пересеклись социальный реформизм, политическое переустройство с имперской цивилизационной миссией (Byford, 2016, p. 75).

Вопрос о необходимости организации Исследовательского института по изучению нацмендетей и школ впервые был поставлен в 1925 г., но только в 1927 г. Институт научной педагогики получил одну штатную единицу для нацменсекции, в 1929 г. — еще две единицы, которые распределили между пятью научными сотрудниками. Следовательно, секция организовалась весной 1929 г.; также определенную роль сыграла просьба нацменсекции Наркомпроса и Комитета севера при ВЦИК к Научно-педагогическому институту методов школьной работы (ИМШР) взять на себя руководство педологической работой группы студентов-педологов 2-го МГУ, едущих на практику в Северо-Байкальский район и в Ойротскую автономную область (с 1948 г. — Горно-Алтайская автономная область, с 1993 г. — Республика Алтай), и выделить на эту работу нужные средства. Экспедиции состоялись, после чего стало понятно, что направление заработало. При нацменсекции была организована Монографическая комиссия, собственно, ведущая педологическую работу. В нее входили «три педолога-педагога, один педолог-врач, один педолог-нацмен, один антрополог, шесть студентов-педологов и один студент-геолог» (В. Г., 1930). В 1929—1930 учебном году нацменсекция разделилась на два сектора: педагогический и педологический с работой по темам: изучение социально-бытовых условий нацмен-детей; интеллектуальный, общественный и культурный рост нацмен-детей; успеваемость нацмен-детей; методы преподавания родного и чужого языка в нацмен-школах.

Еще одна организация занималась вопросами психологии национальных меньшинств — психологическая лаборатория Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской (АКВ) (заведующий — А. Р. Лурия). Сотрудники лаборатории считали, что «переживаемый период характеризуется глубокой реконструкцией социально-экономического уклада национальных окраин, с которой неизбежно связана глубокая реконструкция структуры поведения личности. Таким образом, новые условия жизни мобилизуют те психологические фонды, которые у ребенка из национальных меньшинств, жившего ранее в „примитивных условиях“, в достаточной степени не использовались. В новой среде они вызывают новые формы мышления и новые приемы поведения» (Балашов, 2012, с. 139).

На съезде по изучению поведения человека (25 января—1 февраля 1930 г., Ленинград) группа работников ИМШР и АКВ созвали совещание членов съезда, командированных из национальных окраин, чтобы обсудить постоянную связь в работе между отдельными вышеуказанными учреждениями. Собравшиеся делегаты поделились друг с другом информацией о своей работе и договорились организовать соответствующее бюро при Межведомственной педологической плановой комиссии Наркомпроса Азербайджана. Секретариат, который будет руководить экспедиционной и межведомственной работой, решили создать при Центральной педологической комиссии в Москве. Выяснилось, что в некоторых национальных районах страны — в Азербайджане, в Крыму, в Узбекистане, в Казахстане, в Татарии — уже проводились педологические исследования по вопросам педологии национальных меньшинств. Вскоре вышел специальный номер журнала «Педология», посвященный педологии нацменьшинств (1930, № 2).

В этой статье мы остановимся на одном педологическом исследовании, состоявшемся в Ташкенте (Узбекская ССР).

Как писал М. Ю. Атаджанов, до революции в Средней Азии не существовало каких-либо психологических центров или обществ по психологии, ничего неизвестно о преподавании психологии в русских гимназиях. Но, как ему удалось узнать, преподавателем Асхабадской гимназии Львом Бедржицким в 1906 г. была открыта лаборатория экспериментальной психологии (Атаджанов, 1991, с. 12). В 1918 г. были организованы Ташкентский педагогический музей и педагогическая лаборатория в Ташкенте, а в 1920 г. — педагогическая лаборатория в Чимкенте, где проводились психологические исследования детей коренного населения; в результате этно-лингвистических экспедиций по наблюдению и изучению психических особенностей населения региона, готовили школьные учебники, участвующие национальные особенности обучающихся и педагогических кадров.

Необходимо отметить российских ученых, значительно повлиявших на возникновение и развитие узбекской психологии. В первую очередь это Платон Иванович Иванов (1891—1968), организовавший первую в Советском Узбекистане лабораторию экспериментальной психологии при Узбекском госпединституте в Самарканде. В 1929 г. создается Узбекский государственный научно-исследовательский институт (УзГНИИ), позже — Узбекский НИИ педагогических наук (УзНИИПН), с педолого-педагогическим кабинетом которого связана деятельность А. Р. Лурии в УзССР.

В Ташкенте, в Институте психологии и педагогики при Среднеазиатском государственном университете работал еще один российский профессор — Николай Дмитриевич Виноградов (1868—1936), доктор философских наук, профессор 2-го МГУ, окончивший Московскую духовную академию и два факультета Московского университета (историко-филологический и естественный).

Педологи и психотехники в Узбекской ССР были представлены именами Т. Н. Барановой, Ф. С. Розенфельд, А. М. Голяховской-Балаубаевой, С. Рахматуллиной, Ю. Тохри (Институт педагогики и психологии при Среднеазиатском государственном университете — САГУ); А. Штилерман (Ташкентская школьно-профилактическая амбулатория); В. Н. Арбузова, Г. Г. Вертэ, М. С. Беловой, А. А. Виткина, П. И. Левентуева, Авербуха, Тарасова, Писаревой, Громова (Самаркандская психотехническая лаборатория Среднеазиатского института гигиены, патологии и безопасности труда НКТруда УзССР); В. К. Соловьева (окружная психофизиологическая лаборатория Среднеазиатского военного округа и республиканского профдиспансера). Их деятельность была обширна (Стояхина, Абдукадирова, 2019), но основная часть их работы была связана с диагностикой когнитивной сферы детей и взрослых, или, как тогда называли, с испытанием общей одаренности у детей и взрослых, живших в УзССР.

В старой части Ташкента находилась городская школьно-профилактическая амбулатория, ее сотрудниками были врачи — «носители культуры», призванные помочь в цивилизации коренного населения» (Курек, 2004, с. 238) — В. К. Соловьев, В. Широкова-Диваева, А. Шишов, Е. В. Капусто и А. Штилерман. Статьи последнего до сих пор упоминаются в историко-психологических исследованиях (Курек, 2000, 2004; Мещеряков, Зинченко, 2000). Надо заметить, что подробнейший пересказ и глубокий анализ работ узбекских педологов проведен исследовате-

лем из Университета Дарема (Англия) Энди Байфордом (Byford, 2016), но первым, кто вспомнил об этих исследованиях спустя несколько десятилетий, был Н. С. Курек (2004); он же переопубликовал две статьи доктора Штилермана (2004а, 2004б).

Кратко их суть такова: в 1925 г. узбекских школьников обследовали по многим параметрам, в том числе оценивали умственную одаренность. Выбранными методами были: метод Бинэ-Симона (вариант А. М. Шуберт) и краткий Россолимо. Как писал А. Штилерман, несмотря на простые тесты, потребовался переводчик, «некоторые тесты, как чуждые по содержанию узбекскому школьнику, вовсе откидывались и заменялись другими, близкими быту туземного населения. Но даже такое приблизительное грубое исследование умственной одаренности дало нам характерную картину отсталости высших процессов, мало прогрессирующих с возрастом. Отмечается слабость осмысления, замедление комбинаторных процессов, отсутствие абстрактного мышления, бедность воображения, скудность ассоциаций» (Штилерман, 2004а, с. 205), но при этом были особенности, свойственные «примитивной» психике – хорошая зрительная память, большая внушаемость, наблюдательность и почти полное отсутствие навыков к умственным процессам отвлеченного характера. Такие резко звучащие выводы насторожили, в первую очередь, самих исследователей, и в 1926 г. Штилерман писал: «Обнаруженная нашим грубым экспериментированием резкая умственная отсталость, особенно высших процессов, требовала более тщательной проверки, более правильной методики; с этой целью мы решили переработать тексты индивидуального метода Россолимо и при переводе на узбекский язык фиксировать все детали бытовых моментов, характеризующих жизнь коренного населения. Заменяв рисунки, содержащие чуждые узбекскому школьнику понятия, другими картинками и пейзажами специфически бытового характера, мы сделали наши тесты понятными и близкими узбекским детям. Работа эта была тщательно проконтролирована и выполнена совместно с Институтом педагогики и психологии при САГУ» (Штилерман, 2004б, с. 211). Последовали более взвешенные выводы: «умственная одаренность детей узбеков подчиняется общему возрастному закону развития психических функций, говорящему, что интеллект совершенствуется с возрастом... Чрезвычайно низкий уровень умственного развития узбекских школьников (особенно в высших процессах) требует большей объективности оценки путем создания собственной шкалы (местный стандарт)» (там же, с. 218).

Проблема, с которой столкнулись психологи, была общей для специалистов всех национальных республик: тесты, рекомендованные институтами Москвы, не годились на местах, и потому их пытались приспособить к местным условиям, попутно намечая новые пути и формы обследования ребенка коренного населения. В отчете о деятельности сотрудников Института психологии и педагогики при САГУ говорилось: «В условиях среднеазиатской действительности, учитывая географические, этнографические особенности, культурно-бытовую обстановку и большое количество национальностей, необходимо при исследовании общего умственного развития детей применять понятный бытовой материал, построив систему исследования, не требующую специальных знаний, но вскрывающую разные процессы. Существующие нормы, как и общепринятые тесты, являются по указанным причинам неподходящими для детей Средней Азии. Поэтому идет ориентация на выработку местных диагностирующих норм, стандартной

системы исследования. Группой ташкентских педологов, при активном участии Института Психологии и педагогики при Средне-азиатском госуд. университете, переработаны в отношении приспособления их к культурно-бытовым условиям Средней Азии метод Бине-Симона (в редакции А. М. Шуберт) и индивидуальный метод Россоломо. Во все картинки вложено бытовое содержание, сюжеты взяты из окружающей природы, быта как более понятные детям коренного населения. Содержание многих словесных тестов подвергалось бытовой переработке» (Деятельность секции..., 1931, с. 94). Для казахских детей, живших в Узбекистане, также адаптированы методики.

Подобные проблемы были отражены в статьях других педологов и психотехников: Барановский Ф. Н. Влияние национального признака к ездовым профессиям (1929); Соловьев В. К. Годичный опыт испытания общей одаренности узбеков (1929); Петров Ф. П. Опыт исследования интеллектуального развития чувашских детей по методу Бине-Симона (1928); Запорожец А. В. Умственное развитие и психические особенности ойротских детей (1930) и др. Ведущие психологи, разрабатывавшие методологию психологических исследований национальностей, откликнулись на эти публикации.

В 1929 г. вышла статья Л. С. Выготского с размышлениями и разъяснениями некоторых вопросов педологии нацменьшинств, указавшего на непригодность обычных тестов и стандартов: «Изучение детей нацменьшинств не изолировано, не оторвано от этих специфических культурно-бытовых форм, а прежде всего на фоне этих особенностей, в связи с ними, в живом взаимодействии с ним... вскрыты все положительное своеобразие психики и поведения подобного ребенка и показать, как общие законы детского развития принимают специфическое конкретное выражение сквозь данную конкретную историческую национальную форму существования всей народности» (Выготский, 2004, с. 227). Тесты, рекомендованные для обследования детей, «почти всегда наталкивались на неудачу, так как они обычно обнаруживали чуть не поголовную умственную отсталость среди детей отсталых в культурном развитии народностей или народностей со своеобразным культурно-бытовым укладом» (там же, с. 224), и тогда исследователи попытались переделать тесты «в направлении фиксации всех бытовых моментов, характеризующих жизнь местного населения» (там же). Однако такие изменения практически ничего не давали, Выготский привел в пример исследования А. Штирлермана: указав на результаты исследования — «только 16% нормально одаренных детей среди целого народа» (там же, с. 232), подчеркнул, что «простое изменение материала теста без умения правильно поставить и направить самое исследование оказывается недостаточным» (там же). Статья вышла в 1929 г., и вскоре тон в работах по изучению детей и взрослых — коренных жителей «национальных окраин» — стал меняться и, казалось бы, молодая отрасль педологии начнет выстраиваться сообразно новым методологическим положениям.

После Постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма» (25.01.1931) начался новый период во всех гуманитарных науках. В марте 1931 г. в Ташкенте на состоявшемся пленуме философской секции Среднеазиатской ассоциации научно-исследовательских учреждений (САНИУ) и Среднеазиатского общества воинствующих материалистов-диалектиков (ОВМД) была раскрыта научная работа в республике, «засоренность вузов и научных учреждений

представителями реакционной, враждебной социалистическому строительству профессуры и малочисленностью и слабостью революционно-марксистских научных кадров» (Об итогах..., 1931, с. 248). Пленум постановил: бороться с реакционной буржуазной профессурой, с пропагандой идеалистического материализма, а на данном этапе — среди прочих задач — разоблачить методологические корни правого уклона, троцкизма и уклона в области национальной политики на основе широко развернутой критики и самокритики. На этой волне вышла резко критическая статья коллектива авторов против великодержавного шовинизма и местного национализма. Авторы вспомнили примеры проникновения в науку великодержавного шовинизма и местного национализма для «использования ее в своей борьбе против линии партии и срыва строительства социализма» (Левентуев и др., 1932, с. 46). Под удар критики попали исследования А. Штилермана 1925 и 1926 гг. Его упрекали в создании законченной великодержавно-шовинистической теории психической неполноценности национального ребенка. «Остается только досказать немногое — „отрицать возможность культурного развития“, возможность создания „национальной по форме и социалистической по содержанию культуры“, и тем самым призвать к жизни и власти уходящие, ликвидируемые классы как единственную возможность существования для национальностей СССР» (там же, с. 48) — гневно заключили авторы статьи. Давно написанные А. Штилерманом статьи попали даже в программную статью И. Н. Шпильрейна, подводившую определенные итоги первого этапа развития советской психотехники: «Судя по труду, который дал себе автор для создания специфических узбекских тестов, можно представить себе, что он субъективно был далек от мысли о внесении великодержавных извращений, но не критическое использование термина „одаренность“ привело его к выводам, которые по справедливости, по политической вредности» (Шпильрейн, 1931, с. 270) могут быть признаны допущенным им извращением.

К тому же в конце 1920—начале 1930-х годов советские писатели отправились на «великие стройки» страны, чтобы своим пером прославить «славный труд советского народа», строящего социализм. Поэт славил великое прошлое среднеазиатских республик:

...Когда искали блох Брунгильды и Гудруны,
Уже у мервских бань серебряные струны
Гнал кверху водомет. Когда в грязи Берлин
Лежал свиным кутком, — взлетала средь равнин
Обсерватория монгола Улуг-бека,
Чей звездный каталог стал достояньем века,
И пользовался им (до пытки!) Галилей.
Когда Петрарка ныл, что нет нигде людей,
Кто понимали бы строй ионийской речи,
В далекой Бухаре, упорно горбя плечи,
Над Аристотелем корпели мудрецы.

(Шенгели, 2017, с. 217)

В романтическом очерке о новом, социалистическом Узбекистане советского поэта Г. Шенгели (1894—1956) описаны «кварталы, кишевшие молодежью: юноши в ев-

ропейских костюмах, но с пестрыми тюрбетейками на головах; девушки — пестря порою узорчатой шалью. Это — педагогическая академия... три года назад бывшая заморышем и ютившаяся в нескольких комнатах, развертывается с быстрой распускающегося цветка. Узбекистан, знающий, что такое темнота, не жалеет денег на народное образование и на учреждения Наркомпроса расходует втрое больше (относительно), чем РСФСР» (Шенгели, 1930, с. 104).

Такая радужная картина противоречила негативным результатам исследований узбекских детей, хотя и устаревшим. Несколько прямолинейное объяснение встречается и в выводах Э. Байфорда: «Именно в этот момент на сцене появилась „субъектность“, но не ребенка, а советских национальностей. В контексте культурной революции начала 1930-х гг. в вышеупомянутых исследованиях быстро увидели шовинистические идеи о том, что некоторые советские национальности являются культурно „отсталыми“ и даже „первобытными“. Педологов, которые делали подобные заявления, жестко раскритиковали с точки зрения партийной политкорректности, и тема „перспективы“ оказалась под запретом» (Байфорд, 2019, с. 19). Можно в некоторой степени согласиться с исследователем из Англии в том, что завершение педологических исследований, как и сама ликвидация, закрытие, конец самой педологии, обычно объясняют либо «необъявленным, идеологически мотивированным политическим вмешательством в науку», либо «незрелостью» науки о детях, которая в период активного роста совершила несколько серьезных методологических ошибок. Еще одна точка зрения на историю педологии и педологии национальных меньшинств показывает изначально существовавшие методологические противоречия, локализованные в дихотомии: нормативные «отклонения» среди советских детей — этнорасовые «различия», что показывало невозможность совмещения утопического стремления к универсализации с реальностью бессистемного разнообразия (Byford, 2016). Пониманию этих точек зрения на «нацменпедологию», безусловно, может способствовать развитие историками психологии профессиональной рефлексии собственного положения в рамках более широких социальных процессов памяти.

Литература

- Атаджанов М. Ю.* История становления и развития психологической мысли в Узбекистане: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1991.
- Байфорд Э.* Значение истории педологии для современной педагогики и психологии образования // А. С. Обухов, А. М. Федосеева, Э. Байфорд. Введение в профессию: психолог образования: учебник и практикум для академического бакалавриата / Под общ. ред. А. С. Обухова. М.: Юрайт, 2015. С. 108–125.
- Байфорд Э.* Изучение тех, кто изучает детей: детская субъективность между эпистемологией и этикой // Антропологический форум. 2019. №42. С. 12–22.
- Балашов Е. М.* Педология в России в первой трети XX века. СПб.: Нестор-История, 2012.
- В. Г.* В секции педагогики народностей Научно-педагогического института методов школьной работы // Педология. 1930. №2. С. 287–290.
- Выготский Л. С.* К вопросу о плане научно-исследовательской работы по педологии национальных меньшинств // Курек Н. История ликвидации педологии и психотехники в СССР. СПб.: Алетейя, 2004. С. 220–236.

- Деятельность секции психотехники и педологии Научно-педагогического о-ва САГУ (за период с 1927 по 1930 г.) // Психотехника и психофизиология труда. 1931. № 1. С. 93–94.
- Залкинд А. Б.* Основные вопросы педологии. М.: Работник просвещения, 1930.
- Курек Н.* История ликвидации педологии и психотехники в СССР. СПб.: Алетейя, 2004.
- Курек Н. С.* О социальной истории культурно-исторической психологии: ответ Б. Г. Мещерякову и В. П. Зинченко // Вопросы психологии. 2000. № 6. С. 67–73.
- Левентуев П. И., Багаутдинов А., Мусаэльянц А. Р. З., Мангушева, Нугманов С., Тилля Ходжаев С., Усманов А. А., Халилов В.* Против великодержавного шовинизма в педологии // Педология. 1932. № 1–2. С. 46–49.
- Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Л. С.* Выготский и современная культурно-историческая психология // Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 61–81.
- О педологических извращениях в системе наркомпросов. Постановление Центрального комитета ВКП(б) // Педагогическое образование. 1936. № 4. С. 25–27.
- Об итогах философской дискуссии (Резолюция пленума философской секции Среднеазиатской ассоциации научно-исследовательских учреждений и Ср.-аз. ОВМД, принятая 13/III-1931 г.) // Под знаменем марксизма. 1931. № 1–2. С. 248–249.
- Панкратова А. А.* Открытие детства в России: развитие научного знания о ребенке в истории отечественной психологии конца XIX–начала XX в. Ижевск: Ergo, 2010.
- Психологическая наука в России в XX столетии: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Сенченков Н. П.* Наука о развивающемся ребенке. Монография. Смоленск: Изд-во СмоГУ, 2021.
- Стоюхина Н. Ю., Абдукадирова Л. Ю.* Из истории психологии труда в Узбекистане: 20–30 гг. XX века // Психология управления персоналом и социальное предпринимательство в условиях изменения технологического уклада. Всероссийская научно-практическая конференция (14–15 ноября 2019 г., Нижний Новгород): сборник статей / Под общ. ред. Л. Н. Захаровой, М. В. Прохоровой. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2019. С. 647–652.
- Фрадкин Ф. А.* Педология: мифы и действительность. М.: Знание, 1991.
- Шенгели Г.* Братство народов // Шенгели Г. Стихотворения и поэмы. В 2 т. Т. 2. М.: Водолей, 2017. С. 215–220.
- Шенгели Г.* Спор эпох // Новый мир. 1930. № 12. С. 103–111.
- Шпильрейн И. Н.* О повороте в психотехнике // Психотехника и психофизиология труда. 1931. № 4–6. С. 247–285.
- Штилерман А.* Быт и здоровье узбекского школьника старого города Ташкента // Н. Курек. История ликвидации педологии и психотехники в СССР. СПб.: Алетейя, 2004а. С. 195–210.
- Штилерман А.* Материалы психологического исследования узбекских школьников старого города Ташкента по переработанному краткому Россолимо // Н. Курек. История ликвидации педологии и психотехники в СССР. СПб.: Алетейя, 2004б. С. 210–220.
- Шуберт А.* Проблемы педологии национальностей // Просвещение национальностей. 1931. № 3. С. 56–59.
- Vyford A.* Imperial normativities and sciences of the child: The Politics of Development in the USSR, 1920s–1930s // Ab Imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2016. № 2. С. 71–124.

The national question and the test method in soviet pedology of the late 1920s: an uzbek experience

N. Yu. Stoyukhina

*National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, natast0@rambler.ru*

L. Yu. Abdukadirova

Fergana State University, Fergana, Uzbekistan, l-abdukadirova@inbox.ru

One of the directions of Soviet pedology was the study of children of national minorities: health, life, cultural environment, psychological characteristics, etc. Pedologists who lived in the Uzbek Soviet Socialist Republic began to study Uzbek children one of the first – since 1925. The results of the first studies are a witness – they said that children of indigenous peoples have a primitive psyche, backwardness of higher processes, lack of abstract thinking, poverty of imagination, etc. However, very soon pedologist-doctor Shtilerman realized his testing error, as later all pedologists studying national minorities understood it. However, this did not save Shtilerman from being accused of great-power chauvinism. The research of a doctor from Tashkent still arouses interest and controversy among historians of psychology, which indicates a problem that requires careful study.

Keywords: history of psychology, pedology, psychology of national minorities, Uzbekistan, testing, Uzbek children.

Профессиональный отбор: история, парадигмы, актуальные задачи XXI в.¹

В. А. Толочек

Институт психологии РАН, Москва, tolochekva@mail.ru

Обсуждаются методология и идеологемы профессионального отбора, сложившиеся в XX в. и актуальные для XXI столетия. Цель исследования – критический анализ теории и практики решения задач профессионального отбора; *предмет* – профессиональный отбор как научная и научно-практическая проблема; *методы*: историко-теоретический анализ, ретроспективный анализ результатов эмпирических исследований. В заключение констатируется, что перманентными и приоритетными задачами должны стать: психологическое сопровождение профессиональ-

---

1 Исследование выполнено по Госзаданию № 0138-2021-0010.

ного становления субъекта на протяжении жизни человека; не отдельный субъект, а рабочие группы и команды; изучение синергетических эффектов; не индивидуальной, а совместной деятельности; условий порождения и использования интра-субъектных ресурсов.

Ключевые слова: профессиональный отбор, парадигмы, задачи, профессиональное становление субъекта.

Профессиональный отбор как научная и научно-практическая проблема активно обсуждался уже на рубеже XIX–XX вв. Ускоряющаяся эволюция социальных объектов (людей, социальных групп, организаций, институтов), предметных областей психологии, дисциплинарных методологии и методов требует регулярно аудита состояния практики решения задач профессионального отбора и его методологической рефлексии как проблемы. *Цель* исследования – критический анализ теории и практики решения задач профессионального отбора; *предмет* – профессиональный отбор как научная и научно-практическая проблема; *методы:* историко-теоретический анализ, ретроспективный анализ результатов эмпирических исследований. *Гипотеза:* постановка научных и научно-практических задач определяется взаимодействием ряда факторов (эволюцией социальных объектов, актуального и латентного социального запроса, состоянием методологии и методов дисциплины и др.). Адекватная методологическая рефлексия состояния социальных объектов, форм социального запроса, состояния методологии и методов дисциплины способствует успешности решения дисциплинарных научных и научно-практических задач.

Эволюция социальных объектов: глобальные исторические изменения: рефлекслируемые тенденции, характеристики

Новые состояния отдельных социальных объектов и общества в целом нередко маркируются философами, экономистами, социологами эмоционально насыщенными эпитетами: «текущая современность» (З. Бауман), «цивилизационный слом» (В. А. Неклесса), «глобализация» (Р. Робертсон), «постапокалиптический мир» (В. А. Подарога), «культурный шок» (К. Оберг), «постиндустриальное общество» (А. Кумарасвами; Д. Белла). Для описания типичных состояний социальных объектов даже предлагается выразительная аббревиатура «VUCA» (VUCA – аббревиатура от *англ.* volatility, uncertainty, complexity и ambiguity – нестабильность, неопределенность, сложность и неоднозначность) как отражение нового, общепризнанного требования к научным подходам. В последние годы в научных публикациях нередко встречаются выразительные декларации: «В мире VUCA невозможны даже кратковременные прогнозы»; «В мире VUCA нельзя использовать прежние рабочие модели»; «Проблема неопределенности сопряжена с понятием хаоса...» и типичные варианты ответов на вызовы времени: «Трудно прогнозируемая динамика изменений современного мира требует обращения к понятиям VUCA-мир, VUCA-среда»; «надежный прогноз предполагает оперирование понятиями VUCA-организация» (VUCA-субъект, VUCA-среда, VUCA-компетентность, VUCA-менталитет и т. п.). Второй поток «вызовов» – формы трансляции культуры, знаний – «разрушение» типичных для западного мира соотно-

шений типов типа культурного обмена: постфигуративного — передача знаний от взрослых к детям, кофигуративного — преимущественное получение людьми знаний от своих сверстников; префигуративный — передача знаний от детей к взрослым (по М. Мид). На протяжении столетия радикально изменяется картина мира молодых людей, их отношение к обществу, к себе, к близким, к посторонним. И это порождает новые «вызовы» — проблемы обучения в средней и высшей школе, службы в армии, создания семьи и модели поведения в браке, в трудовой жизни и др. Третий — глобализация, разрушение жизненных устоев, формировавшихся на протяжении столетий. На рубеже XX—XXI вв. в теме адаптации человека к социальной среде выветились новые «границы», отражающие нарастающие изменения в привычных укладах жизни представителей разных социальных групп. Глобализация мира сопряжена с усилением индивидуализации человека и «атомизации» общества, снижением связанности членов социальных групп, разрушением временной стратегии поведения; становление «кинематического общества» характеризуется регулярными изменениями отдельных сторон жизни, ускорением всех изменений, приводящих к «бестерриториальности» человека, к снижению его способности к эмпатии, состраданию. Эти тенденции усиливаются и резонируют с расширяющимся масштабом «прекарной занятости» — ненадежности работы, с изменениями «нормальных» соотношений «труд/потребление» — в настоящем потребление может предшествовать труду вследствие роста разных форм кредитования, возможности быстрого обогащения; с погруженностью людей в «институционализированные риски», когда даже бытовые акты человека могут «корректироваться» глобальными изменениями, затрагивать межличностные и межгрупповые отношения, разрушать веру человека в его способность влиять на будущее (Демин, Демина, 2020; Дружилов, 2017; Нестик, Журавлев, 2018; Стендинг, 2014; и др.).

Эволюция функциональных социальных групп

Рефлексируемая реальность как динамичность состояния социальных объектов. В последней трети XX в. специалисты отмечают, что расширяются изменения типовых форм оперирования предпринимателей своими компаниями (внутреннего менеджмента, структурных реорганизаций, форм продаж и пр.), и это отзывается «гулким эхом» на социальном, психологическом и физическом состоянии больших социальных групп людей, переводя их в хроническое состояние неустойчивой работы и, соответственно, изменяя их внутренний мир и внешний для них мир (Стэндинг, 2014; и др.). С середины XX в. в разных контекстах тема единства человека и среды описывается в терминах «ситуация» (Д. Магнуссон), «жизненное пространство» (К. Левин), «мир» (С.Л. Рубинштейн). «Объект-ситуация или объект-мир... выражает способ объединения разноплановых сил в некоторое целое. <...> Субъект конструирует свое бытие, одновременно подчиняясь ему. Объект-ситуация или объект-мир становится главной альтернативой объекту-вещи. В отличие от объекта-вещи объект-мир не дается заранее и до завершения акта остается неопределенным» (Барабанщиков, 2012, с. 22).

Ситуации взаимодействия людей не сводятся лишь к координации «векторов» их активности. Так, в совместной профессиональной деятельности имеет

место феномен *асимметрии предпочтения* личностных и профессионально важных качеств (ПВК) партнера. В разных социальных объектах (промышленные предприятия, органы государственной службы, частные коммерческие организации, вузы, средние школы, медицинские учреждения) устойчиво воспроизводится асимметричный профиль ожидаемых и желаемых качеств партнеров, взаимодействующих в организационной иерархии (начальник—подчиненный, заведующий отделением—врач, преподаватель—студент, учитель—ученик, инженер—конструктор—инженер-технолог и т. п.). Для профессионалов более важно, чтобы в ситуациях взаимодействия другие субъекты имели несколько иные паттерны качеств (Толочек, 2018, 2020, 2021). Другими словами, реальная профессиональная *совместная деятельность людей есть ситуации дополнения, достраивания «целого» в границах взаимодействий и возможностей взаимодействующих субъектов*. Всегда есть нечто, интуитивно, а часто осознанно добавляемое субъектами до завершенности некоторого целого, их объединяющего. Предпочтения партнеров, в частности, в управленческих диадах и триадах (вышестоящий руководитель—руководитель—нижестоящий руководитель), подчиняются не принципу сходства, подобия, а другим законам и отношениям, которые можно называть компенсаторными, дополняющими, синергичными (Толочек, 2021). Управленческую триаду можно рассматривать как универсальную структурно-функциональную единицу, в которой поведение и деятельность отдельного человека определяются совокупностью факторов (активностью, целями, рабочими функциями людей, их отношениями, технологиями и пр.).

Диады и триады взаимодействующих людей выступают частью некоторого целого, в которой порождаются и новые интерсубъектные ресурсы. В логике ресурсного подхода такие варианты неизбежных различий людей, своеобразия их стилей, психологических черт, знаний, опыта могут выступать как новые возможности, как ресурсы усиления профессионального потенциала каждого субъекта совместной деятельности, как возможности расширения его личностного пространства, компенсации им ограничений собственного «Я» посредством интеграции с индивидуальностью другого.

Структуры и компоненты «профессии», «специальности», «рабочего места»

Напомним, что в начале XX в. профессии описывались как некоторые целостные и почти неизменные феномены; формулирование требований к работнику предлагалось как общий алгоритм его подготовки, адаптации, оценки его качеств при отборе; в работах первых психотехников нет рассуждений об эволюции профессий. В середине столетия появляются варианты формализации в описании разных профессий: например, согласно модульному подходу, все они состоят из сравнительно небольшого числа базовых универсальных модулей, блоков, компонентов; в отечественной психологии эти темы разрабатывали В. Е. Гаврилов, А. К. Маркова и др.

Если проблему содержания «профессии» рассматривать с позиции структуры теоретического знания науки, то можно предложить иной способ экспликации феномена. Многие социальные и психологические феномены, такие как профес-

сия, профессиональная пригодность, профессиональная подготовленность и пр., в науке первоначально рассматриваются в качестве *идеальных теоретических объектов*, ИТО (Степин, 2000), т. е. научных абстракций, характеристики и свойства которых выделяются на основании теоретического и эмпирического изучения большого числа прототипов. На второй ступени познания такое описание объектов конкретизируется; учитываются как общие, атрибутивные свойства ИТО, так и свойства определенного класса объектов, понимаемых как *идеальные эмпирические объекты* (ИЭО). Процесс решения конкретных научных и практических задач (например, определения пригодности конкретного человека к данной профессии, состояния его трудовой мотивации, актуального уровня развития его профессионально важных качеств и т. п.) ведет к оперированию конкретными фрагментами реальности — *реальными эмпирическими объектами* (РЭО). К такой последовательности разработки объектов психологии труда можно отнести цепочку «*профессии*» (ИТО) — «*специальность*» (ИЭО) — «*рабочее место*» (РЭО). Объекты первого и второго уровня мы рассматриваем, понимаем, отображаем и описываем не иначе, как идеальные объекты (т. е. как научные абстракции), характеризуя их с большей или меньшей точностью и полнотой. И только на основании выявления свойств объектов на первом и втором уровне мы можем переходить к описанию конкретных явлений, процессов, свойств изучаемых фрагментов действительности.

В нашем подходе феномен «профессия» как целое, как ИТО описывается посредством *семнадцати* составляющих, представленных в анализируемых нами литературных источниках (см. обзоры: Толочек, 2020, 2021), каждое из составляющих выступает как ИЭО или РЭО (область приложения сил человека; общественно полезная деятельность; общность людей; деятельность, определяющая социальный статус человека; система социального вознаграждения; реальность, формируемая субъектом; система профессиональной подготовки; профессиональная картина мира; профессиональная этика; система структурирования жизнедеятельности; система структурирования жизненного пути; система самозидания). Следуя логике структурного иерархического дифференцированного анализа, к атрибутам «профессии» мы добавляем еще пять необходимых составляющих — иерархическую организацию, дифференциацию на специальности, существование как эволюционирующей сложных комплексов социальных объектов разных типов, научное обеспечение технологий и учебно-методическое сопровождение подготовки субъектов.

В первом приближении «специальность» как ИЭО описывается посредством *девяти* составляющих, также выступающих как ИЭО или РЭО (заданный предмет; заданные цели; представления о результате; типовые средства деятельности; режимы труда и отдыха; биомеханические и физиологические особенности; система аттестации; система профессиональной реабилитации, система профессиональной переподготовки); РЭО «рабочее место» — *семи* РЭО (производственная среда; задачи; конкретные средства деятельности; подготовленность; индивидуальные особенности субъекта, деятельность как процесс решения актуальных задач; продукты).

Акцентируем внимание на том, что в рамках каждой «профессии» нередко весомо различаются по средствам и результатам труда «специальности» (напри-

мер, в границах профессии «врач» — хирург, терапевт, стоматолог, окулист и др.); в русле «специальности» — особенности деятельности субъекта на разных «рабочих местах» (например, педиатра в специализированной городской клинике, районной и сельской поликлинике). В нашем понимании «рабочее место» (РЭО) — это не только лишь часть физического пространства как рабочая зона, но и часть социального, социально-психологического пространства, в котором реализуются трудовые действия и процессы совместной деятельности людей.

Итак, в феномене «профессия» мы различаем как взаимосвязи, так и проявления разных, более или менее общих составляющих, разную эволюцию трех иерархически разных «единиц»: «профессия»—«специализация»—«рабочее место» — и видим три уровня отношений этих объектов: *всеобщее—особенное—единичное*. Из этого следует, что и профессиональный отбор, отбор к определенной специальности и успешность субъекта на конкретном рабочем месте, определяются разными условиями. Следовательно, для прогноза успешности человека как субъекта и эффективности его деятельности на конкретном рабочем месте должно изучать разные индивидуально-психологические особенности человека. Вследствие нетождества феноменов «профессия», «специальность», «рабочее место» в метаанализах фиксируют сравнительно низкие значения валидности разных методов оценки персонала и кандидатов (см. обзоры: Толочек, 2020, 2021).

Парадигмы XX и XXI вв.: задачи психологического сопровождения профессионального становления субъекта

Выраженная динамичность изменений внутренней среды современных организаций требует разработки соответствующих концепций управления человеческими ресурсами, в том числе тех вопросов, которые объединялись понятием «профессиональный отбор». Сформулируем несколько базовых тезисов:

1. Ретроспективную психодиагностику (т. е. диагностику по образцам прошлого опыта) должна заменить диагностика проективная, перспективная, ориентированная на очередные задачи организации, на новые модели поведения и деятельности, новые требования к персоналу (т. е. подбор и отбор персонала согласно условиям будущих задач).
2. Уникальное сочетание условий реальной деятельности людей требует разработки соответствующих научных концепций. *Профессиональный отбор* как методологическая установка на одноактную оценку человека и «отбраковку непригодных» должен быть замещен *экологическим подбором*, под которым следует понимать процедуры согласования и учета множества конкретных актуальных условий пространства, времени, конкретных задач деятельности, индивидуальных особенностей членов контактных социальных групп.
3. Возрастание роли каждого квалифицированного сотрудника в деятельности компании требует учета роли и статуса социальных единиц, более крупных, чем отдельный субъект (функциональных диад и триад, других малых социальных групп), взаимодействующих в актуальных контекстах формальных, неформальных и внеформальных подструктур организаций. Поскольку успешность функционирования малых социальных группах во многом

определяется ролью лидера, целесообразно его подбирать не по усредненному «образцу», а согласно *принципу дополнительности* (качеств, индивидуальности, ресурсов субъектов совместной деятельности).

4. До настоящего времени диагностика меры соответствия субъекта требованиям деятельности сводится к оценке отдельных качеств человека. Перспективным видится изучение меры согласованности структур разных уровней организации человека (нейродинамического, психодинамического, личностного), меры соответствия структур в целостной индивидуальности человека, структур его стилей деятельности.
5. Важной и актуальной задачей видится необходимость создания и активного использования специалистами *банков эмпирических данных* (т. е. возможности «сквозного» обращения к ним разными специалистами). Целесообразно актуализировать потенциал *математической статистики, математического моделирования*. На смену тривиальному отбору, приему, увольнению должна прийти *кадровая логистика* (т. е. возможность проектирования потребности, управления и развития человеческих ресурсов не в границах отдельных компаний, а в масштабе сети организаций, отрасли, региона, страны).
6. Идеологемы и методология профессионального отбора, получившие свое концептуальное оформление в XX в. должны быть переосмыслены. В XXI в. профессиональный отбор как процедура оценки персонала организации и кандидатов на работу должны рассматриваться не как отдельные задачи оценки и отбраковки людей, а как включенные в завершённые циклы взаимосвязанные задачи — профессиональной ориентации, профессиональной консультации, обучения и переподготовки, оценки работы и аттестации, профессиональной реабилитации. Все взаимосвязанные задачи психологического обеспечения профессиональной деятельности (ПОПД) должны быть интегрированы и концептуально оформлены до их предельно широкой постановки — как *психологическое сопровождение профессионального становления субъекта* (ПСПСС) на протяжении всей его трудовой жизни. Идеологемы XX в. (минимизации инвестиций в человека, получение максимальной прибыли и т. п.) должны быть переосмыслены. Возможна и целесообразна интеграция задач работодателя и работника, его личностного и профессионального развития и роста производительности труда, задач отдельной организации и общества в целом.
7. Контроль возрастающего динамизма исторических изменений социальных объектов, а как приоритетную задачу — *сбережение народа* следует рассматривать в качестве положения новой парадигмы профессионального отбора — парадигмы XXI в.

Заключение

В качестве реальной альтернативы «анализизму» во всех его проявлениях может выступать ориентация на ключевые задачи России в XXI в. Если Россия — «остров» (по В. Цимбурскому), нам не нужно дожидаться разработок наших зарубежных коллег, а следует самим создавать нужные социально-психологические технологии. Если главной национальной задаче, национальной идеей должно

статья «сбережение народа» (Солженицын, 1995), значит, решающим во всех наших деяниях должны быть не краткосрочные «акты», а стратегические решения, ориентированные на долгую временную перспективу способности, формы, средства психологического сопровождения профессионального становления субъекта, его развития как личности. Главными для нас должны стать не вопросы сиюминутной занятости людей, не заполнения вакантных рабочих мест; нашими перманентными задачами должны стать психологическое сопровождение профессионального становления субъекта на протяжении профессиональной жизни; изучение эффектов совместной деятельности, поиски условий порождения и использования интрасубъектных ресурсов. Приоритетным предметом для нас должны выступать не только отдельный субъект, не решение задач оценки персонала и кандидатов на работу той или иной организации, а рабочие группы и команды (в которых возможны синергетические эффекты вследствие перераспределения рабочих функций, дополнительности личностных, интеллектуальных и иных качеств и социальных ролей); не только задачи управления и развития человеческих ресурсов в границах отдельных компаний, но и в масштабе сети организаций, отрасли, региона, страны.

Литература

- Барабанщиков В. А.* Принцип системности в психологической науке // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Часть 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 17–26.
- Демин А. Н., Демина И. В.* Проблема адаптации человека к скорости социальных процессов // Человеческий капитал. 2020. № 10 (142). С. 80–88. doi: 10.25629/НС.2020.10.05
- Дружилов С. А.* Профессионально-деструктивная деятельность как проявление профессиональной маргинализации и депрофессионализации // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2017. № 2. С. 45–63.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 127–138.
- Солженицын А. И.* Как нам обустроить Россию? // Публицистика. В 3 т. Т. 1. Ярославль: Верхняя Волга, 1995. С. 538–598.
- Стендинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
- Степин В. С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Толочек В. А.* Психологическое обеспечение профессиональной деятельности. Методики профессионального отбора. М.: Юрайт, 2018.
- Толочек В. А.* Психология труда. СПб.: Питер, 2020.
- Толочек В. А.* Технологии профессионального отбора. М.: Юрайт, 2021.

Professional selection: history, paradigms, actual tasks XXI century

V. A. Tolochek

In a series of two articles, the methodology and ideologemes of professional selection that have developed in the XX and are relevant for the XXI century are discussed. Purpose of the research: a critical analysis of the theory and practice of solving the problems of profession-

al selection; subject: professional selection as a scientific and scientific-practical problem; methods: historical and theoretical analysis, retrospective analysis of the results of empirical research. In conclusion, it is stated: permanent and priority tasks should be: psychological support of the professional development of the subject in the continuation of a person's life; not a separate entity, but working groups and teams; study of synergistic effects; not individual, but joint activity; conditions for the generation and use of intrasubject resources.

Keywords: professional selection, paradigms, tasks, professional formation of the subject.

Значение развития экзистенциальной альтернативы в клинической психологии

Т. Д. Шевеленкова

Институт психологии им. Л. С. Выготского РГГУ, Москва, shevelenkova@gmail.com

Психология в XXI в. характеризуется выдвиганием на лидирующие позиции экзистенциальных подходов, возникновением гуманитарной психологии постклассического периода ее развития. Классическая наука остается лишь вариантом познавательного отношения к действительности, но клиническая психология придерживается классической рациональности, оставаясь психологией «без человека», не имеющей дела с собственно человеческим существованием. Экзистенциальная альтернатива в клинической психологии нацеливает на анализ новых категорий, создание методических приемов для исследования экзистенциальных проблем, учет в практической деятельности людей, страдающих психическими расстройствами, экзистенциальных проблем.

Ключевые слова: экзистенциальная альтернатива, клиническая психология, понимание, бытие-в-мире.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать значение экзистенциальной альтернативы в клинической психологии в ситуации, когда одной из признанных тенденций развития психологии первого десятилетия XXI в. стал рост влияния экзистенциальных подходов, более того, они стали претендовать на лидирующие, авангардные позиции в психологии (Гришина, 2018, с. 6–14).

Р. Мэй утверждает, что за несколько десятилетий, прошедших после Второй мировой войны, статус экзистенциального подхода поднялся от «приемного ребенка» западной культуры до доминантной позиции в центре западного искусства, литературы, теологии и философии. Это было сделано параллельно с новым направлением развития в науке, особенно в физике Бора и Гейзенберга (Мэй, 2001). Одновременно возникает гуманитарная психология как науки в собственном значении слова: как постклассическое состояние или постклассический период

развития психологической науки и психологической практики, вследствие чего классическая наука начинает осознаться всего лишь в качестве одного из вариантов всех возможностей познавательного отношения человека к действительности (Воробьева, 1995).

Возникновение гуманитарной психологии и развитие экзистенциальной альтернативы в XX–XXI вв. происходят прежде всего в психологии личности. В то же время для ориентированной на медицинскую практику клинической психологии характерными чертами до сих пор остаются представление о четком субъект-объектном разделении и формирующийся на его основе концепт объективности знания, который, в свою очередь, обеспечивается полным как онтологическим, так и гносеологическим исключением субъекта из научной картины мира (Тхостов, 2002). Данные черты клинической психологии, сохраняющиеся уже на протяжении многих десятилетий, могут быть объяснены прежде всего статусом клинической психологии как прикладной, практико-ориентированной дисциплины, призванной обслуживать медицинскую практику, что, в свою очередь, требует «уподобления» ее отолитических и гносеологических оснований, а также методов исследования тем, что используются в медицинской практике. Клиническая психология ориентирована на естественно-научную и медицинскую системы интерпретаций, в рамках которых заболевание превращается в четко фиксируемый и распознаваемый по конкретным признакам объект рационального познания, в природное явление, «подчиненное определенным закономерностям, как специфическая форма существования, в которой выражаются естественные биологические процессы и которую следует наблюдать, описывать, изучать наряду с другими формами жизни» (Филатов, 2002, с. 12). Примером, подтверждающим сказанное выше, может служить, определение практических задач такой составляющей клинической психологии, как патопсихология (ее нацеленность на помощь врачу в постановке нозологического диагноза, сбор материала для дифференциального и функционального диагнозов и т. д.).

Клиническая психология остается наукой о болезненных проявлениях в психике человека, нарушенных психических функций и измененных личностных особенностях человека, она ориентирована на крайне узко понимаемое определение нормы (статистическое определение нормы, нормы функционирования или, наконец, нормы как способности к адаптации). Дело не спасает даже утверждение, что патопсихология нацелена на исследование сохранных звеньев психических функций, что важно с точки зрения классического подхода для реализации коррекционной и реабилитационной работы. Основная проблема клинической психологии в том, что она стала психологией «без человека», не стремящейся иметь дело с собственно человеческим существованием, пусть даже в условиях болезни. Клиническая психология не признает данных проблем, а если они и признаются, то понимаются, прежде всего, как проблемы социальные, проблемы адаптации человека, страдающего психическим расстройством, к социуму. Если вопросы переживания собственного существования человека в мире и интересуют клинического психолога, то они считаются в значительной степени порожденными психическими нарушениями.

Проблема адаптации пациента становится ключевой темой клинической психологии, психологические проблемы, возникающие у человека, рассматриваются

как следствие неэффективной адаптации, его недостаточной приспособленности к социальному окружению. Поэтому как в теоретическом, так и в практическом отношении клинические психологи до сих пор видят своей задачей коррекцию поведения человека.

В то же время философско-теоретические основания альтернативного подхода в клинической психологии вызревают в философско-клиническом пространстве XX в., когда философия и психиатрия обращаются друг к другу в поисках ответа на кантовский вопрос «Что такое человек?». Представители феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа — К. Ясперс, Э. Минковский, В. Э. фон Гебзаттель, Э. Штраус, Л. Бинсвангер, М. Босс и др. — объединились в своем стремлении философски осмыслить почти незнакомое философии пространство — область психической патологии «Именно в пространстве взаимодействия философии и психиатрии по-иному и с особой остротой начинают ставиться традиционные философские проблемы: проблема онтологических оснований бытия, критериев истинности опыта, экзистенциалов человеческого существования, процедур и методов познания человека, пределов и границ понимания другого и т. д.» (Власова, 2010, с. 10). Сегодня обозначенные выше имена часто рассматриваются как представители экзистенциальной психологии, разрабатывающие проблематику как психиатрии, так и клинической психологии (Экзистенциальная психология..., 2001).

Обращение клинической психологии к экзистенциальному анализу обусловлено теми же причинами, что и психиатрии. Оно обусловлено тем, что «за любой теорией психического заболевания так или иначе стоит онтология, определяющая статус окружающей больного реальности, статус его феноменального мира, специфическая гносеология, очерчивающая границы и возможности его исследования, антропология, которая говорит нам о больном как таковом, и обязательно этика, устанавливающая ту систему моральных предписаний, в рамках которой мы определяем критерии и социальный статус болезни <...> Исследуя психически больного человека, психиатрия нуждается не только в наличии более или менее четко определенной картины его психического функционирования в норме <...> но и в картине его положения и антропологического статуса в мире <...> Для того чтобы ответить на вопрос, как происходит „поломка“, в чем она состоит, к чему приведет и как ее исправить, нужно знать не только устройство механизма, но и его происхождение, предназначение и статус» (Власова, 2010, с. 17–18).

Экзистенциальный анализ предлагает принципиально иной взгляд на природу человека. Представители экзистенциально-аналитической школы мысли утверждают, что существование человека не может быть сведено к законам существования природы, а значит, должно иначе описываться и пониматься. Заслуга применения экзистенциальных идей к клинической практике принадлежит европейским психиатрам — Л. Бинсвангеру и М. Боссу, которые, в свою очередь, оказали значительное влияние на американских психологов, а также на европейских авторов.

Возникновение экзистенциального подхода в клинической практике, в том числе и экзистенциальной клинической психологии, является ответом на необходимость выхода психологической науки на новый уровень описания проблем человека и его взаимоотношений с окружающим миром, отвечая фундаменталь-

ным тенденциям изменения психологической науки в XX в. — движению от естественно-научной парадигмы к гуманитарной, от объясняющего подхода к понимающему, от изучения человека как изолированного объекта к рассмотрению неразрывной связи человека и мира, что, в свою очередь, способствует развитию и распространению экзистенциальной психологии.

Необходимость развития экзистенциального подхода в клинической психологии обусловлена его востребованностью в современной науке и отражает тенденции развития самой психологической науки, связанные с отказом от доминирования естественно-научного исследовательского идеала, расширением проблемного поля психологической науки, постановкой задач полноты описания и понимания проблем современного человека.

Бесспорным преимуществом экзистенциального подхода перед множеством фрагментарных психологических подходов является его интегративный характер. Именно данный подход стремится отказаться от описания отдельных феноменов психической жизни человека и утвердить целостное описание, раскрывающее логику целостного человеческого существования, в том числе и существования человека, страдающего психической патологией.

Экзистенциальный анализ предусматривает целый ряд трансформаций, которые должны быть привнесены в клиническую психологию.

Во-первых, это постановка проблемы соотношения понимания и исследования. В современной клинической психологии до сих пор преобладают в основном исследования, реализующие так называемую классическую рациональность. Можно сформулировать парадокс, который существует в сознании и определяет мировоззрение подавляющего большинства ученых, работающих в клинической психологии: понимать — означает невозможность исследовать, а исследовать — означает невозможность понимать. Разработка методологических, теоретических и методических аспектов понимания как метода современной психологии, роднящая психологию (прежде всего, психологию и клиническую психологию) с гуманитарными науками, в последние годы стала «визитной карточкой» современной философско-антропологической проблематики, задающей горизонты развития психологической науке. Исторические в психологической науке «объяснение и понимание <...> были противопоставлены друг другу, как две линии, два различных принципа методологической организации самой психологии. В частности, В. Дильтей сознательно и последовательно противопоставлял „понимание“ рациональным (конструктивным) функциям и в этом отношении „объяснению“» (Пископель, 2008, с. 47).

Разработка герменевтической проблематики явилась тем центральным пунктом, в котором происходил переход от классической «философии природы» к современной «философии человека», поворот от использования образа «артефакта» — «искусственного произведения рук и ума человека» — для пояснения «постижимого строения природы» к «схватыванию» творческой деятельности живого человека, лежащей «за» и «в» основе любой такой модели. Воспроизведение жизни, деятельности человека (или «рефлексия жизни на самое себя», как говорил Дильтей) отождествляется с процессом порождения, процессом творчества. Такой творческий процесс воспроизведения реальности Дильтей назвал «пониманием» и рассматривал его как метод гуманитарных наук, адекватный специ-

фике «собственно человеческой реальности». Предметом понимания является данная во внутреннем опыте реальность элементарных актов переживания, которые должны быть доведены до общезначимого понимания. Систематическое связывание актов переживания с целью понять значение сложного целого Дильтей назвал «выражением», «интерпретацией», а ее методологию — герменевтикой (Dilthey, 1976, р. 247–263). Он рассматривал герменевтику как гуманитарно-научный метод, заключающий в себе постоянное взаимодействие переживания и понятия. Он выдвинул тезис о том, что герменевтика включает в себя не только интерпретацию текстов и устных высказываний, но также изучение многих других собственно культурных феноменов, как если бы они были текстом, который требует интерпретации. При этом сам процесс постижения в гуманитарных науках должен «походить скорее на постижение смысла стихотворения, нежели на метод изучения химии или физики» (там же, р. 10).

Что же означает переход к новой гносеологической установке на понимание? Выдвижение на первый план «понимания» означает смену приоритетной парадигматики — переход от системы координат «человек — объяснение — природа» к системе «человек — понимание — культура» (Пископель, 2008, с. 47).

Разрабатывая герменевтическую проблематику, Дильтей придал слову «переживание» функцию понятия в философии и психологии, рассматривая переживание как главную данность, с которой имеют дело гуманитарные науки, и как конечную «единицу сознания» (см., например: Гадамер, 1988, с. 30). Немецкое слово, обозначающее понятие «переживание» («das Erlebnis»), происходит от глагола «переживать», который, как отмечает Гадамер, исходно означал «быть еще в живых, когда случилось нечто». Понятие «переживание» выражает противоположность тому, о чем человек полагает, что он знает, к чему пришел путем умозаключений, что он интериоризировал или просто вообразил. «Пережитое — это всегда пережитое самостоятельно» (там же, с. 105).

Понятия «переживание» получило содержательное развитие в феноменологии, и, прежде всего, в феноменологии Э. Гуссерля. «Переживание становится широким названием всякого вида опыта, который предметен, обладает смыслом, который в той или иной форме представлен в сознании и который мы идентифицируем как связанный с нашим „я“. Переживание — это то, что мы действительно испытали, вне зависимости от того, что „реально происходило“ с нами, нашим организмом, объектами внешнего мира. Это нечто схваченное в ощущении, восприятии, воспоминании, желании и т. д. в том виде, в котором мы ощущали, воспринимали, вспоминали, желали и т. д.» (Гуссерль, 2001, с. 323–329). Феноменологический анализ переживаний предполагает анализ наличного в нашем сознании или опыте, не беря в расчет, имеет ли это наличное какое-то отношение к внешнему миру или «реально происходящему». Переживания с позиций феноменологии имеют особый статус: они являются всему предпосланными. «Переживание есть то, бытие чего не может быть подвергнуто отрицанию... Обращаясь к собственным переживаниям я постигаю себя как субъекта этой жизни, я с необходимостью констатирую: я емь, эта жизнь есть, я живу» (Гуссерль, 1999, с. 100).

Во-вторых, в психологии конца XX — начала XXI в. в соответствии со сменой гносеологических схем происходил постепенный переход с «субъект-объектной» на «субъект-субъектную», смещение интереса с проблемы восприятия объектив-

ного мира (и мышления о нем) к проблеме исследования самого субъективного мира человека, к исследованию «жизненного мира» личности.

Фундаментальным понятием экзистенциальной философии является понятие «бытия-в-мире». Конкретизацией постулата «бытия-в-мире» является понятие «жизненного мира», имеющего свою историю в философии. Жизненный мир рассматривается в психологии как «обобщенная психологическая характеристика, которая интегрирует основные установки и смыслы человеческой жизни в их неразрывной связи с реальным бытием» (Гришина, 2018, с. 62).

Обсуждая лекцию одного из крупнейших представителей современной философской герменевтики Ю. Хабермаса, посвященную исследованию жизненного мира в философии, В. В. Миронов, отмечает: «Возвращение к проблеме жизненного мира, к проблемам повседневного сознания разрушает „монолитное представление об объективном мире“, которое, казалось, уже раз и навсегда было решено в классической науке, прежде всего, конечно, в физике» (Миронов, 2011, с. 38).

Хабермас замечает, что, «исследуя жизненный мир (повседневный опыт), мы лишь конструируем принцип объективности, объективного подхода, формулируя его как «беспристрастное описание действительности», как некое освобождение от субъективности переживаний, носящих личностный характер. Он утверждает, что «в отличие от естественных наук, которые освобождаются от „субъективности“ за счет опредмечивания мира, гуманитарные науки <...> могут это осуществить „лишь путем герменевтического удостоверения и углубляющей реконструкции опыта и практики обращения жизненного мира“» (там же, с. 39–40).

Герменевтическая традиция в философии и психологии, рассматривает реконструкцию жизненных миров как одну из центральных задач. Каким бы ни был метод феноменологического анализа, его целью всегда является реконструкция внутреннего мира переживаний субъекта. «У каждого человека свой способ переживания темпоральности, пространственности, причинности и материальности, но каждое из этих направлений необходимо понять в его связи с другими направлениями и с внутренним миром в целом. <...> Реконструкция внутреннего мира пациента для феноменологические может быть целью сама по себе...» (Хабермас, 2011, с. 227). Особые феноменологические миры были описаны в психопатологии (Экзистенциальная психология..., 2001; Бинсвангер, 1999).

Один из основных вопросов, от ответа на который зависит развертывание эмпирического исследования, — это вопрос о том, что мы имеем в виду, употребляя понятие «жизненный мир», как он нам дан? Хабермас отмечает: «Жизненный мир не предстает перед нами как теория, а, напротив, мы находим себя в нем дотеоретически <...> Он нас захватывает и в том смысле, что мы как конечные существа обращаемся с тем, с чем мы сталкиваемся в мире. Гуссерль говорит о „горизонте“ жизненного мира и о его „приземленной“ функции. Жизненным миром является, соответственно, не переходимый, а интуитивно сопровождающий (нас) горизонт опыта. Он — непредметный фон наших присутствующих переживаний, за который нельзя зайти; нашего персонального, вытекающего из исторической ситуации, телесно воплощенного и коммуникативно обобщественного повседневного существования. Мы осознаем себя перформативно, как переживающие субъекты, включенные в органические жизненные процессы, а также как субъекты общественных, т. е. включенные в социальные отношения и практики, а также

как субъекты действующие, вмешивающиеся в мир» (Хабермас, 2011, с. 76–77). О жизненном мире можно сказать то же самое, что Ф. Е. Василюк говорит о переживании: он есть порождение «внутренней работы сознания». В этом смысле человек «строит», «конструирует» свой мир. Крайне важно отметить, что понятие жизненного мира «противостоит фальсифицируемому знанию, которое доминирует в науках». В его основе лежит, как говорит Хабермас, „интуитивная достоверность“, которая характерна для нас и в обыденной жизни» (Хабермас, 2011, с. 111).

Наиболее четкое и развернутое определение понятия «жизненный мир» в психологии было дано Мэем: «Мир – это структура значимых отношений, в которых существует человек и в создании которых он принимает участие. Таким образом, мир состоит из прошлых событий, которые влияют на мое существование, и всего многообразия воздействующих на меня детерминистических сил. Но это я делаю их такими, так или иначе относясь к ним, сознавая их, пронося с собой, создавая и формируя, встраивая их в каждую минуту своих отношений. Сознать чей-либо мир означает в то же самое время, и создавать его» (Мэй, 2001, с. 166). Упрощение, часто встречающееся в психологических исследованиях, – противопоставление психологического (субъективного) и физического (объективного) мира – преодолевается подходом, который Бинсвангер назвал *Daseinsanalyse* (экзистенциальный анализ), целью которого является «реконструкция внутреннего мира переживаний психиатрических пациентов, осуществляемая с помощью понятийной схемы, в основе которой лежат исследования структуры человеческого существования, проведенные Хайдеггером» (Бинсвангер, 1999, с. 231–232).

Как отмечают экзистенциальные аналитики, жизненный мир никогда не бывает чем-то статичным, чем-то таким, что просто «дано» человеку, к чему он «приспосабливается» или с чем борется, он – «динамическое образование», которое человек, пока он наделен сознанием, формирует, строит и конструирует. Он принципиально «открыт» не только в смысле вторжения в этот мир случайностей, но и в смысле того, что он всегда есть «проект», созданный человеческими возможностями и ориентированный в будущее.

Существование человека, его бытие-в-мире характеризуется экзистенциально-аналитической школой мысли как жизнь в различно структурированных мирах. В данной работе мы исходим из понимания мира в экзистенциальном анализе и, в частности, в *Daseinsanalyse* Л. Бинсвангера, выделяющего три формы мира, три одновременных аспекта, которые характеризуют существование субъекта как бытие-в-мире.

1. *Umwelt* – это то, что мы в просторечии называем миром, т. е. предметным миром вокруг нас, природным миром, термин буквально означает «мир вокруг», физический мир, общий для всех живых организмов. Человек существует здесь, представлен здесь в своем физическом существовании. Это мир естественных законов природы, жизни и смерти. Это биологический мир, который обычно называют окружающей средой. У животных и человека *Umwelt* составляют биологические потребности, мотивы, инстинкты. Можно предположить, что это тот мир, в котором животное или человек продолжали бы существовать, если бы они не сознавали себя. Это мир природных законов

и природных циклов сна и бодрствования, рождения и смерти, желания и покоя, мир конечности и биологического детерминизма, «мир заброшенных», к которому каждый из нас как-то должен приспособиться. Экзистенциальные аналитики не отрицают реальность природного мира: «Природный закон так же ценен, как и все остальное» (С. Кьеркегор). Однако нельзя считать Umwelt единственной формой существования; большим заблуждением является также перенос категорий, соответствующих Umwelt, на другие области, а также попытка вставить затем в это прокрустово ложе все человеческое существование. В этом отношении экзистенциальные аналитики большие эмпирики, т. е. с большим уважением относятся к феномену человека, чем механицисты или позитивисты (Мэй, 2001, с. 167–168).

2. Mitwelt (буквально – «с миром») – мир совместного существования, социальный мир. Это мир культуры, в которую человек включен, в отличие от животных, мир взаимоотношений с людьми, мир существ одного вида, мир наших соплеменников. Данный мир имеет структуру значений, созданную взаимоотношениями людей друг с другом: так, значение группы для человека отчасти зависит от того, как он себя в ней поставил.
3. Eigenwelt – это «собственный мир», форма отношений с собственным «я», мир самости, внутренний мир человека в противовес его существованию среди других людей. Eigenwelt предполагает самоосознание, самоотношение, он есть только у человека и является не просто субъективным, внутренним переживанием, он – базис, на котором мы можем видеть реальный мир в его истинной перспективе, это основа наших отношений. Правильное высказывание о другом в этом мире – это высказывание о том, например, что этот человек значит для меня (там же, с. 167–168).

Эти три формы мира всегда взаимосвязаны, всегда обуславливают друг друга. Человек одновременно живет в Umwelt, Mitwelt и Eigenwelt. Это три разных мира, но при этом это три одновременно существующие формы бытия-в-мире. Из данного описания трех форм мира можно вывести несколько следствий.

Во-первых, реальность бытия-в-мире теряется, если одна из этих форм значительно преобладает над другими.

Во-вторых, Mitwelt не включает в себя автоматически ни Umwelt, ни Eigenwelt. Но когда мы обращаемся к самому Eigenwelt, то оказываемся на неисследованной границе психологической и психотерапевтической теории.

В-третьих, необходимо отметить, что вряд ли хоть одна школа уже достигла того уровня, на котором можно работать с Eigenwelt. Сложнее всего понять именно Eigenwelt. Возможно, что в ближайшие десятилетия в наибольшей степени прояснится именно область Eigenwelt (там же, с. 168–169).

Можно бесконечно спорить о теоретических подходах и их методологических основах, характеризуя то, что мы имеем в виду, определяя понятие «жизненный мир». Наши теоретические построения есть в определенном смысле модель, конструкция той реальности, которую мы хотим исследовать (безотносительно к тому, создаем ли мы или нет вместе с моделью и реальность), это карта, по которой мы в реальном исследовании должны пройти по «территории предмета эмпирического исследования». Однако для того, чтобы пройти по территории

предмета исследования, необходимо иметь исследовательский инструмент, соответствующий избранной нами карте.

Можно согласиться с Гришиной в том, что «одной из наиболее сложных проблем, стоящих перед экзистенциальным направлением в психологии, является *развитие исследовательских процедур и методических подходов*, релевантных его принципам и задачам. Исследовательские методы психологии, сложившиеся в классический период ее развития, во многом заимствованные из естественнонаучной исследовательской парадигмы, не отвечают сложности феноменологии, относящейся к предмету — проблемному полю экзистенциальной психологии» (Гришина, 2018, с. 72).

Поиск методических решений остается важной задачей экзистенциальной психологии, поскольку сама идея экспериментальной экзистенциальной психологии никогда не рассматривалась как возможная, настолько эти два подхода — экспериментальный и экзистенциальный — мыслились как противоположности в широком поле психологии (Handbook of Experimental..., 2004, p. 3–4).

Таким образом, в экзистенциальной клинической психологии возникают три основных направления развития.

Во-первых, теоретический анализ новых категорий и соотношений между ними, их модификация в клинической психологии.

Во-вторых, решение гносеологических и методических проблем, создание нового арсенала методических приемов, нацеленных на преодоление, снятие парадокса, сформулированного выше: «понимать нельзя исследовать».

Третье направление — это пересмотр основных направлений практической деятельности клинических психологов и осуществление практической работы с людьми, страдающими психическими расстройствами, учет существования у них наряду с социальными и психологическими проблемами также и проблем экзистенциальных.

Литература

- Бинсвангер Л.* Бытие-в-мире. СПб.: КСП+, 1999.
- Власова О.* Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ. История, мыслители, проблемы. М.: ИД «Территория будущего», 2010.
- Воробьева Л. И.* Гуманитарная психология: предмет и задачи // Вопросы психологии. 1995. № 2. С. 19–30.
- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
- Гришина Н. В.* Экзистенциальная психология: учебник. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2018.
- Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1: Общее введение в чистую феноменологию. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
- Гуссерль Э.* Собр. соч. Т. III: Исследования по феноменологии и теории познания. М.: Гнозис—Дом интеллектуальной книги, 2001.
- Миронов В. В.* О философии, «жизненном мире» и метафизике (размышления о лекции Юргена Хабермаса) // Ю. Хабермас. От картин 122 мира к жизненному миру. М.: Идея-Пресс, 2011.
- Мэй Р.* Вклад экзистенциальной психотерапии // Экзистенциальная психология. Экзистенция. М.: Апрель-Пресс—Эксмо, 2001. С. 141–200.

- Пископел А. А.* Объяснение и понимание в диалоге «объяснительной» и «описательной» психологии // Методология и история психологии. Тематический выпуск. 2008. Т. 3. Вып. 1. С. 47–56.
- Тхостов А. Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002.
- Филатов Р.* Феномен болезни в различных системах знания: конфликт интерпретаций // Московский психотерапевтический журнал. 2002. № 2. С. 5–31.
- Хабермас Ю.* От картин мира к жизненному миру. М.: Идея-Пресс, 2011.
- Экзистенциальная психология. Экзистенция. М.: Апрель-Пресс—Эксмо, 2001.
- Dilthey W.* Selected writings. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Handbook of Experimental Existential Psychology. N. Y.—London: Guilford Press, 2004.

The importance of existential alternative development in clinical psychology

T. D. Shevelenkova

*Institute of Psychology named after L. S. Vygotsky,
Russian State University for the Humanities, Moscow*

Psychology in the XXI century is characterized by the advancement of existential approaches to the leading positions, the birth of humanitarian psychology as a postclassical period of its development. Classical science remains only a variant of the cognitive attitude to reality, but clinical psychology adheres to classical rationality, remaining a psychology “without a person”, which does not deal with human existence proper. The existential alternative in clinical psychology focuses on the analysis of new categories, the creation of methodological techniques for the study of existential problems, it will consider the existence of existential problems in people suffering from mental disorders in practice.

Keywords: existential alternative, clinical psychology, understanding, being-in-the-world.

Историко-системная разработка психологии индивидуальности

И. А. Юров

Звенигород, sov36@mail.ru

Проблему индивидуальности следует рассматривать как с исторических, так и системных позиций. Индивидуальность — это саморазвивающаяся, саморегулируемая система. В отечественной психологии индивидуальность описывается через понятия характера, личности, дифференциальной психологии и собственно индивидуальности. В ее структуре индивидные, личностные, социальные и субъ-

ектные характеристики являются равноправными, способствующими достижению необходимых результатов. Активность человека проявляется на индивидуном, психологическом, личностном и социальном уровнях, но субъектность характерна только для индивидуальности, которая есть биопсихосоциальное образование, характеризующее целостностью, неделимостью, своеобразием качеств каждого отдельного человека.

Ключевые слова: история психологии, система, индивид, личность, субъект, индивидуальность, разработка, характер, дифференциальная психология.

В отечественной психологии индивидуальность определяется через понятия характера, дифференциальной психофизиологии, личности и собственно индивидуальности. Часть психологов описывают индивидуальность путем создания характерологии, по их представлениям, характер — это и есть индивидуальность человека (А. Ф. Лазурский). Другое научное направление — дифференциально-психофизиологическое (И. П. Павлов, Б. М. Теплов, В. Ф. Небылицин, В. Ф. Русалов и др.). Третье научное направление по изучению индивидуальности сосредоточено на проблеме личности (К. А. Абульханова, А. Г. Асмолов, Л. М. Веккер, Л. И. Божович, А. В. Петровский, В. А. Петровский, К. К. Платонов, В. И. Слободчиков, Е. В. Шорохова, М. Г. Ярошевский и др.; см.: Юров, 2021).

Изучение проблемы индивидуальности было начато в Древней Греции. Атомисты Левкипп и Демокрит ввели понятия атомов или индивидуумов, имеющих определенную форму, т. е. выступающих как индивидуальности. Согласно Платону, вещи посредством общего приобретают бытие, а реальность общего — индивидуальность. По Аристотелю, принцип индивидуализации, или индивидуации, коренится не в идеях, а в самой сфере, которая, будучи аморфной, может обрести реальность только в индивидуальных вещах (Аристотель, 1975, с. 532). Сенека под индивидуальностью понимал обозначение отдельного существа, которое не может быть далее разделено, не утрачивая своей специфики. По мнению В. Лейбница, монады-индивидуальности не похожи и своеобразны: «Если бы два индивида были совершенно сходны и одинаковы, неразличимы сами по себе, то не было бы принципа индивидуации и не было бы различных индивидов» (Лейбниц, 1983, с. 231). Вместе с тем он отмечал, что специфичность вещи не тождественна ее индивидуальности, вещь «может сохранить свою специфичность, но не сохранить индивидуальности» (там же, с. 232). Благодаря силе монады имеют внутренний источник своей деятельности, посредством которой они и обретают собственное бытие, самостоятельность и независимость индивидуального существования. Самодеятельность, таким образом, является по Лейбницу той основой, исходя из которой он пытался раскрыть природу индивидуализации (Психология личности, 2001). Между тем Лейбниц, абсолютизовав автономность индивидуальности, объявив ее замкнутой в себе сущностью, не имеющей «окон» во внешний мир, оказался не в состоянии раскрыть объективные основы принципа индивидуализации, который реализует «принцип рефлексии в себя» (Гегель, 1971, с. 184). И. Фихте понимал индивидуальность как основу выделения из абсолютного «Я» многообразия эмпирических «Я»: «Единая жизнь может обнаружить себя практически только в индивидуальной форме» (Фихте, 1914, с. 92). Ф. Шеллинг счи-

тал, что «из самосознания вообще следует выводить всякую индивидуальность» (Шеллинг, 1936, с. 58). Г. Гегель считал, что приобщение отдельного индивида к общему через его включение в жизнь рода происходит снятие ограниченности индивидуального бытия. «В индивидуальности это движение того и другого есть процесс, который себя снимает и результатом которого является сознание — единство, которое в себе и для себя есть единство обоих как самость, а не только как род во внутреннем понятии единичного» (Гегель, 1975, с. 577).

После Гегеля определилась тенденция связывать решение проблемы с раскрытием реальных взаимоотношений человека и общества, личности и коллектива. Другая тенденция, ведущая свое начало от С. Кьеркегора, состоит в решении этой проблемы в рамках индивидуализма, противопоставляющего человека обществу.

С позиций индивидуализма рассматривал проблему индивидуализации М. Штирнер, который также в качестве отправного пункта взял изолированного индивида, «единственного», считая, что только в таком качестве человек становится подлинной индивидуальностью. В обществе же нужно отказаться от себя и жить только для государства. Так, процесс индивидуализации в его трактовке предстает в виде абстрактной схемы «ребенок — юноша — муж», которая никак не связана с психофизическим и социально-историческим развитием индивида, а представляет собой мистическую смену различных форм сознания. В результате образуется индивидуальность, тождественная «голому» самосознанию. «Я же сам не что иное, как дух, мыслящий (по Декарту) и верующий (по Лютеру). Мое тело — не я; моя плоть может страдать от похотей или мук, но я — не моя плоть, я — дух, только дух» (Штирнер, 1907, с. 289). Ф. Шлейермахер в споре с Фихте о сущности индивидуальности доказывал, что своеобразие — эта та единственная форма, посредством которой человек может проявляться в индивидуальном человеке (цит. по: Гайденко, 1979, с. 166).

К. Маркс писал: «Первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов (Маркс, Энгельс, т. 42, с. 119).

В. Франкл, говоря об индивидуальности личности, прежде всего отмечал ее духовное бытие (Франкл, 2001). М. Фуко под «индивидуализмом» в основном понимает общественную позицию, наделяющую индивида в его неповторимости высокой ценностью (Фуко, 1998).

Под «индивидуальностью» В. Штерн понимает индивида как целое в его уникальности (Штерн, 1998). Р. Уильямс призывает «признать индивидуальность не только на социальном и психологическом, но и «на биохимическом и физиологическом уровнях» (Уильямс, 1960, с. 244). Американский ученый Дж. Уолд указывает, что изучение индивидуальности является «важнейшим этапом науки» (Уолд, 1967, с. 79).

Н. П. Дубинин полагает: «Популяционная концепция строится на признании генетической индивидуальности каждой особи внутри популяции. Типологическое же мышление исходит из того, что средний тип характеризует любую особь в данной совокупности организмов» (Дубинин, 1975, с. 76).

Аналогичного взгляда на индивидуальность придерживаются некоторые западные исследователи, например А. Пауэлл и Дж. Ройс (Pawell, Royce, 1985). Существуют и другие подходы к пониманию индивидуальности: как целостной системы (С.Л. Рубинштейн); интеграционно-комплексный (Ананьев, 1969); сис-

темно-деятельностный (Асмолов, 1986; Шадриков, 2009); субъектно-деятельностный; культурно-психологический; рефлексивно-экзистенциальный (Семёнов, 2009); системный подход к онтогенезу интегральной индивидуальности (Мерлин, 1986); философский (Тугаринов, 1965); эволюционно-системный; формально-динамический (см.: Юров, 2021).

С.Л. Рубинштейн ставил задачу синтетического изучения человека, включающего различные аспекты человековедения (Рубинштейн, 1946). По Б.Г. Ананьеву, все особенности человека как биосоциального образования находятся в неразрывной связи и взаимной обусловленности (подробнее см.: Головей и др., 2017. Его позиция означала «исследование многообразнейшей структуры, а эту структуру невозможно понять вне общества и природы, звеном которых он является» (Ананьев, 1969, с. 71). Человек — это и организм, представитель биологического вида *Homo Sapiens*, и член общества, личность, субъект. Субъект всегда личность, а личность — субъект, но субъект не только личность, а личность не только субъект, так как, помимо различия самих характеристик деятельности и отношений, существует еще различие в принадлежности этих характеристик к структурам более высокого порядка.

Процесс развития касается и социально-исторических составляющих индивидуальности человека (Асмолов, 1986). Феномен индивидуальности относится не к какой-то отдельной части человеческой конституции, а есть качество целостного человека.

По мнению Е.В. Шороховой, поскольку индивидуальность — это синтетическая характеристика человека, то изучение ее составляет задачу синтетического человековедения, включающего комплекс естественных и общественных наук, и нельзя определять человека только как общественное существо, так как он является и природным существом. Разделение компетенций психологии и социологии по рангу общности и особенности, которое нередко можно встретить в зарубежных концепциях, несостоятельно (Шорохова, 1974).

А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский обозначили понятием «индивид» человека как носителя совокупности типических социопсихических свойств. Личность же характеризуется ансамблем качеств, в которых раскрывается ее социальная неповторимость (Петровский, Ярошевский, 2002).

В.С. Мерлин ввел понятие интегральной индивидуальности, подчеркивая, что все природные и социальные качества (биохимические, общесоматические свойства, темперамент, свойства личности, социальные роли в социальной группе) взаимосвязаны.

Существуют также технико-информационная и социогуманитарная методологии (Семёнов, 2009). Некоторые психологи используют понятие не «индивидуальность», а «индивидуальность личности».

«Неподражаемость» — исторически первый признак индивидуальности (Татенко, 2009, с. 110)

По мнению В.А. Ганзена, человек как предмет исследования психологической науки является целостным объектом и к нему применимы все закономерности, управляющие целостными и гармоничными структурами (Ганзен, 1974).

В отечественной психологии существуют разнообразие подходы, теории и просто мнения по проблеме индивидуальности. Одни исследователи под ин-

дивидуальностью понимают различные нейродинамические и психофизиологические свойства, другие — характер человека, третьи — личность, четвертые — индивидуальность личности, пятые — творческие качества человека.

Рассматривая человека как целостную систему, Г. И. Акинщикова ставит вопрос об уровнях его организации, ориентировочно выделяя восемь уровней: а) генетической организации; б) систем и организма человека; в) уровень морфофизиологической организации; г) уровень сенсорно-перцептивной организации; д) уровень психомоторной организации; е) уровень интеллектуальной организации; ж) уровень личностной организации; з) уровень социальной организации. Высшие уровни организации (е–з) свойственны только человеку, остальные являются общими для всего животного мира нашей планеты (Акинщикова, 1977).

Представим торт, в основе которого находится несколько коржей, наполненных разным кремом. Конечно, можно взять один корж, но это ведь не часть целого торта. Так и в индивидуальности можно отдельно анализировать разные уровни от генетического до социально-психологического, но сама индивидуальность включает все уровни в единстве и целостности. Еще Ф. Энгельс говорил о едином историческом естествознании.

Система определяется как совокупность взаимодействующих объектов (В. Г. Афанасьев). Развивавшийся А. В. Брушлинским субъектно-деятельностный подход, предложенный С. Л. Рубинштейном, представляет собой системную целостность психики человека (Брушлинский, 1999, с. 331).

На биологическом уровне возможен высокий уровень активности. Первичные формы субъектного отношения к миру Л. И. Божович обнаружила уже у младенцев 3–5-й недели жизни. Окружающая действительность начинает превращать новорожденного в субъекта (Божович, 1968). Е. А. Сергиенко успешно провела многочисленные экспериментальные исследования разных аспектов и функций развития субъекта от младенчества (младенцы уже субъектны?!) до пожилого и старческого возраста (Сергиенко, 2013).

М. С. Гусельцева разводит понятия «индивид», «личность», «индивидуальность», «субъект»: «Так, с позиции культурно-аналитического подхода соотношение структур в раннем детстве доминирует активный субъект; затем ведущую роль играет субъект в композиции с личностью, в дальнейшем соотношение меняется при возрастании социализирующей роли личности; в зрелом возрасте на передний план выходит тандем субъекта и индивидуальности» (Гусельцева, 2018, с. 124).

Н. И. Чуприкова определяет синкретизм понятий «субъектность» и «активность»; индивид, являющийся носителем и источником активности, т. е. субъектом, предстает как сложная открытая система, находящаяся во взаимодействии с внешним миром. Более того, описывая процесс эволюционного развития психики, она говорит о взаимодействии с миром в процессе собственной активности уже не только человека, но живого существа вообще (Чуприкова, 2007).

Получается, что, согласно мнению этих авторов, уже новорожденный является субъектом. По Брушлинскому, субъект — это высший уровень в развитии человека. У новорожденного проявляется активность только на индивидуальном уровне (Брушлинский, 1999).

На втором иерархическом психоуровне индивидуальности функционируют механизмы регуляции и саморегуляции: процессы, перцепция, аффекты, эмоци-

онально-мотивационная и потребностно-мотивационная сферы (эмоциональность, тревожность-фрустрированность, мотивация) психомоторика. Все эти особенности могут характеризоваться высокой или низкой степенью активности.

Позднее в процессе социализации формируются характеристики личности: психодинамика, Я-концепция, свойства личности, уровень притязаний, интеллект, социально-психологические статусы. Личностный принцип гласит: субъект — это всегда личность, но к личности не сводим (Я-интраперсональное, Я-интерперсональное, Я-интеллектуальное, Я-социальное).

К. А. Абульханова к субъектным свойствам личности относит целеполагание, саморегуляцию, самоконтроль, ценности, самооценку (Абульханова, 2009). Эти качества в большей степени относятся к индивидуальности. Между свойствами личности и свойствами индивида иерархическая связь — «индивид—личность—индивидуальность». Эта зависимость подчиняется законам соотношения низшего и высшего (Ананьев, 1969).

Е. А. Сергиенко выделяет акмеологический критерий субъекта (вершина развития личности) и второй — эволюционный (Сергиенко, 2013). По нашему мнению, индивидуальность начинается с постепенного эволюционного развития, в результате которого она становится вершиной развития человека, а субъектность является функциональной (деятельностной) характеристикой этой индивидуальности. Индивидуальность есть биопсихосоциальное образование, характеризующее целостностью, неделимостью, своеобразием качеств, эффективностью деятельности (Юров, 2021).

С нашей точки зрения, индивидуальность является не атрибутивной, а самостоятельной психологической реальностью (А. П. Басов, согласно которому индивидуальности достигают лишь немногие личности). Когда формируется важный уровень индивидуальности — личностный, только тогда можно говорить о целостной индивидуальности, когда это будет зависеть от онтогенеза и актуалгенеза человека. И тогда человек будет считаться индивидуальностью в качестве уникальной, своеобразной, единой целостности.

Заключение

Проблему индивидуальности следует рассматривать как с исторических, так и системных позиций.

Познать целое — это означает установить действительный источник и начало его возникновения, преэссенциальность, внутреннюю связь, состав, т. е. общую характеристику образующих его компонентов, его структуру, т. е. характер взаимосвязи компонентов.

По нашему мнению, *индивидуальность* как интегральную целостную макрохарактеристику, биопсихосоциальное своеобразие человека, совокупность индивидуальных свойств человека следует рассматривать в качестве иерархической саморегулирующейся и саморазвивающейся системы.

Исходной предпосылкой для оценки индивидуального роста личности и эффективности индивидуальности служит состояние функциональных систем человека, а прогноз находится на уровне акмедостижения (целеполагание, потребности и мотивация, уровень притязаний, возможности и задатки, эмоции и воля,

планируемые достижения, моральные и социально-психологические установки), что вытекает из самой сущности комплексно-системного подхода к оценке деятельности индивидуальности. Психологические предпосылки прогнозирования достижений тесно связаны с личностными, социальными, ресурсными и акметехнологическими компонентами индивидуальной деятельности.

Есть все основания согласиться с положением о том, что индивидуальность представлена относительной автономией каждого из входящих в нее уровней и их определенной соподчиненностью.

Наше определение индивидуальности соответствует пониманию системы Л. Бертаганфи, Л. А. Блюменфельда, Н. Ф. Овчинникова, Б. Ф. Ломова, которые считают, что наряду с социальными качествами человек выступает и как природное, прежде всего биологическое существо.

Литература

- Абульханова К. А.* История и перспектива психологии индивидуальности // Психология индивидуальности: Новые модели и концепции. М.: МПСИ, 2009. С. 14–71.
- Акинщикова Г. И.* Соматическая и психо-физиологическая организация человека. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.
- Аристотель.* Сочинения. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975.
- Асмолов А. Г.* Психология индивидуальности: Методологические основы развития личности в историко-эволюционном процессе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
- Божович Л. И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта и его деятельность // Современная психология: Справочное руководство. М.: Инфра-М, 1999. С. 330–346.
- Ганзен В. А.* Восприятие целостных объектов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
- Гайденок П. П.* Философия Фихте и современность. М.: Мысль, 1979.
- Гегель Г.* Наука логики. В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1971.
- Гегель Г.* Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1975.
- Головей Л. А., Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В.* Междисциплинарные исследования в психологии: история и современность // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 2700–2707.
- Гусельцева М. С.* Субъект как проблема современной психологии // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 119–126.
- Дубинин Н. П.* Популяционная концепция и типологическое мышление в проблеме человека // Вопросы философии, 1975. № 10. С. 76.
- Лейбниц.* Сочинения. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 42. М.: Политиздат, 1955.
- Мерлин В. С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Просвещение, 1986.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Психология. М.: Академия, 2002.
- Психология личности: Словарь-справочник / Под ред. Т. М. Титаренко. Киев: Рута, 2001.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946.

- Семёнов И. Н.* Индивидуальность в диалоге с собой // Психология индивидуальности: новые модели и концепции. М.: МПСИ, 2009. С. 314–367.
- Сергиенко Е. А.* Развитие идей А. В. Брушлинского: соотношение категорий субъекта и личности // Человек, субъект, личность в современной психологии. Т. 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 41–44.
- Татенко В. А.* Индивидуальность в бытии // Психология индивидуальности: Новые модели и концепции. М.: МПСИ, 2009. С. 110–164.
- Тугаринов В. П.* Личность и общество. М.: Наука, 1965. С. 12–93.
- Уильямс Р.* Биохимическая индивидуальность. М.: Иностранная литература, 1960.
- Уолд Дж.* Детерминизм, индивидуальность и проблемы свободы // Наука и жизнь. 1967. № 1. С. 74–82.
- Фихте И. Г.* Факты сознания. СПб.: Труды С.-Петербургского Философского общества, 1914.
- Франкл В.* Основы психотерапии. Психотерапия и религия. М.: Речь, 2001.
- Фуко М.* Забота о себе. Киев—М.: Дух и Литера, 1998.
- Чуприкова Н. И.* Методология и история психологии // Методы и методология психологической науки. 2007. № 1. С. 51–60.
- Шадриков В. Д.* Сущность индивидуальности // Психология индивидуальности: Новые модели и концепции. М.: МПСИ, 2009. С. 72–109.
- Шеллинг Ф. В.* Система трансцендентального идеализма. Л.: Лениздат, 1936.
- Шорохова Е. В.* Психологический аспект проблемы личности // Теоретические проблемы психологии личности. М.: Наука, 1974. С. 3–33.
- Штерн В.* Дифференциальная психология и ее методические основы. М.: Наука, 1998.
- Штирнер М.* Единственный и его собственность. СПб.: Светоч, 1907.
- Юров И. А.* Психология индивидуальности. М.: Русайнс, 2021.
- Pawell A., Royce J.* An overview of multifactor-system theory // The Biological Bases of Personality and Behavior / Eds J. Streloy, F. Farley, A. Gale. Washington—London: Psychological reports, 1985.

Historical and systemic development of the psychology of individuality

I. A. Yurov

freelancer, Zvenigorod, sov36@mail.ru

The problem of individuality should be viewed from both historical and systemic perspectives. Individuality is a self-developing, self-regulating system. In Russian psychology, individuality is described through the concepts of character, personality, differential psychology, and one's own concept of individuality. In the structure of individuality, individual, personal, social and subjective characteristics are equal, contributing to the achievement of the necessary results. Human activity manifests itself at the individual, psycho, personal and social levels, but subjectivity is characteristic only of the individual, which is a biopsychosocial formation characterized by the integrity, indivisibility, and uniqueness of the qualities of each individual person.

Keywords: history of psychology, system, individual, personality, subject, individuality, development, character, differential psychology.

Категория «индивидуальный субъект»: проблемы создания теоретической схемы

А. П. Якунин

ООО «ЦДС Потенциал», Санкт-Петербург, a.yakunin-a.p.psi@yandex.ru

Статья содержит историко-психологический анализ представлений К. А. Абульхановой и А. В. Брушлинского о принципе субъекта и категории «индивидуальный субъект». Ретроспективный анализ работ авторов по проблеме категории «индивидуальный субъект» показал недостаточную проработанность предложенных схем данной категории с позиций принципа субъекта. Проведенное исследование позволило сделать вывод о построении схемы категории «индивидуальный субъект» как диалектического единства субъекта жизнедеятельности и субъекта психической деятельности.

Ключевые слова: история, методология, теория, принцип субъекта, индивидуальный субъект, субъект жизнедеятельности, субъект психической деятельности, индивид, личность, индивидуальность.

В последние три десятилетия в отечественной психологии стало привычным использование понятий «субъект восприятия», «субъект мышления», «субъект отношения», «субъект деятельности», «субъект поведения» и т. д. Одна из проблем массового словоупотребления понятия «субъект» заключается в том, что само это понятие остается не раскрытым в работах многих авторов. Говоря конкретнее, исследуя понятие «субъект чего-то», авторы не предоставляют теоретическую схему понятия «субъект», а в лучшем случае демонстрируют теоретическую схему второй составляющей понятия «субъект чего-то» (например, отношения, общения, поступка и т. д.). Если автор занимается какой-то конкретной темой длительное время, то он публикует схему понятия «субъект», обоснование построения которой обусловлено структурной организацией внешнего для понятия «субъект» феномена. Следствием таких схем становится неразработанность понятия «субъект» и низкий уровень прогностических возможностей подобных схем, так как из их содержания исключены те или иные качества, которые не фиксируются в структурной организации феномена, обосновывающей построение схемы понятия «субъект». Можно заключить, что такой путь построения теоретической схемы данного понятия не является правильным и адекватным. Актуальным и возможным решением проблемы схемы субъекта является междисциплинарный подход (на основе объединения знания всех научных дисциплин психологии) в определении сущности психологии человека. На наш взгляд, построение схемы субъекта аналогично построению схемы о периодизации химических элементов, реализованной Д. И. Менделеевым. Одной из главных идей А. В. Брушлинского и была разработка принципа и категории субъекта, способного стать междисциплинарным. Естественно, что реализация данной задачи требует колоссальных интеллектуальных, эмоциональных, временных и финансовых за-

трат со стороны исследователей, но насущная потребность в решении этой задачи назрела в связи с кризисом в психологии, преодоление которого обуславливает место психологии как научной дисциплины среди других наук.

Ранее автором была представлена схема категории «индивидуальный субъект», в рамках которой обосновывается диалектическое единство субъекта жизнедеятельности и субъекта психической деятельности, причем не раскрыты в достаточной мере обоснования и предпосылки построения предложенной теоретической схемы категории «индивидуальный субъект» (Якунин, 2016). Целью предлагаемой статьи является историко-психологический анализ работ К. А. Абульхановой и В. А. Брушлинского о принципе субъекта, положения которого обосновывают построение теоретической схемы категории «индивидуальный субъект». Задачами исследования становятся: 1) историко-психологический анализ идей Абульхановой и Брушлинского о положении принципа субъекта, обосновывающих построение схемы категории «индивидуальный субъект»; 2) обзор теоретических схем структурной организации психологии человека ряда авторов (согласно изложенным положениям для построения схемы категории «индивидуальный субъект»).

Проблема построения самой схемы как одного из видов отображения структуры любого объекта действительности (объекта живой природы, организации психологии или физиологии человека, структуры группы или общества и т. д.) основывается на разработках В. А. Ганзена о видах и типах описательных схем в области психологии (Ганзен, 1984). Для данного исследования работа Ганзена позволяет классифицировать виды схем категории «индивидуальный субъект» по основаниям системного подхода, что в сочетании с положениями субъектного подхода способствует повышению надежности теоретического анализа. Принимая критику описательного подхода в психологии, вслед за Ганзеном мы можем сказать, что описание есть техническая характеристика представления информации об объекте или предмете исследования, процесс реализации которой обусловлен методологией и теорией в конкретной научной дисциплине. Конкретная схема объекта или предмета является конечным продуктом теоретического анализа этого объекта или предмета. Понимание описания в качестве теоретического анализа ошибочно, поскольку, как сказано выше, описание есть техническая характеристика этого анализа, а не сам анализ. Таким образом, учитывая ремарку о сущности описания, данное исследование направлено, в первую очередь, на историко-психологический анализ работ в области субъектного подхода, а во вторую — на построение самой схемы категории «индивидуальный субъект».

Исследование идей К. А. Абульхановой и В. А. Брушлинского о принципе субъекта и категории «субъект»

Проведенный анализ работ Абульхановой и Брушлинского показал отсутствие теоретической схемы категории «индивидуальный субъект», поэтому итогом исследования идей о субъекте этих авторов должно стать, на наш взгляд, выдвижение такой схемы.

В настоящее время можно утверждать, что начало детальной разработке принципа субъекта и категории «субъект» с конкретно-научных позиций психологии положили Абульханова и Брушлинский. Каждый из этих авторов неоднократно

отмечал, что побуждением к переводу проблемы субъекта с философского уровня познания на конкретно-научный было желание развить идеи своего учителя С.Л. Рубинштейна по данной проблеме (Абульханова, 1973, 2005; Брушлинский, 1991). Основная цель данного перевода для психологии заключалась в установлении положения о том, что психология изучает не отдельные процессы, свойства, состояния психики, а саму психику в ее целостности (Абульханова, 1973). Эта цель могла быть достигнута только благодаря разработке методологического принципа субъекта и категории «субъект», что стало предметом широко известных в психологии работ Абульхановой и Брушлинского.

Реализация идей С.Л. Рубинштейна потребовала разработки нового принципа исследования, а именно принципа субъекта (Абульханова, 2005). Главным вопросом, решаемым на основе принципа субъекта, был «вопрос не о роли психики по отношению к жизнедеятельности человека, а о необходимости психического в этой жизнедеятельности» (Абульханова, 1973, с. 166). Решение этого вопроса потребовало разработки следующих положений принципа субъекта (Абульханова, 1973, 2005; Брушлинский, 1991, 1992, 1993):

- 1) о диалектическом единстве психической деятельности и жизнедеятельности человека;
- 2) о континуальности психического;
- 3) о непрерывности психического в жизнедеятельности человека;
- 4) о целостности психического;
- 5) об уровнях взаимодействия человека с действительностью.

Необходимо констатировать, что существенных расхождений в определении положений принципа между обоими авторами не отмечается. Схожесть их позиций относительно принципа субъекта подтверждает их идейную близость во взглядах на сущность исследования психики. Можно говорить о расхождении представлений Абульхановой и Брушлинского о сущности категории «субъект», определяемой на основе положений принципа субъекта.

Анализ работ Абульхановой и Брушлинского о категории «субъект» показывает, что расхождение во взглядах этими авторами определяется выбором центральной «точки отсчета» относительно сущности категории «субъект» и выбором предполагаемой области применения этой категории в решении проблем психологической науки. О том, что категория «субъект» должна обладать всеобщим статусом для всей психологической науки, писали оба автора (Абульханова, 1973; Брушлинский, 1991). Тем не менее реализация данного замысла в отношении категории «субъект» привела к разному определению сущности этой категории по двум указанным пунктам. Естественно, преодоление установленного расхождения является важной задачей в построении схемы категории «индивидуальный субъект».

Основное различие во взглядах Абульхановой и Брушлинского на сущность категории «субъект» заключается в постановке вопроса: кем является субъект? Абульханова предлагает свое видение этой проблемы: «На уровне индивидуального сознания появляется принцип субъектности, говоря точнее, индивидуности как отнесенности к индивиду и значимости для него познаваемого. Ведь психическое отражение предполагает включение отношения к познаваемому объекта,

т. е. осуществляется в «терминах» субъекта, индивида» (Абульханова, 1973, с. 225). Брушлинский дает следующий ответ на этот вопрос: «Субъектом является не психика человека, а человек, обладающий психикой, не те или иные его психические свойства, виды активности и т. д., а сам человек — деятельный, общающийся и др.» (Брушлинский, 1992, с. 4). Индивид как субъект и человек как субъект — два разных уровня определения категории «индивидуальный субъект». Для Абульхановой субъект как индивид становится основанием для качественного перехода к личности, тогда как Брушлинский, определяя положение о человеке как субъекте, обосновывает рядоположность качеств индивида, личности и индивидуальности (Абульханова, 1973, 2005; Брушлинский, 1991, 1992). Данное различие основывается на глубинном расхождении в определении назначения категории «субъект» в психологии, а именно: Абульханова рассматривает первостепенное назначение этой категории в решении прикладных проблем психологии, в то время как Брушлинский устанавливает для категории «субъект» примат решения фундаментальных проблем психологии (там же). Согласно Брушлинскому, категория «субъект» должна стать основанием объединения всех дисциплины психологии в единое целое, тогда как Абульханова делает акцент на универсальности этой категории в определении форм активности психического (там же). По мнению Абульхановой, категория «индивидуальный субъект» является одним из качеств человека, посредством которого индивид самореализуется как личность и индивидуальность, а Брушлинский определяет «индивид», «личность» и «индивидуальность» как качества, реализующие субъектную активность человека, что и устанавливает положение о человеке как субъекте (там же). Таким образом, можно говорить о том, что для Абульхановой «индивидуальный субъект» — одна из категорий в структурной организации психологии человека наравне с категориями «индивид», «личность» и «индивидуальность», тогда как для Брушлинского — структурная организация психологии человека с ее качествами «индивид», «личность» и «индивидуальность» и является категорией «индивидуальный субъект». Согласно подходу В. А. Ганзена, категория «индивидуальный субъект», по Абульхановой, — одна из ячеек в теоретической схеме психологии человека, а согласно Брушлинскому, сама эта схема психологии человека, состоящая из ячеек «индивид», «личность» и «индивидуальность», и есть категория «субъект». Забегая вперед, надо констатировать, что в построении теоретической схемы категории «субъект» преобладает подход Абульхановой.

Помимо рассмотренного различия во взглядах авторов на определение носителя субъектности, надо отметить различия по указанным выше положениям принципа установления сущности категории «субъект».

Положение о диалектике субъекта психической деятельности и субъекта жизнедеятельности является центральным положением в работах Абульхановой по определению сущности категории «индивидуальный субъект», в отличие от работ Брушлинского (Абульханова, 1973, 1977, 2005; Брушлинский, 1991, 1992, 1993). «Индивид является субъектом психической деятельности в том смысле, что он благодаря психике изменяет объективные условия своей деятельности» (Абульханова, 1973, с. 261). «Выделив исходные методологические предпосылки, можно подойти к определению особого качества психического, которое связано с особым качеством индивида как субъекта жизнедеятельности» (там же, с. 270). Обе

цитаты подтверждают выводы об определении Абульхановой категории «субъект» через понятие «индивид», которое, однако в свете положения о диалектике психической деятельности и жизнедеятельности обретает очень важное теоретическое обоснование в построении схемы категории «субъект». Индивид как субъект психической деятельности, выражающий особое качество психического, которое связано с особым качеством индивида как субъекта жизнедеятельности. Таким образом, параметрами построения теоретической схемы индивидуально субъекта выступают понятия «субъект психической деятельности» и «субъект жизнедеятельности», тогда как понятие «индивид» является формой выражения диалектики психической деятельности и жизнедеятельности. Учитывая определение человека как субъекта, данное Брушлинским, надо включить в схему понятия «личность» и «индивидуальность». Различие между субъектом жизнедеятельности и субъектом психической деятельности находится в плоскости определения объективного и субъективного, материального и духовного в психологии человека (там же). Психическое осуществляет свое субъективное и духовное через объективные и материальные критерии жизнедеятельности. «Психическая деятельность не может быть определена строго в общем виде, поскольку она выступает в виде качественно разнообразных механизмов, процессов, образований, каждый из которых имеет свое назначение в решении общей задачи, стоящей перед психической деятельностью в целом как объективной задачей бытия индивида» (там же, с. 265). Таким образом, каждое качество человека (индивид, личность, индивидуальность), обладая специфическими для себя задачами, обуславливает содержание психической деятельности соответствовать решению этой задачи, формулируемой каждым из трех качеств. Качество жизнедеятельности обуславливает не изменение структурной организации психической деятельности (механизмов, свойств, состояний), а содержание психической деятельности. Например, человек как индивид или личность обладает сознанием, содержание которого отличается по причине различия названных качеств человека. На наш взгляд, такое понимание сущности диалектики субъекта жизнедеятельности и субъекта психической деятельности может быть получено на основе анализа работ Абульхановой и Брушлинского.

Положение о континуальности психического есть важнейший параметр принципа субъекта в исследовании психического. Брушлинский уделял этому положению особое значение в изучении психического, так как определение механизмов возникновения и функционирования психического можно установить исключительно в самодвижении человека, которое осуществляется в разрешении разнообразных диалектических противоречий, возникающих в жизнедеятельности человека (Брушлинский, 1992, 2003). Континуальность психического есть мера саморегуляции активности человека. Например, континуальность, как пишет Брушлинский, «природное и социальное — это не два компонента психики человека, а единый субъект с его живым психическим процессом саморегуляции всех форм активности людей» (Брушлинский, 1992, с. 4). Положение о континуальности задает параметры теоретического поиска решения проблемы конкретного вида психического (Брушлинский, 1993), что показывает исследование следующих проблем «принцип субъекта и социальная психология» и «принцип субъекта и психология способностей» (Якунин, 2018; Якунин, Короткина, 2020). Важно

отметить, что и Абульханова, и Брушлинский единодушно отмечали континуальность «субъективное — объективное» в качестве ведущего параметра определения категории «субъект» (Абульханова, 1973; Брушлинский, 1991, 1992). Реализация этой континуальности осуществляется в процессах экстерииоризации и экстерииоризации психической деятельности (Абульханова, 1973, 1977). Таким образом, человека как субъекта жизнедеятельности необходимо рассматривать в единстве этих двух процессов психической деятельности.

Положение о непрерывности психического близко к положению о континуальности, так как человек на протяжении своего жизненного пути осуществляет разрешение противоречий между жизненными задачами и своим уровнем возможностей для их решения (Абульханова, 1973, 2005; Брушлинский, 2003). В рамках схемы категории «субъект» данное положение определяет поиск в решении вопроса социализации и развития.

Положение о целостности психического обуславливает определение категории «субъект» в единстве взаимосвязи и взаимообусловленности системной организации психического (Абульханова, 1973, 2005; Брушлинский, 1991, 1992). Данное положение обосновывает исследование категории «субъект» в единстве качеств индивида, личности и индивидуальности.

Положение об уровнях взаимодействия человека с действительностью определяет параметры индивидуального, социально-психологического и социального уровня осуществления психического (Брушлинский, 1992, 1993). Согласно Брушлинскому, субъектом может быть и социум, и человечество, а не только конкретный человек (там же). Трудность определения схемы категории «индивидуальный субъект» как раз заключается в том, что в ней можно было отобразить принадлежность этого индивидуального субъекта к структурам социума и человечества (группам, организациям, классам, этносам, нациям, расам). Группа как субъект — это одна проблема, а определение в человеке как индивидуальном субъекте группового — совершенно другая проблема.

Принимая во внимание проведенный анализ работ обоих авторов, можно представить сокращенный вариант теоретической схемы категории «индивидуальный субъект» (см. таблицу 1).

Обзор работ по проблеме теоретической схемы категории «индивидуальный субъект»

Одной из первых теоретических схем субъекта была предложена Б. Г. Ананьевым в 1968 г. (Ананьев, 2002, с. 74). Анализ идей Ананьева и схемы субъекта был реализован еще К. А. Абульхановой (Абульханова, 197). Основной недостаток этой схемы — замена категории «индивидуальный субъект» на одно из частных понятий этой категории (субъект деятельности). Тем не менее эта схема показала возможности междисциплинарного подхода в исследовании субъекта.

В работе Ганзена представлен ряд схем описания психики человека (Ганзен, 1984). Схему функциональной структуры психики (там же, с. 64) можно рассматривать в качестве развернутой схемы субъекта психической деятельности (таблица 1) с учетом детализации места компонентов в процессах интерииоризации и экстерииоризации. Функциональный подход к построению схемы был,

Таблица 1

Теоретическая схема психологии человека как индивидуального субъекта

Субъект психической деятельности	Субъект жизнедеятельности	Субъект психической деятельности
Психическая деятельность в процессе интериоризации	Индивид	Психическая деятельность в процессе экстериоризации
	Личность	
	Индивидуальность	

например, применен Н. И. Рейнвальд в ее работе «Психология личности» (1987) и В. Н. Никандровым в статье «Структурная организация психики» (1997). Схема «Макроструктурное описание психологии человека» (Ганзен, 1984, с. 159) показывает категорию «субъект» как одно из качеств человека, что соответствует представленному выше подходу Абульхановой. Интересным и перспективным представляется предложенное Ганзеном (там же, с. 159) объединение качеств человека с функциональной структурой психики. Недостаток этого подхода — в определении субъекта как одного из качеств человека, за которым закрепляются конкретные процессы психики, что поднимает вопрос: разве этот процесс не присущ человеку как личности или индивиду? Аналогичный подход в построении схемы категории «индивидуальный субъект» реализует Е. А. Сергиенко в своей работе о субъекте и личности (Сергиенко, 2013). В таком подходе возникают идентичные выводам Ганзена проблемы и вопросы. Например, почему избирательность отнесена к человеку как личности, хотя, согласно работам Брушлинского, она есть важнейшее качество именно субъекта (Брушлинский, 1992; Сергиенко, 2013).

В работе В. Н. Панферова был представлен ряд схем категории «субъект» в процессах интериоризации и экстериоризации и психологии человека как субъекта (Панферов, 2002). Учитывая вышеизложенный анализ положений о категории «индивидуальный субъект», можно говорить, что предложенные Панферовым схемы наиболее точно отображают идеи Брушлинского об этой категории. Основной недоработкой предложенных схем является разобщенность, тогда как требуется объединение в единую схему, что было реализовано автором данной статьи (Якунин, 2016). Такое объединение дает возможность увидеть, что изменяется содержание процессов в зависимости от качеств человека: индивида, личности и индивидуальности.

Представлен краткий обзор работ, но он показывает наиболее типические схемы в работах отечественных авторов, что требует своего дальнейшего решения.

Заключение

Проведен анализ работ К. А. Абульхановой и А. В. Брушлинского о принципе субъекта и категории «субъект». Определено сходство научных идей между авторами о принципе субъекта. Установлено различие в представлениях авторов об определении категории «субъект»: Абульханова рассматривает эту категорию как одно из качеств человека, тогда как Брушлинский устанавливает, что субъект

ект есть человек. На основании работ обоих авторов предложена базисная схема категории «индивидуальный субъект».

Представлен краткий обзор работ ряда отечественных авторов по проблеме построения теоретической схемы категории «индивидуальный субъект». Показано, что многие из рассмотренных схем в недостаточной мере отвечают положениям принципа субъекта как основания построения схемы. Определено, что наиболее перспективной схемой исследуемой категории являются объединенные схемы субъекта, предложенные В. Н. Панферовым.

Литература

- Абульханова К. А.* О субъекте психической деятельности. М.: Наука, 1973.
- Абульханова К. А.* Диалектика человеческой жизни. М.: Мысль, 1977.
- Абульханова К. А.* Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал ВШЭ. 2005. №4. С. 3–21.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2002.
- Брушлинский А. В.* Проблема субъекта в психологической науке (статья первая) // Психологический журнал. 1991. Т. 12. №6. С. 3–11.
- Брушлинский А. В.* Проблема субъекта в психологической науке (статья вторая) // Психологический журнал. 1992. Т. 13. №6. С. 3–12.
- Брушлинский А. В.* Проблема субъекта в психологической науке (статья третья) // Психологический журнал. 1993. Т. 14. №6. С. 3–15.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
- Ганзен В. А.* Системные описания в психологии. Л.: ЛГУ, 1984.
- Панферов В. Н.* Психология человека. Учебное пособие. СПб.: Изд-во В. А. Михайловой, 2002.
- Сергиенко Е. А.* Проблема соотношения субъекта и личности // Психологический журнал. 2013. Т. 34. №2. С. 5–16.
- Якунин А. П.* Проблема субъекта как отражающей системы // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2016. №9 (66). С. 44–60.
- Якунин А. П.* Принцип субъекта и социальная психология: к построению программ исследований // Социальная и экономическая психология. Часть 1: Состояние и перспективы исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 111–118.
- Якунин А. П., Короткина Т. И.* Принцип субъекта и психология способностей // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 150–157.

Category “individual subject”: problems of creating a theoretical scheme

A. P. Yakunin

Center for Business Cooperation Potential, St Petersburg, Russia

The purpose of the article was to conduct a historical and psychological analysis of the ideas of K. A. Abulkhanova and A. V. Brushlinsky about the principle of the subject and the cate-

gory of “individual subject”. A retrospective analysis of the authors’ works on the problem of the category “individual subject” showed insufficient elaboration of the proposed schemes of this category from the standpoint of the subject principle. The conducted research allowed us to draw a conclusion about the construction of the scheme of the category “individual subject” as a dialectical unity of the subject of vital activity and the subject of mental activity.

Keywords: history, methodology, theory, subject principle, individual subject, subject of life activity, subject of mental activity, individual, personality, individuality.

Раздел третий

**Творческое наследие мыслителей
и ученых и их роль в развитии
психологического познания**

Анализ истории психологии в научных трудах О. М. Тутунджяна и перспективы развития психологической мысли

Н. Р. Акопян

МНОЦ НАН РА, anna.khachatryan@isec.am

А. Г. Хачатрян

МНОЦ НАН РА, naira.hakobyan@isec.am

А. С. Катунян

*Армянский государственный педагогический университет имени Х. Абовяна,
Ереван, Республика Армения, women-school@mail.ru*

В статье исследуется творческое наследие армянского психолога О. М. Тутунджяна. Тутунджяна как ученого отличает разносторонность интересов, способность достичь значительных теоретических и эмпирических результатов. Его научное наследие содержит экспериментальные исследования в области психологии спорта, творчества, детской педагогической психологии, когнитивных процессов, которые способствовали развитию различных областей теоретической и экспериментальной психологии Армении.

Ключевые слова: история психологии, историография, психологические школы, психологическое исследование, методология, историко-сравнительный анализ, эмпирический метод, историко-генетический метод.

В истории армянской психологической науки особенно выделяется советский период исследований, в советские годы творили известные деятели армянской

психологии – Г. Эдилян, М. Мазманян, Э. Милерян, А. Лалаян, М. Ерицян и др., работы которых до сих пор не были должным образом проанализированы и оценены. О. М. Тутунджян стоял у истоков советской армянской психологии. Его как ученого отличает разносторонность психологических интересов, способность достичь значительных теоретических и эмпирических результатов. В его научном наследии мы находим экспериментальные исследования в области психологии спорта, творчества, детской педагогической психологии, когнитивных процессов, которые способствовали дальнейшему развитию различных областей теоретической и экспериментальной психологии. Особенно важен вклад Тутунджяна в разработку теоретических и методологических вопросов истории психологии, систематизации методов, принципов исследования, научных достижений как советских, так и зарубежных психологических школ. Во многих современных исследованиях, посвященных проблемам истории психологии, а также в американской четырехтомной энциклопедии психологии есть упоминания Тутунджяна с высокой оценкой его научной деятельности (Катунян, 2008а).

Научная деятельность Тутунджяна в советское время протекала в особых историко-политических условиях, в процессе становления советско-армянской психологической науки (Алексеенко, 2004, с. 161–167). В начале XX в. теория диалектико-исторического материализма дала новый импульс мировой научной мысли, а в России стала методологической базой для развития советской психологической школы. Онтогенетический анализ деятельности Тутунджяна дает основание сделать вывод, что особенности научной биографии и направления психологических исследований ученого обусловлены «духом времени», в частности историко-политической ситуацией 1950-х годов и бурным развитием ряда областей армянской психологии (Накобыан, Khachatryan, 2020, с. 50–67). Общая направленность социально-исторического развития советского общества середины XX в. создала предпосылки для наращивания психологического знания в различных сферах жизнедеятельности человека, что обусловило разносторонность научных взглядов армянского ученого. Научная деятельность Тутунджяна была отмечена разработкой теоретико-методологических вопросов истории психологии в качестве предмета психологического исследования.

Устойчивый интерес к спортивной психологии был проявился в выборе темы кандидатской диссертации «Формирование воли младших школьников с помощью физических упражнений», посвященной формированию воли посредством физического воспитания и структурных особенностей усовершенствования двигательных навыков. Таким образом, молодой ученый впервые указал на проблематику формирования воли в процессе преодоления определенных трудностей в некоторых видах спорта, была дана формулировка «внутренних» и «внешних» трудностей, сделана попытка истолковать физиологические основы проявления слабой воли (Катунян, 2008а).

В дальнейшем армянским психологом были освещены также другие аспекты спортивной психологии, представленные в научных статьях «О развитии взаимосвязи двигательных навыков и волевых качеств», «Методы формирования упорства и самоконтроля у старшекласников при занятиях легкой атлетикой», «Психологический анализ трудностей в легкой атлетике».

С середины 1950-х годов для Тутунджяна начинается новый период научных исследований. Реформы в науке и образовании ставят новые задачи перед детской психологией и педагогикой. В этот период он написал ряд статей: «Воспитание внимания младшего школьника в процессе обучения», «Основные психологические особенности младшего школьника», «Основные психологические особенности устной речи младшего школьника». В 1980-е годы публикуется его монография «Проблемы детской психологии», в которой подытоживаются теоретические положения в области детской психологии, приводятся параллели с мнениями французских психологов, собранные в основном в результате личных бесед автора со многими из них (Р. Зазо, П. Олероном, Ф. Мальрио и др.). Тутунджян приходит к выводу, что научное изучение психологии ребенка независимо от этнических или географических различий способствует повышению уровня психологического познания, необходимого для его обучения и воспитания.

В исследуемый период развития психологии возрастная психология столкнулась с такой проблемой, как взаимосвязь возрастных и индивидуальных особенностей в процессе психического развития ребенка. Ее отголоском стало представление Тутунджяна о проблематике детской психологии как междисциплинарной, что стало нововведением в армянской психологической мысли. Детская психология, по мнению ученого как междисциплинарная наука должна заниматься онтогенетическими особенностями развития ребенка, изучать взаимодействие факторов окружающей среды и наследственных факторов, влияние различных детских заболеваний на индивидуальные психологические различия, что позволяло решать определенные задачи обучения и воспитания. Эта научная позиция была раскрыта армянским ученым в сфере педагогической психологии высшего образования. В опубликованных на эту тему статьях Тутунджян подчеркивал ряд вопросов, которым армянские психологи не уделяли должного внимания или которые мало разрабатывались. В частности, автором были подняты вопросы психологической подготовки преподавателя вуза (в том числе непсихологического), психологических проблем развития высшего профессионального мышления, которые до сих пор не лишены современного звучания (Катунян, 2008а).

Особое место в научной деятельности Тутунджяна занимают исследования, посвященные психологии искусства и труда. В статье «Одна особенность поэтического восприятия М. Мецаренца» (1959) он раскрыл явление синестезии в поэзии. В вышедшей позже книге «Психологические этюды» (1991) наряду с упомянутой статьей была также опубликована обширная статья «Лирическая поэзия Размика Давояна в свете синестезии», которая, по мнению автора, является логическим продолжением исследований в этой области. Тутунджян пришел к выводу, что ряд литературоведов акцентировали психологические стороны поэтического мышления, что, однако, не носило систематического и целостного характера. Между тем Тутунджян стремился раскрыть в психологии феномен синестезии с помощью поэзии как естественного продукта индивидуального творчества. Говоря о феномене синестезии, он подчеркивал его роль и значение как в жизни человека, так и в творческом процессе. В частности, им было указано, что в ходе исторического развития произошла дальнейшая «специализация» чувств, которая ценится не только биологически, но и когнитивно. Пытаясь объяснить искусство создания поэтических образов с помощью синестезии, Тутунджян обращает

ся к творчеству многих армянских поэтов и показывает, что метафоры и средства изображения, используемые поэтами, — это не игра слов, а явления, прошедшие через их душевные переживания, являющиеся чисто психологическими или психофизиологическими закономерностями (Катунян, 2008б).

Тутунджяна изучал эмоциональный опыт человека, его чувственное восприятие и психологические основы выражения сомнения в процессе жизнедеятельности.

В научном наследии Тутунджяна необходимо особо выделить исследования в области истории психологии. Развитие психологических воззрений Тутунджяна привело к постановке ключевых вопросов теории и методологии, которые в условиях организации советского научного познания опирались в основном на принципы диалектико-исторического материализма. В результате им было отмечено отсутствие четкости и разносторонности применяемых научных подходов, вследствие чего был выдвинут целый комплекс научных проблем, касающихся вопросов по вовлечению накопленного научного знания в структуру современных психологических исследований. Автором был проведен сравнительный анализ трудов зарубежных исследователей по истории психологии. Важным достижением стало заключение автора о сложном, многофункциональном и проблемном характере решения теоретических вопросов через призму истории психологии.

С третьей четверти XX в. стали наблюдаться попытки систематизировать накопленные знания. С этой точки зрения большое значение имела Закавказская конференция психологов, организованная в Ереване в 1960 г. Важным нововведением Тутунджяна стали его представления о развитии психологической мысли в рамках раздела истории психологии (Алексеев, 2006, с. 131–141).

Направление исследований Тутунджяна можно представить в виде исследования проблематики теоретико-методологических вопросов истории психологии, разработки принципов и механизмов историографии психологии и исследований творческого наследия отдельных ученых и представителей научных направлений по истории психологии.

Пытаясь обосновать существование разных подходов к изучению истории психологии, Тутунджян отмечает, что для каждого поколения психологов факты истории психологии и факторы развития обусловлены не только их методолого-теоретическими позициями, но и особенностями социально-экономического развития, общим состоянием культуры, науки и техники. Даже, по мнению ученого, если бы ученые разных поколений стояли на одинаковых философских позициях, историография психологии имела бы разное содержание, потому что развитие психологических теорий и постановка практических проблем жизни неизбежно меняют направленность научных исследований, определяя степень актуальности той или иной научной проблемы (Накочьян, Khachatryan, 2020, с. 50–67).

Чтобы преодолеть существующую односторонность в решении вопросов истории науки, Тутунджян предлагает взглянуть на историю психологии с точки зрения сопоставления философских направлений. Подлинная история науки становится главным направлением его научной деятельности. Принцип историографии также требует оценки мировоззрения психологов, научного наследия в процессе динамичного развития и становления ученых. По его мнению, принципиально важно отличать философскую позицию творца от его научных взглядов. В иссле-

дованиях Тутунджяна этот принцип тесно связан с методом сравнения, согласно которому исторический факт рассматривается в исторический период в связи с очень широким кругом явлений, что позволяет оценить его значимость и показать преемственность научного знания. В более поздних работах он уделяет внимание проблеме закономерности истории психологии и историографии. Вполне обоснованным можно считать позицию Тутунджяна о разделении истории психологии и историографии как, с одной стороны, исследование логических этапов развития психологической мысли, а с другой — исследование единства исторического процесса и развития общества. Он предлагает в качестве методологической основы для периодизации развития научной мысли применять такие принципы, как принцип эффективности, принцип разработанности проблемы и принцип научной новизны (Тутунджян, 1990).

На основе изложенных принципов ученый впервые осуществил периодизацию историографии советской психологии, выделяя четыре этапа ее развития. Комплексный анализ историографии советской психологии, представленный Тутунджяном, до сих пор считается наиболее полным.

Вкладом в развитие истории психологии стала докторская диссертация Тутунджяна, которая была посвящена истории французской научной психологии. Была предпринята попытка оценить развитие психологической мысли во Франции на основе изучения научного наследия более тридцати психологов (Тутунджян, 1967). Автор применил принцип историографии для оценки работы конкретного психолога. Он предлагает использовать этот подход для оценки мировоззрения как психологов-материалистов, так и психологов-идеалистов, поскольку развитие может происходить в разных, даже противоположных направлениях. Тутунджян показывает, что метод сравнения тесно связан с историографическим принципом. Автором были изучены три основных направления французской психологии: научные школы А. Пьерона, А. Валлона и М. Майерсона (Алексеевко, 2005, с. 196—205). Ученый показывает, что эти три школы пытались решать проблемы теории и практики психологии разными методами, с разных теоретических позиций: Пьерон — эмпирическим, Майерсон — историко-сравнительным, а Валлон — генетико-историческим методом (Тутунджян, 1966а). Тутунджян показал идеи французских психологов в период исторического развития, осуществил научное сравнение различных психологических школ, определил их сильные и слабые стороны, продемонстрировал, что каждая новая идея формируется на основе творческой обработки старых идей (Тутунджян, 1966б). Он применяет принцип преемственности как к французской психологии, так и к мировой психологии.

Его исследования по истории французской психологии носят историко-сравнительный характер. Научные взгляды Тутунджяна не только оказали огромное влияние на развитие психологического знания, но и обозначили перспективы развития психологической науки, в которой все более актуальным становится комплексное изучение научных проблем, выявление их взаимосвязи с историческим прошлым и тенденцией развития.

Историко-сравнительный анализ истории психологии, осуществленный Тутунджяном, позволил отделить философское мировоззрение какого-либо ученого от его психологических взглядов, что стало новшеством в научной психологической мысли. Его исследования способствовали дальнейшему развитию ряда об-

ластей армянской психологии. Исторический анализ мирового научного наследия армянским ученым характеризуется позитивно-конструктивным подходом.

Литература

- Алексеевко И. С. Е. А.* Будилова как историк психологии // Научные труды аспирантов и докторантов. № 8. М.: Изд-во МосГУ, 2004. С. 161–167.
- Алексеевко И. С.* Теоретико-методологические аспекты изучения истории психологии французскими мыслителями // Актуальные проблемы психологии и педагогики: Межвузовский сборник научных работ. Часть 1. М.: НИЦ «Инженер», 2005. С. 196–205.
- Алексеевко И. С.* Из истории историографии психологии // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 69. М.: Изд-во МосГУ, 2006. С. 131–141
- Катунян А. С.* Овсеп Мовсесович Тутунджян (жизнь и научная деятельность) (на арм. яз.). Ереван: Зангак, 2008а.
- Катунян А. С.* Проблемы литературной синестезии в психологических исследованиях О. М. Тутунджяна // Синестезия: содружество чувств и синтез искусств: Материалы международной научно-практической конференции. Казань: КГТУ, 2008б.
- Тутунджян О. М.* Психологическая концепция Анри Валлона. Ереван: издательство, 1966а.
- Тутунджян О. М.* Эволюция психологической концепции Анри Валлона // Вопросы психологии. 1966б. № 1. С. 169–175.
- Тутунджян О. М.* Из истории научной психологии во Франции: Автореф. дис. ... докт. пед. наук. Москва, 1967.
- Тутунджян О. М.* О периодизации психологической истории СССР // Вопросы психологии. 1990. № 6. С. 103–109.
- Hakobyan N., Khachatryan A.* Methodological Approaches to the Study of Person's Identity // Katchar Scientific Yearbook. 2020. 2 P. 50–67.

Analysis of the history of psychology in the scientific works of O. M. Tutunjan and the perspectives of the development of psychological thought

N. R. Hakobyan

ISEC NAS RA, nhakobyan@mail.ru

A. G. Khachatryan

ISEC NAS RA, itsannakhachatryan@gmail.com

A. S. Katunya

*Armenian State Pedagogical University after Kh. Abovyan,
Yerevan, Republic of Armenia, women-school@mail.ru*

The article examines the creative heritage of the Armenian psychologist O. M. Tutundjian, presents the scientist's contribution to the development of the history of psychology. This

area of psychological thought is important not only for the study of the historical past, but also reveals the general ways of the development of psychological thought, creates the necessary foundations for the further development of psychological science. In a modern, rapidly developing society, the need for a reflexive look at the history of the development of psychological science is becoming more and more obvious, which, in turn, makes it possible to identify trends in the development of psychological thought in the future.

Keywords: history of psychology, historiography, psychological schools, psychological research, methodology, historical-comparative analysis, empirical method, historical-genetic method.

Творческое наследие Р. Х. Тугушева в контексте современного психологического познания

И. В. Арендачук

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, arend-irina@yandex.ru

В статье приведен обзор основных научных идей доктора психологических наук, профессора Р. Х. Тугушева, связанных с развитием системного подхода в психологии на основе сочетания качественного и количественного анализа экспериментальных данных. Рассматривается вклад ученого в разработку возможностей использования математических методов в исследованиях и психодиагностике, в частности, одного из концептуальных методов – факторного анализа. Показана актуальность идей Р. Х. Тугушева для психологического познания.

Ключевые слова: Р. Х. Тугушев, Саратовская психологическая школа, системная персонология, системная модель организация психики, системная психодиагностика субъектов деятельности, факторный анализ в психологических исследованиях.

В 2020 г. исполнилось 80 лет со дня рождения одного из ярких представителей Саратовской психологической школы, доктора психологических наук, профессора Рашида Хасьяновича Тугушева (1940–2008). Первоначально его научные интересы были связаны с исследованиями в области психодиагностики, применяемой в инженерной психологии, по результатам которых он успешно защитил кандидатскую диссертацию под руководством Ю. М. Забродина (Тугушев, 1982б). В дальнейшем научные интересы Рашида Хасьяновича сосредоточились на проблемах математических методов в психологии. В частности, ему удалось расширить и дополнить учение о дифференциальных уравнениях, развить теорию поля К. Левина. Еще одно направление его исследований связано с развитием системного подхода в психологии, он утверждал необходимость сочетания качественного и количественного

венного анализа в психологических исследованиях, экспериментального и феноменологического подходов и показывал диагностические возможности и ограничения современных тестовых методик (Южанинова, 2018). Этой стороне своих исследований Рашид Хасьянович посвятил две монографии: «Системная психология: количественный и качественный анализ» (Тугушев, 1998); «Системные исследования когнитивных процессов субъекта деятельности» (Габдреев, Тугушев, 1999). В докторской диссертации он всесторонне рассмотрел проблему системных изменений в психодиагностике психических свойств человека; показал необходимость и возможность совершенствования ряда базовых методик (ММРІ, 16 РР Кеттела, СРІ, прогрессивные матрицы Дж. Равена, тесты IQ) для системного измерения психических характеристик субъекта профессиональной деятельности; предложил системную модель личности, иерархическое взаимодействие подсистем которой определяет ее эффективность в трудовом пространстве (Тугушев, 2001).

К сожалению, в январе 2008 г. жизнь Рашида Хасьяновича трагически оборвалась. Он был полон сил, идей, творческих проектов. Его волновали как глобальные проблемы развития человека и преодоления им кризисов, так и вполне реализуемые планы об укреплении кадрового и научного потенциала кафедры психологии Саратовского университета, которой он успешно руководил почти 20 лет. Он много говорил о развитии Саратовской психологической школы и стремился объединить психологов региона в сообщество.

В научной деятельности, как подчеркивает Р. М. Шамионов, Тугушев придерживался принципа эмпиризма. Его подход в психологии отличался яркой естественно-научной направленностью, что позволяет говорить о нем как о последовательном стороннике научных программ, традиционных для отечественной психологии. М. М. Орлова отмечает, что реализуя себя в профессии, Тугушев служил осуществлению своих идеалов: его особое отношение к миру, понимание мира, проявилось в искреннем убеждении, что психология должна сделать человека лучше, а изучение человека должно служить его развитию, открытию его возможностей. Соратники отмечают его высокий профессионализм, выраженный интерес к духовным процессам в человеке и обществе, увлеченность работой и наукой, искреннюю заинтересованность в научных достижениях своих коллег и учеников. Он был доброжелательным человеком, способным сочувствовать и сопереживать, проявлять искренний и неподдельный интерес к людям, умеющим выслушать и оказать поддержку и необходимую помощь. Во всех своих делах и начинаниях он отличался неизменным вниманием и уважением ко всему, что делал, и к людям, с которыми соприкасался; умением решать проблемы, не повышая голоса, стремясь никого не обидеть. В памяти учеников Рашид Хасьянович остался человеком, на которого следует равняться в профессиональном и личностном развитии (Памяти Р. Х. Тугушева..., 2008).

Тугушев также выступал организатором науки. Под его руководством организовывались конференции, выпускались сборники научных трудов. С его именем связано создание факультета психологии в Саратовском национальном исследовательском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского. Благодаря его усилиям и организаторским талантам были открыты аспирантура по психологии и диссертационный совет по защита кандидатских и докторских диссертаций в области педагогической и социальной психологии.

Системная персонология Р. Х. Тугушева и современное психологическое познание

По определению Р. Х. Тугушева, системная персонология — одно из направлений психологии, призванное соединить разрозненные попытки ученых описать личность в полноте всех ее структурных и функциональных связей, потенциально и реально относящихся к трудовой среде (Тугушев, 2001). Он отмечал, что многие авторы психологических работ, так или иначе обращающиеся к прикладным возможностям систем, часто не делают различия между структурой и системой. А метод качественных рассуждений, глубоко укоренившийся в психологии, не всегда позволяет увидеть формализованные моменты систем. Поэтому Тугушев сформулировал основные положения, позволяющие понять структурно-функциональную организацию систем. Так, под структурой системы он понимал совокупность свойств объекта (геометрических, кинематических, механических, физических и морфологических), которые имеют разные характеристики внутренних свойств. Они отражает форму, особенности движения и модальность точки зрения, на основе которой задается понятие структуры. При этом элементы, связи и функции структуры не могут быть объединены в целое, так как ее строение условно и целиком зависит от множества оснований. Система — это множество взаимосвязанных элементов, каждый из которых прямо или косвенно связан с другими. Элементы системы в связанных совокупностях могут образовывать подсистемы — взаимно обусловленное множество элементов, минимальное количество которых определяется функцией объединяющей их подсистемы. Функция же системы связана с движением — любым изменением в пространстве, во времени или в том и другом одновременно. Важнейшей характеристикой системы, связанной с функцией, является цель — некоторое состояние, в которое она перейдет в процессе функционирования и выбора критериев этого состояния при прохождении через множество различных других состояний. Система меняется целеустремленно, независимо от того заложена ли цель имманентно или задана извне. Целеустремленность, наличие критериев, поиск, сравнение, идентификация и передача управляющих воздействий в соответствующие функции тесно связаны с информацией и ее преобразованием. Поскольку для любой системы характерно наличие существенных связей между ее элементами, она характеризуется интегративным качеством, которое не свойственно ни одному из ее элементов в отдельности или подсистеме. Именно поэтому система не сводится к простой совокупности элементов (структуре), а представляет собой новое качество.

Для интегрального описания такой сложной системы, как личность, Тугушев предлагает использовать описание открытой системы, которая взаимодействует с другими системами окружающего мира и условно имеет вход и выход. Входные и выходные параметры имеют в своем составе элементы информации, вещества и энергии. Первоначально на входе эти элементы отсутствуют в системе, но преобразуются в ней таким образом, что на выходе присутствуют и их соотношение меняется. Поэтому можно говорить о том, что система не только динамически меняется в части своих элементов и связей между ними, но и изменяет свое окружение (через выходную функцию). Поскольку система преобразует информацию, в ней присутствуют подсистемы ее хранения и выдачи, т. е. память, а целеустрем-

ленное изменение системы требует наличия интеллектуально-подвижных систем (Тугушев, 1998, с. 74–77).

Опираясь на данные теоретические положения, Тугушев разработал системную модель организации психики личности, включающую 15 взаимосвязанных функциональных подсистем, которые не имеют иерархической структуры, так как в зависимости от обстоятельств может доминировать любая из них: S_1 — темперамента или структурной организации личности; S_2 — сенсорики или приема первичной информации; S_3 — простого кодирования входной информации; S_4 — сложного кодирования входной информации; S_5 — памяти или хранения и выдачи кодированной информации; S_6 — декодирования и анализа или многомерных преобразований наличной информации и ее оценки; S_7 — потребностей физического жизнеобеспечения; S_8 — потребностей социальной среды; S_9 — эмоций; S_{10} — воли; S_{11} — эталонов генетически заданных реакций на стимулы; S_{12} — сознания или общей сознательной координации деятельности психики и отражения результатов в виде абстрактных и конкретных представлений; S_{13} — выходной экстернизации психики, S_{14} — полевых форм взаимодействия; S_{15} — бессознательного (Тугушев, 1998, с. 85–87).

Теоретико-прикладной аспект представленной теории нашел свое отражение в исследованиях автора данной статьи, защитившей кандидатскую диссертацию под руководством Тугушева (к сожалению, уже после его гибели). Опора на теорию систем позволила спроектировать структурно-функциональную модель профессионализма личности в научно-педагогической деятельности, рассматривать его как двухуровневую систему: субъектный уровень представлен совокупностью детерминант, определяющих структуру индивидуально-психических и профессионально-обусловленных свойств субъекта; деятельностный уровень содержит совокупность детерминант, определяющих особенности профессионального взаимодействия субъекта и эффективность его деятельности. Функционально-уровневые отношения составляющих профессионализма, проявляясь в реализации целей деятельности, определяют профессиональную успешность личности.

Соотнесение творческой, когнитивной и мотивационной составляющих научно-педагогической деятельности с системной моделью организации психики личности позволило установить, что профессионализм личности преподавателей вуза детерминирован развитостью в структуре психики функциональных связей между подсистемой общей сознательной координации психической деятельности и подсистемами, обеспечивающими эмоциональную и волевую регуляцию творческой активности, реализацию социальных потребностей и интеллектуальную деятельность личности. В свою очередь, профессиональная успешность личности в научно-педагогической деятельности детерминирована более тесной связью между подсистемами, обеспечивающими интеллектуальную активность личности и ее ориентацию на формирование мировоззрения и достижение социально-значимых результатов, о чем свидетельствует активность функционирования подсистемы реализации социальных потребностей (Арендчук, 2008).

Вопросы профессионализма личности и ее компетентности в контексте психодиагностики, интересовавшие Тугушева, продолжают разрабатываться современными учеными. Так, представляют интерес его понимание профессионализма и компетентности личности с позиций системного подхода. Понятие профес-

сионализма он связывал не только высшим уровнем знаний, умений и результатов человека в данной области деятельности и не только как систему, имеющую внешние функции, а как системную организацию психики человека, объединяющую многообразные внутренние, в частности психические функции и компоненты (свойства человека как целого — личности и субъекта; праксис и гнозис профессионала; его информированность, опыт и культура; психодинамика, интенсивность переживаний, быстрота их смены). Компетентность Тугушев называл психологическим фактором (в смысле организации и системного понимания всех проблем, связанных с деятельностью), который включает: исчерпывающие знания предмета и объекта деятельности; умение разобраться в любом нестандартном вопросе, относящемся к этой деятельности; умение и способность объяснить любые явления, связанные с деятельностью; способность точно оценивать качество работы и ее последствия (Тугушев). Именно такое понимание компетентности легло в основу моделирования универсальной структуры профессиональной компетентности личности, разработанной группой ученых — представителей Новосибирского государственного технического университета, Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ и Псковского государственного университета (Салкова и др., 2012).

Основные принципы системного подхода к реализации задач психодиагностики личностных свойств субъектов труда также нашли свое отражение в исследованиях современных ученых. Так, опираясь на положение Тугушева о том, что в деятельности проявляется не вся личность, а те ее подсистемы, которые обеспечивают наибольшую эффективность функционирования двух взаимосвязанных подсистем — человека и его окружения (Тугушев, 1982а), И. А. Порохина с соавт. показали наличие взаимосвязей между эффективностью профессиональной деятельности вахтовых работников горно-обогатительного комбината и их социально-психологическими качествами (стремление при оценке других людей рассматривать в качестве эталона самого себя; альтруистическое отношение к людям; стремление достичь результата в своей деятельности вопреки помехам; способность управлять и контролировать свои чувства и эмоции) и функциональными состояниями (Порохина и др., 2018).

Проблема использования факторного анализа в работах Р. Х. Тугушева и современные исследования

Рассматривая вклад Тугушева в развитие проблемы использования методов математической статистики в психологических исследованиях, можно отметить его особый интерес к возможностям использования факторного анализа — одного из концептуальных и неоднозначных в плане решения задач гуманитарного плана методов представления экспериментальных данных. Он позволяет свести обширный числовой материал к нескольким независимым и простым факторам и подтвердить существующую гипотезу на основе большого объема наблюдений по выделенным существенным компонентам. Сложность же факторного анализа заключается в том, что факторы вбирают в себя множество характеристик, а при анализе массива данных неизвестно точное число факторов и их удельный вес в общих оценках, что не позволяет сделать однозначные заключения и при-

водит к ряду противоречий в анализе экспериментальных данных. По утверждению ученого, наука является процессом, состоящим из непрерывного цикла построения моделей наблюдаемой действительности, объяснить закономерности функционирования которых можно лишь путем статистической проверки результатов, принимая или отклоняя определенные гипотезы; важную роль при этом играет фактор. Опираясь на анализ зарубежных факторных психологических теорий (Г. Олпорта, Р. Кеттелла, Г. Айзенка, Дж. Гилфорда и др.), а также труды исследователей, разрабатывающих теорию факторного анализа (В. Д. Небылицына, Г. Хармана, К. Иберла, А. Г. Шмелева и др.), Тугушев раскрыл качественный смысл фактора. Суть его в том, что ненаблюдаемые и прямо неизмеряемые величины (факторы) могут быть описаны через множество близкие к ним измеряемые характеристики, и чем ближе эти характеристики друг к другу и к самому фактору, тем более точно описывается данный фактор. Тугушевым также были уточнены: алгоритм использования факторного анализа при изучении психологических феноменов; условия его корректного применения; процедура матричного вращения факторов в пространстве их нагрузок (Тугушев, 2006).

Современные исследователи все чаще обращаются к факторному анализу как адекватному математическому инструментарию, позволяющему решать задачи практической психологии. И работы Тугушева в этом плане не потеряли своей актуальности. Так, с опорой на его разработки исследуются возможности факторного анализа в психологической диагностике безопасности студентов, позволяющие выявить соответствующие личностные и профессиональные качества педагогов и субъективные факторы субъективной безопасности студентов (социальное ожидание, социально-психологическая стрессоустойчивость, социальная толерантность, профессиональная направленность, ответственность, коммуникативные навыки) (Кисляков и др., 2015).

Используя методологию факторного анализа, разработанную Тугушевым, А. А. Дьячков выявил факторную структуру качеств личности, связанных со сферой интеллекта, необходимых офицеру в повседневной деятельности (эмоциональные особенности, жизнерадостность, качества необходимые для службы в войсках спецназначения, водительские данные, рациональность), а также определил содержательные характеристики каждого фактора (Дьячков, 2013).

Изучая перспективы исследования субъективной витальности при психологической реабилитации пациентов с последствиями спинномозговой травмы, И. Д. Булюбаш также обращается к возможностям факторного анализа со ссылкой на работы Тугушева и отмечает возможность выделить факторы, которые соотносятся с субъективной витальностью, а также отследить структуру таких факторов и проинтерпретировать входящие в них переменные. Так, по мнению автора, в структуру факторов, определяющих уровень субъективной витальности у таких пациентов, могут войти как составляющие личностного потенциала, так и социально-обусловленные факторы (например, физическая и социальная активность) (Булюбаш, 2018).

Опираясь на положения Тугушева о том, что факторный анализ применяется для «конденсирования» тестовых оценок, сведения их к относительно малому числу независимых переменных и для выделения факторов, необходимых для описания индивидуальных тестовых различий, Т. В. Кулемзина с соавт. от-

мечает, что факторный анализ позволяет получить не только базовый профиль личности, но и соотнести конкретные ситуационные характеристики психики с ее реактивными и компенсаторными реакциями. Авторы также отмечают диагностическую ценность факторного анализа при наблюдении пациентов психологами по заданию психиатров и предлагают внедрить его в систему профилактических медицинских осмотров, разрабатывать на основе его результатов персонализированные схемы интегративной коррекции и использовать факторный анализ для мониторинга эффективности коррекционных мероприятий (Кулемзина и др., 2019).

Заключение

Подводя итог представленному в данной статье обзору научного наследия Р. Х. Тугушева, следует отметить, что его научные взгляды не потеряли своей актуальности. На них опираются ученые-психологи, изучающие разные сферы жизнедеятельности человека в социально-психологическом, психолого-педагогическом, профессионально-деятельностном, медицинском, коррекционно-реабилитационном и других аспектах, что свидетельствует об универсальности теоретического и прикладного применения работ Тугушева.

К сожалению, тот мощный научный потенциал идей и наработок, которые оставил после себя Тугушев, ограниченно используется в современных исследованиях. Причина кроется в том, что очень немногие его работы представлены в электронной базе научных библиотек, и это существенно снижает доступность его статей и монографий для широкой научной общественности. Автор статьи искренне надеется, что основные положения, разработанные Тугушевым в рамках теории систем и возможностей использования методов математической статистики в психологических исследованиях и психодиагностике, вызовут интерес к его научным взглядам и воззрениям у современных ученых и будут более востребованы в практической психологии.

Литература

- Арендачук И. В.* Структурно-функциональная организация профессионализма личности в научно-педагогической деятельности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль: Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2008.
- Булюбаиш И. Д.* Перспективы исследования субъективной витальности у пациентов с последствиями спинно-мозговой травмы. Обзор литературы // Трудный пациент. 2018. Т. 16. № 5. С. 48–53.
- Дьячков А. А.* Дифференциально-типологические особенности лиц с выраженным практическим мышлением на примере военнослужащих // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 3. С. 264–268.
- Кисляков П. А., Шмелева Е. А., Лунева Л. Ф., Силаева О. А.* Применение факторного анализа в психологической диагностике (выборка: изучение социальной безопасности студентов) // Международный журнал передовых исследований. 2015. Т. 5. № 2. С. 27–35.
- Кулемзина Т. В., Папков В. Е., Красножон С. В., Испанов А. Н.* К вопросу о трактовке психиатрической и психодиагностической парадигм в контексте интегративной коррек-

- ции здоровья // Донецкие чтения – 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV международной конференции. Донецк: Донецкий национальный университет, 2019. С. 148–150.
- Памяти Р. Х. Тугушева: Мозаика воспоминаний // Известия Саратовского университета. Сер. «Философия. Психология. Педагогика». 2008. Т. 8. Вып. 1. С. 104–107.
- Порохина И. А., Войтехович Т. С., Симонова Н. Н.* Анализ взаимосвязи функциональных состояний с социально-психологическими качествами вахтовых работников горно-обогатительного комбината // Гигиена и санитария. 2018. № 97 (2). С. 149–155. doi: 10.18821/0016-9900-2018-97-2-149-155
- Салкова О. В., Софьина В. Н., Банникова Д. Я., Буриштейн В. А.* Акмеологический подход к исследованию профессиональной компетентности преподавателя вуза // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 7. С. 71–75.
- Тугушев Р. Х.* К вопросу системной психодиагностики психологической компетентности субъектов профессиональной деятельности. URL: http://psycheya.ru/lib/st_tug_1.html (дата обращения: 30.04.2021).
- Тугушев Р. Х.* К проблеме соответствия системы свойств личности и ее профессиональной пригодности // Вопросы кибернетики. Эффективность деятельности оператора / Ред. Ю. М. Забродин, А. П. Чернышев. М.: Науч. совет по комплекс. пробл. «Кибернетика» АН СССР, 1982а. С. 78–83.
- Тугушев Р. Х.* Психофизическое шкалирование при диагностике индивидуальных характеристик трудовой деятельности: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии АН СССР, 1982б.
- Тугушев Р. Х.* Системная персонология: количественный и качественный анализ. Саратов: Гос УНЦ «Колледж», 1998.
- Тугушев Р. Х.* Системный подход в экспериментально-прикладной психодиагностике характеристик субъекта профессиональной деятельности: Дис. ... докт. психол. наук. М.: МГУ, 2001.
- Тугушев Р. Х.* Особенности факторного анализа в психологии // Известия Саратовского университета. Новая сер. «Философия. Психология. Педагогика». 2006. Т. 6. Вып. 1–2. С. 89–98.
- Южанинова А. Л.* История Саратовской психологической школы в лицах. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2018.

The creative heritage of R. H. Tugushev in the context of modern psychological cognition

I. V. Arendachuk

Saratov State University, Saratov

The scientific path of the Doctor of Psychological Sciences, Professor R. H. Tugushev is described. A review of his main ideas related to the development of a systems approach in psychology based on a combination of qualitative and quantitative analysis of experimental data is carried out. The contribution of the scientist to the development of the possibilities of using mathematical methods in research and psychodiagnostics, and in particular, one of the conceptual methods – factor analysis, is considered. The article shows the rel-

evance and modern scientific relevance of the creative heritage of R. H. Tugushev in modern psychological research.

Keywords: R. H. Tugushev, Saratov psychological school, system personology, system model of the organization of the personality psyche, system psychodiagnosics of subjects of activity, factor analysis in psychological research.

Ментальные характеристики русского народа в воззрениях В. Н. Татищева¹

Т. И. Артемьева

Институт психологии РАН, Москва, artemyevati@ipran.ru

В статье представлены взгляды выдающегося отечественного мыслителя XVIII в. Н. Татищева на разные стороны жизнедеятельности людей и их психологические проявления. Диапазон его интересов к анализу жизни народа огромен. Вопросы образования и развития науки рассматриваются им как важнейшие факторы укрепления мощи России. Особое значение Татищев придавал исторической науке, им был разработан метод анкетирования. В работах мыслителя раскрываются особенности народного быта, выявляются его характеристики, формулируются рекомендации к организации жизни различных сословий народа. Большое значение он придавал роли купечества в деле улучшения экономического положения России, детально описывая позитивные и негативные стороны психологии и поведения купцов. Им написан своеобразный кодекс поведения в жизни и быте крестьян, в котором изложены многообразные правила на разные случаи их жизни.

Ключевые слова: история, историческая психология, история психологии, В. Н. Татищев, образование, наука, жизнедеятельность, психологические проявления жизнедеятельности, роль купечества, психология крестьян, рекомендации к поведению крестьян.

Предметом анализа в данной работе являются взгляды Василия Никитича Татищева (1686—1750), который дал в своих работах блистательный анализ разных сторон жизни русских людей, отразил их ментальные особенности за длительный исторический период. Такой предмет исследования имеет самое непосредственное отношение и к истории психологии, и к исторической психологии (см., например: Историческая преемственность..., 2019; Историческая психология..., 2004; Королёв и др., 2011; и др.).

По определению соотечественников, Татищев был «первым русским историком». До него не было ни исследовательских методик, ни традиций, не был опре-

¹ Исследование выполнено по Госзаданию № 0138-2021-0001.

делен и сам предмет истории. Он попытался осмыслить историю страны за несколько столетий. По словам К. Н. Бестужева-Рюмина, Татищев «поставил науку русской истории на правильную дорогу собирания фактов; он обозрел, насколько мог, сокровища летописные и указал дорогу к другим источникам; он тесно связал историю с другими, сродными ей знаниями» (цит. по: Коялович, 1901, с. 98).

Характеристику метода исследовательской работы Татищева дал и С. М. Соловьев: «Он первый начал дело так, как следовало начать; собрал материалы, подверг их критике, свел летописные известия, снабдил их примечаниями географическими, этнографическими и хронологическими; указал на многие важные вопросы, послужившие темами для позднейших исследований... одним словом, указал путь и средства своим соотечественникам заниматься русской историей» (Соловьев, 1995, с. 217).

Татищев был образованнейшим человеком своего времени. Считал, что образование является важнейшим фактором укрепления мощи России. Как и Пётр I, Татищев считал, что «источник всех деяний человеческих есть ум и только». Он высоко ценил профессиональное образование, справедливо полагая при этом, что «специальному образованию непременно должно предшествовать общее».

В своих взглядах Татищев был рационалистом, он подчеркивал, что в науке состоит подлинное благополучие человека. Двигателем истории, по его мнению, является «всемерное умопросвещение». Он выступал против преследования церковью людей науки, отстаивал деистический принцип.

В своих социальных позициях он являлся выразителем интересов дворянства и буржуазии (Дейч, 1962).

Говоря об истории и ее значении, Татищев отмечал, что без знания истории человек «совершенен, мудр и полезен быть не может» (Татищев, 1896, с. 44).

Следует подчеркнуть, что он был первым, использовавшим в научной практике метод анкетирования (о современном состоянии метода см.: Психология, 2000; Социальная психология, 2002; и др.), которому придавал универсальный характер. Составленная им анкета включала 198 вопросов, направленных на исследование разных аспектов жизни народа: природных (географических) и бытовых условий, демографических и лингвистических аспектов. Анкета имела важное практическое значение для развития научных исследований в целом для России (Попов, 1861).

Татищев много сделал и как археолог, и как этнограф. Так, им были описаны многие обряды народов России (башкир, мордвы, черемисов, вогуличей).

Он сформулировал *принцип комплексности* изучения историко-географических процессов, учитывающий тесную связь между науками. Реализация этого принципа была осуществлена не только в «Анжете» Татищева, но и в знаменитом его «Лексиконе российском, историческом, географическом, политическом и гражданском».

Делая попытку в целом охарактеризовать общественно-политическую, организационную, научно-исследовательскую деятельность Татищева в аспекте рассматриваемых им социально-психологических вопросов, следует отметить, что этот отечественный мыслитель в истории России был признан первой столь разносторонней личностью: диапазон его интересов простирался от археологии, сельского хозяйства до сложных научных философских вопросов, до теории по-

знания. Он был «много выдавший и в высшей степени, обладавший даром наблюдательности человек», входил «в ученую дружину» Петра I. По словам А. С. Пушкина, Татищев — сын своего века «жил совершенным философом и имел особенный образ мыслей». К этому можно добавить, исходя из анализа его трудов, что он был и глубоким психологом в плане раскрытия разных проявлений человека.

В российскую историю Татищев вошел и как видный государственный деятель. Ему было поручено правительством строить заводы в Сибири и на Урале. Он был командирован в Швецию для знакомства с состоянием горного и монетного дела. Там он начал серьезно заниматься историей и географией. Из командировки Татищев привез много книг, заложив тем самым основу создания наиболее полной частной библиотеки.

В 1727 г. последовало его назначение членом монетной конторы, которой подчинялись все монетные дворы России.

В 1734 г. Татищев был назначен на Урал «для размножения заводов», затем — главным начальником заводов в Сибири и Перми. Его задача состояла в том, чтобы создавать новые заводы, налаживать их работу (позднее по причине неудовольствия Бирону освобожден от этой работы). Новое трудное дело предстояло Татищеву на башкирской земле. В это время на него были написаны доносы, выдвигались обвинения в финансовых нарушениях.

В январе 1739 г. Татищев поехал в Петербург, а в 1740 г. была назначена специальная комиссия по анализу его деятельности из-за подозрения во взятках. Примерно в это время Татищевым была написана «Духовная моему сыну», где излагались понятия о гражданской и общественной жизни, существенные для объяснения и его времени, и его сочинений.

В возрасте 54 лет он жаловался на свою дряхлость, однако причина была в других обстоятельствах. Кончина Петра I многое изменила в жизни Татищева. Но вскоре он был направлен на другую деятельность, поскольку Бирон пал, и в России началась новая общественная жизнь, без немецкого давления.

Татищеву была предложена большая работа в комиссии по Калмыкии. (Он поселил в русских пределах крещеную калмыцкую княгиню Тайшину, для которой выстроил город, названный Ставрополем.) Татищеву пришлось решать калмыцкие проблемы. Елизавета Петровна, вступив на престол, заявила, что помнит его и простила ему его вины. Он же просил отставить его от калмыцкой комиссии и возратить недоплаченное жалование. Однако просьбы Татищева не были исполнены; он был оставлен на прежнем месте и назначен (дополнительно) губернатором Астрахани.

Василий Никитич Татищев написал ряд работ, в которых раскрываются ментальные особенности народного быта, формулируются рекомендации к организации жизни различных сословий. Содержание его рекомендаций поражает своей детализацией, знанием многочисленных дел в мельчайших подробностях. Так, в работе «Краткие экономические до деревни следующие записки», в которой он анализировал все стороны сельской жизни, дал целый ряд рекомендаций по ведению сельского хозяйства. В работах Татищева раскрываются вопросы, которые имеют непосредственное отношение к характеристике русского быта населения России. Хотя такой термин-понятие, как «русский народ» в текстах не встречается, есть другие понятия — крестьяне, помещики, ремесленники, купцы и дворяне

как основные сословия, которые, по существу, и составляли русский народ. Советы и рекомендации Василия Никитича, адресованные не только разным слоям населения, но могущие послужить лучшей организации жизнедеятельности всей страны, имеют большой интерес в смысле исторического познания жизни России того периода. По своим политическим взглядам Татищев был защитником самодержавия, защищал сильную монархическую власть в том виде, как она утвердилась при Петре I, выделяя три формы правления: монархию, аристократию, демократию, анализировал особенности становления русской государственности. «Рассматривая положение каждого члена общества, Татищев связывает это положение не с родовым статусом, а с конкретными делами, направленными на пользу общества, личными качествами, независимо от того, к какому стану он относится», — пишут И. В. и В. В. Огородники (Огородник, Огородник, 1986, с. 121).

В работе «Разсуждения о ревизии поголовной касающемся до оной» он дает анализ экономической и политической ситуации в тогдашней России, предлагает меры по ее улучшению. Акцент в своем анализе Василий Никитич ставит на том, что могущество страны зависит *от умножения правительственного дохода*, а также рассматривает положение сословий — купечества и крестьянства. Татищев предлагает ряд мер, например, умножение рукоделий, т. е. мануфактур, способных производить товары, в которых могут быть заинтересованы другие страны. Он также предлагает дать купцам вольную, тем самым обеспечить им необходимую свободу в торговле и ее развитии, что, в свою очередь, предполагает строительство дорог, водных путей, открытие различных училищ и т. д. В других своих работах — «Представление о купечестве и ремеслах», «Краткие экономические до деревни следующие записки» — он также обсуждает вопросы развития государства, предлагает систему мер для того, чтобы поднять экономический уровень страны. Так, например, в условиях развития торговли надо упорядочить ярмарочный торг, организовать кредиты для купечества, усовершенствовать таможенную службу; он дает совет избавляться от обмана, воровства, подлогов, взяточничества и казнокрадства. Читая этот текст сегодня, *можно сказать «о переключке времен»* — проблемы, которые мешали развитию России во времена Татищева, столь же актуальны и сегодня, они также тормозят развитие страны, хотя прошло более двух с половиной веков.

Рассматривая государственное устройство и способы его наиболее оптимальной организации, улучшение экономического положения России, Татищев большие надежды возлагал на русское купечество, отмечая, что «все доходы государственные, какого б оные звания ни были, единственно от купечества происходят... сколько порядочное купечество областям богатств, силы и славы умножает» (Татищев, 1979, с. 392). В связи с этим он говорил о том, что в России «давно о пользе купечества русского прилежали» и что цари ценили купечество и старались способствовать развитию сферы деятельности купцов. Так, создавались и подписывались в пользу купечества царские указы, в училищах обучались дети купцов (в том числе иностранным языкам), которые в дальнейшем могли быть посланы для приобретения опыта в другие страны. Был, например, написан Таможенный устав, а в 1667 г. царь Алексей Михайлович «Торговый устав и другие весьма полезные купечеству указы издал» (там же, с. 394). Петр Великий «якоже для купечества и ремесел к лучшему и благоразсуднейшему произведению и всег-

дашнему всех недознаний исправлению... устроил Академию наук и ремесел» (там же).

Но со временем многое в принятых постановлениях было нарушено, искажено, ранее созданные уставы и учреждения не работали. Когда на престол вступила Елизавета Петровна, «все законы, уставы, учреждения родителя ея повелела возобновить и в сущее действо произвести, как то и в сем обстоятельстве Берг — и Мануфактур — коллегии, Главный магистрат с подчиненными устроены, уставы с дополнением напечатаны и в прежнее действо благодаря Бога приведены» (там же, с. 395), — пишет Татищев. По его мнению, все дела человеческие требуют время от времени исправления, дополнения и пременения, поэтому «что до купечества и рукоделий, мню, нечто исправить, дополнить или пременить по все высочайшему ея императорского величества разсмотрению потребно...» (там же, с. 395).

Татищев стремится дать обстоятельный анализ многим принятым в государстве положениям, касающимся, в частности, и купечества, предлагает ряд конкретных мер: способствовать организации ярмарок — «по состоянию нашего государства весьма нужно в некоторых пристойных местах ярмарки порядочные учредить...» (там же, с. 396); улучшить внешнюю торговлю, которая пришла в большой беспорядок из-за нарушения использования, например, «пристаней морских», отмечает и другие недостатки, «так что от оных многие главные купцы вконец разорились и доход казенной умалился...» (там же). Татищев писал, что купцы многое терпят от того, что много нарушений законов и уставов происходит, так же и «ремесленники, не видя никакого о себе учреждения, вместо надлежасчей от них пользы вредными являются, ибо все их рукоделия прилежат токмо как бы дешевле сделать и, тайно в работе своровав, купца обмануть и в убыток ввести, как то часто случается видеть, что под сапоги и башмаки меж подошв для показания жестокости береста, в шеры меж ремнями лоскутья мелкие и лыка зашивають, серебряники и золотари прибавкою меди и мышьяка портят, каретники и столяры из сырого леса делают и мездриным клеєм клеят, железо кладут самое бездельное, так что, купя иногда корету или стол, до двора не доvezши, принужден починить, а смотрения и за такое воровство наказания нет» (там же).

Речь идет не об отдельных случаях, а об устойчивой тенденции, укorenившейся в хозяйственной жизни страны. Ссылаясь на различные постановления, Татищев пишет: «И единым словом сказать, нет ни одного ремесла или рукоделия, которое у нас делается и в редах продается, чтоб какого коварства и обману не было, что не токмо стыд, но государственнй убыток, что мы весчи каких со избытком дома иметь можем, принуждены с убытком и усчербом наших ремесленников из других государств купить» (там же, с. 397).

Татищев ставит вопрос и об отсутствию контроля за покупаемыми товарами: «В знатных купецких городех определить меклеров, однако ж оных, кроме приморских, нигде не определено и законов им не предписано; чрез что многие плутовства и вредительные обманы видим, например, в Москве немощно вина цельного сыскать, которое они, перепортя, продают и многим незнающим тяжкие болезни наносят... Какое великое множество чаю привозят, но все гнилой и негодной, и едва можно чрез друга или из казны хорошего сыскать» (там же).

Не будет преувеличением сказать, что Татищев, раскрывая ментальные особенности быта русского народа, показывая взаимоотношения между купцами,

ремесленниками, административными службами, выявляя существующие нарушения в законах, а также их невыполнение, описывает состояние, которое можно наблюдать и в современной России (см., например: Психология предпринимательской..., 1995; Психология, управление, бизнес..., 2016; Российская деловая культура..., 1998; Социально-психологические исследования коррупции, 2017; и др.). Все отличается главным образом речью, ее стилевыми особенностями и выражениями, но по существу «своевременно», на злобу дня. Например: «Ничем так наше купечество разоряется, как откупами и подрядами. Оно частью от беспутства тех купцов, частью от судей и приказных служителей происходит. От купцов: 1) первое, подряжаясь тайно других, чтоб от торгу отстали, купить; 2) второе, порук також дачами притягивают; 3) прежде, нежели подряд или откуп исправил, затевают из прибыли дома и церкви строить, судей и подьячих потчивая, пиры богатые строят, платья на себя и жен не по пристойности богатое делают, чтоб, видя их, наружно богатых, более верили им, на что иногда с великим ростом по 20 и 30 на сто деньги занимают и тем себя и порук разоряют, чего магистраты не надзирают... который купец будет со шляхеством или приказными водиться, с ними пировать и веселиться, то уже, конечно, вскоре банкротом будет...» (там же, с. 398–399). Здесь отражен ход процесса жизнедеятельности, нравы людей, плутовство, виды взяток и т. д. — практически настоящая психология купечества и народного быта, которая в значительной степени свойственна и современному обществу. Практически он раскрывает «беспутство купцов». Татищев, говоря о купеческих нравах, отмечает такие их негативные проявления, как хитрость и обман при ведении бизнеса, непродуманные траты полученных доходов в ущерб выполнению торговых обязательств, стремление к приобретению роскошных предметов обихода (одежды) для внешней демонстрации своего богатства, склонность к кутежам, застолям, разгульному времяпровождению, подкуп судей и чиновничества.

В упомянутой выше работе «Краткие экономические до деревни следующие записки» Василий Никитич обсуждает вопросы развития сельского хозяйства, пишет о сбережении лугов и сена, о пашне, о жнитве, о посеве, о молотье, о размножении скота и птиц, о копании (создании) каналов, о садах и пчелах и многом другом, что составляет жизнедеятельность крестьян. Его рекомендации просто поражают своей конкретикой и детализацией. Это своеобразная энциклопедия для русского крестьянина по ведению сельского хозяйства. В этой же работе в разделе «О школах, рукоделье и мастерстве» он ставит также вопрос об организации обучения в школах, называя конкретные годы — когда и чему следует учить детей. Так, Татищев пишет, что крестьянских детей с 5 до 10 лет нужно обучать грамоте и письму, что позволит им прийти «в познание закона». От 10 до 15 учить детей разным ремеслам — художествам: кузнечному, колесному, бочарному, овчарному, горшечному, коневальному, шерсть бить, войлоки валять, портному, сапожному и всему тому подобному, что «крестьянину необходимо иметь надлежит, дабы ни один без рукоделья не был». Думается, что можно не сомневаться в том, что так на самом деле и происходил процесс обучения детей в деревне. Татищев подчеркивает, что особенно зимой, когда нет тяжелой работы, дети могут и должны учиться и «получить свои интересы», причем «от них не принимать никакого оправдания и всевозможными силами к тому их принуждать

и обучать надлежит» (там же, с. 406). В разделе «О поспешности в работе» прописан своеобразный кодекс-устав поведения крестьян, в котором для них излагаются многие правила, на разные случаи жизни. Например, необходимо следить за тем, чтобы летом, в горячую страду крестьяне не допускали никакой лености; кроме установленных праздников, других быть не должно, ибо «ленивые крестьяня ни о чем больше не пекутца, как только узнать больше праздников. И для того работу производить, начав с вечера, ночью и поутру, а в самое жаркое время отнюдь не работать» (там же, с. 408). За работой крестьян должны строго наблюдать староста и «прикащик»; хлеб прежде убирать с полей помещиков, потом крестьянских. После уборки хлеба «староста и прикащик не имеет их больше к работе принуждать и должен им дать покой несколько времени; а за труды их, выбрав свободный день и собрав, всех напоить и накормить из боярского кошту» (там же). Им также предписывается жить без вражды, ссор и драк, жить всем «согласно и единодушно без всякой зависти во всяком дружелюбии, одному другому во всем вспомоществовать и друг другу быть покорным по закону Божию», т. е. соблюдать правила православия. В этом своде правил поведения крестьян Татищев не обошел и вопрос о взаимоотношениях крестьян с чужими деревнями: «Крестьян в чужую деревню в батраки и пастухи не пускать и в свою не принимать; вдов и девок на вывод не давать под жестоким наказанием; понеже от того крестьяня в нищету приходят, все свои пожитки выдают в приданные, и тем богатятца чужие деревни. В своей деревне между собою кумовства не иметь, затем чтоб было можно женитьца. Крестьян старых и хворых мужеска и женска полу по миру не пущать, а определить их в домовую богадельню, которых поить и кормить боярским коштом» (там же, с. 408—409). Татищев предписывает не только правила поведения, но в силу обширности своих знаний даже способен «диктовать» конкретные рецепты приготовления вина, сыра, как печь хлеб и, более того, как понять, что хлеб уже испечен и готов для употребления.

Большой интерес для понимания быта крестьян вызывает текст «Нравоучение жизни доброго крестьянина и рукодельника», в котором рассмотрен комплекс вопросов, связанный с распорядком дня крестьян, распределением работ по часам, о поддержании гигиены в домах, об умениях крестьянки в домоводстве, «медицинские» советы о питье и питании в разное время года и мн. др. Татищев неустанно проводит мысль о том, что «каждый человек, которой ежечасно упражняется в работе, тот всегда здоров и бодр; а которой спит довольно, ест много, тот ежечасно себя подвергает болезни» (там же, с. 412). Он советует крестьянам держать своих детей в страхе (строгости), не допускать их праздности «и всегда принуждать к работе, дабы он в том взял привычку и, смотря отца своего неусыпные труды, себя к тому приучить мог. Праздность человека приводит в воровство и разбой, от чего после навеки должен будет пропасть душою и телом. А дабы каждой праздно в младости не был, то должен он отдать его какому-нибудь художеству или рукоделию учиться, от чего всегда интерес свой получить может; а наивящей пункт — учить грамоте и писать, чрез что познает закон и страх Божий, хотя тем может назваться истинным человеком и различить себя от скота» (там же, с. 412—413).

В тексте «Должность вышеописанных людей» дана детальнейшая инструкция камердинеру, повару, кучеру и форейтору, истопнику, белой прачке, работ-

ной и др. Им предписано, что нужно делать, как делать и когда делать, что носить и как вести себя в соответствии со своей должностью. Можно заметить, что чтение этого текста приносит не только пользу, но и удовольствие: он красочен, ярок, содержателен, автор точен в своих рекомендациях. Кроме того, он поучителен, выполняет педагогическую воспитательную функцию и отражает ментальные характеристики людей, а через них и народный быт. Своего рода методика, предложенная Татищевым, в которой он детально предписывает, что нужно было делать при изучении той или иной сферы жизнедеятельности, когда и как, имеет непреходящее значение. И сегодня эти вопросы остаются действенными и актуальными. Последняя строчка в конце текста его работы гласит: «Сочинения господина губернатора в Астрахане Василия Никитича Татищева 1742 года».

Заключение

Выдающийся отечественный ученый и государственный деятель XVIII в. Василий Никитич Татищев внес огромный вклад в становление науки и культуры петровской и последующих эпох. Татищева называют также первым российским историком. Исторической науке он придавал особое значение, разработал метод анкетирования.

В очень тонких наблюдениях ученого можно встретить точные психологические характеристики разных слоев российского общества. Диапазон его интересов к анализу жизни народа был огромен. Вопросы образования и развития науки рассматриваются Татищевым как важнейшие факторы укрепления мощи России. В работах мыслителя раскрываются особенности народного быта, выявляются характеристики разных сословий, формулируются рекомендации по организации их жизни. Самое пристальное внимание Татищев уделял купечеству, зафиксировав множество наблюдений и рекомендаций, актуальных и в наше время.

Литература

- Бестужев-Рюмин К. Н.* Биографии и характеристики. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1882.
- Дейч Г. М.* В. Н. Татищев. Свердловск: Кн. изд-во, 1962.
- Историческая преемственность в отечественной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Харитоновна, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Историческая психология: предмет, структура и методы. М: МосГУ, 2004.
- Королев А. А., Журавлев А. Л., Кольцова В. А.* История и психология: неумолчный диалог. Учебное пособие / Под ред. А. А. Королева. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2011.
- Коялович М. О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1901.
- Огородник И. В., Огородник В. В.* Философско-социальные взгляды В. Н. Татищева. Черновцы, 1986. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР. № 25343 от 25.05.86. Очерки русской культуры XVIII века.
- Попов Н. А.* В. Н. Татищев и его время. М.: К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1861.
- Психология: Учебник для технических вузов / Под ред. В. Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2000.

- Психология предпринимательской деятельности: развитие российского предпринимательства в начале 1990-х годов / Под ред. В.А. Бодрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.
- Психология, управление, бизнес: проблемы взаимодействия / Под ред. А.Л. Журавлева и др. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2016.
- Российская деловая культура: история, традиции, практика. М.: Торгово-промышленная палата РФ, 1998.
- Соловьев С. М.* Писатели русской истории 18 века // Соч. Кн. XVI. М.: Мысль, 1995.
- Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Пер Сэ, 2002.
- Социально-психологические исследования коррупции / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова, В.А. Соснин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Татищев В. Н.* Духовная моему сыну. Тексты Духовной и Увещения. Содержание Разговора о пользе наук и др. сочинений. Объяснительные статьи. СПб.: Изд. И. Глазунова, 1896.
- Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л.: Наука, 1979.
- Татищев В. Н.* Записки. Письма, 1717–1750 гг. М.: Наука, 1990.
- Татищев В. Н.* История российская. В 3 т. Т. 1. М.: АСТ, 2003.

Mental characteristics of the Russian people in the views of V. N. Tatishchev

T. I. Artemieva

Institute of Psychology RAS, Moscow, artemyevati@ipran.ru

The article presents the views of an outstanding domestic thinker of the XVIII century V. N. Tatishcheva on different sides of the life activity of people and their psychological manifestations. The range of his interests towards the analysis of the people of the people is huge. Education issues and development of science are considered as the most important factors for strengthening the power of Russia. Tatishchev attached special importance to historical science, developed a questionnaire method. In the works of the thinker, the peculiarities of the people's life are revealed, its characteristics are detected, recommendations are formulated for organizing the lives of various classes of the people. He attached great importance to the role of merchants in improving the economic situation of Russia, describing the positive and negative aspects of the psychology and behavior of merchants. They were written a kind of code for the behavior of the life and life of the peasants, in which he sets out the diverse rules for various cases of their life.

Keywords: history, V. N. Tatishchev, education, science, vital activity, psychological manifestations of life, the role of merchants, psychology of peasants.

Пауль Вацлавик – философ, психолог, психотерапевт

Н. А. Власов

ГБУЗ ПКБ №4 им. П. Б. Ганнушкина ДЗМ, Москва, kaiser85@yandex.ru

Пауль Вацлавик представлен как ученый, внесший вклад в эпистемологию, социальную психологию и краткосрочную психотерапию. Приведена его краткая биография. Рассматриваются его взгляды на философию познания как одного из создателей радикального конструктивизма, обсуждается концепция «двух реальностей». Отмечены работы Вацлавика по психологии общения, описываются пять основных аксиом теории коммуникации. Определен вклад Вацлавика в теорию и практику психотерапии.

Ключевые слова: история психологии, П. Вацлавик, радикальный конструктивизм, философия познания, аксиомы теории коммуникации, краткосрочная стратегическая терапия.

Краткая биография

Пауль (Пол) Вацлавик (Paul Watzlawick) родился 25 июля 1921 г. в г. Филлах на юге Австрии в зажиточной семье.

В 1939 г. окончил школу, затем изучал филологию и философию в Университете Ка'Фоскари (Венеция, Италия), там же спустя 10 лет получил докторскую степень (PhD). Интересуясь психотерапией, Вацлавик обучался в Институте Карла Юнга (Цюрих, Швейцария). В середине 1950-х годов он увлекался философией Дзен, год прожил в Индии. В 1957 г. продолжил свое обучение в Университете Эль Сальвадора (Сан Сальвадор, Сальвадор) и в Темпльском университете (Филадельфия, США). Будучи материально обеспеченным, Вацлавик мог посвятить себя науке.

В 1960 г. Вацлавик был приглашен в Институт психических исследований (Mental Research Institute – MRI, Пало Альто, США) в качестве исследователя американским психиатром Д. Джексоном (1920–1968). Там он тесно взаимодействовал с группой «Проекта Бейтсона», куда, помимо выдающегося антрополога Г. Бейтсона (1904–1980) и Джексона, входили также в будущем известные психологи и психотерапевты, как Дж. Хейли (1923–2007) и Дж. Уикленд (1919–1995). За четыре года до приезда Вацлавика в Институт психических исследований эти ученые стали известны, опубликовав статью «К теории шизофрении» (Toward a theory of schizophrenia), в которой выдвинули гипотезу о системно-коммуникативной этиологии этого расстройства.

Несмотря на то, что Вацлавик никогда формально не входил в группу «Проект Бейтсона», он продолжил свое исследование коммуникации в том же направлении. Результатом его деятельности, а также деятельности его команды стала вышедшая в 1967 г. книга «Прагматика человеческой коммуникации: изучение паттернов взаимодействия, патологий и парадоксов» (Pragmatics of human communication: a study of interactional patterns, pathologies and paradoxes). Этот труд оказал существ-

венное влияние на американскую социальную психологию. В том же году он занял престижную профессорскую должность преподавателя психиатрии в Стэнфордском университете.

1970-е годы в творчестве П. Вацлавика были связаны с развитием его интереса к психотерапии. Еще раньше, в 1967 г. он стал одним из трех основателей (наряду с Дж. Уиклендом и Р. Фишем) первого в мире Центра краткосрочной терапии (Brief Therapy Center) в Пало Альто, а в 1974 г. эти же исследователи выпустили книгу «Изменения: принципы формирования и разрешения проблем» (Change: principles of problem formation and problem resolution), содержащую анализ того, каким образом человек сам создает те или иные психологические проблемы, а также описание механизмов их разрешения. В 1977 г. вышла книга «Язык изменений: элементы терапевтической коммуникации» (The language of change: elements of therapeutic communication), в которой автор продолжает развивать идеи предыдущей своей работы, однако в большей степени делая акцент на практике изменений посредством специфического использования языка.

И в 1970-х, и в 1980-х годах Вацлавик разрабатывал эпистемологический подход, более известный как радикальный конструктивизм. Ему посвящены две его монографии – изданная в 1976 г. «Насколько реальное реально?» (How real is real?) и более фундаментальная «Выдуманная реальность: как мы узнаем то, во что верим? (вклад в конструктивизм)» (The invented reality: how do we know what we believe we know? (contributions to constructivism)), изданная в 1984 г.

1990-е годы были для Вацлавика периодом сотрудничества с молодым итальянским философом науки, психологом и психотерапевтом Дж. Нардонэ (род. 1958). В 1993 г. вышла их совместная работа «The art of change: strategic therapy and hypnotherapy without trance», изданная на русском языке спустя 13 лет под названием «Искусство быстрых изменений» (Нардонэ, Вацлавик, 2006). В последние годы жизни П. Вацлавик сильно болел, но продолжал преподавательскую деятельность и давал интервью. Он умер 31 марта 2007 г. после перенесенного инфаркта в возрасте 85 лет.

Философия радикального конструктивизма

В качестве философа П. Вацлавик известен как один из основателей радикального конструктивизма, в общем виде сложившегося к 1970-е годы. Это направление в эпистемологии (гносеологии) рассматривает человеческое познание как активный творческий процесс (создание конструкций), отличающийся от познания других живых существ, способных лишь на «отражение» реальности (Лебедев, 2011, с. 74). Философские основания этого подхода восходят как к античной (скептицизм), так и к более современной (релятивистская физика) традициям (Современная западная философия..., 2009, с. 21), а непосредственным методологическим учением, на которое он опирается, является так называемая «логика различения» Дж. Спенсера-Брауна (Энциклопедия эпистемологии и философии..., 2009, с. 377). Радикализм такого конструктивизма состоит в «его радикальном отмежевании от всех форм традиционной эпистемологии, допускающей в той или иной мере соответствие знание объективной реальности» (Конструктивистский подход в эпистемологии..., 2009, с. 345). Можно сказать, что приверженцы данного

направления гносеологии — немецкоязычные авторы, за исключением чилийцев У. Матураны и Ф. Варелы это либо немцы (Э. фон Глазерсфельд, Г. Рот), либо австрийцы (П. Вацлавик, Х. фон Ферстер).

Конструктивистские взгляды Вацлавика довольно категорично представлены в его книге «Насколько реально реально?». Он пишет: «Вера в существование одной-единственной реальности представляет собой самое опасное заблуждение. Единственное, что существует, — это множество различных версий реальности, некоторые из них могут входить в противоречие друг с другом; все они являются результатом коммуникации, но не отражениями некоей извечной, объективной истины» (цит. по: Цоколов, 2000, с. 28). В этих двух предложениях представлены основные тезисы конструктивистского подхода в понимании Вацлавика:

- Не существует единой для всех реальности, она множественна. По большому счету речь идет о том, что так называемая «объективная» реальность представляет собой совокупность субъективных реальностей, из чего можно сделать вывод, что общая реальность, даже если бы она и существовала, не является познаваемой в принципе.
- «Объективная» реальность может быть понята как совокупность субъективных реальностей, при этом такая совокупность может быть образована в результате коммуникации между субъектами. Сам Вацлавик использовал для иллюстрации этой идеи известную притчу о слепых мудрецах, каждый из которых ощупывал определенную часть слона и на этом основании пытался сделать вывод о животном в целом: «Слон — он как дерево» (мудрец, трогавший ногу), «Слон — он как змея» (точка зрения мудреца, ощупывавшего хобот) и т. д. Создать более или менее «объективный» образ слона можно лишь тогда, когда все эти мудрецы договорятся между собой таким образом, чтобы представления о нем каждого из них были интегрированы в общую картину.

Однако нельзя сказать, что Вацлавик совсем отрицает наличие «объективной» реальности как таковой. В изданном в 1982 г. сборнике «Эволюция психотерапии» он описывает «концепцию двух реальностей» (Вацлавик, 1998, с. 280). Согласно ей, существует две реальности: первая, она же условно объективная («реальность первого порядка»), и вторая, безусловно субъективная («реальность второго порядка»). Первая создается при помощи человеческих органов чувств, вторая же посредством оценивания и придания определенного смысла воспринятому. Таким образом, «объективная» реальность все равно не существует вне субъекта, ибо она «возникает» в момент ее чувственного «схватывания». А коли уж все мы оперируем субъективными реальностями первого или второго порядка, то о каком «объективном» познании может идти речь?

Психология коммуникации

Как психолог П. Вацлавик внес вклад в общую и социальную психологию. В первом случае мы можем говорить об идеях, связанных с пониманием познания и сознания. Идеи Вацлавика пересекаются с идеями зарубежных психологов, таких как М. Коул и С. Скрибнер («Мы расчлняем природу в направлении, подсказан-

ном нашим родным языком») (Коул, Скрибнер, 1977, с. 55) и в особенности с концепцией личностных конструктов Дж. Келли («Процессы конкретного человека, в психологическом плане, направляются по тем каналам, в русле которых он антиципирует события») (Келли, 2000, с. 65).

Его представления о восприятии и оценивании окружающей действительности пересекаются с представлениями отечественных психологов и философов, таких как С.Л. Рубинштейн (мир как «организованная иерархия различных способов существования, точнее, сущих с различным способом существования») (Рубинштейн, 2012, с. 107), А. Н. Леонтьев («Значения, таким образом, несут в себе особую мерность. Это мерность внутрисистемных связей самого объективного предметного мира») (Леонтьев, 1979, с. 6), В. Ф. Петренко («Познание не только описывает, но и творит реальность и теоретические модели по принципу кольцевой причинности участвуют в созидании мира») (Петренко, 2006, с. 50) и др. Однако при всей значимости концепции «двух реальностей», к началу 1980-х годов она не была такой уж оригинальной.

Более значимым представляется вклад Вацлавика в социальную психологию, в частности в психологию общения. Вышедшая в 1967 г. «Прагматика человеческой коммуникации» до сих пор остается классическим трудом этого направления. В этой работе ученый сформулировал пять основных аксиом теории коммуникации:

1. Невозможность отсутствия коммуникации: все поведение — это коммуникация, даже демонстративный отказ от общения представляет собой сообщение реципиенту со стороны субъекта.
2. Коммуникация имеет два уровня: содержания и отношения, причем второй является метауровнем по отношению к первому.
3. Пунктуация последовательности событий: расставление смысловых акцентов участниками процесса коммуникации.
4. Люди используют как цифровой, так и аналоговый способ коммуникации, при этом первый из них имеет сложный и мощный логический синтаксис, но испытывает недостаток адекватной семантики в области отношений, в то время как у второго есть семантика, но нет адекватного синтаксиса для недвусмысленного определения природы отношений.
5. Все коммуникационные обмены являются либо симметрическими, либо комплиментарными в зависимости от того, основываются ли они на равенстве или на различиях (Вацлавик и др., 2000, с. 84).

Указанные аксиомы коммуникации в таком же или в несколько измененном виде до сих пор можно встретить в ряде учебников по социальной психологии.

Стратегическая психотерапия

Не менее продуктивен в качестве исследователя был П. Вацлавик и в области психотерапии. Ряд его коллег по философии конструктивизма были одновременно и учеными в области теории систем. К таковым можно отнести Х. фон Ферстера, одного из отцов-основателей кибернетики, У. Матурану и Ф. Варелу, авторов концепции аутопоэзиса.

Один из центральных вопросов, ответ на который он пытается найти, звучит следующим образом: «Что может считаться нормой, а что патологией психики?». В статье «Конструирование клинических „реальностей“» он указывает на то, что точка зрения, согласно которой норма определяется степенью адаптированности субъекта к реальности, не может быть верной, поскольку любая «реальность» представляет собой всего лишь конструкт (Вацлавик, 1998, с. 274).

Приведем пример: больной шизофренией демонстрирует «шизофреническое» поведение, хорошо описанное в психиатрической литературе. С точки зрения медицины он является больным, так как с трудом адаптируется к реалиям социального мира, не может полноценно учиться или трудиться. Однако с точки зрения взаимодействия с семьей, в которой он проводит много времени, он довольно адаптирован, ибо в психотических («шизофреногенных») семьях такая «болезнь», как шизофрения, может быть понята как стратегия адаптации. Получается, что он «не адаптирован» с точки зрения общества вообще, однако адаптирован с точки зрения существования («выживания») в собственной семье. Одновременное сосуществование взаимоисключающих высказываний, противоречит закону исключения третьего в классической логике. Вацлавик находит следующий способ разрешения этого противоречия — он просто указывает на то, что психическая норма не может быть определена объективно в принципе (Вацлавик, 1998, с. 278).

То, что «клиническая реальность» не может быть объективной, Вацлавик указывает и в своей работе «Конструктивизм и психотерапия» (Вацлавик, 2001, с. 102). Он ссылается на известное исследование Д. Розенхэна, опубликованное в 1973 г., в котором ряд ученых под видом больных шизофренией, путем симуляции симптомов этого заболевания были госпитализированы в психиатрические стационары, пролечены и выпущены затем с соответствующим диагнозом. Резюмируя свои идеи, описанные в этой статье, Вацлавик пишет: «Таким образом, так называемая действительность, с которой мы имеем дело в психиатрии, является действительностью второго порядка и конструируется путем приписывания смыслов, значений или ценностей соответствующей действительности первого порядка» (там же, с. 105).

Что же следует использовать вместо конструкта «объективной клинической реальности», когда речь заходит о психических расстройствах? Согласно Вацлавичу и его ученику Нардонэ, патология психики, хоть и может быть заложена в далеком прошлом, но поддерживается благодаря ригидной перцептивно-реактивной системе (ПРС) — особой системе восприятия и поведения, которая не только формирует восприятие человеком себя и мира, но и сама поддерживает свое существование. В книге «Искусство быстрых изменений» они пишут следующее: «Отправным пунктом служит убеждение в том, что психическое или поведенческое расстройство субъекта определяется его восприятием реальности: его точкой зрения, которая обуславливает, как он воспринимает (или, лучше — конструирует) реальность, на которую он реагирует дисфункциональным или так называемым «психопатологическим» поведением. Зачастую дисфункциональное поведение является, по мнению субъекта, его наилучшей возможной реакцией в определенной ситуации» (Нардонэ, Вацлавик, 2006, с. 35). Таким образом, речь следует вести не о соответствии субъективной реальности индивида «объективной», а о том, каким образом сконструирована эта самая субъективная ре-

альность. Используя известную метафору А. Кожибского («Карта не есть территория»), можно сказать так: психотерапевта не интересует соответствие карты территории; его интересует карта как таковая и то, насколько она позволяет носителю отвечать на жизненные вызовы.

Перцептивно-реактивная система создается и поддерживается не сама по себе. Основным ее механизмом являются предпринятые попытки решения (ППР) — устойчивые попытки решить проблему, которые, иногда давая облегчения симптоматики на коротком временном промежутке, в итоге лишь поддерживают ее в отдаленной перспективе. Вацлавик указывает, что «при определенных обстоятельствах проблемы будут возникать исключительно в результате неправильных попыток изменить существующую реальность» (Вацлавик и др., 2020, с. 47). При существенном количестве повторений таких попыток патологическая перцептивно-реактивная система стабилизируется и становится ригидной, воспроизводя саму себя. ППР, как правило, не выбираются сознательно; они, особенно в начале, действуют кратковременно, приводят к облегчению состояния, что способствует быстрому закреплению по принципу научения.

Само собой разумеется, что в жизни любого человека могут возникать различные трудности. Вопрос в том, как он на них реагирует, т. е. какие предпринимает попытки для преодоления этих сложностей. В случае, если выбраны «здоровые» паттерны поведения, то проблема не возникнет или, возникнув, быстро угаснет; если попытки выбраны «нездоровые», то расстройство возникнет довольно быстро и, если они будут повторяться, то станет довольно устойчивым.

Вацлавика можно считать одним из основателей стратегической терапии. Хотя предтечей данного направления обычно называют американского психиатра М. Х. Эриксона, окончательно оно было оформлено в стенах Института психических исследований и Центра краткосрочной терапии. Стратегическим принято считать подход, в рамках которого ответственность за процесс и результат терапии берет на себя специалист, и именно он вырабатывает ту стратегию, которая поможет клиенту достичь желаемых целей.

Основные положения стратегического подхода были сформулированы Вацлавиком и Нардонэ в виде набора из четырех «ересей», названных так потому, что они вступали в противоречие с общепринятыми в то время представлениями о сущности терапии:

- Существует не одна-единственная реальность, а множество, в зависимости от точки наблюдения и инструментов, при помощи которых это наблюдение осуществляется. Эта «ересь» представляет собой типичную иллюстрацию конструктивистской точки зрения на любую «реальность», в том числе терапевтическую.
- Терапевту не следует пытаться анализировать «глубинное» в поисках скрытых истин, а так же искать корень проблемы; его задача состоит в том, чтобы понять, как именно функционирует проблема в настоящем, иными словами, выявить те механизмы, которые поддерживают ее существование. Именно это поможет запустить процесс изменений: «как» важнее, чем «почему».
- Решение проблемы клиента лежит в плоскости нарушения равновесия круговой системы взаимодействий, поддерживающей ее существования. Блокирование предпринятых попыток решения (ППР) приводит к модифицированию

перцептивно-реактивной системы (ПРС). В других, несистемных направлениях терапии используется линейная причинно-следственная схема возникновения и поддержания проблем, предполагающая возвращение к самому раннему «поврежденному» звену, например, к первой психической травме.

- Мысль следует за действием: в отличие от «когнитивно-центрированных» моделей терапии, таких как психоанализ, предполагающих изменения в действия после изменений в мыслях (сначала инсайт — затем изменения в эмоциональной и поведенческой сферах), в стратегической терапии действия предшествуют когнитивным модификациям. Новый эмоционально-корректирующий опыт, если он достаточно сильный, может вызвать изменения в познавательных схемах человека (Нардонэ, Вацлавик, с. 31–47).

Эти «ереси» хорошо укладывались в теоретические схемы Института психических исследований и не вызвали сколько-нибудь значимых возражений у коллег Вацлавика.

Сложнее дело обстояло со стандартизацией психотерапевтической работы в стратегическом подходе. Исторически так сложилась, что в стенах Института ощущалось сильное влияние одного из наиболее значимых терапевтов XX в. — Эриксона. Его позиция, как известно, была такова: для каждого пациента необходимо создавать свою терапию. Это означало, что не может быть каких-то универсальных схем лечения в принципе. Поэтому в работах, написанных сотрудниками Института до 1990-х годов, мы почти никогда не встретим каких-либо алгоритмов терапии в зависимости от проблематики клиента, хотя отдельные кейсы описывались довольно часто.

До конца 1980-х годов, пока в MRI на стажировку не приехал Нардонэ, это правило оставалось нерушимым. Однако вскоре этот молодой итальянский философ науки и психолог выдвинул идею «протоколов» — последовательностей терапевтических вмешательств в зависимости от проблемы пациента. Нардонэ не отрицал уникальность человеческой личности, однако он утверждал, что проблема (расстройство) уникальной как раз не является. Из этого следовало, что для лечения различных расстройств могут быть разработаны специализированные протоколы.

Как рассказывал сам Нардонэ, не все «патриархи» Института психических исследований восприняли эту идею спокойно. Дж. Уикленд раскритиковал такую «ересь» совершенно безапелляционно. Однако Вацлавик, чьим учеником и был Нардонэ, поддержал его. В итоге были разработаны первые протоколы вмешательств при фобиях и обсессивном расстройстве. В дальнейшем исследования их эффективности показали целесообразность такого рода лечения, что доказало не только правильность идеи Нардонэ в принципе, но и стимулировало разработку новых протоколов (например, при паническом расстройстве, ипохондрии, анорексии, булимии, депрессии и др.).

В итоге подход, созданный Нардонэ и Вацлавиком, получил название «краткосрочной стратегической терапии»; он, конечно, связан со стратегическим подходом Института психических исследований, но отличается от него большей структурированностью. Меньшая зависимость от изначальной модели позволили авторам создать общую структуру терапевтического вмешательства, состоящую из четырех стадий (Нардонэ, Вацлавик, 2006, с. 113–114): первой, продолжительностью от первой до третьей сессии (цели: достижение доверия и сотрудничест-

ва, ломка ригидной системы восприятия реальности, демонстрация на практике того, что изменение возможно); второй, продолжительностью от третьей до пятой сессии (цели: укрепление способности к изменению, реальное изменение ситуации, когнитивное реструктурирование); третьей, начинающейся с пятой сессии (цели: прямое подталкивание пациента к созданию ситуаций постепенного преодоления проблемы, переопределение восприятия пациентом его самого, других людей и окружающего мира); четвертой, совпадающей по времени с последней сессией (цели: решительное побуждение к личной самостоятельности и ее укрепление). Как можно видеть, краткосрочная стратегическая терапия Нардонэ – Вацлавика является хорошо структурированным подходом, в котором четко определены этапы вмешательства.

С «технической» точки зрения Вацлавиком и его коллегами (Дж. Уикленд, Р. Фиш) были разработаны пять основных групп стратегических психотерапевтических техник: прямые (клиенту даются задания, укладывающиеся в привычную терапевтическую логику) и парадоксальные (пациенту дают задания, противоречащие обычной психотерапевтической логике) предписания, «обманные маневры» (позволяющие обойти сопротивление клиента за счет смещения фокуса его внимания либо «приглашающие» клиента совместно с терапевтом выступить против проблемы с помощью «особой стратегии»), метафоры (использование косвенных внушений, могущих помочь обойти сопротивление клиента) и рефрейминг (техника, позволяющая изменять восприятие человеком объектов или ситуаций путем изменения рамок, «фреймов», в которые они заключаются).

В 1990-е годы после смерти Уикленда Институт психических исследований фактически перестал создавать что-то принципиально новое в психотерапии. К тому времени уже существовали центры и школы, некогда с ним связанные, но ушедшие, так сказать, «вперед и в сторону». В Вашингтоне Дж. Хейли и К. Маданес создали свою версию стратегической семейной терапии; в Милуоки С. де Шейзер и И. К. Берг развивали ориентированный на решение краткосрочный подход. Свои модели психологической помощи создали Дж. Зейг, С. Гиллиген, Б. О'Хэнлон, Р. Бэндлер, Дж. Гриндер и мн. др.

Но стратегический подход не остался в прошлом. Дело своего учителя П. Вацлавика продолжил Дж. Нардонэ. В городе Ареццо он открыл Центр краткосрочной стратегической терапии (Centro Di Terapia Strategica). В нем он обучил и воспитал целую плеяду молодых психологов (К. Портелли, Р. Миланезе, А. Бартолетти, Э. Балби и др.), ставших достойными наследниками традиций Института психических исследований. Именно их успехи позволили Вацлавикау незадолго до смерти сказать о том, что главный центр стратегической терапии сместился из Пало Альто в Ареццо.

Выводы

Можно сделать следующие выводы о значении для науки работ Пауля Вацлавика:

- 1) ученый внес значительный вклад в развитие эпистемологии, будучи одним из создателей радикального конструктивизма; его взгляды на природу «реальности», в том числе на ее потенциальную познаваемость, оказали влияние на философию, а также на психологию и психотерапию;

- 2) как психолог П. Вацлавик наибольший вклад внес в психологию общения, сформулировав пять аксиом теории коммуникации;
- 3) как психотерапевт он является одним из создателей (наряду с Дж. Нардонэ) модели краткосрочной стратегической терапии, в том числе таких ее конструктов, как «перцептивно-реактивная система», «предпринятая попытка решения» и др., а также пяти основных групп стратегических психотерапевтических техник (совместно с Дж. Уиклендом и Р. Фишем).

Литература

- Вацлавик П.* Конструирование клинических «реальностей» // Эволюция психотерапии. Т. 1. «Семейный портрет в интерьере»: Семейная терапия. М.: Независимая фирма «Класс», 1998. С. 272–282.
- Вацлавик П.* Конструктивизм и психотерапия // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 101–113.
- Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д.* Психология межличностных коммуникаций. СПб.: Речь, 2000.
- Вацлавик П., Викленд Дж., Фиш Р.* Изменения: Принципы формирования и разрешения проблем. М.: 1000 Бестселлеров, 2020.
- Келли Дж.* Теория личности. СПб.: Речь, 2000.
- Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Под ред. В. А. Лекторского. М.: Канон+—РООИ «Реабилитация», 2009.
- Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. Психологический очерк. М.: Прогресс, 1977.
- Лебедев С. А.* Философия науки: Терминологический словарь. М.: Академический проект, 2011.
- Леонтьев А. Н.* Психология образа // Вестник Московского университета. 1979. № 2. С. 3–14.
- Нардонэ Дж., Вацлавик П.* Искусство быстрых изменений: Краткосрочная стратегическая терапия. М.: Изд-во Института психотерапии, 2006.
- Петренко В. Ф.* Методологические аспекты исторической психологии (поиск парадигмы) // Эпистемология и философия науки. 2006. № 1. С. 38–56.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. СПб.: Питер, 2012.
- Современная западная философия. Энциклопедический словарь / Под ред. О. Хеффе, В. С. Малахова, В. П. Филатова при участии Т. А. Дмитриева. М.: Культурная революция, 2009.
- Цоколов С.* Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. München: PHREN, 2000.
- Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+—РООИ «Реабилитация», 2009.

Paul Watzlawick: philosopher, psychologist, psychotherapist

N. A. Vlasov

P. B. Gannushkin Moscow City Clinical Psychiatric Hospital, Moscow

The article describes the figure of Paul Watzlawick as a scientist, who made contributions to epistemology, social psychology and brief psychotherapy. At the beginning of the work, a brief biography of him is given. Then the views on the philosophy of knowledge are con-

sidered, his influence as one of the creators of radical constructivism is justified, and the concept of “two realities” is discussed. The next part of the article is devoted to the contribution of the scientist to the psychology of communication, describes the five main axioms of the theory of communication. The paper concludes with an analysis of P. Watzlawick’s contribution to the theory and practice of psychotherapy.

Keywords: radical constructivism, philosophy of knowledge, axioms of communication theory, brief strategic therapy.

Вклад А. И. Папкина в развитие психологии организационных отношений в деятельности органов внутренних дел

Е. Е. Гаврина

*ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний», г. Рязань, gawrina_ elena@mail.ru*

Кратко представлены биографические сведения о докторе психологических наук, профессоре Анатолии Ивановиче Папкине, раскрываются основные идеи его концепции психологии организационных отношений в деятельности органов внутренних дел. Показано, что формирование организационных отношений работников органов внутренних дел происходит в четыре этапа: 1) персонификация требований к должностному поведению различных категорий работников органов внутренних дел, руководителей и подчиненных (этап организационной персонификации); 2) организационная идентификация, включающая в себя процесс познания других лиц, поиска партнеров для контактов и их личностной оценки (этап идентификации); 3) организационные воздействия (этап взаимных воздействий сторон в процессе контакта); 4) оценка последствий контакта и планирование дальнейшей линии организационного поведения (этап оценки последствий контакта).

Ключевые слова: психология организационных отношений, работники органов внутренних дел, А. И. Папкин.

Данная статья посвящена доктору психологических наук, профессору Анатолию Ивановичу Папкину (10 июля 1942—18 сентября 2010).

Трудовой путь Анатолия Ивановича начался в 1969 г. в должности инспектора отдела УВД Ярославского облисполкома. В 1971 г. он поступил в адъюнктуру Академии МВД СССР, по окончании которой в 1975 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата психологических наук на тему «Психологическое исследование проявлений эмоциональной идентификации личнос-

ти в коллективе» по специальности «Общая психология, психология личности, история психологии».

В период с 1974 по 1986 г. он прошел путь от преподавателя до заместителя начальника кафедры психологии и педагогики Академии МВД СССР. В это время он занимался вопросами психологии организационных отношений в деятельности органов внутренних дел. С целью всестороннего изучения этой тематики он принял решение уйти в докторантуру, где проучился вплоть до 1989 г. Итогом кропотливого труда стала защита в 1990 г. диссертационного исследования на соискание ученой степени доктора психологических наук на тему «Психология организационных отношений в деятельности ОВД» по специальности «Юридическая психология».

С 1990 по 1994 г. он занимал должность профессора кафедры психологии и педагогики Академии МВД СССР, а затем работал профессором кафедры уголовного права и процесса Российского университета дружбы народов.

В середине 1980-х годов Папкин сформулировал новое направление в управлении правоохранительными органами, которое получило название «Психология организационных отношений в деятельности органов внутренних дел» (Папкин, 1984), которое базируется на рассмотрении влияния организационных отношений в правоохранительных органах на управление этими учреждениями.

Профессор Папкин в числе первых обратил внимание на необходимость анализировать организационные отношения работников на психологическом уровне, т. е. рассматривать работников не только с позиции социальных типов (руководитель, подчиненный, работник определенной категории), типовых организованных общностей (органы внутренних дел, службы, подразделения и т. п.), но и с позиции персонификации организационных отношений конкретных работников в конкретных органах внутренних дел.

Анатолий Иванович указывал на целесообразность понимания организационных отношений как психологических, т. е. действительных отношений людей в рамках определенной организации. Психологическое понимание организационных отношений должно отражать их роль в управлении, их ориентацию на побуждение людей к активной организационной деятельности.

Специфика организационных отношений определяется тем, что они содержат в себе элементы психологии индивидов и групп, построенных на отражении различных явлений в организации, а также личный организационный опыт, предпочтения и т. п. Важной психологической задачей является анализ соотношения элементов психологии, построенных по типу отражения и усвоения организационных норм, и личностных качеств, приобретенных ранее, до вхождения в конкретную организованную общность людей.

По его мнению, неверно сводить поведение работника в системе организационных отношений только к отражению и усвоению определенных норм (правовых, организационных, технологических и т. п.). Безусловно, разумная регламентация деятельности нужна для обеспечения согласованности действий отдельных лиц подразделений, для поддержания определенного уровня организованности. Однако способ реализации служебной задачи, выбор тактических приемов и планирование работы во многом зависят от самого работника (или коллектива), от его умения самоорганизоваться, от подготовленности и организационного опыта.

Организационные отношения — это личные отношения, определяющие избирательность поведения работника в организации, индивидуальный смысл различных организационных и нормативных факторов и действий других лиц.

Система организационных отношений, понимаемых как комплекс соответствующих субъективных отношений личности в организации, образует определенную должностную позицию.

Под должностной позицией Папкин понимал систему взаимосвязанных личных отношений, отражающих ценности, представления, убеждения, оценки работника по поводу реализации обязанностей, прав и ответственности, в том числе в процессе взаимодействия с другими работниками ОВД.

В своих работах Папкин обратил внимание и на другое понятие при объяснении организационных отношений — «социально-психологические отношения», под которыми он понимал конкретные взаимосвязи людей в процессе совместной деятельности (взаимоотношения людей, которые проявляются в эффектах сотрудничества, сплоченности, совместности, взаимопомощи и в качествах личности, характеризующих психологические особенности общения человека). Организационные отношения находят свое реальное проявление в межличностных связях, реальных взаимоотношениях, направленных на решение задач организационной деятельности (Папкин, 1984, 1990).

Организационные отношения, выступая в виде взаимоотношений, межличностных или межгрупповых отношений, определяют сущность и психологическое содержание контактов, ориентированных на согласование действий и поступков работников. В конечном счете от таких отношений зависят теснота и согласованность взаимосвязей и взаимозависимостей в организации, организационный эффект совместной деятельности. Организационные отношения, будучи целеориентированы на согласование деятельности работников, зависят от их должностных позиций, координации последних в процессе реальных организационных контактов.

Таким образом, с психологической точки зрения организационные отношения можно понимать в двух взаимосвязанных смыслах: 1) как субъективные отношения личности в рамках той или иной организации; 2) как взаимоотношения работников, ориентированные на согласование и упорядочение контактов, оптимизацию взаимных действий и взаимных позиций. В связи с таким пониманием организационных отношений можно дать их рабочее определение.

По его Папкина, организационные отношения можно изучать на различных уровнях: организационном, правовом, психологическим и т.д., но в качестве самого главного он выделял уровень реального поведения индивидов и профессиональных групп, указывая, что в этом случае организационные отношения развиваются через психологию действующих и взаимодействующих индивидов.

Реальное функционирование организационных отношений зависит также от уровня психологического развития той или иной профессиональной общности. Можно сказать, что в детерминации организационных отношений значительную роль играют организационно-нормативные и социально-психологические факторы. Одни из них отражают объективные, формальные элементы управленческой среды в той или иной организации, а другие — состояние социального окружения и психологические особенности профессионального коллектива.

Папкин в своих работах отмечал, что психология организационных отношений строится на отражении формальных и неформальных структур органа внутренних дел (подразделения, службы) как организованной системы, что определяет их специфику (Папкин, 1984, 1990а, б). Именно синтез служебной психологии и личностных (групповых) особенностей характеризует реальное проявление таких отношений и, следовательно, своеобразие организационного сознания работников. Он показал, что организационные отношения сотрудников ОВД немислимы без формальных и неформальных (конвенциональных) норм. Система организационного взаимодействия, содержащая большой опыт организации деятельности органов внутренних дел в форме правовых норм, уставов, наставлений, должностных инструкций и т. п., позволяет выбрать наиболее рациональный путь организационной деятельности, предохраняет от профессиональных ошибок. Здесь нормативная регуляция целесообразна, определенная мера деперсонализации поведения обоснована. Это часто наблюдается при исполнении таких важных профессиональных задач, как расследование преступлений и сбор вещественных доказательств, действия в чрезвычайных условиях, конвоирование и задержание правонарушителей и т. д.; в подобных случаях имеют место ограничения в выборе времени и периодичности организационных контактов (порой данное обстоятельство связано с конкретными стадиями уголовного процесса и движения уголовного дела), форм и способов организационной деятельности и взаимодействия и т. п., а оптимизация организационных отношений связана с отражением и усвоением на уровне индивидуального или группового сознания положений, зафиксированных в правовых нормах, с точным следованием им.

Свобода, раскованность поведения работника вне пределов таких норм побуждает к иным психологическим проявлениям: инициативности, нетипичности решений, нахождению новых способов и приемов работы и др. Здесь работник или группа работает в режиме творческого поиска, профессиональных находок, рационализации способов и приемов работы, внедрения передового опыта и т. п.

Организационные отношения направлены на обеспечение построения организации органа внутренних дел и достижения стабильного организационного эффекта в служебной деятельности. Они играют ориентирующую, побуждающую и регулирующую роль применительно к организационному поведению индивида и группы, выполняют функцию включения индивида (группы) в организацию (в орган внутренних дел) и регулируют организационное поведение в процессе выполнения управленческой и профессиональной функций. По своему психологическому содержанию организационные отношения через индивидуальное и групповое сознание позволяют оценить и определить смысл соответствующих организационных и нормативных факторов. Одновременно в сознании индивида происходит опора на предыдущий (до вхождения в конкретную должность в конкретном органе внутренних дел) организационный опыт, соответствующие концепции поведения и организационные ценности.

Таким образом, возникает актуальная с научной и практической точек зрения оптимизация соотношения нормативно «написанных» действий и самоорганизации работников в структуре организационных отношений. Данное обстоятельство требует определения областей деятельности работников, нуждающихся

в нормативном регулировании, а также направлений проявления самоорганизации, самоуправления и организационной свободы.

На основе этих идей Папкин предлагает свое определение организационных отношений: это психологические отношения людей, находящие свое конкретное отражение в личностно-должностных и групповых позициях работников в системе управления органами внутренних дел, а также в реальных взаимоотношениях между работниками и подразделениями по поводу организации выполнения профессиональных функций.

Папкин выделяет следующие основные процессуальные этапы формирования организационных отношений: 1) персонификация требований к должностному поведению различных категорий работников органов внутренних дел, руководителей и подчиненных (этап организационной персонификации); 2) организационная идентификация, включающая процесс познания других лиц, поиска партнеров для контактов и их личностной оценки (этап идентификации); 3) организационные воздействия (этап взаимных воздействий сторон в процессе контакта); 4) оценка последствий контакта и планирования дальнейшей линии организационного поведения (этап оценки последствий контакта) (Папкин, 1984, 1990а, б).

Первый этап формирования организационных отношений связан с такими элементами, как самосознание и самооценка работника на конкретной должности (формирование определенного отношения к своему положению в организации, выражающегося в должностной позиции), усвоение и применение требований, предъявляемых к занимаемой должности.

Второй этап заключается в формировании организационной идентификации, позволяющей путем мысленного поиска (на основе опыта, знаний, понимания структуры организации) найти партнеров для возможных контактов в совместной деятельности. Ясно, что взаимозависимости заданы организационной структурой, целями и содержанием деятельности (обязанности, права, ответственность по-своему преломляются в сознании каждого работника, побуждая к взаимодействию, формируя глубину и направленность такого взаимодействия и т. п.).

В процессе формирования контактов между работниками организационная идентификация играет совершенно определенную и необходимую роль, так как позволяет соотнести свойства и качества непосредственно работающего индивида с тем обобщенным образом личностных требований к должностному поведению, который имеется у каждого работника, и увидеть степень тождественности их этим требованиям либо расхождения с ними. На этой основе происходит формирование индивидом своего отношения к конкретному работнику. Организационная идентификация — особая разновидность психологической идентификации, представляющая собой явление, в результате которого конкретный сотрудник, руководитель, профессиональный коллектив сознательно отождествляет себя с другими работниками, функциональными группами на основе существующих между ними организационных связей и зависимостей. Такое отождествление в результате сравнения реального поведения с обобщенным образом-представлением требований к личности работника ведет к пониманию сущности и содержания его функций, обязанностей, особенностей организации деятельности, подготовленности к ней и удовлетворенности должностной позицией.

Противоположным процессом является антиидентификация – неприятие другого работника, антипатия к нему, что может привести к ослаблению организационных связей, а также межличностным конфликтам. Организационная идентификация невозможна без персонификации и учета механизмов социального восприятия работниками друг друга. Все эти психологические процессы взаимосвязаны, их следует рассматривать в тесной зависимости, не отделяя искусственно один от другого. К сожалению, в психологических исследованиях иногда обнаруживается тенденция к рассмотрению механизмов указанных процессов изолированно, вне связи друг с другом. Таким образом, второй этап формирования организационных отношений связан с процессами познания человека, идентификации его личностных свойств с особенностями требований к поведению работника, занимающего конкретную должность.

Раскрывая содержание третьего этапа организационных воздействий формирования организационных отношений, Папкин указывает, что реальные организационные контакты оказывают обратное воздействие на взаимную зависимость, углубляя ее или изменяя сеть отношений, усложняя взаимодействие или побуждая к пересмотру заданных взаимозависимостей. Содержание взаимозависимости, ценность контакта по-разному осознаются работниками различных категорий в зависимости от уровня управления: руководитель по отношению к подчиненному; подчиненный по отношению к руководителю; работник по отношению к коллеге одного должностного уровня. Большое значение здесь имеет наличие или отсутствие нормативного основания для воздействий одной стороны на другую, разработанность критериев оценки их совместного труда.

Осознанная должностная и, следовательно, организационная взаимозависимость не всегда может воплотиться в реальных взаимосвязях, стать действующей, способствовать формированию стабильных сетей взаимоотношений. Побуждения конкретных работников к контактам связаны с необходимостью анализа ими особенностей их партнеров по организационному взаимодействию, их ожиданий, воздействий друг на друга и отражения влияний. Психологическая сложность организационных отношений, таким образом, связана также с необходимостью последовательно анализировать личностные характеристики, проявляемые работниками в реальном организационном общении, в реальных контактах.

Круг осознаваемых организационных зависимостей всегда гораздо шире, чем круг реальных организационных контактов, т. е. структура личностной (или групповой) сети организационных отношений. Так, несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что все работники управления внутренних дел осознают свою организационную зависимость от начальника управления, но в реальные контакты с ним вступает достаточно узкий круг должностных лиц. В основном непосредственные организационные отношения (лицом к лицу) ограничены ближайшим окружением, работниками своего подразделения (службы) и конкретного органа внутренних дел.

Следует обратить внимание на тесную связь и взаимозависимость организационных контактов с сетями организационных отношений и должностными позициями работников органов внутренних дел.

Как отмечал Папкин, третий этап формирования организационных отношений образует систему организационных воздействий в структуре организацион-

ных взаимоотношений работников посредством реальных контактов. Организационные воздействия — это особая разновидность взаимных влияний работников органов внутренних дел с целью согласования и координации профессиональных действий. Они осуществляются в русле непосредственных организационных контактов. С психологической точки зрения организационные воздействия направлены на согласование должностных позиций работников или групповых позиций служб, подразделений органов внутренних дел. Воздействия могут приводить к децентрации, т. е. принятию точки зрения и позиции другого человека, либо к частичному или полному несогласию, противоречиям и конфликтам.

Четвертым этапом в динамике организационных отношений является осознание работниками их последствий, результатов, так как взаимодействие невозможно без оценки удачи или неудачи, успеха или неуспеха, без выявления факторов, которые способствуют контакту либо осложняют его. Важно, что такое осознание и формирующиеся оценки впоследствии ведут либо к стабилизации сетей организационных отношений и удовлетворенности контактами, либо, наоборот, к их разрушению, переориентации сетей и сопряжений отношений, снижению частоты контактов. Следует иметь в виду, что возможны разногласия в оценках контактов в силу размытости и нечеткости критериев оценки совместной работы, а порой недостаточно обоснованного критерия диагностики вклада каждого работника в совместную деятельность и т. п.

Оценка психологических и деловых последствий контактов позволяет определить эффективность личностных сетей организационных отношений, выявить недостатки и трудности в организационном взаимодействии и принять меры по их устранению.

Папкин уже в 1980-е годы обратил внимание на необходимость привлекать специалистов-психологов к эффективному формированию организационных отношений в органах внутренних дел. Правильная организация консультативной работы психолога, по его мнению, будет являться важным условием психологического обеспечения управления (в частности, функционирования организационных отношений) и способствовать мобилизованности личного состава, позволит по-новому подойти к реализации руководителем принципа демократического управления, вовремя увидеть отклонения в организационном климате, а также неблагополучия, связанные с иными психологическими факторами.

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что концепция организационных отношений органов внутренних дел складывается из следующих основных положений:

1. Существуют организационные отношения как объективные, общественные отношения, спроектированные заранее с учетом имеющихся в теории управления в сфере правоохранительной деятельности данных о механизмах их функционирования. Организационные отношения направлены на решение вопросов организационного построения органов внутренних дел и достижение организационного эффекта и процесса управления.
2. При переходе к персонифицированному, личностным (групповым) структурам возникает задача по анализу субъективно-личностных отношений и вза-

имоотношений работников, обеспечивающих, во-первых, включение индивидов (групп) в систему организации управления органами внутренних дел и их самоопределение в ней; во-вторых, организационную устойчивость интеракций работников и их контактов. При психологическом анализе во главу угла ставится задача объяснения процесса интернализации нормативно-предписанных элементов организационных отношений и меры опоры работников на них в организационном поведении, а также проявления при этом личного опыта и самоорганизации. Система организационных отношений является центральной составляющей организационного сознания индивидов и групп.

3. Исходя из того обстоятельства, что при психологическом анализе организационные отношения проявляются либо как субъективные отношения личности (группы), либо как организационные взаимоотношения, в совокупности они образуют определенную систему психологических отношений, выражающихся в сетях (структурах) таких отношений. Организационные отношения ведут к образованию соответствующих должностных позиций индивидов. Взаимосвязь работников и сложившиеся особенности их взаимных действий определяют характеристику их взаимоотношений, реализующихся в процессе организационных контактов.

Согласно данной концепции эффективность формирования организационных отношений в деятельности органов внутренних дел зависит: от нормативной регламентации поведения должностных лиц и функциональных групп (служб) ОВД (уголовно-исполнительной системы – УИС); от осознания и понимания должностными лицами этих норм, их оценки, реального следования им; от личности сотрудника и руководителя ОВД (УИС), их взаимоотношений, организационных контактов, особенностей должностных обязанностей сотрудников ОВД (УИС). Учет вышеперечисленных факторов способствует разработке методов по совершенствованию и регулированию организационных отношений и созданию благоприятных предпосылок для повышения эффективности формирования организационного поведения сотрудников ОВД (УИС) и управления ОВД (УИС) в целом.

Литература

- Папкин А. И.* Психология организационных отношений в деятельности органов внутренних дел. М.: Академия МВД СССР, 1984.
- Папкин А. И.* Психология организационных отношений: методология, теория, практика. М.: Академия МВД СССР, 1990а.
- Папкин А. И.* Психология организационных отношений в деятельности ОВД: Дис. ... докт. психол. наук. М.: Академия МВД СССР, 1990б.

Contribution of A. I. Papkin to the development of psychology of organizational relations in the activities of internal affairs agencies

E. E. Gavrina

Academy of the FPS of Russia, Ryazan

The article deals with the biographical data of the Doctor of Psychological Sciences, Professor Anatoly Ivanovich Papkin. It reveals the main ideas of his concept “psychology of organizational relations in the activities of internal affairs agencies”. It is shown that there are four stages to form organizational relations of employees of internal affairs agencies, such as: 1) personification the requirements for the official conduct of various categories of employees of internal affairs agencies, managers and subordinates (stage of organizational personification); 2) organizational identification, which also includes the process of knowing others, identifying partners for contacts and assessing them (identification stage); 3) organizational impacts (phase of mutual impacts of parties in the contact) 4) assessment of contact consequences and planning of further organizational behavior line (contact impact assessment phase).

Keywords: psychology of organizational relations, employees of internal affairs agencies, doctor of psychological sciences, A. I. Papkin.

В. М. Бехтерев – выдающийся русский ученый, опередивший время

Т. Н. Горобец

РГУ им. А. Н. Косыгина, г. Москва, epyfis@mail.ru

В статье рассматриваются фундаментальные научные взгляды В. М. Бехтерева на человека как представителя биологической жизни на Земле и этапы его становления и развития в социуме. В. М. Бехтерев опередил эпоху, изучил и апробировал способы лечебного воздействия на человека с аддиктивным поведением, продолжил развитие идей С. М. Боткина, И. М. Сеченова и И. П. Павлова в области фундаментальных медицинских дисциплин – анатомии и физиологии центральной нервной системы, был у истоков становления педологии, а в области общественных наук развивал идеи В. Вундта социально-психологического направления.

Ключевые слова: история психологии, В. М. Бехтерев, междисциплинарный подход, научные исследования.

Профессиональная деятельность в практической медицине и научно-исследовательские изыскания великого русского ученого XIX–XX вв. Владимира Ми-

хайловича Бехтерева представляют для современной науки большой интерес (см., например: В. М. Бехтерев и современная..., 2001; Журавлев, 2007, 2012; и др.). Именно Бехтерев первым создал предпосылки для использования целостного, интегративного подхода к изучению человека (подробнее см.: Бехтерев, 2008; и др.). Тесное сплетение результатов теоретических исследований и применение полученных им знаний в медицинской практике дают основание полагать, что его деятельность в *междисциплинарном* контексте имеет огромное значение и в настоящее время для практического здравоохранения и перспектив профилактики заболеваемости, снижения уровня смертности и улучшения качества жизни людей.

Фундаментальные исследования Бехтерева по физиологии и анатомии центральной нервной системы позволили с позиций «нервизма» и системообразующего основания целостности рассмотреть человека в единстве и многообразии его проявлений. Именно на базе его трудов по проблемам локализации и топографии (а в целом на основе выявленного принципа структурности) выстроены исследования П. К. Анохина, А. Р. Лурии, П. В. Симонова и др.

Принцип анализа и синтеза был реализован в работах В. М. Бехтерева на примере изучения организации процессов восприятия и формирования представления об объекте и его образе. Его работы по объективации ощущений, статической координации и закономерности проекции ощущений легли в основу дальнейших исследований физиологии органов чувств (сенсорных систем), а именно работ А. С. Батуева, Н. Н. Даниловой, А. Б. Когана, Е. Н. Соколова и др.

Принцип детерминизма функции центральной нервной системы объективно изучен в работах Бехтерева и доказательно представлен с позиций целостного изучения человека. Следует отметить, что Бехтерев был талантливым организатором здравоохранения, предложил и воплотил в жизнь создание Психоневрологического института в Санкт-Петербурге, где положил начало комплексному исследованию центральной нервной системы человека, ее анатомическим, психологическим, психофизиологическим, неврологическим, психиатрическим и другим аспектам.

Бехтерева можно признать первым социальным психологом, опирающимся в своих социально-психологических исследованиях на сущностные характеристики человека как представителя групповой социальной организации. Он первым описал двадцать три физических закона функционирования социально-психологических процессов, которые действуют в коллективе людей — так называемой «собирающей личности». В его монографии «Коллективная рефлексология» Владимир Михайлович определил характеристики профессиональных социальных групп и сословий. Важным в этом труде явилось его исследование поведения большой социальной группы — он описал механизм социального заражения, индустрирования массовой психики людей (Бехтерев, 1921, с. 436).

Владимир Михайлович — первый социальный психолог, предложивший пути развития социальной (общественной) психологии, он впервые определил ее предмет, задачи и методы при разработке ее теоретических основ (подробнее см.: Журавлев, 2012; и др.). Еще одной его очевидной заслугой являются разработки в области такого направления, как исследование коллектива, который, по его мнению, является «собирающей» личностью, имеющей вместе с тем свой пси-

хологический профиль, который зависит от уровня характеристик составляющих его личностей.

С позиций социальной психологии построено учение Бехтерева о развитии личности человека на онтогенезе — с младенческого возраста изучалась роль эстетической стороны воспитательного процесса и роль внушения в воспитании, Бехтеревым формулировалась значимость охраны детского здоровья (Бехтерев, 1909). Не менее значимым стало его представление, отраженное в трудах, посвященных лонгитюдному наблюдению за детьми.

Два десятилетия Владимир Михайлович исследовал вопросы полового поведения и воспитания детей, разработав объективные методы диагностики нервно-психического развития ребенка. В своих работах он говорил о важности воспитания навыков саморазвития, причем гармоничного — и физического, и умственного. Например, он предлагал уже с годовалого возраста обучать ребенка подвижным играм, с позиции физического воспитания с первого года детства вводить различные физические упражнения в виде детской гимнастики, обучение физическим упражнениям на спортивных детских снарядах. Огромная роль, по мнению Бехтерева, в эстетическом воспитании детей принадлежит музыке, которая является значимой детерминантой в гармоничном развитии личности и жизненной перспективе ребенка.

Трудовое воспитание детей Бехтерев предлагал начинать с двухлетнего возраста, к нему относилось: шитье иглой, разрезывание ножницами бумаги, занятия с песком, работа с лопаткой, с саночками, постройка горок, а также уборка постели и комнаты, сервировка стола и уход за домашними растениями в процессе помощи старшим и подражание им в поддержании порядка, чистоты и гигиены. Это формирование привычки к труду, которая развивается, по мнению Владимира Михайловича, не только в совместной со взрослыми и подражательной деятельности, но и в игровой, так как игры несут в себе особую роль в развитии самостоятельной деятельности ребенка, игры для него — это сфера его радости, труда и самостоятельности, имеющие огромное воспитательное значение.

Охране детского здоровья Бехтерев уделял большое значение, так как считал, что здоровье общества прямо зависит от этого, а также от профилактики детских болезней, улучшения условий жизни детей, повышения благосостояния — эти мероприятия должны влиять на снижение детской смертности (в начале XX в. до пятилетнего возраста не доживала половина родившихся) и сохранения здоровья. Им была предложена программа сохранения и укрепления детского здоровья, а одним из предложенных принципов этой программы, включающей в себя систему гигиенических, медико-биологических, социальных и психологических мероприятий, Бехтерев обозначил как всестороннее изучение детского организма и его изменения, что позволило бы создать условия для развития детей при организации эффективного воспитательного воздействия. Так, например, очевидным являлся факт создания и поддержания благоприятных эмоциональных состояний и устранение угнетающих эмоций, а также значимость активности и самостоятельности ребенка и привитие ему трудовых навыков.

Владимир Михайлович и в фармацевтической отрасли достиг определенных результатов, в основном в фитотерапии — так, например, до сих пор производится успокаивающая микстура Бехтерева.

Воспринимаемая человеком информация оказывает влияние на построение паттернов поведения (принцип вероятностного детерминизма) (Бехтерев, 2017, с. 260), именно на этой базе Бехтерев выстроил методологические основания и теоретические заключения, апробировал и доказательно представил на практике эффективность подсознательных механизмов внушения как на индивидуальном уровне, так и на массовом. На основе изученных Бехтеревым механизмов внушения была разработана не только система лечения классическим гипнозом больных хроническим алкоголизмом на индивидуальном уровне, но и по результатам клинического опыта была доказана наибольшая эффективность групповой психотерапии для лечения алкогольной зависимости (Бехтерев, 1908, с. 175). Эта ориентированная на практику профессиональная деятельность по изучению нервно-психических процессов в их единстве на уровне клинического применения является актуальной и на современном этапе. Психотерапевтические методы лечения алкогольной зависимости Бехтеревым применялись в клинической практике довольно широко и не случайно, так как его тревожило состояние российского общества и перспективы его развития, а в алкоголизации населения он видел объективную угрозу деградации людей и ухудшения демографической ситуации в России. Сданной точки зрения Бехтерев предстает не только как психиатр, психофизиолог, врач-клиницист, но и как общественный политический деятель.

Задачи, решение которых Бехтерев видел для российского общества по «алкогольному оздоровлению», были поставлены на основе результатов социологического исследования и итогов обследования больных, страдающих алкоголизмом. Так, им были представлены данные экономического ущерба от употребления алкоголя в России, причем только от снижения продажи алкоголя сбережение средств населения составило бы в то время один миллиард рублей. По словам Бехтерева, Россия на алтарь Бахуса приносит в жертву огромные силы и средства в виде роста преступности, душевно- и нервнобольных, инвалидизации населения из-за раннего одряхления организма, высокой смертности от травм и самоубийств в состоянии алкогольного опьянения и др. Выгодную для государства выручку от продажи алкоголя населению Бехтерев называл «миражом бюджетного благополучия».

Второй съезд российских психиатров в Киеве в сентябре 1905 г., по инициативе Бехтерева, вынес резолюцию по алкогольному оздоровлению российского общества:

1. Алкоголики как больные должны подлежать индивидуальному лечению всеми признанными современной медициной наиболее пригодными для этого мерами, каковы: а) временные убежища для лиц, находящихся в состоянии острого опьянения, амбулатории для алкоголиков, могущих пользоваться на ходу гипнозом и другими физиотерапевтическими и фармацевтическими средствами, б) лечебницы для стационарных больных.
2. Этим отнюдь не разрешается общий и основной вопрос о борьбе с алкоголизмом как народном зле; для последней цели главнейшей правильной мерой является отказ правительства от пользования вином для фискальных целей, а с другой стороны — проведение в жизнь самых широких реформ и поднятие благосостояния масс путем приобщения их ко всем плодам современной европейской культуры (Бехтерев, 1997, с. 234).

Бехтерев впервые предложил программу алкогольного оздоровления, начиная прежде всего с замены доходов в бюджет от продажи водки на другие статьи доходов. В противном случае врачевание алкоголиков так и будет, по мнению Владимира Михайловича, сизифовым трудом. На второе место по значимости профилактических мер он поставил пропаганду трезвого образа жизни, начиная со школьной скамьи, и создание обществ трезвости, показательных выставок, музеев, различных изданий, народных домов и клубов без продажи алкоголя, т. е. он предложил систему мер первичной профилактики алкоголизации населения, основанной на исследовании экономических, социальных и психологических факторов алкоголизма.

В заключение следует выразить благодарность великому русскому ученому за его бесценный вклад в изучение центральной нервной системы человека, психологии, психофизиологии, психиатрии, а также основ педологии. Следует отметить, что его работа с больными хроническим алкоголизмом по разработанным им самим методикам групповой психотерапии используются до сегодняшнего дня в наркологической практике. Но самой замечательной его заслугой является научный фундамент, на основе которого создавалась и развивается по настоящее время социальная психология – самая значимая наука о законах жизнедеятельности человеческой популяции как групповой организации жизни.

Литература

- Бехтерев В. М.* Внушение и его роль в общественной жизни. 2-е изд. СПб.: Изд. К.Л. Риккера, 1908.
- Бехтерев В. М.* Вопросы воспитания в возрасте первого детства (в связи с постановкой его в педологическом институте). СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1909.
- Бехтерев В. М.* Коллективная рефлексология. Пг.: Колос, 1921.
- Бехтерев В. М.* Будущее психиатрии. Введение в патологическую рефлексологию. СПб.: Наука, 1997.
- Бехтерев В. М.* Объективная психология. М.: Директ-Медиа, 2008.
- В. М. Бехтерев: современная психология и психотерапия: Сборник статей к конференции. Казань, 2001.
- Журавлев А. Л.* Вклад В. М. Бехтерева в становление современной отечественной социальной психологии // Неврологический вестник. 2007. Т. 39. № 1. С. 115.
- Журавлев А. Л.* Роль В. М. Бехтерева в становлении общественной (социальной) психологии в России (к 155-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 3. С. 122–134.

Vladimir Mikhailovich Bekhterev – an outstanding Russian scientist of the XX century

T. N. Gorobets

Kosygin Russian State University, Moscow, epyfis@mail.ru

The article deals with the fundamental scientific views of the great scientist V. M. Bekhterev on man as a representative of biological life with the stages of its formation and develop-

ment in society. V. M. Bekhterev was ahead of the era — he studied and tested the methods of therapeutic effects on people with addictive behavior, continued the development of the ideas of S. M. Botkin and I. M. Sechenov in the field of fundamental medical disciplines — anatomy and physiology of the central nervous system, and in the field of social sciences the ideas of V. M. Bekhterev, in social and psychological direction.

Keywords: history of psychology, V. M. Bekhterev, interdisciplinary approach, scientific research.

Научное творчество В. В. Большаковой и ее вклад в развитие истории психологии

Т. Е. Егорова

*Нижегородский институт управления — филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС),
г. Нижний Новгород, tegorova@list.ru*

Э. В. Тихонова

*Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета
им. Н. И. Лобачевского, г. Арзамас, tikhonova-eleonora@inbox.ru*

Васса Васильевна Большакова — доктор психологических наук, профессор, известный специалист в области истории отечественной психологии, особенно ее дореволюционного периода. 12 сентября 2020 г. исполнилось бы 85 лет со дня ее рождения. В связи с этой юбилейной датой мы, ученики и последователи В. В. Большаковой, вспоминаем своего наставника. Статья посвящена анализу ее научного творчества, оценке вклада ученого в развитие историко-психологического направления. Рассматривается процесс формирования и отличительные особенности нижегородской школы истории психологии.

Ключевые слова: история психологии, Большакова Васса Васильевна, Нижний Новгород, «Очерки истории русской психологии (XIX—начало XX в.)», персонологический подход.

Биография. Путь в науку

В отечественной психологической науке высказаны важные мысли и развиты теоретические представления о жизненном пути и значимости психобиографического метода в изучении личности (С. Л. Рубинштейн, Н. А. Рыбников, Б. Г. Ананьев, К. А. Абульханова, Н. А. Логинова). Личность раскрывается в биографии. Просле-

дим основные вехи жизни В. В. Большаковой, чтобы понять, как складывался ее путь в науку (Кузнецова, 2016).

Родилась Васса Васильевна 12 сентября 1935 г. в поселке Красный Профинтерн Некрасовского района Ярославской области. Раздольные волжские плесы, красота природы средней полосы России, безусловно, нашли отражение в характере Вассы Васильевны — она была настоящей патриоткой родной страны, русского языка, русской культуры.

Семья была полной. Родители — образованные люди. Отец Василий Константинович работал главным электриком на крахмально-паточном заводе, был уважаемым специалистом. Мать Александра Ивановна имела образование бухгалтера, но после рождения детей занималась их воспитанием и ведением домашнего хозяйства. Все трое детей получили музыкальное образование — дочери Валя и Ася играли на фортепиано, а сын Костя — на баяне. Не случайно Васса Васильевна всю жизнь проявляла любовь к музыке и пению. Ее любимый романс — «Утро туманное» на слова И. С. Тургенева.

После школы поступила на историко-филологический факультет Ярославского государственного педагогического института им. К. Д. Ушинского, который окончила в 1958 г., получив диплом филолога, учителя русского и немецкого языков. Через всю жизнь Васса Васильевна пронесла любовь к родному языку. Она ценила красоту русского слова, часто говорила, что русский язык — самый богатый язык, олицетворение души народа, его культуры. Это проявилось и в ее работе с научными текстами, с научной терминологией. Возможно, именно это и послужило тому, что свой профессиональный путь В. В. Большакова связала с историей отечественной психологии — такой отраслью, которая не позволяет лукавить, а вырабатывает ценностное отношение к труду людей, живших и творивших до нас.

Первый этап педагогической и научной деятельности В. В. Большаковой связан с Костромой. В 1975 г. в Костромском государственном педагогическом институте им. Н. А. Некрасова состоялась защита ее кандидатской диссертации «Проблемы семейного воспитания в педагогическом наследии Н. В. Шелгунова».

В 1977 г. она переезжает в город Горький (которому в 1990 г. вновь вернули историческое название Нижний Новгород). С этим городом связан основной этап профессиональной и научной деятельности В. В. Большаковой. Одновременно с преподаванием в различных вузах (НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, Нижегородском мединституте, НГПУ им. М. Горького, Волго-Вятской академии госслужб) Васса Васильевна работала над докторской диссертацией «Проблемы формирования личности в русской психологической мысли XIX—начала XX в.», защита которой состоялась в 1987 г. в Ленинграде, в специализированном докторском совете при ЛГПИ им. А. И. Герцена. Это исследование уже проходило по психологической специальности «Педагогическая психология», хотя в основе ее был историко-психологический материал. По воспоминаниям Вассы Васильевны, атмосфера на защите ее докторской была довольно сложной, многие члены совета сомневались, так ли значительны имена ученых, чье наследие анализировалось в диссертации (Н. А. Крюков, И. Д. Якушкин, Е. Н. Водовозова, М. М. Троицкий, П. Ф. Каптерев, А. П. Нечаев, И. А. Сикорский). В итоге положительных голосов оказалось больше.

Научные интересы

В дальнейшем научные интересы В. В. Большаковой были прочно связаны с историей психологии, а точнее — с изучением наследия русских психологов конца XIX—начала XX в. Она по-прежнему бралась за малоизвестные персоналии, восполняя «белые пятна» в истории нашей науки, возвращая в нее забытые имена. Общественно-историческая ситуация начала 1990-х годов способствовала этому: в соответствии с одним из законов диалектики все, что когда-то отрицалось, потом переоценивается и возвращается на новом этапе осмысления, вновь занимая свое место в ряду имен и событий. И здесь все совпало: интересы ученого оказались на благоприятной почве — в стране менялась идеология, возникал интерес к тому, что раньше было под запретом. Под пристальное внимание исследователей попали труды философов-идеалистов, представителей философско-умозрительной и религиозной психологии.

Глубокий интерес В. В. Большаковой к трудам соотечественников дореволюционной России возник не случайно: он был созвучен образу ее личности: высокому уровню общей культуры и культуры умственного труда, активной жизненной позиции, убежденной нравственности и личностной ответственности перед теми, кого она открывала миру психологической науки, и теми, кому посвящался ее труд (Егорова, Сметанина, 2019, с. 317–318).

Придерживаясь принципа историзма, В. В. Большакова погружала читателя как в контекст культурных и социальных проблем общества, так и достижений мировой и отечественной психологической мысли того времени, в котором складывались научные воззрения исследуемых авторов. Ею раскрывалась биография и жизненный путь ученых, область их научных интересов и воззрений, переживания сопричастности, служившие формированию или изменению их взглядов.

Итогом научного творчества В. В. Большаковой на этом поприще можно считать серию монографий под общим названием «Очерки истории русской психологии (XIX—начало XX вв.)». Всего вышло в свет 5 книг (частей):

Часть 1. Проблема формирования личности (1994); Часть 2. Русский волюнтаризм: М. И. Владиславлев (1997); Часть 3. Русский ассоцианизм: М. М. Троицкий (1999); Часть 4. Владимир Сергеевич Соловьев (2004), Часть 5. Иван Иванович Лапшин (2007). Все пять частей «Очерков» были изданы в Волго-Вятской академии государственной службы, где В. В. Большакова с 1994 г. являлась заведующей кафедрой психологии. В планах у В. В. Большаковой было создание 12 частей «Очерков» (Кузнецова, 2016).

На страницах ее ранних очерков имена таких деятелей в области психологической мысли, как Н. А. Крюков, И. Д. Якунин, В. Ф. Одоевский (представители первой половины XIX в.), Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев, Н. В. Шелгунов, К. Д. Ушинский, Е. Н. Водовозова (представители 1860–1870-х годов) (Большакова, 1994). В более поздних работах В. В. Большаковой раскрываются психологические проблемы, которые поднимались в конце XIX—начале XX в. Материалом для анализа становятся труды М. И. Владиславлева, М. М. Троицкого, П. Ф. Каптерева, А. П. Нечаева, И. А. Сикорского, В. С. Соловьева, И. И. Лапшина и др. (Большакова, 1997, 1999, 2004, 2007).

Научно-педагогическая деятельность. Руководство аспирантами

Строгая логика изложения научного историко-психологического материала, присущая В. В. Большаковой, впоследствии станет визитной карточкой ее научной школы. Непревзойденный знаток русской психологической мысли XIX—начала XX в., Васса Васильевна становится организатором и руководителем нижегородской научной школы истории психологии. Интуиция ученого, острый и глубокий ум позволяли ей разнообразить пространство и тематику научных исследований. Многие ее аспиранты под новым углом зрения открывали имена отечественных педагогов, психологов и писателей, ценность вклада которых в психологическую мысль современности остаются неоспоримыми.

Ее методы руководства научным исследованием развивали мысль, давали свободу творчества, раскрывали границы научного поиска. Умение следовать своей научной позиции, аргументированно ее отстаивать — то, что отличало Вассу Васильевну как большого ученого и учителя (Егорова, 2016, с. 171).

Всего под научным руководством В. В. Большаковой в период с 1993 по 2011 г. защищено 20 кандидатских диссертаций преимущественно по истории психологии, но были и работы по педагогической психологии.

Основная тематика диссертаций аспирантов В. В. Большаковой посвящена психологическому наследию российских психологов конца XIX—начала XX в., что характерно для нижегородской школы истории психологии. Учениками Вассы Васильевны было проанализировано и актуализировано на современном уровне прочтения научное творчество Л. М. Лопатина, А. И. Введенского, П. Ф. Каптерева, В. М. Бехтерева, М. И. Каринского, А. А. Богданова, В. А. Вагнера, И. А. Сикорского. Несколько диссертаций посвящены развитию различных отраслей отечественной дореволюционной психологии — юридической, возрастной и педагогической, психологии научного творчества, психологии развития и акмеологии, патопсихологии.

Исследования, выполненные под руководством В. В. Большаковой, внесли весомый вклад в изучение не только отечественной, но и зарубежной психологии. Представлен целостный анализ психологических концепций А. Бэна, Т. Рибо, В. Вундта, В. Прейера, В. Штерна и нашего современника Дж. Джерджена. Особая ценность данных исследований состоит в том, что их авторы изучали труды зарубежных классиков психологии в первоисточниках, на языке-оригинале.

Многие из бывших аспирантов В. В. Большаковой продолжают свои изыскания в области истории психологии, трое из них стали докторами наук — Е. С. Минькова, О. М. Сметанина, Т. Е. Егорова — и имеют своих учеников. Школа живет, традиции продолжают.

Научное сотрудничество. Участие в конференциях

Еще в период работы над докторской диссертацией началось сотрудничество В. В. Большаковой с учеными из Института психологии РАН, известными специалистами в области истории психологии Е. В. Шороховой и В. А. Кольцовой. Со временем научные связи московской и нижегородской школ росли, расширялись и крепились. В. В. Большакова была постоянным участником конференций

по истории психологии, выступая и в качестве докладчика, и в качестве руководителя секций. Особо следует сказать об участии Вассы Васильевны в крупнейшем научном мероприятии, где собираются все ведущие ученые отрасли — это международный форум «Московские встречи по истории психологии», идейными вдохновителями которого являются В. А. Кольцова (ИП РАН) и Ю. Н. Олейник (МосГУ). Всего с 1992 г. состоялось 7 «встреч». В. В. Большакова была участником пяти из них. Она традиционно возглавляла секцию по изучению персоналий в истории психологии, а в неформальной обстановке всегда музицировала и исполняла романсы. На каждые «встречи» приезжала со своими аспирантами, давая им бесценную возможность погрузиться в атмосферу большой науки, послушать корифеев, расширить профессиональные контакты.

В. В. Большакова поддерживала отношения со своими коллегами А. Н. Ждан, Н. А. Логиновой, Д. Б. Богоявленской, Е. В. Левченко, О. Г. Носковой, Ю. Н. Олейником и многими другими известными российскими учеными-психологами.

Тесное сотрудничество связывало В. В. Большакову и ее учеников с коллективом лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН под руководством В. А. Кольцовой (до 2018 г.). Сотрудники лаборатории стали основными участниками трех конференций по истории психологии в Нижнем Новгороде, которые были организованы благодаря неутомимой энергии В. В. Большаковой в конце 1990-х — начале 2000-х годов на базе Волго-Вятской академии государственной службы и стали заметным событием в жизни научного сообщества.

В. В. Большакова как ведущий специалист по истории психологии XVIII—XIX вв. была включена в состав коллектива авторов монографии «Психологическая мысль России: век Просвещения» (ответственный редактор — В. А. Кольцова), вышедшей в свет в 2001 г. Планировалось продолжение этой серии. Но не всем планам суждено осуществиться.

Научное сотрудничество с ИП РАН выражалась, в частности, в том, что защита кандидатских большей части аспирантов В. В. Большаковой проходила в диссертационном совете этого учреждения. Лаборатория В. А. Кольцовой всегда оказывала методологическую, консультационную, организаторскую поддержку нижегородским ученым, а ИП РАН часто выступал в качестве ведущей организации.

Заключение

Благодаря профессионализму В. В. Большаковой как исследователя и научного руководителя, при поддержке и сплоченности научного сообщества происходило становление нижегородской школы истории психологии, главным отличием которой является персонологический подход (Тихонова, 2016, 2017).

Тот вклад, который В. В. Большакова внесла в развитие историко-психологического знания, не подлежит сомнению. Углубленное изучение истории психологии отразилось на ее мировоззрении и принципах жизни. Открытость новым знаниям и достижениям в науке не сопровождалась их всеядностью. Она смело могла оппонировать тем научным рассуждениям и докладам, в которых не учитывалось мнение ученых-мыслителей, стоявших у истоков психологической мысли.

Васса Васильевна всегда была борцом за качество психологического знания и учила этому своих учеников. И пока есть носители духа своего Учителя, есть уверенность, что научная школа истории психологии, созданная в результате многолетнего труда ее представителей, продолжит свою жизнь в добрых традициях, которые были заложены профессором В. В. Большаковой.

Литература

- Большакова В. В.* Очерки истории русской психологии (XIX—начало XX в.). Ч. 1: Проблема формирования личности. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятского кадрового центра, 1994.
- Большакова В. В.* Очерки истории русской психологии (XIX—начало XX в.). Ч. 2: Русский волюнтаризм: М. И. Владиславлев. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 1997.
- Большакова В. В.* Очерки истории русской психологии (XIX—начало XX в.). Ч. 3: Русский ассоцианизм: М. М. Троицкий. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 1999.
- Большакова В. В.* Очерки истории русской психологии (XIX—начало XX в.). Ч. 4: Владимир Сергеевич Соловьев. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2004.
- Большакова В. В.* Очерки истории русской психологии (XIX—начало XX в.). Ч. 5: Иван Иванович Лапшин. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2007.
- Егорова Т. Е.* Ученые-Учителя: воспоминания о пути преемственности // История российской психологии в лицах. Дайджест. 2016. № 5. С. 164—172.
- Егорова Т. Е., Сметанина О. М.* Культура человека в историко-психологических трудах Большаковой В. В. // Развитие российской психологии накануне и после русской революции 1917 года: тенденции, научные школы, персоналии: Сборник статей участников Всероссийской научной конференции с международным участием. Серия «Арзамасские чтения по истории психологии — 4» / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Ю. Н. Олейник, Э. В. Тихонова. 2019. С. 316—324.
- Кузнецова Ю. И.* Наша Васса — Ученый, Учитель, Личность // История российской психологии в лицах. Дайджест. 2016. № 5. С. 173—176.
- Психологическая мысль России: век Просвещения. / Отв. ред. В. А. Кольцова. СПб.: Алетейя, 2001.
- Тихонова Э. В.* Вспоминая Вассу Васильевну Большакову (1935—2015) // История российской психологии в лицах. Дайджест. 2016. № 5. С. 177—185.
- Тихонова Э. В.* Большакова Васса Васильевна — личность, ученый, индивидуальность // Ананьевские чтения — 2017: Преемственность в психологической науке: В. М. Бехтерев, Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов: Материалы традиционной международной научной конференции / Отв. ред. А. В. Шаболтас, Л. А. Головей. СПб.: Айсинг, 2017. С. 417—418.

Scientific creativity V. V. Bolshakova and its contribution to the development of the history of psychology

T. E. Egorova

Nizhny Novgorod Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service, Nizhny Novgorod, tegorova@list.ru

E. V. Tikhonova

Arzamas branch of N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Arzamas, tikhonova-eleonora@inbox.ru

Vassa Vasilievna Bolshakova – Doctor of Psychological Sciences, professor, well-known specialist in the field of the history of Russian psychology, especially its pre-revolutionary period. September 12, 2020 would be 85 years since her birth. In connection with this anniversary date, we, students and followers of V. V. Bolshakova, recall our mentor. The article is devoted to the analysis of her scientific creativity, the assessment of the scientist's contribution to the development of the historical and psychological direction. The process of formation and distinctive features of the Nizhny Novgorod school of the history of psychology are considered.

Keywords: history of psychology, Bolshakova Vassa Vasilievna, Nizhny Novgorod, “Essays on the history of Russian psychology (XIX–early XX century)”, personological approach.

Учение А. А. Ухтомского о доминанте: диалог с кибернетикой и синергетикой

Е. Ю. Зуева

Институт Прикладной Математики РАН, Москва

К. Б. Зуев

Институт Психологии РАН, Москва, zuevkb@ipran.ru

Мы – не наблюдатели, а участники бытия. Наше поведение – труд.

А. А. Ухтомский, 1927

Мир есть конструкция, в построении которой мы все можем принимать участие.

И. Р. Пригожин, 1999

В статье рассмотрено учение выдающегося русского физиолога А. А. Ухтомского (1875–1942), автора учения о доминанте. Рассматриваются философско-методологические взгляды автора на проблему научного описания живого, в том числе поведения человека. Проводится их сравнение со взглядами Н. Винера и С. П. Курдюмова. Были выявлены совпадения по важным направлениям: необратимость времени в жизненном процессе, наличие двух принципиально различных стадий процесса, интеграция в единую систему как объединение ритмических процессов, при этом в детерминированной фазе один из процессов преобладает и подавляет остальные (доминанта), холизм (целое не равно сумме частей, функционирование части зависит от ее места в целом), неравновесность процесса (наличие энергетического обмена со средой) и ряд других. Показано, что многие идеи Ухтомского предвосхитили кибернетику и синергетику.

Ключевые слова: история психологии, моделирование поведения, доминанта, синергетический подход, А. А. Ухтомский, кибернетика.

Предлагаемая вниманию читателя статья посвящена творческому наследию крупного русского советского физиолога Алексея Алексеевича Ухтомского (1875–1942). Мы изучали его работы со своих профессиональных позиций: с точки зрения истории психологии и кибернетической точки зрения (как источник идей для компьютерного моделирования поведения). К написанию статьи нас побудило обнаружение поразительного сходства многих идей Ухтомского с современными идеями синергетики. Большинство работ физиолога было опубликовано в годы между гражданской и Великой Отечественной войнами. Мировоззренческие и методологические позиции автора не могли быть публично сформулированы по цензурным условиям советского времени. Вероятно, их можно было прочесть между строк, но замечены современниками они не были. В период после 1990 г. был издан ряд книг, содержащих личную переписку Ухтомского, отрывки из дневников, заметки на полях книг (Ухтомский, 1996, 1997, 2000, 2015 и др.). В этих текстах Алексей Алексеевич предстает ученым, опередившим свое время на полвека, его наследие до сих пор не оценено по достоинству. Хочется, с одной стороны, вписать имя замечательного мыслителя в список предшественников современной постнеклассической науки, где ему должно принадлежать почетное место, а с другой – обратить внимание на те поставленные им вопросы, на которые до сих пор нет ответа и которые являются для нас научным вызовом. В диалоге различных культур и научных направлений – а такой диалог является краеугольным камнем синергетики – Ухтомскому принадлежит своя ниша. Он крупный физиолог и психолог, и при этом христианский мыслитель. Его идеи способны обогатить синергетику, ее тематику и содержание.

В данной работе сравниваются идеи Ухтомского, разбросанные по его дневникам, письмам и заметкам, с классической книгой Н. Винера «Кибернетика» (Винер, 1968) и работой Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова «Основания синергетики» (Князева, Курдюмов, 2005). Выбор последней книги связан с тем, что Сергей Павлович Курдюмов, в 1989–1999 г. директор ИПМ РАН, был одним из лидеров синергетики в России. Как увидим, всех авторов волнует примерно один и тот же круг вопросов, но с более поздней синергетикой у Ухтомского совпадений больше. Основным методом нашего исследования будет сравнение цитат трех авторов.

Первое, на чем хотелось бы остановиться, — *роль времени*, как отличительный признак живого. Жизнь существует только во времени, ее необходимо рассматривать как необратимый процесс. В этом все три автора единодушны. Движение (в широком смысле) не есть просто смена статических состояний, у него свои законы, статику нужно рассматривать как особый случай динамики, а не наоборот.

Ухтомский пишет «Жизнь по преимуществу текучее, процесс. Форма — застывшее постоянное, легче измеримое, чем текучий процесс» (Ухтомский, 1997, с. 191). Винер подчеркивает, что существует «различие между обратимым временем физики, в котором не случается ничего нового, и необратимым временем эволюции и биологии, в котором всегда имеется что-нибудь новое. Догадка, что ньютонова физика не составляла подходящей основы для биологии, была, пожалуй, главным вопросом в старом споре между витализмом и механицизмом...» (Винер, 1968, с. 89). «Наше время направлено и наше отношение к будущему отлично от отношения к прошлому» (Винер, 1968, с. 84). Курдюмов высказывает практически те же мысли: «Следует учитывать, что существует глубинная необратимость развития» (Князева, Курдюмов, 2005, с. 184); «Необходимо смотреть на всякое, даже застывшее, явление, как на определенную эволюционную стадию его становления и развития» (там же).

Однако в трех рассматриваемых подходах необратимость времени понимается по-разному. Винер говорит о механизме, который преобразует случайные изменения динамическим путем в однонаправленное развитие. Случайность здесь понимается в смысле математической статистики. Как пример необратимого движения приводится движение облаков, не вполне аналогичный жизни и развитию.

В синергетике рассматривается более сложный механизм. Существуют особые точки в траектории развития системы, где есть возможность разветвления, выбора из нескольких возможных путей. Вблизи точки разветвления на выбор могут влиять случайные изменения, причем очень небольшие. Если путь уже выбран, множество различных траекторий сходятся к одной асимптоте. Случайность здесь не играет заметной роли, на этом участке фазового пространства действует закономерность.

У Ухтомского, наряду с той необратимостью, которую рассматривают в синергетике, присутствует и необратимость совсем другого рода. Все, что происходит, оставляет след в памяти. Можно провести аналогию между возникновением новой доминанты и ветвлением. Сходство в том, что при возникновении доминанты небольшое воздействие может оказаться решающим, а когда доминанта уже запущена, то все воздействия работают на нее и до определенного момента помешать ей невозможно. Разница же в том, что в точке ветвления на выбор определенной ветки (или доминанты) влияют не только случайные или целенаправленные воздействия, но и воспоминание о том, какой путь система выбирала раньше, при предыдущих ветвлениях. Разница существенная. Необратимость поступка не только в том, что, свернув налево, мы уже не увидим того, что было бы справа. Важно то, что, после того, как мы свернули налево, нам в следующий раз будет гораздо труднее свернуть направо. А поскольку система в целом очень сложная (имеется в виду человек), то выбор единичного события может иметь важные и трудно предсказуемые последствия в будущем.

Доминантная модель Ухтомского — это *взаимодействие процессов*. В основе поступательного движения целого лежат ритмические, колебательные процессы подсистем. Интерес представляют случаи интеграции отдельных процессов в единое целое. В сети нейронов могут происходить процессы объединения разнородных областей за счет «усвоения ритма», втягивания в резонанс, и эти конstellации могут оказаться устойчивыми. Необходимыми математическими предпосылками здесь являются открытость системы и нелинейность колебаний. Вот что он пишет об этом: «Ритмическими влияниями из инициативного центра постепенно вовлекаются в области гармонической активности новые и новые компоненты, поскольку они способны воспринять задаваемый ритм и установиться на него. Лишь взаимным сонастраиванием на некоторый средний „сочувственный ритм“ работы в более лабильных и менее лабильных компонентах центральной конstellации достигается однообразный рабочий марш в налаженной текущей работе» (Ухтомский, 2002, с. 219). Н. Винер по данному вопросу пишет: «Нелинейное взаимодействие, создающее притяжение частот, может породить самоорганизующуюся систему» (Винер, 1968, с. 281). Мнение Князевой и Курдюмова следующее: «Сложность структуры связана с когерентностью. Под когерентностью мы понимаем согласование темпов жизни структур посредством диффузионных, диссипативных процессов, являющихся макроскопическим проявлением хаоса. Для построения сложной организации необходимо когерентно соединить подструктуры внутри нее, синхронизировать темп их эволюции. В результате структуры попадают в один темпмир, значит, приобретают один и тот же момент обострения, начинают „жить“ в одном темпе. Для создания сложной структуры, очевидно, необходимо уметь соединять структуры „разного возраста“, развивающиеся в разном темпе структуры, необходимо включать элементы памяти» (Князева, Курдюмов, 2005, с. 104).

Итак, авторы всех трех рассматриваемых нами учений признают важность ритмических процессов и их настройки на единый ритм при объединении в целостный процесс, видя в этом суть самоорганизации сложных систем.

Подчеркнем отдельно, что для того, чтобы совокупность нейронов как элементов живой системы могла захватываться общим ритмом и функционировать как единое целое, необходимо наличие в их колебательном процессе диссипации. Поэтому А. А. Ухтомский высказывался против упрощенной модели нейрона как идеального переключателя (имеющего два режима включен/выключен), и настаивал на том, чтобы переходный процесс, сопутствующий переключению, также был включен в рассмотрение.

В кибернетике представление о нейроне как об идеальном переключателе без задержек и рассеяния способствовало формулированию требований для создания первой в мире вычислительной машины. Огромное значение имело совпадение языка булевой алгебры, на котором описывалась формальная логика, идеальных электрических переключательных схем и предположительно физиологической основы мышления человека в виде идеальных переключательных схем нейронной сети. Факт этого совпадения вдохновил создателей «искусственного мозга». С другой стороны, говоря о самоорганизующихся системах, Н. Винер совершенно ясно видит роль нелинейности — диссипации.

Синергетическое учение подробно разработало эту проблему как диалектику хаоса (диссипации) и организации в системах. Для создания устойчивых на определенном отрезке времени структур необходимо, чтобы элементы этих структур содержали хаотическую компоненту. Таким образом, наличие хаоса является необходимой предпосылкой возникновения организации. Но эта организация через некоторое время разрушается, побеждается хаосом, чтобы уступить место новой метастабильной организованной структуре.

Доминанта — не просто *взаимодействие* различных процессов, а *исключительное преобладание* какого-то одного центра, подчинение ему всех остальных. Это означает, что при определенных условиях значения некоторых параметров начинают очень быстро расти и в течение некоторого периода сильно преобладать над всеми остальными. Режим с обострением, рассматриваемый С. П. Курдюмовым, также является процессом очень быстрого роста некоторых параметров, и здесь можно увидеть аналогию: «За нелинейностью стоит представление о возможности сверхбыстрого развития процессов. В основе механизма такого развития лежит нелинейная положительная обратная связь. При некоторых условиях возникают режимы с обострением. Это — режимы сверхбыстрого нарастания процессов в открытых нелинейных средах, при которых характерные величины неограниченно возрастают за конечное время. Методология решения задач на обострение позволяет с нетрадиционной точки зрения рассмотреть ряд классических задач... Есть основания предположить, что возможны новые подходы к задачам нейрофизиологии (моделированию распространения сигналов по нейронным сетям)» (Князева, Курдюмов, 2005, с. 46–47).

Следующая проблема, на которую обращают внимание ученые, — *роль гомеостаза*. К рассмотрению взаимодействия организма со средой *нельзя применять принцип наименьшего действия*. Винер признавал гомеостаз при рассмотрении таких физиологических показателей, которые должны оставаться постоянными при любых внешних изменениях, например, давление или температура тела. Однако здесь легко случались подмены, когда гомеостаз возводился в общий принцип и целью реакции организма объявлялось такое состояние, когда организм находится в равновесии со средой и необходимость действия его в этой среде минимальна. Ухтомский этот подход решительно не признавал: «Окончательная реакция будет идти не с расчетом непременно на минимум действия организма, а с расчетом использовать с той или иной полнотой те потенциалы, которые может развить станция назначения с ее рабочими эффекторами в мускулатуре в однажды начавшейся работе по заданному вектору» (Ухтомский, 2002, с. 133). И еще, в более жесткой форме: «Возьмем организм, фактически наиболее преуспевший на пути к наименьшему действию, организм, получивший счастливую возможность производить минимум работы в окружающей среде. Какие примеры из биологии мы имеем? Прежде всего, это сидящие, паразитные формы» (Ухтомский, 2002, с. 136).

Для синергетики, которая рассматривает процессы типа горения, когда из среды втягивается в процесс большое количество энергии и эта энергия затем отдается в среду, этой проблемы не существует — доказывать право на существование таких процессов ей уже не приходится.

Развивая роль времени, А. А. Ухтомский вслед за А. Эйнштейном и Г. Минковским вводит вместо декартова пространства понятие «хронотоп» — четырехмер-

ное пространство-время. Единственное, что нам известно достоверно — интервал между точками в хронотопе. Рассмотрим значение доминанты при реагировании на отдаленные в пространстве и времени события. Доминанта — довольно сложный управляющий механизм. Она нужна там, где недостаточно простого механизма рефлекса. Например, реакция на осязательный раздражитель обычно является рефлекторной, зрение же требует более сложных механизмов восприятия. При зрительном восприятии трехмерного пространства и отдельных предметов в нем необходима экстраполяция гипотезы о том, как устроено воспринимаемое пространство. Исходя из этого, а также из постулируемого равноправия для организма пространственных координат с координатой времени, Ухтомский проводит аналогию между зрительным восприятием и предвидением будущего (антиципацией). По Ухтомскому, здесь действует единый физиологический механизм: «Наиболее характерное физиологическое место для доминантных иннерваций там, где мы имеем дело с рецепциями и предвидениями на расстоянии, когда организму предстоит задача поддерживать длительную рабочую установку в противовес быстро проходящим рефлекторным позывам на непосредственные контактные и ближайшие влияния среды» (Ухтомский, 2002, с. 221).

Курдюмов и Князева также связывают возможность предвидеть будущее с четырехмерным пространством-временем Минковского—Эйнштейна и наличием в нем инвариантов.

Со способностью живой системы к прогнозированию неразрывно связана и другая ее особенность — *связь настоящего с будущим*. Объединение разрозненных частей в единое целое подчиняется не только принципу причинности, но и принципу цели, другими словами, не только тому, что уже накоплено, но и тому, что предстоит сделать, не только прошлому, но и будущему. Вот что по этому поводу пишет Ухтомский: «В мышлении о прошлом, о фактически свершившемся царит *категория причины*. В мысли о будущем и ожидаемом — категория цели. Но цельная человеческая мысль всегда в виду будущее, она всегда практична и целестремительна <...> Цельная человеческая мысль есть всегда попытка спроектировать новую действительность. И все знание прежнего, с точки зрения категории причинности, играет чисто служебную роль для того, чтобы лучше спроектировать новую действительность» (Ухтомский, 2002, с. 294).

Винером также вводится понятие цели, но цель понимается им скорее не в философском, а в чисто механическом смысле — то, куда нужно попасть или до чего дотянуться. С помощью отрицательной обратной связи уменьшается расстояние до цели. Такое управление Винер называет телеологическим. Таким образом, представление об управляющей, конструирующей роли цели в некотором виде присутствует.

У синергетиков есть представление о том, что в зависимости от того, на какую ветвь мы попали при разветвлении, нас ожидает выход на определенную асимптоту. Несмотря на все блуждания в промежутке, будущее в главном предопределено. И это будущее в каком-то смысле организует настоящее, притягивает его к себе. При попытке объяснить эту чисто математическую особенность уравнений с гуманитарных позиций Курдюмов приходит к той же категории цели: «Настоящее не только определяется прошлым, но и строится, формируется из будущего. Ясные, осознанные и латентные подсознательные установки — это они опре-

деляют наше поведение сегодня, тянут нас из будущего» (Князева, Курдюмов, 2005, с. 185).

В то же время для Ухтомского совершенно очевидна *связь между целью и целью*. Мы уже говорили о механизме организации единого процесса из совокупности ритмов. Но почему это происходит? Для того чтобы разрозненные части объединились, необходима некая общая цель, общее движение. Именно цель дает основу для единства. «Все дифференцирующееся множасьее и однако не теряющее единства — значит сохраняющее это единство во множестве через гармонию — вот организм в своей истории развития, пока она ему удастся без нарушения, без изъятия, без преступления, без измены дорогому и доброму! Знамя-то, влекущее за собою, остается все-таки всегда впереди, не отягченное и не связанное разваливающимся множеством своих произведений!» (Ухтомский, 2002, с. 426).

Похожие мысли высказываются и в синергетике: «Структуры — аттракторы эволюции, ее направленности или цели относительно просты по сравнению со сложным (запутанным, хаотическим, неустоявшимся) ходом промежуточных процессов в этой среде. На основании этого появляется возможность прогнозирования исхода:

- а) «из целей» процессов (структур-аттракторов эволюции);
- б) «от целого», исходя из общих тенденций развертывания процессов в системах;
- в) и тем самым из *идеала* (*курсив наш — Е. З., К. З.*), желаемого человеком и согласованного с собственными тенденциями развития процессов в средах» (Князева, Курдюмов, 2005, с. 41).

Как одну из характерных особенностей доминантного процесса Ухтомский отмечает наличие таких состояний, когда *очень небольшие внешние воздействия могут привести к важным последствиям*, могут «запустить» уже созревший, подготовленный процесс: «Доминантные реакции приходится аналогизировать не со взрывными, как может показаться на первый взгляд, а с каталитическими процессами» (Ухтомский, 2002, с. 112).

В этом можно увидеть аналогию с *точкой бифуркации* динамических систем в синергетике. В результате небольших изменений развитие может пойти по другому пути: «В синергетике исследуются <...> такие процессы, когда при определенных условиях внутренние или внешние флуктуации могут привести систему к направленным изменениям, к возникновению различных новых относительно устойчивых структур» (Князева, Курдюмов, 2005, с. 33).

Отметим попутно, что из этого свойства, — наличия таких моментов, когда дальнейшую судьбу системы может решить небольшая флуктуация, — синергетики делают вывод о принципиально вероятностном характере процесса. Принципиально вероятностными считает процессы в живом и Винер. Ухтомский же категорически с этим не согласен и рассматривает любые события такого рода как проявления неизвестной, может быть, высшей закономерности.

Рассматривая механизмы поведения человека, Ухтомский в основном говорит об *организме человека* и его *внутренних процессах*. Это не значит, что можно забыть о влиянии на наше поведение и на наши доминанты других людей и всей социальной структуры в целом.

Более того, к социальному организму приложимы те же законы, тот же принцип доминанты, что и к отдельному человеку: «Я думаю, что наука о сложнейшем из событий мира, о человеческом поведении, не может освободиться от социологизмов, поскольку каждый из нас самым реальным, самым материальным образом есть лишь элемент и участник сообщества. Ибо все мы из сообщества рождаемся, в сообществе рожаем, и пока находимся на гребне жизненной волны, то не иначе, как вынесенные на нее великим морем сообщества в его историческом течении» (Ухтомский, 2002, с. 186). Приведем еще одну цитату: «Все это бессилие физиологов пред задачей социальной — того же порядка, что и бессилие геометра в отношении механического. Нужна социологическая точка зрения как самостоятельная. Когда она установится, как наука, она научит и физиологию понимать закономерности социального общения. <...> Более конкретное руководит абстрактным, давая ему место как специальной главе» (там же, с. 333).

В качестве примера доминантного подхода к социальному явлению Ухтомский приводит революцию, которая давно была подготовлена всем ходом истории и могла вспыхнуть по тому или другому малозначащему поводу.

Это созвучно идеям синергетики. Кроме того, совпадение еще и в том, что на различных ступенях иерархической системы — на уровне отдельного человека и общества в целом — применяется одна и та же модель описания. На современном научном языке это называется фракталом — повторение структуры на разных уровнях описания.

И все же синергетика больше занимается социальными, чем физиологическими и психологическими процессами: «Типичный пример из социальной области — попытка построить социализм в России. Социальное состояние, какое замысливалось, не соответствовало внутренним свойствам и потенциам социальной среды. Не было такого состояния в числе возможных, а потому и соскользнули в совершенно иное, потенциально ждавшее» (Князева, Курдюмов, 2005, с. 145).

В книге Винера социальные модели практически не рассматриваются, кибернетика занялась ими позже.

С точки зрения практической задачи *управления собственным поведением* или *социальным процессом* у Ухтомского и синергетиков тоже есть много общего. Это общее в том, что нужно хорошо понимать процесс, который пытаешься изменить. Хуже всего тут удаются прямые воздействия. Есть состояния и моменты времени, когда повлиять на процесс практически невозможно. В точке ветвления или при переходе к новой доминанте повлиять может даже небольшое усилие. В этом обе теории согласны. Разница же в том, что для Ухтомского главным в воздействии на организм является «воспитание доминант» путем упражнения или сознательного создания новых доминант: «Если вам не нравится ваше поведение, то довольно бесплодная задача бороться с ним, атакуя его доминанты „в лоб“. <...>. Целесообразней искать условий для возникновения новой доминанты — не пойдет ли она рядом с первой. Если пойдет, то первая сама собой будет тормозить и, может быть, сойдет на нет» (Ухтомский, 2002, с. 159).

В синергетике же разрабатывалась другая модель управления, которую Курдюмов называет «иглоукальванием мира». Эффект может быть достигнут, если приложить небольшое усилие в правильно рассчитанной точке — точке бифуркации или перехода от одной структуры к другой. В этом случае результат не про-

порционален силе воздействия: «Суть нового подхода к управлению заключается в том, что он ориентирован не на внешнее, а на внутреннее, на нечто имманентно присущее самой среде. Иными словами, он ориентирован <...> на собственные законы эволюции и самоорганизации сложных систем. При этом главное — не сила управляющего воздействия, а его согласованность с собственными тенденциями самоструктурирования нелинейной среды» (Князева, Курдюмов, 2005, с. 162).

Как видим, с точки зрения управления хорошо видно различие в основах подхода. По Ухтомскому, доминанта, раз возникнув, продолжает латентно жить в организме и может в отдаленном будущем вступить в борьбу за первенство (это именно конкурентная борьба, так как разные доминанты приводят в действие одни и те же исполнительные органы). По Курдюмову же, важно правильно пройти точки ветвления процесса на несколько возможных путей, и, пройдя их, система двинется дальше, к новым точкам ветвления, никогда не возвращаясь к прежним.

Заключение

Жизнь — необратимый процесс, каждое событие в ней играет непреходящую роль. Об этом придется помнить при любой попытке описать, объяснить или моделировать живое. Подход Ухтомского замечателен прежде всего тем, что он выделил жизненный цикл доминанты как элемент этого процесса. Далее, им было показано, что процессы в нервной системе на физиологическом уровне (передача возбуждения) подчиняются принципу доминанты. На психологическом уровне с помощью доминанты можно объяснить очень многие явления: внимание, восприятие, предметное мышление, мотивации (Учение А. А. Ухтомского..., 1990; Zueva, Zuev, 2015). Этот список в наше время продолжает расширяться. Этот же подход важен для таких прикладных областей, как психология труда, спорта, педагогическая психология. Ухтомский идет и дальше, применяя доминантный подход для рассмотрения нравственных вопросов, «оправдания добра» физиологией. Эта сторона учения Ухтомского в нашей работе не рассматривалась, хотя, наверное, именно она сделала его имя таким знаменитым (см., например: Зинченко, 2000). Учение о доминанте применимо не только к поведению отдельного человека, но и к социальным явлениям — к рассмотрению общественных процессов, к осмыслению истории и прогнозов на будущее.

При сравнении учения о доминанте с современными идеями синергетики оказывается, что очень многое из них в учении Ухтомского уже содержится в более или менее явных формулировках

Представление А. А. Ухтомского об организующей роли цели легли в основу моделирования целенаправленного поведения школы П. К. Анохина.

Но все это лишь частичное рассмотрение, отдельные блестящие в золотых россыпях учения Ухтомского. Создание более полных моделей еще впереди.

Литература

Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине М.: Советское радио, 1968.

- Зинченко В. П.* Алексей Алексеевич Ухтомский и психология (к 125-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 2000. №4. С. 79–97.
- Князева Е. Н., Курдюмов С. П.* Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М.: Ком-Книга, 2005.
- Ухтомский А. А.* Доминанта души. Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000.
- Ухтомский А. А.* Доминанта. СПб.: Питер, 2002.
- Ухтомский А. А.* Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997.
- Ухтомский А. А.* Интуиция совести. СПб.: Петербургский писатель, 1996.
- Ухтомский А. А.* Статьи и выступления разных лет. Заметки на полях / Л. В. Соколова, сост., вступ. ст. СПб.: Изд-во СПб. ун-та., 2015.
- Учение А. А. Ухтомского о доминанте и современная нейрофизиология: Сб. научных трудов / Под ред. А. С. Батуева, Р. И. Кругликова, М. Г. Ярошевского. Л.: Наука, 1990.
- Zueva E. Yu., Zuev K. B.* The concept of dominance by A. A. Ukhtomsky and anticipation // Anticipation: Learning from the past / Ed. M. Nadin. Springer International publishing, 2015. P. 13–35. doi: 10.1007/978-3-319-19446-2_2

The Ukhtomsky dominant theory: a dialogue with cybernetics and synergetics

E. Yu. Zueva

Keldysh Institute of Applied Mathematics, Russian Academy of Sciences, Moscow

K. B. Zuev

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow

The article considers the teaching of the outstanding Russian physiologist A. A. Ukhtomsky (1875-1942), the author of the doctrine of the dominant. The author's philosophical and methodological views on the problem of scientific description of living things, including human behavior, are considered. They are compared with the views of N. Wiener and S. P. Kurdyumov. There were identified coincidences in important areas: the irreversibility of time in the life process, the presence of two fundamentally different stages of the process, integration into a single system as a combination of rhythmic processes, while in the deterministic phase one of the processes prevails and suppresses the others (dominant), holism (the whole is not equal to the sum of the parts, the functioning of the part depends on its place in the whole), non-equilibrium of the process (the presence of energy exchange with the environment), and a number of others. It is shown that many of Ukhtomsky's ideas anticipated cybernetics and synergetic.

Keywords: history of psychology, behavior modeling, dominant, synergetic approach, A. A. Ukhtomsky, cybernetics.

Забытая психология Вильгельма Вундта

Г. Р. Йованович

*Философский факультет Белградского университета, Белград, Сербия,
gorda.jovanovic@gmail.com*

Цель данной статьи — изучить взгляды Вундта на психологию, которые со временем были забыты или искажены: это аргументы Вундта против отделения психологии от философии, его заявления о том, что психология не является естественной наукой, что психология представляет основу других гуманитарных наук, его всеобъемлющая концепция психологии, состоящая из взаимодополняющих индивидуальной и *Völkerpsychologie* (социокультурной психологии, в том числе культурно-исторических продуктов), его более широкий динамический подход к психологическому функционированию, включая не только когнитивные, но и волевые процессы, его методологический плюрализм, выходящий далеко за рамки эксперимента и самоанализа и вбирающий интерпретацию и даже критику как незаменимые методы психологии. В заключение утверждается, что забытые взгляды Вундта более актуальны для современной психологии, чем унаследованные.

Ключевые слова: Вундт, индивидуальная психология, *Völkerpsychologie*, философия, естествознание, гуманитарные науки, методологический плюрализм.

Вильгельм Вундт — отец психологии как независимой эмпирической науки. Это утверждение повторяется в учебниках по психологии во всем мире уже более века. Опираясь на такое важное признание, указывающее на передовые достижения Вундта, и долговечность этого признания, было бы разумно предположить, что это утверждение выражает доказанную и интерсубъективно подтвержденную истину. Однако, как ни странно, менее известно, что это утверждение содержит ложную часть; речь идет о независимой психологии. Также менее известно, что с самого начала Вундт отстаивал два вида психологии, причем оба необходимы для построения всеобъемлющей психологии. Кроме того, считается, что Вундт основал первую лабораторию экспериментальной психологии, и это положило начало научной истории психологии. Возможно, это заблуждение, т. е. лаборатория Вундта не была первой психологической лабораторией (Heidbreder, 1933).

Что еще более важно, Вундт уже в свое время решительно выступал против отождествления научной психологии с экспериментальной. Эксперимент не был достаточным методом для Вундта с самого начала, поскольку он сочетался с самоанализом. Хотя интроспекция была признана методом, используемым Вундтом, вряд ли известно, что методологический репертуар Вундта включал не только эксперимент и самоанализ. Вопреки широко распространенным представлениям психология Вундта не была естественной наукой. Но это было не просто ее временным статусом, психология не может стать естественной наукой в любое время в будущем: самым оправданием ее существования является ее фундаментальное отличие от естественных наук. В отличие от довольно прос-

той и статичной картины индивидуальной психики, приписываемой Вундту, он концептуализирует сложные динамические психические процессы, происходящие в индивидуумах. Однако еще большей проблемой, которая оставалась даже после того, как начали появляться некоторые изменения искаженной картины взглядов Вундта, было утверждение Вундта о том, что существуют психические структуры, которые не могут быть сведены к индивидуальным психическим процессам, поскольку они возникают как следствие жизни человека в сообществах и поэтому требуют особой психологии, подходящей для их изучения с использованием соответствующих методов.

Эти черты психологии Вундта не освещаются в основной историографии психологии. Можно сказать, что на самом деле существует более одного Вундта. Во-первых, Вундт как он представлен в своих произведениях, и их довольно много, поскольку он был одним из наиболее продуктивных авторов. Во-вторых, Вундт сконструирован, неправильно признан или даже сфальсифицирован многочисленными историками психологии и психологами в целом. Второй Вундт может быть описан как адаптированный. Его взгляды были переосмыслены в свете позитивистского понимания психологии как науки и редукционистского понимания ее предмета, принятого историками психологии или принятого как часть более общих социальных и культурных моделей и ценностей. Постепенно появляется и третий Вундт, т. е. Вундт, реконструированный после критики предыдущих неоправданных интерпретаций, которые на протяжении почти ста лет создавали искаженное представление и формировали научную историю психологии.

Взаимозависимость психологии Вундта и философии

Стандартный рассказ об истории психологии начинается с утверждения, что Вундт основал психологию как эмпирическую науку, отделив ее от философии. Этот мотив независимости от философии оставался очень сильным и формировал самопонимание психологии. Предполагаемая независимость была доказательством научного статуса психологии. Об этом программно заявил один из самых влиятельных историков психологии Эдвин Боринг почти сто лет назад: «Психология должна развиваться лучше, если она полностью откажется от своего философского наследия» (Boring, 1929, p. 660–661).

Однако Вундт защищал противоположную точку зрения, согласно которой психология не независима от философии и не должна быть независимой. В своей жизни и в своих трудах он оставался приверженным как философии, так и психологии. Позиция Вундта относительно отношений между психологией и философией была неизменной от его ранних публикаций до последних. Стоит отметить, что Вундт выбрал для своей первой лекции в Лейпцигском университете тему, которая связывает эмпирические науки и философию, — «О влиянии философии на эмпирические науки». В своей лекции Вундт заявил, что «психология близка философии по своей истории и по природе своих проблем» (Wundt, 1897, p. 4).

Еще более радикально Вундт утверждал, что если психология будет независимой от философии, это поставит под угрозу само ее существование. В своем полемическом эссе «Психологическая борьба за существование» 1913 г. он решительно выступил против тенденций отделения психологии от философии:

«Более общие и наиболее важные вопросы психологического образования настолько тесно связаны с когнитивно-теоретической и метафизической точками зрения, что невозможно понять, как они должны исчезнуть из психологии. Это показывает, что психология принадлежит к философским дисциплинам и останется таковой даже после превращения в так называемую независимую науку...» (Wundt, 1913, S. 24).

Вундт использовал различные аргументы, некоторые из них относились к специфике академической системы в Германии того времени, но наиболее важными, конечно же, были аргументы по поводу явлений, не зависящих от местных условий, т. е. тех, которые касались специфики психологических проблем. Предметы психологии, которые включают познание, язык, религию, обычаи, обязательно связаны с философскими проблемами. В заключение Вундт заявил: «Психология — это часть философии и в то же время эмпирическая гуманитарная наука» (Wundt, 1913, S. 32). М. Ярошевский даже заявил, что «все откровеннее подчинял Вундт психологическую работу укреплению философской доктрины» (Ярошевский, 1976, с. 230).

Однако дальнейшее развитие психологии пошло антивундтовскими путями. Последствия отрыва психологии от философии проявились в том, что психология не рефлектирует своих эпистемологических предположений и в более общем плане — следствий своих теорий и методологии. Лишь в последние десятилетия эти вопросы стали частью критической психологической повестки дня.

Комплексная психология Вундта

Хотя с самого начала своей научной карьеры Вундт работал над двумя психологиями — физиологической и культурно-исторической психологией (Völkerpsychologie), только физиологическая психология была принята в качестве психологии Вундта, положившей начало научной истории психологии. Первые идеи о культурно-исторической психологии были сформулированы еще в 1870-х годах одновременно с разработкой физиологической психологии. Последние два десятилетия своей жизни, с 1900 по 1920 г., Вундт посвятил в основном культурно-исторической психологии, на темы которой было опубликовано 10 томов его сочинений, некоторые из них в нескольких изданиях.

Культурно-историческая психология Вундта была «открыта» со значительной задержкой. Однако даже после ее запоздалого открытия значение основного утверждения, сделанного Вундтом для обоснования необходимости культурно-исторической психологии, специфики ее предмета и соответствующей методологии, оставалось непризнанным. Утверждение Вундта не только антииндивидуалистическое, но и антиассоцианистское, поскольку он утверждал, что взаимодействия людей (а он определил взаимодействие как ментальное взаимодействие) порождает процессы, которые создают основы общественного развития и создают умственные продукты, которые не могут быть получены из индивидуального сознания, например, язык, мифы, религия, обычаи: «Психология в обычном и общем смысле этого слова исследует данные непосредственного опыта, данные в нашем субъективном сознании, их происхождение и их взаимоотношения. В этом смысле это индивидуальная психология. Она обходится без анализа тех явлений, которые

возникают в результате ментального взаимодействия различных людей. Следовательно, требуется дополнительный подход, который мы приписываем культурно-исторической психологии. Таким образом, задача этой части психологии состоит в том, чтобы исследовать те психические процессы, которые создают основы общего развития человеческого общества и происхождения общих умственных продуктов с универсально значимыми ценностями» (Wundt 1911, S. 1).

В издании 1921 г., вышедшем после смерти Вундта, содержится следующее утверждение относительно феноменов, изучаемых культурно-исторической психологией: «Если <...> индивидуум будет восприниматься изолированным, психический процесс исчезнет» (Wundt, 1921, S. 292).

Аргументы Вундта о необходимом дополнении к индивидуальной психологии были проигнорированы или не поняты.

Однако поразительно, что даже индивидуальная психология Вундта, которая была признана психологией, конституирующей психологию как науку, тем не менее была неправильно понята или, точнее, адаптирована к модели естественных наук, которая продолжала формировать основное направление развития психологии. Но это не было концепцией психологии Вундта, наоборот, Вундт утверждал, что психология отличается от естественных наук, и именно это отличие оправдывает ее существование. Психология нужна как наука, потому что ее предмет отличается от предмета естественных наук. В этой аргументации Вундт имел в виду эмпирическую психологию, а не метафизическую психологию. Очевидно, что концепция опыта и эмпирического Вундта были намного шире, чем концепция эмпирического, предполагаемого при понимании психологии как естествознания.

Для Вундта это не просто временный статус психологии, которая в период становления еще не могла достичь уровня естествознания. Аргументация Вундта основана на фундаментальном вопросе — самом предмете: «Естествознание стремится раскрыть природу объектов без привязки к субъекту. Следовательно, знание, которое он производит, носит *опосредованный или концептуальный* характер. Вместо непосредственных объектов опыта он устанавливает концепции, полученные из этих объектов путем абстрагирования от субъективных компонентов наших идей... Психология, с другой стороны, исследует содержание опыта в ее полной и актуальной форме как идеи, относящиеся к объектам, так и все субъективные процессы, которые группируются вокруг них. Следовательно, его знание является *непосредственным и наглядным*... Таким образом, хотя естествознание и психология являются эмпирическими науками в том смысле, что они стремятся объяснить содержание опыта, хотя и с разных точек зрения, тем не менее очевидно, что вследствие характера проблемы психология является более строго эмпирической» (Wundt, 1897, S. 6).

Вундт, однако, пошел еще дальше в определении положения психологии среди других наук. Хотя, по его мнению, психология не может стать естественной наукой, тем не менее она является фундаментальной наукой для других гуманитарных наук. Опять же Вундт оставался приверженцем такой психологической позиции до конца своей жизни. Это утверждение выражено в последней книге, которую Вундт мог редактировать в «Логике», в томе, посвященном логике гуманитарных наук: «Психология должна казаться нам естественной основой гуманитарных наук» (Geisteswissenschaften, науки о духе) (Wundt, 1921, S. 1).

Очевидно, что психология Вундта не смогла бы занять такое положение среди других гуманитарных наук, если бы психические процессы, изучаемые психологией, включали только простые когнитивные процессы и их ассоциации, а также основные оценочные процессы приятных и неприятных переживаний. Представление Вундта о субъекте опыта было более сложным, более динамичным, целостным и синтетическим уже на уровне базового психического функционирования. По мнению Вундта, восприятие сопровождается апперцепцией, внимательной формой восприятия, которая задействует субъект восприятия как сознательный субъект, который уделяет внимание объекту восприятия и самому процессу восприятия и обязательно вызывает предыдущие переживания. Вундт представил концепцию апперцепции уже в своей первой значимой работе, опубликованной в 1874 г. Признавая, что Лейбниц впервые ввел концепцию апперцепции в философию, определяя ее как проникновение восприятия в самосознание, Вундт предложил расширенное значение термина «апперцепция» — «схватывание восприятия посредством внимания» (Wundt, 1874, S. 718). Вундт пояснил, что «степень апперцепции не может быть измерена по интенсивности внешнего впечатления, но по субъективной активности, с которой сознание обращается к определенному сенсорному стимулу» (Wundt, 1874, S. 720). Таким образом, апперцепция требует определенной субъективной активности, и субъект восприятия осознает это.

Следующая ступень субъективной активности входит в волевые акты, следующие за апперцепцией. Вундт придавал большое значение волевым процессам в психическом функционировании и в более общем плане — в понимании людей. В философском плане позиция Вундта относится к волюнтаризму. «Психологический и метафизический волюнтаризм Вундта — в связи с его теорией процесса — может быть истолкован как фундаментальное определение жизни как таковой, т. е. всех активных изменений, и особенно высочайшего синтеза достижений в индивидуальном сознании и культурном развитии» (Fahrenberg, 2020, S. 65). Но в поствундтовской психологии этот аспект наследия Вундта по большей части игнорировался.

Из анализа Вундта основных процессов восприятия ясно, что ассоциативное прочтение физиологической психологии Вундта, которое было широко распространено на протяжении почти столетия, не может быть оправдано ссылками на собственные утверждения Вундта, имеющиеся в его опубликованных работах. Несмотря на это, ассоцианизм как механизм, объясняющий, как возникли более сложные психические структуры в результате объединения элементов, в основном в соответствии с принципом смежности, почти не имея места для субъективной активности, столь важной для Вундта, по-прежнему приписывают Вундту (Jovanović, 2021). Такой прием можно охарактеризовать как своего рода ретроспективную проекцию научных и культурных норм, преобладающих в новом мире, который стал центром развития психологии, на взгляды психолога, который придерживался совершенно иной концепции.

Другой конкретный пример, показывающий последствия того, что Вундт не вписался в тогдашний основной психологический путь, — это исследование Вундта, посвященные памяти. Помнят Эббингауза, а не Вундта, который более или менее в то же время проводил свои эксперименты с памятью. Однако это забытое исследование Вундта со значительным опозданием стало обнаруживать

свою актуальность в настоящее время. Как указывает Карпенгер: «Вундт не влиял на ход исследования памяти за пределами своей лаборатории. Однако некоторые результаты его исследований очень похожи на результаты более поздних исследований, большинство из которых не относятся к более ранней работе Вундта» (Carpenter, 2005, p. 64).

В общем психология, как утверждает В. Вундт, фундаментально отличается от естественных наук благодаря своему уникальному, субъектному подходу к опыту. Именно эта уникальность оправдывает ее существование как науки. Кроме того, психология тесно связана с другими гуманитарными науками, она дает им основы. Всесторонняя психология человека не может ограничиваться психологией отдельного человека, поскольку люди живут не изолированно, а в социокультурных сообществах. Благодаря взаимодействию между людьми возникают новые умственные процессы и продукты. Для их изучения необходимо дополнение к индивидуальной психологии — культурно-историческая психология. Кажется, всеобъемлющая психология Вундта представляет собой слишком серьезный вызов для растущего сциентизма, доминирующего индивидуалистического мировоззрения и социокультурных ценностей, в соответствии с которыми психология развивалась до сих пор. В таких условиях невозможно было предоставить условия для правильного понимания всеобъемлющей психологии Вундта, ее неразрывных отношений с философией, ее фундаментальной роли по отношению к другим гуманитарным наукам, ее отличия от естественных наук, ее методологического плюрализма.

Методология Вундта

Вопрос о методах сыграл очень важную роль в приобретении знаниями научного статуса, поскольку считалось, что сами методы являются гарантией научного статуса исследования и результатов его познания. В первую очередь такие ожидания были вложены в эксперимент. Верно, научный статус психологии связан с использованием экспериментов. Было признательно, что Вильгельм Вундт основал лабораторию экспериментальной психологии. Как хорошо известно во всем мире, это достижение Вундта знаменует начало научной истории психологии.

Однако менее известно, что это лишь малая часть правды о психологической методологии Вундта. По мнению Вундта, эксперимент не может применяться повсеместно, тем не менее, научный уровень исследований от этого не снижается. Из того факта, что невозможно использовать эксперименты в культурно-исторической психологии, не следует, что это не наука.

Помимо этого, методологический репертуар Вундта включает методы, которые уникальны для гуманитарных наук, т. е. которые соответствуют смысловой структуре человеческого опыта и его творений как предмета гуманитарных наук и психологии как их основы (Fahrenberg, 2012; Jovanović, 2019). По мнению Вундта, гуманитарные науки используют особую логику в дополнение к общему логическому мышлению (Wundt, 1921). Следовательно, понимание человеческого опыта выходит за рамки его объяснения. Точно так же психическая причинность не может быть сведена к физической причинности. Но Вундт идет еще дальше, утверждая, что интерпретация как метод должна сопровождаться критикой: «Крити-

ка хочет на основе понятого объекта судить, является ли он подлинным или нет, истинным или ложным, и решить вопрос о его ценности» (Wundt, 1921, S. 110).

По мнению Вундта, научные методы, используемые для исследования человеческого опыта, должны улавливать специфические особенности человеческого ментального опыта, и одной из этих основных характеристик, помимо постановки цели и активации воли, является определение его ценности. Только так психология отдает должное своему предмету и доказывает свой научный статус.

Заключение

Вундт признан отцом-основателем психологии, и все же он все еще остается в значительной степени ее неизвестным или забытым отцом. Неизвестная или забытая часть психологии Вильгельма Вундта — это психология людей как членов культурных сообществ и создателей социальных и культурных продуктов, являющихся результатом их взаимодействия (язык, миф, религия, искусство). В своем индивидуальном функционировании, начиная с основных процессов, таких как восприятие, люди рассматриваются как субъекты, деятельность которых в различных формах, от апперцепции до воли, придает специфические черты ментальным явлениям. Эти специфические особенности требуют адекватных методов исследования, способных оценить их ценностные аспекты (истина, подлинность).

Спустя более чем сто лет после смерти Вундта среди множества различных психологий, существующих в настоящее время, все еще отсутствует психология, которая была бы подобна богатой и всеобъемлющей, но забытой или игнорируемой психологии Вундта. В мысленном эксперименте можно представить, как развивалась бы психология, если бы она начиналась с полной психологии Вундта и соответствующей ей методологии. Поскольку сам он занимался не только психологией, можно предположить, что эта психология могла бы иметь какое-то влияние на другие науки. Возвращение к психологии Вундта в полном объеме было бы весьма плодотворно.

Литература

- Ярошевский М. Г.* История психологии. М.: Мысль, 1976.
- Boring E.* A history of experimental psychology. N. Y.: The Century Co., 1929.
- Carpenter S.* Some neglected contributions of Wilhelm Wundt to the psychology of memory // Psychological Reports. 2005. V. 9. P. 63–73.
- Fahrenberg J.* Wilhelm Wundts Wissenschaftstheorie der Psychologie. Ein Rekonstruktionsversuch // Psychologische Rundschau. 2012. V. 63 (4). S. 228–238.
- Fahrenberg J.* Wilhelm Wundt (1832–1920). Introduction, Quotations, Reception, Commentaries, Attempts at Reconstruction // Pabst Science Publishers. 2020. PsyDok Dokumentenserver für die Psychologie. URL: hdl:20.500.11780/3783 (дата обращения: 15.05.2021).
- Heidbreder E.* Seven psychologies. London: Prentice-Hall, 1933.
- Jovanović G.* Wundt's forgotten legacy and epistemological foundations of critical psychology // The ethos of theorizing. Concord: Captus University Press, 2019. P. 96–105.
- Jovanović G.* How psychology repressed its founding father Wilhelm Wundt // Human Arenas. 2021. V. 4. P. 32–47. doi: 10.1007/s42087-021-00186-2

Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874.

Wundt W. Über den Einfluß der Philosophie auf die Erfahrungswissenschaften Akademische Antrittsrede. Leipzig: W. Engelmann, 1876.

Wundt W. Outlines of psychology / Transl. G. H. Judd. Leipzig: Engelmann; London: Williams & Norgate; N. Y.: G. Stehert, 1897.

Wundt W. Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythus und Sitte. 10 Vol. Leipzig: Engelmann, 1900–1920.

Wundt W. Völkerpsychologie. Dritte Auflage. Band. 1. Leipzig: Engelmann, 1911.

Wundt W. Die Psychologie im Kampf ums Dasein. Leipzig: Alfred Kröner, 1913.

Wundt W. Logik der Geisteswissenschaften. 3. Band, Vierte umgearbeitete Auflage. Stuttgart: Enke, 1921.

The forgotten psychology of Wilhelm Wundt

G. R. Jovanović

*Faculty of Philosophy, University of Belgrade, Belgrade, Serbia,
gorda.jovanovic@gmail.com*

The aim of this paper is to explore Wundt's views on psychology that have remained forgotten, neglected or misrepresented. Among those views are Wundt's arguments against separation of psychology from philosophy, his claim that psychology is not a natural science, his claim that psychology is a foundation to other human sciences, his comprehensive concept of psychology consisting of complementary individual and Völkerpsychologie, (socio-cultural psychology, including cultural-historical products), his dynamic approach to psychological functioning, including not just cognitive but volitional processes as well, his methodological pluralism, going well beyond experiment and introspection and including interpretation and even critique as indispensable methods to psychology. In conclusion, it is argued that Wundt's forgotten psychology is more relevant to contemporary psychology than his psychology as inherited so far in the history of psychology.

Keywords: Wundt, individual psychology, Völkerpsychologie, philosophy, natural science, human science, methodological pluralism.

Wilhelm Wundt is the father of psychology as an independent empirical science – this statement has been repeated in textbooks on psychology worldwide for more than a century. Relying on such an important acknowledgment pointing to Wundt's cutting edge achievement and its longevity it would be reasonable to assume that this statement expresses a proven and inter-subjectively verified whole truth. However, surprisingly enough, it is less known that this statement contains a false part – independent. It is also less known that from the very beginning Wundt argued for two psychologies, both necessary to build a comprehensive psychology of human psyche. Additionally Wundt has been identified with the first laboratory for experimental psychology which was the founding act starting a scientific history of psychology. Again, it might be that this is not true, i. e. that Wundt's laboratory was not the first psychological laboratory (Heidbreder, 1933). Even more importantly, Wundt strongly opposed the identification of scientific psychology with experi-

mental psychology, already in his time. Experiment was not a sufficient method to Wundt from the very beginning of his psychology as experiment was combined with introspection. While introspection was recognized as a method used by Wundt, it is hardly known that Wundt's methodological repertoire included much more than experiment and introspection. Contrary to widespread beliefs Wundt's psychology was not a natural science. But this was not just its temporary status — psychology cannot become a natural science any time in the future: the very justification for its existence is its fundamental distinction from natural sciences. Contrary to a rather simple and static picture of individual psyche ascribed to Wundt in the history of psychology Wundt conceptualizes complex dynamic psychic processes going on in individuals. However, even greater challenge, which has remained even after some revisions of the distorted picture of Wundt's psychology started to be voiced, was Wundt's claim that there are psychic structures that cannot be reduced to individual psychic processes as they emerge as a consequence of humans living together in communities and therefore require a distinct psychology suitable to study them by using appropriate methods.

These are features of Wundt's psychology missing in the main-stream historiography of psychology. It could be said that actually there is more than one Wundt — first, Wundt as represented in his writings, and there are quite many of them as he was one among the most productive authors; second, Wundt as constructed, misrecognized or even falsified by numerous historians of psychology and psychologists in general. The second Wundt could be described as an adapted Wundt as his views were adapted to mostly positivist understandings of psychology as science and a reductionist understanding of its subject matter adopted by historians of psychology or accepted as part of more general social and cultural patterns and values. There is slowly emerging also a third Wundt, i. e. Wundt as reconstructed after critique of previous unjustified interpretations which for almost one hundred years generated a distorted view of Wundt and shaped psychology's scientific history.

Interdependence of Wundt's psychology and philosophy

The standard narrative of the history of psychology as science starts with the statement that Wundt founded psychology as an empirical science by separating it from philosophy. This motive of independence from philosophy has remained very strong in the further history of psychology and has continued to substantially shape self-understanding of psychology. The alleged independence has been the proof of scientific status of psychology. This was programmatically stated by one of the most influential historians of psychology Edwin Boring almost a hundred years ago: "Psychology should progress better when it completely abandons its philosophical heritage" (Boring, 1929, S. 660–661).

However, as far as Wundt's understanding of psychology is concerned, Wundt defended the opposite standpoint, namely that psychology is not independent from philosophy and it should not be independent. In his life and his writings he remained committed to both philosophy and psychology. Wundt's position regarding the relationship between psychology and philosophy remained the same, from his early publications until the latest ones. It is worth mentioning that Wundt choose for his inaugural lecture at the University of Leipzig a topic which related empirical sciences and philosophy — *Über den Einfluss der Philosophie auf die Erfahrungswissenschaften* (*On the Influence of Philosophy on Empirical*

Sciences). In his lecture Wundt stated that “psychology stands close to philosophy through its history, and through the nature of its problems” (Wundt, 1876, p. 4).

Even more radically, Wundt argued that if psychology would be independent from philosophy, that would endanger the very existence of psychology. In his polemic essay *Die Psychologie im Kampf ums Dasein (Psychology's Struggle for Existence)* from 1913 Wundt strongly opposed tendencies to divorce psychology from philosophy: “The more general and most important issues for psychological education are so closely connected with cognitive-theoretical and metaphysical points of view, that it is not possible to see how they should disappear from psychology. This shows that psychology belongs to philosophical disciplines and that it would remain so even after its transformation into the so-called independent science...” (Wundt, 1913, p. 24; author's translation from German).

Wundt used different kinds of arguments, some of them referring to specificity of academic system in Germany at that time, but most important were of course those independent from local settings, i. e. those referring to specificity of psychological problems. Subject-matters of psychology which include knowledge, language, religion, customs are necessarily connected to philosophical problems. Concluding, Wundt claimed: “...psychology is part of philosophy [Teilwissenschaft der Philosophie], and at the same time empirical human science” (Wundt, 1913, s. 32; author's translation from German). Mikhail Yaroshevsky even stated that: “...все откровеннее подчинял Вундт психологическую работу укреплению своей философской доктрины” (Ярошевский, 1976, с. 230).

However, the further development of psychology has gone on anti-Wundtian paths. Consequences of psychology's divorce from philosophy are visible in psychology's lacks of reflection of its epistemological assumptions and more generally of implications of its theories and methodologies. It is only in the last decades that those issues are part of critical psychological agenda.

Wundt's comprehensive psychology

Even though from the very beginning of his scientific carrier Wundt worked on two psychologies – physiological psychology and *Völkerpsychologie* (cultural psychology), it was only physiological psychology which was adopted as Wundt's psychology marking the beginning of scientific history of psychology. First ideas on *Völkerpsychologie* (cultural psychology) were formulated already in 1870s, simultaneously with Wundt's physiological psychology. The last two decades of his life, from 1900 to 1920, Wundt devoted mostly to *Völkerpsychologie*, of which 10 volumes were published, some of them in several editions. It is with a significant delay that Wundt's *Völkerpsychologie* was “discovered”. However, even after its delayed discovery the significance of the main claim made by Wundt in order to justify the necessity of *Völkerpsychologie* and the specificity of its subject matter and methodology corresponding to it, remained unrecognized. Wundt's claim is not just anti-individualistic, but also anti-associationistic as he argued that interactions of individuals, and he specified the interaction as a mental interaction, generates processes which build foundations of societal development and create mental products which cannot be derived from individual consciousness – language, myths, religion, customs: “Psychology in the usual and general sense of the word researches data of immediate experience, as they are given in our subjective consciousness, their origin and their mutual relationship. In that sense it is individual psychology. It dispenses with an analysis of those phenomena which emerge

from a mental interaction of various individuals. Therefore it needs a complementary approach, which we ascribe to *Völkerpsychologie*. Thus, the task of this part of psychology is to investigate those psychic processes, which build foundations of general development of human societies and of origin of common mental products with universally valid values“ (Wundt 1911, p. 1 – author’s translation from German).

In the last book Wundt was able to edit, although he could not see it any longer as it appeared after his death, in the fourth edition of *Logik*, which in his view is a study of “Prinzipien der Erkenntnis und der Methoden der wissenschaftlichen Forschung” (principles of knowledge and methods of scientific research) the following strong claim concerning the origin of phenomena studied by *Völkerpsychologie* is to be found: “If... the individual would be conceived of as isolated, the psychic process would disappear” (Wundt 1921, V. 3, p. 292 – author’s translation from German).

As psychology has tended to isolate individual, or as a kind of a revision of individualistic assumptions, to add afterwards social influences on a supposed autonomous individual, it is no surprise that Wundt’s arguments for a necessary complement to the individual psychology have been ignored or could not be understood.

However, it is striking that even Wundt’s individual psychology – which has been recognized as the psychology constituting psychology as science – has been nevertheless misunderstood, or more precisely adapted to the model of natural sciences which has continued to shape the mainstream development of psychology. But this was not Wundt’s conception of psychology – on the contrary. Wundt argued that psychology is different from natural sciences and it is this difference that justifies its existence. Psychology is needed as a science because its subject matter is different from the subject matter of natural sciences. In this argumentation Wundt meant empirical psychology, not a metaphysical psychology. Obviously, Wundt’s concepts of experience and of the empirical were much broader than the concept of empirical presupposed in understanding psychology as a natural science. Again, to Wundt this is not just a temporary status of psychology which as a young science could not yet reach the level of a natural science. Wundt’s argumentation is based on a fundamental issue – the subject matter itself: “Natural science seeks to discover the nature of objects without reference to the subject. The knowledge that it produces is therefore *mediate* or *conceptual*. In place of the immediate objects of experience, it sets concepts gained from these objects by abstracting from the subjective components of our ideas... Psychology, on the other hand, investigates the contents of experience in their complete and actual form, both the ideas that are referred to objects, and all the subjective processes that cluster about them. Its knowledge is, therefore, *immediate and perceptual*... Thus, while natural science and psychology are both empirical sciences in the sense that they aim to explain the contents of experience, though from different points of view, still it is obvious that, in consequence of the character of its problem, psychology is the *more strictly empirical*” (Wundt, 1897, p. 5–6; italic in original).

Wundt, however, went even further in defining the position of psychology among other sciences. While, in Wundt’s view, psychology cannot become a natural science, by any means, it is a foundational science to other human sciences. Again, Wundt’s remained committed to such a positioning of psychology until the end of his life. This claim is expressed in the last book Wundt could edit, in the already mentioned *Logik*, in the volume dealing with the logic of human sciences (*Geisteswissenschaften*): “Psychology must ap-

pear to us as the natural basis of the human sciences” (Wundt, 1921, p. 1 – author’s translation from German).

Obviously, Wundt’s psychology could not have assumed such a position among other human sciences if the psychic processes studied by psychology had included only simple cognitive processes and their associations, and basic evaluative processes of pleasant and unpleasant experiences. Wundt’s conception of the subject of experience was more complex, more dynamic, holistic, and synthetic – already at the level of basic psychic functioning. In Wundt’s view, perception is accompanied by apperception, an attentive form of perception which engages the subject of perception as a conscious subject who attends to the object of perception and to the process of perception itself, which necessarily evokes previous experiences. Wundt introduced the concept of apperception already in his first major work – *Grundzüge der physiologischen Psychologie* published in 1874. While acknowledging that Leibniz first introduced the concept of apperception into philosophy defining it as entering of perception into self-consciousness, Wundt suggested an extended meaning of apperception: “grasping of perception through attention” (Wundt, 1874, p. 718). Wundt made it clear that “the grade of apperception cannot be measured on the intensity of external impression, but on the subjective activity with which the consciousness turns to a certain sensory stimulus” (Wundt, 1874, p. 720). Thus apperception requires a certain subjective activity, and subject of perception is aware of it.

The next grade of subjective activity is included into acts of volition, which follow after the apperception. Wundt placed a great value on volitional processes in psychic functioning and more generally in understanding human beings. In a philosophical context this qualifies Wundt’s position as belonging to voluntarism. “Wundt’s psychological and metaphysical voluntarism – in connection with his process theory – could be interpreted as a fundamental definition of life as such, i. e. of all active changes, and especially of the highest synthesis of accomplishments in individual consciousness and cultural development” (Fahrenberg, 2019, p. 65). But within post-Wundtian psychology this aspect of Wundt’s legacy has been mostly ignored.

It is clear from Wundt’s analysis of basic processes of perception that associationist reading of Wundt’s physiological psychology, which was widely accepted for almost a century, cannot be justified by references to Wundt’s own statements available in his published works. In spite of that, associationism as a mechanism explaining how more complex psychic structures emerged through association of element according mostly to principle of contiguity, with almost no room for subjective activity so important to Wundt, has continued to be ascribed to Wundt (Jovanović, 2021). Such a reception could be described as a kind of a retrospective projection of scientific and cultural norms prevailing in a new world which became the center of development of psychology into a psychologist who was committed to a completely different conception of psychology – and to different scientific and socio-cultural values.

Another specific example showing the consequences of Wundt’s not fitting into the then main stream psychological paths is Wundt’s research on memory. As it is well known, it is Ebbinghaus who is remembered in the history of this field, not Wundt who more or less at the same time conducted his memory experiments. However, it seems that Wundt’s forgotten research started, with a substantial delay, revealing its contemporary relevance. As pointed out by Carpenter: “Wundt did not influence the course of memory research outside of his own laboratory. However, some of the findings produced by his studies closely

resemble those of later research, most of which do not refer to Wundt's earlier work" (Carpenter, 2005, p. 64).

In sum, psychology as argued for by Wilhelm Wundt is fundamentally different from natural sciences thanks to its unique, a subject-related approach to experience. It is this uniqueness that justifies its existence as a science. Additionally, psychology is closely linked to other human sciences, it provides foundations to them. A comprehensive psychology of human beings cannot be limited to the psychology of individual as human beings don't live isolated but in socio-cultural communities. Through interactions among individuals new mental processes and products are generated. In order to study them a complement to individual psychology is needed – *Völkerpsychologie*. It seems, such a comprehensive Wundt's psychology has posed a too great challenge to a rising scientism and dominant individualistic worldview and socio-cultural values under which psychology has developed so far. Under such conditions no appropriate lenses could be provided to grasp properly Wundt's comprehensive psychology, its indispensable relations to philosophy, its foundational role to other human sciences, its difference from natural sciences, its methodological pluralism.

Wundt's methodology

The question of methods has played a very important role in knowledge acquisition in order to achieve a scientific status, to the extent that it has been believed that methods themselves are warrants of scientific status of research and its knowledge results. Foremost such expectations have been invested in experiment. It is true that psychology's scientific status is associated with the use of experiments. It has been highly appreciated that Wilhelm Wundt established a Laboratory for experimental psychology. As it is well known worldwide, this Wundt's achievement marks the beginning of scientific history of psychology.

What is however less known is that this is only a small part of the truth about Wundt's psychological methodology. To Wundt, experiment is not universally applicable and yet it is possible to pursue a scientific agenda where this is the case. From the fact that it is not possible to use experiments in *Völkerpsychologie*, does not follow that *Völkerpsychologie* cannot be considered a science.

Beyond that Wundt's methodological repertoire includes methods which are unique to human sciences, i. e. which correspond to the meaningful structure of human experience and its creations as the subject-matter of human sciences and psychology as their foundation. (Fahrenberg, 2012; Jovanović, 2019). In Wundt's view, human sciences adopt a specific logic, additionally to general logical reasoning (Wundt, 1921). Consequently, understanding (*Verstehen*) human experience goes beyond its explanation. In the same way, psychic causality cannot be reduced to physical causality. But Wundt goes even further arguing that interpretation as a method should be followed by critique: "The critique wants, on the basis of the understood object, to judge whether it is genuine or not, true or false and to decide about its value" (Wundt, 1921, p. 110 – *author's translation from German*).

To Wundt, scientific methods used to investigate human experience should grasp specific features of human mental experience, and one of those basic features, additionally to purpose setting and will activation, is its value determination (*Wertbestimmung*). It is only in this way that psychology does justice to its subject-matter and proves its scientific status.

Conclusion

Wundt is recognized as the founding father of psychology and yet it is still to a great extent its unknown or forgotten father. The unknown or forgotten psychology of Wilhelm Wundt is psychology of human beings as members of cultural communities and creators of social and cultural products which are results of their interactions (language, myth, religion, art). In their individual functioning, from the basic processes such as perception, humans are seen as agencies whose activity in different forms, from apperception to will, provides specific features to mental phenomena. These specific features require research methods capable of grasping, understanding them and additionally to that capable of judging about their value dimensions (truth, authenticity).

More than hundred years after Wundt's death among many different psychologies existing nowadays there is still missing a psychology that would be similar to rich and comprehensive but forgotten or neglected Wundt's psychology. In a thought experiment we could imagine how psychology would have developed if it had started with a complete Wundt's psychology and methodology appropriate to it. As Wundt himself was engaged beyond psychology as well, we could further imagine that a different psychology could have had some impact beyond its boundaries. It would be for the future of psychology of human beings that a return to Wundt's psychology as a whole would be a very fruitful new start.

References

- Boring E.* A history of experimental psychology. N. Y.: The Century Co., 1929.
- Carpenter S.* Some neglected contributions of Wilhelm Wundt to the psychology of memory // Psychological Reports. 2005. V. 9. P. 63–73.
- Fahrenberg J.* Wilhelm Wundts Wissenschaftstheorie der Psychologie. Ein Rekonstruktionsversuch // Psychologische Rundschau. 2012. V. 63 (4). S. 228–238.
- Fahrenberg J.* Wilhelm Wundt (1832–1920). Introduction, Quotations, Reception, Commentaries, Attempts at Reconstruction. Lengerich // Pabst Science Publishers. 2020. PsyDok Dokumentenserver für die Psychologie. URL: hdl:20.500.11780/3783 (дата обращения: 15.05.2021).
- Heidbreder E.* Seven psychologies. London: Prentice-Hall, 1933.
- Jovanović G.* Wundt's forgotten legacy and epistemological foundations of critical psychology // The ethos of theorizing. Concord: Captus University Press, 2019. P. 96–105.
- Jovanović G.* How psychology repressed its founding father Wilhelm Wundt // Human Arenas. 2021. V. 4. P. 32–47. doi: 10.1007/s42087-021-00186-2
- Wundt W.* Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874.
- Wundt W.* Über den Einfluß der Philosophie auf die Erfahrungswissenschaften Akademische Antrittsrede. Leipzig: W. Engelmann, 1876.
- Wundt W.* Outlines of psychology / Transl. G. H. Judd. Leipzig: Engelmann; London: Williams & Norgate; N. Y.: G. Stehert, 1897.
- Wundt W.* Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythus und Sitte. 10 Vol. Leipzig: Engelmann, 1900–1920.
- Wundt W.* Völkerpsychologie. Dritte Auflage. Band. 1. Leipzig: Engelmann, 1911.
- Wundt W.* Die Psychologie im Kampf ums Dasein. Leipzig: Alfred Kröner, 1913.
- Wundt W.* Logik der Geisteswissenschaften. 3 Band, Vierte umgearbeitete Auflage. Stuttgart: Enke, 1921.
- Ярошевский М. Г.* История психологии. М.: Мысль, 1976.

Психологическое наследие декабристов как национальная основа развития отечественной науки

О. В. Клыпа

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, ovk61@mail.ru

Философско-педагогические воззрения декабристов являются глубокими и новаторскими для своего времени. Необходимо признать, что их идейно-творческое наследие почти совсем не исследовано в психологической науке. В настоящей работе, не претендуя на фундаментальный анализ психологических идей декабристов, рассмотрены представления А. А. Бестужева, Н. А. Крюкова, И. Д. Якушкина о природе сознания, о личности, смысле жизни, творческом характере природы человека, факторах развития личности и др.

Ключевые слова: психологическое наследие, декабристы, А. А. Бестужев, Н. А. Крюков, Д. И. Якушкин.

В истории психологии прочно утвердился культурно-исторический подход, позволяющий осмыслить ключевые проблемы современной психологии, его представители – Е. А. Будилова, А. Н. Ждан, В. А. Кольцова, Т. Д. Марцинковская, Ю. Н. Олейник, М. Г. Ярошевский и др. На современном историческом этапе явно обозначился интерес к научному изучению нравственных традиций, взглядов отечественных мыслителей, внесших вклад в познание психического мира человека (Журавлев и др., 2016; Логинова, 2009; Старшинова, 2006; и др.). В этой связи представляет интерес психологическое наследие декабристов. В трудах по истории психологии психолого-педагогическая деятельность декабристов не освещается, хотя А. Н. Ждан неоднократно указывала на необходимость раскрытия национальных истоков развития психологической науки и обоснования своеобразия и оригинальности отечественной психологии (Ждан, 2006, 2010).

2025 г. – год 200-летия со дня восстания декабристов на Сенатской площади против существовавшей в России самодержавной власти. С начала XX в. движению декабристов посвящено большое количество работ, тщательно изучено формирование их взглядов, проведен анализ их проектов (Азадовский, 1991; Барановская, 1954; и др.), просветительской и педагогической работы, деятельность «каторжной академии», казематской школы, народных школ на поселении (Афанасьев, 1989; Хаптагаева, 1974; и др.). Изучено влияние разносторонней деятельности декабристов в области культуры на местное население (Бочанова, 2007; Матханова, 2009). В 1990-е годы в период перестройки интерес к декабристской теме падает. В последние десятилетия вновь проявляется интерес к истории декабристов. Современные сибирские историки продолжают исследовать жизнь и деятельность декабристов на каторге и в ссылке в Сибири, привлекая новые и малоизвестные источники.

Представляется возможным обратиться к психологическим воззрениям декабристов. В их трудах содержатся теоретические наработки о месте человека в природе и его назначении в обществе, о воспитании духовно и нравственно зрелого человека, которые до сих пор в полной степени не оценены и недостаточно изучены.

В данной статье представлены основные психологические воззрения А. А. Бестужева, Н. А. Крюкова, И. Д. Якушкина, которые рассматривали человека как часть природы, как ее высшее творение, как существо, одаренное от природы чувствами, эмоциями, а главное — беспредельно развивающимся разумом. Различая чувственное и разумное начало, они считали, что, с одной стороны, эти начала должны находиться в гармоничном единстве, а с другой — дополнять и контролировать друг друга. Личность может нормально развиваться, если сохраняет себя как носителя чувственных и разумных принципов, согласовывая свои чувственные потребности с разумом, иначе человек становится рабом своих страстей, уподобляется животному.

Александр Александрович Бестужев (1797–1837)

А. А. Бестужев, более известный под псевдонимом Марлинский, — русский писатель, публицист, поэт, литературный критик. Близкий друг А. С. Пушкина. Родился в Санкт-Петербурге в знаменитой дворянской семье. Его отец А. Ф. увлекался трудами французских просветителей, именно он заложил идеи вольнодумства в сознание сына. Бестужев получил образование в Горном кадетском корпусе. В 1824 г. вступил в «Северное общество». После восстания 14 декабря 1825 г. был приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Якутск. Находясь в ссылке, он подготовил несколько статей, затрагивающих вопросы этнографического и этнопсихологического характера. В 1829 г. переведен на Кавказ солдатом. Участвовал в сражениях, получил чин унтер-офицера и Георгиевский крест, был произведен в прапорщики. Погиб в стычке с горцами.

С точки зрения рассматриваемой нами темы заслуживают внимания суждения Бестужева о природе человека, о чувствах, разуме, опыте и воображении как источниках познания окружающего мира. Основные психологические воззрения А. А. Бестужева отражены в статье «О романтизме» (Бестужев-Марлинский, 1839). Он писал, что человек живет чувствами, умом и волею, слияние их есть мысль. Человек как существо, одаренное мыслью, стремится чувствовать, познавать, действовать. Он указывал на существование объективного, независимого от воли человека мира, а процесс познания рассматривал как результат воздействия этого объективного мира на человека. О познании объективного мира он писал, что только чувства могут передать разуму впечатление от предметов, только опыт убеждает человека в единстве и неразрывной связи с действительностью. Большую роль в познании, считал он, играет творческое воображение. В отличие от органического опыта, постигающего вещи такими, какие они есть, мысль человека беспредельна, она творит их в себе такими, какими они могли бы быть. Опыт обусловлен необходимостью и ограничен реалиями, а творческое воображение беспредельно, как сама Вселенная. Мысль, характеризующаяся беспредельностью, не всегда может быть выражена конкретно и адекватно,

т. е. вмещаться в известные рамки. Бестужев указывал на три возможных варианта выражения мысли:

- выражение мысли превосходит ее саму (нищета идеи);
- мысль находит равносильное себе выражение (Бестужев называет это отражательностью, поскольку мысль передается во всей своей полноте, во всем богатстве ее оттенков);
- мысль своей психологической масштабностью превосходит объем выражения, тогда она разрывает форму, в которую облачена. Эта идеальность выражения, которой свойственны неясность и многосторонность как необходимые спутники слияния бесконечного с конечным.

Бестужев определил формы, в которых может проявляться мысль: слово, музыка, краски, движения, деяния. Характеризуя нравственное содержание мысли, Бестужев выделял прежде всего стремление служить общему благу, на фоне которого только и можно создать благо личное. В качестве определяющих факторов развития личности он выделял наследственность, воспитание, а также социальную среду, начиная с семьи и заканчивая обществом и народами, подчеркивал, что невежество, предрассудки, воспитание и дурные примеры высших возвращают не только отдельных людей, но и целые народы с пути добродетели. Люди не понимают того, что пороки, сколь бы лестны ни были, разрушают здоровье и покой.

Николай Александрович Крюков (1800–1854)

Н. А. Крюков – сын нижегородского губернатора, поручик. Получил воспитание и образование в Московском благородном университетском пансионе и Нижегородской гимназии. Участвовал в создании «Южного общества» декабристов. Был приговорен к двадцати годам каторги и вечному поселению в Сибири. Надломленный духовно и физически, отошел от революционных и атеистических идей.

На мировоззрение Крюкова большое влияние оказали идеи Монтеня, Вольтера, Макиавелли, Смита и др. Он развивал теорию отражательной природы человеческой психики, считая, что источником ощущений человека является окружающая его действительность и предметы, действующие на органы чувств. В отличие от французских материалистов XVIII в., допускавших элементы гилозоизма (учение об одушевленности природы), Крюков доказывал, что «органы чувствительности» обладают человек и животные, а неорганическая природа этих свойств не имеет.

В сохранившихся конспектах и набросках («Записная книжка», «Философские записи») отражены идеи Крюкова, связанные с проблемой человека, его воспитания и познания. Он ставил в прямую связь развитие личности с общественно-политическим устройством страны, в которой живет человек: лишь в развитом цивилизационном обществе с высоким уровнем всеобщего образования можно создать законы, которые обеспечат свободу личности и оградят ее права; человек получит все необходимые условия для полноценного развития и счастливой жизни. Таким образом, достижение человеческого счастья всецело зависит от воспитания, просвещения и «хорошего законодательства», полагал он, а также считал,

что церковь внушает человеку рабскую психологию презрения к себе, требует убивать в себе естественные потребности и стыдиться их, в то время как необходимо воспитание личности, осознавшей себя, свое место в мире, свою самоценность.

Крюков использует понятие «душевная деятельность», которую он разграничивал на активную и пассивную. В процессе первой человек воздействует на окружающую действительность, т. е. выступает как лицо активное, в процессе второй испытывает воздействия сам, т. е. выступает как лицо пассивное, страдательное. Активная деятельность может быть продолжительной и интенсивной, не вызывая скуки и утомления именно потому, что она интересна и в ней человек выступает субъектом деятельности, например, может играть без усталости на музыкальном инструменте шесть часов, не уставая и не замечая времени. А от слушания концерта может устать уже через три часа, поскольку эта деятельность пассивна. Человек праздный скучает более всего. По Крюкову, человек обращается к деятельности прежде всего из необходимости удовлетворить свои потребности в еде, питье, существе противоположного пола, отдыхе. Удовлетворение потребностей он рассматривал как движущую силу психического развития, а активную созидательную деятельность, обеспечивающую удовлетворение физических и духовных потребностей, как необходимое условие успешного развития.

Интеллектуальную сферу личности Крюков рассматривал в единстве с чувственной: думать — значит чувствовать. В этой связи он затрагивал вопросы, связанные с ощущением, памятью, воображением. По Крюкову, необходимый элемент развитого абстрактного мышления — способность к классификации, благодаря которой формируются общие понятия. Он считал, что человек, наделенный дарованием искусно мыслить, не всегда бывает мудрецом, к тому же не может рассуждать истинно тот, кто порочен, снедаем страстями, завистлив, вспыльчив, надменен, скрытен.

Главное в деятельности человеческого разума — познание окружающего мира посредством чувственных восприятий. Разум мужчины и женщины он считал одинаковым, а примечательную разницу между ними — следствием различного воспитания. Домашний круг и семейные обязанности лишают женщину возможности упражняться в науках и словесности, как это делают мужчины. Женщина, решившая сочетать семейные обязанности с научной деятельностью, попала бы в серьезное противоречие, поскольку такое увлечение препятствует полной отдаче семье и детям, к тому же ученая женщина, по мнению Крюкова, менее эмоциональна как мать и жена.

Крюков рассматривал мотивы деятельности человека в динамике возрастных особенностей. Так, среди негативных побуждений человека он выделял зависть, идущую рука об руку с невежеством. В юности зависть — черта похвальная, так как она в эти годы носит оттенок соревновательности, но в зрелом возрасте это превращается в пагубную страсть, несет в себе черты несправедливости и взаимной ненависти.

Крюков смотрел на жизнь человека в развитии, стараясь осмыслить каждый его этап. О старости, в частности, говорил, что она бывает печальной лишь у лиц, проведших молодость в безделье и разврате. А человек, трудившийся всю жизнь, и в старости активен и деятелен (Крюков, 1951).

Иван Дмитриевич Якушкин (1793–1857)

И. Д. Якушкин – русский мыслитель, родился в дворянской семье. Дома его учителями были отставные офицеры и иностранцы. Учился на словесном факультете Московского университета. В 1811 г. был принят подпрапорщиком в лейб-гвардии Семёновский полк. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Отличился в битвах при Бородине и Кульме. Один из основателей «Союза спасения». В 1817 г. вызвался совершить цареубийство, когда предложение было отклонено, вышел из «Союза». В этом же году вышел в отставку; переехав в имение в Смоленской губернии, обучал грамоте крестьянских детей. В 1820 г. предпринял попытку освобождения крестьян без земли. В декабре 1825 г. – участник восстания войск Московского гарнизона. Верховным уголовным судом Николая I он был отнесен к преступникам первого разряда и приговорен к смертной казни, замененной двадцатью годами каторги (позднее срок был сокращен до 15 лет), до ноября 1827 г. содержался в крепости Роченсальм (Финляндия); затем на Нерчинском руднике и Петровском заводе в Забайкалье. Выйдя на поселение в городе Ялutorовск в 1835 г., занялся педагогической деятельностью, организовав школу для крестьянских детей. Основал училища для мальчиков (1842) и девочек (1846), обучение в них велось по Белл-Ланкастерской системе. Большую часть предметов он преподавал сам, являлся автором учебников. Освобожден по амнистии в 1856 г., поселился в Москве.

В ссылке И. Д. Якушкин изучал труды Декарта, Локка, Канта и других философов.

Произведения И. Д. Якушкина, в которых изложены основы его психологических воззрений: «Что такое жизнь?» (1838); «Что такое человек?» (приблизительно 1840–1841) были опубликованы через много лет после его смерти (Якушкин, 1951). Сочинение «Что такое человек?» во многом созвучен трактату А. Н. Радищева «О человеке, его смерти и бессмертности». В отличие от Радищева он отвергает бессмертие души. Будучи материалистом, он видел в человеке часть природы, а не творение Всевышнего. Считал, что окружающая природа существует независимо от человека и что человек познает ее с помощью органов чувств. Окружающий мир рассматривал как вещественный, имеющий пространственную протяженность и находящийся в беспрестанном движении, т. е. развитии и изменении. С целью подтверждения идеи об отражательном характере психики Якушкин проследил развитие организмов от мягкотелых до позвоночных и показал, что у позвоночных мозг достигает высокого уровня развития, но только у человека становится органом мышления. Исходя из единства органической жизни, он рассматривал человека как существо активное, творческое, достигшего высшего уровня развития в силу социального бытия. В человеке находят отражение такие структурные компоненты личности, как разум, мышление, сознание и самосознание, потребности, умения, инстинкты, наследственность.

Проанализировав внутриутробное развитие ребенка с момента оплодотворения до рождения, Якушкин пришел к выводу, что эмбриональное зарождение всех животных совершается одним и тем же порядком, но ступени их развития разнообразны до бесконечности, при этом каждое животное – автономное существо и вместе с тем звено единой неразрывной цепи в структуре биологических видов.

Одним из определяющих факторов развития живого существа Якушкин считал наследственность. Непригодность новорожденного к условиям жизни на первых порах исчезает по мере взросления и взаимодействия со взрослыми. В процессе воспитания ребенок, перенимая опыт других людей, становится сознательным, формируется как личность. По мнению Якушкина, определяющим фактором развития личности являются различные объединения людей, начиная семей и кончая обществом, народами, представляющими собой социальную среду.

Заключение

Обращение к психологическим воззрениям декабристов расширяет рамки психологических исследований. Очевидна актуальность осмысления трудов декабристов с позиции истории психологии, высказывавших новаторские идеи для своего времени: об общественно-исторической природе сознания, о личности, смысле жизни, творческом характере природы человека, факторах развития личности и др. Необходимо продолжить изучение наследия декабристов, а их психологические воззрения включить в университетский курс «Истории психологии».

Литература

- Азадовский М. К.* Страницы истории декабризма. В 2 кн. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991–1992.
- Афанасьев В. Ф.* Культурно-просветительная педагогическая и общественная деятельность ссыльных декабристов в Сибири: Пособие для спецкурса по истории педагогики. Якутск: ЯГУ, 1989.
- Барановская М. Ю.* Декабрист Николай Бестужев. М.: Госкультпросветиздат, 1954.
- Бестужев-Марлинский А. А.* О романтизме. URL: <https://bestuzhev-marlinskiy.lit-info.ru/bestuzhev-marlinskiy/kritika-bestuzheva/o-romantizme.htm> (дата обращения: 12.04.2021).
- Бочанова Т. А.* Декабристы в Западной Сибири: Научно-краеведческая и административно-хозяйственная деятельность. Новосибирск: ИД «Сова», 2007.
- Декабристы: Биографический справочник / Под ред. М. В. Нечкиной. М.: Наука, 1988.
- Ждан А. Н.* Основные тенденции развития отечественной психологии постсоветского периода // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «IV Московские встречи», 26–29 июня 2006 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 69–72.
- Ждан А. Н.* Национальное начало в развитии науки: исследовательские традиции отечественной психологии в сопоставлении с всемирной психологической мыслью // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «V Московские встречи», 30 июня–03 июля 2009 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 32–36.
- Журавлев А. Л., Кольцова В. А., Олейник Ю. Н.* Изучение отечественной и мировой психологической мысли: результаты и перспективы исследований // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы всероссийской конференции по истории психологии

«VI Московские встречи», 30 июня–02 июля 2016 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 7–15.

Крюков Н. А. Из «Записной книжки» // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. Т. 2. М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1951. С. 424–431.

Логинова Н. А. Как сберечь и передать новым поколениям научные традиции // Актуальные проблемы истории психологии: Материалы методологического семинара. Арзамас, 25–27 сентября 2008 г. Арзамас: АГПИ им. А. П. Гайдара, 2009. С. 23–29.

Матханова Е. И. Судьба немцев-декабристов в Сибири // История и этнография немцев в Сибири. Омск: Изд-во «Омский государственный историко-краеведческий музей», 2009. С. 46–64.

Старшинова О. П. Понятие духовности и духовно-нравственного развития личности в современной отечественной психологической науке // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «IV Московские встречи», 26–29 июня 2006 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 321–327.

Хаттагаева Э. Г. Педагогическая и просветительская деятельность декабристов в Сибири: Автореферат дис. ... канд. пед. наук. Иркутск, 1974.

Якушкин И. Д. Что такое жизнь? // Записки, статьи, письма декабриста Якушкина. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. С. 179–196. URL: <https://imwerden.de/publ-4182.html> (дата обращения: 16.04.2021).

Sychological heritage of the decabristas as a national aspect in the development of domestic science

O. V. Klypa

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, ovk61@mail.ru

The philosophical and pedagogical views of the Decembrists are deep and innovative for their time. It must be admitted that their ideological and creative heritage has hardly been studied at all in psychological science. In this work are considered the ideas of A. A. Bestuzhev, N. A. Kryukov, I. D. Yakushkin about the nature of consciousness, about personality, the meaning of life, the creative nature of human nature, factors of personality development etc.

Keywords: psychological heritage, Decembrists, A. A. Bestuzhev, N. A. Kryukov, D. I. Yakushkin.

Творческое наследие Ф. Е. Василюка: о некоторых перспективах развития

Е. Н. Корнева

*Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, korneva.en@gmail.com*

В статье содержится краткий обзор положений теории Ф. Е. Василюка. Отмечен общетеоретический характер разработанных в понимающей психотерапии категорий и терминов. Система понимающей психотерапии рассматривается как метатеория психологической помощи. Изложены идеи Ф. Е. Василюка, касающиеся развития психотерапевтической дидактики и исследования феноменов.

Ключевые слова: понимающая психотерапия Ф. Е. Василюка, психология переживания, психотехническая теория, схизис, консультативная психология, духовное совладание.

Сейчас, когда прошло всего чуть более трех лет после смерти Ф. Е. Василюка, довольно трудно полностью определить то, что было им сделано для теории и практики психологии. Задолго до болезни Федора Ефимовича был забавный эпизод. Приехавшая из далекой провинции выпускница психологического факультета, которая хотела поступать в аспирантуру, услышав разговоры коллег о Ф. Е. Василюке, с удивлением спросила: «А разве он еще жив?». Действительно, трудно представить, что все сделанное Ф. Е. Василюком — результат деятельности ныне живущего и здравствующего человека. В нашем сознании такое количество достижений — это прерогатива классиков, а классиками науки, по негласной традиции, мы называем уже умерших ученых.

Ф. Е. Василюк не только развивал и обогащал то, что было сделано в психологии его учителями, но и сам был автором многих новых идей. Он первым стал учить других, как оказывать психологическую помощь, был деканом первого в стране факультета психологического консультирования, он первым начал издавать научный журнал по психотерапии и психологическому консультированию («Московский психотерапевтический журнал», МПЖ; с 2010 г. имеет название «Консультативная психология и психотерапия»), а также научный журнал (спецвыпуск МПЖ) по христианской психологии и возрождать ее традиции, встав у истоков синергичной психотерапии, он первым в стране предложил свою собственную психотерапевтическую систему, основанную на традициях советской психологии и признанную не только в российском психологическом сообществе, но и за рубежом.

Почти всегда, когда говорят о Ф. Е. Василюке, упоминают понимающую психотерапию (ППТ) как его подход, но в том-то и заслуга автора, что это был не просто психотерапевтический подход, не психологическая теория, не практический психотерапевтический метод, а именно система, выстроенная в нескольких планах: философско-методологическом, общепсихологическом, плане теории и тех-

ники психотерапии и плане психотерапевтической дидактики. Причем эта система является психотехнической, в русле идей Л. С. Выготского включающей в себя и психологическую теорию, и практический метод. Но не только. Ф. Е. Василюк при построении системы понимающей психотерапии идет дальше Л. С. Выготского; по его мнению, любая психотехническая система должна быть не только создана, теоретически осмыслена и технически оснащена, она должна научиться себя передавать, т. е. она должна включать в себя и психотехническое образование.

Именно психотехническое, когда не просто происходит передача знания, его трансляция от учителя к ученику, но и когда источником знания о психотерапии и психологическом консультировании становится некоторый живой опыт, когда учитель и ученик — это не социальные роли, а носители уникального жизненного и профессионального опыта, лично вовлеченные в процесс обучения. Такой опыт получен и в обыденной жизни, и в рамках самих занятий, он не просто приобретен, но и отрефлексирован и осмыслен. Ф. Е. Василюк на лекциях говорил, что обучающиеся на занятиях должны встретиться не только с какими-то знаниями, закономерностями, не только с навыками, они должны встретиться с самими собой, именно такое постоянное обращение к себе является объективным условием учебного процесса. Ф. Е. Василюк отмечал, что само содержание занятий, знание, которое предлагается на занятии, в итоге оказывается обогащенным за счет каких-то идей, находок самих обучающихся. Он описывал этот процесс с помощью метафоры майевтики, родовспоможения, когда каждый в этом процессе должен породить свою психотерапию и себя как психотерапевта. А преподавателей он сравнивал с повивальными бабками, которые должны помогать этому рождению, участвовать в нем, но не делать это вместо обучающихся.

Создание системы ППТ стало ответом на ситуацию так называемого «психологического схизиса», о котором писал Ф. Е. Василюк в 1996 г., ситуацию расщепления между научной традицией в отечественной психологии и растущей практикой консультирования, когда последняя стала бурно развиваться в традициях западной психологии (Василюк, 1996). И здесь можно говорить о невыгодности такой ситуации как для самой практики, так и для психологической теории, которая, с одной стороны, упускает возможность вложиться в собственную отечественную практику, с другой — не может быть востребована западными психотерапевтическими традициями, так как они выстроены на других концептуальных схемах. Ф. Е. Василюк писал: «Каждая из психотерапевтических школ, саженцы которых стали расти в нашей, далекой от Вены, Лондона и Сан-Франциско провинции, вполне оснащена собственными теоретическими моделями и не нуждается для своего развития в переосмыслении средствами той или иной местной, отечественной общепсихологической теории. <...> В результате насаждения различные разновидности авторитетных западных психотерапевтических школ все более распространяются, постепенно набирают силу, а отечественная психология не знает, как к этой растительности отнестись, своего сада тоже не сажает, и от этого разрыв между психологической наукой и психологической практикой, оформившийся в конце 1980—начале 1990-х еще и как разрыв поколений (старого, занимавшегося якобы только наукой, и молодого, занявшегося, наконец, практикой), кажется все более безнадежным» (Василюк, 2007а, с. 28). Е. Ф. Василюк, описывая ситуацию конца 1980—начала 1990-х годов, часто говорил о потоке

«миссионеров от психотерапии», хлынувших в нашу страну и предлагавших нам место «бедных родственников» западной психологии, о комплексе провинциализма и изоляционизма в нашей психологии по сравнению с западной. И система понимающей психотерапии становится собственной психотерапевтической системой, основанной на отечественных психологических традициях, позволяющей вести равноправный диалог с западными психотерапевтическими школами.

Работа над созданием системы в общей сложности заняла более двадцати лет — с 1981 г. по 2007 г. И начиналась она с теоретического диссертационного исследования, которое легло в основу монографии Ф. Е. Василюка «Психология переживания». Это еще не была понимающая психотерапия как практика психологической помощи, но в этой работе Ф. Е. Василюк осуществил то, что В. А. Петровский определил как выдающееся открытие, — «соотнесение двух далеко отстоящих друг от друга фундаментальных психологических категорий: „переживание“ и „деятельность“, — и, соответственно, построение совершенно нового в психологии конструкта „деятельность переживания“» (Петровский, 2020). Можно сказать, что это и стало тем основанием, на котором впоследствии вырастет не только теория сознания Ф. Е. Василюка, но и вся система понимающей психотерапии. И здесь уже можно увидеть специфический, присущий Ф. Е. Василюку индивидуальный стиль, который прослеживается во многих его публикациях, когда автор проделывает путь от «практики к построению общепсихологической теории и далее от методологического анализа и теоретической работы с общепсихологическим предметом — обратно к практике» (Архангельская и др., 2020, с. 22). Такое методологическое и теоретическое осмысление практики дает автору возможность создать и методологически обосновать особую отрасль консультативной психологии, сконструировать ее метатеорию (Василюк, 2007б). Конечно, сам автор отмечал, что эта задача в общих чертах решена очень многими отечественными авторами — В. В. Столиным, Е. Т. Соколовой, А. Ф. Копьевым, А. Б. Холмогоровой, В. Н. Цапкиным и мн. др., отмечал особую роль книги М. А. Гулиной, в которой, по его мнению, эта задача «методологического обоснования терапевтической психологии как области психологической науки была прямо поставлена и систематически проработана» (Василюк, 2007б, с. 3).

Однако анализ работ Ф. Е. Василюка позволяет совершенно ясно и отчетливо увидеть, что категории и термины, разработанные им в теории понимающей психотерапии, гораздо шире и значительнее, имеют общетеоретическое значение и могут применяться не только рамках этого подхода, но и для описания любой практики психологической помощи и даже любой антропологической практики (например, деятельности врача, учителя, священника и пр.).

Теория понимающей психотерапии становится метатеорией психологической помощи, а вокруг Ф. Е. Василюка формируется культурно-историческая школа консультативной психологии, в которой объединились сотрудники факультета психологического консультирования МГППУ (в настоящее время факультет Московского государственного психолого-педагогического университета носит название «Консультативная и клиническая психология»), сотрудники кафедры индивидуальной и групповой психотерапии МГППУ, созданной Ф. Е. Василюком, сотрудники лаборатории консультативной психологии и психотерапии ПИ РАО, «которые, практикуя и зная изнутри живую реальность конкретных психотера-

певтических подходов, смогли еще смотреть и поверх этой конкретики, и вглубь того ядра, из которого произрастает множество психотерапий. Такое видение, неизбежно культурно-антропологическое, позволяет, помимо всего прочего, преодолевать ту примитивную сциентистскую трактовку научной доказательности психотерапии, которую уже многие осознали как тупиковую» (Карягина).

Даже краткий обзор сделанного Ф. Е. Василюком показывает, что размышлять о перспективах развития материала такого объема очень непросто. Возможно, поэтому наблюдается ситуация, которую отмечали коллеги на II Международной конференции памяти Ф. Е. Василюка, когда осмысление теоретического значения его научного наследия оказывается не таким интересным для исследователей, как вопросы практического применения этих идей (Архангельская и др., 2020). Можно предположить, что дело здесь не столько в слабом интересе, сколько в наших недостаточных способностях к такому теоретическому осмыслению, подняться на уровень Ф. Е. Василюка не каждому дано.

Обозначим некоторые направления развития того знания, которое нам досталось. Одно из направлений — это развитие психотерапевтической дидактики. Выше уже говорилась о том значении, которое придавал профессиональной подготовке психологов-практиков Ф. Е. Василюк, называя психотехническое образование жизненно необходимым внутренним органом (Василюк, 2007а). Это выразилось в том, что система понимающей психотерапии включала в себя план дидактики. Ф. Е. Василюк описал общие принципы психотерапевтического обучения, создал программу по понимающей психотерапии. Однако реализация данной программы и соответствующих принципов сталкивается с существующими противоречиями между теоретической подготовкой и психологической практикой, что неоднократно обсуждалось в наших докладах на конференциях (Корнева, 2015, 2016, 2018, 2020).

Мы сталкиваемся с ситуацией, когда базовая университетская образовательная программа опирается «на теоретическую традицию, которая оказывается почти невостребованной при изучении консультативных и психотерапевтических дисциплин» (Василюк, 2007б, с. 2), что, в свою очередь, приводит к формированию так называемого «психотерапевтического фельдшеризма», когда специалист в своей практике ограничивается лишь эмпирическими обобщениями. По сути, мы видим все тот же схизис, только уже в плоскости психологического образования. И разрешить эту ситуацию, на наш взгляд, возможно, только обратившись к психологической практике, в частности, к практике понимающей психотерапии. Трактую ситуацию обучения как критическую ситуацию — ситуацию бессмысленности и невозможности реализации студентами своих внутренних потенций — и упоая на продуктивный процесс, суть которого — деятельность переживания студента, т. е. активный процесс, особого рода внутренняя деятельность, направленная на «производство смысла», а не бихевиоральный процесс научения (т. е. выработка связи между стимулом и реакцией), что характерно для традиционной системы профессиональной подготовки студентов-психологов, мы можем надеяться, что поставленная перед студентами задача на смысл в обучении психологической теории будет решена. Будущие психологи-практики не просто познают психологическую теорию, но и откроют ее для себя, осознают те мотивы, которые придают ей смысл, т. е. определяют место этой теории в своей собствен-

ной, профессиональной жизни, в той психологической практике, которой будут заниматься в будущем (Корнева, 2020).

Другим направлением развития научного наследия Ф. Е. Василюка является исследование тех феноменов, которые были поставлены в работах самого автора, но остались не раскрытыми. В частности, таким феноменом является чувство благодарности, которое Ф. Е. Василюк определяет как важный психологический критерий ценностного типа духовного совладания (Василюк, 2014). Тема духовного совладания в его размышлениях появляется в период его болезни, первый раз доклад о духовном совладании прозвучал в 2011 г. на III Международной конференции, посвященной наследию митрополита Антония Сурожского. Участие в этой конференции было для Василюка не случайным. В 2000 г. он встречался с владыкой Антонием на конференции Сурожской епархии, где выступал с докладом «Таинство покаяния». В 2004 г. этот доклад был опубликован в виде статьи «Исповедь и психотерапия» в Московском психотерапевтическом журнале. Как определил сам Федор Ефимович, в этой статье (докладе) «обсуждается вопрос: может ли и чем именно опыт современной психотерапии помочь делу исповеди и покаяния?» (Василюк, 2004, с. 79). Этот вопрос был неспроста для Федора Ефимовича, который, возрождая традиции христианской психологии, создает новый подход – синергичную психотерапию (термин «синергичная» заимствован у С. С. Хоружего и означает «сотрапачество человека и Бога»).

Доклад о духовном совладании, позже опубликованный в журнале «Консультативная психология и психотерапия» (бывший МПЖ), посвящен проблеме духовного измерения процесса переживания. Анализируя опыт зарубежных психологов в исследованиях духовного совладания, Василюк критикует их за инструментальность, за использование и эксплуатацию «духовных актов, в частности молитвы, пусть для вполне законных человеческих целей» (Василюк, 2014, с. 141), он называет это снижением понятия и приводит примеры, которые не вписываются в эту логику зарубежных коллег. В результате этого анализа он предлагает классификацию типов духовного совладания, среди которых называет и ценностный, тот самый, который отличается наличием чувства благодарности. «Это не значит, что человек каким-то извращенным образом благодарит за боль или страдание как таковые. Но и неточно считать, что это благодарность за обретенный в результате преодоления страдания позитивный смысл. Благодарность распространяется на весь целостный опыт, куда включено и страдание, и смысл, открывшийся во время страдания. В этом целостном опыте страдание и смысл становятся неотторжимы друг от друга, взаимно пронизывают друг друга, сплавлены между собой, как Крест и Воскресение» (там же, с. 144).

Таким образом, благодарность как феномен психической жизни человека становится одним из центральных феноменов. Этот феномен оказался практически не исследованным в отечественной психологии. О причинах такой ситуации и о разных подходах к определению благодарности и ее исследованию в зарубежной психологии мы говорили на одной из конференций Ассоциации понимающей психотерапии (Корнева, 2018б). Здесь же можно отметить, что в целом при исследовании благодарности зарубежными коллегами происходит снижение понятия. Отсутствие четкой дефиниции приводит к появлению определенного числа совершенно разных «благодарностей», разных феноменов: благодарность как эмоция,

как личностная черта, как инструмент, как жанр речи и т. д. Такая спутанность понятий из теоретического анализа переходит в эмпирическую и практическую работу исследователей этого феномена: начиная описывать благодарность как личностную черту, авторы в итоге редуцируют ее до инструмента, средства, с помощью которого можно стать успешнее, счастливее, лучше справляться с трудностями, умело выбирая наиболее оптимальные копинг-стратегии, да и просто стать более здоровым в физическом смысле.

По нашему мнению, данные противоречия могут быть разрешены при условии, что феномен благодарности будет рассматриваться как переживание. Причем не переживание-созерцание, а переживание в контексте психологии переживания Ф. Е. Василюка — как особого рода внутренняя деятельность по переделыванию себя, деятельность, направленная на «производство смысла» (см.: Корнева, 2018б). Такое понимание благодарности не противоречит взглядам зарубежных психологов, а объединяет их как представление о едином процессе протекания деятельности переживания.

Ф. Е. Василюк говорит о том, что эта деятельность опосредована всеми уровнями сознания: бессознательного, непосредственного переживания, сознания и уровнем рефлексии (Василюк, 1988). Тогда понимание благодарности в качестве эмоции, чувства вполне соответствует уровню непосредственного переживания, представления о благодарности как о копинг-поведении, как о рациональной проработке информации и т. п. может иллюстрировать уровень сознания, уровень рефлексии может быть представлен пониманием благодарности как установки, как ценности, как нормы и т. д. Уровень бессознательного достаточно сложно проиллюстрировать, но если пробовать интерпретировать те или иные проявления человека, то дружелюбие, открытость и другие позитивные качества, которые отмечают исследователи у диспозиционально благодарных людей, могут в каком-то смысле быть примерами этого уровня.

На одной из супервизий, когда была проблематизирована тема завершения психотерапевтического сеанса Ф. Е. Василюк сказал: «Каждый роман, каждое произведение и, может быть, каждый психотерапевтический сеанс есть некая метафора жизни, а смерть — это вот такое амбивалентное событие... Очень редко бывают такие люди, которые могут так завершить жизнь <...> подвести итоги, разложить все книжки, написать все завещания. <...> Конец надо приготовить, тогда будет легче. <...> В тексте и в деле не все должно быть явно всегда досказано».

Литература

- Архангельская В. В., Карягина Т. Д., Шермазанян Л. Г., Шерягина Е. В.* Теория сознания и переживания Ф. Е. Василюка: векторы развития // II Международная конференция по консультативной психологии и психотерапии, посвященная памяти Фёдора Ефимовича Василюка: сборник материалов. М.: ФБГНУ «Психологический институт РАО», 2020. С. 21.
- Василюк Ф. Е.* Уровни построения переживания и методы психологической помощи // Вопросы психологии. 1988. № 5. С. 27–37.
- Василюк Ф. Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.

- Василюк Ф. Е.* Исповедь и психотерапия // Консультативная психология и психотерапия. 2004. Т. 12. №4. С. 79–90.
- Василюк Ф. Е.* Понимающая психотерапия: опыт построения психотехнической системы // Вестник практической психологии образования. 2007а. Т. 4. №3. С. 27–41.
- Василюк Ф. Е.* Понимающая психотерапия как психотехническая система: Автореф. ... докт. психол. наук. М., 2007б.
- Василюк Ф. Е.* Типы духовного овладения // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22. №5. С. 139–152.
- Карякина Т. Д.* URL: https://www.facebook.com/story.php?story_fbid=4063293223720746&id=100001203245937 (дата обращения: 21.06.2021).
- Корнева Е. Н.* Преподавание общепрофессиональных дисциплин будущим психологам-практикам как проблема // «От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете»: Сборник материалов юбилейной конференции. В 5 т. Т. 4. М.: Когито-Центр, 2015. С. 359–361.
- Корнева Е. Н.* Психологическое образование: практика VS теория // «Высшее образование для XXI века»: XIII Международная научная конференция. Москва, 8–10 декабря 2016 г.: Доклады и материалы. Секция 4. Психологические проблемы образования. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2016. С. 52–56.
- Корнева Е. Н.* Переживание как смыслопорождение в обучении будущих психологов-практиков. К постановке проблемы // Международная конференция по консультативной психологии и психотерапии, посвященная памяти Ф. Е. Василюка: сборник материалов. М.: ФБГНУ «Психологический институт РАО», 2018а. С. 10–13.
- Корнева Е. Н.* Феномен благодарности: от эмоции к переживанию // «Понимающая психотерапия: основы и пути развития». VI Научно-практическая конференция с международным участием 22–24 июня 2018 г.: Тезисы докладов. М.: Ассоциация понимающей психотерапии, 2018б. 73 с. С. 10.
- Корнева Е. Н.* Профессиональная подготовка будущих психологов-практиков: научение vs Переживание // II Международная конференция по консультативной психологии и психотерапии, посвященная памяти Фёдора Ефимовича Василюка: сборник материалов. М.: ФБГНУ «Психологический институт РАО», 2020. С. 135.
- Петровский В. А.* Переживание как деятельность // Психологическая газета. 2020. 11 ноября. URL: <https://psy.su/feed/8689> (дата обращения: 14.05.2021).

The creative inheritance of F. E. Vasilyuk: about some development prospects

E. N. Korneva

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, korneva.en@gmail.com

The article provides a brief overview of some of the theoretical propositions of F. E. Vasilyuk. The author makes a judgment about the general theoretical character of the categories and terms developed in co-experiencing psychotherapy that go beyond the scope of the approach. The conclusion is made about co-experiencing psychotherapy as a metatheory of psychological assistance, and about the creation of a scientific cultural and historical school of counseling psychology (T. D. Karyagina). The ideas of the development of psychothera-

peutic didactics and the study of the phenomena problematized in the works of F. E. Vasilyuk are proposed.

Keywords: co-experiencing psychotherapy F. Vasilyuk, the psychology of experience, psychotechnical theory, schism, counseling psychology, spiritual coping.

Философско-психологическая литература в обзорах Ю. И. Айхенвальда¹

А. А. Костригин

Институт психологии РАН, Москва, artdzen@gmail.com

Рассматривается биография и научное творчество литературного критика Ю. И. Айхенвальда (1872–1928). Обсуждаются публицистические и критические работы ученого, содержащие обзоры книг по французской, немецкой, английской, датской и российской философии и психологии, издававшихся на рубеже XIX–XX вв. Представляются философско-психологические взгляды Айхенвальда: интересы ученого лежат в области религиозной, иррациональной и экзистенциальной философии, философии жизни, религиозно-философской психологии и касаются вопросов и проблем человеческого бытия, смысла жизни, души, религии, нравственности, морали и этики, философии творчества и поэзии.

Ключевые слова: история психологии, дореволюционная российская психология, публицистика, философская критика, психологическая критика, Ю. И. Айхенвальд.

Российская дореволюционная психология на рубеже XIX–XX вв. представляет собой неоднородное научное пространство (Кольцова и др., 1997; Костригин, Стоюхина, 2015): в этот период психологическими вопросами занимались не только собственно психологи (количество которых было достаточно ограниченным), но и философы, богословы, психиатры, педагоги, а также публицисты, литераторы и литературоведы. Среди последних широко известны публицистические работы на философские и психологические темы В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, Н. Г. Чернышевского и др. В этот же ряд необходимо включить и имя литературного критика Юлиа Исаевича Айхенвальда (1872–1928), чье философско-психологическое наследие еще недостаточно осмыслено.

Ю. И. Айхенвальд родился 24 января 1872 г. в г. Балта Подольской губернии (сейчас – Одесская область, Украина). Окончил Ришельевскую гимназию в Одессе (1890) и историко-филологический факультет Новороссийского университета (1894). В 1895 г. переехал в Москву и начал преподавать русскую литературу в гим-

---

1 Исследование выполнено по Госзаданию № 0138-2021-0001.

назиях, на Высших историко-филологических женских курсах, Высших женских курсах В. А. Полторацкой, Педагогических курсах Общества воспитательниц и учительниц. В 1912—1917 гг. Айхенвальд работал профессором Московского городского народного университета им. А. Л. Шанявского. С 1918 г. — член Московского союза писателей. В 1922 г. был арестован и выслан из страны на «философском пароходе». В эмиграции Айхенвальд жил в Берлине (Германия), был членом Религиозно-философской академии, выступил одним из организаторов Русского научного института в Берлине, где преподавал в 1923—1926 гг. (Главацкий, Макаров, 2004; Каган, 1989; Полонский, 2005; Российское научное зарубежье..., 2010, с. 11—12). В биографии Айхенвальда существует еще немало пробелов, которые необходимо заполнить, и эту работу важно продолжить.

Айхенвальд известен, прежде всего, как литературный и театральный критик, литературовед и публицист (Алексеев, 2000; Зуев, 2006; Кочергина, 2017; Мурзина, 1996), как представитель русского научного зарубежья (Рейтблат, 1992; Риппинг, 2003; Российское научное зарубежье..., 2010, с. 11—12). Он занимался анализом литературного творчества писателей и поэтов, издал «Силуэты русских писателей» (1906), публиковался в журналах «Русские ведомости», «Русская мысль», «Речь», «Слово» и др. В некоторых работах авторы анализируют философско-эстетические идеи (Тахо-Годи, 2020) и теоретические аспекты литературы (Алексеев, 2014; Зуев, 2006; Каган, 1989), которыми занимался ученый. Тем не менее часто за пределами публикаций, посвященных его творческому наследию, остаются философско-психологические вопросы.

Эта сторона творчества Айхенвальда являлась достаточно заметной в ранний период его научной деятельности: его выпускная работа в университете была на тему «Эмпиризм Локка и рационализм Лейбница», он был действительным членом и кандидатом в товарищи секретаря Московского психологического общества и сотрудником редакции журнала «Вопросы философии и психологии» (Психологическое общество..., 1896, с. 71; Психологическое общество..., 1897, с. 363). В журнале «Вопросы философии и психологии» выходили статьи Айхенвальда с обзорами современной зарубежной и российской философской и психологической литературы.

Данная научная область — философско-психологическая публицистика — заслуживает особого внимания в рамках истории развития психологической науки в России на рубеже XIX—XX вв.: выдающиеся мыслители-публицисты, с одной стороны, представляли идеи отечественных и зарубежных ученых в доступной форме для более широкой аудитории, а с другой — включались в научную дискуссию, полемизировали не только с авторитетами прошлого, но и с современниками, что в дальнейшем выражалось в продолжительном обмене мнениями (Будилова, 1954; Кольцова, 2002; Костригин, 2016). В некотором смысле можно сказать, что во второй половине XIX в., когда появилось большое количество научных и публицистических журналов, одним из крупных источников философско-психологической мысли являлись именно журнальные статьи, которые были намного доступнее книг (и по цене, и по объему) и вызывали всегда большой отклик.

В качестве начального этапа анализа идей Айхенвальда важно рассмотреть статьи, которые он публиковал в журнале «Вопросы философии и психологии». К числу его работ в этом журнале относятся обзоры статей французского жур-

нала «Revue philosophique de la France et de l'étranger» (основателем которого был Т. Рибо) за 1894–1899 гг., а также обзоры недавно вышедших монографий российских и зарубежных философов и психологов. Так как этих статей достаточно много и объем данной работы не позволяет рассмотреть их все, ограничимся анализом тех публикаций Айхенвальда, которые посвящены только монографиям.

В ранних изысканиях Айхенвальда необходимо выделить обзоры книг по французской, немецкой, английской, датской и российской философии и психологии. Интересным представляется не только выбор и оценка конкретного автора и его труда, но и собственные мысли Айхенвальда по рассматриваемой теме. Именно эти высказывания российского ученого и будут предметом нашего исследования, на основе которых будет представлена некоторая система его философско-психологических взглядов.

Так, в рамках обсуждения работ современных ему французских авторов Айхенвальд критикует монографию французского философа Ш. Адана (1857–1940) «Философия во Франции (первая половина XIX в.)» (*La philosophie en France (première moitié du XIXe siècle)*, 1894) (А. Ю., 1894), но высоко оценивает русский перевод труда И. Тэна (1828–1893) «Французская философия первой половины XIX века» (1896) (Айхенвальд, 1896а). Касаясь значения французских мыслителей, Айхенвальд отзываясь о них позитивно: «Первая половина XIX века представляет в истории французской философии чрезвычайно интересный период, на котором сказались могучее влияние великой революции и который совместил в себе самые разнородные направления философской мысли: в течение этого небольшого промежутка времени можно наблюдать все три контовские стадии развития мысли. Если панегристы старого порядка, вроде Бональда и де-Мэстра, проповедуя всеобщую реставрацию и возвращение к отвергнутым идеалам авторитета и католицизма, стоят на теологической ступени, то такие мыслители, как Мэн де-Биран, Ройэ-Колляр, Кузен и Жюфруа, несомненно, занимают метафизическую позицию; а с другой стороны, сенсимонисты и, конечно, сам Конт являются глубоко убежденными позитивистами» (Айхенвальд, 1894, с. 369). Положительно отзываясь Айхенвальд и о книге датского философа Х. Геффдинга (1843–1931) «Руссо и его философия» («*Rousseau und seine Philosophie*», 1897) (Айхенвальд, 1897в): «Незабвенная услуга, которую оказал Руссо человечеству, заключается в том, что он боролся за субъективное, личное, поставил чувство наряду с умом и перенес на почву индивидуального верования объективные догматы религии» (Айхенвальд, 1897в, с. 792). Развернутого мнения российского ученого о французской философии мы, к сожалению, не находим. Но что-то, вероятно, может скрываться в выборе произведений, тем и персоналий для обзора: это мыслители, которые занимались морально-нравственными, социальными и политическими проблемами философии, опирались на религиозные и идеалистические учения.

Обращаясь к немецкой мысли, Айхенвальд делает обзор работы немецкого философа А. Рия (1844–1924) «Эссе. Фридрих Ницше как художник и мыслитель» (*Ein Essay. Friedrich Nietzsche der Künstler und der Denker*, 1897) и выражает глубокую симпатию к Ф. Ницше (1844–1900). Он признает его одним из наиболее живых, эмоциональных и энергичных мыслителей и присоединяется к оценкам А. Рия: «Нет писателя, который был бы так субъективен, как Ницше, ко-

торый так болел бы своими идеями, влагал бы так много души в свои книги. Он не мог спокойно пребывать на высотах отвлеченного умозрения, — этому мешала его духовная организация, которая жаждала звуков, цветов и образов. <...> Всё, что он говорил, он говорил с изумительной энергией и пафосом, мощно и резко. Его слог полон жизни; он сочетает в себе музыку и живопись, в нем звучат могучие аккорды и переливаются краски. Ницше был властелин языка; он изучал его до совершенства и дал бессмертные образцы человеческой речи» (Айхенвальд, 1897б, с. 698). По словам А. Рия, Ницше был чужд человеческому состраданию, но его эссе представляет нам «привлекательный образ того Ницше, который после войны 1871 года добровольно ухаживал за больными, у которого суровые, жестокие мысли сочетались с нежной и поэтической душой, который тонко понимал прекрасное, наслаждался музыкой и природой и так близко принимал к сердцу отвлеченное и интеллектуальное» (Айхенвальд, 1897б, с. 701).

В другом месте, характеризуя работу немецкого философа И. Фолькельга (1848—1930), посвященную А. Шопенгауэру (1788—1860), Айхенвальд дает широкую оценку личности и творчества выдающегося мыслителя: «Возвышенное и мелкое сочеталось в Шопенгауэре, и противоречия, которыми изобилуют его книги, в значительной степени являются отражениями его негармоничной природы. Но если его эмпирический характер, при всей своеобразной пленительности, запечатлен болезненными и темными чертами, то в его произведениях перед нами раскрывается его существо в просветленном и подлинном виде, — перед нами встает умопостигаемый характер Шопенгауэра. И если гению суждено исчерпать себя во всех возможных знаменательных типах, то должно было найти себе воплощение и нечто подобное вдохновленному философу воли» (Айхенвальд, 1901а, с. 152). Его философия — это метафизика, направленная на постижение сущности мира; даже гносеология в его учении — тоже метафизика. Шопенгауэр развивает идеи феноменализма, придерживаясь принципа «Мир — мое представление». Познание мира и человека строится у него на чувстве: «Он — мыслитель воззрения, интуиции; но воззрение не отождествляется у него с „наблюдением“ современных эмпириков, оно бьет у него ключом жизни и страсти. Философию он считает сродни искусству, смотрит на нее глазами аристократа и романтика» (Айхенвальд, 1901а, с. 157). Именно поэтому центром мира он признал волю — «слепой, неутолимый, неутомимый порыв к жизни, вечный голод бытия» (Айхенвальд, 1901а, с. 157). Вклад же Шопенгауэра в немецкую философию Айхенвальд видит в прерывании «оптимистической традиции», развитие пессимизма как философского концепта и жизненного принципа. При анализе немецкой философии Айхенвальд уделяет внимание иррациональным мыслителям, тяготеющим к метафизике, развивающим идеи, преодолевающие традиционную религию, но, по сути, являющимся во многом идеалистическими, они производят новые верования, но без присутствия Бога.

В области английской философии Айхенвальд обозначил свой взгляд на философию Г. Спенсера (Айхенвальд, 1896в, 1897в). Сильной стороной эволюционной философии и психологии является именно ее логика и стройность: «Система эволюционной философии ценна постольку, поскольку она является именно системой, и отдельные элементы ее, взятые в обособленности, не связанные друг с другом, теряют значение и смысл. Спенсера нельзя дробить <...>» (Айхенвальд,

1896в, с. 492). Именно это, по его мнению, и сделала Ю. Р. Гинджелл (?), издав «Афоризмы из сочинений Герберта Спенсера» (1896). «Сила Спенсера не в отдельных мыслях, не в изречениях, для которых у него нет и подходящего стиля, сжатого и картинного; сила его в логическом развитии идей, в плавном и пространном рассуждении, в примерах, почерпнутых из самых разнообразных областей человеческого знания» (Айхенвальд, 1896в, с. 493). В философии английского мыслителя Айхенвальда привлекает идея развития: то, какие именно изменения привнесла данная идея в биологию, психологию, социологию и этику.

Достаточно подробно Айхенвальд рассмотрел творчество датского философа С. Кьеркегора (1813–1855) в обзоре работы Х. Геффдинга «Серен Кьеркегор как философ» (Sören Kierkegaard als Philosoph, 1896). Кьеркегор развивал романтические и нравственные идеи в своей религиозной философии, его интересовала психологическая сторона человеческого бытия: «Не цельную философию хотел он дать своим прозелитам, а лишь психологическое и этическое введение к мировоззрению, или теорию мировоззрения. Он высказывался только о главном, а это главное и важное заключалось для него в религиозном и нравственном, в том, что затрагивает самые интимные стороны души» (Айхенвальд, 1897в, с. 785). Он отвергал точные знания, математику, эмпирику, какую-либо систематизацию в познании человека и бытия. «Всё познающее и все познаваемое находится в становлении; жизнь ни минуты не отдыхает, и мы должны понять ее ретроспективно и в то же время идти вместе с нею вперед» (там же, с. 786). Как нам представляется, фигура Кьеркегора заинтересовала Айхенвальда, так как философ развивал иррациональные идеи, его влек «парадокс» человеческой жизни, мышления и переживания, подобно философскому мировоззрению Шопенгауэра и Ницше.

Наиболее пристальное внимание Айхенвальд уделил российской философской и психологической мысли на рубеже XIX–XX вв. В обзоре сборника избранных стихотворений выдающихся русских поэтов XIX в. и критико-аналитических статей об их творчестве «Философские течения русской поэзии» (1896), составленного писателем и публицистом П. П. Перцовым (1868–1947), Айхенвальд обозначает метод философов и поэтов в познании мира и человека: «Несомненно, что мир, который рисуется в отвлеченной мысли философа, и мир, который блещет живыми красками в образах поэта, есть один и тот же мир; несомненно, что та же природа и жизнь говорят и сосредоточенному созерцанию пытливого ума, и чуткой впечатлительности воображения. И если поэт вдохновляет конкретное и единичное, если он находит красоту и величие в отдельном явлении и именно его воспроизводит в своем творчестве, то силой своего дара он нередко подмечает в частном тот самый смысл, который философ, благодаря глубине своей интуиции, видит в совокупности явлений, в мире как целом. Сознательно или бессознательно, но каждый истинный поэт носит в себе свою философию, не выраженную в логических формулах, не поддающуюся точному определению и подернутую дымкой индивидуального настроения» (Айхенвальд, 1896б, с. 485–486). Хотя и мыслитель, и поэт создают самостоятельные философские системы, однако эти системы совсем разные: в философии всегда есть преемственность, есть четкие понятия, проблемы и границы концепции; «в поэзии же царит, если и не полная, то во всяком случае гораздо большая самостоятельность, и влия-

ние поэтов друг на друга ограничивается преимущественно внешней формой» (там же). Данная попытка определить П. П. Перцовым и другими авторами философскую значимость и перспективу в творчестве А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, А. В. Кольцова, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Огарева, Ф. И. Тютчева, А. К. Толстого, А. А. Фета, Я. П. Полонского, А. Н. Майкова, А. Н. Апухтина и А. А. Голенищева-Кутузова оценивается Айхенвальдом положительно, но содержательно признается недостаточно успешной из-за претенциозности поставленной задачи и неглубокого анализа произведений некоторых поэтов.

В другой работе Айхенвальд полемизирует с идеями А. И. Введенского (1856–1925) о смысле жизни, изложенными им в работе «Условие допустимости веры в смысл жизни» (1896). По мнению А. И. Введенского, цель и смысл жизни (как и любого другого явления) должны находиться вне ее, возможным смыслом является бессмертие. Но так как бессмертие еще гносеологически неизвестно человеку, то ему остается только верить в него. Это религиозно-философская трактовка смысла жизни. В критике же Айхенвальда прослеживаются психологические рассуждения: он считает сравнение вещи и жизни недопустимым, а жизнь как законченное явление имеет своей целью саму себя, реализацию себя, поэтому и смысл жизни можно найти в самой же жизни (Айхенвальд, 1897а). Более того, если даже признать бессмертие как конечную цель жизни, то и само понятие бессмертия означает не выход жизни из себя, а бесконечно продолжающуюся жизнь. Вере в бессмертие Айхенвальд противопоставляет веру в общечеловеческие идеалы, в золотой век человечества, наконец, в счастье каждого конкретного человека как ядро смысла жизни. Айхенвальд развивает здесь некоторые феноменалистические и даже экзистенциальные идеи в философской антропологии и психологии.

Айхенвальд анализирует несколько работ — «Сумерки просвещения» (1899), «Литературные очерки» (1899), «Религия и культура» (1899), «Природа и история» (1900) — В. В. Розанова (1856–1919). Розанов видится ему противоречивой фигурой, но справедливо оцениваются его стремления к «живому» взгляду на философские и гуманитарные проблемы, отмечается его протест против механицизма, против «минерализации» духа: «Он страстно борется с попытками низвести человеческую душу к плоским и определенным очертаниям, к уровню механической причинности. Везде и всегда он говорит о человеке, как о бездонной глубине, в которой таятся бесчисленные задатки, предназначенные к осуществлению в вечности. Его постоянно интересует живая личность в полноте сокровенных движений ее сердца, в ее особой, ни на кого не похожей физиономии. Он восхищается человеческим лицом и душой, которая в своих тонких и неуловимых изгибах тяготеет ко всему мирозданию, чувствует в себе Бога и не растворяется в том, что можно измерить и вычислить» (Айхенвальд, 1900, с. 177). Однако недостатками учения Розанова Айхенвальд обозначает слабую приверженность нравственным принципам при обсуждении проблем этики, морали, свободы личности и народа. Как и в случае с Шопенгауэром, Ницше и Кьеркегором, при анализе творчества Розанова Айхенвальд уделяет внимание проблемам человеческого бытия, души и нравственности, которые рассматриваются с позиций «живой» философии, философии жизни, описательной психологии, феноменализма и эмпиризма.

В отклике на труд А. П. Нечаева (1870–1948) «Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения» (1901) Айхенвальд

критикует активно развивающееся на рубеже XIX–XX вв. направление — экспериментальную психологию. «Если психология вообще является наукой весьма неустойчивой и в некоторых частях далеко не разработанной, то ее ответвление, психология экспериментальная, делает первые шаги и еще менее своей метрополию богата прочными выводами и цельностью построений» (Айхенвальд, 1901б, с. 405). Педагогика, по его мнению, еще менее строгая и точная наука. Эти два обстоятельства ставят под вопрос надежность выводов, сделанных Нечаевым: «Вот почему книга г. Нечаева, посвященная вопросам экспериментальной психологии в их применении к вопросам педагогики и таким образом одно темное и неразработанное прилагающая к другому темному и неразработанному, — эта книга представляет собою, как выражается сам автор, „смелый шаг“, или, как выразились бы мы, шаг несвоевременный и поспешный» (там же, с. 405). На примере некоторых результатов исследований Нечаева Айхенвальд утверждает, что нередко эксперимент в психологии (именно в тот ранний для экспериментальной психологии период) занимается изучением и подтверждением общеизвестных фактов (например, о силе и слабости памяти, утомляемости и др.), направляет свое внимание на частные вопросы, не решающие фундаментальные проблемы психологии. Эксперимент и измерение должны опираться на философские принципы психологии.

Наконец Айхенвальд дает детальную оценку сборнику «Проблемы идеализма» (1902), вышедшему под редакцией российского правоведа и философа П. И. Новгородцева (1866–1924). В сборнике вопросы этики, морали и нравственности в различных областях гуманитарного знания обсуждаются выдающимися мыслителями той эпохи — С. Н. Булгаковым, Е. Н. Трубецким, П. Б. Струве, Н. А. Бердяевым, С. Л. Франком, С. Аскольдовым, С. Н. Трубецким, П. И. Новгородцевым, Б. А. Кистяковским, А. С. Лаппо-Данилевским, С. Ф. Ольденбургом, Д. Е. Жуковским. Айхенвальд достаточно критически отзывается как о самой идее сборника, так и об отдельных статьях авторов. Ученый сочувствует их религиозно-философским концепциям, тем не менее возмущается избыточным этическим и нравственным тоном сборника: «Высоко-нравственный дух <...> проникает книгу идеалистов. „Проблемы идеализма“, можно сказать, потонули в этике. На ее страницах рассыпано очень много порядочности, благородства, и теплятся возвышенные чувства. Но в ней гораздо больше ненужной моральной проповеди, чем строгого обоснования нравственности <...>. И потому избыток прекрасной морали, этот обильный и пышный расцвет теоретической добродетели в конце концов оставляет впечатление некоторой пресноты» (Айхенвальд, 1903, с. 354–355). Такое пристальное внимание авторов сборника к обозначенным вопросам объясняется Айхенвальдом их попыткой разрешить противоречия позитивизма, марксизма и русского религиозно-философского идеализма, которые вызывали не только философские, психологические и социологические, но и политические, общественные и гражданские проблемы. Как казалось Айхенвальду, он разгадал замысел исследователей: «„Проблемы идеализма“ победоносно борются с утилитарной моралью и одерживают верх над „субъективным методом“ русской социологии. Но эта мораль и этот фантастический метод философски очень не сильны, и победа над ними легка. „Проблемы идеализма“ хорошо показывают, что служение передовым гражданским идеалам и спиритуалистическое мировоззрение

вполне совместимы. Но кто знаком с историей философии, тот в этом никогда и не сомневался» (Айхенвальд, 1903, с. 356). Вероятно, Айхенвальд воспринимает жесткие рамки морали и нравственности, которые поставили авторы сборника, как ограничение для философско-психологической мысли и человеческой жизни.

В обзорах работ российских авторов Айхенвальд всегда очень развернуто выражал свое мнение. По нашему мнению, это связано с тем, что: 1) он был встроен в российский интеллектуальный контекст того времени, а значит, обсуждаемые вопросы касались его непосредственно и как человека, и как мыслителя, и как интеллектуала; 2) эту заочную одностороннюю полемику в своей критике Айхенвальд, возможно, хотел перевести в диалог, что, действительно, иногда происходило (см., например: Нечаев, 1901); 3) при обзоре зарубежных авторов, наоборот, отсутствовала возможность полемизировать, а также сами персоналии, к которым он обращался, уже были авторитетами.

Анализируя философско-психологические взгляды Айхенвальда, можно отметить, что рассмотренные работы огранично представляют позиции ученого, так как критические работы в основном направлены именно на автора и его труд и не всегда включают развернутую позицию критика, поэтому глубокое изучение требует обсуждения и других самостоятельных публикаций Айхенвальда. Тем не менее мы можем обозначить предварительные положения, касающиеся философско-психологических принципов, которых придерживался российский ученый.

1. Выбор персоналий и тем для подготовки критических обзоров, вероятно, обуславливался интересами Айхенвальда, важностью для него как философских и научных концепций исследователей, так и обсуждаемых ими проблем. Ученый больше всего внимания уделяет религиозной, иррациональной и экзистенциальной философии, философии жизни, религиозно-философской психологии. Наиболее высоко он оценивает творчество Шопенгауэра, Ницше, Кьеркегора, Спенсера, отдельные идеи Розанова. Проблемы, которые интересуют Айхенвальда, связаны с человеческим бытием, смыслом жизни, душой, религией, нравственностью, моралью и этикой, философией творчества и поэзии. Интерес к последнему у Айхенвальда в дальнейшем продолжился в работах по литературному и психологическому анализу творчества выдающихся писателей и поэтов.
2. Другим фактором, объясняющим выбор Айхенвальдом трудов для обзора, может выступить социально-исторический (или даже корпоративный): Айхенвальд публиковал статьи в журнале «Вопросы философии и психологии», который возглавляли ученые, во многом придерживающиеся религиозной философии и эмпирической психологии. Более того, Айхенвальд был и сотрудником этого издания. В журнале часто обсуждались именно религиозно-философские, идеалистические и эмпирические идеи.
3. В области философской и психологической критики личность и взгляды Айхенвальда раскрываются именно в тех работах, где он детально подходит к анализу взглядов автора. Более того, как можно предположить, он использует прием «чрезмерной критики», при которой позиция, высказанная автором, совсем опровергается и дается собственная исчерпывающая трактовка обсуждаемого вопроса. Это характеризует и индивидуальный научный

стиль Айхенвальда – вызывающий, провокативный, но обстоятельный, им подробно разбираются все факты и предлагается их обоснованное объяснение. Вероятно, в критических, полемических и дискуссионных статьях личность ученого, его индивидуально-стилистические особенности выражаются ярче всего, так как этот жанр предполагает большую свободу в построении статьи и выражение именно собственного мнения, а не сухой анализ.

Рассмотрение философско-психологических взглядов Айхенвальда представляется перспективным направлением исследования, так как интеллектуальный портрет персоналии, творчество которой находилось на пересечении многих наук, дисциплин и проблем (философия, психология, литература, история, педагогика, театр и др.), является также предметом и современного междисциплинарного изучения (история психологии, интеллектуальная история, историческая психология, психология творчества), что характеризует актуальные тенденции развития научного знания (Журавлев и др., 2017; Историческая преемственность..., 2019; Историческая психология..., 2020; и др.).

Литература

- А. Ю. Ch. Adam. La philosophie en France (première moitié du XIXe siècle) // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 3 (28). С. 369–372.*
- Айхенвальд Ю. И. И. Тэн. Французская философия первой половины XIX века // Вопросы философии и психологии. 1896а. Кн. 3 (33). С. 333–336.*
- Айхенвальд Ю. И. Философские течения русской поэзии / Сост. П. Перцов // Вопросы философии и психологии. 1896б. Кн. 4 (34). С. 485–491.*
- Айхенвальд Ю. И. Афоризмы из сочинений Герберта Спенсера. Извлечены и приведены в систему Ю. Р. Гинджелл // Вопросы философии и психологии. 1896в. Кн. 4 (34). С. 492–493.*
- Айхенвальд Ю. И. Александр Введенский. Условие допустимости веры в смысл жизни // Вопросы философии и психологии. 1897а. Кн. 1 (36). С. 167–170.*
- Айхенвальд Ю. И. Alois Riehl. Friedrich Nietzsche, der Künstler und der Denker // Вопросы философии и психологии. 1897б. Кн. 4 (39). С. 697–701.*
- Айхенвальд Ю. И. Frommans Klassiker der Philosophie: III) Sören Kierkegaard, von Harald Höffding mit einem Vorwort von Christoph Schrempf; IV) Rousseau und seine Philosophie, von Harald Höffding; V) Herbert Spencer, von Otto Gaupp. Stuttgart, 1896–1897 // Вопросы философии и психологии. 1897в. Кн. 5 (40). С. 784–793.*
- Айхенвальд Ю. И. В. В. Розанов. Сумерки просвещения. Сборник статей по вопросам образования. СПб., 1899. Литературные очерки. Сборник статей. СПб., 1899. Религия и культура. Сборник статей. СПб., 1899. Природа и история. Сборник статей. СПб., 1900 // Вопросы философии и психологии. 1900. Кн. 2 (52). С. 176–186.*
- Айхенвальд Ю. И. Johannes Volkelt. Arthur Schopenhauer. Seine Persönlichkeit, seine Lehre, sein Glaube. Mit Bildnis // Вопросы философии и психологии. 1901а. Кн. 2 (57). С. 151–160.*
- Айхенвальд Ю. И. А. П. Нечаев. Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения // Вопросы философии и психологии. 1901б. Кн. 4 (59). С. 403–416.*
- Айхенвальд Ю. И. Проблемы идеализма. Сборник статей под ред. П. И. Новгородцева // Вопросы философии и психологии. 1903. Кн. 2 (67). С. 333–356.*

- Алексеев А. А.* Литературно-критическая эссеистика Ю. И. Айхенвальда «Силуэты русских писателей»: Дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 2000.
- Алексеев А. А.* Художественная образность и ее роль для имманентного метода литературной критики Ю. И. Айхенвальда // Вестник Сургутского гос. пед. ун-та. 2014. № 5 (32). С. 68–72.
- Будилова Е. А.* Учение И. М. Сеченова об ощущении и мышлении. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
- Главацкий М. Е., Макаров В. Г.* «В целях пресечения злостной антисоветской деятельности?». Материалы следственного дела пассажира «философского парохода» Ю. И. Айхенвальда. 1922 г. // Исторический архив. 2004. № 1. С. 95–102.
- Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В., Головей Л. А.* Междисциплинарные исследования в психологии: история и современность // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 2700–2707.
- Зувев Д. В.* «Имманентная критика» Ю. И. Айхенвальда доэмигрантского периода: проблема писателя и читателя: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
- Историческая преемственность в отечественной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Харитоновна, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Историческая психология: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Харитоновна, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Каган Ю. М.* Айхенвальд Юлий Исаевич // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 27–28.
- Кольцова В. А.* Научная дискуссия как предмет системного исследования // Современная психология: состояние и перспективы: Тезисы докладов на юбилейной научной конференции Института психологии РАН, 28–29 января 2002 г. В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 45–48.
- Кольцова В. А., Олейник Ю. Н., Тугайбаева Б. Н.* Психология в России начала XX века (предреволюционный период) // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 10–48.
- Костригин А. А.* О дискуссии Н. Г. Чернышевского и П. Д. Юркевича («стены и мосты» в истории становления психологической науки в XIX в.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. «Познание». 2016. № 9–10 (60–61). С. 57–61.
- Костригин А. А., Стояхина Н. Ю.* Умозрительная и интроспективная психология в России в XIX–начале XX в.: определение понятий, границы направлений // Психология и психотехника. 2016. № 9 (96). С. 755–765.
- Кочергина И. В.* К вопросу об оценке русской революции в критике и публицистике Ю. И. Айхенвальда // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. Т. 11. № 3 (77). С. 25–30.
- Мурзина И. Я.* Творчество Ю. И. Айхенвальда в дооктябрьский период: особенности мировоззрения и литературной критики: Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1996.
- Нечаев А. П.* Ответ г. Айхенвальду // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 5 (60). С. 504–518.

- Полонский В. В. Айхенвальд Юлий Исаевич // Новая Российская энциклопедия. В 12 т. Т. 2 / Гл. ред. А. Д. Некипелов. М.: Энциклопедия—Инфра-М, 2005. С. 207–208.
- Психологическое общество // Вопросы философии и психологии. 1896. Кн. 1 (31). С. 68–71.
- Психологическое общество // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 2 (37). С. 361–388.
- Рейтблат А. И. «Подколотный эстет» с «мягкой душой и твердыми правилами»: Ю. Айхенвальд на родине и в эмиграции // Евреи в культуре русского зарубежья. Сб. статей, публикаций, мемуаров и эссе. Вып. 1. 1919–1939 / Сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1992. С. 35–54.
- Риппинг М. Литературная критика Ю. И. Айхенвальда периода эмиграции: Дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2003.
- Российское научное зарубежье: Материалы для библиографического словаря. Вып. 2: Психологические науки: XIX—первая половина XX в. / Авт.-сост. Н. Ю. Масоликова, М. Ю. Сорокина. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010.
- Тахо-годи Е. А. А. Ф. Лосев и Ю. И. Айхенвальд: к истории биографических и эстетических схождений // Вопросы философии. 2020. № 9. С. 150–165.

Philosophical-psychological literature through the eyes of Yu. I. Aykhenvald

A. A. Kostrigin

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow

The article examines the biography and scientific work of the literary critic Yu. I. Aykhenvald (1872–1928). The journalistic and critical works of the scientist are discussed, in which he reviews books on French, German, English, Danish and Russian philosophy and psychology, published at the turn of the XIX–XX centuries. The philosophical-psychological views of Aykhenvald are presented: the scientist's interests lie in the field of religious, irrational and existential philosophy, philosophy of life, religious-philosophical psychology and relate to the issues and problems of human existence, the meaning of life, soul, religion, morality and ethics, philosophy of creativity and poetry.

Keywords: history of psychology, pre-revolutionary Russian psychology, journalism, philosophical criticism, psychological criticism, Yu. I. Aykhenvald.

Анатолий Николаевич Лутошкин: жизнь увлеченного человека

О. В. Лунева

Московский гуманитарный университет, Москва, ovluneva@mail.ru

В статье представлена история жизни психолога, кандидата психологических наук А. Н. Лутошкина. Раскрываются основные направления его деятельности: педагогическая, научная, научно-практическая, организаторская. Рассматривается разработанный им комплекс методик для измерения эмоциональных характеристик группы и личности, включающий модификации традиционных методов и методы эмоционально-символической аналогии. Показано успешное применение этих методик в исследованиях школьных классов, объединений старшеклассников в летних и зимних школах актива, студенческих групп, производственных бригад. Раскрыта значимость включенного наблюдения в этих исследованиях, схема которого тщательно разрабатывалась. Отмечена способность А. Н. Лутошкина вовлекать окружающих в решение новых научных проблем, вдохновлять участников разных проектов и помогать им в достижении цели.

Ключевые слова: История социальной психологии, личность организатора, Лутошкин, методы изучения групповых эмоций, научное наследие, научно-практическая работа, организаторская деятельность, социальное воспитание, структура и развитие группы.

В Костроме с 3 по 5 марта 2020 г. состоялась Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Психология и педагогика социального воспитания». Она была посвящена 85-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Лутошкина.

Анатолий Николаевич Лутошкин прожил всего 44 года (1935–1979), но оказал на множество людей колоссальное воздействие, что отражено в их воспоминаниях (Анатолий Николаевич Лутошкин..., 2005). И каждая новая конференция, посвященная его памяти, отзывы в Интернете людей о его книгах, впечатления старшеклассников от пребывания в летнем лагере «Комсорг» показывают не угасающий интерес к его личности, идеям, работам и достижениям уже новых поколений. Важной частью истории А. Н. Лутошкина является то, что все его ближайшие ученики первого поколения (А. Г. Кирпичник, Н. М. Рассадин, В. Г. Асафов, В. П. Ижицкий, О. В. Лунева, Н. П. Смольянинова и мн. др. психологи и педагоги) остались в профессии и успешно продолжали и развивали научно-практические традиции, заложенные Анатолием Николаевичем Лутошкиным.

Мне как автору статьи очень повезло: А. Н. Лутошкин пригласил меня в этот круг, сложившийся вокруг него в Костроме. И сейчас я отчетливо понимаю огромную ценность для меня нашей совместной работы и смысл моего ученичества у Анатолия Николаевича и его учеников. Это он спроектировал главную, счастливую, траекторию моей профессиональной деятельности: практическая работа

с малыми группами, основанная на научных знаниях о внутригрупповом взаимодействии, о личности и группе, их совместном развитии. Термина «социально-психологический тренинг» в те времена еще не было.

Для педагогического сообщества, преподавателей вузов, руководителей организаций разного уровня, студентов разных поколений Костромской области, а также за ее пределами, имя Анатолия Николаевича стало легендарным. В Костромском государственном университете имени Н. А. Некрасова Ученым советом была учреждена научная премия А. Н. Лутошкина (1995), Администрация Костромской области также учредила премию по поддержке талантливой молодежи в сфере социально значимой и общественной деятельности имени Анатолия Николаевича Лутошкина (2010, постановление № 122), лагерь старшеклассников Костромской области носит его имя, на аллее знатных костромичей стоит посвященный ему стенд.

Цель данной публикации — раскрыть некоторые стороны научной и практической деятельности Анатолия Николаевича Лутошкина, представить личность ученого, психолога, педагога, организатора и человека, наделенного многими талантами, но верного своей психолого-педагогической деятельности. Информация о нем в статье представляется в следующей последовательности: краткая биография, научное наследие, научно-практическая и организаторская деятельность. Однако опыт описания жизнедеятельности Анатолия Николаевича показал невозможность четкого выделения конкретных направлений: они тесно взаимосвязаны, поскольку в каждом из условно выделенных направлений проявлялась его яркая индивидуальность.

Краткая биография. Анатолий Николаевич Лутошкин родился 5 марта 1935 в Приморском крае в семье военнослужащего, в которой было четверо детей: два сына и две дочери. Среднюю школу Анатолий Николаевич закончил в 1953 г. в г. Молотове (с 1957 г. — Пермь). Уже в школе будущий психолог проявлял организаторские способности. Он дважды был избран комсоргом школы. В 1953 г. его семья обосновалась на постоянное жительство в Калининграде, и Анатолий Николаевич поступил в Калининградский государственный педагогический институт на историко-филологический факультет, на специальность «Преподаватель русского языка и литературы».

Еще будучи студентом, как отмечают его сокурсники, он был невероятно активен и умел увлекать своими идеями и действиями окружающих. Видимо, поэтому он, студент второго курса, был избран секретарем Центрального райкома ВЛКСМ города Калининграда (1955—1957). В последующие три года (1957—1960) А. Н. Лутошкин работал в областном комитете ВЛКСМ инструктором отдела комсомольских организаций, пропаганды и агитации, а затем заместителем заведующего отделом учащейся молодежи и пионеров. На последних курсах обучения в институте он перешел на заочную форму обучения. После окончания института, с 1960 по 1965 г. Анатолий Николаевич преподавал в нем, работая на кафедре педагогики и психологии ассистентом и старшим преподавателем (см.: Калининградский государственный архив).

В 1966 г. он переехал в Курск, где стал старшим преподавателем, а затем и. о. доцента Курского государственного педагогического института. В этот же период он поступил в аспирантуру кафедры психологии и педагогики. Его научным

руководителем был Лев Ильич Уманский, ставший доктором психологических наук в 1967 г. Их объединили научный интерес к психологии группы, организаторской деятельности, а также дружеские отношения, продлившиеся до конца жизни Анатолия Николаевича. В Курске под руководством Л. И. Уманского он стал участником разработки научного подхода к пониманию структуры, содержания, деятельности и развития контактной группы. Начался этот проект в 1960-е годы в Курске, еще до окончательного оформления научных представлений о группе и коллективе отечественными исследователями. А. Н. Лутошкин выбрал для своей научной работы эмоциональную сферу. В 1969 г. ему присвоили ученую степень кандидата психологических наук после защиты диссертации «Исследование эмоциональных состояний группы школьников».

В курский период жизни Анатолий Николаевич был одним из авторов-разработчиков критериев диагностики активности группы как коллектива. В том же году была представлена более подробная «Карта-схема психолого-педагогической характеристики школьной группы» (Л. И. Уманский, И. А. Френкель, А. Н. Лутошкин, А. С. Чернышев, С. И. Шапиро, Л. Ф. Спирин, Л. И. Акатов и др.). Из этих первых набросков о структуре и характеристиках группы в дальнейшем усилиями социально-психологических лабораторий Курского и Костромского государственных педагогических институтов, руководимых Л. И. Уманским, сформировалась концепция, известная в современной социальной психологии как «Параметрическая теория малой группы». Некоторые авторы называют ее структурно-функциональной.

В 1972 г. Анатолия Николаевича пригласили в Кострому возглавить историко-педагогический факультет Костромского государственного педагогического института имени Н. А. Некрасова. Семь последних лет, прожитых в Костроме (он умер 20 ноября 1979 г.), были, пожалуй, самым плодотворным периодом его жизни. Полный список публикаций А. Н. Лутошкина включает 90 позиций. В Костроме он написал свои основные книги. Анатолий Николаевич стал создателем, организатором и вдохновителем соединения психолого-педагогических знаний с практикой реальной работы с группами разного типа. Ему удалось увлечь научно-практическим творчеством преподавателей, научных работников, аспирантов, студентов, школьных учителей, сотрудников промышленных предприятий и многих других людей, связанных с организаторской деятельностью на разных уровнях.

Научное наследие

Анализ научного наследия А. Н. Лутошкина показывает, что сформулированные им проблемы и направления исследований в области развития личности и коллектива, ракурс рассматриваемых категорий актуальны и для настоящего времени. В предметном поле социогуманитарных наук, в теории и практике социального воспитания появились новая терминология, новые цели, задачи и вызовы, но совершенно не устарела проблематика, которой он посвятил свою профессиональную жизнь.

Анатолий Николаевич внес серьезный вклад в развитие отечественной социальной психологии. Переехав в Кострому в сентябре 1972 г., работая над докторской диссертацией, он продолжил исследования эмоциональной сферы группы

и личности, начатые им в Курском государственном педагогическом институте. Несмотря на наличие у А. Н. Лутошкина разнообразных интересов и достижений в области социальной психологии, практике социального воспитания, популяризации научных идей, главным и любимым, на мой взгляд, вектором его творчества было изучение и научное осмысления эмоциональной жизни личности и группы. Предпочтение этого выбора можно объяснить тем, что сам он был очень эмоциональным человеком, глубоко чувствовал и понимал значимость эмоций в жизни человека и группы, ценил и уважал чувства других людей. Он понимал, что эмоции имеют широчайшую палитру проявлений и что их очень сложно изучать. Но трудности изучения эмоциональной сферы не пугали Анатолия Николаевича, а только раззадоривали его, создавая драйв, повышая мотивацию достижения цели. Он любил формулировать задачи-вызовы в разных сферах деятельности, вовлекая, вдохновляя и организовывая своих учеников и единомышленников на решение этих задач. Его важной характеристикой являлось то, что он практически все теоретические формулировки подкреплял примерами из практики, а также очень удачно придумывал метафоры для обозначения социально-психологических явлений. Например, назвал и описал содержание этапов развития коллектива: от «песчаной россыпи» до «горящего факела». Эти названия и сейчас используется в работе не только с подростками, но и со взрослыми. Этот дар позволил А. Н. Лутошкину написать замечательные научно-популярные книги об организаторской деятельности и работе с контактными группами.

В 1973 г. в Костромской педагогический институт имени Н. А. Некрасова приехал работать из Курска доктор психологических наук, научный руководитель А. Н. Лутошкина, – Лев Ильич Уманский. Вместе они создали межкафедральную социально-психологическую лабораторию. Она объединяла на добровольных началах всех желающих заниматься социальной психологией, которые тоже активно включились в исследовательскую практику. В 1975 г. Костромской государственной педагогический институт имени Н. А. Некрасова заключил первый научно-исследовательский договор со старейшим костромским Лынообъединением им. И. Д. Зворыкина. Это произошло, благодаря значительным усилиям проректора по научной работе Б. М. Левина, доктора экономических наук, социолога, имевшего опыт проведения социологических исследований по заданию Костромского обкома КПСС. Предприятие, где предстояло проводить исследование, было самым крупным в СССР по выпуску льняных тканей. Получение льна высокого качества осуществлялось на основе использования трудоемкой технологии «мокрого прядения». Лаборатория получила финансирование и две ставки штатных научных сотрудников (О. В. Лунева, В. П. Мамеева). Преподаватели кафедры психологии, руководимой Л. И. Уманским, также участвовали в этом проекте (В. С. Сапоровский, И. М. Чернышева, С. И. Жигулев, Е. М. Зайцева, А. Г. Кирпичник, Т. Л. Крюкова, В. И. Кашницкий и др.). А. Н. Лутошкин получил возможность проводить исследования с использованием своих методик на промышленном предприятии. Как участник этого проекта подтверждаю, что прядильщицы и другие сотрудники этого производства с большим интересом отнеслись к нашей работе. Была проведена апробация методик, разработанных Анатолием Николаевичем, показана эффективность их использования в исследовании разновозрастных трудовых коллективов (Лутошкин, 1977). В дальнейшем подобные

социально-психологические исследования стали проводиться и на других предприятиях Костромы и области.

А. Н. Лутошкин являлся не только теоретиком в сфере изучения коллектива и организаторских способностей. Он очень успешно проявлял эти способности и знания в практике повседневной и профессиональной жизни, умея понять, поддерживать, организовать как отдельных людей, так и группы. Так, 27–29 сентября 1978 г. в Костроме проводился первый Всесоюзный симпозиум «Психология первичных коллективов». Для участия в нем приехало значительное количество психологов со всей страны. К подготовке симпозиума были привлечены студенты, аспиранты, преподаватели, сотрудники кафедры психологии. При поддержке Обкома КПСС главными организаторами симпозиума были Л. И. Уманский и А. Н. Лутошкин. Симпозиум прошел успешно. В этом была большая личная заслуга Анатолия Николаевича, умело распределившего роли и задания, продумавшего все детали и создавшего сплоченную команду организаторов, которую сейчас бы назвали волонтерской проектной группой.

К основным *научным категориям*, которые разрабатывал Анатолий Николаевич, можно отнести *эмоции личности и группы, эмоциональные потенциалы коллектива, эмоциональные состояния личности и группы, самочувствие личности в коллективе, психологическую атмосферу, психологический климат коллектива*. В данной статье использованы материалы двух его итоговых работ. Первая публикация — большая статья «Эмоциональные потенциалы первичного коллектива», занимающая основной объем межвузовского сборника научных трудов «Эмоциональные потенциалы коллектива». Он был издан в 1977 г. двумя вузами: Костромским государственным педагогическим институтом имени Н. А. Некрасова и Ярославским государственным педагогическим институтом имени К. Д. Ушинского (Лутошкин, 1977). В этом же сборнике были представлены статьи учеников и коллег А. Н. Лутошкина (К. Д. Радина, О. В. Лунева, Б. Г. Гиндис, А. Г. Кирпичник, Е. М. Зайцева). Вторая работа Анатолия Николаевича — монография «Эмоциональные потенциалы коллектива» — была издана уже после его смерти в 1988 г. (Лутошкин, 1988). Ее научным редактором стал доктор психологических наук Р. С. Немов. Монография была подготовлена на основе материалов докторской диссертации А. Н. Лутошкина, над которой он работал в последние годы своей жизни, но не успел защитить.

Эмоциональные потенциалы — ресурсы (возможности), заложенные в эмоциональных состояниях людей. Согласно точке зрения Анатолия Николаевича, все контактные группы обладают своими *эмоциональными потенциалами*. Они создают, активируют и воспроизводят *жизненную энергию*, которая в определенных условиях способна значительно повышать активность личности и всего коллектива (Лутошкин, 1977, 1988; и др.). Их раскрытие, реализация являются важнейшими в практике работы с первичными коллективами. А. Н. Лутошкин полагал, что не менее важно — формировать такие потенциалы, сознательно их конструировать через создание определенных условий и воздействия на коллектив.

Как же возникают, из чего образуются *эмоциональные потенциалы*, способствующие повышению активности личности и группы, дающие им жизненную энергию, усиливающие поведенческую мотивацию? В эмпирических исследованиях, включавших значительный набор методических средств и большое ко-

личество участников, Анатолием Николаевичем были выделены приведенные выше и кратко представленные далее эмоциональные явления, формирующие *эмоциональные потенциалы коллектива*.

Эмоциональные состояния личности и группы, по мнению А. Л. Лутошкина, являются ситуативными. Они отражают отношение личности и группы к различным значимым для них явлениям. Именно они реализуют и вновь создают внутренние запасы жизненной энергии группы (Лутошкин, 1977, 1988; и др.). Анатолий Николаевич считал, что ситуативные эмоциональные состояния личности и группы возникают не только как спонтанная реакция на внешние актуальные обстоятельства, но они в значительной степени детерминированы социально-психологическим климатом, отражающим ценностно-нравственные ориентиры отношения личности и группы к событиям повседневной жизни, а также отношение членов группы к себе и друг другу.

Самочувствие личности в коллективе — преобладающее эмоциональное состояние в течение более или менее длительного периода (недели, месяцы). Самочувствие детерминруется всей совокупностью обстоятельств жизнедеятельности коллектива и степенью удовлетворенности личности отношениями в группе и своим местом в системе этих отношений.

Психологическая атмосфера — эмоциональное состояние коллектива, наполняющее пространство совместной деятельности, переживаемое и осознаваемое всеми участниками этой деятельности. Это состояние продолжается в сравнительно короткий отрезок времени: период совместного дела, рабочий день. Психологическую атмосферу создают преобладающие эмоциональные состояния членов группы. Эмпирически атмосфера складывается из настроения отдельной личности и настроения всей группы в этот период. При диагностике психологическая атмосфера сопоставляется с результатами включенного наблюдения за реальным поведением членов группы и их письменным самоанализом в индивидуальных дневниках. Степень совпадения настроения группы в целом и отдельных ее членов может быть различной, отражая групповые и личностные детерминанты эмоциональных состояний.

Психологический климат коллектива А. Л. Лутошкин рассматривал как относительно устойчивый настрой коллектива, совокупность эмоциональных состояний, в которых отражается характер делового сотрудничества, личных взаимоотношений и отношений членов коллектива к значимым явлениям окружающей жизни. Психологический климат, являясь относительно устойчивым образованием, выполняет важную функцию: обладая способностью к сохранению запаса эмоциональной энергии, он рассматривается в качестве своеобразной «кладовой», главного «хранителя» эмоциональных потенциалов коллектива малых групп, коллективов разного уровня развития и типа. Анатолий Николаевич подчеркивал, что для характеристики психологического климата важно не только то, какие события отражаются в эмоциональных состояниях людей, но и то, содержат ли эти состояния *потенциал активности*.

Представляется очень важной позиция Анатолия Николаевича, предостерегающая при изучении эмоциональных потенциалов коллектива давать оценку психологическому климату лишь по *тональности* представленных в коллективе *эмоциональных явлений*. Необходимо, считал он, раскрывать содержательную сто-

рону социальной жизни коллектива. Важно учитывать, какие *нравственно-ценные явления* жизни отражаются во всех видах эмоциональных переживаний (Лутошкин, 1977; Лунева, 2020).

В подготовленной докторской диссертации А. Н. Лутошкин, рассуждая о трудностях исследования групповых эмоций, писал о методических проблемах измерения социально-психологических явлений, которые остаются нерешенными и по сей день (см. об этом, например: Журавлев, Китова, 2020; Купрейченко, Журавлев, 2012; и др.). Не имея возможности в формате данной публикации подробно рассматривать эти проблемы, остановимся на одной из них.

Так, работая над докторской диссертацией и разрабатывая программу эмпирического исследования, он пытался преодолеть методические трудности изучения групповых эмоциональных феноменов. Анатолий Николаевич полагал, что традиционное их описание через объединение элементарных количественных показателей путем суммирования индивидуальных признаков, не всегда соответствует принципу системного исследования и не раскрывает реальной сути изучаемого явления, а кроме того, способствует разрушению целостности самого изучаемого феномена. Так, анализируя процедуры квантификации, превращающие качественные показатели в количественные, он подвергал сомнению их обоснованность. А. Н. Лутошкин, называя сложнейшим вопрос о соотношении индивидуального и группового в социально-психологическом исследовании, считал, что социально-психологические явления недостаточно «подготовлены» для квантификации не только из-за большого количества самих переменных, а из-за их нестабильности и подверженности влиянию внутригрупповых и внешних факторов. Поэтому он использовал математико-статистические процедуры «в пределах возможности и целесообразности», объясняя эту осторожность тем, что сам предмет — эмоциональные состояния — слишком сложен для формализации и операционализации.

Анатолий Николаевич пытался решить эту проблему за счет разработки новых подходов к исследованию целостных объектов и использования математических процедур. Проведя огромную работу по организации и проведению эмпирических исследований, он признавал, что целый ряд задач так и не удалось решить на основе существующих в то время знаний в этой области (там же, с. 12).

Тем не менее вопреки очевидным трудностям ему удалось создать методический комплекс, включающий как известные, так и модифицированные им диагностические методы, методики и приемы, а также и оригинальные, авторские разработки. Методики, созданные А. Н. Лутошкиным, были направлены на решение разных задач. Но можно выделить две основные: сбор эмпирических данных и развитие личности и групп, участвующих в этом процессе. В одних ситуациях участники дел, событий подводились исследователями-соучастниками к осознанию своих эмоциональных состояний, анализу групповых переживаний, в других — начинали публично размышлять, дискутировать о том, как в их группе, классе, бригаде, отряде складываются отношения, чем характеризуется их внутригрупповое и межгрупповое взаимодействие, кто и как оказывает влияние на участников группы в разные периоды их жизнедеятельности, какие у группы цели и что им всем вместе надо преодолеть, чтобы идти вперед и развиваться.

Методы сбора эмпирических данных, разработанные Анатолием Николаевичем, базировались на серьезных теоретических основаниях, имеющих свою историю развития, будь то психология цвета или музыки, психология отношений, взаимодействия, личности и группы. В этой сфере он реализовал свое замечательное, творческое пристрастие к разработке эмоционально-символических аналогий, их визуализации. И делал он это с большим удовольствием.

К этой группе оригинальных методик, разработанных А. Н. Лутошкиным, можно отнести следующие: «Цветопись» (Лутошкин, 1979), «Тон-методика», «Рисовально-символическая методика», описание этапов развития коллектива с помощью как визуальной, так и словесной формы от «Песчаной россыпи» до «Горящего факела» (Лутошкин, 1978, 1981, 1986), картина-схема «Психологический климат группы», сценарии «эмоциональных ситуаций», «Маятник эмоциональных состояний», фрагменты фильмов (видеоролики), специально подобранные песни для процедуры оценки их эмоционального влияния на группы и личность, рисуночное описание лидерства, методика измерения психологического климата коллектива и др.

Кроме того, А. Н. Лутошкиным были разработаны и созданы под его руководством прибор «Групповой ритмограф» для фиксации эмоциональных состояний группы, оригинальные методики для естественных и лабораторных экспериментов, программы наблюдения (в том числе включенного) и многие другие, направленные на социально-психологическую диагностику характеристик группы по заданным параметрам.

Анатолий Николаевич щедро делился своими идеями, перспективами изучения социально-психологических явлений, стремясь всем помочь найти свое место в науке. Примером может быть история появления одной из методик. Мы, группа учеников А. Н. Лутошкина, обсуждали работу нашей коллеги, аспирантки Е. М. Зайцевой о лидерстве в коллективах старшеклассников. Проблема заключалась в том, что существующие в то время методики не были адаптированы для нашей выборки. Дискуссия зашла в тупик, и мы приуныли. А наш шеф нам не помогал, а что-то рисовал, улыбаясь, на листке бумаги. А потом, оглядев нас озорно и весело и сказав: «А вот, что я предлагаю», он показал нам рисунок. На нем было изображено недошитое пальто на манекене и набор компонентов для завершения модели (карманы, пуговицы, застежки, хлястики и т. п.). Анатолий Николаевич предложил каждому компоненту придать значение, соответствующее параметрам группы и сфер, в которых каждый тип лидерства проявляется. А процедуру выбора и добавления компонентов разного количества и значения к шаблону пальто сделать основой диагностики. Е. М. Зайцева на основе этой идеи разработала методику диагностики типов лидерства и провела интересные исследования, результаты которых представлены в ее статье в сборнике научных трудов (Зайцева, 1977).

В исследовании разных групп использовались и такие методики, как сочинения на темы: «Я и мой класс (отряд, группа, бригада)», «Кто есть кто», «Расскажи мне о себе». Сочинение «Я и мой класс» написало около 3000 школьников из разных городских и сельских школ Костромской области. Эти сочинения были поводом для проведения в школах, управленческих образовательных структурах и Костромском государственном педагогическом институте имени Н. А. Некра-

сова обсуждений проблем школьных коллективов, анализа самочувствия учеников в школе и классе и т. п. В докторской диссертации Анатолия Николаевича были представлены результаты контент-анализа 480 сочинений.

Это были настоящие социально-психологические исследования, но для участников, которые становились не объектами исследования, а субъектами, это действо было интересным, креативным и значимым. И это было не развлечением, а работой души и интеллекта, работой личности. По замыслу организаторов значительная часть социально-психологических исследований проводилась в форме естественного эксперимента (подробнее о методе см.: Социальная психология, 2002; и др.). Всем, взрослым и школьникам, хотелось участвовать в этом процессе. Не требовалось никаких уговоров, просьб, призывов участвовать в исследовании. Оно встраивалось в естественное течение жизни обследуемых. В институтах, школах и лагерях актива это была, говоря научным языком, специальным образом организованная совместная деятельность. А на производстве проводилось включенное наблюдение, осуществлялись краткие контакты работников с исследователями. Удачным временем для сбора научной информации являлись и возникавшие периодически вынужденные перерывы (проблемы с поступлением сырья, ремонт оборудования и т. п.). Кроме того, для решения задач исследования осуществлялись поездки на экскурсии, выезды на природу, которые планировались с возможностью проведения групповых дискуссий, выполнения различных групповых заданий, использования аппаратурных методик. И конечно, Анатолий Николаевич в разработанные им методики вложил свой талант, сделав их психологическим ключом для участников исследования: ключом к себе, к другим, к отношениям и взаимодействию, к решению проблем совместной деятельности и организаторской работы. В работах А. Н. Лутошкина описано большинство используемых им методик (Лутошкин, 1977, 1978, 1979, 1988 и др.).

Традиционные методы (наблюдение, опрос, анкетирование, анализ продуктов деятельности и т. д.) Анатолий Николаевич наполнял привлекательностью, которая обеспечивалась форматом и местом проведения, вовлечением участников исследования в научный поиск, грамотно написанной и озвученной инструкцией, схем наблюдения, прописанных до мелких деталей. Можно сказать, что получаемые таким образом эмпирические данные по своим качествам соответствовали требованиям диагностики и в совокупности максимально возможно отражали реальную жизнь малых групп, ее измеряемые характеристики. Эти требования далеко не всегда удовлетворяются в современных исследованиях в социальных сетях (подробнее см., например: Психологические исследования..., 2020; и др.).

Возникает вопрос, кто же проводил эти исследования, включающие десятки сотен людей? Их проводили студенты, учителя, аспиранты, научные сотрудники и молодые преподаватели. Едва начав работать в Костромском педагогическом институте осенью 1972 г., Анатолий Николаевич отобрал лучших студентов историко-педагогического факультета и занялся их обучением, подготовкой квалифицированных кадров для работы в областном лагере комсомольского актива «Комсорг». Такой лагерь уже был в Курской области, и Анатолий Николаевич добился открытия лагеря под Костромой уже летом 1973 г. Студенты историко-педагогического факультета стали проходить практику и стажировки во Всесоюзном лагере «Орленок». На самом историко-педагогическом факультете обно-

вились учебные программы, появились новые дисциплины психологического, социально-психологического содержания, современной педагогики, направленной на развитие личности и способностей школьников через организацию жизни детских коллективов. Студенты, прошедшие школу Анатолия Николаевича (в отряде «Товарищ»), учили своих младших товарищей. В процесс обучения и в новую деятельность А. Н. Лутошкин вовлек множество людей. Были организованы десанты специалистов в сельские школы Костромской области, призванные помочь местным администрациям, руководителям школ, вожатым, комсомольскому активу по-новому строить свою работу с молодежью. «Комсорг» стал очень значимым явлением, совмещавшим традиции работы с временными коллективами с экспериментом, внедрением научных знаний управления, лидерства и руководства в повседневную жизнь отрядов и лагеря в целом. В течение всей смены каждый сотрудник лагеря (методисты, инструкторы) вели свои собственные исследования по выбранным ими темам социальной психологии. Большая работа инструкторов отрядов (там не было воспитателей и вожатых) отражалась в ежедневном заполнении «Дневника инструктора». По сути, это были социально-психологические исследования временных коллективов методами экспертного и включенного наблюдения. Эти дневники являлись важным инструментом сбора и анализа научной информации, отражая процессы, возникающие во временных объединениях. Сотрудники психологической службы анализировали записи, обсуждали с каждым инструктором все аспекты его работы с отрядом. С учетом множества данных, включая дневники, осуществлялось планирование, корректировка и анализ содержания деятельности лагеря и отрядов, работы организаторов. В конце смены традиционно проводилась научная конференция, на которую приглашались научные сотрудники, преподаватели, аспиранты кафедры социальной психологии МГУ, научных институтов Академии педагогических наук и др. Участниками проектов А. Н. Лутошкина были Б. З. Вульф, Р. С. Немов, А. В. Мудрик, которые в дальнейшем, после ухода Анатолия Николаевича, редактировали новые издания его книг и помогли реализации в научной сфере его ученикам. В дальнейшем у некоторых участников конференции темы докладов становились темами кандидатских диссертаций. Было все организовано так, что все, кто работал под руководством А. Н. Лутошкина, получали бесценный опыт и потребность в непрерывном развитии. В этом лагере впервые в стране была создана «Служба настроя», которая потом стала Психологической службой с расширенными функциями. Автору этой статьи было доверено руководство этой структурой. А опыт организации и работы психологической службы был использован многими лагерями для старшеклассников.

Анатолий Николаевич много сделал за свою короткую жизнь. Будучи незаурядным человеком, он был наделен многими талантами. Он был успешным организатором, руководителем, очень опытным и профессиональным, в меру строгим и справедливым, а главной его радостью было восхищение вовлеченностью окружающих его людей в научно-практическую деятельность и видение результатов своей работы. А. Н. Лутошкин очень любил психологию, понимал ее важность для жизни каждого человека. Он хотел, чтобы все ее ценили и изучали. Кроме того, он играл на баяне, сочинял музыку, песни на свои стихи, дружил с известными поэтами-песенниками и композиторами (Н. Добронравов, А. Пах-

мутова, Я. Френкель и др.). Эти песни были у студентов и комсоров очень популярны. Но сам Анатолий Николаевич к ним серьезно не относился, иронизировал, что у него нет музыкального образования, не издавал сборников песен. Это сделали его ученики.

В 1979 г. А. Н. Лутошкин вместе с Л. И. Уманским получил премию Ленинского комсомола, престижную в те времена. Она была дана им за цикл работ в области воспитания молодежи.

Развитие традиций и идей А. Н. Лутошкина продолжают его ученики, ученики учеников нескольких поколений. Современные студенты также хранят традиции факультета, созданные при участии Анатолия Николаевича. Уже почти полвека работают лагеря «Комсорг» (их стало несколько) и появился младший брат «Комсорга» — лагерь «Соколенок». Он также работает несколько десятилетий. Проводятся конференции, посвященные памяти А. Н. Лутошкина, издаются их научные труды. В 2011 г. был издан сборник, в который вошли работы его учеников и продолжателей его дела (Психология малой группы..., 2011). Конечно, радует то, что он и представить себе не мог: интернет-поисковики выдают от 11 до 32 млн и более ссылок при наборе его имени, названий публикаций и методик. Возникло огромное количество модификаций «Цветописи». Очень популярной в работе с разными группами стала придуманная Анатолием Николаевичем аналого-символическая модель развития коллектива. Современные читатели его книги «Как вести за собой: старшеклассникам об основах организаторской деятельности» (37 млн ссылок) оставляют восхищенные отзывы. На YouTube разные исполнители поют его песни в оригинальных аранжировках. Особенно щемящие чувства теперь вызывает его песня «Я оставляю вам на память».

Публикации А. Н. Лутошкина о развитии организаторских способностей и о работе с коллективами старшеклассников изучаются в педагогических вузах страны. Однако обзор современных научных работ по социальной психологии личности и групп показывает явную недостаточность исследований по проблемам эмоциональной сферы группы. В книге «Эмоциональные потенциалы коллектива», подаренной ученикам, Анатолий Николаевич написал: «С надеждой, что коллектив мы все же совместно распотенцируем». Очень хочется верить, что изучение эмоциональных характеристик группы возобновится с новой силой на уровне современных научных и социально-экономических возможностей.

Литература

Анатолий Николаевич Лутошкин: его жизнь, работа, идеи в воспоминаниях коллег, друзей, учеников / Сост. и ред. А. Г. Кирпичник. Кострома: Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2005.

Анатолий Лутошкин и его яркая жизнь. Государственный архив Калининградской области. URL: https://vk.com/wall-172721239_2991 (дата обращения 11.05.2021).

Журавлев А. Л., Китова Д. А. Эмоционально-детерминированные особенности отношения к детям пользователей социальной сети Twitter // Психология и педагогика социального воспитания. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 85-летию со дня рожде-

- ния А. Н. Лутошкина / Под ред. А. Г. Кирпичника, А. Г. Самохваловой. Кострома, 2020. С. 253–258.
- Зайцева Е. М.* Опыт применения рисовально-символической методики в изучении лидерства // Эмоциональные потенциалы коллектива: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 50. Ярославль: Костромской гос. пед. институт им. Н. А. Некрасова–Ярославский гос. пед. институт им. К. Д. Ушинского, 1977. С. 124–129. Калининградский государственный архив. URL: https://vk.com/wall-172721239_2991.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Парадигмальные изменения в психологических исследованиях личности и группы // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. В. Корниловой, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 217–239.
- Лутошкин А. Н.* Эмоциональные потенциалы первичного коллектива // Эмоциональные потенциалы коллектива: Межвузовский сборник научных трудов. Костромской гос. пед. институт им. Н. А. Некрасова, Ярославский гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского. Ярославль, 1977. Вып. 50. С. 7–95.
- Лутошкин А. Н.* Методика эмоционально-символической аналогии в практической диагностике уровней развития коллектива // Педагогические аспекты социальной психологии: тезисы докладов научно-теоретической конференции. Минск, 1978. С. 34–35.
- Лутошкин А. Н.* «Цветопись» как прием эмпирического изучения психологического климата коллектива // Социально-психологический климат коллектива: теория и методы изучения. М.: Наука, 1979. С. 162–175.
- Лутошкин А. Н.* Как вести за собой: старшеклассникам об основах организаторской работы / Ред. Б. З. Вульф. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1986.
- Лутошкин А. Н.* Эмоциональные потенциалы коллектива / Науч. ред. Р. С. Немов. М.: Педагогика, 1988.
- Лунева О. В.* О научном наследии А. Н. Лутошкина // Психология и педагогика социального воспитания. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 85-летию со дня рождения А. Н. Лутошкина / Под ред. А. Г. Кирпичника, А. Г. Самохваловой. Кострома, 2020. С. 11–15.
- Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Психология малой группы: структура, динамика, организация. Сборник научных трудов / Сост. и ред. И. Г. Самойлова. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011.
- Социальная психология: Учебное пособие / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Пер Сэ, 2002.

Anatoly Lutoshkin: zest for life

O. V. Luneva

Moscow University for the Humanities

The article presents the life story of the psychologist, Candidate of Psychological Sciences A. N. Lutoshkin in Kostroma. The main directions of its activity are revealed: pedagogical, scientific, scientific-practical, organizational. The author considers a set of methods devel-

oped by him for measuring the emotional characteristics of a group and a person, including modifications of traditional methods and methods of emotional-symbolic analogy. The successful application of these methods in the research of school classes, production groups, groups of high school students in summer schools of the asset is shown. A particularly significant role in these studies was assigned to the included observation, the scheme of which was carefully developed. The observers had different tasks, combining the roles of participants and experts. The bright personality and creativity of A. N. Lutoshkin, his ability to involve others in solving new scientific problems, to inspire and help, are noted.

Keywords: Lutoshkin, history of social psychology, scientific heritage, methods of studying group emotions, structure and development of a group, the personality of the organizer, scientific and practical work, organizational activity, social education.

К. К. Платонов в истории авиационной психологии

Н. Д. Лысаков, Е. Н. Лысакова

*Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет), lyssakov@mail.ru*

Данная статья посвящена обоснованию роли Константина Константиновича Платонова в истории авиационной психологии. Авторы провели анализ содержания его основных трудов, изданных в разные периоды научного творчества. В истории авиационной психологии К. К. Платонов стал создателем первой научной школы, достижения которой имеют актуальность и в настоящее время. Под руководством К. К. Платонова успешно разрабатывались вопросы объективных методов изучения психологии курсантов и летчиков, классификации профессионально важных качеств авиаторов, психолого-педагогической сущности тренажерной подготовки летного состава, личностно ориентированного подхода в летном обучении, периодизации истории авиационной психологии.

Ключевые слова: авиационная психология, летное обучение, тренажерная подготовка, история авиационной психологии, психологический отбор, компьютерные технологии, профессионализм.

Константин Константинович Платонов (7.06.1906.—5.09.1984) — Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор медицинских наук (1954), доктор психологических наук (1972), профессор, полковник медицинской службы (подробнее о нем см.: Глоточкин и др., 2005; Кольцова, Журавлев, 2020; и др.).

К. К. Платонов — ветеран Великой Отечественной войны. В строевых частях действующей армии проходил службу с 1943 г. В составе 16-й Воздушной армии в должности армейского невропатолога дошел до Берлина. Ряд его трудов пере-

веден на иностранные языки. К. К. Платонов вел активную работу по подготовке молодых ученых. Десятки соискателей под его руководством успешно защитили кандидатские и докторские диссертации. Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Боевого Красного Знамени, орденами Отечественной войны I и II степени, медалями «За победу над Германией», «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы» и мн. др.

Цель данного исследования – обоснование роли К. К. Платонова в истории авиационной психологии путем анализа основных трудов, созданных Платоновым лично и в соавторстве в разные периоды научного творчества.

Благодаря учебно-методической работе Платонова, начиная с 1936 г., публиковались учебные материалы по психологии для авиации. В Качинской авиашколе, располагавшейся вблизи Севастополя, сотрудники филиала Института авиационной медицины (ИАМ) под руководством Платонова осуществляли психологические исследования эффективности тренажеров при подготовке курсантов к высотным, скоростным и «слепым» полетам, а также изучали психологические причины ошибочных действий при выполнении курсантами полетного задания. На основе полученных результатов Платонов подготовил учебное пособие «Конспект курса психологии», где впервые в методической литературе по первоначальному летному обучению четко обозначил психологические закономерности учебной и воспитательной работы, был сделан акцент на учете индивидуальных особенностей личности курсантов (Платонов, 1936).

В это же время в соавторстве с коллегой Л. М. Шварцем была начата подготовка учебного пособия «Очерки психологии для летчиков», замысел которого Платонов смог воплотить лишь в 1948 г., включив в него материалы, собранные им во время Орловско-Курской операции. Лев Михайлович Шварц сражался в рядах народного ополчения и погиб осенью 1941 г.

«Очерки психологии для летчиков» в 1948–1958 гг. были изданы в СССР, в Болгарии и Китае. Авторам удалось создать учебное пособие, в котором доступно, конкретно и емко были освещены важные для летной практики вопросы психологии: о закономерностях формирования летного навыка, о сущности напряжения в полете, о методах воспитания и самовоспитания, о психологических причинах аварий и т. д. (Платонов, Шварц, 1948).

В современной авиационной психологии продолжают исследования по проблемам, поднятым в «Очерках психологии для летчиков». Сменились поколения авиационной техники, повысились тактико-технические характеристики самолетов, эксплуатируются высокоавтоматизированные летательные аппараты, но по-прежнему важны объективная оценка и прогноз психологической надежности пилотов, уровня их обученности и воспитанности, понимание психофизиологического ресурса и сформированности профессиональной мотивации.

Методологические основы обучения и воспитания летчиков изложены в работе Платонова «Человек в полете», впервые опубликованной в Советском Союзе в 1946 г. (Платонов, 1946). В 1946–1958 гг. она издается в СССР, в Корейской Народно-Демократической Республике, Китайской Народной Республике, Народной Республике Болгарии, Польской Народной Республике, Германской Демократической Республике. В 1957 г. вышло в свет второе издание, переработанное и дополненное с учетом развития авиации и накопленного эмпирического мате-

риала. В этой книге описаны лучшие патриотические качества советского летчика. Перечисленные Платоновым в книге «Человек в полете» психологические качества личности советского летчика соответствуют требованиям авиационных профессий XXI в.: это патриотизм, решительность, профессионализм, выносливость, сообразительность (Платонов, 1957). В этом ряду важнейших качеств личности он выделяет моральную воспитанность (об этом см.: Воробьева и др., 2007).

В настоящее время актуальны задачи формирования способности к принятию решений в условиях летной эксплуатации авиационных комплексов в аэрокосмической среде, организации эффективного взаимодействия летчиков с операторами дистанционно управляемых летательных аппаратов. Необходимо также учитывать особенности развития цифровой культуры абитуриентов авиационных учебных заведений, поскольку современный авиатор должен обладать умением использовать технологии виртуальной и дополненной реальности по назначению, а также быть готовым применять режим ручного пилотирования в установленном обстановкой лимите времени. Эти вопросы профессиональной подготовки непосредственно связаны с личностно ориентированным подходом к летному обучению, заложенным в исследованиях под руководством Платонова.

В фундаментальной работе «Психология летного труда» Платонов определил актуальные научные проблемы и направления исследований: «Предмет и методы психологии летного труда», «Особенности психических процессов в труде летчика», «Психологические особенности различных видов полета», «Основные разделы психологии летного труда» (Платонов, 1960). В этой книге представлены экспериментальные материалы и теоретические выкладки, которые выдвинули отечественную военно-авиационную психологию на передовые рубежи в мире. Проведенный Платоновым анализ зарубежных исследований показал, что наши специалисты могут серьезно конкурировать по многим вопросам психологического обеспечения летного труда, в частности, в области экспериментального изучения психологических особенностей авиационной деятельности, многообразие методических подходов к летному обучению и т. д.

Платонов был инициатором *комплексного* изучения летной деятельности на самолетах-лабораториях. С помощью кинометода регистрировались показания приборов, на которые смотрит летчик. Положение самолета в пространстве, воспринимаемое летчиком зрительно, регистрировалось с помощью особых датчиков, улавливающих вращение самолета по трем осям, высоту и скорость полета. Такая регистрация давала возможность на самолетах-лабораториях объективно оценивать качество летной деятельности, учитывая не только частоту отклонений от заданного режима полета, но и их величину и длительность, а главное — наиболее вероятную причину совершения ошибки.

Проблема использования тренажеров при наземной подготовке летчиков была и остается актуальной. В работах Платонова неоднократно обсуждались вопросы эффективности применения различных тренажеров для отработки навыков полета. Современное состояние тренажерной подготовки подтверждает основные выводы Платонова о границах целесообразности сочетания реального и тренажерного обучения. Методология тренажерной подготовки продолжает совершенствоваться. Широкое применение получили тренажеры на основе цифровых технологий. При этом современные методы наземной подготовки не должны

полностью подменять ее традиционные виды при обязательном обучении непосредственному пилотированию без использования автоматизированных систем как при первоначальном обучении, так и в процессе последующей профессионализации летчиков (Гандер и др., 2019).

Платонов подчеркивал роль летчика-инструктора как воспитателя, который закладывает, прежде всего, направленность личности обучающегося на профессиональное развитие, уверенность в себе, технике, экипаже. Начиная с первых трудов о психологии летного обучения, Платонов предостерегал инструкторов от педагогической ошибки, такой как агрессивный, излишне эмоциональный стиль общения с курсантами.

Платонов впервые провел исследование истории отечественной авиационной психологии, на протяжении многих лет собирая и систематизируя архивные документы и материалы. В сборнике «К истории отечественной авиационной психологии» содержатся впечатляющие примеры поступательного развития авиационной психологии и судеб ее творцов (К истории..., 1981). Открытие целого мира дореволюционной авиации в лицах, донесение до современников, — безусловная заслуга Платонова. Так, показана историческая роль П. Н. Нестерова не только как выдающегося летчика-аса, но и методиста-новатора, впервые доказавшего на практике, что летный профессионализм — это сплав прочных навыков и оперативного мышления.

Платонов обосновал периодизацию развития отечественной авиационной психологии, показал ее междисциплинарные связи с авиационной медициной и методикой летного обучения. На страницах книги «К истории отечественной авиационной психологии» размещены документы, доказывающие, что две фундаментальные психологические проблемы авиационной психологии — отбор на летную профессию и летное обучение — изначально решались специалистами врачебно-летной комиссии соответствующих медицинских учреждений и летчиками-инструкторами авиационных школ (К истории отечественной авиационной психологии, 1981).

Платонов в своих работах показал преимущество полетов в воздухоплавании, авиации и космонавтике. Новые задачи, которые должны совместно решаться специалистами авиации и космонавтики, заключаются в эффективном освоении космического пространства в интересах общественного прогресса (открытие новых технологий, изучение возможностей длительного существования в космосе и др.), а также в интересах обороноспособности государства. Представляется важным внедрение передовых авиационных технологий в космическую отрасль. Близость авиации и космонавтики обусловлена уже тем, что большинство космонавтов — военные летчики. Все это создает благоприятные условия продуктивного взаимодействия всех структур и звеньев двух различных, но имеющих много общего отраслей — авиации и космонавтики — и, соответственно, интеграции авиационной и космической психологии (Лысаков, Лысакова, 2010).

В 1987 г. была опубликована последняя крупная работа Платонова по авиационной психологии, написанная совместно с Б. М. Гольдштейном, — учебник для средних специальных учебных заведений гражданской авиации «Основы авиационной психологии». Данный учебник представляет итоги развития оте-

чественной авиационной психологии того времени, ее достижения и проблемы. Авторы обобщили все самое главное, что характеризует психологию летного труда независимо от ведомственной принадлежности и выделили определенную специфику.

Такой подход к созданию единых психологических систем профессионализации (по крайней мере, на начальных ее этапах) является перспективным, так как одной из объективных тенденций развития авиации выступает универсализация летательных аппаратов, выполняющих задачи в близких областях применения (Платонов, Гольдштейн, 1987). Данное направление получило реальное развитие. Из эксплуатирующихся самолетов можно перечислить Ил-76, Ил-18, Ту-134 в авиации различных ведомств, которые имеют ряд модификаций. Возрождение отечественной авиации также происходит с учетом универсализации самолетов. Убедительным примером служит новый самолет Ил-114—300 для гражданской авиации и его военный аналог Ил-112В. Президентом России поставлена задача создания пассажирского лайнера на базе военного сверхзвукового авиационного комплекса Ту-160. Такая универсализация дает возможность одновременного решения ряда важных государственных задач:

- повышения мобилизационной готовности Воздушно-космических сил;
- экономии материальных ресурсов при разработке авиационной техники;
- появления возможности осваивать одновременно военные, гражданские и самолеты других ведомств для летного и наземного персонала, что упростит ротацию авиаторов.

Работы Платонова задали мощный вектор развития отечественной авиационной психологии и опережали свое время.

В истории авиационной психологии Константин Константинович Платонов стал создателем первой научной школы. Исследования под руководством Платонова, несмотря на идеологические ограничения довоенного времени, определили основные направления развития авиационной психологии. В. А. Пономаренко называет преданность Платонова и его сотрудников своему делу, невзирая на сложные, опасные обстоятельства, научным подвигом (Пономаренко, 2003).

Среди фундаментальных проблем авиационной психологии, успешно разработавшихся под руководством Платонова, можно выделить следующие:

- объективные методы изучения психологии курсантов и летчиков;
- классификация профессионально важных качеств авиаторов;
- психолого-педагогическая сущность тренажерной подготовки летного состава;
- основные положения личностно ориентированного подхода к летному обучению;
- периодизация истории авиационной психологии.

В научной школе Платонова была сформирована концептуальная основа дальнейших многолетних исследований, созданы фундаментальные научные и научно-методические труды, имеющие значение и в настоящее время (см.: Артемьева и др., 2007; и др.).

- Артемьева Т. И., Журавлев А. Л., Кольцова В. А.* Основные направления исследований К. К. Платонова и их развитие в современной психологии // К. К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века: Материалы юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 9–17.
- Воробьева А. Е., Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Представления К. К. Платонова о моральной воспитанности личности как теоретическое основание изучения нравственного самоопределения // К. К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века. Материалы юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 169–187.
- Гандер Д. В., Лысаков Н. Д., Лысакова Е. Н.* Побеждая время и обстоятельства: «Очерки психологии для летчиков» К. К. Платонова и Л. М. Шварца // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 2. С. 105–110.
- Глоточкин А. Д., Журавлев А. Л., Кольцова В. А., Лоскутов В. Н.* Жизнь и научное творчество К. К. Платонова // К. К. Платонов. Мои личные встречи на великой дороге жизни (Воспоминания старого психолога) / Под ред. А. Д. Глоточкина, А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой, В. Н. Лоскутова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 5–38.
- К истории отечественной авиационной психологии. Документы и материалы / Под ред. К. К. Платонова. М.: Наука, 1981.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* Платонов Константин Константинович. Жизнь и научное творчество // Выдающиеся ученые Института психологии РАН: Биографические очерки. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 303–328.
- Кольцова В. А., Олейник Ю. Н.* Психологи в годы войны: подвиг на века // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. С. 40–51.
- Лысаков Н. Д., Лысакова Е. Н.* Вклад К. К. Платонова в становление отечественной авиационной психологии // Психологический журнал. 2010. № 4. С. 104–112.
- Платонов К. К.* Конспект курса психологии. Изд-во Качинской авиашколы, 1936.
- Платонов К. К.* Человек в полете. М.: Воениздат, 1946.
- Платонов К. К.* Человек в полете. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Воениздат, 1957.
- Платонов К. К.* Психология летного труда. М.: Воениздат, 1960.
- Платонов К. К., Гольдштейн Б. М.* Основы авиационной психологии. М.: Транспорт, 1987.
- Платонов К., Шварц Л.* Очерки психологии для летчиков. М.: Воениздат, 1948.
- Пономаренко В. А.* Исторический след, оставленный авиакосмической медициной и психологией в авиации // Вестник Международной академии проблем человека в авиации и космонавтике. 2003. № 2. С. 5–31.

K. K. Platonov in aviation psychology history

N. D. Lyssakov, E. N. Lyssakova

Moscow Aviation Institute (National Research University)

The article is devoted to substantiating the role of Konstantin Konstantinovich Platonov in the history of aviation psychology. The authors analyzed the content of the main works

published in different periods of scientific creativity. In the history of aviation psychology, K. K. Platonov became the creator of the first scientific school, the achievements of which are still relevant. Under the leadership of K. K. Platonov, issues of objective methods for studying psychology of cadets and pilots, classifying professionally important qualities in aviators, psychological and pedagogical essence of simulator flight training, the main positions of a personally oriented approach in flight training, and the periodization history of aviation psychology history were successfully developed.

Keywords: Aviation psychology, flight training, simulator training, history of aviation psychology, psychological selection, computer technology, professionalism.

Участие А. А. Русалиновой в становлении социальной психологии в Санкт-Петербургском университете (ЛГУ им. А. А. Жданова)

А. Л. Меньщикова

СПбГПМУ, г. Санкт-Петербург, annam2@mail.ru

Е. Д. Короткина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, ilich55@list.ru

В статье рассматривается научная биография одного из основоположников отечественной социальной промышленной психологии А. А. Русалиновой. Представлена характеристика этапов жизненного пути, основные направления научного поиска ученого, важные достижения и результаты научных исследований. Приводится список основных научных трудов, идеи и результаты исследований.

Ключевые слова: история психологии, ленинградская школа социальной психологии, развитие промышленной и прикладной социальной психологии, внедрение психологии в практику управления.

Возрождение социальной психологии в СССР (подробнее см.: Почебут, Журавлев, 2019; и др.) тесно связано с работой Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований (НИИКСИ), созданного почти одновременно с факультетом психологии в Ленинградском государственном университете, с целью реализации прикладных социальных исследований на крупнейших и передовых предприятиях, как Ленинграда, так и других городов Советского Союза (см.: Семёнов и др., 2017; и др.). Внедрение в работу предприятий социально-психологической тематики не только позволило совершенствовать работу с кадрами на этих предприятиях, но и способствовало развитию многих направ-

лений промышленной социальной психологии (см., например: Дробышева и др., 2020; Социально-психологические проблемы... 1983; и др.), а также послужило научно-практической базой для проведения эмпирических исследований и подготовки кандидатских и докторских диссертаций сотрудников НИИКСИ и факультета психологии Ленинградского государственного университета. Вся профессиональная жизнь Аллы Александровны (1965–2014) неразрывно связана именно с НИИКСИ и Ленинградским (Санкт-Петербургским) университетом, где она прошла путь от старшего лаборанта до старшего научного сотрудника НИИ комплексных социальных исследований при СПбГУ (Докторов, 2009).

Одним из активных организаторов исследовательской и практической работы был Евгений Сергеевич Кузьмин (подробнее см.: Журавлев, Почебут, 2021; и др.), основавший в 1962 г. лабораторию социальной психологии при психологическом отделении философского факультета ЛГУ, сотрудником которой с 1965 г. была Алла Александровна Русалинова. В 1966 г. лаборатория социальной психологии вошла в состав НИИКСИ ЛГУ (см. об этом, например: Свенцицкий и др., 2018; Семёнов и др., 2017).

Возможно, становление ее как психолога связано с тем, что отец Аллы Александровны, Александр Львович Шнирман, на заре своей научной карьеры работал в Институте по изучению мозга и психической деятельности непосредственно под руководством В. М. Бехтерева. С 1936 г. он работал в педагогическом институте им. Покровского, преподавал психологию, сотрудничал и поддерживал дружеские отношения с Б. Г. Ананьевым. Одной из книг, подаренных им дочери, были «Очерки психологии» Б. Г. Ананьева (Ананьев, 1945).

Во время Великой Отечественной войны А. А. Русалинова с матерью были эвакуированы из Ленинграда и оказались в с. Пулятино Некрасовского района Ярославской области в интернате Ленгорздравотдела, где ее мать работала воспитателем. И опять совершенно случайно в том же здании директором другого интерната эвакуированных из Ленинграда детей работала будущий руководитель дипломной работы Аллы Александровны (тема диплома «Урок как база организации учебного коллектива») Татьяна Ефимовна Конникова, хотя вряд ли они были знакомы и могли общаться в то время.

После возвращения домой в Ленинград и окончания школы А. А. Русалинова с 1948 по 1953 г. получает высшее образование на психологическом отделении философского факультета ЛГУ. В это время там преподавали такие психологи, как В. Н. Мясищев, Б. Г. Ананьев, А. Г. Ковалев, А. В. Ярмоленко, А. А. Люблинская и др.; Б. Ф. Ломов был на три курса старше, аспирант А. А. Бодалев вел педагогическую практику. После окончания университета с дипломом по специальности «Преподаватель психологии» она начинает работать в 312 школе г. Ленинграда учителем психологии; в 9-м классе преподавали дисциплину «Психология», а в 10-м классе — «Логика». Через три года эти дисциплины исключают из школьной программы и Алла Александровна продолжает работать педагогом начальных классов в той же школе. В 1960 г. она поступает в аспирантуру на заочное отделение философского факультета ЛГУ им. А. А. Жданова, а в 1961 г. переводится на очное отделение аспирантуры.

В 1966 г. в Ленинградском государственном университете был создан факультет психологии под научным руководством Б. Г. Ананьева (подробнее о нем см.:

Головей и др., 2017; и др.). А в 1968 г. была организована кафедра социальной психологии под руководством Евгения Сергеевича Кузьмина (см., например: Почебут и др., 2019; Свенцицкий и др., 2018; и др.), на которой по совместительству начала работать А. А. Русалинова.

По социально-психологической тематике впервые заключаются хозяйственные договоры между промышленными предприятиями и научными институтами. Одной из первых работ было исследование «Влияние взаимоотношений между мастером и учащимися на формирование коллектива учебной группы профессионально-технического училища». Результатом работы стала брошюра, опубликованная издательством «Высшая школа» (Русалинова, 1968). Первые исследования, возможно, были наиболее трудными, поскольку приходилось самостоятельно подбирать методы для комплексного исследования, проводить наблюдения в училищах.

Социальная психология только приобретала статус научной дисциплины, имеющей важное научно-прикладное значение для общества. Как отмечает А. А. Русалинова, потребности в социально-психологических знаниях в обществе не было, ее надо было сформировать (Докторов, 2009). И ведущие сотрудники факультета психологии внесли свой вклад в решение этой задачи, читая лекции в самых разных городах нашей страны, различным звеньям управленческого персонала (см. об этом: Дробышева и др., 2020; Русалинова и др., 2018). Алла Александровна читала лекции по проблемам социальной психологии управления, психологии школьного коллектива по линии общества «Знание» во многих городах СССР.

С 1966 г. она принимала активное участие в работе профессионального сообщества промышленных психологов и социологов Ленинграда, участвуя в работе исследовательской группы, возглавляемой В. А. Ядовым. Заводские психологи и социологи обменивались опытом, участвовали в семинарах, симпозиумах и конференциях, проводимых по всей стране: в Нижнем Новгороде, Владимире, Тирасполе, Кишиневе, Кургане, Перми и др.

Группа, работавшая под руководством А. А. Русалиновой, с 1966 по 1992 г. проводила социологические и социально-психологические исследования более чем по 30 конкретным темам на одном из крупнейших отечественных предприятий электронной промышленности НПО «Светлана». Сотрудниками этой группы были выпускники факультета психологии Н. Г. Вересова, Н. В. Гришина, Н. А. Ильина, С. А. Расторгуева, В. А. Самойлова, В. Е. Семёнов, Л. А. Ясюкова, Т. С. Троицкая, Н. Н. Матузова, И. Ю. Цветкова; на полставки работали ведущие преподаватели кафедры социальной психологии А. Л. Свенцицкий и А. А. Ершов. В исследованиях по каждой теме использовался комплексный подход: разрабатывался авторский инструментарий, использовались анкетирование, наблюдение за работой в цехах, интервью, контент-анализ доступной документации, экспертные опросы, психодиагностическое тестирование. В качестве научно-практических результатов исследований можно выделить разработку технологии и методологии социального планирования развития предприятий.

Работа проходила в тесном контакте с лабораторией социологических исследований НПО «Светлана» под руководством А. П. Федотовой. Общее руководство осуществлял зам. генерального директора по кадрам Аркадий Фёдорович Тягушев, он возглавлял всю практическую работу по социальному развитию в кол-

лективе. Значительным позитивным моментом было внимательное отношение руководства к комплексным исследованиям коллектива предприятия. Это позволило организовать длительные и масштабные научные исследования взаимоотношений, психологического климата в рабочих группах, трудовой и социально-психологической адаптации молодых рабочих и инженеров на производстве, вхождения в профессию, коллектив и систему самоуправления в трудовых коллективах (Русалинова, 1987). Исследовались проблемы адаптации молодых рабочих, разрабатывалась система подбора руководящих кадров. А. А. Говорова занималась такой злободневной для того времени проблемой, как распространение пьянства в трудовых коллективах, был разработан ряд рекомендаций по предотвращению этого явления. По каждой теме хозяйдоговора в заключение разрабатывался поэтапный план внедрения рекомендаций, который в течение последующего года курировал сотрудник группы, работавшей под руководством А. А. Русалиновой.

За разработку и внедрение рекомендаций проведенной научно-практической работы по составлению плана социального развития предприятия В. А. Самойлова и Л. А. Ясюкова были награждены серебряными медалями ВДНХ СССР. Практическое значение имели социальные технологии, внедренные в практику: система контроля и ускорения адаптации молодых рабочих и молодых специалистов с высшим образованием, система оценки резерва цехов на руководящие должности. Обе системы были представлены на ВДНХ и были отмечены медалями.

Наряду с изучением рабочих коллективов проводились хозяйдоговорные работы, направленные на повышение эффективности деятельности общественно-политических организаций, изучалась работа системы идейно-политического воспитания, результативность работы комсомольской организации. Опираясь на результаты проведенных исследований, сотрудники группы проводили обучение руководителей, совершенствовали их организаторские и коммуникативные навыки и умения, готовили к публикации учебно-методические пособия, направленные на оптимизацию отношений в трудовых коллективах. Проводилась работа по совершенствованию системы морального стимулирования сотрудников НПО «Светлана» и организации наставничества в трудовых коллективах. Тем самым расширялись возможности и направления деятельности комсомольской организации объединения. Одним из главных достижений работы научной группы был обязательный этап внедрения рекомендаций по результатам каждого исследования в подразделениях, где они проводились. Представители объединения должны были разработать планы внедрения рекомендаций, а сотрудники исследовательской группы курировали этот процесс и оказывали консультативную помощь.

Одно из последних исследований образа жизни трудового коллектива не было закончено в связи с процессами перестройки в нашей стране. Многолетнее плодотворное сотрудничество между научным и производственным коллективами прекратилось.

После завершения хозяйдоговорных работ А. А. Русалинова продолжила работать на факультете социологии, где читала курсы «Социально-психологические аспекты руководства», «Социология труда» студентам социологического факультета и по совместительству преподавала на психолого-педагогическом факультете педагогического института им. А. И. Герцена. В 1990-е годы прикладные исследования были продолжены по индивидуальным договорам с Лентелефонстро-

ем и Ленгорсоветом. По заказу Ленгорсовета совместно с Н. А. Чельшевой были исследованы психологические характеристики руководителей административных организаций районов города, руководителей отделов образования и здравоохранения. Были разработаны методические рекомендации по оценке профессионально необходимых качеств руководителей организаций.

Итогом многолетней практической и научной работы Аллы Александровны Русалиновой стал авторский курс «Промышленная социальная психология», два сборника статей, монография; список ее научных работ включает более 150 публикаций (Русалинова, 2009). Многие дипломники А. А. Русалиновой защитили кандидатские и докторские диссертации по социальной психологии.

Кроме высокопродуктивной профессиональной деятельности, Алла Александровна через всю жизнь пронесла любовь к музыке и хоровому пению. Еще со 2-го курса обучения в университете она пела в хоре ЛГУ под управлением Григория Моисеевича Сандлера. В 1990-е годы выступала с хором на сцене Большого зала филармонии. В Педагогическом университете им. А. И. Герцена создала вокальную группу «Акварель», с которой выступала с 1999 по 2012 г. Группа участвовала в хоровых ассамблеях в Польше и Чехословакии, а также в Герценовских фестивалях хорового пения.

В 2021 г. Алле Александровне исполнилось 90 лет. Она по-прежнему активно интересуется жизнью нашей страны, высоко оценивает личностный и интеллектуальный потенциал современных студентов, хотя преподавать она закончила в 2014 г., в год закрытия НИИКСИ. Ее жизненный и профессиональный путь показывает пример преданности профессии психолога и веры в выбранное дело.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Очерки психологии. АН СССР. Ин-т философии. Л.: Газетно-журнальное книжное из-во, 1945.
- Головей Л. А., Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В.* Б. Г. Ананьев и междисциплинарные исследования в психологии (к 110-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 108–117.
- Докторов Б. З.* Интервью с А. А. Русалиновой: «Мы работали честно и видели хоть и скромные, но результаты своего труда» // Российский научный журнал «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». 2009. Вып. 6. С. 2–8.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л., Чугунова Э. С.* История отечественной прикладной социальной психологии: развитие отношений фундаментальной науки и практики (по материалам интервью с Э. С. Чугуновой) // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 90–103.
- Журавлев А. Л., Почебут Л. Г.* Предисловие. О творческом пути Е. С. Кузьмина // Е. С. Кузьмин. Основы социальной психологии: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 7–28.
- Почебут Л. Г., Журавлев А. Л.* Становление отечественной социальной психологии в начале 1960-х годов // Историческая преемственность в отечественной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 315–321.
- Почебут Л. Г., Журавлев А. Л., Ковалева Ю. В.* Междисциплинарный взгляд на историю кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного уни-

верситета: От психологии организации до психологической социологии (интервью с Л. Г. Почебут) // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 3 (15). С. 256–286.

- Русалинова А. А.* Влияние взаимоотношений между мастером и учащимися на формирование коллектива учебной группы профессионально-технического училища. М.: Высшая школа, 1968.
- Русалинова А. А.* Изучение социально-психологического климата в первичных производственных коллективах // Социально-психологический климат. Теория и методы изучения. М.: Наука, 1979. С. 409–421.
- Русалинова А. А.* Влияние образа жизни трудового коллектива на развитие личности // Психология личности и образ жизни / Под ред. Е. В. Шороховой. М.: Наука, 1987. С. 182–185.
- Русалинова А. А.* Производственная практика по изучению образа жизни и социально-психологического климата в трудовых коллективах: Учеб. пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
- Русалинова А. А.* Социальное самочувствие человека в современном мире как научная проблема // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 1994. № 1. С. 49–60.
- Русалинова А. А.* Проблемы промышленной социальной психологии. Избранные научные труды. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009.
- Русалинова А. А.* Социальное самочувствие человека как социально-психологический феномен. СПб.: Астерион, 2013.
- Русалинова А. А., Журавлев А. Л., Дробышева Т. В.* История отечественной промышленной социальной психологии (интервью с А. А. Русалиновой) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 3 (11). С. 199–217.
- Свенцицкий А. А., Журавлев А. Л., Дробышева Т. В.* История и опыт социально-психологической школы факультета Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета (интервью с А. А. Свенцицким) // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 1 (9). С. 93–122.
- Семёнов В. Е., Журавлев А. Л., Дробышева Т. В.* История и опыт социально-психологической школы НИИКСИ Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета (интервью с В. Е. Семёновым в связи с 75-летием со дня рождения) // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 2 (6). С. 197–229.
- Социально-психологические проблемы производственного коллектива / Отв. ред. Е. В. Шорохова, Е. С. Кузьмин, О. И. Зотова, В. Е. Семёнов. М.: Наука, 1983.

A. A. Rusalina's participation in social psychology at St Petersburg University (LSU A. A. Gdanova)

A. L. Menhsikova

SPbGPMU, St Petersburg, Russia, annam2@mail.ru

E. D. Korotkina

FSBEI HE "Tver State University", Tver, Russia, ilich55@list.ru

The article deals with the scientific biography of A. A. Rusalina, one of the founders of the social industrial psychology in Russia. The characteristic of the stages of life path, the main directions of scientific research, important developments and research results are analyzed. List of basic scientific works, their main ideas and research results are presented.

Keywords: History of psychology, Leningrad school of social psychology, development of industrial and applied social psychology, introduction of psychology in management.

Творческое наследие Нины Александровны Тих: место в истории и потенциал развития¹

И. А. Мироненко

Санкт-Петербургский государственный университет, mironenko.irina1@gmail.com

Статья посвящена анализу научного наследия Н. А. Тих, кратко представлена ее творческая биография, описано содержание и структура основного труда Тих «Предыстория общества» (1970). Показана фундаментальность и оригинальность работы, уникальный характер описанных результатов многолетних наблюдений и экспериментов. Обсуждается специфичность советской школы сравнительной психологии в контексте мировой науки, актуальность поднятых вопросов для современного развития психологии, значимость разработок советских сравнительных психологов и конкретно Н. А. Тих, имеющийся задел в постановке антропологической проблемы психологии, важнейшей для психологической науки в эпоху глобализации.

Ключевые слова: история психологии, сравнительная психология, Н. А. Тих, социальное поведение животных, поведение приматов, российская психология, антропологическая проблема.

---

1 Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00260.

Нина Александровна Тих (1905–1982) — специалист в области сравнительной психологии. Окончила РГПУ, затем аспирантуру Московского института психологии, где в 1935 г. защитила кандидатскую диссертацию под руководством М. Боровского. В 1936 г. начала работу в Сухумском питомнике, которая продолжалась 16 лет. Здесь вместе с Ю. Н. Войтонисом Н. А. Тих изучала стадную жизнь обезьян в контексте проблемы антропогенеза. Ее докторская диссертация называлась «Стадная жизнь обезьян и средства их общения в свете проблемы антропогенеза». В 1952 г. была приглашена в ЛГУ профессором кафедры общей психологии. Ее работа в двух параллельных направлениях: наблюдения над обезьянами в Ленинградском зоопарке и изучение поведения и психики детей самого раннего возраста, моторики и развития речи — отражена в монографии «Ранний онтогенез поведения приматов» (Тих, 1966). В 1968 г. Нина Александровна возглавила группу сравнительной психологии на кафедре общей психологии. В 1970 г. вышел в свет ее капитальный труд «Предыстория общества» (Тих, 1970), общим объемом 19,5 печатных листов текста плюс 2,5 печатных листа фотографий на мелованной бумаге.

В предисловии к книге Тих ясно обозначает проблему, разработка которой составляет цель ее исследования: познание происхождения и сущности человека. Для российской сравнительной психологии этот вопрос был главным. У российской психологической традиции, органичной частью которой была сравнительная психология, имеется существенный задел в разработке антропологической проблемы, актуальнейшей на современном этапе развития психологии (см. подробнее: Борисова и др., 2020; Личность и бытие..., 2008; Психологические исследования..., 2016; Субъектный подход..., 2009). В обращении к этой проблеме российская психология опередила зарубежных коллег. Классические психологические теории XX в. обращены к анализу существования (etant) человека в мире, к анализу проявляемых им свойств. Вопрос о его сущности (entre) не ставился в них, в рамках относительно изолированного развития школ полагался имплицитно ясным в каждом отдельном дискурсе. Происходящая интеграция мирового психологического знания в структуре глобальной психологической науки высвечивает то, что сущее как содержание концепций разных школ совсем не обязательно одно и то же. Сегодня основной вопрос, на который должна ответить психология, основная проблема современной психологии: что есть это сущее? Что есть человек? Проблема личности как антропологическая становится главной для современного этапа развития мировой психологии (Мироненко, 2018). Исследования российских сравнительных психологов изначально опирались на уникальную теорию биосоциального единства человека, сложившуюся в отечественной психологии. В основу этой теории положена исторически сложившаяся в силу социокультурных особенностей России в отечественной науке рубежа XIX–XX вв. (прежде всего в работах великих русских биологов и физиологов) традиция четкого различения, разведения социального и биологического в человеке, традиции понимания социального как отмены, запрещения биологически естественного, понимания социализации как запрета природного и естественного поведения, понимания культуры как силы, выводящей человека за пределы власти законов природы (Мироненко, 2019; Мироненко, Журавлев, 2019; и др.).

В. А. Вагнер (1849–1934), основоположник и классик отечественной сравнительной психологии, усматривает зачатки разумного поведения животных именно в способности действовать вопреки инстинкту: «О способности разума до известных пределов подавлять деятельность инстинктивную у животных нам свидетельствуют многочисленные факты» (Вагнер, 1998, с. 184). У человека социальная детерминация психики выступает как сила, противостоящая инстинктам: «У человека способности разумные подавляют инстинкты тем легче... чем выше культура того общественного круга, к которому данный субъект принадлежит» (Вагнер, 1998, с. 185).

Эволюционная теория Ч. Дарвина, популярная в России и до Октябрьской революции, после революции становится особенно актуальной и социально востребованной. Дух и буква этой теории как нельзя лучше соответствовали идеологическим установкам советской власти, провозгласившей целью сформировать «нового человека». На вооружение берутся два основных тезиса Дарвина:

- вид изменяется,
- направление изменений определяется внешними средовыми условиями.

На основе такого подхода развивалась российская сравнительная психология в советский период, которая по сути являлась российской школой эволюционной психологии. Предметом изучения здесь было закономерное, закрепляемое как прижизненно, так и наследственно изменение поведения и психики в результате изменений условий обитания. Главным предметом интереса советских ученых была проблема специфичности человеческой психики, ее отличий от психики животных. В основу понимания данных отличий как радикальных и качественных была положена теория К. Маркса, которая парадоксальным образом соединяет в себе последовательную естественно-научность и социоцентризм. Человек, согласно теории Маркса, рассматривается, с одной стороны, как закономерный результат эволюции животного мира, законы его поведения определяются законами природы. С другой стороны, взаимодействие человека с природой опосредуется специфическим, тоже закономерным в эволюции возникшим, образованием – социумом, культурой, которое преломляет человеческое развитие в культурно заданном направлении. Таким образом, направление, в котором действует естественный отбор, теперь определяется востребованностью со стороны общества тех или иных качеств, не обязательно биологически полезных.

Наблюдения и опыты над обезьянами использовались Тих для того, чтобы выявить предысторию человеческого мышления, речи, социальности, приблизиться к пониманию биологических основ человеческого поведения и психики.

Тих опирается на концепцию основоположника российской школы в сравнительной психологии В. А. Вагнера (1910–1913), который выделяет в эволюции общественной жизни животных, ведущей к общественности человека, три стадии и две борющиеся между собой тенденции.

Стадии:

1. Неорганизованное стадо – поведение отдельной особи относительно независимо от других. Каждый держится сам по себе и может примкнуть к любому другому объединению (броненосцы, кенгуру).

2. Организованное единство по вожаку — вожак инициативен и деспотичен, каждый держится вожака, развивается стадный инстинкт, коллективная защита детенышей (олени).
3. Организация по вожаку, но с большим участием всех членов стада. Возникновение «социальных» чувств (слоны, обезьяны).

Тенденции:

- вожаческая, деспотическая, олицетворяющая «зоологический индивидуализм» (линия самцов);
- социальная, общительная, с элементами прогрессивного развития (линия самок).

Особый интерес здесь вызывает выделение тенденции развития по линии самок. Это представляется оригинальным подходом, не типичным для зарубежных исследователей. Обсуждая работу Тих с зарубежными коллегами, специалистами по зоопсихологии, мне неоднократно приходилось сталкиваться с тем, что указание на доминирование женских особей в каких-либо аспектах стадной жизни обезьян они вначале воспринимают как опечатку в тексте, а потом с некоторой растерянностью. Развернутая аргументация по этому вопросу, имеющаяся в книге Тих, представляет интерес и в контексте современного развития новейших «феминистских» направлений в науке.

С позиций, обоснованных Вагнером, Тих полемизирует с рядом положений, формулируемых зарубежными авторами, относительно места и роли биологических предпосылок в формировании человеческого общества. Критическому анализу подвергаются подходы к проблеме антропогенеза в работах Йеркса, Цуккермана, Миллера, Малиновского, Ниссена и др. При этом высоко оцениваются работы Йеркса (Yerkes, 1925, 1929), а работа Цуккермана (Zuckerman, 1932) на протяжении всей книги подвергается критике. С позиций марксистской философии Тих подвергает критике доминирующее в среде зарубежных исследователей представление о том, что семья, основанная на половой связи партнеров, является основой социальной жизни обезьян и началом развития человеческого общества. Опираясь на свои многолетние наблюдения, она утверждает, что половая связь не единственный фактор объединения обезьян. Не меньшее значение имеют связь матери и детеныша, а также индивидуальное тяготение обезьян друг к другу на основе взаимопомощи (взаимного обогревания, очищения, игры). С данных позиций Тих анализирует социальную жизнь обезьян и обстоятельно критикует позицию Цуккермана, который недооценивает значимость второй тенденции, социальной, реализуемой в основном по линии самок.

В монографии подробно представлены результаты многолетних наблюдений и экспериментов. Подробно описаны объекты исследования: наблюдались стада (до 50 особей) и группы различных видов обезьян. Использовались методы наблюдения и эксперимента.

Наблюдения выделены трех видов:

- общие: изучалась общая структура стада, его дифференциация на группы, суточная ритмика покоя и активности и пр.;

- частные: над отдельными группами (самец и самка, самка с детенышем, группа подростков...);
- тематические: над стадом в целом, но с какой-либо определенной узкой целью: записи звуков и жестов, изучение способов обработки и поедания корма и т. п.

Регистрация велась в виде непрерывной записи в дневнике всего, что успевал заметить наблюдатель. Затем материал подвергался обработке; из массы записанного выделялось наиболее существенное и заносилось на карточки, которых накопилось несколько тысяч. Была организована картотека. Строго фиксировалась индивидуальность каждого животного, что позволяло проследить историю его взаимодействия с другими особями.

Основным видам и типам поведения посвящены отдельные главы монографии.

В главе 2 подробно рассмотрены данные наблюдений в отношении поведенческих проявлений конкуренции и борьбы за биологические преимущества внутри стада. Рассмотрены поведенческие проявления конкуренции на почве инстинкта питания, конкуренции за место. Анализируется борьба за членов стада, перегруппировки животных, выборочное избегание и принуждение к объединению. Подробно описывается роль вожака в стаде.

Глава 3 содержит анализ данных наблюдений в отношении проявлений взаимопомощи и сотрудничества в стаде. Рассмотрены разнообразные формы сотрудничества и взаимопомощи: взаимное обыскивание, совместное выступление против внешнего врага и против отдельного животного (в том числе вожака) в стаде, защита и поддержка, помощь матери в уходе за детенышем. Приводится сравнительный анализ этих форм поведения, которые рассматриваются на примерах из жизни сообществ различных видов обезьян. Отдельный параграф главы посвящен описанию экспериментов, направленных на выявление особенностей и предельных возможностей развития совместной деятельности обезьян.

Главы 4–5 посвящены описанию структуры и динамики отдельных микрогрупп в стаде. В главе 4 описываются типичные формы взаимодействия в группе самца и самки. Дан анализ сексуальных отношений в стаде. Глава 5 описывает взаимодействия матери и детеныша. На многочисленных примерах дается характеристика материнского поведения и обсуждается его значение в эволюции.

В главе 6 представлен анализ проявлений заботы о потомстве в стаде обезьян. Рассмотрены примеры внимания самок к чужим детенышам, отношения к детенышам самца, отношения детеныша к взрослым членам стада. Тих делает общий вывод: проявления внимания к чужому детенышу, не вызываемые никакими внешне наблюдаемыми факторами, обнаруживают потребность обезьян в общении с ним и являются наиболее характерным признаком, отличающим обезьян от других животных. Когда детеныш кричит от ушиба или покинут матерью, члены стада немедленно откликаются издали, подходят к нему, наблюдают за его действиями, издают «успокаивающие» звуки общения низкого тона. Глава 7 посвящена анализу поведения детенышей и подростков. Рассмотрен онтогенез стадного поведения, а также формирование стада подростков как форма формирования нового стада.

Глава 8 содержит уникальный материал исследования средств стадной коммуникации обезьян. Максимально подробно представлены средства общения у павианов-гамадрилов, у которых, по мнению Тих, в наибольшей степени развито «общественное» поведение в стаде. Описаны звуковые и двигательные средства коммуникации у гамадрилов. Проведен фонетический анализ звуков, издаваемых гамадрилами. Подробно проанализированы звуковые и двигательные формы общения у шимпанзе, которые считаются наиболее близкими эволюционно к человеку из ныне живущих приматов, однако, по мнению Тих, уступают гамадрилам по сложности и дифференцированности форм стадной жизни. В главе представлены также звуковые средства общения у павианов-анубисов, у зеленых мартышек и у гелад. Глава содержит информативные таблицы, в которых описаны основные средства коммуникации обезьян (звуковые и двигательные) и раскрыто их значение, приводятся типичные ситуации использования.

На рисунке 1 (а–в) представлена подробно детализированная «Сводка звуков, издаваемых павианами гамадрилами» и их фонетический анализ, выполненные с удивительной тщательностью. В монографии приведена также и нотная запись ряда звуков. В сходных таблицах подробно представлены и систематически описаны в тексте двигательные средства общения различных видов обезьян, характерные позы и движения, а также мимика и выражение глаз.

Глава 9 посвящена описанию уникальных экспериментов по формированию новых средств общения у обезьян, результаты которых обсуждаются в контексте проблемы происхождения человеческой речи. Тих и ее сотрудники стремились формировать новые сигналы, звуковые и поведенческие, на основе врожденных рефлексов обезьян. Разрабатывая планы по обучению обезьян произвольной звуковой сигнализации, Тих изначально отвергла идею научить их произносить отдельные слова человеческой речи, как это делали зарубежные ученые: Йеркс, Келлог, Фернесс. Для формирования новых видов звуков, связанных с новыми значениями, были использованы в качестве основы три типа исходных звуков: 1) безусловные звуковые сигналы и экспериментально добивались того, чтобы вместо отражения эмоциональных состояний животного (агрессии, испуга и пр.) эти звуки несли бы в себе предметное содержание; 2) «органические» звуки, которые не относятся к врожденным сигналам и не отражают эмоций (кряхтение, пыхтение и др., которые часто проявляются в моменты физических усилий); 3) звукоподражательная деятельность. Опыты показали, что у обезьян перспективным путем формирования новых средств общения является использование «органических» звуков, а также формирование двигательных условных сигналов. Проведенные опыты представлены в книге во всех деталях и подробностях.

В завершающей главе на основании исследований социального поведения обезьян, в первую очередь, бабуинов, у которых отмечены наиболее сложные и развитые формы стадной жизни, представлен опыт теоретической реконструкции сообщества предгоминид, который в процессе эволюции становится основой формирования человеческого общества. На основе развернутого анализа опыта собственных исследований и полемического обсуждения точек зрения, имеющих в дискурсе, Тих приходит к общему выводу: «В связи с появлением и развитием общественных форм добывания средств питания при помощи орудий взаимо-

действие вида и индивида в целом заняло подчиненное положение по отношению к общественно необходимому труду: естественный отбор стал работать не по линии развития признаков, которые были необходимы для индивида как производителя потомства... а по линии развития признаков, важных для успешного овладения новыми формами общественной жизни: вертикальным положением тела, трудовыми процессами (как средством существования вида), подражательностью и речью (как средствами передачи приобретаемых сообществом умений и знаний)» (Тих, 1970, с. 301).

Заключение

В постсоветский период российская сравнительная психология встречает существенные трудности в своем развитии (Мироненко, 2009). Исследования в этой области дорого стоят и не приносят прямого дохода. Перспектива их разворачивания не кажется особенно оптимистичной. За последние 30 лет традиция научного поиска была прервана, школа фактически прекратила свое существование, из учебных планов подготовки психологов сравнительная психология исчезла, а если возвращается, то уже скорее в ориентации на переводные учебники и традиции. И тем не менее, отечественная школа сравнительной психологии занимает достойное место в истории мировой науки. Переиздание в Оксфорде книги Н. Н. Ладыгиной-Котс в 2002 г. хочется рассматривать как знаковое явление: труды российских сравнительных психологов востребованы в мировой науке и, можно надеяться, войдут в ее контекст в силу актуальности на современном этапе развития мировой науки поставленных вопросов и предложенных теоретических моделей (Ладыгина-Котс, 1935; *Infant Chimpanzee...*, 2002). Можно с уверенностью отметить, что замечательная книга Нины Александровны — фундаментальный труд, уникальный по своему содержанию — будь она переиздана сегодня на английском языке, вызвала бы большой интерес зарубежных коллег и составила бы славу российской психологии. Такой издательский проект мы с американскими коллегами пытаемся реализовать на протяжении уже нескольких лет. Пока финансирование не найдено, но усилия продолжаются.

Литература

- Борисова Н. В., Воловикова М. И., Журавлев А. Л.* Сознание человека в современном мире (вместо предисловия) // Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 11–31.
- Вагнер В. А.* Биологические основания сравнительной психологии (Биопсихология). Ч. 1–2. СПб.—М., 1910–1913.
- Вагнер В. А.* Сравнительная психология. М.—Воронеж, 1998.
- Ладыгина-Котс Н. Н.* Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях. М., 1935.
- Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

- Мироненко И. А.* О прошлом, настоящем и будущем российской сравнительной психологии // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Вып. 2. С. 45–59.
- Мироненко И. А.* Проблема личности и задачи современного этапа развития психологической науки // Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 409–430.
- Мироненко И. А.* Биосоциальная проблема и становление глобальной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2019.
- Мироненко И. А., Журавлев А. Л.* Биосоциальная проблема в контексте глобальной психологической науки: об универсальных характеристиках человека // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 6. С. 87–98.
- Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Тих Н. А.* Ранний онтогенез поведения приматов. Сравнительно-психологическое исследование. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966.
- Тих Н. А.* Предыстория общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970.
- Infant Chimpanzee and Human Child: A Classic 1935 Comparative Study of Ape Emotions and Intelligence. Oxford, 2002.
- Yerkes R. M.* Almost Human. N. Y.: The Century Co., XXI, 1925.
- Yerkes R. M., Yerkes A. W.* The Great Apes. New Haven: Jate Univ. Press, 1929.
- Zuckerman S.* The social life of monkeys and apes. N. Y.: Harcourt–Brace, 1932.

Creative heritage of Nina Alexandrovna Tikh: place in history and development potential

I. A. Mironenko

St Petersburg State University, mironenko.irina1@gmail.com

The article is devoted to N. A. Tikh, it briefly presents her biography, assesses the content and structure of Tikh's main work "Prehistory of Society" (1970). The paper aims to reveal fundamentality and originality of the book, the unique nature of the described results of long-term observations and experiments. The discussion dwells upon the specificity of the Soviet school of comparative psychology in the context of international science, the relevance of the issues raised there for the modern development of psychology. We argue the significance of the developments of Soviet comparative psychologists and specifically N. A. Tikh, the importance and potential of her investigations for the anthropological problem of psychology, which is most important for psychological science in the era of globalization.

Keywords: history of psychology, comparative psychology, N. A. Tikh, social behavior of animals, behavior of primates, Russian psychology, anthropological problem.

И. Н. Шпильрейн и отечественная прикладная психология

О. Г. Носкова

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, nog4813@mail.ru

Представлены основные вехи биографии и научного творчества И. Н. Шпильрейна, одного из лидеров прикладной психологии Советской России 1920–1930-х годов. Прослежены изменения толкования ученым отдельных понятий дифференциальной психологии начала XX в., предложен новый подход в изучении высших психических функций работающего человека. Эволюция научных идей ученого рассматривается в рамках социальной истории психотехники, его позиция менялась вместе с трансформацией социально-политических и экономических условий жизни общества в эпоху политики НЭПа и сменившего ее периода социалистической индустриализации. Показана роль внешних факторов в изменении содержания и форм управления наукой в государстве.

Ключевые слова: прикладная психология, психотехника, теория, методология, социальная история становления и ликвидации научного движения, дифференциальная психология, национал-социализм.

В 2021 г. исполняется 130 лет со дня рождения Исаака Нафтуловича Шпильрейна (1891–1937), известного психологическому сообществу в качестве организатора и председателя Всесоюзного общества психотехники и прикладной психологии (ВОП и ПП), одного из лидеров прикладной психологии. Его судьба, как и судьба психотехники в нашей стране, оказалась трагичной, в январе 1935 г. он был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, в 1937 г. расстрелян, в 1957 г. полностью реабилитирован. Жизнь и творчество Исаака Нафтуловича были обстоятельно описаны в статье, подготовленной по инициативе А. В. Брушлинского на основе материалов личного архива И. Н. Шпильрейна (Кольцова и др., 1990), переданного родственниками в ИП АН СССР (ИП РАН). Обращение к анализу научной биографии и творческого наследия И. Н. Шпильрейна не только важно для истории отечественной психологии, но и может быть полезно для современной прикладной психологии.

Шпильрейн родился в Ростове-на-Дону в интеллигентной семье, проявил незаурядные лингвистические способности (в зрелом возрасте он владел 11 языками), обучался философии и психологии в Гейдельбергском и Лейпцигском университетах, где защитил диссертацию по вопросам дифференциальной психологии. В 1921 г. вернулся на родину, работал в Москве в НК иностранных дел. С 1922 г. Шпильрейн занимался вопросами научного управления и прикладной психологии, организовал психотехническую лабораторию при НКТ СССР, затем отдел психологии труда в составе Московского государственного института охраны труда (1925–1929), а также сектор психотехники в Государственном институте экспериментальной психологии в Москве (1923–1933). Шпильрейн был одним

из организаторов общества «Лига-Время», экспертом по психотехнике при Совете по НОТ при НК РКИ СССР. В качестве председателя «ВОП и ПП» он выполнял функции теоретика и методолога психотехнического движения в Советской России, в период с 1928 по 1934 г. был главным редактором журнала «Психофизиология труда и психотехника», достойно представлял советскую психотехнику на многих международных конгрессах и конференциях. В 1930 г. Шпильрейн был избран президентом Международной психотехнической ассоциации, под его председательством в сентябре 1931 г. в Москве состоялась VII Международная психотехническая конференция, в которой, помимо российских специалистов, приняли участие свыше 100 зарубежных делегатов из США и ведущих стран Европы.

Творческая деятельность ученого протекала в течение двух разных периодов гражданской истории нашей страны — в годы «новой экономической политики» (НЭП) и предвоенное десятилетие (реконструктивный период).

К 1928 г. И. Сталину удалось выйти победителем в противоборстве с Л. Троцким, и в 1929 г. в СССР был взят курс на построение социализма в отдельной стране в условиях капиталистического окружения. НЭП была свернута, на смену ей снова пришла политика чрезвычайных мер эпохи гражданской войны, политика диктатуры пролетариата. Это не было результатом злой воли неких лиц, произвольно принимающих решение, но представлялось необходимым в условиях обострения классового противостояния значительной части сельского населения, негативно настроенной по отношению к массовой коллективизации. В 1926 г. в стране был принят новый Уголовный кодекс, который уже включал статью 58, предусматривающую политические преступления и соответствующие формы наказания виновных лиц. Это помогло руководству страны вести в годы первых пятилеток режим единоначалия на социалистических предприятиях при замене хозяйственного расчета технологиями государственного централизованного планирования и военно-бюрократического управления. Новые принципы управления в условиях предвоенной мобилизации затрагивали не только экономику, но и все стороны общественной жизни.

Прикладная психология в начале 1930-х годов не могла оставаться в тех организационных формах, которые сложились в период НЭПа, неизбежно должно было измениться и ее проблемно-тематическое содержание. Эту масштабную задачу Шпильрейну, как представляется, удалось осознать и внести необходимые коррективы в собственную научную работу, а также в деятельность своих ближайших коллег и единомышленников, но он не мог обеспечить «поворот» сложной управляемой «машины» психотехнического движения в масштабах огромной территории СССР (Шпильрейн, 1931б). Надо полагать, Шпильрейн понимал ограниченность своих возможностей контроля, управления работой психотехников, но он понимал также, что отвечать за любые промахи придется именно ему. Психологи знают, что это — классическая ситуация развития острейшего психологического стресса, в этой связи Исаак Нафтулович неоднократно, но безуспешно предлагал руководству страны вести государственную регламентацию работы психотехников, упорядочить систему подготовки психотехнических кадров, однако подготовленный им проект психотехнического института как учебно-научного учреждения, финансируемого заинтересованными ведомствами, не был принят.

После очередной «чистки» работников Института психологии, педологии и психотехники (ГИППП) в 1933 г. секция психотехники в стенах этого учреждения была закрыта. Причинами такого решения, по нашему предположению, явились не только недостатки и ошибки психотехников, в которых ученый публично признался и готов был их преодолеть (Шпильрейн, 1931б). В частности, имелась в виду система ошибок, связанная с его ориентацией на концепцию персонализма В. Штерна. Необходимо принять во внимание также обострение идеологических требований к деятелям науки в ситуации прихода к власти в 1933 г. национал-социалистов в Германии. Немецкие фашисты взяли на вооружение достижения генетики и евгеники в решении задач практической реализации человеконенавистнических расовых программ, в которых утверждалось якобы биологически обоснованное превосходство личностных и деловых качеств арийцев над представителями других, менее ценных рас и народов. Таким образом, еще до публикации постановления ЦК ВКП(б) о педологии (4 июля 1936 г.) теория и практика прикладной психологии, использующая учение о роли наследственности в поведении людей, особенностях их психики, и тесты как методы установления межличностных психологических отличий, оказалась идеологически уязвимой. Этот вывод становится очевидным, если учесть кардинальное отличие социальных задач СССР, направленных на создание нового человека, адекватного идеалам социализма и коммунизма, и целей национал-социализма. Партийное руководство СССР, ориентируясь на положения марксистской философии, считало главной своей целью изменение мировоззрения, содержания сознания граждан, которое как компонент «надстройки» порождается общественным «базисом» и обслуживает их жизнедеятельность, управляет их целенаправленным поведением. Содержание сознания каждого человека рассматривалось в духе марксистской философии как продукт воспитания, общественных воздействий, как проявление совокупности отношений личности с обществом, обусловленных ее классовой принадлежностью, но никак не факторами биологическими, наследственными.

В СССР, в стране многонациональной, к началу 1930-х годов обучение в общеобразовательных школах проводилось на 70 языках, предполагалось, что новый человек (гражданин СССР, советский человек) как носитель коммунистического мировоззрения, интернационалист мог сформироваться на основе убеждений, впитанных с детства, адекватно своему классовому статусу. Считалось, что человека заблудшего, но «классово близкого» пролетариату, можно перевоспитать, особенно, если это молодой человек, а не зрелый. В этой связи ставились цели, во-первых, ликвидировать социальную базу классовых групп населения, уравнивая все население по этому признаку, сломив сопротивление несогласных вплоть до их физического уничтожения или выдворения из страны. Во-вторых, выдвигались цели и задачи деятелям образования, искусства, СМИ, руководителям всех уровней власти — формировать и поддерживать адекватные намеченным социальным задачам параметры жизни людей, способы их существования, организации. Эта культурная программа партии должна была идейно сопровождать центральную задачу — создание материальной базы социализма и оборонной базы, достаточной для противостояния и победы в будущей практически неизбежной войне со странами капитализма. Для достижения этой грандиозной, первой в истории человечества цели за предельно короткий отрезок времени руководство партии

было готово на любые жертвы. Отсюда понятны жесткие сроки и жестокость проведения планов социалистической индустриализации и массовой коллективизации, привлечение необходимого объема рабочей силы (до 7 млн. чел.), обеспечивавшего рост экономики дополнительными кадрами, послушными и дешевыми. Жесткая социально-правовая регламентация, страх оказаться в числе арестованных дополнялись с 1935 г. новыми моральными и материальными стимулами.

Указанные нововведения объясняют, почему с начала 1930-х годов ликвидируется нотовское движение в стране, почему перепрофилируются научные институты, занимавшиеся вопросами рационализации труда, производства, социального управления. Одновременно проводится критика и, по сути, ликвидация научных дисциплин (охраны труда, психофизиологии и гигиены труда, технического нормирования и др.), сложившихся в структуре нотовских учреждений. В 1930 г. ликвидируются биржи труда, безработица исчезает благодаря огромным темпам индустриализации, практика профотбора оказывается невозможной, ибо отбирать кадры не из кого. Индустриальная психотехника и прикладная психофизиология в этих условиях лишаются социальной базы, социального заказа (применительно к задачам профотбора).

В этих непростых условиях, находясь в позиции лидера психотехнического движения, Шпильрейн, как убежденный коммунист, стремился честно выполнить свою миссию и до последнего момента сохранить службу прикладной психологии в стране.

Не претендуя на всесторонний обзор проблем научного творчества ученого (объем его научных публикаций превышает 240 наименований), в данной статье хотелось бы остановиться на тех его положениях, которые представляются наиболее ценными для современной прикладной психологии, в частности, для психологии труда, инженерной психологии, эргономики, организационной психологии, социальной психологии.

Слабость и односторонность как отечественных, так и зарубежных общепсихологических концепций начала 1920-х годов вполне осознавалась психотехниками. Другими словами, отрыв психотехники от общей психологии действительно имел место, но был закономерным следствием неадекватности сложившихся научных теорий новым задачам практики. Нежелание прикладных психологов брать в качестве теоретической основы общепсихологические концепции, явно неадекватные задачам практики (так, например, невозможно применить к изучению другого человека-профессионала метод интроспекции в его классической форме) приводило к тому, что прикладная психология (психотехника) объявлялась лишь техникой, свободной от теории и философии. Эту позицию разделял, в частности, О. Липман, с ней был согласен и Шпильрейн; так в 1924 г. он написал в одной из своих работ, что психотехника подобна винтовке, которая может быть одинаково полезной — и красным и белым (Шпильрейн, 1924). К концу 1920-х годов накопленный опыт, а также изменение социально-политической обстановки в стране, развернутые философские дискуссии, направленные на освоение деятелями всех наук положений диалектического материализма, способствовали тому, что Шпильрейн стал подчеркивать важность разработки теоретических основ психотехники, увязанных с положениями общей психологии, рефлексии выбранных психотехником философских позиций (Шпильрейн, 1930а; 1931б). Центральная мысль доклада Шпильрейна на VII Международной конференции, вызвавшая

острую дискуссию и неприятие зарубежных участников, состояла в том, что, исследуя социальные явления в классовом обществе, психолог не может сохранять классовую, политическую нейтральность, классовая позиция его должна быть осознана и публично заявлена (Шпильрейн, 1931а).

Шпильрейн провел полезную критическую переоценку накопленного психотехниками исследовательского, методического и практического опыта, обозначил недостатки, заблуждения, ошибки прикладных психологов (Шпильрейн, 1931б), предложил пересмотренную в контексте актуальных целей страны в реконструктивный период программу практических задач психотехники (Руководство по психотехническому профессиональному подбору, 1929; Трудовой метод изучения профессий, 1925; Шпильрейн, 1930а).

Под руководством ученого было проведено специальное исследование (его аспиранта И. О. Макарова) всей совокупности тестов оценки интеллекта, наиболее распространенных в стране, было доказано, что все они не могут различать диспозиционно обусловленные способности и успешность тестов, порожденную влиянием культурной среды, классовой принадлежности обследуемых лиц (Шпильрейн, 1930б). Вместо задач сортировки и подбора персонала психотехникам было предложено сконцентрировать свои усилия на проблемах развития профессионально важных качеств, способностей, совершенствовать методы профессионального обучения. Если в 1920-е годы Шпильрейн разделял позицию В. Штерна о биологических детерминантах способностей, о существовании биологически обусловленного «предела» в их развитии для каждого человека (Руководство..., 1929), то в 1930-е он склоняется к тому, что влияние биологических детерминант сложно отделить от социально-культурных воздействий. Но при этом он уже учитывал результаты исследований своего ближайшего коллеги, С. Г. Геллерштейна, который интерпретировал плато на «кривой» упражнения ПВК не как биологически регламентированный «предел», но как творческую паузу в развитии упражняемого свойства, наличие или отсутствие которой связано с творческим отношением личности к освоению навыка (Hellerstein, 1930).

Шпильрейн подчеркивает социальную природу труда, важность учета отношения работника к профессии, к делу, интерес, мотивы. Рассматривая феномены профессионального утомления, Шпильрейн вводит понятие «психогенная усталость», отмечая ведущую роль сознания, интереса, отношения к делу. Он пишет о том, что, если интерес выражен, переживание усталости человека может быть минимальным при объективно большей проделанной работе, и наоборот. Тем самым преодолевалось представление о работающем человеке как «живой машине», продуктивность которой зависит преимущественно от биологически регламентированных энергетически ресурсов (Шпильрейн, 1931б). Теория психотехники, согласно Шпильрейну, в этой связи должна в первую очередь опираться на социальные науки и лишь учитывать сведения из наук биологических; так он понимал термин «биосоциальная» наука (Шпильрейн, 1931а).

Понятие «профпригодности» Шпильрейн предлагает пересмотреть, ибо профпригодность можно, по его мнению, «не только установить, ее можно также развить, во многих случаях даже создать» (Шпильрейн, 1931б, с. 282).

Шпильрейна можно считать одним из основателей отечественной прикладной психолингвистики и политической психологии. Он был автором и руково-

директором масштабного исследования, выполненного по заказу Политуправления РККА в 1923 г., заинтересованного в повышении эффективности деятельности агитаторов и пропагандистов, проводивших лекции и беседы с красноармейцами. Продуктом труда этих профессионалов были признаны сдвиги в содержании сознания красноармейцев под влиянием политзанятий. Индикаторами таких сдвигов были выбраны варианты понимания бойцами значения слов, использующихся политработниками. Были составлены анкеты с тестовыми заданиями, содержащими несколько значений тестового слова — от респондента требовалось выбрать то значение, которое он считал правильным для тестового слова. Таким образом, изучался пассивный словарь языка красноармейца. Активный словарь исследовался на основе изучения текстов писем красноармейцев в газету «Красная звезда». Эта работа была одной из первых в секторе психотехники Государственного института экспериментальной психологии, ее результаты были опубликованы в книге, получившей высокую оценку М. В. Фрунзе, Н. К. Крупской и других видных деятелей руководства страны (Шпильрейн и др., 1928). Следует отметить, что исследование проводилось анонимно и никак не влияло на статус и судьбу опрошенных бойцов. Методика и процедура исследования Шпильрейна не может быть аналогом осужденного партией позже «теста коллизий», который использовался для оценки мировоззрения и социальных установок конкретной личности.

Психотехники выстраивали на собственном опыте методологию психологического изучения своеобразия психики профессионалов, вырабатывали подходы, позволяющие косвенно судить о высших психических функциях взрослых людей в условиях, когда общая психология (как отечественная, так и зарубежная) считала эту задачу делом безнадежным. Большинство психологов тех лет (включая Л. С. Выготского) полагали, что у взрослых людей высшие психические функции приобретают автоматизированную форму, становятся своего рода «окаменелостями», слабо поддающимися изменениям, развитию, труднодоступными для научного изучения (Выготский, 1930); Шпильрейну удалось наметить продуктивный подход в этом направлении.

В 1929 г. он выступил с докладом, где был представлен *метод деавтоматизации*, позволяющий сравнивать автоматизированные и деавтоматизированные формы поведения и строить соответствующие им модели функционирования человеческой психики (Шпильрейн, 1930в). Идеи сравнения автоматизированных и деавтоматизированных форм трудовой активности человека, представленные Шпильрейном, были, несомненно, результатом обобщения значительного опыта психологического анализа разнообразных профессий, выполненного самим ученым и его сподвижниками (Трудовой..., 1925; Шпильрейн, 1928). Можно предположить также, что концепция деавтоматизации в психотехнике складывалась под влиянием совместной работы И. Н. Шпильрейна и Н. А. Бернштейна сначала в Центральном институте труда, а затем в Московском государственном институте охраны труда и в ГИППП.

Заключение

Психологическое наследие И. Н. Шпильрейна поучительно для современных прикладных психологов, так как демонстрирует стремления ученого, психолога

служить интересам своей страны. Это пример способности ученого в самых трудных рискованных ситуациях сохранять научную честность, самокритику. Необходимо сохранить найденное Шпильрейном понимание тесной взаимосвязи задач практики, за которые берутся психологи, и адекватных им научных теорий. Именно идеи Шпильрейна, как представляется, были положены в основу программы конструктивного развития психотехники на пороге второй пятилетки, представленной в статье его соратника и единомышленника — С. Г. Геллерштейна, имеющей методологическое значение и для современной прикладной психологии (Геллерштейн, 1932).

Литература

- Выготский Л. С.* Проблемы высших интеллектуальных функций в системе психотехнического исследования. Доклад на VI Международной психотехнической конференции в Барселоне (23–27 апреля 1930 г.) // Психотехника и психофизиология труда. 1930. № 5. С. 373–384.
- Геллерштейн С. Г.* Проблемы психотехники на пороге второй пятилетки // Советская психотехника. 1932. № 1–2. С. 7–36.
- Кольцова В. А., Носкова О. Г., Олейник Ю. Н. И. Н. Шпильрейн и советская психотехника* // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 2. С. 111–133.
- Руководство по психотехническому профессиональному подбору / Под ред. И. Н. Шпильрейна. М.—Л.: Госиздат, 1929.
- Трудовой метод изучения профессий / Под ред. И. Н. Шпильрейна. М.: НКРКИ, 1925.
- Шпильрейн И. Н.* Предисловие // Э. Штерна. Прикладная психология. Методы и результаты. М.: Красная новь, 1924. С. 3.
- Шпильрейн И. Н.* Основные вопросы профессиографии. Доклад на IV Межд. психотехнической конференции по психотехнике в Париже, 10–14 октября 1927 г. // Психофизиология труда и психотехника. 1928. Вып. 1. С. 31–40.
- Шпильрейн И. Н.* Психотехника в реконструктивный период Стенограмма доклада в Комм. академии и прений по докладу 2 декабря 1929 г. М.: Изд. Комм. академии, 1930а.
- Шпильрейн И. Н.* Классовые различия в тестовых испытаниях интеллекта // Психотехника и психофизиология труда. 1930б. № 1. С. 3–8.
- Шпильрейн И. Н.* Метод искусственной деавтоматизации в психологическом исследовании // Психотехника и психофизиология труда. 1930в. № 2–3. С. 105–128.
- Шпильрейн И. Н.* К вопросу о теории психотехники. Доклад на VII Международной психотехнической конференции в сентябре 1931 г., Москва // Психотехника и психофизиология труда. 1931а. № 4–6. С. 286–299.
- Шпильрейн И. Н.* О повороте в психотехнике // Психотехника и психофизиология труда. 1931б. № 4–6. С. 247–285.
- Шпильрейн И. Н., Рейтынберг Д. И., Нецкий Г. О.* Язык красноармейца. Опыт исследования словаря красноармейца Московского гарнизона. Из работ Гос. ин-та экспериментальной психологии, секции психотехники / Под ред. И. Н. Шпильрейна. М.—Л.: Госиздат, 1928.
- Hellerstein S.* The Problem of the Training of the intellectual Funktionen // Ninth International Congress of Psychology (1–5.09.1929). Proceedings and Papers. Princeton, New Jersey, USA, 1930. P. 218–219.

I. N. Spielrein and domestic applied psychology (to the 130th anniversary from birthday)

O. G. Noskova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, nog4813@mail.ru

The main milestones in the biography and scientific work of I. N. Spielrein, the leader of applied psychology in Soviet Russia in the 1920s and 1930s. Changes in the interpretation of certain concepts of differential psychology at the beginning of the twentieth century are traced, a new approach to the study of the higher mental functions of a working person is proposed. The evolution of the scientist's scientific ideas is considered within the framework of the social history of psychotechnics, namely, the scientist's position changed with the change in the socio-political and economic conditions of society during the era of the NEP policy, and the period of socialist industrialization that replaced it. The role of external factors in changing the content and forms of science management in the country is shown.

Keywords: applied psychology, psychotechnics, theory, methodology, social history of the formation and liquidation of the scientific movement, differential psychology, National Socialism.

Воспоминания о Константине Константиновиче Платонове

О. Г. Носкова

МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, nog4813@mail.ru

Автор делится воспоминаниями о личном общении с К. К. Платоновым, отмечает влияние ученого на выбор научной тематики своих исследований в области истории психологии, предлагает свою оценку его научного вклада в психологическую науку.

Ключевые слова: прикладная психология, общая психология, методология психологии, история науки, научное творчество и практика, энциклопедические познания, полипрофессионализм ученого.

Моя личная встреча с Константином Константиновичем Платоновым состоялась в начале 1980-х годов. Я, в то время — младший научный сотрудник кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, собирала сведения о психологах труда и индустриальных психотехниках для подготовки хрестоматии (История..., 1983) их главных трудов, предполагалось включить в книгу краткие биографические сведения об авторах.

Ю. В. Котелова, доцент нашей кафедры, была инициатором подготовки этой хрестоматии, она сама принимала участие в психотехническом движении в молодости, читала курс лекций в МГУ по психологии труда и знала лично многих психотехников. Благодаря ей я познакомилась с Платоновым (подробнее см.: Глоточкин и др., 2006; Кольцова, Журавлев, 2020 и др.) и беседовала с ним у него дома. Меня впечатлил его кабинет, уставленный шкафами с книгами и старинное удобное кожаное кресло. Как рассказывал хозяин дома, в этом кресле до меня располагались многие выдающиеся отечественные психологи, в частности, А. В. Петровский во время своей работы над докторской диссертацией и книгой «История советской психологии» (1967). Платонов одобрил материалы, которые были запланированы для хрестоматии, дал ряд ценных советов, рассказал о себе, своей молодости и первых работах в области психологии труда, показал материалы по подготовке сборника документов по истории отечественной авиационной психологии (К истории..., 1981). Особая трудность в такой работе, как рассказывал Платонов, состоит в установлении даты смерти ученых.

В это время я находилась в поисках темы диссертационного исследования, выбрав только общее направление — историю психологии, но чем конкретно я буду заниматься, было пока неясно, и поэтому мне было интересно всё. Мне понравилась открытость Константина Константиновича, его готовность помогать, участвовать в исследовании; ему была интересна эта тематика, и он действительно был «живой энциклопедией». Он дал мне почитать машинописную рукопись своих мемуаров (Платонов, 2005), эта книга позволила в красках представить себе условия его жизни в детстве, жизни ученых (биологов, психологов, физиологов, врачей-гипнологов и др.), был красочно описан круг людей и жизненная общественная атмосфера 1920—1930-х годов. Из этой работы мне впервые стала понятной глубокая осведомленность Платонова в области невропатологии и врачебно-летней экспертизы. В своих мемуарах ученый впервые рассказывал о том, как он участвовал в ежегодных обследованиях военных летчиков в годы Великой Отечественной войны на предмет выявления признаков нарушений, которые в настоящее время принято называть посттравматическими стрессовыми расстройствами. Именно в эти годы Платоновым была разработана его классификация стадий нервно-психического переутомления, опубликованная в его монографии «Вопросы психологии труда» (1962, 1970).

Работы Платонова были для меня чрезвычайно полезными образцами историко-психологического исследования. В его статье об истории психологии труда в СССР (Платонов, Казаков, 1980), была представлена важная для меня периодизация этапов исследований в данном направлении в России, указана публикация И. И. Рихтера «Железнодорожная психология» (СПб., 1896), которая послужила свидетельством необходимости прицельного исследования работ дореволюционных отечественных специалистов-практиков в области железнодорожного дела. Общение с Платоновым убедило меня в значимости изучения отечественной истории психологии, в частности, психологии труда.

Однако масштаб творчества Платонова и целостное представление о его оригинальных научных идеях и их эволюции в течение жизни ученого обозначились для меня много позже, во многом благодаря моей аспирантке — Т. В. Зверевой, которая под моим руководством выполнила кандидатскую диссертацию, посвя-

шенную реконструкции психологического наследия Платонова. Она помогла описывать материалы личного архива Платонова в Институте психологии РАН, работала с его письмами, составила относительно полный список научных трудов ученого; ей удалось выделить этапы научного творчества Платонова, соотнесенные с его биографией и гражданской историей страны (Зверева, Носкова, 2016).

Полипрофессионализм Константина Константиновича, энциклопедизм его знаний, интересы оказались закономерным следствием сочетания особенностей его личности, склонностей, сложившихся еще в юности, разнообразия его профессионального образования (биологического и медицинского), а также богатого профессионального опыта врача, психофизиолога, психотехника, педагога и авиационного психолога, психолога-исследователя в Институте философии АН СССР, а затем в Институте психологии АН СССР.

Продуктивность идей Платонова по широкому кругу проблем науки и общественной практики была порождена выработкой теоретических концепций, выполняющих ключевую, фундаментально-психологическую познавательную функцию во всех задачах, когда шла речь о *личности и ее деятельности* в определенной жизненной ситуации. В этой связи становится понятным феномен его конструктивного вклада в разные отрасли психологии: психологию труда, педагогическую психологию и педагогику, авиационную психологию, медицинскую психологию, социальную психологию, психологию религии, юридическую психологию, военную психологию, психологию спорта, в общую психологию, историю и методологию психологической науки (Подробнее см.: К. К. Платонов..., 2007).

При тщательном изучении научного творчества ученого оказалось, что именно Платонов — один из пионеров внедрения системной методологии в психологическую науку, причем не только на уровне призывов и деклараций. Платонов оставил психологам системно упорядоченный словарь психологических терминов, публикаций, раскрывающие суть системных связей психологических явлений и понятий (Платонов, 1982; и др.).

Большое значение имеют общепсихологические работы Платонова, в частности, он одним из первых отечественных психологов сформулировал (и опубликовал!!!) (там же) положение об ограниченности использования ленинской «теории отражения» в психологии. В частности, он выделил психологические феномены, которые нельзя объяснить с помощью теории отражения. Речь идет о таких проявлениях психической реальности при изучении личности, как проявления личностной активности, личностной регуляции поведения человека, личностной направленности (социальной или асоциальной), которые встречаются у людей, выросших в одной социальной среде, при одинаковых способах социального воздействия и организации одинаковых форм их собственной деятельности. Другими феноменами, которые нельзя объяснить с помощью теории отражения, оказываются явления сознания, произвольного внимания, волевой регуляции и саморегуляции эмоций и поведения в целом. Современным читателям сложно представить себе, насколько трудно было в начале 1980-х годов пробиться сквозь цензуру для публикации идей, в чем-то ревизующих ленинские философские идеи.

Платоновская концепция личности и его метод обобщения независимых характеристик оказались основой разработки метода экспертной оценки прогно-

зирования успешности (результативности) труда топ-менеджеров, в программах их выдвижения из имеющегося штата администраторов в крупных торговых компаниях. Эта тема была успешно разработана и защищена моей дипломницей — А. А. Прокоповой, которой удалось показать преимущества экспертной оценки, опирающейся, по сути, на методический арсенал Платонова (Носкова, Прокопова, 2019), по сравнению с многоцелевыми психологическими опросниками («Якоря карьеры» Э. Шейна, опросник О. Ф. Потемкиной и универсальный тест интеллекта «Краткий отборочный тест» Э. Ф. Вандерлика).

В целом для меня Платонов — пример человека, жизнь и творчество которого были направлены на достижение научных истин, благополучие своего народа, страны в первую очередь, а вопросы карьеры, места в науке, создания научной школы — были «делом десятым». Это пример исследователя, который провел ревизию научно-психологических терминов, понятий, концепций с позиции их применимости в психологической практике; он предложил концептуально-методический аппарат психологам для их прикладных исследований в самых разных направлениях.

Литература

- Глоточкин А. Д., Журавлев А. Л., Кольцова В. А.* Жизнь и научное творчество К. К. Платонова (к 100-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 3. С. 117–126.
- Зверева Т. В., Носкова О. Г.* Психологическое наследие К. К. Платонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- История советской психологии труда. Тексты (1920–1930-е гг.) / Ред.-сост. В. П. Зинченко, В. М. Мунипов, О. Г. Носкова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
- К истории отечественной авиационной психологии. Документы и материалы / Отв. ред. К. К. Платонов. М.: Наука, 1981.
- К. К. Платонов — выдающийся отечественный психолог XX века: материалы юбилейной научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Т. И. Артемьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* Платонов Константин Константинович: Жизнь и научное творчество // Выдающиеся ученые Института психологии РАН: Биографические очерки. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 303–328.
- Носкова О. Г., Прокопова А. А.* Опыт сравнения разных методов прогноза эффективности топ-менеджеров в торговых организациях // Человеческий фактор: Проблемы психологии и эргономики. 2019. № 3.
- Платонов К. К.* Система психологии и теория отражения. М.: Наука, 1982.
- Платонов К. К.* Мои личные встречи на великой дороге жизни (воспоминания старого психолога). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Платонов К. К., Казаков В. Г.* Психология труда в СССР // Work psychology in Europe. 1980. С. 231–245.

Memories about Konstantin Konstantinovich Platonov

O. G. Noskova

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The author shares his memories of personal communication with K. K. Platonov, notes the influence of the scientist on the choice of scientific topics for his research in the field of the history of psychology, offers his own assessment of his scientific contribution to psychological science.

Keywords: applied psychology, general psychology, methodology of psychology, history of science, scientific creativity and practice, encyclopedic knowledge, polyprofessionalism of a scientist.

Изучение научного наследия С. Л. Рубинштейна в современной мировой психологии после 2009 г.¹

М. Д. Няголова

*Великотырновский университет имени Святых Кирилла и Мефодия,
г. Велико Търново, Болгария, mdnyagolova@mail.bg*

В статье представлен историографический обзор международных публикаций, посвященных С. Л. Рубинштейну, вышедших после 2009 г. Анализ проведен в следующих направлениях: историко-психологические исследования личности и творчества Рубинштейна; изучение его вклада в общую психологию; сопоставительные исследования его научных взглядов в общем контексте истории советской психологии. Подтвердилась гипотеза о наличии повышенного интереса к психологическому наследию Рубинштейна в мировом научном пространстве. В тематическом отношении в большинстве публикаций применяется субъектно-деятельностный подход в теоретико-практическом изучении учебной, трудовой и спортивной деятельности. Преобладают публикации латиноамериканских авторов на португальском и испанском языках. Наиболее ярко выражен интерес бразильских психологов к комплексному изучению научного творчества Рубинштейна.

Ключевые слова: история психологии, историография психологии, советская психология, культурно-историческая теория, субъектно-деятельностная теория

---

1 Исследование выполнено при поддержке гранта «Развитие психологии в период Второй мировой войны в Болгарии и Советском Союзе: характеристика, особенности и последствия» Болгарского Фонда научных исследований (ФНИ) № ДНТС Русия 02/19, 18.06.2018.

С.Л. Рубинштейна, принцип единства сознания и деятельности, психика, мышление, личность, образование.

В начале XXI в. одной из самых крупных фигур в истории мировой психологии остается личность выдающегося советского психолога С.Л. Рубинштейна. За последние два десятилетия число международных исследований в области рубинштейноведения настолько увеличилось, что их динамика уже определяет общую направленность интереса иностранных ученых к изучению истории советской и российской психологии в целом.

В историографии российской психологии самая известная статья, посвященная изучению психологического наследия Рубинштейна в Западной Европе, написана О.М. Тутунджяном в конце 1980—начале 1990-х годов. Он считает, что «для большинства западных психологов, советская психология – это только наименование, нейтральная зона, неизвестная область. Для некоторых из них это всего лишь великое прошлое, связанное с именами И. М. Сеченова, И. П. Павлова и В. М. Бехтерева. Для других она ограничена культурно-исторической школой Л. С. Выготского и трудами его последователей А. Р. Лурии и А. Н. Леонтьева. Даже в конце XX в. советская психология не была известна и изучалась как психологическое направление и движение с собственной теорией и практикой» (Тутунджян, 2011, с. 393). Автор выражает свое большое неудовольствие тем, что в книгах по истории психологии, изданных в Западной Европе, имя С.Л. Рубинштейна даже не упоминается. За исключением монографии Т. Р. Пейна «С.Л. Рубинштейн и философские основания советской психологии», изданной в 1968 г., и книги В. Матхауса «Советская психология мышления» (1988). Тутунджян ограничивается рассмотрением небольшого количества иностранных работ. На основе анализа несколько систематических исследований по истории психологии таких авторов, как Уильям С. Саакян, Бенжамин Б. Уолман и Леонард Зюсне, он формулирует вывод, что интерес зарубежных психологов к творчеству советского ученого существует, но лишь в пределах США (Тутунджян, 2011, с. 394–396). Тутунджян выражает широко распространенное со времен «холодной войны» убеждение, что на Западе не ценят советскую психологию из-за ее диалектико-материалистической методологии, а о Рубинштейне, «калужском отшельнике» второго культа личности Сталина, почти ничего не знают.

На сегодняшний день в условиях неограниченных информационных возможностей сети Интернета и свободного общения ученых разных стран существуют достаточно оснований переосмыслить указанный вывод Тутунджяна. Как раз наоборот, после окончания «холодной войны» быстро и непрерывно растет интерес мировой психологической мысли не только к истории советской психологии, но и к научному творчеству Рубинштейна.

Цель настоящей статьи – представить тенденции и характер историко-психологических публикаций, посвященных Рубинштейну, вышедших в мировом научном пространстве после 2009 г.

За этот период иностранное рубинштейноведение развивается особенно интенсивно под влиянием трех ведущих фактора. Первый из них относится к углублению изучения творческого наследия Рубинштейна российскими учеными одно-

временно в философском и в психологическом плане. Итоговым оказался 2019 г., когда в связи с 130-летием ученого в Москве и Петербурге состоялись международные и всероссийские научные мероприятия. Вышли в свет коллективные труды, содержащие оригинальные, комплексные историко-психологические интерпретации его научного вклада.

Другой важный фактор, способствующий изучению его творчества за рубежом, связан с изданием новых переводов его трудов. При этом международные издательства ориентируются на издание переводов книги «Человек и мир». Только за последние два года это произведение было переведено на болгарский и японский языки. Необходимо отметить тот факт, что вышедший в 2007 г. сборник его работ на французском языке «Рубинштейн сегодня. Новые лица человеческой деятельности» под редакцией В. Носуленко и П. Рабарделя оказался мощным стимулом разработок, посвященные С. Л. Рубинштейну, не только во Франции, но и в других странах Европы и Южной Америки.

В качестве третьего фактора выступает активный научный диалог между учеными России и Запада по изучению творчества Рубинштейна. Нарастает число иностранных ученых, владеющих русским языком, что позволяет соотносить исследовательские подходы на международном и национальном (российском) уровне.

Международные исследования творчества С. Л. Рубинштейна и его вклада в разработке отдельных научных проблем

Если за время с 1989 по 2009 г. внимание историографических анализов привлекали исследования, посвященные С. Л. Рубинштейну, проводимые в Западной Европе и США, то за прошедшее десятилетие активизировалось изучение его творчества в странах Центральной и Южной Европы, а также в Латинской Америке.

В Греции, особенно оригинальные исследования проводят философ Манолис Дафермос и психолог Атанасиос Марвакис. В методологическом отношении они приступают к изучению творчества Рубинштейна с позиции современной немецкой критической психологии. Специальное внимание уделяют историографии вопроса, начиная с 1960-х годов. По их мнению, Т. Р. Пейн представил Западу научный вклад Рубинштейна. Наряду с этим важную роль для распространения его идей по всему миру сыграли переводы 1960—1970-х годов его произведений на немецком языке в Германской демократической Республике (Dafermos, Marvakis, 2011).

Основная тема разработок М. Дафермоса и А. Марвакиса связана с исследованием соотношений понятий учения и обучения с точки зрения субъектно-деятельностного подхода Рубинштейна. В ходе анализа они сопоставляют его взгляды со взглядами Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и других советских психологов (Dafermos, Marvakis, 2009). Выявляя сильные стороны рубинштейновской методологии понимания деятельности, греческие ученые подчеркивают, что «учение, по мнению С. Л. Рубинштейна, невозможно постичь извне, просто в результате ассимиляции или усвоения уже существующих знаний, психологических схем и т. д. С этой точки зрения учение следует концептуально рассматривать как автономную активность, т. е. как субъективно обоснованную деятельность испытуемого в его попытке познания мира» (Dafermos, Marvakis, 2011, p. 95). На этой основе они формулируют вывод о том, что учение является специфической формой

деятельности личности — объекта обучения. Оно всегда отличается творческой активностью субъекта. Его необходимо рассматривать как один из этапов интегративного социального процесса обучения (Dafermos, Marvakis, 2011, p. 97–103). Авторы не ограничивают свое исследование единственно историко-психологическим анализом, а намечают целый ряд пунктов перспективного применения деятельностной теории Рубинштейна в современных психологических исследованиях учения и обучения.

Проблеме творческого подхода Рубинштейна к изучению образовательной деятельности посвящена статья бразильских психологов Александра Пита Джианони и Луаны де Лима Менезис. Они анализируют его взгляды, основываясь на статье «Принцип творческой самодеятельности», а также на текстах «Принципы и пути развития психологии» и «Основы общей психологии» в переводе на английский и испанский языки. Считают, что его субъектно-деятельностная теория испытала решающее влияние марксизма, включительно и в ее части, относящейся к деятельности субъекта в процессе образования. Авторы изучают вклад советского ученого в теорию образования с единством теоретической и практической деятельности, которое позволяет субъекту активно усваивать знания, идущие от общества, творчески трансформируя их (Giannoni, Menezes, 2019, p. 22–23).

Бразильский психолог Хусимара Лоренчини в своей статье «Трудовая деятельность: краткий обзор творчества Рубинштейна» рассматривает применение деятельностного подхода при изучении соотношения физического и интеллектуального труда, профессионального поведения простого рабочего и изобретателя, возможностей сочетания трудовой и учебной деятельности. Она формулирует вывод о том, что характер трудовой деятельности всегда зависит от социальных отношений субъекта труда. Труд не только средство выживания, но и достойное выполнение морального долга. Поэтому автор указывает, что в данном контексте важное значение приобретает и мотивационная теория Рубинштейна (Lorenchini, 2016).

Французский психолог Уильям Габриел Перез изучает методологический смысл рубинштейновского принципа единства сознания и деятельности. Он обсуждает его применение в психологии труда и эргономике, в сфере психологии космической промышленности. Наряду с этим его интересуют возможности обучения в условиях профессиональной деятельности. Вслед за С.Л. Рубинштейном он поддерживает вывод о том, что в двухсторонней ситуации преподавания и научения ведущую роль выполняет учащийся субъект в сотрудничестве с преподавателем, который не просто формирует знания, а проявляет свою творческую активность в процессе овладения ими (Perez, 2012).

Личности и творчеству Рубинштейна посвящена статья авторского коллектива бразильских психологов «Кем был Сергей Леонидович Рубинштейн? Краткая биография эрудита в психологии». Она отражает все современные данные о жизни и творческом пути советского психолога, в том числе его учебу в Марбургском университете и обвинения в космополитизме, в конце 1940—начале 1950-х годов. Авторы уделяют специальное внимание его отношению к марксизму и применению исторического и диалектического материализма в теории его психологической концепции. По их словам, «после 1980 г. советские психологические теории деятельности и общения активно внедрялись в практической работе бразильской школы, школьной и педагогической психологии. В центре исследовательского

интереса, однако, стоит субъектно-деятельностная теория С. Л. Рубинштейна» (Giannoni et al., 2017, p. 2).

О живом интересе современных бразильских психологов к творческому наследию Рубинштейна свидетельствует интервью с известным кубинским психологом Диего Гонсалесом Сера, опубликованное в бразильском психологическом журнале «Перспектива». Он подробно анализирует вклад Рубинштейна в психологию, его критику теории интериоризации, его принцип единства сознания и деятельности. Гонсалес Сера сопоставляет его взгляды с взглядами других известных советских психологов. По его словам, на Кубе теория Рубинштейна пользуется большой известностью, благодаря изданию кубинских переводов его книг «Основы общей психологии», «Бытие и сознание», «Принципы и пути развития психологии», «О мышлении и путях его исследования» на испанском языке. После их прочтения сам Гонсалес Серра «был поражен глубиной рубинштейновской мысли и стал „рубинштейновцем“» (González Serra, 2012, p. 214). Он анализирует психологические теории С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии. Выявляет различия между ними, но вместе с этим считает, что все они, в том числе и субъектно-деятельностная теория Рубинштейна, объединяются названием «историко-культурная теория» (ibid.).

Наряду с изданиями переводов Рубинштейна на разных языках мира, значение для современной интерпретации его взглядов имеет и научное общение иностранных ученых с российским научным сообществом, их участие в международных научных дискуссиях. Во время симпозиума, посвященного 130-летию С. Л. Рубинштейна в рамках Ананьевских чтений 2019 г. иностранные участники продемонстрировали новые для западного научного сообщества подходы к изучению его творчества. Американский профессор Дейвид Кент Робинсон из Государственного университета имени Трумана представил исследование влияния философских идей марбургской школы на Рубинштейна. Показал, что идеи немецкого неокантианства были не менее важной предпосылкой его психологической теории, чем идей К. Маркса и гегельянства (Robinson, 2019).

Профессор Свен Хроар Клемпе (Норвежский университет науки и технологий) посвятил свой доклад отношению рубинштейновской субъектно-деятельностной теории к принципам конструктивизма в психологии. Значительное внимание было уделено роли субъекта не только деятельности, но и психики в целом (Клемпе, 2019). Выводы Клемпе обнаруживают черты сходства субъектно-деятельностной теории Рубинштейна со взглядами представителей американской гуманистической психологии, в частности с теорией личностных конструктов Джорджа Келли.

Применение методологии С. Л. Рубинштейна в систематических исследованиях по психологии

Идеи выдающегося советского психолога были предметом не только историко-психологических исследований. Много иностранных психологов основываются на них в своих теоретических и практических работах разных областей психологической науки. Самый большой интерес вызывает рубинштейновский принцип детерминизма, согласно которому внешние влияния действуют посредством

внутренних условий. С этих позиций чаще всего проводятся исследования психических особенностей человека в разных видах деятельности.

В контексте субъектно-деятельностной теории Диего Гонсалес Серра предлагает комплексное понимание учебной деятельности. С одной стороны, он рассматривает процесс обучения как единство «внутренней и внешней деятельности», благодаря которому субъект активно осваивает новые знания и умения. С другой, рубинштейновское понятие «внутренние условия» он относит к аффективной психической структуре, которая обеспечивает мотивационную регуляцию самого процесса обучения. Согласно кубинскому психологу, рубинштейновский принцип является методологической основой новой теории обучения. При учете активной и творческой роли учащегося, открываются перспективы преодоления когнитивизма (González Serra, 2017).

Именно в противопоставлении когнитивному подходу видит преимущество теории Рубинштейна и французский психолог Марк Нажелс. Он выявляет результаты по ее внедрению в изучении роли субъекта в психологии труда. Задача его работа состоит в изучение субъекта деятельности в процессе профессионального обучения. В связи с «обучением субъекта, который знает, как необходимо действовать», М. Нажелс подчеркивает этический смысл рубинштейновского принципа детерминизма, указывающий на «ведущую роль ответственности субъекта в условиях выполнения своей деятельности» (Nagels, 2017, p. 4).

Британский психолог Саади Лалу изучает применение принципа детерминизма Рубинштейна в организационной психологии. Формулируя новую мотивационную теорию на основе спинозизма, он анализирует возможности регуляции организационного поведения человека в зависимости от внешних влияний посредством внутренних условий. Лалу считает, что данный принцип позволяет изучить человеческую деятельность на разных уровнях детерминации (Lahlou, 2010, p. 8–9).

Рубинштейновский принцип детерминизма исследует бразильский психолог Карлос Еузебио в докторской диссертации, посвященной спортивной деятельности. Автор считает, что субъектно-деятельностная теория позволяет понять психологический смысл спортивной деятельности на протяжении целостного онтогенетического развития личности человека (Euzébio, 2017).

Указанные публикации далеко не исчерпывают случаи цитирования и ссылок на работы Рубинштейна в международном публикационном пространстве, но они свидетельствуют о том, что для иностранных исследователей его творчество имеет актуальное значение. Многие из них не только делают упор на его общепсихологической деятельностной теории, но и развивают ее творчески в теоретико-практическом аспекте.

Изучение научного вклада С. Л. Рубинштейна в контексте общей истории советской и российской психологии в международных изданиях

Существенно изменяется характер современных систематических работ по истории психологии, изданных в разных странах мира. Под влиянием постмодернистской методологии научного знания их авторы уже не считают себя обязанными

представлять полную хронологию исторического развития психологической науки. Поэтому очень часто они ограничиваются рассмотрением развития психологии в Англии, Германии, Франции и США. Обзор изданий европейских и североамериканских авторов по истории психологии, опубликованных после 2009 г., позволяет констатировать, что только в одном из них, существует самостоятельная глава, посвященная истории русской и советской психологии XX в. Это четвертое издание «Истории психологии» венгерского историка психологии Чабы Плева (Pleh, 2010, p. 525–546).

В статье, посвященной Рубинштейну, автор исследует применение марксизма в психологии и выражает свою неудовлетворенность. По его словам, С.Л. Рубинштейн оказывается менее оригинальным мыслителем, чем Л.С. Выготский, и считает несправедливой рубинштейновскую критику в отношении теоретических позиций последнего. Вопреки этому, анализируя «Основы общей психологии», он высоко оценивает вклад Рубинштейна в историю психологии и в общей психологии (*ibid.*, p. 539–540).

Подобное укоризненное отношение в адрес рубинштейновской критики культурно-исторической теории Выготского занимает и аргентинский профессор Марта Суарес. По ее мнению, критика продиктована политической и идеологической позицией самого Рубинштейна, что не умаляет значимости его научных качеств выдающегося академического психолога (Netto, 2011).

Менее радикально и более объективно оценивает личность Рубинштейна бразильский психолог Гонсалес Рей. Согласно ему, несмотря на разные точки зрения относительно факторов психического развития, и Выготский, и Рубинштейн являются представителями новой тенденции в советской психологии, благодаря которой в центре научного исследования оказывается человек и его сознание. Интерес представляет и вывод Гонсалеса Рея, что в конце 1920-х годов Рубинштейн становится «новым лицом в советской психологии, а его авторитет растет непрерывно до Великой Отечественной войны, когда он избирается членом-корреспондентом АН СССР» (González Rey, 2014, p. 67). Основываясь на анализе произведений советских психологов 1930–1950-х годов и на критических работах современных российских психологов, Гонсалес Рей представляет историю советской психологии в ее диалектическом развитии. Он углубленно интерпретирует творчество ее известных персоналий.

Научный вклад Рубинштейна и его влияние на латиноамериканскую психологию обсуждается и в статье перуанского историка психологии Рамона Леона. Он подчеркивает, что заслуга по внедрению идей советской психологии и, в частности теории Рубинштейна, в странах Латинской Америки принадлежит поколению кубинских психологов, начавших свой путь в науке после Кубинской революции 1960 г. Многие кубинские ученые не только знакомятся с текстами произведений Рубинштейна в переводе на испанский язык, но и становятся последователями идей советского психолога. Леон считает, что самым красноречивым примером в этом отношении являются работы кубинского психиатра Хосе Анхель Бустаманте (1911–1987).

Впоследствии другой центр распространения идей советских психологов на испанском языке, в том числе и концепции С.Л. Рубинштейна, формируется в Уругвае вокруг издательства «Объединенные народы», в Монтевидео (León, 2014).

В рамках более специализированных публикаций рубинштейновская проблематика активно обсуждается современными иностранными историками советской и российской психологии. Вопреки некоторым критическим формулировкам все авторы признают ведущую роль С.Л. Рубинштейна в становлении советской психологии.

Заключение

В мировом научном пространстве интерес к научному наследию С.Л. Рубинштейна значительно нарастает параллельно с новыми переводами и изданиями трудов российского ученого на иностранных языках. Если раньше изучалось преимущественно отношение С.Л. Рубинштейна к традиционному для истории психологии XX в. вопросу о кризисе в психологии, то после 2009 г. исследователей интересуют такие аспекты его жизни и творчества, как формирование его философско-психологической концепции в контексте марбургского неокантианства. Онтологический подход Рубинштейна, его понимание человека как субъекта психики сопоставляется с современными когнитивными теориями.

Новая международная тенденция в изучении теории советского психолога связана с исследованием его концепции субъекта деятельности, в том числе и принципа детерминизма в контексте образовательной психологической теории и практики, психологии труда и организационной психологии, эргономики, психологии спорта.

Большинство публикаций исследуемого периода — это исследования бразильских психологов на португальском, испанском и английском языке. В их публикационной активности преобладают статьи. Особый интерес представляют научные интервью с известными латиноамериканскими специалистами в области истории советской психологии. Географический ареал изучения творчества С.Л. Рубинштейна расширяется, и в ближайшее время можно ожидать создания новых международных центров по распространению его научных идей.

Литература

- Тутунджян О. М.* Психологическое наследие С.Л. Рубинштейна в западных странах // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 393–396.
- Dafermos M., Marvakis A.* Vermitteltes Erkennen der Welt. Lernen nach Sergej L. Rubinstein // Forum Kritische Psychologie. 2009. V. 53. P. 71–100.
- Dafermos M., Marvakis A.* Mediated getting-to-know-the-world-Aproaching learning with S. L. Rubinstein // Theoretical Psychology: Global Transformations and Challenges. Ontario: Captus University Publications, 2011. P. 94–104.
- Enerstvedt T.* Some fundamental theoretical-methodological problems in the theory of activity // A Nordic Perspective on the Cultural and the Activity approach in Theory and Practice. Kristianstad: Kristianstad University Press, 2014. P. 109–120.
- Euzébio C. A.* O conteúdo teórico dos conceitos de tática e estratégia no esporte. Florianópolis: Universidade Federal de Santa Catarina, Centro de Ciências de Educação, Programa de Pós-Graduação em Educação, 2017.

- Giannoni A. P., Meneses B. M., Leão I. B.* Quem foi Serguei Leonidovich Rubinstein? Uma breve biografia de um erudite da psicologia. URL: <https://gtmarxanprof.files.wordpress.com/2017/10> (дата обращения: 10.05.2018).
- Giannoni A. P., Menezes L. L.* As Contribuições de Serguei Leonidovich Rubinstein para a educação: uma expressão de sua teoria da atividade // *A Pesquisa em Psicologia em Foco*. Ponta Grossa—Paraná—Brasil, 2019. P. 13–24.
- González Rey F. L.* Advancing further the history of Soviet Psychology: Moving forward from dominant Representations in Western and Soviet Psychology // *History of Psychology*. 2014. V. 17. № 1. P. 60–78.
- González Serra D. J.* La dialéctica materialista: contribuciones de S. L. Rubinstein a la teoría Histórico Cultural // *Perspectiva*, Florianópolis. 2013. V. 31. № 1. P. 213–232.
- González Serra D. J.* Una conception intergradadora del aprendizaje humano // *Integración Académica en Psicología*. 2017. V. 5. № 14. P. 21–29.
- Klempe S. H.* Rubinstein and the role of construction in psychology // *Международная научная конференция «Ананьевские чтения – 2019»*. Симпозиум, посвященный 130-летию С. Л. Рубинштейна. СПб.: СПбГУ, 2019.
- Lahlou S.* Contexte et intention dans la détermination de l'activité: une nouvelle topique des motivations // *Intellectica*. 2010. V. 1–2. № 53–54. P. 233–280.
- León R.* Notas acerca de psicólogos y teorías psicológicas de Europa oriental en la historia de la psicología de América del Sur // *Liberabit*. Lima (Perú). 2014. V. 20 (1). P. 55–72.
- Lorencini J.* Antividade de trabalho: em breve ensaio da obra de Rubinstein. VII Semana de Ciência e Tecnologia da UNESC. Criciúma: Universidade do Extremo Sul Catarinense, 2016.
- Nagels M.* Pour une approche intégrative de l'activité humaine au travail. Orphée Rendez-vous. Font-Romeu, 2017. P. 1–16.
- Netto N. B.* Entrevista con la profesora Marta Shuare // *Psicologia em Estudo*. Maringá. 2011. V. 16. № 4. P. 677–687.
- Perez W. G.* Aux origines de la théorie de l'activité: le cas de Serguei Leonidovitch Rubinstein // *Adjectif-Analyses*. 2012. V. 116. P. 1–7.
- Robinson D. K. S. L.* Rubinstein and German Philosophy. *Международная научная конференция «Ананьевские чтения-2019»*. Симпозиум, посвященный 130 летию С. Л. Рубинштейна. СПб.: СПбГУ, 2019.
- Souza L. M. A.* A unidade Personalidade-Psique-Atividade no pensamento de S. L. Rubinstein: contribuições para o campo educacional. Uberlândia: Universidade Federal De Uberlândia, Faculdade De Educação, 2019.

Study of the scientific heritage of S. L. Rubinstein in contemporary international psychology after 2009

M. D. Nyagolova

*University of Veliko Turnovo St Cyril and St Methodius, Veliko Turnovo, Bulgaria,
mdnyagolova@mail.bg*

The article provides a historiographical review of international publications on S. L. Rubinstein, released after 2009. The analysis was conducted in the following areas: historical and psychological studies of personality and creative work of S. L. Rubinstein; study of his con-

tribution to general psychology; comparative studies of his scientific views in the general context of the history of Soviet psychology. The hypothesis that there is an increased interest in the psychological heritage of S. L. Rubinstein in the world scientific space has been confirmed. In terms of topics, most publications relate to the application of the subject-activity approach in the theoretical and practical study of educational, labor and sports activities. In geopolitical terms, publications by Latin American authors, in Portuguese and Spanish, predominate. The most pronounced is interest of Brazilian psychologists in the comprehensive study of scientific creative work of Rubinstein.

Keywords: history of psychology, historiography of psychology, Soviet psychology, history-cultural theory, subject-activity's theory of S. L. Rubinstein, principle of unity of consciousness and activity, psyche, thinking, personality, education.

Логико-психологический анализ текста Л. П. Доблаева: становление и применение

А. Ф. Пантелеев

Саратовский государственный университет, afp45@mail.ru

Разработанный Л. П. Доблаевым метод анализа структуры учебного текста позволил выявить связь между положением, занимаемым предложением в структуре, и его запоминанием. Раскрыта связь между валентностными характеристиками предложения и его воспроизведением. Исследована возрастная динамика запоминания текста школьниками, проведен анализ срезовых результатов запоминания с разрывом в исследовании в более чем 25 лет. Установлена взаимосвязь между уровнем мотивации и результатами запоминания текстов, описаны особенности понимания и запоминания текстов различной структуры в норме, при шизофрении и при различных формах афазии.

Ключевые слова: понимание, логико-психологический анализ текста, запоминание, диалог, скрытые вопросы, когнитивные стратегии.

После тяжелого ранения, полученного в ходе боевых действий в Великой Отечественной войне, лейтенант Лев Петрович Доблаев был комиссован по состоянию здоровья, работал, поступил в аспирантуру по психологии. Его научным руководителем был Петр Алексеевич Шеварев, работа которого по теме обобщенных ассоциаций служит образцом научной состоятельности и тщательности аргументации. Это качество перешло и к его ученику Доблаеву, который в своих лекциях говорил студентам, что написанные тексты уходят к читателю и их уже не вернуть, так что нужно их писать так, чтобы самому не было стыдно их читать.

Представления Шеварева об обобщенных ассоциациях позволяют раскрыть сущность происходящего в ходе познавательных процессов, обеспечивают понимание их непрерывности (Шеварев, 1966). Очевиден тот факт, что представление о семантических сетях, которое положено в основу модели семантической памяти, без обращения к работам Шеварева остаются лишь констатацией факта. По сути Шеварев и вслед за ним Добраев предвосхитили то, что позднее было оформлено как компьютерная метафора при понимании процесса восприятия и переработки информации, происходящей именно путем ассоциирования по конкретным признакам, последующего сравнения, сопоставления и т. д. (Добраев, 1982).

Проблема, которой посвящены основные работы Добраева, связана с исследованием психологии понимания учебного текста и важна для практики: от того, насколько правильно обучаемые раскрывают смысловое содержание текста, зависит овладение ими приемами самостоятельного приобретения знаний, ориентировки во все усложняющемся объеме информации. В настоящее время это становится значимым в связи с проблемой онлайн-обучения.

Каждый понимает текст по-своему и в то же время текст должен быть так устроен, чтобы он управлял процессом понимания. Эта проблема фактически и была центральной в работах Добраева.

Понимание учебного текста раскрывалось Добраевым как диалог между читателем и текстом (Добраев, 1982). Читатель ищет ответы в тексте, причем предвосхищаемый ответ не может быть чем-то произвольным, он должен соответствовать тому, что говорится в тексте о предмете суждения. Своеобразная гармония диалога и есть процесс понимания. Поскольку целью обучения служит передача социального опыта, следовательно, социальное регулирование поведения человека в целом и познавательного поведения в частности, то факт совпадения имеет принципиальный характер. Это, в частности, позволяет уйти от ситуации незнания, достаточно вспомнить принадлежащее П. П. Блонскому крылатое выражение: «Пустая голова не рассуждает», чтобы понять всю важность диалога (Блонский, 1935, с. 72).

В экспериментальном исследовании, проведенном Ю. В. Сурковым под руководством Добраева было установлено, что обучение школьников постановке вопросов к тексту в ходе его понимания существенно улучшает результат этого процесса (Сурков, 1972). «Вопросительное» отношение к учебному тексту оказалось продуктивным для школьников. Поскольку учебный текст есть не что иное, как языковая модель действительности, то его понимание в итоге и означает раскрытие характера взаимосвязи между предметами отражаемой данным текстом действительности. Последнее означает, что для исследования понимания текста возникает необходимость в анализе его смысловой структуры – закономерных связей и систем связей, существующих между элементами текста (словами, отдельными предложениями, группами предложений).

С позиции теории Добраева, чтение текста с целью его понимания позволяет раскрывать связи между предметами не непосредственно, а через словесные обозначения этих связей и этих предметов. Понимание текста в итоге предполагает установление читателем связей между его смысловыми частями и/или между частями текста и целым текстом, и именно понимание текста как некоторого целого и открывает возможность раскрытия смысла и значения предметной реальнос-

ти. Текст, таким образом, был представлен как языковая модель действительности, а его понимание в итоге и означает раскрытие характера взаимосвязи между предметами отражаемой действительности и ее пониманием. Последнее означает, что для исследования понимания текста возникает необходимость в анализе его смысловой структуры — закономерных связей и систем связей, существующих между элементами текста (словами, отдельными предложениями, группами предложений). В качестве единицы анализа при этом выступает отдельное предложение, представленное как элемент текстового высказывания, т. е. высказывание (пропозиция) о том, о чем говорится в тексте, в развитие мысли, содержание которой излагается в заголовке текста. Субъект высказывания — то, о чем говорится в тексте (или его отдельной части), а предикат высказывания — что именно говорится. Процесс развития мысли, заложенной в заголовке текста, имеет логический характер. Логика не случайно охарактеризована Ж. Пиаже как аксиоматика разума. Развитие мысли в учебном тексте топологически представляется Добраевым как иерархизированная линия модификации. В начале линии расположены предложения, которые по мере понимания текста насыщаются смысловым содержанием, вбирая в себя смыслы, заключенные в предложениях, расположенных на этой линии ниже. Начальные предложения понятого текста тем самым в смысловом отношении являются более ценными (насыщенными), чем конечные.

В основе процесса понимания учебного текста фактически лежит постановка вопросов к нему, т. е. понимание представляется как непрерывный диалог между субъектом и содержанием текста. Постановка вопросов, сходных по сути с вопросами «А почему так? А что еще об этом сказано? Чем это объясняется? и т. п.» и поиск ответа на них в содержании текста и есть то, что составляет основное психологическое содержание понимания. Языковая форма вопросов может быть различной, в то время как основная идея, стоящая за каждым из них, универсальна. Согласно М. М. Бахтину, всякое высказывание, участвующее в процессах живого человеческого общения и мышления, внутренне диалогично (Бахтин, 1979). Внутренний диалог, происходящий в процессе понимания текста, связан, исходя из теории Бахтина, не просто с поиском ответа на скрытый вопрос, но и рефлексивным предвосхищением возможного ответа.

Учебный естественно-научный текст занимает уникальное положение среди других текстов: с одной стороны, он описывает конкретный объект и не нуждается в ином понимании для точного описания, с другой стороны — он же не только предполагает, но и требует диалогического отношения к нему со стороны воспринимающего. Последнее связано с тем, что диалогичность лежит в основе психологической природы учебной деятельности, что показано в работах А. Н. Леонтьева, В. В. Давыдова, Д. Б. Эльконина, П. А. Шеварева и др. Характерное для диалога переосмысление текста имеет следствием то, что его воспроизведение, как правило, происходит с изменениями смыслового и/или несмыслового характера, перестановками, пропусками отдельных слов, предложений и даже фрагментов ранее воспринятого и воспроизводимого текста.

Диалог обеспечивает исчерпывающую полноту решения задачи понимания конкретного текста. Из работы Шеварева известно, что осознание объекта и задания может быть отчетливым и неотчетливым, причем неотчетливое осознание задания возникает не потому, что оно было так задано кем-то другим, а в силу ка-

ких-либо иных причин (Шеварев, 1966). Развивая предположения Шеварева, Добраев ввел понятие скрытых вопросов к тексту, которые не формулируются в полном объеме субъектом, но в то же время позволяют понять текст в его основном содержании и нюансах.

Понимание, как отмечал С. Л. Рубинштейн, возникает на стадии обнаружения вопроса (Рубинштейн, 2002). Отсутствие в самом тексте сформулированных вопросов превращает текст в то, что Б. М. Величковский назвал «неполной» задачей, которая и создает условия для возникновения вопросов (Величковский, 1982).

В процессе развития теории понимания учебного текста Добраев предложил логико-психологический анализ текста, позволивший формализовать его смысловую структуру, суть которой состоит в выявлении отношений подчинения и соподчинения предложений текста, раскрытия текстовых субъектов и текстовых предикатов, линий развития мысли в тексте.

На основе теории Добраева А. Ф. Пантелеев сделал предположение, что существуют две основных когнитивных стратегии понимания и запоминания текста — объяснительная (последовательная, иерархичная по характеру структурных соотношений, аналогом которой может служить известный в лингвистике «цепной» характер соотношений), и описательная (параллельная, в которой отдельные предложения соподчинены заголовку или его текстовому аналогу), обозначенные как стратегия углубления и стратегия расширения (Пантелеев, 2013).

С целью выявления взаимоотношений между логико-психологической структурой текста и его запоминанием проводился ряд исследований.

Совместно с Ж. М. Глозман и Л. С. Цветковой была разработана методика запоминания и воспроизведения текстов (Пантелеев и др., 1983). В качестве основной независимой переменной экспериментов послужил тип логико-психологической структуры текста, а основной зависимой — объем и точность его запоминания. Помимо основных, были введены и обусловленные спецификой задач исследования дополнительные переменные: познавательная мотивация, возрастные особенности понимания и запоминания, нарушение мышления и организации опыта субъекта (при заболевании параноидной формой шизофрении), нарушения речи (при афазии).

Основная независимая переменная была конкретизирована введением валентностных (на основе логико-психологической структуры) характеристик, составляющих текст предложений. Сущность валентности состоит в следующем. Раскрытие логико-психологической структуры текста при его понимании и запоминании предполагает повторение отдельных предложений, причем в силу специфики развития мысли в данном тексте необходимость в повторном обращении к конкретному предложению может оказаться различной. Означенную необходимость определяет его место в структуре текста: оно может оказаться либо ключевым, опосредующим связи иерархически подчиненных ему предложений с главным, либо второстепенным, либо занимающим промежуточное положение. Понятие валентности обозначает степень необходимости определения структурного статуса предложения в ходе раскрытия смысловой структуры текста. В соответствии с двумя основными типами смысловых отношений в тексте (подчинения и соподчинения) введены также такие характеристики валентности, как глубина и широта.

В основной серии исследования испытуемые должны были запоминать, воспроизводить, а затем восстанавливать последовательность предложений (с помощью карточек с отдельными предложениями) текстов с различной структурой при их восприятии на слух и визуально (всего четыре подсерии). Исполнительная часть инструкции во второй серии требовала воспроизведения объяснительного текста в сжатом (компрессивном) виде и вводилась неожиданно, вводная часть инструкции была такой же, как и в первой серии. После компрессивного воспроизведения испытуемый должен был отразить основное содержание текста, используя для этого 6 карточек (предложений) из составляющих полный объем текста 12. Всего во второй серии было две подсерии (отличие — в характере восприятия текста при его запоминании).

В третьей серии экспериментов необходимо было сконструировать связный текст из готовых предложений и озаглавить его, причем процедура составления повторялась трижды с инструкцией найти иной вариант раскладки. Текст предварительно не предъявлялся. Порядок действия испытуемого с карточками во всех сериях регистрировался. Условия эксперимента рандомизировались.

По результатам первой серии оказалось, что описательные тексты запоминались и воспроизводились в большем объеме в сравнении с объяснительными, однако точность воспроизведения объяснительных текстов была выше. Была выявлена зависимость между валентностными характеристиками предложений и запоминанием этих предложений в составе текста. Выявлено, что действие «эффекта края» специфично в отношении предложений с различной глубиной валентности. Чаще других забываются наименее насыщенные в смысловом отношении предложения, особенно в том случае, если они пространственно локализованы в середине текста (различия в 2,6 раза). Предложения с малой шириной валентности воспроизводятся почти в 2 раза реже, чем предложения с наибольшей шириной.

При раскладке текстов из карточек сомнения в правильности восстановления последовательности предложений наблюдались в 2,6 раза чаще при работе с фрагментами описания, включенными в объяснительный текст, в сравнении с собственно объяснением и в 2 раза чаще при работе с описательными текстами, чем с объяснительными. Зарегистрированные в протоколах временные задержки в 2,3 раза чаще сопутствуют раскладке предложений, связанных с другими отношениями соподчинения, параллельными связями. Типичным действием при раскладке была перестановка карточек-предложений. Такие перестановки наблюдались нами в 4,5 раза чаще при работе с фрагментами описания, к тому же подобные перестановки не всегда способствовали точности восстановления последовательности предложений исходного текста. Наблюдения за ходом раскладки испытуемыми объяснительного текста свидетельствуют о том, что испытуемые образуют группы карточек и действуют с ними в основном сообразно с логико-психологической структурой текста. Установить какие-либо единообразные критерии раскладки описательного текста не удалось.

Вторая серия (компрессия), имеющая целью снижение влияния «непосредственности» запоминания на последующее воспроизведение, позволила установить следующее. Общей тенденцией при компрессии было избирательное воспроизведение предложений с наибольшими валентностными показателями. Установлено, что определенную роль при компрессивном воспроизведении играет и про-

пространственное расположение предложения в тексте. Имеющие средние значения глубины валентности предложения (как правило, принадлежащие средней части линии модификации в структуре текста) запоминаются и воспроизводятся лучше в середине текста, чем в его конце, а занимающие конечное положение в той же линии — лучше в конце текста, чем в его середине. (Следует заметить, что структурные и пространственные характеристики нередко не совпадают: принадлежащее концу линии модификации предложение может стоять в средней части текста.) Происходит своеобразное статусное перераспределение предложений в соответствии с логикой текста в целом. Анализ обычного воспроизведения (первая серия) позволил обнаружить его проявление и при инструкции на полное воспроизведение.

Запоминание и воспроизведение предложений с различной шириной валентности оказалось наиболее успешным, если пространственное и структурное расположение оказывались взаимно согласованными.

Наблюдения за поведением испытуемых при компрессионном воспроизведении показали, что, в отличие от воспроизведения при инструкции на обычное воспроизведение, они выражают недовольство тем, что их не предупредили сразу о необходимости запоминать главное, не сразу начинают воспроизводить текст, что свидетельствует о валидности использованной методики

Анализ раскладки в этой серии позволил установить, что выбор предложений тесно связан с их валентностными характеристиками (различие в 2–2,5 раза для предложений с большой глубиной и шириной валентности в сравнении с малой). Паузы при раскладке в 2,5–3 раза возникали чаще после выбора 2–3 карточек с предложениями с наибольшими значениями глубины и ширины валентности, перед необходимостью выбора из числа предложений с меньшими значениями этих показателей. Действия испытуемых в ходе раскладки сопровождались изменениями в выборе карточек. Эти изменения в 1,8–2,3 раза чаще касались предложений с наименьшими валентностями. Испытуемые при раскладке опирались на исходный текст, более или менее полно восстанавливая последовательность его предложений (в 87% случаев раскладки) и лишь после этого выполняли компрессию. Подобное восстановление также происходило с перестановками карточек, причем в 2,3–2,5 раза чаще переставлялись карточки с наибольшими валентностями.

Третья серия экспериментов имела целью выявить, насколько соотносится представление о связности текста у данного конкретного испытуемого с объективно существующими между предложениями смысловыми отношениями. Составленные испытуемыми связные тексты были той же логико-психологической структуры, что и послуживший источником экспериментального материала для данной серии объяснительный текст. Тип структуры сохранялся при всех трех попытках конструирования. Из множества вариантов составления текста было избрано несколько соответствующих объективным смысловым отношениям между предложениями. Ведущую роль при этом сыграли отношения смыслового подчинения: раскладка в соответствии с ними была в 10 раз чаще, чем в противоречии с ними.

Анализ материалов исследования показал, что существует связь между уровнем мотивации к участию в исследовании и результатами работы с текстом. Испытуемые с высокой мотивацией (ВМ) воспроизводят тексты в большем объеме,

чем испытуемые с низкой мотивацией (НМ), причем величина различия уменьшается в зависимости от характера ошибок при реконструкции и конструировании текста: испытуемые группы ВМ в 9,8 раза чаще устраняли логические нарушения последовательности предложений, причем это наблюдалось и при полном воспроизведении, и при конструировании текста. Экспериментальному изучению подвергалось влияние смысловой структуры текста на его запоминание при условии вариации особенностей понимания. Такую возможность дает привлечение в качестве испытуемых больных параноидной формой шизофрении (с малой прогрессивностью). Для данного вида патологии, по мнению Ю. Ф. Полякова, свойственно снижение влияния прошлого опыта на актуальную деятельность (Полякова, 1974). Б. В. Зейгарник отмечала, что в мышлении таких больных доминируют связи, неадекватные конкретным жизненным отношениям, т. е. нарушения организации опыта, играющая важную роль при понимании (Зейгарник, 1986).

Установлено, что так же, как и здоровые, больные запоминают описательные тексты в большем объеме в сравнении с объяснительными, однако это преимущество у больных выражено в большей мере, чем у здоровых испытуемых. Больные и здоровые примерно одинаково воспроизводят последовательность предложений объяснительного текста, однако этот показатель для описательного текста у больных в 1,6 раза выше, чем у здоровых.

Существенное значение в результатах экспериментов имеет факт снижения точности раскладки в сравнении с точностью воспроизведения в группе больных (в 1,5 раза для объяснительных и в 2 раза для описательных). Как и здоровые, больные испытуемые также лучше запоминают и воспроизводят предложения с большими значениями валентностных характеристик, однако детальный анализ позволил вскрыть существенные различия. Больные хуже воспроизводят предложения с большей глубиной валентности (в 4 раза), средней (в 1,3–1,5 раза) и примерно одинаково в сравнении с здоровыми испытуемыми – с малой. Различие при воспроизведении текста состоит в тенденции к замене отношений смыслового подчинения на отношения соподчинения. Это же наблюдается и при анализе раскладки текстов.

Отличие результатов компрессии текстов у больных состоит в том, что воспроизведенные предложения по валентностным характеристикам практически не отличаются от исключенных. Сравнение последовательностей предложений текстов, сконструированных больными и здоровыми испытуемыми позволило установить, что пространственное сближение предложений при конструировании текста больными происходит в целом в соответствии с их объективными смысловыми отношениями, хотя и с большим количеством ошибок (в сравнении с результатами здоровых). Однако приведение последовательности к соответствующей объективным отношениям вызывает у больных значительные затруднения. Согласно с такими отношениями порядок предложений у здоровых встречается в 7,6 раза чаще обратного, в то время как у больных в 1,5 раза чаще.

С целью выявления тенденций возрастного развития запоминания текста А. Ф. Пантелеевым было проведено экспериментальное исследование с участием 120 учащихся 2-х, 4-х, 6-х, 8-х, 10-х классов (Пантелеев, 2013). В исследование были включены элементы формирующего эксперимента, предполагавшего постановку вопросов к тексту учебника и поиск ответов на них.

В ходе исследований было установлено, что по мере возрастного развития наблюдается постепенный переход от стратегии расширения к стратегии углубления. Дети младшего школьного возраста склонны воспринимать и понимать объяснительный текст как описательный, т. е. придерживаются описательной стратегии (расширения), которая по мере возрастного развития постепенно заменяется адекватной характеру текста объяснительной стратегией (углубления).

С целью выявления возможной взаимосвязи между происшедшими в истории России изменениями в характере образования и запоминанием текста школьниками описанное выше исследование возрастной динамики было продублировано с интервалом более 25 лет совместно с Е. А. Лазуниной (Лазунина, 2011). В качестве объекта исследования было определено запоминание объяснительного текста. Сравнивались данные констатирующего эксперимента, проведенного с участием испытуемых тех же возрастов и при строгом повторении условий. Было выявлено заметное различие в результатах воспроизведения объяснительных текстов школьниками 1970-х годов и современными школьниками.

Сравнение показало, что возросло количество логических ошибок в воспроизведенном тексте, снизился объем воспроизведения текста, наиболее выраженные различия выявлены у учащихся выпускного класса. В результате сравнения данных, полученных с участием испытуемых в прошлом веке и современных испытуемых, была выявлена склонность учащихся (наиболее заметная у учащихся средних и старших классов) описывать то, что они запоминают. Конкретным проявлением этого послужило изменение соотношения объема воспроизведения наиболее информативных в логическом отношении предложений текста и менее информативных. Было установлено, что существует заметное снижение уровня приоритетности воспроизведения наиболее насыщенных в смысловом отношении предложений. Выявленная в конце 1980-х годов основная тенденция возрастного развития от описания того, что запомнилось, к объяснению того, что запомнилось, за истекший период заметно ослабела. Не исключено, что одной из причин подобного изменения показателей может быть изменение характера логики, ответственной за обработку текста при его понимании и запоминании. Последнее, в свою очередь, позволило Е. А. Лазуниной сформулировать представление о хронотопе логического.

Проведенные совместно с Ж. М. Глоzman и Л. С. Цветковой исследования с участием больных афазией показали, что нарушения в речевой деятельности при афазии ведут к избирательным затруднениям в воспроизведении структуры текста (Пантелеев и др., 1983). В частности, при поражении передних отделов речевой зоны наблюдаются трудности в воспроизведении текстов объяснительного типа, текст трансформируется в описательный, при поражении задних отделов речевой зоны возникают трудности с воспроизведением описательных текстов.

Как следует из описанных выше исследований с применением логико-психологического анализа текста по методике Доблаева, основная идея о диалогической природе понимания текста продуктивна и позволяет раскрывать сущность происходящих при этом когнитивных процессов. Сложившаяся в истории психологии линия тесной взаимосвязи логики и психологии, начатая Ж. Пиаже и продолженная Доблаева применительно к анализу текста, жизнеспособна, несмотря на то, что в последние годы в экспериментальной психологии этому уделяется

все меньшее внимание (Пиаже, 2003). Необходимо заметить, что работа школьника с текстом учебника в современной практике школьного обучения нуждается в коррекции. Основой при этом может и должен служить подход к пониманию (и запоминанию) текста учебника, согласно теории Л. П. Добраева. Нужно заметить, что, по нашим наблюдениям, это стало особенно актуально в связи с онлайн-обучением и возникающим при этом дефицитом формирующей обратной связи.

Литература

- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
- Блонский П. П.* Память и мышление. М. – Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935.
- Величковский Б. М.* Современная когнитивная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
- Добраев Л. П.* Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. М.: Педагогика, 1982.
- Зейгарник Б. В.* Патопсихология М.: Изд-во Московского университета, 1986.
- Лазунина Е. А.* Логическая природа коммуникации // Известия Саратов. ун-та. Новая сер. «Философия. Психология. Педагогика». 2011. Т. 11. Вып. 3. С. 80–83.
- Пантелеев А. Ф.* Когнитивные стратегии: феноменология // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. «Философия. Психология. Педагогика». 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 88–93.
- Пантелеев А. Ф., Глозман Ж. М., Цветкова Л. С.* Влияние смысловой структуры текста на его воспроизведение (в норме и при афазии) // Новые исследования в психологии. 1983. Вып. 2. С. 3–8.
- Пиаже Ж.* Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2003.
- Поляков Ю. Ф.* Патология познавательной деятельности при шизофрении. М.: Медицина, 1974.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.
- Сурков Ю. В.* Формирование у школьников самоконтроля при осмыслении текста учебника // Вопросы педагогики и психологии. 1972. Вып. 3. С. 57–78.
- Шеварев П. А.* О роли ассоциаций в процессах мышления // Исследования мышления в советской психологии». М.: Наука, 1966. С. 388–436.

Logical and psychological analysis of the text of L. P. Dobraev: formation and application.

A. F. Panteleev

Saratov State University

The method of analyzing the structure of the educational text developed by L. P. Dobraev made it possible to identify the relationship between the position occupied by the sentence in the structure and its memorization. The connection between the valence characteristics of a sentence and its reproduction is revealed. The age dynamics of text memorization by schoolchildren was studied, and the analysis of cross-section results of memorization with a gap of more than 25 years in the study was carried out. The relationship between the level of motivation and the results of memorizing texts is established, and the features of under-

standing and memorizing texts of different structures in normal and schizophrenia, and in various forms of aphasia are described.

Keywords: understanding, logical – psychological analysis of the text, memorization, dialogue, hidden questions, cognitive strategies.

Жизненный путь и творческое наследие Ганса фон Хентига

Ю. Б. Плавинская

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, juliaplavinskaya@rambler.ru*

Ганс фон Хентиг (Hans von Hentig, 1887–1974) – крупный представитель немецкой психологии, автор фундаментальных трудов по юридической и криминальной психологии, криминологии. В 1948 г. опубликовал монографию «Преступник и его жертва», положив начало становлению и развитию виктимологии как самостоятельной области научного знания. Статья содержит анализ биографии и научного наследия немецкого ученого. Приведены сведения об основных публикациях, значимых исторических событиях, а также редких исторических фактах. Отмечается значение исследований фон Хентига для развития мировой юридической психологии.

Ключевые слова: история психологии, юридическая психология, криминальная психология, личность преступника, жертва, гангстеризм, виктимология.

Ганс фон Хентиг (Hans von Hentig, 1887–1974) – один из значительных представителей немецкой юридической психологии. В России в научном сообществе его имя вспоминают чаще всего в связи с тем, что он стоял у истоков оформления виктимологии как отдельной науки. Однако на своей родине, в Германии, фон Хентиг вполне заслуженно пользуется репутацией одного из «отцов» криминальной психологии, в развитие которой он внес весомый вклад. Ученый прожил богатую событиями жизнь и оставил обширное творческое наследие, к сожалению, практически неизвестное в нашей стране.

Ганс фон Хентиг родился 9 июня 1887 г. в Берлине. Его отец, Отто фон Хентиг, был очень известным юристом, в число его клиентов входили такие крупные персоны, как рейхсканцлер Отто фон Бисмарк, фельдмаршал Хельмут фон Мольтке, промышленник Вернер фон Сименс и даже изобретатель Томас Эдисон. Окончив гимназию, юный фон Хентиг в 1906–1907 гг. находился на военной службе в Познани. Затем с 1908 г. он изучал юриспруденцию в университетах Парижа, Берлина, Мюнхена, в 1912 г. получил степень доктора.

Г. фон Хентиг жил в непростое время — в июле 1914 г. началась Первая мировая война, и ему пришлось уйти в армию. Он служил офицером на Западном фронте, Балканах и в Палестине, участвовал в битве на Сомме. После поражения Германии в войне в декабре 1918 г. вернулся в Берлин. Пережитое на войне и свой опыт участия в боевых действиях молодой человек обобщил в книге «Моя война» («Mein Krieg»), которую опубликовал в 1919 г.

Ганс фон Хентиг был незаурядной личностью, живо откликавшейся на все веяния времени. Он считал подписание Версальского мирного договора величайшим позором для родной страны, послевоенная разруха и общественный хаос вызывали в нем возмущение. В ноябре 1918 г. в Германии началась революция.

С 1919 по 1922 г. фон Хентиг был в основном поглощен журналистикой и политикой. Как бывший офицер он становится членом «Freikorps Oberland», добровольческого военизированного формирования праворадикального толка. Эти корпуса боролись с «коммунистической угрозой», принимали непосредственное участие в «ликвидации» Баварской советской республики. Многие из «фрайкорцев» впоследствии стали верными соратниками А. Гитлера — Р. Гесс, Г. Геринг, Г. Гиммлер, Э. Рём.

Однако фон Хентиг был достаточно противоречивой фигурой и неожиданно поменял свои политические убеждения. В 1922 г. он перешел в лагерь левых экстремистов и стал одним из лидеров немецкого национал-большевизма, не будучи марксистом. Он принимал активное участие в революционных событиях, в 1923 г. был в составе руководителей планируемого восстания рабочих в Тюрингии и Саксонии. После подавления революции ему было предъявлено обвинение в «государственной измене» и он был вынужден бежать в 1925 г. за границу — Англия, Франция, Италия и даже Советская Россия стали его приютом. В июле 1926 г. была объявлена всеобщая амнистия, и он вернулся в Германию, где полностью посвятил себя научной деятельности.

В центре его научных интересов того времени были проблемы уголовного права, криминологии и криминальной психологии — так, в 1924 г. увидели свет его работы «Макиавелли», «Робеспьер», в которых он сделал попытку глубокого психологического анализа личности этих общественных деятелей.

В период с 1927 по 1933 г. фон Хентиг был сотрудником знаменитого периодического издания под названием «Ежемесячный журнал по проблемам криминальной психологии и реформы уголовного права» (Monatsschrift für Kriminalpsychologie und Strafrechtsreform), основанного Густавом Ашаффенбургом.

Придавая огромное значение применению психологических знаний в юриспруденции, фон Хентиг совместно с Вольфгангом Миттермайером разработал так называемый «клинический метод» обучения юристов, при котором студенты проходили практику непосредственно в тюрьмах, анализируя биографические данные заключенных, контактируя с ними и проводя психологические исследования особенностей их личности (Плавинская, 2018, с. 98).

В 1931 г. фон Хентиг был назначен профессором кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики в университете города Киль. В качестве декана он возглавлял факультет в 1932 и 1933 гг. После прихода к власти Гитлера в 1933 г. ученый выступал с критикой политики антисемитизма, против дискриминации цыган и других «неполноценных» групп населения. По своим убежде-

ниям он был ревностным противником смертной казни и реформирования уголовного права в нацистском духе, поэтому его сочли неудобным власти. В 1934 г. ученый против его воли был освобожден от должности профессора в Кильском университете и переведен в Боннский университет, а 1 сентября 1935 г. был принудительно отправлен на пенсию (Mayenburg, 2009, S. 124).

В том же году фон Хентиг эмигрировал в США. Там он работал доцентом юридического факультета Йельского университета, а с начала 1937 г. являлся научным экспертом Генеральной прокуратуры штата Вашингтон. В дальнейшем он занимал должности профессора в различных университетах США (Колорадо, Орегон, Айова, Канзас-Сити). Г. фон Хентиг с 1938 по 1940 г. участвовал в крупномасштабном исследовательском проекте в штате Колорадо по изучению уровня преступности, с 1945 по 1951 г. проводил криминально-психологические исследования в тюрьме Канзас-Сити.

В этот период сфера его научных интересов — проблемы юридической психологии. Ученого особенно интересовали психологические особенности личности человека, совершающего преступления, мотивация его поведения, проблемы образования, структуры, функционирования и распада преступных групп. При проведении исследований он стремился учесть все многообразие явлений, оказывающих влияние на формирование личности преступника.

В 1941 г. он опубликовал небольшую работу «Замечания по интеракции между преступником и жертвой», в которой выдвинул динамическую концепцию возникновения преступности. По мнению немецкого ученого, «жертва преступления не должна рассматриваться как пассивный объект, ибо она — активный субъект криминализации. Жертва... участвует в иницировании и осуществлении преступления» (Klimke, Legnaro, 2016, S. 208).

В 1948 г. фон Хентиг выпустил в свет свою знаменитую монографию «Преступник и его жертва» («The criminal & his victim»), положив начало становлению и развитию виктимологии как самостоятельной отрасли научного знания. До этого ни в одной из отраслей мировой науки — ни в уголовном праве, ни в криминологии, ни в криминальной/юридической психологии — не уделяли внимания роли жертвы в механизме преступления. Общепризнанной точкой зрения был взгляд на жертву как объект произвола преступника.

Г. фон Хентиг выдвинул идею о существовании зависимости между психологическими особенностями личности жертвы и спецификой преступления, которое возможно в отношении нее. По его мнению, преступление возникает как «активация объекта с помощью среды» (Hentig, 1948, p. 7). Ученый стремился уйти от традиционного одномерного подхода, сосредоточенного только на особенностях психологического склада личности преступника. До него большинство исследователей, пытаясь определить суть причинной обусловленности преступления, акцентировали внимание на социокультурных характеристиках, биологических отклонениях и психологическом состоянии преступника. Г. фон Хентиг рассмотрел явление виктимности в криминально-психологическом плане, считая, что многие жертвы провоцируют преступника на совершение преступления своим поведением.

Ученый утверждал, что отдельные социальные группы (например, эмигранты, женщины, старики, представители отдельных этносов, умственно отста-

лые и психически нездоровые лица) обладают так называемой «виктимогенной предрасположенностью». Большой заслугой фон Хентига была разработка одной из первых в мире подробной классификации жертв преступлений, базирующейся на биологических, социальных и психологических основаниях. В рамках этого подхода он выделил 13 категорий, к которым отнес престарелых лиц; людей, находящиеся в психологически угнетенном (депрессивном) состоянии; женщин; детей, подростков; лиц с аномалиями психики и т. д. Идеи фон Хентига послужили позднее теоретико-методологическим основанием развития криминалистической школы в виктимологии.

Вторая мировая война закончилась, в 1951 г. ученый вернулся в Германию и вновь стал профессором в университете Бонна, где и работал вплоть до своего выхода на пенсию в 1955 г. (Mayenburg, 2009, S. 145—146). В последующее время он не оставлял научной деятельности и опубликовал большое количество трудов по проблемам юридической психологии: «Психология отдельных преступлений: кража, взлом, грабеж; убийство; мошенничество» (1954—1959); «Юношеский вандализм» (1967); «Террор» (1970); «Вклад в науку о преступности» (1973) и др.

Книга «Гангстер: криминально-психологическое исследование», опубликованная в 1959 г., чрезвычайно характерна для фон Хентига как ученого, для его научного подхода к анализу сложных социально-психологических явлений.

Г. фон Хентиг отличался оригинальностью суждений и выбирал в качестве темы своих исследований злободневные проблемы современного ему общества, поэтому его труды зачастую были новаторскими для своего времени. Так случилось и с этой монографией. Несмотря на то, что жизнь и смерть гангстеров были в центре внимания американской прессы 1920—1930-х годов, научных работ, освещающих проблему гангстеризма, ни в США, ни в Западной Европе практически не было. Отличительной чертой научного труда фон Хентига является всестороннее изучение комплекса факторов, обуславливающих преступное поведение, он анализировал как индивидуальные психологические особенности преступников (уровень психического здоровья, темперамент, особенности мировоззрения), так и социальные детерминанты (экономическое положение, среда, дурной пример и т. д.). Ученый внимательно изучил историю возникновения первых банд гангстеров, рассмотрел структуру таких преступных групп, виды «бизнеса» гангстеров, способы уклонения бандитов от уголовного преследования. Особое внимание фон Хентиг уделил анализу социальных, психологических и биологических факторов, детерминирующих преступное поведение личности.

Проживая в США, фон Хентиг по роду своей профессиональной деятельности неоднократно лично общался с гангстерами: например, допрашивал задержанных членов банды Блонгера в каторжной тюрьме Кэнон-Сити. Опыт взаимодействия с этими преступниками привел немецкого ученого к выводу о чрезвычайной общественной опасности гангстеризма: для него это «новые, неслыханные силы разрушения» — «глубинная проблема всего сущего, смерть, стала бизнесом; она поставляется по запросу и регулируется по цене. Убийство как товар заносится в дом» (Hentig, 1959, S. 242—243). Г. фон Хентиг отмечал, что гангстеризм — это очень сложное, даже «невероятное» явление, которое с трудом поддается изучению (там же, S. V).

Работая над монографией, немецкий ученый использовал не только личный профессиональный опыт, но и результаты тщательного анализа биографических данных наиболее ярких представителей американского гангстеризма (Винсент Колл, «Красавчик» Флойд, «Малыш» Нельсон, Келли «Пулемёт» и мн. др.). Наличие обильного иллюстративного материала из жизни реально существовавших американских гангстеров, которым автор подкрепляет свои теоретические рассуждения, является характерной особенностью криминально-психологического исследования фон Хентига. Он не ограничился изучением и описанием психологического феномена, а постарался раскрыть его внутренние закономерности.

Основным социально-психологическим фактором, который толкал человека на путь гангстеризма, немецкий ученый считал бедность. Резкое разделение общества на богатых и бедных, характерное для США начала XX в., вызвало к жизни ряд социально-психологических явлений, таких, как зависть, ненависть, желание использовать криминальные пути для выхода из нищеты и бедности. Г. фон Хентиг отмечал: «Только те, кто был в нужде, знают цену деньгам и материальным благам» (там же, S. 200). Для таких людей деньги являются универсальным средством решения всех проблем, и поэтому они не задумываются о нравственной составляющей криминального пути их приобретения.

Исследуя генезис преступного поведения гангстеров, немецкий ученый особо акцентировал внимание на социальных факторах, способствовавших формированию преступной личности — ребенок, выросший в трущобах, с детства окружен атмосферой насилия: «Сильный бьет слабого, мужчина — женщину, взрослые — детей» (там же, S. 200). Все это закономерно создает установку на дальнейшее использование только насильственных способов достижения поставленных целей. Г. фон Хентиг подчеркивал, что именно преступная мотивация деятельности является доминирующей для будущего гангстера, такой подросток не хочет честно зарабатывать свой хлеб, он «стыдится» труда и ненавидит школу, работу, любые попытки педагогического воздействия на его поведение.

Несомненной заслугой немецкого ученого является создание психологического портрета гангстера как нового, ранее неизвестного науке представителя криминального мира.

Г. фон Хентиг отмечал, что при построении психологического портрета гангстера следует учитывать «множество типов, которые обобщены под одним именем: есть старые гангстеры и новые рэкетеры; есть лидеры (их немного) и те, которыми легко можно руководить (их много), гангстеры-одиночки и главы преступных синдикатов» (там же, S. 199). Поэтому, по его мнению, необходимо составлять различные психологические портреты преступников в зависимости от уровня, который они занимают в гангстерской иерархии.

Обобщая данные об уровне интеллектуального развития гангстеров, Г. фон Хентиг указывал, что в целом они имеют такой же уровень интеллекта, как и среднестатистические граждане (там же, S. 218).

Анализируя содержательно-ценностный компонент мировоззрения гангстера, фон Хентиг отмечал, что для данного типа преступной личности в первую очередь характерны «отношение к жизни как к игре», «стремление к мгновенному наслаждению», а также короткая временная жизненная перспектива: «Гангстер живет настоящим». В качестве одной из основных психологических характерис-

тик личности гангстера он выделил стремление к риску, приключениям. Ученый отмечал инфантилизм такого типа преступников — «это маленький взрослый глупый мальчик», дающий согласие «умереть молодым», демонстрирующий всему миру стремление «быть великолепным трупом» (там же, S. 202–203).

В процессе анализа общей структуры мотивационной сферы личности гангстера, степени иерархизированности мотивов, целей, ценностей в структуре его мировоззрения, Г. фон Хентиг отмечал безусловное превалирование материальных ценностей и ярко выраженное стремление к роскошной жизни — «открытый кадиллак, шкаф, полный элегантною одежды, сделанной на заказ, шикарная квартира и полный кошелек денег». Г. фон Хентиг говорил о высокой самооценке таких преступников, приближающейся к мании величия — например, гангстер Серж Рубинштейн, расстрелянный в Нью-Йорке в 1955 г., очень любил устраивать костюмированные вечеринки, на которых выступал в качестве Наполеона (там же, S. 203).

Г. фон Хентиг отмечал повышенную амбициозность людей, встающих на путь гангстеризма, их навязчивое стремление к восхищению окружающих, жажду славы. Известный грабитель банков Келли «Пулемет» неоднократно признавался, что грабил банки скорее ради удовольствия и ощущения власти, чем ради денег. Многие гангстеры, по мнению ученого, выбирают свою «профессию», руководствуясь тем, что «ни одна профессия в мире не дает таких неограниченных возможностей, интеллектуального влечения, престижа, а также чувства власти, которую дает преступление» (Hentig, 1959, S. 203–206).

В качестве специфической особенности психологического склада, присущей личности гангстеров, фон Хентиг выделил эмоциональную холодность по отношению к людям — во время совершения преступлений, даже убийств, «душа этих новых специалистов не взволнована никакими эмоциями» (там же, S. 211).

В нравственной структуре личности гангстера нет места осознанию ценности жизни другого человека, и фон Хентиг оценивал этот психологический феномен как своеобразную патологию развития личности, почти психическое заболевание.

Г. фон Хентиг пришел к выводу: для психологического склада гангстеров очень характерно наличие четкого дисбаланса интеллектуальной и моральной сферы — при нормально развитом интеллекте эти преступники отличаются крайней неразвитостью нравственной подструктуры личности (отсутствие совести, эмпатии, эмоциональная холодность по отношению к окружающим) (там же, S. 218).

В целом монография фон Хентига является образцом криминально-психологического исследования, анализирующего гангстеризм как многомерное, многоуровневое, иерархически организованное сложное социально-психологическое явление. немецкий ученый постарался изучить личность гангстера во всей полноте, подробно рассмотрев ее базовые подсистемы (биологическую, психическую и социальную). Психологический портрет гангстера, созданный фон Хентигом, на протяжении многих лет оставался уникальным и не потерял своей актуальности в наши дни. Хотя многие идеи фон Хентига кажутся современному читателю причудливо изложенными, даже несколько архаичными, тем не менее его научный труд имеет и сегодня несомненную ценность в области юридической, особенно криминальной психологии.

Ганс фон Хентиг умер 6 июля 1974 г. в Бад-Тёльце (Верхняя Бавария) в возрасте 87 лет. Его родная страна, Германия, высоко оценила его вклад в мировую науку. В 1964 г. Ганс фон Хентиг стал одним из первых ученых, награжденных золотой «Медалью Ч. Беккариа» – она присуждается Криминологическим обществом (научное объединение криминологов Германии, Австрии и Швейцарии) за выдающиеся достижения в исследованиях в области предупреждения преступности, расследования преступлений или реабилитации правонарушителей (Köhler, Scharmach, 2017, S. 467). В знак уважения и признания в 1968 г. ученый был награжден орденом «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия» – единственной государственной наградой, которая существует в этой стране.

Заключение

Ганс фон Хентиг входит в плеяду ученых, оставивших яркий след в истории юридической психологии XX в. Ему довелось пережить две мировых войны, но в этих сложных условиях он смог состояться как достойный представитель немецкой психологии. Г. фон Хентиг был одаренной личностью, энергичным и увлекающимся человеком, продуктивным ученым, оставившим богатое творческое наследие. Обширная тематика его научных исследований определяется не только широтой его эрудиции, но и активной общественной позицией.

В центре его научных интересов были проблемы уголовного права, криминологии и криминальной психологии. Основными направлениями научных поисков фон Хентига являлись психологические особенности личности преступника, его ценностно-мотивационная сфера, проблемы функционирования преступных групп. К числу несомненных заслуг фон Хентига следует отнести разработку «клинического метода» обучения психологии студентов-юристов, предусматривающего непосредственное взаимодействие с преступниками. Весомый вклад ученый внес в изучение психотипов различных видов преступников, в частности, в исследование такого сложного явления, как гангстеризм.

Г. фон Хентиг выдвинул идею о существовании зависимости между психологическими особенностями личности жертвы и спецификой преступного деяния, утверждал, что многие жертвы провоцируют преступника на совершение преступления своим поведением. Труды немецкого ученого положили начало становлению и развитию виктимологии как самостоятельной отрасли научного знания.

Характерными чертами индивидуального стиля научной деятельности Ганса фон Хентига являются способность генерировать оригинальные идеи, активность и критичность мышления, широта исследовательских интересов. Работы немецкого ученого имеют большое значение и для современной психологической науки, стимулируя новые направления научного поиска.

Литература

- Плавинская Ю. Б.* Юридическая психология в Германии: история и современность // Мир педагогики и психологии. 2018. №9 (26). С. 87–104.
- Die vertriebenen Persönlichkeiten und Wissenschaftler der Kieler Universität: Professor Dr Hans von Hentig // Webseite der Christian-Albrechts-Universität. URL: <http://www.uni-kiel.de/ns-zeit/bios/hentig-hans.shtml> (дата обращения: 07.05. 2021).

- Hentig H. v.* The criminal & his victim. Studies in the Sociobiology of Crime. New Haven: Yale University Press, 1948.
- Hentig H. v.* Der Gangster: Eine kriminalpsychologische Studie. Berlin: Springer, 1959.
- Klimke D., Legnaro A.* Kriminologische Grundlagentexte. Wiesbaden, 2016.
- Köhler D., Scharmach K.* Zur Geschichte der Rechtspsychologie in Deutschland unter besonderer Betrachtung der Sektion Rechtspsychologie des BDP // Praxis der Rechtspsychologie. 2017. № 23. S. 455–468.
- Mayenburg D. v.* «Geborene Opfer». Bausteine für eine Geschichte der Viktimologie – Das Beispiel Hans von Hentig // Rechtsgeschichte. Zeitschrift des Max-Planck-Instituts für europäische Rechtsgeschichte. 2009. № 14. S. 122–147.

Life and creative heritage of Hans von Hentig

J. B. Plavinskaya

*Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhniy Novgorod,
juliaplavinskaya@rambler.ru*

Hans von Hentig (1887–1974) is a prominent representative of German psychology, the author of fundamental works on legal and criminal psychology, criminology. In 1948, he published the monograph “The Criminal and His Victim”, which marked the beginning of the formation and development of victimology as an independent field of scientific knowledge. The article contains an analysis of the biography and scientific heritage of the German scientist. Information about the main publications, significant historical events, as well as rare historical facts is given. The importance of G. von Hentig’s research for the development of world legal psychology is noted.

Keywords: history of psychology, legal psychology, criminal psychology, personality of the offender, victim, gangsterism, victimology.

Л. П. Доблаев: от понимания текста к пониманию души (к 100-летию со дня рождения)

Е. В. Рягузова

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет им.
Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, rjaguzova@yandex.ru*

Раскрывается роль и вклад в психологию доктора психологических наук, профессора Льва Петровича Доблаева, создавшего кафедру психологии и открывшего в 1971 г. отделение психологии в Саратовском государственном университете. Представлена короткая историческая справка и приведен анализ двух знаковых ра-

бот, отражающих проблемное и концептуальное поле его исследований, их вектор и ориентир. Показана эволюция его научных взглядов и результаты понимания — постижения им мира, бытия, человека на основании пережитого опыта, поставленных экзистенциальных вопросов и поисков ответов на них.

Ключевые слова: история психологии, смысловая структура текста, субъект-предикатные отношения, понимание текста, дух, душа.

Лев Петрович Доблаев — доктор психологических наук, профессор — родился 11 июля 1922 г. в городе Буденновске Ставропольского края. В годы Великой Отечественной войны он был командиром взвода разведчиков, ранен, награжден Орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Ленинграда» и «За боевые заслуги». В 1946 г. окончил Кировский педагогический институт и получил специальность «Учитель русского языка и литературы». Работал в Саратовском государственном университете с 1951 г. до последних дней своей жизни сначала в качестве сотрудника, потом заведующего кафедрой психологии и педагогики, а затем заведующего созданной им кафедры психологии, профессором кафедры психологии. В 1972 г. защитил в Москве в Институте общей и педагогической психологии АН СССР докторскую диссертацию по педагогической психологии на тему «Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания». Автор более 100 научных работ, получивших известность не только в нашей стране, но и за рубежом. Его монографии переведены на многие языки мира.

Л. П. Доблаев скончался в 2010 г. в Саратове, похоронен на Сторожевском кладбище.

Для понимания жизненного и творческого пути Доблаева важно проанализировать научные тексты Доблаева, позволяющие «услышать его голос», артикулировать его научные идеи и мысли, показать их значимость и эвристичность для современной психологии.

В фокусе исследовательского интереса данного исследования находятся две работы Доблаева, написанные им в разные годы, на разных этапах научной карьеры и жизненного пути; они несопоставимы по объему и тематике, но именно эти работы определили, как представляется, проблемное и концептуальное поле его исследований, их ключевой вектор и смысловой ориентир. Прежде всего, имеется в виду монография «Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания» (Доблаев, 1982), изданная в Москве под редакцией Василия Васильевича Давыдова. Вторая публикация — одна из последних работ Доблаева — небольшая статья «Дух и душа человека» (Доблаев, 2009), опубликованная в сборнике «Материалы Восемнадцатых Страховских чтений. Труды психологической лаборатории под редакцией профессора Владимира Ивановича Страхова».

В монографии «Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания» изложены основные положения авторской концепции понимания учебного текста в контексте знания и познания. Доблаев опирается на идею о том, что понимание неразрывно связано с мышлением, и определяет его как решение особых текстовых задач, субъективное отражение проблемных текстовых ситуаций, выполнение специфических мыслительных приемов, установление семантических связей между его содержательными компонентами. На основе анализа

смысловой структуры учебного текста им дифференцируются типы проблемных текстовых ситуаций и устанавливается, что учебные тексты как системы текстовых суждений характеризуются субъектно-предикатными отношениями, т. е. «содержат описываемое и описание, объясняемое и объяснение, доказываемое и доказательство» (Доблаев, 1982, с. 167–168). Сложные тексты репрезентируют иерархическую систему текстовых субъектов и предикатов разных рангов и порядков, в которых обнаруживаются вариативные типы смысловых отношений: а) между текстовым субъектом и его предикатом; б) между субъектами последующего ранга, входящими в состав предиката.

С точки зрения Доблаева, для того чтобы понять текст, нужно решить определенные текстовые задачи, которые, во-первых, отражают смысловую структуру текста; во-вторых, выявляют сущность понимания учебного текста, а в-третьих, способствуют развитию и формированию средств понимания учебного текста. Доблаев полагал, что «от того, насколько правильно и быстро постигают школьники смысловое содержание текста, зависит овладение ими приемами самостоятельного приобретения знаний, ориентировки во всеусложняющемся объеме информации» (Доблаев, 1982, с. 3). Пересказ текста, ответы на вопросы учителя и самостоятельная постановка вопросов являются критериями понимания текста, причем самым надежным из них выступает именно постановка вопросов учениками. Среди основных приемов осмысления текста Доблаев формулирует следующие: внутренняя постановка вопроса — поиск и нахождение ответа; внешний вопрос — предположение, его проверка и нахождение ответа; антиципация — проверка предугаданного; рецепация — мысленное возвращение к какому-нибудь элементу текста; рефлексия как критическая аналитика и оценка текста.

В одной из своих работ, посвященных анализу и пониманию текста, Доблаев пишет о том, что понимание любого объекта, в том числе текста, принято разделять на два типа: непосредственное и опосредованное. Непосредственное понимание происходит в режиме «здесь-и-сейчас» и не предполагает использования специальных приемов. Оно может реализовываться в трех формах: на основе развернутого процесса осмысления тех знаний и умений, которым обучают; через стихийный индивидуальный опыт, который часто не осознается; посредством интуитивного понимания, открытия, выходящего за пределы обучения и индивидуального опыта. Опосредованное понимание проявляется в разрешении своеобразных задач и проблемных ситуаций, содержащихся в тексте, постановке вопросов и нахождении на них ответов (Доблаев, 2001).

Доблаев выделял в смысловой структуре текста проблемные ситуации незаданного вопроса-связки, функция которого заключается в объединении текстового субъекта и его предиката в текстовое суждение. Наличие в текстовой проблемной ситуации скрытого вопроса, стимулирующего ученика к нахождению пока неизвестного доказательства, обуславливает ее основное ключевое свойство — новизну. Важным является то, что понимание текстовой проблемной ситуации начинается не с рефлексии готового вопроса (как в математических задачах), а раньше — с обнаружения и самостоятельной постановки ее читателем, превращения проблемной ситуации в задачу «для себя». Завершение текстовой проблемной ситуации Доблаев связывает с нахождением ответа на вопрос либо в самом тексте, либо посредством воспоминания и рассуждения, либо через обращение

к другому источнику, но в любом случае понимание осуществляется посредством вопросов, на которые отвечает знание.

Поскольку текст содержит скрытые вопросы, он представляет собой систему проблемных ситуаций. Две из них основные — новизна текстового субъекта, обусловленная поиском предикции или невыявленности предиката, и нераскрытость/неустановленность текстового субъекта, связанная с неопределенностью или неясностью того, о чем идет речь. Такие текстовые ситуации, в которых возникает необходимость что-то для себя установить, ответить на вопрос, создают субъективное впечатление неизвестности, ожидания чего-то нового. Среди дополнительных проблемных текстовых ситуаций Добраев отмечал такие, как неполнота содержания текстового субъекта или предиката, отсутствие выражения текстового субъекта или предиката, противоречивость в их содержании.

Идея понимания смысловой структуры учебного текста как целостного, связанного и законченного процесса была абсолютно новаторской для того времени и обогатила педагогическую психологию, укрепив активный статус всех субъектов образовательного процесса и усилив личностно-ориентированную, субъект-субъектную парадигму в образовании. В. И. Слободчиков полагает, что в конце 1980-х годов произошла трансформация учебно-воспитательного процесса, изучаемого в педагогической психологии, в образовательный процесс, в рамках которого образование трактуется как философско-антропологическая категория «во всей полноте телесно-душевно-духовного строя» (Слободчиков, 2016, с. 102). Верится в то, что работа Добраева также способствовала этому инновационному преобразованию.

Субъект-субъектная образовательная парадигма, являясь доминирующей, в настоящее время уточняется и обогащается новыми смыслами. В. И. Панов, анализируя напряженность и безопасность образовательной среды, предлагает выделять в ней не только разные типы взаимодействий, но и дифференцировать субъект-субъектные интеракции в формате педагогических воздействий, педагогических взаимодействий и педагогических содействий (Панов, 2018). В. А. Ясвин, моделируя структуру личностно-развивающей среды, акцентирует внимание на ее ресурсных возможностях для активных субъектов образовательного процесса, поиске критериев эффективной организации и функционирования всех компонентов личностно-развивающей среды, а также на выделенных параметрах ее описания (Ясвин, 2020).

Кроме того, идеи Добраева послужили отправной точкой для новых исследовательских направлений, положив начало психологическому изучению не только учебных текстов, но и художественных, политических, разговорных, т. е. текст как связанная когерентность, репрезентант автора и эпохи стал предметом психологического, психолингвистического и психосемантического анализа (Ушакова, 1989; Ушакова и др., 2000).

Еще одно направление дальнейших исследований связано с расширением категории понимания — от понимания как раскрытия смысла, заложенного в тексте, к пониманию-интерпретации как нахождению собственного смысла (Славская, 2002); от понимания учебного текста к пониманию как сущности образования в контексте совместной деятельности учитель — ученик и установления личностного смысла познаваемого (Шадриков, 2019, 2020), от понимания смысловой струк-

туры текста как способа познания к пониманию смысловой структуры мира, себя и Другого/Других как способа существования человека в контексте разных реальностей, а также многослойному дифференцированию понимания как знания, понимания как интерпретации, понимания как постижения (Знаков, 2005, 2016).

Другая анализируемая нами работа — «Дух и душа человека» (Доблаев, 2009) представляет для нас особый интерес по разным причинам. Первая из них связана со смысловым контентом статьи, которая посвящена анализу духа и души, т. е. тех понятий, которые в контексте классической психологии и естественно-научного подхода к исследованию психики (а именно в этих рамках работал Л. П. Доблаев) подвергались абсолютному табуированию, тщательному избеганию и исключались из категориального тезауруса научной психологии. Как писал С. Л. Франк, эти понятия «были похищены у психологии» (Франк, 1997, с. 8). Вторая причина обусловлена стремлением ознакомить психологическое сообщество с результатами аналитической рефлексии, проведенной Доблаевым, поскольку статья опубликована в сборнике ограниченного тиража и малодоступна для заинтересованного читателя. Третья причина — наверное, самая основная — заключается в том, что эта статья — одна из последних работ профессора Доблаева, которая отражает его мировоззрение и сформированную им картину мира, показывает эволюцию научных взглядов, репрезентирует результаты субъективного понимания-постижения бытия, мира, человека на основании прожитого и пережитого им эмоционального и духовного опыта. В ней он ставит значимые экзистенциальные вопросы — задачи «для себя» и пытается найти неоднозначные ответы на них.

В начале статьи Доблаев предлагает задуматься над некоторыми фактами и явлениями, которые не могут быть логически обоснованы в рамках естественно-научной парадигмы и объяснены в контексте отражательных и адаптивных функций психики. Среди них он называет интуицию — внезапное усмотрение вывода и интуитивное понимание — мгновенный свернутый акт постижения или «образного усмотрения», «эмоционального «ага-переживания» (Доблаев, 2009, с. 63); произведения искусства, наполненные многими смыслами, понимание которых иногда недоступно даже самому автору, а также исключительные способности людей, их новое видение и постоянное стремление к совершенству. Доблаев констатирует, что недостаточно связывать психику только с работой мозга и влияниями предметного и социального мира, поскольку существует еще более важный, первичный фактор психической деятельности — дух человека.

За поиском ответа на вопрос о происхождении духа и души Доблаев обращается к Библии, которая написана «исключительно наглядно, в стиле высочайшей образности... написана так, что понятна всем, хотя и не всех убеждает» (Доблаев, 2009, с. 64), и предлагает, особенно подчеркивая это, свою интерпретацию высказывания: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни и стал человек душою живою» (там же, с. 65). Доблаев отмечает, что человеческий дух по своему происхождению одинаков у всех людей (имеет божественную природу), но став частью души, обретает собственное содержание через индивидуальный опыт и приобретает индивидуализированный характер. При этом тело и дух оказывают взаимное влияние друг на друга. Чаще всего духовные влияния одерживают верх над негативными материальными условиями, повышают эффективность телесной и психофизиологической деятельности орга-

низма, благодаря своей способности к саморегуляции и самосовершенствованию. Возможно и обратное, когда материальные условия, выражающиеся в отсутствии или слабой восприимчивости их к определенным влияниям духа настолько неблагоприятны, что частично или почти полностью нейтрализуют положительную роль духа, что может привести к неадекватным реакциям, паническому состоянию и саморазрушению духа. Дух испытывает влияние биологических и социальных условий, но, исходя из своей природы, причинно не обусловлен ими. По отношению к духу они являются не причинами его существования, а лишь условиями различных форм его функционирования, которые благоприятствуют или не благоприятствуют влияниям духа. Добраев пишет: «Дух не зависит от телесных факторов, не сливается с ними и существует независимо от них» (Добраев, 2009, с. 68).

Интерес вызывают размышления Добраева о функциях духа, в рамках которых он пытается соединить духовные проявления человека с мозгом и нервной системой, рассматривая их деятельность как материальную основу психики и, по сути, предлагая свою архитектонику психики.

По мнению Добраева, самая общая функция духа в психике состоит в том, что идеальный дух является внутренним первоисточником активности психики, а через нее, начиная с головного мозга, всей многообразной психической и телесной деятельности человека как индивида и личности. Высшим проявлением силы духа в психике являются разум и воля, тесно связанная с активными эмоциями. Именно они обуславливают относительную свободу воли человека и высокую эффективность его деятельности. Вторая функция имеет отношение к направленности вовне или на себя и проявляется во внимании, целеполагании, познании и самопознании, интересах, предрасположенности к определенным видам деятельности, самосовершенствовании.

Другие функции, с точки зрения Добраева, связаны с тем, что проявления духа воплощаются в способностях разного уровня и мыслительных операциях, составляющих основу многих сложных психических явлений, которые не могут развиваться только под влиянием чувственного опыта. «Дух является источником внеопытного выявления человеком максимально широких идей. Они служат основой масштабной деятельности души: духовно-нравственной, познавательной, эстетической» (там же, с. 72). Важной функцией духа полагается творческая деятельность души, он обуславливает творческую активность, способность находить новое и оригинальное, делать открытия и достигать совершенства. Формирование иерархической системности и целостности души, основанной на неразрывности и взаимообусловленности внутренних психологических связей разного порядка, выступает еще одной важной функцией духа. И, наконец, Добраев выделяет такую значимую функцию духа, как духовная память, которая аккумулирует, сохраняет, а в определенных условиях актуализирует и воспроизводит весь прижизненный сознательный опыт людей — их знания, переживания и поступки.

Таким образом, Добраев видел перспективу развития психологического знания в возвращении в категориальный аппарат родовых для нее понятий — дух и душа — как изначально присутствующих и действующих. Можно констатировать, что такое возвращение постепенно и происходит в наше время. В этом контексте взгляды Добраева созвучны идеям известных современных психологов (Братусь, 2019; Слободчиков, 2016).

Эволюция научных взглядов Л. П. Добраева свидетельствует о расширении и углублении сферы его интересов – от понимания смысловой структуры учебного текста и разработки для этого специальных приемов в рамках педагогической психологии до глобальных философских, антропологических и психологических воззрений, сформированных в рамках пройденного уникального жизненного пути и сконструированного жизненного мира; от субъекта понимания к понимающему субъекту, приобретающему опыт, делающему ценностные выборы, задающему, ставящему экзистенциальные вопросы и ищущему ответы на них.

Литература

- Братусь Б. С.* Психология и духовность – две вещи несовместные? // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16. № 3. С. 470–478.
- Добраев Л. П.* Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания / Под ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982.
- Добраев Л. П.* Понимание учебного текста. Можно ли этому обучать? // Системный подход в современной психологии: материалы юбилейной научно-практической конференции, посвященной XXX-летию отделения психологии СГУ. Саратов: Научная книга, 2001. С. 172–177.
- Добраев Л. П.* Дух и душа человека // Материалы Восемнадцатых Страховских чтений. Труды психологической лаборатории. Саратов: Наука, 2009. С. 61–78.
- Знаков В. В.* Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Знаков В. В.* Психология понимания многомерного мира человека (доклад) // Вестник СПбГУ. 2016. Сер. 16. Вып. 1. С. 47–57.
- Панов В. И.* Напряженность образовательной среды в контексте субъект-средовых взаимодействий // Научное мнение. 2018. № 1. С. 48–56.
- Славская А. Н.* Личность как субъект интерпретации. Дубна: Феникс, 2002.
- Слободчиков В. И.* Психология становления и развития человека в образовании (доклад) // Вестник СПбГУ. 2016. Сер. 16. Вып. 1. С. 100–108.
- Ушакова Т. Н.* Текст как объект психологического анализа // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 1. С. 107–115.
- Ушакова Т. Н., Павлова Н. Д., Латынов В. В., Цепцов В. А., Алексеев К. И.* Слово в действии: интент-анализ политического дискурса. М.: Алетейя, 2000.
- Франк С. Л.* Реальность и человек. М.: Республика, 1997.
- Шадриков В. Д.* Понимание: определение и механизмы // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 4. С. 17–24.
- Шадриков В. Д.* Понимание в образовании // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 3 (48). С. 7–16.
- Ясвин В. А.* Формирование теории среды развития личности в отечественной педагогической психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 2. С. 295–314. doi: 10.17323/1813-8918-2020-2-295-314

Lev Petrovich Doblaev: from understanding the text to understanding the soul (on the 100th anniversary from birthday)

E. V. Ryaguzova

Saratov State University, Saratov, rjaguzova@yandex.ru

The role and contribution to psychology of Doctor of Psychology, Professor Lev Petrovich Doblaev, who created the Department of Psychology and opened the Department of Psychology at Saratov State University in 1971, is revealed. A short historical background is presented and an analysis of two significant works, reflecting the problematic and conceptual field of his research, their vector and reference point is presented. The evolution of his scientific views and the results of his understanding and comprehension of being, the world, a person based on his experience, the existential questions posed to him and the search for answers to them are shown.

Keywords: history of psychology, semantic structure of the text, subject-predicate relations, understanding of the text, spirit, soul.

Творческое наследие В. Вундта в истории мировой психологической мысли

О. М. Сметанина

Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте, г. Нижний Новгород, smetanina.vvags@mail.ru

Рассматривая философию как фундаментальную систему человеческого знания, В. Вундт утверждает, что философия имеет то же содержание, что и совокупность отдельных наук, но точка зрения, с которой она рассматривает это содержание, особая: с самого начала философия имеет в виду связь объектов знания. Рациональная мысль Вундта заключается в том, что общая жизнь никогда не является простым суммированием индивидуальных проявлений: происходит качественное преобразование, дающее начало психологии групп, наций, народа. Однако, высказав диалектические мысли по этому поводу, он не смог преодолеть в конечном счете метафизического разрыва между обществом и индивидуумом, нивелировав значение последнего.

Ключевые слова: В. Вундт, история психологии, психология народов, индивидуум и общество, Вундт как историк философии, социально-психологические идеи Вундта.

Психологическое наследие В. Вундта многогранно. По праву считается, что он заложил основы экспериментальной психологии. Вундт является одним из зачинателей социальной психологии. Он не употреблял этого термина, но по своему содержанию его «психология народов» является частью той области психологических исследований, которую впоследствии стали называть социальной психологией. Вундт поставил центральный методологический вопрос о месте психологии народов в системе психологических знаний. Он создавал систему психологической науки. Фундаментом этой системы выступает экспериментальная психология. Психология народов завершает построение здания психологической науки. Необходимость создания этой последней главы психологии вытекает из того, что построить всю психологию только на основе эксперимента оказалось невозможно.

Эксперимент, по мнению Вундта, способствует раскрытию течения элементарных психических процессов, но неприменим к познанию сложных проявлений психической жизни, таких как речь, мышление и т.д. В этих психологических феноменах проявляются особенности психологии человека, которые обусловлены жизнью человеческих общностей. Программе создания целостной психологии свойственно глубокое противоречие: Вундт объединяет два несовместимых метода рассмотрения: интроспективный, лежащий в основе индивидуальной психологии, и культурно-исторический, намечающий контуры социальной психологии народов. Здесь явно проявляется противоречивость научно-теоретической модели, согласно которой индивидуальная психология является естественно-научной дисциплиной, а психология народов — общественно-исторической. Первая пытается исследовать психику с помощью естественно-научных методов психофизического эксперимента, вторая — с помощью анализа «продуктов человеческого духа».

Разные аспекты научного творчества В. Вундта анализируют в настоящее время многие отечественные и зарубежные ученые (Ковалева, 2020; Костригин, 2020; Подвойский, Хайруллина, 2001; Позняков, 2020; Сметанина, 2020; Тихонова, 2020; Холондович, 2020; Fahrenberg, 2019; и др.).

Вундт как историк философии

Одну из фундаментальных работ В. Вундта — «Система философии» — переводчик А. М. Воден назвал выдающейся работой в современной философии (Вундт, 1902). К. Н. Вентцель считает философскую систему Вундта «замечательной», «смелой», стремящейся соединить все наши единичные познания в одно цельное воззрение на мир и жизнь (Вентцель, 1892, с. 2). Вундт пишет в предисловии к своему сочинению, что он считает основой метафизики «опыт, единственным же допустимым в ней методом — связь фактов, согласно принципу основания и следствия, уже всюду применяемую в единичных науках» (Вундт, 1902, с. 1). Свообразную задачу метафизики он видит в том, что она не ограничивает эту связь фактов какой-нибудь определенной областью опыта, а стремится распространить ее на всю его совокупность.

В речи «Связь философии с жизнью за последние сто лет», произнесенной по случаю избрания его ректором Лейпцигского университета в 1889 г., Вундт подчеркнул роль философии в системе научного знания. В университетской среде

философия как наука оценивалась неоднозначно. Некоторые считали ее «отголоском прошлого» (Вундт, 1895, с. 3). Не разделяя эти крайние мнения, Вундт, однако, оставляет за различными философскими направлениями право на существование в силу их исторического значения. Развитие науки в целом, по Вундту, приводит к единому, монистическому мировоззрению. И хотя наше познание имеет и будет иметь границы, оно стремится в этих границах к внутренней взаимосвязи (Wundt, 1874, S. 14). Собирая факты с целью обобщить их с помощью непротиворечивых научных принципов, Вундт создает обоснование этих принципов. Можно утверждать, что именно попытка такого обоснования — одна из наиболее важных заслуг Вундта.

Вундт определяет философию «как общую науку, которая должна объединить в свободную от противоречий систему общие познания, доставляемые отдельными науками» (Вундт, 1902, с. 14). В этом определении мы видим две стороны:

- 1) философия не является основанием отдельных отраслей знания, наоборот, отдельные отрасли знания составляют основание философии;
- 2) отношение философии к ним регулирующее и направляющее.

Повсюду, где между понятиями различных областей знания оказывается противоречие, задача философии состоит в том, чтобы выяснить причины этого противоречия и тем самым устранить его.

Сам Вундт разделяет все специальные науки на формальные (математика) и реальные (естественные науки и науки о духе), так как чистая математика, по его мнению, в силу своего абстрактно-формального характера не может быть подчинена никакой другой науке. По Вундту, математике могут быть противопоставлены как реальные опытные науки все остальные дисциплины, «занимающиеся реальным содержанием опыта» (Вундт, 1903, с. 45). В этом Вундт, пожалуй, не совсем точен. Математика применялась и применяется все в большей степени в наши дни как инструмент опытного изучения многих областей человеческой жизни.

Психологию Вундт относил к реальным наукам. С его точки зрения, задача психологии как эмпирической науки определяется фактами человеческого сознания или процессов нашего ощущения, чувствования, представления, волевых процессов и процессов действия.

Среди всех проанализированных Вундтом философских течений (Лейбница, Фихте, Шеллинга, Гербарта, Шопенгауэра, Фейербаха, Маркса, Энгельса, Спенсера, Лотце, Фехнера, Гартмана, Ницше и мн. др.) лишь два из них он считал «выдающимися явлениями» (Вундт, 1903, с. 179), которые зададут направление развития философии в будущем, — философию Гегеля и позитивизм. Вундт высоко оценил гегелевскую систему, потому что она выдвинула идею внутренней связи всех наук о духе и мысль о строгой закономерности всего духовного бытия.

Социально-психологические исследования В. Вундта

Психология народов явилась лишь дополнением к индивидуальной психологии и не оказала на последнюю фактически никакого влияния. Примечательно то, что в общепсихологических трудах Вундта («Лекции о душе человека и живот-

ных», «Очерки психологии») при характеристике сложных психических процессов — воображения, мышления, высших чувств — не использовались данные, полученные им при изучении психологии народов.

Вундт отметил и другое ее социальное назначение — развитие психологии народов диктовалось не только нуждами развивающейся психологии, но и потребностями других общественных наук. Насыщенные бурными социальными событиями XIX в. и начало XX в., становление и развитие наций и народов свидетельствовали о возрастающей роли человеческого фактора в историческом процессе. Его исследование частично проводилось представителями конкретных наук — историками, этнографами, историками религии и др. Историком, анализирующему социальные процессы, приходится постоянно сталкиваться, например, с особой устойчивостью национальных факторов, играющих либо ускоряющую, либо замедляющую роль в социальных движениях. Адекватную характеристику роли психологических факторов социального развития, по мнению Вундта, должна дать психология народов как специальная отрасль психологической науки.

Задачей психологии народов, по Вундту, является исследование психических процессов, лежащих в основе общего развития человеческих сообществ, и возникновения общезначимых продуктов коллективной духовной деятельности человека — языка и искусства, мифов и религии, обычаев и культуры. Этой задачей определяется место психологии народов в системе наук об обществе и человеке. Формулируя таким образом задачу психологии народов, Вундт фактически определяет предмет социальной психологии. Он резко разделяет предмет индивидуальной психологии (или общей, как бы сказали сейчас) и психологии народов (или социальной психологии). В состав психологии народов не включаются психологические особенности масс, классов, этнических групп, рас и т. д. Вундт считал их предметом характерологии народов. Но его попытки дать строгое определение предмета психологии народов не увенчались успехом. Само это понятие фактически являлось собирательным, чем в значительной степени объясняется то, что ни одна школа современной социальной психологии его не использует. Для определения предмета социальной психологии психология народов Вундта имеет лишь историко-психологический смысл.

Отправляясь от объективного идеализма Платона и концепции Гегеля о «национальном духе», Вундт ставит фундаментальный для социальной психологии вопрос о соотношении общества и индивида, считая себя активным участником спора между индивидуалистической и коллективистической теориями общества. Позиция ученого в этом вопросе однозначна: он отдавал примат постулату коллективности. В своей речи «Индивидуум и общество», произнесенной 23 апреля 1891 г. в Лейпцигском университете, Вундт говорил: «Как язык не имеет жизни вне тех, кто его употребляет, так и общий дух не есть духовное существо, живущее и развивающееся помимо индивидуумов, но является самим духовным общением. Но именно поэтому... он и есть нечто неизмеримо большее, чем сумма индивидуумов... В обмене чувств и представлений духовная жизнь индивидуума возбуждается и усиливается жизнью окружающего и в свою очередь с подобными же силами влияет на последнее. Вот почему общая жизнь никогда не является простым суммированием индивидуальных проявлений... Духовные создания общества являются... новообразованиями... которые и качественно, и количественно

но являются новыми ценностями» (Вундт, 1896, с. 21–22). Сейчас можно было бы говорить о синергетическом эффекте.

Основное значение социально-психологических исследований Вундта состоит в том, что он был эмпирическим психологом. Десять томов «Психологии народов» содержат колоссальный фактический материал, который не был достаточно проанализирован с точки зрения социальной психологии ни самим Вундтом, ни его последователями. Систему психологии народов по объему представленного в ней материала, по систематической реализации некоторых исходных идей справедливо сравнивают с системами Тейлора и Спенсера. На эмпирический характер ряда частей психологии народов указывал сам Вундт. На прикладное значение «Психологии народов» (кроме теоретического и эмпирического содержания) обращает внимание Е. В. Шорохова: «В произведениях Вундта содержится немало психологических характеристик «духа» народов (немецкого, английского, американского, русского и других народов), которые имели открытый политический смысл, далеко не соответствующий исторической научной истине» (Шорохова, 1980, с. 88).

В истории психологии место Вундта определяется колоссальной, поистине титанической работой, завершившейся созданием серии изданий по психологии народов. Естественным представляется вопрос: создал ли Вундт самостоятельную школу в социальной психологии? В институте экспериментальной психологии В. Вундта работали и учились многие психологи, чьи имена впоследствии приобрели всемирную известность — Э. Крепелин, Г. Мюнстерберг, О. Кюльпе, А. Киршман, Э. Мейман, К. Марбе, Г. Липпс, Ф. Крюгер, Э. Титчнер, Э. Скрипчур, Ф. Энджелл, М. Страттон, Д. Кеттелл, В. М. Бехтерев, Ф. М. Чиж, Н. Н. Ланге, Г. И. Челпанов, Д. Н. Узнадзе и др. Но среди учеников Вундта нет ни одного профессионального социального психолога. Это объясняется, по-видимому, внутренней противоречивостью, незавершенностью его социально-психологической системы, его исходными теоретическими и методологическими позициями.

Заключение

Идея Вундта о необходимости общественно-исторической психологии для создания научно-обоснованной системы психологической науки не потеряла своей актуальности в настоящее время, хотя социально-психологической школы он не создал. Но даже если конкретное теоретическое оформление предмета может под влиянием условий времени и законов развития оказаться преходящим, знаменуя определенный этап становления психологической науки, ее прогрессивное парадигматическое содержание продолжает оказывать влияние на состояние современного знания. И Вундту определено почетное место в истории развития психологической науки.

Литература

Вентцель К. Н. Система философии Вундта // Вопросы философии и психологии. 1892. № 11. С. 1–23.

- Вундт В.* Связь философии с жизнью за последние сто лет. Речь проф. В. Вундта, произнесенная по случаю избрания его в ректоры Лейпцигского университета. Одесса: Г. Бейленсон и И. Юровский, 1895.
- Вундт В.* Индивидуум и общество. Речь, произнесенная 23 апреля 1891 г. в Лейпцигском университете. СПб.: Тип-лит. А. Рабиновича и Ц. Крайза, 1896.
- Вундт В.* Система философии. СПб.: Ф. Пантелеев, 1902.
- Вундт В.* Введение в философию. СПб.: Тип. АО «Брокгауз-Ефрон», 1903.
- Ковалева Ю. В.* Идеи В. Вундта и становление современной глобальной психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 3 (19). С. 282–290. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2020/t5-3/n20-03-12.html> (дата обращения: 13.05.2021).
- Костригин А. А.* Актуальность изучения научного творчества Вильгельма Вундта для зарубежной и отечественной психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 3 (19). С. 291–307. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2020/t5-3/n20-03-13.html> (дата обращения: 13.05.2021).
- Подвойский Д. Г., Хайруллина Л. М.* Социологические идеи Вильгельма Вундта // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 123–144.
- Позняков В. П.* В. Вундт как один из основоположников социальной психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 3 (19). С. 269–281. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2020/t5-3/n20-03-11.html> (дата обращения: 13.05.2021).
- Сметанина О. М.* Научное наследие В. Вундта: проблемы психологии народов // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 3 (19). С. 227–249. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2020/t5-3/n20-03-09.html> (дата обращения: 13.05.2021).
- Тихонова Э. В.* Психологическая лаборатория Вильгельма Вундта в Лейпциге: история и современность // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 3 (19). С. 250–268. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2020/t5-3/n20-03-10.html> (дата обращения: 13.05.2021).
- Холондович Е. Н.* Предисловие: традиции и возможности развития исторической психологии как научной отрасли // Историческая психология: прошлое, настоящее, будущее. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 7–22.
- Шорохова Е. В.* Социально-психологические исследования В. Вундта // Wilhelm Wundt – progressives Erbe, Wissenschaftsentwicklung und Gegenwart. Protokoll des internationalen Symposiums. 1 und 2. November 1979. Leipzig: Karl-Marx-Universität, 1980. S. 78–89.
- Fahrenberg J.* Wilhelm Wundt (1832–1920). Introduction, Quotations, Reception, Commentaries, Attempts at Reconstruction // Lengerich: Pabst Science Publishers, 2019. URL: <https://psycharchives.de/jspui/handle/20.500.11780/3783> (дата обращения: 25.05.2020).
- Wundt W.* Über die Aufgabe der Philosophie in der Gegenwart / Rede gehalten zum Antritt des öffentlichen Lehramtes der Philosophie an der Hochschule in Zürich am 31. Oktober 1874. Leipzig: Engelmann, 1874.

The role of V. Wundt's creative heritage in the history of world psychological thought

O. M. Smetanina

Nizhny Novgorod Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, smetanina.vvags@mail.ru

Considering philosophy as the fundamental system of human knowledge, Wundt argues that philosophy includes all sorts of science, but it focuses on the connection of objects of knowledge. The rational thought of W. Wundt is that the combination of the efforts of individuals is never a simple sum of the efforts of individuals. Thus, a qualitative transformation takes place, giving rise to the psychology of groups, nations, people. However, having expressed such dialectical thoughts, Wundt did not ultimately overcome the metaphysical gap between the society and the individuum, leveling the significance of the latter.

Keywords: W. Wundt, history of psychology, psychology of peoples, individual and society, Wundt as a historian of philosophy, social and psychological ideas of Wundt.

Вклад В. А. Кольцовой в развитие историко-психологического направления в современной российской психологии

Б. Н. Тугайбаева

*ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук»,
помощник директора по аспирантуре, Москва, batima-1@rambler.ru*

В статье рассматривается путь в науке историка и методолога психологии В. А. Кольцовой. В этапах ее биографии и научного творчества представлено становление исследователя в области социальной психологии, истории психологии и исторической психологии. Показан вклад Кольцовой в разработку методолого-теоретического основания истории психологии, в обоснование и реализацию системного подхода в историко-психологическом исследовании, в разработку его ключевых проблем, отмечена ее роль как просветителя и популяризатора истории психологии.

Ключевые слова: история психологии, В. А. Кольцова, биография, научный вклад, историко-психологическое исследование, российская психология.

Психология привлекает многих людей, история науки — уже чуть меньше, история психологии как профессиональная научная область — единицы. В совре-

менном пространстве психологии, довольно значительном по количественному составу специалистов в разных научных областях и практиках, тех, кто занимается историей психологии, совсем мало. Поэтому уход из жизни три года назад, в 2018 г., выдающегося профессионала, историка психологии, ученого-исследователя и организатора науки, редактора многих научных изданий, талантливого преподавателя и яркой личности Веры Александровны Кольцовой – значительная потеря для научного сообщества историков психологии. Эта статья – дань памяти и уважения моему учителю и научному наставнику, своим примером увлеченной и даже страстной работы по изучению отечественной психологической науки Вера Александровна приобщила меня и многих других своих студентов, аспирантов, молодых коллег к миру Науки, Истории и Психологии с большой буквы.

Доктор психологических наук Вера Александровна Кольцова значительную часть жизни проработала в Институте психологии Российской академии наук, была заведующей лабораторией истории психологии и исторической психологии, заместителем директора по науке ИП РАН; – была заместителем главного редактора, членом редакционной коллегии «Психологического журнала»; преподавала в Московском гуманитарном университете, была профессором кафедры общей психологии и истории психологии; членом экспертного совета ВАК по педагогике и психологии Министерства науки и образования, лауреатом премии им. С.Л. Рубинштейна Российской академии наук. Научные труды В. А. Кольцовой по методологическим и теоретическим вопросам истории психологии, исследование генезиса психологического познания в разные исторические периоды, обоснование и проведение ряда эмпирических исследований по исторической психологии, разработка методов историко-психологического изучения, последовательное внедрение системного подхода к историко-психологическим исследованиям – все это свидетельствует о значимости научного творчества В. А. Кольцовой для истории психологии (см. также: Олейник, Журавлев, 2019).

Задавшись целью определить вклад Веры Александровны Кольцовой в развитие историко-психологического направления в современной российской психологической науке, отчетливее видишь значение ее личности, того, как особенности характера, убеждений и ценностей, мировоззрение позволили ей стать значимой фигурой, которая своими трудами способствовала расширению и консолидации этой области исследований в современной российской психологии. Вопрос, какие силы движут развитием общества и науки, всегда волновал историков, предложено множество объяснительных концепций, но во все времена главными творцами остаются личности, кто своими делами, идеями, творчеством, своей жизнью делает историю. Думаю, что те люди, кто лично соприкасался с В. А. Кольцовой, согласятся с моим (конечно предвзятым и субъективным) мнением, что это была сильная и очаровывающая личность, располагающая к общению, своей вовлеченностью в предмет изучения, историю науки, своей активной жизненной позицией, любовью к своим учителям в психологии, патриотизмом (в прямом его значении – любви к своему Отечеству), она вдохновляла и поддерживала любые замыслы и исследования, которые так или иначе касались истории психологии, но в особенности отечественной – русской, советской, российской – психологии.

Вера Александровна родилась 27 июня 1947 г. в деревне Дядьково Дмитровского района Московской области, в семье военного летчика. Ее отец, Кольцов

Александр Иванович, вместе с семьей, как и многие военнослужащие, сменил несколько мест службы, был политруком, заместителем начальника Челябинского военного авиационного Краснознаменного училища штурманов, затем главным инспектором Главного политического управления ВВС в Москве, после выхода в отставку в звании полковника продолжал работать руководителем методического отдела. Мама, Зоя Георгиевна, посвятила себя заботе о муже и дочери. В рассказах о своих родителях Вера Александровна с большим уважением и сердечной теплотой вспоминала их обоих, но называла себя папиной дочкой. Горячо любя единственную дочь, отец всегда был на ее стороне, если мама за какую-то провинность строго отчитывала; родители своим примером взаимной преданности и уважения воспитывали дочь, не баловали, поддерживали и любили. В школьные годы Вера, конечно же, стремилась быть лучшей в учебе, увлекалась общественной работой и спортом (прыжки с парашютом). Выбор такого вида спорта говорит о наличии, как нам видится, бойцовского характера и таких качеств, как смелость, готовность к риску, хорошая волевая регуляция, организованность, готовность испытать себя в трудностях. Эти черты характера проявлялись в дальнейшей учебе, трудовой деятельности, научной работе В. А. Кольцовой.

После отличного завершения учебы в школе в 1965 г. Вера Александровна Кольцова поступила на исторический факультет Челябинского государственного педагогического института, который закончила с красным дипломом в 1970 г. Трудовую деятельность начала в качестве учителя истории и обществоведения в вечерней школе рабочей молодежи № 116 г. Москвы. В коллективе ее приняли хорошо, отношения с другими учителями установились интеллигентные и дружественные. В 1973 г. она поступила в аспирантуру Института психологии Академии наук СССР, с этого времени началась ее научная жизнь в психологии, которая развивалась в тесной связи с историей этого научного учреждения и становлением научной школы ИП РАН.

Институт психологии в системе Академии наук СССР был создан решением ее президиума декабре 1971 г., директором Института назначен Б. Ф. Ломов, первые сотрудники стали оформляться на работу с марта 1972 г., поэтому функционирование его как научной организации и научного коллектива началось только с этого года. Подготовка кадров в системе поствузовского образования (обучение в аспирантуре) также началась в 1972 г., В. А. Кольцова входила в число аспирантов второго (1973) набора в аспирантуру ИП АН СССР. Ее научным руководителем была назначена доктор философских наук Екатерина Васильевна Шорохова, которая с декабря 1973 г. возглавила (по совместительству) новое подразделение в Институте — сектор социальной психологии, совмещающая эту работу с основной должностью заместителя директора по научной работе ИП АН СССР. Ведущие интересы Е. В. Шороховой этого периода относились к разработке теоретических и методологических проблем социальной психологии, определения предмета, места в системе научного знания, выделения ее ключевых проблем. Под влиянием стиля научной деятельности и руководства широкого поля общепсихологических проблем и проблем социальной психологии, которые интересовали научного руководителя Е. В. Шорохову, происходит становление молодого ученого-исследователя аспирантки Кольцовой. Развиваемые в работах Шороховой представления о взаимосвязях личности и общества, анализ факторов социальной детермина-

ции поведения человека послужили методологической основой как для многих дальнейших исследований в социальной психологии личности и группы, так и для историко-психологических исследований, оформившихся в последующие годы в научном творчестве В. А. Кольцовой.

Но еще большее влияние на вхождение в науку и определение собственной научно-исследовательской темы В. А. Кольцовой оказал директор Института психологии АН СССР Б. Ф. Ломов, который в 1970-е годы предложил программу общепсихологического исследования общения. По разработанной Ломовым единой программе коллектив сотрудников и аспирантов Института (А. В. Брушлинский, В. Н. Носуленко, Я. А. Пономарев, А. А. Грачев, В. А. Максименко, М. Н. Мансурова, Л. С. Степанова, Е. В. Цуканова, В. А. Кольцова и др.) проводил изучение различных психических процессов в условиях непосредственного взаимодействия испытуемых. Результаты многочисленных исследований Б. Ф. Ломова, его учеников и сподвижников в этой области представлены в ряде работ «Проблема общения в психологии» (1981), «Психологические исследования общения» (1985), «Познание и общение» (1988) и др. В своих воспоминаниях о Б. Ф. Ломове В. А. Кольцова отмечала, чем привлекала личность этого талантливого ученого: «Этот человек удивительным образом сочетал в себе способности и глубокого теоретика, методолога психологии, и тонкого ученого-экспериментатора, и смелого, изобретательного психолога-практика. <...> Уже на ранних этапах творческой деятельности Бориса Федоровича проявилась та черта научного мышления, которая отличала его и позволила выдвинуться в число лидеров отечественной психологии, — его высокая чувствительность к запросам жизни, умение переформулировать практические задачи на языке науки, доводить научные идеи до конкретного воплощения» (Журавлев, Кольцова, 2020, с. 16). В. А. Кольцова часто называла его своим главным учителем, наставником, образцом для подражания и безграничным авторитетом, с научной позицией которого всегда сверяла свои взгляды, которого уважала и любила (Олейник, Кольцова, 2019, с. 11). Предложенная Ломовым к изучению проблема общения была рассмотрена в кандидатской диссертации В. А. Кольцовой, а темой исследования стало изучение влияния общения на формирование понятий (диссертация защищена в 1977 г.). Общение рассматривалось как важный фактор, определяющий динамику познавательной работы в условиях экспериментального непосредственного взаимодействия испытуемых, было показано, что включение общения в процесс усвоения понятий существенно влияет на продуктивность мыслительной деятельности.

После окончания аспирантуры и защиты диссертации В. А. Кольцова была принята на должность младшего научного сотрудника в сектор социальной психологии (с августа 1976 г. по май 1979 г.), затем переведена в лабораторию психических процессов Института психологии АН СССР. В начале 1980-х годов она продолжает исследование особенностей психических проявлений личности при непосредственном общении, динамики психических процессов в условиях общения, воздействия общения на формирование и проявление массовых социально-психологических явлений (социально-психологический климат коллектива, соревновательная атмосфера и т.д.). Кольцова принимает участие в советско-американском проекте исследования личностных детерминант общения при совместной познавательной деятельности (1982–1983), проводит описание

онтологической картины предмета психологического анализа общения и выявления его взаимосвязанных характеристик, определяет основные тенденции в разработке проблем взаимосвязи общения и познавательных процессов (Олейник, Кольцова, 2019, с. 9).

Интерес к историческому анализу, прояснению генезиса возникновения проблем и идей в психологической науке всегда был свойствен В. А. Кольцовой, в чем сказывалось «историческое» образование. Переход от социально-психологической проблематики и экспериментального изучения общения к историческому исследованию произошел вновь под влиянием Ломова, который предложил обратиться к истории возникновения проблемы общения в отечественной психологии, анализу социально-психологических идей Г. В. Плеханова. «Переход был постепенный, какое-то время я продолжала заниматься проблемами общения. Однако в целом больший удельный вес в научной проблематике стал уже уделяться истории психологии, потому что очень важной вехой... может быть, явилось и то, что было решено провести конференцию, посвященную столетию образования первой экспериментальной психологической лаборатории в нашей стране. В связи с подготовкой к конференции мне пришлось углубиться и в материалы, касающиеся личности создателя лаборатории Владимира Михайловича Бехтерева и его творческого пути, разыскивать архивы, первоисточники, которые позволят достоверно восстановить этот важный момент в истории развития нашей отечественной науки. И это показалось тоже очень увлекательным, очень интересным. Все это может быть и стало теми причинами, которые привели к тому, что на личностном уровне было отрефлектировано, что, наверное, это действительно та область, которая вызовет наибольший интерес и будет наиболее адекватна для моих собственных возможностей» (Олейник, Кольцова, 2019, с. 12).

В 1980-е годы В. А. Кольцова увлеченно включалась в изучение биографий знаменитых и не очень известных в психологии ученых, общественных деятелей, которые занимались вопросами психологии, проводила кропотливый архивный поиск материалов и библиографий, анализировала их труды (ею написаны статьи о Г. В. Плеханове, М. В. Ломоносове, А. С. Макаренко, И. И. Мечникове), сравнительный анализ развития психологии в Китае и в СССР. Активная редакторская работа над книгой по истории экспериментальной психологии («История становления и развития экспериментальных исследований в России», 1990 г.), участие в международных и всесоюзных научных конференциях, ее печатные работы — все это убедительно свидетельствовало о зрелости В. А. Кольцовой как историка науки. Ее способности в области исторических исследований, замеченные директором Б. Ф. Ломовым, а также проявленные ею организаторские качества позволили выдвинуть ее на руководство сначала группой, а затем при втором директоре А. В. Брушлинском — лабораторией истории психологии Института психологии АН СССР (в должности заведующего с 1991 г.). Усилиями самой Кольцовой и руководимого ею (после ухода из жизни Ломова) аспиранта Ю. Н. Олейника началась работа по формированию научного архива, устанавливались личные связи с родственниками известных психологов, собирались материалы их творческой и личной жизни, фотографии и письма, передавались на хранение и дальнейшую обработку в Институт психологии. В архиве хранятся фонды Елена Александровны Будиловой, Петра Яковлевича Гальперина, Соломона Григорьевича

Геллерштейна, Александра Ивановича Мещерякова, Александра Петровича Нечаева, Константина Константиновича Платонова, Якова Александровича Пономарева, Сергея Леонидовича Рубинштейна и других выдающихся психологов. После кончины первого директора Института психологии Бориса Федоровича Ломова (11 июля 1989 г.) стал оформляться его фонд, работой над которым занималась Кольцова многие годы.

С 1985 г. начались значительные социально-политические преобразования в жизни страны, приведшие к распаду СССР и всего социалистического блока. В этот сложный период жизни общества, как отмечала В. А. Кольцова, обострился интерес к истории: «Общество, осуществляющее коренные изменения в своем укладе или переживающее кризисные состояния, связанные с поиском новых, нетрадиционных путей своего развития, неизбежно обращается к своему прошлому» (Кольцова, Олейник, 2003, с. 757–758). Значение историко-психологических исследований, осознание их теоретической важности в системе психологических наук подтверждалось возрастанием числа работ по историческому анализу, а также интереса международного научного сообщества к новой «перестроечной» России, ее истории и перспективам дальнейшего развития. В этих условиях группа под руководством В. А. Кольцовой осуществляла важную деятельность по консолидации сообщества историков науки, сохранению связей с представителями психологической науки в бывших союзных республиках (Грузии, Армении, Молдове, Казахстане), установлению новых научных связей с учеными из других стран (США, Германия, Китай, Южная Африка). Проводились международные конференции по истории психологии, совместные проекты по сравнительному исследованию развития направлений психологии в конкретные исторические периоды (психология в годы Второй мировой войны в США и в СССР). Замысел объединить историков науки, стимулировать интерес к изучению отечественной истории психологии вылился в организацию регулярных международных и всероссийских «Московских встреч» по истории психологии. В Академии наук СССР планировалась к изданию «Психологическая энциклопедия», к подготовке статей о персоналиях, знаменитых психологах были привлечены сотрудники научной группы и исследователи других организаций из Москвы, Ленинграда, Ярославля, Тбилиси. К сожалению, по экономическим причинам того времени энциклопедия так и не была издана, но эта интересная работа позволила укрепить связи, познакомиться лично с историками психологии и представителями школ в разных регионах (в их числе: М. Г. Ярошевский, А. В. Петровский, А. Н. Ждан, В. В. Умрихин, В. В. Большакова, Н. А. Логинова, Е. А. Климов, О. Г. Носкова, В. П. Зинченко, В. А. Мазилев, О. М. Тутунджян, В. А. Роменец, Ш. А. Надирашвили).

Планы работы группы по истории психологии под руководством В. А. Кольцовой отвечали задачам масштабного охвата историко-психологического исследования и научного анализа развития психологии в изменившихся социально-политических условиях. Кольцова продолжает развивать разработанный ее учителем Б. Ф. Ломовым системный подход применительно к задачам историко-психологического исследования, в ряде публикаций ею обосновываются принципы системности в историко-психологическом познании: «О целостном подходе в историко-психологическом исследовании» (1990), «Системный подход в историко-психологическом исследовании» (1991, в соавт. с Ю. Н. Олейником), «Сис-

темный подход и разработка проблем истории отечественной психологической науки» (2002) и др. Откликаясь на запросы времени и актуальное состояние самой психологической науки в стране, потребность в исторической рефлексии и теоретико-методологическом осмыслении оснований психологии, Кольцова обращается к анализу тенденций развития психологического знания, генезису психологической науки в разные исторические периоды (Исторический путь психологии..., 1992; Психологическая наука в России, 1997; Психологическая мысль России..., 2001). Акцентируя внимание на истории российской психологии, она принимает участие в нескольких научных проектах, имеющих целью проведение сравнительных исследований в дореволюционный, советский и постсоветский периоды, при этом предлагает опираться на «позитивно ориентированное рассмотрение», выявлять прежде всего конструктивные и перспективные идеи и взгляды. Как пишет Кольцова, «историк науки стремится не осудить, а осмыслить рассматриваемые идеи, включить их в общую систему историко-психологического знания. Это приводит к расширению фактологической базы истории психологии» (Кольцова, 2008, с. 281). Ставя задачу создания целостной и интегральной картины развития российской научной школы психологии, исследователям-историкам при рассмотрении научных школ и наследия ученых необходимо направлять свое внимание не только на выявление концептуальных различий, но и на поиск общих, объединяющих их идей и подходов. В. А. Кольцова обращалась к анализу работ В. М. Бехтерева, с большим уважением отмечала значение работ Б. Г. Ананьева, посвятив его творчеству несколько публикаций и конференций, она также подготовила статьи о вкладе в психологию С. Л. Рубинштейна, К. К. Платонова, Б. Ф. Ломова, Н. А. Рубакина (создатель библиопсихологии), М. Г. Ярошевского, Б. М. Теплова, В. Н. Дружинина, Е. А. Будиловой, Л. И. Анцыферовой и др.

Принципы системного подхода реализованы ею при подготовке докторской диссертации «Теоретико-методологические основы историко-психологического исследования» (2004), монографий «Теоретико-методологические основы истории психологии» (2004) и «История психологии: Проблемы методологии» (2008) и др. В. А. Кольцова обращается к системному подходу при определении объекта и предмета истории психологии. В качестве объекта истории психологии определяется «процесс психологического познания в единстве его гносеологической и онтологической характеристик — как идеальное воссоздание исторического формирования представлений о психической реальности, конструирование предмета психологии и как объективированный продукт познавательной деятельности, представленный в исторических источниках» (Кольцова, 2008, с. 17). Предметом выступают «закономерности становления и развития психологического познания на разных этапах эволюции общества» (там же, с. 25). Историю психологии она предложила определить как «системное образование, включающее множество аспектов, иерархическую структуру, сложную, разноуровневую систему детерминант», для всестороннего рассмотрения которой необходимо использовать системную методологию (Кольцова, Олейник, 2003, с. 751). С этой точки зрения предметом истории психологии является динамика психологического познания в его целостности, учитывающая несколько аспектов изучения: логико-научный (изучение научного знания как такового, его содержания и структуры),

процессуальный (процесс формирования научных идей и представлений в области истории психологии), социально-культурный (учет социально-культурных и организационных условий и предпосылок), персонально-личностный (субъекта психологического познания, коллективного и индивидуального). Объективное накопление и осмысление знаний людей о психической реальности образуют психологическое познание, которое включает разные формы, возникающие в истории развития человечества — обыденные представления, житейские понятия; мифологические и религиозные; накапливаемые в искусстве; философские и научные. Кольцова расширяет предметную область истории психологии, включает в анализ предмета психологии разноуровневые формы познания, возникшие на разных этапах исторической эволюции человечества, начиная от момента его зарождения у истоков цивилизации и до зрелых и развитых форм, представленной системой научных знаний о психике (Кольцова, 2004).

Позиции системного подхода В. А. Кольцова последовательно применяет при реализации методологического анализа истории психологии на всех предложенных ею уровнях: 1) философско-гносеологическом и онтологическом, 2) общенаучном, науковедческом, 3) специально-научном и 4) конкретно-научном (см. подробнее об этом: Артемьева, 2019). Обращаясь к философско-гносеологическому уровню анализа, Кольцова продолжила линию изучения философских проблем отечественной психологии, начатую в работах Е. А. Будиловой по исследованию философских проблем советской психологии (см.: Артемьева и др., 2019). Она провела анализ марксистских основ отечественной психологии, определенных в работах С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выготского, Б. Г. Ананьева и А. Н. Леонтьева; ею (совместно с К. А. Абульхановой) представлены принципы психологической науки советского периода как единой научной школы: принципы единства сознания и деятельности, детерминизма, развития, соотношения биологического и социального, социальной обусловленности личности опосредствованной психики, деятельности, субъектно-деятельностного и онтологического подходов, принципов исторического, комплексного, системного и психосоциального исследования психического. На общенаучном уровне методологического анализа В. А. Кольцова обращается к теоретическим позициям эпистемологии и науковедения, рассматривая науковедение как метатеоретический базис для истории психологии. Большое значение уделяет источниковедению и историографии истории психологии, анализу исторических источников, принципам формирования источниковой базы истории психологии, классификации источников. Значительный вклад В. А. Кольцова внесла в осмысление методов истории психологии, в разработку специальных исследовательских процедур в этой отрасли психологии (Кольцова, 2008). В ряде авторских публикаций раскрыта актуальная для современной истории психологии проблема применения как качественных, так и количественных методов исследования, получившая развитие в работах учеников В. А. Кольцовой: «Методологические проблемы историко-психологического исследования», 2004, в диссертациях по проблемам периодизации (Ю. Н. Олейник, 1990, дис. ... канд. психол. наук), категориального строя психологии (Н. В. Богданович, 2004, дис. ... канд. психол. наук), историографии (И. С. Алексеенко, 2006, дис. ... канд. психол. наук), источниковедения истории психологии (О. В. Клыпа, 2017, дис. ... докт. психол. наук), социальной и социаль-

но-психологической детерминации развития психологии (О. А. Артемьева, 2013, дис. ... докт. психол. наук) и др.

В работах В. А. Кольцовой и ее учеников была разработана процедура психолого-исторической реконструкции как метода поэтапной работы, предполагавшей включение в этот метод свойства и понятия цикличности (диссертация А. Д. Барской, посвященная психолого-исторической реконструкции особенностей психических функций гомеровского человека, 1998). Эти исследования отражают возникший интерес к изучению исторической психологии и разработку ее проблематики как области психологии, находящейся в междисциплинарном пространстве многих наук о человеке и культуре (Кольцова, 2011). Под руководством Кольцовой на основе единой программы была осуществлена серия конкретных эмпирических исследований по ряду актуальных, теоретически и практически значимых проблем исторической психологии (диссертации, посвященные историко-психологическим реконструкциям становления форм и способов общения в советском обществе в послереволюционный период (1910–1920-е годы) (Л. В. Спицына, 1994, дис. ... канд. психол. наук), детерминант агрессивного поведения на материалах России 1920-х и 1990-х годов (Е. В. Харитоновна, 1999, дис. ... канд. психол. наук), Московского купеческого общества как субъекта предпринимательской активности (И. Р. Федоркова, 2000, дис. ... канд. психол. наук), личности гения на примере жизни и творчества Ф. М. Достоевского (Е. Н. Холондович, 2010, дис. ... канд. психол. наук). В последние годы, с 2013 г., центральным объектом изучения в исторической психологии становится проблема менталитета. К исследованию историогенеза и состояния российского менталитета В. А. Кольцова приступила, опираясь на системный подход, привлекла большой коллектив ученых из разных регионов и разных областей психологии, понимая всю многоаспектность и многоуровневость его структуры (см.: Историогенез..., 2015, 2016).

Заключение

В. А. Кольцова внесла значительный вклад в становление историко-психологических исследований в области российской психологической науки. Благодаря ее активной деятельности как методолога произошло преобразование истории психологии, которая была выведена на высокий уровень теоретико-методологического осмысления и приобрела системный облик, было обозначено ее место в междисциплинарных связях и отношениях с другими научными областями, расширено предметное и проблемное поле изучения. Системный подход, реализуемый в работах В. А. Кольцовой и других исследователей, объединенных на базе Института психологии РАН, стал действенным основанием отечественных историко-психологических исследований. Проводимые на его принципах исследования позволяют отразить всю масштабность современного психологического познания, динамику его развития, областей и направлений психологии, в аспектах социокультурной и научно-социальной детерминации с учетом логико-предметных и персонологических факторов. В. А. Кольцова выступает консолидатором сообщества историков психологии, популяризатором и просветителем в области истории психологии, создателем научной серии «Памятники психологической

мысли», редактором многих изданий, посвященных памяти выдающихся деятелей психологической науки.

В. А. Кольцова внесла вклад и в становление исторической психологии, еще малоисследованной отрасли психологической науки. Разрабатывая теоретические и практические вопросы исторической психологии, ввела ее в общее поле историко-психологического направления, при этом Кольцова подчеркивала междисциплинарный статус исторической психологии, отмечая, что исследование человека в истории с необходимостью предопределяет использование данных и методов других наук о человеке (социологии, культурологии, истории, антропологии и этнологии). Под ее руководством была осуществлена серия конкретных исследований по актуальным проблемам исторической психологии, обоснована проблематика изучения российского менталитета.

Идеи В. А. Кольцовой воплощаются в новых и перспективных направлениях дальнейших историко-психологических исследований, в международных проектах, кросс-культурных разработках по истории психологии.

Литература

- Артемова О. А.* Системный подход в историко-психологическом исследовании: теория и практика // Развитие российской психологии накануне и после русской революции 1917 года: Тенденции, научные школы, персоналии: сборник статей участников Всероссийской научной конференции. Саров: Интерконтакт, 2019. С. 7–15.
- Артемова Т. И., Журавлев А. Л., Кольцова В. А., Шапошникова О. В. Е. А.* Будилова как историк и методолог психологии // Будилова Е. А. На рубеже веков: очерки истории русской психологии конца XIX—начала XX века. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 5–17.
- Журавлев А. Л., Кольцова В. А.* Ломов Борис Фёдорович. Новатор в психологии: научная и научно-организационная деятельность // Выдающиеся ученые Института психологии РАН: Биографические очерки. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 9–44.
- Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В. А. Кольцова, Е. В. Харитоновна. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Кольцова В. А., Олейник Ю. Н.* История психологии: теоретические и методологические проблемы исследований // Психология XXI века: Учебник для вузов / Под ред. В. Н. Дружинина. М.: Пер Сэ, 2003. С. 747–760.
- Кольцова В. А.* Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Кольцова В. А.* История психологии: Проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Кольцова В. А.* Историческая психология как комплексная отрасль знания: теоретико-эмпирический анализ // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 85–95.
- Олейник Ю. Н., Журавлев А. Л.* К вопросу о концептуальных основах научной школы истории отечественной психологии В. А. Кольцовой // Развитие российской пси-

хологии накануне и после русской революции 1917 года: тенденции, научные школы, персоналии: Сборник статей участников Всероссийской научной конференции. Саров: Интерконтакт, 2019. С. 93–106.

Олейник Ю. Н., Кольцова В. А. История психологии как направление психологической науки и пространство творческой самореализации индивидуальности ученого // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 1. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/941> (дата обращения: 03.05.21.).

The contribution of V. A. Koltsova in the development of the historical and psychological direction in modern Russian psychology

B. N. Tugaybaeva

*FSBIS “Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences”, Moscow,
batima-1@rambler.ru*

The article is devoted to the contribution of the historian and methodologist V. A. Koltsova. The stages of her biography and scientific creativity show how the birth of a researcher in the field of social psychology, the history of psychology and historical psychology took place. Koltsova’s contribution to the development of the methodological and theoretical foundations of the history of psychology, the substantiation and implementation of a systemic approach in historical and psychological research, the development of its key problems is shown, her role as an enlightener and a popularizer of the history of psychology is noted.

Keywords: history of psychology, V. A. Koltsova, biography, scientific contribution, historical and psychological research, Russian psychology.

Понимание личности в концепции А. Ф. Лазурского и ее значение для современной психологии

И. А. Филенко

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
г. Томск, filen5725@mail.ru*

Рассматриваются тенденции изучения личности в современной психологии. Отмечено, что возникающие проблемы теоретического и прикладного характера в данной области в значительной степени связаны с методологией проведения исследований. Проанализированы методологические основания теории личности А. Ф. Лазурского. Показано, что исследовательский подход к изучению личности, разработанный Лазурским, характеризуется системностью, научной обоснован-

ностью и ориентирован на понимание реального человека в его повседневной жизнедеятельности. Подчеркивается ценность идей Лазурского для совершенствования методологических оснований изучения личности в современной психологии.

Ключевые слова: теория личности А. Ф. Лазурского, методология психологии, объективное наблюдение, отношение, эндопсихика, экзопсихика, активность.

Векторы развития современной психологии личности

Психология личности, представленная трудами А. Ф. Лазурского, С. Л. Рубинштейна, Б. Г. Ананьева, А. Н. Леонтьева, В. Н. Мясищева, К. К. Платонова, Л. И. Анцыферовой, А. Г. Асмолова, Л. И. Божович, В. С. Мерлина, А. В. Петровского и других ученых, практически реализует системный подход к пониманию многомерной и динамической природы человека во всей полноте его проявлений на протяжении жизненного пути.

Современное изучение проблем психологии личности ориентировано на исследование динамических взаимодействий с миром и разнообразных форм внешней и внутренней активности человека в процессе его развития на различных этапах жизненного пути (Анцыферова, 1992); определение ресурсов и потенциалов человека, позволяющих преодолевать трудные жизненные ситуации; выявление специфики социальной и профессиональной самореализации человека, находящей свое отражение в особенностях жизненного пути личности; построение современных типологий личности, опирающихся на комплексные критерии; выявление роли ценностно-смысловых, нравственных факторов в регуляции поведения человека в условиях интенсивных социальных изменений; изучение предикторов субъективного благополучия представителей различных социальных и профессиональных групп; выяснение роли объективных и субъективных факторов в психологическом здоровье личности; определение этнокультурной специфики и особенностей межэтнических взаимодействий (Воловикова, Харламенкова, 2016).

Рассматривая личность как системное динамичное образование, современные психологи включают в поле своей исследовательской оптики такие концепты, как саморегуляция, саморазвитие, самоизменение (Гришина, 2018), подчеркивая, что феномены творчества и житнетворчества становятся важнейшими на различных уровнях полноценного бытия человека в современном многомерном, неустойчивом, нелинейном, непредсказуемом, постоянно изменяющемся мире, что находит свое отражение в определенных релевантных им личностных качествах. При этом отмечается, что вопросы, связанные с описанием динамики личности в современных условиях, как с точки зрения механизмов данных изменений, так и направлений возможных изменения человека в современном меняющемся мире являются открытыми для адекватного решения психологами-исследователями.

И хотя личностные аспекты, связанные с такими изменениями, описываются относительно новыми понятиями — «преодолевающее поведение», «способность к инновативности», «жизнестойкость», «жизнеспособность» — в их основе лежат различные феномены адаптивного, преадаптивного и сверхадаптивного поведения личности в динамических средах. В связи с этим адаптивные/неадаптивные

и сверхадаптивные контексты функционирования личности, которые были рассмотрены А. Ф. Лазурским в его типологии личности (Лазурский, 1922), являются не просто иллюстративным материалом, характеризующим первую детально разработанную отечественную концепцию личности (и одну из первых полноценных мировых концепций личности — Леонтьев, 2008), но могут послужить основой понимания возможных психологических механизмов организации поведения и деятельности человека в современном мире.

Проблемные аспекты изучения личности в современной психологии

Описывая современные проблемы и «методологические тупики», связанные с изучением личности, исследователи обращают внимание на не оправдавшее себя положение об изоморфизме психологических закономерностей функционирования личности, обусловленное культурной, национальной, возрастной, профессиональной спецификой представителей различных социальных групп, а также на не оправданную реальными результатами исследований высокую приверженность многих психологов позиции жесткого детерминизма по отношению к психическим явлениям — в контекстах влияния средовых или биологических факторов. Еще одна проблема, сопряженная с двумя предыдущими, заключается в акцентированном использовании количественной методологии в изучении личности человека в ущерб методам качественной, феноменологической, понимающей психологии, что ведет в результате к формированию фрагментарного, неполного «структурно-функционального» описания человека, не выявляющего процессуальных оснований его личности, внутренних потенциальных возможностей ее изменчивости и развития. В отечественной психологии формируются новые направления — изучение личности с позиций «психологии возможного», раскрывающей сущностное содержание личности через понятие «поступок», а также неравновесной персонологии, рассматривающей различные аспекты самоорганизации личности с позиций постнеклассической рациональности (Леонтьев, 2018).

Современными исследователями в области психологии личности отмечается проблема, которая находится у истоков «перманентного» кризиса психологической науки и которую Л. С. Выготский связывал с существенными методологическими и методическими отличиями различных направлений психологической науки (Выготский, 1960). В настоящее время в рассматриваемом исследовательском поле она проявляется в том, что «теоретические модели человека, имплицитно заложенные в теориях различных школ, существенно различаются» (Мироненко, 2018), поэтому даже такие базовые психологические категории, как «субъект» и «личность», не могут быть адекватно соотнесены друг с другом (Мироненко, 2018; Сергиенко, 2013).

Метаанализ 39 зарубежных и отечественных психологических теорий личности, соотносимых с различными направлениями психологии (гуманистическое, психоаналитическое, факторно-аналитическое и когнитивно-психологическое), дал основание заключить, что рассматриваемые теории и концепции соотносятся с ограниченной проблематикой и содержательно мало согласованы между собой (Немов, Яценко, 2019). Авторы данного исследования характеризуют

круг выявленных проблем, главные из которых: отсутствие единой теории личности, неразработанность адекватных критериев определения личностных психологических свойств человека, наличие различных представлений о структуре личности. Одна из основных причин такой ситуации — отсутствие соответствующего методологического подхода к анализу рассматриваемых феноменов в области психологии личности.

В этом контексте представляется разумным обратиться к опыту создания первой отечественной концепции личности, которая представлена в работах Лазурского. Полноценное понимание данной концепции возможно только при учете сведений о том, какой путь прошел исследователь в направлении ее формирования, какие методологические предпосылки были положены в ее основу, какие факторы, связанные с автором данной теории, с его научным окружением, повлияли на ее возникновение и содержательные особенности. Для ответа на эти вопросы желательно обратиться к ранним работам Лазурского и истории его жизненного пути. Целью нашего дальнейшего исследования является изучение методологической концепции Лазурского, лежащей в основании разработанной им типологии личности.

Необходимо подчеркнуть, что включенность его наследия в современную психологию произошла в последнюю четверть XX в. благодаря усилиям В. Н. Мясищева, В. А. Журавля (1974), А. В. Михайленко (1990), Е. В. Левченко (1996), А. В. Брушлинского, В. А. Кольцовой, Ю. Н. Олейника (1997), раскрывшим в ходе многопланового анализа значимость его трудов для отечественной и мировой науки. В частности, исследователями было отмечено, что «А. Ф. Лазурский своими работами предвосхитил многие принципиальные положения современной психологической науки» (Брушлинский и др., 1997).

Методология исследований личности в работах А. Ф. Лазурского

Особенности формирования научного мировоззрения Лазурского во многом определяются его успешным обучением в Императорской Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге (1891—1897), где с 3-го курса обучения под руководством В. М. Бехтерева он начинает свои исследования в области психиатрии и невропатологии. С 1898 г. Лазурскому было доверено заведование психологической лабораторией клиники душевных и нервных болезней, в которой он на протяжении двух лет выполнил несколько экспериментально-психологических и психофизиологических исследований (Левченко, 2003).

В своей ранней работе «О взаимной связи душевных свойств и способах ее изучения» (Лазурский, 1900) исследователь обращает внимание на отрыв современной эмпирической психологии от реальной жизни человека и выделяет индивидуальную психологию в качестве той области, которая может изучать внешние причины и условия, влияющие на развитие человека. Анализ существующих в то время классификаций личности (А. Бине, Т. Рибо, Ф. Полан и др.) позволил ему сделать вывод о том, что они не пригодны для решения практических задач психологии, поскольку являются умозрительными, схематичными, не завершенными, не согласованными с действительностью и опираются на дедуктивный принцип группировки индивидуумов по некоторым частным свойствам.

Рассматривая возможные пути создания научной типологии личности, Лазурский отмечает ряд важных методологических положений, которые должны быть реализованы для осуществления этой цели. К ним относятся:

1. Разработка метода исследований, близкого по своим результатам к методам точных наук. В качестве такого метода, опираясь на свое медицинское образование и клиническую практику, Лазурский предлагает метод наблюдения, который к тому времени был тщательно разработан клиницистами для анализа заболеваний по совокупности частных симптомов в соответствии с определенным планом. В основе данного метода наблюдения должен находиться перечень душевных свойств человека, которые будут служить для создания дальнейшей программы исследования.
2. Исследователем проводится анализ понятия «душевное свойство», которое он понимает как склонность человека к проявлению простейших элементарных психических актов. Выделяются простые и сложные душевные свойства, описывается возможности их совместного изучения и анализа.
3. Для реализации исследования душевных свойств необходимо большое количество наблюдений, включающих как наблюдения большого количества людей, так и многократное наблюдение каждого конкретного человека в различных условиях. Исследователь выделяет специфические группы, которые могут представлять интерес с точки зрения разработки типологии личности: а) группа взрослых здоровых людей с относительно стабильными психическими проявлениями; б) группа детей, которые проходят стадию интенсивного развития, связанную с появлением многих новых, отсутствующих ранее душевных качеств; в) группа людей, одаренных очень развитыми, необычными способностями в какой-либо области; г) группа психически больных людей, у которых заболевание ведет к интенсивному проявлению какой-либо одной стороны личности; д) группа людей, находящихся в экстремальной ситуации.
4. Понятие «наблюдение», согласно Лазурскому, нуждается в уточнении, поскольку он обращает внимание на то, что в основе традиционного наблюдения лежит опыт самонаблюдения, а механически переносить этот опыт для описания поступков, движений, разговоров других людей не правомерно. Это ведет к появлению противоречий в суждениях о субъективном мире другого человека, о его мотивах и не позволяет адекватно объяснять их поступки. Поэтому объективное наблюдение должно опираться на систематическое и тщательное изучение каждого душевного свойства с учетом его специфических диагностических признаков, что позволяет получить представление о психической жизни конкретного человека.
5. При реализации наблюдения нужно анализировать не сложные поступки, а переходить к более простым единицам анализа. Внешние проявления, которые фиксируются при наблюдении — это характеристики, связанные с эмоциями человека (покраснение лица, изменение частоты пульса и дыхания, мимика, тонус мышц), а также поступки человека, его отношения к окружающим, его разговоры, т. е. все, что доступно наблюдению. В анализ необходимо включать и факторы среды — «возбудители», оказывающие влияние на проявление того или иного душевного качества. Лазурский приводит пример анализ чувства

гнева, выделяя в нем следующие стороны: злоба, язвительность, мстительность, злорадство, — подробно описывает специфические внешние проявления, а также возможные обстоятельства и возбудители, их вызывающие.

6. Лазурский описывает «объективное наблюдение», которое фиксирует все феномены, связанные с поступками, в естественных для человека условиях. В дальнейших работах ученого происходит развитие данного метода, который трансформируется в «естественный эксперимент». Исследователь указывает, что сам он пользуется смешанным методом, включающим создание протоколов «объективных наблюдений» (описывающих характеристики поведения, мимики, речи, разговоров) с последующим использованием метода самонаблюдения — при анализе данных протоколов.
7. В описание наблюдения нужно также включать подробную характеристику условий жизни человека, т. е. тех факторов, которые влияют на его поведение. Данные факторы классифицированы на 4 группы: а) непосредственно вызывающие поступок или проявление душевного качества; б) способствующие проявлению данного качества; в) индифферентные факторы; г) препятствующие факторы. Исследователь подробно анализирует указанные факторы с точки зрения их возможного совместного воздействия на поведение человека.
8. Для практической реализации измерений с помощью предложенного метода наблюдения Лазурский разрабатывает два подхода. Первый включает семибальную шкалу оценки интенсивности проявления душевных качеств. Градация 1-й степени соответствует проявлению качества в условиях, когда способствующие ему обстоятельства очень сильны, а препятствующие отсутствуют; градация 7-й степени характерна для проявлений, которые возникают в условиях значительных препятствий и при полном отсутствии способствующих обстоятельств. Второй подход ориентирован на оценку результатов деятельности человека, связанных с проявлением того или иного качества.
9. Еще один методический прием, необходимый для реализации объективного подхода с использованием наблюдения, — сравнение поступков и действий различных субъектов в сходных условиях.
10. Анализ результатов исследования должен быть направлен на установление отношений между отдельными психическими качествами, что дает возможность характеризовать сложные душевные проявления, выявлять особенности их структуры, образованной простыми качествами, а также определять специфику их возникновения в каждом конкретном случае. Этот путь позволяет перейти к описанию целостных типов личности в их психическом своеобразии.
11. В анализ методом наблюдения включаются физиологические проявления и реакции человека, которые пока слабо используются психологами в психологических исследованиях. Также им выдвигается гипотеза о том, что возможно существование двух параллельных рядов — психических и физиологических проявлений человека, которые могут быть изоморфны в контекстах описания его поведения.
12. Душевный склад личности, согласно Лазурскому, не является статичным. Жизненные перемены, средовые воздействия могут приводить к изменени-

ям душевных качеств — появлению новых, причем появлению системному, для которого характерно множественность различных проявлений. Это наблюдение позволяет ученому сделать заключение о том, что тщательно разработанные педагогические практики могут направленно формировать определенные, социально-желательные качества человека.

13. Лазурский использует рефлексивный анализ своей методологии и критически оценивает ее возможности и ограничения. Он пишет о том, что не все, но многие психические явления могут быть изучены с помощью представленного им объективного метода. При этом отмечает, что подобный метод является «грубо эмпирическим», но необходимость его реализации связана с потребностью развития психологии в контексте эмпирических исследований, а также с тем, что предложенный им метод объективного наблюдения позволит создать в дальнейшем более тонкие исследовательские технологии.

Из приведенного описания исследовательской концепции Лазурского видно насколько продуманной, целостной, обоснованной является его методологическая позиция, ее практическим завершением стала разработка уникальной для отечественной и мировой психологической науки типологии личности. Данная методология тщательно разрабатывалась в контексте конкретной проблематики, связанной с психологией личности. В этом проявляется и ее специфичность, и возможный конструктивный потенциал, значимый для современного знания, в особенности это касается текущих исследований, направленных на изучение личности. Если внимательно прочитать приведенные выше положения, то становится объяснимым и дальнейший переход Лазурского к понятию «экзопсихика» в его поздних работах (в ранних статьях этот термин отсутствует, но психическое изучается и детально анализируется исследователем в контексте отношений и внешних («экзопсихических») проявлений человека, т. е. понятие «экзопсихика» имплицитно включено уже автором в данную концепцию, но еще не вербализовано на уровне конкретного концепта).

Существенным моментом является описание психологических проявлений человека с помощью понятие «отношение». При этом в рассматриваемой статье оно представлено в двух планах: с одной стороны, Лазурский использует термин «отношение» для описания направленности человека, характеризующей его взаимодействия с окружающими людьми и обстоятельствами («возбудителями»), с другой стороны, «отношение» является важной категорией для исследователя при описании интрапсихических процессов в контекстах взаимосвязей и взаимовлияний простых душевных качеств, а также их включенности в сложные психические явления.

Отмеченные выше особенности методологии Лазурского позволяют нам сделать заключение о том, что им был реализован системный подход в изучении человека, который связан с выделением следующих уровней анализа: 1) целостного человека, его реального поведения в различных естественных условиях жизнедеятельности, характеризующихся разнообразными средовыми факторами; 2) сложных психических явлений, обусловленных неделимостью, процессуальностью психики человека; 3) простых (элементарных, неразложимых) психических явлений; 4) физиологических проявлений. Каждый из представленных уровней не являет-

ся замкнутой на себя системой — он взаимодействует с другими уровнями, а его единицы также взаимодействуют между собой.

Личность является динамичной развивающейся системой, в которой возможна перестройка связей между психическими элементами на протяжении жизни. Личность как системное образование, «организованное единство», по Лазурскому, характеризуется незамкнутостью, открытостью внешнему миру, в силу чего становится возможным и ее целостное изучение, и направленное развитие личностных качеств (Лазурский, 1915). Такой же незамкнутостью и открытостью дальнейшему развитию и совершенствованию представляется и методологическая система Лазурского, которую он дорабатывал на протяжении 18 лет с точки зрения уточнения, конкретизации и дополнения представленных выше положений. Она представлена в «Программе исследования личности» (1904), «Программе исследования личности в ее отношениях к среде» (1912), а также в работах (Лазурский, 1915, 1922).

Личность в концепции А. Ф. Лазурского

Понятие личности глубоко анализируется Лазурским в его поздних трудах. Вот одно из кратких определений, описывающих личность как целостную систему: «Все, что совершается в нашей душевной жизни, имеет своим основанием некоторое устойчивое и длительное единство, которое мы называем человеческой личностью» (Лазурский, 1915). Ядром или основой этого единства являются: темперамент, связанный с «формальными особенностями психической деятельности человека» (там же, с. 64) или свойствами нервной системы, и характер — содержательная сторона личности, или «совокупность тех его основных черт, которые представляются существенными для данного человека, которые отличают его от всех других людей» (там же, с. 66). Темперамент и характер составляют эндопсихическую сторону личности (психофизиологическую организацию человека), а экзопсихическая сторона, представленная через категорию отношений, «указывает нам, как человек относится к основным категориям окружающей действительности» (там же, с. 70).

В основе классификации личности Лазурского лежит «принцип активного приспособления личности к окружающей среде» (Лазурский, 1922, с. 46), который позволяет выделить три уровня активности функционирования личности. Данная активность связана с «прирожденной одаренностью человека», с потенциальным запасом его нервно-психической энергии (количеством психической активности) (там же, с. 53). В качестве признаков, характеризующих принадлежность человека определенному уровню, Лазурский выделяет: 1) «богатство личности, общее количество психической продукции, проявляющейся вовне обилием, разнообразием и сложностью...» (там же, с. 55), которое связано с особенностями его интересов, их объемом и дифференцированностью; 2) силу и интенсивность отдельных психических проявлений; 3) сознательность и идейность его психических проявлений (там же, с. 57); 4) степень координации «психических элементов, составляющих в своей совокупности человеческую личность» (Лазурский, 1922, с. 59), названная еще «концентрацией личности» (там же, с. 60); 5) степень развития способности к умственному труду и умственной продук-

ции (там же, с. 61); 6) общую приспособленность личности к окружающей среде (там же, с. 62), связанную с особенностями функционирования человека в конкретном окружении.

Лазурский на основе своей типологии выделяет также психологический критерий моральной оценки человека, связанный с тенденцией, направленной на повышение психического уровня, т. е. со «стремлением к самосовершенствованию» (там же, с. 65).

На каждом уровне можно выделить содержательные особенности, отличающие одних людей от других с точки зрения их эндопсихической и экзопсихической организации. Подобное деление на группы и типы связано с различным развитием отдельных психических функций или способностей (там же, с. 66), а также с выраженностью определенных психосоциальных характеристик, характеризующих отличия в отношениях к категориям окружающей действительности. Взаимодействие человека с факторами становления — «внешними условиями» среды, среди которых наиболее важными являются воспитание и образование, — могут либо благоприятствовать, либо подавлять развитие личности.

Заключение

Данное теоретическое изыскание показывает актуальность и высокую социальную востребованность современных психологических исследований, реализуемых в русле психологии личности и направленных на выявление ресурсов развития, расширения жизненных возможностей, гармонизации субъективного благополучия, полноценной самореализации человека, включенного в интенсивные межличностные и средовые взаимодействия.

Изучение творческого наследия А. Ф. Лазурского показывает, что созданный им методологический подход к исследованию личности может рассматриваться в качестве целостной системной методологии и его позитивные возможности могут существенно пополнить методологический и исследовательский арсенал современных психологов.

Литература

- Анцыферова Л. И.* Личность в динамике: некоторые итоги исследования // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 5. С. 12–25.
- Брушлинский А. В., Кольцова В. А., Олейник Ю. Н.* Вклад А. Ф. Лазурского в разработку проблем личности // А. Ф. Лазурский. Избранные труды по психологии. М.: Наука, 1997. С. 432–439.
- Воловикова М. И., Харламенкова Н. Е.* Личность как открытая система (Вместо предисловия) // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 5–22.
- Выготский Л. С.* Современные течения в психологии // Развитие высших психических функций. Из неопубликованных трудов / Под ред. А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии, Б. М. Теплова. М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1960. С. 458–481.
- Гришина Н. В.* «Самоизменения» личности: возможное и необходимое // Вестник СПб. ун-та. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 2. С. 126–138.

- Лазурский А. Ф.* О взаимной связи душевных свойств и способах ее изучения // Вопросы философии и психологии. 1900. Год XI. Книга III (53). С. 217–263.
- Лазурский А. Ф.* Психология общая и экспериментальная. Второе исправленное издание. Петроград: Земля, 1915.
- Лазурский А. Ф.* Классификация личностей / Под ред. М. Я. Басова, В. Н. Мясищева. Петроград: Государственное изд-во, 1922.
- Левченко Е. В.* История и теория психологии отношений / Отв. ред. А. А. Крылов. СПб.: Алетей, 2003.
- Леонтьев Д. А.* Теория личности А. Ф. Лазурского: от наклонностей к отношениям // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 4. С. 7–20.
- Леонтьев Д. А.* Синергетика и личность: к неравновесной персонологии // Методология и история психологии. 2018. Вып. 3. С. 96–104.
- Мироненко И. А.* Проблема личности и задачи современного этапа развития психологической науки // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2018. С. 409–430.
- Немов Р. С., Яценко Д. А.* Основы метанаучного конструктивно-критического анализа психологических теорий, опытных исследований и методов работы с личностью // Методология, теория, история психологии личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 38–44.
- Сергиенко Е. А.* Проблема соотношения понятий субъекта и личности // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 5–16.

Understanding of personality in the concept of A. F. Lazursky and its significance for modern psychology

I. A. Filenko

Tomsk State National Research University, Tomsk

The article examines trends in the study of personality in modern psychology. It is noted that the emerging problems of a theoretical and applied nature in this area are largely related to the research methodology. The methodological foundations of the theory of personality, developed by A. F. Lazursky, were analyzed. It is shown that the research approach to the study of personality, developed by A. F. Lazursky, is characterized by consistency, scientific validity and is focused on understanding a real person in his daily life. The value of ideas of A. F. Lazursky to improve the methodological foundations of the study of personality in modern psychology has been noted.

Keywords: personality theory of A. F. Lazursky, methodology of psychology, objective observation, attitude, endopsychic, exopsychic, activity.

Экзистенциальные основания концепции С. Л. Рубинштейна

М. Г. Чеснокова

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, milen-ches@bk.ru

Рассматриваются экзистенциальные основания философско-психологической концепции С. Л. Рубинштейна. Выявляется связь взглядов Рубинштейна с ядром экзистенциального учения, представленного в философии С. Кьеркегора. Проводится сравнительный анализ идей С. Л. Рубинштейна и М. Хайдеггера. Подчеркиваются принципиальные отличия в построении онтологии человеческого бытия Рубинштейном и экзистенциалистами. Отмечается вклад Рубинштейна в становление экзистенциальной психологии в широком смысле слова.

Ключевые слова: экзистенциализм, феноменология, онтология человеческого бытия, познание, этика, способ существования.

О наличии экзистенциальных мотивов в творчестве С. Л. Рубинштейна в психологической литературе упоминалось неоднократно. Однако дальше общих констатаций и вырванных из контекста цитат, продиктованных в ряде случаев желанием некоторых авторов реабилитировать облик ученого, несущего на себе «клеймо» идеолога марксизма в психологии, развитие этого сюжета долгое время не шло. А. В. Брушлинский говорил о трансформации мировоззрения Рубинштейна в последние годы жизни, обращал внимание на критику марксистской методологии, проявившуюся в преодолении трактовки личности как ансамбля общественных отношений, сведения человека к его общественной функции («маске»), отказе от абсолютизации роли деятельности, подчеркивании ценности созерцательного отношения к действительности. По мнению некоторых исследователей, онтологический поворот во взглядах Рубинштейна, представленный в монографии «Человек и мир», мог быть связан с его знакомством с работами М. Хайдеггера.

Оригинальное прочтение текстов Рубинштейна представлено в статьях А. С. Арсеньева, где взгляды Рубинштейна вплетаются в широкий полифонический контекст с идеями Н. А. Бердяева, Ф. М. Достоевского, М. М. Бахтина, Тейяра де Шардена, Л. Фейербаха, К. Э. Циолковского и музыкой А. Н. Скрябина (Арсеньев, 2007). При этом в качестве наиболее важной выделяется мысль Рубинштейна об одновременной завершенности и потенциальной бесконечности человека, выражающего собой бесконечность Мира. В вышедшем недавно учебнике по экзистенциальной психологии Н. В. Гришиной Рубинштейн уже прямо относится к этому направлению (Гришина, 2018). К экзистенциальным идеям Рубинштейна Гришина причисляет: представление о человеке как субъекте жизни и концепцию жизненного пути, выделение разных уровней существования человека — непосредственного и рефлексивного, учение о поступке и свободе человека.

Однако, несмотря на то, что характерный экзистенциальный ореол рубинштейновских идей ни у кого не вызывает сомнений, признание его экзистенциа-

листом наталкивается на ряд сложностей. Главная из них связана с весьма резкими критическими высказываниями в адрес экзистенциализма, М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра, содержащимися в работах Рубинштейна, что вряд ли можно списать исключительно на влияние времени. В этой связи вспоминается предупреждение Л. С. Выготского против скоропалительных сближений фундаментально разных концепций на основе формально общих признаков, высказанное им в связи с проектом синтеза марксизма и психоанализа А. Р. Лурии. Это приводит нас к необходимости прояснения самого существа экзистенциальной мысли, как она разворачивалась в философии и психологии.

Представляется, что необходимо различать собственно проблематику экзистенциализма и методологию решения заявленных им проблем. Принадлежность ученого к тому или иному направлению определяется не столько тем, какие вопросы он решает (хотя и это важно), сколько тем, *как* он их решает. Разделение объекта и метода исследования в экзистенциализме может способствовать прояснению экзистенциальных оснований философско-психологической концепции Рубинштейна.

Признавая влияние экзистенциальной мысли на Рубинштейна, важно определить *характер* этого влияния. Рубинштейн не принадлежал к числу ученых, предпочитающих идти заданным путем. Его мысль не догматична, а критична. Можно согласиться с Н. А. Дмитриевой, рассматривающей Рубинштейна как вполне самобытного философа, опиравшегося на идеи Канта, Гегеля, марксизм и экзистенциализм как философские модели, анализ и полемика с которыми способствовали формированию его собственной философской антропологии (Дмитриева, 2016).

Наконец, следует учитывать тот факт, что само экзистенциальное направление продолжает развиваться, а его популярность в науке растет. В. В. Знаков отмечает, что в конце XX в. интересы большей части психологов смещаются с когнитивной парадигмы на экзистенциальную, происходит переход от изучения отдельных психических процессов к анализу целостных ситуаций человеческого бытия (Знаков, 2005, с. 122). Выходя на решение «больших жизненных вопросов», психология в целом все больше приобретает экзистенциальные черты. В свете этой тенденции имеет смысл различать экзистенциальную психологию в узком и широком смысле слова, к приверженцам которой, очевидно, можно отнести и Рубинштейна.

Как известно, экзистенциализм представляет собой достаточно разнородное течение. В нем присутствует и христианское, и материалистическое крыло, тяготеющее к марксизму. Поэтому суть экзистенциализма выявить не так просто. Основной пафос этого учения составляет культ индивидуальности и антирационализм. Его ядро было заложено датским философом-христианином С. Кьеркегором, выступившим против декартовской трактовки человека как синтеза души и тела. Это психофизиологическое единство должно чем-то направляться, считал Кьеркегор. То, что им управляет, есть Я, или дух. И это Я свободно. В XX в. Сартр по-своему повторил этот тезис, заявив, что свобода есть сущностная характеристика человека, она безусловна. Кьеркегор называет Я определенным *качеством* человека, его *сокрытым внутренним*. Он поднял вопрос о разных способах существования человека, показав, что *этическое* — это не просто сфера жизни, а способ

существования, имеющий опору в непосредственном эстетическом отношении человека к действительности. Кьеркегор выступал против сведения экзистирующего субъекта к субъекту мыслящему, жизни к познанию. Объективная истина как истина для всех не имеет значения для индивида. Напротив, субъективность как способ моего существования и есть истина. Кьеркегор рассматривал человека в контексте конечного и бесконечного, истории как ее звено. В отличие от экзистенциалистов XX в. он не противопоставлял индивидуальное общечеловеческому: «Вот она — тайна совести, тайна индивидуальной жизни, заключающаяся в том, что последняя является в одно и то же время и индивидуальной и общечеловеческой» (Кьеркегор, 1994, с. 335).

Несмотря на то, что нет никаких свидетельств в пользу того, что Рубинштейн был знаком с работами Кьеркегора, нельзя не отметить, что многие его рассуждения входят в ощутимый резонанс с идеями датского мыслителя. Это и онтологизация этической проблематики, и отстаивание права внутреннего в человеке, и подчеркивание незеркальной, диалектической связи внешнего и внутреннего, и утверждение «незаменимой ценности» и «преимущества индивида», понимаемого «как единственного, особенного и всеобщего» (Рубинштейн, 1973, с. 384), и представление о действенном, одновременно субъективном и объективном характере истины, воплощаемой в жизнь (Рубинштейн, 1997, с. 44), и проникнутое духом серьезности общее отношение к жизни. В разгар эпохи строительства социализма Рубинштейн высказывает «крамольную» для своего времени мысль: «В борьбе между индивидом и обществом иногда бывает прав индивид» (Рубинштейн, 1973, с. 381). И это глубоко экзистенциальная мысль.

Особый интерес представляет вопрос об отношении Рубинштейна к М. Хайдеггеру. Существует мнение, что переход Рубинштейна от проблемы бытия и сознания к проблеме человека и мира был в значительной степени обусловлен влиянием Хайдеггера. Его присутствие в текстах Рубинштейна обнаруживается на двух уровнях: явном, артикулированном (и неизменно критическом) и скрытом, имплицитном, вживленном в собственную логику мысли Рубинштейна. Обратимся к этому второму скрытому уровню.

Начнем с понятия «мир», используемого Рубинштейном для обозначения бытия в его соотнесенности с человеком. Для каждого, кто знаком с философией Dasein, это понятие вызывает устойчивую ассоциацию с «мировостью мира» Хайдеггера. Мир имеет значение, смысл для человека. Это также вполне хайдеггеровская идея. К. А. Абульханова-Славская отмечает, что категория «мир» являлась совершенно новой в марксистской традиции, хотя и близкой по существу марксову понятию «второй природы» (Сергей Леонидович Рубинштейн..., 1989, с. 55). Вслед за Хайдеггером Рубинштейн предпринимает в своей работе специальное исследование понятия бытия в истории философии. Однако его анализ существенно отличается от хайдеггеровского как с точки зрения выбора персоналий (помимо Платона и Аристотеля, это Авиценна, Юм, Вольф, Кант, Гегель), так и по основной идее — критике тенденции к «уничтожению» бытия, сведению его к «кажимости», замене онтологического содержания феноменальным. Хайдеггер же настаивает на феноменологической постановке вопроса о бытии (Хайдеггер, 2015). При этом Хайдеггер и Рубинштейн солидарны в критике *картезианского учения о бытии*, сводящего его к вещиности, предмету физики.

Рубинштейн и Хайдеггер признают пространственный и временной характер сущего. Однако в самом понимании времени между ними обнаруживаются расхождения. Хайдеггер утверждает, что временем (временностью) обладает только человеческое бытие (*Dasein*), вещи природы как таковые совершенно безвременны. Он различает временное, надвременное и вневременное бытие. Рубинштейн говорит о несовпадении времени истории и человеческой жизни с временем движения материи как таковой и ставит вопрос о необходимости дифференциации категорий пространства и времени применительно к разным сферам сущего. «В принципе оправданным становится представление о качественно различных структурах времени в зависимости не только от качественных (и структурных) особенностей процессов в неорганической природе, но и в природе органической, в жизни, и, далее у человека, в частности, в процессе истории» (Рубинштейн, 1973, с. 279).

В то время как Хайдеггер разрабатывает онтологию именно *человеческого бытия*, Рубинштейн ставит вопрос шире. Он стремится преодолеть представление о гомогенности бытия, определить его общую структуру и основные способы существования. Причем, как отмечает Абульханова-Славская, первые формулировки этой задачи появляются у Рубинштейна еще в рукописях 1920-х годов, когда работы Хайдеггера вряд ли могли быть ему знакомы («Бытие и время» вышло в Германии в 1927 г.), во всяком случае имя Хайдеггера в них не упоминается. Логичнее предположить, что идеи Хайдеггера были включены им в оборот собственных размышлений уже позднее. Человек, безусловно, главный субъект существования, но далеко не единственный. У каждого процесса, указывает Рубинштейн, свой субъект. И с прекращением процесса прекращает свое существование и субъект этого процесса. У Хайдеггера «человек как исходное оказывается не только началом, но и концом, в силу чего нет возможности выйти в сферу бытия в целом», замечает Рубинштейн. «Именно поэтому экзистенциалист М. Хайдеггер, создав онтологию человеческого бытия, не может создать второй том онтологии — онтологию бытия как такового» (Рубинштейн, 1973, с. 274). Вопрос, который интересует Рубинштейна, это то, какие изменения происходят в самом бытии с появлением в нем человека. Развивая идею *деструктуризации* бытия, Рубинштейн намечает в качестве задачи будущего разработку частных «онтологий», специфических для разных исторических формаций (капитализма и коммунизма) (Рубинштейн, 1973, с. 278–279). В таком контексте хайдеггеровская онтология человеческого бытия с ее акцентом на неаутентичном способе существования, характерным для капиталистического общества как исходным для человеческой повседневности, утрачивает свой всеобщий характер и приобретает статус «частной онтологии».

Еще одна идея, которая, по видимости, сближает Хайдеггера и Рубинштейна, — это идея открытости человеческого бытия, раскрытия бытия человеком. «Бытие сущего заключается в том, чтобы обнаруживаться (являться) и... скрываться» — повторяет Рубинштейн хайдеггеровскую мысль. Однако для Хайдеггера познание есть вторичный, *производный* модус бытия человека, возникающий на основе уже так или иначе открытого мира в его исходной понятности (означенности). Более того, необходимость объяснения, по его мнению, возникает там, где эта понятность по каким-то причинам утрачивается. Рубинштейн подчеркивает внутреннюю необходимость перехода от чувственного восприятия к мышлению, направленному на выявление скрытого. Между непосредственным восприяти-

ем и мышлением, по его мнению, нет разрыва, так как эксплицитное (явное) тянет за собой имплицитное (скрытое) в силу их объективной связи в самом бытии.

Наконец, Рубинштейн практически буквально повторяет представление Хайдеггера о двух модусах существования человека: модусе «некто» («люди») и собственном, или аутентичном модусе. У Рубинштейна это 1) уровень так делают «все вообще» и 2) уровень «я сам» (Рубинштейн, 1973, с. 367).

Таким образом, мы видим, что сходство между Рубинштейном и Хайдеггером является скорее тематическим, чем сущностным. Более того, анализ существа их идей обнаруживает внутреннюю *полюмичность* взглядов Рубинштейна по отношению к онтологической системе немецкого философа. Рассмотрим основные направления критики Хайдеггера и экзистенциализма, содержащиеся в текстах Рубинштейна.

Первые критические замечания в адрес экзистенциализма можно встретить уже в «Бытии и сознании». Критика экзистенциализма осуществляется Рубинштейном в русле общего неприятия им феноменологического направления, идущего от Э. Гуссерля, с которым, по его мнению, экзистенциализм неразрывно связан. Здесь он упоминает имена Хайдеггера и Сартра и их обоснование *феноменологии как онтологии*, которая для него категорически неприемлема.

Рубинштейн обращает внимание на ошибочность понимания Хайдеггером и экзистенциалистами специфики существования человека как «*выхода за пределы себя*». По его мнению, это общая характеристика всего сущего. Существование «в другом» (у Хайдеггера человека-в-мире) присуще всему. «Нельзя отделить Da-sein от всякого иного Sein» (Рубинштейн, 1973, с. 294).

В отличие от Хайдеггера, Рубинштейн понимает бытие не просто как присутствие, но как изменение и становление. «Само *пребывание* должно быть рассмотрено *внутри изменения*... необходимо проследить пребывание как процесс *сохранения тождества внутри изменения*» — пишет он (Рубинштейн, 1973, с. 281).

Рубинштейн выступает против экзистенциального понимания человека как «*проекта*» эскиза будущего, не имеющего никакой связи с прошлым и отрицающего настоящее. Критикует он и понимание экзистенциалистами *проблемы свободы*. В решении этого вопроса он остается последовательным детерминистом. Мотивация для него есть субъективное отражение объективной детерминации человека миром. Свобода, считает Рубинштейн, обретается человеком только в условиях жизни в обществе. Это не индивидуальная характеристика. Рубинштейн в равной мере отрицает как метафизику *единичного человеческого существования* в экзистенциализме, так и метафизику *общественной жизни*, сводящей человека к его общественной функции, в вульгарно понятом марксизме (Рубинштейн, 1973, с. 363). Свобода не отрицает необходимости. Реально свобода противостоит не необходимости, а принуждению. Рубинштейн повторяет определение свободы, предложенное Спинозой: свобода есть осознанная необходимость. Свобода — это не только отрицание данного, как полагают экзистенциалисты, но и утверждение его.

Выше мы говорили о том, что отличительной характеристикой экзистенциального направления является его антирационализм. Рубинштейн, напротив, сохраняет верность рационалистической линии в философии и психологии. Однако он не просто следует сложившейся традиции, но совершает радикальный поворот внутри нее, преодолевая традиционное деление философии на онтологию, гно-

сеологию и этику. В монографии «Человек и мир» гносеологическая и этическая проблематика вводятся им внутрь онтологии. Рубинштейн отходит от рассмотрения соотношения сознания и бытия как чисто внешнего отношения. Познание не безразлично по отношению к бытию, подчеркивает он. Проникновение познания в бытие одновременно есть и проникновение бытия в познание. «Вселенная с появлением человека — это осознанная, осмысленная Вселенная, которая изменяется действиями в ней человека» (Рубинштейн, 1973, с. 330).

Тесная связь существует между познавательным и этическим отношением человека к человеку, по Рубинштейну. Связь эта двусторонняя. Познавательное отношение к бытию, к истине опосредствуется отношением к другим людям. «Истина при этом — это не только правильность, но и правда, справедливость, способность принять то, что есть, как оно есть» (там же, с. 332). Познание, умение идти в нем до конца требует мужества. Напротив, неистина в этическом плане выступает как обман, неправда, введение в заблуждение себя и других. С другой стороны, подлинно этическое отношение к человеку возможно только на основе *понимания* его сущности, его высшего, идеального образа, что возможно только на основе любовного отношения к нему. Рубинштейн указывает на онтологическую функцию любви: «Любовь в ее «онтологическом» содержании — это процесс вычленения из сплетения зависимостей целей и средств особого, неповторимого существа данного человека. Любовь есть выявление этого образа человека и утверждение его существования» (там же, с. 373).

Реабилитируя онтологическую ценность объективного познания действительности, Рубинштейн в то же время не переоценивает сами возможности познания. «Действительность как конечное никогда окончательно не входит в мысль, в познание; мысль, познание всегда в ней» (там же, с. 321). Так он выходит на понятие трансцендентного. При этом, в отличие от многих экзистенциалистов, он не мифологизирует его. «Трансцендентное — это то, во что вплетена мысль человека, не исчерпывающая его» (там же, с. 324). Это по существу сама жизнь.

Заключение

Концепция С. Л. Рубинштейна, развивавшаяся в полемическом диалоге с экзистенциальной философской мыслью, с необходимостью вобрала в себя экзистенциальную проблематику, однако переосмыслила ее в совершенно ином рационалистическом ключе. В ряде случаев Рубинштейн, отталкиваясь от тех или иных положений экзистенциалистов, идет в своих рассуждениях дальше их. Главное, что ему удалось сделать, — это снять характерное для экзистенциализма противопоставление познания и существования, ввести объективное познание действительности внутрь бытия. Тем самым Рубинштейн способствовал дальнейшему развитию экзистенциального направления, перерастанию его в экзистенциальную психологию в широком смысле слова.

Литература

Арсеньев А. С. От субъекта к личности (Полемика о творческой судьбе С. Л. Рубинштейна) // *Методология и история психологии.* 2007. Т. 2. Вып. 4. С. 99–137.

- Гришина Н. А. Экзистенциальная психология. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2018.
- Дмитриева Н. А. С. Л. Рубинштейн как читатель «Феноменологии духа» Гегеля // Проблемы современного образования. 2016. № 4. С. 9–19. URL: <http://www.pmedu.ru/images/pso2016-3/pso16-4/9-37.pdf> (дата обращения: 20.04.2021).
- Знаков В. В. Психология понимания: проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Киркегор С. Наслаждение и долг. Киев: Air Land, 1994.
- Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
- Рубинштейн С. Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997.
- Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы. К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 1989.
- Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2015.

Existential foundations of S. L. Rubinstein's concept

M. G. Chesnokova

FSFEE HE "Lomonosov Moscow State University", Moscow

The article deals with the existential foundations of S. L. Rubinstein's philosophical and psychological concept. The connection of Rubinstein's views with the core of the existential teaching presented in the philosophy of S. Kierkegaard is revealed. A comparative analysis of the ideas of S. L. Rubinstein and M. Heidegger is given. The article emphasizes the fundamental differences in the construction of the ontology of human existence by Rubinstein and by the existentialists. Rubinstein's contribution to the development of existential psychology in the broadest sense of the word is pointed out.

Keywords: existentialism, phenomenology, ontology of human existence, cognition, ethics, mode of existence.

Вклад И. В. Страхова в разработку проблем социальной психологии образования

Р. М. Шамионов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия, shamionov@mail.ru

В статье обсуждаются проблемы социальной психологии образования, освещенные в трудах И. В. Страхова и их развитие саратовскими психологами. Уточнены предметные области социальной психологии образования. Предпринят анализ вкла-

да И. В. Страхова в изучение ключевых проблем социальной психологии образования – формирования взаимоотношений между школьниками, между учителями и обучающимися, проблема общения, внимательности и др. Отмечена широта рассматриваемых вопросов, их место в целостном социально-психологическом знании. Раскрыта тематика исследований в рамках научной школы И. В. Страхова: проблемы креативности общения, социального внимания, социально-психологической адаптации, социализации личности, социальной активности и самоопределения.

Ключевые слова: история психологии, социальная психология образования, личность, группа, общение, педагогический такт, характер, социализация.

Социальная психология образования как область научных исследований оформилась сравнительно недавно. Это связано с объективными причинами: потребностью системы образования в изучении конкретных проблем межличностных отношений, групповых процессов и социализации личности, (этно)культурной адаптации субъектов в условиях транзитивности образования и ряда других. Между тем само возникновение этой области было в немалой степени предопределено научной деятельностью исследователей предшествующих поколений – тех, кто заложил основы российской психологии XX в. (см., например: Историческая преемственность..., 2019; История отечественной и мировой..., 2016; Развитие российской психологии..., 2019; и др.). Один из них – выдающийся психолог, основатель Саратовской научной школы профессор Иван Владимирович Страхов. Научная деятельность исследователя охватывает широкий круг важнейших вопросов психологии характера, внимания, познавательной деятельности и творчества, вопросов педагогической психологии и др. Необходимо отметить, что исследования проблематики социальной психологии образования – лишь часть его огромного вклада в развитие отечественной науки.

Несмотря на постоянное развитие представлений о предмете социальной психологии, применительно к исследованиям социальной психологии образования в их основе находится социально-психологический аппарат, используемый в отношении специфичного объекта. Поэтому с учетом некоторого преломления проблем предмета и объекта научные знания в этой области становятся органичной частью социальной психологии. По мнению В. В. Новикова, к определению предмета социальной психологии можно двигаться с двух сторон: со стороны личности и со стороны массовых психических явлений. Выделяются четыре важнейших комплекса: 1) социально-психологические свойства (потребности, интересы, идеалы, черты характера группы); 2) социально-психологические отношения (любовь, вражда, симпатия, настроения, мировоззрения); 3) социально-психологические состояния (настроения, чувства, привычки); 4) социально-психологические процессы (заражение, подражание, конформизм, фантазия и др.) (Новиков, 1998, с. 67). В результате всестороннего анализа проблемы предмета, выделены следующие тематические комплексы: социализация индивида, личность человека, социальное общение, коллектив (группа), руководство, менталитет (о предмете и структуре социальной психологии см. также: Журавлев, 2002; и др.).

Применительно к системе образования к названному предмету необходимо добавить специфичный объект. В связи с этим предметная область социальной

психологии образования в дополнение уже выделенным областям включает «изменение и формирование основных социально-психологических явлений под влиянием педагогических воздействий» (Реан, Коломинский, 2000), а также проблематику межличностного взаимодействия, обусловленного образовательными процессами, социальной психологии личности учителя и ряд других явлений.

С позиции таким образом понимаемого предмета социальной психологии образования вопросы, относящиеся к социальным взаимодействиям в поле института образования, включают широкую сферу проблематики общения и взаимодействия с субъектами образования, в том числе проблемы личности и группы, психологии педагогического такта, отношений в самой ученической группе, а также явлений социализации и ее содержательных компонентов, усваиваемых в процессе социализации, — норм, традиций, ценностей и др.

Система социальных взаимосвязей изучалась И. В. Страховым на примере школьников. Фундаментальный труд И. В. Страхова (2005), не публиковавшийся при жизни исследователя — его докторская диссертация «Эмоциональные компоненты характера», в котором, по заключению С. А. Богданчикова, предпринята попытка соединить индивидуально-психологический и социально-психологический подходы в изучении характерологических особенностей школьника и в движении для анализа триады «товарищество—дружба—любовь» (Богданчиков, 2005, с. 9). Ученый изучал отражение характера в товарищеских и дружеских отношениях, а также то, как он формируется в отношениях. Кроме того, детальному анализу подвергнуты особенности делового (в учебной и внеучебной деятельности), дружеско-приятельского и других видов взаимодействия школьников с учетом личностных (характерологических) проявлений, что открывало перспективы для социально-психологического исследования межличностных отношений в группе (в том числе взаимодействия личности и группы).

В книге, изданной ученым по некоторым материалам диссертации, продолжился анализ ее центральной проблематики (Страхов, 1946). На большом эмпирическом материале автором установлены возрастные закономерности завязывания, динамики и содержания дружественных связей между школьниками (объект и предмет исследования вполне органично сочетаются в связи со спецификой всего творчества ученого). Предпринят глубокий анализ внутренних *переживаний* школьников, связанных с дружбой или ее отсутствием, как проявление и формирование социально-психологического отношения, что вполне соотносится с установленными возрастными особенностями подростков и юношей, когда особую силу приобретает эмоциональность в отношениях. Выявлены основания, на которых зиждется «дружбообразование» и группообразование подростков (там же, с. 59—86). Естественно, как и в любом социально-психологическом исследовании, материал, полученный автором, явился современным для той эпохи, когда проводились исследования. Сегодня жизнь внесла свои коррективы в отношения между школьниками. Многие исследователи отмечают снижение их длительных дружеских отношений. Видимо, перемены, происходящие в социальной сфере, активно отражаются и в субкультуре подростков. Поэтому было бы небезынтересно провести аналогичные исследования среди сегодняшних школьников для сравнения произошедших во времени изменений внутри субкультуры. Между тем многие выводы автора остаются актуальными, а разра-

ботанная стратегия (методология) исследования представляет, несомненно, интерес и для современных психологов.

В работах И. В. Страхова одно из существенных мест занимает проблема педагогического такта (Страхов, 1966). Исследования педагогического такта были развернуты под руководством И. В. Страхова в 1950–1960-е годы. За десятки лет были опубликованы не только монографии ученого, но и привлечены его ученики, специалисты, консолидировавшиеся вокруг изучения данной проблемы, изданы сборники научных трудов по данной проблематике, благодаря чему саратовская кафедра психологии педагогического института стала ведущей в ее разработке. Психология педагогического такта относится к числу проблем социальной психологии образования. Педагогический такт имеет свой объект, и этим объектом выступает не только конкретная личность, но и ученическая и учительская группы. Педагогический такт — это оптимальная для каждого случая мера воздействия. Особенно подчеркивается, что эта мера «проявляется во всей системе (отношений учителей и учащихся в процессе учебно-воспитательной работы)» (Страхов, 1966, с. 7) (курсив мой. — Р. Ш.). Практически И. В. Страхову принадлежит введение в понятие педагогического такта одного из центральных его социально-психологических компонентов, а в расширенном виде — социально-психологического *отношения личности* (Страхов, 1966, с. 6).

Рассматривая структуру педагогического такта, приведенную И. В. Страховым (1966, с. 15), можно выделить как «педагогические профессионально-важные» качества, формирующиеся в процессе профессиональной социализации личности педагога при активном его участии в этом процессе, так и свойства, в основе которых — технология педагогического и социально-психологического воздействия, — структур, зависимых в большей мере от «выученности» и открытости «методическому опыту» самого учителя, его социально-психологической компетентности, а также в немалой степени нравственно-этической состоятельности личности. И. В. Страхов особенно акцентировал внимание на участии личности педагога в приобретении качеств, соответствующих структуре педагогического такта на примере его «предпосылок», в частности, его волевого фактора и волевых свойств личности (настойчивость, организованность, самоконтроль, целеустремленность, инициативность и т. д.). Таким образом, подчеркивалось обретение субъектной позиций учителя как важнейшей составляющей личности для реализации целей и задач общения в процессе взаимодействия с учащимися.

В частности, основными структурными особенностями, соотношением которых в своей совокупности и создает условия и качественную целостность педагогического такта, являются: 1) уважение к достоинству личности школьника и педагогически обоснованная требовательность к нему; 2) внимательность учителя к психическому состоянию школьника; 3) развитие активности и самостоятельности мышления и воли школьников; 4) настойчивость учителя и умелое сочетание различных способов воспитательного воздействия; 5) доверие к учащимся; 6) педагогически оправданное сочетание делового и эмоционального контакта; 7) спокойная уверенность, уравновешенность в обращении и выразительность общения (Страхов, 1966, с. 15).

И. В. Страхов подчеркивал, что одной из наиболее важных условий становления педагогического такта является «педагогическая и специальная подготов-

ка учителя, а также психологические особенности его личности» (Страхов, 1966, с. 83). Между тем речь в большей степени идет о соотношении разных форм социализации — общей и профессиональной, социально-направляемой (воспитание) и стихийной в процессе идентификации, при положительной оценке, создании «эталонных» моделей в межличностном восприятии и основанной на позитивных воздействиях на личность самого субъекта. В процессе общей социализации формируются общие личностные предпосылки такта (в частности, в ее «житейском» понимании), в профессиональной же социализации (профессионализации) формируются профессионально важные педагогические качества, лежащие в основе педагогического такта, а также специальные личностные образования, способствующие усилению одних и ослаблению других (помеховлияющих в данном случае) качеств.

Проблемы социальной психологии образования затрагиваются и в работе «Проблемы педагогического общения» (Страхов, 1980), где предлагается наиболее полная классификация видов общения, насчитывающая двадцать позиций, рассматриваются вопросы развития общения, его педагогической техники. В рассматриваемой работе дается оригинальная интерпретация закономерностей и условий общения. Подход, который развивал И. В. Страхов, объединял традиционно социально-психологический и психолого-педагогический предметы общения. Это было связано с самой логикой решения исследовательской задачи: от проблемы личности в общении и коллективных ее форм перейти к социально-психологической технологии организации взаимодействия субъектов, собственно тому, ради чего и исследуется весь обширный процесс общения в педагогической деятельности. Вместе с тем для И. В. Страхова педагогическое общение выступало не просто как реализация профессионально важной функции, но и как своего рода особенность личности, как структурно-личностное образование, в котором сливаются воедино и профессиональные (в данном случае технологические), и психологические, и социально-психологические свойства, которые объединяются и реализуются в едином направлении лишь в процессе вхождения в профессиональную деятельность и в процессе профессиональной социализации в педагогической сфере (будь то дошкольная, школьная, средне-специальная или вузовская системы). Очевидно, те же тенденции существуют и в других системах относительно направляемой социализации (например, в армии) со своей спецификой, соответствующей целям и задачам этих систем. Также очевидно, что для сопровождения процесса социализации личности в образовательных системах важно соблюдение норм и требований, разработанных в русле исследований педагогического общения и педагогического такта.

Еще один аспект социально-психологической проблематики образования изучался И. В. Страховым в связи с исследованиями внимания. Особый интерес автора вызывало усвоение социальных норм, характеризующих морально-нравственные установки. В частности, это прослеживается и в рассмотрении феномена «внимательности», понятийное насыщение которого в творчестве И. В. Страхова менялось со временем, насыщаясь и конкретизируясь (Страхов, 1958, 1971). Он определял внимательность как нравственно-психологическую черту характера, заключающуюся в восприятии и адекватной оценке состояния другого человека, и установил три уровня внимательности: констатирующий (пассивная фиксация

фактов), продленный (вербальная фиксация), активно-действенный (тактичное оказание непосредственной помощи). Полагаем, что за каждым уровневым проявлением внимательности стоит определенная иерархия ценностей и социальных установок (аттитюдов). Кроме того, проблема внимательности глубоко интегрирована в современные исследования социально-перцептивных процессов. Вместе с тем их изучение в системе образования сегодня (в отличие, например, от известных работ по социально-перцептивным процессам в производственном управлении, рекламе и др.) явно недостаточно.

Наконец широко известны работы И. В. Страхова, посвященные литературному творчеству (Страхов, 1998), включают психологический и социально-психологический анализ литературных портретов, которые могут выступать в качестве аналога «социального портретирования». Значение этих работ для рассматриваемой отрасли несомненно. Однако существует необходимость социальной практики в создании стройной системы «техник» социального портретирования, которые могли бы использоваться в психологической службе вообще и образования, в частности.

В работах И. В. Страхова четко прослеживается сочетание как социально-психологических, так и психолого-педагогических подходов к решению важных проблем образования. Вместе с тем эти научные подходы могут стать основой дальнейших исследований в этой области, особенно выполненные с учетом реалий сегодняшнего времени (о последнем см.: И вновь на перепутье?..., 2019; Современная социальная реальность..., 2014; и др.).

Из этих областей исследований строится предметная база социальной психологии образования. Некоторые из них являются приоритетными для саратовских психологов. В частности, проблема общения была одной из центральных в исследованиях И. В. Страхова и группы его коллег. Она и сегодня остается весьма востребованной. Это, в частности, исследования, посвященные проблематике креативного общения А. А. Головановой, специфике общения в неформальных группах А. Р. Тугушевой, характеристикам общения И. Э. Стрелковой и др.

Направление исследования «коллективности» (подростков) также нашло свое продолжение. Несколько позднее были проведены исследования психологических характеристик спортивных молодежных команд, предпринятые В. И. Страховым и его учениками.

Целый блок исследований саратовских психологов посвящен проблеме социального внимания в образовательных системах. Данный вид внимания широко обсуждался и изучался В. И. Страховым, разработавшим методологическое основы его изучения. Выполнены исследования характеристик социального внимания в разных сферах образования (Э. Г. Григорян), массового и коллективного внимания школьников (Л. Е. Тарасова и Н. С. Аринушкина), характеристик социального внимания в соотношении с представлениями (Р. М. Шамионов), темпоральных характеристик внимания при подготовке спортсменов (А. В. Милехин) и ряд других.

Проблема школьной социально-психологической адаптации разрабатывается М. В. Григорьевой, И. В. Арндачук, Р. М. Шамионовым и другими исследователями. Изучены динамические аспекты этого явления, выявлены диахро-

нические изменения различных компонентов в процессе включения человека в различные сообщества, проанализированы их многоуровневые связи с характеристиками личности.

Ряд исследований охватывает различные области социальной психологии личности. В частности, это работы Е. В. Рягузовой, изучавшей проблемы адаптации иностранных студентов, Н. С. Аринушкиной, посвященные анализу соотношения социальной и персональной идентичности, работы А. Р. Тугушевой, в которых рассматриваются взаимосвязи социальных представлений и характеристик самоопределения учащейся молодежи, Е. Е. Бочаровой, предпринявшей исследование взаимосвязи субъективного благополучия и ценностных ориентаций, А. В. Созонника, проанализировавшего проблему актуализации стратегий поведения во взаимосвязи с социально-психологическими характеристиками личности, Р. А. Терехина, изучившего вопросы готовности к риску и социальной идентичности обучающихся в военном вузе, и др.

Проведен ряд исследований, касающихся проблемы детерминант личности в процессе ее социализации; изучались характеристики первичной социализации личности, а также особенности профессиональной социализации педагогов и др. (Р. М. Шамионов). Целыми научными коллективами поддержаны исследования социальной активности молодежи, дискриминационной направленности и средств их устранения в образовании, а также субъективного благополучия (Р. М. Шамионов, М. В. Григорьева, Е. Е. Бочарова и др.).

Между тем, невзирая на достаточно богатый опыт исследований в данной области, сегодня остаются актуальными для изучения многие проблемы социальной психологии в образовании — как те, что уже не раз становились предметом исследований и решались многими творческими коллективами, так и новые, обусловленные социальными изменениями.

Таким образом, благодаря организационной и исследовательской деятельности профессора И. В. Страхова были заложены, установились и продолжают развиваться традиции, ориентирующие исследователей на конкретное преломление методологии социальной психологии к реальным проблемам в сфере образования. Сегодня усиливается и потребность общества в привлечении психологической науки к педагогической практике с позиции модернизации образования на разных уровнях. Привлечение теории и методологии социальной психологии для исследований в этой сфере может в значительной степени способствовать усилению эффективности образования, его приближению к жизни в современных культурно-исторических условиях.

Литература

- Богданчиков С. А.* Слово о профессоре И. В. Стракове // И. В. Страхов. Эмоциональные компоненты характера школьника в связи с общей характерологией. В 2 т. Саратов, 2005. Т. 1. С. 7—32.
- Журавлев А. Л.* Предмет и структура социальной психологии // Социальная психология: Учебное пособие для вузов. М.: Пер Сэ, 2002. С. 5—9.
- И вновь на перепутье? Постсоветским трансформациям 30 лет... / Под ред. М. К. Горшкова, Г. А. Госуняна. М., 2019.

- Историческая преемственность в отечественной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Харитоновна, Е. Н. Холоднович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы Всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи». М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Новиков В. В.* Социальная психология: феномен и наука. М., 1998.
- Развитие российской психологии накануне и после русской революции 1917 года: тенденции, школы, персоналии: Сборник статей участников Всероссийской научной конференции с международным участием «Арзамасские чтения по истории психологии». Арзамас: Изд-во «Интерконтент», 2019.
- Реан А. А., Коломинский Я. Л.* Социальная педагогическая психология. СПб., 2000.
- Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2 т. Т. 1. М.: ИСПИ РАН, 2014.
- Страхов И. В.* О дружбе школьников. Саратов, 1946.
- Страхов И. В.* Воспитание внимания у школьников. М., 1958.
- Страхов И. В.* Психология педагогического такта. Саратов, 1966.
- Страхов И. В.* Внимательность как черта характера // Вопросы психологии внимания. Вып. 3. Саратов, 1971. С. 3–12.
- Страхов И. В.* Психология педагогического общения. Саратов, 1980.
- Страхов И. В.* Психология литературного творчества. М., 1998.
- Страхов И. В.* Эмоциональные компоненты характера школьника в связи с общей характерологией. В 2 т. Саратов, 2005.

I. V. Strakhov's contribution to the development of problems of social psychology of education

R. M. Shamionov

*Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky,
Saratov, Russia, shamionov@mail.ru*

The article discusses the problems of social psychology of education, highlighted in the works of I. V. Strakhov and their development by Saratov psychologists. The breadth of the issues under consideration, their place in the holistic socio-psychological knowledge is noted.

Keywords: history of psychology, social psychology of education, personality, pedagogical communication and socialization.

Концепт «подпсихическая реальность» Д. Н. Узнадзе как попытка решения психофизической проблемы

М. И. Яновский

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк,
Донецкая Народная Республика, m.i.yanovsky@mail.ru*

В статье ставится задача реконструировать вариант решения психофизической проблемы, на который опирался Д. Н. Узнадзе. Прослежена связь понятия «подпсихическая реальность», использовавшегося Д. Н. Узнадзе в ряде работ, с понятием «непосредственный опыт» Э. Маха и В. Вундта. «Подпсихическая реальность» трактуется как гипотеза о существовании макропространства с определенным набором свойств, в котором психическое и физическое – равноправные компоненты, что и определяет возможность их взаимодействия, в котором «посредником» является это пространство.

Ключевые слова: психофизическая проблема, Узнадзе, Мах, «подпсихическая реальность», «непосредственный опыт».

Психофизическая проблема соотношения сознания и материи – старая, но до сих пор нерешенная проблема науки и философии (Рубинштейн, 2003, с. 53–64; Ярошевский, 1967). Несмотря на утверждения об уже достигнутом ее решении (см., например: Пономарев, 1983), несмотря на богатую историю подходов к этому – с позиций дуализма, материалистического монизма, спиритуалистического монизма, параллелизма или вообще утверждения об отсутствии данной проблемы – она продолжает оставаться в числе актуальных и нерешенных. Об этом говорят и автор одной из последних попыток ее гипотетического разрешения В. А. Петровский, и известный современный философ Д. Чалмерс (Петровский, 2018; Чалмерс; 2013). Психофизическая проблема – обозначение многомерности реальности. Ряд сложных проблем науки являются частным случаем психофизической проблемы, а многие концепции в науке основываются на принятии того или иного варианта ее решения. Для психологии это имеет важное значение, поскольку вопрос о соотношении психического и физического определяет место самой психологии в системе наук: быть равной среди равных или быть «на вторых ролях» среди «настоящих».

Психологическая теория Д. Н. Узнадзе тоже основывается на определенном подходе к этому вопросу. Более того, его подход сформировался в первую очередь именно как попытка его решения, и это определило его содержание.

Целью статьи является реконструирование варианта решения психофизической проблемы, заложенной в работах Д. Н. Узнадзе, и обоснование тезиса, что без его учета невозможна адекватная трактовка теории установки.

Анализ критики А. Г. Асмоловым теории Д. Н. Узнадзе

Примером подхода к теории Узнадзе, не вполне учитывающего ее психофизический характер, является одно из самых известных из посвященных теории Узнадзе исследований – «Деятельность и установка» А. Г. Асмолова (Асмолов, 1979). Автор основывался на глубоком знании работ грузинского психолога, в том числе малоизвестных, ранее не переведенных на русский язык. Однако, хотя оценки и трактовки Асмолова уже стали практически классикой в отечественной психологии, все же в них, как представляется, наряду с глубоким знанием материала, допущен ряд неточностей. Возможно, одной из причин этого была задача ассимилировать содержание психологии установки теорией деятельности. Поставленная задача, вероятно, затрудняла виденье в концепции Узнадзе ее наиболее новаторских идей. Проведем анализ некоторых из этих ошибок.

Асмолов называет узнадзевский анализ и критику так называемого «постулата непосредственности» (представления «о том, будто объективная действительность непосредственно и сразу влияет на сознательную психику» – Узнадзе, 1997, с. 173) «непреодолимой ценностью психологической науки» (Асмолов, 1979, с. 17). При этом он трактует этот постулат как обособляющий «сферу психической реальности от действительности» (там же, с. 16), что очевидно противоречит самому постулату: ведь он о *непосредственности взаимодействия* психического и физического. Непосредственность взаимодействия означает, что обособления «сферы психической реальности» данный постулат не предполагает.

Представление о том, что «анализ сознания изнутри» (т. е. интроспекционизм) связан с «механистическим детерминизмом» (= «постулатом непосредственности») (там же, с. 17), также спорно. Хотя сам Узнадзе критикует Вундта за «механистический детерминизм» (Узнадзе, 1997, с. 174–177), однако он не утверждает, что «анализ сознания изнутри» внутренне, по сути, связан с «механистическим детерминизмом». Узнадзе сам прошел подготовку у Вундта, и в его текстах использование интроспективных описаний не редкость. Асмолов говорит, что Узнадзе нашел выход из «обособленной» психической сферы через так называемую «подпсихическую субстанцию» (Асмолов, 1979, с. 20), однако Узнадзе дает описание этой субстанции, обращаясь к самонаблюдению (там же), т. е. не выходя за пределы «сферы психической реальности». Следовательно, критика «постулата непосредственности» не связана с неприятием интроспекции. Асмолов пишет, что под подпсихическим Узнадзе понимает некоторое пограничное состояние, т. е. дает его описание как некоего психического состояния. Однако при этом, по Асмолову, подпсихическое «лишено конкретного психологического наполнения» (там же). Но подпсихическое, поскольку оно именно под-психическое, и не должно иметь «психологическое наполнение».

Асмолов в целом сводит узнадзевское подпсихическое к психическому (тем самым, между прочим, сближает свою позицию с критикуемой «замкнутой каузальностью»). Например, утверждение Узнадзе, что «объективное обстоятельство лишь тогда может стать причиной поведения живого существа, когда оно отвечает сиюминутному состоянию, «расположению» этого существа» (там же, с. 21), он трактует как введение внутренней детерминации (до этого говорилось, что узнадзевское подпсихическое «лишено конкретного психологического наполне-

ния»). При этом достижением Узнадзе Асмолов называет преодоление обособления психического от действительности.

Асмолов рассматривает перебор Узнадзе терминов «подпсихическое», «ситуация», «биосфера» и, наконец, «установка» как путь поиска конкретной почвы для своей абстрактной идеи. Однако в текстах Узнадзе эти термины используются не последовательно, а вперемешку, как синонимы с разными смысловыми оттенками. Хотя в поздних текстах Узнадзе использовал почти исключительно термин «установка», но придавал ей иное содержание, чем это делают обычно: по Узнадзе, установка не есть психический феномен (Узнадзе, 1997). Кроме того, Узнадзе говорил, что действия субъекта движимы установкой как некоторой формой предварительного отражения, как бы «предзнания» (в подпсихическом «объективная действительность дана так же, как на непроявленной фотопленке сфотографированный ландшафт» — Узнадзе, 2014, с. 146). Поэтому адекватнее трактовать терминологию Узнадзе как набор форм для одного и того же содержания, не искомого, а уже предварительно *найденного* и удерживаемого исследователем.

По этой причине не имеет достаточных оснований сведение Асмоловым используемого Узнадзе понятия «ситуация» к феномену «задачи» (Асмолов, 1979, с. 22). В задаче главное — нацеливание субъекта на поиск того, чего *еще нет*, тогда как в узнадзевской ситуации (т. е. в подпсихическом) *уже есть* необходимое содержание (например, решение задачи) в непроявленном виде.

Асмолов сам цитирует Узнадзе: «Всё, к чему сознание стремится, все, что оно в конце концов нам дает, по существу уже представлено в подпсихическом» (там же, с. 23). Здесь эту «уже-представленность» он интерпретирует как феномен «цели». На самом деле даже если согласиться с Асмоловым, что цель и подпсихическое равно отражают будущее, очевидно, что они существенно различны, поскольку цель — сугубо внутриспсихический, внутрисознательный феномен, в отличие от подпсихического. Поэтому точно так же ошибочным является сведение понятия «первичной установки» Узнадзе к внутренней детерминации, неотличимой от «либидо» З. Фрейда и «стремления к власти» А. Адлера (там же, с. 26). Ведь установка в понимании Узнадзе не является внутриспсихическим феноменом.

Анализируя первичную установку по Узнадзе, Асмолов использует схему «потребность+ситуация», которая есть схема не порождения, а *фиксации* установки. Очевидно, что первичная и фиксированная установки — это разное. Но если свести суть первичной к фиксированной, то в схеме «потребность+ситуация» последняя, судя по эмпирике, оказывается лишней. Поэтому автор и сводит первичную установку к потребности до встречи со своим предметом — идее из теории деятельности (там же, с. 37–40). Понятие «первичная установка» таким образом обесмысливается.

Асмолов, принимая утверждение Узнадзе о непсихологическом характере установки, находит тот психологический феномен, который соответствует описанной самим Узнадзе феноменологии первичной установки. Этот феномен — «побуждающий характер» предметов, по К. Левину (там же, с. 35–37). Хотя, по Асмолову, этот феномен сводим к понятию «мотив» из теории деятельности, однако у самого Левина «побуждающий характер» предметов не существует вне «психологического поля», которое трудноотличимо от того, что Узнадзе называл «ситуацией»

или «биосферой». Что дает дополнительные разъяснения, в чем содержание узнадзевской концепции: она носит транспсихический, трансперсональный характер.

Ошибочным, как представляется, является утверждение, что установка на самом деле — «психологический механизм стабилизации деятельности» (там же, с. 62). Сам Узнадзе, говоря о формировании установки, использовал термин «*возбудимость*» (Узнадзе, 1997). Это значит, что установка — не инерционное, а активное, как бы заряженное, энергетическое состояние.

Попытка ассимилировать психологию установки теорией деятельности — гипотеза об иерархической уровневой структуре установки: смысловому, целевому и операциональному уровням (Асмолов, 1979, с. 56—114) противоречит характеристике установки Узнадзе как состояния *целостного* субъекта, как «целостного модуса актуального бытия человека» (Узнадзе, 1997, с. 439).

На наш взгляд, ошибки анализа теории Узнадзе — следствие игнорирования ее психофизического (т. е. не чисто психологического) характера. Попробуем поэтому наметить путь реконструирования ее аутентичного содержания.

Предыстория понятия «подпсихическая реальность»

Д. Н. Узнадзе — ученик В. Вундта, поэтому его концепция в той или иной форме основывается на том же фундаменте, что и вундтовская концепция. В свою очередь, концепция Вундта основывается на идеях Э. Маха, в частности его подходе к психофизической проблеме. Рассмотрим это подробнее.

Австрийский физик и философ Э. Мах внес важный вклад в формирование современной науки, он сыграл ключевую роль в формировании и современной физики, и современной психологии. Так, о значении Маха для новейшей физики, в частности его роли в появлении теории относительности, говорил А. Эйнштейн (Эйнштейн, 2016; Визгин, 1990). А один из создателей квантовой механики, В. Паули отзывался о нем как об одном из своих учителей (Линдорф, 2013). С другой стороны, эмпириокритицизм Маха дал Вундту основания для придания научного статуса экспериментальной психологии. При этом «взгляды Маха оказали влияние не только на первые психологические школы (например, структурализма), но и на взгляды бихевиористов и гештальтпсихологов» (Марцинковская, 2004, с. 293). Во многом благодаря самому же Маху был реализован его прогноз: «Относительно всей науки будущего можно сказать <...> она будет подобна туннелю, который строится одновременно с двух сторон (с физической и психической)» (Мах, 1912, с. 111). В чем секрет такой психофизической двухипостасности?

Одной из главных (и, судя по «плодам», продуктивной) идей Маха было представление, что реальность едина и исходно дается нам в *непосредственном опыте*. При этом к единой реальности, по Маху, есть две «точки доступа»: «Психологическое наблюдение я считаю в такой же мере важным и основным источником познания, как и наблюдение физическое» (Мах, 1912, с. 111). Различие психического (субъективного) и физического (объективного) связано с разными формами опосредованности наблюдения. В частности, субъективно-психическое наблюдению всегда одним исключительным наблюдателем, и наблюдаемое при этом внутренне связано с ним; объективно-физическое может быть наблюдаемо различными наблюдателями в равной степени, и оно с ними не связано (Мах, 2005, 1912).

Мах, собственно, концептуализирует действующую в нашем сознании когнитивную схему: объективным является то, что наблюдаемо с разных точек зрения, двумя или более наблюдателями. Для нас это естественный критерий объективности. Однако Мах добавляет, что субъективное наблюдение отличается не тем, что оно вообще не сопоставимо с объективным наблюдением, а тем, что имеет просто иное значение характеристик наблюдения: количество точек зрения наблюдения (одна) и наличие связи наблюдателя и наблюдаемого (связь есть). Идея Маха, таким образом, в том, что понятия о психическом и физическом, сознании и материи — следствие варьирования характеристик способа наблюдения реальности, что приводит к актуализации (проявлению) разных аспектов реальности.

Были попытки подойти к самому *непосредственному опыту*. У Маха возможность его наблюдения скорее допускается, чем реализована. Последователь Маха Вундт считал, что непосредственный опыт — это, собственно, предмет новой, экспериментальной, психологии. При этом использовалась интроспекция. Но Вундт в то же время противопоставлял наблюдение непосредственного опыта внутреннему субъективному наблюдению (также интроспекции), которое реализовывалось старой «метафизической» психологией (Вундт, 1896). Это внесло неясность в то, что такое *непосредственный опыт*, и что такое интроспекция. Вундт декларировал свою позицию в психофизической проблеме как психофизический параллелизм. Однако психическое у него подается как непосредственный опыт, а физическое — как опосредованный. Это означает, что он склонялся к позиции спиритуалистического монизма. Таким образом, позиция Вундта в психофизической проблеме непоследовательна и противоречива.

Близкой к идеям Маха является концепция Узнадзе о нерасчлененной на «субъективное» и «объективное» сфере действительности — «*биосферной*», или «*подпсихической, реальности*» (Узнадзе, 2014). Характеризуя ее, он говорит, что в ней «объективная действительность дана так же, как на непроявленной фотопленке сфотографированный ландшафт» (там же, с. 146), как некий «*целостный настрой*» (там же, с. 144), «*биосферный настрой*» (там же, с. 161), «объединяющий субъективный и объективный моменты» (там же, с. 145). У Узнадзе, однако, нет описания, как может быть реализовано наблюдение «подпсихической реальности». А предложенный позже ее эквивалент — «установка» — оценивался Узнадзе как ненаблюдаемый. Однако характеристики «подпсихической реальности» Узнадзе выглядят скорее феноменологией, чем дедуцированием. И «целостный биосферный настрой», очевидно, в той или иной степени доступен рефлексии и прямому наблюдению.

Решение психофизической проблемы Узнадзе

Критика Узнадзе «постулата непосредственности», т. е. по сути механистического детерминизма (ее А. Г. Асмолов оценивает как важное достижение психологии — см. выше), — это критика позитивистского редукционизма, в котором любое явление объясняется другим явлением, развернутой во времени причинно-следственной цепочкой явлений. Однако дело в том, что при этом Узнадзе осознает, что невозможен простой отказ от данного постулата, поскольку он имеет отношение к идущему от Галилея «принципу неприбегания» в объяснении к телеологи-

ческим или сверхъестественным факторам (Узнадзе, 2014, с. 150) (на объяснениях такого типа почти два тысячелетия стояла до-галилеевская аристотелевская наука, склонная произвольно выработанные схемы навязывать как «правильные»). «Постулат непосредственности» имеет также отношение к еще одному основополагающему принципу научного мышления — принципу сохранения энергии (Узнадзе, 2014, с. 150–151). Узнадзе, конечно, не предлагает вернуться в аристотелизм, а, напротив, упрочивает галилеевское наследие с его приоритетами каузальности. Узнадзе не отрицает причинное взаимообуславливание психического и физического как двух сфер реальности («субстанций» — в терминологии Р. Декарта). Как и Декарт, он признает лишь невозможность непосредственного взаимодействия психического и физического в условиях их принципиальной внеположенности друг к другу, их разнокачественности. В этом смысл критики Узнадзе «постулата непосредственности». Узнадзе вводит предположение о том, как это взаимодействие возможно. У Декарта оно осуществляется через шишковидную железу, у Узнадзе — благодаря «подпсихической реальности».

Говоря о «подпсихической реальности», Узнадзе сравнивает ее с «непроявленной фотопленкой», с «настроем». Тем самым он вводит в дополнение к характерной для механистического детерминизма (и «постулата непосредственности») оппозиции *явление-причина/явление-следствие* оппозицию *сущность/явление*. «Подпсихическая реальность» у него выступает как сфера пребывания еще непроявленной (находящейся в состоянии «*in puse*» (в зародыше) — Узнадзе, 2014, с. 143) *сущности*, которая затем *проявляется*, разворачивается во времени; т. е. цепь *явление — явление* существует не сама по себе, а как проявление *сущности*. «Подпсихическая реальность», сама по себе пребывающая вне череды явлений, имеет вневременной характер. Это как бы нулевая (поскольку непроявленная) сфера. Именно ее «нулевой» характер определяет ее способность быть опосредующим звеном между разными сферами, в частности психической и физической (причем в обе стороны — от физической к психической, и наоборот). Эта вневременная «нулевая» реальность является местопребыванием еще непроявленных сущностей, форм («настрой») — это как раз и есть нечто непроявленное, неоформленное). Учитывая, что Узнадзе идентифицировал эту реальность как: 1) пространство реализации действий и процессов («ситуацию») (Узнадзе, 2014, с. 140); 2) некоторое «предзнание» (у Узнадзе каузальная цепочка трактуется как саморазвертывание «*in puse*» решенной задачи, т. е. «причина» как бы предзнает свое «следствие») (Узнадзе, 2014, с. 143); 3) «принцип жизни» (Узнадзе, 2014, с. 145), — ее можно трактовать как некое *живое разумное пространство*. Он называет его *биосферой*. Только в нем и возможно взаимодействие таких разных реальностей, как «физическое» и «психическое», или «физиологическое» и «психическое» (Узнадзе, 2014, с. 162). Ведь в этом «разумном пространстве» присутствуют атрибуты обеих «субстанций» Декарта: и пространство (*протяженность* — базовый атрибут материи, по Декарту), и разумность (*мышление* — также базовый атрибут психики, по Декарту). Поэтому в таком пространстве (или, может быть, правильнее — макространстве), «психическое» и «физическое» — равноправные элементы.

Узнадзе объясняет, как возможна реализация такого важного сопровождения механистического детерминизма — принципа сохранения энергии — при взаимодействии психики и материи (и это объяснение, по всей видимости, приложи-

мо к предлагаемому им варианту: взаимодействие с участием «подпсихической реальности»). Объяснение таково: энергия как некий феномен имеет скалярную и векторную характеристики. Принцип сохранения энергии в обычном понимании утверждает сохранение лишь скалярной величины энергии при ее преобразовании. Но сведение векторной характеристики к скалярной величине — это и есть основа механистического детерминизма. Так урезанно понятый принцип сохранения энергии уже заведомо «запрограммирован» на замкнутый физикализм, на механистический детерминизм как вариант трактовки галилеевского понимания научности. На самом деле правомерно включение векторных характеристик энергии в понимание принципа сохранения энергии. Узнадзе упоминает, что изменение вектора энергии каким-либо влиянием не противоречит принципу сохранения энергии, поскольку это не влияет на скалярные трансформации энергии (Узнадзе, 2014, с. 160). Но подпсихическая реальность как *разумное живое пространство* — это и есть реальность, сочетающая преобразования и скалярных, и векторных характеристик. Внутри него возможны их взаимовлияния и взаимотрансформации: психическое, будучи в основе психической энергией (ее существование допускает Узнадзе, влияет на физическое (физическую энергию), меняя его векторные характеристики, не меняя, вероятно, скалярных характеристик. В целом это возможно, поскольку все это «трансформации одной и той же энергии» (там же, с. 159). Трансформации же одной и той же энергии происходят в едином *разумном живом пространстве*, срезом (или компонентом) которого является физическое пространство и физический мир.

В целом теории Узнадзе можно квалифицировать как разновидность трансперсональной (транспсихической) психофизической концепции (а в чем-то она даже несет в себе признаки... панпсихического учения). Однако такой подход по-своему логичен и непротиворечив, поэтому не может считаться заведомо антинаучным. В определенной степени он созвучен гипотезам Г. Лейбница и К. Юнга о принципе соотношения психического и физического («предустановленная гармония» и «синхронистичность»). Представление о «подпсихической реальности» сходно с представлениями о полевых системах. Неслучайно физические теории, выросшие из эмпириокритицизма Э. Маха, — теория относительности и квантовая механика — физическую реальность понимали как основанную на полевых структурах. Действительно, «непосредственный опыт» более адекватно фиксируется категорией «поле».

Заключение

Сложность трактовки концепции Д. Н. Узнадзе, по-видимому, связана с тем, что она не является концепцией чисто психологической. Она — наследница теории «непосредственного опыта» Э. Маха. Анализом «непосредственного опыта» Мах заложил основы и современной психологии, и новейшей физики. Коррелят «непосредственного опыта» «подпсихическая реальность» у Узнадзе реализовался лишь в психологии. Однако будучи психо-физическим понятием, «подпсихическая реальность» не исчерпывается лишь психологическим содержанием. В перспективе это понятие могло бы помогать преодолевать обособление «сферы психической реальности от действительности» (Асмолов, 1979, с. 16).

Литература

- Асмолов А. Г.* Деятельность и установка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
- Визгин В. П.* Роль идей Э. Маха в генезисе общей теории относительности // Эйнштейновский сборник 1986–1990. М.: Наука, 1990. С. 49–97.
- Вундт В.* Очерк психологии. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1896.
- Линдорф Д.* Юнг и Паули. Встреча великих умов. М.: Касталия, 2013.
- Марцинковская Т. Д.* История психологии. М.: ИЦ «Академия», 2004.
- Мах Э.* Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: ИД «Территория будущего», 2005.
- Мах Э.* Философское и естественнонаучное мышление // Новые идеи в философии. СПб.: Образование, 1912. С. 93–118.
- Петровский В. А.* Психофизическая проблема: «кто» видит мир? (эскиз концепции взаимоотношения) // Методология и история психологии. 2018. Вып. 1. С. 58–83.
- Пономарев Я. А.* Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Узнадзе Д. Н.* Теория установки. М.: Институт практической психологии, Воронеж: НПО «Модэк», 1997.
- Узнадзе Д. Н.* Основы экспериментальной психологии: принципиальные основы и психология ощущений. Т. 1. (Главы из книги) // Философия. Психология. Педагогика: наука о психической жизни. М.: Смысл, 2014. С. 133–149.
- Чалмерс Д.* Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС–Либром, 2013.
- Эйнштейн А.* Эрнст Мах // Метафизика. 2016. № 3 (21). С. 128–133.
- Ярошевский М. Г.* Психофизическая проблема // Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 4. С. 431–432.

The concept of “subpsychic reality” by D. N. Uznadze as an attempt to solve a psychophysical problem

M. I. Yanovsky

Donetsk National University, Donetsk, Donetsk People’s Republic, m.i.yanovsky@mail.ru

The article aims to reconstruct the solution of the psychophysical problem, which was based on D. N. Uznadze. The connection of the concept of “subpsychic reality”, used by D. N. Uznadze in several works, with the concept of “immediate experience” by E. Mach and W. Wundt is traced. “Subpsychic reality” is interpreted as a hypothesis about the existence of a macro-space with a certain set of properties, in which the mental and physical are equal components, which determines the possibility of their interaction, in which this space is the “intermediary”.

Keywords: psychophysical problem, Uznadze, Mach, “subpsychic reality”, “immediate experience”.

Раздел четвертый

**История становления и развития
психологических школ,
научных, научно-образовательных
и научно-практических центров
и служб**

А. А. Гайворовский: у истоков психотехнического направления Самарской научной психологической школы

М. Н. Акимова

*Самарский национально-исследовательский университет им. академика
С. П. Королёва, г. Самара, Россия, akimovatuza@gmail.com*

Л. С. Акоюн

*Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара,
Россия, akolubov@mail.ru*

В статье рассматривается становление отечественной психологии труда, роль самарских исследователей и конкретно одного их первых психотехников начала XX в. — А. А. Гайворовского. Представлены этапы развития Самарской научной психологической школы. Показано значение профессиональной деятельности А. А. Гайворовского в развитии психотехнического направления не только в Самаре, но и в России (Минск, Краснодар, Ростов-на-Дону). Отмечается важность участия Гайворовского как опытного психотехника, автора новых методов, тестов, программ в организации и работе экспериментальных психологических лабораторий. Сохранившиеся в Самарском (Куйбышевском) педагогическом институте немногие архивные материалы раскрывают новые грани и неординарность личности этого человека.

Ключевые слова: отрасли психологии, история психологии, психология труда, экспериментальная психология, психотехника, психотехнические лаборатории, педагогическая психология.

Знаменательной датой, ставшей отправной точкой становления одной из признанных сегодня отраслей психологической науки — психологии труда и ме-

неджмента, можно назвать далекий 1921 г. Проходившая в тот год в Москве Первая всероссийская инициативная конференция по научной организации труда и производства положила начало активному обсуждению вопросов психологии и психофизиологии труда. Развернувшаяся вслед за этим широкомасштабная научно-исследовательская работа в этом направлении на протяжении всего XX в., развитие психологии труда как отрасли психологии было начато именно в эти годы и составляет уже столетие. Последовавшее вскоре после конференции открытие в Москве Центрального института труда (ЦИТ) и его аналогов в ряде других городов значительно расширило тематику исследований, в которых все большее место стали занимать разработки психотехнических проблем. Бурное развитие психотехнического направления, как отмечает А. В. Петровский, поддерживалось созданием Всероссийского психотехнического общества (1927), изданием в 1928 г. журнала «Психотехника и психофизиология труда» (в 1931 г. журнал получил новое название — «Советская психотехника»), публикацией более 400 книг и статей по проблемам психотехники, участием отечественных психологов в многочисленных Всесоюзных съездах, совещаниях, международных зарубежных конференциях по различным проблемам психологии труда, что значительно активизировало «развитие психотехники как специальной отрасли психологической науки» (Петровский, 1967, с. 267–274).

Огромный интерес к вопросам научной организации труда, социального воспитания, культурно-массовой работы и т. д. породил волну прикладных исследований в области психологии труда, педагогической психологии и психотехники. Среди этих знаковых научных событий особое место занимает открытие психотехнических («сенсорных») лабораторий в Москве, Харькове, Киеве, Казани и других городах.

Самара в этом отношении не стала исключением. Психотехническое направление в Самарском регионе утверждалось и развивалось в системе педагогического образования и было связано с открытием Самарского педагогического института в 1917 г., его последующим преобразованием в Самарский университет, а затем вновь в педагогический институт. Первый ректор Самарского педагогического института — Александр Петрович Нечаев внес большой вклад в развитие экспериментальной психологии. Внедрение эксперимента в педагогику в начале XX в. получило всеобщее признание в России. Это же направление стало основным и в самарский период научной, организационной и педагогической деятельности Нечаева, которая началась с введения в учебный план подготовки будущих специалистов системы образования учебных курсов по общей психологии, истории психологии, психографии. Учебно-методической базой для цикла психологических дисциплин и особенно спецкурсов стали созданные им лаборатория по педагогической психологии и психологический семинарий. В лаборатории были организованы наблюдения над психическим развитием воспитанников самарских детских садов и учащихся Единой трудовой школы. Содержанием занятий Психологического семинария, как отмечено в отчете о деятельности Самарского педагогического института, являлось изучение аппаратов и способов применения их к исследованию «явлений душевной жизни» (Отчет о деятельности..., 1918, с. 13).

В этом же институте успешно реализовывался опыт самого Нечаева по созданию коллекции простейших приборов для проведения практических заня-

тий по психологии. Организованная им психологическая лаборатория стала базой для открытия кафедры общей психологии и экспериментальной педагогики, заведование которой в 20-е годы было поручено профессору С. М. Василейскому, несомненной заслугой которого было стабильное укрепление психологии в системе высшего образования в Самаре и внедрение практико-ориентированного психотехнического направления научных исследований самарских психологов. Круг научных интересов Василейского был непосредственно связан с проблемами научной организации труда, профориентации и профотбора. К исследованию этих проблем обратился и приглашенный им на должность ассистента Александр Александрович Гайворовский, недавно блестяще закончивший психолого-педагогическое отделение социально-исторического факультета Самарского университета по специальности «психология». По данным Петровского, к 1930 г. в СССР насчитывалось 500 психотехников (Петровский, 1967, с. 269). С уверенностью можно сказать, что в их число вошел и Гайворовский, профессиональная и педагогическая деятельность которого была непосредственно связана с исследованиями в области психотехнических проблем. Полученная в годы учебы в университете специальность определила дальнейшие научные интересы и направления профессиональной деятельности Гайворовского. Работал он не только в Самаре, но и в Минске, Краснодаре, Ростове-на Дону, куда его приглашали в высшие учебные заведения и в создаваемые в то время психотехнические лаборатории.

Период с 1925 по 1934 г. был для Гайворовского весьма активным и плодотворным временем и в организационной, и в научно-исследовательской деятельности в разных городах нашей страны (см. также: Стоюхина, 2017; и др.). Белорусский период работы Гайворовского был связан с преподавательской деятельностью на кафедре психологии Белорусского государственного университета, куда он был приглашен на должность ассистента. Параллельно велась активная практическая работа в Центральной психотехнической лаборатории Института белорусской культуры и в аналогичной лаборатории Института организации труда. Деятельность молодого исследователя-психотехника была настолько эффективна, что С. Л. Кандыбович и Т. В. Разина, характеризуя особенности белорусской психологии в 1920–1950-е годы, отмечают, что А. А. Гайворовский «внес немалый вклад в развитие психологической науки в Белоруссии» (Кандыбович, Разина, 2021, с. 11). При этом, как считают авторы, «особое значение имела опубликованная в 1928 г. под редакцией и с предисловием К. Н. Корнилова его книга «Основы психотехники политпросветработы (библиотека, клуб, школа взрослых)», которая была издана секцией научных работников БССР в 1928 г. В книге раскрыты основные вопросы политпросветработы, ее научной организации, даются конкретные практические рекомендации работникам просвещения, касающиеся психологических основ научной организации умственного труда» (там же, с. 12). Белорусский период педагогической и научной деятельности Гайворовского завершился его переездом в Краснодар, а затем в Ростов-на-Дону. Кандыбович и Разина связывают этот переезд «с участвовавшими арестами научно-педагогических сотрудников в БССР в 1930 году» (там же).

Краснодарский и ростовский периоды профессиональной деятельности Гайворовского были не менее продуктивны и насыщены делами научно-организационного и научно-исследовательского характера. Об этом времени Гайворовский

в своей автобиографии пишет следующее: «В 1930 году я был избран профессором Кубанского педагогического института по кафедре психологии и психотехники. В этом звании утвержден Наркомпросом РСФСР. Там же, в Краснодаре, заведовал крупной психотехнической лабораторией Гортруда и Горono. В 1932 году был по конкурсу избран заведующим психотехнической лабораторией Института Организации и охраны труда в Ростове-на-Дону. Там же был профессором Ростовского педагогического института и вел курсы по экспериментальной психологии и психотехнике с аспирантами. Был консультантом Института охраны материнства и младенчества по сектору женского труда и консультантом в психотехнической лаборатории Ростсельмаша» (Архивные документы. Автобиография..., 1941). Как видно, эти годы стали для Гайворовского временем накопления богатейшего опыта психотехнической практики. Свидетельство тому – ряд статей, опубликованных по материалам изучения труда полотнянщиц, наждачниц, работников станочных, водительских и других ведущих профессий сельскохозяйственного машиностроения.

Жизненный путь, равно как жизненный сценарий и биографические данные Гайворовского, богаты многими фактами, в которых нашли отражение события предвоенных, военных и послевоенных лет жизни страны, города Самары (Куйбышева) и самого Александра Александровича. Богатство его биографии подчеркивает Н. Ю. Стоюхина в историко-психологическом исследовании творчества А. А. Гайворовского (Стоюхина, 2009, 2017). Однако неординарность этого человека позволяет увидеть новые грани его личности, а сохранившиеся в Самарском (Куйбышевском) педагогическом институте немногие архивные материалы (рукописная автобиография, личный листок по учету кадров, характеристика, ходатайство и приказ о назначении Гайворовского на должность профессора кафедры педологии, список научных трудов и др.) дополняют психологический портрет самарского исследователя начала XX в., оставившего свой след в деятельности Самарского педагогического вуза, которому он отдал более 30 лет своей жизни и профессиональной деятельности.

Особенно информативным для нас является отзыв уже достаточно известного в те годы психолога, профессора психиатрии Самарского государственного университета Ю. В. Португалова, который характеризует Гайворовского как «хотя и молодого, но законченного специалиста по определенным отраслям психологии, которому можно смело поручить ведение кафедры при Педагогическом Вузе» (Архивные документы. Отзыв..., 1929). Так, в одной из производственных характеристик подчеркивалось, что Гайворовский проводит большую работу по учебному оборудованию кабинета психологии, изготовлению «демонстрационного материала на лекционных и просеминарских занятиях», «ведет разработку наглядных пособий по психологии для вузов и средних школ», «проявляет себя как самостоятельный научный деятель и «как оригинальный автор новых методов, тестов, программ» (Архивные документы. Наркомпрос..., 1935).

Характеризуя личностные качества молодого ученого Гайворовского, профессор Португалов отмечает положительные черты его деятельности: «спокойную осторожность, чувство меры, несклонность благоговеть перед модными случайными направлениями, захватившими нестойких и пассивных научных работников», а также «совершенно объективное отношение к борющимся лагерям в совре-

менной психологии». Далее профессор Португалов отмечает «самостоятельность, редкую усидчивость и трудоспособность» (Архивные документы. Отзыв..., 1929). Нужно принять во внимание, что эти оценки были сделаны практически на заре становления педагогического института. На наш взгляд, такая позиция особенно положительно сказывается на научной атмосфере всего института и в определенной степени отражает целенаправленность организационно-управленческих действий руководства института на создание кафедр психолого-педагогического профиля с их ориентацией на активную научно-исследовательскую деятельность.

В последующем именно эта направленность позволила сосредоточить творческий потенциал преподавателей кафедры педагогики и психологии, созданной после ее многочисленных преобразований и ставшей одной из ведущих кафедр института, а затем и открытого в 1993 г. отделения психологии и в 1995 г. факультета психологии под руководством Г. В. Акопова. Факультет в течение нескольких десятков лет проводит глубокие научно-практические исследования по целому ряду актуальных направлений теоретической и практической психологии.

Достойное место у истоков этих направлений в начале XX в. занимал Гайворовский, о чем можно судить по сохранившемуся в архиве списку его научных публикаций. За период с 1926 по 1937 гг. им в общей сложности было подготовлено 38 научно-методических материалов, среди которых отмечены преимущественно статьи и очерки психотехнического содержания, но изучал также такие вопросы, как профессиональные интересы современной молодежи, психологическая классификация ведущих профессий, развитие общежизненного и общекультурного опыта современного ребенка. В характеристике, составленной руководством Куйбышевского государственного педагогического и учительского института в 1950 г., говорится о масштабном экспериментальном исследовании (свыше 800 детей и подростков), проводимом Гайворовским на тему «Идейная направленность и развитие эстетических вкусов детей и подростков в области русского искусства XIX века» (Архивные документы. Характеристика..., 1950).

Большой массив исследований был выполнен в контексте задач современной ему советской психологии и психотехники в реконструктивный период. Параллельно он проводил работу по экспериментальному изучению труда работников технического производства, медицинской и педагогической сферы. Несомненный вклад в практическую психологию того времени и в учебный процесс педагогического вуза внесли технические разработки Гайворовского, ставшие продолжением коллекции простейших приборов, созданных А. П. Нечаевым. Эта коллекция, созданная в 1920—1930-е годы, пополнилась разработанными Гайворовским приборами для исследования меткости движений, быстроты координированных движений, мышечной памяти, быстроты реакции, кривых пульса и дыхания и целым рядом приборов для исследования внимания, восприятия и других когнитивных процессов. Ценность этой коллекции неоспорима, потому что ее по праву можно назвать прообразом Лаборатории новых информационных технологий в образовании, которая начала активно функционировать как самостоятельное подразделение на факультете психологии педагогического института в 1998 г. Конечно, работа этой лаборатории построена на более современных технологиях и технических решениях, но в числе ее основных задач по-прежнему остается обеспечение практических и лабораторных занятий по базовым учебным дисциплинам:

«Общая психология», «Экспериментальная психология», «Общий психологический практикум», «Психолого-педагогическая диагностика» и др. Как и в далекие прошлые годы, студенты осваивают технологии внедрения экспериментальных методов в психологическую практику прикладного и фундаментального научного исследования, особенности планирования психолого-педагогического эксперимента, обработки и интерпретации результатов.

Небольшой период жизни Гайворовского был связан с работой в военных учреждениях. В личном листке по учету кадров его рукой сделана отметка: «г. Самара. Вступил 15.X.1918 г. добровольцем в Красную армию и был добровольцем за все время пребывания в ней» (Архивные материалы. Личный листок..., 1950). Годы службы в армии сначала в качестве инструктора школ политбюро Самарского губвоенкомата, а затем с 1920 г. в должности старшего инструктора Политуправления ПРИВО были связаны, как отмечает Александр Александрович в автобиографии, с большой работой «по изучению психологии летчиков, артиллеристов, кавалеристов, водителей бронемашин и т. п.» (Архивные документы. Автобиография..., 1941). Психотехническая направленность военной службы очевидна. Во время Великой Отечественной войны Гайворовский оставался в Куйбышеве, был награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», грамотами и благодарностями.

В 1936 г. Гайворовский приступил к работе над докторской диссертацией по теме «Наглядность в преподавании психологии», но работа по этой теме, к сожалению, не была завершена. Позже, в 1946 г., в плане научно-исследовательской работы кафедры педагогики и психологии КГПИ было отмечено, что за профессором Гайворовским числится тема докторской диссертации «Проблемы ситуативной психологии» и указаны сроки планового окончания работы — 1953 г. Об этой же теме шла речь в письменном сообщении директору КГПИ за подписью директора Института психологии Академии педагогических наук РСФСР А. А. Смирнова о том, что «в начале 1946 г. на заседании Ученого совета Института психологии был заслушан и обсужден доклад проф. А. А. Гайворовского на тему «Ситуативная психология». Замыслы автора готовить свою докторскую диссертацию в плане разработки психологии личности получили со стороны Ученого совета положительную оценку». Вместе с тем, «некоторые основные положения его доклада встретили серьезные возражения. Докладчику было указано на неясность употребляемых им терминов и понятий, расплывчатый характер поставленной им проблемы и т. д.» (Архивные материалы. Академия Педагогических наук..., 1947).

Были сделаны конкретные предложения по разработке «подробного плана-проспекта с развернутой характеристикой содержания каждой главы» (там же), была отмечена также готовность Ученого совета Института психологии АПН РСФСР заслушивать сообщения Гайворовского о том, как будет продвигаться его диссертационная работа.

К довоенным научным публикациям, среди которых наиболее серьезными были «Содержание и методы преподавания психологии» (1937), «Наглядность в преподавании психологии» (1938—1939), добавились новые: «К вопросу об учении И. П. Павлова о первой и второй сигнальных системах и их значениях для понимания психической деятельности человека» (1952), «Нервные процессы примени-

тельно к курсу психологии» (1952), развернутая рецензия на учебник психологии под редакцией К. Н. Корнилова, Б. М. Теплова и А. А. Смирнова (1948).

В научной деятельности Гайворовского при всем многообразии интересовавших его вопросов можно увидеть то, что научная строгость и «призвание А. А. Гайворовского к эксперименту», проявившиеся в начале его профессиональной карьеры, не только сохранились на всем протяжении научно-педагогической деятельности Александра Александровича, но и заявили о себе с новой силой в 1950-е годы, когда развернулись дискуссии и состоялся «свободный обмен мнениями по поводу перестройки психологии». В проходившем в Москве с 30 июня по 5 июля 1952 г. совещании, созванном Президиумом Академии педагогических наук РСФСР, приняли участие свыше 400 научных работников. В числе выступивших в прениях был и Гайворовский. С позиции сегодняшнего дня его точка зрения была бы вполне допустима, но в тот период она была принята, как отмечает Стоюхина, за «нарочитое преувеличение опасности, вульгаризации павловского учения при внедрении его в психологию» и за «одну из форм скрытого сопротивления решительной перестройке психологии на павловской основе» (Стоюхина, 2009, с. 8). Содержание научной дискуссии, имевшей место на том совещании, позволяет представить, насколько жесткими были идеологические подходы к научным спорам и разногласиям в психологии тех лет.

В Куйбышевском педагогическом институте Гайворовский проработал 26 лет, до 1961 г. Сохранилось его заявление, в котором он просит об освобождении «от занимаемой должности профессора психологии в связи с ухудшением состояния здоровья» (Архивные документы. Заявление А. А. Гайворовского..., 1961). В 1963 г. Гайворовский ушел из жизни. Отдавая дань уважения этому незаурядному человеку, отметим, что в памяти всех самарских психологов он остается одним из наиболее известных ученых, наряду с Нечаевым, Португаловым, Василейским.

Профессор кафедры отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета (так сегодня называется Куйбышевский государственный педагогический институт имени В. В. Куйбышева), кандидат исторических наук Н. П. Храмова в 1959 г. была студенткой исторического факультета КГПИ. Нина Петровна вспоминает: «Курс психологии у нас вел Александр Александрович Гайворовский. Впечатление на нас он производил очень сильное своей оригинальностью и некоторой экстравагантностью. Он был высок ростом, худощав и быстр в движениях. Внешне чем-то напоминал расхожий образ Дон Кихота. К сожалению, много курил, даже на лекциях. Курс свой он читал свободно, без единого конспекта. Видна была его эрудиция и осведомленность в вопросах, в ответах на которые у него всегда была своя, порой неожиданная и неординарная, точка зрения. Была очевидна его влюбленность в свое дело и в целом в жизнь, в отношения с другими людьми и с нами студентами-первокурсниками».

Литература

- Архивные документы. Отзыв Ю. В. Португалова (производственная характеристика) на А. А. Гайворовского. 28 августа 1929 г.
- Архивные документы. Выписка из приказа 189 от 03 сентября 1934 г. о назначении А. А. Гайворовского на должность профессора кафедры Педологии.

- Архивные документы. Наркомпрос. Управление подготовки учителей. Ходатайство о присуждении А. А. Гайворовскому ученой степени кандидата психологических наук. 17 ноября 1935 г.
- Архивные документы. Автобиография А. А. Гайворовского (рукописный текст). 20 ноября 1941 г.
- Архивные документы. Академия Педагогических наук. Институт психологии. Выписка Ученого совета Института психологии с замечаниями по докторской диссертации А. А. Гайворовского. 11 октября 1947 г.
- Архивные документы. Личный листок по учету кадров. 17 сентября 1950 г.
- Архивные документы. Характеристика на профессора психологии Куйбышевского государственного педагогического и учительского института им. В. В. Куйбышева Гайворовского А. А. 17 ноября 1950 г.
- Архивные документы. Заявление А. А. Гайворовского об освобождении от занимаемой должности в связи с состоянием здоровья. 07 февраля 1961 г.
- Кандыбович С. Л., Разина Т. В.* Особенности белорусской психологии в 1920–1950 гг.: Историко-культурные предпосылки. Часть 3. Психологи Беларуси в эвакуации и в тылу, восстановление образования и науки после Великой Отечественной войны // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 2 (22). С. 6–33.
- Отчет о деятельности Самарского Педагогического института за 1917–1918 гг. Самара: Типография Губернского земства, 1918.
- Петровский А. В.* История советской психологии. М.: Просвещение, 1967.
- Стоюхина Н. Ю.* Страницы биографии А. А. Гайворовского (к 110-летию со дня рождения) // Вестник Поволжской социально-гуманитарной академии. Факультет психологии. Самара: Изд-во ПГСГА, 2009. С. 6–19.
- Стоюхина Н. Ю.* Гайворовский Александр Александрович: данные биографии // История психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 3. С. 15–73.

A. A. Gaivorovsky: at the origins of the psychotechnical direction of the Samara scientific psychological school

M. N. Akimova

Samara National Research University named after academician S. P. Korolev, Samara

L. S. Akopyan

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara

The article examines the formation of domestic labor psychology, in particular, the role of Samara researchers and specifically one of the first psychotechnicians of the early twentieth century – A. A. Gaivorovsky. The stages of development of the Samara scientific psychological school are presented. The importance of the professional activity of A. A. Gaivorovsky in the development of the psychotechnical direction not only in Samara, but also in Minsk, Krasnodar, Rostov-on-Don. The importance of Gaivorovsky's participation as an experienced psychotechnician and the author of new methods, tests, programs in the or-

ganization and work of experimental psychological laboratories is noted. The few archival materials preserved in the Samara (Kuibyshev) Pedagogical Institute allow one to see new facets of Gaivorovsky's professional activity in Samara.

Keywords: branches of psychology, labor psychology, experimental psychology, psychotechnics, psychotechnical laboratories, educational psychology.

А. И. Юрьев – основатель Санкт-Петербургской школы политической психологии

И. С. Бурикова, М. А. Коновалова, К. С. Устинов

*Институт политической психологии и прикладных политических исследований
ЛГУ им. А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург,
burikova@cspdom.ru, m.konvalova.spb@gmail.com*

В статье содержится краткий обзор истории создания ленинградской-петербургской школы политической психологии и научного наследия профессора А. И. Юрьева. Изложена история создания первой в России кафедры политической психологии, определены основные направления исследований, осуществленных сотрудниками за 30 лет. Среди основных направлений современных политико-психологических исследований обозначены работы по изучению человеческого капитала и новой политической реальности.

Ключевые слова: политическая психология, политический человек, системный метод, глобализация, психолого-политическая стабильность общества, человеческий капитал, стратегическая психология, новая политическая реальность.

История ленинградской-петербургской школы политической психологии официально началась 6 октября 1989 г., когда ректор ЛГУ им. А. А. Жданова, академик С. П. Меркурьев подписал приказ «О создании на факультете психологии кафедры политической психологии. Зав. Юрьев А. И.». Официальное государственное утверждение петербургская школа политической психологии получила (приказ Министерства образования и науки РФ, Федерального агентства по образованию) в 2007 г. Предварительно идея создания кафедры политической психологии была высказана деканом факультета психологии профессором А. А. Крыловым и получила санкцию первого секретаря Ленинградского ОК КПСС Юрия Филипповича Соловьева. Профессор А. И. Юрьев, который был инициатором формирования нового для нашей страны научного направления, считал, что этому событию предшествовали три необходимых условия.

Первым он считал свое случайное знакомство с академиком Борисом Герасимовичем Ананьевым в 1968 г. Будучи рабочим одного из оборонных заво-

дов Ленинграда, А. И. Юрьев еще ничего не знал о психологии, но завязавшийся на улице разговор с Б. Г. Ананьевым оставил в его памяти неизгладимый след: «С первого взгляда я ощутил нечто, что можно было бы именовать „излучением интеллектуальной мощи“, исходившей от этого невысокого, худощавого человека. Только инопланетянин мог бы произвести на меня, уже бывалого и искусственного человека, столь мощное впечатление своим умом, пронизательностью, речью....Так я встретился с воплощением всего, чему было можно и нужно подражать» (Теория и практика..., 2009, с. 14) Немного позже, узнав о существовании факультета психологии в ЛГУ им. А. А. Жданова и придя подавать документы в приемную комиссию, Юрьев встретился со своим уличным собеседником, и эта встреча решила его судьбу.

Вторым необходимым условием, по мнению профессора Юрьева, было историческое событие — «перестройка», которая среди многих минусов создала уникальные условия для психологического исследования политического человека. Еще в конце 1970-х — начале 1980-х годов политические изменения существенно влияли на развитие и состояние всех направлений психологической науки. В результате удачных или неудачных политических решений создаются «окна возможностей» для появления новых психологических специальностей. Появление любой новой кафедры является производным от потребностей времени, оформленных политическими решениями.

Третьим условием Юрьев считал достаточную теоретическую, методологическую и эмпирическую базу нового научного направления. Открытие кафедры политической психологии стало естественным развитием принципа комплексного изучения человека, предложенного основателем факультета психологии ЛГУ академиком Ананьевым и воплощением его идеи о смежности наук: «Психология становится важным орудием связи между всеми средствами познания человека, объединения различных разделов естествознания и общественных наук в *новом синтетическом человекознании*» (Ананьев, 1968). В полном соответствии с этим принципом факультет психологии ЛГУ им. А. А. Жданова формировался из кафедр педагогической психологии (психология+педагогика), медицинской психологии (психология+медицина), инженерной психологии (психология+инженерное дело), психологии труда (психология+труд) и т. д. В случае с созданием в 1989 г. кафедры и специальности «политическая психология» этот принцип продолжен в сочетании смежных наук «психология+политика» (Теория и практика..., 2009, с. 7). Мечта академика Ананьева о системе человекознания, обеспечивающей целостное знание о человеке, лежала в основе ленинградской психологической школы и развивалась в научных работах его учеников. Кафедра избрала своей теоретико-методической основой разработки В. М. Бехтерева, изложенные в «Коллективной рефлексологии» и других его работах, междисциплинарный подход к изучению психики человека Б. Г. Ананьева, системные описания в психологии, предложенные В. А. Ганзеном, анализ психологии деятельности Г. В. Суходольского.

Юрьев всегда подчеркивал особую методологическую роль научных работ «Восприятие целостных объектов» (Ганзен, 1974) и «Системные описания в психологии» (Ганзен, 1984) профессора Владимира Александровича Ганзена, который много лет был научным руководителем Юрьева. Таким образом, научным фундаментом ленинградской-петербургской школы политической психологии

была принята концепция человека академика Ананьева и ее развитие в системных описаниях профессора Ганзена. Эта четкая, научно-обоснованная структура позволяет осуществить системное и целостное описание человека.

Ученики профессора Ганзена, стремясь кратко сформулировать суть его научных взглядов писали: «В психологической концепции В. А. Ганзена сочетаются влияния пифагореизма и платонизма. Как и Пифагор, он был очень внимателен, сензитивен к числу — числу исходных оснований, разбиений множества и т. д. Как и Платон, он пытался создать свой мир психологических понятий, в котором, в отличие от реального, неупорядоченного и подчас иррационального мира, царят гармония, разум, красота и совершенство» (Петербургская школа психологии..., 2006, с. 349).

Точное определение научного творчества Ганзена приводит В. И. Дружинин: «Школа В. А. Ганзена — совершенно оригинальное явление нашей научной жизни. Опираясь на принципы системного подхода и декларируя свою приверженность системной методологии, В. А. Ганзен стал не просто создателем еще одной ее версии, а предложил оригинальный подход, который можно было бы (очень условно) назвать неопифагорейством в психологии» (Петербургская школа психологии..., 2006, с. 348).

«В монографии „Системные описания в психологии“, выпущенной в 1984 г. издательством ЛГУ, Ганзен на основании опыта научных описаний сформулировал следующий постулат: „Любая реальность наблюдаемого мира описывается пространственными, временными, энергетическими и информационными характеристиками“. Эти четыре понятия — «пространство, время, энергия и информация — были приняты за общенаучный базис, полнота набора понятий в котором имеет эмпирическое обоснование. Далее, рассматривая любые объекты через множество их признаков, на основании операции установления семантической близости соотносятся все признаки описываемого объекта с элементами данного общенаучного базиса. Это — метод стандартного разложения множества признаков другого объекта по отдельным его элементам» (Петербургская школа психологии..., 2006, с. 348)

В 2003 г. Юрьев писал: «На идеях профессора В. А. Ганзена построена методология политической психологии, которая была возобновлена в России на факультете психологии Ленинградского университета в 1989 г. Но применение системных описаний В. А. Ганзена для изучения психологической реальности — далеко не такое простое дело, как кажется многим. При всей внешней простоте и ясности они по внутренней сложности сравнимы с идеями В. Г. Лейбница, книги которого до сих пор не могут прочитать и понять современные специалисты. Труды профессора В. А. Ганзена ждут квалифицированного интерпретатора, также блестяще образованного в области математики, физики, логики, филологии, физиологии, как сам В. А. Ганзен. Только в такой интерпретации его научная психологическая методология будет правильно применена во всех затруднительных случаях, которых в современной психологии становится все больше и больше. Так что слава и известность профессора В. А. Ганзена еще впереди» (Ананьевские чтения, 2003, с. 8–9).

Сотрудники кафедры политической психологии ЛГУ им. А. А. Жданова видели теоретическую основу своих исследований в работах русских ученых конца

XIX—начала XX вв.: В. М. Бехтерева, В. А. Попова, С. И. Смирнова, Э. К. Пименовой, Н. К. Михайловского, Л. Н. Войтоловского, В. К. Случевского, И. И. Добровольского. Своими зарубежными предшественниками сотрудники кафедры считали таких выдающихся ученых, как Г. Тард, С. Сиголе, Г. Лебон, О. Кабанес и Л. Насс. Создавая специальность «Политическая психология», Юрьев с коллегами исходили из того, что политическая психология нашего времени сформирована такими известными учеными, как Г. Уоллас, Г. Ласуэлл, Дж. Книтсон, М. Хертманн, Г. Айзенк, Дж. Дейвис, которые опираются на работы Фрейда, Фромма, Мак Доугала, Мюррея, Маслоу, Павлова, Уотсона, Толмена, Скиннера, Эриксона, Пиаже и др.

В нашей стране в это же время политическую психологию под другими названиями в меру возможностей развивали С. К. Рошин, Б. Д. Парыгин, Б. А. Шерковин. Параллельно с кафедрой работали и работают над формированием российской политической психологии А. А. Деркач, Е. В. Егорова-Гантман, А. М. Зимичев, Н. М. Ракитянский, Г. Г. Дилигенский, Л. В. Гозман, Е. Б. Шестопал, В. В. Крамник, Д. В. Ольшанский.

Участие в ежегодных всемирных конференциях Международного общества политических психологов (ISPP) быстро ввело сотрудников кафедры политической психологии в круг ныне активно работающих политических психологов мира.

На кафедре политической психологии СПбГУ предмет исследований был определен как психолого-политические состояния, свойства и особенности политического человека, обнаруживающиеся в процессе его взаимодействия с политической властью. Предмет исследования политической психологии (СЧВО — система человек—власть—общество) аналогичен предмету инженерной психологии (СЧТС — система человек—техника—среда).

В политической психологии объектом исследования принято считать *политического человека*, который для современной отечественной науки представляет некий «объем тайн», образованный на осях X психических процессов (от политического ощущения до политического мышления), Y психологических свойств (от политического темперамента до политической направленности) и Z психических состояний (от политического утомления до политического стресса). Пересечение этих трех осей дают в «объеме человека» бесконечно большое количество точек для исследования, которых не хватит на всех психологов, живших до нас, и которые будут после нас (Теория и практика..., 2009).

В 1992 г. был издан первый отечественный учебник «Введение в политическую психологию», который Юрьев писал и редактировал на фоне бурных событий путча 1991 г. (Юрьев, 1992). Этот учебник, как и курсы лекций, разработанные для учебного плана кафедры политической психологии СПбГУ, появились в результате многолетней, разносторонней практической работы и эмпирических исследований. Юрьев по окончании университета в 1977 г. занимался профессиональным психологическим отбором и специальной психологической подготовкой специалистов для экстремальных видов деятельности. Он был лауреатом Государственной премии СССР за разработки в области специальной психологии, участвовал в создании методик психологического отбора космонавтов. Незадолго до открытия кафедры политической психологии ему было поручено исследовать кадровый резерв в Ленинградской области для выдвижения на руководящие

политические должности. После открытия кафедры ему было доверено руководство школами практической политической психологии «Дюны» и «Асиновья Роцца», подготовку в которых прошли представители президента РФ, кандидаты в губернаторы субъектов РФ и другие слушатели, желающие подготовиться к государственной политической деятельности. Именно практическая консультативная работа побудила А. И. Юрьева совместно с А. А. Крыловым заняться разработкой «Этического кодекса» психолога (Практикум по экспериментальной..., 1990), а позже «Этического кодекса политического психолога» (Юрьев, 1996а, б), который преподавался студентам на кафедре политической психологии СПбГУ, пока Юрьев был ее заведующим. Все другие учебные курсы кафедры политической психологии, так же строились на серьезной эмпирической и практической базе. Например, курс «Психологии политических коммуникаций» был теоретически и экспериментально подготовлен под руководством Ганзена, когда о политической психологии еще и речи не было. Тогда это называлось «работой с текстом» (Ганзен, Юрьев, 1987).

В экспериментальном разделе докторской диссертации Юрьева «Системное описание политической психологии» была предложена методика измерения психолого-политической стабильности общества, которая успешно применялась в последующей практике (Юрьев, 1996а, б). Широчайший опыт практической работы Юрьева от декана факультета переподготовки педагогов до консультанта председателя правительства РФ В. С. Черномырдина позволил ему сформировать полное представление о происходящих политических событиях и их воздействии на психику человека. Результатом системного анализа процессов глобализации и демографических изменений в нашей стране и в мире, стали открытие нового направления исследований — *человеческий капитал*. Целью этого направления была разработка интегрального показателя психического развития человека, состоящего из параметров его реального поведения: а) жизнеспособности человека, б) трудоспособности, в) способности своевременно адаптироваться к глобальным изменениям в мире, г) способности к познанию. Методология и результаты масштабного эмпирического исследования человеческого капитала в двух субъектах Российской Федерации были опубликованы в монографии «Опыт психологического измерения человеческого капитала» (Бурикова и др., 2009).

Теоретическое осмысление полученных материалов позволило Юрьеву сделать вывод, что проблема человека является стержнем проблем России. Эта проблема не может быть решена только усилиями, успешно развивавшихся в СССР *оперативной* психологии, изучающей внутренний круг проблем человека и *тактической* психологии, рассматривающей человека в отношениях с другими людьми, техническими системами и окружающей средой. В России необходимо развивать *стратегическую* психологию, которая изучает будущее человека, точнее, дальний внешний круг его проблем: «Таких психологических проблем, которых часто нет, но которые приближаются все быстрее и быстрее. Изменения в техносфере, демографии, структуре общества, картине мира происходят так стремительно, что недавняя фантастика становится реальностью без осознания этих изменений человеком. И чем дальше, тем стремительнее. Осознание этих изменений, а еще важнее, их предвосхищение, антиципация — сегодня такой же залог

выживания для человека, народа, государства, как недавно сохранение вековых традиций» (Стратегическая психология глобализации..., 2006, с. 19–20).

Профессор Юрьев был принципиальным противником обывденного представления о политике как о «грязном деле». Он настаивал на том, что человечество обязано прогрессивной политике всеми своими достижениями в большей степени, чем своими страданиями обязано преступной политике. К сожалению, мало кто понимает, что в основе любой политики лежит психология — комплекс представлений о человеке. Политика начинается с психологического описания человека, которое определяет законодательство, форму административного управления, всю систему поощрений и наказаний, меру развития культуры, науки и образования. Именно психологическое определение человека устанавливает границы политически допустимого и недопустимого. Поэтому отношения между политикой и психологией, политикой и другими областями научного знания очень непросты. Политика определяет «открытие» или «заккрытие» целых научных направлений, устанавливает круг теорий и понятий в рамках которых осуществляется изучение человека и общества.

В своем докладе на конференции, посвященной 20-летию кафедры политической психологии СПбГУ, Юрьев сказал: «Проблема для политической психологии заключается в том, что в отечественной психологии неявно захватывает власть идеология неопозитивизма. Хотя, Огюст Конт, создатель философии и религии позитивизма, не признал психологию наукой, тем не менее, часть психологии стремится к своему признанию, как науки, в рамках только позитивизма, подражая физике или математике. В связи с этим считается, что формальное рождение психологии как самостоятельной дисциплины состоялось в 1879 году — в этом году в Лейпциге, в Германии, Вильгельм Вундт основал первую лабораторию для экспериментального изучения психических явлений. Эта часть специалистов отрицает «психологичность» многих психологических категорий, которые составляют существо политической психологии: психологии любви и ненависти, веры и недоверия, надежды и безнадежности, психологию чести, долга, совести, политического сознания и др. Эти категории изучаются в рамках идеалистической философии, метафизики и не поддаются позитивистским количественным измерениям. Но отрицать их реальное существование, как психологической сущности, невозможно: любой позитивист добивается от своего, даже ближнего окружения, поведения на основе совести, долга, чести и т. д.» (Теория и практика..., 2009, с. 9–10)

На кафедре политической психологии было принято общее определение науки: «Вербальное письменное средство воздействия является наукой в том случае, если его пользователь после точного исполнения предписания составителя текста обязательно достигает предсказанного конкретного результата». Для целей политической психологии определение науки формулируется так: «Расширение политического сознания человека является наукой в том случае, если используемые им инструменты понимания себя и окружающего мира позволяют снять неопределенность в отношении смысла, цели и ценностей своего существования и существования своей страны» (Теория и практика..., 2009, с. 10).

Создавая кафедру политической психологии, Юрьев ставил перед собой и своими сотрудниками задачу открыть новые, ранее недоступны, области профес-

сиональной деятельности для выпускников. Это было бы невозможно без решения проблемы «узкого коридора психологических понятий, теорий и методов», допущенных к передаче студентам стандартами психологического образования в СССР. От студентов были скрыты целые пласты психологии реальной политической жизни, «вырезанные» из программ по разным причинам. Для формирования политической психологии было создано «поле терминов, теорий и методов» за пределами данного «предписанного коридора». Для этого было введено три сотни новых психологических понятий, открывающих творческий простор для студентов и аспирантов. Выпускники кафедры — политические психологи, как и ожидалось, оказались специалистами чрезвычайно самостоятельными, независимыми, невероятно творческими, а главное — эффективно вписавшимися в практику реальной политики на всех уровнях власти и в самых разных сферах деятельности. Множество выпускников ленинградской-петербургской школы политической психологии работают во всех регионах России, СНГ, в большинстве стран Европы, Африки.

В последние годы своей жизни профессор Юрьев возглавлял Институт политической психологии и прикладных политических исследований при ЛГУ им. А. С. Пушкина. Вместе с ближайшими учениками и коллегами он продолжал совершенствовать свою педагогическую систему подготовки политических лидеров, чьи человеческие и профессиональные качества были бы адекватны «*новой политической реальности*», в которой им предстоит действовать (Юрьев и др., 2015). К сожалению, профессор Юрьев не успел завершить работу над программой поэтапного формирования поведения политического человека, стремящегося к воплощению естественной гармонии в жизнь, основанную на четырех принципах мировой гармонии: повторяемости, уравновешенности, соразмерности и соподчиненности.

В своем пленарном докладе на конференции «Политическая психология в новой политической реальности — тридцать лет спустя» 16 октября 2019 г. Юрьев назвал основные признаки *новой политической реальности*, к которой необходимо психологически готовить людей:

- 1) необычность, когда для инноваций нет готовых «хороших» ответов;
- 2) недопустимость, когда инновации в политике представляются противоестественными;
- 3) внезапность, когда инновации происходят именно тогда, когда их не ждали;
- 4) неожиданность, когда инновации оказываются совсем не такими, какими их ожидали увидеть.

Опираясь на свой огромный профессиональный опыт, Юрьев пришел к заключению, что теории и методы политической психологии США и других стран «не работают» на территории бывшего СССР. Именно поэтому потребовались отечественные теории и методологии, адекватные менталитету населения Российской Федерации. Механическое перенесение политических традиций и практик из одной страны в другую неизбежно приводит к столкновению с местным политическим менталитетом, существование которого отказываются признавать и учитывать некоторые политики. Результатом насильственной трансляции чуждых форм политической жизни всегда бывают социальные потрясения, разрушение

экономики и целостности реформируемых государств и конечная адаптация нового политического устройства в сильно ослабленной, искаженной до неузнаваемости форме, но самое главное — утрата политической субъектности. Не случайно последняя из написанных Юрьевым рецензия была на книгу Н. М. Ракитянского «Ментальные исследования глобальных политических миров» (Ракитянский, 2020).

Для своих учеников и последователей Юрьев сформулировал четыре необходимых для будущего развития политической психологии принципа:

1. *Миссия политической психологии* — участие в превращении политики из «искусства возможного» в науку о поведении политического человека как объекта политики на основе постижения смысла его жизни.
2. *Призвание политической психологии* — участие в создании партийно-политических систем и психологических систем подготовки политических лидеров, опираясь на жизненные ценности человека как политической личности.
3. *Предназначение политической психологии* — разработка стратегического прогноза и планирование политики на основе научной картины мира для формирования целей политического человека как индивидуальности.
4. *Служение политической психологии* — реализация знаний для разрешения политических проблем и кризисов, используя психологическое консультирование как главное дело своей жизни.

Заключение

Профессор А. И. Юрьев часто напоминал своим ученикам, что «будущее определяет настоящее». Именно от того, каким мы видим образ будущего, зависит то, как мы живем сейчас, какая политика управляет нашим обществом, какая наука востребована нашим государством. Так же и с проектом Человека. Новая политическая реальность стимулирует ученых-позитивистов все чаще вспоминать биологические признаки человека, редуцируя его духовные аспекты, которые нельзя посчитать и описать в цифре. Такой проект человека ведет к сокращению не только описательных терминов, но и самих признаков Человека, превращая его в киборга. Политическая психология видит выход в том, чтобы возвращать в практическую политику естественную гармонию описания Человека с его индивидуальными, субъектными, личностными и индивидуальными особенностями — с его биологической, социальной и духовной составляющей, расширяя тем самым возможности человека в новой реальности.

Литература

Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.

Ананьевские чтения: Б. Г. Ананьев и комплексные исследования человека в психологии: Материалы научно-практической конференции «Ананьевские чтения — 2003» / Под общ. ред. Л. А. Цветковой, Л. А. Головей. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2003. С. 8–9.

Бурикова И. С., Коновалова М. А., Пушкина М. А., Юрьев А. И. Опыт психологического измерения человеческого капитала / Под научной ред. проф. Юрьева А. И. СПб.: АНО ИЦК «Русский запад», 2009.

- Ганзен В. А. Восприятие целостных объектов. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1974.
- Ганзен В. А. Системные описания в психологии. Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1984
- Ганзен В. А., Юрьев А. И. Системное описание психических состояний, возникающих в процессе восприятия информации // Вестник Ленинградск. ун-та. 1987. Сер. 6. Вып. 6. б/п.
- Петербургская школа психологии: прошлое, настоящее, будущее / Под ред. Л. А. Цветковой, А. А. Крылова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 346–351
- Практикум по экспериментальной и прикладной психологии. Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1990.
- Ракитянский Н. М. Ментальные исследования глобальных политических миров. М.: Изд-во Московск. ун-та, 2020.
- Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала. Учеб. пособие / Под науч. ред. А. И. Юрьева. СПб.: Logos, 2006.
- Теория и практика российской политической психологии: Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию кафедры политической психологии СПбГУ. Санкт-Петербург, 23–24 октября 2009 года / Под научн. ред. А. И. Юрьева. СПб.: АНО ИЦК «Русский запад», 2009.
- Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1992.
- Юрьев А. И. Системное описание политической психологии: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. СПб., 1996а.
- Юрьев А. И. Системное описание политической психологии: Дис. ... докт. психол. наук. СПб., 1996б.
- Юрьев А. И., Бурикова И. С., Коновалова М. А. Основные принципы поиска и подготовки политиков пятого поколения // ПОЛИТЭКС. 2015. Т. 11. № 1. С. 229–258

Saint Petersburg school of political psychology of professor A. I. Yuriev

I. S. Burikova, M. A. Konovalova, K. S. Ustinov

*Institute of Political Psychology and Applied Political Research, Leningrad State University.
Saint Petersburg*

The article is devoted to a brief overview of the history of the creation of the Leningrad-Petersburg School of Political Psychology and the scientific heritage of Professor A. I. Yuriev. The article describes the scientific pedigree of the theory and methodology of the first department of political psychology in Russia and the main directions of research that have been carried out over the 30-year history of the scientific school. Among the main directions of modern political and psychological research, studies of human capital and new political reality are designated.

Keywords: political psychology, political person, systemic method, globalization, psychological and political stability of society, human capital, strategic psychology, new political reality.

Благотворительность в царской России и становление системы психологической помощи бездомным

Е. С. Вакарев

*АНО ВО «Московский гуманитарный университет», ГАОУ ВО «Московский
городской педагогический университет», evakarev@mosgu.ru, vakareves@mgpu.ru*

Д. К. Жасутипе

АНО ВО «Московский гуманитарный университет», 1493242@gmail.com

Рассмотрено влияние благотворительности в царской России на становление идей социально-психологической поддержки бездомных. Описаны основные традиции оказания помощи бездомным в России со стороны Русской православной церкви, а также общественности. Приведены примеры влияния религии на решения государственной власти, связанные с оказанием помощи бездомным. Утверждается, что многовековые традиции материальной поддержки и защиты бездомных в царской России могут быть положены в основу продвижения идей разработки комплексной системы оказания психологической помощи бездомным в современной России.

Ключевые слова: благотворительность, бездомные, бродяжничество, психологическая помощь, базовые потребности.

Проблема социальной исключенности и эксклюзии является характерной для всех стран мира. Характер условий, связанных со специфическими факторами (культурными, религиозными, правовыми, природно-климатическими) влияет на формирование особенностей социального явления бездомности в каждой стране. Сегодня в России мы можем говорить о «бездомности» как о явлении, характеризующем образ жизни той части российского общества, которая не имеет постоянного места проживания и использует в качестве дома места, не предназначенные для жилья, а также имеющая низкий социальный статус и находящаяся за гранью бедности.

В социологическом контексте бездомность рассматривается как результат социальной дезадаптации, частичной или полной утраты человеком способности интеграции в социальной среде. В связи с этим важным является понимание путей и механизмов реадaptации, поддержки и интеграции таких людей в общество. Наряду с медико-социальными мерами поддержания бездомных, которые принимаются сегодня на уровне центров социальных служб, регулируются законодательными актами и финансируются на уровне государства, открытым и крайне актуальным остается вопрос социально-психологической помощи бездомным людям. В современных центрах оказания помощи таким лицам психологическая помощь и поддержка предоставляется фрагментарно и чаще всего усилиями

волонтеров, чем профессиональными психологами. Таким образом, несмотря на то, что во многих исследованиях, выполненных в рамках социологии, социальной педагогики, социальной медицины, юриспруденции, очень часто авторы акцентируют внимание на социально-психологических проблемах, которые испытывают бездомные (социально-психологическая дезадаптация, конфликты, дискриминация, нарушенная система коммуникаций и т. д.), практика оказания социально-психологической помощи бездомным как комплексная система мер остается до сих пор в большинстве случаев на уровне проектов и моделей, а усилия добровольцев по поддержанию оптимально психологического состояния лиц без определенного места жительства не находят должной юридической и законодательной поддержки и позволяют решить только малую долю тех психологических проблем, с которыми сталкиваются бездомные.

Практика оказания помощи бездомным людям в удовлетворении базовых потребностей имеет глубокие корни, уходящие к периоду начала второго тысячелетия. Но каким же образом создавались предпосылки их социальной реабилитации и как происходило становление практики оказания социальной и социально-психологической помощи бездомным людям в России?

На Руси первые упоминания в отношении людей, не имеющих крова и работы, появились еще в раннем Средневековье. Например, в «Повести временных лет» при описании событий начала XII в. встречаются «убогыи» и «нищ». Этнограф И. Прыжов отмечал, что в X–XI вв. «при Владимире уже упоминается о баснословном числе нищих, а при Ярославе они получают юридическое положение в обществе, делаются людьми церковными» (Прыжов, 2008, с. 139). Бродяжничеству в России способствовали, в частности, и объективные причины: религиозные (сострадание к бродягам), географические (большая территория) и национальные (склонность к сочувствию, милосердие). Однако постоянные разорительные междоусобные войны и набеги внешних врагов, внутренняя политика русских князей и бояр, становление русской государственности привели к тому, что в XII–XV вв. нищенство достигло чудовищного размера и стало значительной по количеству социальной категорией населения Руси.

Основную помощь бродягам и нищим в этот период оказывали монастыри. Русская православная церковь в социальной сфере представляла реальную практическую помощь нуждающемуся через собственные структуры за счет средств церкви, государства, общин, братств и милостыни. Монастыри являлись не только центрами духовно-просветительской, но и достаточно успешно функционирующими субъектами экономической деятельности. Уже в XI–XIII вв. монастыри, число которых различные исследователи определяют в диапазоне от 35 до 300, были одной из основных частей системы функционирования христианской церкви в Средневековье (Лукиянов, Тарасова, 2014). Монастыри обеспечивали нетрудоспособные сельскохозяйственные и ремесленные производства, различные торговые операции. И именно монастыри стали главным органом церкви в области организованной благотворительности на пожертвования от больших имений, поступающих от государей и частных лиц.

В житиях некоторых святых упоминается, что при монастырях нередко функционировали больницы, открытые для всех нуждающихся в помощи (Лукиянов, Тарасова, 2014). Однако уже в XIV–XVII вв. стали возникать первые не-

религиозные проявления благотворительности. В «Судебнике» 1550 г., представлявшем свод царских указов и законов, учитывался не только церковный взгляд на бродяжничество, но и объективные внешние факторы возникновения социальных патологий, допускалось, что нищенство может быть результатом утраты имущества в силу природных катаклизмов. Таким образом, нищенство и бродяжничество обрели официальный легальный статус института и образа жизни, в то время как в Европе они законодательно попадали под запрет (Фирсов, 2012). Официальное признание бродяжничества стало возможным не только благодаря процветающим в обществе христианским идеалам милосердия, согласно которым милостыня и подавание трактовались как главный путь приближения к Богу и церкви, но и потому, что в обществе отсутствовал соответствующий институт призрения.

Идеология «нищелюбия», которая характеризует древнерусскую благотворительность, в XVI–XVII вв. утверждается важным аргументом в разгорающейся борьбе за собственность и власть между церковью и государством в условиях становления российского самодержавия, что привело к укреплению общественного сознания патриархального тезиса о «богоугодности» бедности. Это абсолютно противоречило буржуазной идее богатства как признака «господнего расположения», складывающейся в это время в Западной Европе. В сознании же русского народа нищета не была пороком, чему служат примеры из народного творчества, где покровителем бедных является сам Господь: «Убогим — Бог прибежище», «Где голь берет? Голи Бог подает», «За сиротою сам Бог с калитую». Милостыня считалась делом богоугодным: «Просит убогий, а подашь Богу», «Милостыня — сухари на дальнюю дорогу». При этом в фольклоре нет осуждающего отношения к нищим, скорее проводится мысль, что никто не застрахован от нищеты: «С сумой да с тюрьмой не бранись», «Не родом нищие ведутся, а кому Бог даст» (Прыжов, 2008).

Каждый российский император пытался принять меры для того, чтобы в самые трудные времена помочь своим подданным и оградить их от необходимости идти с сумой по миру. Николай I, например, в апреле 1834 г. разрешил оголодавшим после неурожайного года людям охотиться на дичь любыми средствами, а также продавать добычу на рынках в течение всего года. В последующие годы императоры не раз выделяли деньги из собственных средств на закупки зерна для голодающих. Но чаще всего эта помощь оказывалась для граждан огромной страны лишь каплей в море. Главными причинами бедности, толкавшими крестьян к нищенству, были пожары и неурожай, при которых выгорали целые деревни и случался массовый падеж скота.

Первые мероприятия государственной власти по упорядочению благотворительной деятельности учреждений Русской православной церкви и частных лиц относятся к середине XVI в. Они состояли в попытке поставить эту деятельность под контроль государства и более четко определить ее объект. Обращаясь к церковному собору в 1551 г., на котором был принят свод церковного права — «Стоглав», Иван Васильевич Грозный внес в главу V «О тридцати семи царских вопросах и о церковном строении» следующее положение: «Милостыня и корм годовой, хлеб и соль, деньги и одежда, по богаделенным избам по всем городам дают из наших казны, и христороубцы милостыню дают же <...> а нищие, клос-

ные и гнилые, и пристаревшись в убожестве, глад и мраз и зной, и наготу, и всякую скорбь терпят <...> от глада и мраза в недорозе умирают, и без управы, без покаяния, без участия, никем не брегомы. На ком тот грех взыщется?» (Российское законодательство, 1985, с. 351).

В эпоху правления Ивана Грозного бродяжничество приняло форму конфликта. С одной стороны оно по-прежнему было своего рода дорогой к святости, но с другой — образом жизни, противоречащим устойчивым социальными представлениями о правильном жизненном пути человека. Иван Грозный приказал создавать для бродяг и калек богадельни, так как их присутствие в обществе оскорбляло чувства людей. Чтобы отличить действительно нуждающихся в помощи от туяядцев и попрошайек, было организовано управление, которое должно было выявлять причины бродяжничества и учить всех собирающихся в соответствующих списках. Идентификация бродяг происходила по следующим признакам: возраст, статус в обществе, источник дохода. Нищих и бродяг этого времени делили на прокаженных, колосных, престарелых, «на тележках и санях возящих», «неимуших, главы где преклонити». Кроме этого, в главе 73 «Ответ о богадельнях...» Стоглава было указание о необходимости переписи нищих на всей территории государства, где предписывалось выявлять прокаженных и престарелых, чтобы обеспечить их пищей и одеждой, а также открыть для них в городах богадельни. Для их обслуживания предполагалось учредить особый штат из «здоровых мужиков и баб». А чтобы со стороны служащих (стряпчих) не было насилия в отношении ущербных, их деятельность контролировалась священниками и целовальниками. Трудоспособным нищим проживать в богадельнях запрещалось, чтобы: «здоровые бы с женами по богадельням не жили и питались ходячи по дворам от боголюбцев, якожи и днесь» (Российское законодательство, 1985, с. 362). Для контроля за исполнением предписаний предполагалось учредить специальный Приказ строения богаделен (Благотворительная Россия, 1901). Однако, по мнению В. О. Ключевского, Стоглавый собор прохладно отнесся к вопросу об общественном призрении, и приказ был учрежден только во второй половине XVII в. (Ключевский, 2012).

Однако после смерти Ивана Грозного, во время правления Бориса Годунова, в 1601–1603 гг. наступает трагический период для измученных опричниной крестьян — великий голод и разруха. Не обладая реальными резервами, чтобы прокормить деревню, царь попытался использовать социальные рычаги. Многие годы закрепощенные крестьяне жили надеждами на «государевы выходные лета». Но своим указом о сыске беглых крестьян Борис нанес смертельный удар этим надеждам. Три года спустя он выказал большую гибкость, временно отступив от принятого курса. 28 ноября 1601 г. было принято Уложение о восстановлении на год крестьянского выхода в Юрьев день, когда крестьяне могут перейти крепостными к другому хозяину. Затем в 1603 г. был издан указ, согласно которому во времена голода позволялось отпускать семьи на волю без соответствующего юридического оформления. Однако неурожай настиг и большие хозяйства, обрекая людей на чудовищный голод. Это спровоцировало повальный исход крестьян из деревень в города.

Попытка решить проблему бродяжничества путем строительства богаделен была продолжена при царе Алексее Михайловиче. Но бродяги, попав в богадель-

ню, не прекращали попрошайничать и воровать, используя богадельню как притон, место сбора для обмена информацией.

Пришедший к власти царь Федор Алексеевич, снова привлек Русскую православную церковь к решению проблемы бродяжничества. В 1616 г. он повелел собрать всех бродяг. И, выявив реально нуждающихся, обеспечить им пристанище, а трудоспособным предоставить работу. По его замыслу, нуждающиеся должны получить помощь, а нежелающие трудиться — принудительную работу. В конце XVII в. бродяжничество в России уже достигает угрожающих масштабов. Синод издает постановление от 14 июля 1732 г., в котором значилось: «Бродяг в безобразных одежаниях в церковь не пускать, а кто в приличной одежде, может входить, но должен стоять в уединенном месте. А из присутствующих выяснить, не притворствуют ли они, чьи будут и отколь пищу и одежду получают» (Пыляев, 2016, с. 217).

Первый радикальный поворот относительно социальной поддержки бродяг и нищих произошел в период царствования Петра I. В 1712 г. он запретил просить и подавать милостыню. Виновным грозил денежный штраф. Но православные традиции оказались сильней, и под давлением Русской православной церкви Петр отменил свой запрет на подавание. Отношение к человеку в эпоху правления Петра I определялось исключительно его трудовой стоимостью. Поэтому те, кто отлынивал от трудовой повинности, разыскивались и снова принуждались к труду. В 1774 г. издается «Инструкция к магистратам», где прописывался запрет на любую помощь странникам и бродягам, прибывшим из различных населенных пунктов (Фирсов, 2012). В этот исторический период совершается отход от богословских религиозных принципов оценки бродяг и нищих. При этом возникают новые критерии: «пристойно» ли поведение бродяги в храме. Не оскорбляет ли он эстетические и религиозные чувства граждан, когда просит милостыню. Дифференциация нищих и бродяг теперь оценивается с точки зрения возможной готовности стать достойными членами общежития с учетом социальных норм и отклонений.

Знаменательно, что именно в период правления Петра I религиозный подход окончательно уступает место социальному, а нужда и участь нищего человека рассматривается не в контексте пути к вечности, а исходя из конкретных проблем общества на данный момент. Однако с преемниками Петра дело замерло. Издавались лишь по-прежнему указы о запрещении бродяжничества, которые на практике оказывались неэффективными. Лишь при Екатерине II была проведена следующая государственная реформа организации призрения. Сначала это были частные меры в виде открытия воспитательных домов для незаконнорожденных младенцев в епархиях богаделен, а также в учреждении при монастырях особых домов для безумных и душевнобольных. Но в 1775 г. стали учреждаться во всех губернских городах приказы общественного призрения как самостоятельные органы, находившиеся в непосредственном подчинении сенату. В обязанность приказов возлагалось устройство народных школ, сиротских домов, больниц, домов для неизлечимых больных, богаделен, работных, смиренных домов. Вместе с тем им вменялась обязанность искоренять нищенство. Такие приказы при Екатерине были открыты в 40 губерниях.

Особого внимания заслуживает создание системы работных (рабочих) домов. Это было первым комплексным решением, предложенным указом сверху

для действенной социальной и психологической поддержки нуждающихся людей. В полной мере опыт работных домов распространился на Россию в конце XVIII в. стараниями Екатерины II. Запретив в 1762 г. нищим просить милостыню, государство со своей стороны предложило им работный дом в качестве средства выживания. При этом, по задумке императрицы, работные дома должны были иметь как принудительную, так и добровольную форму.

В 1775 г. Екатерина II выпустила указ, обязав создать работный дом, куда следовало принудительно помещать «молодых ленивцев», получающих «пропитание работой»: «...Как между тем оказывается, в здешнем городе множество молодых лет ленивцев, привыкших лучше праздно шататься, прося бесстыдно милостыню, нежели получать пропитание работою, то для таковых, дабы прекратить им средство к развратной праздности, учредить рабочие дома под ведомством здешней же полиции, заняв для сего состоящий за Сухаревой башней прежде Карантинный двор, в котором и содержать мужеского пола ленивцев, употребляя оных для пиления дикого камня на казенные и партикулярные строения за надлежащую плату, а также и на другие работы, по усмотрению Вашему. Для таковых же женского пола занять упраздненный Андреевский монастырь, определить им прядильную работу, брав потребный материал из адмиралтейской канторы, а также и другие работы тому подобные, и всем, как мужеского, так и женского пола, производить на каждого человека кормовых денег три копейки. Для содержания потребных караулов при рабочих домах требовать от здешнего гарнизона пристойную команду» (Храпоничева, 1999, с. 89). В том же году «Приказ об общественном призрении» обязывает устройство в каждой губернии работных домов для содержания неимущих в добровольном и принудительном порядке для прокормления: «В оных домах дают работу, а по мере работы пищу, покров, одежду или деньги... принимаются совершенно убогие, кои работают могут и сами добровольно приходят...» (Храпоничева, 1999, с. 90).

Просуществовала эта система до 1853 г. Во второй половине XIX в. в России стали появляться дома трудолюбия, первый из которых был основан в 1889 г. при Андреевском соборе в Кронштадте по инициативе Иоанна Кронштадтского и барона Отто Буксгевдена. К 1895 г. в стране существовало 52 дома трудолюбия, а к 1898 — уже 130. Все они были постепенно закрыты после Октябрьской революции.

После отмены крепостного права и освобождения крестьян в 1861 г. положение с бродяжничеством вновь стало усугубляться. Если раньше владелец поместья хотя бы в минимальной степени нес ответственность за благосостояние принадлежавших ему душ, то после реформы крестьяне оказались предоставленными сами себе, что при отсутствии привычки к самостоятельности нередко оборачивалось катастрофой. Подписчики московских газет в 1894 г. вместе с почтой получали извещение от городского головы (им в то время был К. В. Рукавишников), в котором сообщалось, что в ближайшее время планируется ввести городские попечительства о бедных. В задачу новых органов, созданных по инициативе общественного управления, должны были войти забота о неимущих и борьба с нищенством. Городской голова просил не поощрять уличного нищенства, чтобы нищие привыкли обращаться в попечительства и в городские присутствия «по разбору о просящих милостыни» (Раттур, 2020). Как гласило извещение, «уве-

ренный в постоянной готовности москвичей содействовать святому и благостному делу помощи неимущим» городской голова «покорнейше просит всех жителей Москвы, без исключения и без различия звания и пола, занятий и средств, богатых и бедных, старых и молодых, вступать в ряды попечительств, чтобы из нас не было бы никого, кто не вносил бы своей лепты в общее доброе дело, чтобы совесть каждого была покойна при встрече с нищим и при мысли о горькой нужде, гнездящейся в нашем городе» (Раттур, 2020, с. 41). Примечательно многое. Во-первых, широкий размах частной бескорыстной помощи, осуществляемой через пожертвования, что именно она мыслится основным источником финансирования нового дела. Во-вторых, попытка подчинить традиционные и во многом стихийные формы благотворительности довольно четкой регламентации. В-третьих, призыв к новому делу осуществлен через периодическую печать.

На фоне урбанизации и промышленной революции проблема бездомности в городах России обострилась в конце XIX в. с новой силой. Жители сельской местности массово переселялись в города. Но далеко не всем удавалось найти себе в городах работу и жилье, а средств для возвращения на родину не оставалось. Ряды бродяг стали также пополнять люди, освобожденные из тюремного заключения.

Период конца XVIII—начала XX в. в целом можно охарактеризовать переходом от неорганизованной подачи индивидуальной милостыни и государственной репрессии по отношению к нищим к созданию заведений помощи бедным, регламентированным единым планом. Этот процесс наблюдается с последней трети XVIII в., когда под воздействием на русское общество идей европейского Просвещения, поставившего в центр внимания гуманистическое отношение к жизни и отдельному человеку, началось активное развитие светской благотворительности. Этот процесс был, прежде всего, связан со стремительными социально-экономическими изменениями в жизни страны. С одной стороны, набиравшие силу промышленная революция и урбанизация сопровождалась возрастанием социальной мобильности, вследствие которой часть населения неизбежно перемещалась в ряды бедных и безработных, с другой — наблюдался цивилизационный процесс, выражавшийся в европеизации форм социальной жизни. Определяющим моментом для развития благотворительности, удовлетворения базовых потребностей, а также социальной и психологической помощи бездомным людям становится осознание общественного долга.

Заключение

Социально-психологическая помощь бездомным в царской России связана с государственной политикой, которая строилась с учетом религиозных практик поддержки бездомных лиц и благотворительности. Ориентация культовых учреждений, а также всевозможных социальных домов и приютов на удовлетворение базовых потребностей человека, позволяют рассматривать этот вектор работы как первоначальную форму социально-психологической поддержки бездомных. Перестройка социального уклада общества и смена государственной власти в России в XX в. повлияли на систему оказания помощи бездомным. Изучения социально-политических условий становления идей социально-психологической помощи бездомных в советской России в 1920-е годы — задача будущих исследований.

Литература

- Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности / Под ред. П. И. Лыкошина: В 2 т. СПб.: Изд-во О. Ф. Имеретинской и П. И. Лыкошина, 1901. Т. I. Ч. 1.
- Ключевский В. О. Добрые люди Древней Руси. М.: Книга по требованию, 2012.
- Лукьянов С. А., Тарасова И. А. Роль Русской православной церкви в формировании социальной политики на ранних этапах российской государственности. Руза: Московский областной филиал МВД России, МАОРИ, 2014.
- Прыжов И. Г. Нищие и юродивые на Руси. М.: Авалон, 2008.
- Пыляев М. И. Старое житье. Очерки и рассказы о бывших в отшедшее время обрядах, обычаях и порядках в устройстве домашней и общественной жизни. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2016.
- Раттур М. В. Правовые основы благотворительности как гражданской деятельности в Российской империи во второй половине XIX в. // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15. № 3. С. 30–46. doi: 10.35427/2073-4522-2020-15-3-rattur
- Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 1985.
- Фирсов М. В. История социальной работы: учебное пособие. М.: Кнорус, 2012.
- Храпоничева Е. В. Дома трудолюбия. История создания в XIX веке рабочих домов и домов призрения // Московский журнал. 1999. № 9. С. 42–47.

Charity in czar Russia as a precondition for forming a system of psychological assistance to the homeless charity in Czar Russia and the forming a system of psychological assistance to the homeless

E. S. Vakarev

Moscow University for Humanities, Moscow City University, Moscow

J. K. Zhasitite

Moscow University for Humanities, Moscow

The article is devoted to the consideration of the influence of charity in tsarist Russia on the formation of ideas of social and psychological support for the homeless. The main traditions of rendering assistance to the homeless in Russia on the part of the Russian Orthodox Church, as well as the public, are described. Examples of the influence of religion on government decisions related to helping the homeless are given. The authors argue that the centuries-old traditions of material support and protection of the homeless in tsarist Russia can be used as the basis for promoting the ideas of developing a comprehensive system for providing psychological assistance to the homeless in modern Russia.

Keywords: charity, homeless people, vagrancy, psychological assistance, basic needs.

Саратовская психологическая школа: исследование академической адаптации¹

Е. С. Гринина

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет им.
Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, elena-grinina@yandex.ru*

Рассматриваются первые опыты и современное состояние исследования проблемы академической адаптации представителями саратовской психологической школы, основоположником которой является доктор психологических наук И. В. Страхов. Рассматриваются исследования развития внимания в образовательном процессе и педагогического такта как факторов эффективного обучения и развития личности. Первоначально учеными саратовской психологической школы изучались структура, механизмы и факторы академической адаптации. Современные исследования преимущественно сосредоточены на выявлении социально-психологических, психологических и психофизиологических факторов, характеристик и механизмов академической адаптации обучающихся с особыми образовательными потребностями.

Ключевые слова: Саратовский университет, саратовская психологическая школа, адаптация к школе, академическая адаптация, структура академической адаптации, механизмы академической адаптации, факторы академической адаптации, академическая адаптация обучающихся с особыми образовательными потребностями.

Современный этап развития психологии характеризуется достаточно гармоничным сочетанием теоретических исследований в различных областях и оказания практической помощи, психологического и психолого-педагогического сопровождения развития личности и общества. Практика образования на сегодняшний день претерпевает значительные изменения, что обусловлено появлением новых трендов в образовании (компетентностный подход к оцениванию результатов образования, вариативность форм его получения, акцент на активности обучающегося, развитие инклюзивных практик в образовании и т. д.). В связи с этим перед современными обучающимися встает задача быстрой и эффективной адаптации к образовательным условиям, однако она не всегда может быть успешно решена. Закономерно возникает запрос на исследование механизмов и факторов академической адаптации для разработки эффективных технологий ее оптимизации. Это обуславливает актуальность проблемы академической адаптации в современной психологии. Однако исследование этой проблемы, несмотря на ее кажущуюся новизну, имеет довольно глубокие исторические корни. Определенный вклад в разработку проблемы академической адаптации вносит саратовская психологическая школа.

Возникновение саратовской психологической школы относится к 1930-м годам, в 1937 г. в Саратовском педагогическом институте была основана кафедра психо-

---

¹ Исследование выполнено по Госзаданию № FSRR-2020-0003.

логии. Заведующим кафедрой стал доктор психологических наук И. В. Страхов. Интерес Страхова к вопросам психологического сопровождения образования возник значительно раньше — одной из первых его работ была статья «Работа в школе ликвидации неграмотности» (Страхов, 1926), в которой автор указывает на необходимость учитывать психологические особенности обучающихся для повышения результативности их образования. Предложенная в работе анкета позволяла выявить интеллектуальные, эмоциональные и волевые особенности обучающегося, значимые для реализации образовательного процесса. Позднее Страхов продолжает рассматривать психологические особенности учащегося как фактор обучения, но акцентирует внимание уже не на взрослых, а на детях (Страхов, 1936), предлагая использовать в качестве основного метода наблюдение. Автор отмечает, что, если осуществлять наблюдение разносторонне, включать в процесс разных учителей, результаты наблюдения и сформулированная на его основе психологическая характеристика обучающегося будут более достоверными и дифференцированными. Результаты исследования психологических особенностей учеников были обобщены Страховым в докторской диссертации.

Исследование проблем педагогической психологии, практических аспектов психологического сопровождения образования продолжилось и активно развивалось в рамках функционирования кафедры психологии в Саратовском педагогическом институте. Первоначально проводилось исследование проблемы внимания и педагогического такта. Внимание рассматривалось как значимый фактор повышения эффективности познавательной деятельности, активации восприятия, запоминания, мышления (Страхов, 1954).

Наиболее важным в процессе обучения является интеллектуально-волевое внимание в начальной фазе вхождения в учебную деятельность, оказывающее влияние на возможности поддержания рабочего состояния. При этом, по мнению исследователей, внимание связано не только с познавательными функциями, но и с нравственными аспектами общения и деятельности человека, что проявляется, в частности, в контексте его внимательности к другим людям. Таким образом, можно отметить, что внимание органично вплетено не только в интеллектуальный, но и в социально-психологический аспект академической адаптации. В процессе учебной деятельности важно не только повышать уровень развития внимания обучающегося, но и выявить факторы, оказывающие влияние на его развитие, создавать условия, способствующие формированию всех видов внимания. Проблему развития внимания в дальнейшем в саратовской психологической школе продолжили изучать В. И. Страхов, Л. П. Доблаев и др. (Доблаев, Страхов, 1995; Страхов, 1974). В частности Л. Е. Тарасова изучала вопросы коллективного внимания школьников, Р. М. Шамионов — социально-психологические аспекты внимания (Страхов и др., 2011).

Не менее значимыми для академической адаптации обучающихся являются и отношения с преподавателем, характер взаимодействия учащегося и учителя. В связи с этим интерес представляет исследование психологических аспектов проблемы педагогического такта, представленное в работах ученых саратовской психологической школы (Страхов, 1966). Важным в контексте проблематики академической адаптации представляется положение о необходимости учета индивидуальных особенностей, возможностей личности учащегося, его учебной

подготовки, отношения к учителю, актуального психологического состояния и обстановки взаимодействия при осуществлении педагогом воздействия на ученика. По сути, И. В. Страхов обращает внимание на личностные, когнитивные, социально-психологические и организационные аспекты академической адаптации и их развитие в процессе взаимодействия учителя и учащегося. Педагогический такт, по мнению ученого и его последователей, способствует установлению делового и эмоционального контакта между учителем и учащимся, что является необходимым для успешной академической адаптации.

В дальнейшем к дифференцированному исследованию академической адаптации как целостной проблемы обращаются М. В. Григорьева, Р. М. Шамионов, М. В. Граур и другие представители саратовской психологической школы.

Григорьева изучала структуру школьной адаптации, механизмы и факторы, оказывающие влияние на ее успешность в различных условиях образования (Григорьева, 2008). В структуру школьной адаптации она включает эмоциональную, интеллектуальную и социально-психологическую подсистемы, что свидетельствует о сложности, многокомпонентности рассматриваемого феномена. Говорить об оптимальной адаптации обучающегося к школе можно только в том случае, если наблюдаются благополучие и положительная динамика как в каждой из этих подсистем, так и в их гармоничном взаимодействии. При этом возможны различные варианты протекания адаптационных процессов. Значимыми внутренними факторами адаптации, по мнению автора, являются свойства нервной системы, особенности эмоциональных процессов и состояний личности, структура учебной мотивации, социально-психологические характеристики личности, отношения личности к своему статусу в группе. В качестве значимых внешних факторов выступают условия обучения, отношения и представления родителей и учителей к образовательному процессу и специфике его реализации. Григорьева подчеркивает, что адаптация в современной школе происходит не только на рубеже образовательных ступеней (1-й, 5-й, 10-й классы), но может рассматриваться как постоянный процесс установления равновесия между развивающейся личностью и меняющейся образовательной средой школы, обращает внимание на разнородность и разнокачественность психологической адаптации (Григорьева, 2011).

Под руководством Григорьевой продолжает исследование академической адаптации М. В. Граур. Она обращает внимание на необходимость понимания академической адаптации как сложной открытой системы, предполагающей взаимодействие внешней метасреды, личностной и социальной сфер школьной адаптации (Граур, 2017). В структуре академической адаптации автор выделяет внешний (особенности внешней среды в структуре системы адаптации) и внутренний (элементы школьной адаптации) метауровни. Важно, что академическая адаптация в каждом случае происходит индивидуально. Обучающийся, приспосабливаясь к образовательным условиям, формирует свой собственный, неповторимый адаптационный стиль, уникальность которому и придает специфика взаимодействия с внешней средой и социального и личностного аспектов адаптации к школе.

Р. М. Шамионов, анализируя проблему академической адаптации, формулирует понятие адаптационной готовности как состояния, способствующего сохра-

нению личностью настроем на приспособление к значимой ситуации и связанного с психическим напряжением, определяет ее структуру (Шамяионов, 2016). Коллектив авторов (М. В. Григорьева, А. Р. Вагапова, Л. Е. Тарасова, А. В. Кашеева, И. В. Малышев, М. С. Ткачева, Т. В. Хуторянская, Т. Н. Черняева) исследовал структуру, механизмы и факторы адаптационной готовности личности в современных условиях на различных этапах образования (Григорьева и др., 2016). В ходе изучения обозначенной проблемы разработана методика диагностики адаптационной готовности личности (Григорьева, 2017), проанализирована роль рефлексии в адаптационном процессе студентов к условиям обучения в вузе (Григорьева и др., 2017).

В настоящее время в Саратовском национальном исследовательском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского под руководством проф. Р. М. Шамяионова осуществляется исследование проблемы социально-психологических, психологических и психофизиологических факторов, характеристик и механизмов академической адаптации обучающихся с особыми образовательными потребностями. Коллективом авторов (Р. М. Шамяионов, М. Г. Григорьева, А. В. Созонник, Е. С. Гринина) разработана и апробирована методика оценки компонентов академической адаптации. В ходе анализа характеристик академической адаптации, когнитивных функций студентов с ограниченными возможностями здоровья и студентов без ограничений выявлено наличие как общих, так и специфических особенностей в структуре их академической адаптации (Шамяионов и др., 2020а). Отмечены аналогичные тенденции в личностном, эмоционально-оценочном, когнитивном и мотивационном компонентах академической адаптации. При этом выраженность коммуникативного и психофизиологического компонентов академической адаптации у студентов с ОВЗ оказывается значимо ниже, чем у их здоровых сверстников. Проведенное исследование позволило установить сходство интегральной оценки академической адаптации студентов с ОВЗ и без ограничений. Выявлены достаточно высокие показатели личностного, мотивационного, эмоционально-оценочного и когнитивного компонентов адаптации первых. В результате анализа полученных данных охарактеризованы взаимосвязи когнитивных функций и различных компонентов академической адаптации студентов: психофизиологического, личностного, познавательного. Кроме того, отмечается некоторое различие когнитивных функций студентов с ОВЗ и без ограничений здоровья, в частности, функций внимания. Лица с ОВЗ характеризуются значимо менее выраженным темпом, точностью, продуктивностью внимания, а также низким общим коэффициентом переключаемости внимания. Отмечаются более высокие затраты времени на выполнение заданий теста и общее количество подсказок у студентов с ОВЗ. Эти особенности обучающихся рассматриваемой категории должны учитываться при организации образовательного процесса в вузе, адаптации образовательных программ и технологий для снижения риска академической дезадаптации последних.

Риск академической дезадаптации, помимо обучающихся с ОВЗ, может актуализироваться и у студентов с хроническими заболеваниями. Они, как правило, не попадают в фокус внимания психологической службы образовательного учреждения, однако характерные для них особенности психического развития, обусловленные влиянием хронической болезни, также могут оказывать негативное

влияние на протекание адаптационных процессов. Предпринятое исследование соотношения академической адаптации и субъективного благополучия у студентов с хроническими расстройствами здоровья (Shamionov et al., 2020) позволило констатировать снижение показателей переживания счастья и субъективного благополучия у студентов с хроническими заболеваниями, а также их интегральной оценки академической адаптации по сравнению с здоровыми студентами. Наиболее значимые различия выявлены по психофизиологическому, эмоционально-оценочному и личностному компонентам академической адаптации. Особенно отличаются оценки психофизиологического компонента. Это может быть связано с тем, что именно психофизиологический компонент адаптации в наибольшей степени связан с физическим самочувствием и здоровьем, а при хронических заболеваниях человек становится весьма чувствительным к значительным нагрузкам. В результате студенты с хроническими заболеваниями испытывают в процессе обучения эмоциональное, интеллектуальное и физическое напряжение, головные и мышечные боли, ощущают разницу в своей приспособленности по сравнению с другими обучающимися. В то же время отмечены близкие по значениям показатели познавательного, мотивационного и коммуникативного компонентов академической адаптации в группах студентов с наличием и с отсутствием хронических заболеваний. Эти особенности могут рассматриваться в качестве значимого потенциала оптимизации академической адаптации студентов с хроническими заболеваниями. Кроме того, на результативность академической адаптации студентов с хроническими заболеваниями может оказывать влияние их вовлеченность в различные формы социальной активности (Шамионов и др., 2020б). Так, выявлено, что студенты с наличием и отсутствием признаков хронических заболеваний мало отличаются по формам проявляемой активности. Вместе с тем альтруистическая и досуговая формы активности более выражены у студентов, не имеющих хронических заболеваний, а духовная активность более выражена у студентов с хроническими заболеваниями. В ходе корреляционного анализа выявлены взаимосвязи между академической адаптацией и интернет-познавательной, образовательной и социально-политической формами активности у студентов с хроническими заболеваниями.

В настоящее время в саратовской психологической школе продолжается работа по изучению структуры, факторов и динамики академической адаптации обучающихся с ограниченными возможностями на разных этапах образования (в начальной, средней школе, в вузе).

Итак, исследование проблемы академической адаптации является достаточно традиционным для саратовской психологической школы. История ее изучения начинается в прошлом веке и активно продолжается в настоящее время. Учеными саратовской психологической школы определены понятие и структура академической адаптации, выявлено ее своеобразие на различных этапах обучения, осуществлен анализ предикторов и механизмов академической адаптации, исследуется специфика академической адаптации у обучающихся с различными образовательными потребностями и возможностями. Исследования проблемы академической адаптации способствуют более детализированному пониманию этого психологического феномена, его природы, механизмов и факторов, а также поиску оптимальных путей ее оптимизации.

Литература

- Граур М. В. Исследование академической адаптации как сложной открытой системы // Педагогика и психология образования. 2017. № 2. С. 34–40.
- Григорьева М. В. Школьная адаптация: механизмы и факторы в разных условиях обучения. Саратов, 2008.
- Григорьева М. В. Основные концептуальные положения исследования школьной адаптации // Вектор науки Тольяттинск. гос. ун-та. Сер. «Педагогика, психология». 2011. № 2 (5). С. 63–66.
- Григорьева М. В. Психодиагностическая методика «Адаптационная готовность личности» // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 10. С. 73–75.
- Григорьева М. В., Ваганова А. Р., Тарасова Л. Е., Кащеева А. В., Малышев И. В., Ткачева М. С., Хуторянская Т. В., Черняева Т. Н. Адаптационная готовность личности в современных условиях развития общества. Саратов, 2016.
- Григорьева М. В., Шамионов Р. М., Голубева Н. М. Роль рефлексии в адаптационном процессе студентов к условиям обучения в вузе // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 5. С. 23–30.
- Доблаев Л. П., Страхов В. И. Внимание. Речь. Понимание. Выпуск 1–2. Саратов, 1995.
- Страхов И. В. Работа в школе ликвидации неграмотности // Наш труд. № 5–6. Ярославль, 1926.
- Страхов И. В. Как изучать ученика // Методический листок. 1936. № 2. С. 3–9 (на белорус. яз.).
- Страхов И. В. Вопросы психологии внимания в школе // Ученые записки Саратовск. гос. пед. ин-та. Вып. 18. Саратов, 1954.
- Страхов И. В. Психология педагогического такта. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1966.
- Страхов В. И. Психологические исследования внимания // Вопросы психологии внимания. Вып. VI. Саратов, 1974. С. 35–42.
- Страхов В. И., Тарасова Л. Е., Шамионов Р. М. Социализация внимания. Саратов: Педагогический ин-т СГУ им. Н. Г. Чернышевского, 2011.
- Шамионов Р. М. Структура адаптационной готовности личности // Известия Саратовск. ун-та. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16. № 4. С. 454–458.
- Шамионов Р. М., Григорьева М. В., Созонник А. В., Гринина Е. С., Протасов П. А., Силюткина Н. Г. Характеристики академической адаптации и когнитивных функций студентов с ограниченными возможностями здоровья // Перспективы науки и образования. 2020а. № 5 (47). С. 258–272. doi: 10.32744/pse. 2020.5.18
- Шамионов Р. М., Григорьева М. В., Гринина Е. С., Созонник А. В. Соотношение академической адаптации и социальной активности студентов с хроническими заболеваниями // Информационные технологии в науке и образовании (ITSE-2020): E3S Web of Conferences. 19019. 2020б. № 210. С. 8. doi: 10.1051/e3sconf/202021019019
- Shamionov R. M., Grigoryeva M. V., Grinina E. S., Sozonnik A. V. Characteristics of Academic Adaptation and Subjective Well-Being in University Students with Chronic Diseases // European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education. 2020. V. 10 (3). P. 816–831. doi: 10.3390/ejihpe10030059

Research of academic adaptation at Saratov psychological school

E. S. Grinina

Saratov State University, Saratov, elena-grinina@yandex.ru

The historical prerequisites and the current state of the study of the problem of academic adaptation in the Saratov psychological school, the founder of which is I. V. Strakhov. The prerequisites for studying the problem under consideration are studies of the development of attention in the educational process and pedagogical tact as factors of effective learning and personality development. Subsequently, representatives of the Saratov School of Psychology studied the structure, mechanisms and factors of academic adaptation. Modern research is mainly focused on identifying socio-psychological, psychological and psychophysiological factors, characteristics and mechanisms of academic adaptation of students with special educational needs.

Keywords: Saratov University, Saratov School of Psychology, adaptation to school, academic adaptation, structure of academic adaptation, mechanisms of academic adaptation, factors of academic adaptation, academic adaptation of students with special educational needs.

История научных исследований в клинической (медицинской) психологии в научном центре психического здоровья

Н. В. Зверева, И. Ф. Рощина

ФГБНУ НЦПЗ, МГППУ, Москва, nvzvereva@mail.ru, ifroshchina@mail.ru

Статья посвящена истории научных экспериментально-психологических исследований в клинической (медицинской) психологии в Научном центре психического здоровья за 75 лет. Представлены основные ключевые сферы и линии исследования в патопсихологии, психологии аномального развития, нейропсихологии. Проанализированы классические исследования с начала существования отдела медицинской психологии, а также представлены современные работы, отражающие преемственность научных исследований при расширении тематики в возрастном (от детского возраста до пожилого и старческого), клиническом (шизофрения и эндогенная патология, аффективная патология, пограничные расстройства, нейродегенеративные заболевания в разных возрастных периодах) и методологическом аспектах. Подчеркнута мультидисциплинарная направленность научных исследований, которая является продолжением традиций от первых лет существования отдела до настоящего времени.

Ключевые слова: ФГБНУ Научный центр психического здоровья, клиническая (медицинская) психология, экспериментально-психологические исследования, психическая патология.

Исследования в клинической (медицинской) психологии в Институте психиатрии АМН СССР (ныне – ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», НЦПЗ) были начаты в 1945 г., когда была организована лаборатория патопсихологии под руководством доктора медицинских наук, профессора Марка Самуиловича Лебединского (1895–1980) (75 лет Научному центру..., 2019). Все последующие годы существования лаборатория находилась на переднем крае развития отечественной патопсихологии и, шире, клинической психологии, ее сотрудники разных лет – ведущие отечественные исследователи в медицинской психологии XX и начала XXI в. Основной проблематикой исследований лаборатории на первом этапе ее развития были проблемы патологии речи при шизофрении, эпилепсии, органической патологии разной этиологии. Отметим, что с самого начала в работе лаборатории разрабатывались проблемы дифференциальной диагностики, имевшие междисциплинарный характер. Представление о работе отдела можно получить в статье С. Н. Ениколопова – действующего руководителя отдела медицинской психологии в книге, посвященной 75-летию НЦПЗ (75 лет Научному центру..., 2019). Есть несколько сквозных принципов работы, которые отличают стиль научных исследований психологов НЦПЗ: мультидисциплинарность, следование логике доказательной науки с приоритетом качественного анализа над количественным, расширение тематики в связи с логикой развития науки и практики, а также требований изменяющихся социально-психологических условий жизни.

Около 30 лет лабораторией руководил доктор психологических наук, профессор Юрий Фёдорович Поляков (1927–2002) – ученик и соратник Б. В. Зейгарник (1900–1988), один из основателей московской школы патопсихологии. Известно, что Зейгарник считала Полякова своим любимым учеником, отмечала его самостоятельность в научных исследованиях. Поляков был приглашен в Институт психиатрии директором А. В. Снежневским в тот период, когда перед головным научным учреждением в области психиатрии была поставлена задача мультидисциплинарного изучения шизофрении, ее этиологии и патогенеза. Новый ведущий лабораторией патопсихологии расширил ее состав и создал коллектив единомышленников, им был организован цикл экспериментальных исследований, посвященных анализу познавательной деятельности больных шизофренией, выполненных на современном уровне развития психологической науки. Возник новый подход к экспериментальному исследованию (специальная организация эксперимента, «глухая» инструкция, анализ процесса познавательной деятельности), были созданы оригинальные методики, ранее не использовавшихся в патопсихологии, проведена модификации других («сравнение понятий», «предметная классификация» и др.). Анализ экспериментальных данных включал методические подходы, которые были во многом новаторскими для своего времени в отечественной науке. Значение имели клиническая выверенность, однородность групп пациентов, наличие обязательного сопоставления с результата-

ми репрезентативных групп здоровых испытуемых. В этих работах современный статистический количественный анализ сочетался с качественным. Докторская диссертация: «Нарушение познавательной деятельности при шизофрении» Ю. Ф. Полякова (1968) содержала ставшую впоследствии широко известной гипотезу о нарушении актуализаций знаний — снижении опоры на прошлый опыт у больных шизофренией при решении различных познавательных задач (речевая деятельность, мышление, восприятие).

Рождение и развитие этой гипотезы, ее экспериментальное подтверждение отражено в многочисленных исследованиях, осуществленных в лаборатории патопсихологии в 1960—1970-е годы. Первой в ряду этих работ была диссертация В. П. Критской, посвященная анализу своеобразия речевой деятельности больных шизофренией (восприятия и актуализации речевых связей, влияния контекста и др.), ее методический инструментарий во многом опередил свое время (Критская, 1966).

Следующим было исследование Е. И. Богданова, посвященное особенностям зрительного восприятия больных шизофренией (Богданов, 1968). В нем на высоком экспериментально-психологическом уровне были выявлены особенности избирательности зрительного восприятия у больных шизофренией, применены уникальные новаторские по процедуре и технологии приемы анализа восприятия расфокусированных изображений, которые были ранжированы по степени знакомости, обыденности или неординарности изображения или сюжета. Таким же значимым для разработки гипотезы о патологии мышления при шизофрении было диссертационное исследование Т. К. Мелешко, не потерявшее своей актуальности в методическом и теоретическом планах до настоящего времени (Мелешко, 1968). Все эти работы в настоящее время являются классикой отечественной экспериментальной патопсихологии (Критская и др., 1991; Критская, Мелешко, 2015; Курек, 1988).

Существенно важным достижением этого периода исследований стал вывод об обусловленности своеобразия познавательной (когнитивной) деятельности больных шизофренией — снижении избирательности — недостаточной опоры на факторы социального опыта, обобщенного в общепринятых понятиях, категориях, знаниях. Этот дефицит проявляется в снижении потребности в эмоциональных контактах и потребности в общении, которые могут заявлять о себе уже в раннем онтогенезе (Критская и др., 1991; Экспериментально-психологические..., 1982).

Продолжением традиций лаборатории, заложенных Лебединским, стали междисциплинарные исследования сотрудников лаборатории. Исследование близнецовых семей, проведенное совместно с генетиком В. М. Гиндилисом, показало наличие существенного вклада генетических факторов в детерминацию выявленных особенностей избирательности познавательной деятельности пациентов. Позднее в работе В. А. Литвак было показано, что опора на латентные признаки при выполнении экспериментальных заданий может встречаться и у здоровых родственников пациентов с шизофренией (Литвак, 1983). Многое осуществлялось впервые на стыке психологии, патопсихологии, психиатрии, электроэнцефалографии, нейрофизиологии. Психофизиологический уровень изучения патологии психики как направление исследований в лаборатории Полякова было одобрено и поддержано А. Р. Лурией.

Т. Д. Савина, изучая ЭЭГ-показатели и вызванные потенциалы, обнаружила, что у больных шизофренией имеется отчетливое своеобразие характеристик альфа-ритма при восприятии разновеероятной по контексту завершения фраз речевой информации, нарушение процессов селективной активации мозга у больных шизофренией (Савина, 1973). Исследования лаборатории в этом направлении были включены в начале 1970-х годов составной частью в программу совместных советско-американских исследований шизофрении, проводимых в Институте психиатрии АМН СССР. Полученные факты способствовали поиску нейрофизиологических основ (механизмов) клинической симптоматики исследуемых пациентов.

Новой тематикой научных работ в конце 1970—начале 1980-х годов стали исследования когнитивного стиля как системы не только познавательных, но и личностных особенностей пациентов, отдельное значение имели работы по анализу динамики психической активности в контексте идеи о редукции энергетического потенциала при психической патологии круга шизофрении при разных вариантах шизофренического дефекта (В. П. Критская, Н. С. Курек, В. А. Литвак, Т. Д. Савина) (Курек, 1988; Поляков, 1974; Экспериментально-психологические..., 1982). Уровень снижения психической активности оказался существенной характеристикой для психологической квалификации разных типов дефекта при шизофрении. Расширение тематики исследований лаборатории касалось и контингента исследуемых психически больных. В первых научных исследованиях лаборатории участвовали преимущественно пациенты юношеского возраста, страдающие различными формами шизофрении, а в дальнейшем патопсихологические исследования затронули иные возрастные группы пациентов с расстройствами круга шизофрении и другие психические заболевания.

Продолжением традиций, идущих от С. Я. Рубинштейн и Б. В. Зейгарник, был поиск психологических механизмов и факторов психопатологического симптомообразования. В этом ключе много позднее В. П. Критской и Т. К. Мелешко была сделана интересная работа о взаимосвязи психопатологической симптоматики и индивидуально-личностных особенностей больных на примере особенностей бредообразования. Одной из пионерских работ был анализ возрастных и половых (гендерных) особенностей психически больных пациентов. Динамические (лонгитюдные) исследования проводились Критской и Мелешко на протяжении ряда лет. Обнаруженные различия по полу выявили особенности у женщин-пациенток по сравнению с пациентами-мужчинами. Заболевания у женщин протекали легче — социальное познание, эмоциональная сфера имели более высокие показатели по сравнению с мужчинами, страдающими аналогичной психической патологией. Много экспериментальных исследований с оригинальными методиками касались изучения особенностей общения (во всем его многообразии) у больных с психической патологией (Критская и др., 1991; Критская, Мелешко, 2015).

Многолетнюю экспериментальную проверку в работах сотрудников лаборатории выдержали гипотезы об особом типе формирования ментального опыта лиц шизоидного круга, о снижении у этой категории лиц социальной перцепции и познания, о наличии «парадоксальной креативности» больных шизофренией, о сходных чертах когнитивного стиля пациентов и их родственников. Теоретическое осмысление богатого эмпирического материала, собранного в исследова-

ниях научных сотрудников лаборатории, закономерно привело к формулировке понятия патопсихологического синдрома шизофренического дефекта, что было отражено в монографии «Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание» (Критская и др., 1991). Патопсихологический синдром рассматривался как система нарушенных и сохранных психических процессов и свойств личности, которые являются сплавом predispositionных факторов «патоса» и факторов «нозоса», обусловленных болезненным процессом. Ведущий фактор в структуре патопсихологического синдрома при шизофрении — снижение (ослабление) социальной направленности и социальной регуляции деятельности и поведения. Заслугой психологов отдела стало изучение своеобразия патопсихологического синдрома не только при шизофрении, но и при аффективной и шизоаффективной патологии психики. Дальнейшие исследования расширили границы применения патопсихологического синдрома, как специфичного для шизофрении, что позволило провести изучение всей группы эндогенных расстройств — аффективных и шизоаффективных — с этих позиций. Итог этой работы представлен в монографии Критской и Мелешко «Патопсихология шизофрении» (Критская, Мелешко, 2015).

С 1980-х годов в лаборатории активно развивалось исследование социальной сферы больных шизофренией, что закономерно определило применение психологами новых психотерапевтических методов в работе с пациентами клиники центра (Поляков и др., 1987). Эти виды работ были тесно связаны с исследованиями особенностей коммуникативной и эмоциональной сферы больных шизофренией (Д. Н. Хломов, Ю. В. Слоневский, О. Ю. Казьмина, С. А. Баклушинский, Н. С. Курек, Н. Г. Гаранян, А. Б. Холмогорова, Е. Б. Чемикова). У пациентов, больных шизофренией, проводилась диагностика социального поведения, а также разрабатывалась тактика и велась реабилитационная работа по повышению социальной компетентности этих больных во время тренинговых упражнений и обсуждений. Эта работа получила отражение в опубликованных тогда же «Методических рекомендациях по организации групповой психологической работы с больными шизофренией в условиях клиники» (1986).

Психологи лаборатории участвовали также и в лечебной деятельности. Оценка динамики состояния пациентов на фоне проводимой терапии велась с помощью психологических средств диагностики. Проводились пилотажные испытания новых средств работы (терапии) с пациентами с резистентными формами депрессий и другими видами психической патологии, психологи принимали участие в апробации новых лекарственных препаратов.

Важной частью научных исследований лаборатории под руководством Полякова была когорта исследований психической деятельности при психической патологии в детском и подростковом возрасте. В этих работах разрабатывались новые и модифицировались уже наработанные методики для оценки формирования аномалий познавательного развития при шизофрении в детском возрасте. Работы в детской патопсихологии начинались в 1970-е годы с изучения подростков (Н. П. Щербакова), а затем в течение 10 лет Т. К. Мелешко руководила научной группой, осуществляющей исследования психической патологии в детском возрасте. Были защищены диссертации С. М. Алейниковой и Н. В. Захаровой, посвященные анализу особенностей мыслительной и перцептивной деятельности,

познавательного развития детей с нормативным развитием и при шизофрении с разными клиническими характеристиками в широком возрастном диапазоне (от дошкольного до подросткового возраста). Одним из первых было проведено изучение становления социальной перцепции и развития возможностей распознавания эмоций по позе и жесту у больных шизофренией детей и подростков (А. Е. Назаренко). Анализ роли социальной обусловленности психического развития расширялся за счет изучения становления самосознания и процессов произвольной регуляции в их взаимосвязи с нарушениями общения и социализации при шизофрении у детей с акцентом на динамику формирования этих нарушений (С. М. Алейникова, Н. В. Захарова, Т. К. Мелешко) (Экспериментально-психологические..., 1982). Изучались клинические формы раннего детского аутизма, предложена психологическая квалификация этого типа отклоняющегося развития и разработаны психокоррекционные мероприятия (Т. К. Мелешко, Л. В. Гончарова) (Критская, Мелешко, 2015). Отметим, что это было время, когда исследования клинико-психологических проблем детского аутизма только начинались в отечественной психиатрии, в работе лаборатории эта тема нашла достойное отражение. Уже в 1990-х годы Л. В. Гончарова защитила диссертацию, посвященную анализу интеллектуального развития и общения детей с аутизмом и коррекционной работе, был предложен передовой на тот момент принцип применения игр с правилами для работы с аутистами. Это исследование могло состояться во многом после того, как в 1983 г. на базе НЦПЗ был открыт дневной полустационар для дошкольников с аутистическими расстройствами. Этот отдел много лет курировала классик детской психиатрии профессор В. М. Башина.

В течение всех последующих лет работы детской группы, с 1990-х годов возглавляемой Н. В. Зверевой, проводилась работа по анализу когнитивных дефицитов при эндогенной и других видах патологии у детей и подростков. Также традиционно осуществлялось сопровождение научных исследований детских психиатров путем психологической квалификации нарушений познавательного и личностного развития детей и подростков при разных видах психической патологии. Единый стиль работ по тематике детской клинической психологии в лаборатории – это соблюдение заложенного еще М. С. Лебединским принципа мультидисциплинарности исследования, когда работа осуществляется совместно с психиатрами (М. Ш. Вроно, И. А. Козлова, Н. М. Иовчук, И. В. Буреломова, Л. Ю. Данилова, А. В. Горюнов, Е. Е. Балакирева, А. В. Куликов и др.), с нейрофизиологами (Н. Л. Горбачевская, Л. П. Якупова), нейропсихологами (Э. Г. Симерницкая, Н. К. Корсакова, А. А. Сергиенко), математиками (С. А. Судаков) и др. (75 лет Научному центру..., 2019; Медицинская (клиническая) психология..., 2013; Симерницкая и др., 1990). С начала 1980-х годов по настоящее время в отделе ведется разработка новых методик патопсихологической диагностики в детском и подростковом возрасте, работа по психологической квалификации дизонтогенеза при разных клинических формах шизофрении, вариантах течения, синдромах и других видах психической патологии (Н. В. Зверева, А. А. Коваль-Зайцев, А. И. Хромов, С. Е. Строгова) Наряду с этим осуществляется анализ эмоционально-личностной сферы, восприятия опасности и проблем адаптации детей и подростков с психической патологией. Отчетливый «почерк» проводимых научных исследований проявляется в клинической однородности групп испытуемых; обя-

зательном наличии нормативной и клинической выборок, их представительности в широком возрастном диапазоне, оценке статистической достоверности полученных результатов, наличии оригинальных авторских методик и их модификаций, сочетании метода поперечных срезов и динамического наблюдения за индивидуальным развитием ребенка, приоритете качественного анализа. Надо отметить преэминентность исследований во взрослой и детской клинике, реализацию общей методологии и системного подхода.

Лаборатория патопсихологии подготовила первый том научных трудов Института психиатрии АМН СССР, который успешно вышел в свет в конце 1982 г. В этом издании — «Экспериментально-психологические исследования патологии психической деятельности при шизофрении» — были аккумулированы идеи и новые результаты многолетних исследований лаборатории патопсихологии (Экспериментально-психологические..., 1982). Отметим, что это был следующий большой сборник после монографии Ю. Ф. Полякова «Патология познавательной деятельности при шизофрении» (Поляков, 1974). В сборнике 1982 г. собраны многие публикации, ставшие примером классических патопсихологических исследований. Были освещены и традиционные исследования познавательной деятельности (в возрастном аспекте), и новые средства диагностики памяти и внимания, исследования уровня притязаний, социальной перцепции и социального познания (одни из первых в нашей стране в то время) (Экспериментально-психологические..., 1982). Уход Юрия Федоровича на кафедру нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ, совпавший по времени с эпохой перемен в нашей общественной жизни и государственном устройстве, не прервал его связей с лабораторией патопсихологии Научного центра психического здоровья, которые оставались тесными и взаимообогащающими до конца жизни Ю. Ф. Полякова (Поляков, 1974, 1996). Работа всех психологов НЦПЗ велась в теснейшем сотрудничестве со многими выдающимися психиатрами — М. Я. Цуцукловской, В. А. Концевым, Г. П. Пантелеевой, А. Б. Смулевичем, С. И. Гавриловой и др.

Характеристику исследований отдела дал академик А. С. Тиганов, который много лет был директором Научного центра психического здоровья: «Исследования отдела отличаются высокой профессионализмом, направленный не на коррекцию принятых в психиатрии положений и постулатов, а на попытки объяснить эти особенности с точки зрения патопсихологического подхода» (Медицинская (клиническая) психология..., 2013, с. 7).

С самого начала функционирования клинических отделений НЦПЗ (1983) был сформирован большой отряд клинических (медицинских) психологов, работающих в рамках клиничко-психологической диагностики и осуществляющих психологическую поддержку пациентов в каждом из отделений клиники НЦПЗ. Психологи отработывали новые технологии дифференциальной диагностики в санаторных отделениях, в клинике юношеской психиатрии, в клинике аффективной патологии, в геронтопсихиатрии, в детской психиатрии, в дневных стационарах, в том числе в полустационаре для детей-аутистов. Психологи отделения реабилитации участвуют в арт-терапии для пациентов разных возрастных групп, в индивидуальной и групповой психотерапии, проводят когнитивные тренинги, разрабатывают и реализуют программы психообразования для родственников и родителей пациентов.

С 1990 по 2005 г. лабораторию патопсихологии возглавляла ученица А. Р. Лурии кандидат психологических наук, доцент Н. К. Корсакова. Она инициировала и курировала широкий круг научных исследований с применением нейропсихологического подхода к изучению когнитивной сферы при различных психических заболеваниях в юношеском возрасте и в позднем онтогенезе. В своей работе Т. В. Филатова, ученица Н. К. Корсаковой, изучала познавательную деятельность при эндогенных депрессиях с «юношеской астенической несостоятельностью» с помощью нейропсихологического метода (Филатова, 2000). Было показано различие нейропсихологического симптомокомплекса у больных с эндогенными депрессиями с ЮАН при циклотимии и при шизофрении, обнаружена общая черта нейропсихологического симптомокомплекса у больных с этими вариантами патологии, а именно недостаточность межполушарного взаимодействия в обеих группах (затруднения выполнения реципрокной координации, переноса поз, нестандартные стратегии в оптико-пространственной деятельности). Предложенный комплекс нейропсихологической диагностики был принят за основу при работе с эндогенной психической патологией в юношеском возрасте. Аспирантка Н. К. Корсаковой М. А. Сидорова изучала нейрокогнитивные расстройства у больных юношеской приступообразной шизофренией и шизоаффективным психозом (Сидорова, 2005). Она впервые показала, что у больных шизофренией характерным для когнитивного статуса является дефицитарность произвольной регуляции деятельности и нейродинамических параметров деятельности, расстройство динамических компонентов в двигательной, интеллектуальной и мнестической сферах в сочетании с нарушениями слухоречевой памяти, недостаточностью пространственных и квазипространственных представлений, дефицитарностью в работе передних и задних отделов мозолистого тела. Для пациентов с шизоаффективным психозом оказалось характерным другое сочетание дефицитарных параметров когнитивной сферы, меньшая выраженность расстройств произвольной регуляции и динамического звена психической деятельности и др.

Корсакова стоит у истоков нового направления нейропсихологии — нейрогеронтопсихологии. Она провела теоретический анализ и описала структурно-функциональные особенности когнитивной сферы при нормальном физиологическом старении с опорой на концепцию трех функциональных блоков мозга (ФБМ), по Лурии. Взгляды и теоретические разработки Корсаковой имеют существенные преимущества перед так называемым нейрокогнитивным подходом, поскольку дают возможность рассматривать возрастные изменения в единой методологии теоретического анализа и клинико-экспериментального комплекса оценки состояния ВПФ. Новый раздел нейропсихологии пополнился описанием нейропсихологического синдрома нормального физиологического старения, была предложена оригинальная типология нормального старения. Принцип выявления наиболее слабого и сензитивного к нагрузке в клинико-психологическом эксперименте нейропсихологического фактора был положен в основу выделения вариантов нормального старения, связанного с функциями первого, второго или третьего ФБМ (Корсакова, Рошина, 2018). Исследования, проведенные в этом направлении при нейродегенеративных заболеваниях в позднем возрасте (прежде всего при раннем и позднем варианте болезни Альцгеймера) и при синдроме мягкого когнитивного снижения (МКС), позволили описать специфичес-

кие нейропсихологические синдромы при диффузных заболеваниях головного мозга в позднем возрасте. В рамках этого направления была создана «Экспресс-методика оценки мнестико-интеллектуальной сферы при старении», которая основана на синдромном анализе результатов нейропсихологического исследования (принцип А. Р. Лурии) и позволяет проводить оценку отдельных составляющих когнитивной сферы, а также описывать симптомокомплекс когнитивной недостаточности, специфичный для разных вариантов нормального старения и при нервно-психической патологии в позднем возрасте. Новый подход оказался креативным для обсуждения проблем, задач и принципов нейрореабилитации при мнестико-интеллектуальном снижении в позднем онтогенезе, а также при разработке программ когнитивной стимуляции при работе психолога в геронтологии (Корсакова и др., 2009; Рошина, Корсакова, 2020).

Корсакова способствовала исследованию тактильной сферы при шизофрении в юношеском и детском возрасте. Она активно участвовала в обсуждении и дальнейшей разработке вариантов когнитивного развития у детей и подростков, имеющих психическую патологию, с использованием понятий «когнитивный дефицит», «когнитивный дефект», «когнитивный дизонтогенез» (Н. В. Зверева) (Зверева и др., 2018). Полиmodalный подход в оценке диссоциированного познавательного развития при шизофрении у детей и подростков с акцентом на тактильной сфере оказал свое влияние и на оценку своеобразия перцептивного профиля латеральной организации работы мозга у детей с отклоняющимся развитием (Н. В. Зверева, С. А. Судаков).

С 2005 г. по настоящее время отделом руководит кандидат психологических наук, доцент С. Н. Ениколопов, известный своими работами в области клинической, юридической и криминальной психологии. Обращение к тематике медицинской, клинической психологии, ее социальным аспектам, вопросам стигматизации и т. п. было не случайным для Ениколопова, пришедшего в НЦПЗ в 1983 г. после ряда лет работы в Институте прокуратуры. Ениколопов легко вписался в творческий коллектив, имел опыт руководства своей лабораторией в рамках НЦПЗ наряду с лабораторией патопсихологии. Продолжая традиции, заложенные предшественниками, он поддерживает мультидисциплинарные исследования. Это и уже традиционное для отдела сотрудничество с нейрофизиологами (А. Ф. Изнак), генетиками (В. И. Голиббет), а в последние годы и с психолингвистами в области изучения человека в норме и патологии, при рисках в разных жизненных обстоятельствах. В работах Ениколопова, его коллег, аспирантов и многочисленных учеников (более 30 научных работ было задумано, выполнено и защищено под руководством Сергея Николаевича) можно обозначить как сквозные, так и новые научные направления. Среди них анализ социальных взаимодействий психически больных в процессе их адаптации, изучение причин дезадаптации при разных вариантах патологии психики, в том числе при пограничных личностных расстройствах, ее психологическая коррекция. Много времени и сил уделялось изучению психологических факторов соматизации психических расстройств, анализу суицидального поведения, его диагностики, превенции и профилактики (О. Ю. Казьмина, О. Ю. Воронцова, Т. И. Медведева), агрессивности и враждебности при различных видах психических расстройств. Интерес представляет цикл работ по изучению чувства юмора, гелатофобия и гелатофилия при психической

патологии (Е. М. Иванова, Е. А. Стефаненко) (Иванова и др., 2008), прокрастинации, как личностного фактора у молодежи с эндогенной психической патологией (М. В. Зверева). Новый подход реализован при изучении магического мышления, феномена «фершробен» при психической патологии и мн. др. (проблема половой и гендерной идентичности при психической патологии; стигма болезни, проблема комплаенса, психолитивистические исследования). До настоящего времени продолжается психотерапевтическая тематика в анализе когнитивного и психодинамического подходов при лечении различных видов психических расстройств (Казьмина и др., 2016). Завершено исследование патопсихологического синдрома и структуры личности при эндогенных психозах (В. П. Критская и Т. К. Мелешко). Е. Ю. Балашова продолжает анализ когнитивной сферы и своеобразия восприятия времени при психической патологии в позднем возрасте. Проводится нейропсихологический анализ нарушений развития при психической патологии у детей и подростков (А. А. Сергиенко и др.). (Медицинская (клиническая) психология: традиции и перспективы..., 2013).

Под руководством Ениколопова в отделе создавались новые методические средства, как это было при Полякове, и осуществлялись перевод и адаптация на отечественном материале современного инструментария (тесты, опросники) для клинко-психологической диагностики разных видов психической патологии (Медицинская (клиническая) психология: традиции и перспективы..., 2013).

В научных работах, выполненных под руководством Ениколопова, всегда отражаются актуальные проблемы современности. Изменения, внесенные в жизнь общества и каждого человека пандемией COVID-19, с самого начала этих событий анализировались, изучались сотрудниками отдела медицинской психологии. Проведены многочисленные опросы жителей страны, которые позволили найти новые грани нарушенной адаптации в условиях пандемии, прежде всего по причине необычного стресса, вызываемого текущей ситуацией («невидимый противник», «невидимая угроза»). Эти результаты продолжают пополняться, их обработка и анализ публикуются в печати и используются в консультативной работе сотрудников отдела (Ениколопов и др., 2020).

Отдел медицинской психологии всегда активно сотрудничал с различными университетами, где готовят клинических психологов. В НЦПЗ студенты проходят практики, пишут курсовые и выпускные квалификационные работы. Прежде и раньше всего эти связи установлены с факультетом психологии МГУ имени М. В. Ломоносова. В течение ряда лет в НЦПЗ существовал филиал кафедры нейро- и патопсихологии. Кроме того, сотрудничество осуществляется со многими другими вузами, готовящими клинических психологов: МГППУ, РНИМУ им Н. И. Пирогова, МПСУ, РУДН, МИП и др.

Психологи НЦПЗ защитили более 50 кандидатских диссертаций по медицинской психологии. Сотрудниками отдела подготовлен ряд монографий, учебных пособий, по вопросам клинической (медицинской) психологии и даже по психиатрии Н. Ю. Пятницкий выпустил в свет 2 тома монографии по истории психиатрии. Сотрудники отдела принимали участие в создании Справочников по психиатрии и психологии (1999, 2004), Руководства по психиатрии (1987, 1999). Подготовлено более 20 методических рекомендаций для практической работы психологов в диагностике и психотерапии.

Психологи НЦПЗ всегда активно делились своими научными исследованиями с коллегами на различных форумах. Международный конгресс по психологии в 1966 г. включал в свои материалы и работы сотрудников лаборатории патопсихологии, а в материалах XVIII Международного конгресса в Москве (2019) можно найти публикации всех сотрудников отдела. Съезды РПО и РОП (ранее Общества психологов СССР и Общества психиатров СССР) неизменно включали сотрудников отдела как активных участников. Многочисленные конференции и конгрессы по медицинской психологии, психиатрии, психологии и ее различным разделам, междисциплинарные конгрессы, международные конференции АРА, ЕРА, ESCAP, IACAPAP, ЕСР и др. регулярно становились трибуной для представления материалов исследований психологов НЦПЗ.

Глубокое уважение к своим учителям отличает всех психологов НЦПЗ. Несмотря на стартовавших и регулярно проводимых именных научных конференций, посвященных юбилейным датам наших учителей, были организованы психологами НЦПЗ («Поляковские» по методологии клинической психологии – в 2007, 2013, 2018 гг., «Рубинштейновские» по диагностике в медицинской (клинической) психологии – в 2011, 2016 гг. и готовится в 2021 г.). Эти конференции проводятся в сотрудничестве с МГППУ, где преподают многие сотрудники НЦПЗ.

Психологи НЦПЗ входили и входят в редакции и редакционные советы ряда профильных журналов («Психиатрия», «Клиническая и специальная психология», «Медицинская психология в России», «Вопросы психического здоровья детей и подростков», «Психологические исследования», «Обзор психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева», «Психология и право», «Армянский журнал психического здоровья» и др.), участвуют как рецензенты во многих изданиях.

Заключение

Полноценно и масштабно оценить вклад лаборатории патопсихологии (отдела медицинской психологии) в развитие отечественной клинической психологии невозможно, если не вспомнить, что рождение образовательной специальности «Клиническая психология» напрямую связано с именем Ю. Ф. Полякова (Поляков, 1996). Традиции, заложенные участником «круга Л. С. Выготского» – М. С. Лебединским, нашли достойное продолжение в трудах сотрудников лаборатории в последующие годы. Авторы настоящей публикации, много лет проработавшие в НЦПЗ после окончания факультета психологии МГУ, были свидетелями и создателями настоящей истории клинико-психологических исследований в нашей стране. Создана и развивается школа клинической психологии, связанная с именами выдающихся классиков психологии А. Р. Лурии, Б. В. Зейгарник и Ю. Ф. Полякова. Задачи современных исследователей – знать и беречь традиции, а также внедрять инновации в большое дело научно-практического развития отечественной клинической психологии.

Литература

75 лет Научному центру психического здоровья / Под ред. Т. П. Ключник, В. Г. Каледы. М.: ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», 2019.

- Ениколопов С. Н., Бойко, О. М., Медведева Т. И., Воронцова О. Ю., Казьмина О. Ю. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 // Вызовы пандемии COVID-19: психическое здоровье, дистанционное образование, интернет-безопасность. Сборник материалов. М.: МГППУ, 2020. С. 100–121.
- Зверева Н. В., Коваль-Зайцев А. А., Хромов А. И. Психологическая диагностика когнитивного дизонтогенеза // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2018. Т. 118. № 5–2. С. 3–11.
- Иванова Е. М., Ениколопов С. Н., Митина О. В. Нарушения чувства юмора при шизофрении и аффективных расстройствах // Вопросы психологии. 2008. Т. 1. С. 45–57.
- Казьмина О. Ю., Ениколопов С. Н., Воронцова О. Ю., Лапина Ю. А., Магай А. И. Основные подходы к организации тренинга социальных навыков для больных шизофренией. Методические рекомендации. М.: ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», 2016.
- Корсакова Н. К., Балашова Е. Ю., Рощина И. Ф. Экспресс-методика оценки когнитивных функций при нормальном старении // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2009. № 2. С. 44–50.
- Корсакова Н. К., Рощина И. Ф. Концепция А. Р. Лурии о трех функциональных блоках мозга и нейропсихологический синдром нормального старения // Методологические и прикладные проблемы медицинской (клинической) психологии. М.: Сам полиграфист, 2018. С. 203–211.
- Критская В. П., Мелешко Т. К. Патопсихология шизофрении. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Критская В. П., Мелешко Т. К., Поляков Ю. Ф. Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.
- Курек Н. С. Психологическое исследование когнитивного аспекта эмоциональных процессов у больных шизофренией // Журнал невропатологии и психиатрии. 1988. Т. 88. № 7. С. 109–113.
- Медицинская (клиническая) психология: традиции и перспективы. Коллективная монография по проблемам современной медицинской (клинической) психологии, статьи подготовлены к открытию Всероссийской юбилейной научно-практической конференции Москва, 14–15 февраля 2013 / Под общ. ред. Н. В. Зверевой, И. Ф. Рощиной. М., 2013.
- Поляков Ю. Ф. Патология познавательной деятельности при шизофрении. М: Медицина, 1974.
- Поляков Ю. Ф. Клиническая психология: состояние и проблемы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 1996. № 2. С. 3–8.
- Поляков Ю. Ф., Хломов Д. Н., Слоневский Ю. А. Место психологической коррекции в процессе реабилитации больных шизофренией // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1987. Т. 87. Вып. 7. С. 1059–1064.
- Рощина И. Ф., Корсакова Н. К. Методы нейропсихологической диагностики в гериатрической психиатрии // Руководство по гериатрической психиатрии. М.: МЕДпресс-информ, 2020. С. 20–34.
- Симерницкая Э. Г., Жирнова А. Е., Алейникова С. М., Буреломова И. В., Горбачевская Н. Л., Захарова Н. В., Кожушко Л. Ф. Нейропсихологическое исследование памяти в комплексном клиничко-психолого-нейрофизиологическом изучении больных шизо-

френией детей // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1990. № 1. С. 101–105.

Экспериментально-психологические исследования патологии психической деятельности при шизофрении. Труды Института психиатрии АМН СССР. Т. 1 / Под ред. Ю.Ф. Полякова. М., 1982.

History of scientific research in clinical (medical) psychology at the mental health research center

N. V. Zvereva, I. F. Roshchina

MHRS, MSUPE, Moscow

The article is devoted to the history of scientific experimental psychological research in clinical (medical) psychology at the Mental Health Research Center for for 75 years. The main key areas and lines of research in pathopsychology, psychology of abnormal development, neuropsychology over the past decades are presented. Classical studies from the beginning of the existence of the Department of Medical Psychology are analyzed, and modern works are presented, reflecting the continuity of scientific research with the expansion of topics in age (from childhood to the elderly and senile), clinical (schizophrenia and endogenous pathology, affective pathology, borderline disorders, neurodegenerative diseases. in different age periods) and methodological aspects. The multidisciplinary focus of scientific research is emphasized, which is a continuation of the traditions from the first years of the department's existence to the present.

Keywords: Mental Health Research Center, clinical (medical) psychology, experimental psychological research, mental pathology.

В. В. Заботин – педагог и ученый, стоявший у истоков Владимирской психологической школы

В. А. Зобков

Владимирский государственный университет, г. Владимир, zobkov@gmail.com

Заботин Вадим Васильевич (1923–2004), яркий представитель психологического сообщества Владимирского региона, возглавлявший кафедру психологии во Владимирском государственном педагогическом институте с 1972 по 1978 г. Опираясь на экспериментальные исследования, ученый выявил логико-психологическую структуру знания, порождающую проблемный вопрос; условия «видения» проблемы; умственные операции, необходимые для осознания проблемного вопроса;

основные фазы и звенья на этапе постановки вопроса; целевую направленность проблемного вопроса. Вадим Васильевич был образцовым педагогом-психологом.

Ключевые слова: В. В. Заботин, педагог, ученый, логическая сущность вопроса, проблемное обучение, проблемный вопрос, мышление.

Ярким представителем Владимирской психологической школы был Заботин Вадим Васильевич (кандидат психологических наук, доцент), возглавлявший кафедру психологии во Владимирском государственном педагогическом институте (ВГПИ) с 1972 по 1978 г. (см.: Зобков, 2019).

Инициатором открытия кафедры психологии в ВГПИ в 1966 г. был доктор психологических наук, профессор Лев Борисович Ительсон (1926–1974), который был избран по конкурсу на должность заведующего кафедрой педагогики и психологии ВГПИ и в 1965 г. переехал из Баку во Владимир. Созданию кафедры психологии способствовала активная кадровая политика ректората института. Политика ректора была связана с приглашением на педагогическую работу квалифицированных психологов с предоставлением им квартир: кандидата психологических наук Василия Ивановича Решетникова, который обучался в аспирантуре в Институте психологии АПН СССР у Евгении Николаевны Кабановой-Меллер, Шамаевой Валентины Федоровны – выпускницы факультета психологии Ленинградского государственного университета, Зои Ивановны Шевцовой – кандидата психологических наук, Заботина Вадима Васильевича – кандидата психологических наук, Ивашкина Василия Сергеевича – кандидата педагогических наук.

Профессор Ительсон был заведующим кафедрой психологии ВГПИ с 1966 по 1972 г. Лев Борисович был инициатором открытия экспериментальной лаборатории «Математическое моделирование процессов обучения и явлений обучаемости» и выступил одним из зачинателей исследовательской работы по применению математических методов в психологии и педагогике. В лаборатории экспериментальной психологии при кафедре психологии Владимирского пединститута были развернуты широкие экспериментальные исследования познавательной деятельности. Экспериментальная работа в изучении структуры познавательной деятельности была предметом исследований сотрудников лаборатории многие годы.

В советские времена в должности заведующего кафедрой ученый мог проработать только один пятилетний период, на который он избирался, по окончании которого не имел права во второй раз участвовать в конкурсе на замещение вакантной должности заведующего кафедрой. Во второй раз на вакантную должность можно было баллотироваться только через пятилетний период. В 1972 г. на должность заведующего кафедрой психологии был избран кандидат психологических наук, доцент Вадим Васильевич Заботин, который являлся не только творческим представителем лаборатории экспериментальной психологии, исследующим особенности мыслительной деятельности человека, но и блестящим педагогом.

Общий стаж его работы преподавателем психологии в вузах – более 45 лет. Заботин окончил Горьковский пединститут по специальности «Преподаватель психологии, педагогики и логики в школьных педучилищах». Затем была аспирантура по психологии, работа в Шахтинском пединституте на разных должностях: от старшего преподавателя до проректора и исполняющего обязанности ректора. С 1966 по 2004 г. Заботин – доцент Владимирского государственного педаго-

гического института (с 1992 года университета). Так коротко можно обозначить его большой путь.

Студенты и ученики Заботина не знают более терпеливого и внимательного учителя-собеседника. Все без исключения студенты Вадима Васильевича вспоминают его, прежде всего, как интересного, вдумчивого, глубокого профессионала. А как тепло и почтительно отзывался он о своих подопечных, даже о нерадивых: с долей иронии и снисходительности к временным, проходящим трудностям студенчества.

Предоставляя возможность проявить самостоятельность, он весьма ненавязчиво направлял и курировал своих студентов. Некоторые из них, всерьез увлекшись психологией, посещали различные научные семинары и даже занятия для аспирантов.

О становлении интереса к психологии как науке Заботин вспоминал в автобиографии: «Интерес возник очень давно, когда, поступив на филологический факультет, я слушал лекции по общей психологии. О том, насколько этот интерес был сильным, говорит следующий факт: проучившись два курса на филфаке, я перешел на первый курс школьного отделения педфака. По окончании этого факультета с отличием я был рекомендован в аспирантуру по психологии». А до этого был психологический кружок и даже выступление на московской научной конференции по проблеме развития способностей, была большая научная разработка по теме «О самостоятельной работе студентов».

Следующим этапом приобщения к науке стала кандидатская диссертация «Проблема конкретизации школьных знаний в психологическом освещении», впервые доказавшая, что конкретизация знаний должна быть связана с широким пониманием сущности знания и мышления, опирающихся в высших своих проявлениях на абстрактные понятия. В этой работе рассматривался частный случай такого подхода — опережающее усвоение общих понятий, а это, в свою очередь, было своеобразным предвосхищением введения в круг философских категорий конкретного знания как особого уровня знаний в концепции обучения В. В. Давыдова.

Мощная философская база, питавшая творческое мышление ученого, всегда обоснованные теоретические размышления позволили Заботину в 1960-е годы поднять проблему логической сущности вопроса как умственного явления; выявить, в чем заключается логика ответа на поставленный вопрос. В журналах «Научные доклады высшей школы. Серия «Философские науки» (1961, № 1), «Народное образование» (1970, № 11) и «Ученые записки ВГПУ» (1972) ученый опубликовал ряд статей, в которых доказывал: вопрос — это особая форма познания, переходная между незнанием и знанием, содержащая некую имплицитную информацию, нуждающуюся в восполнении и выступающую основой для его постановки. В ходе разработки этой проблемы были определены основные требования к логической форме вопроса; разновидности логических структур вопросов; удалось выделить и представить в виде формул основные логические структуры ответов на вопросы, требования к ним и характерные ошибки при переходе от вопроса к ответу.

Еще одним этапом становления Заботина как ученого и основателя Владимирской психологической школы стала подробнейшая разработка и внесение

в науку нового понимания проблемного обучения на этапе постановки проблемы. Неизученность этапа постановки проблемы порождала, по его мнению, весьма упрощенный подход к проблемному обучению. Экспериментально исследовав акт постановки проблем, ученый выявил логико-психологическую структуру знания, порождающую проблемный вопрос; условия «видения» проблемы; умственные операции, необходимые для осознания проблемного вопроса; основные фазы и звенья на этапе постановки вопроса; целевую направленность проблемного вопроса. Заботин выделил две вполне определенные фазы постановки проблемного вопроса: 1-я — обнаружение или видение проблемы, когда осознается только ее наличие, но не сущность, и 2-я — собственно постановка проблемного вопроса. Последняя, вторая фаза — фаза более или менее дискурсивной переработки информационно-познавательного противоречия в оптимальную постановку проблемного вопроса. В этом исследовании впервые было обозначено принципиальное различие между логическим и информационно-познавательным противоречием. Оказалось, что элементы информационно-познавательного противоречия не исключают друг друга, как это бывает в логических противоречиях, а согласуются.

Экспериментально было доказано, что при разных вариантах структур исходного противоречия, нуждающихся в дополнениях со стороны мыслящего, различными оказываются уровень стимуляции проблемного видения и индивидуальная чувствительность к проблеме. А это, в свою очередь, открывает широкие возможности для развития проблемного видения учащихся.

Заслуживают внимания рассуждения Заботина о целевой детерминации направленности мышления (Заботин, 1989).

Экспериментально было показано, что исходным пунктом для понимания целевой детерминации направленности мышления является понимание специфики интеллектуальных целей по сравнению, например, с чисто практическими целями. В том и другом случае цель есть образ, опережающее отражение будущего результата действия и деятельности, но между этими образами проявляются основные различия.

Заботин отмечал, что, во-первых, объективное предметное содержание, или коррелят целей практических, — это изменения в самих вещах; объективный коррелят целей интеллектуальных — это скрытые от перцепции свойства, связи, «заложённые» в предметах, явлениях, в способах или условиях взаимодействия с ними. Анализ литературы показал, что имплицитные свойства и связи обычно упоминаются как предмет мышления в сугубо онтологическом смысле. Однако, как справедливо замечал Вадим Васильевич, нельзя не учитывать, что предметом мышления могут быть связи между операциями субъекта с объектом (что дает способ действия с его свойствами); равным образом не всегда лежат целиком вне субъекта и его действий те связи, которые иногда нужно познать как необходимое условие такого-то действия. В разных задачах мыслительный поиск направлен либо на первое, либо на второе, либо на третье (Заботин, 1973, с. 29).

Во-вторых, по своему феноменологическому содержанию цель практического характера — это такой образ, в котором представлена или «описана» будущая структура преобразуемого объекта. Феноменологическое содержание интеллектуальных целей, по мнению Заботина, характеризуется тем, что скрытые свойст-

ва и связи как коррелят цели не представлены сознанию мыслящего со стороны их предметной структуры, не зафиксированы в виде строго описанного эталона. Вместе с тем в содержании интеллектуальных целей находит отражение общая категория познавательных связей или свойств, их общее функциональное значение, что служит известной предпосылкой к постижению их структуры (Заботин, 1989, с. 85).

В-третьих, поскольку интеллектуальная цель не есть полное инкогнито, а включает в себе отмеченное выше содержание, регуляторную функцию она все же выполняет. Но специфика интеллектуальной цели обуславливает специфику и процесса регулирования, относительно которого, по высказыванию Заботина, можно утверждать следующее.

На начальных стадиях мышления интеллектуальная цель управляет ходом мысли весьма глобально, определяя лишь зону поиска и общий диапазон выбора пробных действий. Более высокая конкретизация управления на этом этапе невозможна, поскольку сама цель мышления достаточно неопределенна. Но вместе с тем она уже в начале мышления достаточно определена, чтобы мыслительный поиск не превратился в слепые ошибки (в последнем случае целенаправленная мыслительная деятельность отсутствовала бы вообще). Будучи прилагается к данным задачам на острие таких-то действий, интеллектуальная цель больше или меньше апробируется и в то же время конкретизируется под влиянием текущих результатов; в связи с этим конкретизируется и ее управляющая функция. На стадиях, близких к реализации цели, конкретность ее феноменального содержания достигает столь высокого уровня, что как бы сливается с содержанием того объекта поиска, который был нужен с самого начала, но представлялся неполно, схематично. Текущие результаты, или обратные связи, под влиянием которых уточняется и постепенно достигается интеллектуальная цель, обладают содержательными и функциональными особенностями. Они не просто несут информацию о выходных свойствах действия, дающего или не дающего некую крупицу будущего результата (как это имеет место в деятельности чисто практической), но сигнализируют о свойствах того объекта, или мыслительного материала, с которым субъект взаимодействует. В свете таких свойств уточняется образ превосходящего конечного результата, а не просто характер отдельных действий. Лишь под влиянием узкокибернетических представлений о «входно-выходных» отношениях функциональную роль обратной информации стали однозначно связывать лишь с операциональной стороной деятельности, игнорируя при этом ее превосходящую сторону. Важной особенностью обратных связей, возникающих в ходе мышления, по мнению Заботина, является то, что они действуют весьма опосредованно: поскольку будущий результат мышления представлен в содержании его цели очень неопределенно, обратная информация сопоставляется не только с целью мышления, но и с системой «приближения» к объекту поиска или удаления от него. В связи с этим контур психической регуляции хода мыслительной деятельности можно представить так: цель мышления (а не любое требование) — мыслительные действия, операция — сличение текущих результатов (выявление свойств мыслительного материала) не просто с целью, а также и с некоторой совокупностью знаний — коррекция не просто действий, но и самой цели, участвующей в их реализации (Заботин, 1989, с. 86).

В более чем сорока крупных научных публикациях Заботина преобладающие направления таковы: во-первых, это общепсихологическое изучение мышления; во-вторых, психолого-педагогическое исследование эффективного использования и развития мышления учащихся в процессе обучения; в-третьих, это учебные и научно-методические изыскания и разработки.

Основные работы Заботина: «Усмотрение проблемы в мышлении и обучении» (1972); «О познавательной роли вопросов в обучении» (1967); «О развитии проблемного видения у школьников» (1971); «О структурном подходе к построению психогаммы учителя» (1977); «К вопросу о вариативности частного в процессе познания общего» (1976); «Опыт использования кругов Эйлера в курсе общей психологии» (1997) и др.

А. М. Матюшкин, признанный специалист по психологии мышления и проблемному обучению, тепло откликнулся письменным отзывом на монографию Заботина «Усмотрение проблемы в мышлении и обучении». Г. С. Костюк и ученые Института психологии УССР неоднократно положительно отзывались об экспериментах и теоретических выводах В. В. Заботина. М. И. Махмутов в своей книге «Проблемное обучение» (1975) дал целый ряд положительных оценок идеям Заботина об этапе постановки проблемы и логике вопроса и ответа.

Вадим Васильевич обладал очень высоким научным потенциалом, неиссякаемым вдохновением и трудолюбием, тщательным и глубоким проникновением в суть дела. По словам людей, близко знавших Заботина, он был не только ученым и педагогом, но и приятным собеседником. Вадим Васильевич увлекался литературой, был книголюбом и имел большую библиотеку. У него был поэтический дар, в свободное от работы время писал стихи, басни; ни одно сколько-нибудь значимое кафедральное событие за долгие годы его педагогической деятельности не было пропущено, все они отмечены его поэтическими творениями.

Вадим Васильевич Заботин был широко образованным, исключительно эрудированным ученым. Его вклад в науку будет служить дальнейшему развитию психологической теории, делу воспитания молодых кадров.

Литература

- Заботин В. В.* О познавательной роли вопросов в обучении // Советская педагогика. 1967. № 9. С. 45–52.
- Заботин В. В.* О развитии проблемного видения у школьников // Советская педагогика. 1971. № 2. С. 29–40.
- Заботин В. В.* Усмотрение проблемы в мышлении и обучении. Монография. Владимир, 1973.
- Заботин В. В.* О целевой детерминации направленности мыслительной деятельности // Структура познавательной деятельности: Межвуз. сб. науч. тр. Владимир, 1989. С. 83–96.
- Заботин В. В.* Опыт использования кругов Эйлера в курсе общей психологии. Владимир: ВГПУ, 1997.
- Зобков В. А.* У истоков Владимирской психологической школы // Историческая ответственность в отечественной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 295–304.

История отечественной и мировой психологической мысли. Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее. IV Московские встречи: Материалы Международной конференции по истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

История отечественной и мировой психологической мысли ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее. Материалы Международной конференции по истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы Всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи». М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

V. V. Zabotin – teacher and scientist standing at the origins of Vladimir psychological school

V. A. Zobkov

Vladimir State University, Vladimir, zobkov@gmail.com

Zabotin Vadim Vasilievich (1923–2004), a bright representative of the psychological community of the Vladimir region, who headed the department of psychology at the Vladimir State Pedagogical Institute from 1972 to 1978. An important contribution to psychological science is that the scientist, relying on experimental research, revealed the logical and psychological structure of knowledge that raises a problematic question; conditions of “vision” of the problem; The mental operations necessary to understand the problem; main phases and links at the question raising stage; The focus of the issue. Vadim Vasilievich – was an exemplary teacher-psychologist.

Keywords: V. V. Zabotin, teacher, scientist, logical essence of the question, problem learning, problem question, thinking.

Неосуществленные творческие замыслы ученых Петербургской психологической школы

Н. А. Логинова

*Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет,
n.loginova@spbu.ru*

Концептуальная система выдающегося ученого – особое образования в структуре его индивидуальности. Она является источником научно-исследовательских программ. В концептуальной системе есть центральные и периферийные мысли,

охватывающие не только собственно предмет психологической науки, но и более широкий круг интересов и замыслов человека науки. В. М. Бехтерев основал Петербургскую психологическую школу на заре XX в., его дело продолжил Б. Г. Ананьев в советский период. В их творческой лаборатории обдумывались организационные проекты — у Бехтерева Психоневрологический институт, Институт мозга, Психоневрологическая академия с целым рядом подразделений. У Ананьева проекты лаборатории воспитания, потом психологии речи, далее психологического отделения ЛГУ, а в конце жизни Института экспериментальной психологии в Ленинграде. Остались не опубликованными десятки текстов В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева. Изучение научного наследия этих и других деятелей Петербургской школы стоят в повестке дня современной истории психологии.

Ключевые слова: история психологии, научные архивы, Петербургская психологическая школа, выдающиеся представители Петербургской школы, В. М. Бехтерев, Б. Г. Ананьев, их научно-организационные проекты и тексты.

В архивах психологов Петербургской научной школы находится множество неизученных документов, в том числе набросков, планов, заметок, не завершенных или не опубликованных в свое время. Какие-то материалы устарели в идейном и методическом отношении, но представляют интерес для истории психологии и для изучения процессов научного творчества. Наряду с ними встречаются архивные материалы, которые сохраняют научную ценность как возможный источник научных исследований и теорий.

Петербургская психологическая школа, созданная многими учеными, имеет долгую историю. Ее выдающимися деятелями в разное время были В. М. Бехтерев, А. Ф. Лазурский, М. Я. Басов, В. Н. Мясищев, Б. Г. Ананьев и др. В данной статье будут представлены материалы о неосуществленных в свое время замыслах двух великих ученых — создателя Петербургской психологической школы Владимира Михайловича Бехтерева (1857–1927) и создателя Ленинградской психологической школы Бориса Герасимовича Ананьева (1907–1972).

Выдающийся ученый имеет собственную *концептуальную систему* — мировоззрение, созданное творческим профессионалом высочайшего уровня, картину науки и — шире — картину мира (Логонова, 2005). Концептуальная система — психоидеологическое образование в структуре сознания и личности ученого, самобытная целокупность его взглядов на предмет своей науки, ее методологию, место среди других наук, смысл своей деятельности в ней.

Концептуальная система является личностным источником конкретных научно-исследовательских программ, стратегий исследований. В них осуществляется часть концептуальной системы ученого и вместе с тем развивается и сама система. Содержание научно-исследовательской программы соответствует уровню и ситуации развития науки, ориентируется на запросы общества и логику научного развития ученого. Идейное богатство, истинность концептуальной системы делает ее потенциальным источником научно-исследовательской программы (или программ), руководством к разработке научной проблемы. Концептуальная система много объемнее, идейно содержательнее, чем программа. Одни ее области актуализируются раньше, другие позже в зависимости от степени вызревания

той или иной идеи, замысла, в зависимости от актуальности, запросов общества и момента научного развития, в зависимости от исторических и биографических обстоятельств. Эта актуализация означает переход части концептуальной системы в программу научно-исследовательской и организационной деятельности ученого и его соратников.

Кроме этих активных программ, на которых сосредоточиваются силы ученого, на периферии его творческой деятельности возникают странные, как будто посторонние продукты. Психология творчества указывает на то, что источниками научной мысли могут стать самые разные впечатления действительности — исторические, природные, художественные, коммуникативные, бытовые. Человек фиксирует их, обдумывает в заметках, письмах, эскизах. К счастью, они тоже попадают в архивы. Изучение их расширяет наши возможности понимания сути научного вклада ученого и его творческой индивидуальности.

Объективная психология В. М. Бехтерева осуществлялась по нескольким направлениям через ряд программ по изучению нервной системы, патопсихологии, экспериментальной психологии и пр. Владимир Михайлович обладал колоссальной творческой энергией и успел реализовать свою главную программу — создал объективную психологию.

Он раньше других догадался о необходимости междисциплинарных исследований человека — личности, но в теоретическом плане эта идея не была достаточно проработана.

В организационном плане Бехтерев был создателем Психоневрологического института (1907), Института мозга (1918) и Психоневрологической академии (1921) и ряда других институтов, лабораторий, научных журналов и обществ.

Научные интересы и планы Бехтерева были столь обширны, что не могли быть реализованы в полном объеме при его жизни, а после его внезапной кончины в декабре 1927 г. многое из задуманного осталось в запасниках науки и не было осуществлено.

Приведу некоторые сведения из архивных материалов о невоплощенных замыслах Бехтерева.

В творческой лаборатории Бехтерева находятся весьма разнообразные произведения маргинального характера. Среди них обращают на себя внимание заметки о самодеятельности как атрибуте личности. Понятие самодеятельности личности вошло в концептуальную систему Бехтерева, вероятно, в начале 1900-х годов.

О широте интересов Владимира Михайловича свидетельствуют наброски статей, которые не упоминаются в известном опубликованном списке его трудов (Систематический указатель трудов..., 1954). Некоторые из этих маргиналий каталогизированы в архиве Национального медицинского исследовательского центра по психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева (бывшего Психоневрологического НИИ его имени). Назову лишь следующие: дореволюционная «Автобиография» (Архив вышеуказанного Национального центра...фонд I, № 224 и фонд II, № 225), «Что такое мышление?» (там же, фонд II, № 126), «О творчестве и личности Л. Н. Толстого» (там же, фонд XII, № 15). Другие бехтеревские тексты хранятся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. Например: «О саморазвитии и самоусовершенствовании как научной проблеме» (фонд 2265, опись 1, № 348 (мкф.)), «О структуре мозга и таланте», «О стремлении к выс-

шему благу» (там же, № 349), «Оценка учения и работы Фрейда» (там же, № 779), «Распутинство и общество великосветских дам» (там же, № 1093). Разнообразием свидетельствует о широте интересов ученого, о его живой связи с современностью и неустанной, непрерывной умственной работе.

Поразителен размах организационной активности Владимира Михайловича. По подсчетам его сотрудника, Бехтерев инициировал и был участником создания десятков научных, образовательных и практических институций, включая 32 учреждения и 10 журналов. Были у него идеи об Институте общественного оздоровления, Институте народного хозяйства, музее психологии художественного творчества, музее этноисторического наследия. Он предполагал в первоначальной структуре Института мозга создание лаборатории сравнительной этнопсихологии, поэтому, возможно, ему принадлежит первенство в осознании важности кросс-культурной психологии, столь востребованной в XXI в. Кроме того, в планах упоминаются евгеника, подразделение по детскому художественному творчеству, воспитанию детей. Со временем название института менялось, упрощалась его структура, но основные подразделения сохранялись, что организационно способствовало направленности Бехтерева и его соратников на комплексные исследования человека.

Самобытным последователем В. М. Бехтерева являлся Б. Г. Ананьев. Концептуальная система и научно-исследовательские программы этого ученого были и остаются предметом специальных исследований (Головей и др., 2017; Кольцова, 2002; Логинова 2005, 2016; и др.). Его биография свидетельствует об упорном следовании по избранному пути, о проведении своей линии жизни, несмотря на препятствия, неблагоприятные и угрожающие исторические обстоятельства, тяготы личной жизни и вынужденные временные отступления.

На основе концептуальной системы, которая была выстроена Ананьевым к 1950-е годы, он с коллективом сотрудников осуществил большие циклы исследований по четырем взаимосвязанным программам: психология личности-индивидуальности, психология развития, педагогическая психология, чувственное познание. Генетическая и структурная связь между ними обусловлена единством системы взглядов и научных убеждений Бориса Герасимовича. Целостный человек, его структура и бытие являются наряду с окружающим миром детерминантой сознания, психической реальности в целом (Логинова, 2016). В этом состоит антропологизм его психологической теории. С перерывами, обусловленными социально-историческими и биографическими причинами (разгром педологии, война, инфаркт, преждевременный уход), эти программы в существенной мере были выполнены или оставались в процессе непосредственной разработки вплоть до 1990-х годов (исследования Е. И. Степановой и ее коллектива, а также Е. Ф. Рыбалко, Н. А. Розе, Л. А. Головей, Л. Н. Кулешовой и др.). Остались не выполненными задания Ананьева по написанию психографий изучаемых в его лаборатории студентов.

По моему мнению, в настоящее время в историческом центре Петербургской психологической школы – школы Ананьева, на факультете психологии СПбГУ эти программы больше не служат ориентиром. Редкими стали исследования по вопросам сенсорной организации, интеллекта, развития психофизиологических функций. Косвенно эти темы затрагиваются в прикладных исследованиях и многих частных работах, которые идут в рамках когнитивной, детской, коррек-

ционной, клинической психологии. И всё же надеюсь, и тому есть подтверждение: общее умонастроение ученых факультета психологии СПбГУ сохраняет основные черты ананьевской научной школы.

Архивы и личные воспоминания сотрудников Бориса Герасимовича свидетельствуют о перспективных проектах и замыслах ученого, направленных на ближайшее и далекое будущее. О будущем психологии он написал пророческую программную статью, которая и сегодня, пятьдесят лет спустя, не устарела, напротив, она продолжает служить принципиальным ориентиром для развития науки (Ананьев, 1977). Можно предположить, что эта статья была подготовлена как глава новой книги, над которой Б. Г. Ананьев начал работать в конце 1960—начале 1970-х годов. По замыслу, эта несостоявшаяся книга представляла всю систему взглядов Б. Г. Ананьева, его антропо-психологическую теорию. До нас дошел текст оглавления несостоявшейся книги (Логинова, 2006)¹:

Введение

Глава первая. Классификация психических явлений

Глава вторая. Генетические и структурные связи между психическими явлениями

Глава третья. Системные образования

Глава четвертая. Рефлексия

Глава пятая. Индивидуальность

Глава шестая. Общности

Глава седьмая. Структура современной психологии и ее будущность

В архивах есть немало других проектов, рукописей Ананьева, которые по разным причинам не состоялись или не увидели свет. Расскажем о них в хронологическом порядке.

В 1930-е годы по материалам характерологических исследований была задумана книга коллектива лаборатории воспитания школьника Института мозга. Рукопись и эмпирические материалы погибли в годы войны. Ананьев успел опубликовать в Институте усовершенствования учителей три научно-популярные брошюры о воспитании памяти, внимания и характера школьника, а подготовленная им брошюра «Воспитание мышления школьника» пропала.

После войны в период становления психологического отделения в Ленинградском университете в 1944—1953 гг. исполнение личных научных намерений было затруднено необходимостью решения массы злободневных задач обеспечения учебного процесса, обязательного участия в политических, идеологических и общественных кампаниях. В документах кафедры психологии того периода упоминаются планируемые учебные пособия членов кафедры, которые не были изданы. Сам Борис Герасимович написал пособие по общей психологии.

В годы директорства Ананьева в ленинградском НИИ педагогики АПН РСФСР (1951—1959) среди прочих издательских проектов была заявлена коллективная книга «Система и содержание общего и политехнического образования в СССР» (1956). Авторы: Б. Г. Ананьев, АН Маркушевич, М. А. Мельников, Э. И. Монос-

---

¹ В 2006 г. мною были опубликованы фрагменты рукописи, содержание которой соответствует по смыслу оглавлению этой книги (Логинова, 2006, с. 320—333).

зон, Н. Ф. Четверухин (Архив РАО, ф. 25, оп. 2, № 330). Издательские препятствия вставали на пути публикации других книг Бориса Герасимовича и его коллектива. Была долгая история у книги «Человек как предмет познания». Рукопись обсуждалась в его лаборатории и на кафедре в 1963 г., а книга вышла в издательстве ЛГУ лишь пять лет спустя, в 1968 г. В 1964 г. была написана статья (или глава для этой книги) «К вопросу о взаимосвязи познания, труда и общения» (Домашний архив Б. Г. Ананьева), так и не увидевшая свет, но ее основные идеи были опубликованы в 1968 г. и 1977 г.

В домашнем архиве есть наброски и заметки к психобиографическому исследованию индивидуальности и творчества А. А. Блока, подготовительные эмпирические материалы к психограммам ряда студентов факультета психологии первого приема 1966 г. Борис Герасимович не дождал нескольких дней, недель и месяцев до опубликования своих последних долгожданных произведений. Они изданы посмертно. Другие остались в архивах.

Как у В. М. Бехтерева, так и у Б. Г. Ананьева были большие организационные инициативы, значительная часть которых осуществилась: методологическая комиссия Института мозга им. В. М. Бехтерева в 1920-х годах, лаборатория воспитания того же института в 1930-х годах, патопсихологические кабинеты госпиталей в годы войны, лаборатория психологии речи в ЛГПИ им. А. И. Герцена в 1944 г. Организация отделения психологии на философском факультете ЛГУ (1944), ленинградский филиал АПН РСФСР (1946), переросший в ленинградский НИИ педагогики (позже НИИ образования взрослых), НИИКСИ ЛГУ (1964), лаборатория дифференциальной психологии и антропологии в его составе, ленинградское отделение Общества психологов СССР (1959), Головной совет по психологии и педагогике высшего образования при министерстве высшего и среднего специального образования РСФСР (1969), диссертационные советы, 2-й съезд Общества психологов СССР в Ленинграде (1963), научные конференции. Были разработаны планы организации научно-исследовательского института по психологии (один из вариантов — Институт экспериментальной психологии) в Ленинграде, прообразом которого для Ананьева был Институт мозга, созданный Бехтеревым. Были планы организации научных и учебных лабораторий на факультете психологии, новых кафедр, учебных специализаций. Большая часть из них в несколько измененном виде осуществилась через несколько лет и даже десятилетий, уже после смерти Бориса Герасимовича.

Заключение

Концепции и теории, истинность которых доказана временем, теряют авторство и становятся общим достоянием науки. Так это происходит и с теориями В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева, А. Ф. Лазурского и В. Н. Мясищева — выдающихся деятелей Петербургской психологической школы.

Архивные документы свидетельствуют о неисчерпанности замыслов и идейном богатстве этих ученых и дают новый импульс деятельности современных психологов. Архивные разыскания по истории психологии должно расширяться, охватывать периферийные области творческой активности психологов прошлого.

- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968.
- Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
- Головей Л. А., Журавлев А. Л., Тарабрина Т. В.* Б. Г. Ананьев и междисциплинарные исследования в психологии // Психологический журнал. 2020. Т. 38. № 5. С. 108–117.
- Кольцова В. А.* Методологические проблемы истории психологии в трудах Б. Г. Ананьева // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 4: Методологические проблемы историко-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 80–99.
- Логинова Н. А.* Опыт человекознания: История комплексного подхода в психологических школах В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005.
- Логинова Н. А.* (сост.) Борис Герасимович Ананьев: Биография. Воспоминания. Материалы. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006.
- Логинова Н. А.* Антропологическая теория Бориса Ананьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Систематический указатель трудов и выступлений академика В. М. Бехтерева, напечатанных на русском языке / Сост. О. Б. Казанская, Т. Я. Хвиливицкий // Бехтерев В. М. Избранные произведения (статьи и доклады). М.: б/и, 1954. С. 459–523.

Архивные материалы

- Архив РАО. Москва; Фонд 25, опись 2.
- Архив Национального медицинского исследовательского центра по психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева, фонды I, II, XII.
- Домашний архив Б. Г. Ананьева.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Фонд 2265, опись 1.

**Unfulfilled creative ideas of scientists
of the St Petersburg psychological school**

N. A. Loginova

St Petersburg State University, St Petersburg, Russia

The conceptual system of an outstanding scientist is a special education in the structure of his personality. It is a source of research programs. In the conceptual system there are central and peripheral thoughts that cover not only the actual subject of psychological science, but also a wider range of interests and ideas of a person of science. V. M. Bekhterev founded the St. Petersburg Psychological School at the dawn of the twentieth century, his work was continued by B. G. Ananyev in the Soviet period. In their creative laboratory, organizational projects were considered – Bekhterev has a Psychoneurological institute, a brain institute, a psychoneurological academy with a number of departments. Ananyev has projects for the laboratory of education, then for the psychology of speech, then for the Psychological department of LSU, and at the end of his life for the Institute of Experimental Psychology in Leningrad. Dozens of texts by V. M. Bekhterev and B. G. Ananyev remained unpublished. The study of the scientific heritage of these and other figures of the St. Petersburg school is on the agenda of the modern history of psychology.

Keywords: History of psychology, scientific archives, St Petersburg Psychological School, outstanding representatives of the St Petersburg school, V. M. Bekhterev, B. G. Ananyev, their scientific and organizational projects and texts Notation.

Влияние процессов междисциплинарной интеграции на развитие Саратовской психологической школы

И. В. Малышев

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, iv.999@list.ru*

Приводятся примеры интеграции методов психологии, логики и математики в трудах саратовских психологов. Рассматриваются три основные сферы пересечения указанных дисциплин. Помимо традиционного использования математической статистики, при обработке данных эмпирических исследований математика применяется при моделировании поведения отдельного человека или малых и больших социальных групп. Наиболее известной является модель Лефевра, которая в настоящей работе получает дальнейшее развитие. Использование математической логики позволяет находить решения фундаментальных методологических проблем. В результате заимствования психологами приставки «мета», имеющей хождение, например, в математике, возникает, в частности, термин «метапсихология», обозначающий дисциплину, в задачу которой входит исследование методологической целостности психологии.

Ключевые слова: метапсихология, нечеткие множества, нечеткая логика, социальная психология, когнитивные науки, математическая статистика, аксиоматический метод в психологии.

Для начального этапа развития Саратовской психологической школы характерно представительство ученых, получивших естественно-научное образование. Ярким представителем Саратовской психологической школы был Рашид Хасьянович Тугушев – профессор, доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии СГУ, трагически погибший на 68-м году жизни. Тугушев закончил физический факультет Саратовского государственного университета в 1964 г. С 1988 г. он заведовал кафедрой психологии СГУ. Он являлся ведущим специалистом в области математической психологии и психологической теории личности. Под его влиянием в решении психологических проблем принимали участие, в частности, математики университета. Так, например, доцентом кафедры гео-

метрии СГУ С. В. Галаевым была написана статья «Нечеткая логика и математическое моделирование поведения человека» (Галаев, 2017б).

Декан факультета психолого-педагогического и специального образования СГУ, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития Раиль Мунирович Шамионов в 1986 г. поступил на I курс в Ульяновский государственный педагогический институт им. И. Н. Ульянова, на физико-математический факультет, отделение «Математика и физика». В 2002 г. Шамионов защитил докторскую диссертацию на тему: «Внешние и внутренние детерминанты личности в процессе ее социализации» (Ярославский государственный университет). Научным консультантом выступил выдающийся ученый, практик и теоретик, доктор психологических наук, профессор В. В. Новиков.

Раиль Мунирович, являясь автором более 170 научных публикаций, в том числе 6 монографий и 7 учебных пособий, предпринял системное изучение личностных детерминант субъективного благополучия, ее структуры и динамики.

Раиль Мунирович как руководитель моей научной работы оказал влияние на разработку проблемы эмоционального выгорания (Малышев, 2009). Было расширено изучение данной проблематики с точки зрения социальной психологии личности, а именно эмоциональное выгорание стало исследоваться в аспекте социально-психологических факторов и профессиональной социализации личности специалистов, взаимодействующих в экстремальных условиях (Шамионов, 2008) Все это позволило взглянуть на проблему в междисциплинарном контексте. На сегодняшний день решение подобных проблем невозможно без взаимодействия представителей нескольких научных отраслей.

Профессор кафедры социальной психологии, образования и развития СГУ Илья Евгеньевич Гарбер сначала закончил мехмат Саратовского университета (1973), а уже затем получил образование психолога (1991). Во многом благодаря математическому образованию Илья Евгеньевич сумел достаточно глубоко развить новую для психологической науки дисциплину — метапсихологию.

Метапсихология

Благодаря исследованиям Гарбера, термин «метапсихология» сегодня используется специалистами различных областей знания. Описаны предмет, структура и методы метапсихологии, указаны эффективные признаки, позволяющие различать метапсихологию и методологию, понимаемую как исследование методов.

В своей фундаментальной работе ученый на основе междисциплинарного анализа наметил контуры подхода, который позволил от современной методологии психологии, основанной на философии И. Канта, перейти к хорошо структурированной психологической дисциплине («метапсихологии») (Гарбер, 2010). В отличие от других дисциплин она обладает четко разделенными эмпирическим и теоретическим языками. *Метапсихология* ориентирована на конструктивный синтез различных, нередко противоречащих друг другу психологических концепций.

Нечеткое моделирование

Исходя из общепринятого положения, математическая модель — это приближенное описание какого-либо класса явлений, выраженное с помощью математической

символики. Любое достаточно сложное явление допускает различные подходы к моделированию. Каждый подход определяется, с одной стороны, выделением существенных факторов, с другой — используемым математическим аппаратом. Чем сложнее изучаемое явление, тем больше возможностей для выбора модели. При этом, как правило, на начальном этапе исследования строится как можно более простая модель, которая затем усложняется и уточняется в процессе ее апробации на практике. Использование информационных технологий позволяет весьма мобильно вносить соответствующие изменения в структуры моделей.

Рассмотрим модель рефлексивного поведения человека, созданную В. А. Лефевром (Крылов, Казанцева, 2010). В соответствии с ней поведение человека моделируется с помощью линейной по каждой переменной функции. Независимо друг от друга В. А. Петровский (Петровский, 2006) и Р. Х. Тугушев пришли к идее заменить алгебраическую функцию на функцию, зависящую от нечетких переменных. Аппарат нечеткой логики оказался более гибким, чем аппарат алгебраических функций. Идея Тугушева затем была реализована Галаевым (Галаев, 2017а).

Когнитивные технологии

Когнитивные технологии вбирают в себя способы и алгоритмы поведения субъектов, опирающихся в своей деятельности на данные о процессах познания, обучения, коммуникации, обработки информации человеком и животными, на достижения нейронауки, на компьютерные информационные технологии, на математическое моделирование элементов сознания (Малинецкий и др., 2011). Когнитивные технологии ориентированы на помощь человеку в постановке задач, на решение плохо формализованных творческих задач, на выявление и эффективное использование своего когнитивного потенциала, своей способности познавать, мечтать, творить. Компьютерные технологии в считанные десятилетия из больших, дорогих, сложных инструментов ученых и военных превратились в товары массового потребления, изменили работу, досуг и образ жизни сотен миллионов людей. Развитие когнитивной технологии будет иметь не только экономическое, но и социальное измерение, формирование и рост влияния людей, причастных к креативной экономике, мыслящих и работающих по-новому. В настоящее время возникает насущная необходимость в творческом диалоге представителей разных специальностей, разных профессиональных областей. В том числе в диалоге психологов и математиков. Примером такого диалога является спецкурс «Аксиоматический метод в психологии», прочитанный психологам Галаевым (Галаев, 2017а). Этот спецкурс задумывался как междисциплинарный курс, формирующий у будущего психолога профессиональные компетенции, необходимые для успешной деятельности в условиях развития когнитивных технологий.

Общеметодологический кризис психологии, проявляющийся как в большом количестве эмпирических исследований с неоднозначными, а зачастую и противоречивыми результатами, так и в разнообразии частных объяснительных теорий, которые трудно сопоставить между собой, привел к развитию многих подходов в попытках его преодоления (Мазиллов, 2006). Среди них и метаанализ, позволяющий сопоставлять эмпирические результаты разных исследований, и анализ междисциплинарных связей в рамках программы создания «единой психологии»,

и попытки найти «единственно верные» объяснительные принципы. Дисциплина «Аксиоматический метод в психологии» призвана не только дать краткое введение в современную логику, в частности, математическую логику, но и познакомить будущих психологов с математическими моделями в психологии, основанными на использовании нечеткой логики и аксиоматического метода.

В своей книге Ноэль Смит проводит сравнительно-аналитическое описание современных систем психологии (Смит, 2003). Принимая за основу аксиоматический подход, он демонстрирует те основания, которые определяют различия известных психологических систем. Пытаясь заполнить существующий пробел в развитии аксиоматического метода в психологии, Смит приводит системы постулатов основных представителей каждой из десяти излагаемых им отраслей психологии.

Заключение

Мы привели лишь отдельные примеры междисциплинарного сотрудничества психологов и математиков, когда математики приходят на помощь психологам, помогая им в построении адекватных математических моделей. Однако есть и другие примеры. В недавней работе автора представлены идеи использования психологов в организации дистанционной формы математического образования (Малышев, 2020).

Литература

- Галаев С. В.* Когнитивные технологии и методологические проблемы психологии // Современные технологии в школе и вузе // Теория и практика внедрения электронного обучения в образовательные системы: Сборник трудов IV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). 2017а. С. 37–43.
- Галаев С. В.* Нечеткая логика и математическое моделирование поведения человека // Достижения и приложения современной информатики, математики и физики: Материалы VI Всероссийской научно-практической заочной конференции. 2017б. С. 50–55.
- Гарбер И. Е.* Метаподход к психологии: Монография. Саратов: Саратовский источник, 2010.
- Крылов В. Ю., Казанцева А. Ю.* Модель рефлексивного поведения В. А. Лефевра: частные случаи, варианты аксиоматики, возможные обобщения // Математическая психология: Школа В. Ю. Крылова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Малинецкий Г. Г., Потапов А. Б., Подлазов А. В.* Нелинейная динамика. Подходы, результаты. М.: Книжный дом «Либроком», 2011.
- Мазилев В. А.* Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 23–34.
- Малышев И. В.* Взаимосвязь синдрома эмоционального выгорания и социально-психологических характеристик личности в экстремальных условиях профессиональной социализации: Дис. ... канд. психол. наук. Саратов: Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2009.
- Малышев И. В.* Помощь психолога в организации дистанционной формы математического образования // Методика преподавания математических и естественно-на-

учных дисциплин: современные проблемы и тенденции развития: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2020. С. 37–39.

Петровский В. А. Уровень трудности задачи: Метаимпликативная модель мотивации выбора // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 6–22.

Смит Н. Современные системы психологии. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.

Шамионов Р. М. Внешние и внутренние детерминанты личности в процессе ее социализации: Дис. ... докт. психол. наук. Ярославль: Ярослав. гос. ун-т, 2002.

Шамионов Р. М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. Саратов: Научная книга, 2008.

Influence of interdisciplinary integration processes on the development of Saratov psychological school

I. V. Malyshev

Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevskiy, Saratov

The article provides examples of the integration of psychology, logic and mathematics in the works of Saratov psychologists. Three main areas of intersection of these disciplines are considered. In addition to the traditional use of mathematical statistics in the processing of empirical research data, mathematics is used essentially in modeling the behavior of an individual or small and large social groups. The most famous is the Lefebvre model, which is further developed in this work. The use of mathematical logic allows one to find solutions to fundamental methodological problems. The borrowed by psychologists prefix “meta”, which is in use, for example, in mathematics, leads to the appearance of the term “metapsychology”, which can serve as a name for a psychological discipline whose task is to study the methodological integrity of the whole psychology.

Keywords: metapsychology, fuzzy sets, fuzzy logic, social psychology, cognitive sciences, mathematical statistics, axiomatic method in psychology.

Научная школа С. Л. Рубинштейна в исследовании продуктивного и творческого мышления (после 1960-х годов)

А. А. Матюшкина

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, aam_msu@mail.ru

В статье рассматриваются взгляды С. Л. Рубинштейна на природу мышления и теории, созданные его последователями, которые развивали эти идеи, – проблемных

ситуаций А. М. Матюшкина, мышления как прогнозирования А. В. Брушлинского, социального мышления К. А. Абульхановой-Славской, процессуального подхода к пониманию мудрости Л. И. Анцыферовой, подхода М. Г. Ярошевского к исследованию научного творчества, подхода Д. Б. Богоявленской к изучению интеллектуальной активности личности и др. Выделены критические вопросы понимания продуктивного мышления как процесса разрешения проблемных ситуаций.

Ключевые слова: продуктивное мышление, проблемная ситуация, творческая проблема, этапы разрешения проблемной ситуации, прогнозирование, социальное мышление, трудность проблемы, глубина анализа.

Проблема продуктивности мышления актуальна и полемична в психологии: вопросы о том, является ли любое мышление продуктивным, каковы критерии творческого и продуктивного мышления, в какой мере продуктивное мышление связано с прошлым опытом, дискуссионны в современной психологии. По мнению А. М. Матюшкина, в психологии мышления можно выявить несколько основных моделей проблемной ситуации: бихевиоральную, вероятностную, гештальтмодель, информационно-семантическую – в зависимости от условия, создающего проблему в ситуации новизны (например, отсутствие знаний, необходимых для решения, возникновение препятствия на пути к цели, в том числе выраженное альтернативностью вариантов; деструктурированность предмета проблемы), и способа решения (Матюшкин, 2017). Определяя мышление вслед за С. Л. Рубинштейном как форму субъект-объектного взаимодействия, в ответе на вопрос о продуктивности необходимо учитывать специфику объекта. Так, по мнению Матюшкина, в психологии можно выявить несколько основных объектных моделей проблемной ситуации по условию, создающему интеллектуальную проблему в ситуации новизны, и по способу ее решения. Например, в гештальтмодели проблемная ситуация вызывается деструктурированностью предмета, способ решения – инсайтное переструктурирование. Безинсайтное решение возможно, но не считается в рамках данной модели продуктивным. Таким образом, согласно гештальтпсихологии, продуктивное мышление становится самостоятельным предметом исследования в противоположность репродуктивным формам, рассматриваются случаи принципиальной новизны проблемной ситуации для субъекта без возможности опоры на прошлый опыт в решении. При этом выделяется две группы критериев продуктивности: объективной/субъективной новизны продукта (результата) и процесса, которые остаются значимыми для подхода С. Л. Рубинштейна в изучении мышления.

В научной школе Рубинштейна продуктивность мышления связана не столько с характеристиками объекта, сколько с состоянием субъекта в решении, определяемом возникновением познавательной потребности по отношению к задаче. «Начальным моментом мыслительного процесса обычно является проблемная ситуация. Мыслить человек начинает, когда у него появляется потребность что-то понять. Мышление обычно начинается с проблемы или вопроса, с удивления или недоумения, с противоречия. Этой проблемной ситуацией определяется вовлечение личности в мыслительный процесс <...> Разрешение задачи является естественным завершением мыслительного процесса. Всякое прекращение его,

пока эта цель не достигнута, будет испытываться субъектом как срыв или неудача...» (Рубинштейн, 2000, с. 317).

В соответствии с подходом Рубинштейна в понимании продуктивного мышления важными выступают следующие представления: 1) о проблемной ситуации как особом состоянии, возникающем при столкновении с неизвестным, такой форме взаимодействия между субъектом и объектом в мышлении, в которой «без субъекта нет объекта»; 2) о механизме включенности субъекта в решение — внешние причины действуют через внутренние условия; 3) о процессуальном характере мышления как анализирования и синтезирования, фазах мыслительного процесса; 4) о центральных механизмах решения — анализа через синтез путем включения, включения объекта в другую систему связей и отношений. Данные взгляды развиваются в работах его последователей и затем формулируются в качестве самостоятельных теорий мышления, составивших классический базис понимания и изучения этого процесса как в отечественной, так и мировой психологии, не утрачивая своей актуальности.

Большинство диссертаций, *экспериментальных психологических* исследований мышления, выполненных под научным руководством С.Л. Рубинштейна, связаны с проблематикой мышления. Диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук (по психологии) — А. М. Матюшкиным (1960) «Исследование психологических закономерностей процесса мышления»; К. А. Славской «Процесс мышления при использовании знаний» (1961); А. В. Брушлинским «Исследование направленности мыслительного процесса» (1964). Развитие данных идей составит фокус нашего исследования, *цель* которого — анализ теорий научной школы Рубинштейна в исследовании продуктивного мышления.

Вопрос о персональном составе научной школы С.Л. Рубинштейна, по мнению С. А. Богданчикова (2008), является открытым, так как развитие его идей включает разные периоды — 1930-е, 1940-е, 1950-е годы. Так, в 1940–1950-е годы взгляды С.Л. Рубинштейна развивались в философско-психологическом ключе, часть из них посвящена проблематике мышления: он был научным руководителем диссертаций на соискание ученой степени кандидата философских наук М. Г. Ярошевского «Учение А. А. Потебни о языке и сознании» (1945); Е. А. Будиловой (1950) «Проблемы ощущения и мышления в трудах И. М. Сеченова», Н. С. Мансурова «Проблемы мышления в свете учения И. П. Павлова» (1951), Л. И. Анцыферовой «Учение академика И. П. Павлова о высшей нервной деятельности и проблема мышления» (1952) и др. Рассмотрим развитие данных взглядов в качестве самостоятельных теорий мышления.

Критериями отнесения ученого к научной школе для нас выступают: 1) последовательная (экспериментальная) разработка определенных представлений о предмете исследования с использованием специальных методов; 2) проведение самостоятельного законченного научного исследования, выполненного с позиций данной теории (кандидатской диссертации) под научным руководством автора; 3) оценка автором теории исследований в данной области как развивающих определенные взгляды. Так, в 1960 г. под общей редакцией Рубинштейна вышла книга «Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения», содержащиеся в ней работы «объединены общностью теоретических установок... В результате наших исследований наметился специфический метод... — предъяв-

ление вспомогательных задач...» (Рубинштейн, 2000, с. 3–4). В книге представлены исследования К. А. Славской «Процесс мышления и использования знаний», И. М. Жуковой «Роль анализа и обобщения в познавательной деятельности», А. В. Брушлинского «Роль анализа и абстракции в познании количественных отношений», Л. И. Анцыферовой «Роль анализа в познании причинно-следственных отношений», А. М. Матюшкина «Анализ и обобщение отношений», Н. С. Мансурова «Зависимость решения от формулировки и наглядного оформления решения».

Проблемная ситуация как объект мышления. Мышление как разрешение проблемных ситуаций

В теории Матюшкина основой мышления выступает проблемная ситуация, которая понимается как особое состояние, возникающее при столкновении с мыслительным заданием, вызывающим интерес и тем самым обеспечивающим включенность личности в процесс решения проблемной задачи (Матюшкин, 2017). Проблемной выступает задача (задание), требующая для своего решения открытия чего-то нового, тем самым вызывая познавательную потребность по отношению к нему. Таким образом, психологическая структура проблемной ситуации содержит три компонента: познавательную потребность, *открытие субъективно/объективно нового, неизвестного звена решения*, возможности субъекта в решении. Условием продуктивного процесса мышления как разрешения проблемной ситуации выступает другой субъект — «внешний», например, автор проблемной задачи, учитель, который проверяет решение, или «внутренний» — разные точки зрения субъекта на решение проблемы, представленные как внутренний диалог (Кучинский, 1988).

Основой для возникновения проблемной ситуации в широком смысле выступает расхождение между наличными и требуемыми знаниями, опытом, необходимым для решения; разрыв преодолевается системой мыслительных действий, направленных на достижение цели. Различные типы и степени рассогласования между прямой (тем, что нужно найти для решения) и обратной (тем, что получилось в результате решения) связью в реализации мыслительного действия составляют разные типы проблемных ситуаций и могут быть отнесены к трем характеристикам: 1) к основным элементам действия: что подлежит открытию — предмет, условие или способ (плоскость действия), выявляет базовые закономерности мышления; 2) к разным этапам становления действия (генетическая плоскость), освещает вопросы обучения и развития; 3) к интеллектуальным и творческим характеристикам субъекта, определяющим степень трудности проблемной ситуации (плоскость трудности). В дальнейших исследованиях авторов данной научной школы эта проблематика переходит в исследование таланта, одаренности, мудрости как познавательного потенциала для решения проблемных ситуаций жизни и творческих проблем.

С позиции теории проблемных ситуаций важна не только объективно заданная сложность задачи, но субъективно переживаемая трудность. Степень новизны и обобщенности неизвестного в проблемной ситуации в соотношении с познавательными возможностями субъекта определяет трудность: объективно сложная задача может быть трудной в решении для одного субъекта и легкой для дру-

гого. В связи с вопросом о трудности возникает необходимость исследования тех условий, при которых нахождение решения становится возможным. К ним, по результатам исследований Матюшкина, относится тип анализа, направляемый подсказками. В одном из исследований показано: если в проблемной задаче, *требующей открытия нового способа* действия с опорой на знания из области физики, в качестве подсказки выделяются условия, связанные с известными для субъекта способами действия, это приводит его к фиксации, «застреванию» на них, проблемная ситуация не возникает. Подсказки, связанные с выделением неизвестных для субъектов способов действия и тех условий, которые являются существенными для нахождения нового действия, способствуют пониманию и решению проблемной ситуации. Предлагается особый тип подсказок в решении, который ориентирован на анализ условий и более глубокое понимание проблемной ситуации, в отличие от подсказок, которые содержат принцип решения, что также было подтверждено в исследованиях Анцыферовой (Анцыферова, 1960).

Другая группа экспериментов связана с необходимостью открытия в решении проблемной задачи недостающего условия. В другой серии исследований показано, что процесс обнаружения *нового условия* детерминирован конечной целью, понимание и удерживание которой позволяет включить объект в новую систему связей и выявить свойство, необходимое для решения. Процесс реализуется как система проблемных ситуаций, где решение одной проблемной ситуации должно породить другую. Еще одна группа исследований была посвящена задачам, в решении которых нужно *открыть предмет* — общую закономерность, систему знания, разворачивающуюся как система проблемных ситуаций (задача «позиционная система счисления»). В данной серии показано, что процесс разворачивается как система проблемных ситуаций, решение достигается с помощью нескольких возможных путей обобщения новых отношений: 1) от конкретного к абстрактному: на первоначальном этапе испытуемый сталкивается с необходимостью открытия нового условия, на втором — открытия нового способа, на третьем — понимает общую закономерность решения; 2) способ — условие — закономерность также требует перехода от конкретного к абстрактному; 3) наиболее эффективен путь «от абстрактного к конкретному: исходно формулируется теоретическая проблемная ситуация, решив которую субъект может затем выполнить любые практические задачи на основе понимания выявленной базовой закономерности, именно такой путь оказался наиболее эффективным в решении проблемных задач, требующих открытия предмета.

Процесс решения проблемной задачи предполагает ряд этапов, особенности которых зависят как от ее содержания, трудности, так и возможностей субъекта. Первый этап предполагает анализ задачи через соотнесение условий с требованиями и выявление несоответствия между известными способами решения и условиями. Если такой анализ не осуществляется, то задача не выступает как проблемная; происходит или отказ от решения, или решение идет по «ложному» с точки зрения понимания сути проблемы пути. Этот этап может быть охарактеризован как этап «закрытого» решения, когда подсказка о принципе не оказывает своего направляющего действия. Анализ условий в соответствии с целью приводит к отказу от старых способов решения и формулированию новой проблемной ситуации, для решения которой у субъекта нет готовых способов — это этап «открытого»

решения (второй), поиска возможных средств, когда испытуемый готов воспринимать подсказку.

На третьем этапе происходит понимание принципа решения, в том числе и через инсайт, на четвертом — его реализации; на пятом — проверка правильности полученного решения. При этом, по мнению Матюшкина, в строгом смысле продуктивным является лишь третий этап решения, на котором происходит открытие нового, неизвестного звена решения. Однако очевидно, что без предыдущих полноценных этапов нахождения решения невозможно. В дальнейшем эти результаты получили свое развитие в модели структуры и этапов решения проблемы по отношению к профессиональному творчеству (Матюшкин, 2017, с. 200). Таким образом, в исследованиях Матюшкина показано, что в основе продуктивного и творческого мышления лежит возникновение проблемной ситуации, разрешение которой предполагает ряд этапов, связанных с разным типом и глубиной анализа. Полученные выводы соотносятся с исследованиями К. А. Славской, в которых были выявлены ранние и поздние этапы анализа в соответствии с его глубиной (геометрическая задача на доказательство равновеликости треугольников в неравносторонней трапеции), показано, что на поздних этапах создаются возможности для понимания принципа решения и использования подсказки (Славская, 1960). Представления о глубине анализа (мышления) как субъектной предпосылке успешности (эффективности) решения были позднее включены автором в концепцию социального мышления, получили свое развитие в исследованиях В. В. Селиванова, А. А. Матюшкиной (Матюшкина, 2015; Селиванов, 2000).

Проблемы жизни как объект мышления. Мышление в контексте жизненного пути личности: социальное мышление и мудрость

Идеи Рубинштейна о личности как субъекте мыслительной деятельности получили особое развитие в работах Абульхановой-Славской и Анцыферовой (Абульханова-Славская, 1991; Анцыферова, 2004). С точки зрения Рубинштейна, категория субъекта предполагает активное, ответственное взаимодействие человека с реальностью. Именно такое взаимодействие с задачей — жизненной проблемой — со стороны субъекта позволяет охарактеризовать понятие «проблемная ситуация» как особое состояние в решении, в котором без этого конкретного субъекта, человека нет объекта, — проблемы не существует. Субъект определяет, что для него интересно в задаче, что существенно, что ему может позволить решить задачу, а что выступит препятствием. При этом то, что выступит проблемой для одного субъекта, не является таковой для другого. В данном контексте проблемная ситуация — это отражение уникального активного взаимодействия человека с миром, предполагающая ответственность за решение со стороны субъекта не только как понимание и принятие его последствий, но и как понимание того, что это меняет в собственной жизни или жизни других людей; ответственности за то, что субъект жизни мог бы сделать, но не сделал. Сталкиваясь с проблемами жизни (как особым объектом мышления) и разрешая жизненные противоречия тем или иным образом, субъект выстраивает свою стратегию жизни, которая отражает его индивидуальный жизненный путь. Стратегия характеризуется замыслом, планом жизни, определением целей, этапов и способов их до-

стижения; решением противоречий в достижении главных целей; проявлением творчества как возможности преодоления противоречий. Для реализации стратегии необходимо «социальное мышление» — мышление личности о социальной действительности, которое связывает его с другими людьми, позволяя реализовывать жизненные планы.

Социальное мышление характеризуется процессами категоризации, интерпретации (понимание) и проблематизации. Последнее понимается как основанный на понимании проблемы поиск конструктивного способа разрешения противоречий социальной действительности, связанный с взаимодействием с другими субъектами. Возможность обнаружения такого рода проблем зависит от интереса субъекта к данной реальности, глубины знаний в данной области, постоянной интеллектуальной работы по решению. В этом контексте были проведены исследования, показывающие, как разный уровень проблематизации и различные способы интерпретации социальной реальности влияют на эффективность социальных решений. При этом оценка эффективности решения, с одной стороны, связана с пониманием реальной сути проблемы самим субъектом, с другой — эффективность (продуктивность) оценивается другими субъектами, включенными в решение, поэтому важно учитывать их интересы и характеристики. Таким образом, глубина анализа проблемы и соответствующая ей точность прогноза определяют успешность и эффективность социальных решений.

Особая точка зрения по отношению к субъекту жизни и мышления в контексте проблемы мудрости сформулирована Анцыферовой. Анализируя взгляды на понимание мудрости как экспертной системы знаний человека о жизни, применяемой в решении проблем, во-многом соглашаясь с ним, автор подчеркивает следующие значимые моменты. Мудрость связывается в таком понимании с проблематикой социального интеллекта, который не может быть рассмотрен только как психометрический; это умственная деятельность, «направленная на разрешение проблемных ситуаций, возникающих в процессе взаимодействия людей и различных социальных групп» (Анцыферова, 2004, с. 20), это «не состояние, а процесс». По отношению к изучению мудрости процессуальный подход предполагает исследование действий в процессе решения проблем жизни, начиная от самостоятельного формулирования до окончательного решения с учетом быстро изменяющихся неопределенных условий. Такие действия реализует личность, которая характеризуется «умной волей», позволяющей или отложить решение проблемы до момента оптимального изменения условий, или решить в соответствии с ранее созданным планом, или переформулировать так, чтобы она была решаемая, но не «вытеснить из сознания нерешенную проблему» (там же, с. 21). «Разрешение задачи требует сплошь и рядом значительного волевого усилия для преодоления встающих перед мышлением трудностей» (Рубинштейн, 2000, с. 318). Мудрость предполагает необходимость творческого подхода в решении принципиально новых проблем, прогнозирования событий в неопределенных и меняющихся условиях, в том числе на основе интуиции. Анцыферова подчеркивает, что мудрость как процесс не может быть напрямую связана с возрастом (чем старше — тем опытнее и мудрее), отнесена только к определенному периоду жизни, это особая позиция личности по отношению к проблемам жизни и возможности их решения. В этом контексте вопрос о прошлом опыте и его влиянии

в решении трудных проблем, требующих оригинальности, глубины мышления, воли в реализации, остается неоднозначным так же, как и в исследованиях, посвященных изучению процессов решения творческих задач: всегда ли мышление основано на прошлом опыте, любое ли решение сводится к нему или же прошлый опыт — это препятствие в разрешении проблемных ситуаций?

Мышление как анализ и синтез: процесс прогнозирования

Идея о мышлении как аналитико-синтетической деятельности особо изучается в работах Брушлинского, который понимал мышление как недизъюнктивный процесс решения трудной для субъекта мыслительной задачи или проблемы, результатом которого в одинаковой мере может выступать как успешное решение, так и ее нерешение. В процессе углубленного анализа содержания задачи у субъекта формируются новообразования — все более адекватные способы мышления, эмоциональное отношение к проблеме и т. д., это является психологической характеристикой результата процесса мышления. Понимание продуктивности связывается, в первую очередь, с процессом: не столь важно, решил испытуемый задачу, правильно ли он ее решил, главное, что он думал, результатом продуктивного процесса выступает появление новообразований. Возникновение проблемной ситуации и ее преобразование в исходную задачу, в которой субъект словесно формулирует известное и неизвестное, характеризуют начальные стадии мыслительного процесса как анализа через синтез. Субъект в начале решения не знает, какие свойства и отношения необходимо открыть, но анализируя ситуацию, выделяя существенные свойства включением объекта в другие контексты, может спрогнозировать решение.

Наиболее известной экспериментальной задачей «на прогноз» была проблемная задача на материале физики: «Что произойдет со свечой, если ее зажечь на космическом корабле, находящемся на орбите?», в процессе решения которой предъявлялись три задачи-подсказки. Важным методическим приемом, запускающим другой вектор анализа и прогноза, выступали вопросы экспериментатора, направленные на оценку собственной уверенности в решениях, о наличии других возможностей решения. Именно этот момент «остановки вопроса» в процессе решения выступает основанием для возникновения немедленного инсайта. Таким образом, прогнозирование — недизъюнктивный процесс все более глубокого анализа через синтез путем включения объекта задачи в новую систему связей и отношений, позволяющего выявлять латентные, скрытые, но необходимые и существенные для решения свойства. С позиции вероятностной модели проблемной ситуации решение данной задачи может быть рассмотрено как ситуация выбора из двух альтернатив: свеча будет гореть или погаснет, но процесс решения, подчеркивает Брушлинский, не протекает таким образом.

В ситуации понимания истинной цели задачи субъектом (объяснить, что произойдет со свечой в заданных условиях и почему), наличия необходимых знаний из области физики, решение со стороны взрослого субъекта со сформированным научным мышлением разворачивается как процесс анализа через синтез, а не как выбор из альтернатив (дизъюнкция). Мышление в функции прогнозирования требует специальных знаний, специальных форм анализа и может быть

соотнесено с мышлением профессионала в своей области. Именно в таких случаях сомнение в решении, возможно, выступает индикатором недостаточности глубины анализа и выступает основанием для продолжения решения через звено профессиональной интуиции, проявляющейся в форме немгновенного инсайта.

Критические вопросы к научной школе С. Л. Рубинштейна

Необходимо особо отметить позицию Ярошевского, который входил в число приверженцев школы Рубинштейна, но поставил ряд существенных вопросов, касающихся понимания продуктивного и творческого мышления. *Одним из них выступает необходимость раскрытия механизма анализа через синтез по отношению к творческому мышлению.* «Он же [С. Л. Рубинштейн] искал пути к собственно психологической характеристике мышления, усмотрев ее в операциях анализа и синтеза — предельно формализованных логических понятиях. Тем самым испарялось специфически творческое в мышлении. И не удивительно, что наиболее правоверные ученики С. Л. Рубинштейна пришли к отрицанию различий между продуктивным и непродуктивным мышлением, стали сомневаться в правомерности понятия о воображении. Ведь всюду одно и то же: анализ через синтез, вычерпывание из объекта и т. п.» (Ярошевский, 1969, с. 125). В ответе на данный вопрос отметим, что в исследованиях Брушлинского было показано, что собственно психологический анализ в решении задачи предполагает выделение существенных признаков, свойств объекта, некоторые из них носят неочевидный характер (латентные свойства), не совпадают с формально-логическими, но необходимы для решения. При этом выявление существенных свойств связано с особым типом анализа — «маршрутами анализа» (Рубинштейн, 2000), специфичными для той или иной (профессиональной) области знаний: то, что, например, рассматривается как существенное в решении психологических задач профессиональными психологами, несущественно для инженера (Матюшкина, 2021). С опорой на латентные (Брушлинский, 1979), потенциальные (Матюшкина, 2017) свойства как существенные возможно достижение творческих решений. Подчеркнем, что в понимании продуктивности мышления С. Л. Рубинштейн отталкивался от состояния переживания проблемности в решении, когда субъект сталкивается с чем-то новым, неизвестным, порождая уникальную постановку и решение (Селиванов, 2000). Тем самым действительно сужается область мышления, исключается возможность репродуктивных форм.

Мысль о том, что продуктивный процесс мышления как анализа через синтез меняет личность, получила свое дальнейшее развитие в исследованиях В. В. Селиванова, выполненных с опорой на идеи Рубинштейна и Брушлинского. В его работах формулируется принцип индивидуальности по отношению к мышлению: «Любое психологическое явление <...> осуществляется в индивидуальной, своеобразной форме и уникальном содержании» (там же, с. 28). «Холизм мышления проявляется через его основной механизм (анализ через синтез), изначально направленный на творчество, на производство новых структур, новых способов обращения с объектом и рефлексии» (там же, с. 27–28). В его исследованиях на материале решения «малых творческих» визуальных задач с подсказками было показано, что когнитивный стиль как характеристика личности (полнезави-

симость/полезависимость) может изменяться на разных этапах решения в связи с разной глубиной анализа проблемы. На основе проведенных экспериментов исследователем была предложена оригинальная методика (тест уровней мыслительного процесса), направленная на выявление способности личности к анализу абстрактных связей в невербальной форме: выявлено три уровня мыслительных процессов в соответствии с уровнем анализа, отражая разную степень продуктивности. Нами также была предпринята попытка создания такого рода методики на вербальном материале — «Понимание смысла отрывка художественного текста» (Матюшкина, 2015), в котором уровень успешности решения (продуктивность) соотносится с глубиной мышления.

Изучая проблематику научного творчества, Ярошевский в противоположность Рубинштейну предлагал опираться на принцип историзма. С его точки зрения, для понимания продуктивного мышления, его результата в форме научного открытия недостаточно анализа содержания только научной программы ученого: необходимо понимание исторического контекста, включающего как анализ самой предметной области науки, его категориального аппарата, так и социальный контекст личности ученого: научную школу, оппонентные круги. Подчеркнем, что в понимании продуктивности мышления Рубинштейн отталкивался от состояния переживания проблемности в решении, когда субъект сталкивается с чем-то новым, неизвестным для него, порождая уникальную постановку и решение. Тем самым действительно сужается область мышления, исключается возможность репродуктивных форм оппонентный круг. В решении научных проблем, понимаемых как творческие, безусловно, для понимания сути научного открытия важен анализ исторического контекста, влияние существующего на момент открытия категориального аппарата науки, уровня знания, данные аспекты анализа представляются значимыми, однако, следует заметить, что в современной практике патентования научных открытий при получении наивысшей категории патента — «изобретение», которая соответствует научному открытию в какой-либо области (или нескольких областях), важны следующие критерии. Одним из главных критериев является логическая неочевидность идеи, «невыводимость» предложенного в изобретении решения из существующего на данный момент уровня развития знаний в данной предметной области (оценивается экспертами) (Матюшкина, 2013) наряду с оригинальностью, новизной (наличие аналогов) и промышленной применимостью.

Другие вопросы Ярошевского касаются необходимости оценки в результате мышления вклада мотивации, общения, влияния системы знаний и объективных характеристик задачи на процесс решения: «Сама структура моделей не позволяла изучать зависимость динамики мыслительного процесса от таких факторов, как: а) мотивация; б) категориальный аппарат, схемы рассуждения и другие объективно заданные схемы, которые априорно (для данного индивида) обуславливают характер задачи и способы ее решения; в) истинно творческие компоненты в отличие от нетворческих; г) процесс общения — прямого и опосредствованного» (Ярошевский, 1969, с. 124). Данные ответы на заданные вопросы экспериментально были получены, возможно, несколько позже по отношению ко времени их формулирования. В исследованиях мышления Д. Б. Богдавленной (1983), выполненных с опорой на идеи Рубинштейна, важной субъектной характеристикой, определяющей творческое мышление, выступает уровень интеллектуальной ак-

тивности личности, определяемый, в частности, типом мотивации. Интеллектуальная активность на высшем — креативном — уровне характеризуется познавательным интересом, ведущим к самостоятельной постановке проблемы, глубоким теоретическим анализом, что проявляется в ряде феноменов: «познавательное целеполагание» — постановка новой проблемы, «интеллектуальная инициатива» — выход за пределы задачи.

Изучая роль общения в решении проблемных задач, Брушлинский и Матюшкин рассматривают мышление как субъект-субъектное, субъект-объект-субъектное взаимодействие; в этом контексте Абульханова-Славская ввела понятие социального мышления: другой субъект всегда есть в решении. В исследованиях А. В. Брушлинского, В. А. Поликарпова и В. В. Знакова процесс мышления рассматривается в связи с общением в функции понимания, ими показано, что основой понимания в диалогическом решении выступает соответствующий этап анализа (Брушлинский, Поликарпов, 1999; Знаков, 2016). В исследованиях, выполненных под научным руководством Матюшкина, проведен цикл работ, посвященный проблемам мотивационно-эмоциональной регуляции мышления в разных ситуациях взаимодействия с другим субъектом решения, показана роль диалога и проблемных вопросов как стимулов решения проблемных задач и факторов развития в онтогенезе (Матюшкин, 2017).

Заключение

Согласно положениям научной школы С. Л. Рубинштейна, продуктивность мышления связана не столько с объектом — объективной новизной и сложностью проблемной ситуации, получаемого результата, сколько с субъектом — переживанием им процесса решения, новизной процесса и результата для него. Разрешение проблемной ситуации характеризуется возникновением и развитием познавательной потребности в решении, переживанием трудности проблемы, необходимостью переосмысления жизненного опыта, профессиональных или других специальных знаний для достижения объективно и субъективно нового и значимого результата. Творческий результат выступает следствием процесса решения, развивающегося как система проблемных ситуаций.

Для разрешения проблемной ситуации и достижения продуктивного решения со стороны субъекта требуется глубина анализа, которая позволяет выявлять существенные стороны объекта и на основе этого осуществлять прогноз, предлагать творческие решения, проявлять интуицию. В основе продуктивного и творческого решения проблем лежит особая включенность личности на каждом этапе, отражающая ее уникальность. Процесс мышления опосредован взаимодействием с другими субъектами, составляя возможный контекст включения объекта в новую систему связей и отношений, развивающих решение.

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Анцыферова Л. И.* Роль анализа в познании причинно-следственных отношений // Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения. Экспериментальные исследования. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 102–122.

- Анцыферова Л. И.* Мудрость и ее проявления в разные периоды жизни человека // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 17–24.
- Богданчиков С. А.* К вопросу о персональном составе школы С.Л. Рубинштейна // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 4. С. 159–179.
- Богоявленская Д. Б.* Интеллектуальная активность как проблема творчества. Ростов-н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1983.
- Брушлинский А. В.* Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979.
- Брушлинский А. В., Поликарпов В. А.* Мышление и общение. Самара: Самарский дом печати, 1999.
- Знаков В. В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Кучинский Г. М.* Психология внутреннего диалога. Минск: Университетское, 1988.
- Матюшкин А. М.* Психология мышления. Мышление как разрешение проблемных ситуаций. М.: ИД «Международные отношения», 2017.
- Матюшкина А. А.* Феноменология решения творческой проблемы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2013. № 3. С. 46–58.
- Матюшкина А. А.* Уровни решения проблемного задания как отражение глубины мышления // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2015. № 3. С. 93–107.
- Матюшкина А. А.* Особенности смыслообразования в совместном решении творческих задач // Актуальные проблемы психологического знания. 2017. № 2. С. 27–39.
- Матюшкина А. А., Кунашенко М. И.* Условия эффективности подсказок в решении проблемных задач научного и художественного содержания // Известия Саратовского университета. Новая сер. «Акмеология образования. Психология развития». 2021. Т. 10. № 1. С. 62–72.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.
- Селиванов В. В.* Мышление в личностном развитии субъекта: Монография. М.–Смоленск: Смоленский гуманитарный ун-т, 2000.
- Славская К. А.* Процесс мышления и использование знаний // Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения. Экспериментальные исследования. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 5–49.
- Ярошевский М. Г.* О трех способах интерпретации научного творчества // Научное творчество. М.: Наука, 1969. С. 95–143.

S. L. Rubinstein's scientific school in the study of productive and creative thinking (after 60-years of XX century)

A. A. Matyushkina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, aam_msu@mail.ru

The issue deals with S. L. Rubinstein's views on the nature of thinking and theory, created by his followers in the development of these ideas – the theory of problem situations (A. M. Matyushkin), the theory of thinking as prognosis (A. V. Brushlinsky), the theory social thinking (K. A. Abulkhanova-Slavskaya); the proceduralprocessual approach to understanding the wisdom of L. I. Antsyferova, the approach of M. G. Yaroshevsky to the study of scientific creativity, the approach of D. B. Bogoyavlenskaya to the study of intellectual activity

and a number of others. Critical questions are highlighted in relation to the understanding of productive thinking as a process of solving problem situations.

Keywords: productive thinking, problem situation, creative problem, stages of solving problem situation, prognosis, social thinking, difficulty of the problem, depth of analysis.

Космос, физика, психология: история одной научной лаборатории

А. А. Понукалин

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет,
г. Саратов, E-mail: ponukalin@yandex.ru*

В статье представлены события и факты, относящиеся к периоду зарождения экспериментальной психологии в г. Саратове, а также люди, которые приняли в этом самое непосредственное участие. Основой данной статьи являются воспоминания, рассказы и труды профессора Алексея Алексеевича Понукалина.

Ключевые слова: синергетика физики и психологии, лаборатория инженерной психологии, история психологии в Саратове.

С ложный, но интересный путь в психологию прошли саратовские ученые-физики, сумевшие в 1972 г. создать на базе НИИ механики и физики СГУ лабораторию инженерной психологии.

Алексей Алексеевич Понукалин еще со школы был увлечен радиолюбительством. Физика и математика были для него приоритетными предметами. Поэтому первые профессиональные шаги были сделаны с учетом этих приоритетов. Он начал трудовую деятельность радистом-электриком и радиомастером. Закончил физфак СГУ по специальности «радиофизика». Работая лаборантом кафедры электроники СВЧ физфака СГУ, был замечен заведующим этой кафедрой профессором В. Н. Шевчиком, который позже стал ректором СГУ. Именно по его указанию в 1964 г. была создана под руководством А. А. Понукалина при НИИ механики и физики СГУ исследовательская спецгруппа, которая занялась проблемами, связанными с био- и психофизикой. Деятельность этой группы позволила позднее создать научную лабораторию, занимавшуюся проблемами биофизики, психоакустики, проектирования приборов. Алексей Алексеевич вспоминал, что эта лаборатория сыграла ключевую роль в его становлении психологом.

Будучи руководителем студенческим строительным отрядом физфака СГУ, А. А. Понукалин направился на строительство Балаковской ГЭС, где познакомился с Р. Х. Тугушевым, который являлся выпускником кафедры радиофизики. У них были близкими интересы в области философии, научной фантастики, тех-

ники, образа жизни, представлений о мире и человеке. Р. Х. Тугушев поражал своей эрудицией, личностными качествами интеллигента, семьянина-хозяйственника, изобретателя. Его тогда смело можно было назвать эталоном нравственности. Между молодыми людьми на многие годы зародилась дружба на духовной основе. Стоит отметить и сходство выбора профессиональной ориентации. Р. Х. Тугушев в 1964 г. закончил физический факультет СГУ по специальности «радиофизика». Затем работал в НИЧ СГУ в должности младшего научного сотрудника, до 1968 г. учился в аспирантуре на кафедре радиофизики, занимаясь проблемами моделирования электромагнитных полей. Был период, когда он перешел работать в Саратовский педагогический институт на кафедру общей физики.

В специальную лабораторию, которая начала заниматься разработкой конструкции Hi-Fi аудиотехники и научно-технической проблемой цветомузыки, учитывая и психофизиологию цветозвуковосприятости, необходимо было привлечь талантливых сотрудников, способных решать сложные научные проблемы. А. А. Понукалин привлек работать в лабораторию (тогда эти направления считались сверхперспективными) своего друга Р. Х. Тугушева. Первая разработка (Hi-Fi НЧ-громкоговоритель) принесла успех молодым ученым. А. А. Понукалин разработал теорию электромагнитного контура излучателя, а Р. Х. Тугушев — полевую теорию акустического излучателя. Построив излучатель на основе собственных изобретений, отправили его на стандартные испытания во ВНИИ радиовещательного приема и акустики (ВНИИРПА) им. А. С. Попова (Ленинград). Созданный прибор поразил и своими характеристиками, и необычностью технических решений. Надо сказать, что полученные новаторские решения затем широко использовались как в отечественной, так и в зарубежной акустике.

Еще одно эпохальное событие способствовало созданию лаборатории инженерной психологии СГУ. В 1967 г. заканчивалась реконструкция здания саратовского драмтеатра им. К. Маркса к юбилею революции. Ф. М. Аронс (вузовский товарищ А. А. Понукалина), который к тому времени стал музыкальным руководителем драмтеатра, рекомендовал Алексея Алексеевича в качестве консультанта по аудиотехнике. Ему пришлось переделывать, а затем переутверждать в Москве техническую документацию по звуковому оснащению театра, в Самарканде отбирать аппаратуру и контролировать ее монтаж на месте. Директор театра В. Т. Токарев высоко оценил вклад в решение, как тогда казалось, неразрешимых проблем и выделил в новом здании помещение для лаборатории.

В 1972 г. ректор СГУ В. Н. Шевчик, зная интересы А. А. Понукалина в области биофизики и психофизиологии, предложил разобраться с проблемой обеспечения практикума по общей психологии для студентов открывшейся новой специальности. До этого к ректору обратился заведующий кафедрой педагогики и психологии СГУ Л. П. Добраев, по инициативе которого и была открыта специальность «психология», с вопросом организации практикума. Этот практикум по своей масштабности и оснащению был не меньше практикума по общей физике на физическом факультете СГУ. Что интересно, раньше в школе изучали психологию, и это позволило А. А. Понукалину принять предложение ректора и организовать оснащение и проведение практикума по общей психологии (аналогичный практикуму в МГУ им. М. В. Ломоносова, некоторая же аппаратура была оригинальной).

Затем он создал еще и спецпрактикум, учебную специализацию и лабораторию по инженерной психологии. Поскольку подготовка психологов была ориентирована на психологию труда и инженерную психологию, нужны были преподаватели и с естественно-научным образованием. Алексей Алексеевич предложил ректору взять на кафедру Р. Х. Тугушева (который возглавил после Л. П. Добраева кафедру, защитил докторскую диссертацию), поскольку после окончания аспирантуры его направили в пединститут, но это бы не позволило ему продолжить работу в лаборатории. Ректор согласился и на кафедре педагогики и психологии стало уже двое ученых-физиков.

Чтобы практикум работал, необходим был специалист, способный создавать приборы, и Р. Х. Тугушев предложил кандидатуру человека из пединститута (физика) — В. В. Козача, который потом внес основополагающий вклад в создание спецпрактикума по психологии труда и инженерной психологии на кафедре. К этому времени он уже занимался изучением проблем суггестии и психологии совместной деятельности операторов. В. В. Козача, в свою очередь, привел на кафедру в качестве инженера еще одного физика С. Маслова, который в дальнейшем полностью посвятил себя изучению аномальных явлений (прославился своими экспедициями, направленными на поиски «снежного человека»). Обеспечением деятельности лаборатории с 1973 г. занимался Юрий Васильевич Пашнин, работавший в университете с 1966 г. и закончивший в 1971 г. физический факультет (СГУ) по специальности «радиоэлектроника». В НИИ механики и физики при СГУ он прошел путь от лаборанта до старшего инженера, являясь ответственным исполнителем по всем научно-исследовательским работам в лаборатории. С 1980 г. работал старшим научным сотрудником НИЧ СГУ по госбюджетной тематике и совмещал работу на кафедре психологии в должности старшего преподавателя, проводя практические занятия по общей психологии. Имеет более 15 публикаций по психоакустике, психологии экспертного оценивания, практической психологии. Так на кафедре оказалось уже пять ученых-физиков. Правда, изначально на кафедре, называвшейся «Педагогика и психология», уже работал еще один естественник — А. Ф. Пантелеев, который начинал заниматься педагогикой. По предложению В. Н. Шевчика из медицинского института на кафедру перешел Е. И. Гарбер, который решил специализироваться в области психологии труда. А. А. Понукалин отмечал, что Е. И. Гарбер разбирался практически во всех отраслях психологии и главным образом в теории, методологии, философских проблем.

В 1972 г. А. А. Понукалин прошел ФПК в МГУ им. М. В. Ломоносова, где был прикреплен к кафедре В. П. Зинченко. Из воспоминаний Алексея Алексеевича: «Он (В. П. Зинченко) поручил мне принять участие в подготовке компьютерной установки к экспериментам. Одновременно мне казалось необходимым проверить возникшую у меня гипотезу. Изучая труды И. М. Сеченова, я обратил внимание на кибернетический характер системного устройства, которое он назвал «Щупалом». Это рука, как часть тела, снабженная (на кончиках пальцев главным образом) симбиозом чувствительных и моторных компонентов системы, функционирующих в процессах освоения окружающей среды одновременно. При этом субъективный образ осваиваемого возникает не только посредством чувственно-го отражения, но и посредством механического воздействия на него.

По аналогии, в отношении к органу зрения, должен существовать подобный синтез, но уже в области ЭМ-волн. Значит, нужно попытаться обнаружить соответствующее излучение органа зрения в ситуации восприятия (т. е. когда возбуждены рецепторы сетчатки глаза). В. П. Зинченко разрешил проверить гипотезу и дал указание А. И. Назарову обеспечить необходимой аппаратурой и условиями (эксперимент следовало проводить в идеально затемненном помещении). В комплект установки было необходимо включить основные узлы – светодиодный индуктор и широкополосный ФЭУ, согласованный с усилителем и осциллографом с памятью, выделенным мне и совершенно уникальным на то время. Сообщил об этом в Саратов В. В. Козаче, и он привез все необходимое, изготовив своими руками эти узлы. Его уникальные способности проявлялись в том, что он не пользовался схемами и проектами, он сразу изготавливал то, что нужно, каким бы сложным оно ни было. И это, как не покажется странным, работало. Так и в данном случае удалось обнаружить эффект регистрации наведенного излучения (именно от глазного яблока испытываемого вдоль оптической оси), по поводу чего, например, Б. Величковский сказал тогда, что вряд ли психологи поверят в это» (А. А. Понукалин).

Еще один интересный «физический след» в психологии. Для практикума А. А. Понукалиным была разработана и изготовлена довольно простая установка бесконтактной регистрации волевых проявлений и их развития. Использовался уникальный в то время кристалл ниобата лития в качестве чувствительного элемента. Его изучением занимался аспирант физфака СГУ А. Веселов, который еще студентом был привлечен к работе лаборатории инженерной психологии. Регистрация волевых проявлений свидетельствовала о том, что их физические действия необъяснимы в рамках физической теории свойств используемого кристалла, о чем говорил А. Веселов как специалист в этой области. Он утверждал, что подобные проявления, регистрируемые физическим прибором, невозможны.

Новая эпоха в развитии лаборатории инженерной психологии связана с Ю. М. Забродиным, который в то время был заместителем директора ИП АН СССР. Тогда и начался период разработки проблем психоакустики в контексте психофизики. Огромное значение имело сотрудничество и совместная работа с В. Н. Носуленко и А. П. Пахомовым, а также другими сотрудниками Института психологии. Новым содержанием наполнилось продолжение работ с ВНИИРПА им. А. С. Попова под руководством Ю. М. Забродина. И тут синергетика физики и психологии породила возможность исследования космоса. Изучались проблемы психологии восприятия шумов в акустических условиях кабины космического летательного аппарата. Разрабатывалась теория и практика акустических программ психологической поддержки и разгрузки для космонавтов. Это сотрудничество привело к тому, что в 1979 г. А. А. Понукалин защитил кандидатскую диссертацию по психологии труда и инженерной психологии под руководством Ю. М. Забродина в ИП АН СССР на тему «Психологические особенности оценки сложных сигналов». Там же и по той же специальности в 1982 г. защитил диссертацию Р. Х. Тугушев – «Психофизическое шкалирование при диагностике индивидуальных характеристик в трудовой деятельности». Вообще А. А. Понукалин причислял себя к научной школе Ю. М. Забродина. Многие сборники научных трудов, издававшихся в СГУ, выходили под редакцией Юрия Михайловича. Здесь

вполне уместно заметить, что выделение всей совокупности научных школ, сформировавшихся в Институте психологии РАН, впервые было реализовано в 2012 г. в связи с 40-летием создания Института (подробнее см.: Журавлев, Кольцова, 2012). Среди основных 15 научных школ была названа и школа Ю. М. Забродина в области психофизики. В истории развития психологии в СГУ имелась в виду научная школа Ю. М. Забродина прежде всего в области инженерной психологии и психологии труда, даже шире — в психологической науке в целом.

В 1983 г. новый ректор СГУ А. М. Богомолов привлек А. А. Понукалина и Р. Х. Тугушева к исследованию проблем искусственного интеллекта. Они приняли самое активное участие в разработке данного направления в контексте психологии и математики.

Особое значение для перспектив развития лаборатории А. А. Понукалин придавал сотрудничеству с военными училищами. Это и ракетно-зенитные училища, и вертолетное, и училище МВД, а также с промышленными предприятиями, что позволило организовать практику психологам, где студенты выполняли исследования в рамках дипломных работ (в основном по психологии управления). После того, как открыли аспирантуру по психологии, появились первые аспиранты, которые включились в работу лаборатории.

В лаборатории инженерной психологии СГУ в конце 1980-х годов проводили эксперименты, имеющие целью установить, возможна ли передача на расстояние субъективного образа представления, удерживаемого в сознании и мысленно направляемого участникам испытания.

По данным эксперимента, который в разных модификациях затем повторялся в различных условиях, включая вариации расстояния, времени и умственных действий участников испытаний, был установлен факт передачи психического образа на расстоянии непосредственно без применения какого-либо технического устройства и известного физического посредника. Тем самым стало понятно, что существует некая субстанция, способная выполнять операции передачи психических образов от одного человека другому. Был сделан вывод, что психический образ (предметное содержание сознания) может «перемещаться» в физическом пространстве (материальном субстрате по Р. Декарту) или в своей «копии» выходить за пределы, если они существуют, индивидуально сознания.

В конце 1980-х годов, по инициативе В. Н. Носуленко (в период с 1983 по 1990 г. — ученого секретаря Института психологии АН СССР), началась новая эпоха работы в области психокибернетики. Этот период был сложным для всей страны, тем не менее была проведена конференция по возможностям исследовательской сети, руководимой В. Н. Носуленко. В конференции приняли участие, кроме Ю. М. Забродина и его команды, директор НИИОПП РАО А. М. Матюшкин, начальник Института авиационной и космической медицины МО РФ В. А. Пономаренко, заместитель директора Института психологии РАН В. А. Бодров. По тематике конференции был издан сборник научных трудов — Психология труда в условиях проблемных ситуаций, 1996 (Отв. ред. А. А. Понукалин).

Приведу высказывание Алексея Алексеевича, которое, на наш взгляд, определяет связь физического и психического миров: «В конечном счете, когда образовательный процесс на кафедре нормализовался, Л. П. Добраев направил нас (меня и Р. Х. Тугушева) сдавать кандидатский экзамен по общей психологии в Научно-

исследовательский институт общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР. Вспоминаю, как Рашид Хасьянович очень добросовестно изучал предмет. Мне же было как-то смешно осваивать некоторые истины, которые в психологии выдавались за категории. Вообще отношение физиков к психологии в те времена было отношением к „разговорному жанру“. Только потом стало понятно, что психологическое знание неисчерпаемо и по своей сложности выходит за границы знания физического» (Об особенностях психологического знания см. также: Психологическое знание..., 2018, 2021; Разработка понятий..., 2021; и др.).

Литература

- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* К 40-летию Института психологии РАН и 85-летию со дня рождения Б. Ф. Ломова // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 4–6.
- Южанинова А. Л.* История саратовской психологической школы в лицах. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2018.
- Психология труда в условиях проблемных ситуаций: Межвуз. сб. науч. трудов / Отв. ред. А. А. Понукалин. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1996.
- Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
- Разработка понятий в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. Т. 3. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.

Space, physics, psychology: the history of a scientific laboratory

A. A. Ponukalin

Saratov National Research State University, Saratov, ponukalin@yandex.ru

The article presents events and facts related to the period of the birth of experimental psychology in the city of Saratov, as well as people who took a direct part in it. The basis of this article is the memoirs, stories and works of Professor Alexey Alekseevich Ponukalin.

Keywords: synergetics of physics and psychology, laboratory of engineering psychology, history of psychology in Saratov.

Формирование научной традиции историко-психологических исследований в Психологическом институте в период 1920–1990-х годов

О. Е. Серова

*ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования»,
Москва, s_olga953@mail.ru*

Показан путь развития истории отечественной психологии как одной из ведущих дисциплин в научной деятельности Психологического института. Определены особенности понимания исторического элемента в составе психологического знания на разных этапах становления культуры психологических исследований. На основе анализа содержания научных публикаций ведущих ученых московской психологической школы показана динамика порождения и усвоения смысловых инноваций, обеспечивших поступательное развитие исследовательской работы в ракурсе истории психологии с конца 1930-х годов. Подчеркнуто непреходящее значение историко-психологических исследований как фактора воспитания культуры исторического сознания личности и общества.

Ключевые слова: история психологии, история отечественной психологии, Психологический институт, Кабинет истории психологии, методология историко-психологических исследований, саморефлексия и самоидентификация психологической науки.

В связи с задачей изучения челпановской традиции Московской психологической школы, поставленной перед группой истории отечественной психологии ПИ РАО (Е. П. Гусева, О. Е. Серова), в 2018–2019 гг. было проведено исследование «Проблемы истории психологии в трудах ведущих ученых московской психологической школы XX в. (до 1990-х г.)». Для научного анализа был выбран материал того периода российской истории, когда психологическая наука в стране работала в формах, — для кого-то более, для кого-то менее, — но в целом отвечавших историческим представлениям о специфике существования науки как квинтэссенции интеллектуальной культуры и, соответственно, приходила к творческим достижениям, аутентичным контексту своих целей и задач. В ходе проведенного исследования был восстановлен содержательно-методологический континуум проблемного поля историко-психологических разработок ученых Психологического института. В настоящей статье полученные результаты будут представлены в иной акцентировке, позволяющей проследить путь истории психологии в Психологическом институте и развертку во времени феноменов углубления научной рефлексии роли исторического исследования для развития отечественной психологической науки и дифференциации понимания универсального значения его уникальных задач.

В Психологическом институте с первых лет его существования историко-психологическая проблематика выступала предметом научного анализа, ее изучение

считалось одним из ведущих направлений в деятельности многих его сотрудников, и в исследуемый период историко-психологическая работа практически всегда имела специальное организационное оформление: с 1921 г. работала секция общей психологии и истории психологии, ею руководил директор Института Г. И. Челпанов; в 1934 г. начал работу кабинет по истории и теории психологии, его возглавил директор института, В. Н. Колбановский; в 1938 г. был организован кабинет истории под руководством Н. А. Рыбникова; с 1952 г. работал сектор истории психологии, который возглавлял М. В. Соколов; и только в период с 1924 до начала 1930-х годов, когда состояние самого научного учреждения впоследствии определялось как «граничащее с катастрофой», не было предусмотрено структуры для исследований по истории психологии.

Возможность последовательной реконструкции пути истории отечественной психологии в Психологическом институте для нас открывают труды его сотрудников (в алфавитном порядке): В. А. Артемова, П. П. Блонского, Л. С. Выготского, М. Д. Громова, В. В. Кардашева, К. Н. Корнилова, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии, А. А. Никольской, С. Л. Рубинштейна, Н. А. Рыбникова, А. А. Смирнова, М. В. Соколова, А. В. Петровского, Б. М. Теплова, Г. И. Челпанова, Л. М. Шварца, М. Г. Ярошевского и др. В объеме статьи континуум исторического пути историко-психологических исследований может быть представлен лишь выборочно и в максимально сжатом виде.

Основание и логика подхода к историко-психологическому исследованию в Психологическом институте и, шире — в русской психологической науке как самостоятельной отрасли научно-академического знания — были заложены Г. И. Челпановым. В его научных трудах теория и история выступали интегративным целым, без истории психологической науки для него не было и самой психологической науки. Этот подход с предельной очевидностью предстает уже в одной из ранних его работ «Мозг и душа» (1890). Сформулированный Челпановым вывод о метафизической природе материализма, благодаря которому он выдвинулся как ученый в один ряд с самыми знаменитыми философами, а его книга заслужила оценку лучшей из критических сочинений о материализме в мировой литературе, целиком вырос на историко-психологическом фундаменте. Историко-психологический экскурс в работе, с одной стороны, отличает цельность и законченность, и потому историко-психологическое содержание воспринимается как самостоятельное завершённое исследование, в аналитическом поле которого автору удалось сформулировать обоснование своей критической позиции по отношению к целостной совокупности материалистических теорий разных эпох, по сути отличающихся только формой выражения основной мысли, но одинаково твердо базирующихся на едином представлении о первичности материи. С другой стороны, исторический формат исследования Челпанова сугубо функционален и направлен на разрешение одной из актуальнейших на период XIX–XX вв. конкретных научных проблем. Точно так же в фундаментальном труде «Проблемы восприятия пространства» (1896) Челпанов мощно использует функционал исторического исследования, проведя анализ всех существующих на тот исторический период учений о пространстве для решения конкретной общепсихологической задачи (как было показано в наших исследованиях 2011–2014 гг.). Этот же принцип исследования ключевых вопросов психологии является стержневым и в рабо-

тах 1920—1930-х годов («Психология и естествознание», «Психология и марксизм», «Психология или рефлексология», «Социальная психология или „условные рефлексы“?» «Спинозизм и материализм»). Таким образом, научные труды Челпанова всегда отличал тщательно выполненный историко-психологический анализ, и всегда существенно понимание современных философско-психологических проблем обеспечивалось в его исследованиях их историей. Отношение Челпанова к истории как корневой и неотъемлемой составляющей научно-психологического знания, его особое отношение к специфике «русской психологии», скрупулезность и логическая неопровержимость его историко-критического анализа были преемственно усвоены его учениками Н. А. Рыбниковым, А. А. Смирновым, Б. М. Тепловыми и составили основание научной традиции Психологического института, в дальнейшем обеспечив высокий уровень исследований по истории отечественной психологии, когда они (начиная с 1938 г.) приняли форму самостоятельного направления.

После изгнания Челпанова из Психологического института научный коллектив включился, как в свое время писал Рыбников, «в борьбу за психологию, руководимую марксистско-ленинской теорией и проводящую большевистскую партийность в науке» (Рыбников, 1952), и с 1924 г. Институт находился в состоянии перманентно проводимых реорганизаций, смены руководящих лиц и научных направлений. История психологии исчезла не только как наименование структурного подразделения, но и как направление *научного* поиска, ведь в исследовательском процессе практически был нивелирован логико-научный аспект и возобладали социокультурный и личностный аспекты. Логика научного анализа психологических явлений, исходящая из объективных законов бытия и нравственного смысла содержания национальной историко-интеллектуальной традиции, стала невостребованной, и ее место занял эрзац ситуативной логики, исходящей из содержания идеологических конструктов и задач социального переустройства. Теперь обращались не к истории науки, а к ее социальной истории. В целом в публикациях, содержащих описание развития психологии во времени, был представлен историографический обзор состояния процесса институализации психологии как материалистической науки в форме авторских интерпретаций и количественных отчетов, очень полезных с точки зрения констатации научных и социальных реалий того периода, но не обладавших логически значимым методологическим потенциалом для дальнейшей разработки предмета психологии в его полноте и развития направления истории психологии. Значимые прогностические тенденции можно выделить в статье Л. М. Шварца «Психология» (1931), на нее также обратил внимание в своей монографии 2018 г. С. А. Богданчиков. Шварц продемонстрировал приверженность тем методологическим принципам, которые впоследствии были закреплены в качестве основных в историко-психологических работах А. А. Смирнова, Б. М. Теплова, М. В. Соколова и др., как это будет показано далее. Но в 1930-е годы господствовали иные тенденции, и общая скудость научно-методологического потенциала идеологически ориентированных разработок скоро сказалась на результатах исследований созданного в эти годы кабинета истории и теории психологии. В его планах на 1935—1936 гг. были означены крупные темы — изучение проблемы материального субстрата психики и проведение критического пересмотра основных направлений в исто-

рии психологии, однако именно «историко-психологическую тему реализовать не удалось» (Рыбников, 1952, л. 31).

С момента организации в 1938 г. кабинета истории психологии под руководством Рыбникова, соратника Челпанова в деле создания Психологического института, историко-психологическая работа оформилась в самостоятельную научную дисциплину в русле общепсихологических исследований — историю отечественной психологии: ведь именно Рыбников, как подчеркивал Смирнов, впервые поставил вопрос о необходимости изучения истории русской и советской психологии. Документы архива РАО (Ф. 82, оп. 3) — впервые представленные в 1997 г. М. Э. Боцмановой и Е. П. Гусевой — помогают нам сегодня восстановить исходный контур научно-организационных задач направления истории отечественной психологии.

Деятельность кабинета истории развивалась по следующим направлениям, в аутентичных терминах Рыбникова — «научно-исследовательская», «архивно-документальная» и «информационно-справочная» работа.

Научно-исследовательская работа включала три формы исследований:

1. Историографические исследования — в его рамках проводилась подготовка историографических обзоров развития отечественной психологии и ее отраслей за 200 лет; этот ракурс работы был отражен Рыбниковым в статье «Историография советской психологии» (1943).
2. Историко-психологические исследования были направлены на воссоздание генезиса русской психологической мысли с привлечением материалов XVIII—XX вв.
3. Исследования «частных вопросов истории психологии», проводившиеся по запросу различных государственных учреждений: так, в связи с восстановлением психологии в учебных курсах, была выполнена работа по аннотированию и пересмотру программ и учебников по психологии и написаны «История преподавания психологии в средней школе (1940)», «История преподавания психологии в высшей школе (1943)» и «Московский университет и его роль в развитии психологической науки» (1944).

По замыслу организатора кабинет истории психологии выступал инициатором и куратором всей историко-исследовательской работы Института, и исследования, например, В. А. Артемова или Б. М. Теплова 1940—1950-х годов проводились, как писал Рыбников, «при участии» кабинета истории, т. е. опирались на исторические материалы, собранные в рамках его деятельности. В числе исследований, автором которых выступал Рыбников, — «Новаторские тенденции русской детской и педагогической психологии» (ее результаты были представлены на научной сессии АПН в 1944 г.), исследование «О предмете и задачах психологии», «Об истории русской психологии», «История советской психологии», психологические взгляды А. Н. Радищева и В. Н. Татищева, «Чехов как психолог детства» и др., большей частью не опубликованные, хранящиеся в рукописях.

«Архивно-документальная работа» была направлена на формирование коллекции материалов научного архива и включала деятельность по собиранию, хранению, систематизации и научному анализу документов по истории психологии.

В кабинет поступали документы съездов, научных сессий, конференций, на их основе Рыбников подготовил исследовательский отчет «Психологичес-

кие съезды и конференции (1906–1946)». Поступали личные документы ученых, и все сведения, подчерпнутые из них, служили материалом для написания «Библиографического словаря русских психологов (1949), к нему были составлены картотека, алфавитный и именной указатели на 750 персоналий за период 1748–1948 гг. Эту работу Рыбников считал одной из самых «важных задач работы по истории отечественной психологии» (Рыбников, 1952, л. 91). Ученым была подготовлена рукопись монографии «Материалы и источники истории психологии» (там же, л. 88). Под его руководством сотрудником М. Д. Громым был проведен анализ документов Московского психологического общества и по его результатам написаны главы монографии о предмете психологии и разработке проблемы воли в трудах Московского психологического общества.

«Информационно-справочная» работа имела целью составление психологических библиографий различных типов (хронологических, тематических, авторских и т. д.), которая требовала постоянного притока информации с мест. Для обеспечения информационного взаимодействия кабинет истории психологии проводил работу по объединению вокруг Института психологов из всех регионов страны, поддерживал научно-административные связи со всеми научными центрами СССР. Начиная с 1939 г., в журнале «Советская педагогика» публиковались специальные сводки «Тематика работы советских психологов». В 1956 г. Рыбников напечатал обобщающую статью «К истории психологической библиографии».

Важным аспектом в деятельности кабинета было рецензирование диссертаций, в числе которых можно назвать «Формирование научной психологии в СССР» Б. Г. Ананьева (1940), «Основные направления в психологии» П. М. Рубинштейна (1941), «Очерки по истории русской психологии» Э. Л. Беркович (1940), «Психологические воззрения А. И. Радищева» А. В. Петровского (1950) и др.

Проводился сбор стеновых материалов, отмечались все знаменательные даты в истории психологии. Обязательными были заседания кабинета, на которых проблемы истории психологии обсуждались сотрудниками Института и приглашенными специалистами.

В планах Рыбникова значились организация консультационно-информационного и библиографического бюро, укрепление работы по установлению взаимосвязей с зарубежными коллегами, увеличение штатов сотрудников.

Исходя из содержания протокола заседания Ученого совета (1946), на котором Рыбников выступил с отчетом, можно сделать вывод о заинтересованном и конструктивном отношении к истории психологии в Институте: коллеги были уверены в важности изучения истории психологической науки, отмечали объем работы кабинета истории, однако в целях повышения ее качества предлагали сузить рабочие задачи и сосредоточиться на формировании научного архива как исходной базы научных исследований; комплектование штатов предлагалось не только техническими, но старшими научными сотрудниками путем их перевода из лабораторий, в методологическом плане было предложено проведение сравнительных историко-психологических исследований, в которых развитие отечественной психологии вписывалось бы в контекст развития мировой психологической науки (Протокол № 4, 1946).

Искренний патриотизм и горячая убежденность Рыбникова в оригинальности и самобытности русской психологии с самых первых ее шагов (которую отме-

тили в своей статье 2013 г. современные исследователи В. А. Кольцова и О. А. Артемьева) была внутренним стимулом его «исключительной работоспособности и богатейшей инициативности», по определению Б. М. Теплова, позволяя справляться с огромным объемом научной и организационной работы, в результате которой, как подытожил С. Л. Рубинштейн, ни одна другая дисциплина в СССР не имела «столь превосходно организованного органа по своей истории», какой имела психология «благодаря неумолимой деятельности профессора Н. А. Рыбникова» (НА РАО, ф. 82, оп. 1).

Из содержания историко-психологических исследований сотрудников Института можно выделить определенные смысловые инновации, усвоение которых обеспечивало истории психологии последовательно продвигаться по пути возрастания в качестве самостоятельной научной дисциплины.

Выявление социокультурного и научно-профессионального запроса на формирование направления отечественной истории психологии

Впервые задача истории психологии была сформулирована как общий итог анализа тематики работ советских психологов за период 1938—1939 гг. в процессе историографического исследования, выполненного Рыбниковым (Рыбников, 1939). Общий массив базового информационного материала был классифицирован ученым по 17 разделам, внутри которых была проведена систематизация на основе ранжирования по отраслевому и количественному признакам, показавшая уровень тематической представленности отраслей психологии в общем объеме исследований конца 1930-х годов. Завершающий анализ фактического материала позволил сделать вывод об окончании времени «пренебрежения данными отечественной психологической мысли», так как отчетливо выявил одну из отличительных черт в развитии науки того периода — подъем интереса к истории психологии, осознание научным сообществом необходимости собирания, систематизации и обобщения материалов по истории нашей науки.

Научная переоценка материалов и источников отечественной психологии, подвергшихся идеологическому клишированию

Первые подступы к этой проблеме находим в статье В. А. Артемова «Психология в СССР за 25 лет» (1942), в которой обязанность констатации места научной разработки в антиномическом противостоянии материализма и идеализма для установления ее научной ценности привела автора к тщательному рассмотрению факторов логико-научного и социокультурного ряда и выводам об отсутствии корреляции между профессиональным или дилетантским толкованием психологического материала и принадлежностью автора этих толкований к идеалистическому или материалистическому направлению в дореволюционной науке, а также об *относительно* прогрессивном характере установок противников научной позиции Челпанова, т. е. к выводам, обозначившим новые возможности анализа проблемного поля отечественной психологии. В статье была подчеркнута роль специализированного кабинета истории, созданного Рыбниковым, как центра

историко-психологических исследований, в числе достижений которого к началу 1940-х годов автор назвал доказанность самобытного характера исканий русской психологии, широты и научной ценности ее документальной базы, применение исторического подхода к изучению генезиса научного психологического знания, который позволил повести объективную оценку хода его развития, а также создание методологии анализа истории зарубежной психологии.

Определение одной из ведущих тем историко-психологических исследований – историческая преемственность проблем науки и практики в советской психологии

Детерминантами осознания данной проблемы послужили экстремальные условия войны, впервые доказательно эта мысль была проведена в статье С. Л. Рубинштейна «Советская психология в условиях Великой Отечественной войны» (1943). Выявление преемственности проблем науки и практики – это ведущая линия исторического очерка Рубинштейна. По выводам автора, психология в СССР была сформирована как результат понимания, с одной стороны, великой жизненной силы традиций в науке, с другой – необходимости устранения тормозящих ее развитие установок, и уже на исходных позициях строилась как «реальная» наука, ориентированная на изучение психики в конкретных условиях деятельности человека. Потому психология оказалась как в теоретико-методологическом, так и в прикладном аспекте готова к решению задач военного времени. В деятельности ведущих ученых Психологического института – при разработке методов борьбы с ослеплением глаз (С. В. Кравков), обучения и формирования навыков летного дела (Е. В. Гурьянов), восстановления бое- и трудоспособности раненых (А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев) и др. – была соблюдена неразрывность целей научного познания и практической помощи людям. По заключению Рубинштейна, время практических испытаний для научной психологии выдвинуло задачу углубленного исследования самобытных черт истории отечественной психологической науки в ряд особо актуальных. Осмысление роли и значения историко-психологических исследований в преодолении «чудовищно опустошенного и изуродованного представления о человеке и его сознании» и «всех тех теоретических предпосылок, на основе которых оно могло сложиться», контекстно связанное с арсеналом немецко-фашистской идеологии, сегодня подлежит более широкому толкованию и обретает высокую методологическую актуальность в современных условиях формирования образа «глобального человека» и обесценивания смысла общепсихологических исследований.

Формирование проблемного поля истории отечественной психологии

Начало его систематической разработки было положено в статье А. А. Смирнова «Советская психология за 40 лет» (1957). Как показали наши исследования 2019–2020 гг., была предложена группировка проблем по трем аспектам: историко-психологические проблемы, конкретные проблемы психологических исследований, проблемы отраслей психологии. В аналитическом рассмотрении

историко-психологических проблем автор сумел выделить ряд основополагающих для дальнейшего развития психологии теоретических вопросов, выдвинул проблему адекватной оценки научного вклада ученых-зачинателей марксистской психологии, сформулировал нравственно-воспитательную цель советской психологии — всестороннее развитие личности. При анализе второго аспекта проблемного поля психологии было проведено описание состояния изучения познавательных процессов, мотивационной сферы личности, одаренности, определено значение исследований типологических особенностей высшей нервной деятельности как фундамента для изучения индивидуально-психологических различий людей. По третьему аспекту проблем автор предоставил анализ вопросов детской и педагогической психологии, психологии труда и спорта, патопсихологии и зоопсихологии, истории психологии. Был подчеркнут интерес советских ученых к истории психологической мысли в России, начиная с XI в., и возрастание числа историко-психологических работ, принадлежащих представителям разных национальностей. Смирнов выступил за искоренение идеологической предвзятости при анализе научных заслуг и невнимания к исследованию истории зарубежной психологии.

Разработка научно-методологических положений историко-психологических исследований

Эта тема выступила основной в работе Б. М. Теплова «О некоторых общих вопросах разработки истории психологии» (Теплов, 1960). Для Теплова эффективность разработки историко-психологической проблематики напрямую коррелировала с уровнем фундаментальности искомым научным результатам в любой области психологического знания. Роль истории психологии определялась общей для науки особенностью — ее кумулятивным характером. Теплов был убежден, что история науки как мостик соединяет современного исследователя с богатством научной традиции, позволяет в ходе теоретического анализа исторических альтернатив в методологии прийти к правильной оценке исторического опыта науки и выбрать адекватный путь для разрешения конкретной исследовательской задачи, развивая контекстный взгляд на явления науки. Теплов выдвинул перед отечественной историей психологии масштабную цель — быть историей развития системы науки, поскольку подлинная научная система является теоретическим осмыслением всей совокупности достигнутых знаний. Не изучив хода развития науки, нельзя строить систему этой науки, потому реальная система может вырасти только на историческом фундаменте. Методология истории психологии должна опираться на комплекс методов философии и естествознания, поскольку сама история науки — это не галерея взаимоисключающих теорий, а единый процесс, любой момент которого опирается на предшествующие этапы. Потому изучение истории мировой и отечественной психологической и науки — взаимосвязанные моменты, и критика автора была направлена на историков, пренебрегающих кросс-культурными исследованиями. Ученый предостерегал от навешивания идеологических ярлыков и механического переноса оценок мировоззрения того или иного автора на оценку значимости его открытий в науке. Теплов выступил за привлечение в исследование широкого спектра исторических материалов,

позволяющего показать динамику развития психологической мысли, и за преодоление узкоспециального и статичного подхода к ее рассмотрению.

Расширение границ историко-психологического анализа и введение новых источников психологического знания

В работе, направленной на изучение истории психологических воззрений в России XI–XVIII вв. (Соколов, 1963), впервые в советской научной психологии была выдвинута проблема духовно-религиозных корней психологической науки, и, как показало наше исследование 2014 г., она получила логическое подтверждение в исследовании, построенном с применением разработанной автором трехаспектной модели анализа исторического материала. Соколовым были предоставлены доказательства несостоятельности сконструированного идеологами представления о формировании психологической культуры на Руси лишь с момента распространения материалистических идей в период XVIII в., показано, что именно утверждение христианства в его византийской форме пробудило новые потребности, заставив русского человека задуматься над вопросами устроенности его внутреннего мира, обсужден факт преемственности материалистических теорий XVIII в. с учениями первых еретиков, развенчан миф о невежестве русских людей допетровского времени и на основе анализа памятников древнерусской письменности выявлен высокий уровень и самобытный характер русской образованности. Было доказано, что первым отечественным психологом должен быть признан преп. Нил Сорский (XV в.), оставивший последователям учение о человеческих страстях, во многом опирающееся на опыт эмпирических наблюдений и впоследствии положившее начало разработке проблем эмоционально-волевой и мотивационной сферы личности. По выводам Соколова, философская интерпретация фундаментальных вопросов психологии была предложена в сочинениях другого выдающегося мыслителя нашего отечества — преп. Максима Грека (XVI в.), в центре размышлений которого находились вопросы психологии личности и ее формирования. Теоретический уровень его трудов, по выводам Соколова, и выступает реальным показателем самобытно развивающейся психологической мысли на Руси до XVIII в.

Начало формирования направления исторической психологии в русле историко-психологических исследований

Как было показано в наших исследованиях 2019–2020 гг., опубликованный доклад Смирнова «О состоянии научно-исследовательской работы в области психологии» (Смирнов, 1957) по комплексу своих формальных признаков может быть отнесен к исследованиям по исторической психологии и квалифицирован как научный источник по истории развития этого направления в отечественной психологической науке. Ученым был представлен аналитико-информационный срез научных исследований в области психологии в России за период 1953–1955 гг. Введение конкретных пространственно-временных рамок позволило исследователю очертить на общем векторе исторического развития отечественной психологии определенное событийно-информационное поле как объект научного поиска

и акцентировать в качестве предмета изучения целостность психологического содержания конкретного исторического момента. Фактически автором была разработана интеллектуальная карта, отобразившая, каким именно инновационным психологическим знанием обладало российское сознание в данный исторический период. В работе Смирнова в плане исторической психологии представлено профессиональное сознание советских психологов середины 1950-х годов — его содержание и перспективные точки роста.

Создание содержательного и методологического эталона исследований по истории отечественной психологии

Монография Смирнова «Развитие и современное состояние психологической науки в СССР» (1975) представляет собой самый значительный по объему фактически привлеченного к рассмотрению материала фундаментальный труд по истории отечественной психологии. Как было показано в проведенных нами исследованиях 2019—2020 гг., с методологической точки зрения данный труд — это эталон проведения историко-психологической реконструкции. В ее полномасштабном осуществлении не теряется соотношение национального и общемирового в становлении и трансформации научных идей, воспроизводится динамика логического познания и исторического развития социокультурной среды как важного фактора влияния. В корректном и точно составленном динамическом реконструктивном описании Смирнов представил системное изложение исторического вектора результатов теоретико-методологических и научно-прикладных исследований советских психологов, трудившихся не только в столичных, но и в республиканских научно-образовательных центрах. Во всем историко-процессуальном объеме рассмотрено проблемное поле психологии тех лет и отмечены перспективные тенденции его научной разработки. Ученый доказал методологическую правомерность одновременного сосуществования различных подходов к решению научно-психологических вопросов, всесторонне рассмотрел существовавшие в науке на конкретном историческом этапе точки зрения на их изучение и выявил позитивное значение указанного научно-методологического разнообразия для эффективного решения собственно научных и острейших прикладных народнохозяйственных проблем. В данном труде впервые в широком аналитическом диапазоне получил отражение этап научно-организационной зрелости советской психологической школы.

Историко-теоретическое исследование как саморефлексия психологической науки, общегуманитарный смысл исторических экскурсов

В статье А. А. Никольской, посвященной рассмотрению задач разработки истории психологии, опубликованной накануне распада системы советской психологической науки как государственного института и в ситуации культурно-нравственной переориентации общества, проблема исторического исследования приобрела общегуманитарный уровень звучания как проблема пробуждения в обществе исторического сознания и формирования у человека вкуса к историческим экс-

курсам, отсутствие которых, по убеждению автора, чревато невозможностью решения актуальных проблем человечества (Никольская, 1989).

Совсем другой настрой характерен для работ, направленных на изучение вопросов логики историко-психологического познания — относительно независимой от социокультурных изменений внутренней структуры исследования. В совместно выполненных трудах А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского впервые были подвергнуты специальному изучению и приведены к широкому философско-психологическим обобщениям результаты профессиональных достижений отечественных и зарубежных историков психологии. Благодаря деятельности этих ученых история психологии окончательно подтвердила свой статус самостоятельной дисциплины в системе отечественной психологии. Ученые были убеждены: исторический взгляд сравним с самосознанием науки, и так же, как самосознание личности, оно формируется благодаря осмыслению ею своего прошлого. Их книги выдержали не одно издание, но, пожалуй, самая известная из них «История и теория психологии» (Петровский, Ярошевский, 1996). Авторы представили новый подход к исследованию исторического развития психологического познания, позволивший под новым углом зрения проследить эволюцию понятийных структур психологической науки, ее объясняющих принципов и основных проблем, выявить методологическую функцию истории психологии. В главах книги «История психологии — особая отрасль знания», «Категориальный анализ в психологическом познании» 1) был проанализирован ряд уникальных проблем истории психологии, разрешение которых формирует основу ее тематического и методологического фундамента, обуславливает ее дисциплинарную специфику; 2) обоснована эффективность применения метода категориального анализа при работе с базой исторического материала, выполняющего роль логической сетки и действенного средства для определения адекватного пути историко-психологического познания. Т. е. была осуществлена попытка создания теоретической психологии как специальной отрасли, выстроенной в историческом ракурсе и призванной сыграть роль «саморефлексии психологической науки», поскольку, как считали авторы, для того, чтобы история служила теоретическому развитию и разработке актуальных проблем, истории науки следует подвергнуть специальному рассмотрению, в процессе которого должна быть проанализирована сама научная мысль в ее динамике. Работы этих авторов демонстрируют осознанное стремление выстроить доказательную базу для обоснования научного характера истории психологии, для того, чтобы процесс и результаты историко-психологического поиска отвечали всем критериям научного знания.

Заключение

Учеными Психологического института в период 1930—1990-х годов была разработана теоретико-методологическая концепция историко-психологических исследований в российской научной психологии, эмпирическое содержание которой составляли исторические материалы генезиса психологической культуры в России начиная с XI в., и создано новое научное направление в русле общепсихологических исследований — история отечественной психологии. Идея неразрывной сопряженности теории психологии и ее истории, идущая от работ Г. И. Челпанова,

была руководящей для процесса разработки исследовательской стратегии не только в области истории психологии, но и во всей российской психологической науке. Успешность развития психологической науки, ее теории, методологии и прикладных направлений прямо связывалось с развитием исторического самосознания.

Литература

- Артемов В. А.* Психология в СССР за 25 лет // Советская педагогика. 1942. № 10. С. 24–30. НА РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 43.
- НА РАО. Ф. 82, оп. 3, ед. хр. 621. 623, 632–633.
- Никольская А. А.* Задачи разработки истории психологии в России // Вопросы психологии. 1989. № 6. С. 14–22.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* История и теория психологии. В 2 т. Ростов-н/Д.: Феникс, 1996.
- Протокол № 4 Заседания Ученого совета Института психологии от 5 марта 1946 года. НА РАО. Ф. 82, оп. 1, д. 52. С. 64–65. Копия: НА ПИ РАО. Ф. 8. Собрание Кабинета истории психологии «Н. А. Рыбников».
- Рубинштейн С. Л.* Советская психология в условиях Великой отечественной войны // Под знаменем марксизма. 1943. № 8/9. С. 45–61.
- Рыбников Н. А.* Тематика советской психологии (1938–1939 гг.) // Советская педагогика. 1939. № 4–5. С. 166–178.
- Рыбников Н. А.* К истории Института психологии. М., 1952. Рукопись. НА АПН. Ф. 47, оп. 1, ед. хр. 73. Копия: НА ПИ РАО. Ф. 8. Собрание Кабинета истории психологии «Н. А. Рыбников». Л. 1–103.
- Смирнов А. А.* О состоянии научно-исследовательской работы в области психологии // Вопросы психологии. 1955. № 5. С. 38–54.
- Смирнов А. А.* Советская психология за 40 лет. Вопросы психологии. 1957. № 5. С. 9–56.
- Смирнов А. А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М.: Педагогика, 1975.
- Соколов М. В.* Очерки истории психологических воззрений в России XI–XVIII в. М.: АПН РСФСР, 1963.
- Теплов Б. М.* О некоторых общих вопросах разработки истории психологии // Материалы второй Закавказской конференции психологов / Под ред. М. А. Мазманяна. Ереван: Армучпедгиз, 1960. С. 3–13.
- Шварц Л. М.* Психология // Малая Советская Энциклопедия: В 10 т. Т. 7. М.: Советская энциклопедия–ОГИЗ, 1931. Ст. 21–24.

Formation of the scientific tradition of historical and psychological research at the Psychological institute in the period 1920–1990

O. E. Serova

Psychological Institute RAE, Moscow

The article shows the path of the historical development of the history of Russian psychology as one of the leading disciplines in the scientific activity of the Psychological Institute,

defines the features of understanding the historical element in the composition of psychological knowledge at different stages of the formation of the culture of psychological research. Based on the analysis of the content of scientific publications of leading scientists of the Moscow school of Psychology, the dynamics of the generation and assimilation of semantic innovations that have ensured the progressive development of research work in the perspective of the history of psychology since the late 1930s is shown. The author emphasizes the continuing importance of historical and psychological research as a factor in educating the culture of historical consciousness of the individual and society.

Keywords: history of psychology, history of Russian psychology, Psychological Institute, Study of the History of Psychology.

Петербургские истоки психологической школы Саратовского классического университета

А. Л. Южанинова

*ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов,
juzhaninova-alla@yandex.ru*

В статье раскрываются особенности зарождения психологии в Саратовском университете в 1917–1918 гг. Дается обоснование, что до 1930-х годов саратовская университетская психология была воплощением традиций петербургской психологической школы конца XIX–начала XX в. Первыми университетскими психологами в Саратове были ученые из Петрограда С. Л. Франк и А. А. Крогиус. Показано, что в Саратове профессором Франком (1917–1921) развивалась философская психология, а содержание работы профессора Крогиуса (1919–1931) составили экспериментальная психология, тифлопсихология, педология, психотехника.

Ключевые слова: история психологии, Саратовский университет, психологическая школа, петербургская школа, саратовская школа, философская психология, экспериментальная психология, С. Л. Франк, А. А. Крогиус.

С. Л. Франк и философская психология в Саратовском университете

Постановлением Временного правительства России от 01.07.1917 в Саратовском университете был создан историко-филологический факультет, деканом которого в том же году стал философ Семён Людвигович Франк (28.01.1877–10.12.1950), приват-доцент Петроградского университета. С осени 1918 г. на вновь открывшемся факультете профессор Франк начал обучение будущих философов и психологов основам философской психологии и возглавил научную студенческую

работу по этому направлению, став, таким образом, родоначальником саратовской университетской психологической школы.

Как психолог Франк сформировался, работая в 1912–1917 гг. под научным руководством профессора А. И. Введенского на кафедре философии Петербургского (с 1914 г. – Петроградского) университета. Там же Франком была защищена магистерская диссертация, подготовленная им в 1913–1914 гг. во время научной командировки в Германии (Марбург, Мюнхен) и положившая начало развития психолого-философской концепции Франка, представленной в его книгах «Предмет знания» (Франк, 1915) и «Душа человека» (Франк, 1917).

С. Л. Франка можно считать представителем третьего поколения петербургской школы философской идеалистической психологии, создателем которой был М. И. Владиславлев (1840–1890), профессор Императорского Санкт-Петербургского университета, заложивший основы психолого-философского образования в Петербургском университете. Владиславлев первым в России сформулировал понимание психологии как самостоятельной науки, сформировавшейся в рамках философии, и показал историю развития психологической мысли в творчестве философов Платона, Аристотеля, Декарта, Спинозы, Канта, Гегеля и др.

Психологом второго поколения петербургской психолого-философской школы стал ученик и последователь Владиславлева А. И. Введенский, воспитавший на университетской кафедре философии ученых И. И. Лапшина, Н. О. Лосского, А. П. Нечаева, С. Л. Франка, составивших, таким образом, третье поколение психолого-философской школы Петербургского университета.

Франк приобрел глубокие знания в области отечественной и зарубежной философской психологии. Разработанная им психолого-философская концепция, его научное сотрудничество с коллегами по кафедре философии Петербургского университета, преподававшими там как философскую психологию (А. И. Введенский, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский), так и психофизиологию (А. А. Крогиус), а также патопсихологию (С. А. Суханов), его опыт преподавания в Петербургском университете и других столичных вузах (Петербургский психоневрологический институт В. М. Бехтерева, Высшие курсы П. Ф. Лесгафта) составили ту научно-педагогическую основу, на которую опирался Семен Людвигович, начав в 1918 г. приобщение студентов Саратовского университета к философской психологии.

Научная школа вуза определяется как характером проводимых научных изысканий, так и содержанием обучения в данном образовательном учреждении, что расширяет возможности появления приверженцев школы в разных поколениях. Ординарный профессор С. Л. Франк в 1917–1918 учебном году был единственным сотрудником кафедры философии Саратовского университета, имел учебную нагрузку в объеме 6 часов в неделю и читал два лекционных курса – «Введение в философию» (два часа, среда, 11–13 ч.; в качестве пособий использовались: Челпанов. Введение в философию; Лосский. Введение в философию; Паульсен. Введение в философию) и «Логика» (два часа, суббота, 13–15 ч.; пособие: Введенский. Логика как часть теории познания), а также проводил семинарий «Чтение и толкование „Prolegomena ko всякой будущей метафизике“ Канта» (два часа, понедельник, 15–17 ч.) (Обзорение, 2005, с. 26). Совещательный час (консультации, собеседование), а также встречи со студентами на заседаниях руководимого Се-

меном Людвиговичем научного кружка, как и в бытность в Петроградском университете, проводились им после лекции в университете.

О содержательном наполнении лекций по философии для саратовских студентов, отраженном в названиях указанных литературных источников, можно судить и по учебному пособию «Введение в философию», в предисловии которого Франк написал: «В основу предлагаемого „Введения в философию“ положен конспект курса лекций, неоднократно читанного мною сперва в Петроградском, а потом в Саратовском Университете в 1914–1921 гг.» (Франк, 1923, с. 5).

Переехав в 1917 г. из Петрограда в Саратов, Семен Людвигович попытался в новых саратовских условиях сохранить прежнее содержание своей работы, привычный круг общения (многие преподаватели Петроградского университета последовали в Саратов за Франком) и образ жизни, принятый в северной столице, другими словами, воссоздать свой Петербург в Саратове. И поначалу многое ему удалось. Однако с приходом к власти большевиков сложившийся образ жизни, надежды и мечты рухнули, и весной 1918 г. Семен Людвигович преждевременно покинул пост декана историко-филологического факультета Саратовского университета, проработав на руководящей должности всего один учебный год вместо предполагаемых четырех (Гапоненков, 2006, с. 7).

В 1918–1919 учебном году на кафедре философии Саратовского университета трудились уже два профессора: С. Л. Франк и кандидат богословия А. Ф. Преображенский. Семен Людвигович по 2 часа в неделю читал лекции по курсам «Психология» (суббота, 18 ч 40 мин–20 ч 10 мин) и «Социальная философия» (четверг, 18 ч 40 мин–20 ч 10 мин), а также вел семинарий по основным вопросам психологии (2 часа). О содержании учебной дисциплины «Психология» можно получить представление по названным к курсу литературным источникам: Джемс. Психология. — Геффлинг. Очерки психологии; Введенский. Психология без всякой метафизики (Обозрение..., 2005, с. 28). Для сравнения: в 1914–1915 учебном году в Петроградском университете профессор А. И. Введенский вел занятия по дисциплине «Психология» по 4 часа в неделю в весеннем полугодии, пособием для чего служила его книга «Психология», изданная в Санкт-Петербурге в 1914 г. (Обозрение..., 1914, с. 3).

Из воспоминаний Г. П. Иванова, ученика Франка в Саратовском университете, известно, что в 1918–1919 учебном году Семен Людвигович проводил семинар под наименованием «Современные теории познания» по своей книге «Предмет знания», семинар же по психологии он проводил по другой своей книге «Душа человека», в которой, как вспоминал Г. П. Иванов, «он [Франк]... утверждал правомерность идеального учения о душе» (Маслов, 2014, с. 380).

При работе Франка со студентами в Саратовском университете в рамках научного кружка был реализован историко-философский принцип в психологии. Так, в отчете о деятельности кафедры философии за 1918 г., представленном заведующим кафедрой профессором С. Л. Франком, названы имена студентов, подготовивших научные доклады, а также их тематика: «...Студ. Крупянская написала доклад на тему „Понятие психологии по Ганникену“; студ. Богданов „Понятие психологии по Пфендеру“; студ. Руднянский „Учение Штумпфа о явлениях и психических функциях“; студ. Советов, Беркович, Кортнев писали о классификации и анализе психических явлений у Пфендера; студ. Логинов „Самопознание

ощущений и чувства по Липпсу“; студ. Никольская „Учение Пфендера о самосознании и личности“; Степанов — „Основные учения психологии Н. О. Лосского“» (Гапоненков, 2006, с. 8).

Как видно из названий докладов, научную работу студентов в Саратовском университете, руководимую Франком, составили исследования в области истории психологической мысли в философских учениях, или философской психологии, а содержание саратовского учебного курса психологии было схожим с программой одноименного курса, принятой в Петроградском университете.

Таким образом, в преподавании психологии и научной студенческой работе в Саратовском университете Франк во многом воспроизвел традиции, заложенные философскими мыслителями петербургской университетской школы Владиславлевым и Введенским, а также — сложившейся к 1917 г. практикой преподавания психологии в Петербургском (Петроградском) университете, сочетавшей как идеалистический, так и естественно-научный подходы.

В 1919—1920 учебном году С. Л. Франк ограничился преподаванием истории философии в Саратовском университете (Обозрение, 2005, с. 32), а для проведения занятий по психологии в 1919 г. Семен Людвигович привлек к работе на саратовскую кафедру коллегу по кафедре философии Петроградского университета, доктора медицины, приват-доцента Августа Адольфовича Крогиуса (18.03.1871—01.06.1933).

С приходом Крогиуса весной 1919 г. кафедра философии Саратовского университета была переименована в кафедру философии и психологии, а число ее сотрудников в 1919—1920 учебном году увеличилось до четырех человек: профессора А. А. Крогиус (с 13 мая 1919 г. — заведующий кафедрой философии и психологии), С. Л. Франк и Н. С. Арсеньев, а также преподаватель В. Э. Сеземан (Обозрение..., 2005, с. 32).

Талантливый человек, Франк и сотрудников кафедры подбирал одаренных интеллектуально и духовно, известных ему по работе в петербургских вузах, а кроме того, близких ему по профессиональному и жизненному мировоззрению. Так, Крогиуса он знал не только по совместной работе на университетской кафедре Введенского, но и по Психоневрологическому институту, руководимому В. М. Бехтеревым, а также Высшим курсам П. Ф. Лесгафта. Кроме того, Франка и Крогиуса объединяла дружба с А. Ф. Лазурским, учеником и соратником Бехтерева по Военно-медицинской академии. В философском учении Сеземана Франку была близка идея иррационального во взаимоотношении с рациональным, разрабатываемая на основе синтеза платонизма русской философии, восходящего к святоотеческой традиции. Идеи философа и историка религии Арсеньева были близки Франку как религиозному философу и как духовно-ориентированному психологу.

В научном отношении саратовский период в жизни Франка не был особенно продуктивным: за все четыре года, проведенные в Саратове, им была опубликована единственная статья «Из глубины», напечатанная в Москве в 1918 г. в одноименном социально-политическом философском сборнике, в котором представлено понимание судеб России и революции. Авторами сборника стали С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В. И. Иванов, А. С. Изгоев, С. А. Котляревский, В. Н. Муравьев, П. И. Новгородцев, И. А. Покровский, П. Б. Струве, С. Л. Франк. Сразу же после опубликования сборник был запрещен большевиками к распро-

странению. В своей статье Франк тогда еще выразил надежду на «выздоровление» России. «Крушение кумиров» в его сознании произошло позже, после того, как ему пришлось скитаться с семьей из-за голода по саратовской глубинке, осенью 1921 г. покинуть Саратов, уехать в Москву, оказаться в в московской тюрьме, а в 1922 г. и вовсе быть изгнанным из России вместе с другими выдающимися российскими философами.

Главным наследием саратовских психологов (и их учеников), полученным от Франка, дворянина во втором поколении, стал пример его беззаветного служения делу жизни — научному творчеству, пронизывавшему все существо мыслителя, приближавшему Царство истины, повышавшему уровень культуры окружающих и преодолевавшему всяческое невежество, наполненному идеалом подлинности и осмысленности жизни, строгости науки в соединении с вдохновенным поиском жизненной правды (Франк, 1917, с. V).

Будучи изначально философом, Семен Людвигович выделял основополагающую роль теории и методологии, философских основ для формирования психологии как науки. При этом он показал необходимость реализации принципов историзма, развития, подчеркивая важность прилежного изучения древних философских традиций, трудов классиков. Кроме того, он использовал опыт и сохранившиеся традиции американской, европейской и российской психологии, дополнив эти познания о душе духовным опытом.

Отказавшись от альтернативного мышления в пользу сопрягающего, опираясь на разработанный им принцип всеединства, Франк показал необходимость развития всех имеющихся направлений и отраслей психологии (философской, экспериментальной, социальной, клинической, физиологической, психофизической и др.). Своих учеников он учил критически осмысливать научные изыскания и теории, ничего не брать на веру, проявляя самостоятельность мысли и творчества (Аврус, 2011, с. 69).

Едва ли саратовский период своей жизни Семен Людвигович в житейском и научном (но не духовном) смыслах считал успешным. Однако для саратовской психологической школы пребывание ученого такого грандиозного масштаба у ее истоков было бесценной удачей.

А. А. Крогиус: экспериментальное и педологическое направление саратовской университетской психологической школы

К 1919 г. А. А. Крогиус был уже психологом с европейским именем, родоначальником отечественной экспериментальной тифлопсихологии, стоявшим в начале 1900-х годов у истоков зарождения и становления российской экспериментальной педагогики и педологии.

Потомственный дворянин, выпускник медицинского факультета Юрьевского университета (1898), врач-психиатр, Крогиус в 1909 г. защитил докторскую диссертацию по медицине в Петербургской военно-медицинской академии (Крогиус, 1909). В качестве экспериментального психолога Крогиус, будучи студентом, прошел подготовку в психологической лаборатории Юрьевского университета под руководством профессора В. Ф. Чижа, а затем стажировался в психологической лаборатории В. Вундта в Лейпциге (1900—1901).

К моменту службы в Саратовском университете у Августа Адольфовича сложился богатейший опыт преподавания в петербургских вузах. Так, на Высших курсах П. Ф. Лесгафта он преподавал общую и педагогическую психологию (1901–1919); на Педологических курсах им. К. Д. Ушинского при Педагогическом музее военно-учебных заведений – психофизиологию органов чувств (1904–1907); в Педагогической академии Лиги образования – психофизиологию (1907–1916); психофизиологию он преподавал и в Психоневрологическом институте В. М. Бехтерева (1907–1919) (Маслов, 2014). На кафедре философии Петроградского университета приват-доцент Крогиус (1912–1918) в обоих полугодиях 1914–1915 учебного года проводил занятия по физиологической психологии (2 ч, суббота с 10 до 12 ч) (Обозрение..., 1914).

Если Франк был представителем философского направления в психологии, то Крогиус обладал поистине энциклопедической подготовкой, сочетая познания как в области философии, так и психологии (экспериментальная психология, психодиагностика, клиническая психология, психофизиология), а также – психиатрии, педагогики, педологии. В научных докладах, сделанных на международных психологических конгрессах в Риме, Инсбруке и Геттингене (1905), а также съездах по педагогике и психологии (Крогиус, 1909, с. 238) он всегда подчеркивал необходимость единства философии и психологии.

В 1919–1920 учебном году, первом году своего пребывания в Саратовском университете, профессор А. А. Крогиус в обоих полугодиях читал лекции по дисциплине «Психология» (4 часа) и курс с практическими занятиями «Экспериментальная психология» (2 часа), а также проводил семинарий по педагогике (2 часа) (Обозрение..., 2005, с. 32).

В мае 1921 г. в Саратовском университете историко-филологический факультет был ликвидирован. Его филологическое отделение превратилось в словесное отделение факультета общественных наук (ФОН), образованного в 1919 г. и существовавшего до 1922 г. В 1922 г. ФОН был преобразован в педагогический факультет, который существовал по 1931 г. Кафедра психологии, возглавляемая Крогиусом, таким образом, с 1919 г. входила в структуру ФОНа, а с 1922 г. – педагогического факультета Саратовского университета.

С 1919 г. по 1926 г. Август Адольфович был заведующим и профессором кафедры философии и психологии Саратовского государственного университета, а с 1926 г. по 1931 г. – заведующим и профессором кафедры педологии естественного отделения педфака СГУ.

В 1925–1926 учебном году Крогиус преподавал дисциплины «Введение в Педологию» и «Педология». Сотрудниками кафедры педологии были прозектор Г. П. Иванов (бывший студент Франка и Крогиуса), научно-технический сотрудник – В. В. Иванова-Вормс (Саратовский государственный университет..., 1926, с. 52).

В 1927–1928 учебном году в штате кафедры педологии и психологии естественного отделения педагогического факультета СГУ состояли заведующий профессор А. А. Крогиус и ассистент Г. П. Иванов. В соответствии с учебным планом педагогического факультета на всех шести его отделениях (физико-технический, естественный, общественно-экономический, русский язык и литература, мордовский язык и культура, немецкий язык и литература) на 1-м курсе в осен-

ний и весенний семестры преподавалась дисциплина «Основы педологии (анатомия, физиология и психология)», по которой 4 часа в неделю читались лекции, сопровождавшиеся «демонстрациями», а на 2-м курсе — «Возрастная педология (отроческий и юношеский возрасты)», по которой из предусмотренных учебным планом 4 часов 2 часа отводилось на лекции и 2 часа — на практические занятия.

Профессор А. А. Крогиус для 1-го курса всех отделений педагогического факультета СГУ читал лекции «Основы педологии», а для всех отделений 2-го курса — лекции «Возрастная педология». Лабораторные и семинарские занятия по дисциплинам кафедры проходили в психологической лаборатории СГУ, создателем и заведующим которой был Август Адольфович (Обозрение..., 1927, с. 6—27, 184—185).

За 12 лет работы в Саратовском университете (1919—1931) Крогиусом было опубликовано 16 научных работ (Маслов, 2014, с. 540—542), посвященных психологии и тестовым исследованиям слепых, а также — психотехническим экспериментам в вузах.

В 1928 г. в газете «Правда» началась травля старорежимной профессуры с обвинениями в реакционности. Имя Крогиуса в центральной печати не было названо, но упоминались имена его коллег из близкого окружения. Партийное руководство Саратовского университета не могло не отреагировать на взятый ВКП(б) курс об устранении из вузов профессоров досоветской формации, и 12 ноября 1930 г. партбюро СГУ рассмотрело вопрос о «вылазках» правых, обвинив в том профессоров СГУ П. Г. Любомирова, А. А. Крогиуса, В. А. Челинцева, В. В. Голубева, К. А. Леонтьева, от которых следовало бы, по мнению партбюро, «избавиться».

Черeda многих событий (арест и ссылка сына Арсения, травля в печати и на службе) подтолкнула профессора Крогиуса к решению покинуть Саратов, и осенью 1932 г. он уехал в Ленинград, оставив жену с детьми в Саратове. Эпидемия тифа в 1933 г. оборвала жизнь талантливого психолога.

Заключение

Представители петербургской психологической школы С. Л. Франк и А. А. Крогиус, имевшие как российскую, так и европейскую профессиональную подготовку, стали психологами первого поколения саратовской университетской психологической школы, которая соединила две научные парадигмы: гуманитарную в лице Франка и естественно-научную в лице Крогиуса. Появившиеся в Саратове у Франка и Крогиуса ученики (Г. П. Иванов, Н. В. Касаткин, Э. Л. Беркович) продолжили работу в русле научных установок своих учителей.

Психологи с европейскими именами, авторитетнейшие петербургские ученые Франк и Крогиус, стоявшие у истоков саратовской университетской психологической школы, показали образец служения вузовского российского психолога. В научной работе они видели свое основное жизненное призвание. Захваченные научной работой, они своим примером вовлекли ряд своих учеников в профессию психолога, передав им не только свои обширные знания, но и представления об основах научно-исследовательской деятельности и бескорыстной любви к делу своей жизни.

Наступивший в начале 1930-х годов период борьбы со старорежимной профессурой разметал по стране саратовских психологов, и научная преемствен-

ность университетской психологии Саратова была прервана. С уходом Франка и Крогиуса из Саратовского университета закончился период досоветской саратовской университетской психологической школы, который до 1930-х годов содержательно был европейским, воплотившим традиции петербургской научной школы психологии конца XIX–начала XX в.

Литература

- Аврус А. И.* История Саратовского государственного университета: курс лекций. Саратов: Наука, 2011.
- Гапоненков А. А. С. Л.* Франк в Саратовском университете // Известия Саратовского университета. 2006. Т. 6. Сер. «Филология. Журналистика». Вып. 1–2. С. 4–9.
- Крогиус А. А.* Процессы восприятия у слепых: Дис. ... докт. медицины. СПб., 1909.
- Маслов К. С.* В свете незримого: Жизнь и судьба А. А. Крогиуса. Таллинн: Изд-во Таллиннского ун-та, 2014.
- Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского Петроградского университета в осеннем полугодии 1914 года и в весеннем полугодии 1915 года. Петроград, 1914. URL: http://history.museumspbu.ru/files/Obosgeniya/1914-1915_Ist.pdf (дата обращения: 21.08.2021).
- Обозрение преподавания на историко-филологическом факультете Саратовского университета в 1917–1920 гг. // Известия Саратовского университета. 2005. Т. 5. Сер. «Филология. Журналистика». Вып. 1/2. С. 25–33.
- Обозрение преподавания на Педагогическом факультете Саратовского государственного, им. Н. Г. Чернышевского, Университета на 1927–28 уч. год. Саратов: Издание Саратовского гос. ун-та, 1927.
- Саратовский Государственный имени Н. Г. Чернышевского Университет в 1925 году (Краткие сведения о состоянии и работе): Приложение к V тому «Ученых Записок». Саратов, 1926.
- Франк С. Л.* Предмет знания: Об основах и пределах отвлеченного знания. Петроград: Тип. Р. Г. Шредера, 1915.
- Франк С. Л.* Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. М.: Изд. Г. А. Лемана и С. М. Сахарова, 1917.
- Франк С. Л.* Введение в философию. Второе исправленное издание. Берлин: Обелиск, 1923.

Petersburg sources of psychological school of Saratov Classical university

A. L. Yuzhaninova

FSFEE HE “Saratov State Law Academy”, Saratov

The features of the origin of psychology at the University of Saratov in 1917–1918 are revealed in the article. It is justified that until the 1930s. Saratov university psychology was the embodiment of the traditions of the St Petersburg psychological school of the late XIX–early XX centuries. The first university psychologists in Saratov were scientists from Petrograd S. L. Frank and A. A. Krogius. It is shown that Professor Frank (1917–1921) developed

philosophical psychology, and the content of the work of Professor Krogius (1919–1931) was experimental psychology, typhlopsychology, pedology, psychotechnics in Saratov.

Keywords: history of psychology, Saratov University, psychological school, St Petersburg school, Saratov school, philosophical psychology, experimental psychology, S. L. Frank, A. A. Krogius.

К 50-летию открытия отделения по специальности «психология» в Саратовском государственном университете: история возникновения и научно-организационные последствия

А. Л. Южанинова

*ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов,
e-mail: juzhaninova-alla@yandex.ru*

С. В. Фролова

*ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского», г. Саратов, e-mail: frolovasv71@mail.ru*

Осуществлен ретроспективный анализ истории открытия отделения по специальности «психология» в Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского (СГУ). Показана детерминирующая роль образовательной деятельности ученых-психологов для структурно-функционального развития научного коллектива вуза и психологической школы в регионе. Прослежены пространственно-временные связи становления психологического отделения СГУ с передаваемыми научными традициями региональной школы, с общей историей отечественной психологии и изменениями социальной ситуации в стране. Отмечено значение фактора личности ученого-руководителя для формирования деятельности научного коллектива. Выделены тенденции интеграции и научно-исторической рефлексии в развитии саратовской психологической школы.

Ключевые слова: история психологии, отделение по специальности «психология», кафедра психологии, лаборатория инженерной психологии, Саратовский государственный университет, саратовская психологическая школа, факторы и направления деятельности психологического отделения.

Одним из главных факторов развития научного знания является рефлексия и осмысление процессов его возникновения, накопления, преемственности

и трансформации в исторической перспективе. Понимание этих процессов невозможно без рассмотрения специфики формирования индивидуальных и групповых субъектов, производящих, сохраняющих и транслирующих научное знание (подробнее см: Историческая преемственность..., 2019; Развитие российской психологии..., 2019; и др.). Групповыми субъектами развития и передачи научного знания могут выступать научно-исследовательские и образовательные коллективы. В этой связи одной из важных задач является изучение вопросов становления и развития таких коллективов, а также направлений их деятельности. *Целью* данного историко-психологического исследования является ретроспективный анализ логики и факторов возникновения, развития и научно-организационных последствий функционирования отделения по специальности «психология» в Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского (СГУ), открывшегося в 1971 г.

Предыстория открытия психологического отделения в СГУ

Становление саратовской психологической школы неразрывно связано с общей историей отечественной психологии (см., например: История отечественной и мировой..., 2010, 2016; и др.), одним из самых значительных факторов ее развития является общая социальная ситуация в стране. Согласно Постановлению ЦК ВКП(б) «О преподавании логики и психологии в средней школе», вышедшему 4 декабря 1946 г. (Оперативный документ № 9), Министерство высшего образования СССР и Министерства просвещения союзных республик были обязаны обеспечить подготовку специалистов для реализации данных учебных дисциплин для школьников уже к 1950/51 учебному году. В этих целях в 1947 г. в ряде университетов СССР были открыты отделения логики и психологии. В том же году на филологическом факультете в Саратовском ордена Трудового Красного Знамени государственном университете им. Н. Г. Чернышевского был проведен прием на первый курс отделения логики и психологии. Часть студентов-филологов 2–4 курсов СГУ перешла учиться на это отделение, просуществовавшее недолго – всего 7 лет, и в 1954 г. оно было закрыто.

Таким образом, открытию в 1971 г. отделения по специальности «психология» в СГУ предшествовал осуществленный двумя десятилетиями ранее семилетний опыт подготовки студентов по специальности «логика и психология». По окончании обучения выпускники получали специальность «логик, психолог, филолог» (Аврус, 2011, с. 118). Среди них были Раиса Гавриловна Селиванова (22.06.1929–29.05.2011) и Ирина Эмильевна Стрелкова (15.06.1930–31.10.2014), которые впоследствии стали одними из первых преподавателей психологического отделения СГУ. К этому моменту они уже успели защитить кандидатские диссертации по проблемам психологии межличностных отношений школьников-подростков под руководством известного российского психолога Ивана Владимировича Страхова (06[19].09.1905–20.11.1985), разрабатывавшего проблемы общей и детской характерологии, педагогической психологии, психологии внимания и литературного творчества, и организовавшего в 1940 г. кафедру психологии в Саратовском педагогическом институте.

Создание психологического отделения в СГУ предвляла сложная и содержательная цепь явных и неявных фактов научной преемственности, уводящих в да-

лекое прошлое. Представители первого состава преподавателей данного отделения незримой нитью были связаны с истоками саратовской психологической школы, берущей свое начало с деятельности великих отечественных ученых Семена Людвиговича Франка (16 [28].01.1877–10.12.1950) и Августа Адольфовича Крогиуса (18.03.1871–01.06.1933) (См.: Южанинова, 2018, с. 10–179). Одним из учеников С.Л. Франка и А.А. Крогиуса стал Эмиль Львович Беркович – отец И.Э. Стрелковой. Свой уникальный вклад в формирование профессиональных знаний и качеств выпускников психологического отделения внесет и внук А.А. Крогиуса – Николай Владимирович Крогиус (р. 22.06.1930) – основатель психологии шахматной игры (Крогиус, 1981).

Еще одним важным событием, предшествовавшим созданию психологического отделения, стало открытие 13 октября 1954 г. общеуниверситетской кафедры педагогики и психологии, возникшей на базе кафедры педагогики, организованной в июле 1939 г. на филологическом факультете СГУ под руководством кандидата педагогических наук Ильи Сергеевича Каменогородского, ставшего в 1954 г. заведующим кафедрой педагогики и психологии. Согласно приказу ректора СГУ о штатном расписании на 1954–1955 учебный год, ведущим доцентом созданной общеуниверситетской кафедры педагогики и психологии был кандидат психологических наук Лев Петрович Доблаев (11.07.1922–01.04.2010), впоследствии возглавлявший ее с 1970 по 1975 г. (Турчин, 2009, с. 117).

История открытия психологического отделения в СГУ

Со второй половины 1960-х годов начался новый этап возрождения университетского психологического образования в СССР: в 1966 г. были открыты психологические факультеты в Московском и Ленинградском госуниверситетах, в 1970 г. был основан факультет психологии в Ярославском университете. В том же 1970 г. была введена подготовка по специальности «психология» на философском факультете Ростовского государственного университета.

Саратовский университет также участвовал в возрождении российской университетской психологии: в 1971 г. на базе биологического факультета было открыто отделение по специальности «психология». Деканом факультета в то время (1971–1987) был доцент, кандидат медицинских наук Николай Васильевич Глухов, его заместителем – доцент, кандидат биологических наук Геннадий Васильевич Мельников, при непосредственном участии которого на факультете и была открыта новая специальность «психология» (Игнатов, Коннова, 2007, с. 24).

Летом 1971 г. в СГУ шла активная подготовка к организации учебного процесса по вновь открывшейся специальности. Руководство отделением было поручено доценту Л. П. Доблаеву, заведующему общеуниверситетской кафедрой психологии и педагогики, на базе которой и осуществлялся первоначально учебный процесс по психологическим дисциплинам. Одним из первых шагов Л. П. Доблаева по организации подготовки будущих психологов в СГУ было ознакомление с опытом вузов страны, уже начавших университетское обучение студентов-психологов. Из приказа № 248-В по СГУ от 21 июля 1971 г. известно решение ректората: «Доблаева Л. П. – доцента, зав. кафедрой педагогики и психологии, командировать в г. Москву в МВ и ССО [Министерство высшего и среднего специального образования], в г. Ярославль в университет и в г. Ростов в университет, для реше-

ния вопросов, связанных с учебным планом отделения психологии, сроком с 20 по 30 июля 1971 г., с оплатой командировочных расходов. Основание: заявление Добраева с резолюцией врио ректора университета [Н. С. Купцова, проректора СГУ по научной работе 1971–1973 гг.]».

Посещение профильного Министерства руководителем нового отделения СГУ было необходимо для решения организационных вопросов, в то время как поездка в Ярославский и Ростовский университеты может объясняться желанием познакомиться с концептуальным и методическим опытом региональных вузов в подготовке специалистов нового профиля. Так, к примеру, в Ростовском университете отделение психологии осуществило первый набор студентов по специальности «психология» на базе кафедры психологии и педагогики философского факультета годом раньше — в 1970 г. (Факультет психологии РГУ — ЮФУ..., 2021). Заметим, что в СГУ в 1971 г. также предполагалось готовить будущих специалистов-психологов силами кафедры педагогики и психологии.

В то время, как Л. П. Добраев отправился в командировку для заимствования опыта Ярославского и Ростовского университетов, в СГУ начала работу приемная комиссия. Приказ врио ректора по СГУ доктора Н. С. Купцова № 244-В от 14 июля 1971 г. гласил: «Для организации приема на первый курс вновь открывшегося отделения по специальности психология включить в состав приемной комиссии биологического факультета [сотрудников кафедры педагогики и психологии СГУ]: Мордвинкину Т. П., старшего лаборанта, Афтеньеву М. С., зав. лабораторией».

Абитуриенты первого набора на отделение психологии СГУ в 1971 г. в качестве вступительных экзаменов сдавали биологию, историю, русский язык и литературу, а также сочинение. При поступлении на психологическое отделение конкурс был на протяжении многих лет самым высоким в СГУ — 5–6 человек на место (при общем числе мест — 25). Профилирующим предметом на вступительных экзаменах для выбравших направление «психология» во втором и последующих наборах была математика, другими же экзаменами были биология, история, русский язык и литература (сочинение). Преимущественно гуманитарный подход, характерный для вступительных экзаменов первого набора студентов (со второго набора сменившийся на естественно-научный), возможно, объясняется спецификой базового образования большинства преподавателей психологических дисциплин в 1971 г., полученного ими на филологических факультетах. География абитуриентов и выпускников первых лет функционирования психологического отделения СГУ была очень широкая, охватывающая территорию почти всей страны. Это было связано с тем, что психологическая наука только начинала внедряться в жизнь советского общества и специалистов-психологов в стране в начале 1970-х годы выпускали лишь некоторые вузы.

В соответствии со штатным расписанием на 1 сентября 1971 г. коллектив кафедры педагогики и психологии, начавшей подготовку по специальности «психология», был следующим: заведующий кафедрой — Л. П. Добраев, доцент, кандидат психологических наук; профессор-консультант (0,5 ставки до 16.05.1972) — Н. Н. Студенцов, доктор педагогических наук; доценты: кандидат психологических наук Н. В. Крогиус; кандидаты педагогических наук (по психологии) И. Э. Стрелкова, В. В. Развинова, Р. Г. Селиванова; кандидаты педагогических наук В. И. Балаева, Л. Г. Вяткин; кандидат медицинских наук (0,5 ед.) Е. И. Гарбер; старшие препода-

ватели: С. В. Михеев, В. Ф. Тючкалов, Ю. В. Сурков; ассистенты: А. С. Вознесенская, А. А. Каган; старший лаборант — Т. П. Мордвинкина; лаборант — Н. Б. Фетисова (Штатное расписание кафедры педагогики и психологии СГУ). Открытие психологического отделения в СГУ послужило началом цепи важных научно-организационных последствий.

Создание лаборатории инженерной психологии в СГУ

Первым крупным научно-организационным последствием открытия психологического отделения в СГУ явилось создание в 1972 г. лаборатории инженерной психологии. По воспоминаниям А. А. Понукалина, в связи с международной ситуацией в 1960—1970-е годы и развитием оборонного комплекса страны «требовались специалисты и научно-технические разработки в области инженерной психологии» (Понукалин, 2012, с. 3). Ряд дисциплин в учебном плане подготовки студентов-психологов был ориентирован на инженерную психологию. Заведующий кафедрой педагогики и психологии и руководству университета неожиданно столкнулись с проблемой реализации 4-семестрового практикума по общей психологии, который по своей масштабу и оснащенности не уступал практикуму по общей физике на физическом факультете СГУ. Для обеспечения данного практикума требовались кадры, владеющие навыками работы со специальной аппаратурой и имеющие соответствующую теоретическую подготовку. Ректор университета, доктор физико-математических наук, профессор Владимир Николаевич Шевчик (1923—1980), вникнув в суть возникшей проблемы и зная об интересах своего ученика-физика Алексея Алексеевича Понукалина (14.04.1938—09.06.2016), лежащих в области биофизики и психофизиологии, предложил ему взять на себя решение задач по подготовке данного практикума и создания научной лаборатории инженерной психологии (см.: Понукалин, 2012, с. 4).

Став руководителем новой лаборатории, А. А. Понукалин пригласил в нее своего друга, имевшего схожие научные интересы, — Р. Х. Тугушева, выпускника кафедры радиофизики (см.: Понукалин, 2012, с. 4). Впоследствии Рашид Хасьянович Тугушев (09.03.1940—24.01.2008) полностью связал свою судьбу с психологией и стал создателем оригинальной концепции системной персонологии (Тугушев, 1998). На должность инженера научной лаборатории для создания новых необходимых приборов по рекомендации Р. Х. Тугушева был назначен Владимир Витальевич Козача (1948—2004), физик по базовому образованию, который впоследствии разрабатывал проблемы психофизического измерения суггестивных явлений. Так, психологическое отделение пополнилось сотрудниками и преподавателями, имевшими естественно-научное образование.

Лаборатория инженерной психологии занималась проблемами биофизики, психоакустики, проектирования специальных приборов (Понукалин, 2012, с. 4). Разрабатывались также темы, связанные с психологией космоса. Сотрудниками лаборатории под научным руководством Юрия Михайловича Забродина, бывшего в то время заместителем директора Института психологии АН СССР, изучались проблемы психологии восприятия шумов в акустических условиях кабины космического летательного аппарата, теория и практика психологической поддержки и разгрузки космонавтов (Понукалин, 2012, с. 6).

Создание кафедры психологии в СГУ

Вторым в хронологическом порядке важным последствием открытия психологического отделения в СГУ было образование самостоятельной кафедры психологии. В соответствии с приказом Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР № 256 от 21 мая 1975 г. и на основании приказа 100-К от 16 июня 1975 г. врио ректора СГУ доцента И. С. Кашкина с 1 июля 1975 г. кафедра педагогики и психологии была разделена на кафедру педагогики и кафедру психологии. Кафедре педагогики был присвоен статус самостоятельного общеуниверситетского учебного подразделения, а кафедра психологии с 01.07.1975 была введена в состав биологического факультета «в целях улучшения управления учебным процессом по подготовке специалистов-психологов, осуществляемых биологическим факультетом» (Приказ 100-К от 16 июня 1975 г.).

Этим же приказом был установлен кадровый состав кафедры психологии. Заведующим кафедрой стал профессор, доктор психологических наук Л. П. Добраев. Доцентами были избраны Н. В. Крогиус, И. Э. Стрелкова, В. В. Развинова, Р. Г. Селиванова, Е. И. Гарбер. Старшими преподавателями стали Ю. В. Сурков, А. А. Понукалин, Р. Х. Тугушев; ассистентами – В. В. Козача, А. Ф. Пантелеев.

С 1975 до 1978 г. и с 1980 по 1988 г. кафедрой психологии СГУ руководил профессор Л. П. Добраев, с 1978 по 1980 г. – доцент Н. В. Крогиус, с 1988 по 2008 г. – доцент, а затем профессор Р. Х. Тугушев, с 2008 по 2009 г. – доцент Е. В. Рягузова, а с 2009 г. и до образования психологического факультета СГУ в 2010 г. – доцент Л. Н. Аксеновская.

Этапы и научные направления деятельности преподавателей психологического отделения СГУ

Для осмысления достаточно большого разнообразия тем и направлений исследований преподавателей психологического отделения СГУ представим их в хронологической последовательности с выделением ряда условных этапов, связанных с ведущей ролью руководителя научного коллектива.

На этапе становления отделения психологии СГУ (с 1971 по 1978 г.) под руководством профессора Л. П. Добраева (филолог, доктор психологических наук) преподавание психологических дисциплин осуществляли сотрудники, прошедшие разную профессиональную подготовку. В данный период отделение было представлено только одним преподавателем с базовым психологическим образованием, имеющим ученую степень по психологии – доцентом Н. В. Крогиусом. Основной же преподавательский состав делился на две группы: группа ученых филологов-психологов, имеющих научные степени (В. В. Развинова, Р. Г. Селиванова, И. Э. Стрелкова) и группа молодых ученых физиков-психологов (А. А. Понукалин, Р. Х. Тугушев, В. В. Козача, А. Ф. Пантелеев) с примыкавшим к ним кандидатом медицинских наук Е. И. Гарбером. Как видим, одна часть сотрудников имела *гуманитарную подготовку*, а другая – *естественно-научную*, что отражало сочетание *двух научных парадигм* в развитии саратовской университетской психологической школы.

Гуманитарное направление в саратовской университетской психологии в 1970–1980-е годы возглавил Л. П. Добраев. Он создал в науке собственный подход к пси-

хологическому анализу текстов. Его книги еще в советское время были переведены на многие языки и издавались за рубежом. Л. П. Доблаеву удалось представить целостную оригинальную концепцию понимания текста (Доблаев, 1967). Он обосновал представления о широком и узком понимании текста, выделил ряд психологических механизмов понимания текста, предложил приемы его анализа, а также оригинальную методику анализа субъект-предикатных отношений в тексте. Его исследования структуры текстов показали, что в речи и ее строении проявляются особенности мыслительной деятельности человека, в частности продуктивность его логических операций. Кроме того, Л. П. Доблаевым была установлена разница в успешности понимания текста в зависимости от его структуры.

Второй этап в развитии научной и образовательной деятельности преподавателей отделения психологии (условно выделяемый с 1978 по 1988 г.) был связан с постановкой новых тем и направлений исследований, лежащих в области социальной психологии. Весной 1980 г. Н. В. Крогиус защитил докторскую диссертацию на тему «Познание людьми друг друга в конфликтной деятельности» в ученом совете Ленинградского государственного университета. Он стал первым доктором наук в Саратове по специальности «социальная психология». В своих работах Н. В. Крогиус исследовал процессы самопознания и самоуправления в конфликтной деятельности.

Научное направление, связанное с изучением *проблем социальной перцепции*, начатое Н. В. Крогиусом, разрабатывалось сотрудниками кафедры до конца 1980-х годов. В этот период одной из центральных в научно-исследовательской работе кафедры была тема «Теоретические и прикладные проблемы психологии общения и познания людьми друг друга», научным руководителем которой был проф. Л. П. Доблаев. В разработке темы участвовали также доценты И. Э. Стрелкова и Р. Г. Селиванова, ассистенты А. Л. Южанинова и Е. С. Гейзина (Школьник).

Третий этап (с 1988 г. до конца 1990-х годов) в развитии научной и образовательной деятельности кафедры психологии был оптимизирован исследовательскими интересами Р. Х. Тугушева, связанными с проблемами математических методов в психологии и развитием средств психодиагностики. Он показывал преимущества системного подхода, необходимость сочетания количественного и качественного анализа, взаимодействия и взаимодополнения экспериментального и феноменологических подходов в психологических исследованиях, отмечая диагностические возможности и ограничения современных тестовых методик (Тугушев, 1998). В середине и конце 1990-х годов сотрудники кафедры А. А. Понукалин, Р. Х. Тугушев, А. Л. Южанинова в числе первых в России стали проводить судебно-психологические экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан, а также по делам о компенсации морального вреда.

На четвертом этапе, к началу 2000-х годов, диапазон сферы научных интересов и исследований сотрудников коллектива кафедры психологии СГУ, пополненного новыми молодыми специалистами, значительно расширился и стал в целом отражать сложное многообразие современной системы психологического знания (подробнее о системе см.: Новые тенденции..., 2019; Психологическое знание..., 2018, 2021). Научные исследования преподавателей психологического отделения стали охватывать проблемные области общей, социальной, организа-

ционной, инженерной, юридической, медицинской, возрастной, педагогической, консультативной психологии (см.: Проблемы региональной психологии..., 2007).

Накопленные за десятки лет достижения в развитии научной и образовательной деятельности психологов СГУ, разрастание проблемного поля исследований, смена научных парадигм и трансформация социокультурной реальности, по всей видимости, сказались на появлении выраженной мотивации к научной рефлексии истории саратовской психологической школы и формированию коллективной профессиональной идентичности. Все это привело к тому, что в 2007 г. вышла в свет первая работа, посвященная истории психологии в Саратове, написанная Р. Г. Селивановой (2007). С этого момента научный интерес к данной проблематике стал возрастать и нашел свое отражение в статьях Л. Н. Аксеновской (2017), А. А. Понукалина (2012) и др. В 2018 г. была опубликована монография А. Л. Южаниновой «История саратовской психологической школы в лицах» (Южанинова, 2018), охватившая вековую историю, связанную с преподаванием и развитием психологического знания в Саратове.

В связи с возникновением новых социальных запросов с начала 2000-х годов стал возрастать интерес к развитию технологий научно-исследовательской деятельности и оказанию практической психологической помощи, что вызвало необходимость усиления научного потенциала кадров. Для решения данных задач Р. Х. Тугушев, проявивший себя как масштабный организатор науки, проделал большую работу по открытию аспирантуры по психологии и созданию диссертационного совета на базе СГУ. Опыт организации и деятельности временного диссертационного совета по защитам кандидатских диссертаций по психологическим специальностям, созданного в 2005 г. под руководством Р. Х. Тугушева, послужил в дальнейшем хорошей основой для создания его последователем — профессором, доктором психологических наук Р. М. Шамионовым (ныне деканом факультета психолого-педагогического и специального образования) — на базе СГУ межрегионального диссертационного совета по защитам кандидатских и докторских диссертаций по социальной и педагогической психологии.

Создание факультета психологии в СГУ

Важнейшим научно-организационным последствием функционирования психологического отделения в СГУ стало создание факультета психологии. Почти 40-летний опыт функционирования психологического отделения и 35-летний багаж развития кафедры психологии в СГУ, обеспечивавший развитие саратовской психологической школы, в начале 2000-х годов послужили базой для организации факультета психологии, и 17 февраля 2010 г. решением Ученого Совета СГУ факультет психологии был открыт благодаря объединенным усилиям кафедры психологии и кафедры педагогики СГУ под руководством доктора психологических наук Л. Н. Аксеновской.

Разделение общеуниверситетской кафедры педагогики и психологии СГУ в 1975 г. на кафедру педагогики и кафедру психологии для улучшения управления учебным процессом по подготовке специалистов-психологов через 35 лет привело вновь к их объединению, но уже в составе единого факультета психологии. Соединение двух разъединившихся в прошлом кафедр стало возможным благо-

даря сохранению университетских традиций взаимодействия специалистов педагогического и психологического профиля и накоплению нового междисциплинарного инновационного потенциала.

В настоящее время на факультете психологии СГУ функционируют кафедра общей и социальной психологии, кафедра педагогики, кафедра психологии личности, кафедра консультативной психологии, кафедра юридической психологии семьи и детства на базе аппарата Уполномоченного по правам ребенка по Саратовской области, лаборатории юридической и когнитивной психологии, Региональный центр практической психологии СГУ. Силами факультета психологии обеспечивается подготовка бакалавров, магистров и аспирантов по психологическому, психолого-педагогическому и педагогическому направлениям, а также осуществляется общепсихологическая подготовка студентов на других факультетах СГУ.

Факультет психологии поддерживает традиции, сложившиеся еще полвека назад при создании психологического отделения. Одним из традиционных видов деятельности является *координация и интеграция усилий теоретической и практической психологии* в регионе. Этому во многом служит Саратовское региональное отделение научно-профессионального сообщества страны – сначала Общества психологов СССР, а затем – Российского психологического общества (РПО). Региональным отделением Общества психологов СССР руководил Л. П. Доблаев, а затем Р. Х. Тугушев. С 1994 г. оно было преобразовано в Саратовское региональное отделение РПО. С 2008 г. его руководителем является доктор психологических наук, профессор Л. Н. Аксеновская. Многие выпускники отделения сейчас, как и раньше, могут поддерживать широкие научно-профессиональные связи, принимая участие в мероприятиях, организуемых региональным отделением РПО.

Заключение

Проведенный ретроспективный анализ логики и факторов возникновения, развития и научно-организационных последствий функционирования отделения по специальности «психология» в СГУ позволяет сделать ряд следующих выводов.

1. История становления и развития психологического отделения в СГУ неразрывно связана с общей историей отечественной психологии и в значительной степени обусловлена социальной ситуацией в стране и глобальной макросоциальной ситуацией. Большую роль для создания и функционирования психологического отделения СГУ сыграл фактор логики развития знания, определяемой взаимосвязями психологии с другими науками. Существенное значение для развития деятельности психологического отделения имел фактор личности ученого-руководителя научного коллектива, а также фактор специфики образовательных эффектов в базовой профессиональной подготовке преподавателей-психологов.
2. Создание психологического отделения в СГУ предвляла цепь организационных событий в научно-образовательной деятельности вуза и неявно передаваемых научных традиций, уводящих к истокам возникновения саратовской психологической школы.

3. Открытие отделения по специальности «психология» в СГУ послужило стартом для развития психологической школы региона: создания научной лаборатории инженерной психологии, открытия кафедры психологии, а затем и факультета психологии, формирования деятельности диссертационного совета и подготовки новых научно-психологических кадров, функционирования Саратовского регионального отделения Российского психологического общества, служащего консолидации усилий ученых и практиков в регионе.
4. Открытие и функционирование психологического отделения в СГУ способствовало внутренней и внешней интеграции в развитии саратовской психологической школы. Интеграционные тенденции обнаруживают себя при рассмотрении процессов развития направлений научных исследований, взаимодействия гуманитарной и естественно-научной парадигм, психологической науки и практики в регионе, сочетания процессов наследования традиций и производства новаций, а также выстраивания межкафедральных, межкафедрацетских, межвузовских и межрегиональных профессиональных связей при подготовке высших квалифицированных научно-педагогических кадров.
5. Накопленные достижения в развитии научной и образовательной деятельности психологов СГУ, разрастание проблемного поля исследований, смена научных парадигм и трансформация социокультурной реальности сказались на возникновении в начале 2000-х годов выраженной тенденции к научно-исторической рефлексии и потребности в формировании коллективной научно-профессиональной идентичности у различных поколений преподавателей психологического отделения СГУ.

Литература

- Аврус А. И.* История Саратовского государственного университета: Курс лекций. Саратов, 2011. URL: http://elibrary.sgu.ru/uch_lit/497.pdf (дата обращения: 20.04.2021).
- Аксеновская Л. Н.* Индустриально-организационная психология в Саратовском государственном университете // Организационная психология. 2017. Т. 7. № 2. С. 8–29.
- Доблаев Л. П.* Проблема понимания в советской психологии. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1967.
- Игнатов В. В., Коннова С. А.* Биохимия в Саратовском университете. Саратов: Научная книга, 2007.
- Историческая преемственность в отечественной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Харитоновна, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- История отечественной и мировой психологической мысли ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее. Материалы Международной конференции по истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы Всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи». М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

- Крогиус Н. В.* Психология шахматного творчества. М.: Физкультура и спорт, 1981.
- Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Понукалин А. А.* Психологическая школа Ю. М. Забродина в СГУ // Проблемы современной психологии: теория, практика, эксперимент: материалы юбилейной научно-практической конференции молодых ученых. Саратов: ИЦ «Наука», 2012. С. 3–16.
- Приказ ректора СГУ № 608-а от 14 сентября 1954 г. об установлении штатного расписания на 1954–55 учебный год // Архив СГУ. Ф. 332. Оп. 1. Д. 235. Л. 223.
- Приказ № 248-В по СГУ от 21 июля 1971 г. // Архив СГУ. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 417. Л. 28.
- Приказ врио ректора по СГУ доктора Н. С. Купцова № 244-В от 14 июля 1971 г. // Архив СГУ. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 417. Л. 23.
- Приказ 100-К от 16 июня 1975 г. по Саратовскому ордена Трудового Красного Знамени государственному университету им. Н. Г. Чернышевского // Архив СГУ. Ф. Р-332. Оп. 1 л/с. Д. 937. Л. 40–44.
- Проблемы региональной психологии: теория, практика, эксперимент: Материалы Региональной научно-практической конференции 5 апреля 2007 г. / Отв. ред. Р.Х. Тугушев. Саратов: Научная книга, 2007.
- Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
- Развитие российской психологии накануне и после русской революции 1917 года: тенденции, школы, персоналии: Сборник статей участников Всероссийской научной конференции с международным участием «Арзамасские чтения по истории психологии». Арзамас: Изд-во «Интерконтент», 2019.
- Селиванова Р. Г.* К истории психологии в Саратове // Проблемы региональной психологии: теория, практика, эксперимент: Материалы Региональной научно-практической конференции 5 апреля 2007 г. / Отв. ред. Р.Х. Тугушев. Саратов: Научная книга, 2007. С. 4–9.
- Тугушев Р. Х.* Системная персонология: качественный и количественный анализ. Саратов: Изд-во Гос УНЦ «Колледж», 1998.
- Турчин Г. Д.* Кафедре педагогики СГУ 70 лет // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9 Серия Философия. Психология. Педагогика. Вып. 3. С. 116–118.
- Факультет психологии РГУ–ЮФУ (1970–2014). История (в датах). URL: <http://psy-museum.sfedu.ru/history> (дата обращения: 23.04.2021).
- Штатное расписание кафедры педагогики и психологии СГУ с 01.09.1971 // Архив СГУ. Ф. Р-332. Штатная книга СГУ. 1971/72 учебный год. Л. 19–20.
- Южанинова А. Л.* История саратовской психологической школы в лицах. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2018.

50TH anniversary of the faculty of psychology in Saratov state university: history, research and organizational outcomes

A. L. Yuzhaninova

Saratov State Law Academy, Saratov

S. V. Frolova

Saratov State University, Saratov

The authors conducted the retrospective study into the history of the Faculty of Psychology in Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky (SSU). The authors emphasize the leading role of educational pursuits of the researchers in structural and functional development of the university research community and psychological school in the region. The paper traces space and time links of the Faculty of Psychology of Saratov State University with research traditions of the regional school, with the history of national psychology and changes in the social situation in the country. The authors claim that the factor of the personality of the leader-researcher is significant for the research community performance. The paper describes the trends of integration and scientific and historical reflection in the development of Saratov psychological school.

Keywords: history of psychology, Faculty of Psychology, Department of Psychology, laboratory of engineering psychology, Saratov State University, Saratov psychological school, factors and directions of the Faculty of Psychology.

Раздел пятый

**Пути интеграции истории психологии
и исторической психологии:
результаты и перспективы развития**

Праздник в языковом сознании россиян в позднесоветском и современном периодах¹

А. М. Борисова

Институт психологии РАН, Москва, anamibo@yandex.ru

Анализируются содержательные аспекты праздника в преломлении языкового сознания. Отмечается особая роль языкового сознания в качестве механизма взаимодействия человеческой психики, мышления и речи. Применение ассоциативного метода позволило сформировать ассоциативно-вербальные поля (АВП) слова «праздник» позднесоветского и современного периодов. При сравнении АВП были обнаружены черты праздника, представленные в обоих полях. Наличие данных черт в языковом сознании современников свидетельствует об их неизменной актуальности и подтверждает аккумуляционную и транслирующую функцию праздника.

Ключевые слова: историческая психология, психология личности, языковое сознание, ассоциативно-вербальное поле, ассоциации, праздничная культура.

Для создания целостного представления о многогранном феномене праздника необходимо применить междисциплинарный подход. Столь долгое бытование этой «первичной формы культуры» (по М. М. Бахтину) обусловлено ее специфичностью и особой значимостью как для индивида, так и для человеческого сообщества. В празднике наиболее ярко и полно отражаются образцы коллективного взаимодействия, общий уклад жизни, которые основаны на выработанных и принятых большинством нравственных принципах и ценностях и которые каждым членом общества произвольно усваиваются в ходе его онтогенетического и социального становления.

Праздник, как и любое социальное явление, несет в себе отпечаток определенного культурно-исторического контекста, что представляет отдельный интерес для его исследования с позиций исторической психологии, в рамках ко-

---

1 Исследование выполнено по Госзаданию № 0138-2021-0005.

торой индивид или группа рассматриваются как носители исторических норм и ценностей. Как отмечала В. А. Кольцова, историческая психология стремится «воссоздать жизнь людей прошлого во всей ее полноте и сложности, проникнуть в их психический мир» и увидеть «живого человека» своего времени (Кольцова, 2009). В этой связи эффективным представляется изучение тех продуктов человеческой деятельности, в которых воплотились и объективировались психологические свойства индивида (или группы индивидов) как активно действующего существа, в частности, культурной среды, которую творит человек и которая участвует в его формировании. Являясь частью этой среды, праздники выполняют роль своеобразного накопителя и транслятора важных для группы ценностей, когда напоминание о значимом для нее событии дает возможность осмыслить свое прошлое, настоящее и будущее. На глубинном же уровне праздник является особым периодом, когда происходит контакт двух сфер человеческого бытия — мирской и сакральной, во время которого человеку дается возможность разрешить имеющиеся противоречия между «тем» и «этим» миром, а также осуществить ценностный выбор в пользу порядка и гармонии или хаоса и разрушения. Это период *перехода* из одного состояния в другое, во время которого должны соблюдаться определенные правила (обряды и ритуалы), чтобы «переход» оказался верным.

Однако изучение психики и ее проявлений требует особого, деликатного подхода, позволяющего изучать не статистически усредненную личность, а ее внутреннее содержание, ее суть, опираясь прежде всего на ее культуросообразное сознание. По мнению Е. В. Николаенко, «социокультурное бытование психики может быть познано из описания или оценки какого-либо психического явления, информация о котором приходит из знаковой и обыденной повседневности посредством языковых или других символических образов» (Николаенко, 2005б, б/с). Одним из методов, помогающих «приоткрыть» психический мир отдельного индивида, является ассоциативный метод. Механизм его действия вкратце можно описать так: ассоциация является первой реакцией, первым пришедшим в голову ответом на слово-стимул; сумма всех реакций (ответов) составляет ассоциативное поле данного слова-стимула; совокупность таких полей — ассоциативно-вербальную сеть, которая признана коррелятом языкового сознания среднего носителя языка (Чулкина, 2016). Термин «языковое сознание» требует отдельного пояснения, поскольку играет особую роль, выступая в качестве механизма взаимодействия человеческой психики и речи.

Данный термин затрагивает такие понятия, которые относятся и к психологии, и к лингвистике, и тем самым сближает эти две сферы, стремящиеся постичь глубинную природу языка и сознания, исследовать внутренние психические процессы, обеспечивающие производство и восприятие речи. Так, Т. Н. Ушакова отмечает: «...Вербальные ассоциации, данные о которых служат материалом для суждения о языковом сознании, являются отражением межсловесных связей, выработанных у респондентов в течение жизни и образующих материю так называемых „вербальных сетей“ в их нервной системе» (Ушакова, 2000, с. 19). Отсюда преимущество вербально-ассоциативного подхода состоит в том, что он позволяет охарактеризовать структуру системы этих сетей в целом, обнаруживает национальную специфику ее организации, выявляет ментальную историю той или иной популяции. В отечественной психолингвистике языковое созна-

ние трактуется «как совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей. Главное в этой дихотомии „сознание и язык“, естественно, сознание» (Тарасов, 2000, с 26).

С. Е. Никитина определяет языковое сознание через понятие языковой личности, введенное в отечественную лингвистику В. В. Виноградовым. Согласно психологической науке, главным признаком личности является сознание и самосознание, соответственно главный признак языковой личности — языковое сознание и языковое самосознание. Благодаря языковому сознанию возникают тексты, а языковому самосознанию — метаязык и метатексты. Иногда языковое сознание сближают с такими понятиями, как языковая картина мира, стратегия и тактика речевого поведения. В любом случае, замечает исследователь, языковое сознание реализуется в речевом поведении, причем способы его реализации могут быть как вербальными, так и невербальными. Никитина рассматривает языковое самосознание как часть культурного самосознания: «Между осознанием элементов языка и других элементов культуры нет четко выраженной границы. Достаточно напомнить, что в переломные исторические эпохи родной язык становится символом национального самосознания» (Никитина, 1993, с. 9). По ее мнению, языковое народное сознание — это «воплощение народного миропонимания в языковой форме, в языковых стереотипах», выраженных в текстах разных жанров и участвующих в вербальной коммуникации. «Таким образом, лингвистический анализ <...> текстов и их функционирования входит в сферу исследования народного языкового сознания» (Никитина, 1993, с. 10), проявления которого во многом определяются ценностной ориентацией культуры.

Можно выстроить следующую схему: за определенным словом, выраженным материальными символами (буквами), стоит определенный ментальный образ (или образы), сформированный под влиянием конкретной культуры, который может быть вербализован в ответ на предъявляемый стимул. Так действует механизм языкового сознания. Исчерпывающее определение данного понятия, полностью раскрывающего его суть предлагает Т. Н. Ушакова: «Понятие языкового сознания имеет свою специфику, подчеркивая момент смыкания, совокупности феномена сознания, мысли, внутреннего мира человека с внешними по отношению к нему языковыми и речевыми проявлениями. Этот важный момент высвечивает главную сущность языка/речи — быть выразителем психического состояния говорящего» (Ушакова, 2000, с. 22). А также и его индивидуального опыта, который осмысливается в терминах того языка, посредством которого индивидуум приобщился к общечеловеческому опыту. «Засвидетельствованный в языке опыт устанавливает границы мыслительной деятельности, а структурная организация, запечатленная в языковой классификации опыта, детерминирует ее направления, образуя национальное мировоззрение. Лингвистическая модель мира в этом случае полностью сливается с той внутренней моделью, которая создается в сознании человека в процессе накопления им опыта и которая, по сути, и является тем, что именуется сознанием» (Звегинцев, 2001, с. 159).

Как известно, язык является не только средством общения, но и инструментом, с помощью которого происходит накопление и передача разного рода информации об окружающем мире. Таким образом он превращается в своеобразный социальный

запас знаний, общая причастность к которому всех членов общности позволяет устанавливать определенные правила взаимодействия. Ю. Н. Караулов считает, что язык можно охарактеризовать и как «вербальную память», которая содержит в языковом сознании способы хранения информации, связанной с местами национальной памяти. Такой подход представляет особый интерес для нашего исследования, поскольку период празднования — это то время и пространство, когда национальная память может быть отрефлексирована и вербализована. Под национально-культурной памятью Караулов понимает «„кладезь“ сведений, эмоций и фактов, откуда мы в нашей повседневности и обыденности черпаем данные для ответа на сакраментальные вопросы: кто мы есть, откуда мы и куда идем <...> Это не история в чистом виде, а то, как прошлое представлено в нашей сегодняшней мысли и как оно вписывается в наши знания о современном мире... Речь пойдет о тех образах, понятиях, представлениях, названиях, личностях, фактах, вещах, словах и „местах“ из отечественной истории, которые живут в сознании, в спонтанной памяти среднестатистического носителя русского языка и актуализируются с разными целями в повседневно производимых им текстах» (цит. по: Чулкина, 2016, с. 49). Итак, цель нашего исследования — обнаружить в языковом сознании современников «следы» нашего недавнего праздничного прошлого (позднесоветского периода) и проследить, представлено ли оно в нашей сегодняшней мысли и встроено ли в нашу повседневную действительность. Информация о том, каким представляют себе праздник наши современники, была получена с помощью анкеты открытого типа (за период 2001–2016 гг.), в одном из пунктов которой содержалась просьба назвать первые пришедшие в голову слова в связи со словом «праздник». Выборка — 281 человек, жители России (Москва, Московская область, Иркутск и область, Красноярск), средний возраст респондентов — 41 год.

Данные о празднике позднего советского периода приводятся по материалам «Ассоциативного тезауруса современного русского языка», созданного учеными двух ведущих научно-исследовательских институтов РАН — Института русского языка им. В. В. Виноградова и Института языкознания. Ценность данного труда состоит в том, что он представляет собой довольно обширную ассоциативно-вербальную сеть языка, которая была выявлена путем многоэтапного и массового эксперимента с носителями языка. Примечательной чертой тезауруса является и период его создания — десятилетие на «изломе эпох» — 1986–1996 гг. Собранный в нем материал уникален, поскольку представляет собой своего рода моментальный снимок языкового сознания русских, сделанный в эпоху глобальных перемен, когда общество столкнулось с необходимостью дальнейшего самоопределения, требующего осмысления и своей истории и имеющегося настоящего. Проследить, как менялось национальное самосознание и социальное устройство общества можно, обратившись к зафиксированным в тезаурусе словам-ассоциациям, которые являются отражением и свидетельством происходящих в то время процессов.

Для удобства анализа и интерпретации все полученные ассоциации на слово-стимул «праздник» были распределены по группам и сведены в таблицу.

Что касается общего впечатления, то первое, что сразу заметно, — ассоциативно-вербальные поля (АВП) обоих периодов существенно отличаются по ко-

Таблица 1

Реакции респондентов на стимул «праздник» по группам

Группы характеристик	1986–1996	2007–2016
Названия праздников	Новый год (37), 1 мая (24), Октября (10), 8 марта (7), день рождения (6), новогодний (6), 7 ноября (5), Первое мая (5), Победы (4), 9 мая (4), Нептуна (3), Первой (3), Рождество (2)	Новый год (26), день рождения (13), День Победы (3), победа, Рождество (3), Пасха (2), юбилей (2), Масленица (2), новогодний
Лица-участники	друзья (2), люди, гости	друзья (33), семья (15), сбор всей семьи, семьи, близкие люди (4), родные (3), родственники (3), родители (3), мама (3), дети, папа, брат, люди (6), гости (18)
Эмоциональное состояние, настроение	веселый (59), веселье (28), души (21), радость (18), весело (10), веселое настроение, жизни (7), радостный (7), счастье (7), удался (5), грустный (3), любимый (3), скучный (3), шумный (3), горе (2), испорченный (2), любви (2), мира (2), настоящий (2), радостный день (2), светлый (2), святой (2), сердца (2), хорошо (2)	веселье (115), весело (7), душевно, радостно, радость (97), интересно, приятно, тепло (4), теплота, жизнь, любовь (2), счастье (28), вдохновение, внутренний подъем, мир (2), добро, эмоции (4), положительные эмоции (2), позитив (2), настроение (2), хорошее настроение (12), прекрасное настроение, отличное настроение, ликование (2), восторг (5), смех (20), улыбки (19), улыбка (4), светлый, светло, благополучие, удовлетворение (3), хорошо
Основные действия, занятия, мероприятия	демонстрация, застолье (2), выпивка (2), песни (2), гулянье, гулять, стол (2), телевизор, гости, выставка	застолье (13), застолье с родственниками, песни (11), пение, танцы (21), гулянье (2), гулять, прогулки (2), прогулки по улицам, демонстрация (2), митинг (2), парады, поздравления (5), общение (3), интересное общение, беседы, встреча (6), встреча с друзьями (3), свидание с родными; банкет (2), торжество (4), дискотека, игры (4), концерты, вечеринка, шоу, фестиваль, карнавал, конкурсы (2), розыгрыши (2), сюрпризы (3), представление, утренняя в детском саду, путешествие
Атрибуты	флаги, цветы, шарик (2), фейерверк (2), красный цвет, красное, елка, бутылка, огни, подарки, подарок, цветы и музыка	музыка (29), громкая музыка (3), подарки (48), подарок (7), цветы (11), шарики (24), воздушные шары (7), шары (6), китайские фонарики, бенгальские огни, хлопушка (3), фейерверк (11), фейерверки (2), салют (15), цвет, яркие цвета, яркие краски, елка (7), запах елки (2), запах мандаринов, свет (2), свет огней, золотой свет, свечи, колокольный звон, наряд (2), наряды, нарядные платья, праздничная одежда
Общность, массовость, коллективность	великий (2), всенародный, наш, большой, общий, для всех, всеобщий	великий (2), единение (2), единство (2), объединение, сплоченность, массовость, традиция (2), народное гулянье, наш, вместе, компания друзей, много друзей (3), компания (3), много людей (2), люди в хорошем настроении, народ, много народу, общество (2)

личеству слов-реакций с очевидным перевесом у современников по всем группам, за исключением лишь первой («название праздников»). В АВП советского периода наибольшее количество ассоциаций приходится только на два раздела («Название праздников» и «Эмоциональное состояние»).

Ввиду большого количества и богатого разнообразия ассоциаций, приведенных респондентами и связанных с застольем и пищевыми пристрастиями, пришлось выделить отдельную подгруппу под названием «застолье» в разделе «атрибуты»: *стол* (4), *оригинальный/хороший/вкусный/красивый/праздничный/большой стол, еда* (3), *вкусная еда* (5), *ужин, вкусный/праздничный ужин, угощение* (4), *торт* (14), *тортики, сладости* (2), *вкусности (конфеты), шоколадные конфеты, мороженое* (2), *мандарины* (2), *апельсины* (3), *салат оливье* (3), *пироги* (2), *шашлык* (2), *выпивка* (2), *алкоголь* (3), *шампанское* (6), *коньяк, водка, кока-кола* (4). Примечательно, что увлеченность подготовкой стола имеет и свою обратную сторону, которую респонденты также указали: *хлопоты* (3), *хлопотно, приятные/радостные/предпраздничные хлопоты, заботы* (2), *готовка* (2), *суета* (3), *затраты, уборка, усталость, не выплусь, головная боль, грязная посуда, мусор*. В ответах же наших соотечественников советского периода такого «пищевого разгула» не наблюдается вовсе.

Далее рассмотрим содержание выделенных групп по порядку.

Произошли изменения в составе праздничного календаря: в 1986–1996 гг. — это Новый год, 1 Мая, праздник Октября (7 ноября), 8 марта, день рождения; у современников — Новый год, день рождения, День победы, Рождество, Пасха, Масленица. В советский период лидирует Первой по количеству упоминаний, а в нынешнем календаре — Новый год. Обратит внимание следует на то, что число упомянутых праздников больше у советских граждан, что неслучайно. Это свидетельствует о том, что праздничный календарь советской эпохи был четко регламентирован и встроен в жизнь населения, в отличие от настоящего периода: количество праздников осталось примерно таким же, однако в сознании современников отражена только их часть.

Называние лиц — непосредственных участников праздника — у респондентов советского периода ограничилось всего тремя «персонажами» и с весьма невысокой частотой упоминаний, в то время как у современников обозначение участников характеризуется разнообразием и высокой частотой. Наблюдаются некоторые отличия и в содержательном аспекте: если в первом случае участники праздника охарактеризованы существенными во множественном числе и семантически довольно обобщенно, то во втором случае наличие смещения акцента на персонафикацию и проявление выраженной направленности на семью. Данные показатели указывают на то, что праздники практически совершенно ушли «с улицы» и стали преимущественно домашними.

В группе «эмоциональных состояний» в целом картины схожи. Единственное, что здесь важно, — это наличие проявлений негативного фона наряду с позитивными эмоциями у наших предшественников. К этому вопросу мы еще вернемся ниже.

В другой группе также нет особых различий, кроме большего разнообразия в реакциях у современных респондентов.

Состав атрибутов праздников претерпел некоторые изменения, что вполне объяснимо ввиду смены общественно-политической парадигмы. Среди них

уже нет *флагов* и *красного цвета*, зато заметно изобилие других цветов. Последнее наблюдение довольно четко отражает современную тенденцию к избыточному увлечению внешним антуражем, что идет в ущерб пониманию содержательного наполнения праздника. Можно предположить, что эту же причину имеет и выраженный интерес к гастрономическому аспекту празднования. Отсутствие или несоблюдение (по незнанию или нежеланию) тех или иных ритуалов и обрядов оставляет свободное пространство в празднике, которое заполняется более простым содержанием — например, избыточной едой.

Что касается последней группы характеристик праздника, то интерес представляет следующее: «общность» выражена, на первый взгляд, схожими по смыслу словами, но с весьма ощутимой разницей в тональности. Для советского периода характерна тенденция ко всеобщему охвату, к всенародности, но при этом проявляется некоторая обезличенность в противоположность более выраженной персонализации у современников, которые хоть и тяготеют к единению, но все же в более тесном кругу.

Была составлена таблица, содержащая ассоциации на слово «праздник», получившие наибольшее количество упоминаний (не ниже шести).

При описании того, как организован «Русский ассоциативный словарь», Е. Ф. Тарасов указывал, что в каждой статье словаря, содержащей список слов-реакций, четко различимы частотные реакции и одиночные; при этом частотная часть АП (ассоциативного поля) «устойчива во времени и, вероятно, содержит реакции, обладающие узуальными связями со словом-стимулом» (Тарасов, 2000, с. 36). Мы обращаем внимание не на те слова-реакции, которые имеют только наибольшую частоту упоминаний, а на те, которые, во-первых, присутствуют в обоих временных периодах и, во-вторых, имеют достаточно высокую частоту упоминаний.

В результате сравнения двух столбцов видно, что если в левой половине таблицы ассоциации даются в большей степени как продолжение слова «праздник» (праздник души, веселый праздник и др.), то в правой — это в основном самостоятельные слова, не предполагающие построения словосочетания. Это означает, что в ответах респондентов советского периода между стимулом и реакцией устанавливаются отношения предикации (т. е. приписывания признака), а у современных респондентов данный тип построения словосочетаний отсутствует. Возможно, это связано с некоторыми изменениями в механизмах восприятия действительности и способах ее интерпретации, связанных с переменами общего уклада жизни и общего мировосприятия.

Примечательно, что в полном списке слов-реакций периода 1986–1996 гг. присутствуют такие, которые представляют собой амбивалентную картину праздника, что для него является характерным: праздник по своей природе амбивалентен. Вот несколько примеров, отражающих противоположные характеристики: *грустный—радостный, скучный—веселый, горе/несчастье—радость/счастье, на улице—на селе, удался—не удался, пришел—прошел, будет—не будет, кончился—начался, настоящий—выдуманный, отдых—труда, общий—мой* и др. В ответах наших современников подобной закономерности обнаружить не удалось. Данный факт отчетливо указывает на тенденцию к постепенному отклонению от признанного «классическим» (подлинным) бытования праздника, в котором одновременно

Раздел пятый

Таблица 2

Реакции респондентов на стимул «праздник» по частоте упоминаний

1986–1996		2007–2016	
Реакции	Частота	Реакции	Частота
веселый	59	веселье	115
Новый год	37	радость	97
веселье	28	подарки	48
1 Мая	24	друзья	33
детства	21	музыка	29
души	21	счастье	28
радость	18	Новый год	26
каждый день	16	шарики	24
весны	11	танцы	21
весело	10	смех	20
Октября	10	улыбки	19
демонстрация	9	гости	18
большой	8	отдых	16
8 Марта	7	семья	15
будни	7	салют	15
жизни	7	торт	14
радостный	7	день рождения	13
счастье	7	застолье	13
день рождения	6	фейерверк	13
новогодний	6	песни	11
		цветы	11
		шум	9
		выходной	7
		весело	7
		подарок	7
		елка	7
		воздушные шары	7
		шампанское	6
		люди	6
		шары	6

присутствуют взаимоисключающие друг друга компоненты (горе и радость, слезы и смех, смерть и возрождение). Хотя именно в этом заключается та особенность и специфичность периода празднования, который представляет собой время *перехода* из одного мира в другой, время *выбора* направления движения к одному из полюсов.

Отдельного рассмотрения требует одна из основных черт праздника, отличающая его от повседневности — освобождение от труда. У наших современников это: *выходной день* (2), *выходной* (7), *лишний выходной день, отдых* (16), *отдохновение, отдых от повседневных будней, чувство расслабленности и отдыха, свобода* (6). Реакции респондентов советского периода выглядят следующим образом: *выходной* (5), *отдых* (4), *свобода, свободное время*. Снова заметен перевес в количестве и разнообразии реакций у современных респондентов. И все же важным является сам факт сохранения и представленности в языковом сознании этой основополагающей характеристики праздника: расценивание праздничного периода как времени, свободного от труда и забот.

Теперь обратим внимание на то, что же осталось неизменным в празднике, какие слова-реакции присутствуют в обоих временных периодах. Получается, что *веселье, радость, Новый год, счастье, весело, день рождения* сохраняют так называемый «след» в языковом сознании среднего носителя языка и остаются встроенными в него, что отражено в их количественном показателе. Объединив однородные слова *весело* и *веселье*, получаем своеобразную триаду «веселье — радость — счастье. А Новый год и день рождения можно рассматривать в качестве образца настоящего праздника, который выбирается большинством респондентов как советского, так и нынешнего периодов вот уже на протяжении тридцати с лишним лет.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что лидирующими оказываются элементы не предметного мира человека, а явления его более тонкой сферы — эмоционально-душевной, что указывает на ее неизменную значимость и актуальность. Высказанная Тарасовым точка зрения об устойчивости во времени частотных частей АВП, подтвердилась в нашем эмпирическом исследовании: *веселье, радость и счастье* 1) оказались устойчивыми, поскольку обнаружили свою встроенность в языковом сознании современников, 2) они действительно обладают узальными (отвечающими принятому в данном языковом коллективе употреблению языковых единиц) связями со словом «праздник». Это означает, что, будучи закрепленными в языковом сознании носителей языка, они играют роль трансляторов накопленного опыта предыдущих поколений и общей национальной памяти.

Заключение

Основываясь на понимании языкового сознания как механизма взаимодействия психики, мышления и речи, можно утверждать, что рассмотрение ассоциативных реакций на слово-стимул, зафиксированных в языке в определенный момент времени, дает возможность получить представление о том, каким видится то или иное явление самим носителям языка. Сравнение ассоциативно-вербальных полей слова «праздник» позднесоветского и современного периодов позво-

лило обнаружить как существенные различия в восприятии праздника, так и наличие сходных неизменных.

Литература

Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М.: КД «Либроком», 2001.

Кольцова В. А. Историческая детерминация психологии личности в современном российском обществе. URL: <http://pandia.ru/text/78/591/60075.php> (дата обращения: 12.02.2021).

Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993.

Николаенко Е. В. Историческая психология: программа спецкурса и методические материалы для 4 курса ФГО (специальность «Психология»). Новосибирск: НГТУ, 2005. URL: <http://book.com/478-istoricheskaya-psixologiya-ev-nikolaenko/14-23-metodologiya-istoricheskoy-psixologii.html> (дата обращения: 14 мая 2020).

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. М.: АСТ-Астрель, 2002.

Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: Сб. науч. ст. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 24–38.

Ушакова Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 13–23.

Чулкина Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: Лингвокультурологическое описание. М.: КД «Либроком», 2016.

Holiday in refraction of language consciousness of Russians in late Soviet and contemporary periods

A. M. Borisova

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The article analyzes essential aspects of a holiday in the refraction of language consciousness. There's emphasized the special role of language consciousness as a mechanism of interaction of human psyche, thinking and speech. By applying the associative method it was possible to form the associative-verbal fields (AVF) of the word "holiday" of the late Soviet and modern periods. The comparing of the AVF helped to identify some signs of a holiday presented in both fields. The presence of these characteristics in linguistic consciousness of contemporaries testifies to their constant relevance and confirms the accumulating and transmitting function of a holiday.

Keywords: historical psychology, personality psychology, language consciousness, associative-verbal field, associations, festive culture, holiday.

Влияние идей раннего христианства на формирование права и правового сознания¹

Н. В. Борисова

Институт психологии РАН, borisova07@bk.ru

Современный кризис правосознания, меняющиеся в обществе критерии приемлемого и неприемлемого рожают необходимость обратиться к тем смыслам, которые имели большое значение в процессе формирования правовых норм и правового сознания в истории человечества. Изучение динамики исторических трансформаций в этих сферах позволит приблизиться к пониманию причин данного кризиса и нахождению путей выхода из него. В статье рассматриваются представления о таких категориях правового сознания, как справедливость, равенство, ответственность, свобода, совесть в раннехристианской картине мира, оказавшей значительное влияние на развитие европейских правовых систем.

Ключевые слова: личность, общество, правосознание, закон, нравственность, справедливость, равенство, ответственность, свобода, совесть, любовь, жертвенность, раннее христианство.

Кризис правосознания

Современное общество переживает процесс социальной, экономической, политической и мировоззренческой трансформации (подробнее см.: И вновь на перепутье..., 2019; Современная социальная реальность..., 2014; Человек в условиях..., 2020; и др.). Новые подходы к пониманию законности и права, меняющиеся критерии приемлемого и неприемлемого порождают значительные проблемы, которые касаются не только права как системы общеобязательных социальных норм, охраняемых силой государственного принуждения, но и правосознания как совокупности взглядов, идей, установок, ценностных ориентаций, выражающих отношение отдельных людей и социальных групп к праву, к тому, что является правомерным или неправомерным.

Во многом кризис связан, как отмечает Д. А. Лагун, с выхолащиванием правового содержания в доктрине «прав человека», переходом к обществу, построенному на универсализации моделей жизни в общемировом контексте, ускорением процессов обмена информацией, виртуализацией различных сторон жизни, повышением уровня анонимности общения и др. По его мнению, идея «прав человека» как высшая и универсальная ценность в современном мире дискредитируется:

- тенденциями мирового развития — глобализацией и унификацией политико-правовых режимов;
- кризисом идеи правового государства, что связано с примитивизацией сознания современного обывателя;

---

¹ Исследование выполнено по Госзаданию № 0138-2021-0001.

- кризисом семьи, утратой доверия к власти, релятивизмом и деформацией традиционных социальных регуляторов;
- стремлением придать неправовым явлениям свойства правовых (например, требование правовой защиты интереса лиц с нетрадиционной ориентацией на публичную пропаганду через массовые шествия, митинги, демонстрации своих взглядов на сексуальную природу человека) (Лагун, 2015, с. 27–28).

По мнению М. А. Краснова, слишком широкое понимание прав человека приводит к появлению не соответствующих человеческой природе, а значит, не являющихся естественными «прав» на эвтаназию, клонирование, признание однополых браков и пр. (Краснов, 2015, с. 52). Институт прав человека, основанный на свободе выбора, «вытолкнул на поверхность» многие человеческие пороки (там же, с. 53).

Меняющиеся в обществе критерии приемлемого и неприемлемого рожают необходимость в сложившейся ситуации обращаться к тем смыслам, которые имели большое значение в процессе формирования правовых норм и правового сознания в истории человечества. Изучение динамики исторических трансформаций в этих сферах позволит приблизиться к пониманию причин данного кризиса и нахождению путей выхода из него.

Категории правового сознания и раннехристианская картина мира

Из маленькой республики древние римляне создали вселенскую империю, сделавшись властителями Ойкумены (Величко, 2011). Римское сознание, «железное, последовательное в своей неумолимой поступи, рационально-безжалостное, удивительно организованное и стойкое при неудачах, жило только одним — „Translation imperia“ („трансляцией власти“)» (там же, с. 19). Чувство права древних римлян было связано с переживанием собственного владычества, наложением силы на внешний предмет и сохранением за собой плодов завоеванного. Римляне боготворили свое государство, считая, что «выше статуса римского гражданина не может быть ничего» (там же, с. 18). Вне империи «личность исчезала», неважно, по какой причине: был ли человек варваром или гражданином, скрывавшимся от римского правосудия (Величко, 2011). Лозунг всех античных воззрений на государство и человека: «Нет государства, нет гражданина, а если нет гражданина, то нет и личности» (там же, с. 19).

В римском мирозерцании, отмечает Е. Н. Трубецкой, государство воплощало собой всю полноту божественного всемогущества, обладало всеми божественными атрибутами. Как представители высшей власти на земле императоры обожествлялись, еще при жизни им строили храмы и приносили жертвы. Императорский культ имел принудительный характер для всех подданных, он требовал от человека соблюдения внешних обрядов, церемоний культа, внешнего выражения почтения к императору как высшей власти, божественной и человеческой (Трубецкой, 2012, с. 165).

Идея воплощенного Слова не имела аналогов ни в одной из предшествующих религий и философских умозрений (Философия, 2003). Явление богов в человеческом облике, известное у греков, не означало их вочеловечения (там же). В христианстве Бог становится человеком и совершает дело искупления не отдельных

людей, не одного народа, а всего человечества. Высшая справедливость — это *божественная справедливость*, и она заключается в равенстве всех людей перед Богом. Христианство в значительной степени переосмысливает сословные, национальные или иные различия между людьми. «А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Новый Завет..., 2015, с. 286).

Мыслитель раннего христианства Лактанций (250–325) в своих работах обосновывал, что такими добродетелями, как верность, умеренность, честность, невинность, непорочность и прочими подобными им могут обладать «благодаря природе» или воспитанию и те люди, которые не ведают справедливости (Лактанций, 2007, с. 335). Справедливость же, заключая в себе все добродетели, предполагает в первую очередь познание Бога и равенство. «Ибо если Он приходится всем Отцом, то все мы с равным правом являемся детьми Его. Нет у Бога бедных, кроме лишенных справедливости, нет богатых, кроме преисполненных добродетелей. Нет высокочтимых, кроме добрых и безвинных. Нет светлейших, кроме часто совершающих милосердные поступки. Нет совершеннейших, кроме лишь тех, кто прошел все степени добродетели» (там же, с. 336).

Верховным в христианстве является принцип взаимной любви во Христе. «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумием твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же, подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Новый Завет..., 2015, с. 36). Любовь в данном «высшем религиозно-мистическом смысле» носит в себе «силу бесконечного расширения» (Новгородцев, 2019, с. 298). «В своем внутреннем идеальном существе и проявлении это любовь взаимная и всеобщая, связующая человека невидимой связью со всем человечеством» (там же). Любовь во Христе имеет «благодатное свойство возвышать отдельное человеческое сознание от единичности, оторванности и обособленности к соборности, целостности и вселенскости» (там же, с. 298–299).

В христианстве любовь обретает жертвенный и всепрощающий характер. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Новый Завет..., 2015, с. 145). Жертвенный поступок измеряется не степенью самоотвержения, а степенью чувства любви. «И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (Новый Завет..., 2015, с. 250). «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (там же).

Недоброжелатели и личные враги воспринимаются христианами как жертвы заблуждений, которых следует прощать и даже молиться за них. «Но вам, слушающим, говорю: любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку. Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад.

И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними. И если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? ибо и грешники любящих любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? ибо и грешники то же делают. И если займы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым. Итак, будьте милосердны, как и Отец ваш милосерд» (Новый Завет..., 2015, с. 85–86).

Вочеловечение Бога предполагает таинственные богочеловеческие отношения, взаимные усилия стремящихся друг к другу Бога и человека (Философия, 2003, с. 133). Познание истины не ограничивается свободным парением ума, что было присуще античности, но сопровождается тяжелым трудом. Жизнь христианина — постоянная работа над собой с целью нравственного совершенствования, раскрытия вложенного в человеческую природу нравственного потенциала. Она предполагает аскетические подвиги, развитие самосознания, постоянное осмысление поступков, вслушивание в голос совести, искоренение страстей: эгоизма, гнева, зависти, блуда, сребролюбия и пр. (Философия, 2003). «Роль всеобщее-необходимого знания начинает исполнять этика, цель которой состоит в поисках правильных путей для реализации идеи спасения» (там же, с. 134).

Любовь, прозревающая в каждом человеке образ Божий, в христианине сочетается с высокой степенью нравственной *ответственности* и способностью к волевым действиям в ситуациях, имеющих нравственное значение (Архиепископ Антоний, 2007, с. 30). Мученики, аскеты, святители общедревнейшей, а затем Восточной Церкви — люди, которые продемонстрировали стойкость в утверждении евангельских принципов, возобладав над собственными страхами, тяжелыми условиями жизни, физическими и душевными страданиями. «Все эти три типа — гиганты воли с крайне напряженным сознанием своей нравственной ответственности, в то же время совершенно чуждые не только грубого житейского эгоизма, но и какого бы то ни было тонкого самопревозношения» (там же).

Е. Н. Трубецкой отмечает, что языческое римское государство не признавало свободной и независимой от него человеческой воли, *свободной совести*. Гонения против христиан возникли не потому, что христиане вводили новое и чуждое древнему язычеству Божество, а потому, что они отказывались признавать верховный авторитет императора в делах веры и в делах совести. Типичная формула христианского отношения к языческому государству: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Новый Завет..., 2015, с. 35). Христианин охотно подчинялся кесарю, платил подати и исполнял свои гражданские обязанности, готов был молиться за кесаря, признавая за ним власть, данную свыше, от Бога, но отказывался видеть в нем божество. Таким образом, в разрез с господствующим языческим мировоззрением, христианство внесло в историю представление о свободной человеческой совести, стоящей выше государственного, светского правового порядка (Трубецкой, 2012).

Святитель Николай Сербский, рассуждая о роли государства в жизни человека, отмечает: «Вы сожалеете о римской „культуре“, понимая под ней „прекрасные мраморные статуи, которыми были украшены улицы и площади Рима“. А разве

не сожалеете вы о тысячах несчастных людей, которых волокли в цепях и кандалах мимо этих статуй на казнь? В этом и состоит основная разница между римским и христианским пониманием ценностей. Римляне-язычники ценили государство и культуру выше человеческой жизни, а христианство ценило и ценит человеческую душу выше государства, культуры и всего мира. Ибо и государство, и культура ради человека, а не человек ради государства и культуры. Человек создает государство и культуру не как конечную цель жизни, а как вспомогательное средство для достижения духовных и нравственных целей» (Сербский, 2005, с. 394).

В 313 г. римский император Константин Великий издал эдикт, согласно которому христианское вероисповедание официально признавалось равноправным по отношению к другим религиозным системам. Получившее легализацию это учение стремительно распространялось среди населения, оказывая влияние на все сферы человеческой деятельности, включая институт права. С легализацией христианства римское право включило, допустив в самую сердцевину, христианские идеалы. Актуальным стало уже не древнеримское «одно государство, одна религия, один закон», а христианское «один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас» (Величко, 2011, с. 19).

Константин Великий оставил после себя практическую реализацию христианских идеалов — законодательство, переосмысленное с учетом ценностей христианского правового сознания. Оно отражало: равенство всех перед законом, независимо от социального и материального положения, расовой и конфессиональной принадлежности; признание неумолимости достоинства человека, его права на жизнь, здоровье; равноправие мужчин и женщин; равенство всех народов; запрет на агрессию и захватнические войны; свободу вероисповедания; запрет на смертную казнь и многое другое (Фоминская, 2017, с. 90).

Заключение

Христианством в значительной степени были переосмыслены сословные, национальные и иные различия между людьми и провозглашено равенство всех людей перед Богом. Это фундаментальное положение стало критерием высшей справедливости, имеющей божественное происхождение. Определяющим в христианском мировоззрении является принцип жертвенной и всепрощающей взаимной любви во Христе. Прозревая в каждом человеке образ Божий, христиане с большим вниманием и самоотдачей относятся к окружающим, прощает личные обиды. Его отличает высокая степень нравственной ответственности и способность к волевым действиям в ситуациях, имеющих нравственное значение. Свободу поступать в соответствии с голосом совести христианин ставит выше государственных, светских установлений.

Литература

Архиепископ Антоний (Храповицкий). Избранные труды, письма, материалы. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2007.

- Величко А. М.* Идея права в Византии // Северо-Кавказский юридический вестник. 2011. № 1. С. 15–24.
- И вновь на перепутье? Постсоветским трансформациям 30 лет... / Под ред. М. К. Горшкова, Г. А. Тосуняна. М., 2019.
- Краснов М. А.* Христианство и права человека: компендиум. М.—Берлин: Директ-Медиа, 2015.
- Лагун Д. А.* Кризис и деформация правосознания // Право и демократия: сб. науч. трудов. Вып. 26. Минск: Белорусский гос. ун-т, 2015. С. 22–37.
- Лактанций.* Божественные установления. Книги I–VII. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007.
- Новгородцев П. И.* Лекции по философии права. Избранные произведения. М.: Юрайт, 2019.
- Новый Завет. Псалтырь. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской православной церкви, 2015.
- Сербский Николай,* святитель. Миссионерские письма. М.: Изд-во «Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры», 2005.
- Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2 т. Т. 1. М.: ИСПИ РАН, 2014.
- Трубецкой Е. Н.* История философии права: Древняя Греция. Древний Рим. Раннее христианство. М.: Книжный дом «Либроком», 2012.
- Философия. Учебник. М.: Гардарики, 2003.
- Фоминская М. Д.* Становление христианской идеи прав человека // Философия права. 2017. № 1 (80). С. 90–95.
- Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. А. Нестика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.

The influence of the ideas of early christianity for the formation of law and legal consciousness

N. V. Borisova

Institute of Psychology, RAS, borisova07@bk.ru

The modern crisis of legal consciousness, the changing criteria of acceptable and unacceptable in society, give rise to the need to turn to those meanings that were of great importance in the process of forming legal norms and legal consciousness in the history of mankind. The study of the dynamics of historical transformations in these areas will allow one to get closer to understanding the causes of this crisis and finding ways out of it. The article examines ideas about such categories of legal consciousness as justice, equality, responsibility, freedom, conscience in the early Christian worldview, which had a significant impact on the development of legal systems of European civilization.

Keywords: personality, society, legal consciousness, law, morality, justice, equality, responsibility, freedom, conscience, love, sacrifice, early Christianity.

Изменения праздничного календаря в контексте психолого-исторического исследования¹

М. И. Воловикова

Институт психологии РАН, Москва, margarita-volovikova@yandex.ru

Статья посвящена исследованию последствий изменения официального календаря праздников и выходных дней в контексте историко-психологического подхода к изучению значения праздников в формировании менталитета страны. Ставится вопрос о роли праздничной культуры в сохранении ценностей народа. На примере изменений официального календаря в революционные периоды российской истории показано, что календарь менялся постепенно в первое десятилетие, резко и принципиально после 1929 г. — года «великого перелома», а с началом Великой Отечественной войны в календарь возвращаются воскресенье и семидневный недельный ритм. Постепенные изменения в общественной жизни страны сопровождались небольшими коррекциями официального календаря. Революционными изменениями стали «реабилитация» православных праздников в 1990-е годы и своеобразная замена праздника Октябрьской революции на День Народного Единства. Коррекцию в празднования внесла пандемия в 2020 г.

Ключевые слова: праздник, историческая психология, ценности, менталитет, календарь, Пасха, Бессмертный полк, Новый год, пандемия.

Говоря о роли исторических событий в нашей сегодняшней жизни, В. А. Кольцова отмечала: «В историческом прошлом — истоки многих проблем, которые нас волнуют сегодня, явлений нашей общественной и индивидуальной жизнедеятельности» (Кольцова, 2011, с. 86). Прошлое оставляет материальные свидетельства происходивших когда-то изменений в жизни народа (подробнее см.: Историческая психологи..., 2004; Королёв и др., 2011; и др.), и даже обычные календари могут поведать очень много внимательному исследователю.

Календари отражают маркировку времени, принятую в определенных исторических условиях. Какой будет эта маркировка, оказывается столь важным, что не раз в истории возникали «календарные битвы». Ситуация вековой давности с заменой календаря в России известна. До сих пор приняты обозначения «старый стиль», «новый стиль». «Старый», или юлианский, календарь в феврале 1918 г. был заменен на «новый», григорианский, календарь. Декрет о введении западноевропейского календаря, подписанный Председателем Совета Народных комиссаров В. И. Ульяновым (Лениным), гласил: «В целях установления в России одинакового почти со всеми культурными народами исчисления времени Совет Народных Комиссаров постановляет ввести, по истечении января месяца сего г., в гражданский обиход новый календарь» (Декреты советской власти..., 2021).

В календаре этого первого послереволюционного года сразу после 31 января идет 14 января (или 1 января, по новому стилю). При этом до 1 июля 1918 г. нуж-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-04-69177.

но было указывать 2 даты, одну — по новому стилю, другую, в скобках, по старому. А с 1 июля все государственные учреждения должны были целиком перейти на новый стиль. Перешли все, но не Православная церковь. С введения декрета 1918 г. начинается история «русского Нового года» (Воловикова, 2016). Если раньше сначала праздновали Рождество, а затем Новый год, то теперь уже привычным стало поздравление «С Новым годом и Рождеством!». Гражданский Новый год теперь происходит в «одинаковое почти со всеми культурными народами» время. А через неделю приходит наше Рождество, праздник, у которого много позаимствовал «русский Новый год» (наряженную елку, детские праздники — «Елки», подарки, ожидания...), ставший постепенно самым любимым праздником в СССР (Воловикова и др., 2003). Откуда эта разница в 13 дней?

Она набиралась постепенно, так как в году не ровно 365 дней, а 365,2425 суток. Отчасти точность исчисления помогло восстановить введение в календарь каждые четыре года еще одного дня — 29 февраля. Однако и високосный год не смог полностью решить проблему точности исчисления, и разница с астрономическим временем постепенно накапливалась, достигнув 10 суток к 1582 г. — году введения нового календаря римским папой Григорием XIII. А к 1918 г. эта разница составила как раз 13 суток. К этому времени весь католический мир уже жил по новому календарю. Вводя изменения календаря, Россия принимала новые даты праздников, прежде всего — Пасхи. С этим не могла согласиться православная церковь (кроме обновленцев, но их время закончилось довольно быстро). И казалось бы, астрономическое время было более точным у новостильников, однако «благодатный огонь» в Иерусалиме сходил и сходит каждый год в Великую субботу накануне праздника православной Пасхи, отмечаемой по старому стилю. Причем даже те православные церкви, которые приняли новый стиль, Пасху празднуют по юлианскому календарю.

Есть в календарном времени духовная, сакральная составляющая. Особенно это становится явно в дни праздников, включенных в официальный государственный календарь. Так, до революции в Российской державе было 30 праздничных дней в год, почти все из них соответствовали календарю православных праздников. «Из гражданских праздников в ранг государственных были включены лишь январский Новый год и так называемые царские дни — дни восшествия на престол и коронации» (Русские, 1997, с. 585).

Эти детали очень полезно знать для того, чтобы понять, что означала для русских людей замена календаря в 1918 г. Привычный праздничный календарь, в ритме которого Россия жила веками, нарушался, а с этим менялась картина ценностных приоритетов.

Изменения официального календаря происходили постепенно. Сначала из него ушли «царские дни». Их заменили первые революционные праздники новой власти: февральская революция (27 февраля/12 марта) и День Интернационала — так тогда назывался праздник 1 Мая (на который отводился 1 день). К гражданским праздникам относился Новый год, а остальные праздники перекочевали из дореволюционного календаря, только отмечались они по новому стилю, а Пасха и связанные с нею праздники — по старому (пятница и суббота Страстной недели, понедельник и вторник Пасхальной недели, день Вознесения Господня и второй день праздника Троицы — Сошествия Святого Духа) (О Церкви, календарях..., 2015).

Если перечень основных («двунадесятих») праздников в последующие годы менялся, то Пасха неизменно оставалась в календаре вплоть до 1929 г. — года «великого перелома». В приведенном на рисунке 1 календаре отмечены новые революционные праздники: день смерти Ленина, объединенный с «кровавым воскресеньем» 9/22 января, день «Парижской коммуны», день Конституции и два дня празднования Пролетарской революции. Это «праздники». А вот «дни отдыха» — это Пасха (3 дня), Вознесение, Троица (2 дня), Преображение, Успение и Рождество (2 дня). «Днями отдыха» можно было воспользоваться без сохранения зарплаты.

Пасха и связанные с нею годовые ритмы (Великий пост, Страстная седмица, Троица) настолько плотно вошли в жизнь русских людей, что новая власть более десяти лет не решалась убрать этот праздник из официального календаря, заметное снижение только его ранг — от «праздника» до «дня отдыха». Но обратим внимание на то, что на Пасху приходится 3 дня «отдыха», что означает картину ценностных приоритетов, которая в самом существенном отличается от той, которая складывается на основе современного официального календаря, где уже давно снято идеологическое ограничение на Пасху и Рождество. Рождество в 1990-х годах было первым религиозным праздником, ставшим государственным в новой России. Затем к 7 января был добавлен еще один выходной день 8 января, а появившиеся в начале 2000-х «новогодние каникулы» хотя бы отчасти стали совпадать со временем Святков.

В отличие от Рождества, Пасха всегда приходится на воскресный день. Именно поэтому в новом календаре она специально не выделяется. И если для наших предков в 1929 г. еще было совершенно очевидным, что главный праздник пра-

ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ на 1929 год							
Дни:	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ	МАЙ	ИЮНЬ	Дни:
Воскресенье	6 13 20 27	3 10 17 24	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	Воскресенье
Понедельник	7 14 21 28	4 11 18 25	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24	Понедельник
Вторник	1 8 15 22 29	5 12 19 26	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25	Вторник
Среда	2 9 16 23 30	6 13 20 27	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26	Среда
Четверг	3 10 17 24 31	7 14 21 28	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27	Четверг
Пятница	4 11 18 25	1 8 15 22	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28	Пятница
Суббота	5 12 19 26	2 9 16 23	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29	Суббота
Дни:	ИЮЛЬ	АВГУСТ	СЕНТЯБРЬ	ОКТАБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ	Дни:
Воскресенье	7 14 21 28	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	Воскресенье
Понедельник	1 8 15 22 29	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	Понедельник
Вторник	2 9 16 23 30	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	Вторник
Среда	3 10 17 24 31	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	Среда
Четверг	4 11 18 25	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	Четверг
Пятница	5 12 19 26	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	Пятница
Суббота	6 13 20 27	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	Суббота
Январь. 1—Новый год. 22—День 9-го января 1905 г. и день памяти вождя пролетариата Владимира Ильича ЛЕНИНА. Март. 12—Низверж. самодержавия. 18—День Парижской Коммуны. Май. 1, 2—Дни Интернационала. 4, 6—Дни отдыха.				Июнь. 13, 23, 24—Дни отдыха. Июль. 7—Празднование дня Конституции СССР. Август. 6—День отдыха. Ноябрь. 7, 8—Дни празднования Пролетарской Революции. Декабрь. 25, 26—Дни отдыха.			

Рис. 1. Календарь на 1929 г.

вославною календаря включает в себя завершающий день Страстной седмицы — Великую субботу, а в более ранних календарях — еще и Страстную пятницу, то для большинства наших современников Пасха начинается с освящения куличей, крашенки днем в субботу и завершается последующим воскресеньем. А это означает, что предвещающее Воскресение Крестное страдание уходит из внимания граждан новой России.

Но не так было в предвоенном поколении. Идеал, основанный на бессмертии крестного подвига любви, растворился в российском сознании и пророс подвигами во время войны и, в конечном счете, в Великой победе. И это несмотря на десятилетие предвоенных репрессий.

К 1940 г. в календаре уже не оставалось ни понедельника, ни воскресенья, дни недели назывались Первый, Второй. Шестой — в шестидневке не было места «малой Пасхе» (воскресенью).

На рисунке 2 можно видеть предвоенный календарь на 1939 год, в котором не осталось ни февральской революции, ни дня Парижской коммуны, а воскресенье («малая Пасха») ликвидировано в принципе, на уровне недельных ритмов.

Дни шестидневки	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ
Первый	1 7 13 19 25	1 7 13 19 25	1 7 13 19 25
Второй	2 8 14 20 26	2 8 14 20 26	2 8 14 20 26
Третий	3 9 15 21 27	3 9 15 21 27	3 9 15 21 27
Четвертый	4 10 16 22 28	4 10 16 22 28	4 10 16 22 28
Пятый	5 11 17 23 29	5 11 17 23 29	5 11 17 23 29
Шестой	6 12 18 24 30	6 12 18 24	6 12 18 24 30 31

Дни шестидневки	АПРЕЛЬ	МАЙ	ИЮНЬ
Первый	1 7 13 19 25	1 7 13 19 25	1 7 13 19 25
Второй	2 8 14 20 26	2 8 14 20 26	2 8 14 20 26
Третий	3 9 15 21 27	3 9 15 21 27	3 9 15 21 27
Четвертый	4 10 16 22 28	4 10 16 22 28	4 10 16 22 28
Пятый	5 11 17 23 29	5 11 17 23 29	5 11 17 23 29
Шестой	6 12 18 24 30	6 12 18 24 30	6 12 18 24 30 31

Дни шестидневки	ИЮЛЬ	АВГУСТ	СЕНТЯБРЬ
Первый	1 7 13 19 25	1 7 13 19 25	1 7 13 19 25
Второй	2 8 14 20 26	2 8 14 20 26	2 8 14 20 26
Третий	3 9 15 21 27	3 9 15 21 27	3 9 15 21 27
Четвертый	4 10 16 22 28	4 10 16 22 28	4 10 16 22 28
Пятый	5 11 17 23 29	5 11 17 23 29	5 11 17 23 29
Шестой	6 12 18 24 30	6 12 18 24 30	6 12 18 24 30 31

Дни шестидневки	ОКТАБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ
Первый	1 7 13 19 25	1 7 13 19 25	1 7 13 19 25
Второй	2 8 14 20 26	2 8 14 20 26	2 8 14 20 26
Третий	3 9 15 21 27	3 9 15 21 27	3 9 15 21 27
Четвертый	4 10 16 22 28	4 10 16 22 28	4 10 16 22 28
Пятый	5 11 17 23 29	5 11 17 23 29	5 11 17 23 29
Шестой	6 12 18 24 30	6 12 18 24 30	6 12 18 24 30 31

НЕРАБОЧИЕ ДНИ в 1939 г.:
22 января, 1 и 2 мая, 7 и 8 ноября, 5 декабря

**ТАБЕЛЬ КАЛЕНДАРЬ
НА 1939**

Рис. 2. Календарь на 1939 год.

Шестидневная рабочая неделя, названия дней недели: первый, второй, третий, четвертый, пятый и шестой. Нерабочие дни: 22 января, 1 и 2 мая, 7 и 8 ноября и 5 декабря

Что можно сказать о предлагаемой системе ценностных приоритетов? «Интернационал», «Революция» и «Сталинская Конституция». А 22 января — день смерти Ленина, возможно, полагался как образ бессмертия «вечно живого» (так принято было называть обитателя Мавзолея на Красной площади). Возможно, дело в том, что русские люди в течение веков формировались в пасхальных ритмах утверждения победы над смертью, и власти пытались предложить какую-то замену этой идеи.

Однако начавшаяся война обнажила нежизненность такого кардинального изменения ценностных приоритетов. Начиная с 1942 г. в календарь вернулось воскресенье как точка отсчета недельного ритма: понедельник — следующий день после «недели» (название воскресенья на церковно-славянском), вторник — второй день, среда — середина седмицы, четверг — четвертый день, пятница — пятый день. И суббота — библейский день покоя.

На рисунке 3 можно видеть календарь, который сложился к году Победы. Кроме новогоднего 1 января, в него добавились все выходные воскресенья.

В 1946 г. в календаре появился выходной День Победы 9 мая и 3 сентября — День победы над Японией. Правда, продержались эти праздники до 1947 г. В 1948 г. 9 мая пришлось на воскресный день, а в календаре на 1949 г. уже нет ни Дня победы 9 мая, ни 3 сентября — победы над Японией. В самом начале 1950-х годов из праздничных выходных дней уходит день смерти Ленина. Также в 1949 г. вы-

Рис. 3. Календарь на 1945 год

ходной на Новый год 1 января отменяется. В 1960-е годы в календарь возвращаются День Победы, Новый год, а к концу 1970-х годов официальный календарь приобретает привычный для нас вид — 8 Марта, 9 Мая, 1 января, но без Дня Конституции 5 декабря.

Следующая волна изменений связана с постперестроечными настроениями в стране. Убавляется 1 день от празднования Октябрьской революции, и в начале 1990-х годов в официальный календарь возвращается Рождество (по старому стилю — 7 января).

Самые революционные изменения происходят в 2000-е годы. Они связаны не только с появлением «новогодних каникул», но фактически с «заменой» праздника Октябрьской революции на День народного единства 4 ноября. Психологическое исследование динамики отношения к «осенним праздникам» (Борисова, Воловикова, 2016) позволило выявить, как постепенно меняется тональность обсуждения: от агрессии и обиды половины респондентов из-за отмены «Октября» — до спокойного принятия новой даты, но пока не в качестве праздника в подлинном смысле этого слова, а как «дня отдыха» (вспомним «дни отдыха» в отличие от «праздников» послереволюционного календаря). В исследовании показано, как не сразу принимается новый праздник и как старый праздник не тотчас уходит из жизни людей, но может возвращаться, хотя и в измененном виде.

«Праздников праздник» — так называлась в России Пасха, переживаемое из год в год событие утверждения победы над смертью. Исследователи отмечают, что именно Пасхе принадлежит особая роль в формировании русского характера, бесстрашия и храбрости наших воинов (Громыко, Буганов, 2007).

Как сохранилась память этого праздника в условиях запретов, об этом сейчас можно только предполагать. Что-то передавалось в семье, от бабушек и дедушек, от родителей. Что-то, что не позволило принять идею бессмертия Ленина, и день его смерти постепенно ушел из памяти народа и из праздничного календаря. Но естественно был принят и только ширился от года к году День Победы, породивший такую удивительную акцию, как «Бессмертный полк», в самом названии которой содержится утверждение бессмертия в народной памяти тех, подвигом и страданиями которых была завоевана Победа.

Пандемия коронавируса внесла коррективы в празднования и проявила значение праздника для личной и общественной жизни. «Бессмертный полк» сохранился в пространстве Интернета, видоизменившись с 2020 г. по форме проведения. Но при этом количество участников к 2021 г. только возросло: «К прошедшим в трансляции прошлого года более чем 2,5 млн участников этой весной присоединилось порядка 2,5 млн новых анкет. В этом году трансляция шествия была организована отдельно по каждому из 85 регионов России и прошла в течение одного дня» (Бессмертный полк онлайн, 2021).

Новый год 2020/2021 показал стойкость уже сложившейся традиции московской молодежи встречать праздник на Красной площади. Хотя из-за пандемии доступ на площадь был закрыт, народ собрался у ограды и радовался концу високосного года рядом с Красной площадью.

Самые большие переживания верующих были связаны с тем, что период вынужденной изоляции попал на Великий пост и Пасху. Запрет посещать храмы принимался с трудом и не всеми. А суббота накануне Пасхи подтвердила наши

предположения о том, что наиболее укорененным в народе оказался ритуал освящения в храмах (или во дворе рядом с храмом) куличей и крашенных яиц. На самом деле освятить все можно самому дома. Но кто знает, возможно, этот радостный и идущий из детства ритуал в свое время не позволил праздников празднику совсем стереться из народной памяти в период гонений и отсутствия упоминаний в официальных календарях.

Заключение

Как объект исторической психологии праздник помогает понять систему ценностных приоритетов наших предков. Анализ динамики изменений официального праздничного календаря позволяет заметить два разнонаправленных процесса: воздействие со стороны государства на праздничную жизнь граждан и стремление граждан сохранить привычный с детства и важный для каждого строй праздничной жизни.

На примере изменений официального календаря в революционные периоды российской истории видно, что календарь менялся постепенно в первое десятилетие, резко и принципиально после 1929 г. — год «великого перелома», а с началом Великой Отечественной войны в календарь возвращаются воскресенье и семидневный недельный ритм.

Стремление изменить праздничный календарь при изменении строя общественной жизни косвенно свидетельствует о важности праздников в формировании ценностной картины мира.

Совершенно неожиданным образом тема праздников проявилась в период пандемии. Празднование любимого в народе Нового года было лишено торжественности и массовости. А период Великого поста и Пасхи практически совпал с периодом самоизоляции, что вызвало реальные проблемы с соблюдением карантина.

Проведение акции «Бессмертный полк» в режиме онлайн позволило поддержать традицию и даже увеличить количество участников.

Однако именно пандемия помогла прочувствовать, что «роскошь человеческого общения» — подлинное богатство настоящего праздника.

Литература

Бессмертный полк онлайн. URL: <https://www.polkrf.ru/news/glavnye-sobytiya/bessmertnyj-polok-onlajn-itogi-akcii-3707> (дата обращения: 15.05.2021).

Борисова А. М., Воловикова М. И. Динамика социальных представлений о новом государственном празднике в период 2007–2015 гг. // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1 (1). С. 41–60. URL: <http://www.soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document210.pdf> (дата обращения: 15.04.2021).

Воловикова М. И. Психологический анализ феномена «русский новый год» // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии. Материалы Пятой международной научной конференции / Отв. ред. В. В. Гриценко. Смоленск, 2016. С. 18–20.

- Воловикова М. И., Тихомирова С. В., Борисова А. М. Психология и праздник: праздник в жизни человека. М.: Пер Сэ, 2003.
- Громыко М. М., Буганов А. А. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2007.
- Декреты Советской власти 1917–1918 гг. // Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/ДЕКРЕТ/index.html> (дата обращения: 23.04.2021).
- Историческая психология: предмет, структура и методы. М: МосГУ, 2004.
- Кольцова В. А. Историческая психология как комплексная отрасль знания: теоретико-эмпирический анализ // Психологический журнал. 2011. Т. 32. С. 85–95.
- Королев А. А., Журавлев А. Л., Кольцова В. А. История и психология: неумолчный диалог. Учебное пособие / Под ред. А. А. Королева. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011.
- О церкви, календарях и о том, как безбожная советская власть церковные праздники отмечала. 2015. URL: <https://pontokot.livejournal.com/538820.html> (дата обращения: 01.03.2021).
- Русские / Отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М.: Наука, 1997.

Changes in the holiday calendar in the context of historical and psychological research

M. I. Volovikova

Moscow, Institute of Psychology. The Russian Academy of Sciences

The article is devoted to the study of the consequences of changing the official calendar of holidays and days off in the context of a historical and psychological approach to the study of the importance of holidays in the formation of the country's mentality. The question is raised about the role of festive culture in preserving the values of the people. Using the example of changes in the official calendar in the revolutionary periods of Russian history, it is shown that the calendar changed gradually in the first decade, sharply and fundamentally after 1929 – the year of the “great turning point”, and with the beginning of the Great Patriotic War, Sunday and the seven-day weekly rhythm returned to the calendar. Gradual changes in the country's social life were accompanied by minor adjustments to the official calendar. The revolutionary changes were the “rehabilitation” of Orthodox holidays in the 1990s. and a kind of replacement of the holiday of the October Revolution for the Day of National Unity. The pandemic in 2020 made a correction to the celebrations.

Keywords: holiday, historical psychology, values, mentality, calendar, Easter, Immortal regiment, New Year, pandemic.

Архетип «смерти навсегда» дохристианской Руси

Л. Н. Горюнова

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
lgorynova@mail.ru*

В работе использованы психоаналитические понятия «коллективное бессознательное» и «архетип» для анализа представлений о смерти в дохристианской Руси. Предложен архетип «смерти навсегда» как один из наиболее архаичных, характерных для древнеславянской культурной традиции. Описана парадоксальность его ценностно-смыслового ядра: смерть как отправление на «вечное» житье; смерть как исчерпанность «доли»; смерть как торжество жизни над смертью. На основе архетипа «смерти навсегда» предложено новое осмысление исторических событий разрушения киевского капища князем Владимиром и убийства волхва из Лаврентьевской летописи.

Ключевые слова: архетип смерти, коллективное бессознательное, архетип смерти навсегда, введение христианства на Руси, древнеславянская мифология.

Психоаналитические представления о смерти и коллективном бессознательном

После выхода в свет работ С. Шпильрейн «Деструкция как причина становления» и З. Фрейда «Влечения и их судьбы», «Мы и смерть», «В духе времени о войне и смерти», «По ту сторону принципа удовольствия» сформировались психоаналитические представления о смерти, которые можно свести к простому утверждению, что у человека есть влечения к жизни (эрос) и есть влечения к смерти (разрушению). Влечение к смерти предстало как глубинное качество человека. Ж. Лакан неоднократно утверждал, что влечение к смерти — это центральное понятие психоанализа и «выражает, в сущности, предел исторической функции субъекта, а не индивидуальный срок жизни» (Лакан, 1995, с. 87). В конечном счете, по мнению Лакана, Фрейд предполагал онтологический смысл бессознательного, определяя бессознательное как «ядро нашего бытия» (Лакан, 2009, с. 64). Архетип, по К. Г. Юнгу, возвращает к какой-то норме прошлого, которая зафиксирована в коллективном бессознательном и воспроизводится в культуре, придавая энергию развития историческим событиям. Можно суммировать предположения относительно механизма влияния архетипов на исторические события, которые заключаются в том, что архетип «обеспечивает» всех их участников доступом к одинаковому смысловому контексту и сохраняет целостность ситуации, в которой каждый из участников постигает свой единичный смысл.

Фрейд рассматривает истоки формирования древних представлений о смерти в тесной связи с развитием представлений о табу. В некотором смысле архетип смерти является «мета-табу», что на индивидуальном уровне определяет «правильность» или «неправильность» смерти. Известно, что в народных поверьях переход в пространство смерти совершается по-разному: как «правильная» смерть

и как «неправильная». Архетип смерти, согласно психоаналитическим представлениям, вытекает из противоположности между сознательной болью и бессознательным удовлетворением по поводу смерти и должен служить формой разрешения указанных противоречий. Фрейд рассматривал существование человека в двойственном аспекте: «Индивид ведет двойное существование — как самец и как звено в цепи, которой он служит вопреки или во всяком случае помимо собственной воли... являясь смертным носителем, быть может, бессмертной субстанции...» (Фрейд, 2000, с. 122). Основная драма смерти заключается в том, что смерть индивида является обязательным условием продолжения и развития рода, и с этой точки зрения не только неизбежна, но и удовлетворительна.

Психология коллективного бессознательного в работах З. Фрейда и его учеников К. Г. Юнга, Т. Райка, В. Вайцеккера, Ж. Лакана выражает совокупность опыта человечества в ответ на постоянные воздействия внешнего мира (Юнг, 1991, с. 119). Архетипы — это архаические первообразы, которые символически представляют человека и его место в мире. Джеймс Фрезер в своей работе «Золотая ветвь: исследование магии и религии» описал архетип «умирающего и воскресающего» бога (Осирис, Адонис, Персефона, Таммуз), который Юнг интерпретировал с позиций психоанализа как божество, которое проявляет одновременно и желание жизни, и волю к смерти: умирающий и воскресающий бог, «томящаяся тоскою по матери инфантильная личность, жертвующая, под видом Митры, желанием (libido), под видом же Христа идущая на смерть; оба действуют и добровольно, и недобровольно» (Юнг, 1994). Уместно обратить внимание на то, что российские исследователи С. А. Токарев, Е. М. Мелетинский, А. Ф. Лосев поддержали взгляд Фрезера в аспекте признания архетипа «умирающего и воскресающего» бога как части славянской календарной обрядности и обрядности плодородия, в рамках которых представлена символическая смерть. Мифологические персонажи Ярило, Кострома, Кострубонько и др., связанные с календарной мифологией, вне сомнений, имеют отношение к периодам пробуждения природы и ее увядания. Основная проблематика языческих богов, связанных с силами природы, заключается в том, что языческие боги одновременно являются «добрыми» и «злыми». Они могут как защитить, помочь, так и сурово покарать. Взаимоотношения с ними полны драматизма и даже трагизма для древних людей.

Итак, драма смерти в психоанализе выражается в столкновении противоположных тенденций: сознательной боли по поводу переживания смерти и бессознательного удовлетворения ею; создания, соединения и сохранения всего существа, с одной стороны, и направленности на разрыв связей, разрушения — с другой; одновременных страха смерти и непреодолимого влечения к ней; признания смерти как уничтожения и отрицания ее существования. Фрейд и Лакан утвердили представления о коллективном бессознательном как силе, которая выходит за рамки субъекта, об инстинкте смерти как предельной возможности исторической функции субъекта. В архетипах сплавляются культурное и природное начала, служа катализатором и «спусковым крючком» развития исторических событий. Архетип выступает в виде эмоционально «заряженного» образа и возвращает к какой-то норме прошлого. Историческая правда в нем бессознательно искажена и замаскирована, но это «послание» из прошлой реальности, возможно, мост между «этим миром» и «миром иным». Юнг называл архетипы символическими

выражениями «внутренней и бессознательной драмы души» (Юнг, 1991, с. 99). Он пишет, что архетипы — «это куски самой жизни, образы, которые через мост эмоций интегрально связаны с живым человеком. Вот почему невозможно дать произвольную (или универсальную) интерпретацию любого архетипа. Его нужно объяснить способом, на который указывает вся жизненная ситуация...» (Юнг, 1991, с. 64). Юнг считал, что попытка строгого изложения архетипа «гасит» истину непостижимого ядра его значения. Ни один архетип не может быть сведен к простой формуле, и все архетипы сплавлены в коллективном бессознательном. Юнг писал, что изучение архетипов в рациональном контексте без опоры на «чувственный тон» приведет к перечислению мифологических понятий, которые могут быть связаны вместе, чтобы показать, что все что-то означает — или что все не означает ничего. По его мнению, архетип по мере заполнения конкретным содержанием и его интерпретации теряет свою архетипическую природу и власть над человеком и становится выражением конкретной ситуации. Символическое значение архетипа только частично поддается рационализации и воспринимается в своем единстве интуитивно (Юнг, 1991, с. 25). Архетип «смерти навсегда» — упоение смертью как разрушением, разрыв связи с материнским началом, принятие драматизма перемен.

Архетип «смерти навсегда» в событиях введения христианства на Руси

События введения христианства на Руси включают ниспровержение Перуна при разрушении киевского капища князем Владимиром. В статье «Пролог крещения Руси», делая подробный анализ событий разрушения киевского капища, М. А. Васильев указывает на возможность похорон Перуна со всей необходимой языческой обрядностью: «Все это позволяет заключить, что Владимир в Киеве и его приближенные в Новгороде действовали не произвольно, что ниспровержение „Бога богов“ Перуна здесь было проведено в соответствии с языческими ритуалами, языческой обрядностью» (Васильев, 1999, с. 234). Действия Владимира «представляли собой языческий обряд „изгнания — выпроваживания“, даже „похорон“ кумиров бывшего верховного государственного божества Перуна, а следовательно, и самого этого бога» (Васильев, 1999, с. 235). Васильев приводит разнообразные аргументы в подтверждение версии «похорон-уничтожения», «изгнания-выпровождения» в соответствии с языческими ритуалами и похоронной символикой. В этом состоит парадоксальное ядро архетипа «смерти навсегда» — «отжившее» изгоняется. Его «отправляют» на «вечное житие», фактически он становится «чужим», в разрушении связей берет начало энергия перемен.

Также приведем описание смерти волхва из Лаврентьевской летописи в работе А. Н. Соболева «Загробный мир по древнерусским представлениям»: «Встал при Глебе (Святославиче) Новгороде волхв, хвалясь, что „все ведает“. Он хулит „веру хрестьянскую“ и обещался перейти „по Волхову пред всеми“. Народ слушал его как человека божественного, и проповедь его имела успех — „все яша ему веру и хотяху погубити епископа“. Ревностный же епископ, держа крест в руках, звал к себе верных христиан, но ослепленные граждане толпились вокруг обманщика; „все идоша за волхва“, — говорит летописец: один князь Глеб и его дружи-

на приложились ко святому кресту. Происшедший мятеж, грозящий кровавой расправой с епископом, был прекращен находчивостью князя, который подошел к мнимому „всезнаю-чародею“ и спросил: предвидит ли он, что будет с ним в тот день? Волхв ответил: „Я чудеса велика сотворю“. Но „Глеб, — говорит летописец, — вынем топор, роста и, и паде волхв мертв, и людье разидошася“» (Соболев, 1913, с. 16). Без труда в представленном примере мы узнаем «шаблон», который задан архетипом «смерти навсегда», отличается лишь ряд деталей, которые связаны с конкретным местом и временем действия, а также его масштабами: смерть прежнего кумира от рук властителя (в данном случае князя); публичность казни; сочувствие присутствующих убитому кумиру; отсутствие сопротивления насильственной смерти; отсутствие страха наказания («кары») за совершенное убийство. Так событие приобретает сакральный характер, а убийство приобретает значение «смерти навсегда».

Архетип «смерти навсегда» в древнеславянской мифологии

Представления древних славян о вечном мире предков основаны на образе смерти как переходе в «иной мир», пути и способе этого перехода, причислении умерших к сомну предков, воздействию предков на благополучие живых людей. Представления о вечном мире определяли формы взаимодействия с предками в похоронной и календарной обрядности. Погребальная обрядность имеет цель обеспечить «правильный» переход умершего в «мир иной» и утвердить роль обожествленных предков в жизни живых. Календарная обрядность направлена на заклание благополучия, которое зависело от воли обожествленных предков. Ценностно-смысловое ядро архетипа «смерти навсегда» в древнеславянской мифологии представлено устойчивой, повторяющейся тематикой смерти: смерти как перехода на «вечное» житье; смерти как исчерпанности «доли» и «исчезновения»; символической смерти как торжества жизни и бессмертия.

Смерть как переход на «вечное» житье

Царство мертвых у древних славян не делится на рай и ад. Тот свет, который описан в волшебных сказках, ничем не отличается от «этого» света: «Там таков же свет, как и у нас» (Елеонская, 1994, с. 43). В архаических представлениях о смерти смерть осознается как переход на «вечное» житье в отличие от «этого» мира, где человек был только в гостях. В причитании по умершим часто говорится: «Во страну иду чужую, откуда никто не придет». Млечный Путь считался дорогой, по которой души умерших идут на тот свет. Мост в славянской мифологии считается связующим звеном между мирами. Древнерусские церковные поучения содержат сообщения, что язычники мосты «творяют» над мертвыми.

Похоронный обряд сопровождает переход от жизни к смерти. Смерть выступает как неизбежное и predetermined событие. В похоронном обряде оплакивание направлено на отдаление покойника от живых и утверждение факта смерти окончательным: «Живое живому, мертвое мертвому» (поговорка). Тело умершего обмывали теплой водой и надевали новую одежду, так как на «том» свете человек появляется в той одежде, в которой умер. Покойника всегда несли ногами вперед,

чтобы он не видел дороги назад. В качестве элементов вербального кода погребального обряда выделяют обращение к покойнику «гость», «родители», упоминание о «дальней дороге». «Дальняя дорога» характеризуется односторонностью, безвозвратностью и неопределенностью «того света» как переход в область смерти. «Родители», т. е. все умершие родственники, даже если умер ребенок. С одной стороны, покойника желали оставить в мире живых как можно дольше, с другой стороны, его пытались как можно скорее «отправить» в мир мертвых (Исследования в области..., 1990, с. 216–224).

Смерть как исчерпанность «доли»

В славянском фольклоре ярко выступает концепция смерти как исчерпанности до конца предназначенной человеку доли. Концепт «доля» в славянской культуре является одним из самых действенных и значимых. На бытовом уровне доля выступает как надел хлеба или любой еды в славянской трапезе. Доля как участь, судьба, рок является одним из важнейших сюжетобразующих мотивов в сказочном эпосе, лирической балладе, эпических песнях («Повесть о Горе-Злочастии»). Доля – это бесповоротно предопределенный срок и характер жизни, удача человека и его достаток, также жизненная сила, которую должен израсходовать человек до смерти. Со значением «доля» связаны понятия своя/не своя доля, своя/не своя смерть. Умершие своей смертью почитались как святые деды-родители. Умершие не своей смертью становились демоническими существами. Жизненная сила, которую не израсходовали умершие «до срока», начинает действовать из области смерти, нанося урон живым. С другой стороны, слишком долго живущие старики «чужой век заедают». Древнейшее представление о «своей смерти» совпадает с представлением о смерти «не ранее и не позже», т. е. отжил «свой век», и наделением умершего «своей долей», которую обеспечивает погребальный обряд. Тема «доли» в славянской культуре отражает полную предопределенность событий жизни («на роду написано») и душевного облика («такой уродился») (Исследования в области..., 1990, с. 54–63). А. Вержбицкая считает, что принцип «ничего не поделаешь!» обладает уникальной семантикой принятия судьбы и присущ только русскому языку.

Торжество жизни над смертью

Идея торжества жизни с наибольшей полнотой представлена в календарных обрядах в виде символической смерти. Н. Н. Велецкая, исследуя обряды ритуальных символических похорон (похороны Костромы, похороны Ярило, сжигание чучела на масленицу и др.), пишет, что свойственная славянам форма обрядности – это ношение чучела и последующее уничтожение его – потопление, сжигание или разрывание (Велецкая, 2003, с. 62). В. Я. Пропп показал, что в русских праздниках момент растерзания, утопления и сожжения сопровождается ликованием, весельем, смехом и фарсовыми действиями. Основным элементом Масленицы, единственного языческого праздника, который не получил христианской интерпретации, являются «проводы» или «похороны» Масленицы – чучела, которое чаще всего изображалось в виде женской фигуры. Масленицу сталкивали

в воду, сжигали или разрывали на части. Аналогичный обряд «похорон ведьмы» или «похорон Ярилы» проводился на Купалу. Приобрел широкую известность обряд «похорон Костромы». Также в различных источниках описаны «похороны кукушки», «похороны русалки» и др. В славянских сказках, легендах, эпических песнях и балладах прослеживается идея бессмертия жизненного начала и мотивы перевоплощения после смерти в деревья, растения, животных, птиц, в новорожденного ребенка. Например, причитания по умершему с просьбой возвратиться «ясным соколом», «белым голубочком», «сизой кукушечкой», «пташечкой». Птицы выступают как символ духа умерших. Поговорка «Родится на смерть, а умирает на жизнь» отражает воззрения о вечном кругообороте перевоплощений.

Ритуал отправления на «тот свет»

Глубокая связь между предками и живущими, которая особенно проявлялась в наиболее значимые моменты жизни, нашла свое отражение в волшебных сказках о чудесных помощниках, которые приходят по воле умерших родителей в трудные времена или как подарок за особое почитание. Предполагают, что в начальный период истории у славян был ритуал отправления на «тот свет» (добровольная смерть). Д. К. Зеленин в работе о «добровольной» смерти описывает ритуал как отправление на «тот свет» почтенных и уважаемых стариков. Н. Н. Велецкая, анализируя славянские устно-поэтические материалы, делает предположение, что «вера в могущество предков-покровителей заставляла отправлять на „тот свет“ своих посланцев. С помощью них общество надеялось избежать бедствий, приводящих его к катастрофе» (Велецкая, 2003, с. 44). Зеленин неоднократно подчеркивал, что обычай отправления на «тот свет» касался самых почтенных и уважаемых стариков. Сведения об этом ритуале у древних славян носят предположительный характер. Если подобный ритуал имел место, то в настоящее время его смыслы для современного человека полностью закрыты. Смысловое ядро архетипа «смерти навсегда» может быть рассмотрено как «отголоски» забытого ритуала.

Представленная выше тематика смерти в древнеславянской мифологии — как перехода на «вечное» житье; как исчерпанности «доли»; как торжества жизни; архаического ритуала отправления на «тот свет» — намеренно не называется архетипами смерти. Представленная тематика смерти, вне сомнений, имеет отношение к архетипу смерти, но большей частью к его воображаемому аспекту. Для того чтобы выделить архетип, необходимо вычленив событие, драму и ее разрешение, «включить» эмоциональный компонент. Архетип «смерти навсегда» в мифологии показывает, как разыгрывалась историческая драма неизбежности предела жизни, условия бессмертия человеческого рода.

Место драмы — пространство жизни и пространство смерти. Умершего направляют в момент перехода в мир иной, охраняют живых от возврата умерших. Образ иного мира — это мир без возврата.

Герои драмы — обожествленные предки. Культ предков или культ усопших обеспечивал возможность древних славян чувствовать себя частью мистической силы, выходящей за рамки человеческой жизни. Мотив «присоединения» к предкам и превращения в «дедов» выступает как высшая цель индивидуальной жизни (Соболев, 1913, с. 163–168). «Возвращение» предков в поминальные дни — это

короткое время контакта. В поминальные дни предки «возвращаются» в «гости» для почитания. После вступления умершего в сонм предков его ранг повышается, обращение «князь мой» или «княгиня моя» (и другие высокостатусные наименования) встречается повсеместно в причитаниях (Исследования в области..., 1990, с. 135–146).

Развитие драмы — это нарастание удовлетворения смертью и победа чувства страха. Вспомним, что смерть индивида является обязательным условием продолжения и развития рода, и с этой точки зрения не только неизбежна, но и удовлетворительна. Как в календарных обрядах поминовения предков, так и в поминальной обрядовости повсеместно встречаются элементы торжества, веселья, праздника и радости. Велецкая пишет: «Все формы символизации смерти сопровождало ритуальное веселье...» (Велецкая, 2003, с. 64–65). Древнеславянская тризна, ритуальная борьба «не на жизнь, а на смерть», исход которой определяет то, что следует затем в отрезке времени до возобновления обряда в следующий раз.

Кульминация драмы — испытание. Смерть разрушает то, что исчерпало себя и должно отдать свою силу оставшемуся на земле. Испытание смертью неизбежно (Владимир повелел двенадцати мужам на пути Перуна, чтобы они избивали его палками; князь Глеб спросил, предвидит ли кудесник, что будет с ним).

Финал драмы — разрушение. Смерть связана с разрушением. Жизнь торжествует. Смерть завершает судьбу.

Архетипы смерти в мировой мифологии неисчерпаемы. Они отражают смерть как возврат к истокам, смерть как исполнение судьбы, смерть как загробный суд, смерть как высшее свершение и подведение итогов, смерть как испытание и возрождение (Щепановская, 2011). Архетип «смерти навсегда в древнеславянской дохристианской народной традиции может служить опосредованной, эмоционально-образной частью коллективного бессознательного, в свете которой преломляются и приобретают смыслы исторические события и драмы славянских народов: смерть как радость разрыва с истоками. Согласно концепции, архетипы не исчезают, они видоизменяются, наполняются новым содержанием, но остаются в своей основе энергетической составляющей, задающей энергию развития общественно значимым событиям, тому, что остается в народной памяти. По выражению Фрейда, это то, чему «попросту нельзя не поддаться». В определенной мере историческая правда в нем бессознательно искажена и замаскирована, она выражает предел исторической значимости конкретного события. Но архетип действительно возвращает нечто из реального прошлого уже на ином историческом отрезке и иных уровнях развития общества, нечто из реального прошлого, что должно быть названо вечным.

Литература

Васильев М. А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа кн. Владимира. М.: Индрик, 1999.

Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: София, 2003.

Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России: Сб. трудов. М.: Индрик, 1994.

- Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребал. Обряд / Отв. ред. В. В. Иванов, Л. Г. Невская. М.: Наука, 1990.
- Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1995.
- Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинар, Книга II (1954/55)). М.: Гнозис: Логос, 2009.
- Соболев А. Н. (свящ.). Загробный Мир по древнерусским представлениям (Литературно-исторический опыт исследования древнерусского народного мирозерцания). Сергиев Посад: Тип. Вильде, 1913.
- Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. Харьков: Фолио, 2000.
- Щепановская Е. М. Генезис и классификация мифологических архетипов: культурфилософский подход: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2011.
- Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.
- Юнг К. Г. Либи́до, его метаморфозы и символы. СПб.: Вост.-Европ. ин-т психоанализа, 1994.

The archetype of “death forever” of pre-christian slavic religion

L. Goryunova

St Petersburg State University, St Petersburg, lgoryunova@mail.ru

The work uses psychoanalytic concepts of the collective unconscious and the archetype to analyze the concept of death in pre-Christian Russia. The archetype of “death forever” is proposed as one of the most archaic for the ancient Slavic cultural tradition. Its core includes: death as a departure for “eternal” life; death as the exhaustion of the “share”; death as the triumph of life over death.

Keywords: the archetype of death, the collective unconscious, the archetype of death forever, the introduction of Christianity in Russia, ancient Slavic mythology.

Проблема происхождения индивидуализма: возможности междисциплинарных исследований

А. А. Григорьев

Институт психологии РАН, Москва, andrey4002775@yandex.ru

Рассмотрены возможности, которые дает междисциплинарная интеграция психологии и истории при изучении вопроса о происхождении индивидуалистической культуры. Показано, что такая интеграция приведет, во-первых, к обогащению содержания понятия индивидуализма в психологии, во-вторых, к изменению распро-

страненных среди психологов представлений о времени и факторах возникновения индивидуализма, в-третьих, к пересмотру взглядов на отношение индивидуализма и дистанции власти, а также к возможности рассмотрения этих культурных измерений в контексте институционального анализа. Кроме того, эта интеграция создаст предпосылки для пересмотра положения о социально-экономической детерминации культурных различий. Как результаты исторического анализа, так и данные психогенетических исследований указывают на то, что возникновение индивидуализма не является результатом, по крайней мере исключительно, социально-экономического развития.

Ключевые слова: культура, индивидуализм, коллективизм, дистанция власти, собственность, социально-экономические условия, восточные деспотии.

«Индивидуализм» и «коллективизм» являются самыми частотными терминами в психологических работах, посвященных роли культуры как фактора поведения людей. В исторических дисциплинах индивидуализм также является одним из объектов исследований (см.: Гуревич, 2005). Создается, однако, впечатление, что психологические и исторические работы, имеющие один объект, существуют как бы в разных мирах, не взаимодействуя, по крайней мере явно, друг с другом. В частности, это касается вопроса, входящего в сферу компетенции исторической психологии: вопроса о том, когда и в силу чего возникли различия между индивидуалистическими и коллективистскими обществами.

Психологи условиями возникновения индивидуализма считают рост благосостояния, индустриализацию и урбанизацию (Лебедева, Татарко, 2007; Hofstede et al., 2010). Хофстеде с соавт., правда, уточняют, что есть отклоняющиеся случаи: в странах Восточной Азии коллективизм сохраняется, несмотря на индустриализацию (авторы объясняют это влиянием конфуцианства), а в некоторых странах Западной Европы (особенно в Англии, Шотландии и Нидерландах) индивидуалистические ценности обнаруживаются века назад, когда средний уровень жизни был низок, а в экономике довлел сельскохозяйственный сектор. Кроме того, по утверждению этих авторов, для ранних этапов развития общества стадии охоты и собирательства тоже характерен индивидуализм (с переходом к земледелию он сменился коллективизмом).

Историки расходятся во мнении об источниках и времени возникновения различий между индивидуалистической и коллективистской культурами, однако из их работ в целом создается весьма отличная от рисуемой психологами картина этого процесса.

В настоящей работе делается попытка рассмотреть возможности интеграции психологических и исторических исследований по проблематике индивидуализма—коллективизма. Безусловно, попытка интеграции работ, изучающих одноименные объекты, но выполненных в разных дисциплинах, вызывает оправданное опасение: в какой мере эти одноименные объекты соотносимы? В разных дисциплинах различаются концептуальная рамка, материал, методы анализа. Это может иметь следствием различное «наполнение» одноименных объектов. Исследователю, пытающемуся осуществить междисциплинарную интеграцию, необходимо постоянно «отслеживать» степень расхождения одноименных по-

нятий в разных дисциплинах. И здесь появляются возможности для взаимного обогащения.

В случае индивидуализма как объекта психологических исследований и индивидуализма как объекта исторических исследований одно важное различие в их содержании обнаруживается сразу. В исторических работах индивидуализм связывался с категориями личности, индивидуальности, сознания и самосознания. В них становление индивидуализма сближается с осознанием человеком себя, своей индивидуальности и неповторимости или же полагается, что в истории имели место разные виды индивидуализации. Таким образом, индивидуализм сопрягается с определенным уровнем развития сознания, что дает основание связать его и с определенным уровнем когнитивного развития. Прежде эта точка зрения была не чужда и психологам (см.: Брунер, 1977), но некоторыми современными специалистами в области психологии культуры она, похоже, не поддерживается. Углубленный психологизм работ историков оказался возможен благодаря использованию ими релевантного материала — текстов, составленных в изучаемую эпоху.

Другим отличием индивидуализма как объекта исторических исследований от индивидуализма как объекта психологических исследований является внимание к имущественной стороне. Здесь историки также располагают релевантными сведениями — об отношениях собственности в данном месте и времени.

Трудно представить, как эти различия в содержании изучаемого объекта могут явиться препятствием к междисциплинарной интеграции психологии и истории при его исследовании. Напротив, представляется, в частности, что учет психологами выводов историков (и, возможно, работ по смежным дисциплинам) по тематике индивидуализма может быть очень плодотворным, приведет к обогащению содержания данного понятия.

Проблема возникновения индивидуализма распадается на три вопроса: о времени, месте и факторах возникновения.

Как уже говорилось, психологи локализируют становление индивидуализма в недавнем времени (допуская, впрочем, его существование до перехода к земледелию), хотя делают исключение для некоторых стран Западной Европы. Факторы его возникновения они видят в индустриализации и урбанизации. Выдвижение таких факторов снимает вопрос о месте возникновения индивидуализма: оно должно произойти в любом месте вслед за индустриализацией и урбанизацией, если нет препятствующих обстоятельств (например, влияния конфуцианства).

На все три названных вопроса мы находим в исторических работах другие ответы. Согласно А. Я. Гуревичу, историки датируют возникновение индивидуализма самое позднее XVII в., причем не обязательно в Англии—Шотландии—Нидерландах (Гуревич, 2005). Одни утверждают, в частности, что это произошло в эпоху Ренессанса в Италии. Другая точка зрения состоит в том, что «открытие индивидуальности» на Западе было постепенным процессом, начавшемся со второй половины XI—середины XII в. Гуревич считал, что индивидуализм — более древнее явление, по крайней мере, в германском мире. При этом он не рассматривал его как нечто статичное, он утверждал, что индивидуализм претерпевал трансформации. На примере средневековой Исландии он охарактеризовал архаический индивидуализм, существовавший предположительно в Европе в дохрис-

тианскую эпоху. Есть данные, свидетельствующие о существовании индивидуализма в столь отдаленные времена. Диахронический анализ текстов средневековых христианских авторов не показывает нарастания в них числа свидетельств индивидуализма с течением времен. «Напротив. Наиболее впечатляющее и глубокое проникновение в недра собственного Я мы наблюдаем в период перехода от Античности к Средневековью, ибо „Исповедь“ Аврелия Августина воплощает такую степень личностного самоуглубления, какой, пожалуй, не достигали другие создатели автобиографий и исповедей на протяжении многих последующих столетий» (там же, с. 364). К аналогичным выводам привело историка и обращение к древнескандинавским памятникам, берущим свое начало в дохристианской культуре: песням «Эдды», скальдической поэзии, сагам. Их герои заботятся о личных достижениях, о сохранении и преумножении собственной чести и славы. Наконец, согласно археологическим и другим данным, у древних германцев господствовал индивидуализм в хозяйственной деятельности. У них «преобладала хуторская система поселений, и каждый владелец вел свое обособленное хозяйство» (там же, с. 44). «Хуторская форма поселения была связана с индивидуальным владением и использованием полей, лугами, лесами и прочими угодьями», она «исключала существование сельской общины» (там же, с. 50–51). Переселенцы из Норвегии в Исландию (с конца IX в.) «неизменно стремятся избежать близкого соседства и нуждаются в создании вокруг своей усадьбы обширного и никем не занятого пространства» (там же, с. 51).

Таким образом, «момент возникновения» индивидуализма в исторически обозримом прошлом не обнаруживается. В регионах, охваченных анализом, он существовал в самый ранний период, по которому имеются данные.

Учет имущественной стороны индивидуализма, отношений собственности позволяет очертить его пространственные границы в прошлом. Индивидуализм можно предполагать там, где существовали, по словам Р. Пайпса, «права собственности в их современном понимании»; эти права, по его утверждению, впервые появились в древних Греции и Риме (Пайпс, 2000, с. 135). Л. С. Васильев также полагал, что рыночно-частнособственническая структура возникла в средиземноморской античности (Васильев, 1993). Выше цитировалась работа, в которой утверждалось, что у древних германцев было распространено индивидуальное владение. Таким образом, исходя из работ историков, в качестве места возникновения индивидуализма следовало бы назвать Запад как культурный ареал с меняющимися географическими границами, хотя уместность здесь разговора о «возникновении» вызывает сомнение, поскольку создается впечатление, что индивидуализм был присущ Западу в той или иной мере во все времена его существования и является едва ли не его атрибутом. Страной вне Запада, в истории которой прослеживались признаки индивидуализма, была Япония. Так, К. А. Виттфогель отмечает, что «децентрализованное и основанное на праве собственности общество японского средневековья гораздо более походило на феодальный строй далекого европейского мира, чем на... модель соседнего Китая. Поэты феодальной Японии, как и поэты феодальной Европы, прославляли подвиги отдельных воинов или групп воинов» (Виттфогель, электронный ресурс).

Наконец, рассмотрим взгляды историков касательно факторов возникновения индивидуализма. Вероятно, большинство из них подтвердит мнение, высказан-

ное в названных выше работах психологов, о роли развития общества в его появлении. Есть, однако, и другие точки зрения. Так, А. Макфарлен в книге «Истоки английского индивидуализма», изданной в 1978 г., утверждает, что в период английской истории, к которому относятся проанализированные им документы, индивидуализм присутствовал всегда. Это означает, продолжает он, что нельзя считать источниками английского индивидуализма протестантизм, изменение населения, развитие рыночной экономики в конце Средневековья или другие предлагаемые факторы. Индивидуализм предворяет изменения XVI в. и, можно сказать, образует их все (Macfarlane, 1978, p. 196). А. Я. Гуревич также считал, что «было бы неоправданным упрощением выводить» «мировосприятие... самосознание и нормы социального поведения» древних германцев «из структуры поселений и хозяйствования». Более вероятным он считал обратное направление связи (Гуревич, 2005, с. 51).

В целом, если по вопросу об ареале возникновения индивидуализма психологи и историки хотя и расходятся, но не вступают в резкое противоречие, то по вопросам о времени и факторах его возникновения точка зрения некоторых историков отличается от бытующей в психологии. Авторы ряда исторических работ относят становление индивидуализма в ареале его распространения к значительно более ранним срокам, а социальные условия и их изменения как факторы его возникновения отрицают. Разногласия касательно источников индивидуализма выводят на вопрос о направлении связи культуры и социально-экономических условий, которые зачастую коррелируют (подробнее см.: Лебедева, Татарко, 2007). Психологи, изучающие культуру, склонны присоединяться к положению о социально-экономической детерминации культуры. Однако, как можно видеть, в некоторых исторических работах утверждается возможность противоположного направления связи.

Психологические модели культуры представляют ее в виде какого-то числа независимых характеристик («измерений»). Одним из таких измерений в модели Хофстеде является индивидуализм — коллективизм, в модели Шварца ему соответствует измерение автономия — принадлежность (автономия разделяется на интеллектуальную и аффективную). Другим измерением у Хофстеде является дистанция власти, которой в модели Шварца соответствует равновесие — иерархия. В исторических работах эти две культурные характеристики образуют единство и могут быть включены в контекст институционального анализа. Этот контекст хорошо очерчен в модели Р. М. Нуреева и Ю. В. Латова (Нуреев, Латов, 2011). В данной модели разделяются два пути общественного развития: один основан на институтах частной собственности и спонтанного регулирования, другой — на институтах коллективной собственности и государственного регулирования. Собственно о развитии можно говорить только применительно к первому пути: в нем выделяются стадии, напоминающие знакомые каждому учившемуся в советской школе «общественно-экономические формации»: античное общество, феодальное общество, капиталистическое общество и посткапиталистическое общество. Второй путь на стадии не делится, динамика, согласно данной модели, там может быть только за счет «искусственной социальной инженерии», имеющей место, когда государства, пошедшие по первому пути, находят на капиталистической стадии. По первому пути пошел Запад, по второму почти весь остальной мир.

Большое значение в работах историков придается анализу того или иного феодального государства. При европейском феодализме возникли новые отношения между индивидом и обществом (см.: Гуревич, 2005) и сложилась практика взаимных обязательств между сеньором и вассалом, немислимая в восточных деспотиях (Пайпс, 2000, с. 143). Вассал не был ровней сеньору, но договор они заключали как равноправные субъекты. Выше отмечалось историческое сходство Японии с европейским Западом. Р. Пайпс, признавая, что «в Японии сложился строй, несколько напоминающий европейский феодализм» (там же), отмечает, что принцип взаимных обязательств и там был неведом. Судя по книге П. Карпини, посетившего в XIII в. Монгольскую империю, европейцам, жившим в эпоху феодализма, бросалось в глаза отличие института собственности в восточных деспотиях: «И следует также знать, что все настолько находится в руке императора, что никто не смеет сказать: „это мое или его“, но все принадлежит императору, то есть имуществу, выючный скот и люди, и по этому поводу недавно даже появился указ императора» (Путешествия в восточные страны..., 1957, с. 45–46). Нельзя сказать, что в восточных деспотиях частная собственность отсутствовала. В той или иной мере она могла существовать, но по отношению к власти всегда занимала подчиненное положение. «Чрезмерно богатевшие собственники всегда встречали противодействие властей и рисковали головой и, уж во всяком случае, своими богатствами, конфискация которых под любыми предлогами была обычной практикой» (Васильев, 1982, с. 89).

Как можно видеть, институт собственности является связующим звеном между отношениями индивида с коллективом и отношениями индивида с властью. Существование в социуме полноценной частной собственности означает имущественную независимость, по крайней мере, некоторых его членов и от коллективов, и от властей. Имущественная независимость должна коррелировать с меньшей социальной зависимостью: дело не только в том, что первая создает предпосылку для последней, а скорее в том, что в обществах обычно бывают одинаковые установки по отношению ко всем видам независимости. Таким образом, в обществах, где существует частная собственность, можно ожидать меньшей зависимости и от коллективов, и от властей. Два измерения культуры, индивидуализм—коллективизм и дистанция власти, оказываются закономерно связанными. Неудивительно, что значения по этим измерениям в разных странах коррелируют (см.: Hofstede et al., 2010).

Необходимо вернуться к вопросу о направлении связи культуры с социально-экономическими условиями. Выше говорилось, что некоторые историки допускают возможность того, что не какие-то социально-экономические условия были причиной возникновения индивидуализма, а индивидуализм был их фактором. Действительно, его ареалом во все времена, по которым есть данные, был «Запад», к которому в прошлом относилась средиземноморская античность и Западная Европа. Там он существовал при разных социально-экономических условиях, что не дает возможность объяснить возникновение индивидуализма какими-либо из них. Л. С. Васильев предположил, что общественная структура, атрибутом которой является индивидуализм, возникла «в ходе чего-то вроде социальной мутации», представляя собой отклонение от общемировой нормы (Васильев, 1993, с. 146). И вот здесь уже психология, точнее, психогенетика предоставляет цен-

ный материал для решения проблемы происхождения индивидуализма. В свете данных о связи частот некоторых генных аллелей со значениями стран по измерению индивидуализм — коллективизм (см.: Gorodnichenko, Roland, 2010; Roland, 2020) можно предположить, что мутация была не «социальной»: имелись генетические предпосылки к распространению индивидуализма в западных популяциях. В таком случае безуспешность попыток объяснить возникновение индивидуализма действием социально-экономических факторов становится ожидаемой.

Таким образом, результаты как исторического анализа, так и психогенетических исследований свидетельствуют о том, что возникновение индивидуализма не является результатом, по крайней мере исключительно, социально-экономического развития. То, что данное культурное явление не объясняется статистически связанными с ним социально-экономическими условиями, делает более вероятным противоположное направление связи. В какой мере это справедливо для культуры вообще, покажут будущие исследования.

Заключение

Целью данной работы являлось показать, какие возможности может предоставить объединение усилий психологов и историков при решении вопроса об источниках индивидуализма. Сопоставление работ, выполненных в русле двух дисциплин, выявило следующее. Во-первых, учет психологами работ историков по тематике индивидуализма обогащает содержание данного понятия в психологии. Во-вторых, если по вопросу об ареале распространения индивидуализма между психологическими и историческими работами нет резкого противоречия (хотя есть расхождение), то по вопросам о времени и факторах его возникновения в ряде исторических работ высказывается отличающаяся от бытующей в психологии точка зрения. В-третьих, две культурные характеристики, индивидуализм-коллективизм и дистанция власти, представленные в психологических работах как два разных измерения, в исторических работах образуют единство и могут рассматриваться в контексте институционального анализа. В-четвертых, привлечение работ историков позволяет критически отнестись к положению о социально-экономической детерминации культурных различий, а обращение к данным психогенетических исследований открывает возможности для объяснения их возникновения. В целом междисциплинарная интеграция психологии и истории при исследовании культуры представляется исключительно плодотворной.

Литература

- Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977.
- Васильев Л. С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в Средние века. М.: Наука, 1982. С. 60–99.
- Васильев Л. С. Традиционный Восток и марксистский социализм // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти». М.: Вост. лит., 1993. С. 143–176.

- Виттфогель К. А. Деспотизм Востока. Сравнительное исследование тотальной власти. URL: http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml#translator (дата обращения: 21.08.2021).
- Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.: Изд-во «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005.
- Лебедева А. М., Татарко А. Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2007.
- Нуреев Р. М., Латов Ю. В. Когда и почему разошлись пути развития России и Западной Европы // Мир России. 2011. № 4. С. 24–59.
- Пайнс Р. Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
- Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957.
- Gorodnichenko Y., Roland G. Culture, institutions and the wealth of nations // Working Paper 16368. National Bureau of Economic Research 1050 Massachusetts Avenue Cambridge, MA 02138. 2010. URL: <http://www.nber.org/papers/w16368> (дата обращения: 21.07.2011).
- Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Culture and Organization. N. Y. etc., 2010.
- Macfarlane A. The Origins of English Individualism. N. Y.: Cambridge University Press, 1978.
- Roland G. The deep historical roots of modern culture: A comparative perspective // Journal of Comparative Economics. 2020. V. 48. P. 483–508.

The problem of the origin of individualism: perspectives of interdisciplinary studies

A. A. Grigoriev

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow

The article discusses the possibilities that the interdisciplinary integration of psychology and history provides when studying the issue of the origin of individualistic culture. It is shown that such integration will lead, firstly, to the enrichment of the content of the concept of individualism in psychology, secondly, to a change in the opinions widespread among psychologists about the time and factors of the origin of individualism, and thirdly, to a revision of views on the relation of individualism and the distance of power, and the possibility of considering these cultural dimensions in the context of institutional analysis. In addition, this integration will create the preconditions for revising the assertion that cultural differences have a socio-economic determination. In the works of some historians, it has been argued that individualism arose not due to socio-economic reasons, while in psychogenetic researches, on the other hand, it was shown that there are genetic prerequisites for the spread of individualism.

Keywords: culture, individualism, collectivism, power distance, property, oriental despotism.

Идентичность в российской психологии: от исследования феномена к поиску причин

А. А. Гудзовская

*ГБ НОУ «Академия для одаренных детей (Наяновой)»,
Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С. П. Королёва, г. Самара, aag_1@rambler.ru*

Представлен анализ понятия «идентичность» и история его исследований в российской психологии. Показано, что *идентичность* как *тождественность* изначально рассматривается в философских работах. Идея идентичности в современном понимании содержится в концепциях *самосознания, самопонимания, самоопределения, социальной перцепции*. Идентичность становится самостоятельным предметом исследований в российских публикациях в конце XX в., анализируется и описывается как феномен, в котором выделяются различные компоненты (этническая, профессиональная идентичность и пр.). В последующие десятилетия происходит расширение проблемного поля идентичности (2-й этап). На 3-м этапе проводятся исследования, связывающие транзитивность общества с трансформациями идентичности. Прогнозируется появление экспериментальных исследований идентичности, анализирующих влияние идентичности на поведение субъекта.

Ключевые слова: идентичность, персональная идентичность, социальная идентичность, виртуальная идентичность, самосознание, Я-концепция, транзитивное общество, самокатегоризация.

Истоки возникновения понятия «идентичность»

Проблематика идентичности в последние десятилетия заняла заметное место в психологических исследованиях ввиду значимости при изучении структуры психологического здоровья человека, конструировании им своего социального поведения, выборе поведенческих стратегий, «в силу высокого объяснительного потенциала самого концепта идентичности» (Белинская, 2018, с. 7). Идентичность является интегрирующим предметом исследований в философии, социологии, психологии, психиатрии, политологии.

Исторически «идентичность» возникает как непосредственно философская категория (Дж. Локк, Д. Юм, Э. Дюркгейм, П. Рикер). Локк в «Опыте о человеческом разумении» (1690) рассматривает это понятие как осознание человеком самотождественности, которое распространяется на любые прошлые действия или мысли. В классической философии идентичность обсуждается преимущественно в рамках проблемы самосознания субъекта. В неклассической (постметафизической) философии для осмысления субъектного бытия термин «идентичность» становится ведущим (Демин, 2015). В психологии нашли воплощение философские идеи субъектности, самосознания, самодетерминации, формирования идентичности под влиянием общества (Д. Юм), реализации идентичности человека в его суждениях и поступках (И. Кант) и мн. др.

Идею последовательности и непротиворечивости субъекта, его тождественности самому себе находим у родоначальника учения о сознании У. Джеймса. В «Общей психопатологии» (1913) К. Ясперс относит осознание собственной идентичности во времени жизни, собственной целостности и отличия от остального мира к числу главных признаков здорового сознания. Понятие идентичности использовалось в символическом интеракционизме (Дж. Мид), в ролевых теориях личности, в социально-философских теориях, анализирующих особенности взаимоотношений человека и общества (Э. Фромм), как идея «самости», осознания «Я», внутреннего мира личности (З. Фрейд, В. Вундт, В. Титченер и др.).

В российской психологии понятия «Я», «самость» включаются в исследования личности, самоопределения в социальном мире, в анализ отношений «Я—Мы», «Мы—Они» (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Поршнев, Б. Г. Ананьев).

В 1968 г. выходит книга Л. И. Божович «Личность и ее формирование в детском возрасте». Рассматривая процесс формирования Я и социализации в онтогенезе, автор придает первостепенное значение освоению ребенком социальных ролей, которое позволяет «присвоить» опыт взаимоотношений с окружающей социальной действительностью. Роль, в понимании Божович, предстает как форма социальной идентичности, «Я» — концептуализация того опыта, который получает человек, выполняя разные роли. Чем больше освоено социальных ролей, тем выше организация Я. Коллективизм рассматривается как значимая характеристика личности.

В дальнейшем публикуются научные труды, посвященные самосознанию, самоотношению, самоопределению, поискам Я (М. Р. Гинзбург, И. С. Кон, В. И. Слободчиков, В. В. Столин, Г. А. Цукерман). Понятие принадлежности к общности имплицитно содержится в исследованиях группы и коллектива в период 1970—1980-х годов: С. А. Будасси, А. В. Петровский, А. А. Кроник, К. Е. Данилин, А. И. Донцов. Групповая принадлежность включает элементы: солидарность с групповыми целями, знание групповых норм, сопричастность, групповое единство, «Мы-чувство» (А. С. Золотнякова, Е. А. Родионова, Р. М. Самсонов).

Статус самостоятельного научного понятия категория «идентичность» получила в работах Э. Эриксона (1940-е годы). Эриксон синтезирует двоякость значений идентичности, добавляет к идентичности как «самости», самоосмысленности и знанию собственного Я идеи социальной идентичности, непрерывности самопознания, положительности отдельных аспектов идентичности, кризиса идентичности. Работы Эриксона, созданные преимущественно в психоаналитическом ключе, оказали влияние на всю психологическую науку. Проблема идентичности стала рассматриваться в социальной психологии, в психологии развития, в контексте психологии социального познания и когнитивной социальной психологии.

Другим важным теоретическим базисом для современных психологических исследований идентичности становится «теория социальной идентичности» Г. Тэджфела и «теория самокатегоризации» Дж. Тернера (рубеж 1970—1980-х годов). Тернер выделил три уровня самокатегоризации: 1) самокатегоризация себя как человеческого существа (общечеловеческая идентичность); 2) групповая самокатегоризация — социальная идентичность; 3) личностная самокатегоризация. Появление теорий Тэджфела и Тернера, основанных на экспериментальных дан-

ных, вызвало резкий рост числа публикаций, анализирующих социальную идентичность как чувство принадлежности к группе.

Первые исследования идентичности в российской психологии

В российской психологии термин и исследования идентичности появляются в конце 1990-х годов. Этому способствовали публикация на русском языке статей Г. Тэджфела, перевод книг Р. Бернса, Э. Эриксона. Результаты эмпирических и экспериментальных зарубежных исследований идентичности представлены в переводных книгах (Ф. Коркюф, Ж.-Ф. Лейенс, Б. Дарден, К. Герген, Дж. Тернер, К. Фидлер, Г. Блесс, Х. Морис).

Первые эмпирические исследования идентичности были посвящены таким компонентам в конфигурации социальной идентичности, как этническая идентичность и идентичность, связанная со страной проживания (В. С. Агеев, В. С. Мухина, О. Л. Романова, А. С. Мамбаева, Н. М. Лебедева, Г. У. Солдатова, Т. Г. Стефаненко, В. Н. Павленко, В. Ю. Хотинец, З. В. Сикевич, А. А. Байченко, С. С. Душанбаева). Феномен этнической идентичности рассматривался как осознанный, включающий в себя самовосприятие, понимание, оценивание, переживание своей принадлежности к этнической общности. Проводились сравнительные исследования отношения к другим этносам, этнических стереотипов в зависимости от этнической принадлежности.

В этот период опубликованы обзорные монографии по проблемам социальной идентичности и социального познания (В. С. Агеев, Е. В. Якимова, Л. Г. Почебут, Г. М. Андреева и др.), в которых рассматривается многокомпонентная структура идентичности, компоненты идентичности анализируются как факторы поведения человека. Н. Л. Иванова в докторской диссертации анализирует структуру социальной идентичности как самостоятельную феноменологическую и концептуальную область. Л. Д. Гудков обсуждает феномены негативной идентичности и негативной мобилизации. Особенности идентичности изучаются в связи с когнитивными стилями (Е. В. Федорова), с границами «Я» (А. Ш. Тхостов, Н. Н. Лебедева, А. Н. Татарко).

Особым направлением анализа идентичности является социально-перцептивное направление, исследование восприятия человека человеком, разрабатываемое в российской психологии А. А. Бодалевым, А. У. Харашем, Н. Н. Обозовым, А. А. Реаном, А. Е. Войскунским, И. П. Шкуратовой, В. А. Лабунской и др. Отличительной особенностью этого направления является использование экспериментальных методов, изучение социально-психологических факторов, влияющих на самопрезентацию и социальную перцепцию.

Проблемное поле современных исследований идентичности

За последние два-три десятилетия идентичность становится одним из центральных понятий современной социальной психологии (Иванова, 2003). В обширном списке научных публикаций, посвященных идентичности, выявляются несколько главных проблемных областей исследования, актуальных для российской психологии:

- возникновение и развития идентичности в онтогенезе;
- факторы развития персональной и социальной идентичности;
- характеристики конструктивной идентичности;
- идентичность в транзитивном обществе.

Проблема появления идентичности и ее компонентов в онтогенезе нашла свое отражение в тематике диссертационных исследований, связанных с развитием личностной идентичности (О. В. Беляева, М. В. Цельмина, А. А. Таганова); полового и гендерного аспектов социальной идентичности (И. В. Романов, Т. А. Крылова, Д. Г. Пирогов, Л. Н. Ожигова, Н. Ю. Флотская, К. В. Сыроквашина, Т. В. Моисеева). Одной из ведущих задач исследователей является попытка определить возрастной период, в котором происходит появление идентичности и становление различных ее компонентов. Эта задача перекликается с проблемами возникновения самосознания, с проблемами того, что считать точкой отсчета, как учитывать потенциальные формы самосознания и идентичности.

Увеличение социального пространства в подростковом и юношеском возрасте способствует активному соотношению Я с социальными группами, что влияет на резкие изменения в формировании социальной идентичности (И. С. Кон, И. В. Дубровина). Большое количество работ посвящено анализу формирования идентичности в этом возрасте (А. Е. Жичкина, Е. П. Белинская, Г. Р. Хузеева, М. Ю. Кузьмин). Социальная идентичность подростков и юношей включает семейную идентичность (С. С. Строкова, И. А. Семикашева), полоролевую идентичность (О. Г. Калина, А. Б. Холмогорова), самоопределение в рамках возрастной субкультуры (А. И. Семикашева, А. И. Нихотина). В наших работах показано, что персональная, социальная и даже общечеловеческая идентичность могут быть понятны детям в возрасте 7–8 лет (Гудзовская, 2014).

Актуальной проблемой является изучение *факторов развития социальной и персональной идентичности*, возможностей целенаправленного влияния на содержание разных ее компонентов. В рамках разработки этой проблемы проведены исследования становления профессиональной идентичности (Н. В. Антонова, Л. Б. Шнейдер, И. Ю. Вороцкая, А. А. Яшина, З. В. Ермакова, Е. А. Зоткина). Исследование становления профессиональной идентичности проводится в образовательных учреждениях (В. А. Кениг, Г. В. Гарбузова, А. А. Озерина), в разных профессиональных сообществах (И. Ю. Вороцкая, Е. Е. Трандина, З. В. Ермакова), в рамках профессионального самоопределения (Е. А. Климов, Н. С. Пряжников, Д. А. Леонтьев, Е. В. Шелобанова, Н. Р. Гулина).

Социокультурные факторы являются определяющими для становления таких компонентов социальной идентичности, как *временная, средовая идентичность* (Е. П. Белинская, Г. М. Андреева), *социокультурная идентичность* (Д. Н. Шульгина, Л. И. Русских, Е. П. Мазуткова). Эмпирически выявлено, что идентификационные процессы жителей мегаполисов и небольших городов существенно различаются (Акопов, 2002). Внешняя ценность и привлекательность города, чувство привычности и безопасности в нем являются основаниями идентичности с городом (Н. А. Даудрих, И. С. Самошкина, О. В. Кружкова). Социокультурная идентичность, отражающая особенности поколенческой группы, формируется путем передачи культурной памяти, т. е. определенной структуры общих представлений,

связывающих прошлое, настоящее и будущее в единое целое (Т. Г. Стефаненко, В. Н. Муха, Т. П. Емельянова, N. Shalaeva, J. Tavani Louis, P. Mollaret, A. Gudzovskaya).

В наших исследованиях в условиях психолого-педагогического эксперимента была показана возможность целенаправленного формирования общечеловеческой идентичности и разных компонентов социальной идентичности в младшем школьном возрасте (Гудзовская, 2014). Идентичность оказалась устойчивой в течение 18 лет наблюдения. Е. П. Авдучевская в экспериментальных исследованиях убедительно показывает, как в 20-дневный срок в зависимости от гибкости и изначальной конфликтности самовосприятия меняются характеристики социальной идентичности, их дифференцированность.

При положительном решении проблемы возможности целенаправленного формирования идентичности актуализируется проблема *характеристик конструктивной идентичности*, т.е. такой идентичности, которая свойственна людям с психологическим здоровьем, эффективным поведением, высоким уровнем эмоционального благополучия. К этой проблематике могут быть отнесены работы, связанные с анализом структуры идентичности в норме и патологии (М. В. Коваленко, И. А. Толпина, Е. А. Петраш), с поиском психологических средств стабилизации личностной идентичности (Л. Д. Межеричкая), с описанием психологических трудностей в развитии идентичности (Н. А. Богданова, И. А. Шляпникова). Исследование поведения человека в толпе позволило Л. Г. Почебут сделать вывод о значимости структурированности и «окультуренности» идентичности для сохранения психологических границ человека. Чем больше размыты эти характеристики личности, тем сильнее она «растворяется» в толпе (Почебут, 2016).

На пути поиска характеристик конструктивной идентичности исследователи сталкиваются с необходимостью решения *проблемы баланса индивидуальных и социальных компонентов идентичности*. Трудность заключается в том, что в коллективистических и индивидуалистических культурах (Л. Росс, Р. Нисбетт, П. Чой, С. Китайма) индивидуальной и социальной идентичности придается разное значение. Преобладание социальных компонентов идентичности может видаться индивидуалистически ориентированным исследователям как утрата индивидуальности, потеря свободы самовыражения, деперсонализация. В преобладании персональных компонентов идентичности коллективистически ориентированные ученые видят возможную угрозу переживания одиночества, страха близости, редуцирование способностей дружить, сотрудничать, соблюдать социальные нормы и пр.

Вместе с тем большинство авторов видят в нарушении консолидации причину диффузии и дальнейшего распада идентичности (Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая, О. В. Ходаковская, М. В. Попова). Дефицитарность определенности индивидуального или социального компонентов идентичности приводит к кризису идентичности, характеризующемуся внутренней нестабильностью, отсутствием или потерей внешних и внутренних консолидирующих сил, развитием негативной идентичности, состояния, которое требует содействия в его разрешении (Ю. Г. Овчинникова, М. Ю. Кузьмин, Н. А. Самойлик, Н. В. Дмитриева, Л. Б. Шнейдер).

Транзитивность пространства формирования идентичности

Стремительные изменения современного общества привели к появлению ряда работ, посвященных *проблемам идентичности в транзитивном обществе*. Транзитивность становится наиболее стабильной характеристикой жизненного пространства современного человека. Происходящие трансформации в обществе (усиление социального многообразия, появившаяся разнополярность общества, усложнившийся социальный выбор своего места в мире, нарушение межпоколенных отношений) называются причинами кризиса идентичности в последние десятилетия (Г. М. Андреева, В. А. Ядов).

Современный человек находится в ситуации необходимости постоянного «до-страивания» своей идентичности, непрерывного социального и личностного самоопределения (Е. П. Белинская, А. Г. Асмолов). Социокультурные факторы рассматриваются как детерминанты трансформации идентичности и связанных с ней ценностей современной молодежи (Г. Б. Мазилова, Е. П. Белинская, И. В. Лескова). В. Е. Семёнов вводит понятие ценностно-ментальной идентичности, которое включает в себя патриотическую, индивидуалистическую, коллективистическую и другие виды направленности личности. На большой разновозрастной выборке (более 1200 человек) показано снижение доли национально-культурной идентичности и коллективизма в сторону индивидуализма.

К причинам, влияющим на трансформацию идентичности, относят изменения приоритетных источников информации. Поколение, рожденное в эпоху цифровизации, названо поколением Z. Самым популярным источником получения информации у московских подростков является интернет (Марцинковская, 2015). Смена приоритетов привела к возрастанию за последние 10–15 лет отрицательной оценки детьми разного возраста, в том числе и дошкольниками, взрослых (родителей и педагогов). Взрослое поколение перестает быть идентификационным образом для подрастающего поколения, которое стремится выбирать иные пути социализации.

Новое онлайн-пространство коммуникации стало причиной формирования *виртуальной идентичности*, появилась дополнительная возможность экспериментировать с разнообразными, иногда альтернативными идентичностями (Войскунский, 2014). Реальная идентичность человека рассматривается как определяющая для его самопрезентации и самопредъявления в интернет-коммуникациях. Вместе с тем поведение в интернет-пространстве отраженно влияет на укрепление или трансформацию его реальной идентичности. (Е. П. Белинская, А. Е. Войскунский, И. П. Шкуратова).

Таким образом, транзитивность современного общества в исследованиях идентичности понимается как источник трансформаций компонентов идентичности, возникновения новых компонентов в конфигурации идентичности.

Заключение

Идеи психологических исследований идентичности, возникшие в Германии (Э. Эриксон), Великобритании (Г. Тэджфел и Дж. Тернер), США (М. Кун и Т. Мак Птрлэнд), стали разрабатываться отечественными психологами. В 1990-е годы по-

являются научно-психологические публикации на русском языке, посвященные исследованиям идентичности. Этот период можно назвать *феноменологическим этапом*. Многие исследования посвящены сравнительному описанию содержания идентичности разных групп: возрастных, профессиональных, этнических.

Второй этап исследований идентичности в России характеризуется расширением проблемного поля, введением новых или компонентов идентичности (временная, средовая, социокультурная, глобальная идентичность и т. д.). Приоритетной является социальная идентичность. Исследования построены на поисках корреляционных связей компонентов идентичности и ценностных ориентаций, личностных черт, самооценки и пр.

Для *третьего этапа* характерно рассмотрение социальных условий жизнедеятельности субъекта как причины трансформации его идентичности, изменение иерархии компонентов идентичности. На этом этапе появляются сравнительные межпоколенные исследования. Поиск причин, влияющих на возникновение тех или иных компонентов идентичности, актуализировал проведение экспериментальных исследований, в частности, виртуальной идентичности.

Можно прогнозировать наступление *четвертого этапа*, для которого экспериментальные исследования идентичности станут ведущими. Экспериментальный метод позволяет изучать причинно-следственные связи в структуре и поведенческих проявлениях персональной, социальной, общечеловеческой и других формах идентичности, анализировать влияние идентичности и ее компонентов на поведение человека в разных жизненных ситуациях, на проявление его способностей, мотивацию деятельности.

Литература

- Акопов Г. В., Иванова Т. В. Ментальность: провинциальная ментальность современной России (опыт междисциплинарных исследований) // Мир психологии. 2002. № 1. С. 224–238.
- Белинская Е. П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник СПб. ун-та. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 6–15. doi: 10.21638/11701/spbu16.2018.101
- Войсункинский А. Е. Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Московск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2014. № 2. С. 90–104.
- Гудзовская А. А. Психология социальной зрелости: монография. Самара: СИПКРО, 2014.
- Демин И. В. Проблема исторической идентичности в постметафизической философии истории // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. «Философия. Филология». 2015. № 2. С. 3–18.
- Иванова Н. Л. Психологическая структура социальной идентичности: Дис. ... докт. психол. наук. Ярославский государственный педагогический университет им. КД Ушинского, 2003.
- Марцинковская Т. Д. Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 03.05.2021).
- Почебут Л. Г., Мейжис И. А. Социальная психология. СПб.: ИД «Питер», 2016.

Identity in russian psychology: from exploring the phenomenon to finding the causes

Alla A. Gudzovskaya

Academy for Gifted Children (Nayanova), Samara National Research University, Samara

The article presents a theoretical analysis of the phenomenon of identity and the history of the development of his research in Russian psychology. It is shown that identity, as identity, initially exists in philosophical works. The idea of identity in the modern sense is contained in the concepts of self-awareness, self-understanding, self-determination, social perception. Identity as an independent subject of research appears in Russian publications at the end of the XX century. It is analyzed and described as a phenomenon in which various components are distinguished (ethnic, professional identity etc.). In the following decades, the problematic field of identity expanded (stage 2). At the 3rd stage, studies are carried out that link the transitivity of society with transformations of identity. The emergence of experimental studies of identity, analyzing the influence of identity on the behavior of the subject, is predicted.

Keywords: Identity, personal identity, social identity, virtual identity, self-awareness, self-concept, transitive society, self-categorization.

Мажорный лад военных песен

О. Г. Жукова

Московский гуманитарный университет, Москва, letchikova@mail.ru

История повседневности Великой Отечественной войны изобилует фактами небывалого созидательного социокультурного процесса, создавшего в обществе воюющего СССР особый психологический настрой. Важной составляющей этого настроения стала советская песня. Ее особенностям и значению, творцам и исполнителям посвящена эта статья.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СССР, Советский Союз, советская песня, история повседневности, психологический настрой, вера в Победу, «чудо Победы», композиторы, поэты-песенники.

Вспоминая о событиях Великой Отечественной войны, в последние десятилетия стало почти нормой рассуждать о некоем «чуде Победы». Мол, и подготовлен к войне СССР был хуже, и воевать-то Красная Армия не умела, и командный состав ее был обезглавлен репрессиями, а вот «только каким-то чудом победила» страна официального атеизма самую сильную армию мира (впрочем, от веры в Бога еще более далекую). Но стоит лишь погрузиться в статистические выкладки эва-

куации советских предприятий и трудовых ресурсов с запада на восток страны, а потом и их реэвакуации, осознать «планов громадь», выполняемых тружениками тыла на 100, 200 и даже 300%, ознакомиться с тысячами фактов грандиозного социокультурного строительства, продолжавшегося в этот самый суровый для страны период, как придет осознание — за «чудом Победы» стоял ежедневный труд и подвиг миллионов советских людей на фронте и в тылу, потому что, как пелось в одной старой советской песне, «мир наполнен чудесами, только эти чудеса люди могут делать сами». Но откуда черпали наши предки моральные силы, чтобы справиться с лютым врагом и освободить от «коричневой чумы» весь мир? Почему их силы были поистине неиссякаемы?

Ежедневно «народный источник силы» пополняли представители творческих профессий, сотворившие в годы войны произведения в разных жанрах, но имевшие общую цель — создание в обществе единого психологического настроения на Победу, непоколебимой веры в нее. В ту непростую пору стихийными психологами становились художники и актеры, певцы и режиссеры, композиторы и поэты, библиотекари и клубные работники, все те, кто имел право гордо именовать себя «бойцами культурного фронта». И на передовой этого фронта оказалась советская песня.

Композитор Анатолий Новиков, творец таких знаменитых песенных шедевров, как «Смуглянка» и «Эх, дороги», отмечал после войны: «Перебирая в памяти десятки и сотни песен, написанных на полях сражений и в тылу, на гребне побед и в дни отступлений, я не могу назвать ни одного пессимистического произведения» (Новиков, 1976, с. 38).

Песенный музыкальный жанр, традиционно считавшийся легким, развлекательным, в годы суровых испытаний оказался самым агитационным и оперативным. Песня, однажды прозвучавшая в радиоэфире, в кинофильме, со сцены, с граммпластинки подхватывается миллионами людей, если затрагивает душу, соответствует мыслям и чувствам большинства. В песенном наследии Великой Отечественной определяются песни мщеница («Из сотен тысяч батарей за слезы наших матерей, за нашу Родину — огонь, огонь!»); песни лирические («Ты меня ждешь, и у детской кровати не спишь, и поэтому знаю, со мной ничего не случится»); песни-легенды («Пусть каждый хранит тот камень-гранит, он русской кровью омыт»); и, конечно, песни шуточные («Парень я — молодой, а хожу с бородой...»).

Но каким бы ни был основной посыл песни того времени, ее творцы неизменно помнили: песня может вызвать как душевный подъем, так и психический срыв, вогнать в депрессию, заразить «упадническими настроениями», как говорили строгие цензоры тех лет. Это и объясняет мажорный лад большинства фронтовых песен, сочиненных как профессиональными, так и самодельными авторами.

Известно фронтовое присловье — «умирать так с музыкой», но ведь и жить с ней — намного лучше: «Кто сказал, что надо бросить / Песни на войне? / После боя сердце просит / Музыки вдвойне! / Нынче — у нас передышка, / Завтра вернемся к боям, / Что ж твоей песни не слышно, / Друг наш, походный баян?» Эта песня «После боя» была написана композитором А. Лепиным на стихи В. Лебедева-Кумача в 1943 г., когда поэт-песенник, будучи в творческой командировке

на Северном флоте, услышал несправедливое мнение о том, что пришло время воевать, а не песни петь.

Даже лирические песни, написанные в миноре, такие как «В землянке» (стихи А. Суркова, музыка К. Листова) или «Темная ночь» (стихи В. Агатова, музыка Н. Богословского) наполнены грустью, но светлой, теплой.

С позиций сегодняшнего дня нам, возможно, трудно понять суровое решение советской цензуры — не выпускать в эфир песню М. Блантера на стихи М. Исаковского «Враги сожгли родную хату». Она, написанная в победном 1945 г., и сегодня трогает до слез, а в послевоенные годы она разрывала бы сердца...

Однако причину запоздавшего народного признания этой трагической песни трудно понять тем, кто не пережил войну хотя бы в генетической памяти. Бывший посол Великобритании в России Родрик Брейтвейт демонстрирует непонимание психологии советских людей военного поколения и выступает как истинный человек Запада, для которого Великая Отечественная так и осталась «неизвестной войной»: «Едва замолчали пушки, как они уже начали петь, — сначала тайком, потому что это чувство считалось запретным, — горькую песню о победившем солдате, с медалями на груди вернувшемся на пепелище родного дома, к могиле погибшей жены и около нее в одиночестве пьющего за упокой ее души» (Брейтвейт, 2006, с. 336–337).

На самом деле поколение, пережившее войну, не ведало ни страха, ни «запрета на чувства», и петь, как мы знаем, оно не прекращало даже в самые суровые военные будни. Но чтобы строить новую послевоенную жизнь, им надо было попробовать... забыть все то страшное, рвущее душу, что пришлось пережить, но помнить, буквально культивировать в душе доброе, великое, героическое — вечное.

В. Н. Мясищев объяснил этот феномен с точки зрения науки о душе: «Невыносимо тяжелые для демобилизованной невропсихики переживания в условиях напряженной сознательной целеустремленности переносились и не оказывали своего потрясающего и дезорганизирующего действия, но в условиях мирной демобилизации ужас пережитого вызывает переживание и реакции на воспоминание прошлого несравненно более сильные, чем тогда, когда вызывались актуальной ситуацией настоящего» (цит. по: Кольцова, Олейник, 2006, с. 306).

Можно сказать, что «актуальной ситуацией» фронтового настоящего явилась традиция вдохновляющих военных песен, зарожденная в стародавние времена (вспомним хотя бы: «Солдатушки, бравы ребятушки, где же ваши жены?») Как известно, Гитлер писал о будущем «движении на Восток», о новом крестовом походе на славян в своемopusе «Майн камф», впервые вышедшем в свет еще в 1925 г. Под угрозами германского фюрера, смертельная сшибка с которым была предопределена самой историей, в 1930-е годы в СССР рождались мобилизующие песни, готовые к отпору врагу призывной интонацией и маршевой мелодией: «Эй, вратарь, готовься к бою./ Часовым ты поставлен у ворот./ Ты представь, что за тобою / Полоса пограничная идет». Воспитывающие в уверенности: «Но сурово брови мы нахмурим, / Если враг захочет нас сломать...»; «Если завтра война, / Если завтра в поход, / Будь сегодня к походу готов»; «И если враг нашу радость живую / Отнять захочет в упорном бою, / Тогда мы песню споем боевую / И встанем грудью за Родину свою».

...В первые дни нашествия врага родилось более 40 песен. «Ежедневно в Союзе композиторов происходит прослушивание новых песен, которые немедленно передаются для издания и распространения» — сообщает читателям газеты «Вечерняя Москва» (Вечерняя Москва, 1941, 28 июня). Но главной песней, открывшей музыкальную летопись войны, становится «Священная война» (стихи В. Лебедева-Кумача, музыка А. Александрова), поднявшая во всем народе ярость благодарную к захватчикам, исполнявшаяся по радио ежеутренне, сразу после боя кремлевских курантов.

Мобилизующую, сплывающую, психологическую роль песни на войне разъясняет уже в сентябре 1941 г. письмо Главного политуправления Красной Армии и Военно-морского флота, адресованное начальникам Политуправлений фронтов: «Русская песня, гармонь, пляска — друзья бойца... Они сплывают людей, помогают легче переносить тяготы боевой жизни, поднимают боеспособность и формируют настроение личного состава...» (Партийно-политическая работа..., 1968, с. 127) И потому предлагается «развернуть работу по распространению боевых русских песен. <...> Песни и гармонь должны звучать повсюду — в походах, на привалах, в промежутках между боями» (там же). В том же 1941 г. написана песня на стихи Л. Давидович и музыку В. Соловьева-Седого: «Играй, мой баян, / И скажи всем врагам, / Что жарко им будет в бою, / Что как подругу / Мы Родину любим свою».

Сотни тысяч баянов, а также гармоней, гитар, балалаек, мандолин и других музыкальных инструментов изготавливают мастера, работая в две смены без выходных, чтобы обеспечить фронт «культуринвентарем», как называют фронтовые документы все музыкальные инструменты, писчебумажные принадлежности и даже настольные игры.

А по фронтам уже в 1941 г. ходят меткие поговорки: «Спели малость — и прошла усталость», «Шутки и песни — на войне спасение», «Песня в ночи — свет, в жару — тень, в мороз — телогрейка» (Пословицы и поговорки Великой Отечественной войны, 1962).

Важность народного искусства понимают и многие руководители на местах. В годы войны руководил комсомолом Карелии Ю. В. Андропов — в далеком будущем Генеральный секретарь ЦК КПСС. В брошюре, написанной им в ту пору, отмечается: «Воспитывать молодежь на традициях народа — это и значит учиться у народа мудрости, мужеству, любви к своему Отечеству» (Васильев, 2014). Комсомольский вожак связывает понятие об Отечестве с представлением о родном крае, о малой родине, говорит о пропаганде великих дел народа через освещение местных фактов из его жизни, понятных молодежи. Андропов рекомендует активно пропагандировать народные танцы, которые отражают лучшие черты характера народа. Полезным начинанием признается поддержка традиционных народных игр. И проводятся в районах республики специальные семинары организаторов песни и танцев, создаются агитбригады. На одном из предприятий поселка Сегежа комсомольский вожак интересуется: какие народные песни знает молодежь? Двое комсомольцев отвечают, что знают песни о Ермаке и о Стеньке Разине — негусто. После этого комсомольским работникам рекомендуют ездить в села с патефонами: «Первоначально это казалось несколько странным: пристало ли секретарю райкома являться на молодежное собрание с патефоном и плас-

тинками? Книжки, свежие газеты, плакаты — это понятно, но патефон... Ответ дала сама сельская молодежь, которая самым искренним образом приветствовала это начинание. И комсомольские активисты увидели, что ничего зазорного в нем нет... И до собрания, и после собрания молодежь слушала песни и записывала их текст» (там же).

Музыкальная летопись Великой Отечественной войны создается совместно композиторами крупных и малых форм. Д. Шостакович пишет романтическую «Песню о фонарике» на слова М. Светлова. В. Мурадели на стихи И. Кармазина — «Песню о доворотцах». Т. Хренников на стихи В. Гусева «Есть на севере хороший городок». В 1944 г. Т. Хренников работает над музыкой к фильму И. Пырьева (по сценарию в стихах В. Гусева) «В шесть часов вечера после войны». В фильме звучат четыре песни, отражающие хронику войны: о начале вторжения: «На грозную битву вставайте» и «Казак уходил на войну», об огненном возмездии врагу (та самая «песня мщения») — «Марш артиллеристов»: «Пробьет победы час, / Придет конец походам...» И о грядущей мирной жизни — «Живи, наша Родина».

Весь ход трудной войны от первых дней до Победы запечатлен в песне. О первом бое пограничника, который «землю родную берет», песня-рассказ «Грустные ивы» (слова А. Жарова, музыка М. Блантера). О 250-дневной героической обороне Севастополя — песня «Заветный камень» (слова А. Жарова, музыка Б. Мокроусова). Песня «Волховская (Ленинградская) застольная» (слова А. Тарковского и П. Шубина, музыка И. Любана) призывает помнить «о тех, кто командовал ротами... кто в Ленинград пробирался болотами»... В трагический кульминационный момент войны, когда враг подошел к столице, А. Сурков, автор лирической песни «Землянка» о негасимой любви, пишет решительную, могучую по энергетическому заряду «Песню защитников Москвы», превратившуюся в маршевой музыке Б. Мокроусова в воинскую клятву: «Мы не дрогнем в бою за столицу свою»... О массовом партизанском движении, фактически заменившем в 1942—1943 гг. второй фронт союзников, повествуют песни В. Захарова и М. Исаковского «Ой, туманы мои растуманы», С. Каца и А. Софронова «Шумел сурово Брянский лес» и мн. др.

Уже к 1942 г. ВГКО (Всесоюзное гастрольно-концертное объединение) отправляет на фронт более 60 бригад из областных и республиканских филармоний. Анализ 228 программ за ноябрь декабрь 1943 г. показывает, что на долю лирической песни, юмора и сатиры приходится до 80% исполняемых произведений, так как программы зачастую меняются на ходу, с учетом заявок особенного зрителя (РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 5. Д. 739).

...Артисты-профессионалы и любители из армейской самодеятельности создают «окопные ансамбли», в состав которых входят товарищи по оружию: певец, баянист, танцор. А если найдутся, то и другие таланты-самородки — акробат, фокусник, рассказчик, чтец. Сами фронтовики устраивают в своих частях — в перерывах между боями, при отводе части на отдых или на помывку — концерты художественной самодеятельности, где звучат и сочиненные однополчанами песни, стихи, частушки, пародии.

Главным музыкальным событием 1943 г. становится принятие 14 декабря Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) нового Гимна Советского Союза, который впервые исполняется по радио 1 января 1944 г. Из нескольких сотен представлен-

ных вариантов после долгого отбора выбирается гимн на стихи С. Михалкова, Г. Эль-Регистана и музыку А. Александрова: «Мы армию нашу растили в сраженьях. / Захватчиков подлых с дороги сметем! / Мы в битвах решаем судьбу поколений, / Мы к славе Отчизну свою поведем!»

В суровые дни войны создатель музыки Гимна СССР — в рядах армии. Бывший регент Храма Христа Спасителя Александр Александров еще в 1928 г. совместно с Ф. Даниловичем и П. Ильиным создает Ансамбль красноармейской песни и пляски, в 1937 г. завоевавший Гран-при на Всемирной выставке в Париже. Во время Великой Отечественной талантливый военный дирижер и композитор создает возвышенную и величественную музыку к песням «Священная война», «Несокрушимая и легендарная», «В поход! В поход!» и др. В мае 1945 г. Александровцы дают концерт прямо у стен поверженного рейхстага в Берлине, виртуозно сочетая самые разные жанры — многоголосое хоровое пение, зажигательный танец балетной группы, с акробатическим мастерством пускающей вприсядку, — в сопровождении смешанного оркестра, состоящего из симфонических и народных инструментов (Пожидаев, 1988). Этот концерт становится «заключительным аккордом» Победы, возвестившим Европе: «Русские пришли!». Снова, как когда-то — под знаменами А. Суворова и М. Кутузова...

Вера в неизбежность Победы, всенародное ожидание наступления мирной жизни обращают композиторов к лирическим темам. А нравственное целомудрие песен о любви, подчеркнутое мягкой, душевной мелодией, созвучно русским народным напевам. На фронтах горячо принимают песню «Ты ждешь, Лизавета» из кинофильма 1942 г. о герое Гражданской войны «Александр Пархоменко» (слова Е. Долматовского, музыка Н. Богословского): «Эх, как бы дожить бы / До свадьбы-женитьбы / И обнять любимую свою»... Задорная «На солнечной поляночке» (стихи А. Фатьянова, музыка В. Соловьева-Седого) призывает стать героем: «Когда на битву грозную / Парнишка уходил, / Он ночью темной, звездною / Ей сердце предложил. / В ответ дивчина гордая / Шутила, видно, с ним: / „Когда вернешься с орденom, / Тогда поговорим...“» А песня «Моя любимая» (слова Е. Долматовского, музыка М. Блантера): «В кармане маленьком моем / Есть карточка твоя. / Так значит, мы всегда вдвоем, / Моя любимая» — порождает настоящую «фото-эпидемию»: бойцы и командиры Красной Армии обмениваются с родными и любимыми фотокарточками, об этом трогательном проявлении мирной жизни часто вспоминают в личной переписке с фронта и на фронт, просят вложить в письмо фото.

Многие песни фронтовых лет изобилуют шутками-прибаутками, искрометным юмором, потому что «бить врага — вопрос другой, / с шуткой веселее», — признается лирический герой песни «Вася-Василек» (слова С. Алымова, музыка А. Новикова). «Первым делом, первым делом самолеты, / — Ну а девушки? — А девушки — потом!» — заявляют бравые летчики в песне (стихи А. Фатьянова, музыка В. Соловьева-Седого) «Перелетные птицы». А в песне «Пора в путь-дорогу» (стихи С. Фогельсона, музыка В. Соловьева-Седого) летчик шутливо предупреждает любимую: «Следить буду строго, / Мне сверху видно все, / Ты так и знай!»

Катюша в песне М. Исаковского и М. Блантера шлет привет «степному сизому орлу» на дальнее пограничье с «берега крутого», как княгиня Ярославна, готовая «полететь зигзицею по Дунаеви» к своему любимому. В песне Л. Ошанина

и А. Новикова «Эх, дороги!» герой, как и князь Игорь, не знает доли своей: «Может, крылья сложишь посреди степей». Это образ, родственный древнерусскому эпосу, в котором соколом ясным, орлом зорким, а то и ангелом воинства святого нарекается главный герой. Сочетанием лирического раздумья с эпическим началом, характерном для оперного жанра, отличаются «Соловьи» А. Фатьянова и В. Соловьева-Седого, «В лесу прифронтовом» М. Исаковского и М. Блантера, «Песня о Днепре» Е. Долматовского и М. Фрадкина...

Любовь к песне, верность народной традиции многоголосого пения приводит к созданию во время войны множества новых творческих коллективов. Постановление правительства РСФСР от декабря 1942 г. касается создания хоровых коллективов, которые фактически уже сложились инициативой самодеятельных артистов, причем, бывало, в экстремальных обстоятельствах. В отчете начальника отдела художественной самодеятельности Комитета по делам искусств при СНК СССР Малаховой сообщается, что коллектив Воронежского ДНТ (Дома народного творчества), расположившись вблизи фронта в с. Анна, продолжил репетиции, выступал как хор под управлением Массалитинова в воинских частях. И теперь, собственно, необходимо лишь официально подтвердить его статус, как и других, самостоятельно созданных коллективов. Постановление Рабоче-крестьянского правительства РСФСР «О расширении сети русских хоровых коллективов» от 3 декабря 1942 г. гласит: «Обязать Управление по делам искусств при СНК РСФСР создать в 1943 г. русские хоровые коллективы в Воронежской, Горьковской, Свердловской, Челябинской и Московской областях и восстановить с 10 декабря 1942 г. хор под управлением Юхова» (Алексеев, 1959, с. 49).

Принимается также решение о проведении в 1943 г. конкурса среди композиторов на лучшую обработку народных песен. Во исполнение постановлений Наркомфину РСФСР предложено предусмотреть в бюджете по искусству на 1943 г. ассигнование на организацию и содержание хоровых коллективов, исполкомам местных советов депутатов трудящихся — предоставить помещения для работы хоровых коллективов и обеспечить жилой площадью работников этих коллективов (там же). 30 ноября 1944 г. Комитет по делам искусств при СНК СССР сообщает секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову, что «Всероссийский смотр хоровых коллективов и солистов-исполнителей русской народной песни... показал значительный рост советской хоровой культуры. В смотре приняло участие свыше сорока профессиональных хоров, из которых многие созданы за последние годы: Воронежский народный хор, Республиканская хоровая капелла, Свердловская хоровая капелла, Челябинский народный хор, Калининский хор русской песни, Московский Областной народный хор и др. Существенных успехов добилось за последнее время и самодеятельное хоровое искусство. В отдельных областях РСФСР (Воронежской, Свердловской и др.) в настоящее время имеется до 450—500 самодеятельных хоровых коллективов...» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 229, л. 203—204).

Но самая боевая и необходимая музыка войны — духовая. Именно бравурные мелодии духовых оркестров сопровождают первые эшелоны бойцов и командиров, уходящих на фронт. Именно под звуки труб, литавр и фанфар встречают их в цветущем мае 1945 г. И чаще всего — исполнением пронзительного марша «Прощание славянки», написанного композитором Василием Агапкиным в 1912 г., ко-

гда вспыхнула 1-я Балканская война. Этот марш звучал на всех вокзалах в 1914 г., провожая на фронты Первой мировой войны русские полки.

В раннее морозное утро 7 ноября 1941 г., когда сурово и решительно маршируют по заснеженной брусчатке Красной площади свежие, сформированные в Сибири и на Дальнем Востоке дивизии, бойцы народного ополчения и уже обстрелянные части, отозванные с передовой только на день парада, все понимают: многие из них больше никогда не увидят столицы, так как уходят прямо на фронт. А мороз такой, что у шестидесятилетнего автора марша «Прощание славянки», Василия Агапкина, дирижировавшего оркестром, сапоги примерзают к тумбе, возвышающей его над оркестрантами. А те играют марши по очереди, потому что не слушаются окоченевшие пальцы и губы, с трудом прожимаются клапаны замерзших инструментов (Воробьев, 1989, с. 5–23).

В параде Победы 24 июня 1945 г. на Красной площади легендарный полковник Василий Агапкин участвует как руководитель одного из оркестров и помощник главного дирижера оркестра сводного. А главным дирижером парада становится Семен Чернецкий — автор почти 200 военных маршей, среди которых: «Слава Родине», «Ленинский призыв», «Индустриальный», «Родной Донбасс», а также множество национальных: «Русский», «Славянский», несколько «Украинских», «Грузинский», «Азербайджанский» «Казачий», «Молдавский» и др.

В сражении за Тарнополь (Тернополь) в 1944 г. духовой оркестр под управлением капельмейстера Немченко, укрывшись в «щели», вблизи артбатареи, играет, то и дело заглушаемый залпами. «Вы играйте, а мы дадим немцам жару, — подбадривают музыкантов артиллеристы. — Только одной веселой музыкой сыт не будешь. Сыграйте что-нибудь протяжное, для души сыграйте, ну хотя бы „Синий платочек“...» (Советская музыка, 1946, № 2–3, с. 69). И духовой оркестр исполняет весь репертуар лирических протяжных и душевных песен — четыре часа без перерыва. А когда ранен расчет одного из орудий, музыканты, в прошлом сами артиллеристы, встают к орудию. При первых звуках мелодии Гимна Советского Союза, раненные берут оружие и снова вступают в бой (там же).

В дни наступления в районе Смоленска духовой оркестр и джаз-ансамбль идут рядом с бойцами в атаку под звуки призывной мелодии песни «Два друга»: «А ну-ка, дай жизни, Калуга, ходи веселей, Кострома...» Музыканты награждаются орденами и медалями (там же).

С первых дней вторжения на фронтах выступает джаз-оркестр Леонида Утесова. За рекордно короткий срок подготовлена программа с суровым названием «Бей врага!». Ее короткий приказной девиз из песни «Партизанская тихая», звучащей, как заклинание: «„Бей врага где попало! / Бей врага чем попало! / Много их пало, а все-таки мало! / Мало их пало! Надо еще!“ / Проносится песня над краем, что выжжен, / Летит по напоенным кровью лугам. / Великой надеждой для тех, кто обижен / И черною гибелью лютым врагам! Зовет она тайно, звенит она глухо, / А если прорвется — то бьет напролом! Пчелюю свинцовой впивается в ухо / И красным вздымается ввысь петухом!».

Леонид Утесов включает в новую программу вдохновенный гимн самой песне из довоенного фильма «Веселые ребята», которая «строить и жить помогает» и «тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет». Поет артист и другие, знакомые до войны песни, и новые, рожденные грозным временем:

«Ты одессит, Мишка», «В землянке», «Заветный камень», песни из фильма «Два бойца», исполненные на экране под гитару Марком Бернесом: озорную «Шаланды полные кефали» и трогательно-щемящую «Темную ночь», «Случайный вальс» («Офицерский вальс») Е. Долматовского и М. Фрадкина, «Песенку фронтового шофера» (слова Н. Лабковского и Б. Ласкина, музыка Б. Мокроусова) и др. «Представление, в каких бы условиях оно не проходило, всегда должно быть праздником», — считает Утесов, требуя от артистов «подтянутости, нарядности в костюме и поведении, аккуратности в гриме, — словно мы выступаем на ответственном концерте в мирное время» (Смирнова, 1970, с. 7–8).

На Ленинградском фронте в сопровождении джаза В. Коралли поет Клавдия Шульженко. Выступает она в концертных роскошных платьях, в туфлях на высоких каблуках, а драматические песни-новеллы представляет зрителям, как мини-спектакли: в «Записке» трепетно держит в руках листок бумаги, в «Ветке сирени» — цветок. В песне «Давай закурим» свертывает самокрутку. В песне «Руки» зритель следит за каждым движением прекрасных рук создательницы «камерного театра песни».

Лидия Русланова, одетая в народный сарафан, покрытая платочком, создает свой особенный, психологический «театр народной песни», в котором старинный напев открывает потаенные, незамечаемые при механическом исполнении мысли и чувства. Русланова поет, а перед зрителем встают картины из жизни героев песен: одни — в шуточных «Валенках», где девица «по морозу босиком к милому ходила», другие — в жестоких городских романсах: «Когда б имел золотые горы» и «Окрасился месяц багрянцем». И совсем иные — в печальных песнях о каторжной Сибири и нелегких судьбах людских: «Глухой неведомой тайгой», «По диким степям Забайкалья», «Степь да степь кругом», в задорных частушках, в народном романсе «Очаровательные глазки», в шедевре «Катюша».

Проведенные после войны историком советской песни, телеведущим когда-то популярной программы «Песня далекая и близкая» полковником Ю. Бирюковым исследования самодетальной фронтовой песни показывают философское отношение к жизни и смерти на войне, с которой не могут вернуться все. Моряки сдержанно поют: «Если в море утону, знать судьба такая». Летчики шутят: «Когда собьют, похороните на летном поле вы меня, и на могилу положите два лонжерона и пропеллер от По-2». Песня танкистов расходуется по всем родам войск, бытует до сих пор: «И будет карточка пылиться / На полке пожелтевших книг / В танкистской форме, при погонах / И ей он больше не жених...».

Ю. Бирюков восстановил имена авторов многих песен, считавшихся народными, по откликам фронтовиков на свою телепередачу, издал сборники фронтовых песен. Был установлен автор — военкор Ермаков — популярной среди фронтовиков песни «Серая шинель», рассказавшей о потаенной мечте любого воина — вернуться домой живым, когда «Со слезами гордости / В лучший угол горницы / Мать повесит старую / Серую шинель».

На творческом совещании Союза композиторов СССР 14–19 июня 1943 г., посвященном развитию советской песни в дни войны, в прениях участвуют 30 человек. В. Белый выражает общее мнение, заставляя задуматься, почему «незначительная часть песен, которые мы, профессионалы, считаем хорошими, принимается и поется, а значительно большая, которые мы тоже считаем хорошими,

не принимается и не поется? И почему песни, которые мы считаем плохими, поются и пользуются большим успехом?» (Скороходов, 2004, с. 387).

Эту оценку народом «хороших» или «плохих» песен приходилось учитывать и руководству Дома грамзаписи, решающему вопрос тиражирования грампластинок. Первый военный выпуск пластинок — это концерт приехавшего из Ленинграда Центрального объединенного ансамбля ВМФ под управлением В. Мурадели (симфонический оркестр, джаз, хор моряков и духовой оркестр), морские песни: «Бескозырка» Н. Верховского и Н. Жака, «Бушлат» К. Листова и Н. Флерова. Песня В. Соловьева-Седого на слова Л. Давидович «Играй, мой баян» («Застава дорогая»). Полюбившийся всем «Синий платочек» в исполнении К. Шульженко с джазом В. Коралли (слова М. Максимова) выходит дважды в записи — и в Ленинграде, и в Апрелевке. За неполный год записано около 150 песен.

Однажды весь тираж пластинок с песней «Темная ночь» оказался бракованным — в фонограмме слышался какой-то посторонний звук. Оказалось, работница завода, производящая запись, соперживая исполнителю, не сдержала слезинку, которая упала на восковую матрицу...

Отношение бойцов к пластинке со знакомым голосом певца или певицы как к чему-то одушевленному, родному примечает поэт И. Сельвинский, вспоминая, как однажды на передовой, заслышав из немецких окопов «Катюшу» в исполнении Лидии Руслановой, солдаты, возмущившись, устроили лихую вылазку, вернулись с пластинкой, и запела певица для наших...

...Как-то раз солистка фронтовой бригады Ленинградского фронта Клавдия Шульженко и руководитель джаз-оркестра Владимир Коралли оказались свидетелями допроса пленного немецкого летчика. Поинтересовались, как часто выступают в немецкой армии артисты? Немец даже не понял, о чем его спрашивают — какие концерты могут быть на войне? Статья об этом в журнале «Советская музыка» за 1946 г. так и называется «Фрицам не понятно» (1946, с. 88–89).

А в Красной Армии более 100 тысяч концертов за годы войны дали только мастера эстрады, свыше 600 из них награждены орденами и медалями (Русская советская эстрада, 1977, с. 371). Неисчислимо количество фронтовых выступлений, проведенных самодеятельными коллективами заводов, фабрик и колхозов страны. Давали концерты в своих частях местные таланты из среды самих бойцов и командиров. Так во время Великой Отечественной войны был опровергнут старинная поговорка: «Когда говорят пушки, музы молчат». И именно так, совместными усилиями граждан создавалась в стране особая психологическая обстановка, закреплявшая в гражданском сознании ту веру в Победу, которую поколения, не знавшие войны, считают теперь чудом...

Литература

- Алексеев А. Д.* История русской советской музыки, Т. 3. 1941–1945. М.: Гос. муз. изд-во, 1959.
- Брейтвейт Р.* Москва 1941. М.: Голден-Би, 2006. С. 336–337.
- Васильев Ю. А.* Тайны «Могикана». М.: МосГУ, 2014.
- Воробьев Е. З.* Москва: близко к сердцу. Страницы героической защиты города, 1941–1942. М.: Политиздат, 1989.
- Кольцова В. А., Олейник Ю. Н.* Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

- Новиков А.* Песня в строю. М.: Молодая гвардия, 1976.
- Партийно-политическая работа в Советских Вооруженных силах в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Краткий исторический обзор. М.: Воениздат, 1968.
- Пожидаев Г.* Краснознаменный Ансамбль: путь песни и славы. М.: Воениздат, 1988.
- Пословицы и поговорки Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1962.
- Русская советская эстрада. 1930—1945 гг. М.: Искусство, 1977.
- Скорыходов Г.* Тайны граммофона. Все неизвестное о пластинках и звездах грамзаписи. М.: Эксмо—Алгоритм, 2004.
- Смирнова Н.* Мастера советской песни. М.: Знание, 1970. С. 7—8.
- Вечерняя Москва. 1941. 28 июня.
- Советская музыка. 1946. № 2—3.
- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 229. Л. 203—204.
- РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 5. Д. 739.
- Фрицам не понятно // Советская музыка. 1946. № 2—3. С. 88—89.

Major scale of military songs

O. G. Zhukova

Moscow University for the Humanities Moscow

The history of everyday life of the Great Patriotic War is replete with facts of an unprecedented creative socio-cultural process that created a special psychological mood in the society of the warring USSR. An important component of this mood was the Soviet song. This article is devoted to its features, its meaning, its creators and performers.

Keywords: The Great Patriotic War, the USSR, the Soviet Union, Soviet song, the history of everyday life, psychological attitude, faith in Victory, “the miracle of Victory”, composers, songwriters.

Борьба с коррупцией в России как междисциплинарная проблема в исторических работах В. П. Шорникова

В. Н. Казанцев

Академия права и управления ФСИН РФ, г. Рязань, v.cazantsev2010@yandex.ru

В статье с междисциплинарных позиций рассматриваются исторические, социальные, психологические, социально-политические и правовые аспекты всегда актуальной для любого государства, включая и Россию, проблемы коррупции, освещен-

ные в научных и художественно-публицистических трудах кандидата исторических наук, доцента В. П. Шорникова. Предполагается, что для разработки эффективных социальных технологий по искоренению такого сложного по своей природе социального явления, как коррупция, требуется именно комплексный, междисциплинарный подход, успешно развиваемый в работах Шорникова.

Ключевые слова: коррупция, междисциплинарность, история, Россия, В. П. Шорников, социальные технологии, борьба, общество, традиции, политическая воля.

Настоящая работа является данью памяти замечательному человеку, скончавшемуся на 66-м году жизни в 2012 г., Владимиру Павловичу Шорникову — доценту кафедры социальной психологии и социальной работы академии ФСИН России, кандидату исторических наук, полковнику внутренней службы в отставке, автору научных трудов по широкому спектру социальных проблем и направлений, а также исторических художественно-публицистических работ по истории российского общества.

Владимир Павлович Шорников родился 4 апреля 1946 г. в г. Марксе Саратовской области. В 1967 г. окончил Саратовское военное училище им. Ф. Э. Дзержинского МООН СССР и получил специальность «общевойсковой офицер». В течение 20 лет с 1967 по 1987 г. служил во внутренних войсках МВД СССР на разных командных должностях в Узбекской ССР. С 1987 по 2012 г. занимался педагогической деятельностью.

В 1979 г. окончил Ташкентский государственный педагогический институт им. Низами по специальности «история и обществоведение». 21 марта 1985 г. под руководством доктора исторических наук, профессора В. Г. Чеботаревой успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Роль военной периодической печати в коммунистическом воспитании воинов-туркестанцев (1918–1920 гг.)».

С 1987 по 1989 г. Шорников — преподаватель, старший преподаватель кафедры истории КПСС Ташкентской высшей школы МВД СССР. С 1989 по 1990 г. — доцент кафедры истории КПСС Рязанской высшей школы МВД СССР. С 1990 по 1991 г. — начальник юридического факультета РВШ МВД СССР. С 1991 по 1996 г. — доцент кафедры юридической психологии и педагогики РВШ МВД РФ. С 1999 по 2012 г. — доцент кафедры социальной психологии и социальной работы Академии ФСИН России.

В 2001 г. Шорникову присваивается ученое звание доцента по кафедре социальной психологии и социальной работы. Стаж педагогической работы в вузах — 25 лет.

С 1998 г. Шорников — член союза журналистов России, с 2009 г. — член Союза литераторов России. В соавторстве с женой Ириной Николаевной Шорниковой им было написано несколько книг на исторические темы: «Звездные часы императриц» (1995), «Императрицы дома Романовых» (2002), «Боярыня Морозова» (2007), «Пётр Первый — отец Отечества» (2007), «Ломоносов — гений России» (2009), «Царственные страсотерпцы» (2010).

Книги Шорниковых выгодно отличает научная достоверность и доступность изложения. В них много интересного, нового и практически полностью отсутствует художественный вымысел. Ответственное отношение к описываемым исто-

рическим событиям основано на многолетней работе авторов в государственных архивах страны.

С 2001 по 2011 г. в соавторстве с женой И. Н. Шорников выпустил шесть книг серии «Женщины-предприниматели – золотой фонд России», за что был награжден памятной медалью Ассоциации женщин-предпринимателей России. Кроме того, он награжден дипломом Всесоюзного конкурса за лучшее произведение научно-популярной литературы (Госкомпечать СССР, Всесоюзное общество «Знание», 1990 г.).

Среди опубликованных научных работ: брошюры «Деятельность Компартии Туркестана по руководству военной печатью (1918–1924 гг.)» (Ташкент: Таш. ГУ, 1986); «Социальная работа (Введение в специальность)» (Рязань: РГРТА, 1998); «Благотворительность в России: традиции, тенденции» (Рязань: РГРТА, 1999); «Теоретические аспекты социальной работы» (Рязань: РГРТА, 2000); «Социальная работа за рубежом» (Рязань: РГРТА, 2000), «Коррупция в обществе и уголовно-исполнительной системе России» (Рязань: Копи Принт, 2011), написанную в соавторстве с А. А. Балашовым и Е. Е. Гавриной и др.

В настоящей работе основное внимание сконцентрировано на анализе только одной из последних научных работ Шорникова – «Исторические корни коррупции в обществе и системе исполнения наказаний царской России», опубликованной в главе 1 учебного пособия «Коррупция в обществе и уголовно-исполнительной системе России» (Рязань, 2011), написанного им в соавторстве с юристом А. А. Балашовым и психологом Е. Е. Гавриной.

Коррупция: история и современность (по работам В. П. Шорникова)

Описанию и анализу исторических корней коррупции в обществе и системе исполнения наказаний царской России В. П. Шорников посвятил первую главу указанного учебного издания, которая разделена на пять подразделов, соответствующих пяти периодам существования нашей страны: период до татаро-монгольского нашествия (XIII в.), централизованное Московское княжество (XIV–XVI вв.), коррупция во времена Петра Великого (XVII–начало XVIII в.), золотой век Екатерины Великой (XVIII в.) и, наконец, коррупция в дореволюционной системе исполнения наказаний (XIX в.).

Изучение истории России XIII в. до татарско-монгольского нашествия показывает, что именно тогда зарождалась и имела благодатную почву коррупция, под которой в самом общем плане понимается использование своего служебного положения в корыстных целях. В качестве одной из объективной составляющих возникновения коррупции в это время Шорников, в частности, считает обязанность в случае судебного рассмотрения дел платить судье, а не обиженному или жертве преступления, т. е. платить человеку, «облеченному властью и использующему свои возможности за личное вознаграждение» (Шорников, 2011, с. 11).

Сбор дани князем Олегом с 885 г. с радимичей, которые до этого платили дань хазарам, по мнению автора, мало чем отличалось от банального рэкета эпохи первоначального накопления капитала в России конца XX в. Свой вклад в утверждение элементов коррупции внес и механизм полюдья, необходимый на тот пери-

од для укрепления развивающегося русского государства и его управленческого аппарата.

Монголо-татарское иго также внесло свою лепту в закрепление правомочности коррупции в сознании русского народа и деформацию его нравственного сознания. «Необходимость выкупать свое право на жизнь вошла в плоть и кровь русского народа, независимо от сословий..., приучала к тому, что государство не всегда могло защитить своих граждан от произвола иноплеменников» (Шорников, 2011, с. 22).

В период возникновения централизованного Московского княжества (XIV–XVI вв.) резко увеличилось число чиновников. Соответственно росла и коррупционная составляющая их деятельности благодаря институту «кормления». На нижнем уровне управления власть находилась в руках наместников и волостелей, осуществлявших свое управление с помощью тиунов, доводчиков и праветчиков (в некоторой степени аналогов современных судей, следователей и судебных приставов).

Исполнение должности областного управителя называлось кормлением. Таким образом, управитель, не получая зарплаты от государства, в буквальном смысле слова кормился за счет управляемых, получая свой «корм» как натуральными продуктами, так и деньгами. Подобные кормы, но несколько в меньших размерах, полагались тиунам и прочим подчиненным агентам управления того периода существования государства.

Естественно, что зачастую чрезмерные потребности кормленщиков ограничивали только материальные и денежные возможности подданных. Центральная власть в плане протирательности алчности кормленщиков разрабатывала свои способы борьбы. В частности, на законодательном уровне появлялись судебники, которые пытались ввести регламентацию кормления, что стесняло и ограничивало их произвол. Свой вклад в дело борьбы с коррупцией внесла и земская реформа переустройства местного самоуправления. Например, московское правительство для обуздания аппетита комленщиков ввело право управляемых жаловаться высшему управителю на незаконные действия подчиненных ему управителей. Потерпевшие от произвола обыватели могли жаловаться после окончания кормления на неправомерные, с их точки зрения, действия местного управителя. В этом случае обвиняемый управитель выступал простым гражданским ответчиком, обязанным выплатить бывшим подвластным за причиненные им обиды и притеснения (при условии, что истцы могли доказать в суде свои претензии). Ответчик при этом оплачивал судебные издержки. Порядок судопроизводства предусматривал также возможность истца вызвать ответчика (бывшего управителя) в поле на поединок, что также позволяло держать областную администрацию в рамках приличия. Очень часто, таким образом, уход с должности кормленщика, не сумевшего ладить с управляемыми, сопровождался последующими судебными тяжбами и разбирательствами.

Введение в середине XVI в. системы оброков заменяла кормление выплатой в государственную казну налога, позволяло передавать судебную власть на местах выборным лицам. Таким образом, план земского самоуправления упразднил кормленщиков, предоставлял земским мирам ходатайствовать об освобождении их от кормленщиков. Закон 1555 г. повелевал во всех городах и волостях избирать старост, в задачи которых входило разрешение всех местных конфликтов и сбор

в государственную казну оброка. Тем самым демонстрировалось стремление пресечь злоупотребление кормленщиков и противодействовать их коррупционным устремлениям.

Коррупционная составляющая чиновников возрастала по мере развития государства и государственных институтов. Тирания Ивана Грозного в период опричнины также внесла свою лепту в закрепление холопства в массовом сознании народа, на длительное время искоренила демократические устремления в обществе и тем самым «удобрила почву» для усиления коррупции, мздоимства и стеснения прав личности отдельного человека. Этому же способствовал и период «смутного времени», когда Русь была раздираема распрями и междоусобицей. Окончанию Смуты способствовало освобождение Руси от польских захватчиков народным ополчением под руководством Минина и князя Пожарского, что привело к дальнейшему укреплению государства в период правления династии Романовых. Однако, поскольку три первые царя Романовых вступали на престол в незрелом возрасте (Михаил и Алексей – в шестнадцать, Фёдор – четырнадцать лет), правящая элита, пользуясь их молодостью, неопытностью и бесхарактерностью, творила в управлении государством такой произвол, которому, по мнению Шорникова, могли бы «позавидовать самые худшие дьяки времен Ивана Грозного» (Шорникова, Шорников, 2007а, с. 24). Введение института воеводства укрепило центральную власть и упростило централизованное управление, но ухудшило местническое управление. По сути, оно стало ухудшенным продолжением наместничества. Власть, не имеющая четкого ограничения, способствовала злоупотреблениям воевод. С введением воеводства земское управление получило новую тяжкую повинность – кормление воевод, приказных людей, дьяков и подьячих, что истощало местную казну. Одним из способов борьбы со злоупотреблениями была попытка назначения на должности по указанию мира, или предоставление миру выбирать должностных приказных лиц, перепоручение воеводских дел губным старостам.

Однако нечеткая разграниченность компетенций земских властей и воеводы порождала личный произвол и способствовала росту коррупции нечестных на руку чиновников. Этому же способствовало и отсутствие четких форм производства, запутанность управления и недостаток административных средств, огромные расстояния между центром и местным управлением.

Таким образом, Шорников прослеживает параллели между XVI и нынешним XXI в., когда чиновники, зараженные вирусом коррупции, «сореволютились» в искушении нарушить закон в своих корыстных интересах, и чем выше был их статус, тем больше было и искушение (Шорников, 2011, с. 67).

Еще одним способом борьбы со злоупотреблениями чиновников уже при царствовании Петра Первого, который всю свою жизнь отчаянно боролся с взяточничеством и казнокрадством, было учреждение института активного контроля за сбором многочисленных налогов в лице «обер-фискалов», которые должны были тайно надсматривать и докладывать царю или Сенату про неправый суд или мздоимство, утаивание доходов должностными лицами (Шорникова, Шорников, 2007б). Такой контроль со стороны обер-фискалов и подчиненных им сети «доносителей» в определенной мере сдерживал коррупционные устремления местных чиновников, но не мог их искоренить. Зачастую, сами обер-фискалы стано-

вились такими же мздоимцами и взяточниками. Жесткое и даже жестокое искоренение Петром Первым коррупции, когда под его горячую руку попадали и были казнены даже близкие ему люди (например, брат Анны Монс — первой возлюбленной царя), не могли справиться с этим укоренившимся явлением (Шорникова, Шорников, 1995, с. 116—127). Таким образом, можно констатировать, что коррупция во времена царствования Петра Первого ознаменовалась повсеместным распространением казнокрадства и взяточничества.

Определенные усилия по борьбе с взяточничеством в российском обществе, особенно в начале своего правления, предприняла Екатерина Великая, но и ей, судя по многочисленным фактам (Шорников, 2011, с. 89—111), не удалось сколько-нибудь значительно справиться с этой задачей. Аналогичные злоупотребления со стороны чиновников фиксировались вдовствующей императрицей Марией Федоровной при инспектировании ею Воспитательных домов (Шорникова, Шорников, 2002, с. 123).

Заключение

Анализ многовековой борьбы в российском обществе с таким социальным пороком, как взяточничество, показывает, что это явление имеет в нашем обществе глубокие исторические корни и множество не только субъективных, но и объективных причин.

К основным из них следует отнести первоначально феодальную раздробленность и междоусобные войны, монголо-татарское иго, а в последующие периоды бурный рост государственной бюрократии, назначение которой осуществлялось представителями центральной власти, а не местным населением, огромные расстояния между центральной властью и местным управлением. История России показывает, что, когда мздоимство и казнокрадство процветает на самых верхах управления государством, бороться с этим явлением на местном уровне становится практически безнадежным делом. Определенным противовесом росту коррупции служат жесткость и неотвратимость наказания за корыстные преступления государственных чиновников всех без исключения уровней, наличие развитого местного самоуправления, постоянный контроль за деятельностью чиновников со стороны общественности на местах, прозрачность доходов и расходов чиновников, наличие политической воли находящихся у власти правителей бороться с этим негативным социальным явлением. Развитая цифровизация и возможность контролировать все финансовые потоки в современном государстве, наличие демократических институтов контроля за деятельностью чиновников на всех уровнях делает проблему борьбы с коррупцией не столь уж безнадежным делом, если, как в современном Сингапуре или Китае, ее ведут не на словах, а на деле.

Литература

Шорников В. П. Исторические корни коррупции в обществе и системе исполнения наказаний царской России // А. А. Балашов, Е. Е. Гаврина, В. П. Шорников. Коррупция в обществе и уголовно-исполнительной системе России: учебное пособие. Рязань: Копи-Принт, 2011.

Шорникова И. Н., Шорников В. П. Звездные часы императриц. Рязань: Русь, 1995.

Шорникова И. Н., Шорников В. П. Императрицы дома Романовых. Рязань: Ринфо, 2002.

Шорникова И. Н., Шорников В. П. Боярыня Морозова. Самара: ИД Светланы Пеуновой, 2007а.

Шорникова И. Н., Шорников В. П. Пётр Первый — Отец Отечества. Самара: ИД Светланы Пеуновой, 2007б.

The fight against corruption in Russia as an interdisciplinary problem in the historical works of V. P. Shornikov

V. N. Kazantsev

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Ryazan, v.cazantsev2010@yandex.ru

The article deals with the historical, social, psychological, socio-political and legal aspects of the problem of corruption, which is always relevant for any state, including Russia, from an interdisciplinary perspective, as highlighted in the scientific and artistic and journalistic works of the Candidate of Historical Sciences, Associate Professor V. P. Shornikov, whose 75th birthday was celebrated at the Psychological Faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service in April 2021. It is assumed that the development of effective social technologies for the elimination of such a complex social phenomenon as corruption requires a comprehensive, interdisciplinary approach, which was successfully developed in the recent past in the works of V. P. Shornikov, who passed away so early (at the age of 65).

Keywords: corruption, interdisciplinarity, history, Russia, V. P. Shornikov, social technologies, struggle, society, traditions, political will.

Н. А. Рыбников. Попытка создания коллективной биографии семьи

С. Ю. Лавренчук

г. Санкт-Петербург, svet.lavrenchuk@yandex.ru

В статье представлены результаты изучения рукописных материалов фонда 367 отдела рукописей Российской государственной библиотеки имени В. И. Ленина под общим названием «Из рода в род. История семьи Рыбниковых за 200-летний период ее существования». В имеющихся материалах нашли свое отражение поиски, идеи, размышления выдающегося ученого Н. А. Рыбникова, основоположника биографического метода в отечественной психологии.

Ключевые слова: автобиография, биография, биографический метод, межпоколенная трансляция, история семьи, семейная биография, поколения семьи, семейный архив.

По признанию коллег, Николай Александрович Рыбников (1880–1961) в работе «Биографический метод в психологии» (1917) впервые выдвинул «вопрос о биографическом методе психологического исследования» (Николай Александрович Рыбников, 1961, с. 189). Рыбников, выдающийся психолог и педагог, опубликовал десятки работ, посвященных этой тематике в научных и научно-популярных изданиях. Предпринятые им попытки организации Биографического института не увенчались успехом, однако биографический отдел в возглавляемом им педагогическом Музее учительского дома, расположенном в г. Москве на Малой Ордынке, 31, ему создать удалось.

Вклад Рыбникова в развитие биографического метода сложно переоценить, ему удалось выдвинуть ряд стройных концепций и положений, опубликовать их в научных изданиях и вести непрекращающиеся до конца жизни поиски подхода к биографическому описанию личности в контексте протяженной истории семьи: «Пока биографии еще не приобрели того значения, которое им несомненно будет принадлежать в науке о поведении человека. Дело в том, что психологи очень долго обходили своим вниманием биографический материал, считая его чересчур сложным и мало пригодным для научного использования. С другой стороны, характер и направление психологических исследований мало способствовали установке на использование биографического материала. Наконец и состояние самой психологической науки было таково, что ей было не по силам охватить такой сложный и комплексный материал, каким являются биографии. Следствием этого было то, что психологическое изучение биографий велось до чрезвычайности слабо, анализ биографического материала оказался очень недостаточным. Целый ряд наук, имеющий то или иное отношение к человеческой личности, осязательно ощущают этот пробел в психологии. Дело в том, что в той или иной форме эти науки привлекают для своих целей биографии, используют биографический метод, как орудие для своей исследовательской работы, хотя и подходят к биографиям со своей специальной точки зрения. Все они обращаются к содействию психологии, надеясь получить от нее указания о методах и приемах анализа биографического материала» (Рыбников, 1929, с. 215).

Отмечая важность наличия всей полноты биографических данных личности, Рыбников подчеркивал значимость информации о семье. Еще в конце 1920-х годов он писал, что «в идеале биография должна дать описание жизни человека от рождения до смерти. В некоторых, очень редких случаях мы это имеем. Больше того, в некоторых случаях мы имеем не только биографию данного субъекта, но и его генеалогию, сведения о его наследственности, предках и т. д.» (Рыбников, 1929, с. 220), а в нескольких разделах работы (Рыбников, 1922, с. 8–14) в качестве возможного биографического материала им упоминаются генеалогия и семейные архивы. При этом в качестве примера, кроме традиционно представляющих интерес дворянских архивов (князя Воронцова, князей Куракиных, Раевских, Остафьевского архива князей Вяземских), он упоминает изданную в 1919 г. кни-

гу сестры, Рыбниковой Марии Александровны (1885—1942), «Горбовская хроника. По архиву семьи Щукиных». Стоит отметить, что материалы данного архива хранятся в фонде 367 отдела рукописей Российской государственной библиотеки им. В. И. Ленина. В этом же фонде хранится неизданная рукопись самого Н. А. Рыбникова «Из рода в род. История семьи Рыбниковых (за 200-летний период существования)», которая также представляет собой, на наш взгляд, своеобразный и достаточно объемный архив. Рукопись не была окончательно сформирована и отредактирована, а также содержит пробелы, заполнение которых зафиксировано в структуре, предполагаемой автором. К ним относятся, например, выводы и обобщения, которые могли быть сделаны на основе сравнения изучения жизни и деятельности шести поколений фамилии. Также отсутствует предполагавшееся изначально родословное древо, хронологические данные, указатель имен и т. д. (Рыбников, 1942а). Однако значимость этого труда обозначена автором достаточно ясно: «Материалы по истории этой семьи могут представлять интерес и значение не только для узкого круга родственников и друзей. А если принять во внимание, что деятельность Рыбниковых разворачивалась в исключительную эпоху, которая наложила отпечаток на весь их жизненный путь и характер этой деятельности, то станет ясным, что материалы по истории этой семьи могут представлять отнюдь не узкий интерес. Стоит хотя бы указать, что история семьи проанализирована на протяжении целых 200 лет, что в описании охвачены целых шесть поколений, что это описание освещает историю, быт, психологию и другие стороны жизни и деятельности семьи. Можно думать, что предпринятая нами попытка освещения истории одной семьи может представлять широкий интерес для истории эпохи, для психологии и целого ряда других наук, изучающих жизнь и деятельность людей той или иной исторической эпохи, определенного класса, профессии и т. д.» (там же).

Если издание книги М. А. Рыбниковой «Горбовская хроника», судя по всему, связано с уходом из жизни родителей и других родственников старшего, четвертого поколения описываемой семьи, и появлением на свет представителя шестого поколения семьи, то, атрибутированный периодом с 1940-х годов до 1958 г. этот свод рукописей фонда 367 отдела рукописей РГБ в большинстве своем создавался в период между уходом из жизни Марии Александровны и Николая Александровича, что, на наш взгляд, подтверждает тезис последнего: «Чаще всего к описанию своей жизни люди прибегают в целях сохранения фактов своей жизни, ее следов. Здесь в автобиографии надо видеть частный случай инстинкта самосохранения» (Рыбников, 1930, с. 449). При этом одной из последних обнаруженных нами записей Николая Александровича является следующая: «Задание на годовщину Рыбниковых к 1.04.1958. Выпустить напечатанный на машинке в 10 экземплярах сборник, посвященный истории семьи Рыбниковых» (Рыбников, 1958).

До своего ухода из жизни 3 июня 1942 г. в письмах к брату Мария Александровна затрагивала ряд вопросов о планах совместных работ. В первую очередь, о дальнейшей работе по материалам семейного архива. «Вообще говоря, она была большой сторонницей развития коллективной работы по написанию истории фамилии Рыбниковых», — писал Рыбников в своей неизданной рукописи. Однако, несмотря на то, что рукопись автобиографии Николая Александровича датирована 1942 г., в письме от 18.02.42, за 3.5 месяца до своей смерти Рыбникова

дает на нее свой отзыв: «Прочла с жадным вниманием главы твоей биографии. Лучшая глава — Лотошино. Живо, колоритно, в центре образ дядюшки, поданный прекрасно» (Рыбников, 1942–1943, с. 49). На наш взгляд, именно влиянием Марии Александровны, литературоведа и слависта, можно объяснить тот факт, что при создании автобиографии Николай Александрович противоречит своим собственным принципам и установкам, предельно ясно изложенным в его научных работах: «Можно сказать, что чем менее литературной является биография, тем более пригодный материал для психологического анализа она представляет» (Рыбников, 1929, с. 223), «чем искуснее художник-биограф, чем ярче он, как личность, тем менее пригодной является биография для научных целей. Несомненно, более пригодной будет та биография, которая дает объективный сырой материал, если биограф выбирает путь внешней фактической данности, чем в том случае, если он держится описания внутренней связи переживаний» (Рыбников, 1920, с. 17), «менее всего пригодна для использования биография, преподносимая как художественное произведение, где очень трудно отделать факты от оценки автора» (Рыбников, 1929, с. 223).

В тексте автобиографии Рыбникова встречаются такие фрагменты: «В Гжатск приехал я рано утром часов в 6. Это было в самую Казанскую 8-го июля. В городе звонили к заутрене» (Рыбников, 1942а, с. 47). Стиль изложения, как представляется, скорее соответствует литературному произведению (возможно, мемуаристике), нежели автобиографии, которая могла бы быть использована различными науками, в том числе, психологией. Лексика, обороты речи, на наш взгляд, ближе к устному, а не строго научному изложению фактов: «Судьбе было угодно, чтобы Александр Сергеевич был вратарем, открывающим мне дверь в созвездную трудовую жизнь» (там же, с. 184). «Как же была использована эта путевка в жизнь, путевка, которую я получил за студенческий период своей жизни? Этому мы отводим следующий раздел нашей автобиографии» (там же, с. 318).

С научной точки зрения наиболее интересными представляются попытки предложить различные планы, схемы, структуры для создания:

- Автобиографии в контексте достаточно продолжительной по времени истории семьи и рода (что Николай Александрович продемонстрировал на примере собственной автобиографии, хотя в ней подробное изложение получили лишь ранние периоды его жизни), выделены следующие разделы:

1. С какой целью пишется автобиография.
2. Родословные разведки трех первых поколений.
3. Старшее четвертое поколение. Мои отец, мать, дяди, тети.
5. Наше поколение (пятое)..
6. Мое детство (1880–1891).
7. Отрочество (1891–1895).
8. Юность (1895–1901).
9. Солдатчина (военная служба 1901–1903).
10. Студенчество (1905–1910).
11. Магистерство. Преподавательская работа в средней школе (1911–1917).
12. Преподавательская работа в вузах (1916–1931).
13. Научно-исследовательская работа (1908–1940).

14. Литературно-издательская работа (1914–1940).
15. Руководители, учителя, ученики.
16. Родные: а) по линии Рыбниковых; б) по линии Андреевых; в) по линии Щукиных.
17. Знакомые, друзья, сослуживцы.
18. Рамки моей жизни, женитьба, отцовство.
19. Москва в жизни Рыбниковых (1895–1940).
20. Горбово в жизни Рыбниковых (1891–1920).
21. Подрезково в жизни нашей семьи (1929–1940).
22. Неосуществленные мечты (биографический институт и другие).
23. Старение как оно есть.
24. Шестое поколение.
25. Итоги и выводы. Критики жизненного пути (Рыбников, 1942б).

– Детально проработанной биографии завершенной жизни и карьеры ученого (на примере биографии сестры, М. А. Рыбниковой) в части рукописи «М. А. Рыбникова (1885–1942). Схема биографии. Жизнь и творческий путь».

Вступление.

Раннее детство. Семейное и бытовое окружение. Отец, мать, младшее поколение.

Образование и воспитание детей в семье Рыбниковых. Родственные связи. Поездки в Горбово и Лотошино. Роль Горбово в жизни Марии Александровны. Тетки как воспитательницы.

Маринское Училище (1895–1903). Класс. Учителя. Подруги. Нравы. Первые литературные опыты. Участие в первом ученическом журнале. Первые шаги в области педагогики. Школьный дневник. Мечты о будущем.

Работа в подготовительной школе (1903–1904). Чем объясняется неудача. Семейный литературный кружок. Чтение, работа по самообразованию. Уроки. Высшие женские курсы (1904–1908). Поступление. Занятия. Профессура. Слушательницы. Толстовский и Гоголевский праздники. Педагогические мечтания, Литературный кружок. Подруги. Ксения Петровна Спасская.

Народная учительница. Нелегальная работа. Кружок свободного воспитания. Работа в клубах, воскресных школах. План новой школы.

Вязьма (1909–1919). Вяземская женская гимназия. Новые назначения педагогов. Город. Учителя-мужчины. Приход «курсисток». Встреча со стороны учеников. Мужская гимназия. Педагогическая работа. Уроки. Вечера. Разговоры на дому. Переписка с родителями. Квартира на Введенской улице. Вяземское окружение. К. П. Спасская. В. И. Стражнев. Начальница. Учительницы, ученицы. Волкова. Поездка в Хмелиту.

Война и революция. Революция и молодежь. Борьба за новую школу. Поездка в Ленинград делегатом. Бараки. Лазареты. Уход из Вязьмы.

Малаховка (1919–1924). Опытнo-показательная школа. Ученики, учителя, экскурсии. Интернат «Платоновка». Новые условия работы. Литературные выставки и спектакли. Пушкинская, Гоголевская, Толстовская, Тургеневская выставки.

Работ над литературой прошлого и современной. Символисты: Белый, Блок, Кузьмин и другие. Новая советская литература.

- Конец семьи. Смерть родителей, взаимоотношение с братом и родными. Конец Горбова. «Горбовская хроника».
- Начало работы в Москве (1924). Первые выступления. Выход первых книг. Работа над программами НКО. Работа в Педтехникуме. Учебное заведение, учащиеся. Учителя. Семинары. Выставки советской литературы. Сближение с московскими словесниками.
- Преподавание в Университете. Студенты. Профессора. Преподавательские методики. Издание новых книг.
- Экскурсионная работа. Состав кружка. Литературные экскурсии. Литературные музеи: Толстовский, Асафьево, Мураново. Экскурсии в Исторический музей. Музей 40-х гг. Ясная поляна, Чеховский музей, Горьковская выставка, Пушкинская выставка, Маяковский.
- Дискуссия на литературном фронте. Борьба с формализмом.
- На Старо-Конюшенном. «Приют муз». Чтения. Разговоры. Посетители. «Литературное гнездо».
- Расставания. Смерть Есенина, Маяковского, Соколова, Львова-Рогачевского, Грудинского и других.
- Работа с писателями. Институт Красной Профессуры. Писатели и критика. Занятия и консультация. Переписка с местами.
- Работа в НИИ. Институт методов школьной работы. Внешкольный институт, Институт детского чтения, Высший институт просвещения, Институт школ и другие.
- Мария Александровна как методист-словесник.
- Мария Александровна как литературовед.
- Мария Александровна как внешкольник-педагог.
- Мария Александровна как языковед.
- Мария Александровна как педагог-воспитатель.
- Мария Александровна как руководитель учителей.
- Мария Александровна как профессор.
- Мария Александровна как консультант.
- Мария Александровна как фольклорист.
- Мария Александровна и молодежь.
- Мария Александровна как оратор.
- Мария Александровна как стилист.
- Мария Александровна и художественно-изобразительное искусство.
- Мария Александровна как рассказчик.
- Мария Александровна как собеседник.
- Музыка в жизни Марии Александровны.
- Театр в жизни Марии Александровны.
- Мария Александровна как член коллектива.
- Отношение Марии Александровны к природе.
- Отношение Марии Александровны к искусству.
- Отношение Марии Александровны к людям.
- Отношение Марии Александровны к семье.
- Отношение Марии Александровны к ученикам.
- Отношение Марии Александровны к товарищам по работе.

Мария Александровна как человек.

Мария Александровна как русский человек.

Мария Александровна как русская женщина.

Мария Александровна как патриот.

Мария Александровна как индивидуальность.

Роль дружбы в жизни Марии Александровны. К. П. Спасская. Л. Е. Случевская.

Друзья «Старо-Константиновского литературного гнезда».

Отъезд из Москвы 19 июля 1941. Свердловский период. Работа с учительством.

Музей Короленко. Переписка.

Болезнь и смерть. Похороны. Отклики на смерть.

Итоги.

Литературное наследие. Перечень печатных работ. Подготовка к печати работ.

Намеченные к оформлению работы. Отзывы о работах Марии Александровны. Био-библиографическая схема. Указатель имен и дат. Перечень использованных материалов (Рыбников, 1942–1943).

- Истории рода (семьи) на протяжении значительного временного периода (на примере истории рода Рыбниковых на протяжении двух веков), которая, наименее проработана и не завершена в связи с достаточно большим и разрозненным объемом документов и информации.

В связи направленностью научных интересов, связанных с изучением межпоколенной трансляции и изменения жизненных моделей (Лавренчук, 2010), а также изучением, систематизацией и описанием истории семьи (или коллективной биографии семьи) (Лавренчук, 2021), наиболее важными представляются немногочисленные выводы и обобщения, которые сделаны на основе сравнения изучения жизни и деятельности нескольких поколений. Например: «Тон в семейной жизни задавала мама, принеся из горбовской среды тяготение к семейному объединению, спайке. Эта тенденция оказалась настолько стойкой, что семья и сейчас не распалась, ее члены часто собираются, у них сильно развито чувство фамильной солидарности» (Рыбников, 1942а, с. 35). Наиболее примечательным в этом смысле, на наш взгляд, является сопоставление игровой деятельности (игра в карты), которой занимались старшие поколения семьи и высоких результатов практической и научной деятельности, которых удалось достичь представителям младших поколений: «Но нельзя забывать, что карточная игра есть все же умственная игра. И, как таковая, она включает в себя положительные стороны игровой деятельности: она дает разрядку целому ряду инстинктов и функций: инстинкту борьбы и состязания, комбинаторной функции, соображения, памяти и целому ряду других аналогичных моментов. Конечно, разрядка этих функций шла по линии малопродуктивной, но субъективно это, видимо, доставляло удовольствие. Потребность в упражнении их и разрядке налицо. А вот когда следующее поколение эту разрядку перевело на рельсы практической и научной работы — получился незаурядный эффект. Таким образом этот интерес к винту и умственным карточным играм вообще говорит о каких-то бродячих неопределенных потенциях, требующей разрядки и изживания. Но в силу условий среды и привития соответствующих навыков — разрядка шла по игровому, воображаемому и нереальному пути» (Рыбников, 1942а, с. 113).

Достаточно интересным представляется, библиография, приведенная в главе II «Отрочество», содержащей описание учебы в духовном училище одного из уездных городов Рязанской губернии с 1891 по 1896 г. Автор полагает, что его «описание до некоторой степени пополняет и продолжает то, что было до сих пор опубликовано в литературе» и приводит достаточно большой список литературы по данному вопросу с его комментариями (Рыбников, 1942а, с. 36).

Таким образом, изучение и анализ неопубликованной рукописи Рыбникова «Из рода в род. История семьи Рыбниковых (за 200-летний период существования)», хранящейся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки имени В. И. Ленина, показал, что основоположником биографического метода в отечественной психологии была предпринята попытка описания истории семьи с включением его собственной автобиографии за период с 1880 по 1940 г., «описанной на фоне 200-летней истории фамилии Рыбниковых» (Рыбников, 1942а, с. 1), и полной и детальной биографии сестры, также выдающегося ученого, за 1885–1942 гг. Используя различные варианты структурирования и представления биографической информации, Рыбников предлагает взглянуть на биографию и автобиографию личности с разных углов зрения, таким образом задавая разные смысловые и ценностные параметры изучения, описания и представления жизненного пути личности, в том числе карьеры ученого, его жизненной модели.

В рукописи практически отсутствуют запланированные ранее выводы и обобщения, которые могли быть сделаны на основе изучения жизни и деятельности шести поколений семьи. Но и то, что предложено автором, имеет значительную ценность в качестве отправной точки для будущих исследователей, поможет психологии, согласно «завещанию» Рыбникова, охватить такой сложный и комплексный материал, каким являются биографии, и дать указания о методах и приемах анализа биографического материала другим наукам, особенно при изучении истории семьи, проводимого не только клиническими психологами в качестве изучения анамнеза семейной патологии, а, например, специалистами по психологии личности или социальной психологии. Яркий жизненный и профессиональный путь, разнообразные дарования и их сферы приложения выдающегося ученого психолога и педагога Николая Александровича Рыбникова — вдохновляющий пример для психологов всех последующих поколений.

Литература

- Лавренчук С. Ю.* Межпоколенная трансляция и изменение жизненных моделей у женщин: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб.: СПбГУ, 2010.
- Лавренчук С. Ю.* Практики благотворительности купеческой семьи конца XIX — начала XX века (по материалам фондов благотворительных заведений государственных архивов и отчетов благотворительных обществ Санкт-Петербурга) // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы международной научной конференции. СПб.: ЛГУ имени Пушкина, 2021. С. 64–69.
- Николай Александрович Рыбников. Некролог // Вопросы психологии. 1961. № 3. С. 188–189.
- Рыбников Н. А.* Биографии и их изучение. М.: б/и, 1920.
- Рыбников Н. А.* Изучение биографий. М.: б/и, 1922.

- Рыбников Н. А.* Психология и изучение биографий // Психология. 1929. Т. 2. Вып. 2. С. 215–222.
- Рыбников Н. А.* Автобиографии как психологические документы // Психология. 1930. Т. 3. Вып. 4. С. 440–457.
- Рыбников Н. А.* Автобиография. Ч. I. Из рода в род. История семьи Рыбниковых. ОР РГБ. М., 1942а. Ф. 367, к. 8, ед. хр. 2.
- Рыбников Н. А.* Оглавление к автобиографии. Ч. III. Из рода в род. ОР РГБ. М., 1942б. Ф. 367, к. 8 ед. хр. 3.
- Рыбников Н. А.* Речи, заметки, планы работы над книгой «Из рода в род». ОР РГБ. М., 1058. Ф. 367, к. 9, ед. хр. 4.
- Рыбников Н. А.* Биография М. А. Рыбниковой. ОР РГБ. М., 1942–1943. Ф. 367, к. 8, ед. хр. 4.
- Рыбникова М. А.* Горбовская хроника. По архиву семьи Щукиных. М.: Кооперативное издательство, 1918.

N. A. Rybnikov. An attempt to create collective family biography

S. U. Lavrenchuk

St Petersburg

The article presents the results of the N. A. Rybnikov's (1880–1961) manuscript materials research. The general title is “From generation to generation. The history of the Rybnikov family for the 200-year period of its existence”. Although the manuscript is not complete either in the form or the content, the available materials reflect the searches, ideas, reflections and conclusions of the outstanding scientist – the founder of the biographical method in Russian psychology in terms of the structure and organization of biographical material related to the history of the family, as well as its individual representatives.

Keywords: autobiography, biography, biographical method, intergenerational transmission, family history, family biography, family generations, family archive.

Психологические аспекты историко-биографической повести князя А. А. Шаховского о Марусе Чурай

О. И. Литвинюк

г. Днепр, Украина, lytvyniukoi@gmail.com

Впервые определен психологический потенциал опубликованной в 1839 г. повести князя А. А. Шаховского «Маруся, Малороссийская Сафо» как документально

подтверждаемого источника для составления психобиографии народной поэтессы и исполнительницы XVII в. Маруси Чурай (16??–1653), в связи с чем предложено рассматривать повесть не как историческую, а как историко-биографическую и использовать в качестве документа в исследованиях по исторической психологии и психоистории.

Ключевые слова: историческая психология, психобиография, психобиографический метод, жизненный путь, событие жизни, личность, психоэмоциональное состояние, действие, социокультурный контекст, исторический дискурс.

Разработка психобиографии исторической личности обычно опирается на использование личных документов и свидетельств современников, чтобы «позволить фактам говорить самим за себя» (Alexander, 1988, p. 268), однако существуют произведения, которые, по выражению Н. А. Логиновой, «одновременно являют собой жанр литературы, истории и психологии» (Логинова, 2001, с. 16), а также есть почти не изученный психологами пласт небольших по объему текстов такого же синтетического характера, в которых «говорящие факты» скудны и относятся к мало изученным историческим периодам, поэтому достоверность таких фактов нужно сначала подтвердить, а потом уже определять и оценивать их психологический потенциал как источника. В первую очередь это исторические повести и рассказы, в основу которых положены народные предания о людях прошлых времен. Одно из таких жизнеописаний принадлежит перу выдающегося драматурга, «отца русской комедии», режиссера и театрального педагога князя А. А. Шаховского (1777–1846).

Князь Шаховской в 1836–1838 гг. пишет небольшую по объему, лаконичную по языковым средствам, динамичную по событийному ряду историческую (по определению автора) повесть «Маруся, Малороссийская Сафо» (Шаховской, 1839). Внутренний мир героини раскрыт через приписываемые ей народом песни, *думки* (по-русски — размышления), их появление связано с ключевыми событиями жизни Маруси. Биография Маруси Чурай, изложенная князем Шаховским в повести, позже неоднократно использовалась другими литераторами как источник сведений о поэтессе.

Психологические аспекты этой повести еще не исследовались, однако, по нашему мнению, ее событийно-драматический сюжет, хронотопы, социокультурный контекст и фрагмент исторического дискурса, в который они помещены, дают основания предположить, что повесть обладает достаточным психологическим потенциалом для разработки психобиографии Маруси Чурай.

Цель этой работы — определить исследовательский потенциал психологического наполнения повести:

- 1) определим интересующие нас психологические аспекты повествования и критерии их оценки как потенциального;
- 2) уточним степень историчности самой героини и ее жизнеописания;
- 3) сгруппируем по аспектам эксплицированные автором повести носители психологического содержания;
- 4) оценим достаточность или недостаточность содержащейся в повести информации психологического характера для ее использования в качестве источника при составлении психобиографии Маруси Чурай.

Методологические замечания

Уточним, какие именно психологические аспекты повести нас интересуют.

К методу психобиографии обращаются психоаналитики и историки психологии. Обычно первые критикуют вторых за дилетантизм в психоанализе, вторые первых — за недооценку социального контекста, в связи с чем Л. Хоффман указывает, что психобиография развилась из установившейся биографической традиции, поэтому не может считаться достижением только лишь психоанализа, в исторических же психобиографиях исследователи отражают зафиксированные в исторических источниках изменения в обществе, и это отличает их от психоанализа (Hoffman, 1984, p. 341). Из этого следует, что подтверждаемые источниками этнонациональные, социокультурные и социально-политические стереотипы, ценностные ориентации, включая жизненные перспективы в их трактовке К. А. Абульхановой-Славской и жизненные сценарии в обобщенном виде, представленном И. А. Мизиновой, присущие традиционному обществу и историческому времени, в которых прошла жизнедеятельность описываемого лица, или же юнговские архетипы, в терминологии иного подхода, — необъемлемая часть психобиографии человека минувшего, а его личностные характеристики проявились в событиях жизни, которые вслед за Н. А. Логиновой мы считаем методологически важной категорией психобиографии (Абульханова-Славская, 1987; Логинова, 2001, с. 9; Мизинова, 2013). Причем все это органично детализирует предложенную гораздо раньше концепцию Б. Г. Ананьева по комплексному описанию человека (Ананьев, 1977).

А. Элмс указывает на отсутствие каких-либо определенных стандартов при разработке психобиографий — форма анализа зависит от исследуемого человека, от самого исследователя, предполагаемого объема публикации и т. д. (Elms, 2007, p. 97). В связи с этим изложим нашу позицию. Работа по реставрации психологического облика исторического лица требует, по нашему мнению: 1) осознания того, что мы желаем получить в результате (обычно это целостное представление о человеке); 2) понимания схемы «сборки» (т. е. какие данные доступны нам и как они обычно между собой связаны); 3) разработки поэтапного плана, процедуры, очередности «сборки»; 4) определения способов и возможностей проверки достоверности результата нашей реконструкции.

Не умаляя значимости основных применяемых при разработке психобиографий моделей (жизненных циклов Левинсона и др.), наиболее полной по составу и технологичной по процедуре считаем разработанную Б. Г. Ананьевым концептуальную схему описания, обладающую, по нашему мнению, одновременно комплексностью, системностью и синергетичностью (Ананьев, 1977).

Комплексность описания качественных этапов развития психики человека в его социальной среде обитания и историческом времени показана Б. Г. Ананьевым: индивид—личность—субъект—индивидуальность, помещенный в социокультурную среду, детерминированную историческим периодом с его общественно-политическими особенностями (там же). Эта принципиальная схема позволяет составить исходную модель психологических характеристик человека даже при малом объеме фактического материала, а затем дополнить ее данными, полученными с помощью других подходов и методов. Системность такой схемы

мы усматриваем в возможности определить место каждой единицы (узла) схемы относительно других единиц и связи между ними, а синергетичность – в осуществимости установления взаимосвязанности и взаимной обусловленности каждой единицы схемы с каждой другой единицей этой же схемы. Вот почему концепцию Ананьева мы считаем наиболее перспективной для разработки, в частности, психобиографий исторических лиц, хотя ее исследовательский потенциал, безусловно, гораздо шире.

При фольклорном и авторском пересказе предания происходит приращение смысла, поэтому важно разделить факты, их народную и авторскую интерпретацию. Последняя зависит от кредо литератора, которое у князя Шаховского включает, как справедливо отметил С. Т. Аксаков в 1830 г., «сохранение строжайшей нравственности»: «Никто не найдет в его сочинениях ни соблазнительных сцен, ни экивоков, ни вольнодумных выходок» (Аксаков, 1966, с. 116), а также от выбранного автором способа драматизации, оживления жизнеописания: 1) максимальное сохранение фактического материала с минимумом авторских ремарок и 2) «оживление» фактов значительным массивом приписанных автором героям диалогов, размышлений и т. д. Князь Шаховской, увидев драматизм и динамику естественной фабулы (цепи ключевых событий жизни героини), не стал дополнить ее Марусиными песнями-думками, расположив их ситуационно по фабуле и возложив на них функцию внутренней речи народной поэтессы. Таким образом, с точки зрения систематизации психологически значимых источников (Allport, 1942) мы имеем личные документы, а также полученную от третьего лица жизненную историю и биографию. Все это позволяет отделить фактический материал от авторского и делает повесть особенно привлекательной как источник сведений.

Итак, интересующие нас психологические аспекты повести включают: а) социально-психологические характеристики детерминирующего жизнедеятельности Маруси исторического дискурса с его общественно-политическими особенностями и социокультурным контекстом с его ценностными ориентациями, стереотипами; б) цепь ключевых событий жизни, действий и поступков Маруси; в) данные, позволяющие определить ее как индивида, личность, субъекта и индивидуальность.

Оценивая по этим аспектам психологический потенциал повести как источника, обратим внимание на наличие, количество и качество (доказуемость) по каждому из этих фактов, связи между ними и соответствие этих связей требованиям комплексности, системности и синергетичности, а также оценим, возможно ли из этого психологического материала реконструировать комплексную (по Ананьеву) психобиографию Маруси Чурай и проверить достоверность полученного результата.

Историчность Маруси Чурай и ее биографии

Историческая достоверность изложенных князем Шаховским фактов существования самой Маруси Чурай, ее биографии и авторства включенных в повесть песен подвергалась критике в аспектах текстологического анализа с выводом о «романтической литературной мистификации» в русской литературе XIX в. (Пономарен-

ко, 2002) и отсутствия подтверждающих документов с заключением о «неуклюжей литературной мистификации князя А. Шаховского» (Сосенко, 2012).

Общую методологическую ошибку этих, как и других, придерживающихся аналогичной позиции авторов, мы усматриваем в неполном рассмотрении вопроса об авторстве песни, в которой план отравления расписан по дням. Допустимы два варианта: 1) Маруся заранее изложила в песне план отравления, распространила песню, а потом осуществила задуманное и уже обнародованное; 2) песня является изложением события постфактум — она создана народом или психически больной Марусей. Стоило рассматривать оба варианта. Повесть А. А. Шаховского соответствует второму варианту. Вышеуказанные авторы анализировали первый.

Л. Г. Пономаренко полагает, что приписываемые Марусе песни не могли быть созданы одним автором, они появились не ранее конца XVIII—начала XIX в., имеют народный характер, а по традиции женских наименований XVII в. Маруся должна называться *Маря Чурайвна* (Пономаренко, 2002).

Наши контраргументы таковы. Моноавторство устанавливают по наличию или отсутствию в исследуемых текстах идиостилия, однако этот вопрос не рассматривался. Лексика, семантика и тропы песен типичны для наивной картины мира не только XVII в., но и более ранней, а фабулы многих из них ситуативны (это последнее допускает моноавторство). Публикация песен в сборниках М. Максимовича в 1830-х годов не означает, что они были созданы тогда же. Более ранние сборники песен края не рассмотрены. Уменьшительно-ласкательные имена от *Маря — Маруся, Марусина, Марина, Маринка* и т. д. Отпатронимное именование дочери могло быть не только официальным *Чурайвна*, но и разговорным *Чурайка* или нейтральным переносом прозвища *Чурай* на дочь (последнее вероятно, так как у Чурая не было сына). Вот почему не видим оснований считать гипотезу Л. Г. Пономаренко доказанной.

Работа П. Сосенко изобилует грубыми методологическими просчетами: отсутствует даже краткий анализ текста повести, социокультурного контекста, коннотаций, использована ложная семантика выбранной в качестве опорной лексемы, что делает вывод о «неуклюжей литературной мистификации» явно преждевременным.

Такое отсутствие методологически обоснованных возражений против реальности существования Маруси, ее судьбы и авторства песен не избавляет от необходимости поиска доказательств, подтверждаемых документально.

К ним относим, в частности, такие: 1) текст приговора от 16 июня 1653 г. Полтавского полкового суда, вынесенного дочери урядника Гордея Чурая Марине за отравление Грица Бобренка, найденный в 1960-х годах при работе над поэмой о ней Иваном Хоменко в Центральной научной библиотеке Украины в архиве XVI—XVII вв. (Кауфман, 1973); 2) установление профессором М. Степаненко по архивным материалам реальности существования упомянутых в тексте указанного приговора лиц, их статусов и полномочий на дату приговора (Степаненко, 2008); 3) данные токсикологии о воздействии на организм указанного в приговоре растения (при принятии внутрь небольшой дозы вызывает острое пищевое отравление, паралич и смерть); 4) подтверждаемое документами общение князя Шаховского до февраля 1836 г. (начало работы над повестью) с уроженцами Украины, от которых он мог услышать предание о Марусе; 5) упоминания Ма-

русии/Марины Чурай/Шурай в биографических словарях XIX в. как исторического лица.

Подробный анализ этих и других доказательств выходит за рамки этой статьи, однако их наличие убеждает в историчности Маруси и ее печальной истории жизни.

Упорядочение носителей психологического содержания

Напомним цепь значимых событий жизни Маруси, согласно повести. Маруся — дочь казненного поляками казака-урядника Гордея Чурая, живущая в Полтаве с матерью-вдовой, бедная красавица, поэтесса и исполнительница. Она полюбила молочного брата — богатого соседа Грица, склонившего ее к сексуальным отношениям и обещавшего жениться. Случайно она узнает о плане матери Грица женить его на девушке из богатой и более статусной семьи, а Марусю выдать за влюбленного в нее казака невысокого звания Кондрата Искру. Грица с полком выступает в долгий поход, Маруся вместе с матерями и дочерьми казаков идет на богомолье в Киевскую Лавру, где встречает вернувшийся полк и узнает о предстоящей женитьбе возлюбленного на другой. Вернувшись домой, Маруся пытается утопиться; спасенная Кондратом, она пробует вернуть Грица, но попытка пресечена; накануне его свадьбы Маруся вызывает Грица к себе домой, в результате выяснения отношений решается отравить его и себя припасенным для этого зельем, однако отраву выпил только Грица (вторая половина жидкости разлилась, но Маруся успела ее остаток «*ухватить алчными губами*»). Маруся сошла с ума и предстала перед судом, приговорившим ее к смерти. Перед казнью Кондрат Искра привез приказ гетмана Богдана Хмельницкого о помиловании Маруси в память о ее героически погибшем отце. Вскоре — в 1653 г. — она скончалась.

Автор определил свою повесть как историческую («Содержание повести основано на исторических фактах» — отмечает он в первых же строках), подтверждая достоверность изложенных в ней событий ссылками на значимые факты исторического дискурса (*при гетманстве Хмельницкого; боевые и политические действия Богдана Хмельницкого, казнь отца Маруси Гордея Чурая в Варшаве и др.*), социокультурный контекст традиционного общества (договорные равнородные браки, вечерницы, осуждение добрых сексуальных отношений и т. д.), детализацией локусов (в *Полтавском посаде, на берегу реки Воркслы, гораздо ближе к плотине, чем к оврагу, отделяющему Крестовоздвиженский монастырь, стояла низменная хата, с садиком, вдовы; на верху горы, против собора, красовались хоромы и др.*), конкретизацией информаторов (*по описанию одного соборного священника, дошедшему к нам от отцов; и т. д.*), социальным позиционированием (*прославилась в Малороссии стихотворческим талантом; Все в Полтаве любовались Марусей и любили ее; говаривали, что она зазналась и глядеть ни на кого не хочет; у Маруси был любовник, молочный брат ее, Грицо, который обещал на ней жениться; слишком воскичилась Божим дарованием; красовались хоромы ... Хорунжего хреброга, только не перед супругой и т. д.*).

А. А. Шаховской вводит принцип показа внутреннего мира поэтессы через ее песни, называя их *думками* (по-русски — *размышления*). Разрабатывая психологическую характеристику Маруси, он эксплицирует обусловленные событиями

ее жизни психоэмоциональные состояния и рефлексии через ее песни, связывая их тексты с внутренней речью Маруси: «В эту эпоху сватовства и изгнания раскрылся поэтический гений Маруси. Первая думка ея выражает надежду свидания с любезным, после ссоры матерей: Не бачила своего миленького / Ни теперь, ни вчора <...> Сами слезы льются, / От милого нема людей, / От нелюба шлются; Во второй думке сочинительница, вероятно, мечтала видеть своего любезного, как он расхаживает в верхней части Полтавы: Чи ти тужиши так за мною, / Як я за тобою? <...> Кохалися, любилися, / Да вже жь перестали. / Кохалися, любилися, / Що мати не знала; / Покидае милый милу, / Вороги раденьки...; В третьей думке ясно выражается тоска покидаемой любовницы: Промеж людей дивчинонька / Плаче и рыдае / що ж дивчина молоденька / Проклинае долю? / Як дивчине не журиться — Козак покидае!» и т. д.

Как видно из поэтических текстов, эти думки выполняют функцию прямой и несобственно-прямой речи Маруси: Болит моя головушка / Вид самого чола! / Хиба я тебе забуду, <...> Як очи заплющу; Гей, ти молоденький, голубе сизенький, / Не в правде живешь; / Минуешь мою хату и мои ворота, / А до иншой идеш; Як ми з тобою спознавались / <...> к любитись перестали...

Психическое расстройство Маруси автор описывает как фрустрацию и как анамнез (Рассудок нашей Сафо, уже не раз убиваемый напастями, если и не был в конце уничтожен этим сильным и никак неожиданным ударом, то совершенно впал в черную манию <...> служитель ... уверился, что преступление было дело сумасшествия, до которого довели страстную женщину любовь, позор, ревность, многократно обманутая надежда и отчаяние, включая описание ее речевого поведения и речи на суде: <...> Не понимая их, не слушая их, она глядела в верх с глухим шепотом <...>; когда же услышала очень громко произнесенное имя, с детства врезавшееся в ее сердце, быстро оглянулась на тещу и спросила: Тибі жаль его?.. и вдруг сама же отвечала: Ох! Жаль, жаль! Обрывки прежних идей заронились в ее озаженной голове, и, в бреду сумасшествия она заговорила, но слова ее были без связи, а речь без начала и конца).

Доля авторских допущений и диалогических вставок минимальна, их начало и конец, как правило, отграничены от фактического материала и речи Маруси, поданной в виде песен. Диалоги, безусловно, авторские, однако ситуативно обусловлены, немногочисленны и коротки, а лаконичный, динамичный стиль повествования призван, по-видимому, убедить читателя в реальности описываемых событий. Автор выступает как сторонний наблюдатель и тактичный интерпретатор поведения Маруси, выделяет стрессогенные факторы, мотивированные ими поступки, объясняет изменения ее психоэмоциональных состояний через песни.

Цепь действий Маруси, иных персонажей помещена в социально-культурный контекст, наполненный реалиями и ценностными ориентациями традиционного общества, а он, в свою очередь, вписан в исторический дискурс.

В реконструкции Шаховским биографии Маруси хорошо просматривается авторская система экспликации внутреннего состояния через внешние проявления, помещенные в социокультурный контекст, разворачивающийся в историческом дискурсе.

Системные связи между носителями психологической информации вертикальны и горизонтальны. Первые иерархичны: дискурс — контекст — действие — экспликация внутреннего состояния — реконструкция по внешним проявлениям

внутреннего состояния — интериоризация и переживание нового опыта — мотив нового действия как их результат. Горизонтальные связи соединяют одноуровневые данные о психоэмоциональном состоянии разных людей: Маруси, ее матери, подружки Мелашки, соседки, Грица, его матери, отца, невесты, Кондрата, промежуточных персонажей и коллективного персонажа. При этом последний наделен функцией мерила ценностных ориентаций традиционного общества этого конкретного социокультурного контекста.

Композиционно вертикально-горизонтальные связи организованы в виде цепочки обусловленных предыдущими событиями и поведением действий Маруси, предпринятых под влиянием внешних обстоятельств: поступков Грица (подарки, обещание жениться) и других персонажей, системы ценностных ориентаций общества (богомолье и др.), обстоятельств непреодолимой силы (необходимость военного похода).

Таким образом, композиция повести в части жизнеописания Маруси выстроена одновременно по двум направляющим: линейному — по хронологии событий — и дискретно-горизонтальному, раскрывающему коммуникативные связи и мотивацию действий Маруси и лиц из круга ее общения, ближнего (мать Грица) и дальнего (Кондрат, Мелашка), а также абрисно показан социум с его системой ценностных ориентаций и историческим дискурсом. Этот второй стержень позволяет автору показать психологические особенности личности, своеобразие группового поведения в связи с исторически обусловленным онтогенезом.

А. А. Шаховскому удалось удержать баланс между историзмом повествования и авторскими допущениями, что позволяет при разработке психобиографии Маруси размежевать фактическую основу и авторский вымысел.

Психобиографический потенциал

С методологической точки зрения доказуемость приведенного фактического материала, включая обозначенные в повести исторический дискурс и социокультурный контекст (по которым в иных источниках немало сведений), возможность отделить авторский вымысел от фактической основы, наличие двух стержней — событийно-последовательного и коммуникативно-функционального, а также многочисленных связей между ними, определяет возможность разработки психобиографии в рамках психоистории и исторической психологии. Кроме того, в повести есть некоторые из выделенных Г. Олпортом психологических средств, пригодных для изучения личности. В нашем случае это дает возможность рассматривать повесть, очищенную от авторских дополнений, как источник, полученный от третьего лица, а при условии доказанности одного идиостиля автора во всех или части помещенных в повесть песен анализировать их как личные документы Маруси.

Почти все включенные в повесть песни-*думки* имеют признаки нарратива в понимании М. Уайта: отражают прототип родной для Маруси культуры, содержат личную историю, являясь картой памяти, помогая осмыслить прошлое, настоящее и будущее (Уайт, 2010).

Несмотря на небольшой объем повести, в ней есть и событийный ряд, и соответствующие ему поступки, и несобственно-прямая и прямая речь Маруси,

и материал, характеризующий ее как индивида, личность, субъекта, индивидуальность.

Из всего этого следует, что возможно разработать психологический портрет и психобиографию Маруси, приняв во внимание социокультурный контекст и исторический дискурс. Имеется такой материал, хотя в меньшем объеме, для портретирования Грица и Кондрата Искры.

Содержащийся в повести фактический материал достаточен для анализа жизненного пути Маруси с позиций комплексного подхода Б. Г. Ананьева, проверки или дополнения данными, полученными с использованием субъектно-деятельностного подхода и психоаналитического подхода: в части инстинктов (жизни и смерти) и либидозных устремлений — психоанализа (З. Фрейд и неофрейдисты), соотношения коллективного и личного жизненных сценариев (аналитической психологии К. Юнга), выбранных способов преодоления чувства неполноценности (индивидуальной психологии А. Адлера). Эмоционально-поведенческая реакция Маруси на угрозу разрушения ее жизненного сценария, избранные ею формы адаптации и самозащиты, детерминированные сначала незакрытым гештальтом, а вскоре и шоковой травмой, интересны с точки зрения гештальт-психологии (Ф. Перлз и др.), но могут быть интерпретированы и с позиции жизненных перспектив К. А. Абульхановой-Славской, жизненного сценария Э. Берна и последователей, но в более технологичной при разработке психобиографии трактовке И. А. Мизиновой (Абульханова-Славская, 1987). Наконец можно применить левинсонову модель жизненных циклов, популярную у наших западных коллег.

Это дает нам основания оценить психологический потенциал повести как достаточный для разработки психобиографии в рамках исторической психологии.

Заключение

Повесть князя А. А. Шаховского «Маруся, Малороссийская Сафо» (1839) написана на документально подтверждаемой основе, содержит упорядоченную по функциям и достаточно обширную по охвату психологическую информацию о Марусе Чурай. Это позволяет на принципах комплексности, системности и синергетичности выстроить схему психобиографии.

Повесть содержит существенные черты психобиографического текста: цепь событий жизни, жизненный сценарий и несколько жизненных перспектив, соотношенность поступков и мотивов действий характеризуемого субъекта с социокультурным контекстом и историческим дискурсом, экспликации внутреннего мира через внешние проявления, причинно-следственные связи между мотивами и действиями, описания психоэмоциональных состояний и их изменений под внешними воздействиями и др. Это дает возможность охарактеризовать Марусю как индивида, личность, субъекта, индивидуальность, действовавшую в конкретном социокультурном контексте исторического дискурса первой половины XVII в., разработав ее психобиографию на основе предложенной Б. Г. Ананьевым концепции комплексного описания человека, детализируя данными, полученными в рамках личностно-деятельностного подхода, и проверить результат методами, полученными в результате анализа исходных данных методами других подходов.

В 1839 г. князь А. А. Шаховской отнес свою повесть к историческим, однако с позиций современного развития научного знания и с учетом всего вышеизложенного, в частности, подтверждения архивными изысканиями (Степаненко, 2008) исторической основы этого произведения, предлагаем считать повесть историко-биографической и использовать как источник в исследованиях по исторической психологии и психоистории.

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* Жизненные перспективы личности. Психология личности и образ жизни / Под ред. Е. В. Шороховой. М.: Наука, 1987. С. 149–151.
- Аксаков С. Т.* О заслугах князя Шаховского в драматической словесности / Аксаков С. Т. Собр. соч. В 5 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1966. С. 112–116.
- Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
- Кауфман Л. С.* О популярных украинских песнях и их авторах: Очерки. М.: Советский композитор, 1973.
- Логинова Н. А.* Психобиографический метод исследований и коррекция личности. Алма-Аты: Казак университеті, 2001.
- Мизинова И. А.* Жизненный сценарий личности: основные подходы к рассмотрению // Известия Саратовск. ун-та. Новая серия. Сер. «Философия. Психология. Педагогика». 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 59–64.
- Пономаренко Л. Г.* Пісні Марусі Чурай: текстологічний аспект: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. К.: Київський університет ім. Тараса Шевченка. Інститут філології, 2002.
- Сосенко П.* Фольклорні взірці та псевдофольклорні містифікації // Література. Фольклор. Проблеми поетики. Вип. 37. Ч. II. 2012. К.: Київський національний університет ім. Тараса Шевченка. С. 47–63.
- Степаненко М.* Коло Марусі Чурай // Народна творчість та етнографія. 2008. № 1. С. 37–44.
- Уайт М.* Карты нарративной практики: Введение в нарративную терапию. М.: Генезис, 2010.
- Шаховской А. А.* Маруся, Малороссійская Сафо / Сто русских литераторовъ. Т. 1. СПб.: Издание книгопродавца А. Смирдина. Тип. А. Смирдина, 1839. С. 765–830.
- Alexander J. E.* Personality, psychological assessment and psychobiography // Journal of Personality. 1988. № 56 (1). P. 255–294.
- Allport G. W.* The Use of Personal Documents in Psychological Science. N. Y.: Social Science Research Council, 1942.
- Elms A. C.* Psychobiography and case study methods / Handbook of research methods in personality psychology. N. Y.: Guilford Press, 2007. P. 97–113.
- Hoffman L.* Early Psychobiography, 1900–1930: Some Reconsiderations // Biography. University of Hawai Press. 1984. V. 7. № 4. P. 341–351.

Psychological aspects of historical and biographical novel about Marusia Churay by prince A. A. Shakhovskoy

O. I. Lytvyniuk

Dnipro city, Ukraine

The paper is the first to determine psychological potency of published in 1839 historical novel “Marusia, Malorosian Sapho” by Prince A. A. Shakhovskoy as a confirmed with documents source to develop a psychobiography of folk poet and singer Marusia Churay (16??–1653) due to which it is proposed to consider the novel as not a historical only but as a historical and biographical one and to use as a source in psychohistory and historical psychology research.

Keywords: historical psychology, psychobiography, psychobiography method, life span, life event, personality, psycho-emotional state, acting, sociocultural context, historical discourse.

Нарастание экзистенциальной проблематики в истории исследований медиа

О. И. Маховская

Институт психологии РАН, Москва, olyam@inbox.ru

Выносятся на обсуждение авторское обобщение — история психологических исследований коммуникации носит циклический характер. Как и в исследовании эффектов телевидения, можно выделить четыре стратегии (этапа) в изучении влияния интернет-коммуникации на жизнь и развитие людей: когнитивный, личностный, социальный, поведенческий. Расширение тематического поля исследований неизбежно приводит к изучению экзистенциальной проблематики. В условиях высоких рисков и пандемий особый интерес вызывает тема солидарности.

Ключевые слова: телевидение, интернет, видеоигры, когнитивное, социальное, личностное развитие, экзистенциальный, варианты, жизнь, солидарность.

Экзистенциальная мотивация новых медиа

Представителю генерации, играющей в компьютерные игры с самого детства вместе с отцом и сверстниками, не нужно объяснять, что значит получить или потерять несколько жизней: персонажи постоянно наращивают, обменивают и изменяют свой жизненный потенциал (Makhovskaya et al., 2016). За игровой формой мы не видим скрытый важный мотив развития современного человека — прожить как можно больше жизней. Биографии и успех стали измеряться количеством ва-

риантов жизни, которые удается получить на историческом аттракционе. Виной тому скорость глобальных перемен, возможности перемещения в пространстве и времени, новые информационные технологии. Человечество сегодня в большей мере ценит в себе адаптивность и сообразительность, чем старый добрый интеллект, талант и образование – ценности прошлого космического XX в. (Маховская, Марченко, 2016).

Старые медиа (радио, телевидение) повлияли на формирование новой грандиозной мотивации жизни людей-полубогов и, конечно, были связаны с распространением эпидемии нарциссизма (Марченко, Маховская, 2018). Мы опускаем здесь моральную сторону новых стилей жизни, поскольку и старые традиционные стили не отличались безгрешностью. Голливуд еще недавно был первой гигантской фабрикой иллюзий. Сегодня зрителю уже не нужно идти в кинотеатр, чтобы подсмотреть чужую жизнь. Зритель сам может создать сюжет, снять видео и даже фильм, используя профессиональную палитру возможностей (Маховская, Марченко, 2015). Гедонизм как новая стратегия жизни, которая пришла на смену философии общественной полезности, быстро устарел, и вместе с увеличившейся продолжительностью жизни встал вопрос о различных технологиях или вариантах жизни, которые может попробовать человек.

Жадное потребление чужих жизней происходит в условиях нарастающей субъектности, когда любой может быть автором сценария и режиссером своей жизни. Мы больше не хотим брать то, что нам рекомендуют старые авторитеты.

Когда история новых медиа соразмерима с историей двух-трех поколений, встает вопрос о том, как новые медиа определили судьбу поколения. На самом деле зависимость обратная: поколения определяют развитие медиа, выбирая их в качестве платформы для обсуждения насущных проблем.

Преимственность в исследовании психологических эффектов медиа

Главная гипотеза нашего исследования: психологические и социально-психологические исследования влияния новых медиа на развитие детей и подростков проходит в основном те же этапы, что и изучение воздействий традиционного телевидения.

Анализируя обширную историю развития психологических эффектов телевидения, мы выделили четыре аспекта:

- 1960-е годы и до сих пор – бихевиористский (моделирование поведения, реактивное поведение, суицидальное поведение, рост агрессии и др.);
- 1970-е годы и до сих пор – когнитивный (влияние на память, внимание, мышление; клиповое мышление; способы категоризации; иллюзии и искажения в восприятии и т. д.);
- 1980-е годы и до сих пор – социальный (влияние на социализацию; десоциализация и т. д.);
- 1990-е годы и до сих пор – экзистенциальный (влияние на жизнь в целом, жизнеспособность, образ жизни, стратегии успеха, технологии счастья и т. д.) (Маховская, Марченко, 2015).

Цель сравнительного анализа – восстановить (реконструировать) логику и направление исследований в предметном поле, которое описывается сейчас обобщенно и условно как *subergpsychology* с фокусом на классической проблеме «влияния медиа на детей и молодых людей».

Объектом исследования являются публикации, их частотное распределение по темам и периодам. Для экспертной оценки мы привлекаем ученых, которые давно изучают тему влияния медиа на развитие детей и жизнь взрослых, а также обобщающие публикации по истории исследований медиа.

До сих пор не сложилось название направления в психологии, которое изучает влияние Интернета (цифровой коммуникации, «опосредованной компьютером совместной деятельности», «опосредованного общения» на развитие детей и взрослых и т. д.). Некоторые психологические исследования публикуются под рубрикой «информатика». История отечественных психологических исследований воздействия международной телекоммуникации на детей и подростков началась в стенах Института психологии РАН в 1985 г. в рамках культурно-исторической парадигмы (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия), деятельностного подхода (А. Н. Леонтьев), субъект-субъектной парадигмы общения Б. Ф. Ломова (А. В. Беляева, И. А. Вереникина, Б. Н. Узыханова, О. И. Маховская, Г. В. Солдатова, А. Е. Войскунский, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник).

Уже тогда ощущался дефицит социально-психологических и экзистенциально-психологических исследований, учитывая масштаб изменений, которые вносили новые технологии в жизни обществ, групп и отдельных людей.

Важнейшая проблема субъекта сетевой деятельности (взаимодействия) надолго отошла на второй план под спудом эмпирических исследований. К ней вернулись совсем недавно при изучении проблемы личностной автономии в сети (Т. Д. Марцинковская, Д. А. Леонтьев), при оценке перспектив субъектного подхода С. Л. Рубинштейна в анализе сетевого взаимодействия (Н. В. Борисова). Развитие традиционных и новых медиа идут по пути нарастания личностной автономии и ответственности, медиаграмотности, цифровой компетентности. Соответственно возрастает значимость этого круга проблем. Личная ответственность пользователей – ресурс совладания с негативными сетевыми феноменами.

Продолжает развиваться направление по изучению проблемы влияния сетевого взаимодействия на личностное и когнитивное развитие детей и взрослых, в том числе на высшие психические функции, т. е. с опорой на культурно-историческую традицию (А. Ш. Тхостов, А. Н. Поддьяков). В настоящее время по количеству публикаций лидируют социально-психологические исследования влияния цифровых медиа на детей и взрослых, темы социального неравенства, межпоколенного разрыва, дефицита цифровых компетенций, агрессии, цифровой социализации, коммуникативных барьеров, психологической безопасности (Г. В. Солдатова, Е. И. Рассказова, Т. А. Нестик, Т. Д. Марцинковская, Е. П. Белинская). Отдельное направление – проблемы формирования идентичности в условиях транзитных обществ (Т. Д. Марцинковская, Е. П. Белинская, Н. А. Голубева). Существует огромный общественный и государственный запрос на данные мониторинга проблем, связанных со скрытым от социального контроля сетевым поведением молодых. В обществе муссируются страхи перед «группами смерти»,

вербовки в секты вроде ИГ или иных террористических организаций и деструктивных культов. Можно сказать, мы только встали на путь от теорий сильного Интернета, тотально определяющего развитие детей до построения теорий промежуточного уровня, поиска способов предупреждения, компенсации негативного влияния, а также моделирования просоциальных обучающих курсов и развивающих сред для молодых.

Во многом повторяется история психологических исследований телевидения, когда от традиционных проблем влияния медиа на когнитивное, эмоциональное, личностное развитие перешли к изучению социально-психологических феноменов, а позже и к громоздким лонгитюдным исследованиям влияния телевидения на жизнь и репутацию людей. Наиболее очевидный пример: сравнительный анализ влияния старых и новых медиа на агрессию подростков показывает сходство предикторов и объяснительных концепций подростковой агрессии как под воздействием сети, так и под влиянием телевидения (С. Н. Еникополов).

Культурно-историческая традиция анализа совместной деятельности, опосредованной компьютером, по-прежнему касается не столько диагностики, оценки уже сложившихся практик, сколько построения таких систем взаимодействия, которые способствовали бы развитию детей. Под этим углом изучаются видеоигры, которые среди части педагогов, родителей и психологов получили сомнительную репутацию репрессоров детского развития (Makhovskaya et al., 2016). Точно так же исследования детского телевидения в свое время от оценочных перешли к конструктивным: психологов стали приглашать в команды разработчиков образовательных телепрограмм, чтобы формировать просоциальные и обоснованные с точки зрения возрастных требований установки и навыки у маленьких зрителей. Главным методом «обкатки» новых телепрограмм стали полевые исследования, проводимые психологами в обычных детских садах и школах (Маховская, Марченко, 2015).

Сформировалась новая наука информатика, предметом которой стало развитие технологии с целью расширить возможности людей. В области проектирования новых технологий одновременно формируется несколько сходных по своей методологии линий: этнография (Ethnography), изучение организационного контекста (Contextual Design), проектирование с учетом реальных участников взаимодействия, опосредованного компьютером (Participant Design). Объектом исследования становятся конкретные контексты взаимодействия людей, а основными методами — качественные исследования. Происходит смена парадигмы — с технологически ориентированной (technology driven) на клиентски ориентированную (customer driven). Теоретической рамкой этих практико-ориентированных разработок по-прежнему остается культурно-исторический подход, теория деятельности А. Н. Леонтьева (Б. Нарди, В. Каптелинин). Акцент снова переносится с технологии на культуру, человека. При этом романтизм первых исследователей, надеющихся, что новые технологии сами по себе расширят возможности человека, сменился рыночным прагматизмом участников компьютерного производства и одновременно серьезной обеспокоенностью тем, что дети и подростки становятся объектом изощренных, эмпирически проверенных манипуляций в сети, причем в промышленных масштабах и с неизвестными отстроченными последствиями, радикально меняющими их жизнь.

Несмотря на нарастающее количество психологических исследований влияния новых медиа на развитие детей, пока мало обобщающих историко-психологических работ, которые позволяли бы выделить и спрогнозировать развитие новых тенденций, проблем в данной предметной области.

В настоящее время мы выделяем четыре аспекта в развитии психологических исследований новых медиа на жизнь и развитие людей, в частности детей, начиная с 1980-х годов:

- когнитивный (влияние информационных технологий на развитие ВПФ; новые тенденции психического развития детей и подростков в современном мире);
- личностный (реальная и виртуальная идентичность; постоянство и изменчивость глобализация, транзитивность, виртуальность: новые вызовы современности, транзитивность и виртуальность: общее и отличия);
- социальный (социальная психология цифрового общества, кибербуллинг, создание эффективных форм взаимодействия, идентичность, множественная идентичность, нарциссизм изменение контекста образования в цифровом пространстве, управление образованием);
- экзистенциальный (homo digital: человек в цифровом мире, экзистенциальные проблемы самореализации в виртуальном пространстве),

Экзистенциальная проблематика возникла и стала нарастать в последнюю декаду, заговорили о том, что глобальные сети меняют, расширяют возможности отдельных людей. Нарастающий оптимизм, который вообще сопровождает развитие новых технологий, внезапно уперся в стихийное бедствие под названием «пандемия».

Выводы и перспективы

Очевидна преимущество изучения старых и новых медиа и их влияния на познавательное, социальное, личностное развитие и жизнь в целом у детей и подростков. Некоторые исследователи перешли от изучения эффектов старых медиа к новым, не изменив концепции и подхода, однако мы не нашли прямых указаний на то, что цифровое взаимодействие сохраняет существенные характеристики дистантной коммуникации (телефон, радио, телевидение). Каждый раз меняется оптика исследования — от отдельного пользователя, его мозга (поведенческое, познавательное, личностное направление) до ближайшего окружения (социальное направление) и жизнедеятельности в целом (экзистенциальное направление). Не выработана пока единая теоретическая модель, которая позволяла бы спрогнозировать многоуровневые и долгосрочные эффекты медиа. Из поля зрения исследователей пока постоянно выпадает изучение семейных контекстов, при том, что довольно широко признано, что семья является важным амортизатором любых «вредных воздействий» извне, в том числе со стороны агрессивной информационной среды.

Перспективу жизни отдельных людей и сообществ в условиях нарастающих рисков мы связываем с формированием новых форм солидарности. Солидарность рассматривается нами как интегративная стратегия жизни и коммуникации, которой нужно учить с детства (Маховская, Марченко, 2010). Моделирующий по-

тенциал старых и новых медиа мало использовался во время пандемии. Причина в том, что психологи недостаточно осознают роль медиа в жизни и консолидации общества, а медиа не ставят перед собой долгосрочных социально значимых задач.

Литература

- Марченко Ф. О., Маховская О. И.* Психология сетевой агрессии (кибербуллинга) во время эпидемии нарциссизма // Человек и сущность. 2018. № 4 (35). С. 100–119.
- Маховская О. И.* Российские ученые и интернет: flashback and look forward // Pro & Contra. 2000. Т. 5. № 4. С. 123–143.
- Маховская О. И., Марченко Ф. О.* Формирование солидарных установок средствами телевидения. Сборник статей. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 439–459.
- Маховская О. И., Марченко Ф. О.* Дети и телевидение: история психологических исследований и экспертизы телепрограмм для детей. М.: Инфра-М, 2015.
- Маховская О. И., Марченко Ф. О.* Влияние образовательных онлайн-ресурсов и телевидения на жизнеспособность детей из различных социальных групп // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты. М., 2016. С. 228–243.
- Makhovskaya O., Matweeva L., Marchenko F.* Father's Role in Co-Use of Video Games in Russia // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2016. Т. 233. P. 455–458.

The rise of existential issues in the history of media research

O. I. Makhovskaya

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow

The article discusses the author's generalization that the history of psychological research in communication is cyclical. In comparison to the effects of television, there are four strategies (stages) for studying the impact of Internet communication on the life and development of people: cognitive, personal, social, and behavioral. The expansion of researches inevitably leads to the study of existential problems. In the context of high risks and pandemics, the topic of solidarity will be of particular interest in the close future.

Keywords: television, Internet, video games, cognitive, social, personal development, existential, modes, life, solidarity.

Сопричастность идей А. А. Зиновьева о «русской трагедии» и трансформации ментальности поколений

В. И. Пищик

*Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону,
vladaph@yandex.ru*

В статье с социально-психологической позиции анализируется социологические идеи А. А. Зиновьева. Проводятся параллели между представлениями Зиновьева о развитии социальных объектов и трансформации ментальности поколений. Рассматриваются введенные им законы развития социальных объектов, которые соотносятся с законами социальной психологии. Реконструируется подход Зиновьева к такому историческому событию, как перестройка, и его влиянию на слом ценностей коммунистических идей в обществе. Приводятся статистические данные по ценностям современных поколений и обозначены основные тенденции их изменения. Работы ученого по-иному раскрывают взгляды на проблему «социологизации» социальной психологии. Акцентируется гражданская позиция психолога при рассмотрении социальных проблем общества.

Ключевые слова: ментальность поколений, трансформация ментальности, русская трагедия, развитие социального объекта, социальные законы.

Развитие социальной психологии сопряжено с постоянным обращением к наследию прошлого и интегративному знанию, к работам ученых-социологов и социальных философов (Андреева, 2003; Журавлев, 2011), поскольку именно социология и социальная философия – это науки, которые во многом задают теоретико-методологические направления в изучении социальной психологии. В этой связи представляется актуальным проведение анализа творческого наследия философа, логика, писателя А. А. Зиновьева (Зиновьев, 1992, 2008, 2014, 2018), его роли в развитии и определении перспектив социально-психологического познания. Работы ученого особенно актуальны в связи с теоретико-методологическими разногласиями европейской (призывающей учитывать социокультурный контекст в исследованиях) и американской (настаивающей на эмпиризме) ветвями социальной психологии, которые были обозначены еще в 1980-х годах (Андреева, 2003), и сохранились до сегодняшнего дня. Главный призыв социальных психологов Европы – это обращение социальной психологии к реальным проблемам общества, «социологизация» социальной психологии. Особенно это важно в контексте проблем изменяющейся социальной реальности.

Работы Зиновьева во многом отражают проблему социально-психологических изменений, произошедших в ментальности граждан («социальных индивидов») России в связи со сменой экономической формации. Прежде всего, по мнению ученого, социальный индивид подчиняется социальным законам («законам

коммунальности»), которые управляют и обществом (Зиновьев, 2008, 2014, 2018). Эти законы объективны, независимы от истории и вечны (Зиновьев, 2014). Социальным законам подчиняется социальный индивид, но им противостоит личность в ее свободных, творческих проявлениях. Государство, мораль, религия, все социальные институты используют их и ограничивают эти законы (Зиновьев, 2014).

Представления Зиновьева повлияли на формирование концепции трансформации ментальности поколений (Пищик, 2007). В проводимых исследованиях были поставлены две задачи: изучить феномен ментальности с системных позиций (т.е. построить системную организацию ментальности) и отразить возможность радикальных социально-психологических изменений ментальности поколений России в начале XXI в. В настоящей статье рассматривается сопряженность идей Зиновьева с идеями трансформации ментальности поколений.

А. А. Зиновьев раскрывает логику описания социальных объектов. Он ввел термин «человеиник», который в социальной психологии соответствует понятию «коллективный субъект». Формируют его 10 поколений. Если принять разницу между поколениями в 20 лет, то формирование осуществляется на протяжении 200 лет. Человеиники (коллективные субъекты) объединены общей историей, территорией, разделением функций. Социальная организация «человеиника» направлена на получение благ. Жизнедеятельность членов «человеиника» происходит в двух аспектах: деловой (выполнение функций) и коммунальный (поступки и отношения) (Зиновьев, 2018). Членов «человеиника» объединяет не взаимодействие, как принято в социальной психологии, полагает Зиновьев, а связь. Связь может быть двух типов договорная или насильственная. Социальная структура «человеиника» задается национальным характером (Зиновьев, 2014). «Человеиник» — носитель определенного менталитета. На макроуровне «человеиника» образуется три сферы: власти, хозяйства и менталитета (Зиновьев, 2018). «Менталитетная сфера» (термин А. А. Зиновьева) служит формированию, ограничению, контролю сознания членов человеиника. Таким образом, автор описывает менталитетную сферу.

Мы используем термин «ментальность» — синоним термина «менталитет». Понятие «ментальность» впервые появилось в работах Р. Эмерсона (Эмерсон, 1856). М. Пруст понимает «ментальность» как отнесенность героя к своим основам. Л. Леви-Брюль различает дологическую и логическую ментальность (Леви-Брюль, 1922). Наибольшее развитие понятие приобрело в работах историков школы «Анналов» М. Блока и Л. Февра. Они ввели в процесс познания истории изучение ментальности ее представителей. А. Я. Гуревич определил ментальность как способ мышления и чувствования, присущие людям определенной культурной и социальной общности (Гуревич, 1993). Мы в рассмотрении ментальности исходили из работ В. Е. Клочко, который расширил представление о психологической системе, понимаемой как единение с миром, в котором мир интегрирован в значения, смыслы и ценности (Клочко, 2005). Исходя из данных воззрений и обобщения иных взглядов, мы определили ментальность как совмещенную систему (ядро, периферия), интегрируемую религиозной, этнической, социальной, медийной надсистемами. Ядро ментальности составляет согласованность доминирующих значений, смыслов и ценностей образа мира и образа жизни кол-

лективного субъекта. Системообразующая функция ментальности заключается в том, что она приводит в соответствие ее надсистемы (этнос, религия, социум и медиа), ядерные и периферические составляющие и подсистемы (Пищик, 2007). С системных позиций именно нарушение механизма соответствия, когда система ментальности приходит в неравновесное, неустойчивое состояние, может происходить ее трансформация.

Развитие социальных объектов происходит путем дифференциации их свойств и обособления в качестве особых свойств различных объектов. Эта идея Зиновьева созвучна представлениям синергетиков. Существует мера, нарушение которой ведет к разрушению объектов или к возникновению нового качества (Курдюмов, Малинецкий, 1983).

Зиновьев эволюцию «менталитетной сферы» понимает как переход от недифференцированной ее формы к дифференцированной (Зиновьев, 2018). От нее, как поясняет автор, отделяются наука, искусство, образование и др.

Мы полагаем, что фактором трансформации ментальности поколения может выступать ее доминирующая надсистема, которая задает изменения социально-психологических характеристик (периферия ментальности), приводящих к изменению в ядре ментальности, и определяет направленность ее трансформации. Совмещение различных сочетаний составляющих ядра и периферии ментальности определило типы ментальности: традиционный, переходный, инновационный и постинновационный (Пищик, 2007).

Данные представления можно соотнести с социальными законами Зиновьева. Закон социально-исторической преемственности — если социальный объект разрушается внешними силами, но сохраняются образывавшие его люди и условия их выживания, то из остатков объекта в случае надобности возникает новый объект, максимально близкий по социальному качеству к разрушенному (Зиновьев, 2014). В этом смысле каждая новая форма ментальности содержит часть предыдущей формы, например, инновационная ментальность может смениться постинновационной.

Есть и другой закон социальной деградации: вновь создаваемая социальная организация воспроизводит некоторые важные черты социальной организации более низкого эволюционного уровня, исторически предшествовавшей разрушенной (Зиновьев, 2014). В нашей модели постинновационная ментальность может перейти в традиционную форму ментальности.

По прогнозам Зиновьева, перестроечные реформы не должны были привести к созданию общества западного типа, а должна была быть образована промежуточная, постсоветская система, в которой сохранялись досоветские элементы, остатки советского строя, части капитализма, особенно в сознании людей (Зиновьев, 2018). По мнению В. Е. Семёнова, мы можем наблюдать в России православно-российский, коллективистско-социалистический, индивидуалистско-капиталистический, криминально-клановый, мозаично-эклетический менталитеты (Семёнов, 2009), что созвучно идеям ученого.

Особо мы хотим акцентировать внимание на социально-психологическом осмыслении работы Зиновьева «Русская трагедия. Гибель утопии» (Зиновьев, 2014), где ясно представлена гражданская позиция ученого. Построение изложения идей автора строится в диалоге героев «Критика», «Защитника» и автора.

Данный прием очень показателен для иллюстрации того, как меняются их социальные установки и стереотипы во взглядах на жизнь, приводящие к смене социальных ролей героев, к обращению в противоположное качество в изменившейся социальной, исторической ситуации. «Критик», который критиковал советский строй, переходит постепенно в защитника утраченного. Здесь также отражается феномен борьбы мотивов стремления к точности и поддержания самоуважения, которые направляют поведение человека (Чалдини и др., 2002).

В работе реконструируется подход Зиновьева, отражающий содержание социальной ситуации, когда при смене власти в перестройку произошли изменения ценностей коммунистических идей в обществе. При этом осуществлена полная смена идеалов, перераспределение собственности, принципов жизни, коммуникации, трудовых отношений, утрата доверия и др. Автор долго размышляет над определением данной ситуации. Отказывается от понятий «катастрофа» и «кризис», поскольку после этого может произойти восстановление. И останавливается на понятии «трагедия». Социальная трагедия включает в себя следующие основные компоненты: 1) жертву; 2) судью; 3) палача. Все эти компоненты суть люди как социальные существа или объединения людей, рассматриваемые как целое, все они суть социальные субъекты (Зиновьев, 2014). Но трагедия «русская». Жертвой русской трагедии, по мнению автора, является Россия и русский народ как целостные социальные объединения. Народ как целое может быть разрушен даже без больших потерь в численности (Зиновьев, 2008).

«Живет множество отдельных людей, считающих себя русскими. Но они уже не образуют единый, целостный народ. Жизнь народа прервана. Живой народ — это преемственная и непрерывная жизнь в ряде поколений. Жизнь отдельного человека имеет смысл лишь как кусочек и звено в этой жизни народа» (Зиновьев, 2008, с. 65). С позиции этнической психологии ядром национальной психологии является самосознание народа (Пищик, 2007). Поскольку никто не вступился в защиту уходящего коммунистического строя («предатели»), можно полагать, что степень национального самосознания в тот момент была высока, но полна иррациональными убеждениями. Мы так полагаем, что в тот момент никто не осознавал радикальности изменений жизни, степень социального дистанцирования между членами общества, к которым это приведет. И как отмечает ученый, это и привело к распаду социальной общности «советский народ», заменяемой простой «совместностью».

Но А. А. Зиновьев обращает внимание на групповую рефлексивность, групповые чувства, которые тоже проявились не сразу. «Чтобы оценить ту или иную гибель людей как трагедию, требуется еще указать переживание ими или какими-то другими людьми этой гибели именно как трагедии. И переживание это должно быть настолько сильным, чтобы перед ним поблекли прочие переживания» (Зиновьев, 2014, с. 173). Лишь некоторая часть людей искренне переживает данное событие как трагедию. Мы можем сопоставить данное видение ученого с современными исследованиями.

В обобщающем социологическом исследовании показано, что в 2010, 2015 гг. негативные ассоциации (провальный, неудачный эксперимент) в своем большинстве были связаны с перестройкой (Кузнецов, 2016). В исследовании социальных представлений Емельянова демонстрирует, что событие — перестройка

занимает 4-е место в коллективной памяти по значимости после ВОВ, революции 1917 г. и распада СССР и оценивается негативно (Емельянова, 2016).

Согласно исследованию РИА Новости 2019 г., хорошо знают о событиях тех лет 47% россиян. Преимущественно это люди в возрасте от 45 до 59 лет (65% от опрошенных этой группы) и старше 60 лет (64% респондентов этого возраста). Еще 48% утверждают, что о перестройке знают или слышали, однако без подробностей. К ним чаще всего относятся те, кому от 18 до 24 лет (68%), от 25 до 34 лет (72%) и от 35 до 44 лет (52%). Совсем ничего не знают о событиях перестройки 5% россиян, преимущественно 18–24-летняя молодежь (18%). В представленных статистических данных мы находим подтверждение мысли ученого.

Представляют интерес футурологические идеи ученого. Среди черт наступившей эпохи он называет тенденцию к «безальтернативности социальной эволюции». Зиновьев определяет как «эпоху тотального помутнения умов» (Зиновьев, 2008, 2014).

Аналогичные идеи высказывают З. Бауман и Л. Донскис (2019). Авторы называют главное проявление современности — отсутствие альтернатив, при этом непопулярен оптимизм; растут страхи, есть ожидание плохих новостей; утрачивается историческая память; проявляется нравственная амнезия; наблюдается поиск внимания, рост потребительства; отсутствие приватности; ценностная нейтральность и отсутствие глубины в отношениях.

Важным представляется рассмотрение вопроса о социальном времени. Зиновьев утверждает, что произошла как бы дифференциация человечества в его отношении к социальному времени на тех, кто устремлен в будущее, и тех, кто устремлен в прошлое (Зиновьев, 2014). Однако он выявляет еще и людей, которые вне своего социального бытия фиксированы на настоящем и не переживают свою жизнь как ориентированную на будущее. В работе Р. Н. Абрамова было продемонстрировано, что все меньше людей в России озадачены позитивным прошлым (Абрамов, 2019). В исследовании М. Н. Яковлевой демонстрировалось, что ценность уверенности в завтрашнем дне снизилась в сравнении данных 2008 и 2016 гг. с 48,5% до 28,8% (Яковлева, 2018). В нашем исследовании мы показали, что новое поколение, рожденное после 2000 г., открыто новому опыту.

Зиновьев завершает работу предсказанием того, что в XXI в. современники будут испытывать большие трудности в жизни. Люди будут бороться за выживание, за господство над другими, за национальные интересы, за национальную безопасность (Зиновьев, 2008). Мы можем наблюдать подтверждение данного предсказания. Зиновьев надеялся, что люди сохраняют в себе больше человеческого. При этом он предполагал, что появляется новый человек, который обозначен как «варвар» с техническими устройствами. Автор надеялся на чудо рождения нового гуманного человека (Зиновьев, 1992).

Заключение

Работы А. А. Зиновьева являются примером проведения социально-психологического наблюдения за современниками и описания социальных законов их действий, он предложил схему построения социальных конструктов, открывающих сущность жизнедеятельности коллективных субъектов на макроуровне неэкс-

периментальными, качественными методами. Работы ученого служат образцом социальных предсказаний дальнейшего развития социальных объектов, заставляют задуматься о миссии социального психолога в построении будущего общества.

Литература

- Абрамов Р. Н.* Отношение к позднему советскому прошлому как объект социологического исследования // *Общественные науки и современность*. 2019. № 5. С. 108–120. doi: 10.31857/S086904990006566-4
- Андреева Г. М.* О «социологизации» социальной психологии в XX столетии // *Социологический журнал*. 2003. № 2. С. 12–30.
- Бауман З., Донкис Л.* Текущее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019.
- Гуревич А. Я.* Ментальность как пласт социальной целостности (ответ оппонентам) // Споры о главном: Дискуссия о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М.: Наука, 1993. С. 49–50.
- Емельянова Т. П.* Коллективная память о советском прошлом: назад в СССР? // *Психологические исследования*. 2016. Т. 9. № 47. С. 4. URL: <http://psystudy.ru/index.php/nim/2016v9n47/1280-emelyanova47.html> (дата обращения: 03.03.2021).
- Журавлев А. Л.* Современные тенденции развития социальной психологии в России // *Знание. Понимание. Умение*. 2011. № 4. С. 20–28.
- Зиновьев А. А.* Евангелие от Ивана // *Вопросы философии*. 1992. № 11. С. 57–70.
- Зиновьев А. А.* На пути к сверхобществу. М.: Астрель, 2008.
- Зиновьев А. А.* Русская трагедия (гибель утопии). М.: Алгоритм, 2014.
- Зиновьев А. А.* Идеология партии будущего. М.: ТД Алгоритм, 2018.
- Клочко В. Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Томский гос. ун-т, 2005.
- Кузнецов Д.* Представления о «перестройке» в современном российском обществе // *Eastern Review*. 2016. № 5. С. 83–97. doi: 10.18778/1427–9657.05.07
- Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г.* Синергетика – теория самоорганизации: идеи, методы, перспективы, содержащих неопределенности. М.: Знание, 1983.
- Пищик В. И.* Трансформация ментальности: системный подход. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007.
- Семёнов В. Е.* Будущее России в контексте российской полиментальности // *Вестник СПбГУ*. 2009. Сер. 12. Вып. 3. Ч. 1. С. 153–165.
- Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С.* Социальная психология. Пойми других, чтобы понять себя! Агрессия. Лидерство. Альтруизм. Конфликт. Группы. М.–СПб.: Прайм-Еврознак–ИД «Нева», 2002.
- Яковлева М. Н.* Динамика ценностных ориентаций современной молодежи // *Смыслы жизни российской интеллигенции*. М.: РГГУ, 2018. С. 212–219.

Participation of A. A. Zinoviev's ideas about the "Russian tragedy" and the transformation of the mentality of generations

V. I. Pishchik

Don State Technical University, Rostov-on-Don

The article analyzes A. A. Zinoviev's sociological ideas from a socio-psychological point of view. Parallels are drawn between Zinoviev's ideas about the development of social objects and the transformation of the mentality of generations. The author considers the laws of the development of social objects introduced by the author and correlates them with the laws of social psychology. The author reconstructs Zinoviev's approach to the historical event of Perestroika and its impact on the destruction of the values of communist ideas in society. Statistical data on the values of modern generations are presented and the main trends of their changes are outlined. The work of the scientist in a different way reveals views on the problem of "sociologization" of social psychology. The civil position of the psychologist is emphasized when considering the social problems of society.

Keywords: generational mentality, transformation of mentality, Russian tragedy, development of a social object, social laws.

Роль русского крестьянства в формировании менталитета народа

Е. Г. Синякина

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, k.sinyakina@mail.ru*

В данной статье исследуется значение русского дореволюционного крестьянства для формирования менталитета народа и традиционной русской культуры: православия, истории, русского языка, литературы, живописи, музыки, искусства; его роль в социально-экономической жизни России; его значительное влияние на ход русской и мировой истории в целом. Описаны его созидаящая, укрепляющая и сберегающая функции.

Ключевые слова: русское дореволюционное крестьянство, менталитет русского народа, формирование и сохранение русской ментальности, дореволюционный период, значение русского крестьянства и русского народа, развитие русской и мировой истории.

Целью нашего исследования является изучение роли русского крестьянства как народообразующей социальной группы российского общества, коллектив-

ного творца отечественной культуры и субъекта исторического процесса формирования менталитета нашего народа, социально-экономической жизни России и мировой истории в целом (также см.: Историогенез..., 2015, 2016; и др.). Изучение и учет менталитета нашего народа является важным фактором, определяющим эффективность развития и совершенствования всех сторон жизни в условиях современных преобразований общества. Данный аспект изучения менталитета представлен в целом ряде специальных исследований (см., например: Журавлев и др., 2013; и др.).

Менталитет, или психология, народа складывается веками и, являясь консервативным образованием, сохраняется и продолжает существовать в основных своих базовых характеристиках и проявлениях в рамках разных социальных систем. Корни его возникновения уходят в глубокие пласты истории (подробнее см.: Журавлев, Кольцова, 2017; и др.).

Особая роль в формировании менталитета русского народа принадлежит крестьянству, которое на протяжении многих веков являлось народообразующей социальной группой российского общества, согласно К. С. Аксакову и Л. Н. Толстому, его основной «жизненной силой». По словам К. С. Аксакова, Россия — это «мужицкое царство», поэтому сила России — в крестьянстве, в русской деревне. Если деревня пустеет, Россия беднеет. Мир русской деревни — это та среда, в которой *формировалась и сохранялась душа русской нации* на протяжении всей многовековой истории, складывались психологические черты русского народа.

В истории России крестьянство играло ключевую роль. Вплоть до середины XX в. Россия была страной с преобладанием сельского населения. Крестьяне представляли собой *основу русского народа*: в середине XIX—начале XX в. в Российской империи они составляли около 90% от общего числа разносословного населения страны (А. И. Солженицын, С. Г. Кара-Мурза, Ф. М. Достоевский, И. А. Ильин, Н. О. Лосский, К. С. Аксаков, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, Ю. Ф. Самарин и др.). На это образно и ярко указывал А. И. Куприн: «Когда говорят „русский народ“, я всегда думаю — „русский крестьянин“. Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял более 80% российского народонаселения. Я, право, не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я знаю только, что я ему бесконечно много должен: ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за всё это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность» (Куприн, 2006, с. 398). «Жертвенность, жалость, сострадание и любовь. Вот, что я увидел в глазах нищенки. Бедный простой русский народ. Народ-страдалец и страстотерпец. Неужели мы так и забудем его, так и выморим голодом, не разглядев и не услышав его глубинной почвенной правды?...» — спрашивал Ф. М. Достоевский (цит. по: Филиппев, 2016, с. 206).

Говоря *о роли народа* в жизни дореволюционной России, бытописатель Г. И. Успенский отмечал, что крестьяне «держат на своих плечах всех и вся». Поэтому мы любим простой народ и «идем к нему за исцелением от своих душевных мук» (Успенский, 1987, с. 479).

В своем «Дневнике» Ф. М. Достоевский писал: «Я лишь за народ стою прежде всего. В его душу, в его великие силы, которых никто из нас не знает во всем объеме их и величии, — *как в святыню верую*» (Достоевский, 1995, с. 496).

«Крестьянство на Руси неизменно проявляло свои лучшие психологические черты в больших и малых делах, в которые включали его и повседневная жизнь, и многоплановые исторические события. Крестьяне проявляли патриотизм и во время знаменитых суворовских походов, и во время героической Отечественной войны с наполеоновскими захватчиками, и во время русско-турецкой освободительной кампании. Тогда во всем величии явился миру не только нестигаемый героический характер русского народа и в первую очередь его армии, состоящей в подавляющем большинстве из крестьян, но и способность к взаимовыручке, бескорыстному служению добру» (Зотова и др., 1983, с. 53–54).

На протяжении многих тысячелетий крестьяне являлись главной производительной силой общества, создателями основных материальных ценностей, обеспечивали своим трудом экономическое развитие и процветание России. С момента зарождения русского государства именно благодаря крестьянству после самых тяжелых испытаний Россия возродилась, обретая силы для дальнейшего развития. Крестьянство с его природным консерватизмом являлось *опорой государства*. Русский народ-труженик, способный переносить трудности и лишения, обладающий мужеством, выносливостью и жизнестойкостью, восстанавливал разрушенное французским, литовским и немецким вторжениями экономическое хозяйство страны.

Крестьяне столетиями *формировали жизненный уклад*, отсекая от него все, «что было лишним или громоздким, или не подходящим здравому смыслу, национальному характеру, климатическим условиям» (Белов, 1989, с. 5).

Деревня питала «живой силой» город. Большинство рабочих предприятий русских городов были выходцами из деревни, горожанами преимущественно в первом, реже — во втором — поколениях. Даже бывшие сельские жители, которые перешли в иные сословия, обладая тесной связью с землей, в сокровенной родовой глубине души не утратили «крестьянского духа» и «сладостно томительной тяги к земле» (Байборodin, 2008, с. 94).

Русское крестьянство, аккумулируя в себе все лучшее, что было издревле присуще русскому народу, создавало, укрепляло и сохраняло народные традиции и обычаи, идеалы и ценности, нормы и духовные ориентиры жизнедеятельности. По сути, русские национальные традиции после реформаторской деятельности Петра I продолжали развиваться лишь в крестьянской среде, где на протяжении веков сохранялся исконно русский образ жизни и самоорганизации.

Крестьяне всей душой приняли и свято хранили христианские заповеди и нормы бытия. Вот что писал по этому поводу В. А. Никифоров-Волгин: «В Великий Четверг варили пасхальные яйца. По старинному деревенскому обычаю варили их в луковичных перьях, отчего получались они похожими на густой цвет осеннего кленового листа. Пахли они по-особенному — не то кипарисом, не то свежим тесом, прогретым солнцем. Лавочных красок в нарядных коробках мать не признавала.

— Это не по-деревенски, — говорила она, — не по нашему свычаю!

— А как же у Григорьевых или у Лютовых? Красятся они у них в самый разный цвет, и такие приглядные, что не нагладишься!

— Григорьевы и Лютовы — люди городские, а мы из деревни. А в деревне, сам знаешь, свычаи от самого Христа идут...

Я нахмурился и обиженно возразил:

— Нашла чем форсить! Мне и так никакого прохода не дают: «деревенщиной» прозывают.

— А ты не огорчайся. Махни на них ручкой и вразуми: деревня-то, скажи, Божьими садами пахнет, а город керосином и всякой нечистью. Это одно. А другое — не произноси ты, сынок, слова такого нехорошего: форсить! Деревенского языка не бойся, — он тоже от Господа идет!

Мать вынула из чугунка яйца, уложила их в корзиночку, похожую на ласточкино гнездышко, перекрестила их и сказала:

— Поставь под иконы. В Светлую Заутреню святить понесешь...» (Никифоров-Волгин, 2001, с. 148—149).

Русские крестьяне как истинные последователи Христа — христиане — стремились воплотить в своей жизни основные нравственные ценности и христианские качества, проходя в своем бытии жизненный путь Христа. Само слово «крестьянин» является не чем иным, как несколько видоизмененным словом «христианин». Этот лингвистический факт свидетельствует о глубоком взаимопроникновении народной и православной традиций и огромной роли крестьянства в формировании духовного ядра русской культуры и менталитета нашего народа. Во многом именно под влиянием русского крестьянства складывались и определялись мировоззрение русского народа и культура России в целом, а также особый путь исторического развития нашей страны.

Очень интересны отзывы иностранцев на эту тему: «Религия есть основа жизни России, пульс ее; забота не о теперешней, а о небесной жизни», — Райт, XX век (Россия..., 2004, с. 280). «Всюду прекрасное пение — чудные голоса, глубокое религиозное чувство. На всех лицах отражение глубокой, мечтательной, смиренной и сосредоточенной набожности», — Морис Палеолог, французский посол в России в 1914—1917 годах (там же, с. 284).

Сердце русского народа — во Христе, только для Христа и, бесспорно, всегда вместе с Ним, с Христом. Об этом — у нашего современника, поэта А. Н. Логвинова: «Ты — Руси святой предсердие, / Той, чье сердце для Христа, / Преподобне отче Сергие!.. / Неземная высота!..» (Логвинов, 2010, с. 11—12).

Русская традиционная культура, как «мать» русской культуры вообще, основывалась на крестьянской общине. И этот *дух общинности, соборности, взаимопомощи* в труде и борьбе с внешним врагом распространился на всю русскую культуру, становясь стержневой характеристикой менталитета нашего народа.

«Ранние годы дали мне много впечатлений, и получил я их „на дворе“, — пишет о своем раннем детстве И. С. Шмелёв. — В нашем доме появлялись люди всякого калибра и общественного положения. Во дворе стояла постоянная толчея. Работали плотники, каменщики, маляры, было много ремесленников — бараночников, сапожников, скорняков, портных. Здесь я слушал летними вечерами, после работы, рассказы о деревне, сказки и ждал балагурства. Многое повидал я на нашем дворе и веселого, и грустного. Я видел, как теряют пальцы, как течет кровь из-под сорванных мозолей и ногтей, как натирают мертвецки пьяным уши, как бьются на стенках, как метким и острым словом поражают противника, как пишут письма в деревню и как их читают. <...> Здесь я впервые почувствовал тоску русской души в песне, которую пел маляр. Именно здесь я проникся

любовью и уважением к народу, который мог всё. Он делал то, чего не могли сделать такие, как я, как мои родные. Эти лохматые на моих глазах совершали много чудесного. Висели под крышей, ходили по карнизам, спускались в колодезь, вырезали из досок фигуры, ковали брыкающихся лошадей, писали красками чудеса, пели песни и рассказывали захватывающие сказки. Они дали мне много слов, много неподражаемых чувствований и опыта. Двор наш явился для меня первой школой жизни — самой важной и мудрой. Здесь получились тысячи толчков для мысли. И все то, что теплого бьется в душе, что заставляет жалеть и негодовать, думать и чувствовать, я получил от сотен простых людей с мозолистыми руками и добрыми для меня, ребенка, глазами...» (Шмелёв, 1973, с. 142–143).

Бесспорным является влияние крестьянского творчества на развитие русской литературы, живописи, музыки. К нему обращались лучшие деятели нашей культуры, черпая в нем новаторские идеи и оригинальные художественные находки: И. А. Бунин, В. А. Волгин, Ф. М. Достоевский, Н. В. Гоголь, И. А. Ильин, А. И. Куприн, А. С. Пушкин, И. А. Тургенев, А. П. Чехов, И. С. Шмелёв и мн. др.

Характеризуя русскую литературу, Ф. М. Достоевский подчеркивал, что «всё вековое и прекрасное, представленное в ней в образах героев произведений А. С. Пушкина, А. И. Гончарова и И. А. Тургенева, *взято из народа*. Писатели брали у него простодушие, честность, искренность, чистоту, кротость, широту ума и незлобность в противоположность всему изломанному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному» (Достоевский, 1994, с. 49–50).

Вместе с тем письменные труды по истории государства российского запечатлели в основном историю великокняжеских и царских дворов, высших сословий, войн, смут и кровавых бунтов, религиозных преобразований. Крестьянству в ней отводится крайне незначительная роль. Его тысячелетняя повседневная жизнь, история развития народного духа не получила должного отражения. Не случайно писатель-этнограф М. Забылин, создатель труда «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия», отмечал: «Читая лекции по отечественной истории в наших учебных заведениях преподаватели этого предмета мало говорят об обычаях и образе жизни наших предков, почему бытовая сторона нашего народа в своем прошлом почти потеряна для нас». Автор с сожалением отмечал, что судьба сельской Руси оказалась незапечатленной полтора века назад, когда в крестьянстве «еще цвела и красовалась исконная обрядовая культура, а несметные самородные ремесленники дивили мир своим художественным творчеством и мастерством» (цит. по: Байбородин, 2008, с. 94).

По словам Ю. Ф. Самарина, многие авторы XIX–XX вв. сознательно затемняли светлые стороны деревенской жизни и отрицали добрые чувства простого народа, которые могли бы привить к нему уважение и сочувствие. Большинство же исследователей крестьянства, порой искреннее ратуя за его освобождение от гнета крепостничества, акцентировали внимание лишь на тяжелой доле простого русского народа, игнорируя при этом светлые стороны его жизни.

В советской литературе крестьяне изображались как темная, невежественная, пассивная масса, социально незрелый, не готовый к самостоятельной, сознательной революционной деятельности слой общества, как некий антипод пролетариата. В лучшем случае умалчивались, а чаще критически оценивались патри-

архальные устои жизни русской деревни, рассматриваемые лишь как источник пассивности, безынициативности и несвободы личности.

Ф. А. Абрамов по этому вопросу писал: «Сегодня все, кому не лень, по поводу и без повода, pinaют патриархальную старую деревню. Как это можно? Да это же — наша мать родная. Все мы с вами, здесь сидящие, и не только мы, все народы мира вышли из деревни. А Россия деревне обязана больше чем кто-либо. Русская деревня — это та нива, на которой всколосилась вся наша национальная культура, наша этика, нравственность, наша философия, если хотите, наш чудо-язык. Лев Толстой за образец для себя в течение всей жизни ставил патриархального крестьянина. Ведь патриархальный крестьянин — это тот человек, который жил по законам совести, по самым высшим неписаным законам, к которым на протяжении всей своей истории стремится человечество» (Абрамов, 1993, с. 21).

Писатель-историк Р. А. Балакшин также считает, что именно «в провинциальной тишине проникновенной творится молитва, чище и естественней чувства, устойчивей быт. Именно в провинции, в несуетной жизни захолустья, в деревне и малом провинциальном городе, рядом с земледельческим, почвенным, трудом созидался наш русский характер, в котором наряду с беспечностью и разгульной открытостью души подспудно присутствует тяжеловатая, патриархальная основательность, та твердость и непреклонность верований, убеждений и привычек, которые выручают русского человека в самые трудные моменты его жизни. Отсюда его немногословная, но стойкая любовь к Отечеству, неутомимость в труде и неприхотливость в повседневной жизни, здоровое недоверие к иностранцам как к людям, неспособным понять нас, и потому упование на свои, народные, силы, а не на помощь со стороны» (Балакшин, 2007, с. 9–10).

И сегодня тоже, к сожалению, продолжает сохраняться тенденция выведения многих бед нашей социальной жизни — пассивности, пьянства, лености, отсутствия инициативы, антидемократических настроений — из векового крепостного рабства и патриархальных устоев жизни народа. Подобные заявления приходят в явное противоречие с бесспорными фактами интенсивного экономического развития России в начале XX столетия. Но кем же обеспечивался этот экономический взлет, если не крестьянством, составлявшим в то время основную часть населения страны и рекрутировавшим из своих рядов как пролетарские массы, так и зарождавшийся новый класс общества — купечество? И чем же, как не *творческой мощью русского народа, можно объяснить необыкновенный взлет культуры России с ее огромным духовным потенциалом?*

«До 1917 года Россия, — пишет В. А. Солоухин, — во всех отношениях жила наравне с веком. И плуги были современные, и были конные молотилки, триеры, веялки. И царские ледоколы, переименованные в „красиных“, еще долго служили советской власти, а линкоры, переименованные в „маратов“ и „парижские коммуны“, стояли на вооружении СССР. И самый большой в мире самолет „Илья Муромец“ взлетел с российской земли. И были протянуты уже основные нитки железных дорог, и Россия продавала хлеб и масло, а не покупала. И не были еще проданы за бесценок зарубежным дельцам сотни (если не тысячи) уникальных работ из „Эрмитажа“, и не было еще разорено, большей частью — снесено, только в Москве 450 храмов, и не были еще сброшены по всей стране колокола, и зарплату в России выдавали золотыми монетами, и шумело в стране во-

семнадцать тысяч ежегодных ярмарок: в Покров, в Петров день, в Успеньев день, на Троицу...

Некрасов — поэт тенденциозный, его нельзя заподозрить в приукрашивании действительности. Но ведь это же его слова: «Ой, полна, полна коробушка, есть и ситцы и парча». А вот и ярмарка: «Пришли на площадь странники, товару много всякого. Штаны на парнях плисовые, жилетки полосатые, рубахи всех цветов».

И наконец, образ русской крестьянки:

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок.
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.
Идет эта баба к обедне
Пред всею семьей впереди,
Сидит как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди.
Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

Когда нам хотят доказать, что крестьянство в России бедствовало, что Россия была нищей страной, то хочется спросить: откуда же взялось *шесть миллионов зажиточных хозяйств для раскулачивания*? Если в стране *шесть миллионов богатых хозяйств*, то можно ли назвать ее нищей?

Зачем нужно было уничтожать такую страну и такое крестьянство? Ради чего?..

...Миллионы расстрелянных. Зверски уничтожена царская семья, население посажено на голодный паек, разруха, насильственное изъятие церковных ценностей, сопровождавшееся массовыми расстрелами, заложники во всех городах с последующими неизбежными расстрелами. Полное и неоднократное изъятие хлеба у крестьян. Голод. Любоедство, тиф, гражданская война, разбазаривание национальных ценностей, катастрофическое падение жизненного уровня...» (Солоухин, 2015, с. 42—44).

Поэтому необходимость воссоздания объективного психологического портрета русского крестьянства особенно важна и актуальна сегодня. Нельзя не согласиться с исследователем М. М. Громыко, отмечавшей, «что благожелательное слово о каждом народе, открывающее лучшие его качества и культурные ценности его истории, способствует тому, чтобы максимально развернулись положительные возможности этого народа» (Громыко, 1991, с. 7).

Всё сказанное приводит к выводу, что, изучая *истоки и основные характеристики менталитета русского народа*, исследуя присущие ему воззрения, установки, ценности, обычаи и традиции, необходимо обращаться, прежде всего, к психологии русского крестьянства дореволюционного периода, являвшегося на протяжении многих тысячелетий основной материальной и духовной силой российского общества. *Именно оно наиболее полно и ярко воплощало в себе и отражало те свойства, которые присущи русскому народу вообще, являлось создателем и хранителем исконно русских норм жизни и национальных традиций.*

Как пишут А. В. Буганов и М. М. Громыко, «„русскость“ наиболее открыто выражена в так называемом простом народе... В массе народной *воззрения выражаются в самой жизни, а не в специально написанных трактатах. В этом их достоверность и подлинность. Они не выдуманы искусственно — ими живут.* Они устойчиво проявляются в повседневности, входят в самые основания разных областей деятельности» (Буганов, Громыко, 2000, с. 3).

И хотя XX в. с его социальными катаклизмами привел к утверждению новых форм экономических и общественных отношений, в корне изменивших традиционный уклад жизни народа, приведших к «раскрестьяниванию» крестьянства, частичной утрате его веками накапливаемого опыта, но все же не уничтожило ядерные образования русского менталитета (Громыко, 1991, с. 5). Он сохранился и продолжает существовать *в духовной сфере, мировосприятии народа, системе его базовых ценностей и отношений*, скрываясь за внешними проявлениями образа жизни. Увидеть за этими внешними, порождаемыми требованиями времени слоями жизнедеятельности «устойчивые воззрения, присущие народу, можно, только опираясь на предшествующий период: тот, кто изучал, как они проявлялись в старину, узнает их и под покровом современной одежды» (Буганов, Громыко, 2000, с. 3).

Исследование менталитета русского народа, являющегося и сегодня титульной нацией в нашем многонациональном государстве, весьма актуально, причем важно изучение этой проблемы на материале, позволяющем проследить ее в наиболее яркой, не затемненной социальными наслоениями форме — на примере психологии русского крестьянства дореволюционного времени.

Согласно мнению Ф. М. Достоевского, *всемирная христианская роль русского народа*, главное «предызбранное назначение» его состоит в том, чтобы «сохранить у себя... Божественный образ Христа во всей чистоте, а когда придет время, явить этот образ миру, потерявшему пути свои» (Достоевский, 1994, с. 70–71).

По словам В. В. Розанова, «истинный Вечный Бог избрал убогий народ наш за его смирение и терпение, за его невидность и неблестанье в союз с Собою: и этим народом Он покорит весь мир Своей Истине, которая есть именно: смирение, безвидность, простота, ясность, доброта» (Розанов, 1994, с. 184–185).

Н. О. Лосский также считал, что *одним из основных свойств русского народа является мессианиззм*, суть которого состоит в пророческом предвосхищении счастья всех народов через счастье русского народа, основанном на любви к Богу (см.: Титаренко, 1991, с. 17). «Что же такое „славянская идея в высшем смысле ее“? — спрашивает Ф. М. Достоевский. — Это, прежде всего, есть жертва, потребность жертвы даже собою за братьев, и чувство добровольного долга сильнейшему из славянских племен заступиться за слабого с тем, чтоб, уравнив его с собою в свободе и политической независимости, тем самым основать впредь великое всеславянское единение во имя Христовой истины, то есть на пользу, любовь и службу всему человечеству, на защиту всех слабых и угнетенных в мире» (Достоевский, 2005, с. 17).

О высшем духовном предназначении как великой миссии русского народа пишет наш современник, поэт и священник Андрей Логвинов: «Мне иного счастья не надо: / Лишь бы где-то посреди Земли / Русь моя светилась, как лампада, / От которой свечи бы зажгли» (Логвинов, 2010, с. 50). «Перезвоны русские, / Тишина до-

лин. / Ты во всем присутствуешь, / Кроткий Божий Сын. /... / В мире, мертвом заживо, — / Лишь обман и ложь. / Господи! Когда же Ты / Мир судить придешь? / Правда, обреченная / Здесь на нищету. / Значит, Русь крещеная / Дорога́ Христу. / Так на разорение / Ты не дай Руси, / Ты нас воскресением, / Господи, спаси! / Чтобы Русь крещеная / Вербой расцвела. / И Тобой спасенная / *Целый мир спасла*» (Логвинов, 2011, электронный ресурс).

Русские философы и писатели: Ф. М. Достоевский, И. А. Ильин, Н. О. Лосский, К. С. Аксаков, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, Ю. Ф. Самарин, П. А. Флоренский и др., оптинские старцы-духовники и прозорливцы, московские митрополиты и патриархи были глубоко убеждены, что «без Православного Рима, без Рима Христова *земля не может стоять*, невозможно миру быть без народа-богоносца. А народ этот Божий какими чертами отличается? Жертвенностью, состраданием, неотмирностью. <...> Значит — не от мира сего, то есть иной народ, народ — инок» (цит. по: Филиппев, 2016, с. 217).

Небезынтересными выступают отзывы иностранцев о России. «Россия — это сама жизнь!» — писал Жан-Ришар Блок в 1940 г. (Россия ..., 2004, с. 521). «Жить по совести — это по-русски», — Уинстон Черчилль (там же). «Я предвижу *громадную будущность России*. Конечно, и ей придется пройти через известные встряски и, может быть, тяжелые потрясения, но все это пройдет, и после того Россия воспрянет и сделается *оплотом всей Европы, самой могущественной*, может быть, *во всем мире* державой» — писал Франклин Рузвельт о судьбе России в 1943 г. (там же, с. 522–523).

В. Н. Крупин пишет: «Как у каждого тела, так и у мира есть душа. Это — Россия. Случись что с нею — остальной, суетный и причастный тлению мир погибнет тут же. Секрет души русского народа — она выращена Православием. Ни потоп, ни огни Содомы и Гоморры не вразумили людей. И самая великая Крестная жертва, показавшая все величие любви Божией к своему творению, спасает лишь малое стадо. Но предвидевший и это Господь сказал ученикам: „В мире гонимы будете“. И это малое стадо — православная Россия. *Россия одинока в мире*, только те, в которых еще сохранилось Православие, надеются на нас, остальные не любят. И это уже пора признавать нормой. Не любят нас за нежелание жить так, как живет остальной мир. У нас иные, духовные цели — спасение души. У нас, как ни прививай, никогда не привьется материальное отношение к миру, подобное самоубийству, на наш взгляд.

Когда что-то не получается в России, говорят о любых причинах: экономических (коррупция, техногенные катастрофы, невыгодная торговля), политических (не с теми в союзе), социальных (бедность, сиротство, наркомания и пр.), т. е. говорится все, чтобы не сказать главного — причина только одна — отход от Бога. <...> Долго не было ясной погоды, и сказала старуха: „Живете без Бога, так живите без солнышка“. Вот это „без солнышка“ относится ко всему. Св. Иоанн Златоустый выводил неурожай, наводнения, засуху и все природные катаклизмы из нравственного состояния людей» (Крупин, 2016, электронный ресурс). «Отступление от Бога — вот причина всех бед и во все времена» (Главное..., 2013, с. 30). «Семьдесят лет безбожия в России, и плоды его мы пожинаем и сейчас. О них много не приходится говорить. Мы видим их своими глазами и чувствуем их на себе» (там же, с. 28).

«Из истории России видно, что есть соответствие внешней судьбы нашей Родины с внутренним состоянием народного духа. Поэтому необходимо понять, что как грех привел к катастрофе, так и покаяние способно привести к восстановлению России» (там же, с. 47). «Россия, если отпадешь ты от веры своей, как уже отпали от нее многие интеллигенты, то уже не будешь ты Россией или Русью Святой, — еще в 1905 году предостерегал в проповеди святой праведный Иоанн Кронштатский» (Солоухин, 2015, с. 46).

«Нужно действительно почти ничего не понимать и не видеть, чтобы отрицать, что рука Божия, несомненно, с нашим народом. Она проводила его через радости и скорби, через трагедии и очистительную силу страданий для того, чтобы в XXI в. этот народ, наш народ, народ святой Руси являл всему миру пример духовного возрождения и сильной веры, на которую никак не влияют продукты современной цивилизации» (Кирилл, патриарх, 2014, с. 4).

Таким образом, сохранение и развитие мира заключается в духовном благополучии России, ее жизни и процветании, духовных силе и росте.

Литература

- Абрамов Ф. А.* Работа — самое большое счастье // Абрамов Ф. А. Собр. соч. В 6 т. Т. 5. Очерки. СПб.: Художественная литература. Санкт-Петербургское отделение, 1993. С. 20–26.
- Байбородин А. Г.* Блаженны кроткие // День и ночь. 2008. № 4. Красноярск: Редакционно-издательский центр «День и Ночь». С. 94–96.
- Балакишин Р. А.* Родной город // И в жизнь вечную: Повести и рассказы. М.: Сретенский монастырь, 2007. С. 5–27.
- Белов В. И.* Лад: очерки о народной эстетике. М.: Молодая гвардия, 1989.
- Буганов А. В., Громыко М. М.* О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2000.
- Главное — быть с Богом. По творениям архимандрита Иоанна (Крестьянкина). М.: Благовест, 2013.
- Громыко М. М.* Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991.
- Достоевский Ф. М.* Дневник писателя 1873 год // Ф. М. Достоевский. Собр. соч. В 15 т. Т. 12. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1994.
- Достоевский Ф. М.* Дневник писателя 1877, 1880 август, 1881 // Ф. М. Достоевский. Собр. соч.: В 15 т. Т. 14. СПб.: Наука, 1995.
- Достоевский Ф. М.* Дневник писателя / Ред.-сост. С. В. Супрунова. Калининград: Янтарный сказ, 2005.
- Журавлев А. Л., Кольцова В. А.* Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 5–17.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Юревич А. В.* Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть III. На пути к технологиям согласования социальных институтов и менталитета // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 6. С. 5–25.
- Зотова О. И., Новиков В. В., Шорохова Е. В.* Особенности психологии крестьянства. Прошлое и настоящее. М.: Наука, 1983.
- Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В. А. Кольцова, Е. В. Харитоновна. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

- Кирилл*, патриарх. Проповедь Святейшего Патриарха Кирилла по окончании Литургии в храме в честь иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине // Троицкий листок. М.: Издательство Московской Патриархии, 2014. № 32. С. 1–4.
- Кольцова В. А.* Историческая психология // Психология. Учебник для гуманитарных вузов / Под ред. В. Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2001. С. 507–524.
- Кольцова В. А.* Процедура реконструкции психологического знания в контексте взаимодействия культур // История психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Кольцова В. А.* История психологии. Проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Крупин В. Н.* Судьба русских. 2016. URL: <https://zyorna.ru/news/publications/2517.html> (дата обращения: 12.05.2021).
- Курприн А. И.* Хроника событий глазами белого офицера, писателя, журналиста. 1919–1934. М.: Собрание, 2006.
- Логвинов А. Н.* Мне иного счастья не надо... // Мне иного счастья не надо. СПб.: Ди-Эль, 2010. С. 7, 50.
- Логвинов А. Н.* Кроткий образ милосердия // Мне иного счастья не надо. СПб.: Ди-Эль, 2010. С. 11–12.
- Логвинов А. Н.* URL: <http://www.rusinst.ru/articletext.asp=323> (дата обращения: 11.05.2021).
- Никифоров-Волгин В. А.* Причащение // Заутреня святителей. М.: Паломник, 2001. С. 148–154.
- Розанов В. В.* Возле «русской идеи» // Опавшие листья. М.: Современник, 1994. Россия – это сама жизнь. Заметки иностранцев о России с XIV по XX век / Сост. Р. Балакшин. М.: Сретенский монастырь, 2004.
- Солоухин В. А.* Наваждение // Благодарение. Сборник рассказов / Автор-сост. Б. А. Ганаго. Минск: Братство в честь святого Архистратига Михаила, 2015. С. 42–46.
- Сохряков Ю. А.* Розанов Василий Васильевич: мыслитель, писатель, публицист. URL: <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=321> (дата обращения: 21.04.2021).
- Титаренко А. И.* Классическая этика абсолюта // Лосский Н. О. Условия абсолютно-го добра: основы этики. Характер русского народа. М.: Политиздат. 1991. С. 5–21.
- Успенский Г. И.* Из цикла «Власть земли» // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М.: Современник, 1987. С. 381–464.
- Филиппов В. А. (монах Салафиил).* Начальник тишины. Повесть-притча. Рязань: Зёрна, 2016.
- Шмелёв И. С.* Автобиография // Русская литература. 1973. № 4. Л.: Наука. Ленинградское отделение. С. 142–143.

The role of the Russian peasantry in the formation of the mentality of the people, in the development

E. G. Sinyakina

This article investigates the significance of the Russian pre-revolutionary peasantry for the formation of the mentality of the people and traditional Russian culture: our religion, history, the national language, literature, painting, music, art; for socio-economic life of Russia; its significant influence on the course of the Russian and world history as a whole. Its creative, strengthening and saving functions are described.

Keywords: Russian pre-revolutionary peasantry, the mentality of the Russian people, formation and preservation Russian mentality, the pre-revolutionary period, significance of the Russian peasantry and Russian people, the development of Russian and world history.

Храм как системообразующий фактор жизни русского народа (на примере купечества)¹

И. Р. Федоркова

Московский гуманитарный университет, Москва, ira_kislova@mail.ru

Выделены и описаны функции русского православного храма в рамках исторических, культурных, социальных и психологических феноменов. Рассмотрены понятия «храм», «площадь», «купечество», «торговые ряды» как понятия единого ассоциативного комплекса. Выявлены и охарактеризованы функции русского православного храма в осуществлении профессиональной деятельности отечественного купечества. Обозначена роль храма как центра социальной жизни купечества

Ключевые слова: христианский храм, русский православный храм, патрональный храм, культурные ценности, функции, мотивация, коррекция, деятельность, профессиональная деятельность, купечество, объединение, хранение, контроль, регламент, разрешение конфликтов, мировоззренческая позиция.

Каждый народ является обладателем предметов, явлений материального мира — атрибутов жизни и деятельности, отражающих систему его ценностей². С момента Крещения для русского народа таким системообразующим фактором стал христианский храм и как собрание верующих людей, и как особое культовое сооружение. Храм находился в центре духовной, культурной, социальной и даже экономической жизни народа.

---

1 Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-013-01075.

2 Например, для викингов таким атрибутом являлся корабль с многофункциональностью непосредственного и символического использования. Кроме традиционного применения в целях осуществления военных походов, торговых перевозок и морских путешествий исследовательского характера, корабль находился в центре социальной жизни скандинавов, являясь основой для формирования сплоченных социальных групп (дружин), осуществления административно-территориального деления, основанных на групповой поддержке (корабельных округов), а также для совершения различных социальных ритуалов (захоронений, жертвоприношений). Кроме реального материального воплощения, корабли викингов были представлены символически в ладьевидных каменных кладках на месте проведения общих собраний, в местах захоронений, на рунических камнях, а также в произведениях искусства и др.

Как памятник архитектуры храм является носителем и транслятором культурных ценностей, выполняя *эстетическую, воспитательную и образовательную функции*.

Коррекционная функция выражается в осуществлении позитивного воздействия на психику человека посредством зрительных, слуховых, обонятельных образов (иконы, фрески, свечи, фимиам, колокольный звон, церковное пение). Совместное переживание людьми процесса богослужения сравнимо с процедурой *групповой психотерапии*. *Индивидуальная коррекция* психических состояний человека происходит посредством личного участия в церковных таинствах: исповеди, соборования, причастия.

Храмы объединяли и направляли действия русских людей в кризисные исторические периоды, осуществляя *мотивирующую и организующую функции*. Например, в период Смутного времени (XVII в.), когда поляки заняли Москву, народ растерялся и бездействовал. Побуждением к действию стал факт неуважительного отношения захватчиков к православному храму: заходили в храм в головных уборах. Народ быстро принял решение, объединился, появилось понимание целей и задач. Аналогичная ситуация произошла через 200 лет, в период Отечественной войны 1812 г. Крестьяне в отличие от духовенства, дворянства и купечества, первое время вступали во взаимодействие с французами, брали у них деньги и даже промышляли грабежом оставленных помещиками усадеб. «Но как только народ увидел, что французы обдирают иконы и ставят лошадей в храмы, народ поднялся», — писал русский мыслитель и дипломат XIX в. К. Н. Леонтьев (Леонтьев, 2005, с. 48).

Храм выступал в роли *объекта защиты и объекта заботы* русского народа. Выявлено уникального явления — перемещения русских православных храмов в иностранстве. Мотивы переноса храмов могли быть разные: нежелание оставлять в чужих руках; желание забрать свою ценность с собой и использовать по назначению; желание сохранить культурное наследие для потомков¹.

В 1582 г. после подписания договора с польским королем Стефаном Баторием об уступке ему Лифляндии псковское духовенство и князя заключили дополнительное соглашение о беспрепятственном вывозе русских храмов с этой территории (митрополит Евгений, 2009). Смирившись с потерей материальных ценностей, русские князя и священники не захотели оставить на чужбине свои храмы, за судьбу которых переживали и несли ответственность как за родных людей.

В 1876 г. после упразднения военной крепости в Акмолинске (ныне — Нур-султан) казаки разобрали построенный ими Константино-Еленинский храм, перенесли его на новое место, окружили основательной кирпичной стеной, устроив рядом с ним центральную площадь (Дубицкий, 1990). Площадь стала местом проведения публичных мероприятий (праздников, проводов казаков на службу), центром торговли — местом проведения ярмарок взаимодействия купцов азиатского и европейского регионов.

---

¹ Например, деятельность П. Д. Барановского по переносу в 1920-е годы деревянных храмов с территорий Русского Севера в Москву.

«Храм», «площадь», «торговые ряды», «купечество» – понятия единого ассоциативного комплекса

Ассоциативный ряд смежных понятий «храм», «площадь», «торговые ряды», «купцы» являлся традиционным для русского города в дореволюционный период.

Генетические корни данного явления можно отыскать в мировой истории. Самая ранняя крито-микенская цивилизация (3000–1000 гг. до н. э.) являлась отражением типа «дворцовой экономики» (Вернан, 1988). В центре жизни людей находился дворец, в рамках которого были сосредоточены богатство и власть. Вокруг дворца селились подданные, призванные обслуживать его нужды, получая импульсы к действию из центра.

Древнегреческий тип государственности и культуры, пришедший на смену крито-микенскому, был ознаменован появлением нового социального пространства с центром на городской площади – агоре. Граждане полиса селились вокруг площади, по направлению которой были устремлены все их мысли и действия. Площадь выступала местом «общего очага», где обсуждались вопросы, представляющие общественный интерес: принимались государственно-политические и социально-экономические решения, проводились открытые судебные заседания и состязания ораторов (как следствие зародились новые области знаний: логика, риторика, философия). Также площади становились центрами торговли.

На Руси «дворцовый» тип жизнеустройства появился с языческих времен: центр управления – княжеская резиденция (Киев). «Площадной» тип (вечевой) существовал на почве отдельных городов, граничивших с Западом (Новгород, Псков). В период объединения удельных княжеств под эгидой Москвы произошло своего рода объединение этих двух тенденций и уравнивающим феноменом стал православный храм. Храм был поставлен на первое место в иерархии ценностей народа как символ верховенства власти небесного царя над земным правителем (дворец) и всем народом (площадь).

На площади рядом с храмом зачитывались царские указы, проводилась торговля, в свою очередь, «дворец» контролировал торг в соответствии с расписанием богослужений в храме. Например, по указу царя Алексея Михайловича, запрещалось вести торговлю с вечера субботы и до окончания воскресной литургии, а также во время проведения крестных ходов. В период поста запрещалось торговать спиртными напитками. За нарушения правил следовали штрафы в размере от 2 до 4 рублей и недельное заключение в тюрьму (Королева, 2009). В Москве на Красной площади рядом с царской резиденцией располагался «Толкучий» рынок, на котором встречались местные, иногородние и иностранные купцы. Поблизости находились иностранные гостиные дворы: персидский, шведский, литовский, армянский, греческий и английский. По указу царя Алексея Михайловича два гостиных двора были построены за счет казны рядом с кремлем по образцу восточных караван-сараяв и сдавались внаем купцам от 10 до 25 рублей в год (Мельгунов, 2007).

Соседство площади и храма было традиционным: либо храмы строились на площади, либо площади образовывались после строительства храмов; на площади у храма устанавливались торговые ряды и появлялись купцы. Часто весь процесс запускался стараниями купцов, которые с XVIII в. стали самыми ак-

тивными строителями храмов¹. Такой порядок существовал вне зависимости от масштаба города. Например, руководитель второй камчатской экспедиции Г. Ф. Миллер, посетивший город Шадринск в 1740 г. писал о том, что позади деревянной ветхой крепости находилось «13 торговых лавок, в середине тех лавок башня. Во оной церковь да колокольня ветхие» (Православные храмы..., № 192, с. 5). Таким образом, какой бы ветхой ни представлялась картина жизни Шадринска в XVIII в., классический вариант налицо: рядом с храмом — площадь, на площади — торговые лавки.

Анализ картин Б. М. Кустодиева, посвященных купеческой жизни, позволил выявить некоторые закономерности в характеристике используемых образов. Например, часто изображалось купеческое чаепитие, тем самым обозначалась умиротворенность и неспешность купеческой жизни, простота и материальный достаток без излишеств. Следующая закономерность связана с изображением храмов. Купчихи разных городов (провинциальных и столичных) пьют чай, сидя за столом, или стоят во весь рост, а за спиной у них — изображение храма. Посредством данных композиций отражается мировоззренческая позиция купечества — «вся жизнь рядом с храмом», а также показывается роль храма как защитника купеческой жизни с тыла.

Художник осуществлял индивидуальное или групповое изображение купцов в разных интерьерах или на фоне разных пейзажей, но неизменным для всех картин являлось присутствие на них храма и площади рядом с ним². Таким образом, был обозначен главный атрибут повседневной жизни купечества — храм. На Руси сложилась традиция: торг вести на площади рядом с храмом, а купцу находиться в храме или на площади рядом с ним.

Роль православного храма в жизни русского купечества

Храмы с древних времен были связаны с осуществлением *финансово-экономической деятельности*: являлись хранителями государственных и частных сокровищ, выступали в роли первых банков (Египет, Греция, Рим). Сакральный характер места являлся сдерживающим фактором для грабителей. С древними языческими храмами был связан и процесс чеканки монет. Например, монетный двор Древнего Рима был организован в храме богини Юноны Монеты, определив происхождение слова «монета». На Руси монетные дворы при храмах не устра-

- 1 Контент-аналитическое исследование было посвящено выявлению роли купечества в жизни православных храмов. Источниковая база — журналы серии «Православные храмы. Путешествия по святым местам» (подборка за 2013–2016 гг.). Выборка — 100 храмов, основанных в разные периоды (с XI по XX вв.) на разных территориях России.
- 2 Например, купчиха идет по площади, приказчик вслед за ней несет корзину с купленным товаром, а в отдалении видны маковки храма. Купец пьет чай, сидя за столом в своем доме, а из окошка виден храм. Купчихи организовали чаепитие за столом, стоящим на улице у стен храма (возможно, по окончании воскресной литургии). Встретились две купеческие семьи, беседуют на дороге у стен храма; возможно, разговаривают о предстоящей свадьбе. Изображение зимней и летней ярмарок, народных гуляний, катаний на тройках зимой — все эти события происходят на площади рядом с храмом.

ивали, но святость места также использовалась как фактор защиты от воровских людей¹.

Условно выделено несколько *функций храма* по отношению к *купеческой профессиональной деятельности*: объединение, хранение, контроль, регламентация, разрешение конфликтов.

Объединяющая функция заключалась в том, что первые средневековые купеческие артели на Руси образовывались именно при храмах. Софийский собор в Пскове был построен псковскими купцами и являлся их патрональным храмом. Новгородские солоторговцы объединялись вокруг церкви благоверных князей Бориса и Глеба в Старой Русе (Руссе), а киевские хлеботорговцы — вокруг церкви Успения Пресвятой Богородицы Пирогоши в Киеве (Сметанин, 2002). Новгородские купцы, торговавшие с городом Щецином, построили Троицкую церковь на Софийской набережной (Преображенский, Перхавко, 1997). На средства новгородских «заморских купцов», проводивших международную торговлю с Западом, в 1156 г. была построена церковь Параскевы Пятницы на Торгу. Святая великомученица Параскева с древних времен почиталась новгородцами как покровительница семьи, полей, домашнего хозяйства и торговли. По пятницам на площади рядом с храмом устраивались ярмарки, на торгу ставили икону Параскевы Пятницы, делая ее участницей события, наблюдательницей за происходящим и гарантом честного торгова.

Одним из самых известных объединений купцов в средневековой Руси являлось новгородское «Иванское сто»², получившее название по имени храма, построенного в 1127—1130 гг. и посвященного Иоанну Крестителю³. Сообщество составляли купцы — вошники, торговавшие воском и продуктами пчеловодства со странами Западной и Северной Европы. Вступительный взнос был внушительный — 50 гривен, т. е. 50 серебряных слитков по 200 граммов каждый. Половину этих средств перечисляли в храмовую казну на повседневные нужды и проведение престольного праздника — Рождества Иоанна Предтечи. Купец, уплативший взнос, получал высокий в Новгородской иерархии статус «пошлого купца», передававшийся по наследству. Пошлые купцы могли принимать участие в торговом суде, быть избранными купеческими старостами, иметь льготы при перевозке товаров.

Московские купцы также строили патрональные храмы. В период правления Ивана Грозного (XVI в.) разобрали деревянную церковь XIV—XV вв., построенную купцами и посвященную святителю Иоанну Златоусту. Очевидно, московские купцы ценили не только «золотые деньги», но и «золотое слово», если из-

-
- 1 Например, в подклете домово́й церкви семьи Романовых—Казанской иконы Божией Матери в Коломенском — царь Алексей Михайлович хранил государственную казну, вывезенную на лето из Кремля.
  - 2 Понятие «Иванское сто» появилось в 1940-х годах в работах советских исследователей, в период Средневековья это объединение называлось «Иванское купечество».
  - 3 Иоанн Креститель считался на Руси одним из покровителей пчеловодства, так как вырос в пустыне и питался медом диких пчел. Корпорация «Иванское сто» в основном торговала продуктами пчеловодства, в связи с этим выбор Иоанна Крестителя в качестве Небесного покровителя становится очевидным.

брали своим небесным покровителем великого писателя и богослова. В XVI в. упоминается еще одна купеческая церковь в Москве — «Николы Льяного», посвященная святителю Николаю Чудотворцу и объединявшая торговцев льном.

Церковь Димитрия Солунского в районе современной Ильинки в свое время являлась патрональным храмом купцов-сuroжан¹. На площади рядом с храмом были построены первые торговые ряды — предшественники торговых рядов Красной площади и Китай-города. После отправки купцов-сuroжан в Новгород на месте их бывшей торговли возвели первый гостиный двор на Ильинке. После исчезновения с исторической арены купцов-сuroжан помещение под церковью сдавалось в аренду разным торговцам. Судя по описанию церкви, данному В. И. Федотовым, храм непосредственно соседствовал с торговыми помещениями: он располагался на втором этаже, а на первом — четыре лавки и одна «полулавка». Доход от лавок шел в пользу Славяно-греко-латинской академии, находившейся неподалеку². В XVII в. церковь утратила статус купеческого храма, некоторое время содержалась за счет государства, а в 1799 г. была снесена (Федотов, 2017).

Купцы строили свои храмы в городах транзитной торговли и даже на иностранных территориях. В Торжке, на пути из Новгорода в Тверь и Москву, купцы-вошники построили храм Спаса Преображения. На шведском острове Готланде существовал торговый двор новгородских купцов с храмом, посвященным святителю Николаю Чудотворцу.

Храм являлся надежным местом для хранения купеческих товаров, так как защищал от хищений и пожаров³. Кроме того, с минимальной затратой ресурсов можно было доставлять товар к месту торговли, поскольку лавки находились на площади у храма.

Новгородские берестяные грамоты подтверждают факт хранения товаров в храме. Например, купец Семен просил священника Ивана позаботиться о том, чтобы платяная моль не испортила оставленные в церкви ткани (Берестяная грамота № 413). С этой целью он просил пересмотреть товар и отправил в храм к священнику посыльного с ключом от сундука⁴.

Контролирующая функция выражалась в том, что в храмах еще со времен равноапостольного князя Владимира и по его указу хранились эталоны меры и веса: «склавы вошаные», «пуд медовый», «гривенка рублевая» и др. Они находились под личным надзором епископа и раз в год сверялись в его присутствии. В случае

-
- 1 Купцы-сuroжане — выходцы из Крыма (Судака), переселившиеся в Москву и обрусевшие (в основном греки и итальянцы). Родоначальники русских купеческих династий Саларевых, Шиховых, Ховриных. Торговали преимущественно шелковыми тканями, привезенными из Кафы (Крыма). Осуществляли торговлю с Западной Европой, Золотой Ордой, Востоком. Ходили с князем Димитрием Донским в 1380 г. на Куликовскую битву.
  - 2 Систематическая благотворительная деятельность купечества имела давние традиции, она не являлась особенностью деятельности купцов XIX в.
  - 3 В большинстве своем здания на Руси в тот период были деревянными, а первыми каменными постройками были именно храмы.
  - 4 Скорее всего, товары хранились в подклетах, так как в помещении храма запрещалось хранить все, кроме свечей и фимиама.

искажения торговцами меры и веса их имущество конфисковалось и переходило Софийскому собору, храму Иоанна на Опоках и городской казне.

В храме Иоанна на Опоках проводилось взвешивание воска как заграничных, так и местных купцов. В казну «Иванского ста» отправлялась третья часть полученной пошлины. На подворье храма взвешивали и другие товары. Традиция сохранялась долго, даже после потери Новгородом своей независимости. Из грамоты 1571 г. следует, что коров, предназначенных для продажи, предписывалось гнать на освидетельствование и продажу «к Ивану святому на Опоках» (Рыбина, 2008, с. 58).

Взвешивание товаров производили церковные старосты, выбранные из купечества. Они же взымали пошлину за пользование пристанью на Волхове. С древних времен и до конца существования Российской империи в должности церковных старост служили именно купцы. По постановлению 1820-х годов церковнослужителям запрещалось выбирать старост без согласования с купеческим сообществом (ЦИАМ, ф. 2, оп. 1, е. х. 1008). Примечательно, что должность церковных старост с легкой руки древнерусских купцов существует до сих пор.

Регулирующая функция храмов проявлялась в установлении правил торговли и цен на товары, а также в разрешении конфликтов при проведении сделок. На площади перед храмом Иоанна Крестителя в Новгороде проводились заседания торгового суда. Кроме того, настоятель храма мог лично удалять с места торгового суда, нарушивших правила торговли (Никифоров, Боркина, Першиков, 2020).

Часто новгородский епископ разрешал конфликты, возникавшие между отечественными и зарубежными купцами и не только русские, но и иностранные купцы доверяли новгородскому духовенству. Ганзейские купцы, вступавшие в конфликт с новгородскими купцами, закрывали Немецкий двор, забирали имущество и уезжали до разрешения проблемной ситуации. При этом ключи от всех помещений они передавали на хранение архиепископу Новгорода и архимандриту Юрьева монастыря (Рыбина, 2008). Духовенство участвовало в подписании международных торговых соглашений. На торговых грамотах находились подписи епископа, наместника великого князя, посадника, тысяцкого, купеческих старост (Собрание..., 1813)

На площади перед храмом встречались купцы — партнеры по бизнесу: узнавали новости, принимали решения, заключали договоры (в особо важном случае в присутствии священника, призванного быть гарантом честной сделки). По сути, древнерусские купеческие храмы выступали в роли предшественников бирж и купеческих клубов.

К XVIII–XIX вв. храм постепенно утратил объединяющую роль в осуществлении профессиональной деятельности купечества, так как появились купеческие организации в рамках городского самоуправления (купеческие общества, магистраты, управы, советы, союзы). При этом храм никогда не утрачивал роль *центра социальной (общественной) жизни купечества*, являлся местом общения, совместных переживаний, а также школой взаимопомощи, объединяя разных по происхождению и благосостоянию единомышленников. Православный приход, к которому принадлежал конкретный купец и его семья, являлся значимой социальной группой. Н. А. Найденов подробно описывает прихожан Ильинско-

го храма, позволяя увидеть психологические портреты разных людей, его воспоминания о соседях неравнодушно-теплые (Найденев, 2007).

В рамках приходской жизни все были равны: и купцы, и фрейлина императрицы, и самый бедный мешанин прихода. Купцы отличались высокой степенью общительности с горожанами разных сословий, что нашло отражение в традиции восприимчивости. Например, члены семьи смоленских купцов Сисоевых в 1760–1780 гг. были крестными родителями детей разных сословий 54 раза, члены купеческих семей Хлебниковых и Никитиных – 55 и 46 раз, соответственно (Беспаленок, 2010).

Храм являлся критерием для идентификации купцов. Н. А. Найденев – известный предприниматель, издатель альбомов «Москва. Соборы, монастыри и церкви» (1882), писал в мемуарах о том, что его тетя Анна была замужем за московским купцом Петром Ильичом Сорокоумовским, жили они в приходе Николая Чудотворца в Голутвине в доме купца Богатырева и торговали пушниной в черевичном ряду. С 1801 г. они жили «в Якиманской части, у Иоанна Воина, в доме купца Насонова, а торг – в башмачном ряду». Мать Н. А. Найденева родилась и выросла «у Козьмы и Дамиана в Садовниках в доме купца Клушенцова» (Найденев, 2007, с. 41). Примечательно, что во всех описаниях на первом месте называется храм и только после этого – место жительства и место торговли.

Заключение

Православный храм имеет непреходящее значение в жизни русского народа, является системообразующим фактором его жизни, средоточием духовных и культурно-исторических ценностей, позитивно воздействуя на психическое состояние людей.

Храм находился в центре профессиональной, социальной и благотворительной деятельности дореволюционного купечества, определяя уникальность данного сословия. Храм играл важную роль в становлении профессиональной деятельности купечества, осуществляя функции объединения, хранения, регуляции, контроля и др.

Храм был критерием для идентификации купечества, центром его социальной жизни, местом взаимодействия и взаимопомощи.

Вплоть до полного уничтожения купеческого сословия в 1917 г. купцы являлись активными участниками жизни храмов: храмовладельцами, ктиторами, попечителями, церковными старостами, рядовыми прихожанами. Вопрос религиозности купечества и роль купцов в жизни храма планируется рассмотреть в отдельной публикации.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-013-01075 «История становления предпринимательства в России».

Литература

Берестяная грамота № 413. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/document/search/?number=413> (дата обращения: 21.06. 2021).

Беспаленок Е. Д. Купеческое храмостроительство в Смоленске XVIII века. Смоленск: Свиток, 2010.

- Вернан Ж. П.* Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988.
- Дубицкий А. Ф.* Пройдемся по улицам Целинограда. Краеведческие заметки. Целиноград: Тип. изд. Целиноградского обкома Компартии Казахстана, 1990.
- Королева С. И.* Торговое сословие России. М.: Профиздат, 2009.
- Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство. М.: Дар, 2005.
- Мельгунов П. П.* Торговля в Московском государстве XV–XXVII веков // Москва. Купечество. Торговля. XV–начало XX века / Сост. А. Р. Андреев. М.: Крафт+, 2007. С. 3–63.
- Митрополит Евгений (Болховитинов).* История княжества Псковского. Псков: Псковская областная типография, 2009.
- Найденов Н. А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М.: ИД «Тончу», 2007.
- Никифоров О. А., Боркина Н. В., Першиков А. Н.* История российского предпринимательства: Учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020.
- Православные храмы. Путешествие по святым местам. М.–Ярославль: Де Агостини, 2016. Выпуск № 192.
- Преображенский А. А., Перхавко В. Б.* Купечество Руси. IX–XVII века. Екатеринбург: Демидовский ин-т, 1997.
- Рыбина Е. А.* Международные связи Новгорода // Янина В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Сметанин С. И.* История предпринимательства в России. Курс лекций. М.: Палеотип–Логос, 2002.
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящиеся в государственной коллегии иностранных дел. Часть первая. М.: Тип. Н. С. Всевожского, 1813. С. 1–5.
- Федотов В. И.* Реликвия русского купечества. М.: Издательские решения, 2017.

Temple as a system-forming factor in the life of the Russian people (in relation to merchants)

I. R. Fedorkova

Moscow University for the Humanities

The article highlights and describes the functions of the Russian Orthodox temple within the framework of historical, cultural, social and psychological phenomena. The concepts of “temple”, “square”, «merchants”, “shopping arcades” are considered as concepts of a single associative complex. The functions of the Russian Orthodox temple in the implementation of the professional activities of the domestic merchants are identified and characterized. The article also considers the research of role of the temple as the center of the merchants’ social life.

Keywords: Christian temple, Russian Orthodox temple, patronage temple, cultural values, functions, motivation, correction, activity, professional activity, merchants, association, storage, control, regulations, conflict resolution, worldview.

Типология социокультурного развития личности и группы: психологические проблемы сохранения исторической памяти

С. В. Фролова

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского», г. Саратов, frolovasv71@mail.ru

Рассматриваются психологические проблемы сохранения исторической памяти и социального наследования сквозь призму отношения субъекта к традициям и инновациям, внутреннему и внешнему аспектам развития культуры. Описаны десять типов социокультурного развития личности и группы: гармонично сбалансированный, локально ориентированный, локально традиционный, локально инновационный, альтернативно ориентированный, альтернативно традиционный, альтернативно инновационный, глобально традиционный, глобально инновационный, глобально индифферентный. Приведены результаты пилотажного эмпирического исследования, служащие первичной верификации теоретически разработанной типологии социокультурного развития.

Ключевые слова: историческая память, типы социокультурного развития, социальное наследование, традиции, инновации, внешний и внутренний аспекты наследования культуры.

Историческая память как предмет историко-психологического знания

Одним из предметов исторической психологии может выступать историческая память. Содержание исторической памяти могут составлять исторические факты, события, открытия (когнитивный компонент); культурные нормы, общественные идеалы и ценности (ценностный компонент); коллективные переживания (эмоциональный компонент); различные традиции (конативный компонент). Носителями исторической памяти могут выступать как индивидуальные, так и групповые субъекты.

Историческая, коллективная и индивидуальная память не являются тождественными понятиями, но осуществляемые ими психологические и социально-психологические функции тесно сопряжены между собой. Как показали в своих теориях Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев и А. Р. Лурия, память является продуктом длительного и сложного процесса культурного и исторического развития психики человека (Выготский, Лурия, 1993; Леонтьев, 2003; Лурия, 1974). Функционирование памяти тесно связано с функционированием сознания, восприятия, внимания. П. Жане обосновал положения о том, что сознание, идея «Я», формирование личности невозможны без памяти. Если индивидуальная память изменяется, ее модификации приводят к изменению личности (Жане, 2010). Трансформации в содержании исторической памяти могут менять идентичность целого народа.

Функционирование исторической памяти может осуществляться с помощью процессов запечатления, сохранения, воспроизведения исторической информации и таких социально-психологических механизмов, как культурная трансмиссия (Берри и др., 2007, с. 30–64) и социальное наследование (Курсак, 1999, с. 63; Фролова, 2020, с. 168–173). Под культурной трансмиссией понимается передача и фиксация культурной группой своих поведенческих черт в последующих поколениях посредством процессов социально-психологического взаимодействия (Берри и др., 2007, с. 31). Культурной трансмиссии могут служить процессы неосознаваемого подражания, социального познания и обучения. В анализе культурной трансмиссии, на наш взгляд, главенствующая роль принадлежит большой устойчивой группе, личности же отводится более пассивная роль.

Механизмы социального наследования наряду с бессознательными психическими процессами включают сознательную активность субъекта, проявляющуюся в избирательности, вариативности и интерпретации воспринимаемого культурного материала. Социальное наследование не является жестко запрограммированным, оно может зависеть от психологических качеств, мировоззренческих и ценностных ориентиров субъектов-носителей исторической памяти, их отношения к прошлому, настоящему и будущему.

По аналогии с нарушением личностной памяти могут быть выделены нарушения исторической памяти: глобальная историческая амнезия, специфическая историческая амнезия, ложные исторические воспоминания, отчужденные исторические воспоминания. Историческая амнезия может быть рассмотрена в контексте более широкого понятия социальной амнезии, впервые использованного П. А. Сорокиным (Сорокин, 1992). В современной научной мысли под социальной амнезией понимается феномен массовой утраты памяти об историческом опыте, ряде материальных и духовных ценностей (Курсак, 1999, с. 61). Симптомами ослабления социальной памяти могут являться снижение значимости исторических и национальных ценностей (там же, с. 63), отсутствие интереса к сохранению и распространению достижений мировой и отечественной культуры, негативное отношение, нетерпимость, презрение к старым ценностям (Бьюкенен, 2008, с. 13), исчезновение традиционных институтов социализации (например, таких, как народные сказки и народные детские игры), незнание традиций и обычаев своего народа, географии родной страны, поиск будущего для своей социальной общности в чужих образцах и примерах. Нарушение исторической памяти может привести к необратимым последствиям для развития личности, группы и целого народа.

В функционирование исторической памяти могут вмешиваться бессознательные психические процессы и резкие социальные изменения. Например, переживание культурных или личностных травм может как усиливать эмоциональную память, так и существенно исказить содержание памяти об исторических событиях. Под культурной травмой может пониматься макросоциальный стресс, вызванный разными трагическими событиями или внезапными изменениями в жизни общества и влекущий за собой утрату сложившейся идентичности большой социальной общности (Емельянова, 2009; Штомпка, 2001).

Одними из главных компонентов содержания исторической памяти выступают традиции, трактуемые как совокупность правил поведения и образцов для под-

ражания, передаваемых от поколения к поколению (Курсак, 1999, с. 35). Э. Шилз сопоставил роль традиции в жизни народа с функцией привычки для индивида (Shils, 1958, p. 154). Именно приобщение к традиции, по мнению В. В. Зеньковского (1995), позволяет стать человеком в истинном смысле этого слова. Г. Г. Шпет отмечал, что традиция, являясь воплощением «духовной коллективности» народа, вызывает у его представителей похожие переживания, позволяя выстраиваться устойчивым, позитивным социальным связям (Шпет, 1996, с. 341, 363).

Типы социокультурного развития личности и группы

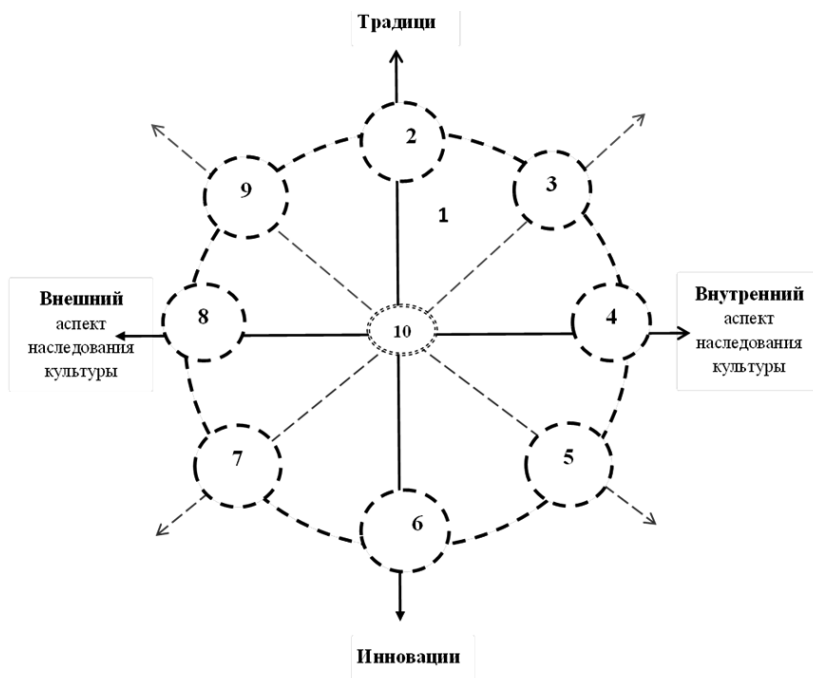
История человечества представляет собой цепь различных сочетаний и связей функционирования традиций и инноваций, взаимодействие и синтез которых играет огромную роль в жизни как отдельных индивидов, так и общества в целом. Поведение человека управляется не только устремленностью в будущее, но и опорой на опыт прошлого. Традиции и инновации в обществе отражают две свойственные всему живому и человеческой природе тенденции — самосохранения (Жане, 2010) и развития (Маслоу, 1997). Любое личностное и макросоциальное развитие основано на гармоничном сочетании традиций и инноваций.

Проблема преемственности социального наследия и ориентации на инновации для индивидуальных и групповых субъектов может иметь внутренний и внешний аспекты: 1) сохранение и передача ценностей национальной культуры, социального и духовного опыта истории своего народа, развитие инноваций, производимых в родной культуре, в своей стране; 2) ассимиляция материального и духовного наследия народов других стран.

А. А. Гостев выделил две противоположных и одновременно взаимодополняющих тенденции, характерные для происходящих в мире процессов: стремление к «планетарной интеграции» и «сохранение существующих исторических реальностей». Мы согласны с утверждением А. А. Гостева, что на уровне картины мира личности при адекватном социальном восприятии должен соблюдаться баланс в отражении этих двух тенденций — накопленного планетарного опыта и опыта локальных культур (Гостев, 2007, с. 471).

В зависимости от сочетания направленности субъекта на сохранение традиций и/или развитие инноваций с ориентацией на внешний и/или внутренний аспект в наследовании культуры нами была предложена типология социокультурного развития личности и социальной общности (Фролова, 2020, с. 174–176). Сочетание десяти выделенных социокультурных типов схематически представлено на рисунке 1.

Для первичной эмпирической верификации предложенной типологии социокультурного развития нами было проведено пилотажное исследование с использованием авторской психологической анкеты. Анкета содержала вопросы о том, насколько значимыми для респондентов в их жизни являются следующие четыре показателя социокультурной направленности: 1) традиции своего народа; 2) традиции народов других стран; 3) инновации в родной стране; 4) инновации в других странах. Значимость традиций и инноваций внутри своей страны и за ее пределами предлагалось оценить при помощи шкалы субъективных оценок в пределах от «0» до «10» баллов. Для предварительной первичной оцен-

Рис. 1. Основные типы социокультурного развития личности и группы.

1–10 – типы социокультурного развития: 1 – гармонично-сбалансированный; 2 – глобально-традиционный; 3 – локально-традиционный; 4 – локально-ориентированный; 5 – локально-инновационный; 6 – глобально-инновационный; 7 – альтернативно-инновационный; 8 – альтернативно-ориентированный; 9 – альтернативно-традиционный; 10 – глобально-индифферентный

ки социокультурной направленности сопоставлялись значения измеряемых четырех показателей между собой. По аналогии со статистически-математической шкалой стенов значения выше 6 баллов рассматривались как высокие, значения ниже 4 баллов – как низкие. В пилотажном исследовании приняли участие 103 человека (69 женщин и 44 мужчины) в возрасте от 20 до 52 лет.

Первый тип социокультурного развития – *гармонично-сбалансированный* – равноценно сочетает в себе усвоение общечеловеческого наследия с локальной, национальной культурой, а также сохранение традиций с устремленностью к инновациям.

При таком типе социокультурного развития риски функционирования исторической памяти являются минимальными. Ресурсы исторической памяти максимально используются для развития инноваций. Сохраняется адекватное социальное восприятие и понимание целостной перспективы исторического прошлого, настоящего и будущего. Принимается как опыт национальной истории, так и накопленный общепланетарный исторический опыт, что благоприятно сказывается на социальной идентичности, социальном самочувствии и целостности субъекта. Проведенное нами исследование выявило 9% представителей такого типа

социокультурного развития. Это почти совпадает с теоретически ожидаемой долей респондентов (10%) в случае их равноценного распределения по десяти выделенным типам.

Второй тип — глобально-традиционный — направлен на сохранение традиций, как в национальной культуре, так и в культурах других народов и стран. Такой тип обладает потенциально хорошими ресурсами для сохранения исторической памяти. Однако могут возникнуть риски исторической гипермнезии — чрезмерного обилия эмоционально ярких деталей воспоминания, нарушающих общую логику понимания целостной системы исторических событий, утраты связи с настоящей реальностью, нарушения способностей прогнозирования и сознательного, произвольного управления будущим поведением (т. е. способностей проактивного поведения). В нашем исследовании представителей такого типа социокультурного развития оказалось 9%, что приближается к теоретически ожидаемой частоте встречаемости при условии равного рассеивания выборки по десяти типологическим группам.

Третий тип социокультурного развития — *локально-традиционный* — избирательно наследующий преимущественно локальные национальные традиции, обладает надежными ресурсами для сохранения исторической национальной памяти. Однако могут возникнуть риски локальной исторической гипермнезии, ограничивающей возможности социально-психологической адаптации в настоящей глобализованной социокультурной реальности. По данным проведенного исследования, только для 2% респондентов характерен такой тип социокультурного развития, что в 5 раз меньше теоретически ожидаемой частоты встречаемости. Это может свидетельствовать о том, что выбор сохранения национальных традиций в качестве приоритетной жизненной ценности — достаточно редкое явление в исследуемой группе.

Четвертый тип — локально-ориентированный — направлен одновременно на сохранение традиций и развитие инноваций в национальной культуре. Ресурсными свойствами данного типа являются способности устанавливать преемственные связи между историческим прошлым, настоящим и потенциальным будущим в развитии национальной культуры. Однако могут возникнуть риски социально-психологической дезадаптации в условиях происходящих процессов глобализации. Локально ориентированный тип социокультурного развития был обнаружен у 9% респондентов, что почти совпадает с теоретически ожидаемой частотой встречаемости.

Пятый тип — локально-инновационный — избирательно ориентирован на развитие инноваций в национальной культуре. В нашем исследовании представителей такого типа было выявлено 27%, что свидетельствует о достаточно большой частоте встречаемости, превышающей теоретические ожидания в 2,7 раза.

Шестой тип — глобально-инновационный — направлен на создание и развитие инноваций как в национальной культуре, так и в культурах других народов и стран. У 26% представителей исследуемой выборки был обнаружен данный тип социокультурного развития, что в 2,6 раза больше, чем ожидалось теоретически.

Седьмой тип — альтернативно инновационный — избирательно устремлен на развитие инноваций в культурах других народов и стран. По данным исследования, 6% представителей выборки свойствен данный тип социокультурного развития.

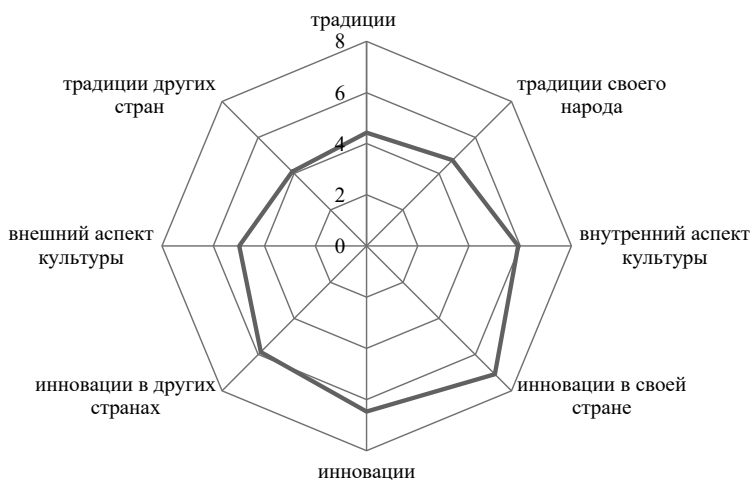
Локально-инновационный, глобально-инновационный и альтернативно-инновационный типы социокультурного развития содержат значительные риски сохранения исторической памяти, связанные с обесцениванием фундаментальной роли исторического прошлого для проектирования будущего и создания инноваций. Суммарная доля представителей данных трех типов в исследуемой выборке — 59%, что свидетельствует о достаточно характерной тенденции современных людей ценностно ориентироваться в сторону развития инноваций при игнорировании культурных традиций и связанных с ними уроков истории и накопленных материальных и духовных ресурсов.

Восьмой тип — альтернативно-ориентированный — направлен на сохранение традиций и развитие культур других народов и стран. Данный тип избирательно обесценивает историческое прошлое, реальное настоящее и возможное будущее национальной культуры, выступает в роли блокиратора функционирования исторической национальной памяти и содержит риски нарушения социокультурной идентичности и личностной целостности и адаптивности. Представителей такого типа социокультурного развития в исследуемой нами выборке оказалось 3%, что в 3,3 раза меньше теоретически ожидаемой доли. Это может свидетельствовать об умеренности социально-психологических рисков, связанных с развитием данного социокультурного типа.

Девятый тип — альтернативно-традиционный, — избирательно наследующий преимущественно традиции других народов и стран. Данный тип связан с такими рисками функционирования исторической памяти, как вытеснение из нее всего, что касается значимых ресурсов исторического прошлого своего народа. Согласно довольно большому количеству эмпирических данных, накопленных в социальной психологии, полнота наследования личностью накопленного исторического опыта своего этноса является залогом успешности общей психологической адаптации личности (Фролова, 2020, с. 169—174). В нашем исследовании представителей такого типа социокультурного развития было выявлено 3%, что в 3,3 раза меньше, чем ожидалось теоретически.

Пожалуй, самым проблемным для самореализации личности и функционирования социальной общности является *десятый — глобально-индифферентный тип* социокультурного развития, для которого не важны ни сохранение национальных или общекультурных традиций, ни процесс развития инноваций, ни историческое прошлое, ни планетарное будущее. Данный тип социокультурного развития содержит не только риски для сохранения исторической памяти и будущего развития культуры, но и для благополучия его носителя в настоящем, поскольку может выступать в качестве особой формы отказа от самореализации. В нашем исследовании представителей такого типа социокультурного развития оказалось 6%, что, на наш взгляд, является достаточно значительным числом для того, чтобы начинать ставить и решать задачи разработки социально-психологических программ помощи индивидам и группам, которым свойственны подобные риски социальной отчужденности и дезадаптивности.

Опираясь на полученные средние значения для каждой из изучаемых ценностных направленностей, был построен обобщенный образ социокультурных предпочтений представителей исследуемой выборки, отраженный на рисунке 2. Согласно полученным данным, можно говорить о том, что в целом по выборке

Рис. 2. Обобщенный образ социокультурных устремлений в исследуемой выборке

наблюдается тенденция к формированию гармонично-сбалансированного социокультурного типа с выраженным доминированием устремлений к развитию инноваций внутри страны рождения и проживания.

Результаты пилотажного исследования, хотя и имеют ряд ограничений, связанных с проведенной пока лишь частичной апробацией измерительного инструментария и небольшим объемом выборки, тем не менее, позволяют эмпирически проследить признаки всех десяти выделенных типов социокультурного развития и основные тенденции в их формировании.

Заключение

Историческая память и историческое прошлое не тождественные понятия, поскольку историческая память существует в настоящем и выполняет важные функции, обеспечивающие существование и дальнейшее развитие на личностном, групповом и макросоциальном уровнях. На макросоциальном уровне историческая память служит основой для современной культуры, выполняет функции самосохранения и развития общества, регулирования социальных процессов и взаимоотношений, осуществляет познавательную и воспитательную функции по отношению к современности.

На уровне отдельной личности историческая память выполняет формирующую и развивающую функции, функцию социализации, формирования социальной, культурной, этнической идентичности; функции социально-психологической адаптации и смыслообразования через усвоение смыслов и ценностей культуры.

Сохранение исторической памяти во многом связано с мировоззренческими, ценностными ориентирами и типами социокультурного развития субъектов — носителей исторической памяти. В зависимости от сочетания направленности субъекта на сохранение традиций и/или развитие инноваций с ориентацией на внешний и/или внутренний аспект в наследовании культуры можно выде-

лить следующие типы социокультурного развития личности и группы: гармонично-сбалансированный, локально-ориентированный, локально-традиционный, локально-инновационный, альтернативно-ориентированный, альтернативно-традиционный, альтернативно-инновационный, глобально-традиционный, глобально-инновационный, глобально-индифферентный.

Предложенная типология вариативности социокультурного развития личности и группы носит отчасти условный характер, поскольку даже крайне выраженная ориентированность личности и группы на преобразовательные процессы инноваций невозможна без приобщения к исторической памяти. Важно также учитывать, что усвоение исторически значимой информации происходит как осознанно, так и бессознательно. Выделенные десять типов социокультурного развития, хотя и не являются абсолютным отражением всего разнообразия вариативности социокультурного развития, однако могут служить более глубокому анализу детерминирующих социально-психологических факторов и механизмов функционирования исторической памяти.

Проведенное пилотажное исследование позволило обнаружить признаки всех десяти теоретически выделенных типов социокультурного развития и эмпирически дифференцировать их между собой, а также дало возможность заметить проявление общих социально-психологических тенденций в ценностных предпочтениях, имеющих отношение к социальному наследованию культуры и проблемам сохранения исторической памяти. Согласно полученным эмпирическим данным, в исследуемой выборке достаточно явно доминируют локально-инновационный и глобально-инновационный типы социокультурного развития, представители которых отдают ценностное предпочтение созданию и развитию инноваций в своей стране и в глобальном сообществе, однако имеют риски обесценивания культурных традиций, накопленных материальных и духовных ресурсов, игнорирования фундаментальной роли исторического прошлого для развития будущего.

Дальнейшие этапы эмпирического изучения в данной предметной области могут быть связаны с исследованием специфики социокультурного развития различных типов социальных групп и их взаимосвязи с различными проблемами сохранения исторической памяти.

Литература

- Бьюкенен П. Дж.* На краю гибели. М.: АСТ, 2008.
- Вygотский Л. С., Лурия А. Р.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993.
- Гостев А. А.* Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Емельянова Т. П.* Социальные представления и символический копинг в условиях культурной травмы // Макропсихология современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 85–136.
- Жане П.* Психологическая эволюция личности. М.: Академический проект, 2010.
- Зеньковский В. В.* Психология детства. Екатеринбург: Деловая книга, 1995.
- Курсак В. А.* Переходное общество: наследие, традиции, опыт. М.: Российский юридический издательский дом, 1999.

- Леонтьев А. Н.* Развитие памяти. Экспериментальное исследование высших психологических функций // А. Н. Леонтьев. Становление психологии деятельности: ранние работы / Под ред. А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. М.: Смысл, 2003. С. 27–198.
- Лурия А. Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Наука, 1974.
- Маслоу А.* Психология бытия. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997.
- Сорокин П. А.* Амнезия или новые Колумбы // Рубеж (Альманах социальных исследований). 1992. №4. С. 48–61.
- Фролова С. В.* Социально-психологическая концепция приверженности личности стране: Дис. ... докт. психол. наук. Саратов, 2020.
- Шпет Г. Г.* Психология социального бытия / Под ред. Т. Д. Марцинковской. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
- Shils E.* Tradition and liberty: antinomy and interdependence // Ethics. 1958. V. 68. № 3. P. 153–165.

Typology of sociocultural development of personality and group: psychological issues of historical memory preservation

S. V. Frolova

Saratov State University, Saratov

The author looks at the psychological issues of historical memory preservation and social inheritance in the context of a subject's attitude towards traditions and innovations, internal and external aspects of cultural development. The paper describes ten types of sociocultural development of a personality and a group: harmoniously balanced, locally oriented, locally traditional, locally innovative, alternatively oriented, alternatively traditional, alternatively innovative, globally traditional, globally innovative, globally indifferent. The author provides the results of the pilot empirical research that add to the primary verification of theoretically designed typology of sociocultural development.

Keywords: historical memory, types of sociocultural development, social inheritance, traditions, innovations, external and internal aspects of cultural inheritance.

Исследование военной повседневности в исторической психологии

Е. В. Харитонова

Институт психологии РАН, Москва, kharitonova-fish@mail.ru

В статье предлагается рассмотреть с позиций исторической психологии особенности обычной повседневной жизни людей в годы Великой Отечественной войны. В качестве основания для психолого-исторической реконструкции была использована модель повседневности А. Шюца. Показаны изменения в жизни людей, которые определили военную повседневность, например, в активную трудовую деятельность были вовлечены дети, которые работали и на заводах, и в сельском хозяйстве. Особое внимание уделено изменению языка, внесению в повседневную речь военной лексики, которая характеризовала объективную реальность того времени, с одной стороны, и способствовала укреплению психологического состояния народа, с другой стороны.

Ключевые слова: историческая психология, военная повседневность, характеристики повседневности, язык, военная лексика, моральный дух, психологическое состояние.

Великая Отечественная война является самым значимым событием в истории России XX в., а Победа в войне определила судьбу советского народа, доказала безоговорочное право СССР в геополитической реальности мира. Кроме технического вооружения, в войне были задействованы многомиллионные людские ресурсы, и, безусловно, можно утверждать, что в войне участвовали не только войска, армия и флот, но и все мирное население, как в тылу, так и на оккупированных территориях. Лозунг «Все для фронта! Все для победы!» стал для советских людей определяющим всю их жизнь в годы войны, а сплоченность советского общества, выраженная в лозунге «народ и армия едины» определила характер войны как «народной и священной».

Такой характер Великой Отечественной войны почти стер границы между реальными боевыми действиями и работой в тылу, обеспечил моральное единство народа, ставшее основой обороноспособности страны и обеспечившее победоносное завершение войны. В связи с этим изучение «человеческого измерения» войны, изучение повседневной жизни людей в экстремальных условиях военного времени является в современных социально-гуманитарных науках одной из приоритетных тем. Данные исследования обусловлены и логикой развития науки, появлением новых подходов и направлений, расширением источниковой базы исследований в связи с рассекречиванием большого объема архивных документов по истории Великой Отечественной войны.

Военная повседневность отличается обострением напряжения и неопределенности во всех сферах жизни человека. Люди вынужденно меняли место жительства, образ жизни, профессиональную деятельность, круг интересов, вы-

страивали новые системы отношений и проводили переоценку своих ценностей, поэтому повседневная жизнь в условиях войны имела свои характерные особенности и отличия от повседневности мирного времени.

Само понятие «повседневность» связано с тем, что определяет каждодневную жизнь, то, что становится обыденным, привычным, превращается в рутинные действия. Рутинность трактуется в словаре В. И. Даля как «безотчетное следование преданию, обычаю» (Даль, 1956, с. 115). Именно такие, зачастую неосознаваемые действия и наполняют жизнь обычного человека. Обычай в данном контексте понимается как то, что происходит изо дня в день, становится регулярным: «Повседневность тавтологична, чрезмерно знакома и потому невидима... Только потеряв возможность продолжать обычную повседневную жизнь — во время войны, в эпоху социальных катаклизмов или при переезде в другую реальность, — мы вдруг начинаем вспоминать и ценить ее. Но это уже не наша повседневность, а наша бывшая повседневность, приукрашенная ностальгией» (Бойм, 2002, с. 10).

Повседневность находится в фокусе многих социально-гуманитарных наук: «Каждая наука обнаруживает повседневность в чем-то своем. Лингвистический интерес к повседневности выражается в изучении разговорного языка и просторечия. Для антрополога повседневность предстает как типичные действия и ежедневные ритуалы. Культурология повседневности сосредоточивается на ценностях и смыслах неспециализированных сфер культуры» (Капкан, 2016, с. 8). Но акценты изучения повседневности могут несколько различаться. Так, в истории повседневности главным действующим лицом становится не историческая личность, а рядовой человек, именно это обстоятельство подчеркнул основатель направления Альф Люттке: «История повседневности... направлена против аксиомы о „великих людях“ (как главных действующих лицах истории и объектах ее изучения); в такой же степени она критична по отношению к тезису об анонимных структурах, якобы предопределявших ход истории» (Люттке, 2010, с. 53). История повседневности — это история отдельного человека, его семейной жизни, трудовых будней, история его включения в различные малые группы, и это позволяет понять жизнь не «героев», а жизнь «маленького человека».

В работах социологов появляется новое направление «социология повседневности», наиболее авторитетным исследователем данного направления является австрийский социолог А. Шюц. В его работах очерчен круг проблем социологии повседневности, особенности феноменологического метода их изучения, введен в научный оборот комплекс понятий и выражений, с помощью которых обозначается, конституируется открытая для исследования реальность повседневной жизни. Центральное место среди идей Шюца занимает его модель повседневной жизни (см.: Лелеко, 2002).

В психологии изучение повседневности началось в русле психоанализа в 1901 г. с выходом работы З. Фрейда «Психопатология обыденной жизни». Более развернутое и последовательное изучение психологии повседневности представлено в работах Х. Томе (Thome, 2017). В 1950-е годы под его руководством стартовало десятилетнее лонгитюдное исследование послевоенных детей. Оно доказало, что развитие личности ребенка связано не столько с сопутствующими условиями его жизни, сколько с его социальным и субъективным жизненным пространством. В отечественной психологии первая работа по данной теме была опублико-

вана в 1993 г., это статья Л. И. Анцыферовой «Психология повседневности: жизненный мир личности и „техники“ ее бытия». Затем исследования психологии повседневности продолжились в работах Т. Д. Марцинковской, М. С. Гусельцевой, А. В. Юревича и др.

Исследования военной повседневности в последние годы приобретают популярность, наиболее ярко они представлены в публикациях Е. С. Сенявской, которая работает в сфере военно-исторической антропологии и психологии. Она исследует особенности влияния на человека экстремальных условий войны, рассматривает фронтовое поколение как особый психологический социум, который определил победоносный исход войны, изучает «женское лицо» войны.

Для исторической психологии (см.: Историческая психология..., 2004, 2020; и др.) обращение к исследованию повседневности в годы Великой Отечественной войны представляет особый интерес, исходя из нескольких предположений: во-первых, сама психолого-историческая реконструкция особенностей повседневной жизни человека в условиях войны является одной из главных задач исследования; во-вторых, подобная реконструкция направлена на подтверждение нашего положения о том, что само поддержание повседневной жизни в сложные исторические периоды служит сохранению и укреплению психологического состояния и морального духа народа в экстремальных условиях.

В психологии повседневности военного времени особое значение, на наш взгляд, приобретает анализ характеристик повседневности, в качестве модели для реконструкции использовались предложенные австрийским социологом Шюцом характеристики. К ним относятся следующие:

1. *Активная трудовая деятельность, направленная на преобразование внешнего мира.* Суть повседневной жизни заключается в решении практических задач, требующих преимущественно физических усилий и имеющих целью достижение комфорта для себя и своих близких

Так как большинство мужчин были мобилизованы на фронт, создавался огромный дефицит рабочих рук, в конце июля 1941 г. исполнительным органам союзных и автономных республик, краев и областей предоставлялось право переводить рабочих на другую работу без их согласия. Для работы на производстве стали привлекать служащих, домохозяек, учащихся.

Привлечение детей к трудовой деятельности, безусловно, можно назвать одной из черт «слома повседневности». В 1941–1942 гг. численность молодых рабочих на оборонных предприятиях возросла. Если в 1941 г. доля подростков на них составляла 6%, то в 1942 – 18%, а в наркомате тяжелой промышленности – от 24 до 49%.

Война изменила жизнь всего народа, большинство детей нашей страны лишилось детства, война заставила их рано повзрослеть, стать мудрее, обрести стойкость, чтобы противостоять всем трудностям своей повседневной жизни. Но, возможно, благодаря этим повзрослевшим детям, стране удалось в кратчайшие сроки восстановить заводы, города и в целом мирную жизнь.

2. *Естественность установок.* Вторая значимая характеристика повседневности, описываемая Шюцом, – это естественность: человеку свойственно представлять мир таким, каким он есть, т. е. адекватно оценивать все происходящее и разделять его с другими. Даже если окружающие события становятся нетипич-

ными, нарушают ход прежней повседневной жизни, человек стремится добиться баланса в своей жизни, приспособиться к новым условиям, внести в свою жизнь устойчивость и повседневность.

В условиях потери многих пахотных земель, скота, лишения сельского хозяйства мужских рабочих рук, неурожая в стране сложилась очень сложная ситуация с обеспечением продовольствием и фронта, и тыла, в первую очередь, снабжалась продовольствием воюющая армия, остальная страна перешла на карточный режим. В Москве и Ленинграде карточки введены в июле 1941 г., потом они распространились на все другие города и на все население, включая сельских жителей, но не крестьянство. Карточки выдавались на продовольствие и другие основные потребительские товары. Численность людей, охваченных государственной карточной системой, возросла с 62 млн человек в 1942 г. до 80 млн в 1945 г. (Хисамутдинова, 2014, с. 323).

Одним из способов обеспечить себя продуктами стало огородничество, даже в блокадном Ленинграде в парках были разбиты огороды, это позволило многим адаптироваться в сложной ситуации, сделать такой способ естественным выходом и справиться с голодом.

3. *Напряженное отношение к жизни.* Следующая характеристика повседневности — напряженное отношение к жизни — подразумевает динамику изменений, когда, попадая в различные жизненные ситуации, человеку необходимо быстро реагировать, адекватно действовать. Военная повседневность отличается особой динамичностью, в экстремальных условиях войны способность адекватно реагировать и принимать решения связана не просто с обычной жизнью, а с ежедневным выживанием и решением постоянных насущных проблем, касающихся вопросов быта. Так, из повседневной жизни людей во время войны были исключены многие привычные вещи, в торговлю практически не поступали многие предметы быта, утварь, недостаточно поступало одежды и обуви.

Промышленное производство бытовых товаров в годы войны было сокращено, например, централизованные рыночные фонды на производство хлопчатобумажных тканей сократились в 1945 г. по сравнению с 1940 г. в 5 раз; шерстяных — в 1,4; чулочной-носочных изделий — в 7 раз; производство кожаной обуви — в 6,7; резиновой — в 7,5; керосина — в 7,4 (Народное хозяйство..., 1990, с. 190).

Особенно большие сложности были связаны с резким увеличением числа эвакуированных, так как население городов и сел значительно возросло, а коммунально-бытовая деятельность на местах, наоборот, была недостаточно развернута. В условиях дефицита вновь появились стихийные рынки, где осуществлялся прямой товарообмен, хотя официально такая деятельность была под запретом. Не хватало самых простых бытовых предметов: соли, мыла, спичек, не говоря уже о предметах одежды

В условиях войны такие обычные действия, как помыться в бане, подстричься, постирать, стали затруднительными. Нина Михайловна, приехавшая в Солигалич из блокадного Ленинграда, вспоминает: «Где мы только не мылись: и в русской печи щелоком. Солому стелили, залезали и мылись. И в бане парились, один раз даже в черной бане мылась. В городскую баню ходили. Такая очередь была — это что-то уму непостижимо. И мылись, и стирали тут же. Три дня в неделю были женских, три дня — мужских. Но всегда чистенькие ходили» (Волкова, 2011, с. 91).

Горожане мылись в общественных банях в основном хозяйственным мылом, мочалки были из рогожи или липового лыка. М. В. Коноплева вспоминает: «Мочалки делали сами: из леса приносили траву — сороколеточник, на руку намазывали и мылись. Делали и липовые мочалки и, конечно, парились вениками» (там же, с. 92). В. В. Щепашенко вспоминает: «Мыла тоже не было, чтобы помыться готовили „щелок“: сжигали солому (лучше всего именно ее), затем собирали золу от нее в тряпочку и заливали все это горячей водой. Таким раствором можно было промыть голову и помыться (там же).

В повседневную жизнь людей входит полулегальный обмен товарами. Из сел в город везли мясо, молоко, сметану, чтобы выменять у горожан на хлеб, керосин и спички, мыло. Распространилось такое явление, как мешочничество, которое стало способом получения продуктов в обмен на личное имущество и товары, произведенные на фабриках и заводах.

Таким образом, изменения реальных условий жизни обусловили вхождение в повседневную жизнь военного времени новых способов выживания, приспособления, расширения совокупности разнообразных ресурсов человека, детерминированных экстремальными условиями.

4. *Специфическое восприятие времени.* Следующей характеристикой повседневности является специфическое восприятие времени. Повседневное время опирается на повторяемость, неизменность и предсказуемость, когда человек хорошо знает, что было вчера, что будет сегодня и завтра. Это позволяет прогнозировать свою жизнь на небольшой шаг вперед, но вносит элемент скуки, которая преодолевается привычными способами повседневной жизни. Полагаем, что для повседневной жизни в условиях военного времени очень важными и структурирующими жизнь людей моментами становятся праздники, которые отмечали и в мирное время, продолжали отмечать во время войны, сохраняя традиции и внося в повседневность элементы, предотвращающие рутину трудовых будней.

Праздники в военное время приобретали огромное значение, так как они были символом мирного времени, они объединяли людей, позволяли внести в жизнь, полную лишений, надежду на лучшее, заряжали позитивной энергией и служили сплочению людей, которые вместе занимались подготовкой к празднику, пели хором, готовили подарки друг другу.

5. *Личностная определенность индивида.* Следующей характеристикой повседневности, по Шюцу, является личностная определенность индивида, в которой проявляется целостность личности и объединяются ее социальные роли. В обычной повседневной жизни каждый человек выполняет многочисленные социальные роли. Социальные связи личности в повседневной мирной жизни были обусловлены ее включенностью в жизнь общества во всем его многообразии, и это определяло социальное поведение личности (подробнее см.: Психологические проблемы..., 1976; и др.). Но и в условиях военной повседневности личность оставалась в социальной среде и потому была включена в систему социального взаимодействия и разнообразных отношений с другими.

Для примера организации одной из сфер социального поведения в годы Великой Отечественной войны выбрана образовательная сфера, так как в ней проявлялось активное участие и взрослых, и детей, решались значимые общественные функции социализации и самоидентификации личности. «Школьная повседнев-

ность» всегда является одной из главных составляющих детской жизни. В самые тяжелые для страны годы вопросы образования находились в центре внимания государства и власти. Одной из главных задач в экстремальных условиях войны для образования и воспитания стало формирование патриотизма, стойкости, воспитание идейного советского гражданина.

Во время войны школы продолжали работать, особенно в тылу, обучение не прекращалось, несмотря на разнообразие сложности: отсутствие помещений, дров, нехватку учителей и т. п. Даже на оккупированных территориях школы начинали свою работу сразу после освобождения. В августе 1943 г. были введены «Правила для учащихся», утвержденные соответствующим решением Правительства РСФСР, а также приказ Наркомпроса РСФСР от 25 января 1944 г. «О введении ученического билета» (Народное образование, 1948, с. 131–132). В правилах были обозначены обязательные требования для учащихся в отношении посещения ими школы, подготовки уроков, поведения в школе, дома и в общественных местах. С 1 сентября 1943 г. в школах было введено раздельное обучение мальчиков и девочек.

16 октября 1943 г. Наркомпрос издал приказ «Об улучшении контроля за работой школ и учителей и постановки учета знаний учащихся». После появления этого приказа в школах были введены: пятибалльная система оценок, экзамены на аттестат зрелости, серебряная и золотая медали, что, в свою очередь, стимулировало создание полноценных учебных программ, планов, учебников. Школьное образование в годы войны, таким образом, подверглось многим изменениям, направленным на усиление качества образования, воспитание патриотизма и подготовку школьников к защите Родины и производительному труду. Школьники регулярно привлекались к общественно-полезной работе, они вместе со взрослыми активно участвовали в повседневной жизни города и села, проявляли социальную активность, были включены в разнообразные социальные взаимодействия.

В данной статье мы обратимся к еще одному из проявлений военной повседневности — к особенностям и изменениям в языке в годы Великой Отечественной войны. Полагаем, что изменившаяся реальность повседневной жизни, вызванная войной, изменила лексику, внесла в тексты СМИ, в обращения правительства к народу и в речь обычных людей слова и новообразования, не используемые в мирное время. Язык изменился и, в свою очередь, оказал воздействие на каждого человека, новые обороты речи превращались в обыденные, привычные, становились своеобразными маркерами времени.

Повседневный язык отражает особенности повседневного общения, определяет саму повседневность: «Язык, используемый в повседневной жизни, постоянно предоставляет мне необходимые объективации и устанавливает порядок, в рамках которого приобретают смысл и значение и эти объективации, и сама повседневная жизнь» (Бергер, Лукман, 1995, с. 41).

Начало войны изменило социокультурные условия существования русского языка, так как всю жизнь общества стала определять война. Поэтому прежде всего активизировалась военная лексика, в газетах, на радио, в кинофильмах, песнях и просто в разговорной речи. Широкое использование военной терминологии стало привычным, многие понятия из военной лексики были понятны не только военным, но и мирному населению. Военная лексика оказалась очень подвиж-

ной, появлялись новые слова, включались в лексику слова, вытесненные после революции, с введением новой военной техники в языке закреплялось ее обозначение. К военной лексике относятся: названия родов войск (авиация, танкисты, артиллерия и др.); названия военных подразделений (батарея, рота, полк, дивизия, батальон, армия, фронт и др.); названия орудий и вооружения, боеприпасов (ружье, автомат, гранатомет, миномет, орудие, пушка, пули, патроны, мины, снаряд и др.); воинские звания (солдат, сержант, лейтенант, капитан, майор, генерал, маршал и др.); обмундирование (шинель, гимнастерка, китель, бушлат, плащ-накидка и др.); военные действия и сооружения (атака, наступление, прорыв, окоп, брустер, землянка и др.).

В языке появляются слова, которые долгое время широко не использовались: «солдат», «офицер», «генерал», «воин», «гвардия», «гвардейский», «погоны» — и словосочетания с ними: «советский солдат», «советская гвардия», «передовой офицер», «гвардейская часть», «гвардейский значок» и т. п. Сразу же возникают оценочные словосочетания, например: «гвардейцы тыла, труда», «гвардейский труд», «трудо-вая гвардия», наряду со словосочетаниями «старая партийная гвардия», «молодая гвардия», «солдат революции, партии», существовавшими с 1920-х годов. В 1940-е годы усилился процесс образования неологизмов — существительных женского рода со значением лица: «зенитчица», «партизанка», «пехотинка», «разведчица», «регулирующая», «связистка» и др. (Бельчиков, 2003, с. 26).

Смыслы и значения, закрепленные в социальной стихии языка, являются общим достоянием людей данного общества, социальной группы. Взаимопонимание, взаимодействие, создание общей социальной реальности возможно лишь при условии, что видение реальности и конкретной ситуации является общим и разделяется участниками социального взаимодействия хотя бы в основных, принципиальных моментах, определяется языком.

Изменения, произошедшие в русском языке во время Великой Отечественной войны, прежде всего, нашли отражение в периодической печати, письмах военного времени, публицистике, художественной литературе. Яркая тенденция, которая была обнаружена в военные годы, — это сближение книжной и разговорной речи, которое проявилось в публицистическом стиле, отчасти в языке художественной литературы (Бельчиков, 2003). Это способствовало обогащению языка, усилению выразительных характеристик речи. Несколько высказываний из газет 1942 г.: «Меткие стрелки отправились на охоту... Снайперы сняли 29 фашистов», «Из-за скал показался еще один сторожевик... сторожевой корабль начал...», «Самый знакомый звук на фронте, когда не слышно пушек, — это мотоциклетный трек „огородника“» (Кожин, 1985, с. 207, 209), «Они столько летали ночью за это время, что все без исключения стали опытнейшими ночниками» (Симонов, Эренбург, 1979, с. 117).

Некоторые примеры из газетных публикаций: «Лейтенант — замечательный воин, смелый, решительный» (Комсомольская правда, 1941, 1 июля); «Так должен действовать каждый боец. Каждый наш воин должен непрерывно нести смерть в стан врага» (Правда, 1942, 10 августа); «Был исполнительным бойцом, общительным товарищем — обыкновенным солдатом» (Правда, 1943, 31 марта).

Так же в годы войны происходит активизация торжественной экспрессивной лексики: благословить, вечность, воистину, година, жертва, жертвенность, ис-

пепелять, исполин, исполинский, молитва, родина, отечество, отечественный, подвиг, осенить, отстоять, святой, священный, чаяния, долг, могущество, победоносный, патриотизм, самоотверженность, отвага и т. п.: «Остановить врага, обрушить все имеющиеся в руках советских воинов боевые средства против вражеских танков, против вражеских экипажей — такова боевая задача, таков наш святой долг» (Правда, 1942, 14 июля); «Величие духа советского народа...» (Известия. 1942. 27 октября); «...необоримый дух советского народа» (Правда, 1941, 23 октября) (Бельчиков, 2003, с. 26).

На страницы газет и журналов вернулись устаревшие, книжные слова, которые прежде встречались только в былинах, сказаниях, такие слова напоминали о героическом прошлом русского народа, наполняли тексты патриотическим пафосом, патетикой: богатырь, витязь, сеча, побоище и т. п.: «19 человек красных богатырей атаковали батальон фашистов» (Правда, 1941, 22 октября); «Закипела кровопролитная сеча» (Комсомольская правда, 1943, 24 декабря); «Наша родная Красная Армия самоотверженно, с беспримерной отвагой бьется с врагом, оставляя каждую пядь советской земли» (Правда, 1941, 12 июля).

Если советских солдат журналисты и писатели называли «богатырями», то для обозначения врагов использовали слова как из разговорной, так и из книжной речи, но носящие отрицательные характеристики: враг, захватчик, изувер, изверг, орда, налетчик, разбойник, фашист. Такие слова стимулировали праведный гнев, ненависть к оккупантам, поднимали людей на борьбу с врагом, подобным хищному зверю. По отношению к врагам использовали и бранную лексику: душегуб, мразь, выродок, выкормыш, голворез, мародер и др.

Еще один примечательный факт военных публикаций в газетных материалах, публицистических текстах — это увеличение использования слов «русские», «русский». Такие слова насыщают текст экспрессией, повышают патриотический настрой у читателей: «...русское „ура“...» (Симонов, Эренбург, 1979, с. 21); «...испытать силу русского штыка...»; «...многострадальная русская земля...» (там же, с. 124); «...с поистине русским размахом...» (там же, с. 113); название очерка «Русское сердце» (там же, с. 83—88); пьеса «Русские люди». В публицистике И. Эренбурга тех же лет: «...русские люди, русский солдат, хорошее русское лицо, русское мужество, русское сопротивление, русский отпор, русская жертвенность, гордость русского оружия, голос русской земли, русские леса...» (см. там же, с. 36—99). В сложившейся ситуации в стране, в условиях войны, в атмосфере напряжения и страха подобные слова приобретают особый смысл, они вносят веру в силу русского оружия, наполняют уверенность, способствуют сплочению населения.

В годы Великой Отечественной войны особую значимость приобрели пословицы и поговорки, в которых нашли свое отражение особенности национального характера, отношение народа к происходящим событиям. Активно использовались в речи пословицы и поговорки, давно вошедшие в язык, но наиболее интересными были те, которые были созданы или получили новую интерпретацию в годы войны. Русский фольклор Великой Отечественной войны — это проявление национального сознания; в образных, выразительных изречениях народ воплотил безграничную любовь к своей Родине и презрение к врагам. Не случайно, наибольшее число военных пословиц и поговорок интерпретируют такие концепты, как Родина, Отечество, патриотизм, сила, верность, правда, враг, друж-

ба и др. П. Ф. Лебедев собрал полное издание «Пословицы и поговорки Великой Отечественной войны», вышедшее в 1962 г. Военные пословицы и поговорки возникали под свежими впечатлениями от прочитанных листовок, сбрасываемых советскими самолетами для населения оккупированных областей. Не менее важным источником являлись старые, широко известные пословицы и поговорки русского народа. Они подвергались полной или частичной переделке, на основе чего возникали новые пословицы, отвечавшие характеру тогдашней обстановки.

Старая пословица «Лес рубят — щепки летят» превратилась в новую: «Лес рубят — фрицы летят» — или в более оригинальную: «В Брянском лесу фашистов рубят — в Москву вести летят». Пословица «Не всякий в дело гожд, кто лицом пригожд» переделана следующим образом: «Не тот хорош, кто лицом пригожд, а тот хороший, кто фашиста уничтожил». Иначе в партизанских устах звучала и такая старая пословица: «Терпенье и труд все перетрут». Она изменена так, что возникшая из нее новая пословица выгодно отличалась своей злободневностью: «Отвага и труд врага сотрут» (Лебедев, 1962, с. 17).

Кроме пословиц и поговорок, в языке в годы Великой Отечественной войны появилось много крылатых фраз и выражений, слоганов: «Родина-мать зовёт!», «Они сражались за Родину», «Ради жизни на земле», «Вставай, страна огромная», «Священная война», «Победа будет за нами!» и мн. дру. Образы, создаваемые ими, вызвали подъем патриотических настроений, придавали людям мужество, заставляли собраться и действовать, защищать и спасать страну.

Новая военная лексика входила в жизнь людей и на фронтах, и в тылу, многие слова и выражения служили своеобразным маркером, объединяли людей, помогали понимать друг друга без долгих объяснений, в то же время создавали обычный, привычный лексикон, определяя военную повседневность.

Таким образом, изучение всех характеристик повседневной жизни людей во время Великой Отечественной войны позволяет дать представление об особенностях психологической повседневности военного времени, выявить связь фронта и тыла, определить те изменения в повседневности, которые позволили сплотиться, выбрать конструктивные стратегии поведения, способствовать оборонноспособности государства и привести к победе в Великой Отечественной войне.

Литература

- Анцыферова Л. И.* Психология повседневности: жизненный мир личности и техники ее бытия // Психологический журнал. 1993. № 14 (2). С. 3—16.
- Бельчиков Ю. А.* Русский язык: XX век. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Моск. филос. фонд, 1995.
- Бойм С.* Общие места. Мифология повседневной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- Волкова Е. С.* Жизнь детей в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Былые годы. 2011. № 2 (20). С. 87—95.
- Гусельцева М. С.* Психология повседневности: методология, и стория, перспективы // Психологические исследования. 2017. Т. 10 (51) С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.03.2021).

- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ГИС, 1956. Т. IV.
- Историческая психология: предмет, структура и методы. М: МосГУ, 2004.
- Историческая психология: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Харитоновна, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Капкан М. В.* Культура повседневности. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016.
- Кожин А. Н.* Лексико-стилистические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1985.
- Лелеко В. Д.* Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: СПб. гос. ун-т культуры и искусств, 2002.
- Людтке А.* История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: Рос. полит. энциклопедия (Росспэн)—Герм. ист. ин-т в Москве, 2010.
- Марцинковская Т. Д.* Психология повседневности: оксюморон или новый тренд психологии // Психологические исследования. 2017. Т. 10 (56). С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 18.03.2021).
- Народное образование: Основные постановления, приказы и инструкции / Сост. А. М. Данев. М.: М-во просвещения РСФСР—Учпедгиз, 1948.
- Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941—1945 гг.: Стат. сб. М.: Госкомстат СССР, 1990.
- Пословицы и поговорки Великой Отечественной войны / Сост. П. Ф. Лебедев. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1962.
- Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Отв. ред. Е. В. Шорохова, М. И. Бобнева. М.: Наука, 1976.
- Симонов К., Эренбург И.* В одной газете... Репортажи и статьи 1941—1945. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1979.
- Хасамутдинова Р. Р.* Великая Отечественная война Советского Союза (1941—1945 годы): военно-исторические очерки. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014.
- Thomae H.* Aus Wikipedia, der freien Enzyklopädie, 2017. http://www.wikiwand.com/de/Hans_Thomae.

The study of military everyday life in historical psychology

E. V. Kharitonova

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences

The article proposes to consider from the standpoint of historical psychology the features of ordinary everyday life of people during the Great Patriotic War. The model of everyday life of A. Schutz was used as a model for psychological and historical reconstruction. The changes in the lives of people who defined the military everyday life are shown, for example, children who worked both in factories and in agriculture were involved in active labor activity. Special attention is paid to changing the language, introducing military vocabulary into everyday speech, which determined the objective reality of that time, on the one hand, and contributed to strengthening the psychological state of the people, on the other hand.

Keywords: historical psychology, military everyday life, characteristics of everyday life, language, military vocabulary, morale, psychological state.

Исследование исторической личности в социогуманитарных науках

Е. Н. Холодovich

Институт психологии РАН, Москва, holelena@bk.ru

В статье проводится сравнительный анализ исследований исторической личности в различных социогуманитарных науках: истории, философии, литературоведении, психологии. Автором выделяются различные подходы к изучению личности как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях, а также рассматриваются направления в психологии: патобиография, психоистория, историческая психология. Обсуждаются основные концептуальные принципы, положенные в основу каждого из направлений. В заключение делается вывод о необходимости разработки комплексной модели исследования исторической личности в психологии.

Ключевые слова: историческая личность, биография, история, философия, историческая психология, психоистория, исторический контекст, внутренний мир личности, патобиография.

Исследование жизнедеятельности известных и выдающихся персоналий насчитывает не одно столетие. История, философия, социология, психология — вот неполный список социогуманитарных наук, обратившихся к биографическим исследованиям. В настоящее время интерес к изучению биографий растет и в массовой культуре: появляются новые исследования жизнедеятельности выдающихся людей прошлого, журнальные статьи и журналы с жизнеописанием известных политиков, бизнесменов, звезд кино и театра, снимаются фильмы и телепередачи по данной тематике.

Историками проводятся дискуссии о целесообразности использования этого жанра в науке. Описание жизненного пути конкретных исторических деятелей, традиционно принятое в историографии, к концу XX в. было перенесено на изучение больших социальных групп: народностей, наций, государств и т. п. Но в XXI в. ситуация стала меняться, интерес к персоналиям стал возрастать. Российский историк Ю. В. Дунаева определяет ее как «кризис роста», связанный с научным поиском новых форм представления подобных исследований (Дунаева, 2011).

Сегодня нет единой формы изучения личности в истории. Если ранее подобные исследования укладывались в описательную модель, представляющую собой сбор фактологического материала об изучаемом историческом деятеле вне зависимости от динамики в жизни общества, исторических событий, которые предшествовали жизни человека или которые он пережил, то сегодня все чаще перед учеными встает вопрос: кого изучать и как? Например, в США появляются работы по изучению простых людей: участниц феминистского движения, представителей рабочего класса или различных народностей. При этом историки обращаются к конкретному индивиду с новых методологических позиций и активно

используют методы смежных наук. Так, Н. Сальваторе большое внимание уделил социальным условиям жизни простых американцев на рубеже XX в. на фоне создания индустриального общества (Salvatore, электронный ресурс). Ученый видит задачу подобных работ в раскрытии индивидуальности человека во всем многообразии его проявлений. Необходимо показывать все аспекты человеческой жизни с ее включенностью в конкретное историческое время. Советский литературовед Г. О. Винокур считал, что исторический факт становится тогда частью биографии личности, когда он переживается ею: насколько значимо для личности то или иное событие истории (Винокур, 1927). Таким образом, историческое время должно преломляться через внутренний мир личности. Подобный подход предлагает Д. М. Володихин. Он настаивает на смещении ракурса рассмотрения в биографиях именно на внутренний мир личности (Персональная..., 1999). И главную роль здесь должны играть переживания героя, смыслы, вкладываемые им в тот или иной контекст своей жизни, как он переходит от одного периода жизни к другому, что значимо для него и ценно. При этом ведущее значение имеет именно внутренний мир субъекта, а не внешний контекст. Определяя форму биографического исследования, ученый предлагает некий алгоритм изучения исторической личности — анализ эволюции психологического мира индивида: как и что он любил, рассмотрение истории его творчества, способа, стиля и смысла жизни, как человек решал вопросы своего существования, почему его биография именно такая, а не какая-либо другая. Подобный алгоритм подходит для исследования как выдающихся деятелей, так и обычных людей, полагает ученый. По мнению Л. П. Репиной, подобный подход перспективен, хотя и включает в себе некоторые противоречия: как можно понять внутренний мир личности без обращения к событиям его жизни, также она указывает на необходимость учета темпоральных влияний на жизнь личности. Например, как прошлое объективируется в сознания индивида.

Но есть другая позиция. Прежде всего необходимо показать, как выдающийся деятель выполнял свою историческую миссию, представить его мировоззрение, социально-политические взгляды, место в обществе и отношение к нему современников, вычленив влияние эпохи на ход его жизни: социально-экономические, политические, исторические и культурные тенденции, анализировать ход исторических событий, а уже затем выявлять роль и место исторического деятеля в изучаемом времени (личностные, духовные и общественные связи), т. е. в полной мере реализовать один из важнейших принципов исторического исследования — принцип историзма (Историческая биография..., 2011; Историческая психологи..., 2004; Королёв и др., 2011).

В 1980-е годы на первое место в исследованиях выходит изучение личности как представителя эпохи. Важным становится сочетание микроанализа с макроисторией — изучение частной жизни человека и его включенности в общественные институты как «актера» общественного, социального, культурного, интеллектуального пространства — выход на культурные традиции, установки, представления определенной социальной группы и народа в целом и изучение личности как выдающегося его представителя. Все это должно сочетать анализ индивидуальной деятельности, исторического контекста и требует создания интегративной модели исследования исторической личности. Жан Клод Пассерон говорит

о «биографии как институте», вводит понятие персональной истории, истории одной жизни в ее уникальности и полноте, а также отмечает важность социальной стороны жизнедеятельности персоналии. Историк в то же время предостерегает от «биографической утопии», так как любая интерпретация не свободна от субъективизма (Passeron, 1999). Преодолеть субъективизм возможно, считает Дж. Леви. Он предлагает обратиться к тем нормативным системам, которые детерминируют жизнь конкретной личности и которые составляют контекст жизни общества. Они выступают объективными показателями системы ее отношений (Levi, 1989).

Отечественный историк Л. П. Репина «персональную историю» называет «новой биографической историей», важнейшим объектом которой анализа выступают автобиографические источники: автобиографии, дневники, письма и воспоминания личности (Репина, 2001). Подобный подход позволяет окунуться во внутренний мир человека, его эмоционально-духовную жизнь. В качестве примера работ в подобном ключе она приводит предложенную Кристофером Ллойдом модель, методологической основой которой выступает структурализм. В ней сочетаются взаимовлияющие социальных структур, диктующих человеку определенные правила взаимодействия, преломляющиеся через конкретные выборы человека: роли, отношения и установки. Причем анализ проводится на разных уровнях взаимодействия общества и индивида: макроуровень — государство, экономические, социальные и культурные системы, средний уровень — социальные институты, корпорации и др., микроуровень — малые группы. При этом мы можем говорить о том, что именно в таком ракурсе рассмотрения проявляется принцип С.Л. Рубинштейна, в соответствии с которым внешние воздействия преломляются и изменяются через внутренние условия существования личности, а также в данном случае просматриваются попытки системного рассмотрения личности в историческом контексте.

Французскому историку Ж. Ле Гоффу в работе «Людовик IX Святой» удается совместить оба подхода к изучению исторической личности (Ле Гофф, 2001). Он делает акцент на психологии персонажа, мотивах его поступков: как человек взаимодействует со своим временем и как оно, в свою очередь, влияет на его личность и деятельность. Ле Гофф указывает, что необходимо отражать эволюцию в сознании изучаемого персонажа, выявлять и объяснять современное значение изучаемых явлений. Он ставит очень важный вопрос о достоверности источников — действительный или воображаемый персонаж в них представлен? По его мнению, есть три уровня анализа: изучение событий жизни в контексте проблем, решаемых людьми данной эпохи, критика источников (работ современников изучаемой личности), проникновение во внутренний мир персонажа (идеальный или реальный человек представлен в предлагаемых источниках?). Чтобы избежать этих подводных камней, он рассматривает одни и те же источники на разных этапах исследования и в разных плоскостях — реальная личность и образ. Темпоральные рамки исторической биографии от рождения до смерти также раздвигаются в исследовании, так как важным моментом выступает интеллектуальное наследие, оставленное личностью. Таким образом, интеллектуальная биография по Ле Гоффу — это среда, контекст, важнейшие события жизни личности, источники его мировоззрения, условия его важнейших деяний, процесс и атмосфера

творчества, интеллектуальное наследие после смерти, при этом субъект исследования и контекст, дополняя друг друга, существуют в единстве.

Интерес к исследованию жизнедеятельности выдающихся личностей прошлого проявляют не только историки, но и философы. Р. Ричардс пишет, что «изучение биографической информации чрезвычайно важно для понимания философии и истории философии. Обстоятельства жизни философов могут оказывать существенное влияние на формирование их мировоззрения. Идеи не существуют и не развиваются сами по себе, вне связи с учеными или поэтами, хотя подобное впечатление иногда возникает при традиционном взгляде на историю философии» (Историческая биография..., 2011, с. 79). Свое мнение Р. Ричардс иллюстрирует на примере рассмотрения событий жизни Ф. Шеллинга, результатом которого стал радикальный пересмотр взглядов философа. Поэтому, делает вывод ученый, необходимо изучать эволюцию взглядов и идей исторической персоналии.

Выдающийся русский историк и философ XX в. Л. Карсавин в работе «Джордано Бруно» (Карсавин, 2016) рассматривает жизнь и творчество Джордано Бруно с позиции тех идей и представлений, которые существовали в философии его времени, а также учитывает влияние на формирование его философских представлений идей предшественников. В работе показано, как формировалась личность и система ценностей Джордано Бруно в контексте исторического времени и какое влияние его интеллектуальное наследие оказало на последующих мыслителей.

Э. Ю. Соловьев (1991) выделяет типы биографического анализа в философии: биография как история мысли, творческого процесса, взаимодействие мыслителя с обществом и продвижение его идей, жизнь как воплощение идеи, рассмотрение различных форм духовной деятельности мыслителя в контексте общества и культуры.

В XX в. появляется новое направление в исследовании личности в истории — психохистория. Оно образовалось из объединения психоанализа и истории. Исследователи в этой области берут за основу положение о том, что изменение социальной действительности выступает результатом деятельности и поведения личности, а поведение является естественным результатом бессознательных процессов в психике индивида.

Первые работы в этом ключе — «Леонардо Да Винчи» З. Фрейда и «Молодой Лютер» Э. Эриксона. В психохистории важнейшими концептуальными принципами выступают: признание роли индивидуального бессознательного как основополагающего начала в природе человеческой психики и движущей силы исторических процессов, биологизация социальных процессов, так как именно влечения детерминируют деятельность человека. Психохисторики продвигают идею о том, что ранний детский опыт оказывает ключевое влияние на формирование личности и на ее последующие взаимодействия с миром и обуславливает во многом исторические события. Как Фрейд, так и его последователи использовали опыт психотерапевтической практики с конкретными пациентами для объяснения психики исторической персоналии. Но уже Эриксоном было выдвинуто положение, что в построении комплексных биографических исследований, наряду с клиническим анализом, важную роль играет анализ влияния социальных и исторических факторов на формирование личности, т. е. этот процесс имеет двустороннюю направленность. Ведущий представитель психохисто-

рии Ллойда Де Моз утверждает, что поступки людей определяются их мотивацией, которая и объясняет движение исторического процесса. С этой точки зрения он рассматривает ранний опыт в жизни личности и объясняет им мотивы поведения человека в группе. Психоисторик В. Блэнчард раскрывает влияние детского опыта Ж. Ж. Руссо на формирование его личности: сложности взаимоотношений с отцом сформировали у него садомазохистский комплекс, который повлиял на становление его идей и в целом на развитие идей Великой французской революции. Г. Быковски применяет метод психоанализа к объяснению деятельности М. Робеспьера. П. Лёвенберг, изучая идеологию немецкого фашизма, исследует личности отдельных нацистских лидеров, детские комплексы которых послужили залогом развития деятельности НСДАП (Кирчанов).

Французский исторический психолог И. Мейерсон предложил свою концепцию исследования личности в истории, основанную на реконструкции исторического персонотипа: сравнительный анализ концептов личности в различные исторические эпохи (Meyerson, 1948, 1973). Важным аспектом в изучении личности становится рассмотрение ее взаимодействия с «другими». Основным методом исследования для Мейерсона выступает контент-анализ (подробнее о методе см.: Психология, 2000; Социальная психология, 2002; и др.). Объекты исследования — наиболее крупные романы конца XIX—середины XX в., именно в этих источниках показана историческая личность (в качестве представителя своей эпохи) наиболее объемно и достоверно, как полагает ученый. В целом это исследование построено на феноменологическом описании изменений личности в процессе истории.

В гуманистической психологии XX в. также можно найти работы, посвященные выдающимся личностям. А. Маслоу строит биографические исследования на основе модели самоактуализирующихся личностей с точки зрения удовлетворения иерархически выстроенных потребностей. В качестве объектов изучения он выбирает биографии выдающихся деятелей прошлого. В свою очередь, Г. Олпорт предлагает биографический метод для исследования личностей прошлого. В его концепции личность строит свой жизненный путь в результате собственной активности и главным ее стремлением выступает стремление к напряжению (Рукин, 2014).

В российской науке широкое применение нашел психобиографический подход к исследованию выдающихся личностей прошлого. Он сочетает в себе как клинический анализ, так и психологический. Это работы В. М. Бехтерева, П. И. Ковалевского, И. А. Сикорского, В. Ф. Чижа, посвященные изучению личности Ивана Грозного, Наполеона, Ф. М. Достоевского, А. С. Пушкина. В первой половине XX в. в Институте мозга разрабатывалась целая программа по исследованию высокоодаренных людей. При этом важнейшими показателями выступали: роль наследственности и среды в формировании личности, антропологические характеристики исследуемого лица, особенности жизненного пути персонажа, состояние психического здоровья, характерологические свойства, нравственная сфера человека (см.: Кольцова, Холондович, 2013).

В отечественной психологии на необходимость изучения личности в истории указывали С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, Л. И. Анцыферова, А. Г. Асмолов, Е. В. Шорохова и др. Это обусловлено тем, что динамический подход к рассмотрению жизненного пути личности в контексте исторического развития исполь-

зуются крайне редко. Исследования проводились только на теоретическом уровне в плане обоснования подходов к изучению жизненного пути личности в целом (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, Н.А. Логинова, А.А. Кроник). Б.М. Тепловым была выполнена работа (к сожалению, незаконченная), направленная на раскрытия психологических особенностей личности и творчества М.А. Балакирева, а также ему принадлежит исследование отдельных психических функций выдающихся военачальников.

Современный исследователь Е.Ю. Боброва рассматривает различные подходы к изучению личности в истории: воздействие конкретных исторических условий на формирование личности, влияние исторических событий на жизненный путь и конкретную судьбу современников, поколенческие различия людей в контексте общественного развития (Боброва, 1994). Боброва считает важнейшими задачами исторической психологии выявление и описание процесса формирования личности в истории, применение для этой цели конкретных психологических теорий личности и создание психологических моделей, «учитывающих влияние статических и динамических характеристик исторических условий», влияющих на процесс формирования личности и ее жизненного пути (там же, с. 104). По мнению ученого, такой моделью может выступить структурно-динамическая модель человека, предложенная Б.Г. Ананьевым.

Е.Ю. Коржова, основываясь на субъектном, ситуационном и личностном подходах в психологии, а также собственных эмпирических исследованиях, изучает особенности жизненного пути и направленность личности выдающихся философов прошлого (Коржова и др., 2018). В.А. Кольцова и Е.Н. Холондович предлагают процедуру комплексной реконструкции психологических характеристик гениальной личности на основе изучения ее жизненного пути и продуктов творчества (Кольцова, Холондович, 2013). Для этого авторами была разработана теоретическая модель, включающая ряд критериев гениальности, а также факторы формирования и развития гениальной личности, выделенные в процессе теоретического анализа. Результатом стали исследования личности гениев русской словесности Ф.М. Достоевского и Н.В. Гоголя (Холондович, 2017, 2018). Н.В. Борисова исследует выдающихся деятелей прошлого (нравственной элиты) с точки зрения соотношения правового и нравственного сознания личности и ее жизненного пути (Борисова, 2020).

Рассмотрев различные аспекты изучения исторической личности как в психологической науке, так и в смежных с ней отраслях социогуманитарного знания, можно сказать, что насущной потребностью сегодня является создание единой модели исследования исторической персоналии. В настоящее время не существует метода в психологии, позволяющего изучить историческую личность (выдающегося деятеля в историческом контексте) как целостное явление в процессе ее жизнедеятельности. В свою очередь, комплексное и целостное рассмотрение внутреннего мира человека — насущная потребность психологической науки в целом.

Литература

Боброва Е. Ю. Развитие историко-психологического направления в отечественной и зарубежной психологии: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1994.

- Борисова Н. В.* Проблема соотношения нравственного и правового сознания личности // Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления. М.: Изд-во «Институт психологии», 2020. С. 507–517.
- Винокур Г. О.* Биография и культура. М.: Государственная Академия художественных наук, 1927.
- Дунаева Ю. В.* Историческая биография: упадок или возрождение? // Историческая биография: современные подходы и методы исследования: Сб. обзоров и реф. РАН. ИНИОН. М.: Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. истории—Центр гуманитар. науч.-информ. исслед., Отд. языкознания, 2011. С. 8–34.
- Жуйков Д. А.* Основные методологические проблемы биографического исследования в современной историографии // Вестник Челябинск. гос. ун-та. 2012. № 25 (279). История. Вып. 52. С. 133–136.
- Историческая биография: современные подходы и методы исследования: Сб. обзоров и реф. РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории, Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. М., 2011.
- Историческая психология: предмет, структура и методы. М.: МосГУ, 2004.
- Карсавин Л. П.* Джордано Бруно. СПб.: Наука, 2016.
- Киричанов М. В.* Психоистория: основные направления исследовательской деятельности. URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1523 (дата обращения: 22.04. 2021).
- Кольцова В. А., Холоднович Е. Н.* Воплощение духовности в личности и творчестве Ф. М. Достоевского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Коржова Е. Ю., Волкова Е. Н., Рудыхина О. В., Туманова Е. Н.* Психология человека как субъекта жизнедеятельности и жизненного пути личности: основные итоги исследования // Известия РПГУ им. А. И. Герцена. 2018. № 187. С. 40–50.
- Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой. М.: Ладомир, 2001.
- Персональная история / Отв. ред. и составитель Д. М. Володихин. М.: Мануфактура. 1999. 329 с.
- Психология: Учебник для технических вузов / Под ред. В. Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2000.
- Репина Л. П.* Историческая биография и «новая биографическая история» // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М.: ИВИ РАН—УРСС, 2001. С. 5–11.
- Рукин А. В.* Жизненный путь личности в гуманистической психологии // Вестник ТвГУ. Сер. «Философия». 2014. № 1. С. 209–218.
- Соловьев Э. Ю.* Прошлое толкует нас: (очерки из истории, философии и культуры). М.: Политиздат, 1991.
- Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Пер Сэ, 2002.
- Старовойтов А. Л.* Историческая психология: курс лекций. Могилев: УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2010.
- Холоднович Е. Н.* Личность гения как предмет психолого-исторического исследования // Научно-практический журнал «Вестник Университета Российской академии образования». 2017. № 5. С. 51–60.
- Холоднович Е. Н.* Духовно-нравственные искания гениальной личности (на примере изучения динамики идейных исканий в творчестве Н. В. Гоголя) // Духовно-нравст-

венные проблемы современной личности / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 96–116.

Levi G. Les usages de labiographie // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 44e année. 1989. № 6. P. 1326.

Meyerson I. Les fonctions psychologiques et les oeuvres. Paris, 1948.

Meyerson I. Problemes de la personne. Paris, 1973.

Passeron J.-C. Biographies, flux, itinéraires, trajectories // *Revue française de sociologie*. 1990. V. 31. P. 5.

Salvatore N. Biography and social history: An intimate relationship // *Labour History*. № 87. P. 187–192. doi: 10.2307/27516005 (дата обращения: 12.03.2021).

Historical personality research in the social and humanitarian sciences

E. N. Kholondovich

Institute of psychology, Russian academy of sciences

The article provides a comparative analysis of the research of the historical personality in various socio-humanitarian sciences: history, philosophy, literary studies, psychology. The author highlights various approaches to the study of historical personality in both domestic and foreign studies, and also examines in more detail the directions in psychology: pathobiography, psychohistory, historical psychology. The main conceptual principles underlying each of the directions are discussed. In conclusion, it is concluded that it is necessary to develop a complex model for the study of historical personality in psychology.

Keywords: historical personality, biography, history, philosophy, historical psychology, psychohistory, historical context, inner world of personality, pathobiography.

Приложение

**Научная программа международной
конференции по истории психологии
«VII Московские встречи»**

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН

***ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
И МИРОВОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ:***

знать прошлое

анализировать настоящее

прогнозировать будущее

VII

**МОСКОВСКИЕ ВСТРЕЧИ
ПО ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ**

01.07. - 03.07. 2021 г.

П Р О Г Р А М М А

**ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ**

**«ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МИРОВОЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: ЗНАТЬ ПРОШЛОЕ,
АНАЛИЗИРОВАТЬ НАСТОЯЩЕЕ, ПРОГНОЗИРОВАТЬ
БУДУЩЕЕ»**

Московский гуманитарный университет
Институт психологии РАН

НАУЧНАЯ ПРОГРАММА

Всероссийской конференции с международным участием
«История отечественной и мировой психологической мысли:
знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее»
(VII Московские встречи по истории психологии)
01–03 июля 2021 г.

Москва, 2021

СОСТАВ ПРОГРАММНОГО КОМИТЕТА

Всероссийской конференции с международным участием
«История отечественной и мировой психологической мысли:
знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее»
(VII Московские встречи по истории психологии)
01–03 июля 2021 г.

ИЛЬИНСКИЙ ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ, ректор Московского гуманитарного университета, президент Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области, президент Национального союза негосударственных вузов, академик Российской академии естественных наук, доктор философских наук, профессор (сопредседатель).

ЖУРАВЛЕВ АНАТОЛИЙ ЛАКТИОНОВИЧ, научный руководитель Института психологии РАН, действительный член (академик) РАН, действительный член (академик) РАО, профессор (сопредседатель).

АКОПОВ ГАРНИК ВЛАДИМИРОВИЧ, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор.

АРТЕМЬЕВА ОЛЬГА АРКАДЬЕВНА, профессор кафедры социальной, экстремальной и пенитенциарной психологии, руководитель лаборатории методологии и истории психологии Иркутского государственного университета, доктор психологических наук, доцент.

ГАВРИНА ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА, начальник психологического факультета Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат психологических наук, доцент.

ГОЛОВЕЙ ЛАРИСА АРСЕНЬЕВНА, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии факультета психологии СПбГУ, доктор психологических наук, профессор.

ГОСТЕВ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ, ведущий научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН, доктор психологических наук, профессор.

ЖДАН АНТОНИНА НИКОЛАЕВНА, член-корр. РАО, заслуженный профессор Московского университета, доктор психол. наук, профессор.

ЗВОНИКОВ ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ, профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии Московского гуманитарного университета, доктор медицинских наук (по психофизиологии), профессор.

- ЗОБКОВ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры «Психология личности и специальная педагогика» Гуманитарного института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, доктор психологических наук, профессор.
- КАНДЫБОВИЧ СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ**, академик РАО, ведущий научный сотрудник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, доктор психологических наук, профессор.
- КОРОЛЕВ АНАТОЛИЙ АКИМОВИЧ**, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры истории и регионоведения Московского гуманитарного университета, доктор исторических наук профессор.
- ЛОГИНОВА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА**, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор психологических наук, профессор.
- ЛУНЕВА ОЛЬГА ВИКТОРОВНА**, почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии Московского гуманитарного университета, кандидат психологических наук, доцент.
- МАЗИЛОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ**, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета, доктор психологических наук, профессор.
- МИРОНЕНКО ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА**, лауреат премии им. С.Л. Рубинштейна, профессор кафедры психологии личности факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор психологических наук, профессор.
- НОСКОВА ОЛЬГА ГЕННАДЬЕВНА**, заслуженный профессор Московского университета, профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук, профессор.
- НЯГОЛОВА МАРИЯНА ДИМИТРОВА**, кандидат психологических наук, доцент, Великотырновский университет имени Святых Кирилла и Мефодия (Болгария).
- ПОЗНЯКОВ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ**, главный научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН, доктор психологических наук, профессор.
- ПОЧЕБУТ ЛЮДМИЛА ГЕОРГИЕВНА**, доктор психологических наук, профессор, действительный член Общественной академии акмеологии, действительный член Российской академии общественных и фундаментальных наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор.
- РАЗИНА ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА**, член-корреспондент РАО, главный аналитик Российской академии образования, доктор психологических наук, доцент.
- СЕМЁНОВ ВАЛЕНТИН ЕВГЕНЬЕВИЧ**, директор НП «Центр политических и психологических исследований», доктор психол. наук, профессор, заслуженный деятель науки России.
- СЕМЁНОВ ИГОРЬ НИКИТОВИЧ**, лауреат премии президента РФ в области образования, профессор департамента психологии Московского городского педагогического университета, доктор психологических наук, профессор.

- СЕРОВА ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА**, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской группы «Научный архив» Психологического института РАО, кандидат психологических наук.
- СОКОЛОВА ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА**, доцент кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, канд. психол. наук, доцент, заслуженный преподаватель Московского университета.
- СТОЮХИНА НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА**, доцент кафедры психологии управления Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат психологических наук, доцент.
- ТИХОНОВА ЭЛЕОНОРА ВИКТОРОВНА**, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доцент кафедры общей и практической психологии психолого-педагогического факультета Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат психологических наук, доцент.
- ФРОЛОВА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА**, доцент кафедры консультативной психологии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, доктор психологических наук, доцент.
- ХАРИТОНОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА**, ученый секретарь Института психологии РАН, старший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии ИП РАН, кандидат психологических наук.
- ХОЛОНДОВИЧ ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА**, старший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН, кандидат психологических наук.
- ШАДРИКОВ ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ**, академик РАО, научный руководитель департамента психологии Национального исследовательского университета Высшей школы экономики, доктор психологических наук, профессор.
- ЮЖАНИНОВА АЛЛА ЛЕОНИДОВНА**, доцент кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики Саратовской государственной юридической академии, кандидат психологических наук, доцент.

СОСТАВ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА

по подготовке и проведению
Всероссийской конференции с международным участием
«История отечественной и мировой психологической мысли:
знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее»
(VII Московские встречи по истории психологии)
01–03 июля 2021 г.

- ИЛЬИНСКАЯ НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА**, проректор по инновационному развитию Московского гуманитарного университета, кандидат педагогических наук (сопредседатель).
- КОСТИНА АННА ВЛАДИМИРОВНА**, проректор по научной работе Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор (сопредседатель).
- ОЛЕЙНИК ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ**, заведующий кафедрой общей, социальной психологии и истории психологии, кандидат психологических наук, доцент (сопредседатель).
- АЛЕКСЕЕНКО ИРИНА СЕРГЕЕВНА**, начальник учебно-методического управления Московского гуманитарного университета, кандидат психологических наук, доцент.
- БАЛАБАНОВА ЕКАТЕРИНА СВЕТОСЛАВОВНА**, заместитель начальника учебно-методического управления Московского гуманитарного университета, ученый секретарь научного совета университета, кандидат психологических наук, доцент.
- БЕЛОПОЛЬСКИЙ ВИКТОР ИСАЕВИЧ**, главный научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН, доктор психологических наук, профессор
- ВАКАРЕВ ЕВГЕНИЙ СЕМЁНОВИЧ**, доцент кафедры общей, социальной психологии и истории психологии Московского гуманитарного университета, кандидат психологических наук, доцент.
- ГУРОВА ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА**, профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии Московского гуманитарного университета, кандидат педагогических наук, доцент.
- КАРГИНА НАТАЛЬЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА**, доцент кафедры общей, социальной психологии и истории психологии Московского гуманитарного университета, кандидат психологических наук, доцент.
- КОВАЛЕВА ЮЛИЯ ВАЛЕРЬЕВНА**, старший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН, кандидат психологических наук.
- КОРЕНКОВА НАТАЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА**, доцент кафедры общей, социальной психологии и истории психологии Московского гуманитарного университета, кандидат психологических наук, доцент.

КОСТРИГИН АРТЕМ АНДРЕЕВИЧ, научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН, кандидат психологических наук.

КРАСНЯНСКАЯ ТАТЬЯНА МАКСИМОВНА, профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии Московского гуманитарного университета, доктор психологических наук, профессор.

ТУГАЙБАЕВА БАТИМА НАГИМОВНА, помощник директора Института психологии РАН по аспирантуре.

КРАТКАЯ НАУЧНАЯ ПРОГРАММА

Всероссийской конференции с международным участием
 «История отечественной и мировой психологической мысли:
 знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее»
 (VII Московские встречи по истории психологии)
 01–03 июля 2021 г.
 (Проводится в дистанционном формате на платформе «Zoom»)

Время	Мероприятия конференции
1 июля 2021 г. (четверг)	
10:00–10:30	Регистрация участников
10:30–13:30	Пленарное заседание. Открытие конференции. Приветствия участникам конференции
13:30–14:00	Перерыв на кофе
14:00–17:30	Работа секции «Теоретические, методологические и методические проблемы историко-психологических исследований»
	Работа секции «Историческая психология как междисциплинарное пространство взаимодействия и интеграции различных наук»
2 июля 2021 г. (пятница)	
10:30–11:00	Регистрация участников
11:00–13:00	Работа секции «Творческое наследие мыслителей и ученых, его роль в развитии современного и определении перспектив психологического знания»
	Работа секции «История становления и разработки психологических направлений, отраслей и научных проблем»
13:00–14:00	Перерыв на обед
14:00–17:30	Продолжение работы секции «Творческое наследие мыслителей и ученых, его роль в развитии современного и определении перспектив психологического знания»
	Продолжение работы секции «История формирования и разработки психологических направлений, проблем и отраслей знания»
3 июля 2016 г. (суббота)	
10:30–11:00	Регистрация участников
11:00–14:00	Работа секции «История становления и разработки психологических направлений, отраслей и научных проблем»
11:00–14:00	Симпозиум «Константин Константинович Платонов – жизнь, отданная научному познанию и психологической практике (к 115-летию со дня рождения)»
14:00–15:00	Перерыв на обед
15:00–17:00	Мемориальное заседание (круглый стол) памяти Веры Александровны Кольцовой
17:00–18:00	Закрытие конференции и обмен мнениями по проблемам истории психологии

НАУЧНАЯ ПРОГРАММА

Всероссийской конференции с международным участием
«История отечественной и мировой психологической мысли:
знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее»
(VII Московские встречи по истории психологии)
01–03 июля 2021 г.

1 июля 2021 г.

11:00–13:30

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Приветствие и вступительное слово

Костина Анна Владимировна, проректор по научной работе Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор

Журавлев Анатолий Лактионович, научный руководитель Института психологии РАН, действительный член (академик) РАН, действительный член (академик) РАО, профессор

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

Состояние и перспективы отечественной истории психологии как отрасли психологической науки

Ждан Антонина Николаевна, член-корреспондент РАО, Заслуженный профессор Московского университета, доктор психол. наук, профессор

От души к внутреннему миру: предмет психологии в исторической перспективе

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор

Шадриков Владимир Дмитриевич, академик РАО, доктор психологических наук, профессор

Теоретико-методологические основы исследования ведущих научных коллективов советских психологов

Артемьева Ольга Аркадьевна, доктор психологических наук, доцент

Великая Отечественная война – как фактор формирования межнационального воинского научного братства (на примере советских ученых-психологов)

Кандыбович Сергей Львович, академик РАО, доктор психологических наук, профессор

Разина Татьяна Валерьевна, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, доцент

Возникновение Российского психологического общества: от былого к грядущему

Базаров Тахир Юсупович, доктор психологических наук, профессор

1 июля 2021 г.

14:00–17:30

Секция

**«ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»**

Научные руководители: Олейник Ю. Н., к. п. н., доц.

Тихонова Э. В., к. п. н., доц.

Научный секретарь Алексеев И. С., к. п. н.

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

Структура психологического знания в философских системах прошлого: историко-методологический анализ

Умрихин Владимир Владимирович, кандидат психологических наук, доцент,
Лауреат Ломоносовской премии (Москва)

История отечественной психологии в контексте концепции российской политематичности

Семёнов Валентин Евгеньевич, Заслуженный деятель науки России, доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Международное (мировое) историко-психологическое отраслевое сообщество: библиометрическое картирование и наукометрический анализ

Моргун Алексей Николаевич, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Анализ истории психологии в научных трудах О. М. Тутунджяна и перспективы развития психологической мысли

Катунян Аракся Сергеевна, кандидат психологических наук

Хачатрян Анна Геворковна, кандидат психологических наук

Акопян Наира Рафиковна, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения),

Научное творчество В. В. Большаковой и ее вклад в развитие истории психологии

Тихонова Элеонора Викторовна, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, кандидат психологических наук (Арзамас)

Егорова Татьяна Евгеньевна, доктор психологических наук, профессор (Нижний Новгород)

Проблемы историко-психологического образования обучающихся вузов на современном этапе

Алексеев Ирина Сергеевна, кандидат психологических наук (Москва)

Культурно-историческая концепция Н. Я. Данилевского и вопросы управления историей

Сулейманян Андраник Грантович, кандидат психологических наук (Москва)

Источники в истории отечественной психологической мысли и проблемы их истолкования

Иванов Денис Васильевич, кандидат педагогических наук, доцент (Новосибирск)

Историческое развитие восприятия чужого: методологические аспекты психологического исследования

Акопян Наира Рафиковна, доктор психологических наук, профессор

Хачатрян Анна Геворковна, кандидат психологических наук (Ереван, Армения)

Некоторые проблемы методологии истории психологии в свете философии историографии

Рафикова Вероника Айдаровна, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

1 июля 2021 г.

14:00—17:30

СЕКЦИЯ

**«ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ
КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ИНТЕГРАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ НАУК»**

Научные руководители: Рыжов Б. Н., д. и. н., проф.
Харитоновна Е. В., к. п. н., доц.
Холондович Е. Н., к. п. н.

Научный секретарь: Алексеенко И. С., к. п. н.

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

Историческая психология и психология истории

Рыжов Борис Николаевич, доктор психологических наук, профессор (Москва)

Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: мажорный лад военных песен

Жукова Ольга Германовна, кандидат педагогических наук (Москва)

История изучения феномена мудрости в психологической науке

Мехтиханова Наталья Николаевна, кандидат психологических наук, доцент (Ярославль)

Символические смыслы архетипа смерти в древнеславянской мифологии

Горюнова Людмила Николаевна, кандидат психологических наук, (Санкт-Петербург)

Междисциплинарные перспективы макро-социо-политической психологии глобальной трансформации

Гостев Андрей Андреевич, доктор психологических наук, профессор (Москва)

Типология социокультурного развития личности и группы: психологические проблемы наследования культуры

Фролова Светлана Владимировна, доктор психологических наук, доцент (Саратов)

Исследование повседневности в исторической психологии

Харитоновна Елена Владимировна, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Роль русского крестьянства в формировании менталитета народа, в социально-экономической жизни России, в русской и мировой истории

Синякина Екатерина Георгиевна, кандидат психологических наук (Москва)

Проблема происхождения индивидуализма: возможности междисциплинарных исследований

Григорьев Андрей Александрович, доктор филологических наук, доцент (Москва)

Борьба с коррупцией в России как междисциплинарная проблема в исторических работах В. П. Шорникова

Казанцев Валерий Николаевич, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, кандидат философских наук, доцент (Рязань)

Категории морально-правового сознания и раннехристианская картина мира

Борисова Наталья Владимировна, кандидат психологических наук (Москва)

Отношение советской молодежи к Западу в представлениях современных россиян

Вакарев Евгений Семёнович, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Особенности миграционных процессов из Латинской Америки в США: социально-психологические проблемы мигрантов

Гавронова Юлия Дмитриевна, кандидат психологических наук, (Смоленск)

Праздник в языковом сознании россиян в позднесоветский и современный периоды

Борисова Анастасия Михайловна (Москва)

Психоисторические исследования в России и США: Ломоносовская линия постижения народного психологического опыта развития и воспитания человека

Григорьев Сергей Владимирович, кандидат психологических наук (Москва)

Изменения праздничного календаря в контексте историко-психологического исследования

Воловикова Маргарита Иосифовна, доктор психологических наук, профессор (Москва)

Храм как системообразующий фактор жизни русского народа (на примере купечества)

Федоркова Ирина Рудольфовна, кандидат психологических наук, доцент
(Москва)

Исследование исторической личности в социогуманитарных науках

Холондович Елена Николаевна, кандидат психологических наук

Интегративный подход к объекту и предмету исследований исторической психологии (на примере изучения больших социальных групп)

Ковалева Юлия Валерьевна, кандидат психологических наук (Москва)

2 июля 2021 г.

11:00—17:30

СЕКЦИЯ

**«ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МЫСЛИТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХ,
ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО И ОПРЕДЕЛЕНИИ
ПЕРСПЕКТИВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ»**

Научные руководители: Стоюхина Н. Ю., к. п. н., доц.
Няголова М. Д., к. п. н., доц.
Гаврина Е. Е., к. п. н., доц.
Гильманов С. А., д. пед. н., проф.

Научный секретарь Костригин А. А., к. п. н.

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

**Идеи психологии профессий в творчестве И. Н. Шпильрейна (1891–1937)
(к 130-летию со дня рождения)**

Носкова Ольга Геннадьевна, доктор психологических наук, профессор, Заслуженный профессор Московского университета (Москва)

Классика и современность: Сергей Леонидович Рубинштейн (1889–1960)

Ждан Антонина Николаевна, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, Заслуженный профессор Московского университета (Москва)

Владимир Михайлович Бехтерев – великий русский ученый XX века, опередивший время

Горобец Татьяна Николаевна, доктор психологических наук, профессор
(Москва)

Идеи С. Л. Франка и развитие ордерного подхода к социально-психологическому изучению феномена культуры

Аксеновская Людмила Николаевна, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (Саратов)

Пауль Вацлавик: философ, психолог, психотерапевт

Власов Никита Анатольевич, кандидат психологических наук (Москва)

Творческое наследие Р. Х. Тугушева в контексте современного психологического познания

Арендачук Ирина Васильевна, кандидат психологических наук, доцент (Саратов)

Научное наследие С. Л. Рубинштейна в современной мировой психологии

Няголова Марияна Димитрова, кандидат психологических наук, доцент (Велико-Тырново, Болгария)

Вадим Васильевич Заботин – педагог и ученый, стоящий у истоков Владимирской психологической школы

Зобков Валерий Александрович, заслуженный работник высшей школы РФ, доктор психологических наук, профессор (Владимир)

Вопросы психологической теории и практики в монографии А. В. Запорожца и А. Н. Леонтьева «Восстановление движения» (1945 г.)

Богданчиков Сергей Александрович, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Лев Петрович Доблаев: от понимания текста к пониманию души (к 100-летию со дня рождения)

Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, доцент (Саратов)

Экзистенциальные основания концепции С. Л. Рубинштейна

Чеснокова Милена Григорьевна, кандидат психологических наук (Москва)

Обращение к словосочетанию «психическая жизнь» в работах Ш. Р. Рише и В. М. Бехтерева

Гильманов Сергей Амирович, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор (Ханты-Мансийск)

Преимственность подхода Э. Эриксона в современных исследованиях групповой, профессиональной идентичности студентов-юристов

Колиниченко Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент (Пятигорск)

Анри Валлон и С. Л. Рубинштейн в годы Второй мировой войны

Няголова Марияна Димитрова, кандидат психологических наук, доцент (Велико-Тырново, Болгария)

Йорданова Николина Николова (Садово, Болгария)

Психологическое наследие декабристов как национальный аспект в развитии отечественной науки

Клыпа Ольга Викторовна, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор психологических наук, профессор (Петрозаводск)

Творческое наследие Нины Александровны Тих: место в истории и потенциал развития в будущем российской психологии

Миرونенко Ирина Анатольевна, доктор психологических наук, профессор, Лауреат Премии им. С.Л. Рубинштейна (Санкт-Петербург)

Яков Александрович Пономарев: некоторые результаты наукометрического анализа творческого наследия

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, профессор (Москва)

Галкина Татьяна Викторовна, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Костригин Артем Андреевич, кандидат психологических наук (Москва)

Сопричастность идей А. А. Зиновьева о «русской трагедии» и трансформации ментальности поколений

Пищик Влада Игоревна, доктор психологических наук, профессор (Ростов-на-Дону)

Понимание личности в концепции А. Ф. Лазурского и ее значение для современной психологии

Филенко Игорь Александрович, кандидат психологических наук, доцент (Томск)

Концепт «подпсихическая реальность» Д. Н. Узнадзе как попытка решения психофизической проблемы

Яновский Михаил Иванович, кандидат психологических наук, доцент (Донецк)

Творческое наследие Ф. Е. Василюка: о некоторых перспективах развития

Корнева Елена Николаевна, кандидат психологических наук (Москва)

Роль творческого наследия В. Вундта в истории мировой психологической мысли

Сметанина Ольга Михайловна, профессор, доктор культурологии, кандидат психологических наук (Нижний Новгород)

Философско-психологическая литература глазами Ю. И. Айхенвальда (1872–1928)

Костригин Артем Андреевич, кандидат психологических наук (Москва)

Научное наследие А. А. Крогиуса в контексте идей современной тифлопсихологии

Коновалова Марина Дмитриевна, кандидат психологических наук (Саратов)

Забывтая психология Вильгельма Вундта (The forgotten psychology of Wilhelm Wundt)

Йованович (Јовановић) Гордана, доктор психологических наук, профессор (Белград, Сербия)

Самарский психолог Юлий Вениаминович Португалов

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент (Нижний Новгород)

Н. А. Рыбников. Попытка создания коллективной биографии семьи (по материалам неопубликованной рукописи)

Лавренчук Светлана Юрьевна, кандидат психологических наук (Санкт-Петербург)

Ирина Стрелкова: предвестник позитивной психологии в Саратове

Голованова Анна Анатольевна, кандидат психологических наук (Саратов)

Голубева Наталия Михайловна, кандидат психологических наук (Саратов)

Вклад В. А. Кольцовой в развитие историко-психологического направления в современной российской психологии

Тугайбаева Батима Нагимовна (Москва)

Энерго-информационный подход в комплексных исследованиях школы Б. Г. Ананьева

Головей Лариса Арсеньевна, доктор психологических наук, профессор, почетный профессор СПбГУ (Санкт-Петербург)

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, профессор (Москва)

Вклад А. И. Папкина в развитии психологии организационных отношений в деятельности органов внутренних дел

Гаврина Елена Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент (Рязань)

Психологические аспекты историко-биографической повести князя А. А. Шаховского о Марусе Чурай

Литвинюк Ольга Ивановна (Днепр, Украина)

Жизненный путь и творческое наследие Ганса фон Хентига

Плавинская Юлия Борисовна, кандидат психологических наук (Нижний Новгород)

Учение Алексея Алексеевича Ухтомского о доминанте: диалог с кибернетикой и синергетикой

Зуев Константин Борисович (Москва)

Роль творческого наследия В. Вундта в истории мировой психологической мысли

Сметанина Ольга Михайловна, доктор культурологии, кандидат психологических наук, профессор (Нижний Новгород)

Вклад И. В. Страхова в разработку проблем социальной психологии образования

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психологических наук, профессор (Саратов)

Типология эйдетических образов Э. Йенша и ее интерпретация с позиций системной психологии

Котова Ольга Викторовна (Москва)

Рыжов Борис Николаевич, доктор психологических наук, профессор (Москва)

Психическая причинность в методологии современной психологии (140-летию В. В. Зеньковского)

Валуев Олег Сергеевич (Москва)

2 июля 2020 г.

11:00–17:30

СЕКЦИЯ

«ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗРАБОТКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ, ОТРАСЛЕЙ И НАУЧНЫХ ПРОБЛЕМ»

Научные руководители: Елисеева И. Н., к. п. н., доц.
Семёнов И. Н., д. п. н., проф.
Фролова С. В., д. п. н. проф.

Научный секретарь Алексеев И. С., к. п. н.

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

Обсуждение и критика решения А. Н. Леонтьевым проблемы соотношения значений и смыслов в дискуссии 1948 года

Соколова Елена Евгеньевна, доктор психологических наук, доцент, заслуженный преподаватель Московского университета (Москва)

К 50-летию открытия отделения по специальности «психология» в Саратовском государственном университете: история возникновения и научно-организационные последствия

Южанинова Алла Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент (Саратов)

Фролова Светлана Владимировна, доктор психологических наук, доцент (Саратов)

История и теория рефлексивной психологии развития человеческого капитала

Семёнов Игорь Никитович, доктор психологических наук, профессор, лауреат премии президента РФ в области образования, академик Академии педагогических и социальных наук, академик Международной Академии гуманизации образования (Магдебург-Сочи) (Москва)

История становления и разработки психологических проблем интереса к труду

Лобанова Татьяна Николаевна, кандидат психологических наук (Москва)

Историко-психологический анализ развития представлений об учебной деятельности

Слепко Юрий Николаевич, кандидат психологических наук, доцент, (Ярославль)

Профессиональный отбор: история, парадигмы, актуальные задачи XXI столетия

Толочек Владимир Алексеевич, доктор психологических наук, профессор (Москва)

Наращение экзистенциальной проблематики в истории исследований медиа

Маховская Ольга Ивановна, кандидат психологических наук (Москва)

Периодизация развития параметрической теории коллектива

Сарычев Сергей Васильевич, отличник народного просвещения, доктор психологических наук, профессор (Курск)

Елизаров Сергей Геннадьевич, почетный работник сферы образования Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (Курск)

История исследований темперамента и характера в отечественной психологии: наукометрический анализ диссертационных исследований

Елисеева Ирина Николаевна, кандидат психологических наук (Москва)

Олейник Юрий Николаевич, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Психология ненасилия: становление двух подходов

Маралов Владимир Георгиевич, заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук, профессор (Череповец)

Ситаров Вячеслав Алексеевич, Заслуженный работник высшей школы РФ; почетный работник общего образования РФ, доктор педагогических наук, профессор (Москва)

Kinaesthesia: the history and philosophy of the sense of movement

Smith Roger, Ph. D., Independent (Honorary Fellow of Institute of Philosophy, Moscow, RAN)

Историко-системная разработка психологии индивидуальности

Юров Игорь Александрович, кандидат психологических наук (Москва)

Краткая история метаспихиатрии

Гарбер Илья Евгеньевич, доктор психологических наук, профессор (Саратов)

История и современные представления об эволюционных истоках самосознания человека

Хватов Иван Александрович, кандидат психологических наук (Москва)

К истории психологических исследований по военной маскировке в 20-х годах XX века

Елисеева И. Н., кандидат психологических наук (Москва)

Категория «индивидуальный субъект»: проблемы создания теоретической схемы

Якунин Анатолий Павлович, кандидат психологических наук (Санкт-Петербург)

Темпоральность в постановках и решениях проблемы сознания

Акопов Гарник Владимирович, заслуженный деятель науки РФ доктор психологических наук, профессор (Саратов)

Белкин Антон Игоревич, доктор психологических наук, доцент (Саратов)

Россия — родина военной психологии

Караяни Александр Григорьевич, член-корреспондент РАО, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (Москва)

История развития представлений о совести в психологии

Мустафина Лилия Шаукатовна, кандидат психологических наук (Москва)

Значение развития экзистенциальной альтернативы в клинической психологии

Шевеленкова Татьяна Дмитриевна, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

История развития психологии рекламы в России конца XIX—начала XX века

Гордякова Ольга Владимировна, кандидат психологических наук (Москва)

Исследование академической адаптации в Саратовской психологической школе

Гринина Елена Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент (Саратов)

Достижения отечественной психологии в 1920—1940 г. (по материалам лекции Б. Г. Ананьева, прочитанной в 1947 г.)

Почебут Людмила Георгиевна, доктор психологических наук, профессор, действительный член Общественной академии акмеологии, действительный член Российской Академии общественных и фундаментальных наук (Санкт-Петербург)

Исторический аспект изучения проблемы психологического консультирования родителей

Галкина Надежда Александровна, кандидат психологических наук, доцент (Курск)

Шевякина Анастасия Николаевна, магистрант (Курск)

Логико-психологический анализ текста Л. П. Добраева: становление и применение

Пантелеев Александр Фёдорович, кандидат психологических наук (Саратов)

Соотношение знания и мышления как психологическая проблема

Васюкова Екатерина Евгеньевна, кандидат психологических наук (Москва)

Психологизация математических представлений в концепции интеллекта: Ж. Пиаже и Э. Галуа

Арестова Ольга Николаевна, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Бабанин Леонид Николаевич (Москва)

Проблема функциональной асимметрии в исследованиях российских психологов (XX—XXI вв.)

Галюк Наталья Андреевна, кандидат психологических наук, доцент (Новосибирск)

Психология конкуренции: история становления и актуальные проблемы современных исследований

Клюева Ольга Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент (Тверь)

История и современные тенденции исследования орудийной деятельности животных

Соколов Алексей Юрьевич, кандидат биологических наук (Москва)

Хватов Иван Александрович, кандидат психологических наук (Москва)

Психология семейного бизнеса: история становления предметной области в зарубежных исследованиях

Мурзина Юлия Сергеевна, кандидат психологических наук (Тюмень)

Эволюция психологического знания по проблеме духовно-нравственных смыслов

Муратова Инна Михайловна, аспирант (Луганская Народная Республика)

Бажутина Светлана Борисовна, кандидат педагогических наук, почетный профессор Луганского государственного педагогического университета (Луганская Народная Республика)

Социальная одаренность в парадигме исторической психологии

Мышкина Марина Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент (Самара)

История разработки психодиагностических шкал измерения одиночества (отечественный и зарубежный опыт)

Бячкова Наталия Борисовна, кандидат философских наук, доцент (Пермь)

Традиции исследования идентичности в российской психологии

Гудзовская Алла Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент (Самара)

Внимание как объект изучения саратовской психологической школы

Ткачева Мария Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент (Саратов)

Истоки и источники теории отражения в психологии

Мусс Александр Игоревич, кандидат философских наук (Санкт-Петербург)

Боровиков Андрей Владиславович (Санкт-Петербург)

Постовалов Антон Вадимович (Санкт-Петербург)

Ермилова Виктория Артемовна (Санкт-Петербург)

Головина Марина (Санкт-Петербург)

Проблема интеллектуальной активности личности в российской психологии

Александрова Алла Алексеевна (Новосибирск)

Поздний период жизни в проблемном поле социально-психологических исследований

Бересток Татьяна Борисовна, аспирант Московского гуманитарного университета (Москва)

Становление проблемы гендерной идентичности в философии и психологии

Амплеева Елизавета Геннадьевна (Москва)

Вехи истории психолого-педагогического изучения роли образовательной среды в развитии учащихся

Гришин Игорь Станиславович, аспирант Московского городского педагогического университета (Москва)

Исторический обзор становления подходов к изучению поиска брачного партнера в проблемном поле психологической науки

Саушева Виктория Викторовна, магистрант Московского гуманитарного университета (Москва)

История становления психологического консультирования спортсменов при подготовке к соревнованиям

Галкина Надежда Александровна, кандидат психологических наук, доцент (Курск)

Бочарова Елизавета Сергеевна, магистрант Курского государственного университета (Курск)

Развитие научных представлений о проблеме человеческого фактора в транспортной сфере

Гуляева Гелиана Викторовна, магистрант Московского гуманитарного университета (Москва)

Развитие и современное состояние зарубежных теорий самодетерминации в образовании

Васёв Роман Владимирович, аспирант Московского гуманитарного университета (Москва)

История разработки проблемы агрессии и насилия над детьми в психологии

Приходько Екатерина Владимировна, магистр психологических наук (Гомель, Белоруссия)

Койпыш Анастасия Андреевна (Гомель, Белоруссия)

История развития когнитивно-поведенческого подхода в психотерапии

Марон Виктория Александровна, магистр психологических наук (Минск, Беларусь)

Феномен жизнестойкости в психологической науке: становление и методологические подходы

Шихалова Александра Владимировна (Минск, Белоруссия)

Дудаль Наталья Николаевна (Минск, Белоруссия)

История развития психобиоритмологических исследований в России

Маслова Марина Николаевна, магистрант Московского гуманитарного университета (Москва)

Историко-ретроспективный анализ проблем гомосексуальности и трансгендерности в ведущих клинических классификаторах (на примере МКБ-11 и DSM-5)

Романов Роман Витальевич (Курск)

3 июля 2020 г.

11:00–14:30

СЕКЦИЯ

«ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗРАБОТКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ, ОТРАСЛЕЙ И НАУЧНЫХ ПРОБЛЕМ»

Научные руководители: Логинова Н. А. д. п. н., проф.

Лунева О. В., к. п. н., доц.

Олейник Ю. Н., к. п. н., доц.

Научный секретарь Алексеев И. С., к. п. н.

Научная школа С. Л. Рубинштейна в исследовании продуктивного и творческого мышления

Матюшкина Анна Алексеевна, кандидат психологических наук, доцент
(Москва)

Санкт-Петербургская школа политической психологии профессора А. И. Юрьева

Бурикова Инга Сергеевна, кандидат психологических наук (Санкт-Петербург)

Коновалова Мария Александровна, кандидат психологических наук (Санкт-Петербург)

Устинов Константин Сергеевич (Санкт-Петербург)

Космос, физика, психология: история одной научной лаборатории

Понукалин Алексей Алексеевич, кандидат социологических наук, доцент
(Саратов)

Петербургские истоки психологической школы Саратовского классического университета

Южанинова Алла Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент (Саратов)

Неосуществленные творческие замыслы ученого (на примере ученых Петербургской психологической школы)

Логинова Наталья Анатольевна, доктор психологических наук, профессор
(Санкт-Петербург)

Санкт-Петербургская школа политической психологии профессора А. И. Юрьева

Бурикова Инга Сергеевна, кандидат психологических наук (Санкт-Петербург)

Коновалова Мария Александровна, кандидат психологических наук (Санкт-Петербург)

Устинов Константин Сергеевич (Санкт-Петербург)

История научных исследований в клинической (медицинской) психологии в научном центре психического здоровья

Рощина Ирина Фёдоровна, кандидат психологических наук (Москва)

Зверева Наталья Владимировна, кандидат психологических наук (Москва)

Участие А. А. Русалиновой в становлении социальной психологии в Санкт-Петербургском государственном университете (ЛГУ им. А. А. Жданова)

Меньщикова Анна Львовна, кандидат психологических наук, доцент (Санкт-Петербург)

Короткина Елена Дмитриевна, кандидат психологических наук (Тверь)

Клиническая психология детей и подростков в России: структура и современные проблемы

Горячева Татьяна Германовна, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, кандидат психологических наук, доцент

Зверева Наталья Владимировна, кандидат психологических наук (Москва)

История Саратовской психологической школы в контексте интеграции естественных и гуманитарных наук

Мальшев Иван Викторович, кандидат психологических наук, доцент (Саратов)

Научная школа Льва Ильича Уманского

Лунева Ольга Викторовна, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Развитие научного творчества С. Л. Рубинштейна и его научной школы в системе Академии наук

Семёнов Игорь Никитович, Почетный работник высшей школы доктор психологических наук, Лауреат премии президента РФ в области образования, академик Академии педагогических и социальных наук, академик Международной гуманизации образования (Магдебург—Сочи)

Ларионова Людмила Игнатьевна, доктор психологических наук, профессор (Москва)

Формирование научной традиции историко-психологических исследований в Психологическом институте в период 1920—1990-х годов

Серова Ольга Евгеньевна, кандидат психологических наук (Москва)

К вопросу о научном коллективе В. М. Бехтерева: Санкт-Петербург

Карапетова Алина Владимировна, магистрант Иркутского государственного университета (Иркутск)

К вопросу о научном коллективе Г. И. Челпанова

Дубровская Людмила Дмитриевна (Иркутск)

Становление системы оказания психологической помощи бездомным в России

Жаситите Джаннетта Казимеро, магистрант Московского гуманитарного университета (Москва)

Вакарев Евгений Семёнович, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

3 июля 2021 г.

11:00–14:00

Симпозиум

**«КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ ПЛАТОНОВ –
ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ НАУЧНОМУ ПОЗНАНИЮ
И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ
(К 115-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Научные руководители: Позняков В. П. д. п. н., проф.

Лысаков Н. Д., д. п. н., проф.

Научный секретарь

Лысакова Е. Н. к. п. н., доцент

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

Константин Константинович Платонов – жизнь, отданная научному познанию и психологической практике (к 115-летию со дня рождения)

Лысакова Елена Николаевна, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Лысаков Николай Дмитриевич, доктор психологических наук, профессор (Москва)

К. К. Платонов в поисках системы психологии

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор (Ярославль)

Воспоминания К. К. Платонова как материал для исследований в области истории психологии и исторической психологии

Позняков Владимир Петрович, доктор психологических наук, профессор (Москва)

Два Дон Кихота. К. К. Платонов и Н. А. Бернштейн: к истории дружбы

Сироткина Ирина Евгеньевна, кандидат психологических наук, Ph. D. (Москва)

Вклад К. К. Платонова в развитие понятия «психологическая устойчивость личности»: теоретический и эмпирический аспекты

Симакова Татьяна Александровна, кандидат психологических наук, доцент, ведущий доцент Академии ФСИН России (Рязань)

3 июля 2021 г.

15:00–17:00

**Мемориальное заседание (круглый стол)
Памяти Веры Александровны Кольцовой
«ЖИЗНЬ В НАУКЕ И ДЛЯ НАУКИ»**

Место проведения: Конференц-зал 3-го корпуса, 5-й этаж
Ведущие: Артемьева О. А. д. п. н., проф.
Олейник Ю. Н. к. п. н., доц.
Тихонова Э. В. к. п. н., доц.

Приглашаются все участники конференции.

3 июля 2021 г.

17:00–18:00

**Закрытие конференции
и обмен мнениями по проблемам истории психологии**

Ведущие: Олейник Ю. Н. к. п. н., доц.

Приглашаются все участники конференции.

Научное издание

**ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МИРОВОЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

Знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее:
Материалы международной конференции по истории психологии

«VII Московские встречи»
01 июня—03 июня 2021 г.

doi: 10.38098/conf_22_0462

Редактор — *О. В. Шапошникова*
Оригинал-макет, обложка и верстка — *В. П. Ересько*

Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1
Тел.: +7 (495) 540-57-27
www.ipran.ru
E-mail: vbelop@mail.ru

Сдано в набор 10.06.23. Подписано в печать 24.06.23. Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура NewtonС
Уч.-изд. л. 63,3. Усл.-печ. л. 54. Тираж 500 экз. Заказ

